RRusskaya starina

Digitized by Google

Birkbeck d. 139

Digitized by Google

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1907.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Digitized by Google

Александръ Фомичъ
Петрушевскій.
Историкъ Суворова.

Digitized by Google

[illegible]

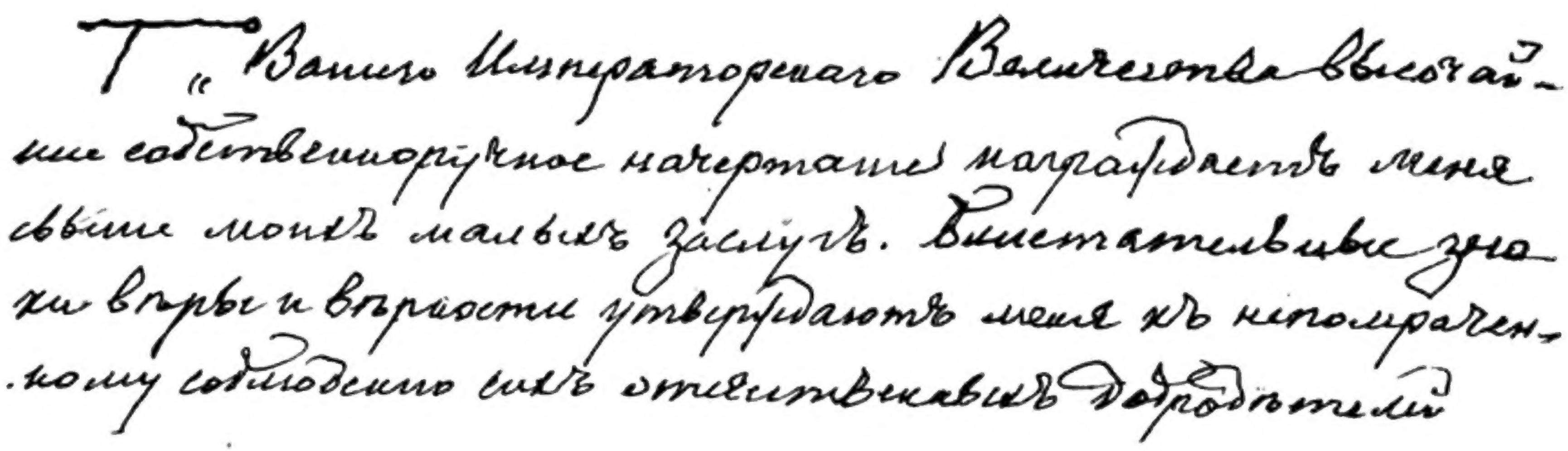
[illegible] заслугъ. [illegible]

[illegible] утверждаютъ [illegible]

[illegible] отличнѣйшихъ [illegible]

Digitized by Google

Digitized by Google


Г. «Вашего Императорскаго Величества высочай-
шее собственноручное начертание награждаетъ меня
свыше моихъ малыхъ заслугъ. Внимательные зна-
ки вѣры и вѣрности утверждаютъ меня къ непомрачен-
ному соблюдению сихъ отечественныхъ добродѣтелей

Факсимиле почерка А. Ѳ. Петрушевскаго. Письмо Суворова императрицѣ Екатеринѣ II.

Digitized by Google

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1907.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ф. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, де Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по **30 к.** съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

Digitized by Google

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“
1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Digitized by Google

Война за независимость славянъ

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя Записки генер.-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова [1]).

V [2]).

Надежды, возлагаемыя на меня.—Условія, необходимыя для успѣшныхъ дѣйствій противъ Плевно.—Атака со стороны турокъ.—Приказаніе начать наступленіе на Плевно.—Пріѣздъ принца Карла Румынскаго.—Взятіе Ловчи.

16-го августа. Опять письмо отъ Сланичано съ его combinaisons strategiques. Румыны употребляютъ всѣ усилія, чтобы тормозить намъ дѣло; безпорядки на желѣзныхъ дорогахъ замедляютъ довольствіе арміи и прибытіе подкрѣпленій; притязаніе же ихъ дѣйствовать отдѣльно, между Видомъ и Искеромъ, затрудняетъ наши операціи подъ Плевно, ибо мы должны будемъ быть въ ежеминутной готовности ихъ поддерживать.

Прилагаемое письмо Столыпина (приложеніе № 2) хорошо обрисовываетъ ихъ служебные порядки. Это письмо, между прочимъ, повергло меня въ сильное раздумье: „неужели вы не возьмете Плевны? Многіе русскіе возлагаютъ на васъ надежды и вы должны ихъ оправдатъ". Тяжелая на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Обыкновенно, масса судитъ о вещахъ по совершившемуся факту, не подвергая критиче-

---

[1]) Первыя главы этихъ Записокъ отъ начала войны 1877—78 гг. были напечатаны въ „Русской Старинѣ" въ 1886 г. Онѣ велись П. Д. Зотовымъ во время самой войны и послѣ не исправлялись и не дополнялись. *Ред.*

[2]) См. „Русскую Старину" изд. 1886 г., т. XLIX, январь, стр. 213—240; февраль, стр. 425—450.

ской оцѣнкѣ всей сопровождающей обстановки. Криднеръ взялъ Никополь—онъ герой, Криднеръ не взялъ Плевно—онъ осужденъ; опять никто не станетъ разбирать—соотвѣтствовала-ли данная ему задача съ предоставленными средствами для ея выполненія,—такая участь и меня ждетъ. По всѣмъ даннымъ въ Плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ въ настоящее время находится черкесовъ и баши-бузуковъ болѣе 100 таборовъ регулярныхъ войскъ, т. е. отъ 60—70.000 при 80 орудіяхъ. Чтобы атаковать подобный лагерь, весьма сильно укрѣпленный, открытою силою, нужно имѣть перевѣсъ въ силахъ, по крайней мѣрѣ, на 5%, т. е. имѣть около 100.000 штыковъ. Дадутъ-ли мнѣ ихъ? Врядъ-ли, потому что неоткуда взять. Артиллерія наша, правда, гораздо многочисленнѣе турецкой, но даже 9-фунтовыя наши орудія не въ состояніи состязаться съ дальнобойными турецкими. Дать побольше осадной артиллеріи скупятся. Румынская артиллерія, говорятъ, очень хороша, тоже дальнобойная, но будетъ-ли она отдана въ полное мое распоряженіе, и потомъ еще вопросъ: каковъ духъ этой артиллеріи, т. е. стойка-ли она подъ выстрѣлами? Кромѣ матеріальной силы для успѣха еще необходимое условіе, чтобы тому, на кого возложена задача, дана бы была полная свобода распоряжаться, ничѣмъ не стѣсняясь. Могу-ли я разсчитывать, что оба эти conditio sine qua non—будутъ мнѣ предоставлены. Ежели нѣтъ, то несправедливо на меня возлагать и отвѣтственность,—а между тѣмъ, я чувствую, что мнѣ предстоитъ быть жертвою... Что великій князь думаетъ пріѣхать, и объ этомъ уже есть намекъ въ отзывѣ № 1029; разъ онъ пріѣхалъ, съ нимъ явится цѣлая толпа совѣтчиковъ и распорядителей, за дѣло, однако, не отвѣчающихъ. Спрашиваю васъ, А. Д. Столыпинъ, какъ мнѣ оправдать тѣ надежды, которыя вы на меня возлагаете? Въ разговорахъ съ великимъ княземъ и Непокойчицкимъ я настаивалъ на мысли, что, при числительности арміи Османа и силѣ укрѣпленій, успѣхъ возможенъ только при значительномъ перевѣсѣ въ силахъ, но, кажется, и тотъ и другой считаютъ мои донесенія преувеличенными. Доблесть и мужество нашихъ войскъ извѣстны; нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на страшныя потери, войска наши прорвутся гдѣ-нибудь; но будутъ-ли средства поддержать и развить этотъ успѣхъ? Вѣдь, въ дѣлахъ 8-го и 18-го іюля войска наши захватили часть укрѣпленій, но нечѣмъ было развить успѣха Затѣмъ, причиною прежнихъ неудачъ были, какъ говорятъ, недостатокъ подготовки атаки огнемъ артиллеріи и веденіе самой атаки съ слишкомъ дальняго разстоянія. Ergo: нужно дать время артиллеріи дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока она произведетъ достаточное, для успѣха атаки, разрушеніе въ непріятельскихъ веркахъ, а тѣмъ временемъ подвигать пѣхоту, пользуясь закрытіями, устроенными летучею са-

пою, на возможно близкое разстояніе къ первой линіи укрѣпленій; такъ что, собственно говоря, способъ дѣйствія долженъ быть: смѣсь атаки открытою силою съ осадою и бомбардированіемъ, а слѣдовательно нужно употребить время—не день или два, а можетъ быть и двѣ недѣли. Великій князь съ подобнымъ способомъ дѣйствія соглашается.

Что касается до пункта атаки, то я полагалъ бы съ сѣвернаго и восточнаго фронта демонстрировать румынскою арміею, сосредоточивъ ее всю на правомъ берегу Вида; атаку же вести на южный фронтъ и преимущественно по направленію Ловчинскаго шоссе, такъ какъ высоты на юго-западъ отъ Плевно составляютъ тактическій и стратегическій ключи и турецкой позиціи; занятіе этихъ высотъ запираетъ выходъ турецкой арміи изъ плевненской котловины. Лазутчики сообщаютъ, что Османъ намѣренъ одновременно послать 20.000 на Никополь и 20.000 къ Ловчѣ. Мало вѣроятія, чтобы это имѣло смыслъ. Движеніе на Никополь будетъ вполнѣ безуспѣшно; къ Ловчѣ же они, безъ сомнѣнія, пройдутъ, ибо, кромѣ шоссе, есть другая дорога чрезъ Меддованъ, Пордилово, по мѣстности пересѣченной, на которой мы ихъ и не догонимъ. Турецкіе солдаты несравненно подвижнѣе нашихъ; привыкшіе къ жаркому климату, большею частію уроженцы горныхъ мѣстностей, они, сверхъ того, ходятъ безъ ранцевъ и вмѣсто нашихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ сапогъ обуты въ опанки—родъ сандалій; хорошо бы было и у насъ усвоить подобную обувь, которая и лѣтомъ, и зимою представляетъ далеко большія удобства.

Получена вѣдомость румынской и турецкой армій:

Румынская армія. Г.-м. Чернатъ — в. министръ.

III дивизія: бат. стрѣлковъ, 1 б., ком. див. Ангелеско 1.
2 пол. линейныхъ, 4 б.
4 пол. доробанцовъ, 8 б.
2 пол. колорашей, 8 эскадр.
6 батерей—36 орудій (одна конная).

IV дивизія: 1 бат. стрѣлковъ 1 бат. ком. див. Ангелеско 2.
2 полка линейныхъ, 4 б.
4 полка доробанцовъ, 7 б.
3 полка колорашей, 8 эск.
6 батарей—36 орудій (6 конныхъ).

Резерв. дивиз. П. Черкеза: 1 бат. стрѣлковъ, 1 б.
8 полк. пѣхоты 16 б.
2 „ рошіоровъ 8 эск.
1 „ колорашей 4 „
6 батарей—36 оруд. (6 кон.)

Итого . . 42 бат. 32 эск. 108 орудій.

Батальонъ имѣетъ по штату 800 штыковъ, а на-лицо не болѣе 500 или 600; въ эскадронѣ по штату 120 сабель, а на-лицо во всѣхъ эскадронахъ менѣе 100 сабель, такъ что численность арміи можно считать отъ 35 до 40 тысячъ.

Расположеніе турецкой арміи въ первой половинѣ августа 1877 г.

Раіоны расположенія.	Батальоны Низама и редифа.	Мустафиза.	Эскадроновъ.	Батарей.	Число людей.	Иррегулярныхъ.
Отступившіе изъ Бабадага	7	5	6	2	9.800	2.000
Варна, Базарджикъ, Мангалія . .	30	—	12	5	24.200	2.000
Силистрія	18	—	—	3	13.800	—
Туртукай	4	4	—	1	6.100	—
	59	9	18	11	53.900	4.000
Рущукъ	20	—	—	4	15.400	—
Разградъ, эс. Джумма, Османъ-Базаръ	47	13	60	15	52.500	8.000
Шумла	18	6	6	6	19.200	10.000
	85	19	66	25	87.100	18.000
Котель, Сливно, Ямболь	—	6	—	1	4.600	2.000
Михальцы, Базарджикъ	3	1	—	—	3.000	1.000
Златица	—	1	—	—	750	2.000
Долина Тунджи . .	47	6	6	5	30.850	5.000
	50	14	6	6	39.200	10.000
Въ Константинополѣ	3	26	3	3	22.350	—
На пути изъ Батума	13	12	—	4	19.150	—
„ „ изъ Сухума	—	—	—	—	—	6.000
„ „ изъ Бабадага	16	—	—	3	12.300	—
	32	38	3	10	54.800	6.000
Плевна	65	26	24	16	72.250	10.000
Ловча	14	2	—	2	12.200	3.000
Этрополь и Орханіэ . .	—	3	—	—	2.250	2.000
Берковацъ	—	3	—	1	2.350	—
Видинъ	5	4	—	1	3.850	
Ломъ	1	—	—	—	750	—
Рахово	2	4	—	—	4.500	—
Пиротъ . .	—	а 3	—	—	2.250	—
	87	41	24	20	100.400	15.000
Сѣница	—	7	—	1	5.350	—
Боснія	11	15	6	5	19.600	10.000
Герцеговина . . .	5	15	6	2	13.800	—
Албанія	9	5	—	3	10.800	—
Эпиръ, Ѳессалія и Македонія	9	23	—	3	24 300	—
Критъ . . .	11	3	—	4	10.900	—
	45	68	12	18	86.750	10.000
Итого въ Европейской Турціи .	358	189	129	90	422.150	63.000

	Батальоны Низама и редифа.	Мустаа физа.	Эскадроновъ	Батарей.	Число людей.	Иррегулярныхъ.
Въ Азіатской Турціи						
Арменія и Курдистанъ	120	—	36	37	91.300	10.000
Сирія	7	—	—	2	5.400	—
Багдадъ	14	—	12	4	12.100	—
Іеменъ	20	—	—	6	15.600	—
	161	—	48	49	124.400	10.000
А всего . .	159	189	177	139	546.550	73.000

Примѣчаніе: Въ батальонахъ принято по 750 человѣкъ, кромѣ 40 таборовъ Сулеймана. въ которыхъ считается по 500 человѣкъ; въ эскадронахъ и батареяхъ по 100 человѣкъ.

Въ г. Нишѣ 3.000 регулярныхъ войскъ.

Штабъ-офицеръ надъ вожатыми штаба дѣйствующей арміи полковникъ Артамоновъ.

Изъ послѣдней вѣдомости оказывается, что въ Плевно болѣе 80.000 при 96 орудіяхъ, а для атаки нужно отъ 100 до 120.000,—гдѣ ихъ взять?

Получено донесеніе г.-м. Александрова, что Владимірскій полкъ съ батареею съ 9-го августа стоитъ въ Зимницѣ и ждетъ приказанія. Штабъ арміи позабылъ ему сообщить маршрутъ, увѣдомилъ однако меня о прибытіи полка въ Порадимъ.

17-го августа. Въ 30 дивизію прибыло первое укомплектованіе въ 730 человѣкъ. 18-го іюля дивизія потеряла слишкомъ 2.800 человѣкъ и мѣсяцъ спустя получила укомплектованія только одну четвертую часть потери. Повсюду у насъ полный разладъ слова съ дѣломъ. А въ положеніи о резервахъ и запасахъ—какъ это было все гладко и заманчиво: наступаетъ дѣйствующая армія, за ней непосредственно резервные баталіоны, занимающіе въ тылу этапы; за ними первая линія запасныхъ частей, дающая немедленное укомплектованіе понесенныхъ потерь; непосредственно за 1 линіею 2-я линія запасныхъ и т. д.

При нынѣшнихъ способахъ истребленія человѣчества, мало-мальски серьезное сраженіе выводитъ изъ строя такое число людей, что части совершенно таютъ; слѣдовательно, части, назначенныя для укомплектованія, должны быть въ самомъ близкомъ разстояніи за арміею; въ моментъ переправы черезъ Дунай 150.000 арміи 75.000 резервныхъ и запасныхъ войскъ должно было быть сосредоточено на лѣвомъ берегу Дуная, тогда бы потери людей изъ строя пополнялись бы не черезъ мѣсяцъ, а черезъ нѣсколько дней.

Сулейманъ, потерявъ добрую половину своей арміи, въ безплодныхъ атакахъ Шипкинской позиціи, рѣшился, кажется, оставить Ра-

децкаго въ покоѣ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Скобелевымъ, направляется на Троянъ, для соединенія съ Османомъ. Не для этой-ли цѣли и Османъ, какъ сообщали лазутчики, направляетъ 20.000 въ Ловчу? Не думаю, однако, чтобы Сулейманъ хотѣлъ пробиваться къ Осману черезъ Шипку, вѣдь онъ могъ и прямо идти черезъ Троянъ, такъ какъ Ловча въ рукахъ турокъ. Значитъ, цѣль его была—отнять у насъ балканскіе проходы, т. е. заставить Радецкаго отступить; а для этого ему не слѣдовало такъ упорно бить свой лобъ о Шипкинскую позицію; обходъ черезъ Травну или Зелено-Древо доставилъ бы ему тотъ же результатъ, но стоилъ бы гораздо дешевле. Видно, что Сулейманъ человѣкъ характера упорнаго, но не тонкій стратегъ.

Новицкій сообщаетъ изъ Горнаго Студеня, что начальникомъ западнаго отряда назначается принцъ Карлъ румынскій, а я къ нему начальникомъ штаба,—приходится дѣлаться дипломатомъ, а къ этому я признаю себя положительно неспособнымъ. Хотятъ штурмовать Ловчу, гдѣ, по словамъ Скобелева, не болѣе 6.000 гарнизона при 6 орудіяхъ.—дѣло недурное: взятіе Ловчи обезпечитъ лѣвый флангъ войскъ, оперирующихъ противъ Плевно.

18-го августа. Появился румынскій генералъ Зэфори, какъ предвѣстникъ прибытія принца Карла. Личность, кажется, вполнѣ заурядная. Сегодня маріупольцы имѣли довольно серьезную стычку съ черкесами; дѣло дошло до рукопашной схватки. Героемъ явился опять Андрыкаевъ.

19-го августа. Въ 8 часовъ утра получено было донесеніе отъ гусаръ, что передовые посты наши сбиты и сильныя колонны пѣхоты двигаются отъ Радишева. Около 9 часовъ, командующій водораздѣльный гребень на западъ отъ Сгалевицы и Пелишата былъ уже занятъ непріятельской артиллеріей, и гранаты начали осыпать Сгаливицкую позицію; а двѣ роты съ 2 орудіями, занимавшія укрѣпленія на дорогѣ изъ Пелишата въ Гривицу, были выбиты и потеряли орудія. Около 10 часовъ позиція у Сгалевицы и Пелишата оказалась обогнутою съ обоихъ фланговъ; турки растянули свои силы верстъ на 5 или 6; такъ какъ ни отъ Лошкарева, ни съ лѣваго фланга не было донесенія о движеніи турокъ къ Никополю или на Ловчу, то есть основаніе, что нападеніе ихъ направлено противъ позиціи Пелишато-Сгалевицкой. Въ 10 часовъ 20 минутъ послалъ Криднеру телеграмму: „двиньте изъ резерва бригаду пѣхоты съ тремя батареями по шоссе на Гривицу, дабы угрожать лѣвому флангу турокъ“. Между тѣмъ Суздальскій полкъ, двинутый Померанцевымъ, потѣснилъ правый флангъ турокъ и занялъ флешъ, но Померанцевъ, слишкомъ пунктуально понявшій данную ему инструкцію не ввязываться съ серьезный бой, когда нападеніе послѣдуетъ на него, не сообразивъ, что теперь дѣло идетъ въ связи съ Богацевичемъ, не поддержалъ суз-

дальцевъ, которые были сбиты турками; баши-бузуки и черкесы уже обогнули Пелишатъ и начали его поджигать. Въ 11 часовъ 10 минутъ послалъ Криднеру депешу: „прикажите Лошкареву съ кавалеріею прикрывать правый флангъ вашей бригады, наступающей по шоссе на Гривицу. Румынской дивизіи послать приказаніе двинуться къ (не разобрано)“. Между тѣмъ, турки, опрокинувъ суздальцевъ, повели атаку на лѣвый флангъ Сгалевицкой позиціи, но были отбиты. Не видя движенія бригады 9 корпуса, въ 12 часовъ 10 мин., я снова послалъ телеграмму Криднеру: „двинута-ли бригада? поторопитесь помогать. На Сгалевицы ведется серьезная атака. Телеграфируйте“. Крыловъ сдѣлалъ основательное распоряженіе, пославъ дивизіонъ маріупольцевъ съ 4 орудіями, № 8 батареи, на лѣвый флангъ, для усиленія уланъ, еще видно несобравшихся съ аванпостовъ. Вижу бригаду 9 корпуса, остановившуюся, отойдя верстъ 5 отъ мѣста расположенія; посылаю Палина узнать и двинуть впередъ. Померанцеву приказано рѣшительно наступать. Богацевичъ сообщаетъ, что турки ведутъ новую атаку съ фронта, проситъ подкрѣпленія. Посылаю Коломенскій полкъ и телеграфирую Криднеру, 12 час. 25 м.: „немедленно вышлите другую бригаду изъ резерва въ Порадимъ“. Палинъ сообщаетъ, что бригада Шильдеръ-Шульднера разсыпалась по дорогѣ и онъ ее остановилъ, чтобы отдохнули, ибо пошелъ въ ранцахъ, а день былъ очень жаркій. Въ тылу страшный безпорядокъ: ведутъ и несутъ раненыхъ, обозъ отступаетъ, жители Пелишата и Сгалевицъ спасаются бѣгствомъ съ пожитками и скотомъ; скверно было бы, ежели бы въ это время пришлось отступать съ позиціи. Но атака турокъ на центръ Богацевича отбита, Померанцевъ двинулся впередъ, имѣя на лѣвомъ флангѣ 6 эскадроновъ и 4 орудія. Около 2-хъ часовъ правый флангъ турокъ начинаетъ подаваться назадъ; съ 4 часовъ артиллерія ихъ замолчала и снимается; коломенцы и шуйцы двинуты впередъ, но пѣхота не догонитъ, а кавалеріи нѣтъ. Шильдеръ-Шульднеръ все стоитъ на мѣстѣ. Атака турокъ отбита, съ потерею съ нашей стороны 1.060 нижнихъ чиновъ и 40 офицеровъ, значительное большинство, свыше 800 ч., въ полкахъ 16 дивизіи. Ежели-бы, по случаю командировки Скобелева, не былъ уничтоженъ подвижной кавалерійскій резервъ, а Шильдеръ исполнилъ энергичное наступленіе, то можно бы было турокъ побить. Криднеръ оправдываетъ Шильдера, говоря, что опасно было оставить ранцы въ тылу укрѣпленной позиціи, занятой нашими войсками. Сколько можно судить по протяженію наступательной позиціи турокъ, они вывели не менѣе 30.000 съ 40 орудіями—но что это было: ежели рѣшительная атака, то недостаточно энергична; ежели простая рекогносцировка, то черезчуръ упорна. Вѣроятнѣе всего, что Османъ, для

очищенія совѣсти, атаковалъ вслѣдствіе полученнаго приказанія объ общемъ наступленіи. Впрочемъ, нужно быть готовымъ—не повторится-ли атака завтра. Около 2-хъ часовъ прибылъ къ Порадиму Владимірскій полкъ съ батареею, вслѣдствіе чего я остановилъ движеніе бригады 9 корпуса въ резервъ.

Вечеромъ получилъ отзывъ Левицкаго, 18-го іюля, № 1.064:

„На основаніи только что полученнаго свѣдѣнія о положеніи противника противъ Шипки, великій князь главнокомандующій рѣшилъ двинуться съ значительными силами противъ Османа-паши. Для чего великій князь приказалъ: 1) 2-й дивизіи завтра, 19-го, съ разсвѣтомъ, выступить изъ Габрова, перейти въ Сельви, гдѣ соединиться со 2-ю бригадою 3-й дивизіи. Частямъ этимъ, подъ начальствомъ свиты его величества ген. м. кн. Имеретинскаго, двинуться къ Ловчѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы 21-го атаковать этотъ городъ съ цѣлью взять его. Отряду г Скобелева дѣйствовать совокупно съ Имеретинскимъ и быть ему подчиненнымъ. 2) 3-й стрѣлковой бригадѣ выступить также съ разсвѣтомъ 19-го и слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ в. пр.—ва черезъ Мрадего и Летницу на Порадимъ, куда она можетъ также прибыть 21-го. 3) Тремъ полкамъ кавалеріи, стоящимъ въ Никупѣ, также двинуться со стрѣлковою бригадою. При исполненіи этихъ передвиженій отрядъ г. Имеретинскаго съ отрядомъ г. Скобелева можетъ атаковать Ловчу 21-го августа и, можетъ быть, успѣетъ, въ этотъ же день или на слѣдующій, занять этотъ пунктъ, чтобы 22-го или 23-го наступать на Плевну, вмѣстѣ съ отрядомъ в. пр.—ва. Принцу Карлу телеграфировано, чтобы 21-го перевелъ свою армію на правый берегъ Дуная для того, чтобы могъ принять участіе въ общемъ наступленіи. На основаніи всего этого великій князь призналъ полезнымъ, чтобы в. пр—во приготовили все къ 20-му августа, съ тѣмъ, чтобы уже 21-го завязать артиллерійскій бой, и тѣмъ, съ одной стороны, занять выгодныя артиллерійскія позиціи и приступить къ подготовкѣ дальнѣйшаго наступленія, а съ другой—отвлечь вниманіе нашего противника отъ нашего наступленія на Ловчу. Объ употребленіи румынскихъ войскъ послѣдуетъ особенное распоряженіе, по выясненіи пункта ихъ переправы. Князю Карлу о всемъ здѣсь изложенномъ сообщено, которое вы имѣете передать ему по прибытіи его въ Порадимъ; къ посланному отдѣленію осадной артиллеріи изъ 12 орудій присоединено еще 8 орудій".

Итакъ, приказано начать наступленіе на Плевно, когда румынская армія еще не переправилась, да и не выясненъ пунктъ переправы; когда осадная артиллерія и подкрѣпленіе еще не прибыли, Ловча еще не взята, а полки послѣ потерь еще не укомплектованы.

Такая поспѣшность заставляетъ предполагать, что въ главной квартирѣ получены свѣдѣнія о намѣреніи Османа съ 80.000 арміею бѣжать изъ Плевно, и въ этихъ видахъ, можетъ быть, онъ, для маскированія своего отступленія, и атаковалъ 4-й корпусъ. Но что же можетъ заставить дѣйствовать Османа такимъ образомъ? Неужели неудавшаяся атака Сулеймана на Шипкинскую позицію и отступленіе Рущукскаго отряда съ Бѣлаго Лома? Любопытенъ также въ этомъ отзывѣ практическій разсчетъ во времени движенія отряда Имеретинскаго. На овладѣніе укрѣпленнымъ пунктомъ Ловчей данъ одинъ день; нужно взять Ловчу приступомъ, мимоходомъ. Правда, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Ловча занята только 10 таборами съ 6 орудіями, слѣдовательно, силою отъ 6 до 7.000; но вѣдь все же ее нужно штурмовать, а ежели турки, какъ мы на Шипкѣ, отобьютъ нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ, прибудетъ ли тогда Имеретинскій во время? А ежели всѣ атаки будутъ неудачны и Ловча удержится, вѣдь, пожалуй, придется отказаться отъ атаки Плевны, и нашимъ войскамъ, завязавшимъ дѣло, придется отступить. Въ распоряженіяхъ полеваго штаба, вообще, проявляется какая-то лихорадочная торопливость.

20-го августа. Получилъ очень любезную телеграмму отъ принца Карла: „je vous felicite pour le succès d'aujourd'hui. Demain la reserve de l'armée roumaine passera le Danube et après demain j'arriverai moi-même. Charles" [1]). Съ аваппостовъ нѣтъ никакихъ тревожныхъ извѣстій, должно быть Османъ нападенія не возобновитъ; раненыхъ отправляемъ, убитыхъ хоронимъ; непріятельскіе трупы все еще разыскиваются, болѣе 500 уже зарыли. Доктора говорятъ, что отъ раненыхъ и убитыхъ сильный запахъ спирта; вѣроятно, передъ атакой порядочно поподчивали,—зато и лѣзли они въ атаку съ остервененіемъ.

Вечеромъ пріѣхалъ Левицкій; ужасно безпокоится—не ушелъ ли Османъ-паша? Доказываетъ, что, имѣя кавалерію, мы должны знать совершенно точно и подробно обо всемъ, что происходитъ у Османа; говоритъ, что мы должны знать о каждомъ человѣкѣ, выходящемъ изъ Плевно. Не хочетъ понять, что лагерь плевненскій имѣетъ протяженіе съ востока на западъ болѣе 12 верстъ, а съ юга на сѣверъ отъ 6 до 10 верстъ, что впереди линіи укрѣпленій у турокъ есть также передовая цѣпь, конная, поддержанная пѣхотою, что при такомъ протяженіи укрѣпленнаго лагеря, внутренность котораго закрывается волненіемъ мѣстности, ежели бы мы стояли отъ непріятеля въ ружейномъ выстрѣлѣ, то и тогда бы не могли видѣть всего, что внутри лагеря происходитъ.

---

[1]) „Поздравляю васъ съ сегодняшнимъ успѣхомъ. Завтра румынская армія переправится черезъ Дунай, а послѣзавтра я прибуду самъ. Карлъ".

Сообщилъ, что стрѣлковая бригада также направляется къ Ловчѣ; слѣдовательно, для атаки этого пункта, защищаемаго 10 таборами и 6 орудіями, сосредоточено 26 баталіоновъ (въ большинствѣ комплектныхъ 2-й дивизіи, 3-я стрѣлковая бригада и Казанскій полкъ),—12 сотенъ и 96 орудій, — съ этими силами есть много шансовъ на успѣхъ.

Наплывъ разныхъ лицъ страшный; корреспондентовъ собралось болѣе 20 человѣкъ; государь прислалъ трехъ флигель-адъютантовъ въ мое распоряженіе—Милорадовича, Розена и Корфа; явились также адъютанты и ординарцы, но вмѣстѣ съ ними прибываютъ полезные люди—доктора. Левицкій убѣждается, что торопиться приближеніемъ къ Плевно не слѣдуетъ, что лучше сперва выждать прибытіе осадной артиллеріи и назначенныхъ подкрѣпленій; присутствіе великаго князя при атакѣ—дѣло рѣшенное; боюсь, что не выдержитъ и будетъ торопить штурмомъ. Мортиръ положительно не даютъ и не замѣняютъ ихъ 24-фунт. пушками, которыхъ присылаютъ всего 20, и на каждое орудіе только по 200 снарядовъ—новое разочарованіе. Инженернаго парка присылаютъ также только небольшое отдѣленіе, всего около 3.000 рабочаго инструмента. Связать части позиціи телеграфомъ тоже не предвидится возможности—за неимѣніемъ таковаго. Отказъ во всѣхъ требованіяхъ. Войскъ недостаточно, осадныхъ орудій и снарядовъ также; инженерныхъ инструментовъ для работъ мало, телеграфа нѣтъ,—а все-таки съ этими скудными средствами разсчитываютъ взять открытою силою укрѣпленный лагерь, защищаемый 80.000 арміею, да при томъ еще отбившею два штурма. Ежели для овладѣнія Ловчею заготовлены достаточныя средства, то для взятія Плевны средства крайне недостаточны; но тамъ дѣло поручено свѣтлѣйшему князю Имеретинскому, а здѣсь долженъ будетъ за все отвѣчать чернорабочій Зотовъ; судьба положительно ко мнѣ неблагосконна, поставивъ меня въ необходимость разрѣшить почти неразрѣшимую задачу.

21-го августа. Начинаютъ прибывать транспорты съ осадною артиллеріею. Около полудня слышна подъ Ловчей сильная канонада,—приказалъ удвоить бдительность передовыхъ постовъ и чаще посылать разъѣзды за Ловчинское шоссе, чтобы наблюдать, не пошлется ли изъ Плевны помощь къ Ловчѣ. Получилъ черезъ Лошкарева письмо изъ Плевны за подписью Чербаджи и нѣсколькихъ другихъ лицъ, предупреждающихъ о нападеніи 19-го числа—запоздалое предостереженіе. Оказывается, что турки рѣшительно никого не пропускаютъ черезъ южную и восточную стороны своего лагеря, можно только пробираться за Видъ и иногда на сѣверную сторону около Буковой Липы.

Часовъ около 6 вечера пріѣхалъ принцъ Карлъ, съ нимъ—человѣкъ 20 свиты и эскадронъ жандармовъ; все это сейчасъ же требуетъ довольствія,—самъ принцъ безъ обоза, который отсталъ. Принцъ очень привѣтливъ и производитъ самое пріятное впечатлѣніе; понимаетъ военное дѣло и вполнѣ согласенъ, что для овладѣнія открытою силою плевненскаго укрѣпленнаго лагеря необходимо отъ 120 до 150.000; а съ равными съ непріятелемъ силами предпріятіе не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха, развѣ счастливая случайность, на которую, однако, при рѣшеніи важныхъ актовъ войны разсчитывать не слѣдуетъ. Свита принца мало внушаетъ симпатіи; наружные пріемы французовъ, много самоувѣренности и фатовства. Въ свитѣ состоитъ и Гальяръ, что-то въ родѣ дипломатическаго и военнаго совѣтника принца, къ нему приставленнаго. Принцъ обѣдалъ у меня и вечеромъ сдѣлалъ мнѣ визитъ.

Мостъ румынскій рѣшено перевести изъ Корабіи въ Никополь. Наконецъ догадались. Сланичано, противившійся этому, устраненъ и армія румынская будетъ подъ командою военнаго министра ген. Черната, кажется изъ безталанныхъ.

22-го августа. Ловча вчера взята съ потерею съ нашей стороны ококо 2.000 человѣкъ, трофеями—одно брошенное подбитое орудіе и одно знамя или значекъ, плѣнныхъ нѣтъ; но зато, говорятъ, непріятельскихъ труповъ видимо-невидимо. Съ аванпостовъ получено свѣдѣніе о необыкновенномъ движеніи въ плевненскомъ лагерѣ въ сторонѣ Ловчи; приказалъ Владимірскому полку съ батареею и драгунами продвинуться передъ Боготъ, чтобы атаковать турокъ, ежели они двинутся на Ловчу. Къ Целишату прибыли съ генераломъ Ратіевымъ кіевскіе гусары, астраханскіе и казанскіе драгуны и 7 сотенъ донской бригады Чернозубова и конная батарея; во взводахъ по 10 и 11 рядовъ — прибавилось около 2.000 сабель; пѣхота была бы полезнѣе.

Около 4 часовъ послышалась къ сторонѣ Богота у Ильинскаго пушечная пальба, въ то же время получено съ передовыхъ постовъ донесеніе, что турецкая пѣхота двинулась изъ Плевно по Ловчинскому шоссе. Послалъ приказаніе Померанцеву идти съ Суздальскимъ и Углицкимъ полками на подкрѣпленіе Ильинскаго, и туда же приказалъ идти Ратіеву, съ вновь пришедшей кавалеріей. Самъ отправился туда же. Часовъ около 6-ти у бывшаго бивуака 16 дивизіи получилъ донесеніе, что Ильинскій, сдѣлавъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и не потерявъ ни одного раненаго, началъ отступать,—турецкая пѣхота также направилась въ горы къ западу отъ шоссе,—вѣроятно, двинутся къ Ловчѣ черезъ Куртужабенъ (Карагуй) и Медованъ. По случаю наступившей темноты, оставилъ Померанцева и Ратіева по-

чевать на мѣстѣ, а съ ранняго утра приказалъ всей кавалеріи (кромѣ гусаръ) Ратіева слѣдовать къ Ловчѣ, чтобы атаковать турокъ, ежели они выйдутъ на шоссе, или помочь Имеретинскому, если въ томъ встрѣтится надобность.

23-го августа. Съ утра, часовъ съ 11, слышна у Ловчи пушечная пальба. Лазутчикъ изъ Брестовца сообщилъ, что вчера вечеромъ протянулись черезъ Брестовецъ и Учинъ Долъ къ Ловчѣ 4 табора съ 4 орудіями и сотни двѣ черкесовъ. Значитъ, особенно безпокоиться нечего; съ этими силами Имеретинскій справится, и потому приказалъ Ратіеву съ драгунами вернуться, а Чернозубову съ казаками держаться около Ловчи и содѣйствовать въ случаѣ нужды Имеретинскому. Вечеромъ пріѣхалъ корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" со словесною просьбою отъ Имеретинскаго помочь ему, такъ какъ ему грозятъ атакою весьма значительныя силы непріятеля, при этомъ корреспондентъ прибавилъ, что „даже и Скобелевъ, который все видитъ въ радужномъ свѣтѣ, пожимаетъ плечами". Вслѣдъ затѣмъ получена записка Имеретинскаго (приложеніе № 3), что высоты на сѣверо-западѣ и юго-западѣ отъ Ловчи заняты значительными силами изъ всѣхъ трехъ оружій. Но такъ какъ съ 4 часовъ уже не было слышно у Ловчи артиллерійскихъ выстрѣловъ, то я считалъ излишнимъ посылать къ Имеретинскому подкрѣпленіе. Ночью получена другая записка Имеретинскаго, что непріятель оказался не въ столь значительныхъ силахъ и что онъ думаетъ выступить подъ Плевно завтра. Послалъ ему приказаніе въ Ловчѣ оставить бригаду 3-й дивизіи съ батареею, хотя штабъ арміи полагаетъ возможнымъ оставить въ Ловчѣ только два батальона. Такъ какъ 3-я румынская дивизія собралась въ Бреслялницу, то приказалъ 4-й передвинуться въ Чилисафатъ. Принцъ Карлъ со всею свитою, болѣе 300 лошадей, поступаетъ на наше довольствіе и требуетъ отъ интенданта сѣно и ячмень; приказалъ выдавать; что же дѣлать, когда у румынъ, несмотря на полученные отъ насъ милліоны, все нѣтъ денегъ.

VI.

Предварительная диспозиція для атаки Плевно.—По поводу взятія Ловчи.—Военный совѣтъ въ Габровѣ.—Первыя неудачи.—Магометъ.—Въ царской ставкѣ.—Результатъ трехдневнаго бомбардированія.—Кап. Бола.

24-го августа. Роковой день, начало наступленія на Плевно, приближается; осадная артиллерія со своими страшными обозами собралась и пріѣхалъ начальникъ осаднаго парка полковникъ Экстенъ. Имеретинскій, вѣроятно, сегодня выступитъ; нѣтъ болѣе поводовъ

откладывать исполненіе приказанія главнокомандующаго. Во мнѣ полная неувѣренность въ успѣхѣ предпріятія; принцъ Карлъ того же мнѣнія, но и его доводы не могутъ поколебать рѣшимость къ атакѣ. Нужно, слѣдовательно, готовиться. Собираю артиллеристовъ и Рейтлингера, чтобы въ общихъ чертахъ по плану показать расположеніе осадныхъ и полевыхъ батарей. Завтра они поѣдутъ, чтобы самимъ ознакомиться съ мѣстностью; съ ними же отправятся и начальники дивизіонныхъ штабовъ, чтобы осмотрѣть пути слѣдованія: частямъ 9-го корпуса къ восточному фронту, а частямъ 4-го корпуса—къ южному фронту плевненскаго укрѣпленнаго лагеря. 9-й корпусъ сегодня для ночлега вытягивается вдоль по лѣвому берегу рѣки Порадимъ Дерезъ. Вечеромъ получилъ записку Имеретинскаго (приложеніе № 5), удостовѣряющую, что онъ выступилъ; направляю его къ Боготу, чтобы не обратить сначала же вниманіе турокъ на Ловчинское шоссе.

Диспозиція для начала боя составлена такъ: 3-я и 4-я румынскія дивизіи выдвигаютъ свои батареи между дорогою изъ Бресляницы и Гривицкимъ шоссе; 6 полковъ 9-го корпуса занимаютъ восточный фронтъ до Радишевой горы; 6 полковъ 4-го корпуса занимаютъ Радишевскія высоты до Тученицкаго оврага. Всѣ войска, выдвинувъ 9-ти-фунт. батареи на позиціи, при нихъ оставляютъ половину пѣхоты, а другую половину съ 4-хъ-фунт. батареями имѣть въ частныхъ резервахъ. Въ общемъ резервѣ, съ тремя 4-хъ-фунт. батареями, остаются 2-я бригада 30-й дивизіи и Галицкій полкъ, который располагается на дорогѣ изъ Пелишата въ Гривицу. 2-я дивизія и 3-я стрѣлковая бригада остаются у Богота. Осадная артиллерія размѣщается въ 2-хъ батареяхъ: 12 и 8 орудій. Лошкаревъ съ астраханскими и казанскими драгунами, бугскими уланами и 4-мя полками румынской кавалеріи занимаетъ пространство на правомъ флангѣ румынъ, до рѣки Вида, противъ сѣвернаго фронта лагеря; Леонтьевъ съ 1-ю бригадою 4-й кавалерійской дивизіи, бригадами Тутолмина и Чернозубова—прикрываетъ лѣвый флангъ отъ Богота до Вида; маріупольскіе гусары и три сотни № 34 полка находятся при главномъ резервѣ, а кіевскіе гусары на Болгаренскомъ шоссе, для связи Криднера съ румынами; № 9 казачій полкъ—на постахъ до Ловчи. Летучіе парки 4-го корпуса—между Тученицею и Боготомъ, а 9-й—на Булгаренскомъ шоссе; подвижные парки съ обозами: 4-го корпуса—за Порадимомъ, а 9-го корпуса—за Карагачемъ Болгарскимъ. Саперный батальонъ разбитъ, по одной ротѣ на каждый корпусъ и двѣ—для постройки осадныхъ батарей съ 3.000 рабочихъ отъ войскъ. Перевязочные пункты 4-го корпуса—на Тученицкомъ ручьѣ, 9-го—при колодцахъ въ балкахъ, спускающихся къ Гривицѣ. Солда-

тамъ приказано имѣть на себѣ по два фунта мяса и на двое сутокъ сухарей, кстати подвезенныхъ. Ранцы—оставить въ обозахъ подъ прикрытіемъ командъ слабосильныхъ. Занятіе позиціи будетъ произведено съ наступленіемъ темноты, чтобы ослабить дѣйствіе непріятельской артиллеріи. Каждая часть, по занятіи позиціи, должна окопаться. Всѣмъ частнымъ начальникамъ розданы литографированные планы окрестностей Плевно, съемки Сафонова.

Принцъ Карлъ одобрилъ диспозицію, но на счетъ дальнѣйшихъ моихъ предположеній—стягиваться къ лѣвому флангу, заявилъ о положительной невозможности трогать съ мѣста румынскую армію; такъ какъ ихъ коммуникаціонная линія проходитъ отъ ихъ праваго фланга на Никополь, то они опасаются быть отъ нея отрѣзанными. Мои возраженія о прикрытіи этой линіи 7-ю полками кавалеріи съ 4-мя конными батареями и о маломъ вѣроятіи наступленія Османа къ Никополю, когда съ восточнаго и южнаго фронтовъ его бомбардируютъ и грозятъ ему атакою—принцъ Карлъ въ резонъ не принимаетъ. Вотъ положеніе—быть отвѣтственнымъ и не имѣть власти приводить въ исполненіе своихъ соображеній,—впрочемъ, можетъ быть, главнокомандующій приметъ мою сторону.

25-го августа. Всѣ проводятъ день въ приготовленіяхъ; безпрерывное движеніе обозовъ; толкотня и суета въ вагенбургахъ. Пріѣхали Имеретинскій и Скобелевъ. Взятіе Ловчи представляется блистательнымъ подвигомъ. Неимѣніе плѣнныхъ объясняютъ тѣмъ, что всѣхъ побили; а между тѣмъ турки на волахъ успѣли вывезти изъ редута 5 орудій, и, вѣроятно, войска, занимавшія 23-го числа высоты на юго-западѣ отъ Ловчи, были не что иное, какъ отступавшій ловчинскій гарнизонъ.

Имеретинскій недоволенъ Георгіемъ 4-й степени, а Скобелевъ увѣряетъ, что онъ даже не былъ и въ огнѣ, а оставался въ тылу, верстахъ въ четырехъ; что все дѣло велъ онъ, по диспозиціи, имъ же составленной. Послѣднее не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ Скобелевъ зналъ мѣстность около Ловчи, а Имеретинскій былъ тутъ въ первый разъ; Скобелевъ же говоритъ, что лошади у кавказскихъ казаковъ заморены до такой степени, что они могли преслѣдовать защитниковъ Ловчи только шагомъ.

Говорилъ со Скобелевымъ на счетъ предстоящей атаки плевненскаго лагеря со стороны Ловчинскаго шоссе,—его мнѣніе, что прежде всего нужно овладѣть Кришинскимъ редутомъ,—я совершенно съ этимъ согласенъ, такъ какъ это—ключъ для занятія высоты, лежащей къ юго-западу отъ Плевно, съ занятіемъ которой пріобрѣтается командованіе надъ городомъ и надъ выходомъ изъ плевненской котловины. Ему эта мѣстность также уже знакома съ 18-го іюля; нужно

будетъ ему и поручить эту атаку, составивъ для этого особый отрядъ. Скобелевъ разсказываетъ, какъ замѣчательный фактъ, что 18-го іюля онъ получилъ отъ штаба арміи три предписанія: одно о подчиненности его съ кавказскою казачьею бригадою Шаховскому, другое—о непосредственной подчиненности Криднеру и третье—о донесеніяхъ непосредственно въ штабъ арміи.

Имеретинскій разсказываетъ слѣдующее о совѣтѣ въ Габровѣ, 15-го августа, подъ предсѣдательствомъ пріѣхавшаго туда Непокойчицкаго, когда Сулейманъ уже прекратилъ свои яростныя атаки; Непокойчицкій задаетъ вопросъ: „что теперь дѣлать"?

Имеретинскій молчалъ, а Радецкій, также помолчавъ немного, говоритъ:

— Пора бы вамъ сознаться, ваше высокопр—во, что кампанія поведена такъ неосновательно, что ее можно на нынѣшній годъ считать не удавшеюся, отступить къ Дунаю и въ будущемъ году начинать снова.

Непокойчицкій. — Ну, нельзя же кончать кампанію такъ рано: мы имѣемъ передъ собою еще три мѣсяца и ожидаемъ изъ Россіи новыя подкрѣпленія.

Продолжительное молчаніе. Затѣмъ Непокойчицкій начинаетъ:

— Нужно же что-нибудь дѣлать.—Не послать ли въ тылъ Сулеймана дивизіи полторы, чтобы заставить его отступить?

Радецкій.—Пожалуй, можно и это, только я не пойду; развѣ Эрнрота пошлите.

Непокойчицкій. — Прекрасно, потребуйте по телеграфу Эрнрота сюда къ завтрашнему дню и снова соберемся потолковать.

На другой день снова собрались съ Эрнротомъ.

Непокойчицкій.—Мы рѣшили спустить васъ (Эрнроту) съ вашей дивизіей и бригадою 2-й дивизіи, съ ихъ артиллерійскими парками и лазаретами, въ долину Тунджи, съ тѣмъ, чтобы вы атаковали Сулеймана съ тылу.

Эрнротъ.—А сколько вы мнѣ дадите кавалеріи?

Непокойчицкій. — Ну, кавалеріи у насъ свободной нѣтъ.

Эрнротъ.—Безъ кавалеріи, я не приму этого порученія.

Непокойчицкій.—Такъ что же дѣлать?

Эрнротъ.—Пора бы, ваше высокопр—во, сознаться, что овладѣніе различными пунктами служитъ только къ раздробленію силъ и не ведетъ къ окончанію войны.—Нужно дѣйствовать противъ непріятельскихъ армій.—Увѣрены ли вы, что Сулейманъ еще на Шипкѣ, а не ушелъ куда-нибудь?

Непокойчицкій.—Въ этомъ я не увѣренъ.

Эрнротъ. — Увѣрены ли вы, что Османъ съ своей арміей въ Плевно?

*

Непокойчицкій.—Это вѣрно.

Эрнротъ.—Ну, такъ и сосредоточивайте войска противъ него, чтобы его разбить.

Непокойчицкій. — Ну, такъ направляйте (Имеретинскому) вашу дивизію и стрѣлковую бригаду къ Плевно; а по дорогѣ возьмите Ловчу.

Такъ, по словамъ Имеретинскаго, и былъ рѣшенъ планъ дальнѣйшей кампаніи. Имеретинскій, между прочимъ, подтверждаетъ ссылку на него Пузанова о полученномъ имъ отъ Криднера приказаніи „отступать къ Болгарени“. Отступленіе 18-го іюля отъ Плевны онъ называетъ полнымъ бѣгствомъ.

Въ 6 часовъ вечера началось движеніе войскъ къ назначеннымъ для нихъ позиціямъ. Часовъ въ 9 я чрезъ Сгалевицы выѣхалъ къ мѣсту, назначенному для расположенія главнаго резерва. Ночь была очень темная и свѣжая. Выжидали мы до 2 часовъ утра; полная тишина, ни одного выстрѣла не слышали. Значитъ, позиціи заняты безъ всякаго сопротивленія со стороны турокъ; вѣроятно, и аванпостовъ ночныхъ не выставили. Въ 2 часа я заснулъ въ коляскѣ.

26-го августа. Въ 8 часовъ утра громкій залпъ изъ 100 слишкомъ орудій разбудилъ меня. Сѣвъ на коня, поѣхалъ на позицію. Канонада гремитъ по всей линіи самымъ оживленнымъ образомъ; турки отвѣчаютъ ревностно. Объѣхалъ позиціи съ лѣваго фланга; тутъ можно продлить линію батарей до Тученицкаго оврага, съ тѣмъ, чтобы сосредоточить болѣе огня противъ редута № 10; въ 9 корпусѣ можно будетъ спустить батареи ниже, чтобы дѣйствовали съ болѣе близкихъ дистанцій; румынскія батареи открыли огонь съ дальнихъ слишкомъ дистанцій; послалъ Гринфельда съ Милорадовичемъ перевезти ихъ на болѣе близкія дистанціи. По возвращеніи сообщили мнѣ, что румыны исполнили это крайне неохотно, отговариваясь, что у нихъ орудія—дальнобойныя и, слѣдовательно, нѣтъ надобности близко подъѣзжать. Сообщили также о неожиданности: встрѣтили на Гривицкомъ шоссе Государя, который изъ Горнаго Студеня переѣхалъ въ Радинипецъ.

Къ вечеру прибыла румынская резервная дивизія и расположилась у Вербицы. Такъ какъ румыны изъ 10 своихъ пѣшихъ батарей вывезли на позиціи только 4, т. е. 24 орудія, то послано приказаніе вывезти на позицію для обстрѣливанія Гривицкаго редута столько батарей, сколько дозволяетъ мѣстность; они, видимо, берегутъ снаряды, загоняютъ экономію на нашъ счетъ. Имеретинскому дано приказаніе завтра выдвинуться на Ловчинское шоссе. Къ вечеру со стороны турокъ огонь значительно ослабѣлъ; въ брустверахъ Гривицкаго редута и № 5 видны сильныя поврежденія; ночью приказано

направлять туда огонь, чтобы препятствовать исправленію. Потери наши въ этотъ день незначительныя, всего 69 человѣкъ. Всего было выдвинуто сегодня на позиціи 140 орудій, вмѣстѣ съ осадными; у турокъ отвѣчало орудій 60. Выпущено у насъ среднимъ числомъ по 40 выстрѣловъ на орудіе, слѣдовательно 5.600 выстрѣловъ; вѣроятно, у турокъ потеря въ людяхъ болѣе значительна. Изъ приложенныхъ вѣдомостей (приложеніе № 6) видно, что въ русской пѣхотѣ въ строю находится 42.387 штыковъ. Что касается до численности румынской пѣхоты, то, за неимѣніемъ строевыхъ записокъ, трудно опредѣлить вѣрную цифру. Принцъ Карлъ полагаетъ, что подъ ружьемъ должно быть 30.000; полковникъ Цилодъ говоритъ, что только 25.000, а нѣкоторые другіе румыны доводятъ цифру до 35.000. Вѣрно только то, что въ ихъ арміи не ведется правильнаго учета людей, и никто точнымъ образомъ не знаетъ, сколько имѣетъ каждая часть въ строю людей.

Вечеромъ получилъ приказаніе къ 12 часамъ прибыть на пятый курганъ къ югу отъ Гривицкаго шоссе, гдѣ будутъ находиться государь и великій князь.

27-го августа. Ночью пальба была очень рѣдкая, турки почти не отвѣчали; съ утра канонада загремѣла съ новою силою; но увы, какое разочарованіе — въ редутахъ нѣтъ и слѣда вчерашней порчи, за ночь все исправлено. Такъ какъ Рейтлингеръ и Экстенъ ошиблись ночью и разбили большую (12 ор.) осадную батарею не тамъ, гдѣ я указалъ, то я утромъ, проѣхавъ по лѣвому флангу линіи, выбралъ новое мѣсто, на Радишевской горѣ, куда ночью приказалъ перевезти малую осадную батарею. Начинаетъ оказываться недостатокъ матеріальной части въ артиллеріи: осадныя орудія дальняго боя, вмѣсто 7 верстъ, могутъ стрѣлять только на пять, такъ какъ при слишкомъ большомъ углѣ возвышенія орудіе съ лафетомъ опрокидывается; оказывается, что орудія лежатъ на лафетахъ неподобающей имъ конструкціи; нѣсколько 9 ф. орудій такъ повредились, что негодны къ употребленію; платформы до такой степени непрочны, что, по увѣренію Экстена, при перевозкѣ на новыя мѣста скоро сдѣлаются совсѣмъ негодными. Но такъ какъ необходимо дѣйствовать противъ редута № 10, то я настаиваю на перемѣщеніи малой батареи. Принцъ Карлъ запоздалъ, и я ждалъ его у вышки, для него выстроенной саперами; Милорадовичъ добылъ шампанское, и мы пили его изъ стремени моего бывшаго кавказскаго нукера, Магомета Гизданова; азіатскія стремена въ этомъ отношеніи практичны, подъ ихъ имѣетъ углубленіе, представляющее плоскій стаканъ; Магометъ Эрастіоновъ и называется собственно Александръ, но всѣ зовутъ его Магометомъ; онъ явился ко мнѣ въ Порадимъ и просилъ состоять при мнѣ, я и

взялъ его съ командою кавказскихъ казаковъ (25 человѣкъ) въ личный мой конвой. Это—отчаянный храбрецъ, какъ и всѣ кавказскіе горцы, которые военныя опасности предпочитаютъ всему; конечно, тутъ есть и значительная доля честолюбія; они очень любятъ всякаго рода награды. Первый Георгіевскій крестъ онъ получилъ на Кавказѣ изъ моихъ рукъ вотъ за что: подъ Веденемъ, послѣ взятія штурмомъ Андійскаго редута, Евдокимовъ поручилъ мнѣ осмотрѣть пространство впереди его, чтобы сообразить: нельзя-ли тотчасъ же атаковать и слѣдующій за нимъ, стоящій саженяхъ въ 200, редутъ. Когда мы проходили мимо выдающагося угла аула, то оттуда горцы открыли по насъ весьма частый ружейный огонь. Моментально Магометъ выбѣгаетъ и помѣщается нѣсколько впереди и вправо отъ меня, чтобы заслонить меня собою отъ выстрѣловъ, и, не смотря на мои просьбы и приказаніе, не ушелъ на свое мѣсто, пока мы не вышли изъ-подъ выстрѣловъ.

Въ часъ пріѣхалъ принцъ Карлъ, и мы отправились къ 5-ти курганамъ; Государь встрѣтилъ меня очень ласково, сдѣлалъ даже на встрѣчу мнѣ нѣсколько шаговъ и протянулъ руку. Бѣдный Государь сильно перемѣнился: глаза впали, взглядъ унылый, грустный, видно, что неудачи послѣдняго времени сильно дѣйствуютъ на его впечатлительную натуру. Примѣръ Государя заразилъ всѣхъ крайнею любезностью, всѣ мнѣ пожимали руки, не знали куда усадить, чѣмъ подчивать; пожимали руку такія лица, съ которыми я въ первый разъ въ жизни встрѣчался, какъ-то: Черкасскій, Мезенцовъ, Меншиковъ. На меня смотрѣли, какъ на спасителя, и отъ меня ожидаютъ поднесенія Плевно съ Османомъ; къ моимъ заявленіямъ о трудностяхъ и недостаткѣ войскъ относятся недовѣрчиво. Скоро, господа, разочаруетесь въ вашихъ розовыхъ надеждахъ. Но положеніе мое тяжелое.

Игнатьевъ увѣряетъ, что онъ обо всемъ предупреждалъ: и объ артиллеріи дальнобойной, и о ружьяхъ Пибоди и Снейдера, стрѣляющихъ дальше и вѣрнѣе нашихъ, и о превосходномъ устройствѣ и стойкости турецкой пѣхоты; но ему не хотѣли вѣрить.

— Я говорилъ, и въ этомъ, конечно, вы сами убѣдились, что только кавалерія турецкая никуда не годна. Дѣло другое,—прибавилъ онъ,—прошлаго года, когда я совѣтовалъ начать войну, тогда турки были къ ней вполнѣ неготовы, и мы бы привели ее къ желанному концу съ ничтожными силами и въ скоромъ времени.

Великій князь главнокомандующій спросилъ меня, не начать-ли завтра штурмъ? Отвѣчалъ, что завтра никакъ нельзя, результатъ бомбардировки еще не виденъ, а Имеретинскій еще не началъ наступленія.

Въ 5 часовъ Государь уѣхалъ, и я могъ возвратиться на позицію. Сегодня на позиціи число орудій съ нашей стороны было увеличено 52 орудіями. Румыны вывезли двѣ новыхъ батареи; въ 9 корпусѣ три 4-ф. батареи спущены и приближены къ непріятельскимъ редутамъ на 800—900 саженъ. На лѣвомъ флангѣ 4 корпуса поставлены также двѣ 4-ф. батареи для обстрѣливанія редута № 10. Къ вечеру, какъ и вчера, турецкія батареи стали стрѣлять рѣже; насыпи въ укрѣпленіяхъ опять попорчены, видимаго, однако, эффекта огонь нашей артиллеріи не произвелъ. Нѣсколько 9-ф. орудій опять оказались негодными, даже одно осадное орудіе перестало дѣйствовать. Сегодняшняя потеря наша состоитъ изъ 73 человѣкъ. Назавтра отдано приказаніе продолжать канонаду. Завтра собираюсь ѣхать на Ловчинское шоссе, чтобы подробнѣе осмотрѣть мѣстность и на мѣстѣ съ Имеретинскимъ и Скобелевымъ сообразить планъ атаки.

28-го августа. У Имеретинскаго съ утра завязалось дѣло; а меня задержали до 12 часовъ: одному—укажи, гдѣ кухни разбить, другому нужны сухари, третьему подводы для отвоза раненыхъ изъ дивизіоннаго лазарета и т. д.; а въ 12 часовъ получаю приказаніе главнокомандующаго прибыть къ Царскому бугру. Такимъ образомъ, на лѣвый берегъ Тученицкаго оврага не удалось попасть; а между тѣмъ дѣло тамъ вышло не совсѣмъ гладко. При занятіи такъ называемаго втораго кряжа калужцы были сбиты и потеряли около 500 человѣкъ. Имеретинскій вслѣдствіе этого отказывается занимать 2-й и 3-й кряжи Зеленой горы иначе, какъ при содѣйствіи прочихъ войскъ, которыя одновременно должны, по его мнѣнію, атаковать плевненскую позицію. Посланный къ нему Левицкій согласился съ нимъ. Долго разсуждали; наконецъ, и великій князь согласился, что требованіе Имеретинскаго несообразно. Имеретинскому предстояло атаковать открытую высоту, а чтобы содѣйствовать ему, то остальныя войска должны были штурмовать укрѣпленія. При этомъ великій князь, имѣя въ виду нерѣшительность Имеретинскаго, приказалъ ввѣрить командованіе надъ войсками на Ловчинскомъ шоссе Скобелеву. На мое замѣчаніе, что Имеретинскій старше, е. выс — во сказалъ: „ну, такъ устраивай, какъ знаешь“. Я рѣшилъ дѣло поручить Скобелеву съ его авангардомъ (стрѣлковая бригада и Ревельскій полкъ), подкрѣпивъ его бригадою, а въ случаѣ нужды и двумя, и приказалъ 1 бригаду 16 дивизіи вечеромъ перевести на лѣвый берегъ Тученицкаго оврага, а 1 бригаду 30 дивизіи поставить въ самомъ оврагѣ у мельницы, гдѣ переѣздъ. Для содѣйствія Скобелеву велѣлъ 4 орудія поставить на самомъ лѣвомъ флангѣ, подъ прямымъ угломъ позади, и ночью заложить батарею изъ 4-хъ осадныхъ орудій на лѣвомъ берегу Радишевскаго оврага, для обстрѣливанія турецкихъ укрѣпленій за Радишевскимъ оврагомъ.

Сегодня турки отвѣчаютъ на нашъ огонь очень экономно; ясно, что берегутъ снаряды: а между тѣмъ это обстоятельство наэлектризировало воинственнымъ образомъ, и всѣ требуютъ штурма; картина бомбардировки уже надоѣла. Милютинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „долго ли мы еще намѣрены продолжать бомбардировку, вѣдь это стоитъ большихъ денегъ". На замѣчаніе мое, что артиллерія еще не произвела должнаго дѣйствія, онъ отвѣтилъ, что дѣло, вѣдь, должно же кончиться штурмомъ; я выразилъ мнѣніе, что опять разобьемъ напрасно свои лбы.

Масальскій сказалъ: „ну завтра и послѣ завтра еще пострѣляете, а тамъ и зарядовъ не будетъ".

Приказано Лошкарева, съ большею частью кавалеріи, перебросить на лѣвый берегъ Вида и составить диспозицію для атаки на 30 августа, имѣя въ виду, что одна бригада нашихъ войскъ должна быть около румынъ, чтобы ихъ поддержать,— а Болгаренское шоссе, которому не грозила никакая опасность, должно быть закрыто, по крайней мѣрѣ, дивизіей. Такимъ образомъ, для атаки 9 корпусъ у меня отнятъ и вмѣсто того, чтобы направить ударъ массы на одинъ пунктъ, приходится дѣлать ни то, ни се.

Когда я возвращался вечеромъ въ Сгалинцы, меня догналъ англичанинъ, подполковникъ индійской арміи, Гавелонъ, и сталъ меня увѣрять, что онъ цѣлый день провелъ гдѣ-то на деревѣ, наблюдая за Плевно, и пришелъ къ убѣжденію, что плевненскій гарнизонъ состоитъ не болѣе, какъ изъ 5.000 человѣкъ, и что онъ крайне удивляется моей нерѣшительности атаковъ Плевно. Удивляюсь, зачѣмъ позволяютъ подобнымъ шутамъ въ фетровой каскѣ быть при арміи; очень можетъ быть, что это турецкій шпіонъ, передающій туркамъ съ дерева какія-нибудь свѣдѣнія, посредствомъ заранѣе условленныхъ знаковъ. Вообще, не слѣдовало бы имѣть при арміи, по крайней мѣрѣ, на передовыхъ позиціяхъ, этой орды корреспондентовъ, особенно иностранцевъ. Кто знаетъ, что это за люди; а между тѣмъ они, пользуясь своимъ знакомъ на рукавѣ, повсюду совершенно свободно проѣзжаютъ, какъ и болгары, чрезъ наши аванпосты. Нельзя не констатировать того факта, что турки положительно знаютъ все, что у насъ дѣлается, а мы на ихъ счетъ остаемся въ полномъ невѣдѣніи,—ни шпіоновъ, ни лазутчиковъ не имѣемъ.

29-го августа. Результатъ 3-хъ-дневнаго бомбардированія далеко неутѣшителенъ; правда, было произведено нѣсколько частныхъ взрывовъ въ укрѣпленіяхъ турокъ, двѣ батареи между редутами № 1 и 10 совсѣмъ замолкли, но остальныя укрѣпленія стоятъ совершенно цѣлыя; ежедневныя повреждения ночью исправлялись; артиллерія турецкая на третій день отвѣчала весьма вяло, но вовсе не потому,

чтобы она была демонтирована; они, вѣроятно, берегутъ снаряды, ожидая штурма; по укрѣпленіямъ на лѣвомъ берегу Тученицкаго оврага, откуда предполагается главный ударъ, артиллерія почти не дѣйствовала, и это результатъ 30.000 снарядовъ, брошенныхъ въ теченіе 3 сутокъ изъ 200 орудій. Пѣхота вовсе не успѣла еще придвинуться впередъ, какъ предполагалось, на возможно близкое разстояніе къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, чтобы сократить разстояніе атаки. А между тѣмъ штурмъ назначенъ 30 числа и при томъ при условіяхъ, вполнѣ стѣсняющихъ мое первоначальное предположеніе. Мудрено и писать диспозицію при неувѣренности въ успѣхѣ; приходится разсчитывать на счастливое „авось", а нужно исполнить приказаніе.

Составляю диспозицію такъ: для главной атаки по Ловчинскому шоссе назначаю 22 батальона и 76 орудій (2 дивизіи, 1 бригада 16 дивизіи и стрѣлковая бригада); ей содѣйствуютъ съ праваго берега Тученицкаго оврага 4 осадныхъ и 4 полевыхъ орудія; 27 эскадроновъ и сотенъ съ 12 конными орудіями прикрываютъ лѣвый флангъ. Въ командномъ отношеніи, для пользы дѣла, веденіе атаки поручается Скобелеву и вся колонна раздѣляется на авангардъ и резервъ; послѣдній подчиняется Имеретинскому съ обязанностью поддерживать Скобелева.

Чтобы парализовать дѣйствіе артиллеріи редута № 10 и турецкихъ стрѣлковъ, сидящихъ въ ложементахъ вдоль праваго берега Тученицкаго оврага, Шнитниковъ съ 1 бригадою 30 дивизіи и съ 2 бригадами 16 дивизіи будетъ атаковать редутъ № 10.

Главный резервъ за ними, съ цѣлью поддержать ту или другую атаку, которая будетъ удачна. На крайнемъ правомъ флангѣ ведется отдѣльная атака противъ Гривицкаго редута румынами, съ поддержкою 1 бригады 5 пѣхотной дивизіи.

Бомбардировка должна продолжаться съ опредѣленными перерывами все утро, а въ 3 часа атака, чтобы до наступленія темноты успѣть осмотрѣться и утвердиться въ занятыхъ укрѣпленіяхъ въ случаѣ удачи.

Чувство, что диспозиція строгой критики не выдерживаетъ, но она составлена на основаніи опредѣленныхъ испытательныхъ условій.

Съ утра опять по всей линіи загремѣла кононада, на которую турки отвѣчаютъ очень лѣниво; часовъ въ 11 завязалось дѣло у Скобелева; въ 12 поѣхалъ къ буграмъ, для представленія диспозиціи на утвержденіе великаго князя— онъ утвердилъ.

Около 6 часовъ вечера получена отъ Имеретинскаго телеграмма: „Второй гребень высотъ занятъ нами 4 часа и укрѣпленъ. Ввезена батарея, открывшая огонь по лагерю. Приготовляемся брать по-

слѣдній гребень. Непріятель обсыпаетъ картечными гранатами". (Приложеніе № 7). Нужно замѣтить, что не смотря на настоятельныя мои просьбы, позиція около Плевны, въ 12 слишкомъ верстъ длиною, не была связана телеграфомъ, тогда какъ у турокъ всѣ укрѣпленія связаны между собою и съ главною квартирою. У насъ, оказалось, нѣтъ диспонибельнаго отдѣленія телеграфнаго парка, перекинули только телеграфную проволоку отъ Брестовца чрезъ Тученицкій оврагъ, на разстояніи 4 верстъ. Вотъ какъ мы бѣдны въ средствахъ для веденія войны. На огромномъ протяженіи позиціи, чрезъ поля,— поля, покрытыя кукурузою, виноградниками, кустарниками и отдѣльно растущими деревьями, пересѣченной оврагами и балками и крайне трудной для оріентированія, — приходилось посылать приказанія и получать донесенія чрезъ ординарцевъ и нарочныхъ, которые часто блуждали, вслѣдствіе затруднительности оріентироваться.

Телеграмму Имеретинскаго я получилъ, когда уже вернулся отъ великаго князя и находился на вновь устроенной 4-хъ орудій осадной батареѣ; въ это время подъѣхалъ ко мнѣ ординарецъ гродненскаго полка Цуриковъ, съ приказаніемъ: „передать Скобелеву, чтобы, въ случаѣ успѣшнаго занятія третьяго гребня, онъ сегодня отнюдь не атаковалъ турецкихъ редутовъ, такъ какъ это слѣдуетъ сдѣлать завтра". Должно быть, вѣрятъ въ свою счастливую звѣзду и разсчитываютъ навѣрное завтра торжествовать. Дай Богъ, чтобы это было такъ; меня же беретъ сильное сомнѣніе въ успѣхѣ.

Ко мнѣ пристроился офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба, капитанъ Бола, говорящій по-русски. Должно быть, желаетъ украситься Георгіемъ, какъ прусскій маіоръ Лигницъ. Коломанъ Ивановичъ Бола, повидимому, добрый малый, вполнѣ къ намъ расположенный и интересующійся военнымъ дѣломъ. Немножко только назойливъ: чуть съ нимъ заговоришь—сейчасъ навостритъ уши и подслушиваетъ,—это мнѣ не нравится. Бывшій же съ нимъ прежде въ Порадимѣ Лонейзенъ что-то не показывается,—тотъ деликатнѣе, понимаетъ, что не слѣдуетъ мѣшать человѣку занятому.

Вчера Экстенъ ужасно возставалъ противъ желанія моего перемѣстить 4 осадныя орудія на вновь устроенную батарею; увѣрялъ, что платформы, разъ снятыя съ настоящихъ ихъ мѣстъ, вполнѣ будутъ негодны на новыхъ мѣстахъ; однако ничего, хотя платформы и очень плохи, состоятъ изъ кусочковъ, однако, выдерживаютъ.

Часовъ въ 7 получилъ вторую телеграмму (приложеніе № 8) отъ Имеретинскаго: „Послѣ небольшой перестрѣлки высоты, командующія подъ плевненскими редутами, заняты нами и войска укрѣпились. Завтра, 30-го августа, съ разсвѣтомъ, усиленная канонада, къ полдню штурмъ. Добровольскій будетъ атаковать Крышскій (Крышинскій) редутъ".

Я былъ увѣренъ, что у Скобелева дѣло пойдетъ разумно и успѣшно; телеграмма эта подѣйствовала на меня успокоительно — авось удастся. Ночь пришлось провести въ коляскѣ на бивуакѣ, даже чаю не было, такъ какъ обозъ заночевалъ въ Тученицѣ. Ночь была совершенно темная; нѣсколько разъ у Скобелева начиналась сильная ружейная трескотня.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо М. Д. Скобелева П. Д. Зотову[1]).

Позиція у Коврина 1877 г. августа 14, 8 час. веч.[2]).

Ваше превосходительство, Павелъ Дмитріевичъ.

Г. Станлей[3]) объяснитъ вамъ о положеніи дѣлъ на Шипкѣ; то же несчастіе насъ преслѣдуетъ: разрозненность въ смыслѣ стратегическомъ, на полѣ сраженія—тотъ же недостатокъ единства усилій. Геройство войскъ не въ состояніи пополнить этого коренного недостатка.

Только что написалъ кн. Мирскому[4]) (роль котораго, сознаюсь, не понимаю съ отбытіемъ его дивизіи въ бой), убѣждая его отправить ген. Радецкому 3 полка пѣхоты, безъ всякаго смысла при настоящихъ обстоятельствахъ, задержанныхъ въ Сельви.

Непріятель, очевидно, искусно маневрируетъ, нашему кордону противопоставилъ грозную сосредоточенность въ двухъ отдаленныхъ пунктахъ своего стратегическаго фронта; пора бы и намъ вспомнить que la victoire est toujours aux gros bataillons. Страшно мучительно здѣсь стоять, прочувствовавъ на дѣлѣ всю миѳичность въ данный моментъ опасности со стороны Ловчи и Трояна. Еще болѣе печально, что тѣ, которые указываютъ на эту опасность, врядъ-ли сами вѣрятъ въ нее!..

Когда-то опять буду настолько счастливъ, чтобы присоединиться къ вамъ, если намъ нѣтъ судьбы сражаться на Шипкѣ! Только что произвелъ наѣздъ съ двумя сотнями къ самой Ловчѣ,—никакого присутствія признаковъ наступленія, по моему даже присутствія сколько-нибудь значительныхъ силъ. Въ Троянѣ нѣтъ войскъ, да въ этомъ районѣ и баши-бузуковъ-то не болѣе 360 челов. Если бы непріятель перевалилъ бы съ силой черезъ Троянскій проходъ или даже началъ бы переводить свои войска изъ Плевны въ Ловчу, мы всегда успѣли бы принять въ Сельви соотвѣтствующія мѣры, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ исключительно объ отводѣ обозовъ (!?) Для своевременнаго увѣдомленія намъ совершенно достаточно близкаго наблюденія Ловчи и Трояна кавказскою казачьей бригадою, разъ она, невзгодами судьбы, сюда попала.

Объ исходѣ боя на Шипкѣ буду имѣть честь сообщить вамъ, какъ только получу увѣдомленіе.

Вашего превосходительства покорный слуга *Михаилъ Скобелевъ.*

---

[1]) Приложеніе къ запискамъ Зотова.

[2]) Письмо это послано П. Д. Зотову М. Д. Скобелевымъ, когда послѣдній съ своимъ отрядомъ въ самый разгаръ шипкинскаго боя безцѣльно томился въ бездѣйствіи недалеко отъ Шипки, при чемъ стратегическая обстановка положенія войскъ излагается Скобелевымъ замѣчательно искусно и его тогдашнія замѣчанія вполнѣ примѣнимы и къ недавней русско-японской войнѣ. *Ред.*

[3]) Извѣстный англійскій корреспондентъ.

[4]) Начальнику 9-й пѣх. дивизіи.

Записки В. А. Инсарскаго.

ЧАСТЬ VI.

I [1]).

Пріѣздъ великаго князя въ качествѣ кавказскаго намѣстника въ Вильну.—Великокняжеская свита.—Характерное свиданіе великаго князя съ княземъ Барятинскимъ.—Мое новое служебное устройство.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Наше блестящее положеніе при великокняжескомъ дворѣ.—Бесѣда съ великою княгинею Еленою Павловною.—Бесѣда съ княземъ Долгорукимъ.—Представленіе Государю.

Пріѣздъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича въ Вильну, въ качествѣ новаго кавказскаго намѣстника и пріѣздъ, довольно торжественный, не замедлилъ послѣдовать. Остановился онъ, по прежнему, во дворцѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала если не вся, то значительная часть его свиты.

Тутъ былъ гофмейстеръ двора его, Гротъ, милѣйшій господинъ, пріятнѣйшей наружности и столь же пріятныхъ манеръ. Говорили потомъ, что, до поступленія въ эту должность, онъ находился гдѣ-то при одномъ изъ нашихъ посольствъ, и что должность гофмейстера ему навязали какъ-то насильно, противъ его желанія. Впослѣдствіи, когда обстоятельства сблизили насъ, онъ самъ говорилъ, что тяготится своимъ положеніемъ, несмотря на внѣшній блескъ его. И дѣйствительно, когда тѣ же обстоятельства познакомили меня съ условіями придворной жизни, я и самъ убѣдился, что въ положеніи гоф-

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1906 г.

мейстера маленькаго двора рѣшительно нѣтъ ничего пріятнаго. Это не что иное, какъ дворецкій дома, на котораго взваливаются всѣ хозяйственныя дрязги, и который за все рѣшительно отвѣчаетъ. Я уже говорилъ гдѣ-то выше, какъ на одномъ изъ баловъ великаго князя какая-то расфуфыренная дама громко подозвала Грота и съ важнымъ видомъ показала на одну изъ лампъ, которая дымила и какъ милый Гротъ заметался во всѣ стороны. „Ну, если и за лампами долженъ смотрѣть ты же,—подумалъ я,—такъ тебѣ завидовать нечего". Когда потомъ великій князь собирался на Кавказъ, постоянно говорили, что Гротъ туда не поѣдетъ и оставитъ великаго князя; наконецъ, когда великій князь, а съ нимъ вмѣстѣ и Гротъ, пріѣхали на Кавказъ, все-таки говорили, что Гротъ куда-то уходитъ и оставляетъ великаго князя. Быть можетъ, эти слухи и толки и теперь продолжаются, но судя по тому, что Гротъ и доселѣ преблагополучно пребываетъ въ той же должности гофмейстера двора великаго князя, и спокойно жительствуетъ на Кавказѣ [1]), можно заключить, что всѣ эти слухи не что иное, какъ произведеніе нѣмецкой разсчетливости. Быть можетъ, что Гротъ, понявъ и усвоивъ ту истину, что человѣкъ, имѣющій уйти, всегда имѣетъ большую цѣну, чѣмъ человѣкъ, остающійся на мѣстѣ, находилъ выгоднымъ именно этимъ способомъ поддерживать цѣну собственной личности въ глазахъ великаго князя и особенно великой княгини.

Съ великимъ княземъ пріѣхали его адъютанты: Левашевъ, Трубецкой и Философовъ. Графъ Левашевъ былъ одинъ изъ двухъ сыновей того Левашова, который слылъ знаменитымъ кавалеристомъ и кажется единственно по этой репутаціи, да еще по дружбѣ съ графомъ Киселевымъ, сдѣланъ былъ начальникомъ коннозаводскаго управленія, нарочито для него сочиненнаго. Потомъ, въ силу той истины, что за отсутствіемъ дѣйствительно великихъ людей, часто и маленькіе люди становятся великими, старый графъ Левашевъ предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, хотя предсѣдателемъ окончательно утвержденъ не былъ. Можно безошибочно сказать, что отечественному коннозаводству онъ не принесъ ни малѣйшей пользы; но что отечественное коннозаводство приносило или принесло ему положительную пользу—это не было ни для кого тайной, и если онъ пріобрѣлъ какую-либо извѣстность, то именно съ этой стороны. Исторія о томъ, какъ онъ хозяйничалъ въ казенномъ Хрѣновскомъ заводѣ съ лучшими жеребцами и стадами испанскихъ овецъ, производила въ свое время страшный скандальный шумъ въ

---

[1]) Время составленія этихъ записокъ соотвѣтствовало времени пребыванія великаго князя намѣстникомъ.

Петербургѣ. Одинъ изъ сыновей его, Владиміръ, былъ въ числѣ адъютантовъ великаго князя и, положительно можно сказать, занималъ въ ряду ихъ первое мѣсто.

При дальнѣйшемъ сближеніи съ нимъ, я не могъ не убѣдиться, что это былъ человѣкъ умный и съ хорошимъ образованіемъ, что, конечно, и дало ему возможность выдвинуться впередъ предъ своими милыми, но въ дѣловомъ, серьезномъ отношеніи весьма слабосильными сотоварищами. Тѣмъ не менѣе, Левашевъ и съ своимъ умомъ и съ своими знаніями сильно напоминалъ князя Сергѣя Кочубея. Впослѣдствіи, когда мы, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, пріѣхали въ Петербургъ и волею-неволею должны были погрузиться въ придворную жизнь, когда Пиленко, по своей страсти шнырять и разнюхивать все и вездѣ, подробно изучилъ всѣ подробности этой жизни, дѣйствительно оказалось, что графъ Левашевъ имѣлъ непріятный характеръ и что его рѣшительно всѣ не любили, за исключеніемъ великаго князя; у него же, напротивъ, онъ былъ въ величайшемъ фаворѣ. Что великій князь смотрѣлъ на Левашева, не какъ на адъютанта просто, но какъ на серьезнаго человѣка, это доказывается тѣмъ, что, по прибытіи на Кавказъ, онъ передалъ ему значительную часть моихъ обязанностей, а именно: управленіе временнымъ (законодательнымъ) отдѣленіемъ, управленіе дѣлами христіанскаго Общества, должность директора походной канцеляріи и сверхъ того возложилъ на него дѣло по устройству Закавказской желѣзной дороги, съ которымъ онъ и доселѣ, подобно Харитонову, возится, не имѣя, какъ и Харитоновъ, возможности достать денегъ на это предпріятіе. Однимъ словомъ, когда мы всѣ пріѣхали на Кавказъ—Кавказъ увидѣлъ, что Левашевъ—сила, и все бросилось заискивать его благорасположенія и покровительства.

Слабый Крузенштернъ окончательно стушевался и, при всей недальновидности своей, сознавалъ, повидимому, что эта сила создалась на счетъ его значенія. Впрочемъ, это мало его безпокоило, потому что, вообще слабый, равнодушный, апатичный — онъ уже имѣлъ, въ это время, положительную рѣшимость оставить Кавказъ. Нѣкоторая энергія проявилась съ его стороны только въ протестѣ противъ захвата Левашевымъ и департамента общихъ дѣлъ, который тоже составлялъ существенную часть моего наслѣдства и для такого честолюбиваго человѣка, какъ Левашевъ, представлялъ, по своему значенію, много сладостей. Графъ Левашевъ имѣлъ положительное и сильнѣйшее желаніе пріобрѣсти этотъ департаментъ и постоянно совѣтывался со мной о способахъ этого пріобрѣтенія. Послѣ успѣха, съ которымъ я вывелъ великаго князя и Левашева изъ подобныхъ затрудненій, и, оттѣснивъ отъ дѣлъ христіанскаго общества Барто-

ломея,—очистилъ поле Левашеву, я рѣшился и здѣсь помочь имъ и переговорить съ Крузенштерномъ. Переговоры эти не были, однакоже, удачны. Крузенштернъ, вообще чувствовавшій себя не очень ловко въ короткій періодъ служенія его при великомъ князѣ, когда, по пророчеству моей жены, новые элементы вытѣсняли сильно старые—рѣшительно окрысился. Онъ говорилъ, что Левашевъ, вообще человѣкъ, совершенно новый въ краѣ и, какъ человѣкъ военный—незнакомъ съ ходомъ гражданскихъ дѣлъ; что при такой обоюдной неопытности—вещь рѣшительно не возможная—поручить ему цѣлый департаментъ; что для знакомства съ дѣлами, не угодно ли ему занять предварительно мѣсто вице-директора, а что если не угодно, то пусть оставятъ его, Крузенштерна, въ покоѣ, до выхода его въ отставку, которой онъ нетерпѣливо ожидаетъ, и послѣ него дѣлаютъ, что хотятъ и т. п. Сущность этого отзыва я передалъ Левашеву. Вице-директоромъ быть онъ не хотѣлъ, и дѣло на томъ остановилось.

Но прежде отъѣзда Крузенштерна, на его мѣсто пріѣхалъ баронъ Николаи, нѣмецъ, очень характерный. Нѣтъ сомнѣнія, что, при самомъ пріѣздѣ его, прежніе его пріятели и припѣвающіе тотчасъ насплетничали ему, что графъ Левашевъ забираетъ все въ свои руки и уничтожаетъ значеніе начальника главнаго управленія. Нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что баронъ Николаи, гордый и самолюбивый, на первыхъ же порахъ налегъ именно на вопросъ о своемъ значеніи и успѣлъ значительно возстановить его, ибо потомъ слышно было, что графъ Левашевъ очень сократился. При разработкѣ этого вопроса баронъ Николаи не счелъ, повидимому, нужнымъ предоставлять Левашеву и департамента общихъ дѣлъ, разсудивъ правильно, что нѣтъ ничего пріятнаго имѣть у себя такого подчиненнаго, который ежедневно почти обѣдаетъ и чаи распиваетъ съ начальникомъ самого барона.

О князѣ Трубецкомъ и Философовѣ говорить много нечего. Когда въ 1858 году великіе князья пріѣзжали на Кавказъ, Трубецкой находился съ ними и успѣлъ сойтись съ нами на короткую ногу. Ужъ не помню, тогда ли онъ былъ оставленъ на Кавказѣ или пріѣзжалъ послѣ, только онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и, по обычаю, увѣшанный крестами, уѣхалъ въ Петербургъ. Философовъ былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго, предъ первоначальнымъ моимъ отъѣздомъ на Кавказъ, я видѣлъ въ „тирѣ" у Александринскаго театра, завлеченный туда ложнымъ убѣжденіемъ, что всякому, ѣдущему на Кавказъ, непремѣнно приходится сразиться съ какими-нибудь черкесами и потому не безполезно подучиться получше стрѣлять. Этотъ молодой человѣкъ поражалъ меня тогда безпримѣрною мѣткостью своей стрѣльбы. Я помню живо, что онъ дер-

жалъ какіе-то пари съ господиномъ, заряжавшимъ пистолеты и, отворотившись отъ цѣли, разбивалъ на тысячи кусковъ гипсовыхъ зайчиковъ и птичекъ. Это и былъ, какъ оказалось, Философовъ. Основываясь на личномъ моемъ впечатлѣніи, я долженъ сказать, что это милый, добродушный и весьма остроумный господинъ.

Кромѣ свиты, въ тѣсномъ смыслѣ, съ великимъ княземъ пріѣхалъ въ Вильну, рѣшительно неизвѣстно почему и для чего, человѣкъ, вовсе не принадлежащій къ этой свитѣ—именно генералъ Корсаковъ, бывшій въ то время начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Этого Корсакова я зналъ еще молодымъ офицеромъ, кроткимъ, деликатнымъ, добродушнымъ, какимъ, впрочемъ, онъ остается и до настоящаго времени. Потомъ онъ женился на дочери другого моего знакомаго Стремоухова, стараго члена англійскаго клуба, съ которымъ я сошелся въ Курской губерніи, гдѣ было у князя Барятинскаго большое имѣніе по сосѣдству съ имѣніями этого Стремоухова. Стремоуховъ, Николай Алексѣевичъ, былъ тоже простой и добрый человѣкъ, въ небольшой семьѣ котораго я замѣчалъ иногда болѣзненнаго сына въ лицейской формѣ. Потомъ время и обстоятельства ослабили мое знакомство и съ Корсаковымъ, и съ Стремоуховымъ. Время и обстоятельства сдѣлали, между прочимъ, и то, что кроткій Корсаковъ сдѣлался начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, т. е. занялъ то мѣсто, которое занималъ знаменитый Ростовцевъ, а болѣзненный мальчикъ, сынъ Стремоухова, очутился директоромъ азіатскаго департамента и, какъ слышно, проявилъ замѣчательные дипломатическіе таланты. Повторяю, что зачѣмъ пріѣхалъ въ Вильну Корсаковъ—неизвѣстно; замѣтно только было, что это тоже любимецъ великаго князя, хотя этому любимцу скоро пришлось подвергнуться довольно чувствительному служебному испытанію.

Когда мы всѣ пріѣхали въ Петербургъ, оказалось, что въ управленіе военно-учебными заведеніями вводится какое-то преобразованіе, что начальникомъ этой части назначается Исаковъ, бывшій до того попечителемъ московскаго учебнаго округа, тотъ самый красавецъ Исаковъ, за котораго нѣкогда передрались петербургскія барыни высшаго свѣта, а что нашъ добрый Корсаковъ имѣетъ быть только его помощникомъ. Какъ ни былъ кротокъ и добродушенъ Корсаковъ, это невольное движеніе назадъ, совершаемое на глазахъ всѣхъ, сильно взволновало его. Но при слабости его характера волненіе это ничѣмъ другимъ не выражалось, какъ продолжительными и грустными сѣтованіями, которыя онъ дѣлилъ съ нами. Онъ почти ежедневно приходилъ къ намъ, т. е. въ нашу комнату во дворцѣ, и передавалъ тѣ или другія черты совершаемаго переворота. Всѣ эти

черты, въ совокупности своей, были весьма не благопріятны для Корсакова и показывали, что онъ долженъ перейдти на второй планъ Во время этихъ разсказовъ слабонервный Корсаковъ нерѣдко плакалъ и побранивалъ великаго князя, который не только не поддерживалъ прежняго самостоятельнаго его положенія, но доказывалъ ему, что онъ, чтобъ не разсердить Государя, непремѣнно долженъ принять второстепенное положеніе, ему предлагаемое. Корсаковъ такъ былъ смущенъ и сбитъ, что спрашивалъ нашего совѣта, что ему дѣлать? Мы, разумѣется, не могли дать ему лучшаго совѣта, какъ бросить Петербургъ и переходить къ намъ на Кавказъ. Съ этимъ мнѣніемъ онъ дѣйствительно обращался къ великому князю; но и здѣсь встрѣтилъ неудачу. Великій князь весьма основательно отвѣчалъ, что самъ, еще не зная ни Кавказа, ни состава его управленія, онъ будетъ желаніе Корсакова имѣть въ виду, а теперь исполнить его не можетъ. Корсаковъ вновь побранилъ между нами великаго князя и заключилъ тѣмъ, что онъ съ радостью вышелъ бы въ отставку, если бы имѣлъ собственныя достаточныя средства къ жизни. Всеизмѣняющее время помирило, повидимому, Корсакова съ новымъ его положеніемъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ великаго князя въ Вильну, князь Барятинскій далъ намъ приказаніе явиться къ его высочеству, какъ новому нашему начальнику, вслѣдствіе чего, облекшись въ парадную форму, мы отправились гурьбой во дворецъ. Тамъ, прежде всего, мы увидѣли его адъютантовъ и перезнакомились съ ними. Послѣ объясненій моихъ съ княземъ Барятинскимъ, положившихъ, повидимому, рѣшительный конецъ моимъ отношеніямъ къ Кавказу, я чувствовалъ себя, при этомъ представленіи, совершенно спокойно, и нѣтъ сомнѣнія, что на моей смуглой физіономіи, если бы пришла кому охота наблюдать ее, выражалась полнѣйшая независимость. Во всей этой церемоніи я участвовалъ скорѣе въ качествѣ зрителя, чѣмъ дѣятеля. Черезъ нѣсколько минуть великій князь вышелъ къ намъ съ своимъ свѣтлымъ и прекраснымъ лицомъ, на которомъ, какъ у Государя, свѣтилась, прежде всего, добрая, прекрасная душа. Прежде другихъ великій князь обратился ко мнѣ съ улыбкою: „Я слышалъ, что вы измѣняете мнѣ и бѣжите съ Кавказа!“ сказалъ онъ. Я очень радъ былъ, убѣдившись изъ этихъ словъ, что мои намѣренія сдѣлались уже извѣстными въ Петербургѣ, хотя не знаю, какъ и отъ кого. „Я считаю для себя большимъ несчастіемъ“,—отвѣчалъ я,—„что вслѣдствіе моихъ семейныхъ обстоятельствъ, не могу продолжать службу на Кавказѣ при вашемъ высочествѣ и вынужденъ возвратиться въ Петербургъ“. Съ необычайною благосклонностью великій князь коснулся этихъ обстоятельствъ, разспрашивалъ о моихъ семейныхъ подробно-

стяхъ и въ заключеніе сказалъ: „да, хотя мнѣ и искренно жаль потерять васъ, но нечего дѣлать“.

Я долженъ сказать, что въ теченіе моей трудовой жизни я соприкасался со многими „сильными міра сего“; но никто не производилъ на меня такого чарующаго впечатлѣнія, какъ великій князь. Его добрѣйшій видъ, его милая манера говорить—проникали въ душу. Потомъ мнѣ много разъ доводилось видѣться и говорить съ нимъ, и каждый разъ великій князь привязывалъ меня къ себѣ болѣе и болѣе. Такъ было и со всѣми. Въ немъ не было ничего подавляющаго, какъ въ князѣ Барятинскомъ. Съ княземъ Барятинскимъ, напримѣръ, я былъ въ сношеніяхъ двадцать лѣтъ и сношеніяхъ, самыхъ близкихъ. Въ теченіе всего этого времени я никогда не слыхалъ отъ него ни одного замѣчанія, сколько-нибудь суроваго слова. Всегда онъ былъ деликатенъ въ высшей степени. Казалось бы—можно было привыкнуть. Не тутъ-то было. Я никогда не имѣлъ не только отраднаго чувства, но простого спокойствія, когда входилъ къ нему и находился въ его присутствіи. Я вздыхалъ свободнѣе, когда выходилъ отъ него. Такъ было и со всѣми. Онъ могъ рѣшительно очаровать того, кто не былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и являлся къ нему всего разъ или два. Въ этомъ отношеніи онъ былъ величайшій художникъ. Тотъ, кто говорилъ съ нимъ именно разъ или два, всю жизнь будетъ выхвалять его доброту и любезность. Но тѣ, которые становились въ продолжительныя къ нему отношенія, скоро начинали чувствовать какую-то гнетущую, порабощающую силу, хотя никогда ни словомъ, ни дѣломъ онъ не проявлялъ этой силы и, какъ я сказалъ уже, всегда былъ деликатенъ. Откуда шла эта сила, даже въ чемъ она именно проявлялась, я объяснить рѣшительно не въ состояніи; тѣмъ не менѣе, она положительно существовала и дѣйствовала на всѣхъ его родныхъ, не исключая матери, на всѣхъ подчиненныхъ, не исключая самыхъ приближенныхъ и—странное дѣло!—даже на людей, выше его стоящихъ! Безошибочно можно сказать, что чѣмъ ближе стоялъ къ нему человѣкъ, тѣмъ больше его боялся. Никто такъ не трусилъ его, какъ его родные братья, какъ тѣ господа, которыхъ онъ самъ называлъ своими друзьями: Крузенштернъ, Зиновьевъ, Тромповскій! Когда великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ въ 1858 году пріѣзжали на Кавказъ, и на первыхъ порахъ „сгоряча“ такъ сказать обошлись съ Барятинскимъ довольно безцеремонно какъ-то на петербургскую ногу, какъ съ какимъ-нибудь корпуснымъ командиромъ, всѣ видѣли, что потомъ, съ каждымъ днемъ, они умѣряли свои порывы и поддавались обаянію князя, этой гнетущей силѣ, вложенной въ него, и кончили тѣмъ, что безъ его наставленій шагу

ступить не могли, а въ спальню, гдѣ лежалъ больной князь, входили съ такими же почтительными предосторожностями, какъ Крузенштернъ, напр., и мы грѣшные. То же было и съ принцемъ Баденскимъ, который явился къ князю самоувѣреннымъ молодцомъ, а потомъ тотчасъ съежился подъ гнетущимъ вліяніемъ князя Барятинскаго.

Однимъ словомъ, великій князь, по натурѣ своей, былъ совершенно противоположенъ князю Барятинскому. При одномъ можно было дышать свободно, при другомъ надо „подбирать поводья". Къ одному было пріятно идти, отъ другого было пріятно выходить. Говорили, что великій князь способенъ былъ имѣть „заднія мысли" „мотать себѣ на усъ" „думать про себя" и т. п. Я полагаю, что если онъ и дѣйствительно занимался этими процессами, то скорѣе въ силу своего положенія, своихъ оффиціальныхъ обязанностей, чѣмъ по влеченію своей натуры, безспорно доброй, открытой, безхитростной.

Всѣ эти замѣтки, какъ ни странны, какъ ни туманны онѣ, надѣюсь, подтвердитъ весь Кавказъ, то есть умная и прозорливая часть его. Отъ этого происходитъ, что великаго князя, какъ человѣка, любятъ тамъ несравненно больше, чѣмъ князя Барятинскаго.

Отъ меня великій князь перешелъ къ Харитонову и спросилъ его: „а вы какъ? Остаетесь или тоже бѣжите?" Харитоновъ пробормоталъ что-то крайне неопредѣленное, потому что и положеніе его въ самой дѣйствительности было то же крайне неопредѣленно. Дѣло въ томъ, что хотя онъ и пріѣхалъ въ Вильну, чего такъ упорно добивался, и пробылъ уже здѣсь нѣсколько дней, но, вслѣдствіе неподражаемаго искусства князя увертываться отъ всевозможныхъ просьбъ, все-таки не имѣлъ ни случая, ни возможности переговорить съ нимъ о будущей судьбѣ, которая его ожидаетъ, и потому самъ не зналъ, что съ нимъ будетъ, хотя тоже служить на Кавказѣ безъ князя Барятинскаго рѣшительно не хотѣлъ. Потомъ, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ Пиленко и графу Чернышеву-Кругликову, великій князь отпустилъ насъ. Если не ошибаюсь, въ то же утро великій князь отправилъ свою свиту представляться князю Барятинскому... Вечеромъ его высочество самъ пріѣхалъ къ Барятинскому.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что вопросъ лично обо мнѣ конченъ и конченъ по возможности удовлетворительно. Съ чувствомъ нѣкотораго самодовольства я сознавалъ уже свою независимость отъ всѣхъ этихъ треволненій и спокойно, въ качествѣ зрителя, смотрѣлъ, что дальше будетъ. Къ величайшему изумленію моему и моихъ сотоварищей весьма скоро послѣ того, какъ великій князь вошелъ къ Барятинскому, я совершенно неожиданно былъ потребованъ въ комнату, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, должна происходить ихъ столь

же продолжительная, сколько и таинственная бесѣда. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ внезапнымъ требованіемъ, было чрезвычайно смутно и неопредѣленно; въ немъ мелькала столь же неопредѣленная догадка, что меня требуютъ для разъясненія какого-нибудь вопроса, подробности котораго князь забылъ. Товарищи также смотрѣли на меня съ немалымъ удивленіемъ. Все это было, однако же, дѣломъ одной минуты, потому что надо было идти. Постараюсь передать послѣдовавшую за тѣмъ сцену сколь можно точнѣе отнюдь не изъ желанія порисоваться собственной своей фигурой; но для большаго разъясненія отношеній князя Барятинскаго къ великому князю и ко мнѣ, отношеній, которыя въ эту минуту выразились наиболѣе рельефнымъ образомъ.

Когда я вошелъ въ комнату, гдѣ находились великій князь и князь, положеніе ихъ было слѣдующее: князь Барятинскій помѣщался въ своемъ качающемся красномъ креслѣ посреди комнаты, видъ его былъ болѣзненный, быть можетъ искусственно увеличенный. Съ лѣвой стороны отъ него, не то, чтобы совсѣмъ съ боку и не то, чтобы совсѣмъ напротивъ, а такъ, какъ говорятъ плотники, „наполкосы" сидѣлъ великій князь. На маленькомъ столикѣ, поставленномъ между ними, лежали какія-то бумаги. Комната освѣщалась нѣсколькими лампами и свѣчами. Когда я вошелъ, оба они прервали какой-то разговоръ и посмотрѣли на меня. Поклонившись почтительно, я ожидалъ приказаній. Князь, обратившись къ великому князю, началъ говорить: „вотъ мой Василій Антоновичъ! Онъ при мнѣ двадцать лѣтъ. Онъ мнѣ во всемъ помогалъ. Я не буду говорить о его качествахъ и о его дарованіяхъ. Ваше высочество сами убѣдились бы въ томъ, если бы, къ несчастію, онъ не былъ подъ башмакомъ у своей жены. Это очень милая и умная женщина, которую я также давно знаю; но бѣда въ томъ, что она возненавидѣла Кавказъ и давно уже тянетъ его отъ меня въ этотъ гнилой Петербургъ. Меня тоже ненавидитъ ужасно за то, что я не пускаю его, и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Вотъ и теперь, подъ вліяніемъ ея писемъ, онъ уже никакъ не хочетъ возвращаться на Кавказъ, какъ я ни настаивалъ, какъ ни доказывалъ, что служба тамъ будетъ для него и для дѣтей его несравненно полезнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Я просилъ его, наконецъ, отправиться туда на время, пока ваше высочество ознакомитесь съ дѣлами и людьми. Онъ было и согласился, но жена его стала штурмовать его такими письмами, что мы должны были отказаться и отъ этого предположенія. А жаль! На первыхъ порахъ онъ былъ бы чрезвычайно полезенъ вашему высочеству. Онъ всегда находился въ самомъ центрѣ важныхъ дѣлъ и знаетъ всѣ мои виды и намѣренія. Развѣ, ваше высочество, сами попросите его отправиться

съ вами на нѣкоторое время!“ Великій князь тотчасъ прибавилъ: „Я бы чрезвычайно былъ благодаренъ, если бы Василій Антоновичъ исполнилъ мою усердную просьбу“. Послѣ этой фразы великій князь и князь Александръ Ивановичъ оба уставились на меня, ожидая моего рѣшенія.

Смущеніе мое было безпредѣльно. Я менѣе всего могъ ожидать, что дѣло приметъ такой странный оборотъ. Съ одной стороны толпились въ моей головѣ мысли объ отчаяніи жены, когда, совершенно успокоивъ ее, я снова объявлю ей о предстоящемъ отъѣздѣ, о возможности, согласно ея предвѣщаніямъ, упустить безплодно настоящій случай къ моему петербургскому устройству и вновь, надолго, засѣсть на Кавказѣ при новомъ начальникѣ и при новой обстановкѣ. Съ другой стороны, уму моему представился блескъ пріѣзда моего на Кавказъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, затруднительность и нѣкоторая опасность не исполнить такъ любезно выраженную просьбу его высочества, что, безъ сомнѣнія, сдѣлается извѣстнымъ самому Государю. Всѣ эти мысли и соображенія до такой степени атаковали меня, что въ головѣ моей сдѣлался какой-то туманъ и въ то время, какъ великій князь и князь Александръ Ивановичъ пристально смотрѣли на меня, ожидая моихъ прорицаній, я самъ смотрѣлъ на нихъ тупо и молчаливо. Эта странная и не совсѣмъ приличная сцена продолжалась нѣсколько секундъ и прервана восклицаніемъ князя Барятинскаго: „Боже мой! вотъ странный человѣкъ!“ Потомъ, сурово и съ какимъ-то упрекомъ, продолжалъ: „что вы это? братъ вашего Государя васъ проситъ, а вы еще думаете!!“ Я видѣлъ совершенную невозможность отдѣлаться моимъ молчаніемъ и потому, обратясь къ великому князю, сказалъ: „простите меня, ваше высочество, но вопросъ о моемъ петербургскомъ устройствѣ такъ важенъ для меня...“ „Положитесь на меня!—прервалъ меня великій князь—я употреблю все свое вліяніе помочь этому устройству и сдѣлать такъ, чтобъ вы не раскаявались въ услугѣ, которую мнѣ сдѣлаете!“. „И потомъ, позволено ли будетъ мнѣ?—продолжалъ я,—знать, какой именно періодъ должно составлять это нѣкоторое время, чтобъ избѣжать всякихъ недоумѣній?“ Послѣ краткаго совѣщанія съ княземъ, великій князь сказалъ: „три мѣсяца!“ „Въ такомъ случаѣ я съ радостью готовъ исполнить волю вашего высочества!“—отвѣчалъ я. Великій князь всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ: „очень, очень благодарю!“

Вслѣдъ затѣмъ Барятинскій перешелъ къ вопросу о пожалованіи земель, передалъ великому князю, что государь, по докладу его, изъявилъ уже согласіе на пожалованіе земель Крузенштерну, барону Николаи и на приготовленіе участка Милютину, замѣтилъ мимо-

ходомъ, что потомъ можно дать соотвѣтственный участокъ и Буткову, а въ заключеніе просилъ великаго князя, по возвращеніи въ Петербургъ, доложить Государю о пожалованіи земли и мнѣ. „Потомъ, когда пріѣдете на Кавказъ,—продолжалъ князь—вы опредѣлите для каждаго соотвѣтственный участокъ, такъ чтобъ Милютину побольше, Кр — ну немного поменьше, Василію Антоновичу еще поменьше, по соразмѣрности. Передавая все это великому князю, Барятинскій постоянно обращался и ко мнѣ, какъ бы говоря: „смотри и слушай! Чтобъ такъ и было сдѣлано, какъ я говорю!“ Когда князь говорилъ о размѣрѣ участковъ, я замѣтилъ, что не лучше ли размѣръ этотъ опредѣлить прямо количествомъ десятинъ, какъ это дѣлается вообще при всемилостивѣйшемъ пожалованіи земель. Замѣчаніе это князю положительно не понравилось. „Какъ это можно!—капризно вскричалъ онъ—земля неровна, другой маленькій участокъ лучше большаго! Это надо разсмотрѣть и сравнить на мѣстѣ“. Великому князю очевидно, въ первой разъ довелось видѣть капризную минуту князя, потому что онъ какъ-то смутился больше меня и, дѣлая мнѣ глазами выразительные знаки, говорилъ: „да, да, это правда, мы такъ и сдѣлаемъ“.

Я много разъ уже говорилъ, что князь былъ чрезвычайно мнителенъ и подозрителенъ и всегда старался въ словахъ, предъ нимъ произносимыхъ, угадывать скрытый смыслъ. Такъ было и здѣсь, по примѣненію къ сдѣланному мною замѣчанію, потому что, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить слѣдующей фразы, произнесенной имъ уже полушутливымъ тономъ и обращенной ко мнѣ: „во всякомъ случаѣ, вы сами туда поѣдете и не дадите себя въ обиду“.

Потомъ пошла рѣчь о возлюбленномъ дѣтищѣ князя—обществѣ возстановленія христіанства на Кавказѣ, содержаніе которой уже я не помню; помню только два обстоятельства, во-первыхъ, сообщая великому князю свои виды и свои наставленія, князь, какъ и въ первомъ случаѣ, значительно взглядывалъ на меня, опять таки какъ бы говоря: „смотри, чтобъ такъ точно и было!“ и во-вторыхъ, когда великій князь, по какому-то вопросу, сюда относящемуся, рѣшился, въ самой скромной и деликатной формѣ, предложить свое мнѣніе: „не лучше ли, дескать, вотъ такъ сдѣлать?“ князь остановился на минуту и потомъ чрезвычайно рѣзко отвѣчалъ: „нѣтъ, ваше высочество! Я говорю, какъ надо дѣлать, такъ и дѣлайте!“ Вообще, я замѣчалъ уже много разъ, а теперь считаю не лишнимъ еще повторить, какъ обстоятельство, особенно замѣчательное, что тонъ, которымъ князь объяснялся съ великимъ княземъ въ этотъ моментъ, манера, съ которою онъ передавалъ его высочеству управленіе Кавказомъ, погружали меня въ бездну недоумѣній. Хотя князь и упрек-

нулъ меня въ молчаніи, на просьбу великаго князя, оставаться на Кавказѣ столь же справедливо, сколько и торжественно замѣтивъ, что меня проситъ „братъ Государя!", но самъ онъ, повидимому, рѣшительно не обращалъ на это обстоятельство никакого вниманія и если иногда говорилъ „ваше высочество!", то какъ-то механически.

Я уже не помню, день или два великій князь оставался на этотъ разъ въ Вильнѣ, но только весьма короткое время. Намъ было объявлено, что всѣ мы должны отправиться въ Петербургъ вмѣстѣ съ его высочествомъ и вообще поступить окончательно въ его распоряженіе.

Наступилъ день отъѣзда. Въ этотъ день нашъ радушный хозяинъ генералъ Майдель далъ намъ роскошный обѣдъ, за которымъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, провозгласилъ здоровье и благоденствіе отъѣзжающихъ, на что я отвѣчалъ спичемъ, въ которомъ доказывалъ, что если пребываніе наше въ Вильнѣ займетъ самое пріятное мѣсто въ нашихъ воспоминаніяхъ, то именно потому, что мы были окружены безконечнымъ вниманіемъ и радушіемъ нашего милѣйшаго хозяина. Сцену прощанія нашего съ княземъ Барятинскимъ я описывалъ уже. Мы облеклись въ парадную форму и явились къ нему съ тайнымъ заговоромъ вынудить его, хотя въ послѣднюю минуту, выслушать бѣднаго Харитонова. Дѣло въ томъ, что Харитоновъ тоже не хотѣлъ возвращаться на службу, на Кавказѣ имѣлъ какіе-то въ этомъ отношеніи планы и просьбы, которые и необходимо было передать князю. Князь, какъ я говорилъ уже, насквозь видѣлъ человѣка, начиненнаго просьбами, и потому хотя Харитоновъ, въ теченіе двухъ недѣль, постоянно болтался предъ лицемъ князя, онъ все-таки не далъ ему ни случая, ни возможности выложить свои просьбы. Заговоръ нашъ состоялъ въ томъ, что мы должны были постепенно выдти изъ кабинета и оставить тамъ одного Харитонова съ глазу на глазъ съ княземъ. Но князь былъ хитрѣе насъ... Первый поднялся Пиленко и подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ удалился... Когда очередь дошла до меня, князь нетерпѣливо сказалъ: „куда вы? Сидите! Что вы бѣжите отъ меня въ послѣднюю минуту? Садитесь!" Такимъ образомъ, я невольно долженъ былъ оказать другу моему Харитонову такую же услугу, какую нѣкогда мнѣ самому оказывалъ другой мой другъ—толстый Тромповскій! Князь, по обычаю, продолжалъ что-то говорить или разсказывать. Мы, по обычаю, почтительно слушали. Чрезъ нѣсколько минутъ князю докладываютъ о комъ-то. Князь живо отвѣчалъ: „проси! проси!" и потомъ, обратившись къ намъ сказалъ: „ну, прощайте господа! Будьте счастливы. Не забывайте меня!" Съ этимъ вмѣстѣ онъ, поочередно, обнялъ насъ, и мы вышли. Харитоновъ былъ блѣденъ и разстроенъ. На него истинно жалко было смотрѣть.

Въ назначенный часъ мы прибыли на станцію желѣзной дороги. Станція была ярко освѣщена, и огромная толпа мундирныхъ господъ ожидала великаго князя, который скоро пріѣхалъ. Совершивъ обычный обрядъ прощанія со всѣми этими господами, великій князь вошелъ въ царскій вагонъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга. Вагонъ былъ великолѣпенъ. Смѣшавшись съ его собственною свитою, привезенною изъ Петербурга, мы заняли было отдѣленіе, для свиты назначенное, но были тотчасъ потребованы въ собственное отдѣленіе великаго князя, который, видно, желалъ ободрить и обласкать насъ, какъ вновь поступившихъ школьниковъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, онъ предложилъ играть въ карты. Тотчасъ поданъ былъ столъ, и мы усѣлись. Партія составилась такимъ образомъ: великій князь, Корсаковъ, Харитоновъ и я, какъ старшій изъ всей свиты. Великій князь держалъ себя самымъ милымъ и простѣйшимъ образомъ. Мы, разумѣется, присматривались къ распорядкамъ новой сферы, куда судьба насъ поставила, и держались осторожно. Въ то время, когда мы предавались тонкостямъ „ералаша“, одинъ изъ адъютантовъ, не помню уже кто именно: князь Трубецкой или Философовъ, во всякомъ случаѣ извѣстный уже и утвержденный спеціалистъ по чайной части, занимался приготовленіемъ чая и угощеніемъ насъ симъ китайскимъ напиткомъ. Когда занятія и чаемъ и игрою кончились и когда наступилъ довольно поздній часъ, великій князь милѣйшимъ образомъ простился съ нами и отпустилъ насъ.

Перейдя въ свитское отдѣленіе, мы нашли тамъ приготовленныя постели, въ которыя, послѣ нѣкоторой болтовни и легкаго ужина, мы и погрузились съ наслажденіемъ. Затѣмъ я уже ничего не могу припомнить, чтобы было бы особенно замѣчательно въ этотъ краткій переѣздъ нашъ изъ Вильны въ Петербургъ.

Милому Гроту, повидимому, особенно поручено было окружать насъ величайшимъ вниманіемъ и предупреждать всѣ наши желанія. Такъ, между прочимъ, на этомъ переѣздѣ онъ разспрашивалъ насъ, угодно ли будетъ намъ остановиться во дворцѣ великаго князя, до отъѣзда на Кавказъ, или распорядиться какъ-нибудь иначе? Мы объяснили сему, изящному гофмейстеру, что у меня и Харитонова существуютъ въ Петербургѣ собственныя квартиры и собственныя семейства, нетерпѣливо насъ ожидающія и что въ помѣщеніи во дворцѣ мы не имѣемъ никакой надобности, но что бездомный Пиленко радъ будетъ таковымъ воспользоваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы внушили Гроту, что во время нахожденія нашего въ Петербургѣ при намѣстникѣ мы всегда пользовались придворными экипажами и что и на этотъ разъ ему предстоитъ устроить эту часть удовлетворительнымъ по возможности образомъ. Послѣ этихъ объясненій Гротъ тотчасъ

отправилъ въ Петербургъ какія-то телеграммы, вѣроятно, указывающія его подчиненнымъ, какъ и что сдѣлать для нашего удовлетворенія. Когда на другой день, съ наступленіемъ вечера, мы прибыли въ Петербургъ, станція желѣзной дороги тоже ярко была освѣщена и на ней тоже ожидала великаго князя значительная толпа мундирныхъ господъ. У подъѣзда стояло множество экипажей, и въ одномъ изъ нихъ столь же величественно, сколько и благополучно, я прибылъ въ свою квартиру, гдѣ и прижалъ къ сердцу всѣхъ своихъ...

„Своя рубашка къ тѣлу ближе“, говоритъ одна пословица. Другая гласитъ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Обѣ эти пословицы совершенно справедливы, какъ справедливы и всѣ наши русскія пословицы. Поэтому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, прежде всего, я старался разузнать о положеніи и судьбѣ высланныхъ мною туда изъ Вильны бумагъ, относительно моего устройства, наблюденіе за которыми я поручилъ женѣ моей. Если князь Барятинскій, во время объясненія съ великимъ княземъ обо мнѣ, забылъ объ нихъ, или придавалъ имъ такъ мало значенія, что даже не счелъ нужнымъ упоминать о нихъ, то это нисколько не мѣшало мнѣ, при моей опытности въ подобныхъ вещахъ, предчувствовать именно въ этихъ бумагахъ основный, такъ сказать, камень будущаго моего петербургскаго положенія. Опытность моя говорила мнѣ, что все и всегда зависитъ отъ столкновенія такъ называемыхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ; что при благопріятныхъ обстоятельствахъ самыя ненадежныя дѣла удаются, а при неблагопріятныхъ самая громадная сила протекціи, защиты, покровительства, ничего не можетъ сдѣлать, какъ и было со мною именно, когда за меня стояло соединенное могущество всѣхъ „сильныхъ міра сего“, разбившееся, однако, въ прахъ объ упорство покойнаго царя, не хотѣвшаго сознаться въ своей пагубной для меня ошибкѣ. Опытность моя говорила мнѣ еще, что благопріятными обстоятельствами надо умѣть пользоваться, и что человѣкъ, разъ прозѣвавшій „хорошій случай“, во всю остальную жизнь можетъ не встрѣтить уже другого „хорошаго случая“. Я видѣлъ, что обстоятельства, въ которыхъ я находился въ это время, благопріятны, и что я долженъ воспользоваться „хорошимъ случаемъ“.

Изъ объясненій моей жены я узналъ, однако, что дѣло далеко не идетъ такъ плавно, какъ я ожидалъ и надѣялся. Кавказскій комитетъ, въ лицѣ моего пріятеля Гулькевича, ставилъ какія-то запятыя. Пріятель этотъ, по обычаю всѣхъ пріятелей, съ неудовольствіемъ

видѣлъ, какъ потомъ оказалось, что я уже чрезъ чуръ широко хватаю и потому, тоже по обычаю пріятелей, хотѣлъ сдержать мои порывы... Онъ говорилъ моей женѣ, что князю слѣдовало прямо написать Государю обо мнѣ, и тогда успѣхъ былъ бы вѣрный; но когда вопросъ этотъ направленъ обыкновеннымъ порядкомъ, то успѣха ожидать трудно, потому что кавказскій комитетъ, въ отношеніи моего громаднаго содержанія, долженъ спросить мнѣніе министра финансовъ, а упорный Рейтернъ, отказывающій всѣмъ направо и налѣво, навѣрно не согласится, при стѣснительномъ положеніи государственнаго казначейства, обратить на него 7 тысячъ рублей новаго расхода и т. п. На другой же день я отправился въ кавказскій комитетъ разбивать встрѣченныя затрудненія... Гулькевичъ повторилъ мнѣ то же самое, что я выше сказалъ. Сознавая внутренно значительную долю справедливости въ его соображеніяхъ, я тѣмъ не менѣе энергически отвѣчалъ, что дѣло это не могутъ остановить никакія препятствія потому, что оно должно рѣшиться только между княземъ Барятинскимъ и Государемъ; что самъ Государь спрашивалъ князя, что онъ долженъ сдѣлать для его приближенныхъ, и потому невѣроятно, чтобы его Величество отказалъ ему въ единственной просьбѣ его въ этомъ отношеніи и что, наконецъ, кавказскому комитету, во всякомъ случаѣ, нечего останавливаться ожидаемыми затрудненіями, а надо вести дѣло впередъ, что бы тамъ ни вышло... Убѣжденный не столько моими доводами, сколько моимъ рѣшительнымъ, энергическимъ тономъ, Гулькевичъ приказалъ при мнѣ же заготовить запросъ министру финансовъ.

Между тѣмъ, опять-таки про себя, я думалъ, что дѣйствительно дѣло можетъ имѣть скверный исходъ, если заранѣе не предупредить всѣ препятствія. Если министръ финансовъ, прославившійся уже въ то время своимъ упорствомъ и своими отказами, дѣйствительно распишетъ на нѣсколькихъ страницахъ, что „нельзя", тогда и Государю будетъ затруднительно сказать: „нѣтъ, можно!" Подъ вліяніемъ этихъ существенныхъ опасеній и уважая пословицу: „куй желѣзо, пока горячо", я прямо отъ Гулькевича отправился къ великому князю. Принятый его высочествомъ чрезвычайно ласково и привѣтливо, я сказалъ:—ваше императорское высочество, были такъ милостивы, что выразили готовность принять участіе въ моемъ петербургскомъ устройствѣ. Князь Александръ Ивановичъ, вѣроятно, забылъ вамъ сказать, что дѣло это уже начато, и если вашему высочеству угодно поддержать его вашимъ могущественнымъ вліяніемъ, то я буду усердно служить вамъ, сколько вашему высочеству будетъ угодно.

— Душевно радъ,—ласково отвѣчалъ великій князь,—въ чемъ же дѣло?

Я разсказалъ ему подробности, а въ заключеніе прибавилъ:

— Весь вопросъ въ содержаніи, ваше высочество!

— А какое содержаніе?—спросилъ онъ.

— Семь тысячъ,—отвѣчалъ я:—вѣроятно сегодня же В. П. Бутковъ явится къ вашему высочеству,—продолжалъ я,—ваше одно слово участія уничтожитъ всѣ затрудненія и препятствія!

— Напротивъ, я сейчасъ ѣду въ государственный совѣтъ,—сказалъ великій князь,—и всѣхъ тамъ увижу: и Буткова, и Прянишникова, и Рейтерна, и всѣхъ попрошу. Во всякомъ случаѣ, я буду просить самого Государя. Надѣюсь, что вы останетесь мною довольны!

„Дѣло въ шляпѣ",—съ восторгомъ думалъ я, выходя изъ кабинета великаго князя.

И дѣйствительно, дѣло закипѣло. Когда на другой день я пріѣхалъ въ кавказскій комитетъ, чтобъ передать Гулькевичу мое объясненіе съ великимъ княземъ, онъ съ своей стороны объявилъ мнѣ, что Бутковъ не подписалъ запроса министру финансовъ, а положилъ его въ карманъ и сказалъ, что лично переговоритъ съ Рейтерномъ. Что именно говорилъ онъ съ Рейтерномъ, положительно неизвѣстно; но послѣдствіемъ этихъ переговоровъ въ кавказскомъ комитетѣ явилась отъ министра финансовъ бумага, которая гласила: „вслѣдствіе личнаго нашего объясненія увѣдомляю, что къ производству изъ казны Инсарскому по 7 тысячъ рублей рѣшительно не оказывается никакихъ препятствій!" По поводу этой бумаги Гулькевичъ жесточайшимъ образомъ бранилъ Рейтерна.—Вотъ они, эти господа, съ ихъ твердостью и независимостью—говорилъ онъ.—Какъ только попроситъ кто изъ великихъ князей, куда дѣвается ихъ твердость и независимость. Сейчасъ и начинаютъ гнуться,—заключалъ Гулькевичъ и замѣчательно, что онъ осыпалъ бранью Рейтерна въ моемъ присутствіи, какъ будто все это относилось вовсе не до меня и я тутъ нисколько не виноватъ. Этого мало, когда Гулькевичъ увидѣлъ, что дѣло, такъ сказать, претъ впередъ и его ничѣмъ уже не остановишь, онъ дѣйствовалъ въ дальнѣйшемъ ходѣ его опять по-пріятельски. Такъ, напримѣръ, когда былъ составленъ проектъ всеподданнѣйшаго доклада, онъ предварительно далъ мнѣ его прочитать и принялъ всѣ измѣненія и дополненія, которыя я предложилъ. Докладъ вышелъ наиблистательнѣйшій! Въ немъ такъ и блистали слѣдующія основныя черты: что я удивительный человѣкъ и дѣлецъ что князь Барятинскій, разставаясь съ Кавказомъ, ничего другого не желаетъ и не проситъ, какъ только устроить меня въ Петербургѣ, благополучнымъ образомъ, и что на это рѣшительно всѣ согласны даже и министръ финансовъ. Дальнѣйшую участь этого доклада предвидѣть было не трудно. Добрый Государь никогда не отказываетъ въ добрыхъ дѣлахъ.

Я живо помню тотъ моментъ, когда я съ женой и нѣкоторыми знакомыми сидѣлъ въ ложѣ итальянской оперы и въ то время, какъ сладкоголосый Кольцоляри заливался соловьемъ, и въ залѣ царила тишина, въ мою ложу ворвался довольно шумно придворный разсыльный и, подавая мнѣ пакетъ, сказалъ: „отъ великаго князя! Его высочество приказали доставить вашему превосходительству немедленно". Въ пакетѣ заключалось отношеніе Буткова, а въ отношеніи излагалось, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ Инсарскаго назначить членомъ почтоваго совѣта съ сохраненіемъ кавказскаго содержанія (7 тыс. руб.) и съ откомандированіемъ въ распоряженіе великаго князя настолько времени, насколько его высочеству угодно будетъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было отдать посланному все, что было въ моихъ карманахъ. На мѣсто презрѣннаго металла, помѣстивъ туда сію благовѣствующую бумагу, я изъ глубины души возблагодарилъ Бога, потомъ князя Барятинскаго и великаго князя.

Само собою разумѣется, что такое блаженное устройство произвело значительные толки въ Петербургѣ и еще болѣе значительную зависть въ моихъ друзьяхъ и знакомыхъ. Хотя это послѣднее явленіе не представляетъ ничего необыкновеннаго, а напротивъ, было бы гораздо удивительнѣе, если бы мои друзья и знакомые возрадовались вмѣстѣ со мною, тѣмъ не менѣе, я не могу не припомнить двухъ случаевъ, гдѣ эта зависть проявилась особенно рельефнымъ образомъ. Въ началѣ новаго года въ Зимнемъ дворцѣ былъ обычный большой балъ. На этомъ балѣ образовалась группа именно моихъ знакомыхъ, въ которой и я находился. Нѣкоторые изъ нихъ искренно или неискренно, но совершенно прилично поздравляли меня. Тутъ же былъ и Арапетовъ, этотъ неудавшійся государственный человѣкъ, этотъ непостижимый другъ добрѣйшаго и благороднѣйшаго Милютина, этотъ, наконецъ, злобный и завистливый армянинъ, который во всю жизнь только и дѣлалъ, что злобствовалъ на всѣхъ и завидовалъ всѣмъ. Онъ мрачно слушалъ и поздравленія, которыя ко мнѣ адресованы были, и выраженія благодарности, которыми я отвѣчалъ на нихъ. Потомъ внезапно и какъ-то драматически онъ вопросилъ: „скажите, однако, за что, за что?"—„Ну, ужъ на это я не умѣю отвѣчать вамъ,—сказалъ я,—объ этомъ лучше всего спросить самого Государя!" Другой случай былъ болѣе комиченъ, чѣмъ драматиченъ. Скоро послѣ этого событія я былъ какъ-то вечеромъ у однихъ старыхъ моихъ знакомыхъ, гдѣ тоже былъ генералъ Г. съ своей женой. Сего генерала я зналъ еще до отъѣзда моего на Кавказъ, потомъ встрѣчалъ на Кавказѣ, откуда, однако, онъ скоро былъ удаленъ. Встрѣтившись съ нимъ у Калашниковыхъ, мы стали освѣдомляться

объ обстоятельствахъ, въ которыхъ каждый изъ насъ находился. Оказалось, что мои обстоятельства настолько хороши, насколько его плоховаты. Его жена, сидѣвшая съ другими дамами въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, замѣтно прислушивалась однако къ нашему разговору Когда я произнесъ знаменитыя: „семь тысячъ", которыя, по правдѣ сказать, многихъ огорошивали, дама эта быстро вскочила со своего мѣста, столь же быстро приблизилась къ намъ и какъ-то неистово начала осыпать меня вопросами „какъ? что? семь тысячъ? Въ годъ? Неужели? возможно ли?" Когда она убѣдилась, что все это дѣйствительно такъ и совершенно возможно, она, въ какомъ-то изнеможеніи, какъ будто послѣ извѣстія о собственномъ несчастіи, опустилась на стулъ и сказала: „Господи, Господи! Есть же людямъ такое счастье!"

По содержанію этой сцены можно было предполагать, что Г. достанется дома отъ его милой половины порядочная головомойка за то, что и онъ не получаетъ „семи тысячъ ежегодно", когда другіе получаютъ. Женщины, и особенно жены, несравненно умнѣйшія этой госпожи, рѣдко принимаютъ на себя трудъ входить въ различіе обстоятельствъ, въ которыхъ находятся ихъ мужья, сравнительно съ другими, и большею частью ограничиваются безразличнымъ требованіемъ, чтобы у нихъ и у ихъ мужей непремѣнно было то, что есть у другихъ женъ и у другихъ мужей, отчего, преимущественно, такъ часто и волнуется, да еще какъ волнуется, море супружескаго блаженства. Само собою разумѣется, что только такой злобный и завистливый человѣкъ, какъ Арапетовъ, или эта барыня, могли выразить свою зависть въ такихъ грубыхъ формахъ; тѣмъ не менѣе, безошибочно можно сказать, что мое свободное, почти независимое и обезпеченное положеніе кололо глаза многимъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли видѣть равнодушно человѣка, который еще такъ недавно былъ незначительнымъ чиновникомъ, довольно подобострастно относился ко всевозможнымъ статскимъ, а наипаче тайнымъ совѣтникамъ, а держалъ себя скромно и осторожно, какъ держатъ себя всѣ тѣ, которые чувствуютъ свою зависимость и необезпеченность въ средствахъ, а теперь такъ нестерпимо, самоувѣренно смотритъ на всѣхъ достопочтенныхъ старцевъ, нагло летаетъ по петербургскимъ улицамъ въ прекрасномъ экипажѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, а при появленіи въ театрѣ, напримѣръ, въ англійскомъ клубѣ и т. п., такъ задираетъ носъ, какъ будто говоритъ всѣмъ этимъ достопочтеннымъ старцамъ: „И знать-то я васъ вовсе не хочу, не только подлипаться къ вамъ. Благодареніе Богу, я самъ себѣ баринъ!" Къ вящшей досадѣ этихъ господъ и физическая фигура моя, совершенно помимо моихъ видовъ и желаній, бросалась въ глаза своею эффектностью,

которую признавали за нею, еще въ молодости моей, всѣ мои товарищи. Еще къ большей ихъ досадѣ, я такъ удачно располагалъ своими средствами, что, не будучи вовсе богатымъ, я казался очень богатымъ и рѣшительно никогда не испытывалъ тѣхъ матеріальныхъ затрудненій, съ которыми постоянно борется большая часть людей, несравненно богатѣйшихъ меня. Скажите, послѣ этого, можно ли смотрѣть на такого счастливаго выходца безъ раздраженія, безъ непріязни? Можно ли простить ему его гордый и независимый видъ, основанный на томъ только, что онъ самъ себѣ, своимъ умомъ, своими трудами, составилъ себѣ свое положеніе?..

Затѣмъ, я снова затрудняюсь, съ какого конца начать изложеніе этого періода пребыванія моего въ Петербургѣ? Прежде всего, надо заявить, что періодъ этотъ, какъ для меня, такъ и для моихъ товарищей, былъ, безспорно, самымъ блестящимъ въ нашей жизни по той великолѣпной обстановкѣ, въ которой мы находились; великій князь осыпалъ насъ безпримѣрными ласками и въ своихъ отношеніяхъ къ намъ отличался величайшей простотой. Кажется, на другой же день нашего пріѣзда, онъ самъ показывалъ намъ свой новый дворецъ, только-что отстроенный и отдѣланный, которымъ онъ самъ видимо любовался. Объясняя намъ красоты и удобства своего обширнаго кабинета, я помню, онъ вопрошалъ насъ милою фразою: „что, вѣдь, не вредно?“ „Не вредно, ваше высочество!“—отвѣчали мы.

Какъ я сказалъ уже, Пиленко остановился во дворцѣ и по обычаю своему тотчасъ началъ разнюхивать, что и какъ тамъ дѣлается? Мы съ Харитоновымъ жили съ своими семействами, но ежедневно являлись во дворецъ, гдѣ для занятій нашихъ отведены были особыя комнаты, направо отъ входа, въ первомъ этажѣ. Ежедневно мы, болтаясь въ пріемной великаго князя, видѣли его высочество по нѣскольку разъ и каждый разъ любовались его свѣтлымъ, прекраснымъ лицомъ, наслаждались его ласковыми, привѣтливыми словами, которыми онъ осыпалъ насъ. Словомъ, онъ нянчился съ нами, какъ добрый отецъ, какъ милый попечитель, и какъ-будто хотѣлъ очаровать насъ.

Въ извѣстный часъ намъ подавали прекрасный завтракъ въ наши комнаты; но навѣрно, если не на половину, то ужъ никакъ не менѣе, какъ въ пропорціи $^1/_3$, мы завтракали съ великимъ княземъ, великою княгинею и ихъ дѣтьми. Во весь этотъ періодъ было много какихъ-то праздниковъ или семейныхъ именинъ и т. п. Въ дворцовой церкви весьма часто служили обѣдни и молебны. Придерживаясь придворныхъ обычаевъ, мы, кавказцы, въ этихъ случаяхъ непремѣнно тоже были въ церкви, оттуда ужъ тоже непремѣнно приглашались къ завтраку великаго князя съ великою княгинею, ихъ дѣтьми,

фрейлинами и адъютантами. Этого мало. Великій князь требовалъ, чтобъ мы представились всей царской фамиліи. Представленія эти начались, разумѣется, съ великой княгини Ольги Ѳедоровны. Самъ великій князь наканунѣ предупредилъ насъ: „завтра, господа, я представлю васъ великой княгинѣ. Ужъ потрудитесь надѣть ваши мундиры". На другой день великій князь представлялъ насъ. Сколько помню, при этомъ представленіи не произошло ничего достопримѣчательнаго.

Великая княгиня, которую я имѣлъ полную возможность наблюдать и разсматривать во время этихъ завтраковъ и при другихъ случаяхъ, несмотря на свою красоту, далеко не была такъ очаровательна, какъ великій князь. Замѣтно было даже, что, какъ и всѣ женщины, ея высочество не была чужда капризовъ. Объ этомъ говорило, прежде всего, ея лицо, безспорно прекрасное, но съ нѣкоторымъ суровымъ оттѣнкомъ. Потомъ я живо помню одинъ случай, положительно подтверждающій это предположеніе. Скоро послѣ назначенія великаго князя намѣстникомъ, въ Петербургъ пріѣхалъ, ужъ не помню по своимъ или казеннымъ дѣламъ, одинъ изъ кавказскихъ адъютантовъ баронъ Мейендорфъ, сынъ того красиваго старца барона Мейендорфа, который былъ президентомъ придворной конюшенной конторы. Молодой Мейендорфъ былъ прелесть—человѣкъ! Умный, кроткій, милый, съ замѣчательными талантами, положительнымъ доказательствомъ чему можетъ служить и то, что послѣ моего отъѣзда съ Кавказа, именно онъ, несмотря на то, что нѣмецъ, получилъ въ управленіе придворный церковный хоръ, мною созданный. Онъ хорошо зналъ музыку и, по пріѣздѣ на Кавказъ, чаровалъ всѣхъ тифлисцевъ прелестною игрою на цитрѣ. Случилось такъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ, разумѣется, тотчасъ явился къ великому князю, а великой княгинѣ не успѣлъ еще представиться. Отъ этого произошло слѣдующее, повидимому, немаловажное въ придворномъ мірѣ происшествіе. За однимъ изъ завтраковъ, когда мы всѣ чинно усѣлись великій князь вдругъ спросилъ: „не здѣсь ли Мейендорфъ? Если здѣсь, позовите его завтракать!" Кто-то изъ адъютантовъ великаго князя, сидѣвшихъ уже за столомъ, сорвался съ своего мѣста и съ быстротою пули вылетѣлъ въ пріемную. Вслѣдъ за тѣмъ, великій князь спросилъ великую княгиню: „онъ представлялся тебѣ?" Великая княгиня не успѣла отвѣчать, какъ входитъ Мейендорфъ. Произошло какое-то едва замѣтное замѣшательство. Великій князь сказалъ: „садись скорѣе!" Великій князь куда-то спѣшилъ, на парадъ что ли какой, ужъ не помню. И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ: „извините, что оставляю васъ. Спѣшу. Мейендорфъ, поѣдемъ!" Вслѣдъ за этимъ оба они

вышли. Какъ только вышли они, Гротъ, постоянно присутствовавшій за завтраками и, какъ я сказалъ уже, главный и единственный отвѣтчикъ за благоденствіе придворнаго міра и отчетливое исполненіе всѣхъ установленныхъ въ немъ обычаевъ и этикетовъ, тотчасъ обратился къ великой княгинѣ съ французскою рѣчью, относящеюся до Мейендорфа. Въ чемъ состояла эта рѣчь и послѣдовавшій за тѣмъ довольно продолжительный и довольно оживленный разговоръ между великою княгинею и Гротомъ, я уже не помню, помню только замѣчательное заключеніе этого разговора. Великая княгиня, возвысивъ нѣсколько голосъ, сказала, не помню также какими фразами, но въ сущности слѣдующее: „Я не имѣю никакихъ особенныхъ претензій, но то, что мнѣ слѣдуетъ, я хочу, чтобъ это исполняли!“ Голосъ и манера великой княгини при этихъ словахъ показывали, что эта истина возвѣщается преимущественно для Кавказа. За этими словами слышались, сами собою, другія, хотя не высказанныя слова: „кто имѣетъ уши, да слышитъ!“ При этомъ великая княгиня довольно внушительно обвела всѣхъ присутствующихъ своими прекрасными глазами и, разумѣется, совершенно случайно, остановила ихъ на нѣсколько мгновеній на мнѣ. „Ну, я-то, Богъ дастъ, и не попадусь,— подумалъ я про себя,—а вотъ какимъ образомъ будутъ себя вести, въ этихъ придворныхъ тонкостяхъ, тифлисскіе грузины, армяне и татары—за это я ужъ не отвѣчаю!“

Всю эту сцену, признаюсь, любя Мейендорфа, я тотчасъ передалъ ему. Онъ значительно было перетрусилъ, но потомъ скоро исполнилъ всѣ нужныя церемоніи и, какъ слѣдовало ожидать, сдѣлался домашнимъ человѣкомъ при дворѣ великаго князя, въ каковомъ положеніи, какъ слышно, и доднесь пребываетъ. Въ отношеніи же собственной безопасности я напомнилъ только милѣйшему Гроту первоначальный нашъ договоръ, въ самомъ началѣ нашей придворной жизни съ нимъ сдѣланный. Отличительная черта этого договора состояла въ томъ что по части этой придворной жизни мы сами рѣшительно ничего не понимаемъ, что, поэтому, онъ долженъ взять насъ, какъ говорится, „въ руки“ и учить, какъ школьниковъ, и что затѣмъ малѣйшій промахъ, какой имѣетъ послѣдовать съ нашей стороны, мы постараемся опрокинуть, предъ лицомъ великаго князя, на отвѣтственность нашего учителя. Быть можетъ, именно, благодаря этому договору, мы дѣйствительно остались совершенно неповинными ни въ какихъ скандалахъ.

Замѣчательно, что великая княгиня, еще молодая и прекрасная, которую мы видѣли, если не каждый день, то весьма часто, одѣвалась въ домашнемъ, такъ сказать, быту съ поразительною простотою. За этими завтраками она сидѣла съ головою, чуждою всякихъ

куафюръ и малѣйшихъ украшеній; волосы были зачесаны такъ, что проще и вообразить невозможно; въ платьяхъ и другихъ принадлежностяхъ ея туалета рѣшительно ничто не останавливало вниманія, и мнѣ даже казалось, что такая скромность переходитъ уже границы, тѣмъ болѣе, что предъ ней вертѣлись личности, которыя далеко нельзя было назвать домашними. Не то, конечно, было, когда великая княгиня являлась на балахъ. Тутъ уже ее просто узнать почти было невозможно: до такой степени она блистала красотой, роскошью туалета и всевозможнымъ великолѣпіемъ. О дѣтяхъ ихъ— можно сказать только, что это были прелестныя дѣти!

Гофмейстериною при великой княгинѣ была Философова, мать того Философова, который былъ адъютантомъ великаго князя и, какъ я сказалъ, великолѣпно стрѣлялъ, жена старика Философова, который когда-то состоялъ при великихъ князьяхъ и, вѣроятно, въ силу этихъ отношеній, сохранившій въ семействѣ великаго князя видъ и характеръ домашняго человѣка, урожденная Столыпина, сестра того Алексѣя Григорьевича Столыпина, о которомъ я говорилъ выше, который, въ одно и то же время, владѣлъ прелестною женою, знаменитою Маріею Васильевною Столыпиною, и который такъ безвременно умеръ въ Саратовѣ отъ холеры. Въ этотъ періодъ нашего пребыванія при великомъ князѣ Философовой не было въ Петербургѣ: она находилась за границей. Обязанности гофмейстерины возложены были на княжну Голицину, одну изъ фрейлинъ великой княгини, которая и исполняла ихъ самымъ милѣйшимъ образомъ. Это была прелестная стройная дѣвушка и, что всего лучше, съ прекраснымъ сердцемъ. Если великій князь, дѣйствительно, поставилъ задачею очаровать насъ, то для достиженія этой цѣли онъ имѣлъ въ этой милой княжнѣ, невѣдомо для себя, сильную союзницу. Кроткая, ласковая, прелестная, именно прекрасный идеалъ русской дѣвушки, княжна Голицина положительно плѣняла насъ. Въ домашнемъ быту она съ величайшимъ любопытствомъ разспрашивала преимущественно меня о всѣхъ подробностяхъ и явленіяхъ кавказской жизни, которая видимо ее интересовала; на балахъ и выходахъ она привѣтливо намъ улыбалась. Мы до такой степени полюбили ее, что когда видѣли гдѣ-нибудь издали ея стройную фигуру, съ радостью кричали другъ другу: „наша княжна, наша княжна!“ Еще до отъѣзда на Кавказъ мы не разъ слышали, какъ великій князь мило угрожалъ княжнѣ замужествомъ тамъ и шутливо говорилъ: „подождите, княжна! какъ только пріѣдемъ на Кавказъ—сейчасъ отдамъ Васъ замужъ!“ Можно думать, что шутки эти не представляли ничего непріятнаго для княжны. Я не знаю, была ли она изъ богатыхъ Голициныхъ или изъ бѣдныхъ, но ясно было, что она была въ такомъ возрастѣ, когда мысль о су-

пружествѣ и всевозможныя варіаціи по этой части могли быть умѣстны. И дѣйствительно шутливыя и милыя предвѣщанія великаго князя осуществились. Долго спустя послѣ моего окончательнаго отъѣзда съ Кавказа—въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что княжна Голицина вышла замужъ и за кого же—Боже мой!—за Св—на, за того самаго Св—на, ограниченность и напыщенное тщеславіе котораго прославились на всемъ Кавказѣ. Тутъ только сдѣлалось мнѣ понятнымъ, что наша княжна Голицина должна быть не изъ богатыхъ Голициныхъ. Сей мужъ, если бы не былъ очень богатъ, едва-ли бы могъ плѣнить одними своими личными качествами сердце какой бы то ни было дѣвушки. Для того, чтобы заполнить женское и всякое другое сердце, прежде всего, надобно имѣть собственное сердце. По этой части Св—нъ совершенно безгрѣшенъ. Этого матеріала онъ вовсе не получилъ отъ природы, которая, взамѣнъ того, щедро надѣлила его всѣмъ, чѣмъ обыкновенно отличаются безсердечные люди: страшнымъ эгоизмомъ и болѣзненнымъ тщеславіемъ. Эгоизмъ и тщеславіе,—я глубоко убѣжденъ,—были краеугольнымъ камнемъ этого супружества. Св—нъ увлекся отнюдь не достоинствами княжны Голициной, но возможностью, посредствомъ ея, сблизиться съ дворомъ великаго князя и поправить свое политическое положеніе, неудовлетворительность котораго я выше изложилъ.

У великой княгини была еще другая фрейлина, кажется, Рихтеръ. Именно эта Рихтеръ и сопровождала великую княгиню, когда великій князь въ первый разъ, по пути въ Варшаву, проѣзжалъ Вильно. Великая княгиня тогда также посѣтила князя Александра Ивановича Барятинскаго, и когда ея высочество вышла въ комнату князя, Рихтеръ, пріѣхавшая съ ней, оставалась въ пріемной и занималась болтовней съ нами. Впрочемъ, я ее мало помню и главнѣйше потому, что въ тотъ періодъ, о которомъ говорю, она, кажется, была больна, по крайней мѣрѣ, мы почти вовсе ея не видѣли. Слышно было, потомъ, что хотя она тоже отправилась на Кавказъ, но, запутавшись въ придворныхъ дрязгахъ и интригахъ, въ которыхъ вовсе не было недостатка, скоро вынуждена была оттуда уѣхать, предоставивъ свою вакансію одной изъ дочерей Огарева, того Огарева, который, въ одно и то же время, былъ и генералъ-адъютантомъ, умѣвшимъ сдѣлаться какимъ-то спеціалистомъ по части военныхъ формъ и, въ силу этой спеціальности постоянно, предлагавшимъ различныя измѣненія и нововведенія въ этомъ отношеніи, и фабрикантомъ галуновъ и позументовъ, которыхъ требовали эти нововведенія; однимъ словомъ, того Огарева, который составилъ себѣ нелестную извѣстность подъ мѣткимъ названіемъ „позументщика", какимъ окрестило его общество.

Послѣ представленія великой княгинѣ мы въ тотъ же день представлялись брату ея, принцу Баденскому, который въ этотъ моментъ былъ въ Петербургѣ и жилъ во дворцѣ великаго князя. Представленіе это состоялось также по настоянію великаго князя. Принца знали мы, равно какъ и онъ зналъ насъ, хотя не въ сильной степени по Кавказу, гдѣ онъ оставилъ добрую память. И дѣйствительно это былъ весьма красивый, молодцоватый молодой человѣкъ съ пріятнѣйшими манерами. На Кавказѣ его очень полюбили наши военные, съ которыми онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ. Они разсказывали, что во время походной жизни онъ отличался удивительною простотою и какъ-то самъ, ужъ неизвѣстно зачѣмъ и для чего, дѣлалъ свою постель, что особенно поражало нашихъ великороссійскихъ офицеровъ, привыкшихъ къ услугамъ лакеевъ и денщиковъ. Принцъ принялъ насъ чрезвычайно привѣтливо, вспоминалъ Кавказъ, при чемъ я выразилъ ему, что Кавказъ также помнитъ его и, вѣроятно, никогда не забудетъ...

Чтобъ не прерывать исторію нашихъ представленій, я поведу ее далѣе, хотя, само собою разумѣется, представленія эти не шли подъ рядъ, и между ними были весьма значительные промежутки. Для представленія великой княгинѣ и принцу Баденскому не требовалось никакихъ предварительныхъ распоряженій. Здѣсь, напротивъ, нашъ гофмейстеръ Гротъ открылъ и продолжалъ дѣятельную переписку по этой части съ другими гофмейстерами другихъ дворовъ. Въ отношеніи представленія нашего Государю самъ великій князь переговорилъ съ его Величествомъ и, вслѣдствіе состоявшагося между ними соглашенія, объявилъ намъ день и часъ, которые для того назначены были. Въ какомъ порядкѣ происходили всѣ эти представленія, я ужъ не помню опредѣлительно. Неизлишне замѣтить, что представлялись мы большею частію втроемъ: я, Харитоновъ и Пиленко. Но сколько помню, при самомъ пріемѣ, насъ, большею частію, раздѣляли, такъ что мы съ Харитоновымъ принимались особо, а Пиленко особо. Происходило ли это оттого, что Пиленко былъ военный, а мы статскіе, или оттого, что Пиленко, какъ говорится, „противъ насъ чиномъ не вышелъ", что мы съ Харитоновымъ были уже звѣздоносцами, а Пиленко еще только голый капитанъ—не знаю.

Когда въ назначенный день и часъ мы пріѣхали во дворецъ великаго князя Николая Николаевича, его высочество, по простому докладу адъютанта, живо принялъ насъ, какъ-то на военную „молодецкую" ногу. Онъ началъ осыпать насъ многообразными, отрывистыми, вопросами... Оперившись уже нѣсколько въ дворцовой сферѣ, воспріявъ, такъ сказать, русскую удаль, но придерживаясь краткаго, военнаго тона, съ которымъ великій князь дѣлалъ свои вопросы, я

нѣкоторыми своими отвѣтами такого же тона и свойства доставлялъ видимое удовольствіе его высочеству. Когда великій князь спросилъ, между прочимъ, сколько насъ пріѣхало изъ Вильно съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, я бойко отвѣчалъ: „три экземпляра, ваше высочество!“ „Три экземпляра!“—съ хохотомъ повторилъ великій князь,—„это хорошо!“ Потомъ великій князь сталъ разспрашивать насъ о Кавказѣ. Представивъ ему нужныя объясненія, я заключилъ такъ: „однимъ словомъ—это хорошій кусокъ, ваше высочество!“ „Хорошій кусокъ!“—снова повторилъ великій князь, засмѣявшись.—„Это хорошо!“ Когда представленіе великому князю кончилось, мы должны были представиться въ тотъ же день великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ. Съ этою цѣлью насъ перевели въ другое отдѣленіе дворца и передали въ другія руки. Насъ принялъ уже какой-то статскій господинъ. Не наступилъ ли часъ нашего пріема, или великая княгиня была занята чѣмъ-нибудь—не знаю; только этотъ господинъ, по приказанію ли ея высочества или по собственному соображенію, любезно предложилъ намъ предварительно осмотрѣть дворецъ. Видно было, что великіе князья, на первыхъ порахъ, любили похвалиться своими дворцами. Разумѣется, мы не могли отказаться отъ этого предложенія. Когда мы кончили наше обозрѣніе—мы были потребованы къ великой княгинѣ.

Великая княгиня приняла насъ среди какой-то большой и прекрасной комнаты. Наружностью великая княгиня—совершенно дочь своего отца принца Ольденбургскаго и, какъ говорится, вылитый его портретъ. Какое у ней сердце—намъ, конечно, некогда было изучать, но изъ продолжительнаго разговора, которымъ ея высочество насъ удостоила, мы вынесли полное и положительное убѣжденіе, что это умная и чрезвычайно пріятная женщина, отличающаяся безпримѣрной простотой. Отъ меня, конечно, нельзя требовать, чтобы я все помнилъ и все передавалъ съ совершенною точностью. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ я помню, что живая бесѣда наша съ великой княгиней продолжалась довольно долго, что ея высочество чрезвычайно интересовалась положеніемъ значительно нашумѣвшаго въ Петербургѣ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, много хвалила, повидимому, лично ей извѣстнаго какого-то архіерея, въ это время только-что назначеннаго въ Ставрополь, на мѣсто знаменитаго Брянчанинова. Другаго ничего не помню и вѣроятно потому, что ничего особенно замѣчательнаго и не было. Когда кончилась аудіенція и мы съ Харитоновымъ вышли отъ великой княгини, мы, несмотря на постоянныя наши, всегда и во всемъ, споры, единогласно рѣшили: „какая славная эта великая княгиня“.

Наступилъ и день представленія великой княгинѣ Еленѣ Павлов-

нѣ. Тутъ уже надо было „держать ухо востро"! Кто не знаетъ, что такое у насъ на Руси великая княгиня Елена Павловна! Если она успѣла завоевать себѣ значительную долю вліянія на ходъ высшихъ государственныхъ дѣлъ въ предшествовавшее царствованіе истинно самодержавнаго Николая, то понятно, что вліяніе это не могло не получить болѣе широкихъ размѣровъ въ царствованіе ея кроткаго племянника, когда добрый Государь, двинувъ множество новыхъ государственныхъ вопросовъ, дѣйствительно можетъ имѣть часто надобность выслушать умный, просвѣщенный и, главное, безпристрастный совѣтъ, мнѣніе независимое отъ той или другой изъ народившихся у насъ въ послѣднее время разнородныхъ и многочисленныхъ партій. И справедливость требуетъ сказать, что какихъ бы ни было размѣровъ это вліяніе—оно не могло не быть благотворнымъ. Любовь ко всевозможнымъ занятіямъ, нужнымъ для изученія Россіи, и стремленіе къ добрымъ дѣламъ въ какомъ бы то видѣ ни было—составляли всегда отличительныя черты характера и дѣятельности великой княгини. Въ подтвержденіе первой черты приведу то, что положительно знаю. Во время службы моей въ министерствѣ государственныхъ имуществъ у меня были тамъ, между прочимъ, два товарища: Лоде и Петерсонъ. Первый былъ спеціалистомъ по части агрономіи, послѣдній по части лѣсоводства. Оба они читали лекціи великой княгинѣ по своимъ предметамъ. Я помню изумленіе, которое подавляло меня, когда они сами разсказывали мнѣ объ этихъ занятіяхъ. „Вотъ охота великой княгинѣ,—думалъ я—заниматься этою сушью!" Понятно, что если эта „сушь" не отталкивала ее, то и всѣ другія занятія не были ей чужды.

Изъ разсказовъ князя Одоевскаго, который, какъ я сказалъ уже, былъ домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ великой княгини, видно было, что она вѣчно училась чему-нибудь. Что касается до второй черты: стремленія великой княгини къ добрымъ и полезнымъ дѣламъ, то эту черту и доказывать нечего. Бездна благотворительныхъ, учебныхъ и всякаго рода полезныхъ заведеній, или учрежденныхъ ею или состоящихъ въ ея завѣдываніи и покровительствѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ лучше, чѣмъ можетъ засвидѣтельствовать слабое перо ничтожнаго человѣка.

Ко всему этому прибавить должно, что сама, умная и просвѣщенная, великая княгиня любила окружать себя тоже умными и просвѣщенными людьми и, разумѣется, поддерживать ихъ, для пользы Россіи, на государственномъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что оба Милютина, играющіе теперь едва-ли не первостепенную роль въ государственныхъ дѣлахъ, люди, которыхъ и Государь и общественное мнѣніе признали и признаютъ самыми чест

ными, безкорыстными и самыми полезными для государства, вышли, такъ сказать, „изъ ея школы". Доказательствомъ, какъ они близки къ великой княгинѣ и какъ великая княгиня близка къ нимъ, можетъ служить, между прочимъ, и то, что одинъ изъ нихъ, несмотря на то, что уже военный министръ, доселѣ проводитъ часто лѣто на Каменноостровской дачѣ великой княгини, непостижимомъ образомъ умѣщаясь, съ своимъ громаднымъ семействомъ, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, находящихся при тамошнемъ дворцѣ.

Для нашего пріема назначено было время довольно позднее и, если не ошибаюсь, 4 часа, такъ что мы собрались во дворецъ темнымъ уже вечеромъ, при огняхъ. Насъ приняла въ одной изъ переднихъ комнатъ фрейлина великой княгини Эйлеръ, та самая Эйлеръ, которая потомъ тоже отправилась на Кавказъ и замѣстила Философову въ должности гофмейстерины при великой княгинѣ Ольгѣ Ѳедоровнѣ. Въ числѣ другихъ причинъ, по которымъ состоялось это передвиженіе, можно считать и ту, что у нея на Кавказѣ были родственники. Именно сестра ея, родная или двоюродная, была замужемъ за однимъ изъ безчисленныхъ князей Андрониковыхъ, женщина, довольно безобразная, прославившаяся болѣзненною страстью къ постройкамъ и, подъ вліяніемъ ея, соорудившая громаднѣйшій несуразный домище на берегу рѣки Куры. Главнѣйшею же причиною этого перехода считали сильную дружбу, завязавшуюся еще въ Петербургѣ между Эйлеръ и великою княгинею Ольгою Ѳедоровною. Эйлеръ, въ моментъ нашего представленія, была уже довольно въ зрѣлыхъ лѣтахъ, но со всѣмъ тѣмъ была очень миловидна и, довольно высокая и стройная, весьма эффектна. Она болтала съ нами весьма долго и оживленно; недостатка въ матеріалахъ для разговора не было. Вѣроятно, разсчитывая уже жить и служить на Кавказѣ, она разспрашивала насъ о всѣхъ туземныхъ обстоятельствахъ, едва-ли не съ большимъ усердіемъ, нежели милая княжна Голицина. Наконецъ, насъ потребовали къ великой княгинѣ и повели черезъ длинный рядъ дворцовыхъ комнатъ.

Великая княгиня приняла насъ, повидимому, въ своемъ кабинетѣ, небольшой комнатѣ, но чрезвычайно изящно и роскошно убранной. Когда мы вошли, великая княгиня стояла посреди этой комнаты, освѣщенной лампами и свѣчами, подъ абажурами. Послѣ первыхъ привѣтливыхъ словъ великая княгиня сама помѣстилась на кушеткѣ или маленькомъ диванѣ и усадила насъ по сторонамъ. Харитоновъ очутился на правой, а я на лѣвой. Занимая свое мѣсто, я не могъ не подумать про себя: „ну! держитесь, молъ, теперь кавказскіе сановники! Помоги, Господи, выбраться по добру, по здорову"! И дѣйствительно, я рѣшительно долженъ отказаться отъ сколько-нибудь по-

дробнаго описанія нашей бесѣды съ великой княгиней: до такой степени она была полна разнообразія, до такой степени великая княгиня проявила здѣсь, съ одной стороны, свою неукротимую любознательность, а съ другой—богатство самыхъ разнородныхъ знаній. Неизвѣстно, знала ли великая княгиня прежде, что Харитоновъ орудовалъ кавказскими финансами или самъ онъ, при тщеславіи, имѣлъ неосторожность проговориться объ этомъ, только первоначальная рѣчь великой княгини пошла именно о финансахъ. И Боже мой! Какъ тутъ жалокъ оказался нашъ доморощенный министръ финансовъ со своими бухгалтерскими свѣдѣніями, съ которыми онъ познакомился, служа въ кавказской казенной палатѣ, и съ своимъ убѣжденіемъ, противъ котораго я постоянно спорилъ, что вся финансовая наука въ нихъ только и заключается. Тутъ едва-ли не въ первый разъ онъ убѣдился, что сальная свѣча вовсе не то, что корсельная лампа и что счетоводство казенной палаты вовсе не представляетъ надежнаго основанія для того, чтобы трактовать съ просвѣщенной великой княгиней о финансахъ. Къ счастію, великая княгиня говорила большею частію сама, говорила на прекрасномъ русскомъ языкѣ, говорила съ тѣмъ милымъ движеніемъ губъ, которыя мнѣ еще въ Вильнѣ такъ понравились. Харитонову оставалось отдѣлываться только общими мѣстами, что онъ и дѣлалъ довольно прилично.

Послѣ разговора съ Харитоновымъ великая княгиня обратилась ко мнѣ; „держись!"—опять подумалъ я про себя. Великая княгиня начала воспоминаніемъ о князѣ Одоевскомъ, о благотворительныхъ дѣйствіяхъ нѣкогда великолѣпнаго нашего общества, значительная часть которыхъ перешла къ ней по наслѣдству, перечисляла нѣкоторыя личности изъ числа бѣдныхъ, бывшихъ въ моей командѣ, которыя продолжаютъ теперь свое существованіе подъ ея покровительствомъ; потомъ перешла къ болѣзнямъ князя А. И. Барятинскаго, потомъ къ предметамъ и частямъ, бывшимъ въ моемъ завѣдываніи на Кавказѣ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, разговоръ не прерывался и конечно не могъ прерваться ни на одну минуту. Великая княгиня хотѣла все знать, со всѣмъ ознакомиться. Все шло чрезвычайно стройно до тѣхъ поръ, кока на почтовомъ вопросѣ неожиданно не загорѣлся между нами весьма оживленный и продолжительный споръ.

Дѣло въ томъ, что всевозможныя нападки на почтовое вѣдомство никогда не были въ такой сильной модѣ, какъ именно въ этотъ моментъ. Когда рѣчь зашла о томъ, что я оставляю кавказскую службу и присоединяюсь къ почтовому вѣдомству, великая княгиня съ чрезвычайнымъ оживленіемъ замѣтила: „Ну, слава Богу! Какъ я рада! Вѣрно, при васъ не будетъ такихъ ужасныхъ безпорядковъ!" Могу по совѣсти сказать, что, воспользовавшись этимъ восклицаніемъ, я ока-

залъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ оказать добрую услугу почтовому вѣдомству вообще, а Прянишникову и Лаубе въ особенности за все, что они, въ свою очередь и въ свое время, для меня дѣлали. Я хотѣлъ, ни много, ни мало, если не окончательно разбить, то, по крайней мѣрѣ, поколебать въ этой просвѣщенной и вліятельной женщинѣ предубѣжденіе о почтовыхъ безпорядкахъ, болѣе воображаемыхъ, нежели дѣйствительныхъ. Поставленное въ ближайшія и безпрерывныя сношенія съ публикой почтовое вѣдомство, весьма естественно, не имѣло физической возможности угодить всѣмъ и каждому. Отъ этого происходило, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что необъятная масса довольныхъ молчала, а незначительное число недовольныхъ чѣмъ-либо наполняло газеты своими укорами, обращенными къ почтовому вѣдомству. Отъ этого происходило также, что какой-нибудь мѣщанинъ, который, напр., при сдачѣ денегъ на почту, простоялъ лишнихъ четверть часа, и то по его разсчету, кричитъ въ одной газетѣ; какой-нибудь баринъ, засѣвшій гдѣ-нибудь въ глуши, не получая, тоже по его разсчету, писемъ и газетъ съ должною скоростью, кричитъ въ другой. Эти крики, въ существѣ часто пустые и неосновательные, встрѣчаемые почти во всѣхъ газетахъ, образовали, наконецъ, убѣжденіе, что въ почтовомъ вѣдомствѣ существуютъ страшные безпорядки, и убѣжденіе это, распространяясь болѣе и болѣе, проникло наконецъ и въ высшія сферы, какъ свидѣтельствуетъ и восклицаніе великой княгини.

На бѣду главный представитель почтоваго вѣдомства, замѣтно дряхлѣющій уже Прянишниковъ, ни по рожденію, ни по связямъ, не принадлежалъ къ этимъ сферамъ и былъ, какъ говорится, нашъ братъ „парвеню". Графъ Адлербергъ, напр., князь Голицынъ, наконецъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой не дали бы ходу этимъ толкамъ однимъ личнымъ своимъ положеніемъ, хотя, по знанію дѣла и по дарованіямъ, всѣ они были значительно слабѣе Прянишникова. Впрочемъ, Прянишникову самая дряхлость его служила нѣкоторымъ извиненіемъ, и потому вся критика, съ примѣсью значительной доли злокачественнаго характера, падала преимущественно на голову бѣднаго Лаубе. Онъ былъ безспорно даровитѣйшій человѣкъ, но сношенія его съ Анненскимъ, къ сожалѣнію, положили на его репутацію, справедливо или нѣтъ, самое темное и можно сказать неизгладимое пятно. Какія именно были эти отношенія, я, разумѣется, положительно знать не могъ и при неподатливости моей натуры вѣрить всему дурному, я никогда не предполагалъ и теперь не предполагаю въ этихъ отношеніяхъ также ничего дурнаго. Съ такимъ взглядомъ и съ такими убѣжденіями я даже считалъ постыднымъ для себя остаться равнодушнымъ при замѣчаніи великой княгини, которое приведено выше.

„Позвольте представить вашему высочеству почтительную мою благодарность за лестное обо мнѣ мнѣніе—началъ я,—но вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь доложить, что я назначенъ членомъ почтоваго совѣта и никакого непосредственнаго вліянія на почтовыя дѣла имѣть не буду"... „Будете, будете, — прервала меня великая княгиня—во всякомъ случаѣ, если вы членъ совѣта, то должны совѣтовать прекратить безпорядки"... „Прежде всего, ваше высочество, члены нашихъ министерскихъ совѣтовъ тогда только совѣтуютъ, когда спрашиваютъ у нихъ совѣта, а не иначе,—отвѣчалъ я,—если бы впрочемъ существовали и другія условія, я все-таки затруднился бы дать мой совѣтъ людямъ, которымъ хорошо извѣстны всѣ эти крики о почтовыхъ безпорядкахъ"... „И прекрасно, что кричатъ объ этихъ безпорядкахъ,—снова прервала меня великая княгиня—надобно кричать громче, громче!!" „Совершенно справедливо, ваше высочество,—почтительно отвѣчалъ я,—но крики и безпорядки двѣ вещи совершенно различныя. Я служилъ уже въ почтовомъ вѣдомствѣ, знаю хорошо организацію его и тѣхъ личностей, которыя стоятъ во главѣ его. Эта опытность даетъ мнѣ смѣлость удостовѣрить ваше высочество, что нападки на почтовое вѣдомство имѣютъ основаніемъ скорѣе моду, чѣмъ существо дѣла". Затѣмъ я сказалъ великой княгинѣ довольно пространную и оживленную рѣчь о томъ, что такое почтовое вѣдомство и что такое нападки на него, одну изъ тѣхъ удачныхъ рѣчей, во время которыхъ я самъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ вдохновенія. Я доказывалъ, что почтовое вѣдомство нисколько не лучше и не хуже всѣхъ другихъ вѣдомствъ; что, какъ въ другихъ вѣдомствахъ есть свои недостатки, такъ точно они, безспорно, есть и въ почтовомъ, но ни больше; несчастіе его,—продолжалъ я,—заключается въ томъ только, что оно поставлено въ прямыя сношенія съ публикой, тогда какъ другія вѣдомства, большею частью, избавлены отъ этихъ сношеній, съ другой стороны едва-ли какое другое вѣдомство можетъ похвалиться такими спеціалистами, какихъ имѣетъ почтовое, въ лицѣ Прянишникова и Лаубе. Прянишниковъ,—объяснялъ я,—всю жизнь посвятилъ почтовому дѣлу и почтовой службѣ и кончилъ тѣмъ, что единственно вслѣдствіе самаго подробнаго изученія почтовой части во всѣхъ государствахъ и возможныхъ улучшеній ея у насъ, сталъ главноначальствующимъ; понятно, какою массою опытности и знаній владѣетъ онъ; въ стремленіи же его приложить то и другое къ пользамъ нашего государства не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія. Если преклонныя лѣта и сопряженныя съ ними болѣзни охладили его энергію, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ успѣлъ приготовить для почтоваго дѣла человѣка, рѣдкаго и драгоцѣннаго, въ лицѣ Лаубе. Одаренный отъ природы вообще великолѣпными

дарованіями, Лаубе сосредоточилъ ихъ исключительно на почтовомъ дѣлѣ и постоянно слѣдитъ за развитіемъ и усовершенствованіемъ его въ Европѣ. Однимъ словомъ, по моему глубокому и искреннему убѣжденію, у кормила почтоваго дѣла стоятъ люди, самые опытные и даровитые, и они дѣлаютъ и могутъ дѣлать лучше, чѣмъ кто-либо все, что можно при нынѣ существующихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Великая княгиня слушала меня внимательно и благосклонно. На лицѣ ея постоянно была какая-то ободряющая улыбка. „Во всякомъ случаѣ я считаю себя счастливымъ,—прибавилъ я—что имѣлъ возможность представить вниманію вашего императорскаго высочества нѣсколько искреннихъ словъ въ защиту искажаемой истины". „Прекрасно,—весело отвѣчала великая княгиня,—но я все-таки надѣюсь, что когда вы возвратитесь съ Кавказа, вы будете имѣть полезное вліяніе на почтовую часть, и дѣла пойдутъ лучше".

Послѣ еще нѣсколькихъ привѣтливыхъ фразъ великой княгини, мы встали, поцѣловали у ея высочества руку и вышли. Аудіенція эта продолжалась, по крайней мѣрѣ, часъ, если не болѣе. Я чувствовалъ величайшее самодовольство, потому что предъ лицемъ такой замѣчательной женщины говорилъ много, хорошо и, главное, на пользу ближнихъ. Пріятное это чувство значительно умалилось, слѣдствіе нахальства дворцовой прислуги. Обстоятельство, въ существѣ неважное, но я считаю неизлишнимъ заявить его здѣсь, ради назиданія гофмейстерамъ, шталмейстерамъ и разнымъ мейстерамъ. Нечего и говорить о томъ, что вся дворцовая челядь только и норовитъ, какъ бы сорвать что-нибудь гдѣ только можно и съ кого только можно. Но болтаясь по разнымъ дворцамъ, я нигдѣ не замѣчалъ такого нахальства по этой части, какъ во дворцѣ великой княгини Елены Павловны. Тамъ вы осаждаетесь безчисленными просьбами. Швейцаръ проситъ; служитель, который снимаетъ и надѣваетъ на васъ вашу шубу, проситъ; служитель, который отворяетъ и затворяетъ вашу карету, проситъ. Между тѣмъ, кромѣ того, что эти просьбы, не приличныя во дворцѣ, хотя бы даже въ передней дворца, онѣ чрезвычайно неумѣстны и досадны, потому еще, что до того ли человѣку, облеченному въ наипараднѣйшую форму, подтянутому и застегнутому со всѣхъ сторонъ, какъ чемоданъ, чтобы раздавать придворнымъ лакеямъ и служителямъ рубли и двугривенные! Точно такими же просьбами мы были осаждены въ день представленія великой княгинѣ. Просьбы эти я съ тѣмъ же негодованіемъ отвергъ въ этотъ день, съ какимъ и потомъ постоянно отвергалъ. Кромѣ неудобствъ, о которыхъ я выше сказалъ, въ нихъ было даже нѣчто оскорбительное. Онѣ какъ будто говорили: „а! друзья! и вы затесались въ дворецъ! Ну, давайте же за это. Съ вами церемониться нечего!"

И дѣйствительно я убѣжденъ, что эти люди никакъ не осмѣлятся тревожить тѣхъ лицъ, которыя часто бываютъ во дворцѣ, и нападаютъ исключительно на тѣхъ, для которыхъ появленіе во дворцѣ составляетъ эпоху, что безошибочно и читаютъ они на самыхъ физіономіяхъ человѣческихъ, съ тѣмъ тактомъ и искусствомъ, съ которымъ извозчикъ отличаетъ дѣйствительнаго петербургскаго господина отъ господина, прибывшаго изъ глухой провинціи. Какъ было бы непріятно великой княгинѣ, если бы она узнала всѣ эти продѣлки, производимыя подъ ея парадными комнатами. Но ясно, что не только сама великая княгиня, но эти „мейстеры" не знаютъ этого, и потому-то я и дѣлаю эту замѣтку, чтобы они впередъ лучше знали, что должны знать. Повторяю—обстоятельство, повидимому, ничтожное, а въ то же время и не совсѣмъ ничтожное. Приведу себя въ примѣръ. Когда я вышелъ отъ великой княгини и спускался съ парадной лѣстницы, душу мою наполняло восхитительное чувство. Когда внизу одинъ изъ служителей попросилъ „на чай", другой „на водку", это восхитительное чувство улетѣло и замѣнилось другимъ, какимъ-то непріятнымъ...

Здѣсь, какъ говорится, „для полноты дѣла", надо замѣтить, что великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ мы не представлялись: почему—не знаю, хотя помню хорошо, что великая княгиня находилась въ это время въ Петербургѣ. Самъ ли великій князь, по какимъ-нибудь причинамъ и обстоятельствамъ, не желалъ этого представленія или нашъ гофмейстеръ забылъ или не успѣлъ снестись по этой части съ гофмейстеромъ великой княгини — осталось рѣшительно неизвѣстнымъ; но какъ всѣ эти представленія дѣлались по указанію самого великаго князя, и по предварительнымъ распоряженіямъ и сношеніямъ нашего Грота и мы только послушно шли туда, куда насъ посылали, дѣлали то, что намъ говорили, то мы не только не заботились лично о представленіи великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но даже, какъ я сказалъ уже, не интересовались и узнать, отъ чего насъ туда не посылаютъ, почему именно это представленіе не состоялось?..

Наступилъ день представленія нашему Государю. Этого представленія я ожидалъ не только безъ малѣйшей робости, но даже съ чувствомъ какой-то радости. Я имѣлъ уже счастіе видѣть близко доброе и прекрасное лицо Государя; слышать его кроткія, привѣтливыя слова, и все это поселило во мнѣ глубочайшую къ нему преданность. Мнѣ кажется, безъ преувеличенія можно сказать, что только свирѣпѣйшее животное могло не любить нашего добраго Государя. Это ангелъ, а не человѣкъ! Когда мы явились въ пріемную предъ кабинетомъ Государя, мы нашли тамъ большую часть государ-

ственныхъ людей: Милютина, Буткова, графа Блудова, князя Долгорукова, князя Суворова и др. Въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ я какъ-то невольно держалъ себя „козыремъ". Чѣмъ торжественнѣе минута, тѣмъ болѣе являлось во мнѣ самостоятельности, самоувѣренности. Чѣмъ выше сфера, въ которой я находился, тѣмъ болѣе возвышалось состояніе моего духа. По мѣрѣ пониженія сферы, меня окружающей, падалъ мой духъ, такъ что въ моемъ „я" являлась какая-то поразительная двойственность. Человѣкъ, на котораго всѣ смотрятъ, рѣзко отличался во мнѣ отъ человѣка, на котораго никто не смотрѣлъ. Отъ этого происходило, что въ первомъ случаѣ, т. е. въ какомъ-нибудь собраніи, засѣданіи, однимъ словомъ, во всякаго рода публичной дѣятельности, я былъ боекъ, самоувѣренъ и вообще эффектенъ, во второмъ, т. е. въ простомъ домашнемъ быту, я былъ невыносимо скученъ и для себя, и для моихъ близкихъ, и по этой части могъ успѣшно состязаться съ любимымъ англичаниномъ, страдающимъ наисильнѣйшимъ „сплиномъ". Отъ этого же происходитъ и то, что въ то время, когда милосердный Богъ далъ мнѣ рѣшительно все, чего жаждетъ каждый человѣкъ: свободу, независимость, обезпеченность, а въ придачу благоустроенное семейство и жену, любовь которой къ мужу не знаетъ рѣшительно никакихъ предѣловъ, я все-таки скучаю самымъ безобразнымъ и, главное, неблагодарнымъ въ отношеніи къ Богу образомъ, и все отъ того, что я не дѣйствую публично.

Предоставленный самому себѣ, хотя бы меня окружили горами золота, я тотчасъ начинаю жестоко скучать.

Теперь само собою понятно, въ какой, такъ сказать, полосѣ нравственнаго бытія я находился, представляясь Государю и очутившись въ сонмѣ именитыхъ мужей. Я началъ съ того, что совершенно свободно, непринужденно, немножко даже по-пріятельски передалъ Милютину просьбу Пиленко, которой тотъ самъ никакъ не рѣшался высказать, въ силу той истины, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ просить о самомъ себѣ. Дѣло въ томъ, что Пиленко начиналъ уже чувствовать свою силу и предстоящіе служебные успѣхи, которые его ожидали; и ужасно добивался чина полковника, который открывалъ ему болѣе широкое поприще. Затрудненіе состояло въ томъ, что не задолго предъ тѣмъ Пиленко только-что получилъ какую-то награду. Милютинъ, хотя и замѣтилъ, что Государь весьма строго держится наградныхъ правилъ, что дѣйствительно и мнѣ и всему міру было извѣстно, однако, обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ.

Во время нашихъ переговоровъ съ Милютинымъ, къ графу Блудову, старчески сидѣвшему у самыхъ дверей государева кабинета, явился придворный лакей съ половины императрицы и пригласилъ

его отъ имени ея величества къ завтраку. Приглашеніе это было сдѣлано какъ-то эффектно, такъ что на него обратили всѣ вниманіе. Когда дряхлѣющій Блудовъ тихонько поплелся вслѣдъ за лакеемъ, игривый Бутковъ тотчасъ сталъ разсказывать, какъ Блудовъ утромъ принимаетъ слабительное, потомъ, когда ѣдетъ къ Государю, принимаетъ крѣпительное, а потомъ, возвратившись домой, снова принимаетъ двойную уже порцію слабительнаго.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ самъ подошелъ ко мнѣ и удостоилъ меня своей величавой бесѣды. Само собою разумѣется, что предметомъ этой бесѣды былъ все-таки князь А. И. Барятинскій. Точнаго содержанія ея я уже не помню; помню только, что она проникнута была такою сухостью, такимъ духомъ нерасположенія къ князю, такого недовѣрія къ образу его дѣйствій, что сильно волновала мою желчную натуру, такъ что я началъ отвѣчать ему довольно рѣзко, и, конечно, бесѣда эта не могла усилить въ этомъ сановникѣ, въ этомъ царедворцѣ, душевнаго расположенія къ такому ничтожному и въ то же время такому зубастому господину, какъ я. Мнительность князя Долгорукова относилась преимущественно къ дѣйствительности болѣзней Александра Ивановича, и сколько я ни доказывалъ, что страданія его были на виду у всѣхъ, сухой и холодный, хотя чрезвычайно вѣжливый, князь Долгоруковъ все-таки держался своего недовѣрія, которое въ особенности меня озлобляло. Весьма естественно, что я и не могъ сохранять равнодушія, видя, какъ искажается истина, и, какъ мои слова, которыми я стараюсь защитить истину, не только не имѣютъ никакого вѣса, но принимаются съ сомнительной улыбкой, какъ нѣчто подкупленное, искусственное, какъ доказательство моего участія въ какомъ-то заговорѣ обмануть общественное мнѣніе. Впрочемъ, надо замѣтить, что, какъ истинный царедворецъ, князь Долгоруковъ не высказывалъ прямо и положительно своего недовѣрія, но оно выражалось во всемъ: и въ его манерѣ, съ которой онъ меня слушалъ, и въ тонѣ, которымъ онъ говорилъ. Я видѣлъ, что относительно князя и особенно относительно его болѣзней сплелись уже при дворѣ, между царедворцами, вреднѣйшія басни. Если, предъ лицомъ великой княгини Елены Павловны я считалъ какимъ-то долгомъ защищать Прянишникова и Лаубе, то не было ли здѣсь моимъ священнымъ долгомъ защищать князя Александра Ивановича отъ сплетней, на него взведенныхъ, и я сколько по свойствамъ своей натуры, столько по сознанію своей независимости отъ всѣхъ этихъ сильныхъ людей, старался исполнить этотъ долгъ добросовѣстно.

Не знаю, искусственно ли это дѣлалось, или совершенно случайно; только князь Долгоруковъ началъ со мной разговоръ на одномъ

концѣ комнаты, ближе ко входнымъ дверямъ; но по мѣрѣ оживленія его, мы, какъ-то, совершенно незамѣтно для меня, подвигались къ противоположной сторонѣ и, наконецъ, очутились у одного изъ оконъ, гдѣ, между прочимъ, стоялъ князь Суворовъ. Князь Долгоруковъ, обратившись къ нему, сказалъ: „вотъ г. Инсарскій утверждаетъ, что князь Барятинскій дѣйствительно сильно болѣлъ и потому только не поѣхалъ на Кавказъ“. Я былъ истинно пораженъ манерою, съ которою добрый, простодушный князь Суворовъ встрѣтилъ это заявленіе: „ха, ха, ха!!—вскричалъ онъ,—да кто же думалъ, что онъ поѣдетъ на Кавказъ. Всѣ знали, что онъ не хочетъ туда ѣхать и не поѣдетъ!“ Я былъ смущенъ въ высшей степени. Князь Долгоруковъ, какъ я сказалъ уже, проявлялъ свое недовѣріе весьма осторожно и весьма неопредѣленно. Князь Суворовъ высказалъ его прямо съ хохотомъ, смыслъ котораго былъ такой: „ну братъ, разсказывай это другимъ, а насъ на эту штуку не поддѣнешь!“ „Извините, ваша свѣтлость,—сказалъ я,—я въ первый разъ слышу это!“ „Помилуйте,—добродушно возразилъ князь Суворовъ,—всѣ видѣли, какъ онъ упирался и если доѣхалъ до Вильны, такъ только для одного вида. Болѣзнь его—одна комедія!“ „Бѣдный князь Александръ Ивановичъ!—подумалъ я про себя,—стремленіе вашего сіятельства хитрить немножко, должно было, рано или поздно, привести къ этимъ послѣдствіямъ. Вамъ уже не вѣрятъ въ томъ, въ чемъ не было никакой хитрости!“ Рѣшительный и самоувѣренный тонъ князя Суворова полагалъ рѣшительную преграду дальнѣйшимъ преніямъ; видно было, что его ничѣмъ не переувѣришь; оставалось только съ достоинствомъ заключить нашъ споръ. „Я рѣшительно не знаю, кто видѣлъ все то, что ваша свѣтлость изволите утверждать; я видѣлъ своими глазами величайшія страданія князя и сохраняю полнѣйшее личное убѣжденіе, что только эти страданія лишили его возможности возвратиться на Кавказъ!“

Изъ кабинета Государя кто-то вышелъ и объявилъ, что вслѣдъ затѣмъ и Государь изволитъ войти къ представляющимся, въ пріемную. Этихъ представляющихся было весьма не много, человѣкъ восемь или десять, не болѣе, на половину статскихъ, на половину военныхъ. Объявленіе это произвело между ними значительную суматоху; всѣ быстро стали устанавливаться и образовали линію, начинавшуюся отъ дверей государева кабинета. Я сказалъ уже, что ожидаемое представленіе Государю не имѣло для меня ничего тревожнаго; но наступившая предъ появленіемъ Государя благоговѣйная тишина, не могла не имѣть и на меня своего вліянія. Не знаю, какъ и почему, я очутился на концѣ линіи послѣднимъ и радъ былъ, что не ко мнѣ первому обратится Государь. Двери кабинета государя торже-

ственно распахнулись, и Государь появился. Я невольно потупилъ глаза. Государь довольно быстро прошелъ предыдущихъ господъ и приблизился ко мнѣ. Я живо помню слѣдующее обстоятельство. Когда Государь проходилъ господъ, выше меня стоящихъ, я стоялъ съ потупленными глазами и самой серьезной физіономіей, на которой, конечно, выражалось, прежде всего, глубочайшее благоговѣніе. Когда Государь приблизился ко мнѣ и заговорилъ со мной, я поднялъ на него свои глаза и тотчасъ понялъ, какъ должна быть глупа моя мрачная физіономія. Государь стоялъ предо мною съ свѣтлымъ, прекраснымъ его лицомъ, каждая черта котораго дышала безконечной добротой, съ улыбкой, имѣвшей въ себѣ что-то неизъяснимо ободряющее и увлекающее, наконецъ, съ привѣтливыми и мягкими словами. Я вдругъ почувствовалъ совершенную необходимость передѣлать свою физіономію, и помню хорошо, что передѣлка эта, отъ торжественности ли минуты, или вслѣдствіе самой быстроты ея, сдѣлана какъ-то матеріально; я слышалъ, какъ мускулы моего лица передвинулись и перестроились мгновенно совершенно на другой ладъ. Такъ точно незабвенный Мартыновъ, въ какой-то комедіи, поставленный въ такое положеніе, что въ одну сторону онъ долженъ былъ свирѣпствовать, а въ другую нѣжничать, мгновенно, бывало, при одномъ поворотѣ головы съ одной стороны на другую, превращалъ свое ужасное лицо въ улыбающееся, чѣмъ и приводилъ въ восторгъ публику, восхищенную его дивнымъ талантомъ. Въ настоящую минуту я былъ невольнымъ и, вѣроятно, довольно удачнымъ подражателемъ неподражаемаго Мартынова.

Здѣсь опять-таки проявилась типическая черта русскаго человѣка, какимъ я и былъ отъ головы до пятокъ. Когда я увидѣлъ доброе, улыбающееся лицо Государя, я не замедлилъ развернуться на широкую руку. Его величество спросилъ: „въ какомъ положеніи вы оставили князя?“ По поводу этого вопроса я не только отвѣчалъ, въ какомъ положеніи мы оставили князя, но и сталъ объяснять, въ какомъ положеніи онъ находился все время съ отъѣзда изъ Петербурга, говорилъ, что онъ положительно былъ близокъ къ смерти, и что и теперь здоровье его представляетъ много опасеній. Государь весьма сочувственно слушалъ меня и изрѣдка только прерывалъ мою бойкую рѣчь выраженіями сожалѣнія, или нѣкоторыми дополнительными вопросами. Князь Долгоруковъ и князь Суворовъ присутствовали здѣсь и слышали мою рѣчь и, быть можетъ, именно ихъ присутствіе придавало ей особенную бойкость. А что она дѣйствительно не лишена была этого характера, доказательствомъ служили упреки моихъ товарищей, что я говорилъ ужъ чрезъ-чуръ много, чрезъ-чуръ громко, чрезъ-чуръ размахивалъ предъ Государемъ своей трехугольной шляпой, чего, конечно, я и самъ не замѣчалъ. Въ заключеніе моихъ

объясненій Государь также сочувственно сказалъ: „дай Богъ, дай Богъ, чтобъ князь поправился!“

Съ половины Государя мы отправились на половину наслѣдника и прорѣзали безконечный рядъ дворцовыхъ комнатъ. Относительно представленія наслѣднику, не было сдѣлано никакихъ предварительныхъ сношеній и распоряженій. Но мы разсчитывали сдѣлать его заодно, какъ говорится: „на ура!“ однако, сильно ошиблись. Наслѣднику, дѣйствительно, доложили о нашемъ нашествіи; но его высочество приказалъ объявить намъ, что очень сожалѣетъ, извиняется и т. п., но принять насъ не можетъ, потому что изволитъ заниматься какимъ-то урокомъ съ какимъ-то профессоромъ. Мы потребовали листъ бумаги и, учинивъ на немъ надлежащее рукоприкладство, отправились по домамъ.

II.

Наши дѣловыя занятія при великомъ князѣ.—Вопросъ о постройкѣ тифлисскаго дворца.—Замѣчательный разговоръ съ княземъ Суворовымъ.—Балъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Кавказскій вечеръ въ Петербургѣ.—Отношеніе княжеской свиты къ князю Барятинскому.

„Ну, и что же вы серьезнаго-то дѣлали при великомъ князѣ, какими дѣлами и вопросами занимались?“ спроситъ, быть можетъ, кто-нибудь изъ читателей, наиболѣе любопытныхъ. „Ничего почти не дѣлали и ничѣмъ почти не занимались!“ отвѣчу я. Въ моей личной дѣятельности, я припоминаю только составленіе небольшой и вовсе немудрой записки о земляхъ. Разъ какъ-то великій князь обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ: „потрудитесь, Василій Антоновичъ, написать мнѣ записку о земляхъ, такъ, какъ князь говорилъ. Самъ я ничего не помню; а между тѣмъ, надо это дѣло доложить Государю“. Своимъ красивымъ, хотя и не разборчивымъ почеркомъ, я немедленно сочинилъ это произведеніе и отдалъ великому князю.

Чрезъ нѣсколько дней великій князь потребовалъ меня въ свой кабинетъ и весело встрѣтилъ меня слѣдующими словами: „поздравляю, Государь утвердилъ вамъ землю! Записку я возьму съ собою въ Тифлисъ, чтобъ дать дѣлу формальное направленіе“. И дѣйствительно, когда я потомъ пріѣхалъ на Кавказъ, я нашелъ эту знакомую бумагу въ тифлисскомъ департаментѣ государственныхъ имуществъ, и директоръ этого департамента, старый мой пріятель, добродушный Витте, совѣщался со мною о дальнѣйшемъ движеніи дѣла, и, главное, о распредѣленіи между нами пожалованныхъ участковъ, при чемъ, по слову князя, сказанному въ Вильнѣ, я дѣйствительно старался не дать себя въ обиду...

Впрочемъ, надо замѣтить, что во дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича меня считали за какого-то всезнайку тифлисскихъ дѣлъ и обстоятельствъ, и въ то же время за самаго домашняго человѣка князя. Отсюда происходило, что занятія мои имѣли преимущественно характеръ наставительный. Такимъ образомъ, графъ Левашевъ осаждалъ меня вопросами, относящимися до исторіи и положенія христіанскаго общества, дѣла котораго переходили въ его руки; Гротъ разспрашивалъ меня о различныхъ тифлисскихъ личностяхъ высшаго сорта и о всѣхъ распорядкахъ приглашенія ихъ ко двору, при князѣ существовавшихъ; вслѣдъ за ними какой-то придворный лакей, оффиціальнаго званія котораго ужъ не помню, впрочемъ, толстый и важный господинъ, лѣзъ ко мнѣ съ какими-то недоумѣніями по части столовой и чайной посуды, которыхъ разрѣшить я былъ уже положительно не въ состояніи.

Дѣятельность Харитонова была еще ограниченнѣе. Было одно только обстоятельство, предоставленное его финансовымъ талантамъ, но и здѣсь талантовъ этихъ онъ не проявилъ. Дѣло въ томъ, что тифлисскій дворецъ, какъ я говорилъ уже выше, столько же походилъ на дворецъ, сколько, напр., простая телѣга на изящную коляску на лежачихъ рессорахъ. Возведенный еще Ермоловымъ, кажется, онъ постоянно дополнялся различными пристройками и передѣлками, производимыми едва-ли не всѣми главноуправляющими Грузіи, которые слѣдовали за Ермоловымъ, такъ что въ концѣ концовъ здаціе это не только не представляло никакого изящества. но было столько же безобразно, сколько и неудобно. Внутреннее убранство сего дворца вполнѣ соотвѣтствовало архитектурной его красотѣ и носило на себѣ ясный отпечатокъ первобытной бѣдности края и отдаленности его отъ всѣхъ цивилизованныхъ и промышленныхъ пунктовъ. Старая, тяжелая, топорная, такъ сказать, мебель, разставленная въ комнатахъ, дико бросалась въ глаза, сколько-нибудь привыкшіе къ новѣйшимъ усовершенствованіямъ по этой части. Но чтобъ выразить однимъ словомъ прелесть этого внутренняго убранства, достаточно сказать, какъ я и упоминалъ уже, кажется, что въ бальной залѣ, вмѣсто люстры, висѣлъ просто деревянный кругъ, обтянутый краснымъ сукномъ, въ который и укрѣплялось нѣсколько свѣчей, разумѣется, въ весьма незначительномъ количествѣ. Какъ могъ проживать въ этомъ бѣдномъ, по части внутренней и внѣшней, помѣщеніи богатый и роскошный князь Воронцовъ, да еще проживалъ, какъ всѣ утверждали, съ великимъ удовольствіемъ,— просто уму непостижимо! Еще болѣе роскошный князь Александръ Ивановичъ не могъ тотчасъ не признать, что такое помѣщеніе не соотвѣтствуетъ ни достоинству, ни значенію великолѣпнаго намѣст-

ника, и, сколько извѣстно, не разъ, письменно и словесно, просилъ Государя разрѣшить построить новый дворецъ.

Но замѣчательный фактъ! По словамъ самого князя, Государь никакъ не соглашался дать этого разрѣшенія и находилъ, что существующій дворецъ весьма удовлетворителенъ. Съ обычнымъ своимъ упорствомъ князь никакъ не могъ разстаться съ мыслью о своемъ дворцѣ, и, подъ вліяніемъ ея, началъ съ того, что передѣлалъ свой кабинетъ, на суммы, состоящія въ распоряженіи намѣстника. Кабинетъ вышелъ истинно волшебный! Едва-ли я ошибусь, если скажу, что такого кабинета, по замѣчательному соединенію въ немъ восточной и европейской роскоши, трудно найти гдѣ-нибудь другой экземпляръ, а что онъ превосходитъ изяществомъ наши дворцовые кабинеты, за это можно поручиться головой. Здѣсь природному вкусу самого князя чрезвычайно помогли, во-первыхъ, несомнѣнный талантъ архитектора Симонсона и, во-вторыхъ, роскошь климатическихъ условій.

Я говорилъ уже, что при моемъ пріѣздѣ на Кавказъ, тамъ, независимо отъ мѣстныхъ, и разумѣется весьма плохихъ архитекторовъ, существовалъ, такъ сказать, придворный архитекторъ Браунмюль, человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, нарочно выписанный изъ-за границы, тотъ самый, который взялся строить мою каджорскую дачу и скоро умеръ. Князь Александръ Ивановичъ чрезвычайно любилъ строительную часть, такъ что, по его указаніямъ, мною былъ сочиненъ даже особый строительный уставъ для Кавказскаго края, уставъ, который, совмѣщая въ себѣ всѣ европейскіе порядки, долженъ былъ, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ узаконить и слѣдовательно облагородить тѣ страшныя воровства, которыя и доселѣ царствуютъ въ необъятной силѣ, въ сферѣ дѣятельности нашихъ архитекторовъ и инженеровъ. Понятно, какъ необходимъ былъ князю талантливый спеціалистъ, который могъ бы понимать и развивать богатыя его фантазіи. Когда смерть унесла, въ лицѣ Браунмюля, такого спеціалиста, надо было озаботиться замѣщеніемъ его. Начались сношенія со всѣми концами міра, и послѣдствіемъ обширной переписки, отсюда возникшей, было пріобрѣтеніе Симонсона, молодаго нѣмца, рекомендованнаго князю извѣстнымъ петербургскимъ архитекторомъ Боссе. Симонсонъ, дѣйствительно, оказался человѣкомъ съ огромнымъ талантомъ и съ прескверным характеромъ. Князь съ великимъ трудомъ переносилъ этого господина и переносилъ только во имя его таланта. Талантъ этотъ блистательно выразился въ устройствѣ кабинета князя. Правда, что они, т. е. князь и Симонсонъ, убухали на это, кажется, 70 т. р., но зато и вышла прелесть-прелестей!

Надо замѣтить, что кабинетъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ

маленькими садиками, цвѣтущими чуть не круглый годъ. Посредствомъ громаднѣйшихъ, во всю стѣну, зеркальныхъ стеколъ, князь и Симонсонъ, какъ будто ввели эти роскошные цвѣтники и лужайки въ составъ кабинета, такъ что каждому, кто входилъ въ этотъ кабинетъ, не могла не представляться мысль: ужъ не въ рай ли онъ попалъ?...

Но чѣмъ великолѣпнѣе сталъ кабинетъ, тѣмъ отвратительнѣе, по сравненію съ нимъ, казались другія комнаты. Отсюда происходило, что и въ послѣдній свой пріѣздъ князя въ Петербургъ, онъ опять возобновилъ переговоры съ Государемъ относительно перестройки тифлисскаго дворца. Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было слѣдующее, состоявшееся между ними, соглашеніе, о которомъ самъ князь намъ разсказывалъ: Государь согласился, чтобы князь въ теченіе семи лѣтъ употреблялъ на эту перестройку, изъ своихъ мѣстныхъ суммъ, по 50 т. р. ежегодно, что и составляло, такимъ образомъ, общую сумму 350 т. р. На этомъ дѣло и остановилось, когда послѣдовалъ виленскій переворотъ.

Если цари, великіе князья и другіе „сильные міра сего" одною стороною и представляются какими-то исключительными личностями, то другою они не перестаютъ быть простыми смертными, и здѣсь они находятся подъ вліяніемъ всѣхъ тѣхъ условій и потребностей, которые испытываютъ и простые смертные. Такъ точно и великій князь Михаилъ Николаевичъ, вслѣдъ за назначеніемъ своимъ кавказскимъ намѣстникомъ, не могъ не подумать о томъ, гдѣ и какъ онъ будетъ проживать въ Тифлисѣ съ молодою княгинею, съ маленькими дѣтьми, фрейлинами, нянькамн, мамками и другими личностями, составляющими внутренній бытъ каждаго семьянина. Вопросъ этотъ тѣмъ естественнѣе долженъ былъ представиться великому князю, что ему предстояло разстаться со своимъ новымъ, только-что отстроеннымъ петербургскимъ дворцомъ, которымъ онъ, повидимому, не успѣлъ еще достаточно налюбоваться. Нѣтъ сомнѣнія, что статья эта была предметомъ самыхъ первоначальныхъ переговоровъ великаго князя съ княземъ Барятинскимъ, потому что еще изъ Вильно была отправлена въ Тифлисъ телеграмма, которою повелѣвалось Симонсону летѣть, елико можно быстро, въ Петербургъ со всѣми планами и свѣдѣніями, до намѣстническаго дома относящимися. Когда великій князь въ разговорахъ съ нами касался этого вопроса, мы говорили, что кабинетъ—прелесть, а дворецъ—гадость! Когда Симонсонъ прилетѣлъ въ Петербургъ, ему объяснили предстоящія потребности и пригласили немедленно проектировать на планахъ всѣ необходимыя передѣлки. Симонсонъ сдѣлалъ эти проекты, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно заявилъ, что передѣлывать постоянно старый и ветхій дворецъ зна-

чить напрасно бросать деньги, и что необходимо или построить новый дворецъ или перестроить старый съ самаго корня. Когда его спросили, сколько же на это денегъ нужно, хотя приблизительно, онъ отвѣчалъ: „милліонъ!“

Вотъ созданіе этого-то милліона и предоставлено было финансовой мудрости Харитонова. Странный въ дѣлахъ и жизни, Харитоновъ призналъ возможнымъ занять этотъ милліонъ, на двадцати семи-лѣтнихъ правилахъ, въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ и погашать его тѣми суммами, которыя Государь уже разрѣшилъ князю Барятинскому употреблять на перестройку дворца. Хотя мы съ Пиленко и замѣчали Харитонову, что семи-лѣтній срокъ, на который дано это разрѣшеніе, не равенъ двадцати семи-лѣтнему сроку, на который предполагается сдѣлать заемъ, что 350 т. р., разрѣшенные Государемъ, едва-ли могутъ обезпечить погашеніе занимаемаго милліона, однако, за всѣмъ тѣмъ, Харитоновъ все-таки сочинилъ какую-то въ этомъ родѣ записку и представилъ великому князю. Великій князь отвѣчалъ, что онъ передастъ эту записку предварительно министру финансовъ и, къ несчастію Харитонова, дѣйствительно передалъ. Неделикатный Рейтернъ нанесъ плану Харитонова рѣшительное пораженіе съ такой стороны, съ которой и мы съ Пиленко не ожидали. Отъ В. П. Буткова мы узнали слѣдующую сцену, которая, вслѣдствіе этой несчастной записки, произошла въ государственномъ совѣтѣ, на виду у многихъ. Суровый Рейтернъ, съ этою запискою въ рукахъ, подходитъ къ великому князю и, возвращая ее, говоритъ: „Г. Харитоновъ, повидимому, недостаточно знакомъ съ нашими государственными учрежденіями: кредитныхъ установленій не существуетъ!“ Но деликатный и добрый великій князь, передавая, въ свою очередь, эту записку ея автору, не передалъ, однако, ему суроваго отзыва суроваго Рейтерна и только замѣтилъ, что министръ финансовъ встрѣчаетъ какія-то затрудненія осуществить предлагаемую мѣру...

Справедливость требуетъ сказать, что Пиленко былъ занятъ нѣсколько болѣе, нежели мы съ Харитоновымъ, чему въ значительной степени содѣйствовало постоянное его жительство и пребываніе во дворцѣ, но та же справедливость заставляетъ замѣтить, что и въ его занятіяхъ не было ничего существеннаго и капитальнаго. Петербургъ вѣчно наполненъ множествомъ кавказцевъ разнаго рода съ дѣлами и желаніями, тоже разнаго рода. Понятно, что какъ только великій князь былъ назначенъ кавказскимъ намѣстникомъ, всѣ эти господа повалили къ его высочеству, какъ къ своему начальнику, защитнику и покровителю. Именно возня съ подобными личностями, возня, чуждая всякой глубокомысленности, но требующая вѣчной суеты, и со-

ставляла предметъ занятій Пиленко. Повторяю, и въ занятіяхъ Пиленко не было ничего интереснаго; но я считаю полезнымъ замѣтить слѣдующее обстоятельство, которое, находясь въ нѣкоторомъ соотношеніи съ его занятіями, кажется мнѣ нелишеннымъ интереса.

Если мнительность и подозрительность князя Барятинскаго, въ отношеніи самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, часто переходила границы и потому имѣла свои неудобства, то, съ другой стороны, и излишняя довѣренность сильныхъ и могущественныхъ лицъ къ своимъ приближеннымъ имѣетъ тоже свои неудобства. Вотъ примѣръ, который можетъ быть полезенъ для этихъ могущественныхъ лицъ. Молодой, полный жизни, великій князь, повидимому, былъ чрезвычайно доволенъ своимъ назначеніемъ и въ сильнѣйшей степени интересовался знать о впечатлѣніяхъ, какія производитъ это назначеніе въ краѣ, ввѣряемомъ его управленію. Любопытство его въ этомъ отношеніи было такъ сильно, что онъ почти безпрерывно спрашивалъ насъ: „что пишутъ съ Кавказа? Не получали ли извѣстій изъ Тифлиса?“ Всѣ письма, въ которыхъ заключалось что-нибудь интересное для его высочества, мы смѣло показывали ему. Я и Харитоновъ, разумѣется, тѣмъ только и ограничивались, но ловкій и смышленый Пиленко построилъ на этомъ любопытствѣ великаго князя весьма замысловатую операцію. Онъ тотчасъ далъ знать всѣмъ тѣмъ лицамъ, въ мнѣніи которыхъ хотѣлъ выиграть для будущихъ своихъ интересовъ, расположеніе которыхъ хотѣлъ пріобрѣсти для большаго обезпеченія своей карьеры, что всѣ письма, получаемыя имъ съ Кавказа, онъ читаетъ великому князю, чтобъ они имѣли это въ виду и сообразовались съ этимъ. Понятно, какія письма сталъ получать Пиленко и читать великому князю. Всѣ они имѣли, болѣе или менѣе, тотъ отличительный характеръ, что на Кавказѣ правда и справедливость значительно прихрамываютъ, и что Кавказъ ликуетъ и благодаритъ Бога, даровавшаго ему въ намѣстники великаго князя, отъ котораго всѣ съ упованіемъ ожидаютъ всевозможныхъ благъ. Письма эти намекали, между прочимъ, что при князѣ Барятинскомъ счастливы были только одни его любимцы; а люди,—истинно дѣловые, трудящіеся, достойные во всѣхъ отношеніяхъ, предавались забвенію. Однимъ словомъ, великій князь читалъ фальшивыя, поддѣльныя письма, въ которыхъ, бросали грязью въ начальника отходящаго и курили ѳиміамъ предъ начальникомъ восходящимъ. Всѣ эти письма Пиленко показывалъ мнѣ и нисколько не скрывалъ, что они сочинялись и присылались нарочито для великаго князя. Особенно на этомъ поприщѣ отличался генералъ Забудскій, бывшій въ то время начальникомъ штаба у Евдокимова, то есть на правомъ крылѣ или въ Кубанской области.

И по прежней своей службѣ и по разсчетамъ на будущую службу, Пиленко особенно придерживался властей этого отдѣла, и понятно, какъ важенъ и нуженъ былъ для его плановъ начальникъ штаба. Очень можетъ быть, что эти почтенные господа, посредствомъ интимной переписки, составили между собою такое соглашеніе: „я, дескать, выставлю тебя предъ великимъ княземъ въ самомъ отличномъ видѣ, а ты зато помоги мнѣ устроиться получше въ сферѣ Кубанскаго міра“. Какъ бы то ни было, но письма этого человѣка отличались равною недобросовѣстностью и въ отношеніи къ князю Александру Ивановичу, на котораго онъ нападалъ, и въ отношеніи къ великому князю, предъ которымъ онъ распростирался въ прахъ. Но удивительное дѣло! Во всю мою жизнь я не видѣлъ примѣра, чтобы ложь приносила пользу, а путемъ кривымъ достигалось что-нибудь существенное, прочное и капитальное. Если иногда путь этотъ и приводитъ къ какимъ-нибудь успѣхамъ—то успѣхи эти всегда скоропреходящи и быстро разлетаются мыльнымъ пузыремъ. Такъ точно было и здѣсь. Я уже потомъ не имѣлъ ни интереса, ни возможности слѣдить ни за карьерою Пиленко, ни за карьерою Забудскаго. Забудскаго скоро прогнали съ Кавказа, а Пиленко, именно вмѣсто его, сдѣланъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области!

Припоминая наиболѣе рельефныя обстоятельства нашего пребыванія въ Петербургѣ въ этотъ періодъ, я кажется, не ошибусь, если отнесу сюда выходъ во дворецъ, не помню только въ день ли Рождества, или въ день Крещенія. Мало знакомый съ придворными распорядками, въ то же время гордый тѣмъ, что состою при великомъ князѣ и ежедневно болтаюсь по дворцамъ, наконецъ, движимый моею старинною любовью къ церковному пѣнію, столь восхитительно исполняемому придворными пѣвчими, я въ подобные дни пробирался прямо въ церковь и беззаботно помѣщался среди самыхъ высшихъ государственныхъ чиновъ и весьма недалеко отъ Государя и императорской фамиліи, хотя это не было въ моихъ правахъ ни по чину моему, ни по оффиціальному моему положенію. Въ тотъ день, о которомъ хочу разсказать, я преспокойно помѣстился на лѣвой сторонѣ церкви, не далеко отъ клироса, и изрѣдка поворачивался вправо для обозрѣнія толпы раззолоченныхъ личностей, наполнявшихъ церковь. При одномъ изъ этихъ поворотовъ я встрѣтился глазами съ княземъ Суворовымъ и, отдавъ ему почтительный поклонъ, принялъ опять свое нормальное положеніе. Князь Суворовъ стоялъ у противоположной стѣны церкви, на правой ея сторонѣ. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ моего поклона, по церкви раздались тяжеловѣсные и довольно безцеремонные шаги отъ правой стороны къ лѣ-

вой. Я слышалъ эти шаги—приближающіеся къ моей сторонѣ, но, считая неприличнымъ безпрерывно вертѣться, сохранялъ свое положеніе и не интересовался знать: кто идетъ и куда идетъ? Вдругъ чья-то полновѣсная рука обхватываетъ меня за талію. Я мгновенно обернулся. Подлѣ меня стоялъ князь Суворовъ; онъ наклонился къ моему уху и повелъ безконечную рѣчь... Взглядывая изрѣдка по сторонамъ, насколько было возможно, оставаясь, такъ сказать, въ объятіяхъ князя, я видѣлъ, что мы сдѣлались предметомъ общаго вниманія и чувствовалъ, что выростаю въ глазахъ, на насъ устремленныхъ...

Рѣчь князя до такой степени была замѣчательна и оригинальна, что я глубоко сожалѣю, не имѣя возможности привести ее слово въ слово. Я хорошо зналъ и изучилъ его сына, Аркадія, моего кавказскаго пріятеля. Все, что говорилъ мнѣ князь Суворовъ, тотчасъ убѣдило меня, что онъ, какъ двѣ капли, похожъ на своего сына, или, лучше сказать, сынъ его представляетъ самое полнѣйшее и точнѣйшее изображеніе своего отца. Въ неистощимомъ потокѣ его словъ видна была та же доброта, та же искренность, та же простота сердца и полнѣйшее отсутствіе всякой зрѣлости и основательности. Предметомъ его рѣчи, разумѣется, былъ князь Барятинскій и потомъ онъ самъ... Въ отношеніи князя Барятинскаго онъ сталъ опять доказывать, что онъ вовсе не хотѣлъ ѣхать на Кавказъ и вовсе не былъ боленъ, а все притворялся и обманывалъ всѣхъ, что онъ ужаснѣйшій хитрецъ—и замѣчательное дѣло—потому что онъ „малороссъ“! „Всѣ малороссы хитры“,—самоувѣренно утверждалъ князь, „и въ князѣ Барятинскомъ бездна именно малороссійской хитрости“. Я старался, сколько могъ, разрушить это странное убѣжденіе; но мои старанія не могли быть успѣшны уже потому собственно, что князь крѣпко обнималъ меня одной рукой и говорилъ постоянно въ мое лѣвое ухо, такъ что мои возраженія я долженъ былъ произносить не предъ лицемъ и глазами князя, а куда-то въ пространство, къ алтарю... Но чтобы подавить окончательно и эти возраженія, какъ слабы они ни были, князь сказалъ: „ну, послушайте! Я вамъ скажу два секрета, и вы увидите, какой онъ обманщикъ. Съ однимъ изъ этихъ секретовъ дѣлайте, что хотите, а другой сохраните! Однажды я пришелъ къ князю. Князь былъ въ халатѣ. Князь говоритъ: „какой ты еще молодецъ, а я вотъ все болѣю“. Я распахнулъ его халатъ, пощупалъ его за ляжки и сказалъ: „нѣтъ, далеко мнѣ до тебя! посмотрѣлъ бы ты на мои дряблыя ноги“! Князь продолжалъ утверждать, что онъ никуда не годится, не можетъ управлять Кавказомъ, думаетъ разстаться съ нимъ и рѣшился предложить государю, вмѣсто себя, меня! Когда теперь назначили Михаила Николаевича, я сталъ разсказывать Николаю Николаевичу, какъ князь Барятинскій надулъ

меня. Великій князь, выслушавъ меня, отвѣчалъ: „за вашу откровенность я вамъ буду отвѣчать своею. Князь Барятинскій надулъ меня совершенно такимъ же образомъ"! Я передаю только сущность разсказа князя Суворова; плодовитыхъ подробностей, которыми онъ былъ исполненъ, разумѣется, я не помню. Я видѣлъ, что тутъ что-нибудь не такъ, потому что князь Барятинскій былъ слишкомъ уменъ, чтобъ прибѣгать къ такимъ уже черезчуръ грубымъ формамъ своей политики, и хотя заявилъ это убѣжденіе, но, разумѣется, оно также не могло имѣть большой силы, и мнѣ оставалось только сожалѣть, что князю Барятинскому навязали репутацію простаго обманщика, гдѣ было столько же справедливости, какъ и въ томъ, что его считали величайшимъ кутилой.

Отъ разсказовъ о князѣ Барятинскомъ князь Суворовъ какъ-то перешелъ къ разсказамъ о самомъ себѣ. То время было, дѣйствительно, едва-ли не самымъ блестящимъ для него временемъ. Своею простотой, своимъ радушіемъ, своею доступностью въ сношеніяхъ съ массами простаго народа, онъ успѣлъ пріобрѣсти величайшую популярность и послѣ пожаровъ, почти ежедневно истреблявшихъ различныя части Петербурга, при существованіи въ столицѣ подземныхъ интригъ и волненій польскаго и инаго происхожденія, его, не безъ основанія, считали въ это смутное и тяжелое время „силой". Въ этомъ именно разговорѣ князь Суворовъ заявилъ, что онъ и самъ считаетъ себя „силой". Трудно, однако, предположить, чтобъ онъ самъ „своимъ умомъ" дошелъ до этого убѣжденія; вѣроятнѣе всего, что это открытіе сдѣлано было ему кѣмъ-нибудь „изъ припѣвающихъ". Какъ бы то ни было, въ этомъ разговорѣ, онъ самоувѣренно заявлялъ, что народъ знаетъ и любитъ только его одного. „Народъ никого не послушаетъ,—говорилъ онъ, меня послушаетъ. Что я скажу, онъ то и будетъ дѣлать"! Слушая всѣ эти разсказы, я думалъ про себя: „для чего это его свѣтлость все это мнѣ повѣствуетъ, мнѣ, относительно его, человѣку, крайне ничтожному?" „Отъ простоты сердца"! самъ же я отвѣчалъ на собственный свой вопросъ, потому что никакого другаго разрѣшенія придумать было невозможно.

Мнѣ очень жаль будетъ, если кто-нибудь въ этомъ правдивомъ разсказѣ заподозритъ съ моей стороны чувство какой-либо непріязни къ князю Суворову, напротивъ, я не знаю, какъ и выразить благодарность мою за его постоянную привѣтливость и симпатію ко мнѣ, выражавшіяся всегда и при всевозможныхъ случаяхъ. Самый разсказъ его, который я привелъ, сдѣланный въ такую, можно сказать, торжественную минуту, служитъ лучшимъ доказательствомъ этой симпатіи. Надо замѣтить, что этотъ разсказъ продолжался весьма долго, и во все продолженіе его я долженъ былъ сохранять то стѣснитель-

ное положеніе, въ которое онъ меня поставилъ, обнимая меня попрежнему одною рукою и нашептывая мнѣ на ухо. Я просто не могъ пошевелиться. Мнѣ становилось крайне неловко, и я начиналъ съ нетерпѣніемъ ожидать конца нашей бесѣды, чтобъ вздохнуть свободно и имѣть возможность расправить свои затекшіе въ одномъ положеніи члены. Вопросъ о томъ, когда наступилъ бы естественнымъ образомъ этотъ желанный конецъ—остался покрытымъ мракомъ неизвѣстности, потому что, къ величайшему моему счастію, я почувствовалъ, что меня кто-то обнялъ сзади тоже рукою, только съ противоположной стороны, и въ то же время надъ ухомъ моимъ, тоже противоположнымъ, раздались слѣдующія слова: „что вы слушаете его? Пожалуйста, не слушайте! Вѣдь, онъ вамъ напоетъ Богъ знаетъ что"! При этихъ словахъ я долженъ былъ сдѣлать въ сторону, съ которой они произносились, невольное движеніе; это движеніе и освободило меня отъ тисковъ, въ которыхъ держалъ меня добрѣйшій князь Суворовъ.

На противоположной отъ него сторонѣ предсталъ взорамъ моимъ весь залитый золотомъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, только что назначенный главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ на мѣсто одряхлѣвшаго Прянишникова, сей, столь же милый и столь не блестящій государственными дарованіями, царедворецъ, какъ и Суворовъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ выразить ему невообразимое мое счастіе, какое испытываю я, очутившись, совершенно неожиданнымъ для меня образомъ, подъ его благотворнымъ начальствомъ, и затѣмъ отодвинулся немного въ сторону, чтобъ соединить его съ княземъ Суворовымъ.

Скоро послѣ этого выхода во дворцѣ и происшедшей при этомъ случаѣ бесѣды моей съ княземъ Суворовымъ, и именно въ началѣ 1863 г., во дворцѣ же былъ обычный годовой балъ. На этомъ-то именно балѣ завистливый Арапетовъ и возопилъ, при разсказѣ моемъ о моемъ петербургскомъ устройствѣ, драматически: „за что, за что"? Балъ былъ блестящъ, какъ и всегда. Великая княгиня Ольга Ѳедоровна, на которую уже мы смотрѣли, болѣе или менѣе, какъ на свою начальницу, блистала красотой и нарядомъ. Мы даже и придерживались преимущественно тѣхъ кадрилей, гдѣ танцовали великій князь или великая княгиня. Великій князь былъ просто очарователенъ. Во время самыхъ танцевъ, встрѣчаясь съ нами глазами, онъ привѣтливо намъ улыбался или милостиво кивалъ намъ головой. Подробно описывать эти балы—не входитъ въ предѣлы моей задачи. Для тѣхъ, кто бывалъ на этихъ балахъ, такое описаніе было бы безполезно; для тѣхъ же, кто не имѣлъ этого счастія, никакое перо не можетъ передать удовлетворительно той невообразимой роскоши, того неска-

заннаго великолѣпія, которыми отличаются наши придворные балы. Мое дѣло отмѣчать только особенныя черты, имѣющія прямое отношеніе къ существу моихъ разсказовъ. Особенною чертою я считаю разговоръ, какимъ на другой день удостоилъ меня великій князь относительно этого бала. „Какъ вы нашли вчерашній балъ“?—спросилъ меня великій князь. Я выразилъ что-то въ родѣ удивленія. „Не правда-ли, великолѣпный балъ“?—продолжалъ великій князь. „Я ужасно люблю наши придворные балы и какъ-то горжусь ими. Я былъ на придворныхъ балахъ за границею. Нигдѣ нѣтъ такого великолѣпія“! Особенною чертою я считаю также и то, что на этомъ балѣ князь Суворовъ, встрѣтившись со мною, опять обнялъ меня, по своей привычкѣ, и началъ что-то говорить, но что именно, рѣшительно не припомню. Помню только, что при первой паузѣ, я спросилъ князя: „что прикажете, ваша свѣтлость, сказать вашему сыну, моему кавказскому другу?“ „Скажите ему,—какъ-то оживленно и громко отвѣчалъ князь,—что я здоровъ, чертовски здоровъ! Меня трудно сломить! Иначе я долженъ бы давно сломиться отъ его поведенія. Всякій на моемъ мѣстѣ давно бы умеръ отъ его поведенія! Скажите ему это!“

Пиленко, какъ я сказалъ уже, одаренный необычайными способностями разнюхивать все и вездѣ, успѣлъ, живя во дворцѣ великаго князя, между прочимъ разнюхать, что весь хозяйственный бытъ въ этомъ дворцѣ поставленъ весьма на экономическую ногу и что великая княгиня, въ особенности, требуетъ во всемъ величайшей экономіи и лично слѣдитъ за всѣми расходами. Къ этому Пиленко, если не ошибаюсь, прибавлялъ, что ни парадныхъ обѣдовъ, ни парадныхъ баловъ въ этомъ дворцѣ и въ заведеніи нѣтъ. Тѣмъ рельефнѣе выступали два небольшіе праздника, которые великій князь далъ въ этотъ періодъ. Первымъ былъ обѣдъ на самое, впрочемъ, ограниченное число лицъ. Кромѣ насъ, состоящихъ при великомъ князѣ, тутъ были, сколько припомню, Милютинъ, старикъ Философовъ, графъ Зубовъ, бывшій гофмейстеръ двора великаго князя. Харитоновъ ужасно гордился и чванился, что онъ приглашенъ къ этому обѣду, а Бутковъ не приглашенъ. О странности отношеній этого господина къ Буткову я упоминалъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Бутковъ сдѣлалъ бездну добра Харитонову, но Харитоновъ относился къ нему постоянно недружелюбно и — что всего страннѣе — какъ соперникъ; тогда какъ ни о какомъ соперничествѣ здѣсь не могло быть и рѣчи, по величайшему различію ихъ оффиціальнаго и общественнаго положенія. Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ. Харитоновъ цѣнилъ, конечно, честь приглашенія къ обѣду великаго князя, но цѣна эта какъ-то удесятерялась въ его глазахъ именно потому, что Бутковъ не былъ приглашенъ. Къ слову сказать, и дѣйствительно великій

князь, по собственнымъ ли соображеніямъ, или по наставленіямъ князя Барятинскаго, не придавалъ никакого особеннаго значенія Буткову, даже не былъ къ нему достаточно внимателенъ, такъ что, послѣ первыхъ порывовъ, Бутковъ совсѣмъ пересталъ бывать у великаго князя.

Обѣдъ имѣлъ характеръ полу-кавказскій, полу-семейный и не ознаменовался ничѣмъ особеннымъ. Особеннымъ можно признать развѣ то только, что Милютинъ особенно рельефно проявилъ здѣсь свою классическую простоту. Я помню, что великій князь сталъ разсказывать нѣчто изъ своихъ плановъ о томъ, какъ онъ пріѣдетъ на Кавказъ и какъ будетъ поступать на первыхъ порахъ. Къ чему собственно это относилось, я не помню; но знаю и помню, что Милютинъ весьма свободно и непринужденно отвергалъ эти планы и совѣтывалъ слѣдовать другимъ пріемамъ. Послѣ обѣда приведены были въ столовую маленькія дѣти великаго князя, которыя тотчасъ и окружили стараго Философова, повидимому, весьма близко знакомаго имъ. Я, лично, разсказывалъ фрейлинамъ великой княгини, какъ живутъ въ Тифлисѣ и что ихъ тамъ ожидаетъ...

Другимъ праздникомъ былъ балъ, данный великимъ княземъ. Балъ этотъ, на придворномъ языкѣ, назывался, сколько помню, маленькимъ, тѣмъ не менѣе былъ блестящъ и великолѣпенъ. Танцовали, дѣйствительно, не въ главной, а въ какой-то второстепенной залѣ. Харитоновъ опять торжествовалъ, что мы приглашены на этотъ балъ, а Бутковъ, его воображаемый соперникъ, опять не приглашенъ. Впрочемъ, судя по размѣру нашего придворнаго и аристократическаго міровъ, счастливцевъ, удостоившихся приглашенія, было весьма мало, такъ что всѣ кадрили составлялись преимущественно изъ лицъ императорской фамиліи и въ числѣ личностей, вообще наполнявшихъ залу, большинство принадлежало царскому семейству. Августѣйшія лица безпрерывно двигались по залѣ, и мы, волею, неволею, должны были часто сталкиваться съ ними и отвѣчать на ихъ привѣтливыя слова, которыми они насъ удостаивали. Великій князь Михаилъ Николаевичъ, веселый и довольный, въ качествѣ хозяина, усердно хлопоталъ и постоянно прорѣзывалъ комнаты.

Великій князь Николай Николаевичъ дирижировалъ танцами. Во время кадрили или мазурки постоянно раздавались его возгласы, сходные съ тѣми, которые мы слышимъ при военныхъ ученьяхъ. По окончаніи каждаго танца онъ выбѣгалъ въ другую комнату, или лучше сказать, въ другое отдѣленіе залы, съ блѣднымъ лицомъ, измученный и трудно дышащій... Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова танцовалъ и снова командовалъ. Въ теченіе всего вечера постоянно ждали Государя, и замѣтно было, что это ожиданіе начинало уже производить

нѣкоторое безпокойство. Чрезвычайно поздно, кажется послѣ уже 12 часовъ, Государь пріѣхалъ наконецъ. Когда его Величество вошелъ въ залу, каждому бросалось въ глаза величайшее утомленіе, отражавшееся на его лицѣ. Такое позднее прибытіе и такое видимое утомленіе ясно говорило, что Государь занятъ былъ какою-нибудь продолжительною и утомительною работою. Государь обошелъ залу и поговорилъ со многими. Остановившись предо мной и Харитоновымъ, его Величество сталъ спрашивать насъ: когда и какъ мы отправляемся на Кавказъ? Вслѣдъ за тѣмъ Государь сѣлъ играть въ карты съ молодымъ графомъ Адлербергомъ. Былъ ли еще какой партнеръ и если былъ, то кто именно—не помню. Когда Государь кончилъ партію и всталъ изъ-за стола, все общество перешло въ другую комнату, гдѣ разставлено было нѣсколько столовъ, приготовленныхъ для ужина.

Ужинъ былъ великолѣпенъ въ высшей степени. Не знаю, указали ли мнѣ мое мѣсто за ужиномъ или я самъ занялъ его, только оно оказалось столь же почтеннымъ, сколько и стѣснительнымъ. Царскихъ особъ было такъ много, что куда ни обратишь глаза, вездѣ встрѣчаешь, на самомъ близкомъ разстояніи, великихъ князей и великихъ княженъ. Подлѣ меня сидѣлъ графъ Зубовъ, съ которымъ мы и вели оживленную бесѣду. Во время этой бесѣды я зорко слѣдилъ за всѣми манерами и пріемами сего опытнаго царедворца и въ нихъ почерпалъ для себя надежное руководство при такихъ торжественныхъ и такихъ исключительныхъ въ моей жизни обстоятельствахъ.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда нашего на Кавказъ. Общій планъ этого отъѣзда былъ слѣдующій: великая княгиня, находившаяся, какъ говорится, „въ интересномъ положеніи", отправлялась за границу и оттуда уже ранней весной, въ условленный срокъ, должна была прибыть на Кавказъ и высадиться въ Поти. Великій князь отправлялся прямо на Кавказъ и предполагалъ, по прибытіи въ Ставрополь, повернуть въ сторону, въ сопровожденіи мѣстныхъ властей, для обозрѣнія военныхъ силъ и военныхъ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ. Мы съ Харитоновымъ должны были отправиться нѣсколькими днями ранѣе великаго князя и дожидаться его высочества въ Ставрополѣ. О порядкѣ отправленія придворнаго штата и придворнаго имущества, конечно, я нисколько не интересовался знать; зналъ только, что между придворною челядью ходило и колыхалось море опасеній, тревогъ, претензій, по случаю предстоящаго переселенія, и что бѣдный Гротъ положительно изнывалъ подъ бременемъ хозяйственныхъ заботъ. Весь этотъ планъ сдержанъ былъ, однако, въ своемъ исполненіи, по случаю предстоящаго кавказскаго праздника. Инициатива этихъ ежегодныхъ кавказскихъ праздниковъ безспорно

принадлежитъ тому Романовскому, о которомъ я не разъ уже говорилъ. Петербургъ, можно сказать, биткомъ набитъ личностями, служившими на Кавказѣ. Въ военномъ мірѣ, преимущественно, трудно встрѣтить заслуженнаго, пожилаго, генерала или офицера, который не побывалъ бы въ этой боевоей странѣ. Поэтому мысль объ этихъ ежегодныхъ праздникахъ принята была старыми кавказцами съ большимъ сочувствіемъ. Извѣстный ветеранъ, генералъ Козловскій, о которомъ тоже было говорено выше, назначенъ былъ предсѣдателемъ или президентомъ этихъ праздниковъ. Для устройства ихъ всегда составлялся особый комитетъ изъ нѣсколькихъ кавказцевъ, въ числѣ которыхъ, Романовскій, какъ изобрѣтатель праздниковъ, занималъ самое видное мѣсто. Оффиціальнымъ, такъ сказать, ораторомъ на этихъ праздникахъ, большею частью былъ графъ Соллогубъ, и справедливость требуетъ сказать, что обязанность эту онъ исполнялъ очень добросовѣстно. Гдѣ бы ни бродяжничалъ онъ, въ Москвѣ, въ Дерптѣ или иныхъ мѣстахъ, къ этому дню онъ являлся въ Петербургъ неукоснительно и въ пламенныхъ рѣчахъ расписывалъ красоты Кавказа, повидимому великодушно забывая, что этотъ прекрасный, воспѣваемый имъ, край неоднократно и совершенно безцеремонно извергалъ его изъ себя. Вообще какъ и все новое, праздники эти на первыхъ порахъ производили большой шумъ и привлекали громадныя толпы кавказцевъ. Огромная зала въ гостиницѣ Демута убиралась на кавказскій манеръ. Конвой Государя, составленный изъ кавказцевъ, весь вечеръ пѣлъ кавказскія пѣсни и плясалъ туземныя пляски. Знаменитая лезгинка увлекала, особенно послѣ ужина, многихъ изъ присутствующихъ, въ томъ очередномъ порядкѣ, о которомъ я выше разсказывалъ. Дѣйствительно, эти праздники живо напоминали Кавказъ и его жизнь. Къ сожалѣнію, по какому-то дѣтскому непостоянству человѣчества, праздники эти, какъ и все на свѣтѣ, начали постепенно падать... Но въ тотъ періодъ, о которомъ я говорю, упадокъ этотъ еще не былъ такъ замѣтенъ, и распорядители, разсчитывая на несомнѣнное посѣщеніе великаго князя Михаила Николаевича, старались, естественно, сдѣлать праздникъ того года какъ можно болѣе блистательнымъ. Хотя праздникъ этотъ задерживалъ нѣсколько отъѣздъ великаго князя, но его высочество не желалъ уклониться отъ него и не только самъ рѣшился дождаться назначеннаго дня, но и намъ приказалъ остаться.

Праздникъ былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Великій князь явился туда въ горскомъ или казачьемъ платьѣ, т. е. чухѣ и папахѣ, которыя еще болѣе украшали его прекрасную фигуру, и встрѣченъ былъ оглушительнымъ „ура“! Начало и продолженіе праздника шли, какъ говорится, „по маслу“; въ концѣ вышло значительное замѣша-

тельство. Когда всѣ сидѣли за ужиномъ, Соллогубъ всталъ и громогласно прочиталъ приготовленную имъ и даже заранѣе отпечатанную рѣчь, по обычаю наполненную пустозвонными фразами о кавказскихъ горахъ, о кавказскихъ орлахъ, о Казбекѣ въ бѣлой шапкѣ и т. п. Послѣ Соллогуба Милютинъ произнесъ длинную, какую-то дѣловую рѣчь, гдѣ сдѣлалъ историческое обозрѣніе дѣйствій нашихъ по покоренію Кавказа, и заключилъ указаніемъ на блестящій подвигъ князя Александра Ивановича Барятинскаго. Надо замѣтить, что Милютинъ сидѣлъ по лѣвую сторону великаго князя; князь Суворовъ сидѣлъ по правую. Когда Милютинъ выставилъ рельефно заслуги князя Барятинскаго, князь Суворовъ заметался... Онъ сталъ ходить по залѣ и искать какого-нибудь оратора, который бы сказалъ что-нибудь въ пользу и во славу другихъ начальниковъ Кавказа, которые, по его убѣжденію, трудились не менѣе князя Барятинскаго. Охотниковъ не находилось. Князь Суворовъ атаковалъ меня; я всталъ и воцарилось молчаніе. Большинство знало, что я говорилъ не дурно. Основою моей рѣчи была та мысль, что всѣ мы, собравшіеся во имя любви къ Кавказу, должны, вмѣстѣ съ нимъ, торжествовать и радоваться, что онъ пріобрѣтаетъ намѣстникомъ августѣйшаго брата Государя; въ подробностяхъ же я старался удовлетворить требованію князя Суворова и съ этою цѣлью, воздавая хвалу прежнимъ дѣятелямъ Кавказа, вызвалъ изъ прошедшаго наиболѣе знаменитыя имена. Рѣчь моя покрыта была рукоплесканіями; но видимо неудовлетворила князя Суворова, потому что, вслѣдъ за нею, онъ, съ бокаломъ въ рукѣ всталъ съ своего мѣста и какимъ-то громкимъ неистовымъ голосомъ произнесъ что-то въ этомъ родѣ: „выпьемъ, господа, и за прежнихъ главнокомандующихъ, при которыхъ мы служили и которые были не хуже другихъ“...

Подгулявшее общество покрыло и эти слова рукоплесканіями. Когда они утихли, Милютинъ сказалъ: „а я все-таки повторяю, что всѣ они не сдѣлали того, что сдѣлалъ князь Барятинскій!“ Простодушный князь Суворовъ замѣтилъ на это: „ну, ужъ вамъ-то говорить этого не слѣдуетъ, вы были начальникомъ его штаба и какъ-будто хвалите самого себя!“ Къ величайшему и общему удивленію, кроткій, деликатный, миролюбивый Милютинъ приведенъ былъ этими словами, безъ сомнѣнія сказанными безъ особенной цѣли, въ необыкновенное раздраженіе. Началось весьма серьезное и щекотливое объясненіе. Великій князь, находившійся между двумя враждующими сторонами, невольно долженъ былъ сдѣлаться посредникомъ между ними, но посредничество его, повидимому, имѣло мало успѣха, потому что скоро всѣ они, втроемъ, встали изъ-за стола и удалились въ другую комнату, продолжая спорить. Большая часть общества ви-

дѣла заварившуюся кашу и слышала обоюдныя объясненія. Я тоже слѣдилъ за этимъ событіемъ, сколько могъ, и видѣлъ, что добродушный Суворовъ шелъ на миръ и старался убѣдить Милютина, что онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній; но Милютинъ, опять-таки къ удивленію, былъ блѣденъ, сохранялъ суровое выраженіе лица и видимо не поддавался на эти убѣжденія. Я слышалъ самъ, какъ Суворовъ говорилъ ему: „могу ли я имѣть что-нибудь противъ человѣка, который такъ великолѣпно написалъ исторію моего дѣда?..“ Чѣмъ кончилось это неожиданное столкновеніе, осталось неизвѣстнымъ, во-первыхъ, потому, что торчать въ той комнатѣ, куда удалился великій князь съ противниками и слѣдить за подробностями этой исторіи, было невозможно и, во-вторыхъ, потому, что, не возвращаясь уже изъ этой комнаты въ общую залу, гдѣ, по уборкѣ столовъ, кипѣла самая отчаянная лезгинка, всѣ они разъѣхались по домамъ...

Очень можетъ быть, что кто-нибудь полюбопытствуетъ знать: „какимъ образомъ, эта новая, придворная сфера, въ которой мы очутились, относилась къ князю Александру Ивановичу?“ Увы! по этой части не оказывалось ничего хорошаго. Самъ великій князь держался нейтральнаго положенія. Если, съ одной стороны, на него видимо дѣйствовало вліяніе недавнихъ совѣтовъ и наставленій князя Александра Ивановича, то, съ другой стороны, онъ не былъ чуждъ вліянію другихъ противоположныхъ непріязненныхъ къ князю силъ. Что эти непріязненныя силы тотчасъ нахлынули на великаго князя—этотъ фактъ мы съ Пиленко видѣли ясно. А что великій князь не былъ расположенъ отметать ихъ съ презрѣніемъ,—тому, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство, относящееся именно къ кавказскому празднику, о которомъ я только-что разсказалъ. Передъ наступленіемъ этого праздника, кто-то изъ благопріятелей князя Александра Ивановича не посовѣстился увѣрить великаго князя, что на прошлогоднемъ праздникѣ, когда предложенъ былъ тостъ князя Барятинскаго, поднялось всеобщее шиканье. Что господинъ, сочинивъ эту нелѣпую басню, поступилъ лживо и подло, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Предполагалъ ли онъ на предстоящемъ праздникѣ самъ предложить тостъ князя, или желалъ предупредить повтореніе подобнаго скандала въ его присутствіи, только во всякомъ случаѣ великій князь смущенъ былъ этимъ обстоятельствомъ, не зналъ, какъ поступить и совѣтовался въ этомъ отношеніи съ Пиленко. Я удостовѣрилъ Пиленко, а Пиленко удостовѣрилъ великаго князя, что никакого шиканья при провозглашеніи тоста князя Барятинскаго никогда не было, да вѣроятно, никогда и не будетъ, и что въ этомъ отношеніи безпокоиться рѣшительно нечего.

Что касается до свиты великаго князя, то, къ удивленію, она вся безъ исключенія, проявляла всюду и во всемъ положительную и вовсе нескрываемую непріязнь, даже можно сказать, какую-то непонятную ненависть къ князю Барятинскому. Я говорилъ уже, что „сильные міра сего" не перестаютъ быть простыми смертными въ своемъ домашнемъ быту. Если ваши домашніе, гуртомъ, возненавидятъ кого-нибудь, то какъ вы ни крѣпитесь, а этотъ „кто-нибудь", рано или поздно, значительно потеряетъ въ вашихъ глазахъ.

Эти пріятныя воззрѣнія въ отношеніи къ князю Александру Ивановичу съ теченіемъ времени отразились и на насъ, то есть приближенныхъ къ князю. Послѣ первоначальныхъ любезностей, которыми насъ окружали въ Петербургѣ и о которыхъ я разсказывалъ, насъ замѣтно стали оттирать отъ великаго князя. Разительный тому примѣръ представляетъ самъ Пиленко. Когда я съ Харитоновымъ отправился на Кавказъ, за нѣсколько дней впередъ предъ великимъ княземъ, Пиленко, повторяю, умный и ловкій, оставаясь при великомъ князѣ, сохранялъ полнѣйшее свое могущество и казался самымъ близкимъ и необходимымъ человѣкомъ великому князю. Когда, въ свитѣ его высочества, онъ пріѣхалъ въ Ставрополь, онъ самъ передалъ мнѣ, что оттертъ и затертъ уже и со свойственною ему прозорливостью сталъ немедленно хлопотать, какъ бы получше и повыгоднѣе устроиться въ дѣйствительной службѣ, подальше отъ придворнаго міра, чего и достигъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, поступивъ начальникомъ штаба казачьяго войска въ Кубанской области, подъ команду графа Эльстона-Сумарокова, назначеннаго наказнымъ атаманомъ этого войска, и очаровавъ потомъ этого господина до такой степени, что когда Эльстонъ сдѣлалъ былъ, на мѣсто Евдокимова, начальникомъ Кубанской области и командующимъ войсками, тамъ расположенными, Пиленко остался все-таки при немъ начальникомъ штаба уже по этому званію и такимъ образомъ, водворился на мѣстѣ стараго своего пріятеля, генерала Забудскаго. Пиленко, со свойственною ему смѣтливостью, видѣлъ и въ дружескихъ со мной бесѣдахъ утверждалъ, что держаться въ свитѣ великаго князя ни ему, никому другому, такъ сказать, „изъ пришлыхъ со стороны" не только неудобно, но даже просто невозможно. Личности, составляющія тѣсную свиту великаго князя, хотя жесточайшимъ образомъ грызутся и интригуютъ между собой; но при появленіи новаго человѣка дружно соединяются и совокупными силами накидываются на этого пришельца, стараясь, во что бы то ни стало, отогнать его отъ заколдованнаго кружка. Человѣчество вообще туповато по части изобрѣтенія хорошихъ, добрыхъ и полезныхъ дѣлъ; но на сочиненіе различныхъ пакостей своему ближнему—оно замысловато въ высшей степени.

Такъ было и здѣсь. Едва-ли я ошибусь, если скажу, что эта клика старыхъ близкихъ людей великаго князя представила насъ какими-то соглядатаями, приставленными къ нему со стороны князя Барятинскаго, которымъ поставлено въ обязанность передавать ему все, что происходитъ въ новой сферѣ, и отъ которыхъ надобно, во что бы то ни стало, поскорѣе отдѣлаться. Предположеніе это находитъ сильное подтвержденіе, прежде всего, въ томъ, что Пиленко такъ быстро утратилъ близость свою къ великому князю. Оно еще болѣе подтверждается отношеніями двора великаго князя къ племянникамъ князя Александра Ивановича, двумъ молодымъ графамъ Орловымъ-Давыдовымъ. При передачѣ Кавказа великому князю, эти молодые люди, вмѣстѣ съ графомъ Чернышевымъ-Кругликовымъ, назначены адъютантами при князѣ Александрѣ Ивановичѣ, по званію фельдмаршала; за всѣмъ тѣмъ, они все-таки поѣхали на Кавказъ, кажется, для окончательнаго устройства тамошнихъ своихъ дѣлъ и, если не ошибаюсь, очутились тамъ прежде великаго князя.

Когда великій князь пріѣхалъ въ Тифлисъ и начались тамъ безконечныя празднества, графы Орловы-Давыдовы получали, разумѣется, всѣ приглашенія, требуемыя приличіями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было положительно извѣстно, что пребываніе ихъ въ Тифласѣ не представляетъ ничего пріятнаго для двора великаго князя.

Дѣло въ томъ, что когда Пиленко получилъ довольно отдаленное отъ двора назначеніе, когда графы Орловы-Давыдовы, а вслѣдъ за ними и я, отправились въ Петербургъ, въ Тифлисѣ остался одинъ Харитоновъ изъ тѣснаго кружка личностей, окружавшихъ въ послѣднее время князя Барятинскаго. Съ добродушною, безпримѣрно наивною откровенностью онъ самъ разсказывалъ мнѣ свое отвратительное положеніе, которое онъ долженъ былъ испытывать въ этотъ періодъ въ Тифлисѣ. Въ доказательство, до какой степени оно было отвратительно, онъ приводилъ, что даже баронъ Николаи, сдѣлавшійся начальникомъ гражданскаго управленія, ни разу не пригласилъ его обѣдать, хотя у него учреждены были какіе-то постоянные ежедневные обѣды, къ которымъ, въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ, приглашались всѣ значительныя лица гражданскаго міра. Само собою разумѣется, что такое положеніе не представляло ничего пріятнаго для добраго, но тщеславнаго Харитонова, и потому онъ тоже заявилъ желаніе перейти въ Петербургъ. Повидимому, это желаніе вполнѣ соотвѣтствовало видамъ высшихъ мѣстныхъ властей; по крайней мѣрѣ, величайшія любезности, оказанныя со стороны ихъ при исполненіи этого желанія, заставляютъ такъ думать. Началось съ того, что Харитоновъ возжелалъ получить, подобно мнѣ, участокъ ставропольской земли. Ему дали землю. Потомъ Харитоновъ заявилъ, что онъ не

можетъ перейти въ Петербургъ иначе, какъ сенаторомъ. Ему выхлопотали сенаторство. Харитоновъ заявилъ, что 6 тыс. руб., назначенныхъ ему по званію сенатора, мало. Ему выхлопотали аренду въ 2 тыс. руб. Такимъ образомъ, Харитоновъ, осыпанный милостями и почестями, переселился въ Петербургъ, забравъ всѣ эти почести и милости такъ удачно именно вслѣдствіе того обстоятельства, что его хотѣли, во что бы то ни было, сбыть съ Кавказа, потому что никакихъ особенныхъ заслугъ великому князю, въ этотъ короткій періодъ, онъ не имѣлъ времени оказать, не говоря уже о томъ, въ состояніи ли онъ былъ оказывать вообще великія заслуги гдѣ бы то ни было и кому бы то ни было. Когда Харитоновъ пріѣхалъ въ Петербургъ, я встрѣтилъ его словами: „какъ добръ былъ великій князь!“ „Никакой доброты, батюшка, тутъ не было,—наивно отвѣчалъ Харитоновъ,—просто хотѣли отдѣлаться!“

Что касается до меня лично, то достаточно сказать, что и при моемъ окончательномъ отъѣздѣ съ Кавказа я не замѣтилъ со стороны мѣстныхъ высшихъ властей никакого по поводу этого событія сожалѣнія, хотя великій князь распростился со мною мило и милостиво. Я не имѣю рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, чтобы въ общихъ воззрѣніяхъ, какія существовали относительно личностей, близкихъ къ князю Александру Ивановичу, собственно въ отношеніи моей личности, существовало какое-либо исключеніе. Такимъ образомъ, въ заключеніе этого періода, можно положительно сказать, что какъ ни мудръ и прозорливъ былъ князь Александръ Ивановичъ, но въ отношеніяхъ своихъ въ новой средѣ, гдѣ, по его убѣжденію, должны были жить и дѣйствовать его принципы и его инструкціи, значительно ошибался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо цесаревича Константина Павловича къ барону Сакену.

Varsovie le 17/29 Juin 1816.

A S. E. Monsieur le général d'infanterie baron de Saken.

Mon cher général, une demoiselle dont je vous envoie la petition, veut que je me charge d'un enfant dont elle assure que vous êtes le père. Je vous avoue que de toutes vos victoires et de toutes vos conquêtes c'est celle-ci qui m'étonne le plus; elle ajoute à l'idée que j'ai toujours eu de vos moyens extraordinaires, car on m'assure que la jeune personne n'est pas d'une beauté surprenante. Il est honorable à vous, mon cher général, de reparer les maux de la guerre, en cherchant à repeupler les états de notre Auguste Maître, ce qui prouve qu'un homme de coeur trouve dans tous les instants de sa vie l'occasion de bien servir son Souverain et son pays.

C'est une vérité qui ne saurait s'appliquer à personne mieux qu'a vous, je vous prie de m'en croire convaincu, mon cher général, ainsi que des sentiments de la haute estime et de l'amitié sincère que je vous porte.

Constantin.

Варшава 17/29 іюня 1816 г.

Его высокопревосходительству господину генералу-отъ-инфантеріи барону Сакену.

Любезнѣйшій генералъ, нѣкая дѣвица, прошеніе которой при семъ къ вамъ препровождаю, проситъ меня принять на себя заботы о ребенкѣ, котораго, по ея увѣреніямъ, вы состоите отцомъ. Признаюсь вамъ, что изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ, эта послѣдняя, меня болѣе всего удивляетъ; она тѣмъ болѣе утверждаетъ во мнѣ вѣру въ ваши необычайныя силы и способности, что, какъ меня увѣряютъ, молодая особа эта не отличается поразительной красотою. Весьма достойно съ вашей стороны исправлять такимъ образомъ бѣдствія войны, содѣйствуя заселенію владѣній нашего августѣйшаго государя, откуда слѣдуетъ, что человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ въ каждую минуту своей жизни всегда сумѣетъ найти случай сослужить службу царю и отечеству.

Истина эта ни къ кому такъ не приложима, какъ къ вамъ; прошу васъ, любезнѣйшій генералъ, считать меня въ томъ глубоко убѣжденнымъ, а также вѣрить въ чувства глубочайшаго уваженія и искренней дружбы, съ которыми къ вамъ пребываю.

Константинъ.

М. С.

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

„Daignez, Madame, m'instruire de la position de mon frère; je sais que ma mère vous a écrit à ce sujet; ses procédés me touchent véritablement, mais mon frère m'inquiète bien davantage. Le printemps approche: c'est la saison qui le dispose à une grande mélancolie; j'avoue que j'en crains les suites sous plus d'un rapport. Delvigh doit arriver chez lui dans le courant du mois; c'est certainement une grande diversion mais pas moins momentannée.—Je vous prie, Madame, de vouloir bien lui remettre la lettre ci-jointe...“ [1])

Эти строки извлечены изъ хранящагося въ императорской публичной библіотекѣ и еще неизданнаго письма Льва Сергѣевича Пушкина къ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой [2]). Писано оно въ Петербургѣ и помѣчено 16 января (janv.) 1825 г., но, судя по почтовому штемпелю: „Петербургъ, 1825, февраля 19“, Левъ Сергѣевичъ по ошибкѣ датировалъ свое письмо январемъ вмѣсто февраля.

Мать Пушкина, къ которой поэтъ былъ вообще довольно холоденъ, хлопотала объ облегченіи участи сына, изнывавшаго отъ скуки и тоски въ деревенскомъ заточеніи [3]). Письмо ея къ П. А. Осиповой, о которомъ говоритъ ея младшій сынъ, неизвѣстно; равно неизвѣстно, какое это письмо посылалъ Левъ Сергѣевичъ брату черезъ Осипову. Весьма важно для характеристики поэта показаніе Льва

---

[1]) Переводъ: „Благоволите, милостивая государыня, извѣстить меня о положеніи брата; я знаю, что матушка писала вамъ по этому поводу: я очень тронутъ ея поступкомъ, но самъ я еще болѣе тревожусь о братѣ. Приближается весна; это время года располагаетъ его къ меланхоліи; признаюсь, я во многихъ отношеніяхъ опасаюсь ея послѣдствій. Дельвигъ собирается къ нему въ теченіе этого мѣсяца; это будетъ для него, конечно, большое развлеченіе, но, къ сожалѣнію, лишь кратковременное.—Прошу васъ, милостивая государыня, передать ему прилагаемое при семъ письмо..“

[2]) О письмахъ Л. С. Пушкина къ П. А. Осиповой см. „Отчетъ имп. публичной библіотеки за 1899 г., Спб., 1903 г., стр. 152.

[3]) См. письмо Пушкина къ барону А. А. Дельвигу 23 іюля 1825 г.

Сергѣевича о вліяніи весны на настроеніе Пушкина. Оно приводитъ на память проникнутое глубокимъ лиризмомъ мѣсто въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ. въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу, мертвую давно,
И все ей кажется темно?..

Пушкинъ долго ждалъ въ 1825 г. Дельвига въ гости. „Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю“,—писалъ онъ брату въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. [1]). „Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига“,—писалъ онъ ему 12 марта. 20 марта Дельвигъ писалъ Пушкину изъ Витебска, что будетъ у него въ субботу на Святой недѣлѣ [2]), — но опоздалъ и пріѣхалъ въ началѣ второй половины апрѣля [3]).

Сообщилъ **Н. Лернеръ**.

[1]) Изданіе литературнаго фонда, т. VII, письмо № 91.
[2]) „Сочиненія“ барона Дельвига, Спб., 1895 г., стр. 154.
[3]) См. письмо Пушкина къ брату Л. С. 22 апрѣля 1825 г.

Воспоминанія В. Н. Никитина.

VII [1]).

Возвращеніе въ тюремный комитетъ.—Добродушный генералъ Волоцкой Смотритель тюрьмы Михневъ.—Разрывъ съ Волоцкимъ.—Вмѣшательство О. И. Квиста.—Пораженіе Волоцкаго.—Грязный скандалъ въ комитетѣ.—Увольненіе Волоцкаго.—Новый предсѣдатель комитета князь Шаховской.—Теорія штабсъ-капитана Макарова.—Треповъ и Тимашевъ.—Кляузные доносы.—Ревизія Деспотъ-Зеновича.—Дамы-благотворительницы.

Покончивъ всякія сношенія о ротахъ съ названными тремя высшими властными лицами, отрекшимися, по настоянію Анненкова, отъ своихъ словъ и обѣщаній, я сперва впалъ въ очень грустное настроеніе о не сбывшихся моихъ мечтахъ облегчить участь арестантовъ, а потомъ — понемногу оправившись, — вернулся съ 1872 г. къ тюремной дѣятельности по столичному гражданскому комитету. Тутъ меня, однако, ожидалъ также сюрпризъ: по предложенію предсѣдательствовавшаго, вице-президента, генералъ-лейт. П. П. Пущина, состоялось экспромтомъ постановленіе, чтобы я, какъ уже директоръ, всесторонне ознакомился съ трудами комитета и заготовилъ, для напечатанія, опроверженіе противъ взведенныхъ мною, до поступленія въ его составъ, нареканій на него, по недостаточной моей яко бы тогда освѣдомленности съ его дѣятельностью. Проще—выражалось желаніе, чтобы я самъ себя опровергъ и обѣлилъ комитетъ. Хотя я и раньше считалъ себя совершенно правымъ, а изъ нѣсколькихъ засѣданій укрѣпился въ этомъ убѣжденіи, но я сталъ усердно домогаться мотивированной копіи съ этого постановленія, а создавшіе его—

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1906 г.

спохватившись, что я могу причинить новыя непріятности, добились запрета председателя Волоцкаго давать мнѣ копію, а чтобы отвлечь меня отъ щекотливаго, по ихъ сознанію, предмета, мнѣ поручили: во-первыхъ, завѣдывать Спасскою частію, въ которой содержалось наибольшее число арестованныхъ, а изъ нихъ ежедневно 10—15 человѣкъ чего-нибудь да просили меня, и я старался быть имъ полезнымъ чѣмъ могъ, во-вторыхъ, выхлопатывать, въ числѣ трехъ директоровъ, паспорты просрочившимъ и утратившимъ таковые и за это высылавшимся на родину по этапу. На оплату недоимокъ и повинностей такихъ арестованныхъ директоръ же комитета банкиръ Л. М. Розенталь жертвовалъ отъ 200 до 300 руб. въ мѣсяцъ, а мы странствовали по полицейскимъ арестантскимъ и частнымъ домамъ, въ которыхъ прежде жили арестованные за просрочку и потерю паспортовъ, вели переписку съ разными волостными правленіями, мѣщанскими управами, являлись ходатаями за нихъ къ участковымъ приставамъ, въ канцелярію градоначальника, сыскную полицію, губернское правленіе, пересыльную тюрьму и другія учрежденія, а въ результатѣ освобождали по 40—60 чел. въ мѣсяцъ къ радости Розенталя и, въ третьихъ, председатель Волоцкой избралъ меня своимъ помощникомъ по управленію пріютомъ малолѣтнихъ сыновей заключенныхъ, въ которомъ для меня нашлось также много разной работы. Занимался я вездѣ съ увлеченіемъ по 6—8 часовъ въ день. Особенно понравились: мнѣ—пріютъ, а я—Волоцкому, который безпрестанно звалъ меня къ себѣ, посвящалъ меня во всѣ не только комитетскія, но и свои личныя дѣла, цѣлыми вечерами заставлялъ меня слушать свои назидательныя поученія и письменныя воспоминанія, какъ онъ въ 1840—1850 годахъ отличался на Кавказѣ, поручалъ мнѣ поправлять редакцію этихъ воспоминаній для печатанія ихъ въ „Русской Старинѣ“.

Слушалъ я, слушалъ прекрасныя его сужденія и началъ ему заявлять о разныхъ комитетскихъ недостаткахъ, устраненіемъ которыхъ онъ охотно обѣщалъ заняться. Ободренный его исключительнымъ вниманіемъ и расположеніемъ ко мнѣ, я рискнулъ, однажды, доложить ему, что завѣдывавшій тюремнымъ хозяйствомъ директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. А. Хрыновъ, судя по попадавшимся мнѣ свѣдѣніямъ, нечестно велъ дѣло.

— Нѣ-ѣтъ, возразилъ онъ, я не легокъ на обвиненія, въ особенности Ивана Антоновича: онъ истинный христіанинъ, почти всѣ обѣдни простаиваетъ на колѣняхъ, а такой человѣкъ безусловно честенъ.

— Извините, онъ васъ вводитъ въ заблужденіе своимъ ханжествомъ, а подъ сурдинкою плутуетъ.

— Ошиб-баетесь: онъ дѣйствуетъ искренно, открыто.

— А смотритель срочной тюрьмы, полковникъ Михневъ не рас-

трачиваетъ развѣ комитетскихъ денегъ? Вѣдь на мастерскія онъ получилъ до 10.000 руб., 200 чел. ежедневно работаетъ, а ни отчетовъ, ни доходовъ не представляетъ.

— Какъ человѣкъ военный онъ еще не умудрился вести сложную отчетность, а вы его обвиняете въ растратѣ. Не тревожьте меня, ради Бога, такими заявленіями.

— Не я одинъ не могъ отъ него добиться никакихъ справокъ по операціямъ мастерскихъ, а и завѣдывающихъ тюрьмою директоровъ: профессора священника М. И. Горчакова, Я. И. Утина, Г. А. Федорова, онъ не только не посвящаетъ въ свои дѣйствія, но даже все скрываетъ отъ нихъ и они единогласно называютъ его разбойникомъ съ большой дороги.

— Мало ли что говорятъ, можетъ статься даже въ шутку, а вы, по молодости, всему вѣрите.

— Сожалѣю, что вы, по старости, ничему не вѣрите. Они потребуютъ, какъ мнѣ говорили, ревизію, а тогда убѣдитесь, что я правду говорю, и вамъ первому же будетъ конфузно.

— А я увѣренъ, что Михневъ и по ревизіи будетъ чистъ, а покамѣстъ прекратите, пожалуйста, этотъ непріятный разговоръ.

И дѣйствительно названные директоры заявляли о необходимости ревизіи, а по производствѣ ея, не досчитались комитетскихъ 10.000 р. Михневъ, впавшій въ ярость за раскрытіе его злоупотребленій, сталъ жестоко обращаться съ арестантами, а за это одинъ изъ нихъ пырнулъ его ножомъ, но только разрѣзалъ ему пальто. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался героемъ, а героевъ вѣдь не судятъ. Однако, Волоцкой вызвалъ его для объясненій въ моемъ присутствіи, для посрамленія меня. Онъ явился удрученнымъ, виноватымъ. Волоцкой принялъ его сурово и озадачилъ вопросомъ о деньгахъ. Михневъ безсвязно забормоталъ что-то непонятное.

— Отвѣчайте мнѣ кратко, ясно: вы запутались или прикарманили комитетскія деньги?

— Простите, ваше превосходительство, я не въ состояніи понять, какъ и что случилось, только денегъ нѣтъ: я израсходовалъ на разные матеріалы, инструменты...

— Отчего же директорская комиссія, ревизовавшая ваши дѣйствія, не нашла ни матеріаловъ, ни инструментовъ?

— Ихъ растащили во время моей болѣзни, приключившейся со мною отъ нападенія на меня арестанта: я вѣдь подвергалъ жизнь свою опасности по долгу службы. Пощадите мои сѣдины.

— Тюрьма не площадь, и изъ нея растащить ничего нельзя. Лучше признайтесь: проиграли, промотали, или себѣ вы присвоили деньги?

— Ей Богу все произошло по несчастному стеченію обстоятельствъ.

— Слушая вашу божбу, я склоненъ къ снисхожденію, но повѣрю вамъ тогда только, если вы поклянетесь на колѣняхъ вотъ предъ Св. иконою, что больше воровать не станете, въ особенности благотворительныхъ суммъ.

Михневъ мгновенно охотно исполнилъ предложеніе, и Волоцкой отпустилъ его съ наказомъ помнить клятву и съ обѣщаніемъ предстательствовать о прощеніи его прегрѣшенія.

— Я, какъ христіанинъ, вѣрю,—сказалъ онъ мнѣ послѣ ухода Михнева, — что онъ раскаялся, и мое внушеніе гораздо чувствительнѣе подѣйствовало на него, нежели быть преданнымъ суду и лишиться даже эполетъ. Нашъ же священный долгъ миловать заблуждающихся, а не карать: на то мы филантропы.

И онъ постарался замять дѣло. За эту милость Михневъ прозвалъ его „блаженнымъ", а противъ комитета, простившаго ему растрату 10.000 руб., энергично интриговалъ съ годъ, пока не освободился изъ-подъ его начальства посредствомъ устройства надъ тюрьмою самостоятельнаго попечительства, со времени же его учрежденія относился къ Волоцкому и комитету съ полнымъ презрѣніемъ... Впрочемъ, судьба и его не пощадила: года черезъ два или три, во избѣжаніе разоблаченія его дальнѣйшихъ злоупотребленій, его уволили въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, да и усиленною пенсіею.

Ввести въ пріютѣ какую-нибудь систему обученія и правильный режимъ мнѣ, между тѣмъ, также не удавалось: Волоцкой, раздѣляя мои мнѣнія—все откладывалъ ихъ осуществленіе... Я просилъ, убѣждалъ его торопиться, но и это не помогало. Я пригрозилъ организовать, противъ его бездѣйствія, партію изъ директоровъ и надѣлать ему рядъ непріятностей.

— Директорскихъ партій я ничуть не остерегаюсь,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ мнѣ.—И знаете ли почему? Представлять къ наградамъ зависитъ исключительно отъ меня, а директора, хотя и почтенные, солидные люди, но по свойственнымъ всѣмъ слабостямъ, столь падки на отличія, что, покажи я ленточку, они за нею до Пулкова пѣшкомъ пробѣгутъ... Ежели умудритесь составить противъ меня партію—собственно за это, я вамъ выхлопочу орденъ. Голова ваша горячая, но не опытная, потому я искренно расположенъ къ вамъ за вашу беззавѣтную преданность идеѣ добра и пользы общественной.

Стремясь вызвать въ немъ энергію къ осуществленію на практикѣ платонически прославлявшейся имъ этой идеи, я старательно разработалъ вопросы объ отмѣнѣ вывоза осужденныхъ въ каторгу и на поселеніе на позорной колесницѣ, на площадь, для выслушанія

приговоровъ. Съ религіозной точки зрѣнія мнѣ помогъ директоръ, профессоръ, священникъ М. И. Горчаковъ, а самъ я разъ десять сопровождалъ процессію на площадь и обратно для собранія доводовъ и отмѣтокъ о судимости освобождаемыхъ изъ тюремъ и арестантскихъ ротъ, или такъ называвшихся „волчьихъ паспортовъ", а кончивъ этотъ трудъ, я представилъ Волоцкому докладъ, для внесенія на судъ комитета.

— Вотъ въ этой сферѣ вы мнѣ чрезвычайно дороги,—произнесъ онъ, умилившись до слезъ.—Добиться отмѣны этихъ драконовскихъ правилъ составитъ истинную нашу заслугу предъ несчастными. Хотя я, признаюсь вамъ откровенно, сталъ, подъ бременемъ лѣтъ, вообще тяжелъ на подъемъ, отчего рѣдко посѣщаю и засѣданія комитета, но для этихъ высоко-нравственныхъ предметовъ назначу даже особое экстренное засѣданіе подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, для лучшаго достиженія цѣли.

И онъ дѣйствительно вдругъ воспрянулъ и сдержалъ свое обѣщаніе—явился предсѣдательствовать. Въ засѣданіе собрались заинтересованные новизною и важностію дѣлъ болѣе сорока членовъ: представители духовенства, воинства, суда, администраціи, прокуратуры, адвокатуры, литературы, педагогіи, медицины и проч. Выслушавъ докладъ, одни хвалили, другіе порицали мою смѣлость, третьи признавали, что комитетъ вовсе не въ правѣ возбуждать эти вопросы, какъ не входящіе въ кругъ его дѣятельности, а четвертые даже угрожали мнѣ непріятностями. Короче, разсматривали содержаніе доклада съ духовно-нравственной, политической, общественной, либеральной и консервативной точекъ зрѣнія, но послѣ долгихъ дебатовъ комитетъ огромнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ представить возбужденные мною вопросы просвѣщенному и благосклонному вниманію президента общества попечительнаго о тюрьмахъ, министра внутреннихъ дѣлъ [1]) и просить его участія къ разрѣшенію ихъ утвердительно законодательнымъ порядкомъ.

По закрытію засѣданія всѣ разбились на группы и долго еще толковали о происходившемъ на разные лады, при чемъ мнѣ доставалось предпочтительно за то, что я выскочка, берусь за все, что меня вовсе не касается, а Волоцкой поддается моимъ бреднямъ.

Самъ Волоцкой, долженъ отдать ему справедливость, былъ на высотѣ своего призванія, прекрасно руководилъ преніями и разумно направлялъ ихъ къ осуществленію моего домогательства [2]). Зато совершивъ этотъ подвигъ и упоенный одобреніемъ комитета, онъ

---

[1]) Генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева.

[2]) Вывозъ на площадь отмѣненъ былъ года черезъ 2—3.

опять впалъ въ обычную апатію, отчего пріютъ продолжалъ оставаться въ хаотическомъ состояніи, о чемъ я на рискъ заявилъ въ комитетѣ. Нѣкоторые сочлены, опасаясь моего будто бы сильнаго во всемъ вліянія на Волоцкаго, который, слушая меня, обойдетъ ихъ наградами, поспѣшили перетолковать ему, что я возсталъ противъ него, конфузилъ и даже оскорблялъ лично его. Онъ повѣрилъ имъ, возмутился, позвалъ меня и сгоряча сталъ на меня кричать. Въ свою очередь и я возвысилъ голосъ и наговорилъ ему, что не признаю въ немъ своего начальника, что онъ только тормозилъ комитетскія дѣла и приносилъ вредъ своимъ бездѣйствіемъ. Онъ заявилъ мнѣ, что увольняетъ меня отъ всякаго участія въ пріютѣ. Я ему возразилъ, что я и безъ пріюта и его согласія найду себѣ полезное для заключенныхъ занятіе и постараюсь отплатить ему за его произвольное распоряженіе, и ушелъ.

Со слѣдующаго же дня я принялся раскапывать хозяйственную, въ тюрьмѣ, дѣятельность его приближеннаго директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. А. Хрыпова, а черезъ три мѣсяца кропотливаго, усиленнаго труда составилъ противъ него суровый обвинительный актъ и, желая заручиться поддержкою сочленовъ, обошелъ многихъ изъ нихъ, но ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія моей, какъ выражались, неумѣстной затѣѣ. Проще говоря, всѣ отказались возстать: противъ Хрыпова прямо и противъ Волоцкаго косвенно, ибо дѣло комитета считали они не общимъ, а только моимъ личнымъ дѣломъ. Съ грустію выслушалъ я ихнее отреченіе и, надѣясь лишь на то, что правда восторжествуетъ, принесъ докладъ свой прямо въ засѣданіе комитета. Предсѣдательствовалъ, по обыкновенію, вице-президентъ, генералъ-лейтенатъ П. П. Пущинъ, а членовъ явилось едва одиннадцать человѣкъ. Для достиженія удачи, я прибѣгнулъ къ хитрости, спросилъ дозволенія Пущина прочесть докладъ, заготовленный мною согласно порученію комитета, къ его обѣленію. Онъ обрадовался и разрѣшилъ. Я началъ читать, но меня то и дѣло останавливали, перебивали, отказывались слушать, а Пущинъ запрещалъ мнѣ читать, говоря, что содержаніе доклада обидно для Хрыпова и непріятно для Волоцкаго. Вдругъ за меня вступился директоръ О. И. Квистъ, участвовавшій въ составленіи судебныхъ уставовъ, введшій мировой судъ въ Петербургѣ, бывшій первымъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, потомъ гофмейстеромъ великой княгини Елены Павловны и пользовавшійся большимъ вездѣ авторитетомъ. И вотъ, по его настоянію, всѣ постепенно стихли, прослушали весь мой докладъ и снова зашумѣли. Квистъ пристыдилъ ихъ за нетерпимость къ чужому мнѣнію, вразумилъ ихъ, что въ докладѣ изложены долговременныя злоупотребленія Хрыпова и убѣдилъ всѣхъ въ необходимости обра-

зованія коммиссіи, для провѣрки содержанія доклада. Всѣ согласились съ нимъ и тотчасъ же выбрали его въ предсѣдатели, а Ф. В. Кривцова, А. П. Пятковскаго въ члены коммиссіи, которая, по приглашенію Квиста, въ тотъ же вечеръ собралась къ нему и приступила къ занятію.

Хрыповъ началъ чтеніе своей записки съ того, что 15 лѣтъ хозяйничаетъ и отлично знаетъ, какъ печется хлѣбъ, варятся щи, квасъ, шьются вещи, какія существуютъ положенія о дровахъ, свѣчахъ, керосинѣ, потомъ сообщилъ, что служитъ богоугодному дѣлу, но съ бухгалтеромъ расходится во взглядахъ относительно системы счетоводства, разсказалъ, какія лишнія завелъ онъ книги и хотя породилъ затрудненія, но онъ все молчалъ, ибо обязанность членовъ жить миролюбиво и творить добро на пользу человѣчества.

Раздался смѣхъ.

Графъ М. М. Корфъ замѣтилъ, что все слышанное отъ Хрыпова къ дѣлу вовсе не относится. Волоцкой возразилъ, что критика объясненія Хрыпова неумѣстна, а относится ли его объясненіе къ дѣлу или не относится,—это онъ, Волоцкой, разсудитъ. Князь В. Л. Урусовъ вставилъ, что если Волоцкой въ правѣ одинъ судить о достоинствѣ объясненія Хрыпова, то пусть и читаетъ ему одному, а не цѣлому комитету, которому надо знать оправдательные пункты Хрыпова, который толкуетъ Богъ вѣсть о чемъ, а сути избѣгаетъ, ибо она его смущаетъ.

— Вамъ нужны факты,—воскликнулъ Хрыповъ.—Вотъ они. Нашъ бухгалтеръ высчиталъ, что изъ куля муки должно быть испечено 13 пудовъ хлѣба, но вѣдь кули и мука бываютъ разные, да и многое зависитъ отъ пекаря, печки, дровъ, такъ выкладки то и не точны.

— Прекратите полемику съ бухгалтеромъ, не вмѣшивайте финансовую коммиссію, а оправдывайтесь противъ донесенія г. Никитина, раздались голоса съ разныхъ сторонъ.

— Оправдываться? Да я чистъ какъ голубь.

— Почему вы,—спросили его,—высыпали деньги изъ кружекъ одни, въ своей квартирѣ, а не въ присутствіи членовъ, какъ установлено правилами?

— Никто этого не требовалъ, а дома мнѣ удобнѣе.

— Иванъ Антонычъ все отлично дѣлалъ, а г. Никитинъ сварливый, дерзкій человѣкъ,—вскрикнулъ полковникъ Михневъ, который, какъ смотритель тюрьмы, а не—членъ комитета, приглашенъ былъ Волоцкимъ по просьбѣ Хрыпова, для его поддержки. Онъ и на меня сдѣлалъ диффамацію. Онъ кляузникъ, недостоинъ сидѣть въ этомъ благородномъ собраніи.

Возникли шумъ, волненіе. Волоцкой вскочилъ и удалился къ окну,

куда къ нему подкрался Хрыповъ, и они зашептались. Всѣ поднялись и раздѣлились на группы.

— Господа,—возвысилъ голосъ Волоцкой. — Иванъ Антоновичъ проситъ отставки.

Всѣ стихли.

— Увольте, ваше превосходительство,—умолялъ Хрыповъ Волоцкаго.—Я не могу, не мог-гу дольше оставаться: я сконфуженъ, опозоренъ... въ мои лѣта и такой афронтъ... Пощад-дите...

— Не уволить, а выгнать его,—отвѣчали одни.—Подъ судъ отдать его,—твердили другіе.—Задержать до рѣшенія дѣла,—протестовали третьи.—Оставить его въ покоѣ,—заключили четвертые; не въ нашъ, чай, карманъ залѣзъ онъ.

Кончилось тѣмъ, что Хрыпова уволили съ пенсіею.

Нѣкоторые члены посовѣтовали мнѣ принять мѣры противъ враговъ, чтобы они не повредили мнѣ. Я встрѣчалъ иногда, мелькомъ, въ тюремномъ замкѣ жену горнаго инженера, генералъ-лейтенанта, пожилую даму Е. А. Гернгроссъ, занимавшуюся филантропіею. Желая „ковать желѣзо, пока оно горячо“, я отправился къ ней. Она выслушала меня очень ласково.

— Кое-что мнѣ уже передавали объ этомъ грустномъ дѣлѣ, и я охотно поддержу вашу правую сторону,—отвѣтила она мнѣ.—Вашъ комитетъ необходимо освѣжить. Я настрою жену Волоцкаго посовѣтовать своему краснобаю сложить съ себя непосильное ему предсѣдательское бремя; объ этомъ же я повліяю и черезъ другихъ лицъ. Дайте мнѣ экземпляра два вашей записки, для ознакомленія съ нею, и будьте спокойны: дѣло это у Квиста въ надежныхъ рукахъ. Его бы слѣдовало сдѣлать предсѣдателемъ, да такіе, какъ онъ, умные и честные люди, къ несчастью, въ загонѣ у насъ. Впрочемъ, будемте, благословясь, дѣйствовать.

Чрезъ недѣлю Квистъ вернулся, и работа коммиссіи закипѣла. Онъ провѣрилъ собранныя членами свѣдѣнія, приготовилъ мнѣніе коммиссіи, во всемъ подтвердившей мои доводы, и свезъ это мнѣніе къ президенту, министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву. Спустя нѣсколько дней я зашелъ къ нему справиться о положеніи дѣла.

— Оно рѣшено,—объявилъ Квистъ мнѣ.—Я трижды объяснился съ президентомъ, а вчера при мнѣ былъ и Волоцкой. На замѣчаніе президента, какъ могъ онъ допустить такія безобразія,—онъ въ свою очередь спросилъ: „что жъ мнѣ дѣлать?“—„Оставить комитетъ,—предложилъ ему министръ; Хрыпова же хоть и слѣдовало бы отдать подъ судъ, но вѣдь онъ за собой и васъ потянетъ, а это было бы ужъ слишкомъ зазорно для васъ. Такъ ограничиваюсь изгнаніемъ Хрыпова“. На томъ и кончили.

— Безъ васъ ничего бы, я увѣренъ, не вышло; пожалуй, я же бы еще пострадалъ.

— Попытка въ этомъ родѣ и была сдѣлана: Волоцкой написалъ, что вы относитесь презрительно къ религіи, установленнымъ властямъ, короче, принадлежите къ разрушителямъ основъ, но я убѣдилъ, что все это вздоръ, и вы неприкосновенны.

Въ слѣдующемъ же засѣданіи мы прослушали бумаги: объ исключеніи Хрыпова, объ увольненіи Волоцкаго [1]) и о порученіи Пущину вступить временно въ управленіе комитетомъ. Бумаги эти произвели сильное впечатлѣніе: всѣ считали распоряженіе это справедливымъ, увѣряли, что они давно этого добивались и съ трудомъ достигли, т. е. приписывали себѣ побѣду. Когда всѣ смолкли, Квистъ предложилъ выразить мнѣ признательность комитета „за то гражданское мужество, съ которымъ я возбудилъ и велъ дѣло". Пущинъ первый же подхватилъ это предложеніе, единогласно принятое комитетомъ. Тогда я предложилъ учредить для управленія обширнымъ хозяйствомъ, покинутой Хрыповымъ тюрьмы, коллегіальное управленіе. Оно было моментально утверждено, и баллотировкою избранъ былъ личный составъ этой коллегіи, директоры: О. Н. Смирной, князь С. Д. Эристовъ, Ѳ. В. Кривцовъ и послѣднимъ, по числу голосовъ, я, когда первые двое ни словомъ, ни дѣломъ не участвовали въ низверженіи господствовавшаго безпорядка. Эта обидная оцѣнка моего труда побудила было меня отказаться отъ занятій съ членами, которыхъ я не зналъ, рѣдко даже встрѣчалъ въ засѣданіяхъ комитета.

— Вы заварили кашу, такъ сдѣлайте же одолженіе и расхлебывайте ее,—сказалъ мнѣ Пущинъ.

— Если такъ, пойду и расхлебаю,—отвѣтилъ я сгоряча.—Я работы не боюсь.

— И прекрасно: водвореніемъ порядка въ заведеніи, вы, въ числѣ другихъ, окажете комитету услугу, за которую и васъ вспомнятъ добрымъ словомъ.

Съ этого времени я сталъ очень популяренъ. Мнѣ дѣлали визиты, меня приглашали въ знакомые, во мнѣ заискивали, мои мнѣнія охотно принимались, ни за что, впрочемъ, иное, какъ за поддержку меня Квистомъ, и за мое знакомство съ нимъ [2]). Самъ я былъ уже пріуроченъ къ дѣлу. Желая поправить и пріютъ, я предложилъ поручить его одному изъ вновь поступившихъ по моей рекомендаціи въ члены, опытному педагогу А. Н. Пятковскому. Предложеніе было принято,

---

[1]) Умеръ въ 1873 году.

[2]) Съ перваго же дня открытія въ Петербургѣ гласнаго суда я бывалъ у мировыхъ судей для записыванія сценъ, которыя печаталъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

и Пятковскій принялся изгонять изъ пріюта все дурное, вводить въ него науки, ремесла, обращать это пѣвческое сборище въ учебное заведеніе... Короче,—я торжествовалъ... Пущинъ былъ неузнаваемъ: мнѣ и моимъ приверженцамъ онъ во всемъ поддакивалъ и усердно исполнялъ наше желаніе, въ чаяніи утвердиться предсѣдателемъ, а когда это ему не удалось, онъ обидѣлся и сошелъ со сцены...

Предсѣдателемъ комитета явился глуховатый генералъ-лейтенантъ, князь Л. И. Шаховской (въ ноябрѣ 1872 г.). Всѣ засуетились, бросились узнавать, что онъ за человѣкъ, да ему представляться. Я отправился къ князю. Чрезвычайно роскошная обстановка длинной амфилады комнатъ, чрезъ которыя мнѣ пришлось проходить, смутила было меня, какъ человѣка бѣднаго. Ко мнѣ вышелъ средняго роста и возраста брюнетъ, въ сѣренькомъ домашнемъ пиджакѣ и въ туфляхъ, съ китайскими носками, блестѣвшими позолоченною вышивкою. Я отрекомендовался ему.

— Это вы подавали записку?—спросилъ онъ меня, слегка отвѣтивъ на мой поклонъ.—Вы, что ли?

— Да, я, — отвѣтилъ я, покраснѣвъ съ досады за холодный пріемъ.—Но я подавалъ нѣсколько записокъ, поэтому недоумѣваю, какую именно вы изволите подразумѣвать?..

— Ну, ту... о скандальной исторіи. При мнѣ прошу этого не дѣлать; я противникъ всякихъ дрязгъ и писаній.

— Подавать или не подавать, будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, и если я сочту нужнымъ...

— То будете подавать?

— Конечно. Я имѣю на это право.

— Бѣда всѣхъ учрежденій у насъ и состоитъ, именно, въ правахъ заниматься, вмѣсто дѣла, писаньемъ. Я, предупреждаю васъ, врагъ канцеляризма, а что понадобится, говорите мнѣ; я люблю живую дѣятельность.

— Тѣмъ лучше; я объ этомъ только и хлопочу.

— Такъ ли это, нѣтъ ли, ваши занятія покажутъ. До свиданья.

Онъ опять только кивнулъ мнѣ головой и удалился.

Обхожденіе это возстановило меня противъ него.

Насталъ день засѣданія. Всѣ явились въ формѣ, какую кто носилъ по своей профессіи, со звѣздами и съ орденами; одинъ я былъ просто въ визиткѣ. Пришелъ и Шаховской, но, ко всеобщему изумленію, также безъ всякихъ украшеній, въ сюртукѣ, поклонился на всѣ стороны, приблизился къ своему креслу, оглянулся вокругъ, сѣлъ и произнесъ:

— Приступимте, господа, къ дѣлу.

Дѣлопроизводитель доложилъ бумагу о пособіи многочисленному семейству заключеннаго за долги офицера.

— Я думаю, рублей триста довольно?—спросилъ Шаховской.

Лица всѣхъ вытянулись отъ удивленія.

— Я, господа, врагъ тратить зря комитетскія суммы, но гдѣ нужно, тамъ я не жалѣю: семейство это, какъ я лично убѣдился, дѣйствительно несчастное. Вотъ я и даю своихъ 300 р., т. е., начинаю свое присутствіе среди васъ, добрымъ дѣломъ и васъ, господа, прошу общими силами тоже стараться, чтобы наше дѣло процвѣтало не на бумагѣ, а на практикѣ. Намъ надо заниматься дѣломъ, а не выраженіемъ, какъ водится, другъ другу признательностей, отъ которыхъ, по-моему, никому изъ насъ ни жарко, ни холодно. Когда мы усовершенствуемъ наше дѣло до того, что тѣ, о которыхъ мы добровольно взялись заботиться, будутъ намъ признательны,—тогда ихнюю признательность я съ удовольствіемъ приму, оглашу, пожалуй, если это у васъ принято и печатно, хоть рисоваться тоже не въ моемъ характерѣ. Кому, господа, я понадоблюсь по нашему дѣлу, я всегда готовъ къ услугамъ вашимъ,—прибавилъ онъ.—Писаній не распложайте, а милости прошу ко мнѣ, безъ всякой церемоніи, и на словахъ поведемъ дѣло скорѣй, спорнѣй.

Я умилился предъ простотою и практичностью Шаховскаго и внутренно простилъ ему, оказанное мнѣ невниманіе. Засѣданіе прошло вполнѣ удовлетворительно.

Миновало недѣли три. Шаховской обозрѣлъ всѣ заведенія [1]) ознакомился съ дѣлами, встрѣтилъ меня случайно въ канцеляріи и поздоровался со мной уже за руку.

— Не можете ли завернуть ко мнѣ завтра утромъ потолковать кое о чемъ,—спросилъ онъ меня.—Вы, какъ я убѣдился, человѣкъ дѣловой, въ состояніи разъяснить мнѣ недоразумѣнія.

Я исполнилъ его желаніе.

— Очень, очень радъ васъ видѣть,—любезно привѣтствовалъ онъ меня, протягивая обѣ руки.—Садитесь, пожалуйста, на меня не претендуйте за сухость перваго пріема васъ: объ васъ меня со всѣхъ сторонъ увѣряли, что вы кляузный, безпокойный человѣкъ, и васъ надо всячески сдерживать. Этимъ способомъ хотѣли меня возстановить противъ васъ, но теперь я окончательно убѣдился, что на васъ злословили за то, что вы и больше, и лучше всѣхъ работаете, а это не нравится бездѣльникамъ. Вы всегда, увѣряю васъ, найдете во мнѣ самое искреннее сочувствіе всѣмъ вашимъ стараніямъ, начинаніямъ.

Я поблагодарилъ его за откровенность. Онъ высказалъ мнѣ очень мѣткое сужденіе о многихъ членахъ, о значеніи филантропіи, о способѣ служить ей, о равноправности отношеній между нимъ и членами,

[1]) Тюремный замокъ, пересыльную и срочную тюрьмы, долговое отдѣленіе и пріютъ.

о необходимости солидарности взглядовъ и проч. Мы сразу поняли другъ друга, и я вышелъ отъ него совершенно удовлетворенный, подогрѣтый на дальнѣйшую дѣятельность.

Тѣмъ временемъ я со страстною энергіею отдался новому своему занятію, въ качествѣ члена правленія. Мы, его персоналъ, тщательно все изучали, повѣряли, измѣняли и улучшали, съ утра до вечера, всѣ вмѣстѣ и порознь, а за это служащіе роптали на насъ. Удаленный же Хрыповъ, точно нарочно, все чаще и чаще встрѣчался мнѣ на улицѣ, дружески здоровался со мною и заговаривалъ о покинутомъ тюремномъ хозяйствѣ.

— Чрезъ меня васъ выгнали, а вы со мной любезничаете,—заявилъ я ему однажды.—Какъ это понимать?

— Очень просто: я зла не помню, а вы не забудьте: „сухая ложка ротъ деретъ", вы же изъ всѣхъ ртовъ вырываете всѣ лакомые куски, ну, за это вамъ и самимъ попадетъ, вѣрьте моей опытности—попадетъ вамъ на орѣхи.

Не прошло и мѣсяца, какъ его пророчество начало сбываться. Однажды рано утромъ ко мнѣ домой явился печной мастеръ по „важному, дескать, дѣлу".

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, когда я, по дѣламъ тюрьмы, съ 9 часовъ утра каждодневно въ правленіи? — спросилъ я старика, переминавшагося съ ноги на ногу.—Ступай туда: я скоро явлюсь.

— Сдѣлайте милость, не обезсудьте, ваше высокородіе,—заговорилъ онъ.—Мы вамъ очинно бладарны за аккуратный разсчетъ, что вчера получили, потому деньги до зарѣзу нужны были, а вы приказали ублатворить насъ, ну и не погнушайтесь—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады: примите, въ знакъ, стало быть, нашего почтенія, полотенца изъ дома прислали, хозяйка сама ткала, носите на здоровье.

Онъ досталъ изъ-подъ мышки трубку холста.

— Вонъ отсюда,—крикнулъ я, въ пылу негодованія.—Вонъ...

Я прогналъ старика съ холстомъ, передалъ, чрезъ два часа, о отлучившемся своимъ коллегамъ, но они отсовѣтовали мнѣ возбуждать дѣло, выигрышъ котораго представлялся имъ сомнительнымъ. Я послѣдовалъ ихъ совѣту. Зато чрезъ день утромъ же, только-что посаженные, въ громаднѣйшую печь, для печенія, пятьдесятъ полупудовыхъ хлѣбовъ провалились, вмѣстѣ съ дномъ печки, отчего все тѣсто, смѣшавшись съ золою, кусками кирпича и съ сажей, — совершенно испортилось. Я приступилъ, на мѣстѣ происшествія, къ изслѣдованію причины убытка. Одинъ изъ хлѣбопековъ показался мнѣ особенно смущеннымъ.

— Ты вѣдь это устроилъ?—озадачилъ я его, наугадъ.

— Простите, ваше скородье,—взмолился онъ.—Мой грѣхъ, никогда больше не буду, ей-ей не буду. Вахтеръ подпоилъ меня, указалъ

вынуть съ трехъ угловъ печки столбовые кирпичи, я и смастерилъ это въ потемкахъ, а какъ хлѣбы потомъ посадили—они и провалились: тяжелина не выдержала.

Я свелъ вахтера на очную ставку съ хлѣбопекомъ, и тотъ уличилъ его.

— Мнѣ приказалъ это сдѣлать г. экономъ, — оправдывался вахтеръ;—я было отнѣкивался, но они мнѣ сказали: „валяй въ мою голову: я отвѣчу". Они начальникъ, я и не смѣлъ ослушаться.

Мы, идеалисты, за это простили виноватыхъ, въ надеждѣ, что коль скоро они убѣдятся въ благородствѣ нашихъ стремленій, то сами уймутся. Этого не только, однако, не осуществилось, но они, явно увивавшіеся около насъ, тайно устраивали намъ всякія препятствія къ достиженію цѣли. Тогда мои коллеги рѣшились на великодушіе.

— Мы выхлопочемъ вамъ награду, если вы окажете намъ содѣйствіе къ приведенію заведенія въ полный порядокъ,—объявили они смотрителю, штабсъ-капитану Макарову.—Даете честное слово?

— До гроба буду вашъ нижайшій слуга, — отвѣтилъ онъ.—Осчастливьте только меня орденомъ, и я, клянусь вамъ, — день и ночь буду работать, изъ кожи вылѣзу, а угожу вамъ.

Коллеги мои поддались на эту удочку, и чрезъ два мѣсяца онъ получилъ орденъ въ петлицу, но самъ ни мало не перемѣнился.

Наступило лѣто. Мои сотрудники всѣ разъѣхались въ отпускъ, и ихъ замѣнили новые. Тогда Макаровъ окончательно вернулся къ прежнимъ своимъ отвратительнымъ поступкамъ, а я рѣшился ничего изъ нихъ не пропускать мимо ушей. Съ этою цѣлью я появлялся въ тюрьму и рано утромъ, и поздно вечеромъ, тщательно всматривался и вслушивался во все окружающее. Однажды встрѣтилъ я возлѣ воротъ сторожа, что-то тащившаго въ мѣшкахъ на тележкѣ, остановилъ и спросилъ его: что онъ везетъ? Онъ смѣшался. Я повторилъ вопросъ.

— Извините:—хлѣбъ,—отвѣтилъ онъ.—Въ лавочку продавать-съ, двадцать караваевъ. Изъ тюрьмы.

Я вернулъ его назадъ и заставилъ сдать хлѣбъ въ кладовую. Оказалось, что хлѣбъ, стоившій правленію по копѣйкѣ фунтъ, служителя продавали по полкопѣйкѣ за фунтъ, а изъ вырученныхъ денегъ: половину брали себѣ за коммиссію, а на другую половину приносили заключеннымъ лакомства, водку. Мы прекратили эту торговлю. За это появился отъ имени нѣсколькихъ заключенныхъ доносъ, будто бы я лишаю ихъ булокъ и молока, а все это отдаю однимъ малолѣтнимъ. Доносъ этотъ, втайнѣ представленный смотрителемъ градоначальнику, генералу Трепову, а имъ президенту, прислали намъ для

*

доставленія по немъ объясненія. Мы указали подписавшимъ доносъ собственноручныя ихъ расписки, почти ежедневно дѣланныя ими въ книгѣ въ полученіи булокъ, и спросили ихъ: почему они ложно доносили?

— Съ досады, что выпить не на что стало, а главное, по желанію г. смотрителя, — отозвались арестанты.—Это, сказали намъ, хорошо: попачкать васъ предъ высшимъ начальствомъ. Г. смотритель постоянно при насъ, а вы только наѣзжаете; мы и послушались ихъ, извините, сдѣлайте милость, нашу глупость.

Мы дали длинный отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, принуждены были доказывать несостоятельность взгляда: будто бы взрослымъ одинаково необходимы булки и молоко, какъ и малолѣтнимъ. Но едва мы успѣли отписаться, какъ я увидѣлъ, что вахтеръ несъ хорошее пальто, съ бобровымъ воротникомъ, и изъ любопытства спросилъ его: за сколько онъ его купилъ.

— Въ лотерею выигралъ: пальто осталось послѣ умершаго арестанта; смотритель разрѣшилъ разыграть его въ двадцать рублей, по полтиннику за билетъ; я взялъ два билета и, слава Богу, выигралъ.

На основаніи этого факта я выяснилъ, что оставшіяся послѣ умершихъ заключенныхъ деньги смотритель бралъ себѣ, а вещи дарилъ командѣ служителей. Я сообщилъ объ этомъ князю Шаховскому и по его грозному предписанію (онъ былъ на это уполномоченъ закономъ) мы отобрали отъ Макарова 1.600 руб. и цейхаузъ съ вещами.

Вслѣдъ за этимъ въ готовой пищѣ стали попадаться черви, и люди заволновались.

— Въ камеры татебнаго отдѣленія не ходите, — предупреждалъ меня Макаровъ, по этому поводу.—Они сговорились убить васъ, и я объ этомъ уже донесъ, куда слѣдуетъ.

— Совершенно напрасно: я васъ не просилъ меня защищать.

Я вошелъ, нарочно одинъ, въ комнату, гдѣ было до сорока человѣкъ, поздоровался съ ними и спросилъ:

— Вы хотите меня убить? Вотъ я пришелъ. Скажите только напередъ, за что?

— Полноте, ваше скородіе, напраслину-то на насъ клепать,— произнесли одни.—Это враки, сплетни,—подхватили другіе. Мы вами оченно довольны съ,—заключили третьи.

— А не знаете ли, откуда берутся черви во щахъ?

— Ихъ подкидываютъ нарочно, чтобы васъ и насъ огорчать.

— Кто же занимается подкидываніемъ червей?

— Сторожъ: онъ разводитъ ихъ съ разрѣшенія смотрителя, какъ самъ говорилъ намедни.

Мы прозрѣли и уничтожили червей. Поставщикъ лошадей пожа-

ловался мнѣ на Макарова за то, что онъ не выдаетъ ему квитанцій въ численности употреблявшихся ежедневно лошадей, безъ того, чтобы онъ ему не заплатилъ по 20 коп. съ лошади. Мы лишили Макарова и этого дохода: сами занялись счетомъ лошадей. Въ отмщеніе намъ за это, Макаровъ донесъ градоначальнику, что вслѣдствіе недостатка свободныхъ надзирателей слѣдуетъ отмѣнить заведенныя нами духовныя бесѣды съ заключенными и чтенія съ туманными картинами. Градоначальникъ согласился съ его мнѣніемъ, и намъ свыше сообщили, чтобы это исполнили. Мы отвѣтили, что бесѣды и чтенія полезны, и потому вмѣсто надзирателей сами будемъ, поочередно, дежурить, во время бесѣдъ и чтеній, для наблюденія за порядкомъ, что и исполнили аккуратно. Въ это время я доискался, что смотритель держитъ не больше половины комплектнаго числа прислуги; жалованье же выходитъ на все штатное число, отчего утаиваетъ ежемѣсячно нѣкоторую сумму, которую мы у него тоже отняли.

— Вы, кажется, совершенно ужъ съ ума сошли,—озадачилъ меня вскорѣ послѣ того, на улицѣ, случайно встрѣтившійся, одинъ изъ членовъ комитета, блестящій камергеръ А. В. Бѣлостоцкій [1]).

Я вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Васъ, вѣроятно, соблазнила роль доносчиковъ на васъ, и вы сами принялись писать доносы, да еще съ подписомъ своего титула и фамиліи.

— Что такое вы говорите? Я васъ не понимаю.

— Очень жаль: вы послали министру письмо о томъ, что смотрители всѣхъ столичныхъ тюремъ — отъявленные воры, мошенники, а градоначальникъ имъ покровительствуетъ и потакаетъ. Этого мы ужъ никакъ отъ васъ не ожидали, хотя всѣмъ, откровенно скажу вамъ, надоѣли ваши изобличенія, дрязги: сколько ни распинайтесь—всѣхъ на свой ладъ людей не передѣлаете.

— Никакого я письма или доноса никогда не писалъ.

— Неуж-жели? Въ такомъ случаѣ, извините, ради Бога, мою рѣзкость, а поѣзжайже сейчасъ же въ департаментъ полиціи исполнительной къ Ю.; я у него видѣлъ письмо за вашею подписью, а отъ него слышалъ, что министръ приказалъ собрать секретно свѣдѣнія, а изъ нихъ обнаружится, вѣроятно, ваша неблагонадежность.

Я отправился въ департаментъ къ вице-директору департамента тоже камергеру, дѣйствительному статскому совѣтнику В. Н. Ю—ву. Онъ по наружности изящный, великосвѣтскій господинъ лѣтъ 32—4-хъ, по диплому—высшаго образованія, съ утонченными манерами, состоялъ въ числѣ директоровъ нашего комитета. По разнымъ причинамъ я

---

[1]) Умеръ сенаторомъ.

еще раньше этой оказіи многократно велъ съ нимъ рѣчь о значеніи филантропіи.

— Чей умственный кругозоръ въ анормальномъ состояніи, тому извинительно ратовать въ пользу филантропіи,—вразумлялъ онъ меня: если же вы здоровы, то вы смѣшной фанатикъ.

— Я просто отстаиваю правду, которую мы добровольно взялись прививать къ практикѣ.

— Ваша правда, вѣрьте, никому не нужна; задача всѣхъ благомыслящихъ людей—исключительно лишь личное благополучіе.

— Но вѣдь понятіе о благополучіи слишкомъ эластичное, и если оно формулируется пріобрѣтеніемъ шитаго, напр., мундира, то это крайне эгоистично.

— Эгоизмъ самое разумное правило. Мундиръ одинъ изъ надежныхъ факторовъ для достиженія карьеры, а кто къ ней стремится,— тотъ ни передъ чѣмъ не долженъ останавливаться; даже шагать чрезъ головы, чрезъ трупы другихъ слѣдуетъ смѣло, когда этимъ приближаешься къ цѣли.

— Для чего же сами вы принимаете участіе въ филантропіи?

— Для тѣхъ же личныхъ выгодъ: это даетъ мнѣ больше популярности и значенія тамъ, гдѣ мнѣ это полезно; безкорыстная же филантропія—миражъ, утопія.

— Ваше сужденіе о благотворительности такъ мрачно, даже ужасно, что Богъ когда-нибудь жестоко васъ за это накажетъ.

— Я настолько здравомыслящій и предусмотрительный человѣкъ, что подобныхъ наказаній не опасаюсь [1]).

Этому-то Ю—ву я и заявилъ, что я никакого письма не посылалъ.

— Я это понялъ тотчасъ же, какъ прочиталъ письмо: манера изложенія, форма и нѣкоторыя несообразности убѣдили меня въ этомъ.

— Отчего же вы не доложили вашего мнѣнія кому слѣдовало, а допустили разростись цѣлой исторіи?

— Оттого, что письмо лично меня не касалось. Оно какъ всякая бумага исполнена установленнымъ порядкомъ. Теперь вы подаете мнѣ заявленіе, я и его доложу такъ же безучастно.

— Покажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть письмо. Можетъ быть, я по почерку узнаю автора.

— Письмо это отправлено на заключеніе градоначальника генерала Трепова. Обратитесь къ нему.

Я заявилъ о случившемся князю Шаховскому, онъ далъ мнѣ письмо къ министру А. Е. Тимашеву, а тотъ послалъ меня съ своею

---

[1]) Достигнувъ блестящей карьеры, этотъ самонадѣянный человѣкъ вдругъ, въ одинъ день, всю ее потерялъ совершенно неожиданно: онъ былъ исключенъ отовсюду и высланъ за границу по какому-то обвиненію.

карточкою къ Трепову, который пробормоталъ мнѣ что-то невнятно и направилъ меня къ начальнику сыскной полиціи И. Д. Путилину, увѣрившему меня, что Треповъ письма ему не давалъ, въ подтвержденіе чего пошелъ со мною къ Трепову и при мнѣ доложилъ ему объ этомъ. Треповъ опять пробормоталъ что-то и послалъ меня къ своему правителю канцеляріи, дѣйствительному статскому совѣтнику С. Ф. Христіановичу. Онъ выслушалъ меня и посовѣтовалъ мнѣ зайти чрезъ день. Я явился въ назначенный часъ.

— Да, была по вашему письму переписка, заявилъ онъ мнѣ, но мы, что слѣдовало, все исполнили.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть эту переписку, чтобы я, не писавшій письма, могъ доказать свою правоту.

— Нельзя-съ: переписка эта секретная.

— Вы писали обо мнѣ очевидно несправедливо и потому должны исправить свою ошибку.

— Мы не ошибаемся, кромѣ того, справедливо ли, несправедливо ли поступили мы—это наше дѣло.

— Рѣчь-то вѣдь вы вели обо мнѣ, поэтому я вотъ запискою прошу разслѣдовать: кто именно авторъ письма.

— Хорошо-съ, я доложу, а о результатѣ зайдите справиться черезъ два—три дня.

Въ назначенный срокъ Христіановичъ объявилъ мнѣ, что предпринять что-либо къ отысканію автора письма трудно, такъ какъ письмо куда-то исчезло. Ходилъ я, ходилъ къ Трепову, Путилину и Христіановичу, но никакого толку ни отъ кого не добился. Тогда Шаховской, по моей просьбѣ, самъ доложилъ Тимашеву, что я не причастенъ къ письму, а потомъ передалъ мнѣ, что Тимашевъ, какъ сказалъ ему, не повѣрилъ содержанію письма и нарочно велѣлъ потребовать объясненія Трепова, чтобы его позлить и, хотя Треповъ въ объясненіи и взводилъ противъ меня разныя обвиненія и просилъ исключить меня изъ комитета по неблагонадежности, но онъ, Тимашевъ, приказалъ оставить всю переписку безъ послѣдствій, по ея вздорности. Со своей стороны, Шаховской, тоже противникъ Трепова, нарочно огласилъ это дѣло въ англійскомъ клубѣ, и тамъ цѣлою компаніею они подняли на смѣхъ Трепова за его оплошность.

— Какъ это вы, такой опытный человѣкъ, трунили мы надъ нимъ,— такъ говорилъ мнѣ Шаховской,—созывали смотрителей, распекали ихъ, сочинили отвѣтъ, что Никитинъ—такой, сякой, а онъ ли писалъ письмо,—спросить его забыли.... Ха-ха-ха.....

Казусъ этотъ, превратившійся въ безвредную для меня шутку, много крови мнѣ испортилъ.

Между тѣмъ, Макаровъ продолжалъ неистовствовать, продержалъ

мальчика за шалость въ сыромъ, холодномъ помѣщеніи четверо сутокъ подъ запоромъ, отчего тотъ заболѣлъ. Мы потребовали отъ него объясненія.

— Это... это... это, коли на то ужъ пошло, мой капризъ—отчеканилъ онъ намъ.

Мы объ этомъ доложили комитету, а за это противъ насъ возникъ доносъ, что мы производимъ служителямъ смотры, отчего они не успѣваютъ справлять своихъ обязанностей. Хоть это было тоже выдумано, тѣмъ не менѣе, пришлось опять отписываться.

Во всѣхъ многочисленныхъ доносахъ, на которые мы едва успѣвали отписываться, я постоянно фигурировалъ главнымъ обвиняемымъ, потому что во-первыхъ я ближе другихъ принималъ къ сердцу возмутительные поступки и энергичнѣе другихъ возставалъ противъ нихъ, а во-вторыхъ—мои коллеги принадлежали къ аристократіи и имѣли крупныя состоянія, почему ихъ легче задѣвали. Мы были увѣрены, что творцомъ всѣхъ доносовъ былъ самъ Макаровъ, но избавиться отъ него мы были не въ силахъ: онъ обладалъ благорасположеніемъ Трепова, да наживши значительное состояніе, обзавелся связями, а онѣ поддерживали его за то, какъ самъ онъ намъ многократно хвастался, что одного—ссужалъ деньгами, безъ процентовъ; другому—содѣйствовалъ по его дѣламъ; третьему услуживалъ по амурной части и т. д. Все это мы доказывали и письменно, и словесно, но увы! никто намъ не внималъ. Напротивъ, насъ же называли сумасбродами за то, что мы дрожали надъ каждою копѣйкою, ради интересовъ заключенныхъ, даромъ тратили время, знанія, трудъ и портили кровь себѣ и тѣмъ, которые прежде удачно „ловили рыбу въ мутной водѣ".

Между тѣмъ доносы настолько участились, что министръ А. Е. Тимашевъ, истощивъ терпѣніе читать ихъ и желая дознаться истины отъ посторонняго, но свѣдущаго человѣка, въ концѣ 1872 г., поручилъ члену совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику А. И. Деспоту-Зеновичу, обревизовать тюремное наше хозяйство и способъ его веденія нами. Мы освѣдомились, что ревизоръ этотъ въ молодости самъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ за свои дарованія и честность быстро достигъ губернаторскаго поста и слылъ прекраснымъ губернаторомъ. Мы обрадовались такому ревизору, чтобы доказать свою правоту. И вотъ онъ, позанявшись съ недѣлю, въ тайнѣ отъ насъ, прислалъ мнѣ, въ третьемъ лицѣ, повѣстку, чтобы я явился къ нему въ 12 часовъ дня въ правленіе, для объясненій. Снявъ въ передней пальто, я вошелъ въ слѣдующую комнату—правленіе, увидѣлъ за нашимъ столомъ высокаго пожилаго господина въ вицъ-мундирѣ со звѣздами, приблизился къ нему и отрекомендовался ему.

— Подождите тамъ, рѣзко произнесъ онъ, указавъ мнѣ рукою на переднюю. Я васъ позову, какъ освобожусь.

Я вспыхнулъ, вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто и ушелъ домой, а вечеромъ получилъ отъ него любезное уже письмо, которымъ онъ меня „покорнѣйше просилъ пожаловать на слѣдующее утро къ нему домой“, для „переговоровъ касательно почтенной дѣятельности правленія“. Онъ принялъ меня съ утонченною вѣжливостью. Мы сѣли, по его приглашенію, къ его письменному столу.

— Я вчера чрезъ полчаса послѣ свиданія съ вами спросилъ васъ, но оказалось, что вы не заблагоразсудили подождать, а тотчасъ совсѣмъ ушли. Не изволите ли объяснить мнѣ, что значитъ вашъ уходъ?

— Извольте: я посвящаю время и трудъ безвозмездно, а потому для меня обидно было оставаться въ передней, гдѣ ждутъ, обыкновенно сторожа; я хоть маленькій, но чиновникъ и вправѣ разсчитывать на деликатное со мною обхожденіе.

— Но вѣдь я, тайный совѣтникъ, ревизую по приказанію министра, а подчиняться начальству вы обязаны.

— Въ филантропіи, которою я занимась, не предполагается начальства.

— Однако, живемъ мы съ вами вѣдь не въ свободной Америкѣ, а въ Россіи?

— Если бы мы жили въ Америкѣ, вы не посмѣли бы безцеремонно меня вызывать, а я бы къ вамъ не пошелъ.

— Вы говорите со мною, правда, рѣзко, но я признаю, что вы вполнѣ правы, а потому пожалуйста извините меня за мою опрометчивость, происшедшую преимущественно потому, впрочемъ, что мнѣ поручено вникнуть въ особенности въ вашу дѣятельность, такъ какъ въ доносахъ и рапортахъ градоначальника вамъ приписывались разные поступки...

— Безчестные, что-ли?

— Всякіе.

— Какіе же именно поступки мои нашли вы предосудительными?

— Напротивъ, всѣ ваши дѣйствія по моему мнѣнію прекрасны, а ваше трудолюбіе—изумительно: всѣ бумаги писаны, какъ я убѣдился, вашею рукою, всѣ журналы, вами составленные, вполнѣ правильны, разумны и не оставляютъ желать рѣшительно ничего лучшаго.

— Мнѣ остается, значитъ, благодарить васъ за ваше безпристрастіе.

— А я еще разъ прошу васъ извинить мою невѣжливость и вѣрить, что я доложу по чести министру, что вы полезнѣйшій комитетскій дѣятель, въ подтвержденіе же моихъ словъ благоволите прочесть мой докладъ, который я напишу министру и, ежели, усмотрите въ немъ невѣрности,—исправьте меня пожалуйста, ибо вы знаете тюремное дѣло гораздо лучше меня.

Мы дружелюбно пробесѣдовали часа три, въ теченіе которыхъ я, по его желанію, разъяснилъ ему различныя его недоразумѣнія, провѣренныя имъ потомъ по дѣламъ. Затѣмъ онъ допросилъ разныхъ лицъ, составилъ докладъ, прислалъ его мнѣ на просмотръ, я сдѣлалъ разныя замѣчанія и исправленія и вернулъ его ему, а онъ исправилъ и представилъ его Тимашеву, который внимательно прочелъ его, выслушалъ и самого автора доклада и похвалилъ насъ вообще, а меня въ особенности, какъ передалъ мнѣ Деспотъ-Зеновичъ. Съ тѣхъ поръ хорошее мое знакомство съ нимъ продолжалось до его смерти, лѣтъ, кажется, десять.

Покончивъ съ ревизіею, я составилъ годовой отчетъ правленія, которое противъ предшествовавшихъ трехъ лѣтъ значительно улучшило всѣ отрасли хозяйства, да еще сберегло 27.689 руб. Комитетъ принялъ отчетъ съ чрезвычайною намъ признательностію и напечаталъ его въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

Кромѣ моихъ братьевъ и сестры, съ нами росла съ пятилѣтняго возраста дѣвочка моихъ лѣтъ, Дунечка Темяшева. Надобно сказать, кто она такая и какъ появилась у насъ. Въ числѣ памятныхъ для меня, въ дѣтствѣ, посѣтителей нашего дома кромѣ мужа моей тетушки Ушковой, физіономія котораго, съ его черными усами, бакенбардами и очками, казалась намъ, дѣтямъ, какой-то странной (мнѣ еще придется много говорить о немъ), моего крестнаго отца, С. И. Языкова, очень некрасиваго собою и пропитаннаго табачнымъ дымомъ, — на его большомъ лицѣ было слишкомъ много кожи, которую онъ постоянно стягивалъ, дѣлая самыя странныя гримасы,—и нашихъ двухъ сосѣдей, Огарева и Исленева, находился еще очень дальній нашъ родственникъ, по Горчаковымъ, богатый холостякъ Темяшевъ, называвшій моего отца братомъ и питавшій къ нему восторженную привязанность. Онъ жилъ въ сорока верстахъ отъ Ясной Поляны, въ имѣніи Пирогово. Однажды онъ привезъ намъ поросятъ съ хвостиками, закрученными въ видѣ штопора, которые были положены на большой поднос въ буфетной. Темяшевъ, Пирогово и поросята сливались для меня въ одинъ образъ.

[1]) С. М. „Русская Старина“, ноябрь 1906 г.

Печатаемыя нами автобіографическія воспоминанія Л. Н. Толстого вошли, какъ „черновые, неисправленные имъ наброски“, въ появившуюся въ текущемъ году новую книгу о нашемъ великомъ писателѣ „Vie et oeuvres, mémoires, souvenirs, lettres“, изданную его восторженнымъ почитателемъ и старымъ другомъ, П. Бирюковымъ, которому Толстой не только пришелъ на помощь, набросавъ нарочно для него свою автобіографію (см. „Русская Старина“, ноябрь 1906 г. стр. 287—290), но и позволилъ ему пользоваться своими неизданными письмами и дневниками, хранящимися у В. Черткова.

Мы заимствуемъ изъ нея лишь то, что принадлежитъ самому Толстому: его автобіографическія замѣтки и выдержки изъ его дневниковъ и переписки, составляющія всю ея прелесть и силу. *Ред.*

Темяшевъ памятенъ намъ еще потому, что онъ наигрывалъ въ залѣ какой-то танецъ (единственное, что онъ умѣлъ играть) и подъ эту музыку заставлялъ насъ плясать. Когда мы спрашивали, что намъ танцовать, онъ отвѣчалъ, что подъ эту музыку можно танцовать, что угодно, чѣмъ мы и пользовались.

Однажды вечеромъ, это было зимою, мы только-что напились чаю и собирались идти спать; мои глаза уже начали слипаться, какъ вдругъ изъ передней кто-то вошелъ въ залъ, гдѣ мы сидѣли и гдѣ горѣло всего двѣ свѣчи, такъ что мы были почти въ потьмахъ. Онъ вошелъ въ открытую большую дверь и, пройдя быстрыми шагами до середины залы (онъ былъ въ валенкахъ), упалъ на колѣни. Длинный чубукъ, который былъ у него въ рукахъ, ударился объ полъ; изъ зажженой трубки посыпались искры, освѣтивъ лицо колѣнопреклоненнаго человѣка: это былъ Темяшевъ. Не помню, что онъ сказалъ отцу, павъ передъ нимъ на колѣни. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ палъ ницъ передъ батюшкой потому, что онъ привелъ свою незаконнорожденную дочь Дунечку, о которой онъ уже раньше говорилъ отцу и просилъ его воспитать ее вмѣстѣ съ его дѣтьми.

Съ этого дня появилась у насъ широколицая дѣвочка моихъ лѣтъ, Дунечка. Вмѣстѣ съ ней переселилась и ея нянька, Ефросинья, высокаго роста сморщенная старуха, съ выдающимся индюшечьимъ горломъ, въ которомъ катался какой-то шарикъ, который она позволяла намъ трогать.

Появленіе Дуняши въ нашемъ домѣ было связано съ довольно сложнымъ договоромъ, заключеннымъ между батюшкой и Темяшевымъ, состоявшимъ въ слѣдующемъ.

Темяшевъ былъ очень богатъ и не имѣлъ законныхъ дѣтей, но отъ вольноотпущенной дворовой у него было двѣ дочери: Дунечка и горбунья Вѣрочка. Наслѣдницами Темяшева были двѣ его сестры, коимъ онъ завѣщалъ всѣ свои имѣнія, за исключеніемъ Пирогова, гдѣ онъ жилъ самъ; это имѣніе онъ хотѣлъ передать батюшкѣ съ условіемъ, чтобы онъ выплатилъ стоимость его, триста тысячъ рублей, (всѣ говорили, что Пирогово было золотое дно и стоило несравненно больше) двумъ дѣвочкамъ, для чего придумали слѣдующее: Темяшевъ подписалъ купчую о продажѣ Пирогово батюшкѣ за триста тысячъ, а батюшка подписалъ три векселя до востребованія по сто тысячъ каждый, на имя Исленева, Языкова и Глѣбова. Въ случаѣ смерти Темяшева, мой отецъ получалъ имѣніе и долженъ былъ объяснить Глѣбову, Языкову и Исленеву, съ какой цѣлью были подписаны эти векселя, и тогда триста тысячъ были бы выплачены дѣвочкамъ.

Быть можетъ я не совсѣмъ вѣрно объясняю эту сдѣлку, но я знаю навѣрно, что по смерти батюшки Пирогово перешло къ намъ

и что существовало три векселя до востребованія, на имя Исленева, Глѣбова и Языкова, что опека уплатила по этимъ тремъ векселямъ по предъявленіи ихъ и что первые два дали дѣвочкамъ, каждой, по сто тысячъ рублей, а Языковъ присвоилъ непринадлежавшіе ему сто тысячъ. Но объ этомъ я еще буду говорить впослѣдствіи.

Такимъ образомъ Дунечка жила у насъ. Это была милая, простая, кроткая, но не особенно умная дѣвочка и большая плакса. Я уже умѣлъ въ то время читать и писать по-французски и, какъ сейчасъ помню, меня заставили учить ее французской азбукѣ.

Сначала все шло хорошо (намъ было обоимъ пять лѣтъ). Но вскорѣ, это вѣроятно, ей наскучило, она перестала повторять точно названіе буквъ, которыя я ей показывалъ. Я настаивалъ. Она разрѣвѣлась; я тоже разревѣлся, и когда къ намъ подошли старшіе, мы такъ горько плакали, что не могли произнести ни слова.

Помню также, что когда однажды съ тарелки исчезла слива, и Ѳедоръ Ивановичъ, не найдя виновнаго, сказалъ серьезно, не глядя на насъ:

„Съѣсть сливу не бѣда; но если тотъ, кто ее съѣлъ, проглотилъ косточку, то онъ можетъ отъ этого умереть“. Дунечка въ страхѣ закричала, что она выплюнула косточку.

Помню также, какъ она неутѣшно плакала, когда, придумавъ съ моимъ братомъ Митенькой новую игру, состоявшую въ томъ, что они плевали другъ другу въ ротъ маленькой мѣдной цѣпочкой, она дунула такъ сильно, а Митенька такъ широко раскрылъ ротъ, что онъ проглотилъ цѣпочку. Она была неутѣшна до тѣхъ поръ, пока не пришелъ докторъ и не успокоилъ насъ.

Она была дѣвочка не особенно умная, но добрая и простая и главное до того невинная, что между нею и нами, мальчиками, существовали всегда чисто братскія отношенія.

Въ „Дѣтствѣ“ я описалъ подробно Прасковью Исаевну. Все, что я говорилъ объ ней, сущая правда. Прасковья Исаевна была экономка, женщина очень почтенная; въ ея комнатушкѣ стояла наша ночная дѣтская ваза. Одно изъ памятныхъ мнѣ, очень пріятныхъ впечатлѣній, было забѣжать послѣ урока или во время урока посидѣть у нея въ комнатѣ, поболтать съ нею, послушать ее.

Она вѣроятно любила быть съ нами въ эти минуты нѣжной и откровенной бесѣды.

— Прасковья Исаевна, а какъ воевалъ дѣдушка! верхомъ? спрашивали мы, придумывая, что бы сказать, только бы болтать и слушать ее.

„Онъ всячески воевалъ: и верхомъ, и пѣшій, не даромъ же онъ былъ генералъ-аншефъ“, отвѣчала она; и открывъ шкафъ, вытаски-

вала оттуда благовонную смолу, которую оно называла „очаковскимъ благовоніемъ". По ея увѣренію, дѣдушка привезъ эту смолу изъ Очакова. Она клала ее на бумажку, которую зажигала о лампадку, и по комнатѣ распространялся пріятный ароматъ.

Помимо обиды, нанесенной Прасковьей Исаевной мнѣ однажды, когда она ударила меня мокрой салфеткой, что описано мною въ „Дѣтствѣ", она обидѣла меня еще одинъ разъ. Въ число ея обязанностей входило ставить намъ, въ случаѣ надобности, клистиръ. Однажды, когда я помѣщался уже не на женской половинѣ, а съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,—это было утромъ, мы только-что встали, братья уже одѣлись, а я замѣшкался и только-что хотѣлъ снять халатикъ и одѣться, какъ въ комнату вошла торопливой старческой походкой Прасковья Исаевна, со своимъ инструментомъ, состоявшимъ изъ промывательной трубки, обернутой, не знаю зачѣмъ, въ салфетку, изъ подъ которой торчалъ только желтенькій кончикъ; у нея была въ рукахъ еще чашка съ прованскимъ масломъ, въ которую она погружала клистирную трубку. Увидавъ меня, Прасковья Исаевна рѣшила, что тетушка приказала совершить эту операцію надо мною; въ сущности она предназначалась для Митеньки; но онъ, случайно или съ хитростью, предчувствуя, что ему угрожаетъ операція, которую мы всѣ ненавидѣли, наскоро одѣлся и ушелъ изъ комнаты. Какъ я ни увѣрялъ ее, что клистиръ предназначался не мнѣ, она поставила его.

Не говоря о преданности и честности Прасковьи Исаевны, я любилъ ее особенно за то, что она такъ же, какъ и старуха Анна Ивановна, казалась мнѣ олицетвореніемъ таинственной стороны жизни дѣдушки съ его очаковскимъ благовоніемъ.

Анна Ивановна, уже болѣе не работала; она дважды приходила къ намъ въ домъ, и я видѣлъ ее. Говорили, будто ей было сто лѣтъ; она помнила Пугачева. У нея были очень черные глаза и одинъ единственный зубъ. Это была одна изъ тѣхъ старухъ, какими пугаютъ дѣтей.

Татьяна Филипповна была молоденькая горничная, небольшая ростомъ, черноволосая, съ пухлыми руками; она была помощницей старухи няньки Аннушки, которую я смутно помню именно потому, что я помню ее съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить. Такъ же точно, какъ я не помню, чѣмъ я былъ раньше, такъ я не помню и Аннушки.

Татьяну Филипповну я помню еще потому, что она впослѣдствіи нянчила моихъ племянницъ и моего старшаго сына. Это было одно изъ тѣхъ трогательныхъ созданій, вышедшихъ изъ народа, которыя сроднялись съ семействомъ своихъ господъ до того, что онѣ становилось какъ-бы своими въ домѣ, а ихъ собственные родные только

выпрашивали у нихъ вѣчно деньги и наслѣдовали то, что имъ удавалось скопить. У нихъ всегда бывали братья, мужья или сыновья, которые проматывали деньги. Таковы были, насколько я помню, мужъ и сынъ Татьяны Филипповны.

Помню, съ какой покорностью она переносила страданія и умерла въ нашемъ домѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я сижу теперь и пишу эти воспоминанія.

Ея братъ, Николай Филипповичъ, былъ кучеромъ; мы не только любили его, но какъ большинство господскихъ дѣтей, глубоко уважали его. Онъ носилъ какіе-то особенные огромные сапоги и издавалъ всегда не пріятный запахъ навоза; голосъ у него былъ мягкій и звучный.

Я долженъ упомянуть также ключника Василія Трубецкаго. Это былъ человѣкъ пріятный, ласковый, очевидно очень любившій дѣтей; поэтому онъ и насъ любилъ и въ особенности Сережу, у котораго онъ служилъ впослѣдствіи и умеръ. Помню добрую улыбку его пріятнаго морщинистаго лица и тотъ особенный запахъ, который чувствовался, когда онъ бралъ насъ на руки и ставилъ на подносъ (это доставляло намъ особенное удовольствіе); и мы кричали:

„Теперь я! теперь моя очередь!“ и онъ несъ насъ въ кладовую, таинственное для насъ мѣсто, откуда былъ входъ въ погребъ. Одно изъ яркихъ воспоминаній, связанныхъ съ нимъ, — это воспоминаніе объ его отъѣздѣ въ Щербачевку, имѣніе Курской губерніи, унаслѣдованное батюшкой отъ Перовской. Это (отъѣздъ Василья Трубецкаго) случилось на Рождествѣ въ то время, когда мы, дѣти, и нѣсколько слугъ играли въ залѣ.

Надобно также сказать нѣсколько словъ о нашихъ рождественскихъ забавахъ. Онѣ состояли въ томъ, что вся многочисленная дворня, человѣкъ тридцать, приходили къ намъ ряженые и играли въ разныя игры и плясали подъ звуки скрипки, на которой игралъ старикъ Григорій, появлявшійся въ нашемъ домѣ только на святкахъ. Это было очень весело. Ряженые, по обыкновенію, изображали медвѣдя съ его вожакомъ, козу, турокъ, тирольцевъ, разбойниковъ; мужчины переряжались женщинами, женщины мужчинами. Помнится, нѣкоторые изъ нихъ казались мнѣ пригожими, въ особенности Маша,, одѣтая турчанкой.

Иногда тетушка наряжала и насъ, дѣтей. Намъ особенно нравилось одѣть какой-нибудь поясъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и кисейныя покрывала, шитыя золотомъ и серебромъ; мнѣ казалось, что я очень хорошъ съ усами, подведенными жженой пробкой. Какъ сейчасъ помню, глядя въ зеркало на свое лицо, украшенное черными усами и бровями, я не могъ скрыть улыбку удовольствія, въ то время какъ мнѣ слѣдовало имѣть серьезное лицо турка.

Всѣ эти ряженые расхаживали по всѣмъ комнатамъ, ихъ угощали разными лакомствами. Однажды, на святкахъ, это было въ мое раннее дѣтство, къ намъ пріѣхали ряжеными всѣ Исленевы: отецъ,—дѣдушка моей жены,—его три сына и три дочери. У всѣхъ у нихъ были преоригинальные костюмы. Одинъ изображалъ высокій сапогъ, другой картоннаго паяца и многое другое... Пріѣхавъ за сорокъ верстъ, Исленевы остановились въ селѣ, чтобы перерядиться. Войдя въ зало, Исленевъ сѣлъ за фортепіано и спѣлъ стихи своего сочиненія на мотивъ, который я помню до сихъ поръ.

— Мы пріѣхали съ Новымъ годомъ васъ поздравить. Будемъ очень рады, если мы можемъ васъ позабавить,—пѣлъ Исленевъ.

Все это очень занимало насъ и по всей вѣроятности также и взрослыхъ. Но намъ, дѣтямъ, особенно нравились ряженые дворовые.

Все это происходило въ первые дни Рождества, наканунѣ Новаго года, а иногда и послѣ Новаго года до Крещенья, но послѣ Новаго года уже бывало меньше народа и игры были не такъ оживленны.

Василій уѣхалъ въ Щербачевку въ одинъ изъ этихъ дней, на святкахъ. Помню, что мы сидѣли всѣ въ кружокъ, въ углу, на деревянныхъ стульяхъ домашняго издѣлья съ кожаными сидѣньями; зало было въ полумракѣ; мы „хоронили рубль“.

Одинъ изъ насъ ходилъ взадъ и впередъ и долженъ былъ найти рубль, который остальные передавали изъ рукъ въ руки, напѣвая: „Рубль идетъ, рубль бѣжитъ!“ Помнится, одна изъ дворовыхъ пѣла эти слова очень пріятнымъ голосомъ. Вдругъ дверь изъ людской отворилась, и Василій, застегнутый, не такъ, какъ всегда, безъ подноса и посуды въ рукахъ, прошелъ въ кабинетъ батюшки. Я узналъ, что Василій ѣхалъ въ Щербачевку управляющимъ. Я понималъ, что это было выгодно для него, и радовался этому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было грустно при мысли о разлукѣ съ нимъ, было грустно подумать, что его не будетъ болѣе въ кладовой, что онъ не будетъ болѣе носить насъ туда на подносѣ; я даже не понималъ этого хорошенько и не вѣрилъ, что такая перемѣна могла произойти. Мнѣ стало очень грустно и напѣвъ „рубль хороню!“ показался мнѣ очень меланхоличнымъ.

Когда Василій вернулся отъ тетушки и съ доброй улыбкой подошелъ къ намъ и поцѣловалъ насъ въ плечо, я испыталъ первый разъ въ жизни ужасъ и страхъ при мысли о непостоянствѣ жизни, и меня охватило чувство жалости и любви къ славному Василію. Когда, впослѣдствіи, я встрѣчался съ нимъ, то я уже видѣлъ въ немъ только хорошаго или дурнаго управляющаго, порядочнаго человѣка, какимъ я его считалъ, но уже никогда не находилъ въ себѣ слѣда прежняго братскаго, человѣческаго чувства къ нему.

„Гора Фанфароновъ“,—съ этими словами связано для меня одно

изъ самыхъ отдаленныхъ, самыхъ дорогихъ и самыхъ важныхъ воспоминаній. Мой старшій братъ Николенька былъ шестью годами старше меня. Ему шелъ одиннадцатый годъ, а мнѣ, слѣдовательно, былъ пятый годъ, когда онъ повелъ насъ на „гору Фанфароновъ".

Не знаю какъ это случилось, но мы говорили ему „вы". Это былъ необыкновенный ребенокъ, а впослѣдствіи такой же необыкновенный человѣкъ. Тургеневъ вѣрно сказалъ, что „у него не было тѣхъ именно недостатковъ, которые необходимы для писателя". У него не было для этого самаго главнаго недостатка,—тщеславія. Его совершенно не интересовало мнѣніе о немъ другихъ. Но у него были качества необходимыя для писателя;—прежде всего, у него былъ тонкій, артистическій вкусъ, весьма развитое чувство мѣры, добродушіе, веселость, необыкновенная, неиспорченная фантазія, очень высокое понятіе о жизни и все это безъ малѣйшаго хвастовства. У него была такая богатая фантазія, что онъ могъ импровизировать сказки, разбойничьи или юмористическіе разсказы, въ духѣ г-жи Редклиффъ, безостановочно, по цѣлымъ часамъ и такъ увѣренно, что слушатели забывали о томъ, что это выдумка. Когда онъ не разсказывалъ или не читалъ (а онъ много читалъ), то онъ рисовалъ и рисовалъ почти всегда чертенятъ съ рожками и вздернутыми усиками, которые сцѣплялись, образуя самыя причудливыя позы, и продѣлывали самыя разнообразныя вещи. Эти рисунки отличались также богатымъ воображеніемъ и вымысломъ.

Однажды, когда мнѣ было пять лѣтъ, Митенькѣ шесть, Сережѣ семь, онъ объявилъ намъ, что онъ знаетъ такой секретъ, что если открыть его, то всѣ люди будутъ счастливы. Не будетъ болѣе ни болѣзней, ни горя, никто не будетъ питать злобы, всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ будутъ „братьями-муравьями". Онъ хотѣлъ вѣроятно сказать „моравскими братьями", о которыхъ онъ слышалъ, и исторію которыхъ читалъ; но на нашемъ языкѣ это были „братья-муравьи", и я помню, что намъ особенно нравилось слово „муравей", напоминавшее намъ муравейникъ. Мы придумали даже игру „братья-муравьи", состоявшую въ слѣдующемъ: мы садились подъ стулья, вокругъ которыхъ мы разставляли ящики и покрывали ихъ платками; тамъ, въ потьмахъ, мы сидѣли прижавшись другъ къ другу. Я помню, что, играя въ эту игру, я испытывалъ приливъ любви и нѣжности и очень любилъ ее. Николенька открылъ намъ братскія чувства муравьевъ, но главная тайна,—какъ сдѣлать, чтобы люди никогда не ссорились и были всегда счастливы, была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ и палочка эта была зарыта у дороги, на краю оврага Стараго Заката, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ

я просилъ, въ память Николеньки, закопать меня, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ.

Кромѣ этой палочки была горка, „гора Фанфароновъ“, куда, какъ онъ намъ говорилъ, онъ могъ свести насъ, если мы выполнимъ всѣ требуемыя для этого условія, а условія эти были: 1) стать въ уголъ и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, что я становился въ уголъ и тщетно дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы не думать о бѣломъ медвѣдѣ; 2) пройти, не споткнувшись, по трещинѣ между двумя половицами, и 3) въ теченіе года не видѣть ни живаго, ни убитаго, ни жаренаго зайца. Кромѣ того, надо было поклясться, что мы никому не откроемъ этой тайны. Тотъ, кто выполнилъ бы всѣ эти условія и еще другія труднѣйшія, которыя были поставлены ему впослѣдствіи, могъ разсчитывать на осуществленіе какого бы то ни было желанія. Николенька предложилъ намъ высказать свои желанія. Сережа хотѣлъ умѣть лѣпить изъ воска лошадей и куръ; Митенька хотѣлъ рисовать разные предметы въ большомъ видѣ, какъ художникъ. Я не могъ ничего придумать и высказалъ одно желаніе,— умѣть рисовать все въ миніатюрѣ.

Все это, какъ часто случается съ дѣтьми, было вскорѣ забыто; никто не взошелъ на „гору Фанфароновъ“, но я до сихъ поръ помню, какъ многозначительно и таинственно Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и съ какимъ уваженіемъ и страхомъ мы относились къ тому, что онъ намъ открывалъ. На меня произвело особенно сильное впечатлѣніе сопоставленіе муравьевъ съ таинственной зеленой палочкой, которая могла сдѣлать всѣхъ людей счастливыми.

Какъ я думаю теперь, Николенька слышалъ или читалъ что-нибудь о франъ-масонахъ, объ ихъ стремленіи содѣйствовать счастью человѣчества и о таинственныхъ обрядахъ, коими сопровождалось вступленіе въ общество; онъ вѣроятно, слышалъ также о „моравскихъ братьяхъ“; его пылкое воображеніе соединило все это во едино и, движимый своей любовью къ людямъ, онъ сочинилъ всю эту исторію, которая его забавляла, и дурачилъ насъ своими разсказами.

Идеалъ „братьевъ-муравьевъ“, которые съ любовью прижимаются другъ къ другу не подъ креслами, накрытыми платками, а подъ небеснымъ сводомъ, этотъ идеалъ братской любви остался для меня неизмѣннымъ. И если я вѣрилъ въ то время въ существованіе зеленой палочки, на которой было написано средство, которое должно было искоренить среди людей зло и дать имъ величайшее благо, то я вѣрю въ настоящее время, что эта истина существуетъ, что она будетъ открыта людямъ и дастъ имъ обѣщанное счастье.

Съ Митенькой я былъ товарищемъ. Николеньку я уважалъ, но Сережей я восхищался, подражалъ ему, любилъ его, хотѣлъ быть

нимъ. Я восхищался его красивой наружностью, прекраснымъ голосомъ,—онъ всегда пѣлъ, его рисунками, его веселостью, и въ особенности, какъ ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Помнится, я всегда былъ занятъ собою, я всегда чувствовалъ, ошибочно или нѣтъ, то, что думаютъ обо мнѣ и что чувствуютъ ко мнѣ другіе, и это портило мнѣ радость жизни. Отъ этого, вѣроятно, я такъ любилъ въ другихъ противоположное этому: непосредственность эгоизма. И за это я особенно любилъ Сережу. Слово „любилъ" въ этомъ случаѣ не вѣрно. Николеньку я любилъ, но Сережей восхищался какъ существомъ постороннимъ, мнѣ непонятнымъ. Это была прекрасная, но для меня непонятная человѣческая жизнь; она всегда оставалась для меня таинственной и поэтому была особенно привлекательна.

Онъ умеръ недавно, и во время своей предсмертной болѣзни и въ моментъ смерти былъ для меня такъ же непонятенъ, такъ же дорогъ, какъ въ ту отдаленную эпоху дѣтства. Состарившись, подъ конецъ жизни, онъ болѣе полюбилъ меня; цѣнилъ мою дружбу, гордился мною. Онъ хотѣлъ бы раздѣлять мои мнѣнія, но не могъ, и до конца жизни остался тѣмъ, что онъ былъ: существомъ оригинальнымъ, прекраснымъ, утонченнымъ, гордымъ, а главное, въ высшей степени искреннимъ; такихъ искреннихъ людей я не видѣлъ. Онъ былъ всегда самимъ собою, ничего не скрывалъ и не хотѣлъ ничѣмъ казаться.

Я хотѣлъ всегда быть въ обществѣ Николеньки, хотѣлъ бы говорить съ нимъ, спорить; что касается Сережи, я хотѣлъ только походить на него. Это желаніе подражать ему было во мнѣ съ ранняго дѣтства. У него были курицы и цыплята. И я захотѣлъ имѣть ихъ. Это было, кажется, мое первое знакомство съ жизнью животныхъ. Помню, какъ куры разныхъ породъ: пестрыя, сѣренькія, хохлатыя, бѣжали на нашъ зовъ. Помню, какъ мы кормили ихъ и ненавидѣли большаго голландскаго пѣтуха, который гонялся за ними. Этихъ куръ выдумалъ Сережа.

Онъ попросилъ, чтобы ихъ дали ему. Я послѣдовалъ его примѣру. Сережа рисовалъ на большомъ листѣ красками (какъ мнѣ казалось великолѣпно) куръ, пѣтуховъ, и я дѣлалъ то же, но гораздо хуже. (Въ этомъ искусствѣ я хотѣлъ усовершенствоваться, попавъ на „гору Фанфароновъ"). Когда на зиму вставлялись двойныя рамы, Сережа придумалъ кормить куръ черезъ дверную щелку; для этого мы скатывали нѣчто въ родѣ длинныхъ сосисокъ изъ бѣлаго и чернаго хлѣба; я и въ этомъ подражалъ ему.

Одинъ пустяшный фактъ, связанный съ моими дѣтскими воспоминаніями, произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе: однажды, въ нашей дѣтской, наверху, сидѣлъ Темяшевъ и бесѣдовалъ съ Ѳедо-

*

ромъ Ивановичемъ. Не помню, какъ зашелъ разговоръ о соблюденіи постовъ, и Темяшевъ, нашъ добрый Темяшевъ, сказалъ какъ самую обыкновенную вещь: „мой поваръ (или лакей, право, не помню) ѣлъ мясо въ посту; за это я отдалъ его въ солдаты“. Я запомнилъ этотъ фактъ, который казался мнѣ удивительнымъ и непостижимымъ.

Другое памятное событіе былъ пріѣздъ Петра Ивановича Толстого, отца Валеріана, мужа моей сестры, который появлялся въ гостиной въ халатѣ. Мы не понимали, почему онъ дѣлалъ это, но впослѣдствіи узнали, что онъ былъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Событіемъ былъ также пріѣздъ его брата, знаменитаго американца, Ѳедора Толстого. Я помню, что онъ пріѣхалъ въ почтовой каретѣ; войдя въ кабинетъ батюшки, онъ потребовалъ какой-то особенный французскій хлѣбъ; иного онъ не ѣлъ. Въ тотъ день у моего брата Сережи страшно болѣли зубы. Услыхавъ это, онъ заявилъ, что можетъ прекратить боль магнетизмомъ, вошелъ снова въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и, нѣсколько минутъ спустя, вышелъ оттуда, держа въ рукахъ два батистовыхъ платка и сказалъ: „Когда ты надѣнешь этотъ платокъ, боль пройдетъ, а вотъ этотъ платокъ для того, чтобы ты хорошо спалъ“. Платки были отданы Сережѣ, и у насъ осталось впечатлѣніе, какъ-будто все произошло такъ, какъ онъ говорилъ.

Я помню его красивое, смуглое, съ румянцемъ лицо, съ густыми сѣдыми усами, висѣвшими до угловъ рта. Я хотѣлъ бы многое разсказать объ этомъ необычайномъ, преступномъ, но обольстительномъ человѣкѣ“.

Вспоминая о французѣ гувернерѣ, Проспере Saint-Thomas, Левъ Николаевичъ говоритъ:

„Не помню за что, это былъ какой-то пустякъ, не заслуживавшій наказанія, Saint-Thomas заперъ меня сначала въ отдѣльной комнатѣ, а затѣмъ грозилъ высѣчь меня, и я испыталъ глубокое чувство негодованія, возмущенія и отвращенія не только къ Saint-Thomas, но къ насилію, которое хотѣли учинить надо мною. Вѣроятно, отвращеніе и страхъ передъ всякимъ насиліемъ, который я испытывалъ всю жизнь, зародились во мнѣ именно въ эту минуту“.

По смерти отца Льва Николаевича (1837 г.), опекуншей дѣтей его была графиня Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ.

„Наша тетушка Александра Ильинична вышла замужъ въ Петербургѣ, очень молоденькой, за очень богатаго графа Остенъ-Сакена изъ балтійскихъ дворянъ. Этотъ бракъ, на взглядъ столь блестящій, окончился для тетушки очень печально, но быть можетъ имѣлъ благотворныя послѣдствія для ея души. Тетя Алина, какъ ее звали въ нашей семьѣ, была вѣроятно очень привлекательна съ ея большими

голубыми глазами и добрымъ выраженіемъ блѣднаго лица, какою она изображена шестнадцати лѣтъ на прекрасномъ портретѣ.

Остенъ-Сакенъ почти сейчасъ же послѣ свадьбы уѣхалъ со своей молодой женою въ свои балтійскія помѣстья, гдѣ проявилась мало-по-малу его душевная болѣзнь, выражавшаяся въ началѣ грубой и безпричинной ревностью. Въ первый годъ ихъ брачной жизни, когда тетушка была уже беременной, его болѣзнь ухудшилась до того, что съ нимъ случались иногда припадки полнаго сумасшествія, и ему казалось, что онъ окруженъ врагами, которые хотѣли отнять у него жену и отъ которыхъ ему нужно было спасаться бѣгствомъ.

Однажды, это было лѣтомъ, онъ вошелъ рано утромъ и объявилъ женѣ, что единственное средство спасенія для нихъ заключается въ бѣгствѣ, что онъ уже приказалъ запречь лошадей, и она должна быть немедленно готова. Дѣйствительно была подана карета. Онъ усадилъ въ нее жену и приказалъ гнать лошадей какъ можно скорѣй. Дорогой онъ досталъ ящикъ съ двумя пистолетами и далъ одинъ изъ нихъ тетушкѣ, говоря, что какъ только враги узнаютъ объ ихъ побѣгѣ, они станутъ преслѣдовать ихъ; тогда они пропали, и имъ останется только застрѣлить другъ друга.

Тетушка, перепуганная до смерти, взяла пистолетъ и старалась успокоить мужа, но онъ ее не слушалъ и то и дѣло оглядывался, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли ихъ, и погонялъ кучера.

Къ несчастью на одномъ изъ перекрестковъ показалась карета. Онъ воскликнулъ, что они пропали, и приказалъ ей стрѣлять, а самъ, между тѣмъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ грудь своей жены. Испугавшись вѣроятно сдѣланнаго и увидавъ, что напугавшая его карета повернула въ другую сторону, онъ приказалъ остановиться, вынесъ окровавленную тетушку изъ кареты, положилъ ее на дорогу и убѣжалъ. Къ счастью тетушки, по большой дорогѣ проѣхали вскорѣ крестьяне; они подняли ее и перенесли въ домъ пастора, который перевязалъ, какъ умѣлъ, ея рану и пригласилъ врача. Рана была въ правой сторонѣ груди (тетушка показывала мнѣ шрамъ), но оказалась не опасной.

Въ то время, какъ тетушка лежала больная у пастора, ея мужъ, одумавшись, пріѣхалъ повидать ее, разсказалъ пастору, какое его постигло несчастье, какъ онъ ранилъ ее, и выразилъ желаніе видѣть жену. Это свиданіе было ужасное.

Хитрый, какъ всѣ сумасшедшіе, онъ сдѣлалъ видъ, что раскаивается въ своемъ поступкѣ и озабоченъ ея здоровьемъ. Пробывъ съ нею довольно долго, разговаривая очень благоразумно о разныхъ вещахъ, онъ воспользовался моментомъ, когда они остались одни, чтобы привести въ исполненіе свой планъ. Подъ предлогомъ, что

онъ хотѣлъ знать, какъ ея здоровье, онъ попросилъ тетушку показать ему языкъ и, какъ только она высунула его, онъ схватилъ его рукой, а въ другую руку взялъ бритву, приготовленную съ цѣлью отрѣзать ей языкъ. Они стали бороться, и ей удалось наконецъ вырваться отъ него и она стала кричать. Сбѣжались люди; его схватили и увели. Тогда окончательно убѣдились въ томъ, что онъ помѣшанъ, посадили его въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ жилъ долгое время, не имѣя никакого сношенія съ тетушкой.

Вскорѣ послѣ этого событія тетушку перевезли въ домъ ея отца, въ Петербургъ, гдѣ она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ. Изъ боязни, что это слишкомъ огорчитъ ее, ей сказали, что ея ребенокъ живъ и его замѣнили родившейся въ тотъ же день дѣвочкой—дочерью придворнаго повара.

Эта дѣвочка—Пашенька, воспитывавшаяся въ нашемъ домѣ, была уже довольно взрослая въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія.

Не знаю, когда именно открыли Пашенькѣ тайну ея рожденія, но въ то время, когда я ее узналъ, ей уже было извѣстно, что она не дочь тетушки.

Послѣ всего случившагося, тетушка Александра Ильинична жила у своихъ родителей, а затѣмъ у моего отца и по смерти его была нашей опекуншей. Она скончалась въ Оптиной пустынѣ въ то время, когда мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ.

Тетушка была женщина истинно религіозная. Ея любимымъ занятіемъ было чтеніе житія святыхъ, бесѣды съ странниками, юродиными, монахами и монахинями, изъ коихъ иные жили постоянно въ нашемъ домѣ, тогда какъ другіе посѣщали его только мимоходомъ. Въ числѣ монахинь, проживавшихъ у насъ постоянно, была нѣкая Марія Герасимовна, крестная мать моей сестры. Въ молодости она странствовала по монастырямъ подъ видомъ юродиваго Иванушки. Марія Герасимовна крестила мою сестру, потому что матушка обѣщала ей это, если Господь пошлетъ ей дочь; имѣя уже четырехъ сыновей, матушка очень желала имѣть дочь и когда она родилась, то ее крестила Марія Герасимовна. Она жила частью въ женскомъ монастырѣ въ Тулѣ, а остальное время у насъ.

Тетушка Александра Ильинична была не только обрядово-религіозна, т. е. соблюдала посты, много молилась и бесѣдовала съ людьми святой жизни, какимъ былъ въ свое время отецъ Леонидъ изъ Оптиной пустыни, но она жила истинно христіанской жизнію, чуждалась не только роскоши и помощи слугъ, но сама старалась услужить другимъ. У нея никогда не было денегъ, потому что она раздавала ихъ всѣмъ, кто просилъ у нея.

Горничная Гаша, перешедшая въ услуженіе къ ней по смерти бабушки, разсказывала мнѣ, что когда тетушка жила въ Москвѣ, то, идя въ церковь, она проходила на цыпочкахъ мимо спавшей дѣвушки и дѣлала сама все то, что по общепринятому обычаю должна дѣлать горничная. Трудно себѣ представить, до чего она была проста и не требовательна во всемъ, что касалось пищи и одежды.

Мнѣ непріятно говорить объ этомъ, но во мнѣ осталось съ дѣтства воспоминаніе о какомъ-то особомъ ѣдкомъ запахѣ, исходившемъ отъ тетушки, вѣроятно вслѣдствіе небрежности, съ какой она совершала свой туалетъ. И это была граціозная, поэтичная, голубоглазая Алина, которая любила читать и списывать французскіе стихи, играть на арфѣ и всегда имѣла огромный успѣхъ на балу. Она была, какъ мнѣ помнится, всегда одинаково привѣтлива и добра со всѣми, безразлично, съ важными особами и со странниками. Ея зять Ушковъ любилъ пошутить надъ ней и однажды прислалъ ей изъ Казани большой ящикъ, въ который былъ вложенъ другой, во второмъ третій и т. д., наконецъ, въ самомъ маленькомъ ящикѣ, лежалъ въ ватѣ фарфоровый монахъ. Я помню, какъ отецъ смѣялся, показывая тетушкѣ эту посылку. Помню также, какъ однажды за обѣдомъ, отецъ разсказывалъ о томъ, какъ тетушка и кузина Молчанова гонялись въ церкви за священникомъ, котораго онѣ очень уважали, желая подойти подъ его благословеніе.

Батюшка разсказывалъ, будто Молчанова потащила священника съ амвона, а онъ пустился бѣжать въ сѣверныя двери, Молчанова за нимъ и тутъ его нагнала Алина. Какъ сейчасъ помню его добродушный, пріятный смѣхъ и его лицо, дышавшее удовольствіемъ.

Религія, наполнявшая душу тетушки, имѣла для нея такое высокое значеніе, была такъ выше всего, что она не могла ни на что сердиться, ничѣмъ огорчаться и не придавала всему земному того значенія, какое обыкновенно придаютъ ему. Будучи назначена нашей опекуншей, она заботилась объ насъ, но это не наполняло ея душу; выше всего было для нея служеніе Богу, какъ она его понимала.

Когда мы жили въ Москвѣ, у насъ была пара очень рѣзвыхъ лошадей изъ нашего собственнаго табуна. Кучера моего отца звали Митька Копыловъ. Это былъ очень искусный заѣзжій, охотникъ, прекрасный кучеръ и въ особенности неоцѣнимый форейторъ, такъ какъ мальчишка не въ состояніи сдержать горячихъ лошадей, пожилой человѣкъ слишкомъ тяжеловѣсенъ и не такъ подходитъ для форейтора, Митька же соединялъ всѣ многочисленныя, необходимыя для этого качества: онъ былъ небольшаго роста, легокъ, силенъ и ловокъ. Помню, какъ однажды, когда батюшкѣ подали къ крыльцу фаэтонъ, лошади вдругъ понесли. Кто-то крикнулъ со двора: „лошади его сія-

тельство понесли". Пашенькѣ сдѣлалось дурно; тетушки бросились успокаивать бабушку. Но оказалось, что отецъ не успѣлъ сѣсть въ экипажъ, и Митька, ловко справившись съ лошадьми, привелъ ихъ обратно во дворъ.

Когда нашъ домашній штатъ былъ сокращенъ, этотъ Митька былъ отпущенъ по оброку. Богатые купцы на перебой приглашали его къ себѣ, предлагая ему большое жалованье, такъ какъ Митька ходилъ въ шелковой рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ, но вышло такъ, что его брату пришлось ѣхать въ полкъ, а такъ какъ ихъ отецъ уже былъ старъ, то онъ взялъ его домой въ работники, и нашъ изящный Митька превратился черезъ мѣсяцъ въ простаго мужика въ лаптяхъ, пахалъ, сѣялъ и вообще несъ всю тогдашнюю тяжелую барщину. Все это онъ дѣлалъ безъ малѣйшей жалобы, съ полнымъ убѣжденіемъ, что такъ должно быть, что иначе быть не можетъ".

„Митенька [1]) былъ годомъ старше меня съ большими строгими черными глазами. Я почти не помню его ребенкомъ; знаю только изъ разсказовъ, что ребенкомъ онъ былъ очень капризенъ. Говорили, будто временами на него находили такіе капризы: онъ сердился и плакалъ о томъ, что нянька не играла съ нимъ, а другой разъ сердился и плакалъ потому, что она играла съ нимъ. Судя по всему слышанному мною, матушка очень мучилась съ нимъ. По возрасту онъ былъ ближе всего ко мнѣ, мы много играли вмѣстѣ, но я не любилъ его такъ, какъ Сережу, и такъ, какъ я любилъ и уважалъ Николеньку. Мы съ нимъ ладили, и я не помню, чтобы мы ссорились, хотя навѣрно ссорились и даже дрались, но какъ бываетъ съ дѣтьми, эти ссоры не оставили ни малѣйшаго слѣда, и я любилъ его простой спокойной, естественной любовью; вотъ почему я не замѣчалъ его и не помню его. Я думаю и даже знаю это по опыту изъ моего дѣтства, что любовь къ людямъ есть естественное состояніе души, или лучше сказать естественное отношеніе ко всѣмъ людямъ; когда она существуетъ, мы этого не замѣчаемъ. Любовь замѣчается только тогда, когда мы не любимъ (т. е. когда мы боимся кого-нибудь: такъ напр. я боялся нищихъ, боялся одного изъ Волконскихъ, который щипалъ меня за щеки, и кажется, болѣе никого) или когда любимъ кого-нибудь особенно сильно, какъ я любилъ тетушку, Татьяну Александровну, моего брата Сережу, Николеньку, Василія, нянюшку Прасковью Исаевну, Пашеньку. О Дмитріи, когда онъ былъ ребенкомъ, я не помню ничего особеннаго, за исключеніемъ его дѣтской веселости. Отличительныя свойства его характера проявились и сдѣлались мнѣ памятны лишь со времени нашего пребыванія въ Казани, куда мы

[1]) Братъ Льва Николаевича.

отправились въ 1840 г. Ему было въ то время тринадцать лѣтъ. Я помню, что до тѣхъ поръ, въ Москвѣ, онъ не восторгался, такъ какъ я, Сережей, не любилъ танцевъ, ни военныхъ зрѣлищъ, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи, и учился хорошо, старательно. Помню, что учившій насъ студентъ, Поклонскій, говорилъ по поводу нашихъ занятій, что Сережа хочетъ и можетъ, Дмитрій хочетъ, но не можетъ (это было невѣрно), а Левъ не хочетъ и не можетъ (это была истинная правда).

И такъ, мои воспоминанія о Митенькѣ начинаются лишь съ Казани. Тутъ я, всегда подражавшій во всемъ Сережѣ, началъ развращаться (объ этомъ я также скажу далѣе). Не только въ Казани, но и прежде я очень занимался своей внѣшностью, старался быть свѣтскимъ, приличнымъ. Всего этого не было и слѣда въ Митенькѣ. Онъ, повидимому, никогда не страдалъ пороками, свойственными обыкновенно дѣтямъ, былъ всегда серьезенъ, задумчивъ, чистъ душою, рѣшителенъ, вспыльчивъ и, чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ вкладывалъ въ это всю свою душу.

Когда онъ проглотилъ цѣпочку, насколько я помню, онъ нисколько не волновался за послѣдствія, какія это могло имѣть, тогда какъ я помню ужасъ, испытанный мною, когда я проглотилъ косточку отъ сливы, данной мнѣ тетушкой, и съ какой торжественностью, какъ бы передъ смертью, я объявилъ ей объ этомъ несчастьи. Помню также, когда мы еще были дѣтьми и катались однажды съ горы на санкахъ, какой-то проѣзжій свернулъ съ тройкой на гору вмѣсто того, чтобы проѣхать большой дорогой. Кажется, въ то время катился съ горы Сережа съ однимъ изъ деревенскихъ мальчишекъ; не успѣвъ остановить саней, они попали подъ лошадей. Они отдѣлались испугомъ и тройка поѣхала дальше. Мы всѣ были взволнованы случившимся, обсуждали вопросъ о томъ, какъ мы высвободились изъ-подъ лошадей, какъ одна изъ лошадей испугалась, тогда какъ Митенька (ему было девять лѣтъ) подошелъ къ проѣзжему и сталъ ругать его. Помню, какъ я былъ непріятно пораженъ, услыхавъ, какъ онъ говорилъ, что кучера, за то, что онъ осмѣлился подняться на гору, слѣдовало послать на конюшню; на тогдашнемъ языкѣ это означало, что его слѣдовало высѣчь.

Отличительныя свойства его характера начали обнаруживаться въ Казани. Онъ работалъ хорошо, правильно, очень легко писалъ стихи. Помнится, прекрасно переводилъ Шиллера, но не пристрастился къ переводной работѣ. Онъ мало сходился съ нами, былъ всегда спокоенъ, серьезенъ, задумчивъ. Однажды онъ очень оживился, и дѣвочки были отъ этого въ восторгѣ. Мнѣ стало завидно, и я подумалъ, что это зависѣло отъ того, что онъ былъ всегда серьезенъ, и рѣшилъ подражать ему въ этомъ. Наша опекунша возымѣла преглупую мысль

приставить къ каждому изъ насъ мальчика, который былъ бы нашимъ преданнымъ слугою. Митенькѣ дали Ванюшку (онъ еще живъ). Митенька часто велъ себя относительно его дурно. Мнѣ кажется даже, что онъ билъ его. Я говорю „кажется", потому что я въ этомъ не увѣренъ. Мнѣ памятно только, что онъ раскаивался въ какой-то винѣ относительно Ванюшки и униженно просилъ у него прощенія. Онъ росъ, мало сближаясь съ людьми, и, исключая моментовъ гнѣва, былъ всегда кротокъ, серьезенъ, съ своими большими задумчивыми глазами. Онъ былъ высокаго роста, довольно худощавъ, не очень толстъ, съ длинными руками и сгорбленной спиною. Его странности начались при вступленіи въ университетъ. Онъ былъ годомъ моложе Сережи, но поступилъ въ университетъ одновременно съ нимъ и такъ же, какъ и онъ, на математическій факультетъ. Не знаю, въ силу какихъ обстоятельствъ онъ вдался въ набожность, но съ перваго же года университетской жизни онъ сталъ строго соблюдать религіозные обряды, посѣщалъ церковь и дѣлалъ это со свойственнымъ ему увлеченіемъ, постился, не пропускалъ ни одной службы и вообще велъ самый строгій образъ жизни.

У Митеньки была драгоцѣнная черта характера, которой обладала, мнѣ кажется, матушка, и которая была мнѣ знакома въ Николенькѣ; это совершенное равнодушіе къ мнѣнію о себѣ людей—чего у меня никогда не было. Я до самаго послѣдняго времени никогда не могъ отдѣлаться отъ заботы о мнѣніи людей; Митенька же на это не обращалъ никакого вниманія. Я никогда не помню на его лицѣ сдержанной улыбки, которая невольно выступаетъ, когда васъ хвалятъ. Какъ сейчасъ вижу его большіе, серьезные, спокойные, грустные и подъ часъ холодные глаза. Мы начали обращать на него вниманіе по отъѣздѣ изъ Казани, да и то только потому, что мы съ Сережей придавали большое значеніе свѣтскимъ приличіямъ, внѣшности, тогда какъ онъ былъ грязенъ, не обращалъ на себя вниманія; за это мы и порицали его. Онъ не умѣлъ танцовать и не хотѣлъ учиться танцамъ. Студентомъ онъ никогда не бывалъ въ свѣтѣ, носилъ всегда студенческій мундиръ съ узкимъ галстукомъ и у него съ молоду появилось судорожное подергиваніе головы, будто онъ хотѣлъ высвободить ее изъ галстука.

Его странность проявилась впервые въ первыя недѣли великаго поста. Онъ не сталъ говѣть въ модной университетской церкви, а въ тюремной церкви. Мы жили въ домѣ Горчакова, напротивъ тюрьмы. Тюремный священникъ былъ человѣкъ строгой, набожной жизни; въ великомъ посту его служба казалась чѣмъ-то необыкновеннымъ: онъ читалъ, какъ полагалось, всѣ евангелія, и поэтому богослуженіе продолжалось у него очень долго. Митенька оставался всегда до конца

и познакомился съ этимъ священникомъ. Тюремная церковь была такъ устроена, что мѣсто, гдѣ стояли заключенные, отдѣлялось простой стеклянной перегородкой. Однажды одинъ изъ арестантовъ хотѣлъ передать что-то дьячку: свѣчу или деньги на свѣчу, но никто изъ бывшихъ въ церкви не захотѣлъ исполнить этого порученія, а Митя, со своимъ серьезнымъ видомъ, тотчасъ взялъ означенную вещь и передалъ ее. Это было запрещено, и ему было сдѣлано замѣчаніе. Онъ же, полагая, что поступилъ правильно, продолжалъ дѣлать это.

Мы, т. е. главнымъ образомъ Сережа, водили знакомство съ товарищами и съ молодыми людьми изъ аристократическаго круга. Митенька же, наоборотъ, изъ всѣхъ своихъ товарищей избралъ несчастнаго, бѣднаго студента, Полубояринова, очень сдружился съ нимъ и готовился вмѣстѣ съ нимъ къ экзамену. Въ то время, мы жили уже на другой квартирѣ, на углу Арской площади, въ домѣ Киселевскаго, въ верхнемъ этажѣ. Квартира раздѣлялась галлереей на двѣ части. Съ одной стороны ея жилъ Митя, съ другой—мы съ Сережей. Мы оба любили художественныя вещи и украшали свои столы, какъ взрослые люди, для чего намъ одолжали и дарили разныя бездѣлушки. У Мити ничего этого не было. Изъ вещей, принадлежавшихъ батюшкѣ, онъ взялъ одни минералы, классифицировалъ ихъ, налѣпилъ этикетки и разложилъ въ ящикѣ подъ стекломъ. Такъ какъ мы и тетушка смотрѣли на Митю, вслѣдствіе его простыхъ вкусовъ и знакомствъ, нѣсколько свысока, то наши друзья позволяли себѣ относиться къ нему такъ же. Одинъ изъ нихъ, инженеръ Ес. (съ которымъ мы не то чтобы сошлись, но который скорѣе навязался къ намъ въ дружбу), очень ограниченный молодой человѣкъ, проходя однажды черезъ комнату Митеньки и увидѣвъ минералы, спросилъ, что это такое. Ес. былъ человѣкъ не симпатичный и неискренный. Митя отвѣчалъ нехотя. Ес. взялъ ящикъ и потрясъ его, Митя попросилъ оставить ящикъ въ покоѣ. Ес. не обратилъ на это вниманія, вдобавокъ подшутилъ надъ нимъ и, кажется, назвалъ его Ноемъ. Митя, разозлившись, ударилъ Ес. своей огромной рукой по физіономіи. Тотъ обратился въ бѣгство; Митя погнался за нимъ. Какъ только Ес. вбѣжалъ въ нашу комнату, мы заперли двери. Митенька заявилъ намъ, что какъ только онъ выйдетъ, онъ переломаетъ ему кости. Сережа и, кажется, Шуваловъ стали усовѣщевать Митю пропустить Ес., но онъ схватилъ метлу и поклялся избить его. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы Ес. прошелъ черезъ его комнату. Онъ просилъ насъ какъ-нибудь выпустить его, и мы провели его черезъ пыльный чердакъ. Таковъ былъ Митя въ моменты гнѣва. Но вотъ какимъ онъ былъ, когда ничто не выводило его изъ себя. Въ нашей семьѣ приняли изъ состраданія одно изъ самыхъ стран-

ныхъ, жалкихъ созданій: нѣкую Любовь Сергѣевну, молодую дѣвушку, фамилія которой мнѣ осталась неизвѣстной. Она была незаконная дочь нѣкоего Протасова; не знаю, какъ она попала къ намъ, но я слышалъ, что ее жалѣли и хотѣли выдать замужъ за Ѳедора Ивановича, но это не удалось. Сначала она жила у насъ, но я этого не помню, затѣмъ тетушка Пелагея Ильинична взяла ее къ себѣ въ Казань, такъ что я познакомился съ нею только въ Казани. Это было кроткое, жалкое, боязливое созданіе. Она жила въ маленькой комнаткѣ; ей прислуживала дѣвченка. Въ то время, какъ я зналъ, она была не только жалкая, но прямо отвратительная. Не знаю, чѣмъ она была больна, но у нея все лицо было распухшее, какъ бы искусанное пчелами. Глаза имѣли видъ двухъ щелокъ между распухшими, налитыми вѣками безъ рѣсницъ. Щеки, носъ, губы, ротъ также были распухшіе, блестящіе, желтые. Она не говорила вѣроятно потому, что ротъ у нея внутри такъ же распухъ, какъ и снаружи. Лѣтомъ мухи садились на ея лицо, но она этого не чувствовала; это было особенно непріятно видѣть. На ея почти голой головѣ торчало нѣсколько рѣдкихъ черныхъ волосъ. В. И. Ушковъ, мужъ тетушки, человѣкъ грубый, не скрывалъ своего отвращенія къ ней. Отъ нея всегда дурно пахло, и воздухъ въ ея комнатѣ, которая никогда не провѣтривалась, былъ удушливый. И эта Любовь Сергѣевна сдѣлалась другомъ Митеньки. Онъ ходилъ въ ея комнату, слушалъ ее, бесѣдовалъ съ ней, читалъ ей вслухъ. И, странное дѣло, мы стояли нравственно такъ низко, что могли только смѣяться надъ этимъ, а Митя стоялъ нравственно такъ высоко, такъ независимо отъ людскаго мнѣнія, что онъ ни словомъ, ни намекомъ не нашелъ нужнымъ дать намъ понять, что онъ считалъ правильнымъ то, что онъ дѣлаетъ. Ему было достаточно того, что онъ это дѣлалъ. И это продолжалось все время, пока мы жили въ Казани.

Теперь для меня совершенно ясно, что смерть не уничтожила Мити: онъ существовалъ раньше, чѣмъ я его узналъ, до тѣхъ поръ, какъ онъ родился; онъ существуетъ и теперь, послѣ смерти!"

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1847 г. Левъ Николаевичъ заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько времени въ университетской клиникѣ; къ этому времени относится слѣдующія замѣтки, записанныя имъ въ дневникѣ въ мартѣ 1847 г.

Я очень измѣнился, но еще не достигъ той степени совершенства (въ моихъ занятіяхъ), какую мнѣ хотѣлось бы достигнуть. Я не выполнялъ того, что я себѣ поставилъ; то, что я дѣлаю, не дѣлается хорошо; я не упражняю своей памяти. Вотъ почему я заношу сюда нѣсколько правилъ, которыя, полагаю, очень помогутъ мнѣ, если я буду слѣдовать имъ:

1) Дѣлай во что бы то ни стало то, что ты твердо рѣшилъ сдѣлать;

2) То, что ты дѣлаешь, дѣлай хорошо;

3) Никогда не ищи въ книгѣ того, что ты позабылъ, старайся припомнить самъ;

4) Заставляй всегда свой умъ дѣйствовать со всей силой, на какую онъ способенъ;

5) Читай и думай всегда вслухъ;

6) Никогда не стыдись сказать людямъ, которые тебя стѣсняютъ, что они тебя стѣсняютъ; сначала дай имъ это почувствовать, а если они не поймутъ, извинись, и скажи имъ это прямо".

Въ апрѣлѣ того же года, когда Л. Н. рѣшилъ оставить университетъ и жить въ деревнѣ, онъ писалъ въ дневникѣ:

„Въ моей жизни должна произойти перемѣна, но она не должна быть результатомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а должна явиться продуктомъ души".

И далѣе:

„Цѣль жизни, это сознательное стремленіе всего живущаго къ развитію, къ усовершенствованію.

Цѣлью жизни въ деревнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ будетъ:

1) Просмотрѣть всѣ курсы юридическихъ наукъ, которые требуются на выпускномъ экзаменѣ въ университетѣ;

2) Изучить практическую и часть теоретической медицины;

3) Изучить русскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки;

4) Изучить земледѣліе съ теоретической и практической точки зрѣнія;

5) Изучить исторію, географію, статистику;

6) Изучить математику—курсъ лицея;

7) Написать диссертацію;

8) Достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи;

9) Написать правила жизни;

10) Пріобрѣсти нѣкоторыя познанія въ естественной исторіи;

11) Писать сочиненія по всѣмъ изучаемымъ предметамъ".

„Мой выходъ изъ университета былъ вызванъ двумя причинами:

1) Мой братъ оканчивалъ курсъ и уѣзжалъ:

2) странно сказать, работа съ „наказомъ" Екатерины II-ой и Esprit des Lois [1]) (она и теперь хранится у меня) открыла мнѣ но-

---

1) Работа эта, сравненіе „Esprit des lois" Монтескье съ наказомъ Екатерины II, была задана Толстому профессоромъ гражданскаго права сверхъ факультетскихъ занятій.

вую область самостоятельнаго умственнаго труда, а университетъ со своими требованіями не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей".

Проживъ лѣто въ Ясной Полянѣ, Л. Н. осенью того же 1847 г. уѣхалъ въ Петербургъ. Подробности петербургской жизни описаны Толстымъ въ письмѣ къ его брату Сергѣю Николаевичу.

„Пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я намѣренъ поселиться навсегда", писалъ ему Л. Н. 18 февраля 1848 г. „Всѣ за исключеніемъ Ферзена и Львова уговариваютъ меня остаться тутъ, выдержать экзаменъ и затѣмъ поступить на службу, а если меня не допустятъ къ экзамену (все возможно), то я начну службу 14-мъ чиномъ. Я знаю чиновниковъ втораго разряда, которые служатъ не хуже чиновниковъ перваго разряда. Скажу тебѣ въ двухъ словахъ, что петербургская жизнь имѣетъ на меня очень большое и хорошее вліяніе. Она пріучаетъ меня къ дѣятельности. Не знаю почему, но тутъ нѣтъ возможности ничего не дѣлать. Всѣ заняты, всѣ работаютъ, не найдешь никого, съ кѣмъ бы можно было вести праздную жизнь, а одному—это не то.

Знаю, что ты не повѣришь моей перемѣнѣ. Ты скажешь: „Онъ двадцатый разъ даетъ обѣщанія, онъ человѣкъ неспособный, ничтожный". Нѣтъ, я теперь измѣнился, сталъ совсѣмъ инымъ. Прежде я говорилъ себѣ: „я долженъ измѣниться", а теперь я вижу, что я сталъ совсѣмъ инымъ, и говорю: „я измѣнился". Главное, я теперь окончательно убѣдился въ томъ, что съ чистой философіей положительно нельзя жить, т. е. быть практичнымъ. Это большой шагъ впередъ и большая перемѣна. Этого со мною еще ни разу не случалось. Если человѣкъ хочетъ жить, если онъ молодъ, то въ Россіи онъ можетъ жить только въ Петербургѣ. Каковы бы ни были желанія, ихъ можно удовлетворить; можно все развить и при томъ легко, безъ труда. Что касается жизни, то она не дорога для холостаго и, если не считать квартиры, дешевле и удобнѣе, нежели въ Москвѣ. Скажи всѣмъ нашимъ, что я ихъ цѣлую и кланяюсь и что я быть можетъ проѣду въ деревню, а быть можетъ и нѣтъ, такъ какъ я хочу брать отпускъ и пошататься по окрестностямъ Петербурга. Хочу также съѣздить въ Гельсингфорсъ и Ревель. Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни. Мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши примете это извѣстіе. Попроси ихъ также отъ моего имени написать мнѣ; что касается меня, я боюсь писать имъ; я такъ давно не писалъ всѣмъ, что они вѣроятно сердятся, мнѣ особенно совѣстно передъ тетушкой Татьяной Александровной; попроси у нея за меня извиненія".

1-го мая 1838 г.:

„Сережа, я думаю, ты называешь меня полнымъ ничтожествомъ

и ты правъ. Одинъ Богъ знаетъ что я дѣлаю! Я поѣхалъ безъ всякаго повода въ Петербургъ; не сдѣлалъ тутъ ничего полезнаго, только истратилъ бездну денегъ и вошелъ въ долги. Это нелѣпо! Это ужасно нелѣпо! Ты не можешь себѣ представить, какъ меня все это мучаетъ, главное долги, которые нужно заплатить какъ можно скорѣй, ибо, если я ихъ не заплачу, то кромѣ денегъ я потеряю доброе имя. До слѣдующей присылки мнѣ необходимо имѣть три тысячи пятьсотъ рублей: 1.200 для опекунскаго банка; 1.600 для уплаты долговъ и 700 р. на жизнь. Я знаю, что ты начнешь ахать, но что дѣлать? Глупости дѣлаются только разъ въ жизни. Мнѣ нужно было заплатить за свою свободу (не было никого, кто бы могъ меня высѣчь, это самое большое несчастье), и за свою философію; и вотъ я плачусь. Сжалься; сдѣлай, что можно, чтобы вывести меня изъ ложнаго и затруднительнаго положенія, въ какомъ я нахожусь въ настоящее время; ни гроша денегъ и долговъ выше головы.

Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что всѣ наши войска идутъ на войну и что часть ихъ (два корпуса) перешла границу и, какъ говорятъ, находятся уже въ Вѣнѣ. Я выдержалъ успѣшно два экзамена, но теперь мои намѣренія измѣнились, и я поступаю снова унтеръ-офицеромъ въ кавалергардскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать тебѣ это, такъ какъ я знаю, что ты меня любишь и что всѣ мои безразсудства и легкомысліе огорчаютъ тебя. Въ то время какъ я пишу это письмо, я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ, что сдѣлаешь и ты, читая его. Но что дѣлать? Прошлаго не измѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня. Съ Божьей помощью я исправлюсь и стану со временемъ приличнымъ человѣкомъ. Я возлагаю большія надежды на военную службу; она пріучитъ меня къ практической жизни. Волей неволей придется дослужиться до офицерскаго чина. Въ случаѣ удачи, т. е. если гвардія приметъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, я могу быть произведенъ ранѣе двухъ лѣтъ. Гвардія выступаетъ въ походъ въ исходѣ мая. А пока я ничего не могу сдѣлать, во-первыхъ, потому, что у меня нѣтъ хоть немного денегъ, а во-вторыхъ, мои двѣ метрики находятся въ Ясной. Скажи, чтобы мнѣ выслали ихъ какъ можно скорѣй. Прошу тебя, не сердись; я теперь слишкомъ несчастенъ; исполни какъ можно скорѣе то, о чемъ я прошу. Прощай Не показывай этого письма тетушкѣ. Я не хочу огорчать ее".

Въ послѣдующемъ письмѣ Левъ Николаевичъ писалъ:

„Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ разныя глупости; одно изъ главныхъ было мое намѣреніе поступить въ кавалергардскій полкъ. Въ настоящее время эти планы оставлены, развѣ меня не допустятъ къ экзамену или разгорится серьезная война".

Весною 1848 г. Толстой уѣхалъ въ Ясную Поляну и до своего отъѣзда на Кавказъ въ 1851 г. жилъ то въ Москвѣ, то въ Ясной, жилъ весело, бурно, и за эти три года не велъ, за неимѣніемъ времени, дневника, за который онъ принялся вновь лишь въ половинѣ 1850 г., начавъ его съ раскаянія, самобичеванія въ твердомъ намѣреніи описать откровенно „эти три года жизни, проведенные въ развратѣ".

„Мои ошибки", записалъ онъ, „проистекаютъ изъ: 1) нерѣшительности, т. е. недостатка энергіи; 2) самообмана; 3) грубости; 4) ложнаго стыда; 5) дурнаго расположенія духа; 6) распутства; 7) склонности подражать другимъ; 8) непостоянства; 9) необдуманности".

Зиму 1850 — 1851 г. Толстой провелъ въ Москвѣ, откуда онъ писалъ въ Ясную Поляну Т. А. Ергольской:

„Моя квартира состоитъ изъ четырехъ комнатъ, столовой, въ которой уже стоитъ роялино, взятое мною на прокатъ; зала, обставленнаго диваномъ, стульями и столами орѣховаго дерева, обитыми краснымъ сукномъ, и тремя большими зеркалами; кабинета, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который постоянно напоминаетъ мнѣ наши споры по поводу этой мебели, и довольно большой комнаты, которая можетъ служить одновременно спальной и уборной и, кромѣ того, маленькой передней.

Я обѣдаю дома, ѣмъ щи и кашу и этимъ вполнѣ довольствуюсь. Ожидаю только варенья и наливокъ, и тогда у меня будетъ все сообразно моимъ деревенскимъ привычкамъ.

У меня наняты за сорокъ рублей пошевни, которыя теперь очень въ модѣ; Сережа, должно быть, знаетъ, что это такое, я купилъ всю сбрую и она очень изящна" [1]).

„Почему вы такъ возстаете противъ Исленева", пишетъ онъ другой разъ, „если это дѣлается для того, чтобы отвлечь меня отъ него, такъ это безполезно, ибо его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о безнравственности игры, совершенно вѣрно, я часто это вспоминаю и поэтому вѣроятно болѣе играть не буду. Говорю „вѣроятно", но надѣюсь вскорѣ сказать „навѣрно".

Все, что вы говорите объ обществѣ, справедливо такъ же точно, какъ и все то, что вы пишете, во-первыхъ, потому, что вы пишете какъ m-me de Sévigné, а во-вторыхъ, потому, что я не могу, по привычкѣ, спорить. Вы говорите также много хорошаго обо мнѣ. Я увѣренъ, что похвала такъ же полезна, какъ и вредна. Она полезна потому, что поддерживаетъ желаніе упрочить добрыя качества, заслужившія похвалы, а вредна потому, что развиваетъ самолюбіе. Я

---

[1]) Оригиналъ этого письма писанъ по-французски.

увѣренъ, что ваши похвалы—само собою разумѣется, насколько я ихъ заслужу—могутъ принести мнѣ только пользу, такъ какъ онѣ внушены искреннимъ расположеніемъ.

Во время моего пребыванія въ Москвѣ я кажется вполнѣ заслужилъ ихъ, я доволенъ собою"[1]).

„Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ недавно (письмо 8-го марта 1851 г.), авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкновенно на нравственное состояніе человѣка; вмѣстѣ съ пробуждающейся природою, является желаніе возродиться, сожалѣешь о прошломъ, о безполезно употребленномъ времени, раскаиваешься въ своей слабости, и будущее кажется лучезарнымъ; дѣлаешься лучше. Что касается меня, это вполнѣ справедливо; съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ жить самостоятельно, весна вызываетъ во мнѣ всегда самыя добрыя намѣренія, въ которыхъ я пребываю болѣе или менѣе долгое время, но зима является для меня камнемъ преткновенія. Я вѣчно запутаюсь.

Впрочемъ, припоминая всѣ истекшія зимы, я нахожу, что послѣдняя была самая пріятная и самая благоразумная. Я веселился бывалъ въ обществѣ. У меня остались пріятныя воспоминанія, притомъ я не разстроилъ своихъ денежныхъ дѣлъ, хотя, правда, и не поправилъ ихъ"[2]).

Слѣдующее письмо писано по пріѣздѣ брата Толстого Николая, служившаго въ рядахъ Кавказской арміи, на побывку, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1851 г.

„Пріѣздъ Николеньки былъ для меня пріятнымъ сюрпризомъ, такъ какъ я уже потерялъ надежду видѣть его у себя. Я былъ такъ радъ его видѣть, что даже нѣсколько запустилъ свои обязанности или, лучше сказать, отсталъ отъ своихъ привычекъ.

Теперь я снова одинъ, буквально одинъ, нигдѣ не бываю, никого не принимаю. Строю планы на весну и на лѣто; одобрите ли вы ихъ? Въ исходѣ мая я пріѣду въ Ясную, проведу тамъ одинъ или два мѣсяца, постараюсь задержать Николеньку какъ можно долѣе и затѣмъ пріѣду съ нимъ на Кавказъ"[3]).

Они выѣхали изъ Ясной Поляны 20-го апрѣля; остановились недѣли на двѣ въ Москвѣ, откуда Левъ Николаевичъ писалъ Татьянѣ Александровнѣ:

„Я ѣздилъ въ Сокольники по отвратительной погодѣ и поэтому не встрѣтилъ ни одной изъ свѣтскихъ дамъ, которыхъ мнѣ хотѣлось видѣть. Такъ какъ вы увѣряете, что я всегда создаю себѣ испы-

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

[2]) Оригиналъ этого письма писанъ по-французски.

[3]) Тоже.

танія, то я пошелъ потолкаться среди народа, въ цыганскія палатки. Легко можете себѣ представить, какую мнѣ пришлось выдержать внутреннюю борьбу. Впрочемъ, я вышелъ изъ нея побѣдителемъ, т. е. я далъ жизнерадостнымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ только мое благословеніе. Николенька находитъ, что я былъ бы очень пріятнымъ спутникомъ, если бы не моя чистоплотность. Онъ сердится на то, что по его словамъ, я мѣняю бѣлье двѣнадцать разъ на день. Я, со своей стороны, нахожу, что если бы не его нечистоплотность, то онъ былъ бы очень пріятнымъ спутникомъ; не знаю, кто изъ насъ правъ" [1]).

Изъ Астрахани Левъ Николаевичъ писалъ:

„Мы теперь въ Астрахани, оттуда собираемся уѣхать, и намъ остается еще проѣхать 400 верстъ. Я провелъ въ Казани недѣлю самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. До Саратова дорога на лошадяхъ была очень непріятная, за то далѣе поѣздка на баржѣ до Астрахани была поэтична и полна прелести, какъ по новизнѣ мѣстности, такъ и способа путешествія. Я написалъ длинное письмо Машѣ и описалъ ей мое пребываніе въ Казани; не описываю вамъ его, чтобы не повторяться, хотя увѣренъ, что вы не перепутаете писемъ. Пока я очень доволенъ путешествіемъ. Многое наводитъ на размышленіе; пріятна также перемѣна мѣста. Проѣздомъ чрезъ Москву я подписался на журналы, такъ что у меня есть что читать даже въ каретѣ, затѣмъ, какъ вамъ извѣстно, общество Николеньки доставляетъ мнѣ не мало удовольствія. Я то и дѣло вспоминаю васъ и всѣхъ своихъ, даже упрекаю себя иной разъ въ томъ, что я оставилъ эту жизнь согрѣтую вашей любовью, но за то я еще съ большимъ удовольствіемъ увижусь съ вами. Я бы написалъ Сережѣ, если бы имѣлъ время, но откладываю это до тѣхъ поръ, когда я устроюсь и успокоюсь. Поцѣлуйте его за меня и скажите ему, что я очень раскаиваюсь за холодность, возникшую между нами передъ моимъ отъѣздомъ, въ которой я упрекаю единственно самого себя" [2]).

Изъ Астрахани братья Толстые отправились на почтовыхъ въ Старогладовскую станицу, гдѣ служилъ старшій братъ Льва Николаевича.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ.

Авторъ воспоминаній, историкъ Суворова, почетный членъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба, Александръ Ѳомичъ Петрушевскій родился въ 1826 году. По окончаніи курса въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду, и, проходя послѣдовательно военную службу, кончилъ ее въ 1886 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Скончался 20 марта 1904 года.

Свою литературную дѣятельность А. Ѳ. Петрушевскій началъ въ 1857 г. въ „Артиллерійскомъ журналѣ", а затѣмъ и въ другихъ журналахъ. Всѣ его работы въ это время имѣли цѣлью поднять образованіе въ нашихъ войскахъ.

Будучи истиннымъ христіаниномъ, онъ касался въ своихъ статьяхъ и религіозныхъ вопросовъ: въ „Православномъ обозрѣніи" имъ составлена статья о православіи въ отношеніи къ современности, а затѣмъ, совмѣстно съ И. Кузнецовымъ имъ составлено и издано: „Доброе чтеніе православнымъ". Книга эта имѣла большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій.

Затѣмъ были начаты работы по русской исторіи: въ 1866 году были изданы разсказы про старое время на Руси—отъ начала русской земли до Петра Великаго.

Книга эта была удостоена первой преміи петербургскаго комитета грамотности и золотой медали отъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и выдержала по сіе время 13 изданій. Означенныхъ выше наградъ удостоены также разсказы о Петрѣ Великомъ (1871 г.), вышедшіе въ 1903 году 9-мъ изданіемъ.

Небольшая книжка эта, всего 266 страницъ, была однимъ изъ самыхъ любимыхъ произведеній А. Ѳ. Петрушевскаго. Надъ этой книжкой онъ много положилъ и труда, и таланта, указавъ въ яркихъ картинахъ каждому русскому, носящему въ себѣ зачатки Обломова,—какъ неустанно трудился всю жизнь для блага родины геніальный преобразователь Россіи.

Послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни А. Ѳ. Петрушевскій занимался изученіемъ жизни и дѣяній Суворова, при чемъ имъ были разсмотрѣны почти всѣ русскіе архивы и книгохранилища, изучены почти всѣ сочиненія по этому вопросу на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Все это было изучено въ теченіе 30 лѣтъ, такъ обстоятельно, какъ это можно выполнить высоко-талантливому и неустанно-энергичному работнику. Отдѣльныя статьи, касающіяся жизнеописанія Суворова, стали появляться въ „Вѣстникѣ Европы"

съ 1880 г., а въ 1884 г. вышелъ капитальный трехтомный классическій трудъ— „Генералиссимусъ князь Суворовъ". Сочиненіе это удостоено императорскою академіею наукъ большой Макарьевской преміи.

Въ 1900 г. къ суворовскому юбилею было составлено второе изданіе— „Генералиссимусъ князь Суворовъ", переработанное заново. Кромѣ того имъ были составлены разсказы о Суворовѣ, выпущенные въ 1903 г. шестымъ изданіемъ.

Значительное число сочиненій о Суворовѣ, появившееся къ юбилею на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, заставило Петрушевскаго исполнить свою завѣтную, послѣднюю работу—составить краткій обзоръ суворовской литературы. Желаніе его исполнилось и за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины вышелъ въ свѣтъ: „Краткій обзоръ суворовской литературы".

В. П.

Мемуары, дневники, воспоминанія, можно подвести подъ три категоріи. Къ первой относятся записки историческихъ лицъ, писавшихъ о себѣ или о событіяхъ своего времени; ко второй мемуары такіе, авторы которыхъ хотя и не пріобрѣли знаменитости или выдающейся извѣстности, но проводятъ передъ читателемъ то или другое историческое лицо, современное, живое, дѣйствующее, а иногда и цѣлыя группы ихъ. Наконецъ, въ третью категорію входятъ записки лицъ мало извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ, и въ запискахъ этихъ не фигурируютъ историческія лица вовсе или появляются мимоходомъ.

Естественно, что мемуары первой категоріи имѣютъ для читателей больше интереса, чѣмъ второй, а тѣмъ паче, чѣмъ третьей. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе были безполезны или никому не нужны. Они поступаютъ въ макулатуру въ такомъ лишь случаѣ, если авторъ будетъ трактовать главнымъ образомъ о своей собственной особѣ, ни для кого не интересной, т. е. преподнесетъ читающей публикѣ нѣчто въ родѣ автобіографіи. Но если онъ задается цѣлью представить бытовую сторону своего времени, хотя бы въ сферѣ ограниченной, если будетъ выставляться лично лишь въ крайней необходимости, то записки его могутъ привлечь вниманіе читателей и пріобрѣсти значеніе историческаго матеріала.

Именно въ такомъ смыслѣ составлялись печатаемыя нынѣ мои воспоминанія. Они обнимаютъ время съ 1836 по 1842 и съ 1844 по 1848 годъ и содержатъ три эпизодическіе разсказа: 1) Въ кадетскомъ корпусѣ. 2) Въ отпуску и 3) На службѣ. Хотя время это не очень отъ насъ отдалено, но послѣ него пережито столько крупныхъ событій, и въ русскомъ обществѣ произошли такія капитальныя перемѣны, что сопоставленіе нынѣшняго времени съ тогдашнимъ получаетъ не малый интересъ, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ наблюденія и описанія. Вдобавокъ описываемое время пріобрѣло нынѣ значеніе особенное; многіе ищутъ въ немъ своихъ идеаловъ, другіе отъ него

открещиваются. Все это и дало мнѣ мысль припомнить кое-что изъ того времени и изложить письменно. Быть можетъ эти воспоминанія дадутъ будущему историку 30-хъ и 40-хъ годовъ нѣкоторый бытовой матеріалъ; можетъ статься, и нынѣшній читатель не обойдетъ ихъ своимъ вниманіемъ.

I.

Семья наша была большая, а средствъ имѣла мало. Жили мы въ Петербургѣ, казалось бы, что и учиться тамъ было сподручнѣе, однако, на мою долю выпало иначе. Мать сильно хворала, отецъ тоже не могъ назваться геркулесомъ и при своихъ служебныхъ и ученыхъ занятіяхъ не имѣлъ никакой возможности давать дѣтямъ домашнее образованіе. Сталъ онъ просить объ опредѣленіи меня въ кадетскій корпусъ; заупрямились, но потомъ предложили компромисъ: въ столичные нельзя, неугодно ли во вновь открытый Новгородскій. Отцу было неугодно, однако, приходилось либо кланяться и благодарить, либо отказаться и остаться ни при чемъ. Выбрано первое, хотя оно и обозначало разлуку съ 10-лѣтнимъ сыномъ на 6—7 лѣтъ. Весною 1836 года отецъ мнѣ объявилъ объ этомъ, а въ серединѣ лѣта меня повезли.

Отвозилъ меня Василій Ѳедоровичъ Кошанскій, другъ нашего дома. Онъ былъ въ началѣ 30-хъ годовъ директоромъ института слѣпыхъ (на Литейной), а отецъ мой директоромъ дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей, преобразованнаго потомъ въ гимназію Человѣколюбиваго общества. Позже, за годъ или за два до моего поступленія въ корпусъ, они помѣнялись мѣстами, не знаю, въ силу какихъ соображеній. А совершилась мѣна безъ особыхъ затрудненій вѣроятно потому, что оба заведенія состояли въ вѣдѣніи одного и того же Человѣколюбиваго общества. В. Ѳ. Кошанскій былъ младшимъ братомъ извѣстнаго въ свое время автора Реторики. Книга эта, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, съ золотыми разводами и обрѣзомъ, памятна мнѣ доселѣ. Я въ нее часто заглядывалъ, и хотя ничего не понималъ, но, несмотря на это, а можетъ быть именно поэтому, питалъ къ ней чувство благоговѣйнаго почтенія, какъ къ хранилищу высшихъ знаній, какъ къ образцу недосягаемой учености. Даже кое-что я изъ нея выучилъ наизусть, авось впослѣдствіи пригодится, однако, память ничего къ настоящему времени не удержала, кромѣ фразы „плюнь на скуку, морскую суку“, если только я не ошибаюсь. Даже нѣкоторая доля почтенія, которое я питалъ къ младшему Кошанскому, коренилась между прочимъ въ томъ, что онъ родной братъ автора такой мудреной книги.

Новгородскій кадетскій корпусъ былъ основанъ въ 1834 году, занявъ помѣщенія штаба 4 округа пахатныхъ солдатъ, т. е. такъ называемыхъ военныхъ поселянъ, излюбленное дѣтище знаменитаго графа Аракчеева. Излюбленное, впрочемъ, не значитъ балованное; у графа Аракчеева больше чѣмъ у кого-либо примѣнялась къ практикѣ пословица: „люблю какъ душу, трясу какъ грушу". Военныя поселенія,—это уродливое созданіе, къ которому чувствовалъ такую нѣжную любовь Аракчеевъ, были такъ сказать оселкомъ, на которомъ преимущественно изощрялись его административные таланты. Достаточно извѣстны абсурды, до которыхъ была доведена жизнь этихъ поселеній, а главнымъ образомъ, этими абсурдами, вызванный поселянскій бунтъ, незадолго до основанія кадетскаго корпуса. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, не исключая и кадетскаго корпуса, довольно долго жили воспоминанія объ этой кровавой порѣ, испещренныя сотнями сказаній и анекдотовъ, подчасъ самой легендарной окраски, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало разсказчикамъ и слушателямъ принимать ихъ за чистую монету.

Кадетскій корпусъ помѣщался въ каменныхъ зданіяхъ на берегу р. Мсты, въ 28 верстахъ отъ Новгорода и въ 8 отъ Яма Бронницы, чрезъ который проходило Московское шоссе. Еще ближе къ корпусу, въ 4 верстахъ, находились казармы учебнаго карабинернаго полка въ деревянныхъ домахъ общеизвѣстной казенной архитектуры, да на берегу Мсты, въ верстѣ или полуверстѣ отъ корпусныхъ зданій въ шалашахъ и землянкахъ жили семейства солдатъ, корпусныхъ служителей. Непосредственно за корпусомъ тянулась во всѣ стороны песчаная гладь; дальше, съ одной стороны вилась голубая полоса рѣки Мсты съ отмелями и песчаными берегами, поросшими ивнякомъ, а за рѣкою виднѣлся лѣсъ; съ другихъ сторонъ, версты на три, на четыре, шли поля и луга, а за ними все лѣсъ и лѣсъ. Зданія корпуса составляли большой квадратъ, одна сторона котораго была занята собственно кадетскими помѣщеніями, именно двумя трехъ-этажными флигелями, соединенными огромнымъ манежемъ. Во флигеляхъ размѣщались спальни кадетъ, классы, рекреаціонные залы, корридоры для прогулокъ и т. под.; къ серединѣ манежа была пристроена церковь въ видѣ выступа. Такого хорошаго и обширнаго манежа нельзя было найти ни въ какомъ другомъ кадетскомъ корпусѣ, не исключая и столичныхъ; онъ мало чѣмъ уступалъ извѣстному Михайловскому, въ Петербургѣ. По мѣстнымъ сказаніямъ, въ немъ производилась огульная экзекуція надъ нѣсколькими сотнями поселянъ, приговоренныхъ къ наказанію розгами, а въ это же время на плацу, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ манежемъ, гоняли сквозь строй болѣе виновныхъ. Съ одной стороны манежа, внутри корпуснаго квадрата,

тянулся узенькій садъ, вѣрнѣе полисадникъ, съ небольшимъ числомъ деревьевъ и кустовъ. По другую сторону манежа разбивали другой садъ, заправскій, большой, но его все время моего пребыванія въ корпусѣ разводили да подсаживали, а пользоваться имъ кадеты стали гораздо позже, чуть ли не въ 50-хъ годахъ.

Остальные три фаса корпуснаго квадрата занимали каменные дома, гдѣ размѣщались лазаретъ, квартиры служащихъ, мастерскія, прачешная, помѣщенія для пріѣзжихъ и другія. Всѣ зданія, составлявшія квадратъ, были соединены между собою каменными заборами, чрезъ что образовалось нѣчто въ родѣ редута, взять который, безъ содѣйствія артиллеріи, было бы дѣломъ не легкимъ. А всю середину этого редута занималъ большой, шоссированный плацъ, обведенный широкою канавой и обсаженный довольно рѣдкими деревьями. Въ знойное время плацъ нагрѣвался, по словамъ одного кадета, до бѣлокалѣнія, а пыль ѣла глаза и забивалась въ ротъ; тѣни не было нигдѣ, кромѣ двухъ—трехъ клочковъ полисадника у церкви.

Отчужденность корпуса отъ остальнаго міра сказывалась въ неудобствахъ и лишеніяхъ тамошняго существованія, которыя были мало сказать ежедневныя, но ежечасныя. Что можетъ быть элементарнѣе такихъ потребностей, какъ возможность достать четвертку порядочнаго чаю, фунтъ сахару, шелку для шитья, кусокъ сноснаго мыла, или найти прислугу, или заказать что-нибудь изъ платья. А между тѣмъ, жители корпуснаго редута всего подобнаго были лишены, по крайней мѣрѣ, первые годы. Въ наслѣдство отъ окружного штаба пахотныхъ солдатъ осталась корпусу лишь мелочная лавочка, да и та, при полномъ отсутствіи конкуренціи, торговала только предметами крестьянскаго и солдатскаго быта. И затѣмъ, ничего. Значитъ, въ серединѣ XIX вѣка приходилось людямъ образованнымъ, выросшимъ въ извѣстномъ складѣ жизни, обходиться безъ удовлетворенія элементарныхъ культурныхъ потребностей. Оттого поѣздка кого-либо изъ служащихъ въ Новгородъ была событіемъ, имѣвшимъ непосредственный интересъ для каждаго.

Когда прошло первое, самое тяжелое (для служащихъ), время существованія новгородскаго корпуса, когда прибавились нѣкоторыя удобства и явилась возможность, при помощи увеличенія служебныхъ занятій, усилить свои матеріальныя средства, тогда прибавились и нити, привязывавшія многихъ служащихъ къ мѣсту службы. А до той поры оставались въ корпусѣ по нуждѣ, привыкали, освоивались, или же уходили прочь. Директоръ корпуса, Бородинъ, приказалъ выдавать изъ кадетской кухни желающимъ бѣлый хлѣбъ и обѣдъ, по цѣнѣ, въ которую они обходились казнѣ. Значитъ, просто-на-просто нечего было кушать.

Уединенное положеніе корпуса и замкнутость маленькаго корпуснаго мірка не могли, повидимому, остаться безъ вліянія на отношенія служащихъ между собою и къ кадетамъ. И однако же, служащіе, будучи, конечно, знакомы другъ съ другомъ, все-таки не составляли одного тѣснаго, сплоченнаго кружка, или, что называется, семьи. Были между ними и аристократы, были и плебеи; существовали и особые маленькіе кружки, находились и бирюки, жившіе почти въ одиночку, какъ медвѣди въ берлогѣ. Жили наши начальники и наставники въ согласіи, крупныхъ ссоръ между ними не происходило, да для коренныхъ разногласій не существовало и почвы, ибо уровень образованія былъ почти одинаковый, міровоззрѣніе тоже. При этомъ нивеллирующемъ условіи, всѣ знали другъ друга какъ собственный карманъ, не только спорить и изъ-за спора ссориться, но и разговаривать-то было иной разъ не о чемъ. Повседневныя темы для бесѣдъ, представляемыя условіями жизни захолустной колоніи, должны были зачастую изсякать; политическихъ и соціальныхъ „вопросовъ" не зарождалось, ибо вмѣсто вопросовъ существовали аксіомы. Все русское общество въ этомъ отношеніи было урегулировано и приведено къ одному знаменателю; одни успѣли уже воспитаться, а другіе дрессироваться на одинъ и тотъ же ладъ. Всею правительственной системой были указаны дорожки не только для поступковъ или даже сужденій, но и для умственныхъ посягательствъ и вожделеній. Всякій успѣлъ усвоить „не только за долгъ, но и за совѣсть", что вотъ это хорошо, а вотъ то худо; всякій былъ гражданиномъ и патріотомъ по казенному шаблону. Таково было громадное большинство русскаго общества, особенно по тѣмъ его горизонтальнымъ слоямъ, откуда рекрутировался служебный персоналъ учрежденій въ родѣ кадетскаго корпуса. Личные интересы русскаго человѣка, умственные и нравственные, а тѣмъ паче усвоенное имъ понятіе объ интересахъ общественныхъ, не говоря уже про государственные, были элементарны, просты и несложны, а разнорѣчія въ этихъ сферахъ очень не глубоки. Практическая мудрость сводилась къ пословицѣ: „всякій сверчокъ, знай свой шестокъ", при чемъ понятіе о шесткѣ съуживалось до острія гвоздя. При такомъ бѣдномъ содержаніи жизненныхъ задачъ ощущеніе пустоты въ жизни было неизбѣжно, и пустота эта взывала о ея наполненіи какимъ-нибудь содержаніемъ. Тогда являлся карточный столъ спасителемъ или пробкой, дыру затыкающей, какъ это мы видимъ и нынѣ, и присно, только бы не во вѣки вѣковъ. Вмѣстѣ съ карточнымъ столомъ, или вмѣсто него, смотря по личному вкусу, развивалось увеселительное направленіе, болѣе или менѣе широкое, начиная отъ прожиганія жизни и кончая внушительнымъ числомъ адмиральскихъ часовъ въ продолженіе сутокъ.

Казалось бы, при исключительныхъ условіяхъ существованія Новгородскаго корпуса и при ординарномъ уровнѣ огромнаго большинства его служащихъ, естественнѣе всего должно было между послѣдними развиться два указанныя развлеченія и утѣшенія въ скукѣ,—карты и вино. Однако, этотъ теоретическій выводъ не совпалъ съ дѣйствительностью. Карты фигурировали несомнѣнно, но такой хронической общественной болѣзни, которая поглощаетъ всѣ задушевныя силы и наполняетъ всѣ досуги,—онѣ не составляли. Во всякомъ случаѣ карты въ этой глуши были не только извинительнымъ, но и полезнымъ, отнимая время отъ сплетни, безъ которой нашъ маленькій мірокъ, конечно, не могъ обойтись. Еще меньше картъ въ персоналѣ служащихъ процвѣтала водка или вообще „веселіе пити“. Исключенія бывали, но рѣдкія, и усердные Бахусовы слуги держались у насъ недолго. Надо думать, что привлекательныя качества хмѣльного времяпрепровожденія въ нашемъ медвѣжьемъ углу принимались въ соображеніе при выборѣ для корпуса служащихъ, такъ какъ водка высказывалась бы тутъ слишкомъ рѣзко. Существовало еще лѣкарство противъ скуки и одиночества, это брачная жизнь; къ нему многіе изъ нашихъ наставниковъ прибѣгали съ охотой, при первой возможности. Дѣвицы у насъ не засиживались, а дамы прибывали со стороны; женились даже такіе бирюки и нелюдимы, которые въ дамскомъ обществѣ чувствовали себя какъ на горячей плитѣ.

Наша мертвая глушь вліяла конечно и на отношенія наставниковъ къ кадетамъ. У нѣкоторой части служащихъ общеніе съ кадетами было почти постоянно, были и такіе, конечно, немногіе, у которыхъ потребность подобнаго общенія вызывалась соображеніями педагогическими. То одинъ, то другой изъ учителей или офицеровъ приходилъ въ ту или другую роту, разговаривалъ, бесѣдовалъ о разныхъ разностяхъ, или прогуливался съ кадетами по плацу, или уходилъ съ ними на прогулку за корпусную черту, за 4—5 верстъ. Не было рѣдкостью, если служащіе звали кадетъ по праздникамъ къ себѣ (преимущественно учителя); угощали чаемъ, нехитрыми лакомствами, при этомъ репетировали. Отъ такого общенія лучшіе изъ наставниковъ несомнѣнно выигрывали и пріобрѣтали вліяніе на молодежь, а простецы и пошляки давали пищу кадетскому остроумію и дѣлались темою разныхъ юмористическихъ сказаній и анекдотовъ. Не обходила кадетская сатира и тѣхъ, которые пользовались почтеніемъ и уваженіемъ, но въ такомъ случаѣ анекдоты получали особую окраску, сквозь которую просвѣчивало незлобіе и добродушіе сатириковъ.

Нельзя не указать еще на одно вліяніе, при томъ благотворное, которое производило добровольное тюремное заключеніе на нашихъ

учителей, не на всѣхъ конечно, а на болѣе добросовѣстныхъ. Они, имѣя много досуга, занялись своимъ предметомъ сугубо, и уча насъ, сами подучивались. При этомъ метаморфозъ конечно не происходило, скворецъ не превращался въ соловья, воронъ въ орла; но улучшеніе все-таки было значительное, а у иныхъ огромное.

Особенности мѣстонахожденія корпуса, въ связи съ другими условіями, дѣйствовали на кадетскую среду въ смыслѣ сплочиванія. Существовали, правда, праздничные отпуски по 10, по 15 дней, но ихъ было всего два въ году, и отпусками домой могли пользоваться, сравнительно, немногіе изъ кадетъ, по отдаленности ли родительскаго дома, или по другимъ причинамъ, семейнымъ и корпуснымъ. Корпусныя причины сводились къ дурнымъ успѣхамъ или къ неодобрительному поведенію и примѣнялись не очень строго, однако, все-таки примѣнялись. Правомъ отпуска очень дорожили всѣ, для кого оно было практически выполнимо, и лишеніе этого права повергало оштрафованнаго въ искреннюю горесть, подчасъ въ отчаяніе. Помню кадета Зиновьева, за которымъ пріѣхала какая-то старушка, бабушка или тетка, Агаѳья Васильевна. Онъ плохо учился, особенно по русскому языку и за дурныя отмѣтки по этому предмету былъ лишенъ отпуска. Настойчиво атаковалъ онъ нѣсколько разъ учителя Орнатскаго съ просьбою о помилованіи, но безъ успѣха. Наконецъ, онъ какъ-то подкараулилъ Орнатскаго на плацу и совмѣстно съ Агаѳьей Васильевной сдѣлалъ послѣднюю попытку. Въ то время моросилъ дождь, но потомъ на мгновеніе прояснилось и выглянуло солнце. Зиновьевъ воздѣлъ руки къ небу и патетически произнесъ: „Дмитрій Николаевичъ, будьте христіаниномъ; вы видите, самъ Богъ и Агаѳья Васильевна за меня просятъ". Эти „Самъ Богъ и Агаѳья Васильевна", сдѣлались въ нашемъ классѣ поговоркой, но они вмѣстѣ со многими, однородными случаями, доказываютъ, какъ велика была потребность у дѣтей, вырваться изъ ссылочнаго редута хоть на короткую свободу. Да и не у однихъ дѣтей; учителя и офицеры, которые были чуть посостоятельнѣе и посвободнѣе, не упускали случая освѣжиться въ нормальномъ людскомъ обществѣ. Учитель математики, Каминскій, несмотря на свое какое-то восторженное, мистическое настроеніе, каждый годъ пользовался каникулярнымъ временемъ и уѣзжалъ почти всегда въ Петербургъ. Когда кадеты его спросили, что его такъ тянетъ въ Петербургъ, онъ отвѣчалъ: „только въ Петербургѣ можно совершенно отдышаться отъ здѣшняго захолустья; пройтись по Невскому проспекту и посмотрѣть въ окна магазиновъ, есть уже не только развлеченіе, но и искусство, и наука, значитъ, не только удовольствіе, но и польза, а здѣсь человѣкъ можетъ одурѣть".

Каникулярные и праздничные отпуски кадетъ перемежались для

нѣкоторыхъ счастливцевъ пріѣздомъ родителей и родныхъ въ наше военно-учебное монастырское заведеніе. На случай подобныхъ пріѣздовъ былъ назначенъ одинъ изъ небольшихъ домовъ, и пріѣзжіе брали къ себѣ обыкновенно не только своихъ дѣтей, но и ихъ наиболѣе близкихъ товарищей. Все это было однако каплей въ морѣ, и общій характеръ корпусного уединенія еще сильнѣе оттѣнялся рѣдкими и короткими вторженіями людской жизни извнѣ.

Въ каждомъ учебномъ заведеніи, особенно въ закрытомъ, укореняются мало-по-малу привычки или обычаи, хорошіе и дурные, которые держатся крѣпко не только помимо начальственнаго надзора, но даже вопреки ему. Искоренить эти традиціонныя особенности чрезвычайно трудно, а потому на нихъ смотрятъ сквозь пальцы, т. е. дѣлаютъ видъ, что ихъ не замѣчаютъ, если онѣ не заключаютъ въ себѣ чего-нибудь существенно дурного или вреднаго. Такихъ традицій въ новгородскомъ корпусѣ не могло быть, по крайней мѣрѣ въ первые годы, а если какія изъ нихъ впослѣдствіи и развились, то изъ собственнаго корня. Укажу для примѣра на одну, имѣющую мѣсто (или имѣвшую) въ нѣсколькихъ заведеніяхъ, даже сравнительно высшихъ), „учить новичковъ". Тутъ слово „учить" надо понимать въ старомъ смыслѣ, т. е. поколачивать, бить. Поколачивали иногда просто ни съ того, ни съ сего, за здорово живешь, но чаще давалось новичку какое-нибудь приказаніе и за неисполненіе его или за дурное исполненіе „учили".—Является, напримѣръ, воспитанникъ изъ старшихъ возрастовъ, даетъ новичку листъ бумаги съ темой велитъ писать сочиненіе. А въ темѣ значится: „Отношеніе Большой Медвѣдицы къ табурету". Или другой задаетъ вопросъ въ стихотворной формѣ:

Отчего луна
Не изъ чугуна?

Требуется отвѣтъ изустный и въ той же формѣ. Рѣдко кто изъ новичковъ бываетъ настолько подготовленъ къ подобному испытанію, что отвѣтитъ:

Оттого, что на луну
Надо много чугуну.

А если не отвѣтитъ такъ или иначе, но въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворительно, то получаетъ возмездіе, которое иногда доходитъ до жестокости. Подобныхъ пріемовъ въ новгородскомъ корпусѣ рѣшительно не существовало, и новички ни оскорбляемы, ни поколачиваемы не были.

Но есть въ закрытыхъ заведеніяхъ извѣстная скверная и вредная привычка, которая имѣетъ какъ бы свойства міазмовъ, переносимыхъ

въ воздухѣ съ одного мѣста на другое. Это зло не принадлежитъ даже той или другой эпохѣ, а существуетъ всегда, усиливаясь и ослабѣвая временемъ и мѣстами. Съ нимъ можетъ успѣшно бороться лишь здоровая, обдуманная и выдержанная педагогическая система, основанная не на одной дисциплинѣ да на розгахъ. Появиться такой системѣ въ то время было не откуда, а потому зло привилось и къ Новгородскому корпусу. Одна категорія этого зла обыкновенно ускользаетъ отъ сторонняго наблюденія, пока она не дошла до крайняго развитія; но другая категорія, обусловливаемая участіемъ двухъ лицъ, труднѣе сохраняется въ полной тайнѣ. Въ существованіи этого зла были виноваты не одни кадеты, а также два или три мерзавца изъ корпусныхъ офицеровъ. Говорю про мое время. Нѣсколько лѣтъ спустя зло даже выросло, но я удержусь передавать то, что знаю по слухамъ. При мнѣ же было два довольно крупныхъ случая. Какъ-то начальство провѣдало про разсказы объ этомъ злѣ, въ которыхъ дѣйствующими лицами фигурировали одинъ или два офицера. Было высѣчено отъ 5 до 7 кадетъ разомъ, въ присутствіи старшаго класса къ которому они принадлежали, при томъ почти все унтеръ-офицеры, за распространеніе злостной клеветы. Другой разъ было высѣчено человѣкъ 10, а можетъ и 15, тоже разомъ, но уже изъ разныхъ классовъ, при томъ за преступленіе первой категоріи. Эти два случая огульнаго сѣченія представлялись необычнымъ казусомъ даже въ то розгофильское время, такъ что были замѣчены, особенно первый, какъ болѣе пикантный, по положенію наказанныхъ. Про него шушукались, давъ ему названіе „страшнаго четверга", такъ какъ экзекуція производилась въ четвергъ, а потомъ онъ перешелъ въ корпусное преданіе подъ именемъ „великаго четверга".

Тѣлесныя наказанія были излюбленнымъ педагогическимъ пріемомъ на Руси искони, да и не на одной Руси. Описываемой эпохѣ онѣ были переданы историческимъ путемъ, въ видѣ наслѣдія добраго стараго времени и практиковались повсемѣстно, при томъ такъ щедро и обильно, какъ въ предшествовавшее царствованіе пожалуй и не бывало... Да оно и понятно, вторая четверть нашего столѣтія была вообще суровѣе первой, и это отразилось на всемъ, на способахъ и размѣрахъ наказаній преимущественно. То время, что̀ бы о немъ ни говорили, отличалось логичностью, послѣдовательностью и выдержкой; куда они иногда приводили, это другой вопросъ. Въ силу логичности, послѣдовательности и выдержанности, розга процвѣтала даже въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ. Въ Александровскомъ корпусѣ, въ Царскомъ Селѣ, куда помѣщались младенцы всѣхъ возрастовъ, начиная съ двухлѣтнихъ, розга служила основнымъ воспитательнымъ пріемомъ. Сѣкли младенцевъ, правда, не сильно, но

за то часто, за самую пустяшную вину, и хотя тамъ воспитательскія обязанности несли на себѣ исключительно дамы, но онѣ посѣкали не хуже мужчинъ и, будучи вооружены розгой постоянно, какъ бантиками или прошивочками, употребляли ее съ мягкимъ сердцемъ зауряд, и для вразумленія, и для объясненія, вмѣсто словъ. Очевидно, въ ту пору не показывалась еще и заря разныхъ женскихъ вопросовъ. Какъ же было возможно этому педагогическому орудію миновать Новгородскій корпусъ?

И, дѣйствительно, въ нашемъ корпусѣ надъ тѣлесными наказаніями не задумывались и примѣняли ихъ къ дѣлу неукоснительно, вѣруя и исповѣдуя, что проще, лучше и специфичнѣе розги невозможно найти въ педагогическомъ музеѣ никакого средства. Такъ думали не только въ нашей пустынѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, совсѣмъ непустынныхъ; такъ думаютъ многіе и нынѣ. Развѣ перевелись въ нынѣшнее время поклонники розги и вздыхатели по ней. Ихъ стало только меньше, но они существуютъ и либо вѣруютъ въ розгу и исповѣдуютъ ее открыто, либо вѣруютъ втайнѣ, отъ исповѣдыванія воздерживаясь, страха ради іудейска. И если этотъ чертополохъ держится старыми корнями въ почвѣ обновленной, то какъ же ему было не произростать на землѣ дикой? Да и далеко ли отъ насъ то время, когда въ педагогической Германіи проповѣдывали не только безвредность, но даже внезапнаго поднесенія ученику отъ учителя тумака или затрещины, ибо-де въ педагогикѣ невозможно отказаться отъ мѣръ немедленнаго воздѣйствія, безъ откладыванія въ долгій ящикъ?

Такимъ образомъ, заурядный характеръ имѣло тѣлесное наказаніе и въ нашемъ корпусѣ. А между тѣмъ всѣ три директора, при которыхъ я въ корпусѣ находился, были люди вовсе не злые и не жестокіе. Напротивъ, ихъ можно скорѣе назвать начальниками мягкими, благожелательными и человѣколюбивыми. Между ближайшими къ кадетамъ начальниками бывали и жестокосердые, но ихъ насчитывалось немного, и они не давали тона другимъ. Впрочемъ, къ числу ихъ принадлежало одно важное въ корпусѣ лицо, батальонный командиръ Струмилло. Именно его внушеніямъ приписывались нѣкоторые изъ случаевъ тѣлеснаго наказанія, доходившихъ до арестантской порки, его же считали авторомъ обоихъ огульныхъ сѣченій, упомянутыхъ выше. Нельзя сказать, чтобы его ненавидѣли; онъ часто бесѣдовалъ съ кадетами, шутилъ съ ними, былъ доступенъ и даже любезенъ, но довѣрія къ себѣ не внушалъ; почти всякій предпочиталъ держаться отъ него подальше; почти всякій какъ будто понималъ, что Струмиллѣ не слѣдуетъ класть пальца въ ротъ. Когда начали преподавать исторію и старшіе нѣсколько ознакомились съ миѳологіей, то

пристроили къ ней Струмиллу и пустились циркулировать по корпусу такое присловіе. Ходилъ Богъ по землѣ и творилъ людей; ударитъ въ дерево, выйдетъ человѣкъ; ударитъ въ камень, выйдетъ человѣкъ; ударилъ онъ свиньѣ въ рыло, вышелъ панъ Струмилло.

Но валить все на одно лицо невозможно и несправедливо. Вѣрнѣе сказать, что розгофильство понималось тогда какъ нѣчто неизбѣжное, предопредѣленное судьбою, помимо личной воли того или другого начальника, какъ элементъ, потолику сдабривающій воспитательную систему, поколику для вкуса и доброкачественности щей нужна соль, а для каши масло. Да почти такъ онъ и было. Укажу для примѣра на второго нашего, по времени, директора Петровскаго, благодушнѣйшее существо въ мірѣ, что нисколько не мѣшало ему быть „сѣкущимъ" не меньше всякаго другого, а можетъ быть и больше. Это былъ старый служака, лѣтъ за 50, командовалъ артиллерійскимъ полкомъ, сдѣлалъ съ десятокъ кампаній, находился во многихъ сраженіяхъ, получилъ нѣсколько ранъ. Насчетъ воспитательной системы и разныхъ педагогическихъ задачъ и пріемовъ онъ былъ, конечно, въ полномъ невѣдѣніи; невинность его по этой матеріи была, такъ сказать, голубиная, и шелъ онъ, до назначенія въ директоры, служебною дорогою, не имѣвшею ничего общаго съ учебно-воспитательною. Это нисколько не помѣшало ему приняться за директорство съ легкимъ сердцемъ. Будучи человѣкомъ очень добрымъ, но и очень безхарактернымъ, Петровскій сразу попалъ въ лапы Струмиллѣ, который и дѣлалъ съ нимъ, что хотѣлъ, чуть веревки не вилъ. Этому обстоятельству многіе и приписывали продолжавшееся при Петровскомъ процвѣтаніе системы зауряднаго сѣченія. Только это несправедливо. Самъ Петровскій, безъ посторонней помощи и указаній, завидѣвъ кадета, провинившагося чѣмъ-нибудь въ классѣ и потому выставленнаго за дверь, въ корридоръ, бывало непремѣнно закричитъ: „а, лѣнтяй, не давать ему спуску, взбутетенить его, вписать его". Для такой поспѣшной резолюціи не считалось даже нужнымъ оцѣнить и взвѣсить вину подлежащаго вписыванію субъекта; хорошо, если ротный командиръ принималъ эту обязанность на себя. И все-таки Петровскій былъ большой добрякъ, и его кадеты любили за его добродушіе, ласковость, попечительность. Онъ пробылъ у насъ недолго, вышелъ въ отставку, поселился у себя въ имѣніи, потомъ отдалъ его своимъ дѣтямъ, а самъ поступилъ въ монастырь, затѣмъ принялъ постриженіе, а позже, передъ смертью, и схиму; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили и писали. Въ итогѣ составилась жизнь, наполненная разнообразными профессіями, понятное дѣло, что требовались для исполненія ихъ пріемы не только несложные и наглядные, но даже по возможности и однородные. Проще и нагляднѣе розги не было ничего.

Иногда она примѣнялась у насъ въ размѣрахъ героическихъ, впрочемъ, и тутъ нашъ корпусъ былъ не первымъ и не послѣднимъ. Кадетъ Голубицкій бѣжалъ изъ корпуса, хватились во-время и поймали гдѣ-то въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣновалѣ, куда онъ укрылся, чтобы отдохнуть или спрятаться отъ погони. Его немедленно отпороли передъ ротой и при томъ страшно отпороли, а послѣ экзекуціи надѣли на него арестантскую куртку и вскорѣ куда-то отправили. Другой экстренный случай „великій четвергъ", о которомъ только-что упоминалось. Въ присутствіи старшаго класса высѣчено было отъ 5 до 7 человѣкъ безъ объясненія каждому его вины; Струмилло сказалъ только нѣсколько неясныхъ и неопредѣленныхъ словъ о пущенной злонамѣренной сплетнѣ, что для невинныхъ было непонятно, а для виновныхъ недостаточно выражено. Вслѣдъ затѣмъ онъ приступилъ къ экзекуціи, которая была жестокая и по исполненію, и по смыслу. Въ самомъ дѣлѣ, лица, изъ среды кадетъ самимъ начальстромъ отличенныя, каковы фельдфебеля и унтеръ-офицеры, никогда не наказывались тѣлесно безъ разжалованія въ рядовые, по соображеніямъ, понятнымъ для всѣхъ, не исключая и насъ, кадетъ. Въ настоящемъ случаѣ это правило оказалось пренебреженнымъ; экзекуція началась съ фельдфебеля, а за нимъ подверглись ей унтеръ-офицеры и ефрейторы, но никто не былъ разжалованъ. Третій особенный случай состоялъ въ наказаніи 10—15 кадетъ за онанизмъ, или лучше сказать за подозрѣніе въ онанизмѣ. Говорю о „подозрѣніи" потому, что каждому не была не только доказана, но даже объяснена его вина. Одинъ изъ наказанныхъ, Зарубаевъ, узналъ о своей винѣ черезъ годъ или полтора, при томъ совершенно случайно; причина наказанія оказалась ошибочно ему приписанной, что тотчасъ же и объяснилось.

Кромѣ казусовъ, когда тѣлесное наказаніе по своимъ размѣрамъ и обстановкѣ имѣло особенно-грозное значеніе, оно практиковалось въ смыслѣ обыкновеннаго исправительнаго средства. На него смотрѣли хотя какъ на мѣру устрашающую, но по своей сущности самую невинную, пустяшную. Былъ у меня въ началѣ ротный командиръ Араловъ, небольшой человѣкъ, плотный, кургузый, на коротенькихъ ножкахъ и съ большой котлообразной головой. Подъ его начальствомъ состояло нѣсколько десятковъ кадетъ самаго младшаго возраста, съ которыми онъ всегда былъ ласковъ, привѣтливъ, попечителенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посѣкалъ кого приличествовало, безъ малѣйшаго колебанія, не позволяя возрастать въ своей ротѣ плевеламъ вмѣсто добрыхъ злаковъ. Предназначая кого-либо къ этому наказанію, Араловъ, видя страхъ и осовѣлость мальчугана, закусывалъ немного губу и принималъ грозный видъ, чтобы замаскировать

предательскую улыбку, которая такъ и просилась наружу. А улыбка эта обозначала снисходительное отношеніе взрослаго зрѣлаго человѣка къ дѣтскимъ страхамъ передъ сущими пустяками. Добродушіе Аралова не подлежало сомнѣнію, кадеты это понимали инстинктивно и въ свою очередь усваивали (конечно, въ нѣкоторой лишь степени) благодушный взглядъ на универсальную исправительную мѣру, обставляя ее разными юмористическими подробностями. Распорядителемъ всей этой части и главнымъ ликторомъ у Аралова былъ каптенармусъ Петровъ, небольшой человѣкъ, одного склада съ отцомъ-командиромъ. По кадетскимъ сказаніямъ, Петровъ находился въ постоянной готовности исполнить сѣкущую волю начальства въ періодъ времени менѣе всякой данной величины. Толковали, что какъ только Араловъ кликнетъ: „Петровъ" — каптенармусъ выростаетъ передъ нимъ изъ подъ земли и выставляетъ впередъ правую ногу каблукомъ къ носку лѣвой, по правиламъ рекрутской школы для поворота налѣво кругомъ. За симъ Араловъ произноситъ одно слово: „приготовь", Петровъ поворачивается налѣво кругомъ моментально и исчезаетъ, а штрафуемый кадетъ слѣдуетъ куда надлежитъ вмѣстѣ съ Араловымъ, гдѣ находитъ Петрова и его адъюнктовъ уже во всеоружіи.

Березовая каша отпускалась при обыкновенныхъ случаяхъ въ количествахъ разныхъ, но преимущественно внушительныхъ. Могу привести собственный примѣръ; былъ онъ, правда, единственнымъ въ самомъ началѣ моего пребыванія въ корпусѣ, но это обстоятельство ничего не измѣняетъ. Сошелся я съ кадетомъ Черниковымъ и сдѣлались мы большими пріятелями, что однако не помѣшало намъ разъ о чемъ-то повздорить и подраться. Бой былъ горячій и мнѣ удалось нанести противнику пораженіе въ видѣ синяковъ и кровяныхъ подтековъ на лицѣ. Но давно уже замѣчено, что не всегда побѣда есть благо. На мое несчастіе бой нашъ происходилъ за день или за два до пріѣзда въ корпусъ Государя или великаго князя Михаила Павловича. Явилось, такимъ образомъ, отягчающее обстоятельство, ибо Черникова пришлось на этотъ день или запрятать куда-нибудь, или же помѣстить въ лазаретъ съ маской на лицѣ подъ предлогомъ рожи. Когда высокій посѣтитель уѣхалъ, послѣдовало немедленное мнѣ возмездіе, въ видѣ 30 розогъ. Для 10-ти-лѣтняго мальчика какъ будто многовато, даже при слѣпой вѣрѣ въ спасительность средства. Нынѣ, послѣ дисциплинарной реформы минувшаго царствованія, ротный командиръ имѣетъ право наказать виноватаго только въ половинномъ размѣрѣ приведенной цифры и при томъ не ребенка, а взрослаго человѣка, солдата, да вдобавокъ не всякаго, а только такого, который за предшествовавшія провинности зачисленъ по суду въ разрядъ штрафованныхъ.

Несмотря на катастрофу, мы съ Черниковымъ опять сошлись или, лучше сказать, оставались по-прежнему пріятелями, такъ что когда пріѣзжала къ нему мать, то брала къ себѣ не только его, но и меня по его просьбѣ. Значитъ, произошелъ между нами разладъ вполнѣ ребяческій и не было ничего, требовавшаго экстренныхъ мѣръ искорененія. И почему же наказали одного, а не обоихъ?—навертывался поневолѣ вопросъ. А позже навертывался и другой:—хорошо ли поступало начальство, входя въ безмолвную стачку съ дѣтьми-кадетами, чтобы скрыть отъ Государя или великаго князя происшествіе съ Черниковымъ?

Одна изъ особенностей того времени (впрочемъ далеко не исчезнувшая и нынѣ) заключалась въ томъ, что человѣкъ не смущался новыми, незнакомыми ему обязанностями, ибо привыкъ смотрѣть на все и вся просто и безхитростно. Характернымъ выраженіемъ такого направленія служитъ знаменитое выраженіе извѣстнаго тогда писателя Н. Кукольника: „прикажутъ, такъ буду, пожалуй, и акушеромъ". Почти такая упрощенная система дѣйствовала въ комплектованіи захолустнаго кадетскаго корпуса служащимъ персоналомъ: большинство офицеровъ было назначено начальствомъ изъ войскъ, меньшинство поступило изъ разныхъ мѣстъ собственной иниціативой. Насчетъ учителей дѣло представлялось болѣе сложнымъ, ибо требовались педагоги способные на пустынножительство и готовые довольствоваться подъ часъ акридами и дикимъ медомъ. Много представилось трудностей, пришлось пустить въ ходъ широкую систему компромиссовъ, съ одной стороны дѣла мириться, или по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что мириться; на другую смотрѣть сквозь пальцы, на третью махнуть рукой. Великое еще диво, что учительскій персоналъ сформировался хоть кое-какъ и что онъ, по послѣдствіямъ, оказался не только не хуже, а даже лучше, чѣмъ можно было ожидать.

Укажу на нѣсколько лицъ, болѣе другихъ мнѣ извѣстныхъ. Орнатскій, исключенный изъ Петербургской духовной академіи за неспособность (такъ значилось въ его послужномъ спискѣ) и никогда нигдѣ не преподававшій, поступилъ прямо учителемъ и преподавалъ первое время географію, исторію и русскій языкъ, потомъ спеціализировался на послѣднемъ предметѣ и еще училъ пѣнію. Юргенсъ, выходецъ изъ какого-то городка Германіи, пріѣхалъ въ Россію чуть не юношей, искать счастія или, по крайней мѣрѣ, хлѣба, поступилъ учителемъ чистописанія, а вслѣдъ затѣмъ сталъ преподавать нѣмецкій языкъ. Въ началѣ онъ почти не зналъ русскаго языка, такъ что кадеты болтали, будто онъ путался, какъ слѣдуетъ говорить: „пирогъ

съ каша" или „каша съ пирогъ". Каминскій, получившій образованіе въ Безбородкинскомъ лицеѣ, училъ ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ и прямолинейной тригонометріи, но на первое время онъ не отказался взяться и за русскую исторію, которую и преподавалъ, такъ сказать, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ". А именно онъ начиналъ съ царствованія императора Александра I, послѣ него переходилъ къ Павлу I, отъ Павла на Екатерину II и т. д. Шелковниковъ учился въ академіи художествъ, неизвѣстно, какимъ путемъ пріобрѣлъ хореографическіе таланты и поступилъ въ корпусъ танцмейстеромъ, но сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ и, если не ошибаюсь, одно время училъ рисованію. Филипченко, младшій врачъ, получившій образованіе сначала въ Безбородкинскомъ лицеѣ, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, училъ у насъ зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и химіи. Нюкеръ, пруссакъ, выдержалъ учительскій экзаменъ въ университетѣ, преподавалъ нѣмецкій и французскій языкъ. Обо всѣхъ ихъ и нѣкоторыхъ другихъ будетъ ниже говориться подробнѣе.

Несмотря на снисходительный цензъ для пріема въ корпусъ учителей, ихъ вскорѣ стало недоставать, а потребность была неотложвая. Корпусное начальство обратилось къ строевымъ офицерамъ, служившимъ въ корпусѣ, съ предложеніемъ занять вакантныя учительскія мѣста, не оставляя строя. Охотники нашлись. За исключеніемъ двухъ артиллеристовъ, взявшихся преподавать математику, остальные служили передъ тѣмъ въ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ и по свойствамъ своей службы ни съ какими научными спеціальностями не соприкасались. Одинъ изъ нихъ выбралъ географію, другой исторію, третій нѣмецкій языкъ, четвертый математику. Можетъ быть были и еще, да не припомню. Чѣмъ они руководились при выборѣ предметовъ преподаванія, Господь знаетъ. Напримѣръ, за нѣмецкій языкъ взялся поручикъ Лихачевъ. Несмотря на все желаніе, никому изъ насъ никогда не удалось увидѣть рукописаніе Лихачева на этомъ языкѣ, не то чтобы въ смыслѣ авторства, а такъ, хоть какую-нибудь простую записку изъ двухъ—трехъ фразъ. Спрашивалъ ли онъ въ классѣ заданный урокъ, или диктовалъ, или занимался какой иной стороной своего предмета, во всякомъ случаѣ отмѣтка его въ классной книгѣ была одна и та же: „lesen lassen Лихачевъ". Стараясь говорить понѣмецки, онъ кривилъ ротъ и черезъ каждыя 5—6 словъ вставлялъ слово also. Число спряженій было у него какое-то невѣроятно большое и составляли они его конекъ, такъ что, выдолбивъ всѣ эти формы, я угодилъ у него, не надолго конечно, въ первые ученики, хотя ни въ то время, ни позже, не умѣлъ склеить двухъ—трехъ нѣмецкихъ фразъ.

Не всѣ внезапные учителя изъ строевыхъ офицеровъ были подъ стать Лихачеву, но все-таки самъ собою напрашивается вопросъ—какимъ путемъ они добрались до корпуса и въ немъ претворились въ учителей? Отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя, по недостатку данныхъ, но могу изложить одинъ конкретный примѣръ, который укажетъ на одинъ изъ подобныхъ путей.

Моимъ учителемъ исторіи былъ Бутаковъ, Петръ Ивановичъ, поручикъ или штабсъ-капитанъ; отецъ его былъ мелкопомѣстный дворянинъ, владѣвшій въ своей молодости тремя или четырьмя крестьянскими душами на р. Волховѣ, верстахъ въ 30 отъ кадетскаго корпуса. Онъ держался крестьянскаго склада жизни, отличался неустанною дѣятельностью и энергіей почти безъ предѣловъ. Всѣ полевыя работы онъ производилъ самолично, при томъ, какъ работникъ образцовый; его крѣпостные соработники должны были тянуть за нимъ; работа спустя рукава, кое-какъ, была немыслима. Пользуясь желѣзнымъ здоровьемъ, Бутаковъ выдерживалъ свою программу долгіе годы безъ послабленій, и такъ какъ велъ самый простой образъ жизни и привыкъ довольствоваться чрезвычайно малымъ, то благосостояніе его росло хоть не быстро, но прочно; земля увеличивалась, крѣпостныхъ работниковъ прибавлялось. Но, выполняя свою программу, онъ не зарылся въ хозяйственныя заботы совершенно; записавшись въ скопидомы, не покинулъ общественной жизни, водилъ нѣкоторыя знакомства, посѣщалъ изрѣдка сосѣдей, только дѣлалъ это по-своему. Напримѣръ, когда кто изъ сосѣдей звалъ его къ себѣ на какой-нибудь семейный праздникъ, то Бутаковъ принималъ приглашеніе, если на время его отсутствія изъ дому сосѣдъ обѣщалъ прислать работника, который поработалъ бы вмѣсто него, Бутакова. Такимъ образомъ, къ концу своей долгой жизни онъ владѣлъ уже кругленькимъ, благоустроеннымъ помѣстьемъ съ нѣсколькими десятками душъ, опредѣлилъ сына въ одинъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ, откуда онъ вышелъ въ офицеры, а дочь выдалъ замужъ за товарища сына.

Бутаковъ-сынъ, прослуживъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ 5 или 6 лѣтъ и сдѣлавъ польскую кампанію, захотѣлъ пріютиться у родныхъ пенатовъ, не оставляя однако же службы, потому что въ деревнѣ, за такимъ отцомъ, каковъ былъ у него, дѣлать ему было нечего. Вновь открытый кадетскій корпусъ, невдалекѣ отъ Новгорода, вѣроятно и натолкнулъ его на эту мысль. Петръ Ивановичъ Бутаковъ былъ отличный строевой офицеръ, что и послужило ему дипломомъ для поступленія въ кадетскій корпусъ. Наружность имѣлъ онъ невзрачную, ростъ небольшой, лицо какъ бы изрытое оспой, усы торчащіе, какъ у кота, голову большую, съ выпуклыми висками, которые придавали ей не совсѣмъ красивую шарообразность.

Говорилъ Петръ Ивановичъ не красно, спотыкался чуть не на каждомъ словѣ и свою шероховатую рѣчь безпрестанно уснащалъ вставкою слова это, произнося его йэто. Будучи человѣкомъ добрымъ, онъ однако же былъ порядочно грубъ въ обращеніи съ кадетами, имѣлъ видъ суровый, ходилъ твердо, размашистыми большими шагами и раскачивалъ руками съ такимъ видомъ, какъ будто ежеминутно готовъ былъ вступить въ бой на кулачкахъ. Кадеты все это подмѣтили, Бутакова передразнивали на разныя манеры, особенно копировали, въ каррикатурномъ видѣ, его походку, нахмуренныя брови и суровые взгляды, но подмѣтили въ немъ и другія качества, которыя окончательно привлекли къ нему наши симпатіи.—Въ курсѣ кадетскаго образованія едва-ли не первое мѣсто занимала строевая служба, вѣрнѣе сказать, фронтовая служба, распадавшаяся на двѣ отрасли, которыя получили названіе „ружистики и шагистики". Въ этой службѣ Бутаковъ былъ истиннымъ профессоромъ, училъ фронту увѣренно. не только разсказомъ, но и показомъ, въ строю былъ зорокъ, малѣйшую фальшь замѣчалъ, какъ будто былъ одаренъ двойнымъ зрѣніемъ, обиходнымъ и фронтовымъ; самъ, находясь въ ротномъ или батальонномъ строю, каждое движеніе, каждый пріемъ производилъ безукоризненно, никогда не ошибаясь. По выраженію одного изъ ультрафронтовиковъ того времени хорошо-обученный строй уподоблялся оркестру, а безукоризненное фронтовое ученье напоминало „музыку, настоящую музыку". Мы, кадеты, въ нашемъ фронтовомъ экстазѣ, смотрѣли на это дѣло почти также, и потому не мудрено, что Бутаковъ побѣдилъ наши сердца, будучи въ упомянутомъ оркестрѣ если не капельмейстеромъ, то по крайней мѣрѣ первой трубой.

Корпусное начальство признало Бутакова способнымъ кромѣ того и на учительское дѣло. Самъ ли онъ выбралъ своею спеціальностью исторію, или же ему была она предложена,—не знаю; не знаю также, колебался ли онъ, раздумывалъ ли, или согласился сразу, ничего же сумняшеся. Во всякомъ случаѣ, отказъ съ его стороны былъ бы, по времени, неумѣстенъ. Если начальство вѣровало, что не Боги горшки обжигаютъ, то ретивому, исполнительному офицеру не статъ было вѣровать иначе. Такъ сдѣлался Бутаковъ учителемъ исторіи, не оставляя строевой службы, черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ на преподавательское дѣло исключительно, а впослѣдствіи былъ возведенъ въ „наставники-наблюдатели".

Можетъ быть не такимъ именно образомъ, но по общему смыслу сходно съ Бутаковымъ, „произошли" въ учителя и другіе. Бывали однако же и случаи особенные, къ общему типу не подходившіе. Одинъ французъ культивировалъ у себя, дома, профессію шпіона правительства Луи-Филиппа, но должно быть черезъ-чуръ ревностно,

такъ что за свои занятія „статистикой“ былъ не разъ битъ и въ заключеніе принужденъ удалиться, по добру по здорову изъ отечества. Раскинувъ умомъ, онъ рѣшилъ, что самое подходящее дѣло ѣхать ему въ Россію, а въ Россіи пришелъ къ рѣшенію—поступить въ учителя французскаго языка. Почему именно попалъ онъ въ Новгородскій корпусъ, не знаю, но вѣроятно потому, что охотниковъ до этого медвѣжьяго угла было мало. Послужилъ онъ тутъ три или четыре года и удалился, побитый сильно кадетомъ Култашевымъ, при содѣйствіи еще одного товарища и въ присутствіи цѣлаго класса.

Учителей дѣйствительно набирали и съ борка, и съ сосенки, потому что иначе не набрали бы и половины. Отсутствіе всякаго учительскаго ценза не было замѣтно первое время, потому что въ постановкѣ учебной части хаосъ стоялъ первобытный, въ родѣ того, когда Господу Богу угодно было создать твердь небесную. А когда этотъ первый фазисъ корпуснаго существованія миновалъ, что случилось на моихъ глазахъ, то самодѣльные учителя успѣли уже навостриться путемъ опытнымъ.

Въ такомъ же хаотическомъ состояніи находился первые годы и кадетскій персоналъ. Прибывало кадетъ въ 1834—37 годахъ, круглымъ числомъ, по сотнѣ въ годъ, и народъ оказывался весьма разношерстный: кому надо было учиться, а кому безъ малаго въ пору и жениться. Нашлись такіе, что не умѣли говорить по-русски, потому что привезены были изъ Польши, Литвы и Жмуди. Масса другихъ, преимущественно младшаго возраста, оказывалась незнающею французскій и нѣмецкій языки. Выискались мальчики и съ хорошей подготовкой, даже съ лучшей, чѣмъ требовалось, но такихъ было мало. На-ряду съ мальчиками внѣшнимъ образомъ отполированными попадались такіе, къ которымъ прямо прилагался извѣстный стихъ „воззри въ лѣсахъ на бегемота“. Помню одного; былъ онъ неуклюжъ, косолапъ, смотрѣлъ исподлобья, не зналъ основныхъ общепринятыхъ приличій, а въ ученьи былъ до того непонятливъ и тяжелъ, что чрезъ немногіе годы долженъ былъ оставить корпусъ. Другой, подобный же, пріобрѣлъ даже нѣкоторую извѣстность. Какъ-то посѣтила корпусъ императрица Александра Ѳеодоровна съ одною изъ великихъ княженъ. Обѣ августѣйшія дамы вошли въ столовую, во время кадетскаго обѣда, и присѣли къ одному изъ столовъ. Императрица обратилась къ кадету, своему случайному сосѣду, съ милостивой фразой, что-то въ родѣ привѣтствія отъ Государя. Кадетъ, продолжая хлебать щи, произнесъ одно только слово: „спасибо“.

Набравшуюся такимъ образомъ порядочную кучку переростковъ и вообще не подходящихъ къ кадетской средѣ рѣшили собрать въ особое отдѣленіе и прочесть имъ весь курсъ, кое-какъ, въ про-

долженіе одного года, чтобы потомъ сбыть ихъ какъ-нибудь и куда-нибудь. Кадеты дали имъ насмѣшливое названіе Самогитовъ, т. е. солдатъ Самогитскаго полка, квартировавшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Хотя курсъ Самогитовъ былъ урѣзанъ до каррикатурности, но дѣло шло все-таки чрезвычайно туго. Учителя погорячѣе и понетерпѣливѣе чуть не рвали на себѣ волосы, прибѣгали и къ мягкости, и къ строгости, но все напрасно. Случалось, что всѣ Самогиты, сколько ихъ было, молчали, какъ столбы, не зная ровно ничего изъ заданнаго урока. Даже Орнатскій, одинъ изъ лучшихъ учителей корпуса, терялся. Бывало, войдетъ онъ въ Самогитскій классъ и, по своему обычаю, не говоря ничего, укажетъ пальцемъ на кого-нибудь. Тотъ встанетъ, стоитъ и упорно молчитъ. Орнатскій мелкими и мягкими шагами ходитъ по классу нѣсколько минутъ и пальцемъ указываетъ на другого; тотъ встанетъ и тоже молчитъ съ безнадежнымъ постоянствомъ. Орнатскій переходитъ на третьяго, на четвертаго, пока не надоѣстъ ему руку вытягивать и слушать „какъ шепчетъ тишина". Тогда онъ обращается ко всѣмъ и восклицаетъ: „кто въ сей рати живъ человѣкъ?" Если находились знающіе, то „живъ-человѣкъ" объявлялся и отвѣчалъ урокъ, въ противномъ случаѣ приходилось повторять зады. Самогитовъ сбыли въ Дворянскій полкъ.

Учебная часть устраивалась въ корпусѣ медленно, по описаннымъ выше условіямъ учительства и ученичества; курсъ сдѣлался полнымъ и систематическимъ лишь чрезъ 5—6 лѣтъ. Классы и классныя отдѣленія измѣнялись и передѣлывались, курсы тоже не имѣли никакой устойчивости; учителя прибывали новые, мѣняли предметы преподаванія, переходя съ исторіи на ариѳметику, съ танцованія на русскій языкъ и пр. Кто же дѣйствовалъ и въ хаосѣ и въ нормальномъ порядкѣ и какъ дѣйствовалъ?

Чтобы дать понятіе о нашемъ учительскомъ персоналѣ, постараюсь очертить нѣсколько наиболѣе характерныхъ преподавателей, изъ числа мнѣ знакомыхъ.

Антонъ Николаевичъ Нюккеръ, учитель въ однихъ классахъ нѣмецкаго, а въ другихъ французскаго языка, былъ пруссакъ, отличался оригинальностью во многихъ отношеніяхъ и доводилъ свою оригинальность до чудачества. Нюккеръ былъ высокій, жилистый, сухопарый человѣкъ, одаренный большой физической силой и душевной энергіей; держался онъ чрезвычайно прямо, говорилъ громко и внятно, ходилъ быстро и огромными шагами; движенія его были рѣзки и энергичны, взглядъ очень живой и больше командирскій, чѣмъ учительскій. Вся его фигура производила на насъ впечатлѣніе подтягивающее, недозволяющее мямлить, киснуть, спать. Фигура его

отличалась отъ всѣхъ прочихъ учителей и офицеровъ между прочимъ тѣмъ, что на лбу у Нюккера всегда находилась широкая черная шелковая повязка, простиравшаяся отъ виска до виска. Насъ крайне интриговала эта повязка; на ея счетъ ходили между нами разныя толкованія; говорили про дуэль, про войну и проч. На самомъ дѣлѣ, если не измѣняетъ мнѣ память, рана на лбу Нюккера произошла отъ разбойничьяго покушенія на его особу, когда-то и гдѣ-то, съ цѣлью грабежа. Надо полагать, что разбойнику не поздоровилось. Одѣвался Нюккеръ очень легко, даже больше, чѣмъ легко; не вѣдалъ ни шубъ, ни теплыхъ шинелей, не ѣлъ и не пилъ ничего горячаго и даже теплаго, кромѣ развѣ рѣдкихъ случаевъ болѣзни; двойныхъ рамъ въ своей квартирѣ зимою не вставлялъ и ежедневно утромъ бралъ воздушныя ванны. А воздушною ванной называлъ онъ слѣдующее упражненіе: открывалось окно, не взирая ни на какой морозъ; Нюккеръ становился передъ окномъ въ разстегнутой рубашкѣ и опахивался этой рубашкой въ продолженіе 2—3 минутъ, какъ сдѣлалъ бы человѣкъ въ лѣтнюю пору, пропадавшій у себя дома отъ нестерпимой жары и духоты.

Кадеты называли Нюккера прусскимъ офицеромъ, потому что всѣ его замашки имѣли военный отпечатокъ. Въ классѣ онъ былъ не только учитель, но и командиръ; ученики вставали, садились, клали на столъ книги, вынимали тетради—все это по командѣ и по счету. Сидящіе на каждой скамьѣ дѣлились на двѣ части и, для чтенія, выходили: правая половина направо, лѣвая налѣво, непремѣнно по командѣ, выстраивались вдоль по стѣнамъ и по окончаніи чтенія такимъ же образомъ возвращались на свои мѣста. Во время урока каждый долженъ былъ сидѣть прямо, на вытяжку, совершенно такъ, какъ во фронтѣ стоятъ; каждый долженъ былъ глядѣть Нюккеру въ глаза, поворачивая голову, если онъ ходилъ по классу; обѣ руки держать на столѣ, передъ собою. Вся эта муштровка, объясняется нѣсколько тѣмъ, что первымъ и непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго преподаванія Нюккеръ считалъ полное вниманіе со стороны учениковъ, и не только къ словамъ учителя, но также къ отвѣтамъ товарищей. Подобно Орнатскому, онъ не вызывалъ учениковъ по фамиліи, спрашивая урокъ, а указывалъ безмолвно на вызываемаго своимъ длиннымъ, сухимъ указательнымъ пальцемъ, на которомъ блестѣлъ перстень. Промедленіе въ нѣсколько секундъ не допускалось и признавалось за незнаніе; слѣдовало встать немедленно и въ тотъ же моментъ говорить, но говорить не скоро, а среднимъ тактомъ, какъ бы по метроному, отчеканивая не только каждое слово, но каждый слогъ, дабы слышны были всѣ недостатки произношенія. Изъ нѣсколькихъ фразъ, а иногда и словъ отвѣчавшаго, Нюккеръ выводилъ

заключеніе о степени его знанія, и учительскій палецъ мгновенно переносился на другого кадета, который долженъ былъ скоропостижно встать и сейчасъ же продолжать прерванную фразу своего предшественника, а этотъ въ свою очередь, какъ бы по командѣ, сѣсть. Со второго кадета палецъ Нюккера переносился на третьяго, потомъ на четвертаго и такъ далѣе, пока не будетъ перебранъ весь классъ, при томъ отнюдь не по порядку сидящихъ, а какъ можно болѣе въ разбивку. Но такъ какъ указуемая пальцемъ очередь переходила съ первой скамьи на четвертую, съ одного конца скамьи на другой, то въ устраненіе ошибокъ Нюккеръ постоянно носился по классу, быстро и широко разставляя свои цыбулястыя ноги, отчего получались движенія, очень близкія къ прыжкамъ, къ великому изумленію и даже потѣхѣ новичковъ.

Вниманіе учениковъ въ классѣ у Нюккера доходило до высокой степени. Никто изъ нихъ не могъ оставить незамѣченною чью бы то ни было погрѣшность; сейчасъ же разъяснялось, въ чемъ она состоитъ, какъ слѣдуетъ ее исправить и почему такъ, а не иначе. Иногда сдѣланная кѣмъ-либо ошибка переносилась на большую классную доску, для наглядности, и объяснялась, а это объясненіе повторялось поочередно многими. Конечно такой методъ медленъ, педантиченъ, искусственъ и къ сколько-нибудь широкому знанію языка не приведетъ. И дѣйствительно Нюккеровскіе ученики, какъ и всякіе другіе, кончали все-таки тѣмъ, что языку не выучивались и если не продолжали имъ заниматься потомъ, усиленно, то и вовсе его забывали. Вообще знаніе иностраннаго языка достигается въ учебномъ заведеніи только въ томъ случаѣ, если оно въ значительной степени было усвоено дома; этого общаго правила еще никто не опровергъ, не сдѣлалъ этого и Нюккеръ. Мало того, для восполненія очевидно недостающаго кадетамъ знанія разговорнаго языка, онъ прибѣгалъ къ средству рутинному: приказывалъ заучивать діалоги, передъ пріѣздомъ Государя или великаго князя. И чего только въ этихъ діалогахъ не было; былъ даже вопросъ — какъ приготовляется сбитень, а также и соотвѣтственный отвѣтъ. Вообще эти діалоги составляли совершенно безполезную трату времени, что очень хорошо понимали сами кадеты.

Другой иностранецъ, Карлъ Андреевичъ Юргенсъ, былъ учителемъ сначала чистописанія, потомъ нѣмецкаго языка и прослужилъ въ корпусѣ почти полстолѣтія. Былъ онъ человѣкъ серьезный, очень строгій и суровый, но справедливый; дѣло свое любилъ горячо, а потому въ преподаваніи шелъ впередъ, не впадая въ рутину. Подобно Нюккеру, онъ завелъ въ своемъ классѣ фронтовую дисциплину, но въ формахъ менѣе рѣзкихъ; успѣхи его преподаванія были равно-

сильны Нюккеровскимъ. Вообще Юргенсъ былъ изъ лучшихъ учителей корпуса, хотя по уму и образованію стоялъ ниже многихъ другихъ. Но онъ отличался суровостью и грубостью обращенія и, подобно Нюккеру и нѣкоторымъ другимъ, преимущественно иностранцамъ, былъ истиннымъ представителемъ того времени. Пинки, шлепки, мазки по губамъ и иные подобные пріемы процвѣтали, а такія „отвлеченныя“ понятія, какъ самолюбіе мальчиковъ, нравственное чувство и проч., въ разсчетъ принимались мало или не принимались вовсе, какъ праздныя измышленія. Говорится это не про одного Юргенса, а вообще; собственно же Юргенсъ сталъ потомъ сдержаннѣе, вѣроятно убѣдившись опытомъ, что такія „вспомогательныя пособія“ не ведутъ къ искомой цѣли.

Младшій врачъ, Ефимъ Ивановичъ Филипченко преподавалъ зоологію, ботанику, минералогію и химію, по мѣрѣ того, какъ онѣ вводились въ курсъ. Это былъ средняго роста коренастый хохолъ, порядочно-толстый, съ брюшкомъ, которое со временемъ закруглилось еще больше; въ глазахъ его свѣтилось лукавство, на толстыхъ губахъ почти всегда играла улыбка, въ которой просвѣчивало и довольство самимъ собой, и полупрезрительное отношеніе къ умственному убожеству другихъ. Человѣкъ онъ былъ дѣйствительно не глупый, но обладалъ умомъ какимъ-то холостымъ, непроизводительнымъ; преподаваніе его отличалось заурядностью, вертѣлось на частностяхъ и до общей, осмысленной картины того или другого царства природы не доходило. Филипченко былъ большой хвастунъ; въ пылу враньи онъ часто договаривался до чепухи и нелѣпости. Кадетамъ такой учитель приходился по вкусу, ибо съ нимъ можно было разговаривать свободнѣе и фамильярнѣе, чѣмъ съ какимъ другимъ, можно было и подшутить надъ нимъ, конечно умѣло и осторожно, да и натѣшиться всласть разными его выходками. Приступая къ первому уроку ботаники, Филипченко старался внушить слушателямъ, что она есть мать другихъ наукъ. Годъ спустя, начиная чтеніе зоологіи, онъ сказалъ и о ней то же самое, совсѣмъ забывъ свой прошлогодній основной афоризмъ. На первомъ урокѣ минералогіи случилось то же самое, но завравшагося учителя остановилъ одинъ кадетъ, сказавъ съ наивнымъ и простоватымъ видомъ: „это невѣрно, Ефимъ Ивановичъ; минералогія есть внучка, потому что—мать—ботаника, а дочь—зоологія“. Въ другой разъ, расхвастались на счетъ богатства своихъ знаній, онъ услышалъ отъ одного изъ кадетъ похвалу иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію учителями. Сказано это было, чтобы подзадорить Филипченко (онъ особенно не любилъ иностранцевъ) и достигло цѣли: Филипченко презрительно улыбнулся и возразилъ:

„Много ты понимаешь! Да не только я самъ, а моя колоша умнѣе и свѣдущѣе твоихъ иностранцевъ; вотъ что“...

— Почему же такъ, Ефимъ Ивановичъ. Сказать вѣдь все можно.

„А потому, что моя калоша по университету ходила. А твои иностранцы гдѣ ходили?... Вотъ ты и раскусывай.

Комедія была полная, кадеты остались очень довольны bon mot Филипченко, и сказаніе о его калошѣ пошло циркулировать по корпусу.

Когда Филипченко былъ въ духѣ и хорошемъ настроеніи, напр., послѣ сытнаго обѣда, то часто обнаруживалъ какое-то особенное хохлацкое добродушіе, вовсе не ладившее съ взыскательною и суровою дисциплиной времени. Этимъ кадеты иногда пользовались, дѣлаясь смѣлѣе въ своихъ шуткахъ. Читая зоологію, Филипченко остановился почему-то болѣе обыкновеннаго на быкѣ домашнемъ и назвалъ его „быкъ обыкновенный“ съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ буквъ по своему малороссійскому выговору. Съ тѣхъ поръ, стали его звать „быкъ обыкновенный“, такъ какъ Филипченко походилъ, изъ царства животнаго, больше всего на быка. Идутъ какъ-то три или четыре кадета по окраинѣ плаца, прогуливаясь, а Филипченко прохаживается тихими шагами по тротуару у лазарета и куритъ съ наслажденіемъ. Одинъ изъ кадетъ и говоритъ другимъ: „видали ли вы, господа, чтобы быкъ обыкновенный курилъ сигару?“ Сказано это было шагахъ въ 20—30 отъ Филипченко, безъ возвышенія голоса, но Филипченко все-таки услышалъ, вынулъ изъ рта сигару, не поворачивая головы, и не останавливаясь промолвилъ: „а колы нэ видэлъ, такъ посмотри“, и продолжалъ курить какъ ни въ чемъ не бывало. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Викторъ Кирилловичъ Каминскій, изъ воспитанниковъ Нѣжинскаго лицея, былъ человѣкъ пониже средняго роста, съ изъяномъ въ одномъ глазѣ, нескладной фигуры, нѣсколько косолапъ, но учитель хорошій. Онъ чрезвычайно любилъ свою науку (математику) и отзывался о ней съ почтеніемъ и даже благоговѣніемъ. Уроки Каминскаго не имѣли въ себѣ ничего формальнаго, сухого и не ограничивались цифрами, фигурами, формулами. Онъ старался передать смыслъ, душу математическихъ наукъ, ихъ точность въ ряду другихъ знаній, а слѣдовательно и непогрѣшимость выводовъ, преемственность и связь ариѳметики, геометріи, алгебры и тригонометріи, входившихъ въ учебную программу корпуснаго курса; приплеталъ сюда даже аналитическую геометрію, говорилъ про дифференціалы и интегралы, про небесную механику. Излагая Пиѳагорову теорему, онъ передавалъ жизнь Пиѳагора съ разными анекдотами и подробностями, способными заинтересовать слушателей; при удобномъ случаѣ разсказывалъ про Эвклида, про Архимеда (особенно при осадѣ Сиракузъ), про Ньютона и другихъ. Внимательные и ретивые ученики

такимъ образомъ изучали не только предметъ въ предѣлахъ учебной программы, но знакомились незамѣтно и съ его литературой, въ извѣстной степени, а главное—въ нихъ поддерживалась и подкрѣплялась охота къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Къ сожалѣнію Каминскій иногда пересаливалъ и тѣмъ парализировалъ доброе сѣмя, которое сѣялъ. Ему присуща была наклонность къ мистицизму, который проглядывалъ съ годами все больше въ его преподаваніи и дѣлалъ его въ нашихъ глазахъ смѣшнымъ, чему содѣйствовала и вся его внѣшность. Онъ старался доказать присутствіе въ математикѣ божественнаго начала, проявляющагося въ безошибочности математическихъ выводовъ; въ алгебраической формулѣ или геометрической фигурѣ усматривалъ тайное значеніе, какъ въ выраженіи божественной мысли, намъ не открытой. Какъ бы для большей убѣдительности, онъ повѣствовалъ, что если на дорогѣ, по которой ему приходится идти, случайно начерчена на пескѣ какая-нибудь геометрическая фигура, то онъ, Каминскій, никогда не затопчетъ ногой и не повредитъ божественную фигуру, а обойдетъ ее съ почтеніемъ. Особенно большую дозу божественнаго начала видѣлъ онъ въ треугольникѣ, который недаромъ избранъ для изображенія въ немъ всевидящаго ока. При этихъ словахъ Каминскій какъ-то особенно, благоговѣйно улыбался, но сразу остылъ въ своемъ экстазѣ, когда одинъ изъ кадетъ сдѣлалъ ему такое замѣчаніе:

„Какъ же, Викторъ Кирилловичъ, въ деревняхъ надѣваютъ на свиней треугольники, чтобы не залѣзали въ огороды?"

Каминскій вспыхнулъ и готовъ былъ разразиться, но сдержался и отвѣчалъ спокойно:

„Не всегда, братецъ, вотъ на тебѣ треугольника нѣтъ".

Мистицизмъ Каминскаго однако не выражался усиленною набожностью, по крайней мѣрѣ у насъ, въ корпусѣ, и не клалъ на него мрачнаго, противуобщественнаго характера. Однако религіозность его съ ходомъ времени обострялась и привела наконецъ къ тому, чего прежде не было. Я узналъ впослѣдствіи, что въ Петербургѣ, куда Каминскій ѣздилъ довольно часто, его облюбовали многія пожилыя пустосвятствовавшія барыни, приглашали къ себѣ и вели съ нимъ душеспасительныя бесѣды. Прослуживъ въ нашемъ корпусѣ нѣсколько лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, отправился въ Іерусалимъ и, проживъ тамъ довольно долго, возвратился въ Петербургъ. Здѣсь онъ написалъ и издалъ книгу о своемъ путешествіи, неимѣющую никакого значенія, и прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, предавшись уже вполнѣ мистицизму и носимый на рукахъ ханжами и святошами.

Здѣсь кстати будетъ прибавить въ видѣ нотабены, что Каминскій и Филипченко, оба воспитанники Нѣжинскаго лицея, были тамъ

товарищами Гоголя. Если бы о Каминскомъ сохранилось побольше достовѣрнаго біографическаго матеріала, то быть можетъ пролился бы свѣтъ на причины его религіозно-мистическаго настроенія, съ годами возраставшаго, а это было бы далеко не безинтересно, такъ какъ та же самая черта свойственна и его однокашнику Гоголю.

Петръ Ивановичъ Бутаковъ, уже отчасти описанный выше, преподавалъ, какъ было сказано, исторію. Извѣстно, что преподавать этотъ предметъ сподручнѣе, чѣмъ что-либо другое, потому что нѣтъ ничего проще, какъ содрать съ него наружную оболочку, не затрогивая нутра, и эту внѣшнюю оболочку пустить въ ходъ подъ именемъ самаго предмета. Особенно это было вѣрно по отношенію къ тому времени. Политическія науки признавались опасными для государства, какъ элементъ анализирующій, наталкивающій на критику современнаго положенія, а между тѣмъ Россія ни въ какихъ моделяхъ не нуждалась и сама могла служить для всѣхъ образцомъ силы, благоустройства и благополучія, а потому преподаваніе всего вообще, исторіи же въ особенности, должно быть втиснуто въ казенную форму и оттуда виться въ видѣ научной проволоки, гладкой, ровной, безъ сучка и зодоринки. Какой же трудъ—тянуть эту канитель, особенно если научнаго вступительнаго ценза не существуетъ? Взять Кайданова, прилежненько подучиться, подмѣшать къ нему позаимствованія Шульгина (чѣмъ широковѣщательнѣе, тѣмъ лучше) и вотъ маленькій курсъ исторіи на учебный годъ готовъ. И Бутаковъ былъ совершенно правъ, взявъ для преподаванія именно исторію. Этотъ побилъ того и отнялъ у него область, тотъ построилъ городъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ, третій основалъ новое государство, выгнавъ перваго и умертвивъ второго; четвертый предпринялъ дальній походъ и, вернувшись домой, оказался ни причемъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Вотъ и все. А если еще поддолбить хорошенько хронологію, чтобы всякое сколько-нибудь крупное событіе сидѣло въ головѣ крѣпко и переходило на языкъ по первому спросу, то ничего больше и не требуется.

У Бутакова хронологія и стояла впереди всего; онъ зналъ ее отлично; лучшіе ученики его щеголяли тѣмъ же. Дѣло памяти занимало, значитъ, первый планъ; за нимъ шло качество изложенія. Въ этомъ послѣднемъ учитель талантомъ не обладалъ, и словцо ѣэто частенько являлось на выручку, особенно въ первые годы. Потомъ пошло глаже, а красивыя по изложенію мѣста и фразы стереотипно передавались въ разные годы одни и тѣ же.

Другое учительское качество Бутакова заключалось въ энергіи, горячности, съ которыми онъ читалъ. Будучи человѣкомъ не только военнымъ, но и воинственнымъ, онъ вдохновлялся подвигами былыхъ

героевъ до смѣшного. Тогда онъ ходилъ по классу крупными шагами, размахивалъ руками, кидалъ грозные взгляды и уже тутъ словцо йэто не навертывалось. За то выходило другое неудобство: Бутаковъ не отличался свѣтскою ловкостью и, случалось, въ азартѣ зацѣплялъ рукою или ногою стулъ, столъ, классную доску; одно при этомъ трещало, другое шумно сдвигалось съ мѣста. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ полку впервые познакомился съ „Ревизоромъ" Гоголя, я расхохотался надъ внѣшнимъ сходствомъ Бутакова съ учителемъ, ломавшимъ казенные стулья во славу Александра Македонскаго.

Однако же Бутаковъ, какъ человѣкъ честный и добросовѣстный, не стоялъ на одномъ мѣстѣ въ своей учительской дѣятельности, а постоянно двигался. Онъ усердно занимался надъ пріобрѣтеніемъ недостававшихъ ему познаній, выписывалъ много книгъ и съ трудомъ, за большія деньги, досталъ литографированныя записки непомню какого профессора Петербургскаго университета. Но такъ какъ онъ не зналъ ни одного языка и не имѣлъ сколько-нибудь серьезной научной подготовки, то все его учительское совершенствованіе шло въ ширину, а не въ глубину, т. е. пріобрѣталось количество свѣдѣній, а духъ, смыслъ—оставались прежніе. Когда нѣсколько лѣтъ спустя Бутаковъ „дослужился" до званія наставника-наблюдателя по предмету исторіи и потребовали отъ него, по существовавшему правилу, что-то въ родѣ диссертаціи,—онъ не въ состояніи былъ исполнить этого требованія собственными силами. Тему ему соорудилъ одинъ изъ бывшихъ кадетъ корпуса, Макшеевъ, и сдѣлалъ это настолько хорошо, что Бутаковъ получилъ искомое званіе, при чемъ было, однако, ему замѣчено, что взгляды его слишкомъ либеральны. Можно представить себѣ его изумленіе, при таковомъ реприманде неожиданномъ!

Воинственность считалась однимъ изъ основныхъ качествъ Бутакова. Былъ у него крѣпостной лакей Никита и пудель „Пижонъ"; оба они въ юмористическихъ разсказахъ кадетъ фигурировали какъ непремѣнные сотоварищи Бутакова. Какъ только пронесется слухъ о какихъ-нибудь замѣшательствахъ въ Европѣ, если не въ Россіи (иногда совершенно вздорный, почти всегда невѣрный), начинаются между нами толки и предположенія о войнѣ, въ которыхъ непремѣнно приплетутъ Бутакова и нѣкоторыхъ другихъ. Оказывается, что такой-то кадетъ слышалъ отъ дядьки Бондаренки, а тотъ отъ дворника, а тотъ отъ Никиты, будто Бутаковъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ армію. Другой утверждаетъ, будто Бутаковъ, успѣвъ поотстать отъ строевой службы, практикуется усиленно въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ. Третій говоритъ, что самъ видѣлъ

(или отъ такого-то слышалъ), что Петръ Ивановичъ маршируетъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, сверкая глазами и поминутно выкрикиваетъ „Никита, точи саблю"; что Никита дѣйствительно оттачиваетъ полусаблю барина, какъ бритву, а „Пижонъ" стоитъ въ углу на заднихъ лапахъ и слегка повиливаетъ хвостомъ. Военныя качества Бутакова усматривались также въ разныхъ его привычкахъ и обычаяхъ; утверждалось за несомнѣнное и всѣмъ извѣстное, будто онъ въ сотовариществѣ діакона Сперанскаго постоянно открываетъ и закрываетъ навигацію по р. Мстѣ, т. е. купается въ послѣдній разъ, когда идущій по рѣкѣ осенній ледъ готовится стать и купается въ первый разъ, когда ледъ на рѣкѣ весной трогается.

Бутаковъ не былъ единицей изъ самыхъ крупныхъ и къ числу корпусныхъ „столповъ" не принадлежалъ, но онъ былъ „хорошій человѣкъ" въ настоящемъ смыслѣ, и эта сердечная его сила благотворно вліяла во многомъ и на многихъ. Я учился у него порядочно, и онъ частенько зазывалъ меня къ себѣ, угощалъ чаемъ, пряниками, снабжалъ цвѣтной бумагой, картономъ, бордюрами, линейками и прочимъ для моихъ игръ и занятій. Замѣтивъ во мнѣ признаки расположенія къ чтенію, онъ сталъ давать мнѣ книги и что дальше, то больше, подъ конецъ онъ давалъ уже такія, что считалъ нужнымъ предупреждать: „читай, только осторожно, чтобы не замѣтили, а не то капутъ твоему чтенію, да и мнѣ пожалуй достанется". Совѣтъ этотъ не пропалъ безслѣдно: я соблюдалъ такую осторожность при чтеніи, что не попался ни разу.

Для довершенія характеристики Бутакова, укажу на одинъ случай, который остался въ моей памяти на всегда. Когда классъ нашъ кончилъ корпусный курсъ и отправился въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ, Бутаковъ находился въ числѣ провожавшихъ. Онъ незамѣтно отвелъ меня къ сторонкѣ, благословилъ широкимъ крестомъ, обнялъ, поцѣловалъ, сунулъ въ руку какую-то бумажку, круто повернулся и отошелъ, вытирая скатившуюся слезу. Когда мы усѣлись въ повозки и тронулись въ путь, я вынулъ изъ кулака бумажку и развернулъ: это была 5-рублевая ассигнація... Вотъ и опредѣляй тутъ la valeur intrinsèque по надписи!

Много лѣтъ спустя, больше 30-ти, жилъ еще Петръ Ивановичъ, подъ конецъ уже въ отставкѣ, въ своей деревнѣ. Мы съ нимъ видались изрѣдка, когда здѣсь, въ Петербургѣ, когда у него въ деревнѣ, и онъ постоянно говорилъ мнѣ ты.

Географію преподавалъ тоже строевой офицеръ, Валеріанъ Христіановичъ Нейманъ, который вскорѣ фронтовую службу оставилъ и предался исключительно своей новой спеціальности. Это былъ новаторъ въ способѣ преподаванія, напиравшій особенно на черченіи

картъ на память, хотя взглядъ его на сферу географіи былъ по нынѣшнимъ понятіямъ довольно узкій. Даже въ самой главной и успѣшной сторонѣ своего преподаванія, въ черченіи картъ наизусть, Нейманъ не задумался до употребленія градусной сѣтки. Тѣмъ не менѣе онъ училъ для своего времени хорошо, и многое изъ его преподаванія ученики усвоивали прочно, надолго и даже навсегда. Говорю это по собственному опыту: лѣтъ 15—20 спустя я могъ начертить довольно вѣрно всѣ германскія мелкія княжества и герцогства, до сей поры помню ихъ названія и подраздѣленія, конфигурація почти каждой русской губерніи мнѣ памятна.

Результата этого Нейманъ достигалъ средствами очень своеобразными. Былъ онъ человѣкъ впечатлительный, горячій, незнаніе и лѣность возбуждали въ немъ искреннее негодованіе, выражавшееся въ ироніи, сарказмахъ и излишней свободѣ рукъ. Какъ только входилъ онъ въ классную комнату, уже возглашалъ негодующимъ голосомъ: „лѣнивый факультетъ впередъ", при этомъ перечислялись фамиліи кадетъ и при томъ не настоящія, а съ передѣланнымъ на одинъ ладъ окончаніемъ, ибо вмѣсто инъ, овъ, скій и друг., Нейманъ употреблялъ только окончаніе одно ичь, произнося его съ оттѣнкомъ презрѣнія. Кромѣ лѣниваго факультета вызывались вправо къ стѣнѣ, влѣво къ окнамъ и многіе другіе съ грифельными досками въ рукахъ. Каждому давалась какая-нибудь задача, каждый долженъ былъ исполнить заданное совершенно самостоятельно, безъ постороннихъ указаній, иначе грозила высылка въ корридоръ. Такого рода всеобщую репетицію Неймана мы называли „разводомъ съ церемоніей". Посреди этого развода расхаживаетъ самъ Нейманъ, зорко наблюдая, чтобы другъ къ другу не заглядывали, и безпрестанно покрикивая: „черти и разсказывай", ибо ни одинъ кадетъ не долженъ былъ провести на доскѣ самомалѣйшей черточки, не объяснивъ, что именно онъ дѣлаетъ. Узаконена была даже формула объясненій: „ѣду отъ такого-то мыса къ такому-то заливу, черезъ городъ такой-то, замѣчательный тѣмъ-то, переѣзжаю рѣку такую-то, переваливаю горный хребетъ такой-то и такъ далѣе. Члены лѣниваго факультета обыкновенно несли большую дичь, перевирая эффектно подсказываемыя имъ слова, что вызывало взрывы учительскаго негодованія, которые пересыпались разными презрительными кличками, смѣхотворными словечками и пророчествами въ родѣ того, что лѣнтяю предстоитъ въ будущемъ пасти въ деревнѣ свиней и возить на отцовскій огородъ навозъ, или же бѣгать въ мелочную лавочку за патокой. Кромѣ того, Нейманъ иногда награждалъ будущаго свинопаса сильнымъ мазкомъ по губамъ пальцемъ, сверху внизъ, или передергивалъ ему оба уха разомъ, или производилъ то и другое въ непосредственной

послѣдовательности, быстро и скоропостижно. Отсылая лѣнтяя на мѣсто, Нейманъ часто провожалъ его разными пренебрежительными эпитетами или произносилъ слова: „enfant de la nature“, обозначавшія у него квинтъ-эссенцію презрѣнія.

Нейманъ былъ очень требователенъ, такъ что попасть у него „въ лѣнивый факультетъ“ было не трудно, но учениковъ, совершенно не знакомыхъ съ предметомъ, было у него весьма мало, какія-нибудь единицы. Къ числу такихъ отпѣтыхъ принадлежалъ кадетъ Ксеномонтановъ. Можетъ быть, я путаю, но память моя подсказываетъ мнѣ слѣдующую сцену. Истощенный потокомъ негодованія, Нейманъ обращается къ члену лѣниваго факультета съ вопросомъ:

— Ксеномонтанычъ, скажи мнѣ, наконецъ, что же ты знаешь?

— Да я, Валеріанъ Христіановичъ, многое знаю, только все какъ-то позабывается.

— Многое мнѣ не надо теперь, а нужно малое, хоть что-нибудь. Подумай и скажи, что ты знаешь.

Ксеномонтановъ думаетъ, Нейманъ ожидаетъ, изливая на лѣнивца изъ глазъ своихъ потоки презрѣнія. Ксеномонтановъ беретъ мѣлъ и говоритъ, что знаетъ Богемію.

— Прекрасно, пусть будетъ Богемія. Черти́ и разсказывай.

Ксеномонтановъ однимъ махомъ чертитъ на доскѣ огромный бубновый тузъ, на который Богемія дѣйствительно нѣсколько смахиваетъ своей фигурой, и потомъ начинаетъ эту пограничную черту затушовывать мѣломъ.

— Это что же ты дѣлаешь?

— Начертилъ Богемію и хочу показать, что она окружена горами.

— Окружена горами... А какъ эти горы называются?

— „Богемскими“, говоритъ Ксеномонтановъ и останавливается въ рѣшительности, не совралъ ли.

— Что же дальше? Черти́ и разсказывай.

Ксеномонтановъ проводитъ отъ южной границы почти вплоть до сѣверной извилистую черту и кончаетъ ее крючкомъ влѣво, говоря: „это главная рѣка“.

— Такъ; а какъ она называется? Ксеномонтановъ произноситъ съ нѣкоторою нерѣшительностью: „называется она Богеміей“.

— Ну, пойдемъ дальше.

Въ центрѣ туза Ксеномонтановъ ставитъ на рѣкѣ кружокъ и произноситъ: „главный городъ“.

— Прекрасно; что жъ ты не говоришь его имени, вѣрно, тоже Бог...

„Богемія“, говоритъ Ксеномонтановъ, но уже очень нерѣшительно

Стиснувъ зубы, захлебываясь отъ негодованія, подошелъ Нейманъ къ знатоку Богеміи, сильно мазнулъ его указательнымъ пальцемъ по губамъ, передернулъ ему уши и, отступивъ шагъ назадъ, сказалъ: „возьми фуражку“. Ксеномонтановъ взялъ фуражку, Нейманъ приказалъ держать ее двумя руками за околышъ, въ видѣ кошеля и выслалъ Ксеномонтанова въ корридоръ, за дверь, снабдивъ такою инструкціей: „стань за дверь, держи шапку и проси милостыню; заранѣе пріучайся къ занятію, которымъ тебѣ предстоитъ жить“. Выходъ Ксеномонтанова за дверь Нейманъ напутствовалъ бранными словами „enfant de la nature“, прибавивъ къ нимъ nec plus ultra презрѣнія, рѣдко употребляемое „tout-à-fait perdu“.

Какъ ни анти-педагогичны были подобные пріемы Неймана, но въ механизмѣ, въ способѣ его преподаванія заключалось столько практическаго умѣнья передавать знанія и укрѣплять ихъ въ памяти учащихся, что хорошихъ учениковъ было у него много. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи сами учителями географіи, а одинъ или двое составили себѣ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ педагогической литературы извѣстность своими сочиненіями. Самъ Нейманъ былъ замѣченъ высшимъ начальствомъ военно-учебныхъ заведеній; его перевели въ Петербургъ, въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ онъ провелъ всю остальную свою службу, конечно, смягчивъ порывы своего темперамента.

Дмитрій Николаевичъ Орнатскій былъ едва ли не лучшимъ представителемъ наставническаго персонала Новгородскаго корпуса. Какъ онъ попалъ въ корпусъ, это непонятно и объясняется развѣ единственной причиной—необходимостью набирать учителей откуда бы то ни было и во что бы то ни стало. Во-первыхъ, онъ не имѣлъ чина, т. е. нѣкоторымъ образомъ соприкасался съ категоріею безпаспортныхъ и непомнящихъ родства. Во-вторыхъ, онъ былъ исключенъ изъ Петербургской духовной академіи, „за неспособность“. И несмотря на эти два смертные грѣха, Орнатскій не только попалъ въ корпусъ преподавателемъ русскаго языка, географіи, исторіи и потомъ пѣнія, но даже сдѣлался однимъ изъ столповъ корпуса, при томъ столпомъ дѣйствительно хорошимъ, надежнымъ и здоровымъ.

Долго ли онъ училъ исторіи и географіи,—не помню, я его зналъ только, какъ учителя русскаго языка, пѣнію онъ сталъ обучать впослѣдствіи, по собственному почину, безвозмездно и даже собственноручно переписывалъ ноты для кадетъ. Русскому языку я у него учился послѣдніе 2—3 года и подробностей его преподаванія не помню почти никакихъ; рѣзкихъ особенностей, въ родѣ какъ у Нюккера, Неймана и другихъ, у него не было, анекдотовъ о немъ почти не ходило, курьезовъ и странностей не замѣчалось. Долбить и зуб-

рить грамматическія правила у него совсѣмъ не приходилось, а усваивались они при практическихъ грамматическихъ разборахъ; систематическаго курса грамматики Орнатскій намъ не читалъ, зато часто задавалъ темы для сочиненій, при чтеніи которыхъ повѣрялись и грамматическія знанія; часто читались учителемъ образцы литературныхъ произведеній, что особенно нравилось кадетамъ. Сочиненія требовались небольшія, особенно сначала, но осмысленныя и отчеканенныя; подражательность, особенно неважнымъ образцамъ, ставилась въ вину и уменьшала баллы; многоглаголаніе, водянистость, расплывчатость тоже, ибо тутъ усматривалось преобладаніе слова надъ мыслью. т. е. замѣчался грѣхъ неискупаемый. Литературныя произведенія читались Орнатскимъ довольно часто, но или небольшія или отрывками; выборъ былъ не ахтительный, но тутъ половина вины, если не больше, относилась не къ учителю, а къ господствовавшему тогда взгляду на то, что полезно для юношества и дѣтей и что не полезно. Пушкинъ, напримѣръ, почти весь считался не полезнымъ, Жуковскій ему предпочитался, Гоголя мало знали, ибо онъ содержался еще подъ сомнѣніемъ, впредь до выясненія его дѣйствительныхъ достоинствъ. Не лишнее будетъ прибавить, что если Гоголя мы читали и мало, то все-таки о немъ самомъ слышали довольно часто отъ его сотоварищей, Филипченко и Каминскаго. Къ сожалѣнію, въ памяти моей ровно ничего изъ этихъ разсказовъ не сохранилось. Не относились вполнѣ довѣрчиво даже къ Марлинскому вслѣдствіе его предшествовавшихъ политическихъ провинностей. Безвреднымъ, даже полезнымъ (но для юношества съ выборомъ!) признавался баронъ Брамбеусъ, который тогда шелъ за великаго литературныхъ дѣлъ мастера.

Не гнушался Орнатскій и „Библіотекой для чтенія“ Сенковскаго; почитывалъ изъ нея статейки и отрывки, даже переводные, однако, не знакомилъ насъ съ настоящей, сплошной сенковщиной, которая, какъ извѣстно, состояла въ осмѣиваніи всего, что подвертывалось подъ руку. Орнатскій имѣлъ честныя основы, и эта подкладка дѣлала его вліяніе на молодежь сильнымъ и благотворнымъ. Не помню, кѣмъ именно было ему поднесено заданное на тему сочиненіе; Орнатскій сталъ тутъ же, въ классѣ, его читать и остановился на фразѣ: „любезное авось служитъ общимъ колесомъ нашей дѣятельности.“ Орнатскій остановился. „Это, братъ, украдено“, сказалъ онъ автору. Кадетъ сталъ увѣрить, что нѣтъ, что дошелъ онъ до этой фразы собственнымъ своимъ умомъ. „Ну, ужъ ты меня не увѣряй, я дома справлюсь“. И дѣйствительно, придя на слѣдующій урокъ, Орнатскій сказалъ, что фраза украдена у Булгарина. „Украдь ты у другого, хорошаго писателя, это было бы полъ-бѣды, а за то, что ты выбралъ Булгарина, я тебѣ, вмѣсто 10 балловъ, поставлю 6“.

Припоминаю еще, что Орнатскій читалъ намъ сказку казака Луганскаго „О нуждѣ, счастіи и правдѣ“, но прочелъ только „о нуждѣ“, и я долго послѣ старался достать продолженіе: „о счастіи и правдѣ“, въ чемъ, наконецъ, и успѣлъ. Прочелъ онъ намъ также о томъ, „какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ Гоголя впечатлѣніе было громадное, смѣхъ гомерическій. Читалъ кое-что и изъ Кукольника, псевдо-патріотизмъ котораго шелъ тогда за самый настоящій, непререкаемый, ибо удовлетворялъ критеріуму, внѣ котораго пребывали суемудріе и вольномысліе. Читывалъ Орнатскій кое-что изъ Жуковскаго, даже Пушкина, но подробности забылись.

Сила Орнатскаго, выражавшаяся большимъ и благотворнымъ вліяніемъ на кадетъ, истекала, впрочемъ, не изъ учительства его, т. е. не изъ преподаванія того или другого предмета. Учитель онъ былъ несомнѣнно хорошій, но все-таки не орелъ. Въ дѣлѣ своемъ онъ былъ стѣсненъ, во-первыхъ, недостаткомъ собственной подготовки, а во-вторыхъ, тѣми рамками, въ которыя приходилось втискиваться, волей-неволей, преподавателямъ такихъ опасныхъ предметовъ, каковы исторія, или литература. Ужъ на одномъ выборѣ образцовъ для чтенія можно было такъ споткнуться, что потомъ и не поправиться. Въ концѣ концовъ грамматика русскаго языка все-таки у насъ прихрамывала. Я былъ изъ первыхъ учениковъ своего класса по русскому языку; за сочиненія получалъ хорошіе баллы, а между тѣмъ правописаніе мое, въ приложеніи внѣ-классномъ, спотыкалось порядочно многіе годы. Однажды, бывши уже офицеромъ, я написалъ брату-студенту въ письмѣ, что я „сѣрдитъ“ на него, брата, за то, что онъ лѣнится мнѣ отвѣчать. Братъ отвѣчалъ, что я сержусь несправедливо потому, что онъ всегда отвѣчаетъ на мои письма, а неправильно потому, что сердиться слѣдуетъ черезъ букву е, а не ѣ. Вообще же и я, и многіе другіе сдѣлались вполнѣ грамотными лишь впослѣдствіи, иногда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, ходомъ жизни и занятій. И было это явленіемъ чуть не всеобщимъ. Къ моему удивленію я даже замѣтилъ нѣсколько лѣтъ спустя, что особенно безшабашнымъ отношеніемъ къ орѳографическимъ правиламъ отличались весьма многіе воспитанники артиллерійскаго училища, имѣвшаго офицерскіе классы или академію.

Нравственная сила Орнатскаго, вліявшаго на насъ, истекала изъ его достоинствъ не учительскихъ, а воспитательныхъ. У него были умъ и сердце, особенно сердце, и на этихъ двухъ устояхъ проявился воспитатель, вопреки семинаріи и духовной академіи. Не выгони его академія „за неспособность“ и проберись онъ въ священники, изъ него вышелъ бы „пастырь добрый“, который „душу свою полагаетъ за други своя“; вышелъ бы священникъ именно такой, какіе намъ надобны.

Будучи человѣкомъ, сравнительно съ другими мягкимъ, почти всегда ровнымъ, онъ не оскорблялъ кадетъ грубымъ или презрительнымъ обращеніемъ и старался постоянно возбуждать въ нихъ чувства чести и благороднаго самолюбія. Лѣность, невниманіе наказывались у него не какъ смертные грѣхи, а какъ прегрѣшенія второго разряда; въ первомъ же ряду стояли лживость, лицемѣріе, всякіе компромиссы съ нравственнымъ долгомъ. О чемъ бы онъ ни читалъ и ни бесѣдовалъ, онъ всегда поучалъ быть честными и правдивыми, но дѣлалъ это не съ помощью прямыхъ, скучныхъ наставленій, а совершенно незамѣтно, какъ подкладка бываетъ незамѣтна подъ платьемъ. И дѣйствительно Орнатскій бралъ скорѣе изнанкой, чѣмъ лицомъ, скорѣе направленіемъ мысли, чѣмъ ея сущностью. Онъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи, а потомъ и уваженіе, которое съ годами все росло и, наконецъ, укрѣпилось такъ незыблемо, что всякій новичекъ, еще не имѣвшій дѣла съ Орнатскимъ, уже былъ доволенъ, что будетъ учиться подъ его руководствомъ.

Для примѣра приведу одинъ случай, памятный многимъ и записанный не мною. Нѣсколько кадетъ сдѣлали что-то нечестное, и чтобы ослабить свою коллективную вину, попробовали впутать въ свое нечистое дѣло товарища, пользовавшагося безукоризненной репутаціей не только между кадетами, но и у начальства. Попытка не удалась. Дѣло это вовсе не касалось Орнатскаго, но онъ его не пропустилъ безъ вниманія. На первомъ же урокѣ онъ разсказалъ сказку, какъ на какомъ-то озерѣ жило нѣсколько черныхъ лебедей. Однажды они встрѣтили на водѣ бѣлаго лебедя, сначала удивились, а потомъ стали ему завидовать, и, чтобы онъ не кололъ имъ глазъ своею бѣлоснѣжною наружностью, подкараулили его на берегу и забросали черною грязью. Бѣлый спустился на воду, окунулся и сталъ опять бѣлъ и чистъ. Притча эта была сказана такъ сердечно и дополнена такими задушевными комментаріями, что произвела сильное впечатлѣніе; нѣкоторыхъ прошибли слезы.

По суммѣ своего нравственнаго вліянія Орнатскій стоялъ выше всѣхъ и соперниковъ не имѣлъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ него занималъ инспекторъ Божеряновъ, человѣкъ свѣдущій, трудолюбивый, и, относительно говоря, гуманный. Великій былъ ему трудъ съ разнокалибернымъ учительскимъ персоналомъ, съ незнаніемъ, неумѣлостью наставниковъ; не меньше возни и съ кадетами, собравшимися съ борка и съ сосенки, да вообще со всѣмъ сумбуромъ учебнаго заведенія, возникающаго въ захолустьѣ. Онъ пользовался уваженіемъ и любовью кадетъ; большую симпатію привлекалъ себѣ также Бартеневъ, помощникъ инспектора, онъ же былъ прекраснымъ преподавателемъ физики. Нельзя обойти добрымъ словомъ и законоучителя,

священника Малиновскаго, мало того, что онъ былъ преподаватель разумный и знающій, хотя не проходилъ академическаго курса и вышелъ изъ семинаріи, но въ немъ билось хорошее, христіанское сердце и привлекало къ себѣ сердца кадетъ. Доброе впечатлѣніе, имъ на насъ производимое, усугублялось еще тѣмъ, что на провинившихся онъ не жаловался, а взыскивалъ съ нихъ самъ, при томъ милостиво.

Таковы были наши наставники. Многіе изъ нихъ отличались грубостью обращенія съ кадетами и безжалостно не щадили ихъ самолюбія, доходя въ этомъ отношеніи Богъ знаетъ до какихъ пріемовъ. Пруссакъ Граде, плохой учитель чистописанія, чаще всего прибѣгалъ къ линейкѣ, нещадно колотя ею по рукамъ. но этого показалось ему мало, и онъ иногда приказывалъ шалунамъ и лѣнтяямъ стоять на одной ногѣ, поджавъ другую и вытянувъ обѣ руки впередъ. Другіе подобныхъ клоунскихъ пріемовъ не употребляли, но донимали насъ въ этомъ направленіи не тѣмъ, такъ другимъ. Были учителя и сравнительно мягкіе, но составляли они меньшинство. Вообще же и въ этомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, учительскій персоналъ былъ весьма разнородный и къ единству неудобоприводимый. Надо полагать, что единство это все-таки было достигнуто впослѣдствіи, но когда именно, какъ и въ какой мѣрѣ, не знаю.

Составъ строевыхъ корпусныхъ офицеровъ былъ однороднѣе учительскаго, по болѣе простымъ свойствамъ строевой службы, но все-таки далеко неодинаковъ. Бряновъ и князь Назаровъ были образцами ротныхъ командировъ; кадеты ихъ любили и уважали, несмотря на различіе типовъ: одинъ былъ серьезенъ и строгъ, другой мягокъ и милостивъ; но оба безпристрастны и справедливы,—качество, которымъ кадеты очень дорожили, потому что встрѣчали его не заурядъ. Два брата Шубины были также хорошими офицерами, а одинъ изъ нихъ и ротнымъ командиромъ; Стоговъ, смотритель лазарета, не отличался ни умомъ, ни образованіемъ, кадеты тотчасъ это замѣтили и стали распускать про него анекдоты, разумѣется, на половину, если не больше, вымышленные. Говорили, будто дежурный по лазарету фельдшеръ разбилъ оконное стекло и, не желая такъ или иначе поплатиться, написалъ въ вечерней рапортичкѣ: „одно стекло отъ ветхости протерлось“. Стоговъ прочиталъ и задумался, по прошествіи же нѣкотораго, довольно продолжительнаго времени, рѣшилъ, что этого не можетъ быть и фельдшеръ вретъ. Одинъ изъ насмѣшниковъ придумалъ обратиться къ Стогову за объясненіемъ нѣкоторыхъ словъ,

преимущественно имѣющихъ иностранное происхожденіе. Какъ разрѣшилъ Стоговъ первые предложенные ему вопросы, не помню, но на словѣ „оффиціальный“ запнулся, сталъ путаться и, наконецъ, объяснилъ, что „оффиціальный“ значитъ общій, принадлежащій всѣмъ, а никому особенно. Кадетъ былъ довольно взрослый; сохраняя наивный тонъ, онъ спросилъ: „значитъ, можно сказать оффиціальная дама?“

Не мало поводовъ къ остротамъ и пересмѣшкамъ доставлялъ кадетамъ Араловъ, капитанъ, потомъ подполковникъ, когда онъ замѣнялъ Струмилло въ командованіи кадетскимъ батальономъ. Этотъ толстенькій, коротенькій и кургузенькій человѣкъ былъ порядочно каррикатуренъ передъ фронтомъ съ своей суетой, подпрыгиваніемъ, завывающимъ голосомъ и жестикуляцій. Мишенью кадетскаго зубоскальства былъ еще аптекарь Гонольдъ. Первое время обращались къ нему, выпрашивая у него лакомствъ, именно дѣвичьей и бабьей кожи; сначала Гонольдъ исполнялъ просьбы, но потомъ, видя, что число охотниковъ до аптечныхъ сладостей растетъ, прекратилъ всякія выдачи, даже и лакрицы, которою тоже не брезгали, за неимѣніемъ лучшаго. Эта нелюбезность Гонольда въ связи съ его очень толстой, опухлой фигурой, должно быть, и сдѣлалась поводомъ къ острословію кадетъ на счетъ безобиднаго и стоящаго въ сторонѣ отъ кадетской жизни аптекаря. Нѣкоторый интересъ къ Гонольду, особенно со стороны новичковъ, поддерживался еще приключеніями его во время бунта поселянъ. За систематическую якобы отраву народа (Гонольдъ служилъ аптекаремъ въ одной изъ волостей военныхъ поселеній), бунтовщики порядочно его избили и потомъ рѣшили отравить тѣмъ же способомъ, какимъ онъ якобы отравлялъ другихъ. Предусмотрительный Гонольдъ заранѣе убралъ изъ аптеки и припряталъ въ безопасное мѣсто ядовитые препараты и матеріалы. Его притащили въ аптеку и заставили испробовать на языкъ содержаніе многихъ склянокъ, банокъ и коробокъ, а такъ какъ смерти отъ этой необычной трапезы не послѣдовало, то живучаго аптекаря привязали къ хвосту лошади, въ намѣреніи доставить ему послѣобѣденный моціонъ. Предположеніе это почему-то не состоялось; взамѣнъ того, несчастнаго аптекаря отвели на дровяной дворъ, поставили въ позитуру и стали бросать въ него полѣньями, пока совсѣмъ не забросали; послѣ чего разошлись, разсчитывая, что остаться въ живыхъ ему совсѣмъ невозможно. Однако, Гонольдъ остался живъ, хотя хворалъ долго, затѣмъ сталъ полнѣть и изъ сухопараго, какимъ былъ дотолѣ, превратился въ очень толстаго.

Самой обильной темой для кадетскаго злословія былъ, какъ и подобаетъ, экономъ. Кормить 400 человѣкъ есть дѣло соблазнитель-

ное и вести его на чистоту мало кому подъ силу. Столъ у насъ былъ вообще не роскошный, временами просто плохой, а иногда и того хуже; эконому доставалось и сверху и снизу,—сверху урывками и больно, отъ кадетъ въ видѣ постоянныхъ булавочныхъ уколовъ. Когда открывался въ 1834 году корпусъ, на торжествѣ этомъ находился великій князь Михаилъ Павловичъ и нѣсколько почетныхъ гостей, въ числѣ ихъ и графъ Аракчеевъ, вскорѣ потомъ умершій. Великій князь пригласилъ къ своему столу почетныхъ гостей и нѣсколько лицъ изъ корпуснаго начальства, а такъ какъ готоваго для этого помѣщенія еще не было, то обѣдъ состоялся въ общей кадетской столовой, одновременно съ кадетскимъ, но за особымъ столомъ, что было въ то время возможно потому, что въ корпусѣ состояло кадетъ еще очень мало. Во время обѣда великій князь обратился съ просьбой къ Аракчееву—навѣщать по сосѣдству корпусъ и наблюдать, чтобы кадетъ хорошенько кормили, Аракчеевъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что посѣщенія его понравятся, ибо правило его таково: если щи не хороши, то и выворотить котелъ на голову эконома, какъ онъ, Аракчеевъ, и поступалъ въ батальонахъ военныхъ кантонистовъ. Слова эти услышали кадеты, запомнили ихъ и эконому Шишмолину частенько ихъ приводили. Шишмолинъ былъ дѣйствительно на руку не чистъ, а потому его скоро замѣнили другимъ, но и этотъ удержался недолго, уступивъ мѣсто третьему. Отъ такихъ частыхъ смѣнъ эконома кадетское продовольствіе не выигрывало, особенно когда Главацкій сталъ урѣзывать продовольственныя средства на усиленіе другихъ предметовъ корпуснаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе серьезныхъ столкновеній кадетъ съ экономами не происходило, сколько я помню, ни разу; будучи недовольны экономомъ, кадеты чаще и злѣе надъ нимъ подшучивали, проходя мимо его въ столовую. Съ однимъ изъ нихъ (фамилію не помню) они даже любили разговаривать и шутить, такъ какъ онъ доставлялъ имъ богатый матеріалъ для зубоскальства. Былъ онъ, кажется, изъ отставныхъ солдатъ, отличался старостью и замѣчательнымъ благодушіемъ, любилъ читать св. писаніе и употреблять въ разговорѣ своемъ „евангельскія словеса“, наряду съ научными терминами, слышанными отъ кадетъ же, при чемъ жестоко ихъ перевиралъ. Однажды, какой-то кадетъ упрекнулъ его въ томъ, что вчера въ супѣ было подано нѣсколько мухъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ числѣ овощей не значатся и ни въ какой ботаникѣ ихъ не найдешь. Экономъ отвѣчалъ: „истинно, истинно говорю вамъ, всякое насѣкомое принадлежитъ къ классу ботаники“. Про него же кадеты разсказывали, будто въ кухню, къ концу кадетскаго обѣда, пробрался какой-то жидокъ и предложилъ одному изъ поваровъ свои услуги для мытья серебряныхъ ложекъ, обѣщая ему

за это 5 рублевую ассигнацію. Поваръ доложилъ эконому, экономъ подумалъ и сказалъ еврею: „ужъ лучше, братецъ, вымой даромъ тарелки". Это bon-mot очень намъ понравилось и усилило наше благодушіе по отношенію къ эконому.

Если сравнить наше кадетское продовольствіе съ нынѣшнимъ, то, конечно, его нельзя будетъ иначе назвать, какъ сквернымъ, и въ особенности грубымъ, но такое сравненіе слѣдуетъ прилагать очень условно. Тухлятина и вообще припасы не свѣжіе замѣчались мною не часто. Конечно, этого мало, особенно для дѣтей помѣщиковъ, жившихъ дома, въ деревняхъ, въ крѣпостное время, а такихъ было у насъ порядочно. Да и для нашего брата, городскаго жителя, возросшаго въ семьѣ небогатой, но все-таки на чаяхъ и кофеяхъ, переходъ отъ домашняго стола къ корпусному былъ рѣзокъ. По утрамъ, на тощій желудокъ, давали намъ, впрочемъ изрѣдка, сырыя овощи, преимущественно морковь, что мы очень одобряли. Но за то вмѣсто обычнаго чая, къ которому каждый привыкъ чуть не со дня рожденія, надо было глотать сбитень или хлебать габеръ-супъ (овсянку), который вторгнулся въ кадетскую кухню ради дешевизны и 3 дня въ недѣлю замѣнялъ сбитень.

Недостатки корпусной кухни возмѣщались посторонними ресурсами, которыхъ было впрочемъ немного, да и появились они лишь впослѣдствіи. А именно, по праздникамъ утромъ приходили женатые служителя и въ корзинахъ приносили съѣдобныя произведенія своихъ женъ на продажу кадетамъ. Очень незатѣйливы были эти произведенія, да и на видъ неказисты, качественными дополненіями они служить никоимъ образомъ не могли и удовлетворяли кадетскіе желудки лишь количественно. Это были пироги съ разной начинкой, ватрушки, булки, все въ томъ родѣ, что нынѣ продается въ мелочныхъ лавкахъ и покупается простымъ людомъ. Помню, въ числѣ этихъ кулинарныхъ шедевровъ пироги и ватрушки съ начинкой изъ мятаго картофеля. Все это усердно покупалось и съѣдалось. Затѣмъ состоятельные кадеты покупали въ нашей единственной лавочкѣ (когда она, съ теченіемъ времени, сдѣлалась на что-нибудь похожей) разныя разности, но уже больше изъ лакомствъ—леденцы, пастилу, орѣхи и т. под. Охотниковъ до крѣпкихъ напитковъ не было, а если и были, то тайные и въ числѣ очень небольшомъ; я, по крайней мѣрѣ, не зналъ ни одного. Во всякомъ случаѣ, пьянство не было корпуснымъ порокомъ и при мнѣ не происходило экзекуцій за спиртные напитки.

Продовольственная часть, по своему существу, могла быть устроена въ новомъ учрежденіи раньше другихъ; медленнѣе устраивался корпусъ по другимъ статьямъ хозяйства. Особенно отстала кадетская одежда; послѣ 5—6 лѣтняго корпуснаго существованія, одѣты мы

были большею частью неудовлетворительно, а иные просто скверно. Это относится ко времени третьяго нашего директора, генерала Главацкаго; при немъ же чаще, чѣмъ прежде, случались изъяны въ продовольствіи. Въ злоупотребленіяхъ, т. е. въ личной наживѣ, заподозрить его нельзя, такъ же какъ и его обоихъ предшественниковъ; въ этомъ отношеніи всѣ трое были люди совершенно чистые. Нельзя упрекнуть никого изъ нихъ и въ недостаткѣ попечительности, только понятіе о ней было у нихъ разное. Второй директоръ отличался попечительностью такъ сказать непосредственною. Организаторскими способностями, административными талантами старикъ Петровскій не обладалъ, на широкіе взгляды претензіи не имѣлъ, да вѣроятно и не давалъ имъ никакой цѣны, не отличая даже самостоятельности, такъ что умѣлые люди ѣздили на немъ преисправно. Зато предметъ, прямо его интересовавшій, находился всегда подъ его внимательнымъ взглядомъ и личнымъ наблюденіемъ, такимъ предметомъ было кадетское продовольствіе по преимуществу. Главацкій же былъ совсѣмъ иной. Онъ отличался характеромъ, административными способностями, пониманіемъ многихъ отраслей дѣла, которое было ему поручено, а также довольно широкимъ организаторскимъ взглядомъ. Но сильнѣе всего у него билась хозяйственная жилка. Потребностей представлялась масса, а средствъ давалось мало, приходилось или все вести впередъ параллельно, но съ такою медленностью, что опускались руки отъ безнадежности, или же двигать впередъ одно въ ущербъ другого. Главацкій избралъ послѣднее. Онъ принялся и водопроводъ проводить, и участки шоссе устраивать, и многое другое полезное дѣлать. Но для этого понадобилось оттягивать средства отъ другихъ статей хозяйства; надзирать за повседневнымъ ходомъ корпуской жизни стало некогда. Въ классы и въ роты онъ являлся рѣдко, да еще заранѣе оповѣстивъ о своемъ пришествіи. Тогда надѣвалось на кадетъ и платье поновѣе, и пыль тщательно вытиралась, и въ кухнѣ принимались мѣры противъ насѣкомыхъ, „принадлежащихъ къ классу ботаники“. Такъ народились разные изъяны и поддерживались одностороннимъ директорскимъ увлеченіемъ; благо еще, что они не обратились въ хроническое, разъѣдающее зло.

Можетъ быть хуже всего въ этомъ было то, что своему собственному директору, т. е. непосредственному начальнику, съ его же косвеннаго разрѣшенія втирались очки, показывался лицомъ его собственный товаръ, а изнанка припрятывалась. Это было усовершенствованіемъ системы казовыхъ концовъ, и безъ того процвѣтавшей. Она выражалась и въ большомъ, и въ маломъ, а проявлялась съ особенною силою при пріѣздѣ въ корпусъ высочайшихъ особъ и

высшихъ начальственныхъ лицъ. Не говоря про обыкновенныя, избитыя средства казаться, а не быть, употреблялись мѣры экстренныя. Между прочимъ начальство становилось съ кадетами мягче и снисходительнѣе, избѣгалось сѣченіе, т. е. откладывалось до отъѣзда посѣтителей; учителя рѣже ставили дурные баллы. Ординарцевъ холили какъ телятъ на убой, поили сливками, давали гоголь-моголь для чистоты голоса, мыли особымъ душистымъ мыломъ. Все это кадеты видѣли, понимали и привыкали смотрѣть на систему казовыхъ концовъ, какъ на вполнѣ естественную. Да и мудрено было смотрѣть на нее иначе; она наслѣдовалась отъ отцовъ и, какъ родовая принадлежность, передавалась дѣтямъ. Въ сущности черту эту нельзя даже назвать характерною; нынѣшнее время вѣдь тоже не далеко ушло отъ тогдашняго въ этомъ отношеніи.

А. Ф. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семья Головкиныхъ.

Біографическая замѣтка.

Фамилія Головкиныхъ встрѣчается первый разъ въ земскомъ соборѣ 1598 года. При Петрѣ Великомъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ занималъ постъ государственнаго канцлера. Сынъ мелкаго помѣщика Алексинскаго уѣзда, онъ подъ конецъ своей жизни былъ графомъ двухъ имперій: русской и австрійской и обладалъ 20.000 крѣпостныхъ крестьянъ. Его сынъ, Иванъ, занималъ нѣкоторое время постъ русскаго посланника въ Голландіи. Онъ не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, заслуживающихъ вниманія. Михаилъ Головкинъ, внукъ Ивана, вначалѣ сдѣлалъ блестящую карьеру. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ въ Берлинѣ и Парижѣ, а по возвращеніи оттуда занялъ мѣсто вице-канцлера. При вступленіи на престолъ Елизаветы, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ; его жена была возвращена при вступленіи на престолъ Екатерины, которая дала ей четыре тысячи крестьянъ и 4.000 рублей пенсіи.

Кромѣ этихъ Головкиныхъ русскихъ, есть еще отрасль Головкиныхъ которыхъ можно назвать иностранными, происходившими отъ сына петровскаго канцлера—Гавріила Ивановича. Его сынъ Александръ съ малыхъ лѣтъ былъ отличенъ Петромъ I, отправленъ въ Берлинъ въ академію, основанную Фридрихомъ I, а 22-хъ лѣтъ отъ роду уже былъ посланникомъ тамъ же. Въ 1715 году онъ, по протекціи Петра, женился на богатѣйшей и знатной графинѣ Дона. Въ 1727 году былъ переведенъ въ Парижъ. Участь его брата, сосланнаго въ Сибирь, устрашила Головкина, и онъ, несмотря на приглашеніе Елизаветы, оставилъ навсегда Россію.

Въ 1783 году, когда Головкины рѣшили снова попытать счастья на службѣ Россіи и трое представителей этой семьи отправились съ этой цѣлью къ русскому двору, въ числѣ ихъ былъ и единственный сынъ Александра Гавриловича, Георгій, извѣстный въ Россіи подъ именемъ Юрія Александровича.

Вѣроятно, на его рѣшеніе повліяла графиня Камеке, рожденная Головкина, которая была лично извѣстна Фридриху Великому и Екатеринѣ II. Какъ бы то ни было, когда Юрій Александровичъ въ первый разъ явился ко двору Екатерины, то онъ былъ принятъ въ Эрмитажѣ самымъ любезнымъ образомъ и вскорѣ женился на Нарышкиной. Въ Россіи карьера его пошла весьма быстро. Въ началѣ 1805 года, уже въ званіи сенатора, онъ былъ начальникомъ экспедиціи въ Китай; изъ этого посольства ничего, впрочемъ, не вышло. Въ 1820 году онъ участвовалъ въ троппаускомъ конгрессѣ, а въ 1822 г. былъ уже не у дѣлъ, проживая все время въ Петербургѣ или за границею. Это было какъ разъ въ ту эпоху, о которой князь П. Долгоруковъ сказалъ, что „въ Россіи, если чиновникъ или генералъ получитъ ударъ, то его дѣлаютъ сенаторомъ, при второмъ ударѣ его дѣлаютъ членомъ Государственнаго Совѣта, а при третьемъ—онъ можетъ разсчитывать на министерскій постъ“.

Восьмидесяти четырехъ лѣтъ Юрій Александровичъ былъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Прибывъ въ Россію восемнадцати лѣтъ, онъ, однако, до конца жизни не выучился говорить порусски.

Другой изъ заграничныхъ Головкиныхъ, графъ Ѳедоръ Гавриловичъ, авторъ любопытныхъ записокъ о дворѣ императора Павла I, родился въ Голландіи, его мать была по происхожденію голландка, а отецъ, графъ Гавріилъ Головкинъ, состоявшій на службѣ Нидерландовъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ смѣшанной національности и началъ свою служебную карьеру въ рядахъ швейцарской гвардіи короля французскаго, подъ именемъ маркиза де-Феррассіеръ. Не мудрено, что родившійся отъ этого брака въ 1766 г. сынъ Ѳедоръ былъ космополитъ.

Въ 1778 г. молодой человѣкъ былъ посланъ въ Берлинъ для занятія науками и довершенія своего образованія.

„Въ этой столицѣ славился въ то время салонъ вдовствующей графини Камеке, старшей сестры моего отца“, разсказываетъ графъ Ѳедоръ Гавриловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „и я имѣлъ возможность изучить одновременно науки и свѣтскую и отчасти придворную жизнь, такъ какъ принцы крови часто оказывали моей тетушкѣ честь своимъ посѣщеніемъ. Это имѣло послѣдствіемъ, какъ часто бываетъ въ жизни, много хорошаго и дурного“.

1783 годъ былъ рѣшающимъ въ жизни графа Ѳеодора Гавриловича, оказавшагося въ числѣ тѣхъ трехъ Головкиныхъ, которые отправились въ тотъ годъ къ русскому двору.

„Пославъ по почтѣ прошеніе о принятіи меня на службу, написанное на французскомъ языкѣ стихами, что было тогда запрещено, такъ какъ многіе злоупотребляли этимъ, я былъ принятъ ко двору камеръ-юнкеромъ“, разсказываетъ онъ. „Въ этомъ прошеніи я перечислилъ все то, о чемъ я не посмѣлъ бы сказать прозою: мое происхожденіе, заслуги моихъ предковъ, наконецъ, права, которыя я имѣлъ быть при дворѣ предпочтительно передъ всякимъ инымъ родомъ службы и предпочтительно передъ многими другими лицами. Въ обществѣ всѣ были крайне удивлены моимъ назначеніемъ, и сановники съ тѣхъ поръ стали отзываться неодобрительно о моихъ манерахъ, которыя они называли голландскими“.

Дворъ Великой Екатерины, по словамъ Ѳ. Г. Головкина, былъ настоящей обѣтованной землею. Изъ-за какого-то неумѣстнаго великодушія при дворѣ не соблюдалось ни малѣйшей экономіи, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, не имѣла значенія, но, въ общемъ, заслуживала самаго строгаго вниманія. Однажды, говоритъ Головкинъ, въ моемъ присутствіи, оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій предложилъ Екатеринѣ уничтожить весьма разорительный и роскошный обычай, который, въ общемъ, можетъ показаться довольно невѣроятнымъ. При каждой смѣнѣ дежурства, т. е. черезъ четыре дня, каждому изъ придворныхъ подавали въ его комнату по двѣ бутылки всѣхъ существующихъ сортовъ столоваго вина и по бутылкѣ всѣхъ сортовъ ликера, что, если не ошибаюсь, составляло до шестидесяти бутылокъ, не считая портера, меда, минеральныхъ водъ, бывшихъ тогда въ употребленіи и т. п. Это злоупотребленіе было тѣмъ болѣе вопіющимъ, что кромѣ шампанскаго съ сельтерской водой, которое мы пили въ жаркое время, никто изъ насъ не дотрогивался до этихъ винъ и ими пользовалась только прислуга. Ея величество слушала Барятинскаго нѣкоторое время терпѣливо, затѣмъ прервала его: „Прошу васъ, милостивый государь, никогда не предлагать мнѣ такихъ грошевыхъ экономій, — сказала она, — это можетъ быть прекрасно и умѣстно у васъ, но у меня это будетъ неприлично“. Чтобы показать, какъ велико было это злоупотребленіе, приведу лишь въ примѣръ барона Николаи, секретаря великаго князя Павла Петровича, который прослужилъ тридцать лѣтъ, имѣлъ богатѣйшій въ Россіи погребъ винъ, и графиню Эльмптъ, фрейлину императрицы, вышедшую замужъ за секретаря кабинета, генерала Турчанинова, которая накопила и продала столько свѣчей, что на вырученныя деньги купила себѣ къ свадьбѣ серебряный сервизъ.

Жизнь камеръ-юнкера ея величества текла мирно и пріятно, если только онъ зналъ свои обязанности: быть пріятнымъ государынѣ, забавлять ее и своей роскошной жизнью содѣйствовать блеску ея двора. Графъ Өедоръ Гавриловичъ обладалъ всѣми этими качествами въ высокой степени.

Онъ то расхаживалъ съ императрицей взадъ и впередъ по обширнымъ заламъ Эрмитажа, разсказывая ей такъ называемыя при дворѣ „исторіи“, то сидя подлѣ кровати Екатерины II, погруженной въ дремоту, читалъ ей вслухъ, то рисовалъ очаровательные виды Царскаго Села, въ то время, какъ императрица совершала прогулку въ паркѣ, то игралъ съ юными великими князьями въ жмурки, оглашая вмѣстѣ съ ними воздухъ радостными возгласами; сама государыня принимала иногда участіе въ этихъ юношескихъ забавахъ, которыя кончались иной разъ гомерической борьбой, такъ какъ пылкій великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе неистово толкать придворныхъ и разъ даже такъ неосторожно повалилъ величественнаго Штакельберга, что тотъ сломалъ себѣ руку.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II придворная карьера графа Өедора Гавриловича достигла своего апогея; какъ человѣкъ близкій къ Платону Александровичу Зубову, онъ бывалъ при дворѣ на большихъ и малыхъ пріемахъ, что возбуждало зависть царедворцевъ. Самъ графъ Ростопчинъ, низкопоклонный льстецъ, писалъ 28-го мая 1794 г. графу С. Р. Воронцову: „Бездѣльникъ и мотъ Головкинъ просилъ шестьдесятъ тысячъ на уплату долговъ и разсчитывалъ получить ихъ, такъ какъ милости теперь сыпятся; но къ счастію сдѣланная имъ глупость избавила графа Зубова отъ этого просителя и деньги остались въ казнѣ. Онъ былъ посредникомъ въ процессѣ князя Любомірскаго съ наслѣдниками князя Потемкина; это дѣло разсматривалось въ совѣстномъ судѣ, который отказалъ истцу въ его прошеніи, тогда Головкинъ послалъ нѣкоторую сумму денегъ предсѣдателю суда, сенатору Ржевскому. Посреднику дали головомойку и велѣли сказать, что его продѣлка достойна адвоката-поляка“.

„Глупость“, вотъ слово, лучше всего характеризующее неосторожный поступокъ, сдѣланный графомъ Головкинымъ. Вмѣшаться въ дѣло, касавшееся наслѣдства князя Потемкина, было равносильно тому, чтобы противодѣйствовать открыто нѣкоторымъ видамъ императрицы. Этотъ неосторожный поступокъ возбудилъ противъ него негодованіе Екатерины II и былъ, по всей вѣроятности, тайной причиной того, что онъ утратилъ ея благоволеніе.

Завидное положеніе, которое Головкинъ занималъ при русскомъ дворѣ, благодаря своей близости къ всемогущему фавориту, какъ нельзя лучше характеризуется его собственными словами: „. . . не зная, какова будетъ моя дальнѣйшая судьба, большая половина

„всея Россія“ и добрая часть Европы заискивала во мнѣ, а я, желая обезпечить себѣ тихую пристань на случай будущихъ бурь, хлопоталъ о назначеніи моемъ посланникомъ въ Неаполь“.

Головкинъ вполнѣ понималъ, что за этимъ блестящимъ положеніемъ скрывалось не мало опаснаго. Царедворцу, какъ мореплавателю, приходится постоянно опасаться подводныхъ камней.

Въ началѣ 1793 г. Головкинъ чувствовалъ себя утомленнымъ такъ называемымъ „особымъ благоволеніемъ“, какое ему оказывали при дворѣ. „Безпримѣрное въ мои лѣта отличіе, какимъ я пользовался, бывая ежедневно въ интимномъ кругу Екатерины II, говоритъ Головкинъ, казалось мнѣ славой слишкомъ безплодной, чтобы переносить всѣ связанныя съ этимъ непріятности и опасности. Гг. Зубовы, которыхъ считали моими покровителями, что было совершенно ложно и казалось мнѣ унизительнымъ, завидовали преимуществамъ, которыя давали мнѣ воспитаніе и происхожденіе, и опасались, что это могло произвести рано или поздно впечатлѣніе на императрицу, которая съ лѣтами все меньше и меньше увлекалась красивой внѣшностью и начинала болѣе цѣнить прелесть интимной бесѣды.

„Они опасались въ особенности той смѣлости, которую замѣчали во мнѣ, и боялись, чтобы, находясь такъ близко къ центру придворной жизни, я не замѣнилъ ихъ въ одинъ прекрасный день.

„Такъ какъ у меня не было кромѣ императрицы никакихъ покровителей, то возможное возвышеніе мое въ будущемъ казалось слишкомъ грандіознымъ, и являлось желаніе подкопаться подъ меня своевременно; было совершенно ясно, что всѣ будутъ способствовать моей гибели, какъ только эти господа найдутъ ее нужной, поэтому мнѣ болѣе улыбалась честолюбивая мысль удалиться добровольно, не ожидая того, когда мнѣ, при всей моей скромности, представился бы случай овладѣть всецѣло благосклонностью императрицы на склонѣ ея дней“

Назначенный на освободившійся со смертью графа Скавронскаго постъ посланника въ Неаполь, Ѳ. Г. Головкинъ уѣхалъ изъ Петербурга осенью 1794.

По пути въ Неаполь, столкнувшись во время поѣздки со многими лицами, онъ былъ „крайне огорченъ, замѣтивъ, что умы вездѣ были подготовлены къ воспріятію революціонныхъ принциповъ, проникавшихъ со всѣхъ сторонъ изъ Франціи“.

Юный дипломатъ пріѣхалъ въ Неаполь въ тотъ моментъ, когда Европа переживала серьезный кризисъ. Во Франціи царствовалъ терроръ. Въ сосѣднихъ съ нею странахъ уже слышался отзвукъ магическихъ словъ: свобода, равенство, братство; грозные отклики народной злобы повергли въ ужасъ царственную чету, возсѣдавшую на обветшаломъ престолѣ обѣихъ Сицилій; землетрясенія, въ связи съ необычайной дѣятельностью Везувія, какъ бы предвѣщали страшный

переворотъ въ политическомъ мірѣ, который готовъ былъ смести старый порядокъ. Слабость короля, несдержанный характеръ королевы Каролины и всемогущество авантюриста Актона чрезвычайно осложняли политическое положеніе, и дипломатамъ, аккредитованнымъ при этомъ дворѣ, было необходимо дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью. Осторожность дипломата выражается главнымъ образомъ искреннимъ или притворнымъ равнодушіемъ къ внутреннимъ дѣламъ той страны, при которой онъ аккредитованъ, конечно насколько эти дѣла не касаются интересовъ его страны. Но молодой, честолюбивый и легкомысленный Головкинъ сталъ вмѣшиваться во все, то и дѣло высказывалъ свое мнѣніе и даже однажды „позволилъ себѣ, на одной увеселительной прогулкѣ, устроенной по его почину и въ которой онъ былъ главнымъ лицомъ, пропѣть сочиненные имъ куплеты, въ которыхъ королева была сильно скомпрометтирована“. Это было тѣмъ менѣе извинительно, какъ говоритъ Шателенъ, „что все сказанное въ этихъ куплетахъ было, въ сущности, вполнѣ справедливо“.

Послѣдствія этой неосторожной выходки не замедлили сказаться. Графъ былъ немедленно отозванъ русскимъ правительствомъ. Намеки на это событіе находятся въ перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ: „Головкинъ былъ отозванъ потому, что онъ позволилъ себѣ тысячу дерзостей по отношенію неаполитанской королевы и, осмѣлившись сдѣлать это, имѣлъ неосторожность самъ подробно разсказать мнѣ все въ пространномъ письмѣ“.

Въ кругу дипломатовъ это событіе также надѣлало не мало шума, но объ немъ не упоминаютъ историки той эпохи; очевидно, этотъ случай былъ скоро позабытъ.

Вслѣдствіе жалобъ неаполитанскаго двора на нашего посланника и тысячи лживыхъ донесеній, которыя онъ посылалъ сюда, императрица приказала отозвать этого негодяя Головкина. „Много кандидатовъ добиваются этого восхитительнаго мѣста“, писалъ графъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову (8/19 декабря 1795 г.). „Если вамъ извѣстно что-либо о знаменитомъ Головкинѣ и о томъ, гдѣ онъ находится, будьте такъ любезны сообщить мнѣ о томъ“, писалъ изъ Лондона С. Р. Воронцовъ графу Андрею Разумовскому 9/20 мая 1796 г.

О Головкинѣ разсказывали всевозможные анекдоты. Тридцать пять лѣтъ спустя эти салонные толки были собраны Dupré de Saint-Maur, авторомъ весьма распространеннаго въ свое время сочиненія „Pétersbourg, Moscou et les provinces“, а своеобразная переписка русскаго посланника дала ему поводъ сказать, что „дипломаты всѣхъ странъ часто стараются быть пріятными, сознавая, что они не всегда могутъ быть полезны“. „Графъ Г., русскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ, напрасно ломалъ себѣ голову, стараясь подыскать

матеріалъ для депеши,—разсказываетъ Saint Maur,—онъ не могъ найти ничего подходящаго: при дворѣ и въ дѣловыхъ сферахъ все шло удивительно спокойно и монотонно. Какъ вдругъ въ неаполитанскихъ водахъ появился англійскій фрегатъ: это дало ему сюжетъ для его первой депеши, въ которой онъ описываетъ появленіе фрегата; во второй депешѣ сообщается о томъ, что фрегатъ отплылъ въ Сицилію; въ третьей—что онъ измѣнилъ свой путь и началъ крейсировать и т. д. Дойдя до шестой депеши, посланникъ почувствовалъ, какъ были смѣшны эти безсодержательные протоколы, и закончилъ свое письмо къ министру слѣдующими словами: „что касается фрегата, ну его къ чорту, я болѣе не слѣжу за нимъ и не буду болѣе писать о немъ"..

Вотъ подлинный текстъ этой депеши, хранящейся въ московскомъ государственномъ архивѣ:

„Ваше сіятельство, судно „Парѳенонъ", наконецъ, ушло на соединеніе съ англійской эскадрой, я очень радъ этому, такъ какъ, со времени моего пребыванія въ Неаполѣ, я то и дѣло сообщалъ въ письмахъ къ вашему превосходительству, что оно уходитъ, или не уходитъ, а это ни вамъ, ни мнѣ не особенно интересно и т. д.

Неаполь, 4 августа 1795".

Въ такомъ же непринужденномъ тонѣ написана Головкинымъ и другая, по тону, быть можетъ, единственная въ своемъ родѣ депеша въ лѣтописяхъ дипломатіи.

Депеша графа Ѳедора Головкина вице-канцлеру Остерману:

„Ваше сіятельство, на этотъ разъ мнѣ приходится повторить признаніе знаменитаго Монтэна: „я знаю только то, что я ничего не знаю". Есть не мало заграничныхъ новостей, которыя ваше превосходительство узнаете обстоятельнѣе инымъ путемъ, но изъ Неаполя я могу лишь засвидѣтельствовать то искреннее почтеніе, съ какимъ я имѣю честь быть вашего сіятельства и т. д.

Неаполь, 16/27 октября 1795 г."

Этихъ двухъ любопытныхъ образчиковъ дипломатической переписки графа Ѳ. Г. Головкина достаточно, чтобы понять, что непринужденность его прозаическаго слога легко могла раздражить такого надменнаго и педантичнаго начальника, какимъ былъ старикъ Остерманъ и не мудрено, что графъ Ѳедоръ Гавриловичъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1795 г. былъ отозванъ съ поста, который онъ занималъ менѣе года. Онъ возвращался въ Россію далеко не съ такой поспѣшностью, какъ это можно было ожидать. Подобно провинившемуся, напроказившему школьнику, который идетъ домой еле волоча ноги, графъ Головкинъ не спѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ его ожидали упреки, немилость и быть, можетъ, строгое наказаніе.

Онъ проболтался цѣлыхъ два мѣсяца въ Венеціи, гдѣ его другъ,

принцъ Нассау-Зигенскій, поселился въ Лореданскомъ дворцѣ и „устроилъ въ немъ нѣчто въ родѣ пріюта для эмигрантовъ, гдѣ всякій платилъ за свое содержаніе, что могъ, по средствамъ. Я самъ прожилъ тамъ два мѣсяца, пишетъ графъ Ѳедоръ Гавриловичъ, на обратномъ пути изъ Неаполя, когда я не спѣшилъ въ Россію, желая разузнать, что именно было причиною моего отозванія".

Пять мѣсяцевъ спустя по отъѣздѣ изъ Неаполя Головкинъ прибылъ на русскую границу, былъ тотчасъ арестованъ и препровожденъ въ Перновъ, небольшую курляндскую крѣпость, изъ которой онъ былъ освобожденъ по вступленіи на престолъ Павла. Прибывъ, по повелѣнію новаго императора ко двору, онъ былъ назначенъ церемоніймейстеромъ, но не съумѣлъ снискать благоволенія строгаго и своенравнаго монарха, и не отказался отъ присущей ему слабости—говорить остроты и каламбуры, хотя это было строго-на-строго запрещено ему. Прогнѣвивъ Павла, онъ получилъ, 22 января 1800 г., повелѣніе выѣхать изъ столицы и жить въ своихъ помѣстьяхъ. Во время этой вынужденной ссылки онъ занимался „обученіемъ крестьянскихъ дѣтей азбукѣ, покрывалъ лакомъ экипажи и писалъ всеобщую исторію".

Съ вступленіемъ на престолъ Александра I онъ вновь получилъ свободу; и съ тѣхъ поръ велъ жизнь космополита, живя постоянно за границей, гдѣ онъ велъ обширную переписку со многими выдающимися людьми своего времени и писалъ свои мемуары.

Самую интересную часть его труда составляютъ воспоминанія о дворѣ и царствованіи Павла I, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующимъ лицомъ описываемыхъ имъ событій. Царствованіе Павла было мрачно и трагично, но то, что авторъ разсказываетъ, какъ видѣнное и слышанное имъ, походитъ скорѣе на трагикомедію, которой смѣшныя стороны были искусно подмѣчены Головкинымъ.

Въ его запискахъ отражается вполнѣ его собственная личность. Разнообразіе мѣстъ и лицъ, о которыхъ онъ говоритъ, легкомысленный тонъ, какимъ онъ толкуетъ о самыхъ серьезныхъ вещахъ, важность, которую онъ придаетъ всякимъ пустякамъ, совершенное незнакомство съ русскимъ языкомъ и со всѣмъ, что касается Россіи, и огромный интересъ, съ какимъ онъ говоритъ о дѣлахъ Европы, характеризуютъ космополита. Графъ Головкинъ, такимъ образомъ, былъ прототипомъ любопытнаго класса людей, явившагося продуктомъ тѣхъ новыхъ условій, при которыхъ слагалась въ Россіи жизнь въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

В. Т.

Записки графа Ѳ. Г. Головкина.

Русскій дворъ въ царствованіе Павла I.

Павелъ Петровичъ родился при обстоятельствахъ, не предвѣщавшихъ ничего добраго. Слишкомъ долго жданный народомъ, онъ не былъ любимъ своимъ отцомъ и не былъ любимъ матерью.

Его царствованіе, имѣвшее серьезныя послѣдствія для Европы, представляло рядъ своеобразныхъ сценъ, весьма поучительныхъ для тѣхъ, кто, видя бѣдствія страны, не придаетъ преувеличеннаго значенія свободѣ и жизни.

Въ теченіе этого злополучнаго царствованія, которое продолжалось очень долго, хотя Павелъ царствовалъ всего пять лѣтъ, самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ Россіи былъ императоръ.

Я хочу записать придворную хронику событій по замѣткамъ, которыя я заносилъ въ свой дневникъ каждый вечеръ обо всемъ случавшемся при дворѣ за день. Мнѣ хотѣлось бы доказать на основаніи фактовъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть одновременно очень плохимъ монархомъ и очень честнымъ человѣкомъ; это случается всякій разъ, когда умъ и чувства не уравновѣшены и когда властителемъ не руководитъ сознаніе долга: я хотѣлъ бы также показать, что, произнося наши сужденія о монархахъ, мы придаемъ слишкомъ мало значенія огромному и неотразимому вліянію его физическихъ свойствъ на нравственную сторону его поступковъ.

Павелъ, который былъ такъ дуренъ собою, родился красивымъ, столь красивымъ, что, когда иностранцы видѣли въ галлереѣ графа Строганова его портретъ, снятый въ семилѣтнемъ возрастѣ, въ парадномъ костюмѣ гросмейстера ордена, висѣвшій рядомъ съ портретомъ императора Александра, снятый въ томъ же возрастѣ и костюмѣ, то нерѣдко случалось, что они спрашивали, почему у графа Строганова два одинаковыхъ портрета. Всѣ дѣти Павла походили на него, а между тѣмъ всѣ они были красивы и прекрасно сложены; но это обстоятель-

*

ство легко объяснить, зная, что онъ перенесъ въ 1764 или 1765 г. тяжкую болѣзнь, сопровождавшуюся конвульсіями, и что его лицевые нервы остались сокращенными. Онъ остался живъ, только благодаря сдѣланной ему горловой операціи. Глаза его были очень выразительны, а его крупные зубы были такъ бѣлы и ровны, что его ротъ можно было назвать красивымъ. Павелъ былъ такъ худъ, что, казалось, въ немъ были однѣ кости и мускулы, но онъ былъ строенъ и если бы изъ желанія казаться выше и пріобрѣсти болѣе величественную осанку онъ не усвоилъ себѣ нѣсколько театральной походки, то можно было бы сказать, что онъ хорошо сложенъ.

Его воспитаніе было поручено графу Панину, впослѣдствіи министру иностранныхъ дѣлъ, который въ бытность свою посланникомъ въ Швеціи пріобрѣлъ славу человѣка способнаго. Этотъ выборъ дѣлалъ честь императрицѣ точно такъ же, какъ Панину, такъ какъ послѣдній принялъ участіе въ заговорѣ, благодаря которому она была возведена на престолъ, лишь подъ условіемъ, что она будетъ управлять государствомъ только до совершеннолѣтія великаго князя. Что руководило при этомъ Панинымъ, честность или честолюбіе— неизвѣстно, но какъ бы то ни было, императрицѣ надобно было слишкомъ твердо полагаться на его честность, чтобы повѣрить, что данная имъ, въ концѣ концовъ, присяга заставитъ его отказаться отъ выполненія плана, который могъ доставить ему такую громкую извѣстность и упрочить его благосостояніе. Въ помощники Панину были даны нѣмцы какъ болѣе опытные воспитатели и люди настолько скромные, что они не рѣшились бы пуститься въ интриги. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Эпинусъ, хорошій публицистъ и физикъ. Все было предусмотрѣно для того, чтобы дать великому князю самое блестящее воспитаніе. Онъ прошелъ съ успѣхомъ курсъ словесности и литературы; прекрасные учителя преподавали ему исторію, географію, математику, но судя по впечатлѣнію, вынесенному мною изъ моихъ продолжительныхъ бесѣдъ съ великимъ княземъ, мнѣ кажется, что его познанія въ высшихъ отдѣлахъ знанія, въ вопросахъ политики, въ военномъ искусствѣ и въ общественномъ правѣ были поверхностны. Его разговоръ былъ болѣе блестящій, нежели основательный, онъ былъ отмѣнно вѣжливъ, въ особенности съ женщинами, имѣлъ вѣрное представленіе о высокой роли, предназначенной ему судьбою, и питалъ къ императрицѣ какъ матери и государынѣ чувство какого-то преувеличеннаго страха. Добиться этого при его раздражительномъ, желчномъ характерѣ было нелегко, но къ тому представился однажды случай, коимъ ловкій воспитатель съумѣлъ воспользоваться.

Великій князь достигъ уже девятнадцати-лѣтняго возраста, ни словомъ, ни дѣломъ не выказывая такихъ поползновеній, которыя

могли-бы внушить опасеніе относительно его дальнѣйшихъ намѣреній, или заставить усомниться въ его полной покорности, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, обнаружилось, что онъ велъ дѣятельную переписку съ барономъ Кампенгаузеномъ, умнымъ, молодымъ ливонцемъ, не пользовавшимся, однако, хорошей репутаціей. Въ этой перепискѣ не было ничего особенно преступнаго; не обсуждалось никакихъ плановъ, но великій князь говорилъ о будущемъ, о своихъ правахъ и надеждахъ; это были только туманные намеки, свидѣтельствовавшіе о начавшейся въ его головѣ умственной работѣ.

Екатерина II вызвала въ Петербургъ ландграфиню Дармштадтскую съ тремя дочерьми съ тою цѣлью, чтобы великій князь могъ избрать изъ нихъ себѣ супругу. Онъ выбралъ самую некрасивую, но самую умную, названную впослѣдствіи великой княгиней Натальей Алексѣевной. Обѣ ея сестры возвратились домой, украшенныя Екатерининскими лентами и осыпанныя брилліантами; одна изъ нихъ, принцесса Луиза, вышла замужъ за великаго герцога Веймарскаго и пріобрѣла извѣстность впослѣдствіи своею дружбою къ Наполеону, вторая, принцесса Амемія, вышла замужъ за наслѣднаго принца Баденскаго.

Новая великая княгиня совершенно овладѣла умомъ своего супруга и очень скоро возстановила противъ себя императрицу и народъ; первую потому, что она казалась ей интриганкой, народъ не любилъ ее за ея презрительное отношеніе ко всему русскому. Никто не предвидѣлъ, что ей не суждено было долго жить, такъ какъ никто не зналъ, что ея мать скрыла одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго она не могла подарить своему мужу наслѣдника.

Послѣ смерти Наталіи, умершей въ родахъ, Павелъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Виртембергскою Маріею Ѳеодоровною, которая, не будучи такъ умна, какъ Наталія Алексѣевна, обладала всѣми качествами, ей недостававшими; она преклонялась передъ императрицей, страстно любила роскошь и придворную жизнь, готова была полюбить русскій народъ, поспѣшила научиться русскому языку и охотно приняла православную вѣру.

Впрочемъ не слѣдуетъ приписывать великой княгинѣ всю заслугу того, что она держала себя примѣрно и какъ нельзя болѣе подходяще къ своему новому положенію. Переходъ отъ маленькаго Монбельярскаго двора къ большому петербургскому двору требовалъ большой наблюдательности, поэтому ея мать, зная, что великая княгиня не обладала этой способностью, приставила къ ней въ качествѣ друга и совѣтчицы дѣвицу Шиллингъ, вышедшую впослѣдствіи замужъ за лифляндскаго генерала Бенкендорфа, которая держала себя очень скромно, но такъ сумѣла овладѣть умомъ великаго князя, что безъ ея совѣта при дворѣ ничего не дѣлалось. За такой

личностью конечно былъ учрежденъ строгій надзоръ, и императрица, основываясь на полученныхъ ею донесеніяхъ, возымѣла къ г-жѣ Бенкендорфъ искреннее уваженіе, но не смѣла выказывать его слишкомъ открыто, чтобы не возбудить подозрѣнія великаго князя и не встревожить его приближенныхъ; впрочемъ, императрица не упускала случая выказать г-жѣ Бенкендорфъ своего благоволенія и однажды, когда Бенкендорфъ была въ послѣднемъ періодѣ беременности, она даже заставила ее сѣсть, въ то время какъ вся императорская фамилія стояла; до тѣхъ поръ пока эта особа пользовалась благоволеніемъ императрицы, при дворѣ наслѣдника престола царствовали миръ и согласіе. Врожденная горячность великаго князя умѣрялась пріятными занятіями его домашняго быта; великая княгиня съ успѣхомъ занималась точеніемъ и гравированіемъ, и эти пріятныя занятія прерывались интереснымъ чтеніемъ вслухъ г-жей Лафермьеръ. Это не значитъ, что эта правильная семейная жизнь не имѣла своихъ смѣшныхъ сторонъ, о чемъ я узналъ изъ дружескихъ бесѣдъ съ фрейлиной Нелидовой и изъ моихъ разговоровъ по этому поводу съ императрицей.

Изъ числа любимцевъ великаго князя самымъ ограниченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ смѣлымъ былъ Вадковскій, находившій, какъ всѣ глупые люди, большое удовольствіе въ раздорахъ. Нелидова, которая была очень умна и скучала, что ей приходилось играть второстепенную роль и быть подчиненной нѣмкѣ, поощрила Вадковскаго, когда онъ вздумалъ вызвать при великокняжескомъ дворѣ ссору. Сдѣлать это было какъ нельзя легче; достаточно было сказать великому князю, что о немъ говорятъ, будто имъ управляетъ великая княгиня и слѣдовательно г-жа Бенкендорфъ. Какъ только на это былъ сдѣланъ намекъ, все рушилось и маленькій дворъ раздѣлился на двѣ половины. Приближенные великой княгини думали, что бѣду легче всего предотвратить высокомѣріемъ; они имѣли безуміе убѣдить ее, что ей слѣдовало дать понять своему супругу, что принцесса Виртембергская сдѣлала слишкомъ много чести великому князю тѣмъ, что она пріѣхала такъ издалека, чтобы вступить съ нимъ въ бракъ. Это разсказывалъ мнѣ самъ великій князь. Ему посовѣтовали нанести за это великой княгинѣ оскорбленіе, сдѣлавъ видъ, что онъ ухаживаетъ за Нелидовой, которая была настолько не молода и не красива, что не могла внушить никакихъ опасеній законной супругѣ.

Къ этому слѣдовало отнестись съ достоинствомъ и снисходительностью, но вмѣсто этого произошелъ скандалъ; великаго князя обвинили въ измѣнѣ, хотѣли прогнать Нелидову изъ дворца и говорятъ, будто великая княгиня жаловалась даже императрицѣ, что еще болѣе подлило въ огонь масла. Графъ Пушкинъ, Николаи, адмиралъ Плещеевъ, которые состояли при великомъ князѣ со времени его загра-

ничнаго путешествія, и нѣкоторые другіе благоразумные лица, видавшіеся съ ними по долгу службы, старались успокоить его, но зло было сдѣлано. Великій князь подпалъ подъ власть Нелидовой, которая, несмотря на то, что ихъ отношенія носили совершенно невинный характеръ, стала держать себя при постороннихъ какъ его фаворитка. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, осенью, когда мы находились всѣ въ Гатчино, бѣда разразилась: великій князь потребовалъ, чтобы Бенкендорфъ немедленно оставила дворецъ, а графа Пушкина и меня послалъ къ великой княгинѣ, которая была въ страшномъ горѣ и приняла насъ только по его настоятельному приказанію сыграть съ нами какъ обыкновенно въ карты. Мы усѣлись за карточный столъ въ кабинетѣ, помѣщавшемся въ башнѣ: никому изъ насъ не шли на умъ карты; какъ вдругъ мы увидѣли великаго князя и Нелидову, которые усѣлись по другую сторону стеклянной двери, болтали и смѣялись. Эта мука продолжалась до тѣхъ поръ, пока не былъ поданъ ужинъ, на которомъ бѣдная великая княгиня рѣшительно отказалась присутствовать. Нѣсколько дней спустя была уволена Лафермьеръ, и великая княгиня осталась совершенно одна и не пользовалась болѣе въ глазахъ придворныхъ никакимъ значеніемъ.

Великій князь самъ былъ очень удивленъ выказанной имъ смѣлостью и такъ какъ его приближенные восторгались этимъ, а императрица не сочла нужнымъ выразить ему своего неудовольствія по поводу проявленной имъ преждевременно власти и тѣхъ рѣшеній, которыя онъ принялъ, не предупредивъ ее, о чемъ она впослѣдствіи очень сожалѣла, то онъ вздумалъ создать свою собственную дворцовую полицію, отъ которой долгое время страдалъ весь дворъ. Далѣе читатель увидитъ, что мнѣ невольно было суждено служить препоной этой нарождавшейся тиранніи. Трудно себѣ представить, какъ оскорбительно было его обращеніе съ придворными, смѣнявшимися у него на дежурствѣ черезъ каждые четыре дня. Привыкшіе къ вѣжливому обращенію со стороны ея величества, они должны были сносить со стороны великаго князя всевозможныя оскорбленія или принимать весьма щекотливые знаки его благоволенія. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, не потому чтобы они представляли что-либо выдающееся, а потому что они придаютъ общей картинѣ извѣстный колоритъ.

Однажды осенью, пріѣхали въ Гатчино на дежурство Загряжскій, графъ Тизенгаузенъ, князь Голицынъ и я, и направились, по обыкновенію, въ предназначенныя для насъ комнаты, какъ вдругъ гофъ-фурьеръ, черезъ котораго передавались послѣднее время приказанія великаго князя, сказалъ намъ надменнымъ тономъ, чтобы мы слѣдовали за нимъ. Приходилось повиноваться, не разсуждая. Онъ открылъ

намъ дверь подъ лѣстницей и ввелъ насъ въ комнату, въ которой стояло четыре кровати, четыре стола и четыре стула. Мои спутники были внѣ себя, я хохоталъ до слезъ. Гоффурьеръ заявилъ намъ, чтобы мы не выходили оттуда, не получивъ разрѣшенія, а тѣмъ временемъ занялись бы своимъ туалетомъ. Что касается нашихъ слугъ, то они сидѣли въ передней на нашихъ чемоданахъ и имъ даже не соблаговолили указать, куда они могли пройти. Когда насъ позвали къ обѣду, его высочество подалъ намъ по обыкновенію руку, которую мы поцѣловали, а по выходѣ изъ стола намъ сказали, что все улажено и мы можемъ занять наше всегдашнее помѣщеніе; въ чемъ была наша вина, мы такъ никогда и не узнали.

Другой разъ меня провели въ очень отдаленную комнату; на столѣ былъ приготовленъ превосходный завтракъ. Я былъ сильно заинтригованъ этимъ, какъ вдругъ вошелъ великій князь, посмѣялся надъ моимъ изумленіемъ и сталъ угощать меня завтракомъ. Весь день онъ осыпалъ меня знаками своего вниманія. Вечеромъ, когда я удалился въ предназначенную для меня комнату, я замѣтилъ, что моя кровать шаталась; я приказалъ привязать веревкой поперечные брусья къ ножкамъ. Съ полчаса послѣ того какъ я легъ въ постель, я почувствовалъ вдругъ сильное сотрясеніе и немного погодя—второе. Я соскочилъ съ кровати и, услыхавъ въ альковѣ чьи-то шаги позвонилъ, но слуга никого не нашелъ, и я легъ на диванъ. По утру, я раздумывалъ о томъ, слѣдовало ли мнѣ разсказать объ этомъ случаѣ, который я приписывалъ землетрясенію или воровской продѣлкѣ, когда преданный мнѣ слуга сказалъ мнѣ, что эта комната была умывальней княгини Орловой и что ванна находилась подъ моей кроватью. Нелидова, желая позабавить великаго князя, устроила у кровати какое-то приспособленіе, при помощи котораго я бы упалъ неожиданно въ воду, если бы я не принялъ, совершенно нечаянно, мѣръ предосторожности. Великій князь очень разсердился, что шутка не удалась и что онъ напрасно оказывалъ мнѣ въ тотъ день такое милости, все вниманіе съ той цѣлью, чтобы я ничего не заподозрѣлъ (1794 г.).

Я счелъ болѣе осторожнымъ и совмѣстнымъ съ чувствомъ моего собственнаго достоинства сдѣлать видъ, что мнѣ ничего неизвѣстно. Вотъ каковы были забавы сорокалѣтняго великаго князя и какъ онъ позволялъ себѣ обращаться съ знатными особами, но мало по малу все это приняло болѣе трагическій характеръ; чтобы быть вполнѣ правдивымъ, я передамъ только тѣ факты, которые касались меня лично.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ)

На поворотѣ.

II [1]).

Глубокія, органическія язвы духовнаго сословія не могли быть устранены карательными мѣрами. Для устраненія ихъ необходимо было кореннымъ образомъ измѣнить условія жизни духовенства и, прежде всего, поднять его образовательный уровень. Мѣры къ этому и принимались еще со времени Петра В. „Священники ставятся, — говорилъ онъ патріарху, — грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быть тому“. Послѣ Петра Великаго правительство въ каждое почти царствованіе болѣе или менѣе рѣшительно повторяло въ своихъ предписаніяхъ мысль о необходимости образованія для духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно принимается за развитіе въ средѣ духовенства просвѣщенія и власть духовная, которую въ первой половинѣ XVIII в. почти повсемѣстно представляли принявшіе на себя въ это время спеціально просвѣтительную миссію малороссы, а со второй половины вѣка и великороссы. Благодаря такимъ обоюднымъ усиліямъ свѣтской и духовной властей, къ самому концу XVIII вѣка было уже 36 духовныхъ семинарій и 4 академіи. Но этотъ количественный ростъ учебныхъ заведеній не говоритъ еще самъ по себѣ объ успѣшномъ развитіи образованія въ средѣ духовенства, такъ какъ положеніе открытыхъ школъ было очень печально во всѣхъ отношеніяхъ и, прежде всего, въ матеріальномъ. Достаточно сказать, что уже во второй половинѣ XVIII вѣка, послѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, на содержаніе школъ, въ томъ числѣ 26 семинарій, отпущено было всего 40 тыс. рублей, въ самомъ же концѣ XVIII в. средній окладъ семи-

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1906 г.

нарій опредѣлялся въ 3—4 тысячи руб. Исключительная зависимость духовныхъ школъ отъ различныхъ органовъ епархіальнаго управленія и, главнымъ образомъ, отъ крайне невѣжественныхъ по своему составу и заявившихъ себя классическимъ эксплоататорствомъ консисторій, недостатокъ подготовленныхъ учителей и необходимыхъ учебныхъ руководствъ фактически ставили существованіе школы почти въ невозможныя условія.

Вскорѣ по изданіи регламента, намѣтившаго очень широкій курсъ наукъ для духовныхъ семинарій, Св. Синодъ въ указѣ 31 мая 1722 г. о заведеніи школъ позволялъ, въ виду недостатка образовательныхъ средствъ въ епархіяхъ, „учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ. И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ во обученіе славянскую грамматику“. Научнымъ достоинствамъ духовной школы не уступали и педагогическіе ея принципы. Семинаріи носили совершенно закрытый характеръ и задавались цѣлью оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества и воспитывать ихъ въ новомъ направленіи. Попавшій въ такое закрытое заведеніе, „аще,—какъ выражается тогдашняя педагогическая система,—нѣкка іерополитика“,—и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо воспріиметъ кротость на ся“. Жизнь семинаристовъ въ особомъ „домѣ образомъ монастыря“ (по выраженію регламента) подчинена была самой строгой регламентаціи со стороны начальства, самой строгой дисциплинѣ. Самъ составитель регламента сознавался, что „такое младыхъ человѣкъ житіе,—кажется, быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное; но,—прибавляетъ онъ,—кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ“. Но насколько оправдались предположенія составителя регламента относительно сладости школьной жизни, краснорѣчиво показываютъ внушительныя цифры самовольно убѣжавшихъ изъ школъ учениковъ; очевидно, что на самомъ дѣлѣ не такъ-то сладко жилось въ духовныхъ школахъ, если ихъ воспитанники съ такою настойчивостью стараются отъ нихъ избавиться. Къ этому необходимо прибавить, что школьная педагогія въ XVIII вѣкѣ не возвышалась до широкаго понятія о воспитаніи, а ограничивалась одними служебно-профессіональными требованіями. Школьное образованіе сливалось со службою, и ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. Вслѣдствіе этого педагогическія начала въ школахъ естественно замѣнялись юридическими, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая, вмѣсто нравственнаго развитія, имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благо-

пристойности и субординаціи. Всѣ педагогическія требованія отъ воспитанника сводились къ требованію отъ него аккуратнаго исполненія его служебныхъ оффиціальныхъ обязанностей безъ какого-либо намека на нравственное значеніе послѣднихъ. „Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности иного начальника или наставника уступали неумѣстной и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя передъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать“[1]). И дѣйствительно, вслѣдствіе преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными, собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцовъ, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ, или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Это командирство, охватывавшее собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу и являвшееся лучшимъ выраженіемъ тогдашней педагогической грубости, особенно замѣтно выражалось въ школьныхъ наказаніяхъ; послѣднія имѣли исключительно карательный, а не нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, и отличались большою грубостью, такъ что отъ нихъ по-истинѣ „жить въ семинаріи становилось всячески невозможно“. „Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій,— говоритъ профессоръ Знаменскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ о духовныхъ школахъ,—и вырабатывались эти долго господствовавшіе въ нашихъ бурсахъ, дожившіе и до нашей памяти, типы старыхъ бурсаковъ-кремней, притерпѣвшихся къ плетямъ и физической боли экзекуцій до такой степени, что, по пословицѣ, уже ни за какимъ лишнимъ тычкомъ не гнались, способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи,—вырабатывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданіямъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака,— закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами, и этою геройскою,

[1]) Исторія Владимірской семинаріи.

презрительною безчувственностью къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога... Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои и чужія страданія, сами дѣлались тираннами своихъ подчиненныхъ, или по крайней мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей, и вѣрными продолжителями той же системы каръ и жестокостей“ [1]).

При всѣхъ своихъ недостаткахъ духовное оброзованіе не удовлетворяло своему назначенію и съ чисто количественной стороны. Число учащихся въ семинаріяхъ, особенно въ первой половинѣ вѣка, было очень ограничено; уже въ 1764 г. въ 26 семинаріяхъ обучалось лишь 6 тыс. школьниковъ, въ 1783 г. 11 тыс. и только въ началѣ XIX вѣка (1807 г.)—24 тысячи. Но при этомъ многіе семинаристы до окончанія курса поступали, по распоряженію правительства и по собственному желанію, въ другія среднія и высшія учебныя заведенія. Было очень много и другихъ требованій. Въ 1832—36 гг., напримѣръ, комиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ изъ Александро-Невской семинаріи вытребовано было столько воспитанниковъ, что высшіе классы почти опустѣли, и митроп. Гавріилъ затруднялся въ пріисканіи кандидатовъ на священническія мѣста въ петербургской епархіи. Уходили при томъ всегда лучшіе семинарскія силы. Особенно много лучшихъ воспитанниковъ, по распоряженію самого начальства, постригалось въ монашество. Вслѣдствіе всего этого на священническія и діаконскія мѣста поступали оставшіеся послѣ всѣхъ этихъ поборовъ худшіе воспитанники, да и тѣхъ было немного. Этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что даже въ вѣкъ Екатерины II образованнаго духовенства мало было даже въ городахъ; что же касается сельскаго духовенства, то оно до самаго конца царствованія Екатерины II оставалось на томъ же почти уровнѣ умственнаго развитія, на какомъ застала его реформа Петра Великаго.

Послѣ этого нечего удивляться тѣмъ фактамъ невѣжества, какіе встрѣчаемъ среди духовенства въ прошломъ вѣкѣ. Нерѣдко священно-и-церковнослужители „въ книжномъ чтеніи являлись неумѣющими“ [2]). Подъ однимъ челобитьемъ священника вмѣсто него подписался господскій крестьянинъ, „для того, какъ объяснено въ подписи, что онъ, попъ, писать не умѣетъ“ [3]). При такомъ отсутствіи иногда простой даже грамотности, еще болѣе возможны были факты глубокаго религіознаго невѣжества. „Нынѣ,—свидѣтельствуетъ Посошковъ о началѣ XVIII в.,—истинно таковыхъ пресвитеровъ много,

---

¹) П. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи.

²) „Исторія моск. еп. упр.“, ч. II, к. I, пр. стр. 43—48, 50, 142; Тв. Св. Отцевъ, 1862 г. 2, и др.

³) Опис. архива Св. Синода, т. I, ч. 2. № 422.

что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что есть реченіе вѣра... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Николаевича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея гаданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попъ, уже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ"[1]). Факты поразительнаго религіознаго невѣжества попадаются и во второй половинѣ XVIII вѣка. Когда, напримѣръ, къ сѣвскому преосвященному Тихону Якубовскому явились однажды священники и были спрошены имъ о Законѣ Божіемъ, о членахъ вѣры и ея таинствахъ, то многіе изъ нихъ не дали никакого отвѣта „и извинялись тѣмъ, якобы они на тотъ часъ не могли отвѣщать за приключившимся имъ тогда нѣкіемъ изумленіемъ и робостію". При испытаніи тѣмъ же преосвященнымъ вдовыхъ поповъ оказалось, что „не только тѣ, которые пять—шесть лѣтъ, но и которые двадцать и тридцать лѣтъ совершаютъ службу, явились совершать Божественную литургію неумѣющими и въ самыхъ важныхъ реченіяхъ ошибающимися; напримѣръ, вмѣсто приложивъ говорили: предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, и по обыкновенію своему, въ такой погрѣшности едва могли пріобыкнуть къ одному правильному реченію; одинъ вдовый попъ, дѣйствовавшій уже болѣе 30 лѣтъ, явился совсѣмъ службы совершать неумѣющимъ" [2]). Или вотъ характерная резолюція того же преосвященнаго относительно священника села Георгіевскаго Аѳанасія Михайлова, 70-лѣтняго старика: „читать почти не умѣетъ. Святителя Николая почитаетъ Богомъ. О Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ" [3]). Даже въ Бѣлгородской епархіи, которая получала кандидатовъ священства изъ харьковскаго коллегіума, духовенство было крайне невѣжественно. Епископъ Іоасафъ Миткевичъ въ одномъ изъ своихъ указовъ писалъ (въ 1760 году) объ одномъ священникѣ, что послѣдній „не токмо въ книжномъ чтеніи явился неискусенъ, но и на вопросъ: колико есть христіанскихъ боговъ, отвѣтствовалъ намъ, что не знаетъ; такожъ колико есть заповѣдей Божіихъ и церковныхъ таинствъ, ничего не разумѣетъ". Другой священникъ той же епархіи послѣ 20-лѣтняго священствованія „не токмо въ знаніи до священнической должности принадлежащаго явился ничего не разумѣющимъ, но и въ отправленіи Златоустаго литургіи, совершеніи таинствъ и въ чтеніи евангелія оказался крайне неумѣющимъ, и по старости лѣтъ научиться чтенію и священнослуженію впредь крайне не можетъ". И воспи-

---

[1]) Посошковъ, ч. 1, стр. 13.

[2]) Я. Горожанскій, „Дамаскинъ, Семеновъ, Рудневъ", 161; Орл. Еп. Вѣд. 1872, 1, 27—29.

[3]) „Орл. Еп. Вѣд.," 1872 г., 1, 29—30.

танники коллегіума, искавшіе священническихъ мѣстъ, оказывались круглыми невѣждами. Въ одномъ указѣ на имя ректора коллегіума говорилось: „представленный жителями м. Марефы, при ихъ желательномъ доношеніи, къ производству во священники, студентъ Михаилъ Термовскій явился не токмо въ чтеніи книжномъ не искусенъ, но и катехизиса и другихъ церковныхъ догматовъ (?) ничего не знаетъ и не разумѣетъ, понеже на вопросъ, отъ насъ ему учиненный: „колико есть во Христѣ лицъ,“—отвѣчалъ: „седьмъ“, такожъ и о Законѣ Божіемъ мало что знаетъ, которому, яко слушавшему богословіе студенту, весьма разумѣть было должно“ [1]).

Всѣ эти факты поразительнаго невѣжества, конечно, не говорятъ о какомъ-нибудь исключительномъ невѣжествѣ духовенства по сравненію съ другими сословіями. За исключеніемъ нѣкоторой европейски образованной части высшаго класса, все остальное населеніе въ Россіи XVIII вѣка представляло сверху до низу одну сплошную невѣжественную массу, различавшуюся лишь по соціальнымъ признакамъ, а не по образованію. И въ такой средѣ духовенство, конечно, не было еще послѣднимъ по образованію. Въ своей массѣ оно было все-таки грамотно, и это было несомнѣннымъ его преимуществомъ. Но если принять во вниманіе религіозно-просвѣтительныя задачи его дѣятельности, то нельзя не видѣть, что оно было слишкомъ далеко отъ удовлетворенія этихъ задачъ, и невѣжество его въ этомъ отношеніи слишкомъ било въ глаза.

Понятно послѣ этого, что рядовое приходское духовенство не могло служить органомъ для проведенія въ жизнь правительственныхъ реформъ, несмотря на всѣ старанія административной власти. При указанныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни духовенства и образовательныхъ его средствахъ такая крупная культурная задача была ему не по плечу. И само правительство вынуждено было констатировать этотъ фактъ, когда ему приходилось обращаться къ гражданскимъ чувствамъ духовной массы. „Если бы духовный чинъ,—писалъ въ своемъ донесеніи императрицѣ усмиритель пугачевщины, графъ Панинъ,—хотя мало инаковъ былъ, злодѣянія не возросли бы до такой степени“; онъ находилъ духовенство „погруженнымъ въ самомъ высшемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ“, такъ что человѣкъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря“ среди него кажется какимъ-то дивомъ [2]).

Рядовое духовенство въ своей жизни стояло на одномъ

---

[1]) А. Лебедевъ. Бѣлогородскіе архіереи, 1827—8.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“ 1849 г., VI.

почти уровнѣ съ народной массой и сплошь и рядомъ не выдѣлялось изъ этой массы даже по внѣшности. По свидѣтельству Посошкова, священнослужители въ большинствѣ случаевъ носили „одежду гнусную и многошвейную", а на ногахъ „лапти растоптанные, и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ" [1]). И поведеніемъ своимъ духовенство почти ничѣмъ не выдѣлялось изъ среды народа и дѣлило съ нимъ одинаковые нравственные недостатки. Дурнымъ поведеніемъ особенно отличались дьячки. Въ 1799 г. одинъ петербургскій дьячекъ Павелъ Соколовъ взятъ былъ на съѣзжую „по праздничному дѣлу", потомъ вскорѣ другой разъ опять взятъ былъ „съ съѣзжинскимъ солдатомъ, въ полиціи наказанъ розгами и посланъ въ рабочій (домъ) къ обуховскому мосту"... Дьячки занимались охотою и въ церкви держали порохъ, среди дня купались на плоту подлѣ церкви, ходили на нѣмецкій мостъ просить милостыню и за то подвергались выговорамъ, штрафовались поклонами, а подчасъ и „отеческому" (т. е. тѣлесному) наказанію [2]). И священнослужители также часто развлекались довольно предосудительнымъ образомъ. Въ 1786 г. одинъ изъ московскихъ священниковъ Дмитрій Красовскій обвинялся полиціею въ томъ, что онъ „для препровожденія времени игралъ (съ купцами) безденежно въ карты въ игру, называемую юрдонъ" [3]). Въ инструкціи преосвященнаго Платона Малиновскаго дано особое наставленіе благочиннымъ, чтобы духовнымъ „въ народныя зрѣлища, какъ-то: въ оперный домъ, на конское ристаніе, на праздничныя гульбища, на качели, на медвѣжьи травли, псовую охоту и прочая кощунства отнюдь не ходить, въ карты и шахматы не играть" [4]). Какъ видно, духовенство вообще принимало участіе въ народныхъ гульбищахъ. Уже въ 1776 г. одинъ изъ благочинныхъ доносилъ преосвящ. Платону (Левшину), что священнослужители посѣщаютъ такія мѣста народныхъ гульбищъ, гдѣ представляются „нѣкоторыя позорища, честныхъ очей зрѣнія недостойныя", „и будучи тамъ, входятъ въ питейные шатры, упиваются, безчинствуютъ, празднословятъ, а иногда заводятъ съ подобными себѣ упившимися ссоры, къ крайнему соблазну народа, посмѣянію и поношенію священному чину" [5]). Вообще, уличныя безчинства допускались духовенствомъ часто. Преосвящ. Амвросій писалъ, напр., что „до свѣдѣнія его дошло, что многіе въ Москвѣ священно-церковно-служители, не взирая на неоднократныя

---

1) Сочин. Посошкова, ч. 1, 30—31.

2) Истор. стат. свѣдѣнія о СПБ. епархіи, вып. 1, стр. 155.

3) Истор. моск. еп. управл., ч. III, кн. 1, прим., стр. 186.

4) Истор. моск. еп. управл., ч. II, кн. 1, стр. 93.

5) То же ч. III, кн. 1, 277—278.

учиненныя имъ подтвержденія, въ противность оныхъ, къ крайнему мірскому соблазну, а на честное духовенство нареканію, напившись, пьяные ходятъ весьма безобразно по улицамъ; а иные и въ питейныхъ домахъ съ самою подлостію безчинно обращаются"; въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ на будущее время, преосвященный велѣлъ заказчикамъ, чтобы они обязали духовенство подписками не допускать уличныхъ безчинствъ, съ предупрежденіемъ, что „если кто кого изъ священно-церковно-служителей таковыхъ безчинствующихъ пьяницъ не токмо въ питейномъ домѣ, но и на улицѣ усмотритъ, то бъ онаго приводили тотчасъ въ консисторію, гдѣ за труды приводящимъ имѣетъ быть учинено награжденіе: за священника по рублю, за діакона по 75 коп., за церковника по 50 коп. А когда таковые въ консисторію приведены будутъ, то съ тѣхъ приводныхъ взыскивать денежный штрафъ съ каждаго противо показаннаго вдвое" [1]).

Пьянство было самою темною стороною поведенія нашего духовенства. Порокъ этотъ глубоко проникъ въ духовное сословіе, и современные записки и документы рисуютъ намъ чрезвычайно мрачную картину по-истинѣ „безмѣрнаго пьянства". Перри говоритъ въ своихъ запискахъ, что, проѣзжая по улицамъ Москвы въ вечеръ великаго праздника, можно было въ ряду другихъ пьяныхъ найти лежащими на землѣ и священниковъ; если кто-либо заговоритъ съ ними или подойдетъ къ нимъ, чтобы помочь имъ встать, они говорятъ: „воля твоя, батька, праздникъ: я пьянъ" [2]). Веберу показалось чрезвычайно дикимъ, когда онъ впервые увидѣлъ, что церковники затѣяли между собою драку въ кабакѣ, при чемъ повздорившіе противники съ такимъ усердіемъ колотили другъ друга коромыслами, что нѣкоторыхъ изъ нихъ замертво потащили домой [3]). Митр. кіевскій Рафаилъ такъ писалъ въ одномъ изъ своихъ указовъ: „вѣдомо намъ учинено, что многіе пресвитеры... богомерзкіе пьянство возлюбили такъ, что всякой годины денно и нощно чванца руками и устами съ великимъ вожделѣніемъ объемлютъ, токмо тое и думаютъ, дабы вино, или простѣе горѣлка отъ устъ не отходила; тое во время священнослуженія и мишлять, чтобъ съ просфирою гдѣ пойти, напитися горѣлки. Да единою чаркою не довольствуются, но до помраченія ума изпиваются... тамъ же на томъ мѣсту завалявшися просыпляются"... [4]) До чего доходило иногда пьянство духовныхъ лицъ, можно судить по разсказу Болотова объ одномъ священникѣ, у котораго онъ жилъ на квартирѣ во время одного своего пребыванія въ Москвѣ. „Хозяинъ

[1]) Истор. моск. еп. управл., ч. II, кн. 2, стр. 76—77.
[2]) Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, 147.
[3]) „Рус. Архивъ", 1862 г., 1067—8.
[4]) Опис. рук. Черн. дух. семин., 97 стр.

мой,—разсказываетъ Болотовъ,—имѣлъ привычку выпивать иногда из лишнюю рюмку вина и при такихъ случаяхъ напиваться до безпамятства, дѣлывался онъ тогда власно какъ сумасшедшимъ. Заѣхавъ однажды послѣ обѣда для взятья нѣкакихъ вещей на свою квартиру, вдругъ услышалъ я въ самой комнатѣ моей превеликій крикъ и стукъ. Я не понималъ, чтобъ сіе значило, и спѣшилъ растворить дверь. Но какъ удивился я еще болѣе, когда увидѣлъ тутъ превысокаго мужичину, съ большою рыжею бородою, съ растрепанными и съ склокоченными волосьями, въ засаленномъ и неподпоясанномъ китайчатомъ полукафтанѣ, босикомъ и въ однихъ только туфляхъ, въ безобразнѣйшемъ видѣ, съ превеликимъ вскрикиваніемъ и крѣпкимъ топаніемъ ногою объ полъ, приступающаго къ нарисованной на стѣнѣ углемъ воронѣ, торкающаго въ нее пальцемъ, и съ такимъ ревомъ и крикомъ съ нею разговаривающаго, что онъ никакъ не видѣлъ и не слышалъ, что ему кто ни говорилъ, и, никого не слушая и толкая всѣхъ отъ себя, продолжалъ только свое дѣло, какъ сумасшедшій". По просьбѣ хозяина авторъ записокъ нарисовалъ ему точно такую же ворону на стѣнѣ въ его горенкѣ. „Но въ одинъ разъ,—продолжаетъ Болотовъ,—весьма дурно заплатилъ было онъ мнѣ за мой трудъ и рисунокъ. Пропивъ гдѣ-то всю ночь, пришелъ онъ домой уже по утру, и въ самое то время, какъ топили уже печи, и, пришедъ въ свою горенку наверху, началъ, по обыкновенію своему, бурлить, шумѣть и кричать; а чтобъ никто ему въ томъ не мѣшалъ, то заперся еще на крючокъ въ оной. И тогда, при обыкновенномъ его съ вороною и такимъ же образомъ, съ крикомъ и топаніемъ разговариваніи, померещилось ему, что она отъ него въ трубу печную улетѣть хочетъ. „А! кричалъ онъ, ты улетѣть и отъ меня брызнуть хочешь?!. Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Это не удастся тебѣ. Я и поприпру тебя, госпожа моя". Сказавъ сіе, бросился онъ къ печи, и, подхватя вьюшечную крышку, хлопъ-таки на вьюшку и затворилъ потомъ дверцы, нимало не разбирая и не подумавъ, что вьюшка сія была отъ самой той печи внизу, гдѣ я жилъ и которая тогда только-что растопилась въ развалъ. „Ну, на! полетай теперь!" кричалъ онъ, и сталъ, шагая, приступать къ ней и ее пальцемъ торкать. Между тѣмъ, мы ничего того не зная, находились себѣ внизу и я только-что сталъ одѣваться. Но вообразите себѣ, какъ должны были мы всѣ перетревожиться и перепугаться, какъ вдругъ, и въ одну почти минуту вся комната моя наполнилась дымомъ и зноемъ... „Батюшки мои! Что это такое?"—закричалъ я, вскочивъ безъ памяти съ мѣста. — „Уже не загорѣлось ли гдѣ и не пожаръ ли"? Вмигъ бросились мы тогда въ ту комнату, изъ которой валилъ къ намъ дымъ и изъ которой печь наша топилась. И какъ же изумились, увидѣвъ густой дымъ, валящій изъ устья печи.

— Ахти, сводъ, сводъ, конечно, обвалился въ печи, кричалъ я. Экое горе. Что дѣлать?

— „Нѣтъ, нѣтъ, сударь! подхватила топившая печь и прибѣжавшая также къ намъ работница попова.—А это батька тамъ, конечно, напроказничалъ пьяный и закрылъ вьюшку. Я слышала, что онъ тамъ покрикивалъ съ своею вороною".

Она побѣжала тогда вверхъ открывать скорѣе вьюшку. Но хвать! двери на крюку заперты и не отворяются! Она кричать попу, она проситъ, чтобъ отперъ двери: попъ не слушаетъ и шагаетъ только по горницѣ и продолжаетъ свое дѣло: кричитъ и храбрится надъ своею вороною.

— „Батюшка, кричитъ ему работница: либо насъ пусти, либо самъ скорѣй открой вьюшку; ты задушилъ насъ всѣхъ дымомъ".

— „Да, какъ бы не такъ!" кричалъ въ отвѣтъ ей нашъ хозяинъ: „чтобъ проклятая-то улетѣла?. Нѣтъ, нѣтъ! А посиди-ка ты вотъ здѣсь, моя государыня"!—И торкъ ее опять пальцемъ!

Что было тогда работницѣ дѣлать? Она принуждена была бѣжать внизъ и звать людей моихъ, чтобъ помогли ей силою растворить двери"[1]).

На Украйнѣ была свобода винокуренія, а нѣкоторыя церкви пользовались даже особыми привилегіями въ этомъ дѣлѣ, и винокуреніе служило для нихъ источникомъ доходовъ. Такая непосредственная близость къ спиртуозамъ приводила къ „безмѣрному" пьянству въ средѣ духовенства. За „горѣлочный напой" закладывались въ шинкахъ церковныя вещи, напрестольные кресты, подсвѣчники и другая утварь, при чемъ раскутившіеся по свидѣтельству оффиціальнаго акта, „таковые дѣлали въ подпилости шалости, яковыхъ и описать стыдно, и цѣломудренному слуху слушать невмѣстительно". Напримѣръ, нѣкій священникъ Іеремія Ярмолинскій никогда почти не выходилъ изъ „жидовской оранды". Онъ любилъ бывать на ярмаркахъ и продѣлывалъ тамъ такія вещи: раздѣнется до рубахи и бѣгаетъ „съ дрюкомъ" по мѣстечку, хватаетъ у торговокъ съ рундуковъ „хлѣбъ, бублики и оселедцы" и пристаетъ къ каждому встрѣчному. Послѣднее ему не всегда сходило съ рукъ благополучно: „къ какому только напилому человѣку, равно и къ жидамъ налѣзъ въ глаза, то оными безчеловѣчно битъ былъ". Любитель ходить по „вѣсельнымъ актамъ", Ярмолинскій разъ даже зашелъ на еврейскій обрядъ обрѣзанія, откуда его вытолкали въ шею. Вообще, относительно его замѣчали, что „самой послѣдній состояніемъ мірской человѣкъ того дѣлать не отважится" [2]).

[1]) Записки Болотова, т. II, стр. 379—383.

[2]) А. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, еп. переяславскій, 98—99.

Кіевскій консисторскій архивъ, въ которомъ приходилось мнѣ заниматься, переполненъ дѣлами о пьянствѣ духовныхъ лицъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ данныхъ изъ этого архива. Половинный настоятель с. Сасиновки Трофимъ Васильевъ, бывшій ранѣе примѣрнымъ священникомъ, въ 1758 г. совершенно измѣнилъ свое поведеніе: „началъ безпрестанно, — какъ доносилъ о немъ Пирятинскій протопопъ Илья Максимовичъ,—по корчемнимъ домамъ въ селѣ Сасиновкѣ и по другимъ селамъ бродя пьянствовалъ“; въ духовномъ правленіи онъ „ради истрезвленія и исправленія“ „цѣпою многократно былъ наказыванъ“, но никакія мѣры не дѣйствовали: „только-что свободится, гдѣ-нибудь такъ себе преизлишне упоитъ, что нѣсколько разъ, ради соблазна народа спосредъ града въ пьянѣ необично лежачого отъ духовнаго правленія посилано на уединенное мѣсто приводить, а потомъ и паки тоежъ заобикши дѣлаетъ“. Тотъ же Пирятинскій протопопъ Максимовичъ доносилъ въ каѳедру въ 1756 г. о другомъ примѣрѣ пьянствовавшаго викарнаго священника въ с. Дащенкахъ Петра Матѳеева и представлялъ при этомъ его эпитрафильную грамату. „Означенній вѣкарній Матѳеевъ, по отправленіи той грамати донынѣ,—пишетъ протопопъ въ 1759 г., — празденъ безъ священнослуженія въ ономъ селѣ Дащенкахъ, упражняясь единымъ пьянствомъ, находится“. Духовное правленіе поручило главному дащенскому священнику Григорію Гаврилову, чтобы онъ представилъ своего викарія въ Пирятинъ, но священникъ Гавриловъ отвѣчалъ, „что его, викарія, чрезъ ежеденное и нощное пьянственное обхожденіе выслать въ Пирятинъ отнюдь невозможно, развѣ благоволитъ оное правленіе прислать нарошнихъ и взять насильно“. Правленіе тогда послало за викарнымъ Матѳеевымъ священника с. Бубнова, Максима Григорьева, но Матѳеевъ упрямо отказался ѣхать въ правленіе или въ каѳедру. Тогда былъ отправленъ за нимъ Пирятинскій житель Илія Кобецъ, который, не имѣя возможности, вслѣдствіе безпросыпнаго пьянства викарнаго, объявить ему правленскую инструкцію, старался выбрать для объявленія ея такой моментъ, когда Матѳеевъ могъ быть трезвъ, и явился къ нему однажды предъ совершеніемъ литургіи; но тотъ и теперь былъ пьянъ, тѣмъ не менѣе инструкцію выслушалъ и наотрѣзъ отказался куда бы то ни было ѣхать. Такъ же была безуспѣшна вторичная посылка въ Дащенки того же Кобца, равно какъ и вторичное приказаніе правленія Дащенскому настоятелю прислать своего викарія, „ибо,—доносилъ онъ,—дячки, что подъ панскою поповкою, мене не слушаются“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло. Всѣ такія дѣла оканчивались обыкновенно ссылкою въ монастырь на мукосѣяльные и другіе труды, но и ссылка въ монастырь, какъ видимъ изъ слѣ-

дующаго примѣра, не всегда была дѣйствительнымъ средствомъ противъ пьянства. Тому же протопопу Максимовичу удалось разъ представить въ Мгарскій монастырь одного такого, также „безпрестанно пьянствовавшаго“, священника с. Малюшинецъ Павла Суходольскаго; но этотъ „іерей за прибытіемъ своимъ, — какъ доносилъ Мгарскій игуменъ,—въ монастырь Мгарскій, того жъ дня былъ только въ монастырѣ отъ шестого до десятаго часа, о десятомъ же часу дня безвѣстно съ монастыря бѣжалъ“.

Какъ видно изъ этихъ фактовъ, пьянство развито было въ средѣ духовенства въ сильной степени. Даже совершеніе богослуженія не сдерживало священнослужителей отъ этого порока. „О семъ болѣзную сердцемъ,—пишетъ Св. Димитрій Ростовскій,—яко о нѣкихъ попахъ (по достовѣрному намъ соглашенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи, не протрезвившеся, и похмельемъ одержиміи, ни пріуготовльшеся ко служенію, дерзаютъ литургисати, еже людемъ есть на соблазнъ, а самѣмъ таковымъ іереомъ на погибель“[1]). Сплошь и рядомъ бывали случаи, что священники пьянствовали непосредственно передъ совершеніемъ литургіи. Священникъ Вознесенской, за Серпуховскими воротами, церкви Василій Ивановъ доносилъ въ 1749 г. на діакона той же церкви Михаила Алексѣева, что тотъ служилъ литургію, выпивши вина. Хотя діаконъ и не сознался во взводимомъ на него обвиненіи, но не отводилъ отъ свидѣтельства цѣловальника, на котораго ссылался священникъ и который „на фартинѣ (кабакѣ) копанейщика Филиппа Угрюмова, зовомой Щипокъ, близъ поля, показалъ, что діаконъ предъ служеніемъ литургіи былъ на фартинѣ и выпилъ на 2 коп. меду, да взялъ съ собою на 2 коп. мѣрку вина“[2]). Характеренъ по своимъ подробностямъ другой фактъ въ томъ же родѣ. Въ 1752 г. купецъ Никита Григорьевъ принесъ жалобу на діакона церкви Николая Чудотворца, въ Берсеневѣ, Ивана Дмитріева, что „онъ, дьяконъ, пришедъ въ фартину, имѣющуюся на каменномъ мосту, гдѣ онъ Григорьевъ находился для продажи водки, вина, пива и меду цѣловальникомъ, — съ какимъ-то діакономъ, и купя пива и вина, напившись пьяный, плясалъ и пѣлъ неприличныя пѣсни, а когда онъ, Григорьевъ, унималъ его, онъ, діаконъ, бранилъ его скверною бранью“. Діаконъ на допросѣ заперся, объясняя, что „пришелъ къ нему, діакону, дому Его Преосвященства иподіаконъ Гаврило Антоновъ, и онъ, діаконъ, послалъ брата своего, Китайскаго сорока церкви Грузинскія Пресвятыя Богородицы діакона Митрофана Дмитріева купить на фартинѣ меду; цѣловальникъ Григорьевъ его обмѣрилъ и

[1]) Сочиненія Св. Димитрія, ч. I, 15.
[2]) Истор. Моск. еп. упр., прим. ко II ч., I кн., стр. 83—84, прим. 296.

когда сталъ ему, Григорьеву, онъ, Митрофанъ, говорить о семъ, то солдатъ, по наученію Григорьева, таскалъ Митрофана за волосы, и по объявленіи о томъ брата, онъ діаконъ и иподіаконъ пошли на фартину, а цѣловальникъ ихъ безъ всякія причины бранилъ скверною и непотребною бранію, напротивъ, чего и они ему въ отвѣтъ тоже говорили" [1]). Не знаемъ, справедливъ ли былъ доносъ Григорьева. Но фактъ, передаваемый имъ, былъ совершенно въ нравахъ того времени, что и подтверждается другими аналогичными случаями. Въ 1760 г., напр., московскій протопопъ Покровскій доносилъ, что священникъ Иванъ Васильевъ служилъ въ домовой церкви нѣкоего Одоевскаго литургію, предварительно выпивши и закусивши. Слѣдствіе обнаружило такія подробности дѣла: 4-го августа въ 6 ч. утра священникъ Васильевъ встрѣтился съ соборнымъ діакономъ Никитою Ивановымъ и сказалъ, что у него съ похмѣлья болитъ голова; діаконъ посовѣтовалъ ему опохмѣлиться и они выпили пополамъ, закусили и разошлись. Потомъ Васильевъ позвалъ изъ собора діакона Матвѣя Осипова, съ которымъ также ходили въ кабакъ, гдѣ священникъ купилъ вина на свои 5 коп., и выпили пополамъ. Въ 8-мъ часу утра Васильевъ, будучи вмѣстѣ съ другими священниками въ соборѣ, толкнулъ попа Ивана Михайлова, водилъ его въ кабакъ, гдѣ они, купивъ вина на 5 коп., выпили, заѣли огурцами и возвратились въ соборъ. Въ это время пришелъ въ соборъ священникъ одной домовой церкви Иванъ Семеновъ и нанялъ за 12 к. Ивана Васильева служить вмѣсто себя литургію. Между тѣмъ, за Васильевымъ послалъ протопопъ для служенія панихиды. Посланный діаконъ Матвѣй Осиповъ, ходившій передъ тѣмъ въ кабакъ съ Васильевымъ, увидавъ его за служеніемъ литургіи, донесъ обо всемъ протопопу [2]).

Духовная власть принимала энергическія мѣры къ искорененію пьянства въ средѣ духовенства. По одному изъ указовъ Синода полагалось даже лишеніе сана и отсылка въ свѣтскія команды [3]). Практиковался еще одинъ пріемъ, имѣвшій, впрочемъ, скорѣе формальное, чѣмъ практическое значеніе,—подписки причтовъ въ томъ, что они не будутъ пьянствовать. Въ опредѣленный день въ домъ страдавшаго „пьянственной страстью" собиралось окрестное духовенство, служили простительный молебенъ. И затѣмъ виновникъ торжества давалъ „зарокъ", что пить больше не станетъ, подписывался самъ, а за нимъ въ качествѣ свидѣтелей его обязательства—и всѣ участвовавшіе. Но такого рода мѣры не могли, конечно, помочь дѣлу. Сплошь и рядомъ бывало, что не успѣвалъ подписной листъ дойти въ консисторію, какъ

[1]) Истор. Моск. еп. упр., прим. ко II ч., I кн., стр. 84, прим. 296.
[2]) Истор. Моск. еп. упр., ч. I—III.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. XIX, № 13908.

подписавшагося приносили съ какой-нибудь „оказіи“ въ состояніи полнаго безчувствія. Тогда его заставляли давать вторую подписку, а черезъ нѣсколько времени его снова находили гдѣ-нибудь на ярмаркѣ—въ кругу веселыхъ собутыльниковъ [1]).

Съ поднятіемъ общаго уровня жизни духовенства достигается и нѣкоторое ослабленіе нетрезвости въ его средѣ. Во второй половинѣ XVIII в. количество дѣлъ о пьянствѣ въ консисторіяхъ, видимо, уменьшается. Драгоцѣнныя записки свящ. Матусевича даютъ намъ возможность видѣть, какъ постепенно освобождалось духовенство отъ этого порока, нужно сказать — общаго для всѣхъ общественныхъ классовъ того времени. Нѣкоторые священники сообща положенными зароками пытались обуздать свою наклонность къ пьянству. Матусевичъ съ однимъ священникомъ въ февралѣ 1778 г. „положили зарокъ оба на годъ не пить вина и пива въ компаніи, кромѣ въ домѣ и то одну передъ обѣдомъ“. Зарокъ, повидимому, соблюдался, потому что, когда черезъ годъ къ Матусевичу заѣхалъ одинъ священникъ и звалъ его въ кабакъ, то онъ наотрѣзъ отказался. Мало того: онъ заботился еще и объ отрезвленіи другихъ. Упоминая объ одномъ изъ своихъ путешествій въ городъ, онъ говоритъ: „взялъ діакона къ себѣ для истрезвленія и велъ пѣшкомъ“; черезъ полтора мѣсяца онъ отмѣчаетъ: „въ сіи дни діакона Воскресенскаго выгуливалъ, и куплено вина ему на 12 коп.“ [2]). Аббатъ Шаппъ д'Отерошъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. и указывавшій въ своихъ запискахъ на сильное пьянство въ средѣ духовенства, оговаривается, что не слѣдуетъ судить о всемъ русскомъ духовенствѣ по тѣмъ фактамъ, какіе онъ выставляетъ; ему встрѣтились во время путешествія и вполнѣ достойныя духовныя лица [3]).

А. И. Лотоцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) А. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, еп. переяславскій, 101—102.
[2]) „Русская Старина“, 1877 г., т. XIX, стр. 534.
[3]) „Восемнадцатый Вѣкъ“, т. IV, 334.

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія.

Среди дипломатическихъ вопросовъ, возникшихъ въ связи съ перипетіями Сѣверной войны, особое значеніе имѣлъ для русской политики такъ называемый голштинскій вопросъ, разбивавшійся, въ сущности, на два отдѣльныхъ — на вопросъ о правахъ герцога Карла-Фридриха голштинскаго, племянника Карла XII, на шведскую корону и на вопросъ объ удовлетвореніи территоріальныхъ претензій названнаго герцога послѣ того какъ Даніей были отняты у него принадлежащія ему шлезвигскія владѣнія. Избранный русскою дипломатіею какъ орудіе, прежде всего, въ цѣляхъ примиренія Россіи со Швеціей, голштинскій вопросъ не потерялъ такого своего значенія и послѣ заключенія Ништадтскаго мира. Происки самихъ голштинскихъ дипломатовъ, съ другой стороны, осложняли разрѣшеніе тѣхъ новыхъ задачъ, какія ставила себѣ въ это время Россія на Балтійскомъ морѣ. До конца царствованія Петра Великаго этимъ проискамъ не удалось вовлечь Россію въ политику приключеній, и государственная точка зрѣнія одерживала верхъ надъ личными и династическими соображеніями. Положеніе дѣлъ измѣняется послѣ его смерти и занятія престола Екатериною I, у которой сторонники герцога голштинскаго всегда находили поддержку. Охлажденіе къ герцогу всесильнаго Меншикова повлекло за собою крушеніе голштинскихъ замысловъ и положило конецъ замѣтному ихъ вліянію на русскую политику. Однако, и послѣ этого голштинскія симпатіи порою давали себя чувствовать въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ, и только принявъ во вниманіе эти симпатіи, мы можемъ вполнѣ правильно уяснить себѣ нѣкоторыя явленія русской дипломатической исторіи первой половины XVIII вѣка. Настоящій очеркъ и имѣетъ своею задачею нѣ-

сколько освѣтить взаимоотношеніе русской и голштинской дипломатіи во вторую половину царствованія Петра Великаго и въ годы правленія Екатерины I [1]).

Въ началѣ 1713 года шведская армія генерала Штейнбока, преслѣдуемая русскими и польскими войсками, перешла изъ предѣловъ шведской Помераніи во владѣніе герцога шлезвигъ-голштинскаго и по соглашенію съ принцемъ регентомъ, епископомъ любекскимъ, управлявшимъ герцогствомъ за малолѣтствомъ герцога Карла-Фридриха, нашла себѣ убѣжище въ шлезвигской крѣпости Теннингенъ. Со стороны Россіи, Даніи и Польши это было сочтено за нарушеніе герцогомъ голштинскимъ нейтралитета; датскія войска присоединились къ русско-польскимъ, осаждавшимъ Теннингенъ, и заняли шлезвигъ-голштинскія владѣнія, а это повлекло за собою оживленіе старой датско-голштинской распри, обусловленной династическими и территоріальными счетами. Въ исторіи дипломатическихъ отношеній, связанныхъ съ ходомъ Сѣверной войны, выступаетъ съ этого момента какъ новый самостоятельный факторъ голштинская политика. Этой политикѣ въ ближайшемъ будущемъ предстояло сыграть существенную роль и въ исторіи развитія отношеній Россіи къ ея западнымъ сосѣдямъ, и прежде всего къ Швеціи. Съ русско-шведскими отношеніями голштинская политика начинаетъ, правда, переплетаться нѣсколько позднѣе излагаемаго нами момента, съ 1720 г., когда былъ поставленъ на очередь, въ болѣе конкретныхъ формахъ, вопросъ о „сепаратномъ" примиреніи Россіи со Швеціей, независимо отъ ея союзниковъ. Однако, уже въ тѣхъ планахъ разрѣшенія шлезвигъ-голштинскаго вопроса, какіе въ 1713 году начинаютъ создаваться въ умѣ вдохновителя голштинской политики, бар. Герца и его сподвижниковъ, съ достаточною ясностью обрисовываются тѣ основанія, на которыхъ позднѣе голштинскіе дипломаты будутъ строить свою программу, стараясь воспользоваться для ея проведенія стремленіемъ Россіи войти въ болѣе тѣсное соглашеніе съ своею недавнею соперницею.

Къ началу 1713 года положеніе дѣлъ въ Германіи представлялось, какъ извѣстно, въ такомъ видѣ. Осажденная въ Теннингенѣ армія Штейнбока была послѣднею арміею, которою Швеція располагала въ Германіи. Лишенная этой арміи, Швеція переставала быть страшной для своихъ противниковъ, и вопросъ о раздѣлѣ ея герман-

---

[1]) Первыя двѣ главы настоящаго очерка представляютъ изъ себя выдержки изъ другого изслѣдованія о русской политикѣ на Балтійскомъ морѣ въ первую четверть XVIII столѣтія, подготовляемаго въ настоящее время авторомъ къ печати.

скихъ владѣній все болѣе и болѣе выступалъ на очередь. Фактически значительная часть этихъ владѣній была уже въ рукахъ союзниковъ. Въ то же время самъ Карлъ XII продолжалъ пребывать въ Турціи; недовольство на него въ Стокгольмѣ за его политику росло, и въ Швеціи начинали уже подумывать о будущей судьбѣ шведскаго престола.

Вопросъ о примиреніи Швеціи съ ея противниками къ 1713 г. точно такъ же поднимался уже нѣсколько разъ, какъ напримѣръ, на происходившемъ въ это время конгрессѣ въ Утрехтѣ, гдѣ и было выработано по этому поводу нѣсколько проектовъ. Радѣя, главнымъ образомъ, о голштинскихъ интересахъ, но стараясь придать имъ окраску общеевропейскаго дѣла, тогдашній министръ герцога голштинскаго, бар. Герцъ и пошелъ навстрѣчу всѣмъ этимъ проектамъ и выдвинулъ идею раздѣла балтійскаго побережья, построивъ на этомъ свой собственный планъ разрѣшенія шлезвигскаго вопроса.

Планъ его, имѣвшій, прежде всего, въ виду освобожденіе Шлезвига и Голштиніи отъ датскихъ войскъ, принялъ вслѣдствіе этого характеръ обширнаго проекта примиренія сѣверныхъ державъ между собою. Къ Россіи, по этому плану, должны были отойти Эстляндія, Ингрія, Корелія и Выборгъ, къ Даніи—Висмаръ и Бременъ, къ Польшѣ—Лифляндія; Августу II, какъ курфюрсту саксонскому, предназначался Штеттинъ и все, что будетъ занято въ Помераніи. Выполненіе этого плана Герцъ считалъ, однако, возможнымъ лишь при условіи удаленія со шведскаго престола Карла XII и передачи шведской короны его племяннику, герцогу голштинскому. Чтобы расположить въ пользу послѣдняго общественное мнѣніе въ Швеціи, онъ находилъ необходимымъ, чтобы союзники согласились на пропускъ въ Швецію арміи Штейнбока, которая должна была капитулировать и на реституцію герцогскихъ владѣній въ Шлезвигѣ и Голштиніи. Разрѣшеніе дипломатическаго осложненія, вызвавшаго къ жизни шлезвигскій вопросъ, входило, такимъ образомъ, лишь какъ одна изъ составныхъ частей въ первоначальный ланъ Герца и разсматривалось, прежде всего, какъ средство для упроченія голштинской династіи въ Швеціи. Голштинская политика на первыхъ же порахъ принимала характеръ опасной игры, результаты которой трудно было предугадать. Пускалась въ оборотъ мысль о возможности самыхъ различныхъ комбинацій при дѣлежѣ шведскихъ владѣній, а одновременно съ этимъ была сдѣлана попытка заручиться сочувственнымъ отношеніемъ ко всѣмъ этимъ планамъ и главнаго соперника Швеціи—Россіи. Вѣрно понимая значеніе, какое могла получить въ будущемъ для Россіи ея балтійская торговля, Герцъ указывалъ на возможность прорытія канала черезъ Шлезвигъ, который соединилъ бы Балтійское море съ Нѣмецкимъ, и на желательность брака между гер-

цогомъ голштинскимъ и старшею дочерью царя, Анною Петровною [1]).

Въ этихъ предложеніяхъ Герца мы находимъ уже тѣ мысли, которыя съ этого времени постепенно получаютъ все болѣе и болѣе полное развитіе въ послѣдующихъ голштинскихъ проектахъ. Это—мысль объ удовлетвореніи территоріальныхъ притязаній герцога въ связи съ раздѣломъ части шведскихъ владѣній, и мысль объ упроченіи въ Швеціи голштинской династіи, одновременно съ заключеніемъ родственнаго союза между герцогомъ и русскимъ царствующимъ домомъ.

Дальнѣйшая судьба этихъ предложеній бар. Герца для насъ въ данный моментъ интереса не представляетъ. Достаточно будетъ сказать, что непосредственный ихъ результатъ не отвѣчалъ тѣмъ надеждамъ, какія возлагалъ на нихъ ихъ авторъ. Переплетаясь съ выдвинувшимся на очередь въ это время вопросомъ о секвестраціи Помераніи, эти предложенія косвенно лишь содѣйствовали вмѣшательству въ Сѣверную войну Пруссіи и Ганновера, что давно уже входило въ разсчеты Петра Великаго, но что нимало не подвигало разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса въ желательномъ для голштинской дипломатіи направленіи. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ предложеніяхъ, Герцъ не потерялъ, однако, повидимому, надежды достичь примиренія Швеціи съ ея противниками и прежде всего съ Россіей. Подготовить почву для подобнаго примиренія было возложено на двухъ голштинскихъ дипломатовъ, появляющихся въ 1714 г. въ С.-Петербургѣ—секретаря епископа-регента Негелина, командированнаго самимъ герцогомъ, и пріѣхавшаго вслѣдъ за этимъ послѣднимъ гр. Бассевица.

Какихъ-либо особыхъ порученій по поводу шлезвигскаго дѣла, которое, въ сущности, и вовлекло скромный голштинскій дворъ въ водоворотъ общеевропейской политики, Негелину, какъ кажется, дано не было; ему вмѣнялось зато въ обязанность столковаться о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты сообща съ Россіей по вопросу о гарантіи въ будущемъ правъ герцога на шведскій престолъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи долженъ былъ быть, по мысли Герца, союзъ между царемъ и герцогомъ голштинскимъ, союзъ, при заключеніи котораго могли быть приняты, по его мнѣнію, во вниманіе и интересы русской торговли, и для упроченія котораго могъ служить бракъ герцога съ одною изъ дочерей царя [2]). Интересы герцога въ Швеціи выдвигались, такимъ образомъ, теперь въ первую очередь сравнительно съ его интересами въ Германіи. Обезпечивъ свои права на наслѣдованіе шведскаго престола, онъ можетъ съ большею настойчивостью домогаться

[1]) См. отдѣльные документы, помѣщенные въ „Архивѣ кн. Куракина" т. VII, стр. 28, 29, 46, 47—50, 61—67, 71, 77—79.

[2]) Eclaircissemens du comte Bassewitz (Büching's Magazin IX, 297).

возвращенія Шлезви и съ большею увѣренностью разсчитывать на удовлетвореніе этой претензіи—такъ понимался теперь голштинскій вопросъ самимъ Герцемъ и другими приближенными герцога Карла-Фридриха.

Этотъ новый оттѣнокъ голштинскихъ проектовъ особенно ясно обозначился въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ гр. Бассевицемъ. Отправившійся вскорѣ послѣ Негелина въ С.-Петербургъ, онъ не получилъ отъ Герца какихъ-либо новыхъ инструкцій, добавлявшихъ и видоизмѣнявшихъ по существу инструкціи, данныя Негелину. Мы затрудняемся даже сказать, была ли это поѣздка результатомъ желанія самого Петра Великаго и усиленныхъ просьбъ Герца въ виду неудачъ Негелина въ С.-Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ „Eclaircissemens"... [1]), или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ попыткою самого Бассевица — захватить въ свои руки дѣло, на которомъ онъ могъ проявить свои богатыя способности дипломата-прожектера и сдѣлать свою личную карьеру. Какъ бы то ни было, появившись въ Петербургѣ и найдя поддержку въ лицѣ одного только Меншикова, Бассевицъ проявилъ большую самостоятельность въ своей дипломатической дѣятельности и ушелъ далеко впередъ отъ началъ, намѣчаемыхъ Герцемъ.

Герцъ хлопоталъ о примиреніи Швеціи съ ея противниками. Бассевицъ старался предусмотрѣть, какая судьба постигнетъ шведскія провинціи, занятыя непріятелемъ, и что изъ этихъ провинцій Швеціи удастся сохранить за собою. Герцъ заботился объ упроченіи за герцогомъ права престолонаслѣдія въ Швеціи. Бассевицъ опредѣлялъ, къ чему сведутся въ данномъ случаѣ обязательства по отношенію къ герцогу его союзника, русскаго царя. Онъ выдвигалъ снова вопросъ о правѣ герцога на Шлезвигъ, предусматривалъ возможность упрека въ нарушеніи политическаго равновѣсія, разъ голштинскія и шведскія владѣнія объединятся подъ одною властью, и считалъ необходимымъ сдѣлать оговорку объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ другихъ державъ, кромѣ Россіи, такъ или иначе заинтересованныхъ въ исходѣ Сѣверной войны. Во всѣхъ перетасовкахъ, проектируемыхъ Бассевицемъ, трудно было разграничить, гдѣ кончалось стремленіе сократить по возможности

[1]) „Quoi qu'habile homme. Negelein n'y fit que de l'eau claire et ne pût même trouver entrée chez Menzikoff, qu'en s'annonçant pour le precurseur de Bassevitz. Ni le monarque, ni son favori ne daignerent s'ouvrir à lui le moins du monde et ce dernier ne cessait de presser la venue du ministre. Goerz enfin résolut de faire partir Bassevitz et lui déclara. Mais le même homme qui repondit gaiement aux instances que lui fit Menzikoff de bientôt le suivre, qu'il irait... refusa maintenant la difficile commission d'aller flechir le Czar et l'orgueilleux Goerz fut obligé de s'abbaisser aux priéres les plus pressantes. pour la faire accepter" (op. cit. 297).

тѣ потери, на которыя принуждена была бы пойти Швеція, и гдѣ начиналось желаніе обезпечить герцогу голштинскому выгодное вознагражденіе за Шлезвигъ. Шведскіе и голштинскіе интересы тѣсно переплетались другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнѣе указывались тѣ выгоды, которыя якобы должна была получить Россія, разъ этотъ планъ былъ бы приведенъ въ исполненіе.

По этому плану Петръ Великій долженъ былъ добиться возвращенія герцогу Шлезвига и содѣйствовать при заключеніи мира уступкѣ ему же тѣхъ изъ шведскихъ провинцій, которыя Россія не будетъ въ силахъ удержать за собою и не пожелаетъ вернуть обратно Швеціи. Съ другой стороны, онъ долженъ былъ принять на себя обязательство, въ случаѣ смерти шведскаго короля, стараться, чтобы шведскій престолъ перешелъ къ герцогу, и чтобы его наслѣдственныя земли соединились со шведскою короною. Если бы эти старанія увѣнчались успѣхомъ, Россіи представлялось удержать за собою или Лифляндію и Эстляндію, или Корелію и Ингрію отъ Выборга до Нарвы. Бракъ съ царевною Анною долженъ былъ состояться даже въ томъ случаѣ, если бы герцогу не удалось добиться шведскаго престола, разъ только ему былъ бы возвращенъ Шлезвигъ. Черезъ шлезвигскія земли долженъ былъ быть проведенъ каналъ, который позволилъ бы русскимъ торговымъ судамъ миновать Зундъ и избѣгнуть необходимости уплачивать пошлину Даніи.

Обстоятельства не благопріятствовали немедленному осуществленію мысли о союзномъ соглашеніи между Россіей и герцогомъ голштинскимъ. Россія не обнаруживала искренняго намѣренія вступить въ мирные переговоры со Швеціей и готовилась къ экспедиціи въ Сконе, которая по мысли Петра Великаго, повидимому, должна была рѣшить судьбу внѣскандинавскихъ владѣній Швеціи. Съ другой стороны, армія Штейнбока къ этому времени капитулировала, Теннингенъ былъ занятъ датчанами, а вмѣстѣ съ этимъ въ руки датскаго правительства попали нѣкоторыя бумаги, оставшіяся въ крѣпости послѣ ухода Штейнбока и обнаружившія двойственную политику епископа-регента, вступившаго черезъ Герца въ переговоры съ союзниками и въ то же время поддерживавшаго дружественныя сношенія со Швеціей. Голштинская дипломатія была скомпрометтирована въ глазахъ русскаго правительства. Бассевицъ получилъ очень сдержанный отвѣтъ на свои предложенія и долженъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Къ исходу 1714 г., съ другой стороны, послѣ возвращенія Карла XII въ Штральзундъ, и бар. Герцъ оставляетъ голштинскую службу и перебирается въ Швецію. Интересы герцога голштинскаго попадаютъ съ этого времени въ руки Бассевица, но на первыхъ порахъ отъ него всѣ сторонятся, какъ отъ опаснаго дипломатическаго авантюриста. На нѣкоторое время онъ

стушевывается, чтобы въ болѣе благопріятный моментъ снова появиться на политическомъ горизонтѣ. Такой моментъ насталъ къ началу 1720 года.

Многое къ этому времени успѣло перемѣниться. Присутствіе русскихъ войскъ въ Германіи и неопредѣленный характеръ отношеній русскаго правительства къ герцогамъ голштинскому и мекленбургскому порождали охлажденіе между Россіей и ея союзниками, главнымъ образомъ, Даніей и Ганноверомъ, и заставляли послѣднихъ тревожиться за свои собственныя владѣнія. Продолжающіеся успѣхи Россіи на Балтійскомъ морѣ уже послѣ того, какъ было сокрушено могущество Швеціи, выдвигали на очередь вопросъ о новомъ доминатѣ на Сѣверѣ. Эти успѣхи затрогивали торговые интересы Англіи, и уже одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ вызывалъ серьезныя размышленія въ англійскихъ политическихъ сферахъ. Охлажденіе отношеній между Россіей и Ганноверомъ, соединеннымъ съ Англіей династическимъ единствомъ, могло лишь поддержать тревоги и опасенія англійскаго правительства. Изъ-за борьбы Россіи со Швеціей начинаетъ обрисовываться болѣе грандіозное по своему значенію англо-русское соперничество; вмѣсто шведскаго короля русскому правительству приходится теперь считаться съ болѣе внушительнымъ противникомъ—англо-ганноверскою дипломатіею. Старанія этой послѣдней скоро увѣнчались успѣхомъ, и уже къ началу 1717 года Петръ Великій принужденъ былъ вывести свои войска изъ Германіи, почти совершенно порвавъ съ своими союзниками.

Мирное разрѣшеніе сѣвернаго вопроса во всей его совокупности при такихъ условіяхъ дѣлались почти невозможнымъ. Разрѣшеніе въ ту или другую сторону каждаго отдѣльнаго спорнаго пункта въ этомъ вопросѣ ставило, въ концѣ-концовъ, на очередь другой, еще болѣе жгучій вопросъ—о соперничествѣ тѣхъ державъ, которыя прежде всего выигрывали отъ крушенія шведскаго могущества. Послѣ паденія шведской гегемоніи передъ Европой открывалась дилемма гегемоніи на сѣверѣ Россіи или Англіи. Не борьба съ истощенною и обезсиленною Швеціею, но привлеченіе ея на свою сторону въ качествѣ второстепенной силы, которая можетъ оказаться пригодной въ борьбѣ съ главнымъ соперникомъ—такова мысль, которою постепенно начинаютъ проникаться и Англія, и Россія. Идея сепаратнаго мира со Швеціей, какъ первый шагъ къ дальнѣйшему, болѣе тѣсному сближенію съ нею, входитъ мало-по-малу въ обращеніе какъ въ русскихъ, такъ и въ англо-ганноверскихъ правительственныхъ сферахъ, а одновременно съ этимъ теряетъ постепенно свой кредитъ и мысль о „генеральномъ“ примиреніи на Сѣверѣ. Соперничество англійскаго короля и русскаго царя создавало въ данномъ случаѣ благопріятное положеніе для Швеціи. Избравъ путь выжидательной политики, она начинаетъ одновременно мирные переговоры съ обоими противниками.

Результатомъ такихъ переговоровъ съ Россіей и было открытіе въ маѣ 1718 г. совѣщаній на Аландскихъ островахъ, гдѣ встрѣтились прежній вдохновитель голштинской политики, бар. Герцъ и восходящее свѣтило русской дипломатіи, бар. А. И. Остерманъ. Не приведшее къ какимъ-либо реальнымъ результатамъ, аландское совѣщаніе имѣетъ большое принципіальное значеніе въ исторіи развитія русско-шведскихъ отношеній и англо-русскаго дипломатическаго соперничества. *Союзъ* со Швеціей и необходимость создать для Швеціи территоріальный *эквивалентъ*—вотъ тѣ двѣ идеи, какія были формулированы на Аландскомъ конгрессѣ русскими дипломатами, и прежде всего Остерманомъ, и какія съ этого времени дѣлаются руководящими началами балтійской политики этого послѣдняго.

Къ осени 1718 г. Россія была уже наканунѣ мирнаго и союзнаго договора со Швеціей, цѣлью котораго должны были быть совмѣстныя военныя дѣйствія въ Сѣверной Германіи. Эти дѣйствія должны были быть направлены противъ Георга I, какъ курфюрста ганноверскаго, и имѣли своею цѣлью прежде всего принудить его къ уступкѣ Швеціи Бремена и Вердена. Получивъ эти области, Швеція должна была примириться съ уступкою Россіи не только Ингріи и Кореліи, но и Эстляндіи и Лифляндіи. Не нарушая своихъ добрыхъ отношеній съ Даніей, Петръ Великій обязывался не мѣшать Швеціи принудить свою сосѣдку очистить Померанію и возвратить герцогу голштинскому Шлезвигъ; но если бы Швеція пожелала возмѣстить за счетъ датскихъ владѣній свои собственныя потери на остзейскомъ побережьѣ, то это возмѣщеніе могло быть произведено только за счетъ Норвегіи. Смерть Карла XII (конецъ 1718 г.) и послѣдовавшія за нею событія въ Швеціи прервали эти переговоры.

Эти переговоры могли, конечно, лишь усилить ту тревогу и тѣ подозрѣнія, какія давно уже возбуждала къ себѣ въ Европѣ политика Россіи. Еще въ 1717 г. союзъ, заключенный между Англіей, Франціей и Голландіей, имѣлъ уже, между прочимъ, въ виду аггресивную политику Петра Великаго. Новый союзъ, заключенный въ январѣ 1719 г. между германскимъ императоромъ, Англіей и Саксоніей, болѣе непосредственно задѣвалъ интересы Россій и шелъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, какія были предъявлены Россіей во время ея предшествующихъ мирныхъ переговоровъ со Швеціей. Къ сентябрю 1719 г., при дѣятельномъ участіи англійской дипломатіи, былъ заключенъ миръ между Швеціей и Ганноверомъ, при чемъ Швеція должна была, конечно, согласиться на уступку Бремена и Вердена. Въ теченіе первой половины 1720 г. состоялось, при посредствѣ Англіи, и примиреніе съ Пруссіей и Даніей, причемъ послѣдняя должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ завоева-

ній въ послѣднюю войну, но вернула себѣ право взимать зундскую пошлину со шведскихъ судовъ и получила отъ Англіи и Франціи гарантію на занятый ею Шлезвигъ. Еще въ январѣ 1720 г. Англія заключила союзъ со Швеціей, цѣлью котораго было содѣйствіе Швеціи въ возвращеніи Эстляндіи и Лифляндіи, а къ осени 1720 г. наступилъ и окончательный разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Англіей. Начинаютъ распространяться слухи о новой готовящейся противъ Россіи коалиціи. Возможность для Россіи прійти, въ свою очередь, къ какому-либо мирному соглашенію со Швеціей при такихъ условіяхъ, конечно, сильно затруднялась. Мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи съ Россіей теряла также свой кредитъ въ шведскихъ правительственнхxъ сферахъ; она сохраняется лишь у приверженцевъ голштинской партіи, попавшей теперь въ Швеціи въ положеніе партіи, обойденной и оппозиціонной по отношенію къ новому шведскому правительству.

Послѣ смерти Карла XII шведскіе государственные чины, обойдя сына старшей сестры Карла XII, герцога голштинскаго, предложили корону младшей сестрѣ покойнаго короля Элеонорѣ-Ульрикѣ, занявшей, такимъ образомъ, престолъ не по праву наслѣдованія, но въ силу избранія. Когда въ мартѣ 1720 г. Элеонора-Ульрика отказалась отъ короны въ пользу своего мужа, Фридриха Гессенъ-Кассельскаго, королевская власть въ Швеціи подверглась новымъ ограниченіямъ, но вопросъ о наслѣдникѣ престола былъ оставленъ государственными чинами, вопреки надеждамъ голштинской партіи, снова открытымъ. Разсчитывая на поддержку Англіи, новый шведскій король не прочь былъ, повидимому, заключить миръ съ Россіей на возможно выгодныхъ условіяхъ для Швеціи и тѣмъ снискать себѣ популярность среди населенія, истощеннаго двадцатилѣтнюю войною. Сознавая, что имъ будетъ гораздо труднѣе достичь какихъ-либо результатовъ, разъ Швеція примирится съ своимъ послѣднимъ противникомъ, герцогъ голштинскій и его сторонники въ Швеціи рѣшились предупредить шведское правительство связать свое дѣло съ тѣми требованіями, которыя не задолго до того предъявлялъ Швеціи Петръ Великій. Не дожидаясь какихъ-либо опредѣленныхъ шаговъ со стороны Россіи, они поспѣшили первые пойти съ нею на сближеніе. Въ руки Петра Великаго въ критическую для него минуту шло, такимъ образомъ, оружіе, которое, будучи успѣшно примѣнено, могло оказаться далеко не лишнимъ. Прибывшаго въ 1720 г. въ С.-Петербургъ Штамбке встрѣтилъ уже совершенно иной пріемъ, чѣмъ тотъ, который выпалъ въ 1715 г. на долю Бассевица [1]).

---

[1]) Совершенно произвольно утвержденіе Eclaircissemens... о томъ, что уже въ это время (лѣто 1720 г.) съ русской стороны были попытки привлечь на

Значеніе гр. Бассевица, какъ среди сторонниковъ въ Швеціи, такъ и среди его приближенныхъ, успѣло къ этому времени точно также сильно возрасти. Когда шли аландскіе переговоры, сторонники герцога въ Швеціи шли не за Бассевицемъ, но за Герцемъ, не раздѣлявшимъ излишнихъ увлеченій новаго министра герцога, и относившимся отрицательно къ нему и какъ къ личности, и какъ къ политическому дѣятелю. Радѣя объ интересахъ герцога при дворѣ Карла XII, Герцъ считалъ необходимымъ до поры до времени отдѣлять вопросъ о голштинской „сукцессіи" отъ вопроса о примиреніи Швеціи съ Россіей. Положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось послѣ смерти Карла XII и послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ казни Герца. Потерявши въ лицѣ послѣдняго своего вдохновителя и руководителя, осиротѣвшіе приверженцы герцога въ Швеціи должны были съ тѣмъ большимъ упованіемъ смотрѣть на того, отъ кого зависѣло въ это время направленіе голштинской политики. Кредитъ Бассевица долженъ былъ возрасти; осторожнѣе будетъ сказать—приверженцы герцога вынуждены были довѣрить ему свои интересы, хотя, быть можетъ, и не были вполнѣ солидарны съ нимъ въ своихъ интересахъ. Голштинская программа къ которой примкнули теперь шведскіе приверженцы герцога и которою, въ своихъ интересахъ, старалось теперь воспользоваться русское правительство, и была извѣстная уже намъ программа гр. Бассевица, намѣченная имъ еще въ 1715 г. и получившая теперь свое дальнѣйшее развитіе.

Въ декабрѣ 1720 г. царь далъ понять Штамбке, что онъ готовъ поддерживать голштинскія притязанія въ Швеціи, и что для этого было бы желательно присутствіе въ С.-Петербургѣ самого герцога. Ободренный этимъ предложеніемъ, Штамбке въ совѣщаніи съ Остерманомъ изложилъ, съ своей стороны, тѣ основанія на которыхъ, по его мнѣнію, было бы возможно связать удовлетвореніе интересовъ герцога съ дѣломъ русско-шведскаго примиренія. Сравнительно съ планомъ Бассевица 1715 г. настоящій планъ Штамбке представлялъ изъ себя дальнѣйшее развитіе голштинской программы, своеобразно комбинировалъ въ то же время шведскія и голштинскія пожеланія и высказывался въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе опредѣленно. Полагая по-прежнему въ основу соглашенія брачный союзъ герцога съ царевною Анною, Штамбке прямо указываетъ, что приданое невѣсты должны составить Эстляндія и Лифляндія съ городами Реве-

---

свою сторону герцога (op. cit. IX, 329). То, что авторъ „Eclaircissemens"... сообщаетъ подъ видомъ *русскихъ* предложеній, сдѣланныхъ герцогу въ Вѣнѣ генераломъ Вейсбахомъ, оказывается въ дѣйствительности *голштинскимъ* предложеніемъ, которое было сдѣлано Вейсбаху самимъ Бассевицемъ. (Срав. Соловьевъ IV, 530).

лемъ и Ригою [1]). Выступая съ подобнымъ предложеніемъ, онъ не скрываетъ при томъ, что подобное разрѣшеніе вопроса, при удовлетвореніи притязаній герцога на шведскій престолъ, есть лишь первый шагъ къ возсоединенію впослѣдствіи названныхъ провинцій со Швеціей. Это не должно, однако, пугать Россію: когда съ Божіею помощью герцогъ достигнетъ шведскаго престола, Россію и Швецію будутъ соединять узы, болѣе тѣсныя, чѣмъ простой союзный договоръ: обѣ державы будутъ во всѣхъ случаяхъ неразрывно держаться другъ друга (in allen Verfallenheiten ohnzertrennlich bei einander halten). Изъ-за мысли о союзѣ Россіи и Швеціи начинаетъ проглядывать мысль о русско-шведской династической уніи [2]).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что эти переговоры Штамбке съ русскимъ правительствомъ, повидимому, входили въ общую болѣе сложную программу дѣйствія голштинскаго кабинета. Почти одновременно съ этимъ въ Вѣнѣ съ голштинской стороны шведскому уполномоченному бар. Гепкену было сдѣлано предложеніе, стоявшее, очевидно, въ связи съ тѣми пунктами, которые Штамбке были выработаны въ это время въ Петербургѣ. Это предложеніе открывало призрачныя перспективы на возвращеніе Швеціи Лифляндіи и даже части Эстляндіи, но обусловливало все это значительными уступками въ пользу герцога со стороны правящаго въ Швеціи королевскаго дома.

Въ январѣ 1721 г. послѣдовало царское приглашеніе герцогу—сдѣланное въ самыхъ любезныхъ и многозначительныхъ выраженіяхъ—лично прибыть въ Россію, и сопоставляя эти событія, нельзя не сознаться, что моментъ для оффиціальнаго выраженія голштинскихъ симпатій былъ выбранъ Петромъ Великимъ чрезвычайно удачно [3]). Молва не замедлила поставить голштинскіе происки въ болѣе тѣсную связь съ русскою политикою, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Упорно держались, едва-ли не распускаемые самими голштинскими дипломатами, слухи о намѣреніи царя произвести съ помощью голштинской партіи новый государственный переворотъ въ Швеціи, и сами приверженцы герцога воспрянули духомъ и снова настойчиво

---

[1]) Это приданое не должно разсматривать въ планѣ Штамбке, какъ эквивалентъ за утраченный герцогомъ Шлезвигъ. Германскихъ отношеній герцога Штамбке вообще не затрогиваетъ вовсе; перечисляя выгоды, которыя представляетъ для самой Швеціи возстановленіе на престолѣ голштинской линіи, онъ, однако, замѣчаетъ: „Es würde auch noch wol ferner in Consideration kommen, dass die Accession der Hertzogthümer Schleswig und Holstein den Verlust von Brehmen und Verden wieder gut machen könnte“.

[2]) Московскій Архивъ М. И. Д.; Дѣла голштинскія 1720 г. № 3.

[3]) Пригласительная грамота Петра Великаго къ герцогу отъ 16 янв. 1721 г. С.-Петербургъ (черновикъ)—Дѣла голштинскія 1721 г. № 3; отвѣтная грамота герцога 28 февр. 1721 г. Бреславль—Ibid. № 2.

предъявили шведскому правительству прежнія требованія—провозгласить герцога наслѣдникомъ престола и признать за нимъ право на королевскій титулъ. Стремленіе сохранить свой собственный престижъ среди населенія, истомленнаго войною, и не дать своимъ противникамъ окончательно поднять голову заставляло короля Фридриха спѣшить съ заключеніемъ мира съ Россіей, понуждало соглашаться на предъявленныя въ Ништадтѣ требованія, пока возможно было еще отклонить какія-либо попытки съ русской стороны, направленныя въ пользу герцога. Со времени появленія голштинскаго двора въ Петербургѣ, шведскіе уполномоченные въ Ништадтѣ становились все уступчивѣе и уступчивѣе [1]). Новое оружіе въ рукахъ русскаго правительства сослужило на первыхъ порахъ полезную службу.

Обоюдоострый характеръ этого оружія давалъ, однако, уже порою себя чувствовать. Перебираясь въ Петербургъ, голштинскій дворъ привозилъ съ собою и всѣ свои планы и происки и дѣлалъ изъ новой русской столицы исходный центръ своей политики приключеній. Съ герцогомъ пріѣзжалъ его первый министръ, Бассевицъ, по собственному признанію, не всегда умѣвшій молчать, и больше дѣлавшій, чѣмъ говорившій, Геспенъ. Вмѣстѣ со Штамбке они вступаютъ въ новые оживленные переговоры съ русскимъ правительствомъ, прямое продолженіе голштинскихъ предложеній конца 1720 г., переговоры, осложнявшіе въ данный моментъ работу русской дипломатіи и отвлекавшіе ее отъ ея главной цѣли. Упреждая событія, голштинскіе министры требуютъ помощи герцогу противъ Даніи и заводятъ переговоры съ датскимъ уполномоченнымъ въ Россіи, Вестфаленомъ о вознагражденіи герцога за Шлезвигъ изъ другихъ владѣній датской короны; они выражаютъ желаніе, чтобы герцогу было позволено тотчасъ же заявить въ Швеціи, что признаніе за нимъ его правъ на шведскій престолъ повлечетъ за собою возвращеніе Швеціи нѣкоторыхъ изъ остзейскихъ провинцій. Они усиленно стараются придать самую широкую огласку своимъ притязаніямъ и кричать объ успѣхѣ даже тогда, когда на дѣлѣ все сводилось лишь къ вѣжливой дипломатической отпискѣ со стороны русскаго правительства [2]).

Тревога о голштинскихъ проискахъ въ Петербургѣ быстро начала распространяться по Европѣ и скоро возымѣла свое дѣйствіе, прежде

---

[1]) Кампредонъ 14-го марта 1721 г.—Сборникъ Р. И. О. XL, 195—196. Ходъ мирныхъ переговоровъ въ Ништадтѣ — Malmström Sveriges politiska historia I 305—333 и Соловьевъ IV, 601—607.

[2]) Конференціи въ Коллегіи Ин. Дѣлъ съ голштинскими министрами за іюль—сентябрь 1721 г. и промеморіи, поданныя ими за это время.—Дѣла голштинскія 1721 г. № 5. О переговорахъ Бассевица съ Вестфаленомъ — Holm Danmark-Norges Historie I, 23—24.

всего—въ Даніи и Швеціи. Сумѣвъ воспользоваться, какъ мы это сейчасъ видѣли, этими происками, русское правительство поставлено было въ необходимость если не итти на уступки, то во всякомъ случаѣ считаться съ нѣкоторыми изъ такихъ запросовъ иностранныхъ державъ, самая постановка которыхъ до заключенія мира со Швеціей была для него преждевременна.

Эти происки, правда, не оказали какого-либо значительнаго вліянія на дѣло примиренія съ самой Швеціей. Мало того, ссылаясь на полную невозможность подымать въ данный моментъ вопросъ объ интересахъ герцога и въ то же время всячески обнадеживая этого послѣдняго обѣщаніями относительно дальнѣйшаго будущаго, не выпуская его изъ своихъ рукъ, но обходя полнымъ молчаніемъ голштинскій вопросъ въ Ништадтѣ, Петру Великому удалось не только добиться отъ Швеціи всѣхъ предъявленныхъ имъ требованій, но и гарантировать себя на будущее время, хотя и не въ достаточно рѣшительной формѣ отъ исполненія тѣхъ изъ голштинскихъ притязаній, которыя шли въ разрѣзъ съ русскими интересами. Имѣемъ въ виду внесенную въ § 4-й ништадтскаго мирнаго трактата оговорку о томъ, что всѣ уступленныя Швеціи провинціи „имѣютъ вѣчно Россійскому Государству присоединены быть и пребывать" [1]).

Иначе обстояло дѣло съ Даніей. Еще въ апрѣлѣ 1721 г. датское правительство старалось воспрепятствовать браку герцога голштинскаго съ одною изъ дочерей царя и требовало отъ Россіи такой же гарантіи на владѣніе Шлезвигомъ, какая была уже получена Даніей отъ Англіи и Франціи. Только благодаря энергичной политикѣ въ Копенгагенѣ А. Бестужева удалось оставить до поры до времени

---

[1]) Врядъ-ли возможно объяснять эту оговорку одними *польскими* притязаніями на Лифляндію, какъ это дѣлаетъ Соловьевъ (IV, 614). Изъ замѣчанія на § 4-й п. Брюса и Остермана, приводимаго тутъ же Соловьевымъ, видно, что эта оговорка являлась лишь смягченною редакціею первоначальнаго обязательства со стороны Петра въ томъ, что уступленныя ему провинціи никогда не будутъ переданы имъ никому другому, обязательство, на внесеніи котораго настаивало русское правительство, противъ котораго была Швеція и которое, по вѣрному замѣчанію самого Соловьева (ibid. 600), имѣло въ виду герцога голштинскаго. Malmström, приводя дословный текстъ первоначальной редакціи „лифляндской клаузулы", даетъ болѣе полное объясненіе: „det icke var för Sveriges eller konung Frederiks säkerhet, som de yrkat på klausulen, utan att tzaren hade sina egna afsigter därmed. Dessa afsigter varo tydligen dels att skada Konung Frederik, dels att afskära de förhoppningar om Livland, som tzaren måhända gifvit hertigen af Holstein, och do förpliktelser, som han iklädt sig att förena samma land med Polen" (I, 329, 339). Мы, съ своей стороны, склонны думать, что въ 1721 г. русское правительство, приводя оговорку о Лифляндіи, имѣло въ виду прежде всего голштинскіе происки и гораздо менѣе безпокоилось о польскихъ притязаніяхъ на названную область.

*

этотъ вопросъ открытымъ и не вступать въ какіе-либо опредѣленные переговоры раньше времени—раньше того момента, когда для Россіи открылась бы возможность предъявить Даніи тѣ требованія, для достиженія которыхъ самая поддержка шлезвигскихъ притязаній герцога должна была сыграть такую же роль угрозы, которую играли теперь, въ моментъ примиренія со Швеціей, его претензіи на шведскую корону. Разумѣемъ требованіе объ освобожденіи русскихъ судовъ отъ уплаты пошлины въ Зундѣ [1]).

Все это должно было наводить на размышленія, особенно въ виду того, какъ были встрѣчены голштинскія притязанія въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ Петербурга. Для самого Петра Великаго они оставались, конечно, лишь орудіемъ. Не всѣ изъ его приближенныхъ, выражая сочувствіе герцогу, руководились, однако, въ данномъ случаѣ соображеніями государственной пользы. Герцъ въ 1713 г. и Бассевицъ въ 1715 г. встрѣчали содѣйствія со стороны одного Меншикова; теперь мысль о сближеніи съ герцогомъ начинаетъ увлекать самоё государыню. Благорасположенная къ шведской націи, стремясь путемъ брака съ герцогомъ одной изъ своихъ дочерей создать болѣе опредѣленное положеніе для себя и для своего семейства, она старается склонить на свою сторону кое-кого изъ приближенныхъ царя, кто могъ бы имѣть непосредственное вліяніе на направленіе русской политики, какъ, напр., Толстого и Шафирова.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что въ продолженіе Сѣверной войны голштинскія притязанія пережили нѣкоторую эволюцію. Начавъ съ вопроса о вознагражденіи герцога за отнятыя отъ него шлезвигскія владѣнія, голштинская дипломатія постепенно выдвигаетъ на первую очередь вопросъ о правахъ герцога на шведскую корону. На этой почвѣ ея стремленія переплетаются съ русскою политикою примиренія со Швеціей. Къ мысли о союзѣ Россіи со Швеціей стараются пристегнуть мысль о бракѣ герцога съ дочерью русскаго царя, а вопросъ объ эквиваленціи Швеціи за уступленныя ею Россіи остзейскія провинціи не всегда достаточно опредѣленно разграничивается отъ вопроса о Шлезвигѣ. Правда, до заключенія Ништадтскаго мира, голштинскія притязанія не оказали еще какого-либо реальнаго воздѣйствія на русскую политику. Голштинское вліяніе успѣло уже, однако,

[1]) Копенгагенъ; Государств. Архивъ. Forhandlinger med russiske Ministre 1701—1730.

пустить корни въ русскихъ правительственыхъ сферахъ. Послѣ 1721 г. передъ Россіей открывались новыя болѣе широкія задачи на Балтійскомъ морѣ. Можно было опасаться, что разрѣшеніе этихъ задачъ будетъ осложняться подобнымъ вліяніемъ, и что мысль о необходимости поддерживать голштинскія притязанія сдѣлается своего рода традиціею русской дипломатіи, и будетъ оставаться въ силѣ даже тогда, когда условія, ея породившія отойдутъ уже въ прошлое.

Послѣ Ништадтскаго мира не наступили для Россіи дни отдыха и покоя. Завоеваніе не столько приносило непосредственные плоды, сколько открывало заманчивыя широкія перспективы. Одержанная надъ врагомъ и соперниками военная и дипломатическая побѣда укрѣпляла въ надеждѣ на возможность проведенія и болѣе широкой дипломатической программы, которая соотвѣтствовала бы достоинству новаго европейскаго государства. Упроченіе за Россіею, новою великою державою Сѣвера, вліянія на всемъ протяженіи Балтійскаго побережья, примиреніе съ Англіей на возможно болѣе выгодныхъ и почетныхъ условіяхъ,—вотъ главныя руководящія начала той программы, съ которой Петръ Великій выступаетъ на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадтскаго мира. Въ примѣненіи къ условіямъ даннаго времени это приводило къ стремленію заручиться союзомъ со Швеціей, низведенной на степень второстепенной державы, и поддерживать притязанія двухъ прибалтійскихъ герцоговъ, болѣе другихъ пострадавшихъ отъ Сѣверной войны и вызванныхъ ею дипломатическихъ осложненій—голштинскаго и мекленбургскаго; къ противодѣйствію ганноверской политикѣ короля Георга I, что ослабляло значеніе на континентѣ Англіи и могло заставить ее быть болѣе податливой въ вопросѣ о примиреніи.

Новая балтійская программа Россіи слагалась, такимъ образомъ, изъ старыхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь еще до окончанія Сѣверной войны. На первый взглядъ это—какъ бы послѣднія разрозненныя вспышки все той же дипломатической борьбы Россіи съ Европою, которая не закончилась одновременно съ окончаніемъ русско-шведскаго конфликта. Освобожденіе русскихъ торговыхъ кораблей отъ уплаты пошлины при проходѣ черезъ Зундъ и оба Бельта, требованіе, предъявленное Петромъ Великимъ Даніи тотчасъ послѣ окончанія Сѣверной войны и стоявшее въ непосредственной связи съ заботами царя о торговомъ процвѣтаніи вновь завоеваннаго края, ставило новой программѣ и новую очередную задачу. Это требованіе объединило входившіе въ составъ этой программы отдѣльные вопросы, создавая изъ нихъ новыя комбинаціи, а всей программѣ придавало характеръ новаго дѣла, начало котораго только полагалось, а конечные результаты скрывались въ отдаленномъ будущемъ.

Голштинскія притязанія на Шлезвигъ обращались, при такихъ условіяхъ, въ орудіе угрозы противъ Даніи, лицомъ къ лицу съ которой стояла теперь Россія, выйдя побѣдительницею изъ своей борьбы со Швеціей. Поддерживая, въ то же время, сторонниковъ герцога голштинскаго въ Швеціи, русское правительство создавало тѣмъ самымъ доброжелательную для себя партію среди шведскаго населенія, съ помощью которой и удалось провести къ началу 1724 г. русско-шведское союзное соглашеніе. Непосредственною цѣлью этого соглашенія, по мысли петровской дипломатіи, должно было быть, между прочимъ, удовлетвореніе все тѣхъ же шлезвигскихъ притязаній герцога Карла-Фридриха, которымъ съ русской стороны стараются придать теперь окраску общеевропейскаго дѣла. Объ удовлетвореніи этихъ притязаній оффиціальные представители Россіи начинаютъ хлопотать и въ Стокгольмѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, попутно съ переговорами о заключеніи новаго союзнаго трактата съ Франціей и о присоединеніи къ русско-шведскому союзу Австріи. Являясь при дворѣ германскаго императора защитницею голштинскихъ и отчасти мекленбургскихъ интересовъ, русская дипломатія ставитъ себѣ при этомъ цѣлью прежде всего подорвать въ Германіи значеніе и вліяніе Ганновера. Склоняясь къ примиренію съ Англіей, о чемъ особенно хлопотала Франція, и къ чему, казалось, начала проявлять больше склонности послѣ заключенія русско-шведскаго союза и сама Англія, Россія старается добиться, хотя бы въ замаскированномъ видѣ, уничтоженія гарантіи на Шлезвигъ, данной обѣими названными державами Даніи въ 1720 году. Новая угроза противъ послѣдней, заставлявшая ее сдѣлаться болѣе податливой въ ея собственныхъ переговорахъ съ Россіей о зундской пошлинѣ!

Непосредственные переговоры Россіи съ Даніей по поводу зундской пошлины и подготовка одновременно съ этимъ русско-шведскаго союза, вопросъ о примиреніи съ Англіей и „шлезвигское дѣло“ въ связи съ переговорами о союзѣ съ Франціей и Австріей,—вотъ главные моменты балтійской политики Россіи въ послѣдніе годы петровскаго царствованія.

Не останавливаясь подробно на всѣхъ этихъ моментахъ, отмѣтимъ лишь, что въ зундскомъ вопросѣ передъ русскимъ правительствомъ открывались два возможныхъ пути дѣйствія. Первый—путь прямого непосредственнаго давленія на датское правительство. Использованныя, какъ орудіе угрозы, голштинскія притязанія на Шлезвигъ теряли, при такомъ способѣ дѣйствія, всякую цѣнность для русскаго правительства, какъ только была бы достигнута главная цѣль: добившись отъ Даніи освобожденія русскихъ судовъ отъ уплаты пошлины въ Зундѣ, съ нею можно было заключить соотвѣтствующій договоръ,

и даже, быть можетъ, гарантировать ей обладаніе Шлезвигомъ. На такой точкѣ зрѣнія стоялъ, между прочимъ, и тотъ изъ русскихъ дипломатовъ, который первый далъ опредѣленную формулировку зундскому вопросу, считая его главною очередною задачею для русской дипломатіи, послѣ окончанія Сѣверной войны, русскій резидентъ въ Копенгагенѣ Алексѣй Бестужевъ [1]).

Разсчитывать на скорое проведеніе такой программы въ данный моментъ было, однако, не легко. Англійское вліяніе, столь сильное въ Копенгагенѣ послѣ заключенія Даніей Фридериксборгскаго мира, и личный составъ совѣтниковъ и приближенныхъ короля Фридриха IV создавали для этого крайне неблагопріятную почву. Въ большинствѣ случаевъ мекленбургскіе уроженцы, уже въ силу одного этого рѣзко настроенные противъ русскаго царя, и родственники въ то же время второй супруги датскаго короля Фридриха IV, бывшей изъ шлезвигскаго дворянскаго рода Ревентловъ, всѣ эти лица примыкали тѣмъ самымъ къ фракціи шлезвигскаго дворянства, сочувственно встрѣтившей присоединеніе Шлезвига къ Даніи. Неблагопріятное само по себѣ для Россіи, подобное сочетаніе условій ухудшалось еще болѣе вслѣдствіе близкихъ личныхъ отношеній ко всѣмъ этимъ лицамъ гр. Ботмара, ганноверскаго резидента при копенгагенскомъ дворѣ, нашедшаго въ „ревентловскомъ кружкѣ“ благопріятную почву для проведенія своей политической программы. Ревностный сторонникъ идеи ганноверскаго могущества, сыгравшій видную роль въ утвержденіи за курфюрстомъ Георгомъ англійскаго престола, гр. Ботмаръ являлся въ данное время однимъ изъ главныхъ представителей анти-русскаго направленія въ европейской дипломатіи, работалъ надъ популярною въ то время въ Даніи мыслью объ англо-датскомъ сближеніи и особенно старался придать этому сближенію руссофобскій характеръ. Отклонять датское правительство отъ всего, что могло бы быть истолковано въ смыслѣ уступокъ Россіи, и проводить, между прочимъ, для этого на видные государственные посты голштинскихъ и мекленбургскихъ уроженцевъ, отстраняя коренныхъ датчанъ, входило прежде всего въ программу Ботмара. Поддерживать доброе согласіе съ Англіей прежде всего ради столь дорогой для Даніи англійской гарантіи на Шлезвигъ, добиваться, правда, по возможности, такой же гарантіи отъ Россіи, но въ то же время положить преграду дальнѣйшимъ замысламъ царя на Балтійскомъ морѣ, связавъ ему руки торговымъ и союзнымъ трактатомъ— такова была политическая программа голштинцевъ и мекленбурж-

---

[1]) См. *нашу* замѣтку „Изъ переписки дипломатовъ петровскаго времени“ въ Сборникѣ „Петръ Великій“ Спб. 1903 г.

цевъ „ревентловскаго кружка“, менѣе всего склонныхъ искать какого-либо сближенія съ Россіей.

Вотъ почему сдѣлавши послѣ Ништадтскаго мира нѣсколько попытокъ добиться непосредственно отъ Даніи удовлетворенія выставленнаго имъ требованія, русское правительство скоро оставляетъ подобный путь дѣйствія и мало-по-малу переходитъ на другой, болѣе окольный, хотя и ведшій къ той же цѣли. Такимъ путемъ былъ путь заключенія союзнаго соглашенія со Швеціей, соглашенія, однимъ изъ условій котораго была бы совмѣстная поддержка со стороны Россіи и Швеціи, герцога голштинскаго въ тѣхъ же его шлезвигскихъ притязаніяхъ. Разъ заключенный, подобный союзъ самъ по себѣ сталъ бы уже первою брешью въ шведско-датскомъ мирномъ трактатѣ, по которому Швеція обязалась не вмѣшиваться въ голштинскія отношенія Даніи. Притязанія герцога на Шлезвигъ, при такомъ способѣ дѣйствія, выдвигались, какъ общеевропейскій вопросъ. Лишить Данію увѣренности въ силѣ англо-французской гарантіи и для этого сблизиться съ Франціей и примириться черезъ нее съ Англіей дѣлалось новою очередною задачею политики Россіи на Балтійскомъ морѣ послѣ того, какъ былъ бы заключенъ союзъ со Швеціей. На путь проведенія подобной программы и переходитъ постепенно русское правительство въ періодъ времени въ концѣ 1721 по начало 1724 г. Дѣятельнаго помощника въ этомъ отношеніи оно нашло въ лицѣ своего представителя въ Стокгольмѣ, старшаго Бестужева, Михаила.

Братья Бестужевы, быть можетъ, ревнивѣе всѣхъ другихъ сотрудниковъ Петра Великаго на дипломатическомъ поприщѣ стояли на стражѣ русскихъ государственныхъ интересовъ и послѣ Ништадтскаго мира энергично выдвигали на первую очередь новыя задачи Россіи и на Балтійскомъ морѣ. Мысль о совмѣстной политикѣ братьевъ Бестужевыхъ за это время невольно приходитъ на умъ, когда вчитываешься въ ихъ реляціи и переписку съ петербургскимъ дворомъ, полную не только интересныхъ свѣдѣній, но и общихъ соображеній, а порою и рѣзкой критики на дѣйствія самого русскаго правительства. Въ различіи ихъ дипломатической тактики сказывается, однако, и разница между ними, обусловленная ихъ положеніемъ и личнымъ характеромъ. Поставленный въ центръ болѣе сложныхъ отношеній, натура болѣе гибкая, Михаилъ Бестужевъ имѣлъ возможность въ Стокгольмѣ уяснить себѣ болѣе отчетливо положеніе дѣлъ во всей совокупности; онъ быстрѣе эволюціонировалъ въ своихъ взглядахъ, чѣмъ его братъ, и постепенно, въ зависимости отъ измѣнявшихся условій минуты, усваивалъ себѣ болѣе сложную политическую программу, воспринимаемую и самимъ петербургскимъ кабинетомъ.

Лицомъ къ лицу съ непосредственною очередною задачею Россіи на Балтійскомъ морѣ въ Копенгагенѣ, болѣе непреклонный и менѣе податливый въ своихъ излюбленныхъ руководящихъ началахъ, Алексѣй Бестужевъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ петровскаго царствованія оставался вѣренъ той точкѣ зрѣнія на Зундскій вопросъ, какая была имъ усвоена осенью 1721 г. По-прежнему ему представлялось наиболѣе желательнымъ и возможнымъ окончить зундское дѣло непосредственнымъ соглашеніемъ Россіи съ Даніей „противъ полученія гарантіи на Шлезвигъ и въ коммерціи нѣкоторыхъ авантажей“ [1]).

Хотя русско-датскія отношенія и выдвигаются на первый планъ послѣ 1721 года, главнымъ пунктомъ дипломатической борьбы на Балтійскомъ морѣ для русской политики и въ то время дѣлается поэтому не Копенгагенъ, но Стокгольмъ.

Сближеніе Россіи со Швеціей, подготовлявшееся уже въ послѣдніе годы Сѣверной войны, послѣ Ништадтскаго мира идетъ своимъ чередомъ, параллельно съ охлажденіемъ отношеній между Россіей и Даніей. Упрочить въ Швеціи русское вліяніе, предупреждая всякую возможность ея сближенія съ Англіей, и привлечь ее на свою сторону, не давая въ то же время оправиться вполнѣ отъ только-что пережитаго кризиса—таковы руководящія начала шведской политики Петра Великаго въ послѣдніе годы его царствованія. Примирившись со Швеціей въ 1721 г., мы заключаемъ съ нею въ 1724 г. оборонительный союзъ, въ которомъ, дѣйствительно, были оговорены притязанія герцога голштинскаго на Шлезвигъ. Борьба въ Швеціи политическихъ партій, результатъ того почти республиканскаго режима, какой утвердился въ этой странѣ съ 1720 г., облегчая возможность поддерживать въ ней состояніе политической дезорганизаціи, создавала почву для подобнаго сближенія.

Стремленія самого герцога голштинскаго шли въ данномъ случаѣ, въ другомъ отношеніи на встрѣчу русской политикѣ. Заключенію союза 1724 г., имѣвшему въ виду притязанія на Шлезвигъ, въ значительной степени способствовали другія притязанія герцога—наслѣдованіе шведской короны. Сдержанно относясь до поры до времени къ проектамъ немедленнаго удовлетворенія герцога въ Германіи, Россія иначе отнеслась въ это время къ непрекращавшимся стараніямъ голштинской дипломатіи — добиться признанія суверенныхъ правъ герцога въ Швеціи и тѣмъ реабилитировать его въ глазахъ шведскаго общественнаго мнѣнія. Поддержка голштинской партіи въ Швеціи входитъ въ разсчеты Россіи и какъ противовѣсъ абсолютиче-

[1]) Реляц. А. Бестужева 29-го декабря 1723 г.

скимъ проискамъ самого шведскаго короля, стремившагося опереться на Англію, и какъ средство сближенія съ самою Швеціею. Признаніе со стороны шведскаго короля королевскаго титула за герцогомъ, одновременно съ признаніемъ императорскаго титула за русскимъ царемъ, признаніе наслѣдственныхъ правъ герцога на шведскую корону, союзный договоръ Россіи и Швеціи — главные моменты въ исторіи этого сближенія.

Русская политика на Балтійскомъ морѣ и голштинская находятъ, такимъ образомъ, въ это время точки соприкосновенія помимо шлезвигскихъ претензій герцога. Исторія ихъ взаимоотношеній послѣ Ништадтскаго мира и до смерти Петра Великаго и распадается естественно на два вопроса: вопросъ о заключеніи русско-шведскаго союзнаго договора 1724 г. и вопросъ о совмѣстной политикѣ Россіи и Швеціи, главнымъ образомъ, въ послѣдній годъ петровскаго царствованія, въ цѣляхъ удовлетворенія герцога, какъ князя германской имперіи.

Руководящія начала новой шведской политики Россіи и ея стремленіе взять въ свои руки голштинскую программу и пользоваться ею въ зависимости отъ настроенія общественнаго мнѣнія въ Швеціи съ достаточною ясностью были развиты въ инструкціи Михаилу Бестужеву, данной ему при его назначеніи въ Швецію. Пріѣхавъ въ Стокгольмъ, Бестужевъ долженъ былъ начать хлопоты о примиреніи герцога съ королемъ, указывая, при этомъ, что герцогъ самъ выражаетъ на это склонность, разъ за нимъ будетъ признанъ королевскій титулъ. Шведскому правительству должно было быть поставлено на видъ, что только при такихъ условіяхъ возможно думать и о сближеніи со Швеціей самой Россіи—завѣтная мечта царя—и надѣяться, что герцогъ „чрезъ грамоту его королевское величество за короля признаетъ и поздравитъ и потомъ особое посольство къ нему отправитъ и всѣ ссоры прекратитъ“; въ противномъ случаѣ можно-де опасаться, что распря между королемъ и герцогомъ приведетъ къ самымъ непредвидѣннымъ и нежелательнымъ для Швеціи послѣдствіямъ. Съ другой стороны, М. Бестужеву предписывалось зорко слѣдить, не будетъ ли самъ король во время предстоящаго сейма дѣлать какихъ-либо попытокъ утвердить королевское достоинство за гессенъ-кассельскимъ домомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, не дѣлая оффиціальнаго представленія, онъ долженъ былъ указать благорасположеннымъ къ Россіи сенаторамъ на пагубность для Швеціи подобнаго рода попытокъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ болѣе энергичному заступничеству за интересы герцога и противодѣйствію проискамъ короля, М. Бестужевъ долженъ былъ собрать точныя свѣдѣнія о положеніи и сравнительной силѣ различныхъ политическихъ

партій и выяснить, „како которая партія толкують и разсуждають о учиненномъ между Е. И. В. и Швеціей трактатѣ вѣчнаго мира и которымъ изъ оныхъ сей миръ пріятенъ или противенъ, и къ чему ихъ разсужденія о томъ клонятся и кто изъ нихъ склоненъ къ сторонѣ Е. И. В-ва".

М. Поліевктовъ.

Опечатка. Въ декабрьской книжкѣ подъ статьею: „Изъ моихъ воспоминаній" должна быть подпись—**Невѣдомская дю Норъ.**

Къ біографіи цесаревича Константина.

Личность цесаревича Константина далека еще до полнаго освѣщенія исторической наукой. Трудъ Карповича, даже въ позднѣйшемъ изданіи (съ поправками Н. К. Шильдера), при безпристрастной его оцѣнкѣ, можетъ быть признанъ только эпизодическимъ. Поэтому имѣютъ значеніе всякаго рода историческіе матеріалы, относящіеся къ уясненію характера Константина Павловича. Приводимые ниже матеріалы заимствованы, за исключеніемъ одного изъ приказовъ цесаревича по польскимъ войскамъ; этихъ приказовъ, въ полномъ комплектѣ, нѣтъ даже въ печатныхъ копіяхъ ни въ одномъ петербургскомъ архивѣ; многія же выписки сдѣланы съ рукописныхъ подлинныхъ приказовъ, хранящихся въ одномъ изъ внѣ-петербургскихъ архивовъ.

М. С.

I.

Пожалованіе цесаревичу золотого палаша [1]). Государь императоръ, въ ознаменованіе благоразумныхъ распоряженій и отличнаго мужества, кои ваше императорское высочество явили въ 13 день марта сего года въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ вашему высочеству золотой палашъ, алмазами украшенный, съ надписью времени и мѣста, на коемъ происходило оное сраженіе.

Отнесясь къ министру финансовъ о доставленіи онаго палаша, когда изготовленъ будетъ, для представленія вашему императорскому высочеству, я непремѣнною обязанностію себѣ поставляю донесть о томъ вашему высочеству [2]).

---

[1]) Отношеніе управляющаго военнымъ министерствомъ цесаревичу 17 іюня 1814 г.

[2]) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ — былъ первымъ генералъ-адъютантомъ изъ лицъ августѣйшаго дома. За отсутствіемъ въ архивахъ послужного списка цесаревича, мнѣ не удалось установить въ теченіе трехлѣтнихъ

Объявленіе войскамъ о Семеновской исторіи. Объявляя по войскамъ польскимъ и литовскому корпусу высочайшій приказъ отъ 2 ноября о семеновской исторіи, цесаревичъ Константинъ 21 ноября 1820 г. отдалъ нижеслѣдующій приказъ (№ 264): Объявляя о семъ по высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что оныя примутъ происшествіе сіе съ прискорбіемъ и особенно какъ случившееся въ такомъ полку, который, будучи изъ первыхъ въ россійской лейбъ-гвардіи, долженствовалъ бы служить примѣромъ благоустройства прочимъ полкамъ, при чемъ долгомъ поставляю присовокупить, что токмо отъ неумѣнія полкового командира поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи и гг. офицеровъ обращаться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться могутъ происходить таковыя вредныя происшествія. Для того гг. начальники частей и всѣ гг. офицеры должны непрестанно обращать на важнѣйшій предметъ сей воинской службы тщательное вниманіе и всемѣрно наблюдать каждый по долгу своему, въ чемъ состоитъ обязанность младшаго предъ старшимъ и взаимный долгъ старшаго къ младшему и удостовѣряться, какія отъ несоблюденія должной субординаціи и неумѣнія заставлять себѣ повиноваться могутъ быть пагубныя послѣдствія. Я нахожу необходимымъ и желаю того, дабы непремѣнно внушено было гг. офицерамъ о ихъ обязанностяхъ и что служба состоитъ не въ томъ только, чтобы умѣть прокомандовать во фронтѣ, а потомъ болѣе ничѣмъ уже не заниматься; напротивъ, она требуетъ усерднаго и единодушнаго исполненія общей обязанности и дальнѣйшаго вниманія на прочія части не такъ, чтобъ капитанъ съ однимъ только фельдфебелемъ занимался своею ротою, но чтобъ и офицеры основательно каждый своею частію во всей подробности и были всѣ вообще ему совершенными помощниками, ротные командиры таковыми своему баталіонному командиру сіи же помощниками и самою подпорою полковому своему командиру При таковомъ бдительномъ исполненіи каждаго своего долга и совершенномъ знаніи каждаго своей части не можетъ быть допущенъ ни малѣйшій безпорядокъ, ибо, когда единодушно всѣ о сохраненіи общаго благоустройства тщательно пекутся и гдѣ въ полной мѣрѣ все сіе наблюдается, малѣйшее отступленіе отъ постановленныхъ правилъ не можетъ произвесть дальнѣйшихъ или важныхъ за собою послѣдствій, но въ то же время исправляются и приводится по-прежнему въ порядокъ. Въ заключеніе же сего я могу присовокупить, что къ исполненію каждаго своей обязанности наиглавнѣйшимъ пра-

---

розысковъ даты этого пожалованія. По этой же причинѣ всякая отмѣтка о полученіи цесаревичемъ высочайшей награды имѣетъ значеніе, какъ дающая матеріалъ для его послужного списка.

виломъ есть священное и безропотное повиновеніе и кто взаимно оное испытаетъ, тотъ, конечно, будетъ умѣть обходиться съ подчиненными и заставитъ ихъ взаимно себѣ повиноваться.

Благодарность императрицы Маріи Өеодоровны по войскамъ [1]). Получивъ отъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Феодоровны высочайшее повелѣніе объявить совершенное ея величества удовольствіе всѣмъ войскамъ, которыхъ парадъ 17 числа сего мѣсяца ея величество изволила удостоить своимъ присутствіемъ, спѣшу тѣмъ болѣе изъявить имъ сей лестный и отличный знакъ милостиваго благоволенія ея величества, что, будучи свидѣтелемъ общаго желанія оказаться достойными вниманія августѣйшей матери наилучшаго изъ монарховъ, знаю несомнѣнно, съ какою радостью узнаютъ они, что въ полной мѣрѣ оправдали ожиданія ея величества.

Исполняя симъ высочайшее повелѣніе государыни императрицы я бы лишилъ самого себя величайшаго удовольствія, если бы вмѣстѣ не изъяснилъ въ семъ приказѣ во всемъ пространствѣ того пріятнаго чувства, которое произвело во мнѣ дѣйствительно совершенное состояніе, въ каковомъ войска сіи представились предъ ея величествомъ. Хвалить все въ частности значило бы ослаблять выраженіе чувства, произведеннаго во мнѣ исправностію въ цѣломъ, которая удовлетворила бы самаго строгаго знатока и которая, превзойдя все, что смѣлъ я себѣ обѣщать, оставила мнѣ пожелать только одного присутствія всемилостивѣйшаго нашего Государя: но я столько имѣлъ случаевъ увѣриться въ духѣ, оживляющемъ всѣ сіи войска, что знаю несомнѣнно, что въ сей день, усугубляя свои усилія, они должны почувствовать, что исполненіемъ моихъ желаній не могли дать пріятнѣйшаго доказательства ихъ ревности къ службѣ и неограниченной вѣрноподданической преданности къ нашему монарху. Я служу 24 года и могу сказать, что рѣдко видѣлъ таковое устройство войскъ, какъ вообще, такъ и въ подробности во всѣхъ отношеніяхъ. Благодарю за сіе войска: они превзошли мои ожиданія. Имъ извѣстна моя откровенность, и объявляю сіе торжественно; я болѣе въ сердцѣ чувствую всю ихъ ревность, нежели изъяснить могу. Вотъ плоды дѣятельности и неутомимости вообще всѣхъ чиновъ. Польская армія вспомнитъ, что сей приказъ отдается ровно черезъ четыре года по прибытіи моемъ въ царство Польское, когда она составляла только одни разметанные остатки. Безъ офицеровъ, какихъ мы имѣемъ счастіе имѣть, ничто не было бы сдѣлано. Я долженъ имъ моею

---

[1]) Приказъ 13/25 сентября 1817 г. № 118.

признательностью и смѣю надѣяться, что они сдѣлають мнѣ честь, повѣрять, что я больше, нежели сколько могу выразить, умѣю цѣнить ихъ; въ успѣхѣ ихъ стараній и трудовъ могутъ полагать причину моего счастія, видя ихъ въ состояніи, достойномъ ихъ самихъ и націи, столь примѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ.

Отличное устройство, неутомимые труды и усердіе отряда россійскихъ гвардейскихъ войскъ, служившаго примѣромъ для польской арміи, при начальномъ ея образованіи, въ которомъ я не вижу ничего другого, какъ, вообще и поодиночкѣ, ревностныхъ себѣ помощниковъ, никогда не изгладятся изъ моей памяти и на всю жизнь мою останутся во мнѣ съ признательностію запечатлѣнными.

Мѣры для поддержанія дисциплины [1]). Замѣтилъ я съ нѣкотораго времени, что, когда начальникъ, подходя къ фронту и привѣтствуя людей: здорово, ребята! обыкновенный ихъ на это отвѣтъ: здравія желаемъ! (такому-то) мало-по-малу измѣнился въ нѣкоторый родъ почти непонятнаго восклицанія, равно, когда начальникъ, будучи доволенъ и въ изъявленіе своей благодарности, говоритъ: хорошо, ребята, или, спасибо, ребята! они такимъ же невнятнымъ образомъ отвѣчаютъ: рады стараться! отчего и происходитъ, что слова, принятыя между начальникомъ и войскомъ въ изъявленіи удовольствія и въ отвѣтъ благодарности, со временемъ дѣлаются пустыми звуками, которые солдатъ произноситъ, не соединяя съ оными никакого значенія, точно также, какъ бы онъ дѣлалъ ружейный пріемъ.

Я люблю единообразіе. Отъ этого зависитъ исправность и точность въ службѣ, но не могу одобрить онаго тамъ, гдѣ оно совершенно противно цѣли, ибо тогда сіе единообразіе дѣлается столь же вреднымъ, сколько оно полезно при умѣстномъ соблюденіи онаго. На сей конецъ предписываю, что, когда начальникъ будетъ привѣтствовать солдатъ или изъявлять свое удовольствіе вышесказанными словами, то вмѣсто того, чтобъ произносить невнятный общій крикъ, они должны отвѣчать коротко, но ясно и каждый особенно тѣми словами, какія въ таковыхъ случаяхъ приняты въ употребленіи и безъ крику.

Я замѣтилъ еще, что большая часть унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, когда являются или рапортуютъ, думаютъ, что должны исполнить сіе съ крикомъ. Разстояніе между принимающимъ являющихся и рапортующихъ такъ мало, что нѣтъ никакой нужды кричать, дабы быть услышанному. Таковая неумѣстная и даже смѣшная принужденность не можетъ быть терпима въ службѣ, въ коей все должно имѣть свою причину и свою цѣль. Вслѣдствіе чего предписывается гг. начальникамъ частей обучать унтеръ-офицеровъ и солдатъ яв-

[1]) Приказъ 19-го ноября 1823 года.

ляться и рапортовать голосомъ обыкновеннымъ, безъ принужденія и крику, что и должно быть непремѣнно исполняемо со дня полученія сего приказа.

Часто случается, что караульные у въѣздовъ унтеръ-офицеры, которымъ приказано спрашивать имена у пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ, дѣлаютъ сіе съ нѣкоторою грубостію и громкимъ голосомъ. Ни въ какомъ случаѣ обязанности службы не могутъ дать солдату права на такое обращеніе. И потому, предписываю гг. начальникамъ частей строго подтвердить, чтобы караульные при въѣздахъ спрашивали проѣзжающихъ учтиво, безъ крику и грубости, и что, когда они говорятъ съ лицами, коихъ наружность показываетъ отличіе, то должны начинать вопросы: имѣю честь спросить и пр. Гг. караульные у въѣздовъ офицеры обязаны наблюдать съ точностію, чтобы унтеръ-офицеры исполняли здѣсь предписанное и подвергнутся отвѣтственности за несоблюденіе онаго.

Выговоръ за утайку неисправности [1]). Съ 29-го на 30-е числа марта сего года изъ Виленской городской больницы бѣжали изъ-подъ караула Литовскаго пѣхотнаго полка семь арестантовъ. Я, не имѣвши тогда о семъ донесенія, требовалъ свѣдѣнія, почему о таковомъ происшествіи ни отъ кого не было мнѣ донесено. По произведенному о семъ изслѣдованію оказалось, что сдѣлалъ въ томъ упущеніе командиръ 3-го баталіона означеннаго полка, подполковникъ Маркіяновичъ, который не только бригадному, но и полковому командиру не донесъ объ ономъ, а отъ сего произошло то, что не знали объ означенномъ происшествіи дивизіонный, корпусный командиры и я, покуда не сообщилъ мнѣ о томъ, по донесенію начальства внутренней стражи, исправляющій должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества.

За таковое упущеніе порядка службы, относящееся къ стыду, полковника Маркіяновича, потому что онъ, какъ видно, не хотѣлъ вышесказанное происшествіе сдѣлать извѣстнымъ, а желалъ скрыть оное предъ начальствомъ, я дѣлаю ему строжайшій выговоръ, объявляя о семъ по высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ.

Необходимость осмотрительности при назначеніи ротныхъ командировъ [2]). Читая приказъ, отданный въ отдѣльный литовскій корпусъ, командиромъ онаго, генералъ-лейтенантомъ Довре 18 августа за № 13 въ подтвержденіе таковаго же приказа, отъ

[1]) 21-го іюня 1823 года.

[2]) Приказъ 1-го сентября 1821 г., № 171.

11 декабря прошлаго 1820 г, за № 14, насчетъ состоящихъ въ полкахъ неисправныхъ и недостойныхъ къ командованію ротами капитановъ и штабсъ-капитановъ, что не только изъ старыхъ по нынѣ оставлены таковые въ полкахъ вопреки предписанію, но и оказались изъ послѣдне-произведенныхъ въ штабсъ-капитаны, четверо такихъ достоинствъ, что одинъ—неспособенъ, другой—не твердъ въ фронтовой службѣ, третій—слабъ въ командованіи и неаккуратенъ въ денежныхъ счетахъ, а послѣдній—нерадивъ и безпеченъ; съ каковыми пороками не только не слѣдовало бъ ихъ аттестовать къ производству, но и оставлять въ полку по силѣ приказа 11-го декабря, которымъ предписано таковымъ объявить, чтобъ они просили увольненія отъ службы и впредь ихъ не терпѣть, ненадежныхъ же поручиковъ обходить чинами, и потому генералъ-лейтенантъ Довре повторяетъ о строгомъ исполненіи вышеупомянутаго приказа. Я, съ своей стороны, все оное утверждаю и объявляю ему, г. генералъ-лейтенанту Довре, совершенную мою благодарность за таковое его попеченіе къ устройству войскъ и распоряженіе насчетъ недостойныхъ командовать ротами капитановъ и штабсъ-капитановъ, съ каковымъ распоряженіемъ я, будучи согласенъ, и самъ имѣя сіе всегда въ предметѣ, подтверждаю все оное исполнять и буде впредь гдѣ бы оказался кто по подобнымъ порокамъ недостойнымъ командовать ротою, таковому тотчасъ отказывать отъ командованія и доносить мнѣ съ описаніемъ всего, почему именно онъ не достоинъ, для всеподданнѣйшаго представленія государю императору о удаленіи изъ службы, за чѣмъ и предписываю имѣть неослабное наблюденіе гг. дивизіоннымъ и бригаднымъ командирамъ. Въ противномъ же случаѣ, ежели будетъ оное упущено, не оставлю на терпящихъ таковое послабленіе обратить должное взысканіе.

Запрещеніе набивать ранцы соломою [1]). Замѣтивъ неоднократно, что у нижнихъ чиновъ ранцы, вмѣсто положенныхъ въ оныхъ вещей, наполняются, вопреки неоднократно отданныхъ отъ меня насчетъ сего приказаній и противу самыхъ правилъ службы, соломою или сѣномъ, подкладывая лубки для обманчиваго вида, я строго и настоятельнымъ образомъ запрещаю отнюдь впредь сего не дѣлать и чтобы ни подъ какимъ видомъ въ оныхъ ничего не было, кромѣ положенныхъ вещей, уложенныхъ, какъ слѣдуетъ; но ежели и можно позволить имѣть въ ранцѣ еще нѣкоторыя вещи сверхъ положенныхъ, то не иначе, какъ такія, которыя полезны для солдата, какъ-то: рубашки, панталоны суконныя или лѣтнія, сапоги или башмаки, носки

[1]) Приказъ 11-го іюля 1818 г., № 73.

или портянки, а отнюдь не ненужныя, которыя его безполезно отягощать могутъ, что самое относится и до чемодановъ и укладки въ оные въ кавалеріи, и, ежели и за симъ подтвержденіемъ я, паче чаянія, замѣчу противное, то тогда обращу всю строгость взысканія съ гг. начальниковъ частей.

Запрещеніе назначенія адъютантами однофамильцевъ начальникамъ [1]). Г. начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Волконскій увѣдомилъ меня, что по случаю сдѣланнаго представленія о назначеніи къ командиру 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Наумову въ адъютанты Ярославскаго пѣхотнаго полка, поручика Наумова, который хотя и однофамилецъ дивизіонному командиру, но не родственникъ, Государь Императоръ, не изъявивъ согласія на таковое назначеніе поручика Наумова, Высочайше повелѣть соизволилъ: не представлять и впредь въ адъютанты къ генераламъ такихъ офицеровъ, кои, хотя и не родственники онымъ, но имѣютъ одинакія съ ними фамиліи, ибо подъ симъ можетъ скрываться и родство, а родственниковъ, какъ извѣстно, воспрещено представлять въ адъютанты [2]).

М. Соколовскій.

---

[1]) Приказъ 13-го марта 1820 г. № 51.

[2]) Это запрещеніе имѣло мѣсто до 1854 г., когда послѣдовалъ 30-го іюня слѣдующій приказъ военнаго министра за № 71:

„Дополненіемъ къ 762 статьѣ I-й книги, 2-й части свода военныхъ постановленій, по 7-му продолженію, воспрещено генераламъ входить съ представленіями о назначеніи къ нимъ адъютантами офицеровъ изъ родственниковъ или однофамильцевъ.

Нынѣ Государю Императору благоугодно было повелѣть: постановить правиломъ, чтобы въ адъютанты не назначались только родственники генераловъ, такъ какъ многіе однофамильцы не состоятъ вовсе между собою въ родствѣ“.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

АНАТОЛІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ
КОНИ.

Digitized by Google

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

Я пріѣхалъ въ Старогладовскую въ исходѣ мая, цѣлъ и невредимъ, но нѣсколько грустно настроенный [2]); приглядѣлся къ образу жизни Николеньки и познакомился съ обществомъ офицеровъ. Здѣшній образъ жизни, какъ мнѣ показалось, не особенно привлекателенъ, и страна далеко не такъ красива, какъ я ожидалъ. Такъ какъ станица расположена на низменности, то нѣтъ никакого вида; вдобавокъ у насъ помѣщеніе плохое и полное отсутствіе комфорта. Что касается офицеровъ, то они, какъ вы можете себѣ представить, очень мало образованы, но за всѣмъ тѣмъ люди очень порядочные и, главное, очень любятъ Николеньку.

Его начальникъ, Алексѣевъ, невысокаго роста, бѣлокурый, нѣсколько рыжеватый господинъ съ усами и бакенбардами, говоритъ пронзительнымъ голосомъ, онъ—хорошій христіанинъ, напоминаетъ отчасти А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Затѣмъ В., молоденькій офицерикъ, почти ребенокъ, славный малый, напоминаетъ Петрушу. Старый капитанъ Бѣлковскій, изъ уральскихъ казаковъ, простой, но благородный, храбрый и добрый старый служака. Надобно сознаться, въ началѣ мнѣ многое не нравилось въ ихъ обществѣ, но теперь я свыкся съ этими господами, хотя дружбы съ ними не вожу. Мнѣ удалось взять вѣрный тонъ, безъ излишней гордости

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1907 г.
[2]) Письмо къ Т. А. Ергольской.

и фамильярности. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ оставалось только подражать Николенькѣ" [1]).

Пробывъ короткое время въ Старогладовской, Л. Н. отправился вмѣстѣ со своимъ братомъ въ укрѣпленный лагерь Старый-Юртъ, устроенный для больныхъ въ Горячеводскѣ, откуда онъ писалъ Т. А. Ергольской въ іюлѣ мѣсяцѣ 1851 г.:

„Николенька отправился (въ Старый Юртъ) недѣлю спустя послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы живемъ тутъ уже почти три недѣли и помѣщаемся въ палаткѣ; но такъ какъ погода хороша и я свыкаюсь мало-по-малу съ этимъ образомъ жизни, то я чувствую себя прекрасно. Здѣсь есть великолѣпные виды, начиная съ того мѣста, гдѣ находятся источники. Это огромная гора, на которой нагромождены камни; нѣкоторые изъ нихъ скатились и образовали пещеры, другіе нависли на громадной высотѣ. Всѣ эти камни размыты потоками горячей воды, ниспадающей съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; верхняя часть горы, особенно по утрамъ, бываетъ окутана бѣлымъ паромъ, который подымается безостановочно отъ этой горячей воды. Она такъ горяча, что въ ней варятъ яйца въ три минуты. Посреди этого оврага, на главной скалѣ, очень своеобразно и живописно построены, одна надъ другой, три мельницы. Выше и ниже этихъ мельницъ, татарки цѣлыми днями моютъ бѣлье. Надобно сказать, что онѣ моютъ его ногами, и это дѣлаетъ впечатлѣніе кишащаго муравейника. Женщины, по большей части, красивы и хорошо сложены. Одежда восточныхъ женщинъ, при всей бѣдности, граціозна. Живописныя группы, которыя онѣ образуютъ, и дикая красота мѣстности составляютъ по истинѣ восхитительное зрѣлище. Я нерѣдко часами любуюсь этой картиной. Видъ на вершину горы еще восхитительнѣе, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Однако, я боюсь наскучить вамъ своими описаніями.

Я очень доволенъ тѣмъ, что попалъ на воды, такъ какъ пользуюсь ими; я беру желѣзистыя ванны и не чувствую теперь боли въ ногахъ. У меня всегда былъ ревматизмъ, а во время нашего путешествія водою я, кажется, еще болѣе простудился. Я рѣдко такъ хорошо чувствовалъ себя, какъ теперь, и несмотря на жару, много двигаюсь.

Офицеры ведутъ здѣсь тотъ же образъ жизни, о которомъ я вамъ писалъ; ихъ здѣсь много, я со всѣми перезнакомился, и наши отношенія сложились такъ же, какъ и въ станицѣ" [2]).

„11-го іюня 1851 г. Старый Юртъ [3]).

„Прошлую ночь я почти не спалъ. Пописавъ немного свой дневникъ, я сталъ молиться. Невозможно описать, какое сладостное чув-

[1]) Оригиналъ письма на французскомъ языкѣ.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски

[3]) Изъ дневника.

ство я испытывалъ въ это время. Прочитавъ обычныя молитвы, я долго еще послѣ того молился. Если опредѣлять молитву какъ прошеніе или благодареніе, то я не молился. Я желалъ чего-то очень большого, прекраснаго, но чего именно? не могу сказать, хотя я сознаю ясно, что я чего-то желалъ. Я хотѣлъ слиться съ безконечнымъ существомъ, я просилъ его простить мнѣ мои прегрѣшенія. Нѣтъ, я объ этомъ не просилъ, такъ какъ я чувствовалъ, что, давъ мнѣ эту минуту счастья, онъ уже простилъ меня. Я молился и, въ то же время, чувствовалъ, что мнѣ нечего сказать, что я не могу и не смѣю молиться. Я благодарилъ его мысленно, а не словами. Молитва и благодарность сливались въ одно чувство. Всякій страхъ исчезъ. Вѣра, надежда, любовь,—все слилось въ одномъ общемъ чувствѣ. Да, то, что я испыталъ вчера, это была любовь къ Богу, та великая любовь къ Богу, которая соединяетъ въ себѣ все хорошее, въ которой нѣтъ мѣста чему-либо дурному. Какъ мнѣ было тяжко окинуть взоромъ все низкое, порочное въ жизни! Я не могъ понять, какъ все это могло привлекать меня. Я отъ души молилъ Бога принять меня въ свое лоно. Я не чувствовалъ своей плоти. Я былъ... но нѣтъ, плотское, низменное снова взяло верхъ и не далѣе, какъ часъ спустя, почти безсознательно я прислушивался снова къ голосу порока и житейской суеты. Я зналъ, откуда исходитъ этотъ голосъ, я зналъ, что онъ разрушаетъ мое счастье. Я боролся и палъ въ этой борьбѣ; я уснулъ, мечтая о славѣ и женщинахъ. Но я не виноватъ, это было сильнѣе меня.

Здѣсь, на землѣ, вѣчное счастье невозможно. Необходимо страдать. За что? не знаю. Какъ осмѣлился я сказать, что я этого не знаю? Какъ осмѣлился я подумать, что можно постичь неисповѣдимые пути Провидѣнія? Оно есть источникъ разума, а разумъ хочетъ постигнуть... Разсудокъ теряется въ безднѣ премудрости, и чувство боится оскорбить его. Я благодарю Бога за эту минуту счастья, за то, что Онъ показалъ мнѣ мое ничтожество и мое величіе. Я хочу молиться, но не умѣю, я хочу понять, но не смѣю. Предаю себя волѣ Твоей!

Къ чему я пишу все это! Какъ выраженіе моихъ чувствъ ничтожно, слабо, безтолково, а чувства эти были такъ велики".

2-го іюля.

„Сейчасъ, переживая мысленно всѣ непріятныя минуты жизни, которыя припоминаются мнѣ только по ночамъ, я подумалъ: нѣтъ, въ жизни слишкомъ мало отраднаго, чтобы любить ее... Человѣкъ слишкомъ склоненъ мечтать о счастьѣ, а судьба зачастую наноситъ зря слишкомъ тяжелые удары, затрогиваетъ самыя чувствительныя струны. А потомъ я почувствовалъ, что въ этомъ равнодушіи жизни есть нѣчто отрадное и великое, и я наслаждался этимъ сознаніемъ, хотя

я считаю себя сильнымъ, готовымъ на всякую случайность, въ твердой увѣренности, что здѣсь, на землѣ, нечего ждать, кромѣ смерти. А сейчасъ я думалъ съ удовольствіемъ о томъ, что я заказалъ себѣ сѣдло, на которомъ я буду кататься верхомъ, думалъ о томъ, какъ я буду ухаживать за казачками и въ какомъ я былъ бы отчаяніи, если бы мой лѣвый усъ былъ бы вздернутъ болѣе, чѣмъ правый, и что я сталъ бы цѣлыхъ два часа поправлять его передъ зеркаломъ".

„Вы говорили мнѣ не разъ, — писалъ Л. Н. Ергольской, въ сентябрѣ 1851 г.,—что вы привыкли писать письма безъ черновиковъ; я слѣдую вашему примѣру, но это мнѣ не такъ удается, какъ вамъ, мнѣ часто случается рвать ихъ. Я дѣлаю это не изъ ложнаго стыда,—орѳографическая ошибка, чернильное пятно, неловко сказанная фраза не смущаютъ меня, но дѣло въ томъ, что я никакъ не могу выразить на бумагѣ то, что я хочу. Я только-что порвалъ письмо, написанное вамъ, потому что я сказалъ въ немъ многое, что не хотѣлъ вовсе сказать. Вы подумаете, быть можетъ, что это притворство, и скажете, что нехорошо притворяться съ людьми, которыхъ любишь и которые васъ любятъ. Согласенъ, но сознайтесь, со своей стороны, что постороннему можно все сказать, а что чѣмъ дороже вамъ человѣкъ, тѣмъ больше вы хотѣли бы скрыть отъ него" [1]).

Августъ и сентябрь 1851 г. Толстой провелъ въ станицѣ Старогладовской, а въ сентябрѣ отправился со своимъ братомъ Николаемъ въ Тифлисъ, съ цѣлью сдать экзаменъ и поступить въ полкъ. Изъ Тифлиса онъ писалъ Татьянѣ Александровнѣ:

„Мы, дѣйствительно, уѣхали 25-го, и послѣ семидневной поѣздки, очень скучной, потому что приходилось на каждой станціи ждать лошадей, и очень пріятной—по дивной красотѣ мѣстности, которую мы проѣзжали, мы добрались 1-го числа на мѣсто.

Тифлисъ—цивилизованный городъ, съ успѣхомъ подражающій во многомъ Петербургу; общество здѣсь избранное и довольно большое; имѣется русскій театръ и итальянская опера, чѣмъ я пользуюсь, насколько мнѣ позволяютъ мои скудныя средства. Я живу въ нѣмецкой колоніи; это предмѣстье, но оно представляетъ для меня два большихъ преимущества, во-первыхъ, это хорошенькое мѣстечко тонетъ въ садахъ и виноградникахъ и, живя тамъ, чувствуешь себя скорѣе въ деревнѣ, нежели въ городѣ (теперь еще очень тепло, и погода стоитъ прекрасная; до сихъ поръ не было еще ни снѣга, ни мороза); второе преимущество заключается въ томъ, что я плачу здѣсь за двѣ, довольно чистенькія комнаты пять рублей въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ въ городѣ нельзя имѣть подобное помѣщеніе менѣе, чѣмъ

---

[1]) Оригиналъ писанъ по-французски.

за сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, я имѣю даромъ практику нѣмецкаго языка; у меня есть книги, занятіе и досугъ, такъ какъ никто мнѣ не мѣшаетъ, и въ концѣ концовъ я не скучаю.

Помните ли, дорогая тетя, данный вами когда-то совѣтъ—писать романы;—представьте!—я слѣдую этому совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ пишу, заключаются въ писаніи. Не знаю, появится ли когда-нибудь то, что я пишу въ печати, но эта работа доставляетъ мнѣ удовольствіе и я занимаюсь ею слишкомъ давно, чтобы бросить ее" [1]).

„На этихъ дняхъ долженъ быть подписанъ давно ожидаемый мною приказъ о назначеніи моемъ сержантомъ 4-ой батареи,—писалъ Л. Н. брату Сергѣю 23 января 1852 г.,—и я буду имѣть удовольствіе дѣлать подъ козырекъ и провожать глазами проходящихъ мимо меня офицеровъ и генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ шармеровскомъ плащѣ и механической шляпѣ, заплаченной мною десять рублей, несмотря на все мое величіе въ этомъ нарядѣ, я до того свыкся съ мыслью, что мнѣ придется скоро облачиться въ сѣрую шинель, что моя правая рука невольно стремится схватить пружину шляпы и спустить ее. Если мое желаніе осуществится, то въ тотъ же день, когда состоится мое назначеніе, я отправлюсь въ Старогладовскую, а оттуда въ походъ; буду идти пѣшкомъ или ѣхать верхомъ въ тулупѣ или черкескѣ, и по мѣрѣ силъ, и съ помощью пушекъ истреблять алчныхъ и непокорныхъ азіатовъ.

Сережа, ты видишь изъ моего письма, что я нахожусь въ Тифлисѣ, куда я пріѣхалъ 9 ноября, такъ что я успѣлъ немного поохотиться съ купленными тамъ (въ Старогладовской) собаками; тѣхъ же собакъ, которыя мнѣ посланы, я еще не видалъ. Здѣсь, т. е. въ станицѣ, охота—великолѣпіе: удобныя поля, болото, кишащее зайцами, цѣлые острова, поросшіе не лѣсами, а камышами, въ которыхъ водятся лисицы. Я выѣзжалъ въ поле всего девять разъ, оно въ десяти или пятнадцати верстахъ отъ столицы; я бралъ съ собою только двухъ собакъ, изъ коихъ одна прекрасная, а другая никуда не годится; убилъ двухъ лисицъ и штукъ шестьдесятъ зайцевъ. Какъ только я вернусь, попробую охотиться на ланей.

Я былъ нѣсколько разъ на охотѣ съ ружьемъ на кабановъ и оленей, но ничего не убилъ. Эта охота также очень интересна, но послѣ нашей обычной охоты съ борзыми она не можетъ нравиться; такъ же, какъ табакъ Жукова, послѣ турецкаго табаку: его нельзя любить, хотя можно признавать его качества.

Знаю твою слабую струну; тебѣ хочется вѣроятно, знать, какіе у меня завелись тутъ знакомые и какія установились отношенія къ

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

нимъ. Признаюсь, это очень мало интересуетъ меня, тѣмъ не менѣе спѣшу удовлетворить твое любопытство.

Въ батареѣ немного офицеровъ, вотъ почему я знаю ихъ всѣхъ, хотя весьма поверхностно; впрочемъ, я пользуюсь общей симпатіей, потому что у меня и у Николеньки всегда много водки, вина и закусокъ. На тѣхъ же основаніяхъ возникло и поддерживается мое знакомство съ прочими офицерами полка, съ которыми я встрѣтился въ Старомъ Юртѣ (курортъ, гдѣ я провелъ лѣто) и во время набѣга, въ которомъ я принималъ участіе. Хотя здѣсь встрѣчаются личности болѣе или менѣе образованныя, но такъ какъ у меня есть занятіе болѣе интересное, нежели разговоры съ офицерами, то мои отношенія къ нимъ остаются неизмѣнны.

Подполковникъ Алексѣевъ, командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый, но крайне тщеславный. Признаюсь, я воспользовался этой слабостью и пустилъ ему пыль въ глаза. Мнѣ онъ нуженъ. Но я сдѣлалъ это безсознательно и раскаиваюсь въ этомъ. Съ человѣкомъ тщеславнымъ, самъ дѣлаешься тщеславенъ.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, у меня всего трое знакомыхъ, я не заводилъ другихъ знакомствъ, во-первыхъ, потому, что я этого не хочу и во-вторыхъ, потому, что къ тому не представилось случая, такъ какъ я все время хворалъ и началъ выходить всего съ недѣлю тому назадъ.

Первый, съ кѣмъ я познакомился, былъ Багратіонъ изъ Петербурга (товарищъ Ферзена), затѣмъ князь Барятинскій. Я познакомился съ нимъ во время набѣга, совершеннаго подъ его начальствомъ, въ которомъ я принялъ участіе. Потомъ я провелъ съ нимъ цѣлый день въ одной крѣпости вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, котораго я тутъ встрѣтилъ. Знакомство это, само собою разумѣется, не доставляетъ мнѣ особеннаго удовольствія, ибо ты, конечно, понимаешь, какого рода можетъ быть знакомство у юнкера съ генераломъ. Мой третій знакомый—провизоръ, разжалованный полякъ, человѣкъ очень потѣшный. Я увѣренъ, что князю Барятинскому никогда не приходило въ голову, что существуетъ какая-нибудь бумага, гдѣ его имя фигурируетъ рядомъ съ именемъ провизора. А между тѣмъ это такъ. Николенька тутъ на очень хорошемъ счету. Начальство и товарищи любятъ и уважаютъ его. Кромѣ того онъ пользуется славой храбраго офицера. Я люблю его болѣе, чѣмъ когда-либо, и, находясь съ нимъ, чувствую себя вполнѣ счастливымъ, а безъ него скучаю.

Если ты хочешь блеснуть новостями, полученными съ Кавказа, можешь разсказать, что нѣкій Хаджи-Мурадъ, человѣкъ самый важный послѣ Шамиля, передался на-дняхъ русскому правительству.

Это былъ первый джигитъ во всей Чечнѣ, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ низость.

Можешь также передать съ грустью, что извѣстный умный генералъ Слѣпцовъ на-дняхъ убитъ.

6 января 1852 г. Л. Н. писалъ изъ Тифлиса Татьянѣ Александровнѣ Ергольской:

„Я только-что получилъ ваше письмо отъ 24-го ноября и отвѣчаю сію минуту (какъ я привыкъ это дѣлать). Недавно я писалъ, что ваше письмо заставило меня плакать; я объяснилъ эту слабость болѣзнію. Я ошибся. Съ нѣкоторыхъ поръ всѣ ваши письма производятъ подобное дѣйствіе. Я всегда былъ Лева-рева. Прежде я стыдился этой слабости, но слезы, которыя я проливаю, думая о васъ и о вашей любви къ намъ, такъ сладки, что я проливаю ихъ безъ всякаго ложнаго стыда. Ваше письмо слишкомъ дышитъ грустью, чтобы оно могло не произвести такое же впечатлѣніе и на меня. Вы давали мнѣ всегда совѣты и хотя, къ несчастью, я не всегда слѣдовалъ имъ, но я хотѣлъ бы поступать только по вашему совѣту. Позвольте мнѣ пока сказать вамъ о впечатлѣніи, какое произвело на меня ваше письмо, и какія мысли пришли мнѣ на умъ, читая его. Говоря съ вами вполнѣ откровенно, я знаю, что вы простите мнѣ это, зная мою любовь къ вамъ. Говоря о томъ, что теперь ваша очередь покинуть насъ и отойти къ тѣмъ, коихъ уже нѣтъ съ нами, и коихъ вы такъ любили, говоря, что вы просите Бога прекратить вашу жизнь, которая такъ невыносима и одинока, извините меня, дорогая тетушка, но мнѣ кажется, что, говоря это, вы оскорбляете Бога, меня и всѣхъ насъ, такъ горячо любящихъ васъ. Вы просите у Господа смерти, т. е. величайшаго несчастья, какое могло бы постигнуть меня (это не фраза, Господь мнѣ свидѣтель, что величайшимъ несчастіемъ, которое могло бы постигнуть меня была бы ваша смерть или смерть Николеньки, двухъ людей, коихъ я люблю болѣе, чѣмъ самого себя); что осталось бы у меня, если бы Господь исполнилъ вашу просьбу? Ради кого хотѣлъ бы я тогда стать лучше, имѣть добрыя качества, пользоваться доброй славой? Когда я мечтаю о счастіи для себя, я всегда думаю о томъ, что вы раздѣлите это счастье и будете пользоваться имъ; дѣлая что-либо хорошее, я доволенъ собою потому, что я знаю, что вы будете мною довольны.

Поступая дурно, я боюсь болѣе всего причинить горе вамъ. Ваша любовь для меня все, а вы просите Бога разлучить насъ! Я не умѣю высказать вамъ то чувство, какое я питаю къ вамъ, не нахожу словъ выразить его и боюсь, что вы подумаете, что я преувеличиваю его, а между тѣмъ я рыдаю надъ этимъ письмомъ. Настоящей тяжелой разлукѣ я обязанъ тѣмъ, что я знаю, какого друга я имѣю въ васъ и какъ я васъ люблю. Но развѣ я одинъ люблю васъ? А вы просите у Бога смерти! Вы говорите, что вы одиноки; хотя мы

разлучены съ вами, но если вы вѣрите моей любви, то эта мысль могла бы смягчить ваше горе; что касается меня, я не буду чувствовать себя одинокимъ нигдѣ до тѣхъ поръ, пока я буду знать, что меня любятъ такъ, какъ вы меня любите.

Сегодня случилась со мною одна вещь, которая заставила бы меня увѣровать въ Бога, если бы я уже твердо не вѣрилъ въ Него съ нѣкоторыхъ поръ.

Лѣтомъ, въ Старомъ Юртѣ, офицеры только и дѣлали, что играли въ карты и вели довольно крупную игру. Такъ какъ, живя въ лагерѣ, было невозможно не видѣться съ ними, то я часто присутствовалъ при ихъ игрѣ и, несмотря на всѣ настоянія, удерживался цѣлый мѣсяцъ, но однажды, шутя, я поставилъ небольшую сумму, проигралъ, снова поставилъ, снова проигралъ, мнѣ не везло, во мнѣ пробудилась страсть къ игрѣ, и я проигралъ въ два дня всѣ бывшія у меня деньги, все, что мнѣ далъ Николенька (около 250 рублей), и сверхъ того пятьсотъ рублей, на которые я выдалъ вексель, срокомъ на январь 1852 г. Надобно сказать вамъ, что подлѣ лагеря находится аулъ чеченцевъ. Одинъ молодой чеченецъ, Садо, приходилъ въ лагерь и игралъ, но такъ какъ онъ не зналъ счета и записи, то нашлись негодяи, которые надували его. Поэтому я никогда не соглашался играть съ Садо и даже говорилъ, что ему не слѣдуетъ играть, потому что его надуваютъ, и предложилъ играть за него по довѣренности. Онъ былъ мнѣ за это очень благодаренъ и подарилъ мнѣ кошелекъ, а тамъ какъ у чеченцевъ принято обмѣниваться подарками, то я подарилъ ему плохенькое ружье, купленное мною за 8 рублей. Надобно сказать, что для того, чтобы сдѣлаться кунакомъ, т. е. другомъ, принято обмѣняться подарками и отобѣдать въ домѣ кунака. Послѣ этого, по древнему обычаю этого народа (который соблюдается только по традиціи), люди становятся друзьями на жизнь и на смерть, т. е. если я попрошу у него всѣ его деньги или его жену, или оружіе, словомъ все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, то онъ долженъ дать это мнѣ, и я, со своей стороны, не могу ни въ чемъ отказать ему. Садо просилъ меня придти къ нему и стать его кунакомъ. Я отправился въ его домъ. Угостивъ меня по своему, онъ предложилъ мнѣ выбрать въ его домѣ, что я захочу, оружіе, лошадь—все. Я хотѣлъ выбрать самую дешевую вещь и взялъ уздечку въ серебряной оправѣ, но онъ сказалъ, что я оскорбляю его и заставилъ меня взять саблю стоимостью, по меньшей мѣрѣ, во сто рублей.

Его отецъ, человѣкъ довольно богатый, но прячетъ деньги и не даетъ сыну ни гроша, а тотъ, чтобы имѣть деньги, воруетъ у непріятеля лошадей, коровъ; онъ двадцать разъ подвергаетъ свою

жизнь опасности, чтобы украсть вещь, не стоющую и десяти рублей; но это дѣлается не изъ жадности, а потому, что это считается доблестнымъ. Самый отъявленный воръ пользуется уваженіемъ и называется джигитомъ (храбрецомъ). У Садо бываетъ въ карманѣ иной разъ тысяча рублей, а иной разъ ни гроша. Побывавъ у него, я подарилъ ему серебряные часы Николеньки, и мы стали величайшими друзьями въ мірѣ. Онъ не разъ давалъ мнѣ доказательства своей преданности, подвергаясь ради меня опасности, но для него это ничего не значитъ, это стало привычкой и удовольствіемъ.

Когда я уѣхалъ изъ Стараго Юрта, гдѣ остался Николенька, Садо приходилъ къ нему каждый день и говорилъ, что онъ ужасно скучаетъ.

Когда я написалъ Николенькѣ, что у меня заболѣла лошадь и просилъ его найти мнѣ другую въ Старомъ Юртѣ, Садо, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ пріѣхать ко мнѣ и подарилъ мнѣ своего коня, хотя я всячески отказывался отъ этого подарка.

Послѣ того, какъ я сдѣлалъ глупость играть въ Старомъ Юртѣ, я не бралъ больше картъ въ руки и постоянно читалъ наставленія Садо, который до страсти любитъ карты и, хотя совершенно не умѣетъ играть, но ему всегда удивительно везетъ. Вчера вечеромъ я сталъ обдумывать свои денежныя дѣла, сосчиталъ свои долги и обдумывалъ, какъ сдѣлать, чтобы уплатить ихъ. Послѣ долгихъ размышленій я убѣдился, что если я не буду тратить слишкомъ много денегъ, то долги не особенно обременятъ меня и года въ два или въ три мнѣ удастся заплатить ихъ; но пятьсотъ рублей, которые я долженъ былъ уплатить въ этомъ мѣсяцѣ, приводили меня въ отчаяніе. Я не имѣлъ возможности заплатить ихъ въ эту минуту; это было для меня гораздо труднѣе, нежели въ свое время отдать четыре тысячи, которыя я задолжалъ Огареву.

Я приходилъ въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ глупо было, надѣлавъ долговъ въ Россіи, пріѣхать сюда и снова задолжать. Вечеромъ, молясь Богу, я просилъ Его вывести меня изъ этого непріятнаго положенія и молился очень горячо. „Какъ я выпутаюсь изъ этого?"—думалъ я, ложась спать.—Ничего не можетъ случиться, что дало бы мнѣ возможность уплатить этотъ долгъ. Мнѣ уже представлялись всѣ непріятности, которыя пришлось бы перенести изъ-за этого. Когда вексель будетъ поданъ ко взысканію, если начальство потребуетъ объясненія, почему я не плачу, и пр. Господи, помоги мнѣ,—сказалъ я мысленно и заснулъ.

На другой день я получилъ письмо отъ Николеньки съ приложеніемъ вашего письма и нѣкоторыхъ другихъ. Онъ писалъ мнѣ:

„На-дняхъ зашелъ ко мнѣ Садо. Онъ выигралъ у Кнорринга твои

векселя и принесъ ихъ мнѣ. Онъ былъ такъ доволенъ этимъ, такъ счастливъ и такъ усердно спрашивалъ меня нѣсколько разъ: „Какъ ты думаешь? будетъ ли братъ доволенъ?" что я искренно полюбилъ его за это. Этотъ человѣкъ къ тебѣ искренно преданъ. „Не удивительно ли, что мое желаніе исполнилось на другой же день, т. е. можетъ ли быть что-либо удивительнѣе божественнаго промысла по отношенію къ существу, такъ мало заслуживающему его, какъ я. Не правда ли: преданность Садо достойна удивленія? Ему извѣстно, что мой братъ Сережа любитъ лошадей и такъ какъ я обѣщалъ ему взять его съ собою въ Россію, когда я уѣду туда, то онъ сказалъ мнѣ, что онъ украдетъ лучшую лошадь, какая есть въ горахъ, и приведетъ ее Сережѣ, хотя бы это стоило ему сто разъ жизни.

Пошлите пожалуйста въ Тулу купить шестиствольный пистолетъ и пришлите его вмѣстѣ съ музыкальнымъ ящикомъ, если это будетъ стоить не особенно дорого. Эти вещи доставятъ ему большое удовольствіе" [1]).

Нѣсколько дней спустя послѣ того какъ было написано это письмо, Л. Н. отправился обратно въ станицу Старогладовскую и со станціи Моздокской, гдѣ ему пришлось долго ждать лошадей, писалъ Т. А. Ергольской.

„Вотъ мысли, пришедшія мнѣ въ голову. Постараюсь подѣлиться ими съ вами, такъ какъ я думалъ о васъ. Во мнѣ произошла большая нравственная перемѣна, и это уже не первый разъ. Впрочемъ, я думаю, что это всеобщій удѣлъ. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше мѣняешься; вы, такая опытная, — скажите мнѣ, вѣдь это такъ? Я думаю, что недостатки и качества — основа характера, остаются неизмѣнны, а взглядъ на жизнь—на счастье—долженъ измѣняться съ лѣтами. Годъ тому назадъ я думалъ найти счастье въ удовольствіи, въ движеніи, теперь, напротивъ, я жажду отдыха физическаго и нравственнаго. Но я представляю себѣ отдыхъ безъ скуки, съ тихой радостью любви и дружбы—для меня это верхъ блаженства. Впрочемъ, отдыхомъ можно наслаждаться только послѣ утомленія, а прелестью любви—послѣ лишеній. Я лишенъ послѣднее время того и другого, вотъ почему я такъ сильно жажду этого, мнѣ придется еще терпѣть это лишеніе, долго ли?—одному Богу извѣстно. Не знаю почему, но я чувствую, что такъ должно быть. Религія и опытъ жизни (какъ бы онъ ни былъ малъ) научили меня тому, что жизнь есть испытаніе. Для меня она болѣе, чѣмъ испытаніе, это—искупленіе за мои грѣхи.

Мнѣ сдается, что легкомысленная фантазія, пришедшая мнѣ въ

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

голову совершить поѣздку на Кавказъ, была внушена мнѣ свыше. Мною руководилъ перстъ Божій, и я непрестанно благодарю его за это. Я чувствую, что я сталъ здѣсь лучше (это еще немного говоритъ въ мою пользу, такъ какъ я былъ очень дуренъ), и я твердо вѣрю, что все, что бы ни случилось здѣсь со мною, пойдетъ мнѣ на пользу, ибо этого хотѣлъ самъ Богъ. Думать такъ, можетъ быть, большая смѣлость; тѣмъ не менѣе, я увѣренъ въ этомъ. Поэтому я переношу физическую усталость и лишенія, о коихъ я говорю (это не физическія лишенія, ихъ не бываетъ для здороваго двадцати трехъ лѣтняго молодого человѣка), совершенно незамѣтно, и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ мечтая объ ожидающемъ меня счастіи.

Вотъ какъ я себѣ представляю его:

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда я буду ни молодъ, ни старъ, я буду жить въ Ясной; дѣла мои приведены въ порядокъ, у меня нѣтъ ни заботъ, ни тревогъ. Вы также живете въ Ясной. Вы немного состарились, но еще свѣжи и здоровы. Мы живемъ попрежнему,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Вечеромъ, послѣ обѣда, я читаю вамъ вслухъ; чтеніе не надоѣдаетъ вамъ, такъ какъ оно перемѣшано бесѣдой, я разсказываю о своей жизни на Кавказѣ, вы дѣлитесь со мною своими воспоминаніями,— говорите о моемъ отцѣ, о матери, разсказываете исторіи о разбойникахъ, которыя мы слушали нѣкогда, разинувъ ротъ, съ испуганными глазами, мы вспоминаемъ тѣхъ, кто былъ намъ дорогъ и кого уже нѣтъ; вы будете плакать, я тоже, но это будутъ пріятныя слезы; мы будемъ бесѣдовать о братьяхъ, которые будутъ изрѣдка навѣщать насъ; дорогая Маша также будетъ проводить съ всѣми дѣтьми нѣсколько мѣсяцевъ въ своей любимой Ясной Полянѣ. У насъ не будетъ знакомыхъ — никто не будетъ докучать намъ и сплетничать. Это дивный сонъ, но это еще не все: мои мечты идутъ далѣе. Я женатъ—моя жена кроткая, добрая, любящая; она васъ любитъ такъ же, какъ я, у насъ дѣти, которыя зовутъ васъ бабушкой; вы живете въ большомъ домѣ на верху, въ той самой комнатѣ, гдѣ жила нѣкогда бабушка. Весь домъ идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ при папашѣ, и мы снова начинаемъ жить,—только мѣняются роли: вы играете роль бабушки, но вы лучше ея, я играю роль батюшки, но отчаиваюсь когда-либо стать достойнымъ его; моя жена—на мѣстѣ матушки; дѣти — на нашемъ мѣстѣ; Машенька играетъ роль двухъ тетушекъ, но ее минуютъ ихъ несчастья, даже Гаша играетъ роль Прасковьи Ильинишны. Будетъ недоставать только человѣка, который могъ бы взять на себя роль, которую вы играли въ нашей семьѣ,— никогда не будетъ такой прекрасной, любящей души, какъ ваша. У

васъ нѣтъ преемника. Три новыя лица будутъ время отъ времени появляться на сценѣ—это братья, въ особенности одинъ, который часто будетъ съ вами, Николенька—старый холостякъ, плѣшивый, отставной, все такой же добрый, такой же благородный.

Я представляю себѣ, что, какъ въ былыя времена, онъ будетъ разсказывать дѣтямъ сочиненныя имъ сказки, какъ дѣти будутъ цѣловать его пухлыя (но заслуживающія этого) руки, какъ онъ будетъ играть съ ними, какъ моя жена будетъ готовить его любимое блюдо, какъ мы будемъ бесѣдовать и вспоминать давно прошедшія времена; какъ вы будете сидѣть на своемъ обычномъ мѣстѣ и будете съ удовольствіемъ слушать; какъ вы будете звать насъ, стариковъ, попрежнему, Левочка, Николенька, и какъ вы будете бранить меня за то, я ѣмъ руками, а его за то, что у него грязныя руки.

Если бы меня сдѣлали императоромъ всероссійскимъ, если бы мнѣ дали Перу, словомъ, если бы явилась благодѣтельная фея со своей палочкой и спросила, что я желаю — положа руку на сердце, я сказалъ бы, что я желаю одного—чтобы эта мечта стала дѣйствительностью. Я знаю, что вы не любите мечтать о будущемъ.

Но что же тутъ худого? это такъ пріятно. Я боюсь, что я оказался эгоистомъ и отвелъ для васъ слишкомъ малую долю счастья; боюсь, что пережитыя невзгоды, оставившія слишкомъ болѣзненные слѣды въ вашемъ сердцѣ, не дадутъ вамъ наслаждаться этимъ будущимъ, которое сдѣлало бы меня счастливымъ. Дорогая тетушка, скажите, были ли бы вы счастливы? Все это можетъ сбыться, а надежда—вещь такая отрадная.

Я опять плачу; почему же я плачу, думая о васъ? Это слезы отъ избытка счастья — я счастливъ сознаніемъ, что я васъ люблю, какія бы меня ни постигли несчастія, я никогда не сочту себя вполнѣ несчастнымъ, пока вы живы. Помните наше прощаніе въ Иверской часовнѣ передъ нашимъ отъѣздомъ въ Казань. Въ ту минуту, разставаясь съ вами, я какимъ-то наитіемъ понялъ все, чѣмъ вы были для меня, и хотя я былъ еще ребенкомъ, но своими слезами и нѣсколькими отрывочными словами я сумѣлъ дать вамъ понять то, что я чувствовалъ; я никогда не переставалъ любить васъ, но чувство, испытанное мною въ Иверской часовнѣ, и то чувство, которое я питаю къ вамъ въ настоящее время,—двѣ вещи разныя—теперешнее чувство гораздо сильнѣе, гораздо возвышеннѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Признаюсь вамъ въ одной вещи, которой мнѣ совѣстно, но я долженъ это сказать вамъ для облегченія совѣсти. Прежде, читая ваши письма, въ которыхъ вы говорили о своихъ чувствахъ къ намъ, я думалъ, что они преувеличены, и только теперь, перечитывая ихъ,

я понялъ васъ, вашу безграничную къ намъ любовь и вашу возвышенную душу. Я увѣренъ, что на вашемъ мѣстѣ всякій, читая это и предыдущее мое письмо, упрекнулъ бы меня въ томъ же, но я не боюсь этого съ вашей стороны, вы знаете меня слишкомъ хорошо и вамъ извѣстно, что чувствительность, быть можетъ—единственное мое качество. Ему я обязанъ самыми счастливыми минутами жизни. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее письмо, въ которомъ я позволяю себѣ высказать столь восторженныя чувства—они могутъ показаться восторженными постороннимъ, но вы сумѣете оцѣнить ихъ" [1]).

Въ это же время Л. Н. записалъ въ дневникъ, что онъ подмѣтилъ въ себѣ три главныя страсти:

„Во-первыхъ, страсть къ игрѣ, это—страсть къ наживѣ, которая переходитъ, мало по малу, въ привычку къ очень сильнымъ ощущеніямъ. Бороться съ нею возможно. Во-вторыхъ, чувственность. Это физическая потребность, вызванная воображеніемъ. Она усиливается отъ воздержанія, вслѣдствіе чего борьба съ нею очень трудна. Лучшее средство противъ нея есть трудъ, занятія. Въ-третьихъ, тщеславіе. Это страсть, наименѣе вредная для другихъ и наиболѣе вредная для самого себя".

„Послѣднее время меня начинаетъ мучить раскаяніе о потерѣ лучшихъ годовъ жизни, съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ, что я могъ бы сдѣлать что-либо хорошее. Было бы интересно описать ходъ своего нравственнаго развитія, но для этого не хватитъ ни словъ, ни мысли. Для полета мысли нѣтъ предѣла, но писатели давно уже дошли до предѣла въ выраженіи мысли.

„Во мнѣ есть нѣчто, заставляющее меня думать, что я не рожденъ, чтобы быть такимъ, какъ всѣ люди".

Въ маѣ мѣсяцѣ Л. Н. ѣздилъ въ отпускъ въ Пятигорскъ, откуда онъ писалъ Татьянѣ Александровнѣ:

„Со времени моей поѣздки и пребыванія въ Тифлисѣ, мой образъ жизни ничуть не измѣнился; я стараюсь заводить какъ можно менѣе знакомствъ и воздерживаться отъ сближенія съ тѣми, съ кѣмъ пришлось познакомиться. Люди привыкли къ моей манерѣ держать себя, мнѣ болѣе не докучаютъ, но я увѣренъ, всѣ говорятъ, что я чудакъ и гордецъ.

Я держу себя такъ не изъ гордости, это сдѣлалось само собою; между мною и тѣми, съ коими мнѣ приходится сталкиваться здѣсь, слишкомъ большая разница въ воспитаніи, чувствахъ и взглядахъ, чтобы я находилъ удовольствіе въ ихъ обществѣ. Только одинъ Ни-

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

коленька способенъ, несмотря на огромную разницу, существующую между нимъ и этими господами, находить удовольствіе въ ихъ обществѣ и быть ими любимымъ. Я завидую этой способности, но чувствую, что я бы этого не могъ. Правда, этотъ образъ жизни не доставляетъ удовольствія, и я давно уже не думаю болѣе объ удовольствіяхъ, а стараюсь только быть спокойнымъ и довольнымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я пристрастился къ чтенію историческихъ сочиненій (это служило всегда предметомъ спора между нами, и въ настоящее время я вполнѣ присоединяюсь къ вашему мнѣнію на этотъ счетъ); мои литературныя занятія также идутъ потихоньку, хотя я не собираюсь пока ничего печатать. Я три раза передѣлалъ одну вещь, начатую мною давно, и разсчитываю передѣлать ее еще разъ, чтобы быть ею вполнѣ довольнымъ. Быть можетъ, это будетъ трудомъ Пенелопы, но это меня не страшитъ, я сочиняю не изъ честолюбія, а изъ любви къ писательству, нахожу пользу и удовольствіе въ трудѣ и поэтому работаю. Хотя, какъ я уже вамъ говорилъ, я не веселюсь, но далеко не скучаю, такъ какъ я занятъ и даже испытываю болѣе пріятное и болѣе возвышенное чувство по сравненію съ тѣмъ, которое могло бы мнѣ дать общество, а именно, я чувствую, что моя совѣсть спокойна, что я теперь лучше знаю себя, могу быть безпристрастнѣе въ своей оцѣнкѣ, нежели прежде, я чувствую, что во мнѣ зарождаются добрыя, великодушныя чувства. Было время, когда я гордился своимъ умомъ и своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своимъ именемъ, но теперь я знаю, я чувствую, что если во мнѣ есть что-либо хорошее, и если мнѣ нужно благодарить Провидѣніе, то я долженъ благодарить его за то, что оно дало мнѣ доброе, чувствительное сердце, и что оно такимъ осталось. Ему одному я обязанъ самыми отрадными минутами, какія переживаю, и тому, что, несмотря на отсутствіе развлеченій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ“ [1]).

Въ письмѣ къ брату Сергѣю, отъ 24 іюня 1852 г., Л. Н. передаетъ подробности своей жизни въ Пятигорскѣ:

„Что сказать тебѣ о моей жизни? Я написалъ три письма и въ каждомъ сказалъ одно и то же. Я хотѣлъ бы описать тебѣ духъ Пятигорска, но это такъ же трудно, какъ объяснить иностранцу, что такое Тула; мы, къ несчастью, понимаемъ это прекрасно. Пятигорскъ до нѣкоторой степени та же Тула, но нѣсколько своеобразная, на кавказскій ладъ. Напр., главную роль играютъ тутъ семейства и общественныя собранія. Общество состоитъ изъ владѣтельныхъ князей (такъ называютъ всѣхъ пріѣзжихъ), которые относятся пренебрежительно къ мѣстнымъ обычаямъ, и изъ гг. офицеровъ, которые счи-

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

таютъ здѣшнія удовольствія верхомъ блаженства. Одновременно со мною пріѣхалъ изъ штаба одинъ офицеръ нашей батареи. Нужно было видѣть его восторгъ и его нетерпѣніе, когда мы въѣзжали въ городъ. Онъ еще раньше нахваливалъ мнѣ красоту этого веселаго города, прогулки на бульварахъ подъ звуки музыки, оттуда всѣ отправляются въ кондитерскія, гдѣ заводятся знакомства даже съ семейными домами; театръ, собранія, каждый годъ бываютъ свадьбы, дуэли... словомъ, чисто парижская жизнь. Какъ только мы вылѣзли изъ тарантаса, мой офицеръ напялилъ синія брюки, очень узкія внизу, высокіе сапоги съ огромными шпорами, эполеты; начистился, затѣмъ отправился на музыку, на бульвары и оттуда въ кондитерскую, въ театръ, въ клубъ. Но я знаю, что вмѣсто того, чтобы завести знакомства съ семейными домами и съ барышнями, имѣющими приданыя въ тысячу душъ, на которыхъ онъ могъ бы жениться, онъ познакомился за цѣлый мѣсяцъ лишь съ тремя офицерами, у которыхъ не было ни гроша за душою, и которые обобрали его, какъ липку въ карты, и съ семейнымъ домомъ, въ которомъ живутъ въ одной комнатѣ двѣ семьи, распивая чай въ-прикуску. Кромѣ того, этотъ офицеръ истратилъ рублей двадцать въ мѣсяцъ на пиво и конфеты и купилъ себѣ на туалетный столъ зеркало въ бронзовой оправѣ. Теперь онъ прогуливается въ потертой тужуркѣ, безъ эполетъ, пьетъ по мѣрѣ силъ сѣрнистую воду, словно ему необходимо серьезное лѣченіе, и удивляется, что ему не удается познакомиться съ аристократіей (здѣсь въ каждой крѣпостцѣ есть своя аристократія), несмотря на то, что онъ ходитъ каждый день на бульваръ и въ кондитерскую, и тратитъ изрядное количество денегъ на театръ, извозчиковъ и перчатки. А аристократія, какъ нарочно, устраиваетъ кавалькады, пикники, на которые его не приглашаютъ. Та же участь ожидаетъ почти всѣхъ пріѣзжающихъ сюда офицеровъ, а они дѣлаютъ видъ, будто они пріѣхали сюда единственно для того, чтобы лѣчиться: ходятъ прихрамывая и опираясь на костыли, носятъ руку на перевязи, пьянствуютъ и разсказываютъ удивительныя исторіи о черкесахъ. А въ штабахъ они снова будутъ разсказывать, что они познакомились съ семействами и очень веселились. И каждый сезонъ они съѣзжаются со всѣхъ сторонъ на воды, чтобы повеселиться".

29 іюня Л. Н. записалъ въ своемъ дневникѣ: „Совѣсть, самый лучшій и самый надежный нашъ руководитель. Но по какимъ признакамъ можемъ мы отличить ея голосъ? Голосъ тщеславія говоритъ также громко, напр.—неотомщенная обида.

Человѣкъ, не имѣющій иной цѣли, кромѣ своего собственнаго счастья—дурной человѣкъ. Тотъ, кто ставитъ себѣ цѣлью мнѣніе другихъ—человѣкъ слабый. Тотъ, кто ставитъ себѣ цѣлью счастье

другихъ,—человѣкъ добродѣтельный. Тотъ, чья цѣль Богъ—великъ"! „Справедливость есть предѣлъ добродѣтели, обязательный для каждаго. Выше этого—стремленіе къ совершенству; ниже—порокъ".

„Будущее занимаетъ насъ болѣе, чѣмъ настоящее. Это стремленіе полезно, если мы думаемъ о томъ, что ожидаетъ насъ въ другомъ мірѣ. Жить настоящимъ, т. е. поступать наилучшимъ образомъ, въ настоящемъ—вотъ въ чемъ заключается истинная мудрость".

„Простота,—качество, которое я хотѣлъ бы пріобрѣсти предпочтительнѣе передъ всѣми другими".

28 октября 1852 г. Толстой писалъ Татьянѣ Александровнѣ: „Пріѣхавъ на воды (въ Пятигорскъ), я провелъ мѣсяцъ довольно непріятно въ виду ожидавшагося смотра, который долженъ былъ произвести генералъ. Ученье и стрѣльба не очень пріятны, въ особенности потому, что это нарушаетъ правильный образъ жизни.

Къ счастью, это продолжалось не долго, и я снова вернулся къ своему прежнему образу жизни, т. е. охочусь, пишу, читаю и бесѣдую съ Николенькой. Я пристрастился къ охотѣ и такъ какъ оказалось, что я недурно стрѣляю, то это занятіе отнимаетъ у меня два или три часа въ день. Въ Россіи не имѣютъ понятія о томъ, какая здѣсь прекрасная дичь и какъ ея много. Шагахъ въ ста отъ моего дома я нахожу фазановъ, а проходивъ полчаса, убиваю ихъ двѣ, три, четыре штуки. Кромѣ удовольствія, охота очень полезна для моего здоровья, которое не особенно блестяще, несмотря на то, что я пью воды. Я не боленъ, но очень часто страдаю отъ простуды; у меня то болитъ горло, то не переставая болятъ зубы, то даетъ себя чувствовать ревматизмъ, такъ что я не выхожу изъ комнаты, по крайней мѣрѣ, дня два въ недѣлю. Не подумайте, что я скрываю отъ васъ что-либо, комплексія моя по-прежнему крѣпкая, но здоровье стало слабѣе. Я разсчитываю провести и будущее лѣто на водахъ. Хотя я не поправился окончательно, но все же онѣ принесли мнѣ пользу. Нѣтъ худа безъ добра.

Когда мнѣ нездоровится, я менѣе отвлекаюсь отъ своего занятія—писанія начатаго мною второго романа. Тотъ, который я уже послалъ въ Петербургъ, напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ „Современника" 1852 г., подъ заглавіемъ „Дѣтство". Онъ подписанъ Л. Н. Никто, кромѣ Николеньки, не знаетъ, кто его авторъ. Я не хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь зналъ это" [1]).

„Цензура испортила „Дѣтство" и окончательно исказила „Набѣгъ", писалъ Л. Н. брату Сергѣю, въ маѣ мѣсяцѣ 1853 г. „Я подалъ въ отставку и черезъ нѣсколько дней, т. е. мѣсяца черезъ полтора, на-

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

дѣюсь отправиться вольнымъ человѣкомъ, въ Пятигорскъ, а оттуда въ Россію".

21 іюля 1853 г. онъ писалъ ему же изъ Пятигорска:

„Кажется, я уже писалъ тебѣ, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ, буду ли я уволенъ и когда именно, въ особенности теперь, въ виду войны съ Турціей. Это очень досадно, такъ какъ я уже до того свыкся съ пріятной мыслію поселиться вскорѣ въ деревнѣ, что мнѣ очень непріятно вернуться снова въ Старогладовскую и ждать цѣлую вѣчность, какъ мнѣ приходится ожидать всего, что касается моей службы".

„Прошу тебя, напиши скорѣй о моихъ бумагахъ", напоминалъ Л. Н. брату въ декабрѣ того же года. „Это необходимо. Когда я пріѣду, одному Богу извѣстно, скоро годъ, какъ я только и думаю о томъ, чтобы вложить мечъ въ ножны, но мнѣ это не удается и такъ какъ я вынужденъ сражаться гдѣ бы то ни было, то я предпочелъ бы воевать не здѣсь, а въ Турціи, о чемъ я уже просилъ князя Сергѣя Дмитріевича и онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ уже писалъ брату, но не знаетъ, что изъ этого выйдетъ.

Во всякомъ случаѣ, я ожидаю, что къ новому году, въ моей жизни, которая мнѣ страшно надоѣла, произойдетъ перемѣна. Глупые разговоры и болѣе ничего! Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ можно поговорить откровенно. Поневолѣ самъ глупѣешь. Хотя Николенька привезъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, борзыхъ, (за что мы съ Епишкой частенько ругаемъ его свиньей), я охочусь, съ утра до вечера, одинъ. Это не удовольствіе, это средство забыться. Устанешь, заснешь какъ убитый—и сутки прочь. Если будетъ случай, или если поѣдешь въ Москву, купи мнѣ Диккенса (David Copperfield), на англійскомъ языкѣ и пришли мнѣ англійскій словарь Садлера, который находится въ моихъ книгахъ".

Отсутствіе документовъ, безъ которыхъ Л. Н. уѣхалъ внезапно на Кавказъ и о присылкѣ которыхъ просилъ брата, доставило ему бездну хлопотъ и непріятностей; еще ранѣе (въ іюнѣ 1852 г.) онъ писалъ по этому поводу Т. А. Ергольской.

„Я не писалъ вамъ объ этомъ въ предпослѣднемъ письмѣ, чтобы не повторять вещь, одинаково непріятную вамъ и мнѣ, а именно, что меня преслѣдуетъ неудача во всемъ, что я предпринимаю.

Въ послѣднюю экспедицію, я дважды имѣлъ случай быть представленнымъ къ Георгію и не могъ получить его, вслѣдствіе того, что эта проклятая бумага опоздала нѣсколькими днями. Я былъ представленъ къ 17 февраля (день моихъ именинъ), но мнѣ было отказано въ наградѣ за неимѣніемъ этой бумаги.

Списокъ представленныхъ къ наградѣ былъ отправленъ 19-го,

а 20-го пришла бумага. Признаюсь откровенно, изъ всѣхъ воинскихъ знаковъ отличія я имѣлъ честолюбивое желаніе получить только этотъ маленькій крестикъ, и эта неудача весьма опечалила меня, тѣмъ болѣе, что его можно получить только въ опредѣленное время, и теперь для меня это время ушло.

Второй случай (получить Георгія) представился послѣ экспедиціи, совершенной нами 18 февраля, когда на нашу батарею было прислано два креста. Я вспоминаю съ удовольствіемъ, что я отказался отъ креста въ пользу храбраго старика Андреева,—не по собственному почину, а вслѣдствіе намека, сдѣланнаго милымъ Алексѣевымъ.

Третій случай былъ какъ разъ въ то время, когда нашъ бригадный командиръ Левинъ посадилъ меня на гауптвахту за то, что я не явился въ караулъ; онъ отказалъ Алексѣеву, представившему меня къ кресту. Я былъ этимъ очень опечаленъ*.

13-го января 1854 г. Л. Н. выдержалъ въ Станицѣ офицерскій экзаменъ и 19-го числа уѣхалъ въ Россію. 2-го февраля онъ уже былъ въ Ясной Полянѣ, въ кругу родныхъ, гдѣ онъ пробылъ, впрочемъ, недолго. Будучи назначенъ въ Дунайскую армію, онъ выѣхалъ 14-го марта въ Бухарестъ.

По пріѣздѣ въ Бухарестъ, Л. Н. описалъ Татьянѣ Александровнѣ въ письмѣ въ видѣ дневника, свое путешествіе и первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ въ Румынію.

13-го марта.

Изъ Курска я проѣхалъ болѣе 2.000 верстъ вмѣсто 1.000, какъ я предполагалъ; я ѣхалъ на Полтаву, Балту, Кишиневъ и не на Кіевъ, такъ какъ это былъ бы крюкъ. До Херсонской губерніи былъ прекрасный санный путь, но тутъ мнѣ пришлось оставить сани и проѣхать по убійственной дорогѣ 1.000 верстъ на перекладныхъ до границы и отъ границы до Бухареста;—дорогу эту невозможно описать, надобно испытать это самому, чтобы понять, какъ пріятно проѣхать 1.000 верстъ въ телѣгѣ, которая меньше и хуже тѣхъ, въ какихъ у насъ возятъ навозъ. Не понимая ни слова по-молдавански и не встрѣтивъ никого, кто бы говорилъ по-русски, и при томъ платя за 8 лошадей вмѣсто 2-хъ, я истратилъ болѣе двухъ сотъ рублей, хотя моя поѣздка продолжалась всего девять дней, и пріѣхалъ совершенно разбитый отъ усталости.

22-го марта.

Князя тутъ не было. Онъ пріѣхалъ вчера, и сейчасъ былъ у него. Онъ принялъ меня лучше, нежели я ожидалъ, какъ истый родственникъ. Поцѣловалъ меня, пригласилъ каждый день обѣдать у него и хочетъ оставить меня при себѣ, но это еще не рѣшено.

Простите, дорогая тетушка, что я пишу вамъ такъ мало, у меня голова идетъ еще кругомъ: большой прекрасный городъ, представленія по начальству, итальянская опера, французскій театръ, два молодые Горчаковы, очень милые люди... такъ что я и двухъ часовъ не былъ дома и не принимался еще за занятія.

17-го марта.

Вчера я узналъ, что я не остаюсь при князѣ, но что я отправляюсь въ Ольтеницу, къ своей батареѣ [1]).

Два дня спустя Л. Н. писалъ уже подъ другимъ впечатлѣніемъ.

„Въ то время, какъ вы думаете, что я подвергаюсь всѣмъ опасностямъ войны, я еще и не нюхалъ турецкаго пороха и преспокойно разгуливаю въ Бухарестѣ, играю и ѣмъ мороженое. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Ольтеницѣ, гдѣ я былъ прикомандированъ къ батареѣ, и недѣли, проведенной мною въ разъѣздахъ по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, по приказанію генерала Сержпутовскаго, при которомъ я теперь состою ординарцемъ, я пробылъ все время въ Бухарестѣ и, говоря откровенно, эта нѣсколько разсѣянная, совершенно праздная и очень дорого стоющая жизнь, которую я веду здѣсь, мнѣ чрезвычайно не нравится. Вначалѣ я оставался тамъ по службѣ, но теперь я живу тутъ около трехъ недѣль изъ-за лихорадки, которую я схватилъ во время поѣздки. Теперь, благодаря Бога, я настолько оправился, что дня черезъ два—три могу ѣхать къ своему генералу, въ лагерь подъ Силистріей. Кстати о генералѣ, онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ и видимо очень расположенъ ко мнѣ, хотя мы знаемъ другъ друга весьма мало. Очень пріятно также, что его штабъ состоитъ по большей части изъ порядочныхъ людей; два сына князя Сергѣя, коихъ я встрѣтилъ здѣсь, очень милы, въ особенности младшій; онъ отличается благородствомъ характера и добрымъ сердцемъ, хотя пороха не выдумаетъ. Я очень люблю его“ [2]).

Слѣдующее письмо, касающееся событій, происходившихъ въ Дунайской арміи, писано уже изъ Севастополя, Татьянѣ Александровнѣ, а конецъ письма брату Николаю.

„Итакъ, я буду говорить о прошломъ, о воспоминаніяхъ, связанныхъ съ Силистріей, гдѣ я видѣлъ столько интереснаго, поэтичнаго и трогательнаго, что время, проведенное мною тамъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Нашъ лагерь былъ расположенъ по ту сторону Дуная, т. е. на правомъ очень высокомъ берегу, среди роскошныхъ садовъ, принадлежащихъ силистрійскому губернатору, Му-

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

стафѣ-Пашѣ. Видъ съ этого мѣста былъ не только великолѣпный, но для всѣхъ насъ въ высшей степени любопытный. Не говоря о Дунаѣ, его островахъ и берегахъ, изъ коихъ одни были заняты нами, а другіе турками, мы видѣли городъ, крѣпость и маленькіе форты Силистріи какъ на ладони, слышали пальбу изъ орудій и ружейные выстрѣлы, не прекращавшіеся ни днемъ, ни ночью, и различали въ зрительную трубу турецкихъ солдатъ. По правдѣ сказать, странное удовольствіе видѣть,какъ люди убиваютъ другъ друга Вечеромъ и утромъ я усаживался на телѣгу и просиживалъ цѣлыми часами, глядя на эту картину, и не я одинъ; зрѣлище было поистинѣ прекрасное, въ особенности ночью. По ночамъ мои солдаты принимались обыкновенно рыть траншеи, а турки бросались на нихъ, чтобы помѣшать имъ; нужно было слышать и видѣть происходившую при этомъ перестрѣлку. Первую ночь, проведенную мною въ лагерѣ, я былъ разбуженъ этимъ ужаснымъ шумомъ; испугавшись, я подумалъ, что начался штурмъ, и приказалъ поспѣшно осѣдлать лошадь; но тѣ, кои были въ лагерѣ, не первое время, сказали мнѣ, что можно быть совершенно спокойнымъ, что эта орудійная и ружейная пальба вещь самая обыкновенная и что ее зовутъ шутя „Аллахъ". Тогда я снова легъ, но не будучи, въ состояніи уснуть, попробовалъ, съ часами въ рукахъ, сосчитать слышанные мною выстрѣлы и насчиталъ ихъ въ минуту 110. Тѣмъ не менѣе, вблизи все это не такъ страшно, какъ представляешь себѣ. Ночью, когда не было ни зги не видать, всякій старался, наперерывъ сжечь какъ можно больше пороха, но несмотря на то, что выпускались тысячи снарядовъ съ той и съ другой стороны, убитыхъ бывало, самое большое, человѣкъ тридцать.

Позвольте мнѣ, дорогая тетушка, обратиться теперь къ Николенькѣ, ибо, начавъ описывать подробности военныхъ дѣйствій, я хотѣлъ бы продолжать и описать ихъ тому, кто могъ бы меня понять и могъ бы дать вамъ объясненія относительно того, что вамъ будетъ непонятно. Итакъ, это было обыкновенное зрѣлище, повторявшееся ежедневно и въ которомъ я также принималъ участіе, когда меня посылали съ приказаніями въ траншеи; но у насъ бывали и необыкновенныя зрѣлища, какъ, напр., наканунѣ штурма, когда на одномъ изъ непріятельскихъ бастіоновъ была взорвана мина въ 240 пудовъ. Въ тотъ день по утру, князь былъ въ траншеяхъ со всѣмъ своимъ штабомъ (такъ какъ генералъ, при которомъ я состою, сопровождалъ его, то и я былъ тутъ), чтобы сдѣлать окончательныя распоряженія къ завтрашнему штурму. Планъ, слишкомъ обстоятельный, чтобы его можно было передать здѣсь, былъ хорошо выработанъ, все было такъ хорошо предусмотрѣно, что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. По

этому поводу надобно еще сказать вамъ, что я начинаю восхищаться княземъ (впрочемъ нужно послушать, какъ говорятъ объ немъ офицеры и солдаты; я не только не слыхалъ объ немъ никогда ничего дурного, но всѣ обожаютъ его). Въ то утро я видѣлъ его впервые въ дѣлѣ.

Надобно видѣть его нѣсколько смѣшную фигуру при его высокомъ ростѣ, съ руками, заложенными за спину, шапкой на затылкѣ, съ очками и манерой говорить, напоминающей индюка. Видно было, что онъ былъ до такой степени поглощенъ общимъ ходомъ дѣла, что гранаты и пули для него не существовали; онъ подвергалъ себя опасности такъ просто, какъ будто онъ не понималъ ее; невольно становилось страшнѣе за него, чѣмъ за самого себя; онъ отдавалъ приказанія съ величайшей ясностью и точностью и былъ со всѣми привѣтливъ. Это человѣкъ выдающійся, т. е. способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь службѣ отечеству и при томъ не изъ честолюбія, а изъ сознанія долга. Я передамъ вамъ одну его черту въ связи съ штурмомъ о которомъ я началъ разсказывать. Въ тотъ же день, послѣ полудня, была взорвана мина и по форту, который мы хотѣли взять, открытъ огонь изъ 600 орудій; огонь продолжался всю ночь; это было одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя не забываются, оставляя неизгладимое впечатлѣніе. Вечеромъ князь снова со всѣмъ штабомъ отправился на ночь въ траншеи, чтобы руководить штурмомъ, который долженъ былъ начаться въ три часа ночи. Мы всѣ собрались туда и, какъ всегда бываетъ наканунѣ сраженія, дѣлали видъ, что не придаемъ предстоящему сраженію никакого особеннаго значенія, а между тѣмъ, я увѣренъ, что въ глубинѣ души, при мысли о штурмѣ у всѣхъ сжималось сердце и даже очень сильно. Какъ тебѣ извѣстно, Николенька, часы, предшествующіе сраженію,—всегда самые тягостные, тутъ только имѣешь время бояться, а страхъ—одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ. Подъ утро, чѣмъ болѣе приближался моментъ штурма, тѣмъ болѣе это чувство притуплялось и къ тремъ часамъ, когда всѣ мы были въ ожиданіи сигнальной ракеты, чтобы идти на приступъ, я былъ такъ хорошо настроенъ, что я былъ бы весьма огорченъ, если бы мнѣ вдругъ сказали, что штурмъ отмѣненъ. И вотъ какъ разъ за часъ до штурма прискакалъ адъютантъ фельдмаршала съ приказаніемъ снять осаду Силистріи. Я могу сказать, не боясь впасть въ ошибку, что это извѣстіе было принято всѣми солдатами, офицерами и генералами, какъ истинное несчастіе, тѣмъ болѣе, что мы знали отъ шпіоновъ, пріѣзжавшихъ очень часто изъ Силистріи и съ которыми я имѣлъ очень часто случай говорить лично, что если этотъ фортъ будетъ взятъ, въ чемъ никто не сомнѣ-

вался, то Силистрія не продержится и двухъ-трехъ дней. Не правда ли, это извѣстіе должно было болѣе всего огорчить князя, который во время кампаніи старался все сдѣлать къ лучшему, а ему, вдругъ, въ самый разгаръ дѣла, сѣлъ на шею фельдмаршалъ и испортилъ все дѣло; въ тотъ моментъ, когда у него была единственная возможность загладить штурмомъ понесенныя нами неудачи, имъ было получено отъ фельдмаршала приказаніе отмѣнить его. И что же князь? всегда столь впечатлительный, не выказалъ ни малѣйшей досады; напротивъ, онъ былъ доволенъ, что могъ избѣжать этой рѣзни, отвѣтственность за которую пала бы на него и во все время отступленія, которымъ онъ руководилъ лично, пропустивъ мимо себя все войско, и которое совершилось въ образцовомъ порядкѣ, онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда-либо. Его прекрасному настроенію немало способствовало то обстоятельство, что вмѣстѣ съ нами ушло около 7.000 эмигрировавшихъ болгарскихъ семей, спасавшихся отъ турецкихъ звѣрствъ, которымъ мнѣ все-таки пришлось повѣрить, хотя я долго въ этомъ сомнѣвался: какъ только мы выступили изъ деревень, которыя были заняты нами, туда возвратились турки и, кромѣ молодыхъ женщинъ, годившихся для гарема, они вырѣзали всѣхъ остальныхъ жителей. Я самъ видѣлъ такую разоренную деревню, куда я отправился за молокомъ и плодами. И такъ какъ только князь далъ знать болгарамъ, что всѣ желающіе могутъ вмѣстѣ съ арміей перейти за Дунай и принять русское подданство, все населеніе, съ женщинами, дѣтьми, со скотомъ и лошадьми, двинулось къ мосту; но такъ какъ взять всѣхъ не было возможности, то князю пришлось отказать въ этомъ тѣмъ, которые пришли послѣдними. Нужно было видѣть, въ какомъ они были отчаяніи. Онъ принималъ всѣ депутаціи, являвшіяся отъ этихъ несчастныхъ, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, старался объяснить имъ, что это невозможно, предлагалъ болгарамъ перейти мостъ однимъ, оставивъ телѣги и скотъ, обѣщалъ позаботиться объ ихъ пропитаніи до ихъ прибытія на русскую границу, зафрахтовалъ на свой собственный счетъ частныя суда для перевозки ихъ, словомъ, дѣлалъ все возможное, чтобы сдѣлать этимъ людямъ добро.

Да, дорогая тетушка, я бы очень хотѣлъ, чтобы ваше пророчество сбылось; самое большее, чего бы я желалъ, это быть адъютантомъ такого человѣка, какъ онъ, котораго я люблю и уважаю всей душой. Прощайте, дорогая тетушка, цѣлую ваши ручки" [1]).

Приблизительно въ то время, когда было писано это письмо, Л. Н. занесъ въ дневникъ:

7-го іюля.

Я не достаточно скроменъ. Вотъ мой огромный недоста-

---

[1]) Оригиналъ этого письма написанъ по-французски.

токъ! что я такое? Одинъ изъ четырехъ сыновей отставного подполковника, который, когда ему было семь лѣтъ, остался на попеченіи женщинъ и чужихъ людей, получилъ не свѣтское и не научное образованіе и семнадцати лѣтъ очутился на полной свободѣ, безъ особеннаго состоянія, безъ опредѣленнаго соціальнаго положенія и, главное, безъ принциповъ, человѣкъ, до крайности растроившій свои дѣла, проведшій безъ цѣли и удовольствія лучшіе годы жизни, наконецъ бѣжавшій на Кавказъ спасаться отъ кредиторовъ и отъ своихъ привычекъ и оттуда, пользуясь какими-то связями, существовавшими нѣкогда между его отцомъ и главнокомандующимъ, перешелъ въ дунайскую армію, двадцатишестилѣтнимъ поручикомъ, не имѣя почти никакихъ средствъ къ жизни кромѣ своего жалованія (такъ какъ то, что онъ имѣетъ, должно идти на уплату долговъ), ни покровителей, ни опредѣленныхъ правилъ, ни способности къ службѣ, ни практической смѣтки, но огромное самолюбіе. Да, таково мое соціальное положеніе. Посмотримъ теперь, что такое я самъ:

Я не красивъ, не ловокъ, не чистоплотенъ, свѣтски не воспитанъ. Раздражителенъ, непріятенъ для другихъ, съ большими требованіями, нетерпимъ и робокъ, какъ дитя. Я почти полный невѣжда. Всѣ мои знанія нахватаны то тамъ, то тутъ, безъ всякой системы, да и тѣхъ очень мало. Я нерѣшителенъ, непостояненъ, крайне честолюбивъ и вспыльчивъ, какъ всѣ безхарактерные люди. У меня нѣтъ храбрости, я неисполнителенъ и такъ лѣнивъ, что праздность вошла у меня въ привычку, и я не могу ее побороть.

Я не глупъ, но я еще никогда не имѣлъ случая ни къ чему приложить свой умъ. У меня нѣтъ ни практическаго, ни свѣтскаго, ни дѣлового ума.

Я честенъ, т. е. я люблю добро; привыкъ любить его и когда я уклоняюсь отъ него, я бываю недоволенъ собою и съ удовольствіемъ возвращаюсь къ добру. Но есть вещи, которыя я люблю больше, нежели добро,—это слава; я такъ честолюбивъ, и это чувство такъ рѣдко получало удовлетвореніе, что если бы мнѣ пришлось выбирать между славой и добродѣтелью, я полагаю, что я избралъ бы первую.

Да, я нескроменъ. Вотъ почему я такъ гордъ въ глубинѣ души и такъ робокъ и стѣсняюсь въ свѣтѣ“.

Проѣздомъ въ одномъ маленькомъ румынскомъ городѣ Л. Н. занесъ въ дневникъ:

„Послѣ обѣда я облокотился на балконъ и смотрѣлъ на мой любимый фонарь, блестѣвшій такъ красиво сквозь деревья. Изъ грозовыхъ тучъ, которыя пронеслись сегодня надъ городомъ и оросили землю, осталось одно большое облако, покрывъ всю южную часть неба, и воздухъ былъ пріятный, легкій, слегка сыроватый.

Хорошенькая дочь хозяина также облокотилась возлѣ меня на подоконникъ. Кто-то прошелъ по улицѣ съ шарманкой и когда звуки красиваго, стариннаго вальса, постепенно замирая, смолкли наконецъ въ отдаленіи, дѣвушка глубоко вздохнула, поднялась и быстро отошла отъ окна. Мою душу охватило смутное чувство печали; я невольно улыбнулся и долго смотрѣлъ на свой фонарь, коего свѣтъ покрывался иногда трепещущей листвой деревьевъ. Я смотрѣлъ на деревья, на заборъ, на небо, и все это казалось мнѣ еще красивѣе, чѣмъ прежде".

20-го іюля, послѣ отступленія изъ-подъ Силистріи, Толстой отправился въ Крымъ, гдѣ онъ былъ прикомандированъ къ третьей легкой батареѣ 14-ой артиллерійской бригады.

20-го ноября онъ писалъ оттуда своему брату, Сергѣю:

„Дорогой другъ Сережа! Одинъ Богъ знаетъ, какъ я виноватъ передъ всѣми вами со времени моего отъѣзда; самъ не знаю, какъ это случилось: разсѣянная жизнь, непріятное положеніе, война, всякія помѣхи, и т. д., и т. д. Но главная причина, это разсѣянная, богатая впечатлѣніями жизнь. За этотъ годъ я такъ много видѣлъ, столько испыталъ и перечувствовалъ, что рѣшительно не знаю, съ чего начать свое описаніе и буду ли я въ состояніи написать то, что хотѣлось бы. Я писалъ тетушкѣ о Силистріи, но тебѣ и Николенькѣ этого не буду писать. Я хотѣлъ бы написать такъ, чтобы вы поняли меня именно такъ, какъ я хочу. Силистрія—спѣтая пѣсня; теперь на очереди Севастополь, гдѣ я былъ четыре дня тому назадъ, и о которомъ, я думаю, вы читаете съ сердечнымъ трепетомъ. Что сказать тебѣ о томъ, что я тамъ видѣлъ, что дѣлалъ, что говорили раненые и плѣнные французы и англичане, много ли они страдали, какіе герои наши враги, въ особенности англичане. Мы поговоримъ обо всемъ этомъ послѣ, въ Ясной или Пироговѣ, но ты многое узнаешь отъ меня, изъ печати. Какимъ образомъ? объ этомъ скажу послѣ, а пока дамъ тебѣ нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ только съ одной стороны, съ юга—гдѣ у насъ не было ни одного укрѣпленія, въ то время, когда подошелъ непріятель. Теперь мы имѣемъ съ этой стороны болѣе пятисотъ орудій большого калибра и нѣсколько линій совершенно неприступныхъ земляныхъ укрѣпленій. Я провелъ въ фортахъ недѣлю и до послѣдняго дня блуждалъ въ лабиринтѣ батареи, какъ въ лѣсу. Уже три недѣли, какъ непріятель подошелъ въ одномъ пунктѣ на разстояніи 80 саженей и не двигается съ мѣста. При малѣйшемъ его движеніи, мы засыпаемъ его дождемъ гранатъ.

Духъ арміи—выше всякихъ похвалъ. Въ древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто: „здорово, ребята"! говорилъ: „надобно умѣть умереть, ребята! сумѣете ли вы умереть"? и солдаты отвѣчали: „умремъ, не посрамимся, ваше превосходительство! ура"! И это не была рисовка: по лицу каждаго солдата видно было, что это правда; двадцать двѣ тысячи уже исполнили присягу. Одинъ раненый солдатъ, при смерти, разсказывалъ мнѣ, какъ они взяли, 24-го числа прошлаго мѣсяца, французскую батарею, не получивъ никакого подкрѣпленія. Онъ рыдалъ. Рота матросъ чуть не взбунтовалась, потому что ее хотѣли замѣнить другой на батареѣ, гдѣ они находились уже мѣсяцъ подъ выстрѣлами. Женщины носили солдатамъ на бастіоны воду; нѣкоторыя изъ нихъ убиты и ранены. Священники приходятъ на бастіоны съ крестомъ и подъ выстрѣлами читаютъ молитвы. Въ 24-ой бригадѣ сто шестьдесятъ раненыхъ солдатъ остались въ строю! Великое время! Но теперь, послѣ 24-го, стало спокойнѣе, и въ Севастополѣ все идетъ хорошо. Непріятель стрѣляетъ мало. Всѣ увѣрены, что городъ не будетъ взятъ, и, дѣйствительно, это немыслимо. Можно предполагать три вещи: либо непріятель готовится идти на приступъ, либо онъ хочетъ сбить насъ съ толка, возводя мнимыя траншеи, либо онъ окапывается на зиму. Первое очень невѣроятно, второе вѣроятнѣе всего. Мнѣ не удалось быть ни въ одномъ дѣлѣ, но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ все это вблизи и что я живу въ это доблестное время.

Бомбардированіе, пережитое нами 5-го числа, останется навсегда самымъ славнымъ, самымъ блестящимъ подвигомъ не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всего міра. По городу стрѣляли двое сутокъ болѣе чѣмъ изъ 1.500 орудій и не только не принудили его къ сдачѣ, но даже не заставили столкнуть двухсотой части нашихъ батарей.

Если, какъ мнѣ кажется, въ Россіи смотрятъ на эту кампанію неодобрительно, то потомство воздастъ ей должное. Не забудь, что съ равными и даже меньшими силами, съ одними штыками и съ самыми худшими войсками русской арміи (6-ой корпусъ), мы сражаемся съ превосходнымъ численностью непріятелемъ, который имѣетъ флотъ, три тысячи орудій, великолѣпно вооруженъ и пускаетъ въ дѣло свои лучшія войска. Я не говорю уже о превосходствѣ его генераловъ.

Только наша армія способна не дрогнуть и побѣдить (мы побѣдимъ—я въ томъ увѣренъ), при подобныхъ условіяхъ. Надобно видѣть французскихъ и англійскихъ плѣнныхъ (въ особенности послѣднихъ): это люди отборные, физически и нравственно; настоящіе молодцы. Казаки говорятъ даже, что ихъ жаль рубить. А рядомъ съ

ними надо видѣть нашего пѣхотинца, маленькаго, вшиваго, захудалаго.

Теперь я разскажу тебѣ, какъ ты узнаешь изъ печати, съ моихъ словъ, о подвигахъ этихъ вшивыхъ, захудалыхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ я, кажется, уже писалъ тебѣ, изъ очень порядочныхъ и честныхъ людей, возникла мысль издавать для поддержанія духа нашихъ войскъ дешевый (въ три рубля) популярный военный журналъ, чтобы его читали солдаты. Мы выработали программу журнала и представили ее князю. Мысль понравилась ему, и онъ послалъ нашу программу съ составленнымъ нами пробнымъ оттискомъ на высочайшее утвержденіе. Мы со Столыпинымъ ссужаемъ деньги на изданіе. Я буду главнымъ редакторомъ вмѣстѣ съ нѣкіимъ Константиновымъ, который уже издавалъ „Кавказъ" и опытенъ въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ мы будемъ давать описанія сраженій, болѣе точныя и менѣе сухія, нежели въ другихъ изданіяхъ; описаніе геройскихъ подвиговъ, біографіи и некрологи героевъ, главнымъ образомъ нижнихъ чиновъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи о военномъ дѣлѣ, объ артиллеріи и т. д. Эта мысль мнѣ очень нравится: 1) я люблю подобнаго рода занятія, и 2) надѣюсь, что журналъ будетъ полезенъ и не особенно дуренъ. Все это еще—въ области фантазіи, пока мы не получимъ отвѣта императора; что касается меня, признаюсь, я побаиваюсь этого отвѣта.

Въ пробномъ оттискѣ, посланномъ мною въ Петербургъ, мы неосмотрительно помѣстили двѣ не совсѣмъ правовѣрныя статьи: мою и Ростовцева.

Для этого предпріятія мнѣ нужны 1.500 рублей, которые лежатъ въ банкѣ и которые я просилъ Валеріана выслать мнѣ. Такъ какъ я уже выдалъ тайну, скажи ему объ этомъ.

Я, слава Богу, здоровъ. Послѣ возвращенія моего изъ-за границы, моя жизнь течетъ весело и пріятно. Вообще, все время моего пребыванія въ арміи дѣлится на два періода: за границей мнѣ жилось худо, я не имѣлъ средствъ, былъ одинокъ; на родинѣ мнѣ живется пріятно; я здоровъ, имѣю добрыхъ друзей, но все же я бѣденъ, деньги идутъ, какъ вода.

Я, ничего не пишу, но чувствую, какъ тетушка поддразниваетъ меня. Меня безпокоитъ одно,—я уже четвертый годъ лишенъ женскаго общества. Я могу совсѣмъ огрубѣть и стать непригоднымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю. До свиданія! Богъ знаетъ, когда мы увидимся, если вы и Николенька не вздумаете прокатиться изъ Тамбова въ главную квартиру, въ охотничье время".

„Я не участвовалъ въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, быв-

шихъ въ Крыму,—писалъ Л. Н. Татьянѣ Александровнѣ 6-го января 1855 г.,—но я былъ въ Севастополѣ тотчасъ послѣ сраженія 24-го числа и провелъ тамъ мѣсяцъ. Въ виду наступившей зимы, въ этомъ году очень суровой, тамъ не сражаются болѣе въ открытомъ полѣ, но осада продолжается. Каковъ будетъ исходъ кампаніи, одинъ Богъ знаетъ; во всякомъ случаѣ, крымская кампанія, такъ или иначе, должна окончиться мѣсяца черезъ три, четыре. Къ сожалѣнію, конецъ крымской кампаніи не значитъ конецъ войны; напротивъ, она продлится, кажется, еще долго. Въ письмахъ къ Сережѣ и Валеріану я говорилъ, помнится, о предстоявшемъ мнѣ занятіи, которое очень улыбалось мнѣ; теперь это дѣло рѣшено, поэтому я могу сказать вамъ объ немъ,—я задумалъ основать военный журналъ. Этотъ планъ, разработанный мною при содѣйствіи нѣсколькихъ весьма порядочныхъ людей, былъ одобренъ княземъ и посланъ на благовозрѣніе его величества, но такъ какъ у насъ всегда интригуютъ, то нашлись люди, побоявшіеся конкуренціи этого журнала; можетъ быть, мысль о немъ найдена несоотвѣтствующей видамъ правительства; какъ бы то ни было, императоръ отказалъ намъ въ разрѣшеніи.

Эта неудача, признаюсь, чрезвычайно огорчила меня и во многомъ измѣнила мои планы.

Если Богъ дастъ, крымская кампанія окончится благополучно и я не получу такого мѣста, какъ я хочу, и въ Россіи не будетъ войны, то я уйду изъ дѣйствующей арміи и отправлюсь въ Петербургъ, въ военную академію. Этотъ планъ пришелъ мнѣ въ голову, 1) потому, что мнѣ не хотѣлось бы бросать литературу, которой немыслимо заниматься среди суеты лагерной жизни, 2) потому что мнѣ кажется, я дѣлаюсь честолюбивъ, т. е. не честолюбивъ, но я хотѣлъ бы дѣлать добро, а для этого нужно быть побольше, нежели подпоручикъ; 3) потому, что я увижу васъ всѣхъ и всѣхъ моихъ друзей. Николенька пишетъ мнѣ, что Тургеневъ познакомился съ Машей; я въ восторгѣ отъ этого и если вы увидите его у нихъ, скажите Варенькѣ, что я поручаю ей поцѣловать его за меня и сказать ему, что хотя я знаю его только по письмамъ, но я имѣю бездну сказать ему" [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1855 г. Л. Н. писалъ брату:

„Хотя ты узнаешь, вѣроятно, отъ нашихъ, гдѣ я и что я дѣлаю, но я повторю тебѣ все, что со мною случилось со дня отъѣзда изъ Кишинева, тѣмъ болѣе, что тебѣ будетъ, вѣроятно, любопытно знать, какъ я объ этомъ разсказываю, поэтому, ты можешь судить о томъ, въ какой фазѣ я нахожусь, ибо рѣшено, что человѣкъ всегда находится въ какой-нибудь фазѣ.

---

[1]) Оригиналъ этого письма писанъ по-французски.

Изъ Кишинева, 1-го ноября, я просилъ о назначеніи меня въ Крымъ, съ одной стороны, чтобы видѣть эту войну, а съ другой, чтобы вырваться изъ штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, и въ особенности изъ патріотизма, который, признаюсь, въ ту минуту сильно овладѣлъ мною. Я предоставилъ начальству располагать моей судьбою. Въ Крыму меня назначили въ батарею въ самомъ Севастополѣ, гдѣ я провелъ мѣсяцъ очень пріятно, въ кругу простыхъ, добрыхъ товарищей, которые особенно хороши во время войны и опасности.

Въ декабрѣ наша батарея была послана въ Симферополь; тамъ я прожилъ полтора мѣсяца на очень уютной дачѣ. Я ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортопіано съ барышнями и охотиться на дикихъ ланей въ лѣсахъ Чатырдага. Въ январѣ состоялось вновь перемѣщеніе офицеровъ; я былъ назначенъ въ батарею, стоявшую въ десяти верстахъ отъ Севастополя на Бельбекѣ. Тамъ мнѣ жилось очень плохо. Общество офицеровъ было очень неважное. Командиръ,—человѣкъ порядочный, но очень грубый. Въ мазанкахъ—полное отсутствіе комфорта. Было очень холодно. У меня не было ни книгъ, и никого, съ кѣмъ бы я могъ поговорить. Тутъ-то я получилъ 1.500 р. на изданіе запрещеннаго уже журнала и тутъ я проигралъ 2.500 р., доказавъ этимъ всѣмъ и каждому, что я негодяй. Хотя всѣ предшествовавшія обстоятельства могутъ считаться смягчающими мою вину обстоятельствами, тѣмъ не менѣе это отвратительно. Въ мартѣ мѣсяцѣ стало теплѣе, и въ батарею пріѣхалъ очень милый и добрый малый, Бреневскій. Я началъ исправляться. 1-го апрѣля, во время бомбардировки, батарея была передвинута въ Севастополь, и я окончательно исправился. Тутъ я пробылъ до 15-го мая, все время подвергаясь опасности, т. е. по четыре дня въ недѣлю дежурилъ на батареѣ 4-го бастіона, но погода и весна восхитительны. Масса впечатлѣній, масса знакомствъ; всѣ удобства жизни и даже пріятный кружокъ очень порядочныхъ людей, такъ что объ этихъ полутора мѣсяцахъ я сохраню одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. 15-го мая Горчакову или начальнику артиллеріи, пришло въ голову поручить мнѣ командованіе горной батареей на Бельбекѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Севастополя, что доставляетъ мнѣ до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ большое удовольствіе [1]). Въ слѣдующемъ письмѣ опишу тебѣ болѣе подробно мою теперешнюю жизнь".

[1]) Этимъ назначеніемъ Толстой былъ обязанъ заботливости о немъ императора Александра II, который, прочитавъ первый изъ его севастопольскихъ разсказовъ (Севастополь въ декабрѣ 1855 г.), былъ такъ восхищенъ имъ, что повелѣлъ назначать его въ такіе пункты, гдѣ бы онъ не подвергался опасности.

7-го августа, три дня спустя послѣ битвы на р. Черной, Л. Н. писалъ брату:

„Пишу тебѣ эти нѣсколько строкъ, чтобы успокоить тебя относительно битвы 4-го числа, гдѣ я остался цѣлъ и невредимъ. Впрочемъ, я въ дѣлѣ собственно не участвовалъ, такъ какъ горной артиллеріи не пришлось стрѣлять“.

Послѣ паденія Севастополя, Толстой былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ, гдѣ его ожидала совершенно иная, новая жизнь“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блазнительный камень въ Бѣлозерскѣ въ 1673 году.

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому, рабъ твой Кирюшка Борисовъ [1]), твоего архіерейскаго благословенія требуя, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 181 (1673) году генваря въ 8 день прислана твоя архіерейская грамота ко мнѣ, рабу твоему, на Бѣло-озеро, а въ ней написано, чтобъ взять изъ преже-бывшей соборной церкви блазнительный камень и, испытавъ тутошними людьми въ Бѣлѣ-озерѣ глубокое мѣсто, велѣть ево ввергнуть, да не будетъ о немъ въ народѣ блазненія... И по твоему, государь, архіерейскому указу, бѣлозерской соборной церкви протопопу Аврамію блазнительный камень въ Бѣло-озеро, въ глубокое мѣсто ввергнуть велѣлъ.

Сообщ. **А. Е. Мерцаловъ**.

Примѣчаніе. Заголовокъ отписки до словъ: „въ нынѣшнемъ, государь" взятъ мною отъ предыдущей отписки того же лица, которая была приклеена къ прилагаемой здѣсь и заключаетъ въ себѣ совершенно другое сообщеніе десятильника Борисова. Такъ какъ и настоящая отписка, кромѣ блазнительнаго камня, говоритъ еще о сыску бѣглыхъ солдатъ, то я выпустилъ изъ нея все, касающееся этого послѣдняго предмета, что̀ и отмѣтилъ въ подлинникѣ.

Весьма было бы интересно узнать, сохранилось ли въ Бѣлозерскѣ какое-либо преданіе объ этомъ *блазнительномъ* камнѣ? Быть можетъ это былъ памятникъ языческой старины? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь на Бѣлѣ-озерѣ нѣкогда сидѣлъ Синеусъ?..

[1]) Архіепископскій „даннову сбору десятильникъ" въ Бѣлозерскѣ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

I.

Освидѣтельствованіе душевно-больныхъ.

(1870—1885).

Участіе въ освидѣтельствованіи душевно-больныхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей прокурорскаго надзора. Оно производится съ цѣлью учредить опеку надъ лицами, не могущими распоряжаться самостоятельно своимъ имуществомъ, которое можетъ легко сдѣлаться добычею всякаго рода хищниковъ; оно предпринимается также съ цѣлью огражденія общества отъ насильственныхъ дѣйствій помѣшанныхъ и ихъ самихъ отъ поступковъ, которые могли бы имѣть роковой исходъ; наконецъ, оно необходимо для огражденія здоровыхъ лицъ отъ злоупотребленій при помѣщеніи ихъ въ дома умалишенныхъ. Но способы и характеръ этого освидѣтельствованія въ высшей степени неудовлетворительны, о чемъ мною въ свое время была напечатана небольшая монографія [1]). Мѣстомъ его производства бываетъ, за рѣдкими исключеніями, когда оно происходитъ на дому или въ больницѣ, губернское правленіе, гдѣ собирается такъ называемое особое присутствіе. Въ большой комнатѣ, увѣшанной обычными оффиціальными портретами, за краснымъ столомъ съ зерцаломъ, сидятъ члены присутствія въ мундирахъ и орденахъ—и передъ ними

---

[1]) „Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія".—За послѣдніе годы. Спб. 1896—1898 гг.

ставится испытуемый. Много новыхъ лицъ, необыкновенная обстановка, золотыя рамы на портретахъ—все это, конечно, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на больныхъ и—тревожнымъ на здоровыхъ. Достаточно сказать, что во время моего прокурорства въ комнатѣ присутствія петербургскаго губернскаго правленія испытуемаго ставили,—конечно по случайному совпаденію—прямо предъ портретомъ императора Павла I, такъ что, когда несчастный хотѣлъ отвести глаза отъ оффиціальныхъ фигуръ въ шитыхъ золотомъ воротникахъ или вицъ-мундирахъ и избѣжать ихъ равнодушныхъ или холодно-любопытныхъ взглядовъ, то взоръ его неминуемо встрѣчалъ брасающееся въ глаза изображеніе его царственнаго собрата по несчастью, въ невѣроятной шляпѣ и съ эспантономъ въ рукѣ. И вопросы, которые нерѣдко предлагались испытуемому, бывали не лучше его обстановки. Законъ требуетъ (ст. 374 1 ч. X т.) „строгаго разсмотрѣнія отвѣтовъ на вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящихся“. Въ дѣйствительности эти вопросы подчасъ сводятся къ совершенно банальнымъ и такимъ, на которые легко можетъ отвѣчать каждый маніакъ, нисколько не выдавая своего душевнаго разстройства, и въ наивности которыхъ, наоборотъ, здоровый можетъ предполагать какой-нибудь скрытый коварный смыслъ. Вопросы эти часто приводили мнѣ на память слышанный мною когда-то шуточный разсказъ о старомъ мелкомъ торговцѣ, повѣствовавшемъ о сотвореніи міра, при чемъ Господь, по увѣренію разсказчиковъ, сначала создалъ мужиковъ, а потомъ господъ; первые явились на свѣтъ съ шумомъ и гамомъ, понукая и ругая другъ друга, но вторые вели себя „честно—благородно“, задавая другъ другу вопросы: „какъ ваше здоровье?“ и „который часъ?“

Въ сущности, рѣшающая роль въ этихъ освидѣтельствованіяхъ принадлежитъ врачамъ, т. е. членамъ врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, а остальные члены присутствія, т. е. губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель и прокуроръ окружнаго суда, мировой судья и сословные депутаты являются лишь свидѣтелями соблюденія формъ, ограждающихъ права свидѣтельствуемаго. Но на практикѣ эти роли смѣшиваются, и всѣ голоса идутъ въ одинъ общій счетъ. Въ свое время я доказывалъ всю неправильность этого порядка, но въ Петербургѣ онъ, быть можетъ, сохранился до сихъ поръ. Благодаря ему, научное мнѣніе врачей подчасъ подавляется большинствомъ голосовъ несвѣдущей коллегіи чиновниковъ, и люди, несомнѣнно сумасшедшіе и опасные, выпускаются на свободу. Кажется, что результатомъ подобнаго порядка вещей было убійство выдающагося московскаго городского головы Алексѣева. Этотъ порядокъ дѣйствовалъ въ мое время деморализующимъ образомъ и на коллегію врачей, которые, сознавая, что несутъ лишь частичную отвѣтствен-

ность, представляя своимъ мнѣніемъ лишь одну треть голосовъ, относились къ дѣлу освидѣтельствованія весьма поверхностно и пренебрежительно. Изъ главныхъ дѣятелей по медицинской части освидѣтельствованія я помню трехъ-четырехъ. Изъ нихъ одинъ лишь штадтъ-физикъ баронъ Майдель относился къ этой своей обязанности несомнѣнно серьезно, старшіе же врачи полиціи были людьми съ очень ограниченными знаніями и рѣзкими пріемами, во мнѣніяхъ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, „наука и не ночевала". Иногда гг. А. Б—ъ и Ш—ій — въ особенности послѣдній, — являлись простыми и послушными орудіями произвольныхъ полицейскихъ мѣропріятій. Мнѣ грустно вспомнить, что и милый, изящный и просвѣщенный докторъ Б—ъ не былъ свободенъ отъ упрека въ формальномъ и равнодушномъ отношеніи къ дѣлу освидѣтельствованія. Это былъ человѣкъ, представлявшій странное соединеніе гуманныхъ идей и просвѣщенныхъ взглядовъ съ мелочнымъ и болѣзненнымъ тщеславіемъ. Авторъ прекрасныхъ очерковъ по исторіи медицины, энергическій инициаторъ и проповѣдникъ наиболѣе цѣлесообразной системы устройства лазаретовъ, опытный администраторъ, вдумчивый врачъ и блестящій референтъ, онъ въ то же время проявлялъ чрезмѣрную склонность къ празднованію своихъ юбилеевъ, сопровождаемыхъ разсылкою фотографическихъ карточекъ, съ надписью „отъ юбиляра", на которыхъ онъ предъявлялъ получателямъ не только свое красивое лицо, но и свою ленту и звѣзды. Эти стороны его характера, пришедшія въ острое столкновеніе съ рутиною и грубостью нѣкоторыхъ врачей одного изъ казенныхъ курортовъ, его сгубили, вызвавъ тяжелыя испытанія и, наконецъ, смертельную болѣзнь.

При освидѣтельствованіи сумасшедшихъ Б—ъ ограничивался двумя-тремя вопросами и затѣмъ, тономъ непререкаемаго авторитета изрекалъ, закрывая по обычаю глаза, лаконическое: „боленъ", не удостоивая разъяснять ни какую форму психическаго разстройства имѣетъ эта болѣзнь, ни основанія, по которымъ онъ пришелъ къ такому заключенію. Этотъ лаконизмъ, въ связи съ отсутствіемъ физическаго освидѣтельствованія, придавалъ мнѣнію особаго присутствія характеръ необдуманной поспѣшности и всегда очень смущалъ меня, часто заставляя требовать прочтенія заключенія больничныхъ врачей, между которыми особенно выдѣлялись заключенія г.г. Дюкова и Чечотта.

Вслѣдствіе этихъ условій освидѣтельствованія, приходилось подчасъ имѣть дѣло съ совершенно неосновательнымъ привлеченіемъ къ изслѣдованію людей или здоровыхъ, но дурного характера, или же нервно-воспріимчивыхъ, но далекихъ отъ сумасшествія. При этомъ оказывалось, что поводъ къ испытанію иногда бросался въ глаза своей недостаточной мотивировкою. Особенно это проявлялось при пред-

ставленіяхъ въ особое присутствіе „умалишенныхъ“ по просьбѣ семейныхъ. Такъ, мнѣ вспоминается жена коллежскаго регистратора Б—чъ, признанная нами здоровою, а представленная къ освидѣтельствованію потому, что мужъ находилъ, что она „любитъ нравиться и кокетничать, довольно лѣнива, имѣетъ привычку плакать, а ставъ на молитву, молится безпорядочно и суетливо“. Скольхихъ свѣтскихъ женщинъ пришлось бы на этомъ основаніи признать умалишенными! Точно также оказалась здоровою мѣщанка К—на, надъ которой просили учредить опеку дѣти за то, что она „живетъ со своимъ обожателемъ“ и „бѣдныя сироты боятся умаленія доходовъ отъ содержимыхъ матерью портерной и публичнаго дома“. Свидѣтельствуемая, заявляя, что дѣйствительно содержитъ квартиру „для дѣвицъ и мужчинъ“, а также портерную, объяснила, что промышляетъ тѣмъ, что „даетъ хлѣбъ“, но отъ дѣтей почету не имѣетъ, потому что „мать стара, а у сыновей мамзели помоложе“. Такъ, въ 1882 году пришлось настоять на признаніи здоровой дѣвицы Д.—С., привлеченной къ освидѣтельствованію за романтическое увлеченіе судьбою одного изъ великихъ князей, которому она писала скрытно отъ родныхъ. Ея письмо ко мнѣ, по поводу ея освобожденія, сохранившееся у меня, полно тонкихъ психологическихъ замѣчаній и остроумія.

Иногда освидѣтельствованіемъ, съ точки зрѣнія охраненія порядка, замѣнялось, по распоряженію старшаго врача полиціи, надлежащее судебное преслѣдованіе. Такъ, мнѣ вспоминается отставной поручикъ Витковскій, чрезвычайно напоминавшій собою Щедринскаго поручика Жизневскаго, любившаго „помять и скомкать мордасы“. Поводомъ къ освидѣтельствованію его послужило побитіе извозчика и громкое пѣніе въ „Зимнемъ саду“, сопровождаемое дракой. Онъ вполнѣ правильно отвѣчалъ на всѣ вопросы, но при этомъ заявилъ: „я, господа, малый рѣшительный и просто не знаю, куда мнѣ дѣвать силы и голосъ; хотя я и дуракъ, потому что ничего не бралъ по службѣ, когда всѣ воруютъ, но не могу позволить оскорблять себя. По этому люблю иногда треснуть и если кто вздумаетъ мнѣ безнаказанно сдѣлать дурное, то я, зная, что по судамъ ходить долго, сейчасъ его въ ухо, да за воротъ. Извозчикъ мнѣ нагрубилъ—вотъ я и ткнулъ его носомъ лошади подъ хвостъ. Если это неправильно, пусть меня мировой судитъ и насъ съ извозчикомъ разберетъ, а только за что же меня въ больницу отправлять? Я—буянъ, а не сумасшедшій. Голова у меня на мѣстѣ, да и въ головѣ все на мѣстѣ, а вотъ силъ—некуда дѣвать!“

Раза два мнѣ пришлось грозить судебнымъ преслѣдованіемъ содержателю одной изъ частныхъ лѣчебницъ въ Петербургѣ при обнаруженіи въ губернскомъ правленіи явныхъ признаковъ содержанія

въ домѣ умалишенныхъ здоровыхъ людей по проискамъ родственниковъ, вносившихъ большую ежемѣсячную плату за содержаніе неугоднаго или ненавистнаго имъ человѣка. Особенно мнѣ памятно дѣло французскаго еврея, старика Л., запрятаннаго въ больницу своимъ сыномъ, забравшимъ въ руки торговую кассу отца. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ возмутительныхъ случаевъ не могъ дойти до суда, такъ какъ на чувства потерпѣвшихъ немедленно оказывалось искусное давленіе, побуждавшее ихъ къ примиренію или къ отказу отъ своей жалобы. Я не хочу этимъ сказать, чтобы всѣ, казавшіеся на неопытный въ психіатріи взглядъ здоровыми, были такими въ дѣйствительности. Пятнадцатилѣтняя практика въ этомъ отношеніи пріучила меня, послѣ нѣсколькихъ ошибочныхъ заявленій, относиться съ большою осторожностью къ внѣшней здравости разсудка, особливо въ отвѣтахъ на тѣ общепринятые вопросы, о которыхъ я упоминалъ выше. Мнѣ особенно памятенъ рѣзкій случай подобнаго рода. На второй годъ моего прокурорства въ Петербургѣ предъ особымъ присутствіемъ предстала, въ сопровожденіи своей матери, молодая дѣвушка изъ аристократической семьи, которая отвѣчала весьма сдержанно и здраво, но заявила, что желаетъ давать объясненія въ отсутствіи своей матери. Когда послѣдняя была удалена, она разсказала внушающимъ полное довѣріе тономъ, что мать и родные добиваются признанія ея безумной съ тѣмъ, чтобы, такимъ образомъ, отнять значеніе правды у ея жалобы на то, что она насильственно лишена дѣвства въ Петергофѣ, офицеромъ одного изъ расквартированныхъ тамъ полковъ, который употребилъ во зло ея невинность и довѣріе. Семья, по ея словамъ, рѣшилась лучше сдѣлаться предметомъ общаго сожалѣнія по поводу душевной болѣзни одного изъ младшихъ ея членовъ, чѣмъ допустить огласку постыднаго случая и сопряженное съ этимъ злорѣчіе. Весь разсказъ молодой дѣвушки имѣлъ характеръ самозащиты противъ лишенія свободы. Я попросилъ ее разсказать подробно обстоятельства ея несчастія, и она, удалившись въ особую комнату со мною, губернаторомъ и предводителемъ дворянства, въ связномъ и послѣдовательномъ, со многими вѣрными судебно-медицинскими подробностями, разсказѣ нарисовала картину гнуснаго преступленія, совершеннаго надъ нею въ своей квартирѣ человѣкомъ, въ порядочность котораго она вполнѣ вѣрила. Она назвала и имя своего оскорбителя, и его денщика, явившагося пособникомъ. Я просилъ отложить дальнѣйшее освидѣтельствованіе на недѣлю и, въ виду ея категорической словесной жалобы, распорядился о немедленномъ дознаніи чрезъ сыскную полицію обо всѣхъ внѣшнихъ подробностяхъ ея разсказа. Черезъ нѣсколько дней я получилъ дознаніе, вполнѣ подтвердившее эти внѣшнія подробности. Указанія

несчастной дѣвушки на служебное положеніе, фамиліи и имена участниковъ, на мѣсто, время и обстановку, облегчавшую совершеніе преступленія, во всемъ подтвердились. Когда она была вновь доставлена въ губернское правленіе, губернаторъ, по моей просьбѣ, предложилъ ей подвергнуться спеціальному освидѣтельствованію чрезъ врачей, между которыми былъ и акушеръ врачебной управы. Она охотно согласилась—и что же?!—оказалось, что она безусловно цѣломудренна, при чемъ самый фактъ осмотра доставилъ ей, повидимому, своеобразное удовольствіе, сопровождаемое разсказомъ о томъ, что непосредственными совершителями преступленія были уже нѣсколько лицъ и при томъ въ разное время. На вопросы присутствія она отвѣчала съ большимъ возбужденіемъ, забывая свои первоначальныя объясненія и начиная обвинять мать уже въ соучастіи въ оскорбленіи своей дѣвичьей чести. Пришлось отдать ее на краткое испытаніе въ больницу, въ которой она очень скоро представила полную и несомнѣнную картину жертвы маніи преслѣдованія на эротической почвѣ.

На-ряду съ притворно-здоровыми приходились встрѣчать и притворно-больныхъ. Ихъ было, впрочемъ, немного, такъ какъ главный мотивъ для притворства—избѣжаніе отвѣтственности за тѣ или другія преступныя дѣйствія — дѣлаетъ этихъ притворщиковъ предметомъ испытанія въ окружномъ судѣ, а не въ губернскомъ правленіи. И тутъ, и тамъ притворство изобличалось обыкновенно смѣшеніемъ несовмѣстимыхъ формъ сумасшествія. Таковъ былъ, напримѣръ, нѣкто Августовскій, не имѣвшій права жительства въ Петербургѣ и зарѣзавшій несчастную кухарку, которую онъ заподозрилъ въ донесеніи полиціи о его тайномъ пребываніи въ столицѣ. Въ домѣ предварительнаго заключенія онъ сталъ изображать изъ себя сумасшедшаго, очень искусно подражая словамъ и дѣйствіямъ больныхъ религіозною маніей, смѣняемою буйнымъ бредомъ. Найденный у него при обыскѣ краткій учебникъ психіатріи съ надлежащими отмѣтками показалъ, откуда онъ черпалъ руководство для избѣжанія заслуженной кары. Къ своему несчастію, онъ не зналъ только одного — что представляемыя имъ душевныя болѣзни, по заявленію экспертовъ, несовмѣстимы между собою и исключаютъ одна другую.

Не могу, наконецъ, не отмѣтить и случаевъ, гдѣ человѣкъ самъ поступалъ въ больницу или обращался къ психіатру, съ ужасомъ чувствуя приближеніе душевной болѣзни. Такъ поступилъ одинъ изъ членовъ петербургскаго окружнаго суда, къ счастію, потомъ выздоровѣвшій; то же самое было съ профессоромъ петербургской духовной академіи Б — вымъ, который задолго до окончательнаго развитія своей болѣзни обращался къ врачамъ, прося помѣстить себя въ домъ умалишенныхъ, черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія въ который у

него развился бредъ величія и идеи преслѣдованія. Хотя, по его словамъ, „всѣ согласились его подмѣнить и постоянно хоронили подъ его именемъ чужіе трупы“, онъ при троекратномъ свидѣтельствованіи сохранялъ очень веселое расположеніе духа и заплетающимся языкомъ разсказывалъ намъ содержаніе своихъ галлюцинацій.

Вызывающее печаль состояніе свидѣтельствуемыхъ иногда еще усугублялось тѣмъ, что безсвязныя слова сумасшедшихъ или нервная защита здоровыхъ умственно отъ подозрѣнія въ томъ, что они сумасшедшіе, приподымали кусокъ завѣсы надъ какой-нибудь семейной драмой. Безсвязный, повидимому, бредъ, намеки, а иногда и молчаніе въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы изъ области семейной жизни—давали понять, что душа изслѣдуемаго была доведена домашнимъ адомъ до той грани, за которой начинается безумiе, а иногда уже переступила ее. Въ большинствѣ случаевъ это бывали женщины. Изъ этихъ случаевъ особенно мнѣ памятенъ одинъ.

26 ноября 1871 года мнѣ пришлось участвовать въ освидѣтельствованіи въ петербургскомъ губернскомъ правленіи дочери генералъ-лейтенанта А. К. Б. Въ засѣданіе была введена дѣвушка лѣтъ 25, съ блѣднымъ лицомъ, густыми черными волосами и впалыми потупленными темно-карими глазами. Ее держала подъ-руку и слегка подталкивала высокая и красивая надзирательница исправительнаго заведенія (такъ называлась тогда больница Св. Николая Чудотворца) съ прекраснымъ и спокойнымъ лицомъ. Она усадила приведенную въ кресло и стала за нимъ, а та сложила судорожно сжатыя руки на колѣняхъ и низко опустила голову, отвѣчая на всѣ вопросы упорнымъ молчаніемъ. Предъ тѣмъ какъ ее увели, надзирательница объяснила, что Б. почти ничего не отвѣчаетъ и въ больницѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и часто тихонько плача, при чемъ ее съ великимъ трудомъ удается уговорить съѣсть одно или два яйца всмятку. Но на пути въ губернское правленіе она, однако, нарушила свое молчаніе, сказавъ, что рѣшилась ничего не отвѣчать, такъ какъ бывать въ присутствіи ей стало совершенно невыносимо. Когда онѣ удалились, докторъ Б. обычнымъ небрежнымъ тономъ лаконически сказалъ: „больна“, а старшій врачъ полиціи подтвердилъ это кивкомъ головы. „Изъ чего же это видно?“—спросилъ я.—„Меланхолія“,—лаконически отвѣчалъ докторъ Б., и тутъ же написалъ на печатномъ бланкѣ резолюціи это слово, поставивъ сверху: „упорно молчитъ“. „Она у насъ уже не въ первый разъ,—сказалъ мнѣ губернаторъ,—господа врачи находятъ, что она не въ своемъ умѣ, и нынѣшнее ея поведеніе дѣйствительно это доказываетъ. Такъ согласны, господа?“—обратился онъ къ присутствующимъ. — „Я не могу согласиться,“—сказалъ я — по закону мы должны судить о состояніи здоровья сви-

дѣтельствуемаго по его отвѣтамъ на обыкновенные вопросы, а здѣсь отвѣтовъ нѣтъ, и Сенатъ, конечно, не признаетъ нашего заключенія основаннымъ на достаточномъ матеріалѣ". Врачи переглянулись между собою съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что какой-то профанъ не соглашается съ ихъ безапелляціоннымъ рѣшеніемъ. Но добрый старикъ О. В. Лутковскій спросилъ меня: „Да что же намъ дѣлать?"— „Освидѣтельствовать еще разъ и, если возможно, въ другой обстановкѣ".—„А если она и тогда будетъ молчать?"—„Тогда, быть можетъ, если предварительныя свѣдѣнія меня въ томъ убѣдятъ, и я соглашусь съ вами. Теперь же мнѣ ничего не остается, какъ подать особое мнѣніе и просить васъ представить его въ Сенатъ."—„Хорошо,— сказалъ губернаторъ, — мы повторимъ освидѣтельствованіе недѣли черезъ три, но тогда, если она опять будетъ молчать, вы сами, конечно, убѣдитесь, что она больна". — „И при томъ давно и безнадежно",—прибавилъ недовольнымъ тономъ старшій врачъ полиціи. По окончаніи засѣданія я попросилъ дать мнѣ всю переписку о больной и вотъ что я узналъ изъ нея.

Окончивъ лѣтъ шесть назадъ курсъ въ Маріинскомъ институтѣ, Б. вернулась въ домъ своихъ родителей, жившихъ скромно и даже бѣдно. Но здѣсь она встрѣтила враждебное отношеніе къ себѣ со стороны сестеръ, которыя ее не взлюбили и стали возстановлять противъ нея родителей. Затѣмъ одинъ негодяй, нѣкто Д—новъ, пользуясь ея довѣрчивостью, далъ ей поводъ думать, что сдѣлалъ ей предложеніе. Хотя онъ и объяснилъ затѣмъ, что это была шутка, но сердце бѣдной дѣвушки отказывалось вѣрить въ возможность такой жестокой забавы. Вѣроятно, она сдѣлала какіе-либо безтактные шаги, которые возбудили крайнее неудовольствіе родителей, переселившихся въ Выборгъ, и они потребовали, чтобы она пріискала себѣ какое-либо занятіе и жила отдѣльно. Тогда въ ней приняла участіе одна изъ ея тетокъ, очень богатая женщина, взяла ее къ себѣ и заявила, что хочетъ ее удержать навсегда вмѣсто дочери. Счастливые дни у тетки продолжались, однако, недолго. Встревоженные привязанностью старухи къ своей пріемной дочери и чуя въ этомъ опасность для себя, какъ для наслѣдниковъ, родные Б. сами и чрезъ разныхъ лицъ стали возстановлять впечатлительную старушку противъ нея, эксплоатируя и извращая исторію съ шуточнымъ предложеніемъ и распространяя разныя злобныя на счетъ бѣдной дѣвушки измышленія. Мнительная женщина, наконецъ, захворала въ этой удушливой атмосферѣ клеветы и сплетенъ и перемѣнилась въ отношеніяхъ къ пріемной дочери до такой степени, что та должна была оставить ея домъ и, найдя себѣ кратковременное пристанище у другой тетки, жившей въ богадѣльнѣ, стала усиленно искать мѣста. Но мѣста не находилось, и она снова

вынуждена была вернуться къ родителямъ въ Выборгъ, гдѣ, вслѣдствіе наговоровъ и сплетенъ родныхъ, была встрѣчена крайне недружелюбно. Въ этой тяжелой обстановкѣ она прожила нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, получила предложеніе занять мѣсто классной дамы въ далекомъ провинціальномъ институтѣ. Она прибыла туда, не зная, что начальница института находится въ отпуску въ Петербургѣ, гдѣ ей успѣли тоже отрекомендовать беззащитную дѣвушку съ дурной стороны. Результатомъ этого, по возвращеніи начальницы въ институтъ, были недовѣріе и придирки къ Б., крайне отяготившія и безъ того безрадостную жизнь послѣдней. Кончилось тѣмъ, что начальница потребовала отъ Б., чтобы она подала въ отставку, а на заявленіе ея о трудности отказаться отъ мѣста, на которое она пріѣхала за 2.000 верстъ, было отвѣчено посылкой въ Петербургъ рапорта о томъ, что она душевно-больная. Тогда поневолѣ пришлось оставить институтъ и съ трудомъ добраться до Петербурга. Здѣсь, по заявленію матери градоначальнику, Б. была осмотрѣна старшимъ врачемъ полиціи Ш. и 15 января 1869 года помѣщена, по распоряженію его, въ отдѣленіе душевно-больныхъ при исправительномъ заведеніи, куда и былъ переданъ рапортъ ея институтскаго начальства, въ которомъ кратко сказано, что она уволена отъ должности, потому что „помѣшана и одержима хандрой". 31-го января она была освидѣтельствована въ петербургскомъ губернскомъ правленіи, которое, „принимая во вниманіе правильные и совершенно логическіе отвѣты свидѣтельствуемой, послѣдовательность и ясность въ разсказѣ объ обстоятельствахъ ея жизни, здравыя сужденія объ отношеніяхъ къ окружающему ее міру и удостовѣреніе больницы о томъ, что въ теченіе двухнедѣльнаго наблюденія у нея не замѣчено никакихъ положительныхъ признаковъ умственнаго разстройства" — признало ее здоровой. При этомъ ей предложено было списаться со своими знакомыми, не пріютитъ ли кто изъ нихъ ее у себя, такъ какъ ея мать просила градоначальника обязать ее подпиской не являться къ ней въ домъ. 10-го февраля 1870 г. директриса филантропическаго общества Ш. взяла ее на свое попеченіе и нашла ей мѣсто гувернантки у купца Е. Однажды она отправилась съ дѣтьми на выставку въ академію художествъ, гдѣ находилась очень популярная въ то время картина Брянскаго „Возвращенное кольцо". Изображенная на ней дѣвушка, плачущая надъ письмомъ съ лежащимъ на немъ обручальнымъ кольцомъ, была, по роковой случайности, до крайности похожа на Б. Дѣти это замѣтили, и ихъ шумное указаніе растравило въ ея сердцѣ еще незажившую рану. Когда затѣмъ ей пришлось быть въ фотографіи Бранденбурга, онъ сказалъ ей, что картина Брянскаго списана, конечно, съ нея, и объяснилъ, что ея сестры, мужъ одной изъ кото-

рыхъ служитъ въ канцеляріи градоначальника, снимались въ его фотографіи. Въ измученной душѣ бѣдной дѣвушки злая шутка Д—а, имѣвшая мѣсто въ квартирѣ этого мужа сестры, провинціальныя гоненія въ институтѣ, ненависть сестеръ, сидѣніе въ сумашедшемъ домѣ при исправительномъ заведеніи и картина Брянскаго сплелись въ одинъ неразрывный клубокъ, и все это такъ потрясло ее, что она захворала и должна была оставить мѣсто у Е. У нея оставался одинъ лишь близкій и родной человѣкъ—братъ-морякъ, бывшій не въ ладахъ съ родными и служившій въ Кронштадѣ. Онъ принялъ горячее участіе въ сестрѣ, все ему разсказавшей, потребовалъ, чтобы она написала ему письмо о предложеніи Д—а и съ этимъ письмомъ въ рукахъ рѣшился добиться удовлетворенія отъ него и хозяина дома, въ которомъ оперировалъ милый шутникъ. Какія именно дѣйствія онъ предпринялъ—неизвѣстно, но въ одинъ прекрасный день онъ былъ подвергнутъ докторомъ Ш., по жалобѣ сестеръ, освидѣтельствованію и помѣщенъ на цѣлую недѣлю въ пріемный покой полицейской части, при чемъ, при освобожденіи, отъ него была отобрана подписка, что онъ признаетъ дѣйствія полиціи законными и никакихъ претензій не имѣетъ. Братъ былъ человѣкъ слабаго характера. У него были долги, и угроза быть объявленнымъ несостоятельнымъ заставила его оставить службу и искать частныхъ занятій. Но занятій не находилось, и они жили съ сестрой на ея пенсію въ 23 руб. въ мѣсяцъ, покинутые всѣми. Наконецъ, нищета дошла до того, что они питались однимъ чаемъ и чернымъ хлѣбомъ. Тогда, 11-го декабря 1870 года, быть можетъ, по чьему-либо коварному наущенію, она пришла въ губернское правленіе и стала настойчиво добиваться видѣть губернатора, чтобы просить его дать какое-либо мѣсто несчастному брату, которому не въ чемъ было выйти изъ дому и явиться самому. Она, вѣроятно, разсчитывала увидѣть добраго Лутковскаго, который предсѣдательствовалъ за губернатора годъ тому назадъ въ особомъ присутствіи. Но дѣйствительнымъ губернаторомъ былъ грубый, надменный и дерзкій графъ Левашовъ. По его распоряженію, было сдѣлано нѣчто неслыханное. Въ этотъ день происходило освидѣтельствованіе сумасшедшихъ.—Б. была введена въ присутствіе и подвергнута допросу, во время котораго, плача и растерянно отвѣчая на ироническіе и язвительные вопросы губернатора, объяснила свою просьбу о братѣ и дала, какъ она выразилась, „разгадку несчастій своей жизни“, т. е. разсказала о предложеніи Д., о портретѣ и преслѣдованіяхъ со стороны сестры. Особое присутствіе, вопреки точному смыслу закона, признало себя въ правѣ счесть всю эту процедуру за освидѣтельствованіе по 533 ст. I ч. II тома, и при благосклонномъ содѣйствіи ученой коллегіи, найдя въ отвѣтахъ Б. „быструю

смѣну идей, безсвязность и непослѣдовательность", — признало ее одержимою помѣшательствомъ и отправило въ сумасшедшій домъ. Съ этимъ возмутительнымъ постановленіемъ не согласились вице-губернаторъ Лутковскій и товарищъ прокурора Шуйскій. Но оно все-таки было приведено въ исполненіе и самое постановленіе представлено въ Правительствующій Сенатъ. Тамъ оно лежало до 26 мая 1871 года, когда Сенатъ, не обративъ никакого вниманія на незаконность повода къ освидѣтельствованію, но затрудняясь вывести правильное заключеніе о состояніи умственныхъ способностей Б., предписалъ содержать ее въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ *на испытаніи*. Но еще раньше этого, 13 мая 1871 года, контора исправительнаго заведенія увѣдомила губернское правленіе, что Б. могла бы быть выписана, такъ какъ „ведетъ себя спокойно, съ окружающими обращается дружески, занимается кое-какими работами и только въ послѣдніе дни, озабоченная мыслью о выходѣ изъ больницы и видя себя одинокою, безпомощною, почти брошенною родными при весьма ограниченныхъ средствахъ и то, быть можетъ, временныхъ, сильно грустить, весьма мало ѣстъ, молчалива и довольно слаба физически". Вслѣдствіе этого, 21 мая, Б. была освидѣтельствована въ исправительномъ заведеніи при участіи всѣхъ лицъ, составляющихъ особое присутствіе. Она была оскорблена этимъ нашествіемъ и, заявивъ больничнымъ докторамъ, что она не арестантка, которую можно свидѣтельствовать публично, не отвѣчала на вопросы, не хотѣла вставать съ кровати и закрывала платкомъ лицо. Поэтому присутствіе рѣшило оставить ее въ больницѣ *до излѣченія*. Такимъ образомъ, доведенная до отчаянія, несчастная дѣвушка была водворена на неопредѣленное время въ больницу. Для нея потекли дни мрачной тоски и угнетенія чувствъ. По донесенію больницы, — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ до 26 августа, — она проводила время въ полномъ одиночествѣ, ни съ кѣмъ не говоря ни слова и почти не принимая пищи. 27 августа 1871 года она была освидѣтельствована вновь, при чемъ присутствіе нашло, повидимому, къ немалому своему удивленію, что она на вопросы отвѣчаетъ тихо, вяло и весьма неохотно. Хотя отвѣты ея были совершенно ясны и выражали настойчивое желаніе оставить больницу и жить на свободѣ пенсіей и своимъ трудомъ, присутствіе, очевидно ожидавшее встрѣтить въ ней, на основаніи всего предшествовавшаго, жизнерадостную словоохотливость, постановило, „въ виду неопредѣлительности ея отвѣтовъ", оставить ее въ больницѣ еще на три мѣсяца. И вотъ черезъ три мѣсяца, 26 ноября, произошло то освидѣтельствованіе, въ которомъ участвовалъ и я. Было ясно, что, вслѣдствіе бездушнаго къ себѣ отношенія, несчастная дѣвушка, съ измученной нервной системой,

пришла къ убѣжденію, что она совершенно безпомощна бороться со своей жестокой судьбой, и она ей покорилась, медленно, но вѣрно идя къ окончательной гибели путемъ полнаго истощенія физическихъ и нравственныхъ силъ...

Прокуроромъ судебной палаты въ это время былъ Валеріанъ Александровичъ Половцовъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей судебнаго вѣдомства, какихъ я встрѣчалъ. Человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ своеобразный, съ лицомъ, удивительно напоминавшимъ Наполеона I, съ точнымъ и содержательнымъ словомъ и твердой волей, онъ отличался огромнымъ трудолюбіемъ и былъ горячо преданъ судебному дѣлу. Это былъ настоящій прокуроръ судебной палаты въ томъ смыслѣ, какъ это званіе понимали составители судебныхъ уставовъ. Онъ былъ совершенно чуждъ услужливой бѣготни въ канцелярію министерства юстиціи и не искалъ жадно, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ преемниковъ, случая отличиться въ глазахъ „властей предержащихъ" и тѣмъ снискать себѣ матеріально выгодное положеніе начальника явной и тайной полиціи. Но ни одно дѣло въ палатѣ не проходило безъ его вѣдома и, во многихъ случаяхъ, изученія даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, при чемъ онъ слѣдилъ за ходомъ и судьбою этихъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ, часто посѣщая судебныя засѣданія и даже выбирая обвинителей въ соотвѣтствіи съ ихъ способностями и съ характеромъ дѣлъ. Огромный трудъ обвиненія по такъ называемому Нечаевскому дѣлу въ 1871 г. былъ совершенъ имъ съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ, которое вызывалось истинными интересами правосудія и создало уваженіе къ обвинителю даже и въ средѣ его противниковъ. Моя служба съ нимъ оставила во мнѣ самое свѣтлое воспоминаніе, а его самоотверженная дѣятельность въ защиту правъ судебнаго вѣдомства, столь еще непонятныхъ въ то время многимъ высшимъ представителямъ „усмотрѣнія", сдѣлала его для всѣхъ его знавшихъ особенно дорогимъ. Къ сожалѣнію, намъ недолго пришлось служить вмѣстѣ. Самостоятельный и рѣшительный образъ дѣйствій его по отношенію къ товарищу шефа жандармовъ графу Левашеву,—тому самому, который за два года предъ тѣмъ свидѣтельствовалъ Б.,—представленный и истолкованный въ ложномъ свѣтѣ, вызвалъ служебную опалу и назначеніе его предсѣдателемъ гражданскаго департамента палаты, сопровождаемое словеснымъ выговоромъ при общемъ служебномъ представленіи. Такимъ образомъ, и наши взгляды на судебное дѣло, и наша судьба во многихъ отношеніяхъ были тождественны, хотя не въ одинаковомъ хронологическомъ порядкѣ. И я, тѣснимый за приговоръ присяжныхъ по одному громкому дѣлу и занимавшійся всю жизнь уголовными дѣлами, былъ назначенъ предсѣдателемъ того же

гражданскаго департамента палаты, и мнѣ пришлось, при назначеніи оберъ-прокуроромъ, выслушать тягостный отзывъ о своей дѣятельности въ качествѣ судьи.

Манеры и оригинальный подчасъ способъ выраженій Половцова давали иногда людямъ, не знавшимъ его ближе, поводъ составлять себѣ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ сухомъ и рѣзкомъ. Казалось, что ему, по своеобразности его натуры, даже нравилось создавать о себѣ такое мнѣніе. Но я зналъ, что подъ этой наружной холодностью и нерѣдкой ироніей скрывалось теплое и отзывчивое сердце. Въ одну изъ нашихъ долгихъ бесѣдъ въ его служебномъ кабинетѣ въ поздній часъ, когда всѣ служащіе уже разошлись, а онъ сидѣлъ надъ обвинительными актами, дѣлая на нихъ замѣтки своимъ своеобразнымъ крючковатымъ почеркомъ, при чемъ строки неудержимо уходили вверхъ, я разсказалъ ему о дѣлѣ Б. и сообщилъ мои опасенія, что она и вновь не захочетъ говорить. Половцовъ, повидимому, отнесся къ ея судьбѣ равнодушно, назвавъ ее при этомъ дурой. Это было 12 декабря. На дворѣ стоялъ жестокій морозъ, и сильная вьюга слѣпила глаза. Мы разстались въ восьмомъ часу вечера, а въ двѣнадцатомъ мой слуга сказалъ мнѣ, что пришелъ господинъ Половцовъ и желаетъ меня видѣть. Валеріанъ Александровичъ вошелъ въ переднюю въ своемъ обычномъ легкомъ ватномъ пальто, окоченѣлый и весь засыпанный снѣгомъ. Со своимъ типическимъ лицомъ онъ представился мнѣ Наполеономъ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ его отступленія изъ Россіи. На мой удивленный вопросъ о столь позднемъ и необыкновенномъ посѣщеніи онъ отвѣчалъ просьбою дать ему стаканъ чаю и сказалъ мнѣ затѣмъ слѣдующее: „когда вы ушли отъ меня, разсказавъ объ этой дурѣ, я раздѣлилъ ваши опасенія, что она и опять не захочетъ говорить и рѣшилъ поѣхать къ ней. Меня сначала не хотѣли пускать вечеромъ въ исправительное заведеніе, но я настоялъ, ссылаясь на свое званіе, и былъ проведенъ къ этой дурѣ. Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и ничего не хотѣла отвѣчать. Я сѣлъ возлѣ ея кровати и, попросивъ оставить насъ вдвоемъ, сталъ ей говорить о томъ, что вы разсказали мнѣ объ ея жизни, и просить ее не упорствовать болѣе, обнадеживая, что въ васъ и во мнѣ она найдетъ заступниковъ. Она долго отмалчивалась, и я опять сталъ просить и уговаривать, доказывая, что не всѣ на свѣтѣ противъ нея. Она стала плакать и, наконецъ, отвернулась отъ стѣны и вступила со мной въ разговоръ. Я ее старался ободрить и утѣшить. Ну, да что много разсказывать! Я просидѣлъ съ нею весь вечеръ, и она *будетъ говорить* въ присутствіи; она мнѣ обѣщала. Я сегодня же напишу губернатору, прося поскорѣе назначить освидѣтельствованіе, а вы уже позаботьтесь, чтобы снова не

обидѣли эту дуру. Ну, вотъ и все. Прощайте, другъ мой. Я согрѣлся и чаю не хочу, а поѣду домой: я сегодня не обѣдалъ". Въ письмѣ, полученномъ губернаторомъ на другой день, Половцовъ писалъ Лутковскому: „Изъ продолжительнаго разговора, который я имѣлъ сегодня съ дѣвицей Б., нельзя было не убѣдиться, что при всей тяжести обрушившихся на нее несчастій, которыя не могли не отозваться на общемъ настроеніи ея духа, она сохранила совершенно ясныя и опредѣлительныя понятія о всемъ, что составляетъ нашу мысленную и нравственную сферу и что ни во всемъ внутреннемъ строѣ ея мыслей, ни во внѣшней передачѣ отдѣльныхъ ея впечатлѣній, не можетъ быть замѣчено ничего анормальнаго; напротивъ того, все сказанное ею носитъ на себѣ явный отпечатокъ свѣтлой души и образованнаго ума". Прося затѣмъ поспѣшить назначеніемъ новаго освидѣтельствованія Б., Половцовъ указывалъ, что это необходимо, чтобы окончательно убѣдиться въ истинномъ состояніи ея умственныхъ способностей тѣми объясненіями, которыя она имѣетъ представить. „Вы поймете и раздѣлите,—писалъ онъ,—со мною то глубокое чувство состраданія, которое внушило мнѣ несчастное существо, столь давно испытывающее жестокія для каждаго мыслящаго и чувствующаго человѣка страданія и уже готовое почти разстаться съ мыслью быть когда-либо освобожденной изъ той ужасной среды, въ которой она теперь находится. Если я не ошибусь въ этомъ ожиданіи, мнѣ останется лишь благодарить Провидѣніе за ниспосланный Имъ намъ обоимъ случай сдѣлать доброе, хорошее дѣло".

7 января 1872 года состоялось послѣднее освидѣтельствованіе Б. Когда я пріѣхалъ нѣсколько раньше начала засѣданія и проходилъ черезъ пріемную комнату, я нашелъ тамъ разныхъ лицъ, приведенныхъ для испытанія. Между ними была и Б. въ сопровожденіи представительной надзирательницы. Я подошелъ къ ней. „А. К.—вы меня знаете?" „Да—вы прокуроръ.—Вы будете намъ отвѣчать? вы, вѣдь, это обѣщали.—Да,—отвѣчала она, смотря добрымъ и ласковымъ, уже непотупляемымъ взглядомъ.—О!—прибавила надзирательница,—она станетъ говорить: она стала совсѣмъ неузнаваема". И дѣйствительно, черезъ полчаса, я съ радостнымъ чувствомъ подписалъ протоколъ, на которомъ тою же врачебною рукою, которая такъ долго выставляла подъ именемъ Б. роковыя слова „мрачная меланхолія", было написано: „здорова". Бѣдную дѣвушку взяла къ себѣ изъ больницы вдова тайнаго совѣтника Пейкеръ.

Вспоминается мнѣ, между прочимъ, дочь коллежскаго ассесора Екатерина С—ва. „Похоронила меня мать,—говорила она,—вотъ я и подурнѣла, а была красавица. Что же мнѣ дѣлать: и отецъ ругается, и кухарка ругается, и мать ругается, а я въ монахини пойти не могу.

Папенька служили въ департаментѣ, а маменька вѣдь какой человѣкъ, вѣдь какой человѣкъ, я безъ нея жить не могу, а она все ругается, день-деньской ругается, вотъ вѣдь какой человѣкъ!" По блѣдному лицу ея текли слезы, и по временамъ она дергалась всѣмъ тѣломъ въ сторону, какъ бы сторонясь отъ удара. У нея были несомнѣнныя бредовыя идеи, но невольно чувствовалось, что въ потерѣ ею душевнаго равновѣсія сыграла роль тяжелая семейная обстановка.

Извѣстно, что многіе душевно-больные, отправляясь отъ бредовой идеи, развиваютъ ее затѣмъ съ большой логикой или помѣщаютъ тонкія и вѣрныя соображенія внутри круга безумныхъ идей. Сюда же надо отнести живой юморъ и находчивые остроумные отвѣты.

Мнѣ пришлось участвовать въ Казани, въ 1870 году, въ освидѣтельствованіи чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, проявившаго признаки сумасшествія во время поѣздки на пароходѣ по Волгѣ. Утонченно-вѣжливый и изящный молодой человѣкъ держалъ себя въ присутствіи, какъ въ свѣтской гостиной, хотя и заявилъ, что знаетъ, гдѣ онъ находится и зачѣмъ. „Я душевно-больной,—объяснилъ онъ,—и болѣзнь моя состоитъ въ томъ, что я нахожусь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Богомъ, который меня весьма стѣсняетъ въ моей личной жизни своимъ присутствіемъ и вмѣшательствомъ. Мнѣ стоитъ, напримѣръ, подумать о женщинахъ и объ ихъ ласкахъ, какъ Богъ ужъ тутъ-какъ тутъ и говоритъ: „А вы, милостивый государь, зачѣмъ объ этомъ думаете?" а затѣмъ возьметъ, да и срѣжетъ у меня, въ наказаніе, тонкій слой разсудка. Вотъ еще недавно я игралъ „Лунную сонату" Бетховена и сталъ думать о женщинахъ, знаете эдакъ... немножко фривольно. Обернулся, а Богъ стоитъ уже сзади и говоритъ: „вы опять?" и снова уменьшилъ мой разсудокъ. А то другой разъ я ѣхалъ съ нимъ въ саняхъ по Воскресенской улицѣ. Онъ говоритъ: „вы теперь, милостивый государь, куда? Въ клубъ. Прекрасно, и я съ вами.—Но, вѣдь, ты не членъ клуба,—говорю я.—Это не важность, отвѣчаетъ онъ, я вѣдь вездѣсущій. У подъѣзда клуба мы разстались. Тамъ я сѣлъ за карты, держу въ рукахъ двѣ дамы, мнѣ и пришли въ голову женщины. Вдругъ подходитъ Богъ, положилъ мнѣ руку на плечо, да и говоритъ: „такъ, милостивый государь, нельзя!" и снова уменьшилъ мой разсудокъ. Онъ меня бралъ съ собой и на небо, и я видѣлъ рай и адъ...

Губернаторъ Ск—ъ, грубый насильникъ и человѣкъ мало образованный, спросилъ свидѣтельствуемаго: „Что же тамъ, сковороды вѣрно лижутъ и въ огнѣ горятъ?"—„Нѣтъ, ваше превосходительство—

вѣжливо отвѣчалъ тотъ—сковороды существуютъ въ грубомъ воображеніи темнаго народа, а душа сгораетъ внутреннемъ огнемъ и страдаетъ. Вотъ, напримѣръ, въ фонарѣ горитъ огонь и освѣщаетъ ночью всякій развратъ и мерзость, а можетъ быть, это чья-нибудь душа пылаетъ и мучится, видя всю здѣшнюю неправду и преступленія". „Значитъ, вы признаете, что у васъ страданіе мозга?" „Нѣтъ не признаю; у меня душевная болѣзнь, состоящая въ томъ, что я, въ противоположность другимъ людямъ, могу разговаривать съ Богомъ. Это—душевная болѣзнь, а не страданіе мозга". „Это все равно, рѣзко замѣтилъ начальникъ губерніи. „Извините меня, ваше превосходительство, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что это все равно. Вы, повидимому, матеріалистъ и не признаете души или считаете, что душа зависитъ во всемъ отъ тѣла. Мнѣ васъ жаль, искренно жаль, потому что въ дѣйствительности это совершенно наоборотъ. Позвольте привести вамъ примѣръ: вы вотъ, положимъ, придумаете какой-нибудь проектъ и, не спросясь, его осуществите, или примете какую-нибудь мѣру, а вамъ изъ Петербурга нахлобучка! нахлобучка! Получите ее, когда пьете утренній кофе, вамъ и кофе покажется противнымъ, и желудокъ разстроится, и сонъ пропадетъ. А отчего все это? Отъ душевнаго огорченія. Что же повліяло: тѣло на душу или душа на тѣло? Или вотъ еще другой примѣръ..."—Довольно! нетерпѣливо сказалъ С—ъ.—Уведите его...

Помню я въ Петербургѣ освидѣтельствованіе надворнаго совѣтника Лазаря Серебрякова, который считалъ себя сыномъ императора Николая I и ни за что не хотѣлъ имѣть паспорта для отъѣзда за границу за подписью „п... Тимашева", котораго онъ обвинялъ во всѣхъ несчастіяхъ Россіи и даже въ смерти императора Николая. „Почему же вы не хотите имѣть паспортъ за подписью, которую требуетъ законъ?"—спросилъ его губернаторъ.—„А развѣ законъ требуетъ, чтобы господинъ Тимашевъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ?"—въ свою очередь спросилъ Серебряковъ.

Саксонскій подданный Карлъ Барнбекъ, переведенный изъ богадѣльни въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, вслѣдствіе ссоръ съ призрѣваемыми и совершенно безумныхъ, крайне нечистоплотныхъ поступковъ, не совсѣмъ оправдалъ свое старческое слабоуміе (marasmus senilis) своими отвѣтами. „Я баронъ Бекъ",—заявилъ онъ.—„Т. е. Барнбекъ", поправляетъ губернаторъ.—„Нѣтъ, баронъ Бекъ. Вѣдь, говорятъ, что Трепова нашли на лѣстницѣ и назвали trepp auf и вышелъ Треповъ. Такъ и я: баронъ Бекъ, а выходитъ Барнбекъ. „Что вы дѣлаете?" Ich singe vie der Vogel singt! Я исполняю волю Божью, потому что и воробей на крышѣ поетъ по волѣ Божьей".—„Гдѣ вамъ болѣе нравится: въ богадѣльнѣ или здѣсь"?—Ich

habe ein weiches Gemüth. Ubi bene ibi patria". — „Зачѣмъ вы ссорились и не держали себя спокойно"?—Stilstand ist Ruckgang.—Разскажите обстоятельства вашей жизни.—Молчаніе.—„Отчего вы не отвѣчаете?"—Ein Narr kann mehr fragen als zehn Weise antworten!

Такъ, дворянинъ Богдановичъ, отвѣчая на обыкновенные, общежитейскіе вопросы, внезапно заявилъ: „а царемъ я быть не хочу, потому что не царь—царь, а тотъ, кто надъ собою царь, т. е. надъ своими страстями".

Такъ, титулярный совѣтникъ Прозоровскій, переставшій ходить на службу потому, что хочетъ служить одному Богу и кромѣ того знаетъ, что близко свѣтопреставленіе, объяснилъ: „у меня нѣтъ расположенія духа, чтобы служить, какъ всѣ служатъ, а если я пойду на службу, то это будетъ тѣло безъ души. Ну, а хорошо ли служить безъ души?"

Такъ, отставной штабсъ-капитанъ Николай X—въ, 76-лѣтній преданный порочной привычкѣ и лѣчащійся отъ безсилія и „натужности въ нижнихъ частяхъ" леденцомъ, объяснилъ, что у него 22.000 десятинъ въ Новгородской губерніи и что онъ хочетъ ихъ отказать государственному совѣту для усиленія его дѣятельности. Его только смущаетъ, что всѣ члены этого учрежденія въ двоюродномъ родствѣ между собою, которое они скрываютъ тѣмъ, что для вида спорятъ. Самъ же онъ чувствуетъ себя очень хорошо, ибо давно уже понялъ, что главная независимость въ жизни—никогда не думать о своемъ здоровьѣ.

Такъ, отставной подполковникъ Ассѣевъ, служившій до 1872 года въ Западномъ краѣ, заявилъ, что онъ убитъ и даже выскобленъ, и убитъ при томъ брошенной въ него птицей, почему не можетъ болѣе служить и проводить „политику", а „политика" состоитъ въ томъ, что есть католическіе дворяне и центральные хамы, и губернатору надо между ними лавировать.

Отставной же коллежскій секретарь Андрей Фирсовъ объяснилъ, что до 1870 года былъ сыномъ Божьимъ, а потомъ Духъ Святой не приказалъ его брать на службу въ придворное вѣдомство, и онъ сталъ ловить птицъ и „заниматься клѣтками", при чемъ убѣдился, что люди имѣютъ очень много себѣ подобныхъ:—это такъ называемые идіоты: они совсѣмъ,—какъ люди и бываютъ очень важны, всѣ въ звѣздахъ, а въ сущности идіоты, и это потому, что они сотворены не Духомъ Святымъ, а сдѣланы химически... и т. д.

Наконецъ, отставной прапорщикъ Садомцевъ находилъ, что одинъ очень высокій сановникъ назначенъ для смѣха, ибо онъ лысый и „для письмоводства не годится", и жаловался на неправильное заявленіе о его болѣзни со стороны старшаго врача полиціи. „Да вы,

можетъ быть, вправду больны?"—спросилъ его губернаторъ.—„Не болѣе, чѣмъ всѣ другіе",—отвѣчалъ онъ.—„Развѣ вы не знаете въ какомъ жалкомъ состояніи находятся, напримѣръ, умственныя способности у гуляющихъ въ Лѣтнемъ Саду и притомъ свѣдома правительства"!

Разбирая мои замѣтки, я вижу, что наибольшее число душевныхъ разстройствъ выражалось *въ маніи величія* и *въ религіозномъ бредѣ*, при чемъ послѣдній, какъ это обыкновенно бываетъ, часто переплетался съ эротическими представленіями и цивическими поступками. Такъ, напримѣръ, хорошенькая и сильно раскрашенная молодая женщина К—дзе, страдавшая маніей величія и тягостными галлюцинаціями обонянія, считала себя великой княжной Маріей Ѳеодоровной, вызванной царской фамиліей въ Петербургъ изъ Тифлиса для водворенія порядка, здравія и спокойствія, что и совершила съ блестящимъ успѣхомъ и за это должна быть коронована. Такъ, коллежскій регистраторъ Козловскій, состоящій генералъ-адъютантомъ второго императора, о чемъ можно узнать у градоначальника, былъ очень занятъ разсмотрѣніемъ своихъ орденовъ, которыхъ такъ много, что ихъ пришлось оставить на вокзалѣ. Однихъ крестовъ на шею девять штукъ...—Отставной генералъ-маіоръ Сонинъ пріѣхалъ въ присутствіе на охоту, живетъ во дворцахъ, потому что онъ императоръ и Суворовъ; дѣтей у него учитъ султанша, и ему принадлежатъ соловей и Бразильская императрица.—У отставного надворнаго совѣтника Бережкова, графа и тайнаго совѣтника 1-ой степени, стальная грудь, и съ него рисуютъ портреты государя. Поручикъ Иванъ Побуковскій—сынъ Наполеона I, Богъ и ангелъ-хранитель, императоръ французскій и всего міра, за исключеніемъ двадцати государствъ, изъ коихъ пять державъ республиканскихъ, а доходу у него 6.000.000 милліон.—Жена штабсъ-капитана Лепницкая, императрица великобританская, а можетъ быть, и всеросійская, и мужъ-императоръ, но какой страны не знаетъ, а состоянія 2 милліона.—Отставного прапорщика Кащеева, князя Пожарскаго или Финляндскаго, урожденнаго Долгорукова, сама императрица просила быть спокойнымъ и пріѣзжала для этого въ Кронштадтъ.—Крестьянинъ Андрей Кудрявцевъ, имѣвшій чрезвычайно величественную осанку и повелительную рѣчь, оказался избранникомъ Бога, генералъ-фельдмаршаломъ, министромъ Синода, княземъ прославленнымъ и святѣйшимъ, наказнымъ атаманомъ и камергеромъ, получающимъ отъ государя 4.800 телеграммъ въ недѣлю.—Архитекторъ Егоръ Киселевъ предполагалъ, что онъ Георгій Мономахъ и во всякомъ случаѣ святой человѣкъ и „при томъ довольно умный мужчина", великій силачъ и богачъ, ибо съѣдаетъ въ день десять тысячъ яицъ, выпиваетъ двѣ тысячи бутылокъ пива и одного бѣлья имѣетъ на 20.000 р., такъ

что можетъ каждаго согнуть въ бараній рогъ.—Жена коллежскаго совѣтника Гейне—императрица всѣхъ государствъ и при томъ отъ сотворенія міра.—Дочь чиновника Ѳедорова скромнѣе: она только Португальская императрица.—Коллежскій секретарь Яковлевъ—царь царей, избранный въ это званіе уже три года, при чемъ получилъ всемірное знамя.

Большинство этого рода больныхъ имѣло весьма довольный—то горделивый, то снисходительный видъ,—при чемъ одинъ изъ нихъ внезапно стукнулъ кулакомъ по столу и повелительно закричалъ: „встать! я—вашъ императоръ". Ихъ довольство судьбою объяснялось не только высокимъ положеніемъ, но и огромнымъ богатствомъ и необыкновенной семейной жизнью. Такъ, у дворянина Козубовскаго оказалось 200.000 милліоновъ и 18.878 женъ, у купца Іосифа Зеленскаго—9 милліоновъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и 2.712 женъ. Дворянинъ Кржижановскій получилъ въ подарокъ отъ всѣхъ царей 11 милліоновъ за открытіе чуда и графскій титулъ, вслѣдствіе чего собирался ѣхать съ царемъ за покупками въ Римъ. Генералъ-маіоръ Суриновъ, „человѣкъ не простой, а символическій", умѣющій летать, хотя крылья свои забылъ въ Воронежѣ, очень богатъ, потому что всѣ клады ему принадлежатъ и онъ даетъ ихъ государямъ, начиная съ шестилѣтняго возраста. Дворянинъ Петръ Сашенскій, хотя и злоупотреблялъ дурными привычками, но надѣется на открытое имъ вѣчное движеніе, за которое получитъ 4 милліона отъ всѣхъ государствъ. Наконецъ, отставной поручикъ Поярковъ заявилъ, что вовсе не богатъ, ибо „помилуйте! всего шестнадцать милліоновъ. Какое же это богатство"? А мѣщанинъ Скулихинъ выигралъ послѣдовательно во внутреннемъ займѣ 10, 40, 75 и 200 тысячъ, „но это такой вздоръ, что и говорить не стоитъ".

Религіозный бредъ помѣшанныхъ тоже бывалъ очень характеренъ. Такъ, отставной учитель Годжелло видѣлъ Бога-Отца въ Кіевѣ въ коляскѣ, въ видѣ старца, съ длинной бородой, какъ въ церкви пишутъ. Онъ, Годжелло, не отдалъ Ему поклона, ибо Богъ есть смерть и приближаться къ нему опасно, если „не заручиться прибавкой лѣтъ". Съ Іисусомъ Христомъ онъ обѣдалъ, а на Васильевскомъ островѣ встрѣтилъ и чорта, который ему объяснилъ, что и въ будущей жизни есть служба и существуютъ всѣ министерства. Подполковникъ Козловскій—старшій Богъ и архангелъ, женатый на Варварѣ Великомученицѣ, долгое время былъ купидономъ и лишь черезъ 100 лѣтъ станетъ совсѣмъ самостоятельнымъ.—Купецъ Зеленковъ летаетъ къ Богу и друженъ съ царемъ, который назначилъ его къ Богу, при чемъ онъ имѣлъ случай побывать въ раю, гдѣ прелестныя комнаты, библіотека и хорошо кормятъ и гдѣ живутъ Богъ.

ангелы и скоты.—Наоборотъ, поручикъ Корчакъ-Новицкій, президентъ россійской республики и свѣтлѣйшій князь, былъ въ сатанинскомъ отдѣленіи ада, которое помѣщается въ нижнемъ этажѣ. Тамъ у него въ правомъ ухѣ выросъ бѣлый сатаненокъ, потомъ вылѣзъ и сказалъ: „Александръ Григорьевичъ, я къ тебѣ опять влѣзу", но онъ его не пустилъ, и тогда за лѣвымъ ухомъ поселился черный сатаненокъ давшій ему всевѣдѣніе.—Отставной поручикъ баронъ Целленбергъ, клавшій, по увѣдомленію больницы, поклоны до опухоли на лбу, „имѣлъ откровеніе ясное, какъ дважды два—четыре, при чемъ ему явились Спаситель съ черными волосами и Царица Небесная съ глазами, какъ смородина—и съ насупленными бровями, среди облаковъ изъ драгоцѣнныхъ камней, между которыми золотою рѣкой текла благодать,—но вдругъ упалъ камень и прилетѣлъ легіонъ бѣсовъ, а дѣвица сказала: „вотъ и свѣтопреставленіе".—Крестьянинъ Акимъ Стульцевъ, старшій сынъ Бога, очень страдалъ оттого, что у него въ головѣ сидятъ два человѣка, говорящіе противоположныя вещи, а въ него влѣзъ дьяволъ при желудочныхъ припадкахъ, высовываетъ свои хвостики, при чемъ лукавый змій опуталъ его пальцы такъ, что мѣшаетъ креститься, а данный ему какимъ-то арестантомъ въ Казанской части опрѣснокъ вызвалъ чрезвычайный ростъ головы, которая сдѣлалась похожей на ослиную. Наконецъ, телеграфный ревизоръ Лобанцевъ, „понявшій тайну творенія міра", составилъ сочиненіе, которое „было объявлено во многихъ народахъ по уставу святой церкви и доказательства котораго ясны и смертоносны, почему онъ требуетъ вознагражденія и документа на званіе законодательства".

Проходятъ въ моей памяти многіе больные, у которыхъ возвышенныя представленія о религіозныхъ предметахъ и о своихъ сношеніяхъ съ Богомъ переплетались съ площадными ругательствами и заявленіями, въ которыхъ слышался безсознательный откликъ былыхъ развратныхъ мыслей. Особенно тяжкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи производилъ статскій совѣтникъ Валеріанъ А., который то крестился и цитировалъ псалмы, то извергалъ цѣлый потокъ ужасающихъ ругательствъ въ перемежку съ картинами самой необузданной и извращенной чувственности. Не могу забыть также инспектора студентовъ одного изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, который, при освидѣтельствованіи его въ клиникѣ, въ присутствіи молодой жены и ея сестры, юной дѣвицы, послѣ ряда благочестивыхъ заявленій, сталъ плакать, говоря, что является ослушникомъ Бога, такъ какъ послѣдній поручилъ ему населить дѣтьми весь міръ, „а меня,—прибавилъ онъ, обливаясь слезами и внезапно сорвавъ съ себя одѣяло и обнаживъ свое тѣло—и на полъ-Европы не хватитъ".

Вторую большую категорію больныхъ составляли несчастные страждущіе идеями преслѣдованія. Ихъ подавленный видъ, блуждающій взоръ, пугливое озираніе по сторонамъ и нерѣдкое выраженіе ужаса и безвыходнаго отчаянія на лицѣ производили самое тяжелое впечатлѣніе, невольно напоминая и „citta dolente" и „perdutta gente" Дантова ада. Я помню коллежскаго секретаря Александрова, покушавшагося неоднократно на самоубійство, потому что онъ считалъ себя политическимъ убійцей. Когда ему предложили садиться, онъ отказался. „Не могу: я преступникъ",—сказалъ онъ и поникъ головой, вздохнувъ такъ тяжело, какъ должна была вздыхать лэди Макбетъ. Затѣмъ, съ видомъ отчаянія, дрожащимъ голосомъ и задыхаясь отъ волненія, онъ заявилъ:—„я совсѣмъ здоровъ, но всѣ слышатъ мои мысли, а какимъ образомъ—я понять не могу. Мысли же у меня, вѣроятно, грязныя, потому что, услыша ихъ, всѣ начинаютъ плевать. Ахъ, я хочу поскорѣй умереть! Это, вѣдь я!—убійца князя Крапоткина и Мезенцова".

Губернскій секретарь Э—чъ призналъ, что заболѣлъ, потому что, будучи честнымъ человѣкомъ, взялъ взятку, а когда въ Могилевѣ пришелъ послушать дѣло о лихоимствѣ какого-то чиновника, то увидѣлъ, что судьи смотрятъ на него, читая его мысли. Это его преслѣдуетъ, а также и то, что онъ совершилъ много прелюбодѣяній, о которыхъ никто не знаетъ, и это тѣмъ тяжелѣе, что теперь люди нравственно переродились, а онъ одинъ остался на старомъ положеніи, почему онъ ищетъ смерти, такъ какъ, лишь умеревъ, онъ засвидѣтельствуетъ существованіе справедливости и царствія Божія.

Большинству страдавшихъ слышались голоса. Такъ, телеграфисту Функе голоса говорили на всѣхъ языкахъ и даже въ присутствіи онъ слышалъ голосъ, изрекавшій: „ein Schwein hat auch разумъ". Иногда къ голосамъ присоединяются „миражи", т. е. галлюцинаціи зрѣнія, отъ которыхъ „очень болитъ голова" (коллежскій совѣтникъ Бочкаревъ). Эти голоса говорятъ о вѣчности и безконечности (крестьянинъ Постояно). Въ нихъ слышатся и лесть, и брань, вызывающія раздраженіе, но иногда отъ нихъ становится весело, отъ „юмора голосовъ". „Но все-таки тяжело жить окруженной невидимыми шпіонами и быть постоянно выставляемой въ романахъ въ дурномъ свѣтѣ" (жена подпоручика Кульчицкая).

Огромную роль въ несчастіи больныхъ играютъ телефоны и электричество. Такъ, мѣщанинъ Езерскій очень страдалъ отъ тайнаго общества, которое при помощи гальванизма, но не всегда удачно, исправляетъ политическія убѣжденія, при чемъ гальванизмъ даютъ кухарки въ пищѣ. Дворянинъ Максимовъ достовѣрно зналъ, что евреи, въ составѣ особаго комитета, исключительно занимаются пусканіемъ

на людей электричества, чего многіе не выдерживаютъ. То же дѣлаютъ они и со звѣздами на небѣ, чтобы ихъ было поменьше. Покушавшійся на самоубійство студентъ М. считалъ себя гальванизированнымъ товарищами изъ вражды. Штабсъ-капитанъ Филатовъ былъ глубоко убѣжденъ въ существованіи подземныхъ ходовъ, гдѣ расположены огромныя электрическія машины для порчи людей, производящія страшный шумъ. Поручикъ Томашевичъ сдѣлался „весьма слабъ душою, потому что голова его была притуплена посредствомъ магнитнаго сношенія и сдѣлалась открытой для всѣхъ—„tout-a-fait ouverte“! Поручикъ Козловскій, страдавшій горделивымъ бредомъ, прочитавъ „Пѣснь торжествующей любви“ Тургенева, увидѣлъ, что онъ—Фабій и что Муцій, а затѣмъ и всѣ остальные хотятъ его отравить и навести на него проказу, т. е. такое состояніе, при которомъ внѣшняя форма не соотвѣтствуетъ содержанію.

Горестныя впечатлѣнія оставили во мнѣ несчастныя женщины, страдавшія эротическимъ помѣшательствомъ (нимфоманіей) и заставлявшія невольно задуматься надъ голосомъ природы, идущимъ въ разрѣзъ съ условіями современной жизни. Тихія, скромныя и молчаливыя, державшія себя въ началѣ разспроса сдержанно, онѣ постепенно мѣнялись въ лицѣ, блѣднѣли или чрезвычайно краснѣли, глаза ихъ меркли или загорались огнемъ животной страсти, отвѣты становились веселыми и черезчуръ любезными, а спустя нѣсколько минутъ наступало возбужденное состояніе съ безстыдными жестами, разстегиваніемъ лифа, поднятіемъ юбокъ и самыми циническими словами, которыя особенно ужасно звучали въ устахъ дѣвушекъ. Первый такой случай мнѣ пришлось видѣть еще въ Харьковѣ въ 1870 году, когда молодая дѣвушка, бывшая классная дама института, отвѣтивъ совершенно разумно на нѣсколько вопросовъ, вдругъ стала волноваться и спрашивать, нѣтъ ли между присутствующими нѣкоего Щ. Затѣмъ лицо ея и взоръ приняли опьянѣлый видъ, она быстрымъ движеніемъ разстегнула свое платье и обнажилась почти до-пояса, а изъ устъ ея полились безсвязныя, но совершенно откровенныя рѣчи объ интимныхъ отношеніяхъ, въ перемежку съ ласковыми уменьшительными именами и короткими взрывами смѣха. Когда ее уводили изъ комнаты лѣчебницы (Сабуровой дачи), гдѣ происходило освидѣтельствованіе, она бросилась на шею стоявшему у дверей сторожу и стала его цѣловать, потомъ вскрикнувъ: „нѣтъ, ты не Щ.!“, съ хохотомъ и слезами побѣжала по корридору. Несчастная дѣвушка жила со своей сестрой, старой дѣвой, въ одномъ изъ южныхъ городовъ. Къ нимъ сталъ ходить молодой человѣкъ Щ. Молодые люди полюбили другъ друга, Щ. сталъ считаться женихомъ, и начались приготовленія къ свадьбѣ. Но въ это время, старшая сестра выиграла на билетъ внутренняго займа

40 тысячъ, и молодой человѣкъ, сдѣлавъ volte-face, объявилъ старшей сестрѣ, что ошибся въ своемъ чувствѣ и что любитъ не младшую сестру, а ее, и желаетъ быть ея мужемъ. Старая дѣва не выдержала искушенія и приняла предложеніе. Начались семейныя сцены, настало какое-то вмѣшательство брата не въ пользу младшей сестры, и бѣдная дѣвушка стала задумываться, уединяться и кончила нимфоманіей.

Иногда такими несчастными являлись молодыя жены стариковъ. Здѣсь разность лѣтъ и ненормальныя условія супружескаго сожитія, болѣзненно распаляя воображеніе и разстраивая нервную систему молодого существа, влекли его роковымъ образомъ къ нарушенному равновѣсію физическихъ и духовныхъ силъ. Тоже, хотя и по другой причинѣ, сказывалось и въ душевномъ состояніи нѣкоторыхъ молодыхъ вдовъ. Конечно, и тутъ, и тамъ играла значительную долю невропатическая наслѣдственность и существовала ярко выраженная наклонность къ разрушительнымъ для здоровья привычкамъ. Обыкновенно такія свидѣтельствуемыя, по большей части бездѣтныя, любили разсказывать о своемъ бракѣ и о большомъ количествѣ дѣтей. Такъ, купеческой дочери Л. оказалось, по ея словамъ, всего 4 года отъ роду, но она 80 лѣтъ уже вышла замужъ за мальчика, отъ котораго родила 200 дѣтей, сотню Сашенекъ и сотню Гришенекъ; кронштадтская мѣщанка В. имѣла отъ роду 100 и даже двѣсти лѣтъ, родивъ свыше тысячи дѣтей, такъ что и именъ ихъ не знаетъ; у вдовы дворянина Л—ой двѣ „утробы“ и изъ каждой должно родиться по 19 дѣтей, за что ей слѣдуетъ получить 200 т. р. Всѣ подобнаго рода свидѣтельствуемыя были говорливы и наивно кокетничали съ присутствующими. Только одна, жена купца К., среди разспросовъ, на которые отвѣчала словоохотливо, вдругъ замолчала и когда губернаторъ спросилъ ее (дѣло было въ Петербургѣ), отчего она не отвѣчаетъ, сказала ему, показывая на весь синклитъ: „ахъ, душенька, да мнѣ тошно говорить со всѣми вами“!..

Рѣдко кто изъ изслѣдуемыхъ сознавалъ, что онъ содержится въ больницѣ душевно-больныхъ. Большинство заявляло, что сидитъ въ тюрьмѣ, или въ „домѣ съ рѣшетками“, или въ монастырѣ; одной казалось, что она живетъ въ домѣ, гдѣ „смѣшные, умные и неумные спириты“; тоже полагалъ и высокій, представительный старикъ, коллежскій совѣтникъ Кузьминъ, проживая „въ домѣ, наполненномъ спиритами, составляющими, подъ руководствомъ Стасюлевича, Полонскаго и Аксакова, партію соціалистовъ, желающихъ овладѣть чужимъ имуществомъ, но Краевскій, однако, не съ ними, а ихъ въ Россіи 6 милліоновъ, а въ Европѣ—66“. Одна изъ свидѣтельствуемыхъ находила, что въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ ее поселили, „все

какіе-то пьяные, нѣтъ ни одного умнаго человѣка, такъ что люди они или черти, самъ чортъ не разберетъ"; другой не имѣлъ охоты жить въ „такомъ странномъ помѣщеніи"; третій находилъ, что содержится въ Петропавловской крѣпости, гдѣ всѣхъ больныхъ выучилъ говорить... Никто, на моей памяти, не называлъ больницы „домомъ сумасшедшихъ" и никто (кромѣ дѣвицы Б.) не протестовалъ противъ вызова въ особое присутствіе губернскаго правленія. Только жена почетнаго гражданина Иванова, страдавшая бредомъ преслѣдованія, съ угрюмымъ видомъ, заявила, что „она не картина, чтобы ее возить на выставку", да отставной капитанъ Янушкевичъ на вопросъ губернатора, извѣстно ли ему, гдѣ онъ находится, сказалъ съ надменнымъ видомъ, что находится тамъ, гдѣ нужно, а на вопросъ о здоровьѣ вызывающе отвѣтилъ: „мое-то хорошо, и какъ-то ваше?" и затѣмъ сталъ кричать: „вы нарушаете законы приличія, я членъ общества, васъ научатъ" и т. д.

Изъ освидѣтельствованій, произведенныхъ въ Петербургѣ на дому, мнѣ особенно памятны три: старика, бывшаго харьковскаго профессора, Демьяна Адамовича, богатаго домовладѣльца Суслова и извѣстнаго писателя сороковыхъ годовъ. Вообще, освидѣтельствованія на дому бывали довольно непріятны. Приходилось встрѣчать враждебно-настроенныя лица, видѣть нерѣдко грязную и очень неприглядную обстановку и, самое тяжелое, дышать иногда ужаснымъ, спертымъ и испорченнымъ воздухомъ. Такой прямо невыносимый, вызывающій тошноту воздухъ былъ въ крайне холодной квартирѣ Суслова, куда мы прошли черезъ кухню, гдѣ насъ очень недружелюбно приняли двѣ грязныя бабы, и чрезъ загроможденный разнымъ хламомъ корридоръ. Насъ встрѣтилъ видный мужчина съ румянцемъ во всю щеку. Это былъ владѣлецъ огромнаго дома № 22, выходящаго на Екатерининскій каналъ и на Думскую улицу и приносившаго 20 тыс. руб. чистаго дохода. Ему принадлежалъ и еще другой, тоже большой домъ. Вдовецъ, отдалившій отъ себя сына и дочь и державшій ихъ въ черномъ тѣлѣ, Сусловъ, вступивъ за 12 лѣтъ до освидѣтельствованія въ права наслѣдства послѣ отца, оставилъ нетронутыми наложенныя судебнымъ приставомъ печати на дверяхъ и мебели и поселился въ одной комнатѣ, изъ которой вскорѣ пересталъ выходить на воздухъ. Потомъ онъ прекратилъ ходить въ баню и перемѣнять бѣлье, жалѣя денегъ на мыло, а также не сталъ разуваться. Такъ прошло девять лѣтъ. Чулки его истлѣли, ногти ножныхъ пальцевъ прорѣзали полусгнившіе сапоги и торчали наружу. Онъ много лѣтъ не снималъ грязнаго, засаленнаго халата, надѣваемаго на голое тѣло, и спалъ въ креслѣ, находя, что такъ удобнѣе на случай пожара или прихода воровъ, и заваливъ стоявшій въ комнатѣ диванъ старыми газетами. У него оказалось въ банкѣ на хра-

неніи на 175 тыс. руб. облигацій городского кредитнаго общества, о выходѣ коихъ въ тиражъ онъ никогда не спрашивалъ и процентовъ по которымъ не получалъ, неся, такимъ образомъ, большія потери. Но на пыльномъ комодѣ въ его комнатѣ лежали въ бумагѣ черствые, почти обратившіеся въ камень калачи. Это были подношенія дворниковъ на Пасху и Новый годъ, накопившіяся за много лѣтъ, потому что, какъ объяснялъ Сусловъ, „всего сразу съѣсть невозможно“. Онъ держалъ себя очень привѣтливо, отвѣчалъ охотно и связно, смущенно улыбаясь, и всю свою невозможную обстановку и образъ жизни объяснялъ тѣмъ, что онъ постоянно занятъ, хлопочетъ и ему нѣтъ ни на что времени, да и надобности ни къ чему не представляется. На вопросъ о томъ, чѣмъ же онъ такъ занятъ, онъ отвѣчалъ: „да какъ же, помилуйте, вотъ утромъ встану, умоюсь, какъ русскій человѣкъ, а тамъ чай, газета, времени и нѣтъ!“ Можно себѣ представить, какую приманку для разнаго рода темныхъ дѣльцовъ представлялъ подобный человѣкъ, совершенно лишенный воли и соединявшій съ отвратительною скупостью расточительную небрежность относительно своихъ средствъ... Сенатъ, согласно заключенію особаго присутствія, учредилъ надъ Сусловымъ опеку.

Еще болѣе поразительное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ насъ, составлявшихъ особое присутствіе, восьмидесятипятилѣтній старикъ Адамовичъ. Судебный слѣдователь, производившій дѣло о кражѣ у отставного надворнаго совѣтника Демьяна Адамовича 16 тыс. руб. и о мошенническомъ полученіи отъ него подъ залогъ разной ничего не стоющей дряни 60 тыс. руб., сообщилъ мнѣ, что обстановка и условія жизни потерпѣвшаго внушаютъ ему подозрѣніе въ ненормальности его умственныхъ способностей. Такъ какъ въ порядкѣ судебнаго производства можно свидѣтельствовать только обвиняемыхъ, а не потерпѣвшихъ и не жалобщиковъ, то я поручилъ начальнику сыскной полиціи Путилину провѣрить подозрѣнія слѣдователя. То, что сообщилъ мнѣ Путилинъ, было такого свойства, что я оффиціально обратился къ губернатору съ просьбою освидѣтельствовать Адамовича на дому. 25-го января 1874 года мы вошли во второй дворъ одного изъ большихъ домовъ въ Моховой улицѣ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ обветшалаго флигеля, противъ выгребной ямы, находилось жилище Адамовича, состоявшее изъ четырехъ комнатъ и кухни съ окнами въ уровень съ землею. Въ кухнѣ и прилегающей къ ней свѣтлой и довольно чистой комнатѣ насъ встрѣтили, съ грубыми протестами, двѣ женщины и солдатъ, заявляя, что хозяина видѣть „никакъ невозможно“ и что онъ находится на ихъ попеченіи. Но то, что представляли остальныя комнаты, почти не поддается описанію. Полутемныя, грязныя, съ окнами, завѣшенными какими-то рваными тряпками, съ

просочившеюся со двора водою, пропитанныя запахомъ гнили и сырости, онѣ были загромождены всякаго рода вещами и хламомъ. Наложенная одна на другую мебель оставляла вездѣ лишь узкій проходъ, вездѣ стояли деревянные, полуразвалившіеся ящики, корзины, картонки, и въ нихъ въ полномъ безпорядкѣ были навалены иконы, мѣдные и желѣзные приборы, посуда, веревки, пустыя бутылки, старые ковры, разрозненные тома старыхъ дѣлъ, прорванныя картины, покрытыя плѣсенью книги, гвозди, пробки, пустыя рамы, битыя стекла и т. д. Все это было покрыто толстымъ слоемъ пыли, которая размазывалась при прикосновеніи, подъ вліяніемъ сырости. Въ комнатахъ было очень холодно. Среди всего этого хаоса маленькими шажками двигался ветхій старикъ, съ выцвѣтшими голубыми глазами и рѣдкими сѣдыми волосами, на которыхъ плотно лежала цѣлая корка засохшей грязи, очевидно, никогда не смываемой. Дрожащія, съ длинными крючковатыми ногтями, руки его запахивали просиженный, засаленный и разорванный на локтяхъ халатъ, подъ которымъ виднѣлась до невозможности грязная рубашка, открывавшая желтую, запачканную и мѣстами расцарапанную, въ борьбѣ съ насѣкомыми, грудь. Оказалось, что старикъ живетъ въ этой квартирѣ уже девять лѣтъ, не топитъ ее потому, что „печка дымитъ", не перемѣняетъ по полугоду бѣлья на кровати потому, что „это отнимаетъ время" и ѣстъ ежедневно лишь супъ, мокая въ него черный хлѣбъ. Супъ этотъ варится разъ въ мѣсяцъ, „чтобы не посылать прислугу часто на рынокъ" и наливается въ жестяное ведро, издающее отвратительное зловоніе. Изъ одежды у него, кромѣ халата, было еще старое пальто, обувался онъ въ истоптанныя резиновыя галоши. Прислугой у него были двѣ женщины, встрѣтившія насъ, получавшія по 5 руб. въ мѣсяцъ на своемъ столѣ. Адамовичъ ихъ, по его словамъ, боялся и подозрѣвалъ, что сынъ одной изъ нихъ укралъ у него 16 тыс. руб., на разспросы о средствахъ, онъ объяснилъ, что имѣлъ 300 тыс., но часть взята обманомъ, а часть расхищена, такъ что осталось лишь 175 тыс. или болѣе, изъ которыхъ 75 тыс. хранятся въ банкѣ, а слишкомъ 100 тыс. онъ держитъ дома въ кардонкѣ и въ столѣ, такъ какъ онѣ ему нужны, чтобы „выдавать ссуды", чѣмъ онъ занимается съ 1839 г., когда выигралъ большой процессъ о наслѣдствѣ. Книгъ по ссудамъ онъ не ведетъ и кто его должники—припомнить не можетъ, знаетъ только, что въ послѣднее время стали къ нему, съ параднаго хода, минуя прислугу, ходить какіе-то „голландцы", очень добрые и ласковые, приносящіе ему пиво и предлагающіе очень выгодное дѣло. Родственниковъ и знакомыхъ у него нѣтъ, были двѣ племянницы, да уже давно умерли, и племянниковъ у него нѣтъ, а живетъ онъ скромно, „по-студенчески" потому, что у него былъ братъ и сталъ жить широко, да и прожился...

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ имъ о себѣ и собранныхъ о немъ, оказалось, что онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, былъ секретаремъ совѣта харьковскаго университета и профессоромъ всеобщей исторіи тамъ же, затѣмъ, въ 1818 году переселился въ Петербургъ и поступилъ въ комитетъ человѣколюбиваго общества и въ министерство путей сообщенія, гдѣ состоялъ переводчикомъ „при его высочествѣ“ (т. е. принцѣ Вюртембергскомъ) съ латинскаго и европейскихъ языковъ. Выйдя въ отставку въ 1839 году, онъ сталъ заниматься ростовщичествомъ...

Чѣмъ-то щемящимъ сердце вѣяло отъ этого старика. И это была не жалость о немъ. Вся обстановка его слишкомъ громко кричала о томъ безсердечіи, скаредности и алчности, которыя проходили красной нитью черезъ всю жизнь этого новаго, подлиннаго Плюшкина. Но было больно за человѣка... Вѣдь это былъ профессоръ, ученый и обезпеченный судьбою человѣкъ. Старыя иконы въ потемнѣвшихъ ризахъ, лежавшія тамъ и сямъ, свидѣтельствовали, какой острой нуждѣ и какимъ способомъ помогалъ онъ... прежде, чѣмъ дожить до своей заброшенности и ведра съ супомъ,—прежде, чѣмъ дожить до старческаго слабоумія, обращающаго въ ничто накопленное богатство и дѣлающее его легкою добычею „лихихъ людей“... Признанный слабоумнымъ, онъ былъ порученъ добросовѣстнымъ опекунамъ. Они привели въ извѣстность его состояніе, превышавшее 200 тыс.,— извлекли его изъ его мрачнаго логовища и помѣстили въ свѣтлой, теплой, небольшой квартирѣ. Первое время,—отмытый отъ грязи, чисто одѣтый и окруженный нѣкоторой заботливостью, онъ былъ, повидимому, доволенъ, но затѣмъ затосковалъ по своей старой обстановкѣ и таинственнымъ посѣтителямъ, и сталъ быстро угасать. Мало-помалу слухи о немъ проникли въ печать—и вдругъ явилось довольно много отдаленныхъ родственниковъ, пожелавшихъ въ рядѣ писемъ и прошеній къ властямъ „принять сердечное участіе въ почтенномъ и несчастномъ старцѣ“, о которомъ никто изъ нихъ прежде и не вспомнилъ... Но было уже поздно: Адамовичъ скончался черезъ мѣсяцъ послѣ учрежденія опеки.

Высоко-талантливый писатель сороковыхъ годовъ мелькнулъ предо мною вскорѣ послѣ возбужденія мною дѣла штабъ-ротмистра Колемина, обвиняемаго въ содержаніи игорнаго дома. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ въ качествѣ заступника за Колемина и произвелъ на меня крайне тягостное впечатлѣніе смысломъ и манерой своей защиты въ пользу вреднаго хищника... Мнѣ было больно видѣть его въ этой роли...

Зимою 1882 г. мнѣ пришлось, въ качествѣ почетнаго мирового судьи, участвовать въ освидѣтельствованіи его на дому. Онъ—неопрят-

ный и огромный, съ всклокоченною головою—лежалъ на кровати въ роскошной спальнѣ и говорилъ разный циническій, явно бредового характера вздоръ. Но, по временамъ, въ его безсвязную рѣчь вторгались выраженія, въ которыхъ звучало искреннее чувство и просыпался художникъ. На него произвела, очевидно, сильное впечатлѣніе трагическая кончина императора Александра II. „Вы представьте себѣ,—говорилъ онъ,—русскій царь лежитъ, прислонившись головою къ рѣшеткѣ Екатерининскаго канала и изъ раздробленныхъ ногъ его льется широкой струею кровь... и онъ говоритъ раненому казаку:— „помоги мнѣ";—а?—„помоги мнѣ"!—и это говоритъ всемогущій государь своему бѣдному, тоже пораженному подданному. Онъ, такъ много сдѣлавшій для своего народа, говоритъ представителю этого народа— „помоги мнѣ",—какой глубокій въ этомъ смыслъ,—какой урокъ смиренія. Я это хочу написать, я это долженъ написать... Извините—я плачу, я не могу не плакать... „помоги мнѣ!"

Остается сказать о письменныхъ заявленіяхъ мнѣ различныхъ душевно-больныхъ, бывшихъ предметомъ освидѣтельствованія. Я получалъ ихъ очень много, но, къ сожалѣнію, очень малое число ихъ у меня сохранилось. Обыкновенно бывали жалобы на противозаконное задержаніе съ требованіемъ немедленнаго освобожденія и явки въ домъ умалишенныхъ для выслушиванія претензій. Я это и дѣлалъ во всѣхъ случаяхъ, когда было какое-либо, хотя бы отдаленное основаніе предполагать злоупотребленіе или простое ослѣпленіе или, наконецъ, небрежность со стороны „власть имущихъ".—Но иногда самая просьба заключала въ себѣ явное указаніе на ненормальность умственныхъ способностей. У меня сохранились, однако, лишь немного такихъ.

Такъ—„сотрудникъ нѣсколькихъ газетъ, оглашенный редакторъ религіозно-политическаго журнала, человѣкъ, извѣстный по уму своему всей Россіи, адвокатъ и спиритъ, Руденко", признанный особымъ присутствіемъ въ Казани одержимымъ бредомъ величія, на почвѣ сифилитическаго перерожденія мозга, требовалъ моей явки въ центральный домъ умалишенныхъ для составленія протокола и немедленной отправки его къ государю „по политическому поводу", и писалъ мнѣ: „вызываю прокурора и буду вызывать его криками на всю больницу въ присутствіи постороннихъ, чѣмъ произведу волненіе умовъ въ Казани, за что головою будетъ отвѣчать прокуроръ; угрозу приведу въ исполненіе, ибо ожидать отъ меня другого не только смѣшно и невѣроятно, но даже глупо и невозможно"... Въ слѣдующемъ прошеніи, озаглавленномъ „по государственному дѣлу", онъ уже писалъ: „подтверждаю вамъ, прокуроръ, что я буду вызывать васъ неистовыми криками до тѣхъ поръ, пока вы не явитесь. Члены губернскаго пра-

вленія по сумасшедшей части—воры и мошенники, ихъ слѣдуетъ бить на всякомъ мѣстѣ, по указу его величества, какъ свиней! чему они учились, распротоканальи? Плевка они не стоютъ;—чтобы проглотилъ ихъ сатана со всѣми семействами,—этихъ выкидышей рода человѣческаго! Прокуроръ! помни, братецъ, Бога, если въ тебѣ есть хоть капля совѣсти, свойственная даже собакамъ, какъ показываетъ ихъ привязанность къ хозяину,—приди ко мнѣ и отправь меня въ Зимній дворецъ, дабы ты могъ легко вздохнуть въ послѣдній часъ... Моей судьбой заинтересована вся Европа, а государю я сообщу такое, отъ чего онъ возликуетъ"...

Въ 1882 году дѣвица К. вызывала меня въ больницу съ тѣмъ, чтобы „открыть мнѣ тайну о томъ, что, вслѣдствіе вмѣшательства одного изъ великихъ князей, нѣмецкихъ безобразій стало меньше, но что все-таки у нотаріуса Серебрякова собираются нѣмцы и нѣмки и дѣйствуютъ посредствомъ телефоновъ, электричества и спиритизма и въ особенности одна гадальщица-чухна, съ красной бородавкой на самомъ кончикѣ носа, увидѣть которую въ креслахъ въ театрѣ значитъ ужаснуться и придти въ омерзеніе".

Сохранилось у меня и длинное прошеніе въ стихахъ—и очень недурныхъ—надворнаго совѣтника Владыкина, страдавшаго параличемъ помѣшанныхъ и требовавшаго, чтобы я сдѣлалъ немедленное распоряженіе о погребеніи его „во всѣхъ орденахъ и въ мундирѣ, а не въ больничномъ балахонѣ".

А. Ѳ. Кони.

1906 г., декабрь.

Письмо цесаревича Константина графу Ф. В. Сакену о невыгодности имѣть войну съ Турціей.

(15 февраля 1827 г., № 79).

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо Вашего Сіятельства отъ 24 прошедшаго января при возвращеніи моемъ изъ С.-Петербурга, за которое приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность. Изъясненіе въ ономъ мнѣнія вашего относительно нынѣшняго политическаго положенія Европы есть совершенно согласное съ моимъ, присовокупляя къ сему, что я въ пребываніе мое въ С.-Петербургѣ, ни мало не скрывая, откровенно и гласно изъявлялъ оное, начиная сіе предъ самимъ Государемъ Императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ—это одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу невозможно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его—какія вышли послѣдствія? и хотя уничтоженіе его силъ приписываютъ не столько нашему оружію, какъ морозамъ, то и съ нами не можетъ ли подобнаго сему случиться отъ турецкихъ жаровъ? и турецкія дѣла представляютъ такую компликацію, что, начавъ съ турками войну, могутъ отъ оной возгорѣться такія послѣдствія, которымъ и конца предвидѣть не можно. Положимъ, что бы мы заняли Царьградъ; но, не говоря уже о чрезмѣрныхъ пожертвованіяхъ, къ чему сіе ведетъ? Установить какую-то пакасную греческую республику, подобную какъ Американскіе штаты и полуденныя американскія же новыя республики. Какую отъ сего ожидать для Россіи пользу, имѣть ли такихъ себѣ сосѣдей или турокъ, въ этомъ, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія. Я нашелъ въ С.-Петербургѣ весьма многихъ лицъ, которыя согласно со мною судятъ и предвидятъ сіи обстоятельства, и я старался, сколько мнѣ было возможно, утушать огонь.

Сообщ. **М. Соколовскій**.

Воспоминанія В. Н. Никитина.

VIII.

Сашка-татаринъ и парижскій коммунистъ русскій поручикъ Швалевъ.—Неразумное благодѣяніе г-жи Новиковой.—Оклеветанный и оправданный III отдѣленіемъ баронъ Косинскій.—Твердость дамъ благотворительницъ.—Графиня Ностицъ и княжна Дондукова-Корсакова.—Убійца фонъ Зоона и бесѣда его съ священникомъ Палисадовымъ.—Ловкая притворщица.—Безродный Фрикъ.—Удачное поручительство.—Чиновникъ Сергѣевъ и генералъ Треповъ.—Тюремный палачъ и полицеймейстеръ Галаховъ.—Раскаяніе палача въ Соловецкомъ монастырѣ.—Недоимщики члены комитета.—Подрядчикъ Быковъ.—Уходъ князя Шаховскаго.—Характеристика князя Шаховскаго и Розенберга.—Сдѣлки Розенберга съ разными лицами.

По исправительному совѣту трудились, кромѣ насъ, еще пять директоровъ, при чемъ работа всѣхъ кипѣла, въ особенности благодаря участію въ немъ истинныхъ филантропокъ: Е. А. Гернгросъ, княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой, графини Ностицъ и Чертковой, которыя настойчиво и успѣшно хлопотали безъ устали. Такъ онѣ пристраивали малолѣтнихъ дѣтей арестантовъ, помогали ихъ женамъ и самимъ имъ многоразличными способами. Напр., содержавшемуся за присвоеніе себѣ званія сперва юнкера, потомъ прапорщика, князя Чавчавадзе, за ношеніе офицерской формы, присвоеніе чужого имущества и мошенничество солдатскому сыну Дмитрію Линеву 19-ти лѣтъ [1]), доставляли учебныя пособія, для приготовленія къ экзамену, матеріальную помощь и моральное облегченіе, простиравшееся до того, что по освобожденіи обмундировали и опредѣлили его въ вольноопредѣляющіеся въ корпусъ двоюроднаго брата Герн-

[1]) Вначалѣ 1900-хъ годовъ извѣстный литераторъ.

гроссъ, генерала князя Барклая-де-Толли Веймарна, который держалъ его при штабѣ, допустилъ въ экзамену и представилъ къ производству въ офицеры, но когда главный штабъ потребовалъ документы и выяснилась истинная его біографія, исключилъ его изъ военнаго вѣдомства безъ военнаго званія, дамы опять хлопотали о немъ, пристроили его, но онъ, въ 1876 г., будучи 23-хъ лѣтъ, вторично судился, кажется за мошенничество, и осужденъ былъ въ рабочій домъ на одинъ годъ и четыре мѣсяца, вновь содержался въ тюрьмѣ и пользовался разными ихъ милостями, за которыя впослѣдствіи въ книгѣ „По тюрьмамъ" злословилъ и осмѣивалъ ихъ.

По просьбѣ содержавшагося въ замкѣ писателя П. Н. Ткачева судился (по Нечаевскому политическому процессу) выхлопотали возвращеніе изъ ссылки его невѣсты, мѣщанки Дементьевой, и разрѣшеніе ему вступить съ нею въ бракъ, потомъ согласно засвидѣтельствованію исправит. совѣта ссылку ихъ на его родину въ гор. Великіе Луки, вмѣсто предполагавшейся Сибири. Изъ Великихъ Лукъ онѣ выпросили ему отпускъ въ С.-Петербургъ, а по возвращеніи его въ Великіе Луки онъ убѣжалъ за границу, откуда ему дозволили писать въ „Дѣлѣ", подъ псевдонимомъ П. Никитинъ.

Содержался также молодой человѣкъ Гончаровъ за то, что изъ ревности къ покинувшей его женѣ впалъ въ отчаяніе и расклеивалъ написанную имъ прокламацію, за что былъ осужденъ на каторгу на четыре года. Дамы эти, изъ сожалѣнія къ нему, розыскали его отца, служившаго на Кавказѣ, выписали его оттуда на свой счетъ въ С.-Петербургъ, узнали отъ него, что онъ потерялъ изъ виду жену и сына еще въ его малолѣтствѣ, направляли его съ прошеніями повсюду, но безуспѣшно: министры внутренныхъ дѣлъ, юстиціи, главноуправлявшій III отдѣленіемъ и даже государь Александръ II-ой, всѣ отказались облегчить участь сына. Тогда княжна Дондукова-Корсакова (бывшая фрейлина) отправилась во дворецъ съ письмомъ къ Александру II-му и вымолила помилованіе Гончарову, котораго рѣшено было сослать въ Оренбургъ безъ лишенія правъ. Достигнувъ этого, дамы собрали ему денегъ на дорогу и письма къ тамошнему генералъ-губернатору, генералу Крыжановскому, и черезъ два мѣсяца Гончаровъ былъ опредѣленъ въ чиновники оренбургскаго губернскаго правленія.

Былъ и такой даже казусъ. Въ тюрьмѣ содержался дряхлый старикъ, называвшійся Сашка-Татаринъ. Онъ перебывалъ въ числѣ крѣпостныхъ каторжныхъ и въ многочисленныхъ русскихъ острогахъ, отъ долговременнаго пребыванія въ кандалахъ ноги его высохли, а въ тюрьмѣ жилъ онъ въ ожиданіи вакансіи въ богадѣльнѣ, по неспособности ни къ какому труду. Отъ бездѣлія онъ любилъ

разсказывать, въ какихъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ, тюрьмахъ мытарился, и какіе гдѣ держались порядки, а за это пользовался, среди арестантовъ, большимъ авторитетомъ. Послѣ крымской войны эмигрировалъ изъ полка поручикъ Швалевъ, долго перекочевывавшій изъ страны въ страну и какъ военный участвовалъ въ войнахъ въ Америкѣ при освобожденіи негровъ, въ Италіи въ числѣ гарибальдійцевъ, въ Мексикѣ, наконецъ въ парижской коммунѣ, гдѣ взятъ былъ въ плѣнъ, посаженъ и осужденъ на смертную казнь. Тогда лишь онъ заявилъ, что онъ русскій, провѣрили его показаніе и отправили его арестованнымъ въ Петербургъ, отчего по пути сюда онъ побывалъ еще въ различныхъ европейскихъ тюрьмахъ, а по доставленіи его сюда очутился въ замкѣ, узналъ о славѣ Сашки-Татарина и въ короткое время своими увлекательными разсказами о порядкахъ въ европейскихъ тюрьмахъ совершенно уничтожилъ авторитетъ Сашки, надъ которымъ стали смѣяться. Сашка впалъ въ уныніе, пересталъ говорить и ѣсть, а ночью подкрался къ Швалеву и спящему проломилъ голову оловянною кружкою... Происшествіе это вызвало слѣдствіе, на которомъ Сашка показалъ, что покушался убить Швалева за то, что уничтожилъ его тюремную популярность... Такъ какъ онъ былъ ссыльно-каторжный, то его приговорили наказать 200 розгами, но дамы-патронессы, изъ жалости къ нему, добились отмѣны наказанія и перевода его въ новгородскія арестантскія роты.

Подвиги филантропокъ вызывали подражательницъ среди аристократокъ. Такъ, графиня Паленъ (жена бывшаго министра юстиціи), прослышавъ о дѣятельности названныхъ дамъ и прочитавъ мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“ о малолѣтнихъ преступникахъ, пожелала ихъ видѣть, пріѣхала въ замокъ и пригласила меня показать ей ихъ. Я зналъ біографіи всѣхъ и въ камерахъ разсказывалъ ей, при чемъ объ одномъ миловидномъ, бойкомъ мальчикѣ лѣтъ 12 сообщилъ ей, что онъ посаженъ за четвертую кражу.

— Ты такой еще маленькій, а ужъ четыре раза кралъ; это, замѣтила она ему, очень, очень дурно и за это тебя сошлютъ въ Сибирь.

— И въ Сибири, сударыня, солнце свѣтитъ, смѣло улыбаясь, отвѣтилъ онъ, а какъ я безродный, то мнѣ все равно гдѣ жить.

— Ахъ ты дерзкій мальчишка. За такія рѣчи тебя выдерутъ.

— Дранье отмѣнено, я вамъ правду сказалъ, и вы напрасно разсердились.

А она дѣйствительно вспыхнула, вышла во дворъ и, не слушая моихъ смягченій, сѣла въ карету, уѣхала домой и больше въ тюрьму ужъ не пріѣзжала.

Изъ Москвы переселилась на жительство въ Петербургъ не

помню жена или вдова камеръ-юнкера М. В. г-жа Новикова, молодая, красивая дама, тоже пожелавшая заняться тюремною филантропіею. Гернгросъ познакомила ее со мною. Она явилась въ тюрьму, прошла ее вмѣстѣ со мною, и въ малолѣтнемъ отдѣленіи ей чрезвычайно понравился 15-ти лѣтній, красивый Ѳедоръ Сергѣевъ (круглый сирота), которому, какъ я ей объяснилъ, по минованіи срока ареста, некуда было дѣваться. Она пожелала взять его къ себѣ, чему онъ обрадовался, а ея нетерпѣніе было столь сильно, что при содѣйствіи прокурора окружнаго суда А. Ѳ. Кони, его выпустили до срока за двѣ недѣли, и я свезъ его къ ней. Она приняла его очень радушно, а когда я, черезъ недѣлю, заѣхалъ къ ней узнать, какъ она его устроила, она мнѣ прежде всего расхваливала его смышленость, ласковость и признательность, потомъ показала мнѣ его въ отличной бархатной курточкѣ, лакированныхъ штиблетахъ, щегольски зачесаннаго и надушеннаго, наконецъ прекрасно обставленную его комнату и въ заключеніе сообщила мнѣ, что наняла двухъ учителей, для его образованія по-барски. Онъ живо вошелъ въ новую для него роль, свѣтски раскланивался, ласкался къ ней, цѣловалъ ей ручки, а она умилялась его манерами, поведеніемъ и охотно представляла своимъ знакомымъ, сажала его съ собою за столъ, возила въ коляскѣ кататься и радовалась, что нашла въ немъ утѣшеніе въ своей скорби... На мое замѣчаніе, что столь рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни можетъ дурно на него повліять, она даже разсердилась, а въ довершеніе всего наняла для него гувернера и хвалилась, что сдѣлаетъ изъ него интеллигентнаго юношу, обезпечитъ его и матеріально. Пытался я еще раза три умѣрить ея порывы, но она меня не слушала. Прошло мѣсяца два, и вдругъ стряслась бѣда: у нея пропалъ ящикъ фамильнаго серебра. Она сгоряча заявила объ этомъ полиціи, а та дозналась, что Ѳедя, по подговору лакея, вынесъ ящикъ изъ ея спальни во дворъ, а оттуда лакей въ сумеркахъ снесъ его въ рынокъ и продалъ за 70 руб., когда серебро стоило болѣе 1000 руб. Лакей и Ѳедя сознались, и обоихъ арестовали. Новикова, получивъ отысканное серебро, просила прекратить дѣло или хоть освободить Ѳедю, но просьбѣ ея не вняли. Она съ горя уѣхала за границу, а Ѳедя, вернувшись въ тюрьму, признался мнѣ, что лакей потихоньку поилъ его водкою, пивомъ, водилъ по трактирамъ и даже къ дѣвицамъ, словомъ, такъ быстро допросвѣтилъ его, уже изрядно попорченнаго, что онъ отъ скоротечной чахотки черезъ два мѣсяца умеръ въ тюремной больницѣ...

Для душевно-нравственнаго развитія заключенныхъ совѣтъ содержалъ нѣсколько священниковъ, которые разновременно бесѣдовали съ ними. Однажды талантливый священникъ М. И. Соколовъ велъ бе-

сѣду на тему грѣхъ воровать. Всѣ мальчики человѣкъ пятьдесятъ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Послѣ часовой рѣчи от. Соколова я спросилъ 12-ти лѣтняго слушателя: понравилась ли ему бесѣда?

— Хорошо-то очень хорошо говорилъ батюшка, но только...

— Договаривай, что только?

— Если не осерчаете, скажу.

— Нѣтъ, говори, не остерегайся.

— Ежелибъ батюшкѣ жрать нечего было, и онъ былъ бы голодный человѣкъ, тоже укралъ бы, какъ и мы грѣшные крали и сюда попали.

Я передалъ этотъ отзывъ от. Соколову. Онъ вернулся на каѳедру и еще около часу съ жаромъ говорилъ, но впечатлѣніе осталось плохое.

Мы нанимали для малолѣтнихъ воспитателей изъ патентованныхъ педагоговъ. Однимъ изъ нихъ являлся, во имя идеи, баронъ М. О. Косинскій, бывшій ранѣе директоромъ учительской семинаріи въ Новгородѣ, человѣкъ весьма образованный и страстно преданный своему дѣлу. Онъ почти жилъ въ тюрьмѣ и исполнялъ свою обязанность отлично. Мы высоко цѣнили его прекрасныя качества, его утвердили директоромъ и избрали предсѣдателемъ совѣта, но всѣ старанія его парализовались смотрителемъ Макаровымъ. Онъ вышелъ изъ терпѣнія и написалъ рѣзкую статью съ указаніемъ фактовъ и за своею подписью помѣстилъ ее въ „Голосѣ“, статья произвела сильное впечатлѣніе. Треповъ донесъ министру внутренныхъ дѣлъ, что Косинскій и я давно уже подрываемъ значеніе администраціи въ глазахъ публики, посредствомъ печати, а потому настойчиво просилъ исключить насъ изъ состава комитета, по нашей неблагонадежности. Министръ А. Е. Тимашевъ велѣлъ спросить III отдѣленіе о томъ, что объ насъ тамъ было извѣстно? Отдѣленіе отвѣтило, что я тамъ въ числѣ замѣченныхъ вовсе не значусь, а Косинскій трижды мѣнялъ религію (родился католикомъ, потомъ обратился въ лютеранство, затѣмъ въ православіе, а на самомъ дѣлѣ атеистъ). Тимашевъ прислалъ этотъ отвѣтъ князю Шаховскому, чтобы, по спросѣ Косинскаго, увѣдомилъ, удобно ли оставлять его въ комитетѣ и въ особенности предсѣдателемъ совѣта. Шаховской затруднился самъ спрашивать Косинскаго, а просилъ сдѣлать это меня, по хорошимъ моимъ отношеніямъ съ Косинскимъ, который предъявилъ при мнѣ Шаховскому: 1) метрическое свидѣтельство, въ которомъ говорилось, что его отецъ и мать были православные, онъ родился въ бытность отца комендантомъ кіевской крѣпости и генералъ-лейтенантомъ, крещенъ въ соборѣ св. Владиміра, а воспріемниками его были: лично кіевскій,

подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Бибиковъ и супруга губернскаго предводителя дворянства княгиня Рѣпнина, тоже православные; 2) копію съ формулярнаго списка отца, представленную при опредѣленіи его въ инженерное училище; 3) свой формуляръ, составленный при выпускѣ его изъ инженерной академіи инженеромъ-поручикомъ; 4) указы объ отставкѣ: изъ военнаго вѣдомства, изъ инспекторовъ классовъ Смольнаго института, и 5) аттестатъ учительской семинаріи, при чемъ онъ во всѣхъ бумагахъ считался православнымъ. Шаховской, прочитавъ бумаги, направилъ Косинскаго съ ними и со своею запискою прямо къ Тимашеву, а онъ послалъ его съ карточкою къ главному начальнику III-го отдѣленія, генералъ-адъютанту А. Л. Потапову. Потаповъ, выслушавъ Косинскаго, позвалъ начальника отдѣленія, тайнаго совѣтника Шульца съ толстою книгою со свѣдѣніями о неблагонадежныхъ и, сравнивъ содержаніе записи въ ней съ документами Косинскаго, при немъ же вырвалъ изъ книги его страницу, швырнулъ ее въ топившійся каминъ, извинился предъ Косинскимъ за лживыя о немъ въ книгѣ записи, то же написалъ объ этомъ записку Тимашеву и поручилъ Косинскому передать ее ему и отпустилъ его съ миромъ, а Тимашевъ оставилъ ходатайство Трепова безъ послѣдствій, но обиженный клеветою Косинскій принялъ, по предложенію директора таможенныхъ сборовъ, тайнаго совѣтника Качалова, должность члена скерневицкой таможни и уѣхалъ туда поправлять разстроенное здоровье и искоренять господствовавшія тамъ злоупотребленія, а года черезъ три переведенъ въ ревельскую таможню и скончался въ Ревелѣ.

Клевета не миновала, впрочемъ, и названныхъ филантропокъ, надоѣдавшихъ Макарову справками и сѣтовавшихъ на необузданныя его дѣйствія, и потому онъ, стремясь избавиться отъ нихъ, донесъ Трепову, что онѣ въ книгахъ для чтенія привилегированнымъ арестантамъ приносили имъ прокламаціи, и Треповъ выхлопоталъ воспрещеніе имъ входа въ тюрьму. Одна изъ нихъ графиня Ностицъ отправилась къ Трепову и при всѣхъ наговорила ему такихъ дерзостей, какихъ онъ ни отъ кого не слыхалъ и принужденъ былъ убѣжать отъ нея, а потомъ всѣ три чрезъ Тимашева добились отмѣны запрета, а мало того, для возстановленія ихъ репутаціи,—право посѣщать тюрьму безъ провожатыхъ изъ тюремной администраціи, отчего Макаровъ кстати долго отъ нихъ прятался.

Перенося различныя непріятности, онѣ не только не охладѣвали, но, напротивъ, настойчивѣе дѣйствовали и были преисполнены жажды облегченія участи заключенныхъ. Такъ, графиня Ностицъ очень хотѣла ѣхать въ Сибирь осматривать каторжныя тюрьмы, а такъ какъ

ея родные сопротивлялись, то всѣ четыре предложили мнѣ на ихъ счетъ сопровождать ее, но я рѣшительно отказался послѣ неудачной поѣздки по исправительнымъ ротамъ, одна же она не рискнула, и онѣ оставили это предположеніе безъ исполненія.

Однажды княжна Дондукова-Корсакова въ 10 часу вечера явилась ко мнѣ вся мокрая отъ лившаго сильнаго дождя. Я подивился ея позднему визиту, но она настояла, чтобы я тотчасъ же отправился съ нею по частямъ отыскивать привезеннаго изъ псковской губерніи народнаго учителя, жена котораго телеграммою умоляла княжну отыскать ея мужа. Какъ я ни отнѣкивался, а вынужденъ былъ съ 10-ти до 2-хъ часовъ ночи перебывать съ нею въ 4-хъ частяхъ, покамѣстъ въ Литейной мы нашли искомаго, и уже въ 3-мъ часу я разстался съ нею, а на другой день она съ утра поѣхала къ главному начальнику 3-го отдѣленія, добилась безотлагательнаго допроса обвинявшагося и оказавшагося невиновнымъ и въ тотъ же вечеръ освобожденнаго,—она проводила его на вокзалъ на обратный путь домой.

Дамы эти часто привлекали меня къ участію въ ихъ мѣропріятіяхъ, особенно, когда требовались сложныя записки, справки, которыя я имъ писалъ и наводилъ охотно, въ виду ихъ беззавѣтной, страстной дѣятельности на пользу ближняго. За это онѣ меня называли своимъ безкорыстнымъ секретаремъ, такъ какъ я ничего отъ нихъ лично для себя не домогался за свой трудъ.

Составивъ и сдавъ годовой отчетъ и по совѣту и наслушавшись благодарностей, я при новыхъ выборахъ не попалъ уже по баллотировкѣ въ составъ ни одного изъ названныхъ учрежденій, очутился я въ дѣятеляхъ пересыльной тюрьмы, гдѣ не было отдѣльнаго хозяйства.

Тамъ содержались осужденные на каторгу, поселеніе, въ арестантскія роты, безпаспортные, пересылавшіеся по этапу на родину, въ судебныя учрежденія, за прошеніе милостыни, добровольно слѣдовавшіе за арестованными и т. д. по категоріямъ въ отдѣльныхъ камерахъ, а для женщинъ было особое отдѣленіе. Этапы изъ мужчинъ и женщинъ приходили и уходили дважды въ недѣлю, а нѣкоторые по разнымъ причинамъ оставались въ тюрьмѣ и по мѣсяцамъ. Стремясь изучить этотъ пестрый миръ, я ежедневно по нѣсколько часовъ проводилъ тамъ среди заключенныхъ, многократно просиживалъ и

цѣлыя ночи съ каторжными, но никогда ни отъ кого не слыхалъ обиднаго слова, видѣлъ потрясающія сцены при бритьѣ полголовы, при заковкѣ въ кандалы, наручники и т. д. Все это я описалъ въ книгѣ „Жизнь заключенныхъ“, а здѣсь дополню только сохранившіеся въ моей памяти особенно выдающіеся случаи, которыхъ я бывалъ очевидцемъ, но не огласилъ. Такъ, однажды, во время обѣда арестантовъ я сѣлъ у края стола возлѣ одного и его ложкою пробовалъ пищу, мирно съ нимъ бесѣдовавъ, и ушелъ; но, проходя корридоромъ, услышалъ отчаянный крикъ, вернулся и узналъ, что тотъ самый арестантъ, который давалъ мнѣ ложку, послѣ моего ухода всадилъ ножъ въ бокъ подошедшаго помощника смотрителя, который упалъ и моментально скончался. Виновный служилъ въ Оренбургѣ военнымъ топографомъ, унтеръ-офицеромъ, нанесъ оскорбленіе начальнику-офицеру, а за это былъ осужденъ въ крѣпостную арестантскую роту, пересылался въ Бобруйскъ и по пути совершилъ это преступленіе, чтобы попасть на каторгу, гдѣ, какъ онъ наслушался, будто было легче, нежели въ названной военной ротѣ.

При мнѣ, однажды, привезли осужденнаго въ каторгу чухонца изъ Выборга въ легкой телѣжкѣ, прикованнаго къ ней за руки и за ноги, при чемъ арестантъ и его проводникъ единогласно разсказали мнѣ, что заковали его въ Выборгѣ и трое сутокъ до пересыльной, онъ оставался въ этомъ положеніи на морозѣ, на снѣгу, на остановкахъ во дворахъ, гдѣ возница кормилъ его изъ своихъ рукъ и ими же разстегивалъ и застегивалъ его брюки при надобности. Истязаніе это происходило издавна по принятому въ Финляндіи порядку, въ видахъ экономическихъ, чтобы не тратиться на конвойныхъ. Я сообщилъ объ этомъ князю Шаховскому, а онъ финляндскому статсъ-секретарю графу Армфельду, который чрезъ финляндскій сенатъ отмѣнилъ эту варварскую пересылку, а замѣнилъ ее господствовавшею въ Россіи обыкновенною этапною пересылкою арестантовъ, о чемъ чрезъ мѣсяцъ увѣдомилъ Шаховскаго.

Нѣкто мѣщанинъ Максимъ Ивановъ содержалъ четырехъ молодыхъ дѣвицъ и трехъ мужчинъ, которые заманенныхъ дѣвицами разныхъ господъ грабили и даже убивали. Этимъ-то маневромъ попалъ къ нимъ старикъ, надворный совѣтникъ фонъ-Зонъ, котораго убили и отправили въ чемоданѣ въ Москву. Преступленіе это открылось, виновныхъ судили и приговорили въ каторжныя работы, самаго старшаго изъ нихъ Максима Иванова, 24-хъ лѣтъ, на 8 лѣтъ. Въ пересыльной Иванова, какъ главу шайки, содержали въ особой камерѣ, такъ какъ бывшая его команда, которою онъ деспотически распоряжался,—боялась его. Поговорилъ я съ нимъ, и онъ мнѣ посѣтовалъ на снѣдавшую его тоску. Я спросилъ его, не хочетъ ли онъ, для облегченія совѣсти, побесѣдовать со священникомъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ онъ,—только нѣтъ ли хорошаго проповѣдника, напр., Полисадова? Онъ очень мнѣ нравится.

Протоіерей И. Н. Полисадовъ слылъ однимъ изъ лучшихъ столичныхъ проповѣдниковъ и состоялъ въ числѣ директоровъ комитета. Я поѣхалъ къ нему, засталъ его дома, объяснилъ ему причину своего визита, вернулся съ нимъ въ пересыльную къ М. Иванову и изъ любопытства остался въ камерѣ. М. Ивановъ, будучи еще на свободѣ, слышалъ проповѣди Полисадова и потому встрѣтилъ его довольно почтительно. Полисадовъ заговорилъ и, постепенно вдохновляясь, произнесъ превосходную проповѣдь на тему совершеннаго М. Ивановымъ преступленія. Ивановъ внимательно слушалъ.

— Ну что же ты, заблудившееся чадо, отвѣтишь мнѣ,—спросилъ Полисадовъ въ заключеніе.

— Вы, батюшка, говорите прекрасно, но, извините, не убѣдительно, отозвался М. Ивановъ. Въ вашемъ же священномъ писаніи сказано, что и волосъ съ головы человѣка не спадетъ безъ воли Божіей, значитъ, мы, убивая Зона, были только орудіемъ воли Божіей, а насъ ссылаютъ за это на каторгу. Гдѣ же справедливость? Во что же прикажете вѣрить?

— Стало быть, ты въ Бога не вѣруешь?

— Радъ бы вѣрить, да не могу, а думаю, что и вы врядъ ли вѣрите, а говорите по привычкѣ, да по вашему сану.

— Ошибаешься. Какъ христіанинъ, я вполнѣ вѣрю въ Бога и въ то, что коль скоро всякое дыханіе хвалитъ Господа, то и скотовъ убивать грѣшно.

Онъ долго еще говорилъ, но цѣли не достигъ.

— Довольно, батюшка, вамъ утруждать себя напрасно, душа моя не смягчается отъ вашей проповѣди.

Въ числѣ ссылавшихся въ Сибирь женщинъ, содержалась нѣкая дѣвица, дворянка Рыбаковская 23—25 лѣтъ, за убійство измѣнившаго ей сожителя, дворянина Гельфрейха. Какъ только ей надлежало выступать въ партію, такъ съ нею дѣлалась сильнѣйшая истерика, при чемъ являлась пѣна изо рта, и ее оставляли въ тюрьмѣ, ибо и медики признавали ее больною. Мѣсяца три не удавалось ее отправить, а потому поручили начальницѣ женскаго отдѣленія сблизиться съ нею и разузнать характерныя черты ея недуга. Начальница сдружилась съ нею, выражала ей соболѣзнованіе, и однажды, угощая ее кофеемъ, спросила ее, что у нея болитъ. Она отвѣтила, что здорова, но при этомъ похвалилась, что истерику можетъ произвести во всякое время. Начальница подивилась и заспорила съ нею, а она, чтобы подтвердить свои слова, моментально поблѣднѣла, свалилась на полъ, глаза ея закатились, изо рта заклубилась пѣна и лежала недвижимою,

а чрезъ двѣ минуты встала, оправилась и засмѣялась. Начальница сообщила объ этомъ смотрителю, и ее назначили въ путь. Какъ только позвали ее одѣваться, она упала и истерика начала дѣйствовать. Надзирательница, въ попыхахъ, схватила ведро съ холодною водою и вылила ей на голову. Она мгновенно вскочила, обругала надзирательницу, спокойно одѣлась, вошла въ составъ этапа и мирно отправилась въ дорогу.

Пожилая, почтенная дама, явясь проститься съ ссылавшимся сыномъ, увидала готовую къ отходу партію въ ножныхъ кандалахъ, въ наручникахъ, съ бритыми полуголовами, въ сѣрыхъ халатахъ и проч., вскрикнула, захохотала и мгновенно сошла съ ума.

Полковникъ, въ стремленіи облегчить, въ пути, участь ссылавшейся дочери его дѣвицы,—переодѣлся въ поддевку и выпросился слѣдовать за дочерью по этапу, говоря, что обязался самъ искупить лишеніями ея прегрѣшеніе, такъ какъ не сумѣлъ раньше воздержать ее отъ увлеченія политикою.

Въ числѣ пересылавшихся за границу, обратилъ на себя мое особенное вниманіе интеллигентный 16-ти-лѣтній юноша по фамиліи Фрикъ. Отъ него, въ конторѣ и губернскомъ правленіи узналъ я, что онъ незаконнорожденный нѣмкою, изъ Мемеля, третій разъ высылался за границу, но тамъ бургомистръ прогонялъ его обратно въ Россію, онъ добирался „Христовымъ именемъ“ до Петербурга, а отсюда его, какъ безпаспортнаго, опять отправляли за границу. Дальнѣйшія мои справки выяснили, что фактическій его отецъ, будучи за границею, вывезъ оттуда нѣмку-дѣвицу, а здѣсь прижилъ съ нею сына, котораго почему-то не крестили и никуда не приписали; но жилъ онъ въ довольствѣ при отцѣ и матери, ходилъ въ школу, научился грамотѣ и, когда ему минуло 14 лѣтъ, отецъ его Г—кій, подъ видомъ отпуска, уѣхалъ въ рязанскую губернію, женился тамъ, вернулся съ женою, обставился на новой квартирѣ, а нѣмку бросилъ съ сыномъ на произволъ судьбы. Нѣмка съ отчаянія отравилась, а сынъ пріобрѣлъ кличку бродяги, мытарился по тюрьмамъ и этапамъ. Побывалъ я и у Гос—аго, который былъ уже дѣйствительный статскій совѣтникъ, взывалъ къ его милосердію, но ничего отъ него не добился: онъ оправдывался наличностью законныхъ двухъ дѣтей. Тогда я выпросилъ въ губернскомъ правленіи Фрика къ себѣ на поруки, поселилъ его временно у себя, разсказалъ о его судьбѣ князю Шаховскому и съ его запискою о снабженіи Фрика паспортомъ, явился къ исправлявшему должность градоначальника, генералу А. А. Козлову. Онъ любезно меня выслушалъ и обѣщался дать мнѣ на имя Фрика временное свидѣтельство на свободное его жительство, а потомъ освѣдомился, гдѣ находится Фрикъ. Я затруднился отвѣтить прямо, что у меня, во избѣжаніе прописочныхъ порядковъ.

— Будьте спокойны: дурнаго для Фрика я ничего не предприму, а спрашиваю я васъ не формально, а частнымъ образомъ.

— Въ такомъ случаѣ, онъ у меня покамѣстъ.

Я ушелъ отъ Козлова обнадеженный, что чрезъ три дня получу для Фрика свидѣтельство. Къ изумленію моему, на другой день въ сумеркахъ ко мнѣ явился, по приказанію Козлова, мѣстный приставъ, въ сопровожденіи двухъ околодочныхъ, городовыхъ и понятыхъ арестовать Фрика, который успѣлъ чрезъ черный ходъ удалиться на улицу, а я далъ приставу формальный отзывъ, что не знаю, гдѣ Фрикъ находится. Удовольствовавшись полученнымъ отзывомъ, приставъ удалился со своею свитою, а часа чрезъ два я свелъ вернувшагося Фрика ночевать въ Спасскую часть, гдѣ существовали комнаты для ночлежниковъ, у которыхъ паспортовъ не спрашивали. Смотритель части зналъ меня, какъ директора комитета, отчасти его начальства, и желая мнѣ угодить—отвелъ Фрику отдѣльную комнату, снабженную, на счетъ комитета, постельными принадлежностями. Онъ и провелъ тамъ спокойно двѣ ночи, а днемъ у меня съ разными предосторожностями. Я вновь адресовался къ князю Шаховскому за помощью, разсказавъ ему вѣроломство Козлова. Во время нашей бесѣды, какъ достать Фрику паспортъ, лакей доложилъ Шаховскому о пріѣздѣ графа Армфельда. Князь принялъ сановитаго старца и прямо попросилъ его, не можетъ ли онъ вывести насъ изъ затрудненія съ Фрикомъ. Графъ предложилъ мнѣ явиться къ нему съ нимъ въ статсъ-секретаріатъ княжества финляндскаго на слѣдующее утро. Я исполнилъ его предложеніе, онъ ласково оглянулъ Фрика, позвалъ чиновника, что-то велѣлъ ему сдѣлать, тотъ свелъ внизъ Фрика, и чрезъ полчаса мы вышли съ паспортомъ Фрика, значившимся гражданиномъ города Або. Паспортъ этотъ я тотчасъ же отдалъ прописать, а чрезъ недѣлю, съ помощью знакомаго, опредѣлилъ Фрика, какъ полноправнаго финляндскаго гражданина, кондукторомъ на конно-желѣзную дорогу, и тѣмъ кончились всѣ его мытарства.

Просившихъ на улицѣ милостыню полиція забирала и направляла въ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ, а комитетъ, продержавъ ихъ нѣсколько сутокъ,—отсылалъ: чрезъ мировыхъ судей въ тюрьму, да чрезъ пересыльную тюрьму на родину. Для многихъ практиковалъ комитетъ этотъ терминъ такъ оригинально, что напр. петербургскимъ мѣщанамъ и ремесленникамъ опредѣлялъ родину Вологодскую или Архангельскую губерніи, и никакія жалобы на неправильность этого опредѣленія „родины“ не помогали. Напротивъ, въ пересыльной люди зачислялись за губернскимъ правленіемъ, а оно выпускало на свободу тѣхъ изъ нихъ, за которыхъ благонадежные люди давали подписку, что обязывались „воздерживать“ ихъ отъ

прошенія милостины. И выходило, что комитетъ наполнялъ, а правленіе опустошало тюрьму сообразно своимъ правиламъ, ибо охотники „воздерживать“ постоянно находились въ лицѣ родственниковъ, знакомыхъ нищихъ, или по ихъ просьбамъ среди членовъ и директоровъ тюремнаго комитета. Въ числѣ многихъ подписокъ и я однажды вызвался „воздержать отъ прошенія милостины“ нѣкоего оборванца, молодого человѣка, здѣшняго мѣщанина У—ва, похвалившагося, что располагаетъ отличнымъ почеркомъ. Экипировавъ его сносно, я опредѣлилъ его къ себѣ въ департаментъ въ писцы, и онъ привелъ насъ въ восторгъ своимъ почеркомъ, вѣрностію письма, трезвостью, аккуратностью и усердіемъ, но получивъ первое 20 руб. за мѣсяцъ жалованье, онъ пропалъ, а чрезъ недѣлю я вновь нашелъ его растерзаннымъ въ пересыльной, въ числѣ нищихъ. Онъ умолялъ меня вторично взяться „воздерживать“ его, при чемъ клялся, что натуральные казаки такъ жестоко отстегали его за городомъ нагайками, что онъ зарокъ далъ больше ни пить, ни шататься, а непремѣнно остепениться. Я исполнилъ его просьбу и рекомендовалъ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ писцы, съ оговоркою, впрочемъ, что получивъ деньги—опять можетъ скрыться. Однако, послѣдствія убѣдили меня, что урокъ нагайками дѣйствительно принесъ ему существенную пользу: онъ на столько исправился и проявилъ усердіе, что ему предоставлены были права службы, зачтены были года вольнонаемныхъ занятій въ департаментѣ общихъ дѣлъ въ государственную службу, потомъ произвели, за десять лѣтъ, въ коллежскіе регистраторы, и я видѣлъ его уже помощникомъ столоначальника и со Станиславомъ въ петлицѣ.

Бѣдный, но самолюбивый старикъ, отставной чиновникъ Сергѣевъ, владѣвшій въ Гавани маленькимъ деревяннымъ домомъ, содержалъ его неряшливо. Мѣстный приставъ требовалъ исполненія санитарныхъ правилъ, но Сергѣевъ сперва—обѣщалъ выполнить ихъ, потомъ — откладывалъ до полученія пенсіи, затѣмъ — отговаривался неимѣніемъ средствъ, наконецъ — полемизировалъ съ приставомъ и грубилъ ему. Приставъ пожаловался на него ген. Трепову, а онъ вызвалъ его къ себѣ, распекъ и угрожалъ ему непріятностями. Онъ возразилъ, что если Треповъ дастъ ему денегъ — онъ упорядочитъ домъ, а въ противномъ случаѣ ничего не сдѣлаетъ и угрозъ не боится. За это онъ очутился въ пересыльной, для отправки, за неблагонадежность, въ Архангельскую губернію. Хотя, будучи въ пересыльной, онъ послалъ жалобы на Трепова прокурору, министру и въ Сенатъ, но въ Архангельскую губернію таки отправился, а кто завладѣлъ домомъ (онъ былъ одинокій), осталось загадкою.

Въ пересыльной же за упраздненіемъ тѣлесныхъ наказаній издавна

содержался заштатный палачъ по имени Василій, высокій, плотный, здоровый старикъ, съ тоски запивавшій по недѣлѣ сряду три—четыре разъ въ годъ. Онъ выглядѣлъ всегда угрюмымъ, жилъ въ отдѣльной отъ арестантовъ каморкѣ надъ прачешной, одѣвался въ простолюдинскую одежду, держался: съ начальствомъ—почтительно, съ надзирателями—фамильярно, а съ арестантами—горделиво, никуда не выпускался, а въ тюрьмѣ аккуратно и любовно занимался подметаніемъ и чисткою церкви, вмѣсто служителя. Я зналъ о его слабости къ выпивкѣ и куренію, денегъ ему никакихъ не полагалось, потому я давалъ ему когда 20, когда 30 коп., а за это пріобрѣлъ его расположеніе, свободно заходилъ къ нему въ каморку, бесѣдовалъ съ нимъ, а изъ его вполнѣ толковыхъ разсказовъ постепенно узналъ, что онъ изъ тамбовскихъ крестьянъ сданъ былъ, въ 1842 г., въ рекруты и за свой большой ростъ попалъ въ конный полкъ, изъ котораго, отъ тяжести тогдашней солдатской службы, бѣжалъ, былъ пойманъ въ Казани, назвался бродягою, не помнящимъ родства и приговоренъ къ наказанію 200 розгъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Страшась наказанія,—онъ открылся, что бѣглый солдатъ, его снова судили и осудили прогнать сквозь строй чрезъ 150 человѣкъ, а чтобы избавиться отъ спицрутеновъ, онъ пожелалъ въ палачи, не вѣдая, разумѣется, что обрекалъ себя на это позорное ремесло на всю жизнь. Однако поворота уже не было, и его опредѣлили въ помощники палача въ Петербургъ. Около года учился онъ наказывать плетью на кобылѣ, до тѣхъ поръ, пока могъ свободно на ней прорѣзать плетью листъ бумаги, а потомъ практиковалъ на людяхъ свое искусство. Близкіе осужденныхъ не рѣдко его подкупали, чтобы легче наказывалъ, а онъ такъ изловчился, что и отъ 100 ударовъ не причинялъ наказуемому значительнаго вреда для здоровья. За послабленіе ему иногда и самому жутко доставалось. Такъ напр., однажды бывшій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ Галаховъ замѣтилъ его мирволеніе и крикнулъ ему при народѣ „эй, палачъ, стегай какъ слѣдуетъ, не то самому шкуру спущу“.

— Такъ вотъ вамъ плеть, стегайте сами, возразилъ онъ и въ азартѣ кинулъ ему плеть.

Галаховъ остановилъ экзекуцію, вернулъ преступника и его, палача, въ тюрьму, гдѣ ему всыпали 200 розогъ, а чрезъ недѣлю вновь заставили наказывать преступника.

Случалось и наоборотъ.

Привезутъ, примѣрно, на площадь и раздѣнутъ на эшафотѣ плюгаваго мужиченка, разсказывалъ Василій, взглянешь на него, кожа да кости, подумаешь: тутъ твоимъ мученіямъ только начало, а продолженіе на каторгѣ, промолвишь „э-хъ судьба“, да какъ хватишь четыре, пять разъ, и духъ его вонъ: померъ и страданіямъ конецъ.

Такъ продолжалъ Василій дѣйствовать до 1863 г., когда онъ собственными руками уложилъ свои инструменты въ ящикъ, выкопалъ во дворѣ тюрьмы яму и въ присутствіи начальства похоронилъ ихъ, а потомъ, оставшись на жительствѣ въ тюрьмѣ — досугами раздумывалъ о томъ, скольких людей засѣкъ до смерти, раскаивался и замаливалъ свои грѣхи въ церкви.

Разсказывая о прошломъ, онъ постепенно оживлялся, длинныя его руки начинали трястись, лицо его багровѣло, а глаза наливались кровью, и онъ дрожащимъ голосомъ вскрикивалъ мнѣ:

— Уйдите, уйдите ради Бога, не то я васъ задушу...

Я, разумѣется, покидалъ его и удалялся, а на другой день при встрѣчѣ со мною, во дворѣ, онъ униженно просилъ у меня прощенія за свою необузданность.

— Когда я вспоминаю, что дѣлывалъ, на меня находитъ озвѣреніе, и я не могу совладѣть съ собою. Вамъ со стороны виднѣе, какъ я впадаю въ азартъ, ну и спасайтесъ отъ меня и отъ грѣха.

Я ему извинялъ, совѣтовалъ сдерживаться, и мы мирно расходились.

И вотъ этотъ-то палачъ, доживъ до 68-ми лѣтъ, въ качествѣ тюремнаго обитателя, искренно пожелалъ докончить свою многогрѣшную жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ, въ покаянной молитвѣ и постѣ. Я написалъ отъ его имени въ Св. Синодъ прошеніе, которое мы представили со своимъ заключеніемъ, что оно достойно уваженія, но покойный митрополитъ Исидоръ написалъ, на прошеніи, резолюцію „такому грѣшнику не мѣсто въ монастырѣ" и дѣло было стало, но нѣкоторое время спустя мы возобновили ходатайство, и Синодъ разрѣшилъ. Василія отправили по этапу въ Соловки, гдѣ въ тюрьмѣ его видѣлъ впослѣдствіи романистъ В. И. Немировичъ-Данченко, и откуда онъ иногда присылалъ мнѣ благодарственныя коротенькія письма.

Перебывавъ за занятіями въ срочной тюрьмѣ, частяхъ, пріютѣ, въ тюремномъ замкѣ; въ хозяйственномъ правленіи, въ исправительномъ совѣтѣ и въ пересыльной тюрьмѣ,—я изучилъ вездѣ мѣстные порядки, а потому сочлены, видя мою неослабную энергію, выбрали меня уже въ члены финансовой и контрольной комиссіи, полагая, что въ нихъ меня затрутъ, и я успокоюсь.

Финансовая комиссія, посвящавшая свою дѣятельность лишь смѣтной части, мало значила, а контролю подлежали, кромѣ названныхъ учрежденій, еще долговое отдѣленіе и канцелярія комитета, по всѣмъ денежнымъ операціямъ. Персоналу комиссіи лѣнь было заниматься, почему онъ, выбравъ меня въ предсѣдатели, охотно свалилъ на меня одного все дѣло. Я принялся за него горячо и въ комитетскихъ за-

сѣданіяхъ указывалъ директорамъ, завѣдывавшимъ отдѣльными учрежденіями, на ихъ вольныя и невольныя погрѣшности, что имъ очень не нравилось, и они меня не возлюбили и сердились на меня, но меня постоянно поддерживалъ князь Шаховской, который мнѣ все довѣрялъ и благоволилъ ко мнѣ за правильный учетъ расходовавшихся суммъ и за радѣніе объ интересахъ комитета.

Правитель канцеляріи президента Н. И. О—въ неоднократно занималъ въ комитетѣ по одной и по двѣ тысячи руб. Шаховской прекратилъ эти займы, говоря, что не прилично благотворительныя деньги раздавать взаймы членамъ вообще и безъ % въ особенности.

Директоръ комитета Н. Л. Л—нъ, взявшійся при Волоцкомъ написать исторію общества попечительнаго о тюрьмахъ, многократно получалъ изъ комитета субсидіи по 1000, 800 и 500 руб. за трудъ, котораго не предвидѣлось конца: онъ изготовилъ только предисловіе въ 3 печатныхъ листа. Шаховской отказалъ ему въ дальнѣйшей выдачѣ на томъ основаніи, что директоры не въ правѣ получать денежнаго вознагражденія отъ комитета. Онъ чрезъ 6—7 лѣтъ скончался, ничего не прибавивъ къ предисловію.

Директоры комитета обязывались въ декабрѣ дѣлать взносы на слѣдующій годъ, не менѣе 15 руб. Между тѣмъ въ февралѣ наступившаго года оказались недоимщиками: Д. М. С., статсъ-секретарь князь Д. А. О—ій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковъ, которыхъ князь Шаховской предложилъ исключить изъ состава комитета. Многіе члены нашли это неумѣстнымъ, конфузнымъ для названныхъ лицъ, но Шаховской настаивалъ на своемъ, пока защитники не внесли за нихъ денегъ.

Казначеемъ комитета былъ богатый подрядчикъ-строитель казенныхъ зданій, потомственный почетный гражданинъ, старикъ П. М. Быковъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ комитета, а потому въ своей квартирѣ хранилъ весь капиталъ комитета до 400.000 руб. И вотъ однажды онъ уѣхалъ въ Харьковъ сдавать инженерному управленію построенныя имъ казармы, разладился тамъ съ пріемщиками, и они задержали выдачу ему до двухъ сотъ тысячъ, тогда какъ у него, какъ у крупнаго подрядчика, были срочные платежи, и два-три кредитора протестовали здѣсь его векселя, а остальные объявили его несостоятельнымъ должникомъ. Конторщикъ далъ ему знать объ этомъ, и съ нимъ сдѣлался параличъ. Не взирая на то, что лежалъ въ Харьковѣ безъ движенія, онъ телеграфировалъ въ С.-Петербургъ своему прикащику, чтобы сдалъ комитетскій сундучекъ съ деньгами по принадлежности. Прикащикъ привезъ сундучекъ къ князю Шаховскому, а онъ прислалъ за мною и бухгалтеромъ съ книгами. Съ большимъ волненіемъ открыли мы втроемъ сундучекъ, провѣрили капиталъ и

нашли еще лишнихъ 600 рублей. Шаховской успокоился, такъ какъ высказался, что внесъ бы свои деньги, еслибы ихъ не оказалось (онъ считался богачемъ), такъ какъ первый повиненъ въ оплошности, Быкова же называлъ честнымъ человѣкомъ, впавшимъ въ несчастіе, благодаря взяточникамъ-инженерамъ. Однако тогда же комитетскій капиталъ сдали на храненіе въ губернское казначейство. Быковъ же въ Харьковѣ скончался, а въ Петербургѣ были у него одни только прикащики да старуха жена, малограмотная и ничего не смыслившая въ мужниныхъ дѣлахъ.

Мелкія пикировки директоровъ между собою, различныя ихъ дрязги, слабая дѣятельность многихъ, льстивое заискиваніе въ Шаховскомъ, проявленіе власти директоровъ департаментовъ и Трепова, безъ вѣдома Тимашева, и его собственное равнодушіе къ тюремной части постепенно убѣдили Шаховскаго въ невозможности поднять комитетъ на подобающую высоту, а потому онъ разссорился съ Тимашевымъ и отказался отъ предсѣдательства (въ декабрѣ 1874 г).

Здѣсь кстати добавлю характерныя черты изъ жизни князя, имъ самимъ мнѣ разсказанныя. Кончивъ курсъ въ артиллерійской академіи, онъ прослужилъ лѣтъ десять обыкновеннымъ бѣднымъ офицеромъ гвардейской артиллеріи, но, нуждаясь въ средствахъ, искалъ побочныхъ занятій. По рекомендаціи одного генерала, онъ представился богатѣйшему помѣщику, сановитому и умному графу Віельгорскому. Графъ прямо поручилъ ему, какъ бы подчиненному, провѣрить отчетъ по имѣнію. Онъ сдѣлалъ это, принесъ и почтительно доложилъ о результатѣ графу, который далъ ему другой, третій отчеты, потомъ изъ нѣсколькихъ велѣлъ составить общій о приходѣ, расходѣ и остаткѣ. Работу Шаховскаго графъ одобрялъ, но никакихъ постороннихъ разговоровъ съ нимъ не заводилъ, а о вознагражденіи за трудъ и не заикался въ теченіе полугода; Шаховской же стѣснялся объ этомъ заговаривать; наконецъ, пришелъ поздравить графа съ Новымъ годомъ.

— Спасибо,—произнесъ графъ,—за поздравленіе. Такъ какъ я замѣчаю, что ты дѣльный человѣкъ, то вотъ тебѣ награда за трудъ.

Онъ подалъ ему свертокъ монетъ. Князь принялъ свертокъ, поблагодарилъ графа и ушелъ. Оказалось 1.000 р. Потомъ графъ мало-по-малу сталъ съ нимъ разговаривать, а на Пасху пригласилъ его къ себѣ разговляться и представилъ своему семейству, въ которомъ была взрослая дочь. Чрезъ полгода дальнѣйшихъ частыхъ дѣловыхъ свиданій князя съ графомъ, послѣдній спросилъ перваго: нравится ли ему его дочь и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пояснилъ ему, что и онъ нравится дочери, а потому можетъ на ней жениться, что хотя онъ бѣднякъ, но онъ, графъ, богатъ, дастъ ему все за его дѣловитость, трудо-

любіе и скромность; имѣть его своимъ зятемъ желаетъ онъ потому въ особенности, что другой его зять, графъ В. А. Соллогубъ, авторъ „Тарантаса“, способенъ только зря транжирить деньги. Такимъ образомъ, князь женился на дочери графа, который постепенно сдѣлалъ его полнымъ распорядителемъ своего богатства, а умирая отказалъ ему все состояніе съ тѣмъ, чтобы содержалъ семейство Соллогуба, что онъ свято исполнялъ; со своею женою онъ жилъ отлично, но ей сужденъ былъ короткій вѣкъ, и онъ остался вдовымъ съ малолѣтней дочерью, хорошо ее воспиталъ и богатство сберегъ для нея.

Жилъ онъ въ собственномъ домѣ, на углу Литейной и Кирочной, весьма роскошно, квартирная его обстановка, отличавшаяся чрезвычайнымъ изяществомъ, поражала многихъ и богатыхъ директоровъ комитета. Увлекшись коллекціонерствомъ, онъ пріобрѣлъ, за большія деньги, рѣдкія старинныя иностранныя и русскія вещи, которыя раскладывались на столахъ и развѣшивались по стѣнамъ въ отдѣльной огромной комнатѣ. Онъ купилъ, напримѣръ, въ Лондонѣ сервизъ Наполеона III за 300.000 франковъ. Засѣданія комитета дѣлалъ онъ въ своей квартирѣ, куда охотно собирались по 30—40 членовъ, преимущественно для обозрѣнія его рѣдкостей, при чемъ разъ при мнѣ произошелъ слѣдующій казусъ. Одинъ изъ директоровъ, богатый еврей П. Х. Розенбергъ, взялъ со стола и разглядывалъ сдѣланный изъ тончайшей слоновой кости вѣеръ, принадлежавшій Елисаветѣ Петровнѣ, но рука его дрогнула, онъ уронилъ на полъ вѣеръ, разбившійся на части. Князь разсердился, а Розенбергъ, чтобы смягчить князя, собралъ куски и послалъ ихъ склеить за границу, заплативъ за работу 1.500 р. Несмотря на свое богатство и независимость, князь былъ очень простъ, добръ, любилъ тружениковъ, помогалъ щедро бѣднымъ.

Помянувъ Розенберга, считаю умѣстнымъ здѣсь же охарактеризовать оригинальную эту личность. Онъ былъ личный почетный гражданинъ, а смолоду прослуживъ 25 лѣтъ солдатомъ мастеровой команды и закройщикомъ Преображенскаго полка, въ качествѣ портного, обшивалъ офицеровъ. Выйдя въ отставку, умомъ и ловкостью открылъ и быстро расширялъ свою мастерскую до значительныхъ размѣровъ и одновременно ссужалъ заказчиковъ деньгами подъ %, а когда разжился,—продалъ мастерскую, приписался въ купцы и въ члены благотворительныхъ заведеній, по нимъ, за пожертвованія, пробрался въ почетные граждане, поселился въ бель-этажѣ на Невскомъ, обставилъ шикарно квартиру, женился на молоденькой красавицѣ-еврейкѣ и ежедневно катался съ нею по Невскому въ щегольскомъ экипажѣ. Она обращала на себя особенное вниманіе свѣтскихъ франтовъ, но ревнивый мужъ ни на шагъ одну ее не выпускалъ, а потому франты по-неволѣ знакомились съ нимъ посредствомъ займовъ

у него денегъ. Мало-по-малу онъ сдѣлался свѣтскимъ ростовщикомъ и узналъ всю высшую аристократію, посредствомъ наживы отъ нея и подношенія ея представителямъ и представительницамъ за билеты на благотворительные концерты, спектакли сотнями рублей. Короче, его знало все высшее столичное общество, а жена, въ пылу неудовлетворенія,—ежегодно по разу, по два требовала отъ него разводъ, но онъ умиротворялъ ее драгоцѣнностями и деньгами же.

Въ комитетѣ считался онъ въ числѣ полезнѣйшихъ членовъ: за право называться директоромъ и сидѣть между извѣстными лицами, онъ щедро платился: задумали, напримѣръ, устроить въ пересыльной тюрьмѣ водопроводъ. Архитекторы составили смѣту на 2.500 руб. Въ засѣданіи заспорили о размѣрѣ стоимости. Онъ прислушался и спокойно заявилъ, что даетъ всю сумму, лишь бы спорить перестали. Его поблагодарили, а онъ на другой день доставилъ казначею на водопроводъ 2.500 руб. Понадобились для пріюта желѣзныя кровати и новые матрацы, и онъ прислалъ тѣхъ и другихъ по 25. Къ годовымъ еврейскимъ праздникамъ онъ выпускалъ изъ долгового отдѣленія 2—4 должниковъ на 1—2 тысячи каждый разъ. Счета типографщиковъ за работу для комитета предсѣдатель часто посылалъ къ нему, и онъ ихъ безпрекословно оплачивалъ.

Знакомство мое съ нимъ началось въ засѣданіяхъ, въ которыхъ онъ подсаживался ко мнѣ, чтобы лучше слышать мои спорныя рѣчи, которыя и ему нравились. Онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, я отплатилъ ему, и мы сблизились по комитетскимъ дѣламъ, а иногда я составлялъ ему разныя записки и отчеты по еврейской столовой, которую онъ содержалъ. За это онъ мнѣ присылалъ дорогихъ сигаръ и принималъ меня очень радушно. Такъ протянулись годы, въ теченіе которыхъ я изучалъ его изъ любопытства и вызывалъ его на откровенность. Однажды, когда я зашелъ къ нему, я засталъ его веселымъ, словоохотливымъ и горделивымъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ сперва пояснилъ мнѣ, что стоявшій въ залѣ огромный въ вышину полкомнаты снимокъ съ іерусалимскаго еврейскаго храма весь серебряный онъ самъ заказывалъ за границею и съ перевозкою и установкою стоилъ ему 20.000 руб., потомъ въ кабинетѣ подалъ мнѣ отличную сигару и ни съ того, ни съ сего, спросилъ меня: кто въ Петербургѣ первый человѣкъ?—Я,—отвѣтилъ государь.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, кромѣ государя и царской фамиліи, изъ жителей кто первый?

— Не знаю.

— Такъ я вамъ скажу: я, да, я.

— Почему вы?

— Потому что вся почти аристократія мнѣ должна и векселями ея наполненъ вотъ этотъ желѣзный шкафъ; она меня любитъ за то,

что я ее выручаю и уважаетъ за то, что я ей услуживаю, а нѣкоторыхъ и обогащаю.

— Кого и какимъ способомъ вы обогащаете?

— Извольте разскажу, но только помните одному вамъ по расположенію къ вамъ. Мнѣ заблаговременно, видите ли, доставляютъ по секрету кондиціи и цѣны на всѣ поставки по части артиллерійской, инженерной, комиссаріатской и провіантской. Просмотрѣвъ кондиціи на большія поставки, я отправляюсь поочередно: къ дежурному генералу и беру у него процентныхъ бумагъ на 25—30.000, отъ него къ товарищу, генералъ-фельдцейхмейстеру и беру у него тоже 25—30.000, потомъ у директора канцеляріи военнаго министра 20—30.000 руб., еще кое у кого по стольку же и въ назначенный день и часъ являюсь на торги, вношу залогу 100 — 200 тысячъ и начинаю торговаться. Настоящіе подрядчики всѣ меня знаютъ и предлагаютъ отступнаго. Я довожу до выгодной имъ цѣны и отказываюсь въ ихъ пользу, а они за это мнѣ платятъ, глядя по стоимости подряда отступнаго, а я въ тотъ же вечеръ развожу полученный обратно залогъ тѣмъ, у кого сколько взялъ, съ надбавкою за подержаніе 15—30% за ихній капиталъ, изъ того отступнаго, какой мнѣ достался. Такъ веду я съ ними дѣло уже давно къ общему обогащенію; за это всѣ мнѣ на слово вѣрятъ, а я дорожу довѣріемъ и честно съ ними разсчитываюсь.

Онъ гдѣ-то простудился и, какъ человѣкъ старый, слегъ. Когда я навѣстилъ его, по его приглашенію, онъ настойчиво требовалъ, чтобы жена тотчасъ же послала за графомъ Г. по весьма важному дѣлу. Чрезъ полчаса графъ явился. Онъ обрадовался и приказалъ поднести его съ кроватью къ несгораемому желѣзному шкафу. Это исполнили. Онъ досталъ изъ подъ подушки ключъ и поручилъ мнѣ отпереть и отворить шкафъ, а когда я исполнилъ—велѣлъ вынуть и подать ему нѣсколько толстыхъ пакетовъ, изъ нихъ одинъ вручилъ графу со словами „вотъ ваши деньги“. Графъ, получивъ пакетъ, сунулъ его въ карманъ, поблагодарилъ больного, пожелалъ ему скораго выздоровленія и удалился. Больной попросилъ меня наклониться къ нему и почти шопотомъ проговорилъ: „Въ пакетѣ было графскихъ 20.000 руб., находившихся у меня безъ росписки; теперь я радъ, что отдалъ ему: я сильно сомнѣвался, чтобы жена возвратила ихъ ему, въ случаѣ моей смерти, потому она жадная на деньги, а я не хочу умирать безчестнымъ“.

На другой день онъ дѣйствительно скончался отъ воспаленія легкихъ, оставивъ женѣ и пожилой замужней дочери отъ перваго брака состояніе тысячъ въ 300.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Происшествіе, вѣроятіе превосходящее.

Отъ 20-го марта 1794 г. начальникъ Москвы Прозоровскій, представляя Государынѣ свѣдѣнія о состояніи столицы и губерніи, доносилъ:

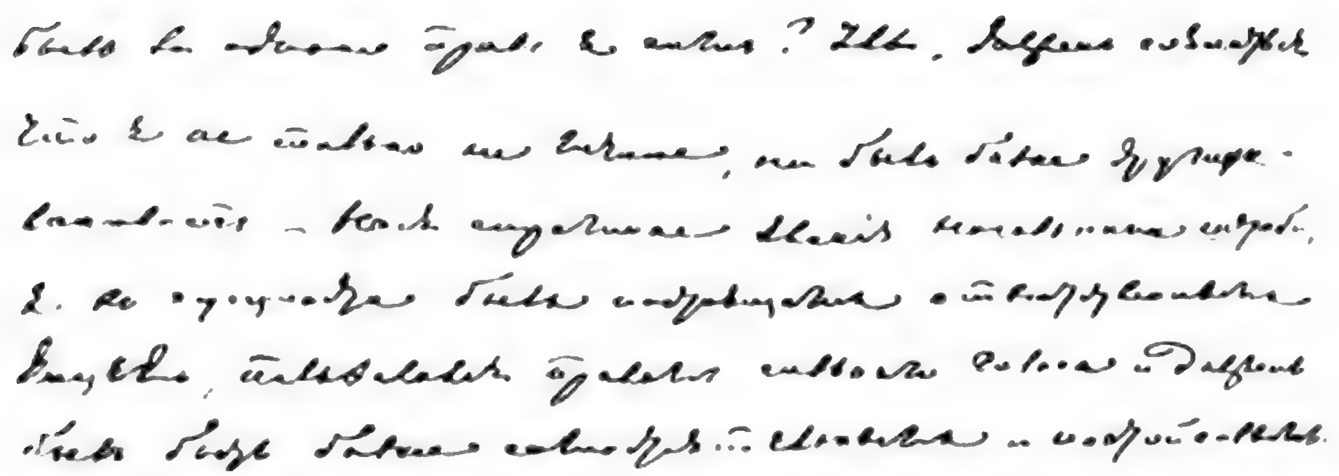
Въ Серпуховскомъ уѣздѣ случилось слѣдующее происшествіе, о которомъ, яко заключающемъ чрезвычайное и вѣроятіе превосходящее приключеніе, всеподданнѣйше и доношу вашему величеству. Когда отъ тамошняго нижняго земскаго суда дворянскій засѣдатель: отправленный въ уѣздъ для взыскиванія недоимокъ, пріѣхалъ въ сельцо Калиново, то того сельца однодворка объявила ему, что мужъ ея зарѣзанъ и найденъ мертвъ въ казенномъ лѣсѣ, а она въ зарѣзаніи имѣетъ подозрѣніе того сельца на однодворца Баранчеева и брата его Московскаго полевого мушкатерскаго баталіона солдата, находившагося въ домовомъ отпускѣ, какъ послѣдній для отдачи въ рекрутье взятъ былъ изъ дому мужа ея и, за то злобясь, угрожали его убить. Дворянскій засѣдатель, взявъ ихъ, Баранчеевыхъ, отправился съ понятыми на мѣсто убивства,—и какъ при свидѣтельствѣ нашлись слѣды, тамъ проложенные, сходственны ступенямъ подозрѣваемыхъ въ убивствѣ да и слѣдъ саней нашелся сходственъ съ санями взятыми въ ихъ домѣ, а они не дѣлали признанія, то по симъ признакамъ засѣдатель, изыскивая къ обличенію ихъ средства, приказалъ имъ съ мертвымъ проститься, дабы примѣтить движенія и перемѣны наружнаго ихъ вида. Когда они сіе приказаніе стали исполнять, то тотчасъ запекшаяся отъ раны и почернѣвшая кровь, къ великому удивленію, приняла живѣйшій свой видъ, отчего подозрѣваемые пришли въ ужасный трепетъ и хотя еще запирались, но скоро потомъ, по прибытіи на мѣсто всего присутствія нижняго земскаго суда, винились и одинъ изъ нихъ объявилъ скрытый окровавленный ножъ и оставленные въ лѣсу съ виномъ штофъ. О чемъ должное сужденіе производится.

Къ сообщенію Прозоровскаго отнеслись недовѣрчиво. Трощинскимъ былъ посланъ запросъ о доставленіи нѣкоторыхъ разъясняющихъ свѣдѣній. Въ отвѣтъ Прозоровскій писалъ:

Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Вслѣдствіе почтеннаго вашего отъ 27-го прошедшаго марта писанія для донесенія Ея Императорскому Величеству, честь имѣю увѣдомить: открывшій виновныхъ въ убивствы однодворца Такаева засѣдатель Серпуховскаго нижняго земскаго суда поручикъ Сергѣй Тарасовъ, выпущенный въ 782 году л.-гв. изъ Преображенскаго полку. Оный однодворецъ зарѣзанъ 25 февраля, а происшествіе перемѣны въ крови случилось 28-го того мѣсяца. А къ сему присовокупить за нужное нахожу, что 28-го числа погода была отъ вѣтру довольно холодная, и убійца, прощаясь съ убитымъ, цѣловалъ его руку, а болѣе никакого прикосновенія не дѣлалъ.

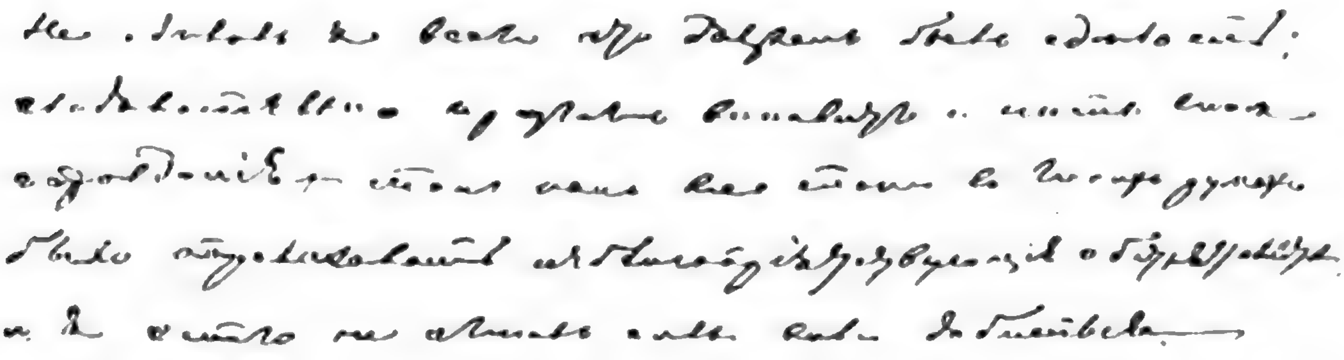
Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего высокородія покорный слуга князь А. Прозоровскій.

Апрѣля 6 дня 1794 г. Москва. Сообщилъ Д. У.



Былъ ли, однако, правъ я самъ? Увы, долженъ сознаться, что я не только не менѣе, но былъ болѣе другихъ виноватъ.

Нося скромное званіе начальника штаба, я въ сущности былъ настоящимъ отвѣтственнымъ лицомъ, пользовался правомъ сильнаго голоса и долженъ былъ быть болѣе самостоятельнымъ и настойчивымъ.



Не сдѣлалъ я всего, что долженъ былъ сдѣлать; слѣдовательно, кругомъ виноватъ, и нѣтъ мнѣ оправданія, такъ какъ все-таки въ моихъ рукахъ было парализовать неблагопріятствующія обстоятельства и я этого не имѣлъ силы воли добиться.

Факсимиле почерка записокъ П. Д. Зотова: окончаніе изложенія событій третьей Плевны.

Война за независимость славянъ
въ 1877—1878 гг.

Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

VII [1]).

30-го августа:—Атаки на редутъ № 10 и Гривицкій.—Взятіе двухъ турецкихъ редутовъ Скобелевымъ.—Причины неудачи 30-го августа.—Въ Сгалинцахъ.—Военный совѣтъ.—Обсужденіе дальнѣйшихъ мѣръ для взятія Плевны.

30-го августа. Пробужденіе подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ; утро пасмурное, сильный туманъ; дождь крапаетъ; орудійные выстрѣлы на позиціи какъ-то особенно глухо гудятъ, какъ будто погребальный звонъ.

Объѣхавъ войска резерва, прибылъ на новую осадную батарею, гдѣ назначилъ свое мѣстопребываніе на сегодняшній день. Крайне неблагопріятная погода для дѣйствія артиллеріи; густой туманъ застилаетъ мѣстность; артиллерія стрѣляетъ просто на удачу. Въ 10 часовъ завязывается у Скобелева сильная ружейная перестрѣлка, по временамъ слышны залпы; около 11 часовъ получаю отъ Скобелева телеграмму: „Нѣсколько атакъ турокъ отбито огнемъ стрѣлковыхъ ротъ Эстляндскаго и Владимірскаго полковъ. Частные резервы этихъ полковъ и полкъ Суздальскій, стоящій въ общемъ резервѣ, довольно сильно терпятъ отъ ружейнаго огня; 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны введены въ дѣло; атакую оба редута согласно диспозиціи". Въ это время вдругъ начинается страшный ружейный огонь противъ редута № 10. Посылаю узнать; говорятъ, турки атаковали наши батареи на Радишевскихъ высотахъ. Слишкомъ полчаса продолжался

[1]) См. „Русская Старина", январь 1907 г.

самый ужасный огонь, при чемъ нѣкоторыя пули долетали до насъ, около 1.000 саженъ отъ редута № 10; затѣмъ ружейный огонь смолкъ. Дѣло разъяснилось впослѣдствіи; Тихменевъ, въ какомъ-то припадкѣ галюцинаціи, подъѣзжаетъ къ Углицкому полку и кричитъ: „впередъ, впередъ, турки насъ атакуютъ"! Углицкій полкъ, а за нимъ во второй линіи и Ярославскій, бросаются впередъ, и Тихменевъ ведетъ ихъ противъ редута № 10. Турки открываютъ изъ траншей и редута, въ нѣсколько ярусовъ, самый убійственный огонь. Въ полчаса оба полка почти уничтожены, въ каждомъ изъ нихъ осталось въ строю только около 1.000 съ небольшимъ человѣкъ. Первая неудача еще до часа, назначеннаго для начала атаки, два полка выведены изъ разсчета, только къ вечеру развѣ соберутъ людей и устроятъ полки.

Около часа по полудни получаю телеграмму Имеретинскаго: „Непріятель съ весьма значительными силами обходитъ нашъ лѣвый флангъ; весь резервъ истощенъ; осталась только кавалерія". Такъ какъ эта телеграмма ясно преувеличивала положеніе дѣлъ и не совпадала съ телеграммою Скобелева, полученною за часъ передъ тѣмъ, то отвѣчалъ Имеретинскому: „На нашъ лѣвый флангъ также была атака и отбита. Въ 3 часа переходимъ въ наступленіе; резервовъ нѣтъ; держитесь вашими войсками, такъ какъ резервъ, имѣющійся подъ вашимъ начальствомъ, сильнѣе главнаго". Дѣйствительно, около $2^1/_2$ часовъ получилъ отъ Имеретинскаго новую телеграмму: „По полученіи вашего приказанія, неожиданная кавалерійская атака четырехъ сотенъ отбросила непріятельскую цѣпь и баши-бузуковъ къ плевненскимъ укрѣпленіямъ, гдѣ атака мною была остановлена. Вчерашнее поле сраженія до сферы ружейныхъ выстрѣловъ опять за нами". Ясно, что извѣстіе объ обходѣ было преувеличено; вторая же часть телеграммы непонятна.

Приближался часъ общей атаки; туманъ по-прежнему лежалъ надъ мѣстностью густою, непроницаемою завѣсою; мелкій дождь крапалъ—наступилъ моментъ, когда ходъ боя долженъ былъ перейти совершенно въ руки частныхъ начальниковъ,—а затѣмъ уже наступало царство стихійнаго начала. Въ $2^1/_2$ часа Шнитниковъ присылаетъ сказать, что Углицкій и Ярославскій полки до того разстроены, что въ атакѣ участвовать не могутъ, и проситъ подкрѣпить оставшіеся два полка. Промелькнуло у меня отмѣнить атаку на № 10,—по случаю тумана артиллерія съ этого редута и стрѣлки, засѣвшіе на правомъ берегу Тучиницкаго оврага, большого вреда нанести войскамъ Скобелева не могутъ. Затѣмъ, послѣ первой неудачной атаки, вторая, веденная по мѣстности, усѣянной свѣжими трупами, не обѣщаетъ успѣха. Но принять на себя подобную отвѣтственность я не рѣшился, не хватило гражданскаго мужества, а можетъ быть къ тому

же Шнитниковъ сумѣетъ распорядиться и начнетъ атаку не прямо на редутъ, а съ крайняго праваго фланга займетъ сперва траншеи, обстрѣливающія во флангъ подступы къ редуту,—и я приказалъ Галицкому полку изъ резерва двинуться на подкрѣпленіе Шнитникова,—и остался выжидать результата на новой осадной батареѣ.

Около 4-хъ часовъ загремѣла сильнѣйшая канонада и ружейный огонь на Зеленой горѣ; полчаса спустя, наша артиллерія на Радишевскихъ высотахъ прекратила стрѣльбу и послышалась страшная непрерывная ружейная трескотня; отъ времени до времени раздаются крики ура, но какъ-то вяло, нерѣшительно, не дружно—должно быть, неудача; черезъ полчаса все впереди насъ утихаетъ; посылаю Розена и Ржевуцкаго узнать въ чемъ дѣло; около 5 часовъ снова разгорается ружейная трескотня и опять отдѣльные, вялые крики ура. Ржевуцкій и Розенъ возвращаются и доносятъ, что атака была неудачна, но ее возобновили. Около шести часовъ ружейная перестрѣлка умолкаетъ,—но сердце мое чуетъ, что и эта третья атака на редутъ № 10 была неудачна. Около 7-ми часовъ получаю отъ Шнитникова донесеніе о полной неудачѣ, отъ Скобелева и съ праваго фланга— никакихъ извѣстій. Темнота быстро начинаетъ наступать. Пріѣзжаетъ кто-то изъ ординарцевъ съ приказаніемъ великаго князя, чтобы войска остановились на занимаемыхъ ими позиціяхъ и укрѣпились на нихъ. Разсылаю приказаніе; около 8-ми часовъ является Евреиновъ, сообщаетъ, что великій князь остается ночевать на царскомъ холмѣ и требуетъ меня къ себѣ. Темень наступила страшная, наткнулись по огню на бивуакъ Крылова, взяли должное направленіе, но, несмотря на животный инстинктъ Магомета, бродили часа три и очутились въ Тученицкомъ оврагѣ. Было 11 часовъ, рѣшили заночевать и съ разсвѣтомъ отправиться къ великому князю. Часу въ первомъ ночью пріѣзжаетъ ординарецъ Криднера съ донесеніемъ, что назначенная атака въ 3 часа на Гривицкій редутъ была неудачна; направлено было на редутъ 14 румынскихъ батальоновъ, а два нашихъ должны были демонстрировать съ южной стороны. Храбрые румыны имѣли доблесть войти въ сферу ружейнаго огня, но, потерявъ около 1.000 человѣкъ, отступили. Въ 6 же часовъ вечера, по иниціативѣ Шлиттера, архангелогородцы и вологодцы бросились на редутъ и взяли его, захвативъ въ немъ 5 орудій и 2 знамени; потеряли при этомъ около 500 человѣкъ. Въ 3 часа утра пріѣхалъ отъ Имеретинскаго Меллеръ-Закомельскій съ извѣстіемъ, что взято три редута. Значитъ, слава Богу, день 30-го августа даромъ не пропалъ; съ двухъ крайнихъ фланговъ мы врѣзались въ непріятельскій укрѣпленный лагерь и завтра нужно развить успѣхъ.

31-го августа. Въ 4 часа утра получилъ отъ Имеретинскаго двѣ

телеграммы: „Скобелевъ проситъ доложить: высоты и два редута взялъ послѣ упорнаго боя, проситъ резервовъ—у меня ихъ нѣтъ, все введено въ бой, остались мелкія части, которыя приводятся въ порядокъ. Скобелевъ продержится до утра, но проситъ подкрѣпленія; потеря около 10 тысячъ". „Генералъ Скобелевъ проситъ прислать ему въ помощь бригаду, иначе не ручается за удержаніе взятыхъ имъ 3-хъ редутовъ: лѣвый флангъ охраняю одною кавалеріею. Послѣдній солдатъ введенъ въ дѣло". Ясно одно, что потери страшныя и войска въ полномъ разстройствѣ, но какія именно и два или три редута въ нашей власти—неизвѣстно.

Ѣду къ главнокомандующему. Онъ и Непокойчицкій ходятъ въ раздумьи; встрѣчаютъ вопросомъ: „что дѣлать"? Говорю: минута рѣшительная, нужно употреблять всѣ средства, чтобы поддержать пріобрѣтенный успѣхъ; но такъ какъ въ резервѣ осталось только два полка, то снять дивизію 9-го корпуса съ Болгаренскаго шоссе, присоединить къ нимъ еще Новоингерманландскій полкъ, охраняющій ставку великаго князя, и все это направить на ту сторону Тученицкаго оврага".

Ни главнокомандующій, ни Непокойчицкій не соглашаются оголить Болгаренское шоссе, не хотятъ вѣрить, что немыслимо ожидать со стороны турокъ атаки; думаютъ поддержать Скобелева одною бригадою, оставшеюся въ резервѣ. Въ это время получается отъ Скобелева телеграмма: „Необходимость одновременно атаковать Крышинскій редутъ и плевненскіе редуты выяснена опытомъ. За Крышинскимъ редутомъ есть еще укрѣпленія. Буду держаться по возможности; но, въ виду значительныхъ потерь, утомленія войскъ и разстройства артиллеріи, удержать значительное наступленіе весьма трудно".

Значитъ, несмотря на телеграмму Имеретинскаго отъ 29-го, Крышинскій редутъ не былъ и атакованъ и потеря около 10.000 человѣкъ понесена при атакѣ двухъ маленькихъ редутовъ, соединенныхъ траншеею и примыкающихъ почти къ южной оконечности г. Плевно. Въ такомъ положеніи еще яснѣе становится, что одною бригадою можно развѣ дозволить Скобелеву болѣе долгое время продержаться въ занятой позиціи, но чтобы атаковать сильный Крышинскій редутъ и укрѣпленія, за нимъ лежащія, необходимо еще свѣжихъ дивизіи полторы. Слѣдовало бы это сдѣлать въ этотъ рѣшительный моментъ, для окончательнаго удара; но главнокомандующій слышать не хочетъ оголить Болгаренское шоссе; а съ одной бригадой дѣло не порѣшишь окончательно въ нашу пользу. По приказанію главнокомандующаго пишу Имеретинскому: „Скажите Скобелеву, чтобы укрѣпился на занятой позиціи и держался до невозможности; разсчи-

тывать на поддержку нельзя. Великій князь желаетъ, чтобы, занимая занятыя позиціи, не терять угрожающаго положенія. Гривицкій редутъ до сихъ поръ у насъ въ рукахъ; въ случаѣ начнутъ сильно тѣснить,—отступать къ Тученицѣ".

Итакъ, нерѣшимость поставить на карту послѣдній рубль была причиною, что страшныя жертвы, принесенныя 30-го августа, не привели ни къ какому положительному результату; а ежели бы рѣшились поддержать успѣхъ Скобелева, дѣло могло быть и выиграно. Опять я виноватъ, у меня не хватило краснорѣчія и настойчивости переломить нерѣшительность великаго князя и, главное, Непокойчицкаго. У великаго князя была и другая мысль, предложить Осману перемиріе для уборки тѣлъ и послать къ нему Чайковскаго (отецъ котораго былъ друженъ съ Османомъ) съ цѣлью подкупить турецкаго министра. Путь казался мнѣ неудобнымъ; отъ этой мысли великій князь отказался и рѣшился продолжать бомбардировку, настолько частую, сколько позволяетъ наличное число снарядовъ; были также толки о будущемъ планѣ дѣйствія. Я былъ того мнѣнія, чтобы послѣ 3-хъ неудачныхъ попытокъ бросить намѣреніе овладѣть Плевною открытою силою и въ случаѣ прибытія подкрѣпленій (гвардію гренадеръ уже рѣшено было направить на театръ войны) обложить этотъ пунктъ и заставить Османа сдаться голодомъ,—а еще лучше, принимая во вниманіе, что Плевна въ сущности не имѣетъ никакого стратегическаго значенія, оставить армію Османа подъ наблюденіемъ, какъ было до 25-го числа, и всѣ подкрѣпленія направить противъ Мегмета-Али, какъ выдающагося большею иниціативою, отбросить его отъ Рущука, обложить и взять послѣдній, какъ пунктъ, имѣющій стратегическое значеніе—крѣпость, въ которую упирается желѣзная дорога, питающая армію.—Съ этимъ послѣднимъ великій князь, Непокойчицкій и Левицкій согласились.

Въ 3 часа по полудни я подъѣхалъ на лѣвый флангъ съ намѣреніемъ направить къ Скобелеву резервъ; но, узнавъ, что Крыловъ уже послалъ къ нему Шуйскій полкъ, послѣ второй, отбитой Скобелевымъ, атаки турокъ,—я приказалъ двинуться черезъ оврагъ одному Коломенскому полку. Полкъ этотъ, однако, не дошелъ до мѣста назначенія,—около 4-хъ часовъ турки предприняли новую атаку, которую наши не выдержали и очистили занятыя укрѣпленія. Часовъ въ 6 была получена отъ Имеретинскаго телеграмма: „Скобелевъ сообщаетъ, турки, послѣ второй ихъ атаки, отброшены въ свои ложементы и что онъ отступаетъ въ полномъ порядкѣ,—сейчасъ прибылъ капитанъ Бала, передалъ Скобелеву записку", а Бала былъ мною посланъ съ запискою, чтобы Скобелевъ держался и что посылается еще Коломенскій полкъ. Скобелевъ увѣряетъ, что онъ

отбилъ пять атакъ и только передъ шестою отступилъ, что не могъ долѣе держаться, какъ по крайнему утомленію войскъ, такъ и потому, что занятыя имъ укрѣпленія не имѣли тыльныхъ фланговъ и рабочаго инструмента не было.

Потери 30-го числа громадны: у Скобелева слишкомъ 9.000, у Шнитникова 4.000, у Родіонова въ бригадѣ около 600 человѣкъ,— итого около 14.000 при 300 офицерахъ. Румыны говорятъ, что они потеряли до 2.000 человѣкъ. Грустно, что подобныя потери имѣютъ результатомъ нуль.

Кто же виноватъ?—а всѣ понемножку.

Главнокомандующій предпринялъ атаку открытою силою непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря, защищаемаго 80.000 арміей, съ силами, едва равнявшимися силамъ противника, а ежели считать румынъ по настоящему ихъ достоинству, то даже съ силами слабѣйшими,— слѣдовательно, уже съ самаго начала шансовъ для успѣха было мало. Затѣмъ, не выдержалъ одобреннаго имъ плана не торопиться атакою, а бомбардировать и постепенно выдвигать пѣхоту, укрѣпляясь на каждомъ новомъ мѣстѣ, и такимъ образомъ обратить до минимума разстояніе для штурмующихъ,—не дали времени обстрѣлять достаточно турецкія укрѣпленія на лѣвомъ берегу Тученицкаго оврага; къ редуту № 10 и къ Гривицкому не дали времени приблизить пѣхоту; несмотря на мои напоминанія, не сдѣлали достаточнаго запаса артиллерійскихъ снарядовъ; уже на 30-е число въ полевыхъ батареяхъ чувствовался недостатокъ снарядовъ, а на орудія осадной артиллеріи оставалось только по 40 снарядовъ, всего было привезено по 200. При составленіи диспозиціи для штурма стѣснили условіями, ничѣмъ не оправдываемыми, а именно ассигнованіемъ цѣлой бригады для поддержки румынъ и дивизіи для прикрытія Болгаренскаго шоссе, нерѣшимостью 31-го числа рискнуть для окончательнаго поворота дѣла въ нашу пользу,—неимѣніемъ отвѣтственнаго и полноправнаго распорядителя боя. Командующимъ отрядомъ назывался принцъ Карлъ, распоряжался великій князь, на котораго, можетъ быть, вліяло присутствіе главной квартиры.

Чернорабочимъ долженъ бы быть я по званію начальника штаба; но меня всѣ четыре дня держали съ утра до вечера на царскомъ холмѣ, въ ущербъ пользѣ дѣла, и я не имѣлъ возможности, какъ слѣдовало, объѣзжать ежедневно позицію; вслѣдствіе чего, въ 4-мъ корпусѣ пѣхота не была продвинута впередъ и для атаки должны были идти подъ выстрѣлами цѣлую версту.

Скобелевъ, несмотря на наше предварительное условіе и на рѣшеніе свое, наканунѣ сообщенное мнѣ въ телеграммахъ Имеретинскаго,—предпочелъ легкое дѣло трудному и вмѣсто Крышинскаго

редута повелъ атаку на ближайшіе къ Плевнѣ редуты, которые взять было легче, но взятіе которыхъ не повело ни къ какому результату, тогда какъ овладѣніе Крышинскимъ редутомъ само по себѣ повело бы за собою легкое овладѣніе двумя внизу лежащими.

Шнитниковъ также велъ атаку безъ соображенія; вмѣсто того, чтобы сначала занять траншею, шедшую отъ № 10 по оврагу, онъ послалъ прямо на редутъ, и штурмующіе кромѣ фронтальнаго огня подверглись фланговому слѣва, который, по словамъ участвовавшихъ, былъ еще губительнѣе фронтальнаго.

Былъ ли, однако, правъ я самъ? Увы, долженъ сознаться, что я не только не менѣе, но былъ болѣе другихъ виноватъ.

Нося скромное званіе начальника штаба, я въ сущности былъ настоящимъ отвѣтственнымъ лицомъ, пользовался правомъ сильнаго голоса и долженъ былъ быть болѣе самостоятельнымъ и настойчивымъ. Меня требовали ежедневно въ главную квартиру, на курганы; но развѣ я не могъ отъ этого отказаться подъ предлогомъ дѣла? Можетъ быть, похмурились бы за недостатокъ придворнаго такта, но затѣмъ умилостивились бы, ежели бы все кончилось благополучно. Я долженъ былъ вмѣсто того, чтобы торчать безцѣльно въ свитѣ, съѣздить на Зеленую гору и положительно рѣшить, чтобы атака Скобелева была ведена на Крышинскій редутъ; долженъ былъ приказать, чтобы съ Радишевой стороны пѣхоту спустили на гребешокъ, лежавшій между ею и редутомъ № 10, а равно самъ долженъ былъ указать, что атака траншеи влѣво отъ редута должна была предшествовать атакѣ самаго редута. 31-го числа я долженъ былъ опять непремѣнно настоять на томъ, чтобы хотя одну бригаду 9-го корпуса съ Ингерманландскимъ полкомъ, присоединивъ ко 2-й бригадѣ 30 дивизіи, направить эти 15 баталіоновъ на Крышинскій редутъ. Я долженъ былъ 30-го августа остановить атаку Шнитникова, когда убѣдился, что туманъ не дозволяетъ туркамъ съ праваго берега оврага мѣшать атакѣ Скобелева на лѣвомъ берегу,—этимъ я сберегъ бы на 31-е число цѣлыхъ три полка и могъ бы обернуться. Не сдѣлалъ я всего, что долженъ былъ сдѣлать; слѣдовательно, кругомъ виноватъ, и нѣтъ мнѣ оправданія, такъ какъ все-таки въ моихъ рукахъ было парализовать неблагопріятствующія обстоятельства, и я этого не имѣлъ силы воли добиться.

1-го сентября. Сгалинцы. Въ 12 часовъ пріѣхалъ Государь; послѣ завтрака былъ собранъ совѣтъ; предложенъ былъ вопросъ, что теперь дѣлать? Великій князь и Непокойчицкій молчали; я позволилъ себѣ заявить мнѣніе о большей пользѣ начать наступательныя дѣйствія, по прибытіи подкрѣпленій, а теперь заняться обложеніемъ и осадою Рущука. Меня поддержалъ Масальскій. Тогда военный министръ

сказалъ, что ежели взятіе Плевно и не имѣетъ особенно важнаго военнаго значенія, то въ политическомъ отношеніи намъ необходимо, во что бы то ни стало, овладѣть этимъ пунктомъ,—это мнѣніе поддержалъ и Левицкій. Тогда Государь рѣшилъ оставаться подъ Плевно, въ ожиданіи подкрѣпленій, прибавивъ, что отступать отъ Плевно было бы даже преступно.

Вечеромъ и ночью турки дѣлали попытки возвратить себѣ Гривицкій редутъ, но были отбиты.

2-го сентября. Утромъ великій князь собралъ совѣтъ на большой осадной батареѣ; присутствовали, кромѣ Непокойчицкаго, Мосальскаго и Левицкаго, Криднеръ, Крыловъ, Имеретинскій, Скобелевъ и я. Левицкій требуетъ растянуть войска такъ, чтобы занимать и Булгаренское и Ловчинское шоссе; я доказываю полную невозможность это сдѣлать съ 30.000 человѣкъ, оставшихся подъ ружьемъ, предлагаю сгруппировать войска между Гривицею и Радишевымъ, оставивъ румынъ на мѣстѣ, къ которому они приросли; Ловчинское шоссе занимать частью кавалеріи, а главную ея массу перебросить на лѣвый берегъ Вида и дѣйствовать ею на сообщеніе Османа съ Софіею. Такъ и рѣшено; пѣхота окопается; бомбардировка будетъ продолжаться. Крыловъ назвался начальствовать кавалеріею на лѣвомъ берегу Вида. Великій князь требуетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ начать подступы правильною осадою къ непріятельской позиціи, для руководства этимъ дѣломъ предполагается выписать Тотлебена, прибавляется намъ 4-й саперный баталіонъ изъ Систова.

Правильная осада, во-первыхъ, требуетъ полнаго обложенія, а для этого нужно опять-таки не менѣе 190.000 войскъ, которыхъ у насъ нѣтъ; затѣмъ, мнѣ кажется, что и вообще правильная осада укрѣпленнаго лагеря не имѣетъ смысла; вѣдь, это не долговременная постройка, не крѣпостные верки, постепенное овладѣніе которыми разстраиваетъ всю систему обороны и потеря которыхъ не вознаградима. Передъ нами укрѣпленный лагерь изъ 15—20 отдѣльныхъ укрѣпленій, связанныхъ, правда, траншеями и крытыми ходами, но которыя настолько другъ отъ друга независимы, что съ потерею одного или нѣсколькихъ укрѣпленій, все же остается укрѣпленный лагерь. Мы, напримѣръ, ведемъ подступы къ одному редуту, а за нимъ въ это время въ 200 саженяхъ строится новый; взяли первый, начинай новые подступы и т. д. до безконечности. Заберемъ всѣ редуты, лежащіе къ востоку отъ Плевно, а у непріятеля новый лагерь между городомъ и рѣкою. А тяжелыя работы, постоянная жизнь въ траншеяхъ осенью и зимою—какая страшная убыль больными. Уже ежели дано будетъ 100.000, то однимъ полнымъ обложеніемъ можно будетъ покончить съ Османомъ мѣсяца въ полтора, съ голоду сдастся,—а мы сбере-

жемъ людей. Американская война и наша нынѣшняя турецкая должны подорвать значеніе крѣпостей, вообще; зачѣмъ тратить милліоны на сооруженіе и ремонтъ крѣпостей, когда во всякомъ данномъ мѣстѣ, въ какой-нибудь мѣсяцъ времени, съ ничтожнымъ расходомъ на одинъ шанцевый инструментъ можно воздвигнуть непріятелю такую преграду, которая можетъ остановить его побѣдоносное шествіе на довольно значительное время. Крѣпости должны утратить значеніе, какъ и милліонные броненосцы, которые не въ состояніи состязаться съ миноносцами или береговыми батареями изъ полевыхъ орудій.

Имеретинскій на меня въ страшной претензіи за самостоятельность, данную Скобелеву 30-го числа; но я, право, нисколько не хотѣлъ его обижать; я думалъ только о пользѣ дѣла, какъ же было иначе поступить послѣ его отказа атаковать второй кряжъ безъ содѣйствія. Вотъ какъ иногда слагаются обстоятельства для того, чтобы нажить себѣ враговъ; а Имеретинскій, кажется, человѣкъ съ большимъ вѣсомъ, получаетъ за женою около 80.000 р. годового дохода и пользуется большимъ расположеніемъ самого государя. Со Скобелевымъ, они, кажется, по наружности друзья, а въ душѣ другъ друга не жалуютъ; по крайней мѣрѣ, Скобелевъ увѣряетъ, что въ день атаки Ловчи Имеретинскій находился верстахъ въ 4-хъ позади боевой линіи; а 30-го и 31-го августа не выѣзжалъ изъ Учиндола, куда гранаты турецкія не долетали,—что, однако, не мѣшало Имеретинскому получить за Ловчу Георгіевскій крестъ и называться побѣдителемъ Ловчи. Справедлива пословица: „не родись ни уменъ, ни тароватъ,—а родись счастливымъ“.

И, дѣйствительно, опытъ жизни приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣмъ въ жизни руководитъ слѣпой случай, разбивающій въ прахъ всѣ наши самыя тонкія соображенія и разсчеты; готовъ допустить господство этого стихійнаго начала гр. Толстого и въ военномъ дѣлѣ. Все дѣлается такъ, а не иначе, потому что должно было сдѣлаться такъ, а не иначе.

Былъ, между прочимъ, разговоръ и о Ловчѣ,—Имеретинскій увѣряетъ, что по самымъ точнымъ даннымъ однихъ труповъ осталось на мѣстѣ до 6.000—ну, ужъ это хватилъ черезъ край. По точнымъ свѣдѣніямъ, тамъ было всего 10 таборовъ съ 6 орудіями. Скобелевъ, рекогносцировавшій Ловчу передъ штурмомъ и, конечно, преувеличившій свои показанія, исчисляетъ силу гарнизона въ 8.000. А между тѣмъ, турки на волахъ вывезли 5 орудій, и на другой день, по донесеніи того же Имеретинскаго, непріятель въ значительныхъ силахъ занималъ высоты къ юго-западу отъ Ловчи. Кто же могъ это быть, какъ не отступившій благополучно гарнизонъ Ловчи Но вѣдь у насъ

шарлатанизмъ въ почетѣ; правдивая и скромная реляція не эффектна, и потому ей значенія не придаютъ; пусть лгутъ, да чтобы было громко, трещало, производило эффектъ, подобный фейерверку.

Дѣлаю распоряженіе о новомъ занятіи позиціи: 9-й корпусъ, имѣя три полка въ резервѣ, занимаетъ пространство отъ взятаго редута до Радишевской горы,—30-я дивизія занимаетъ одной бригадой радишевскія высоты до Радишево; а другая бригада—лѣвый флангъ, исходя подъ прямымъ угломъ на высотѣ Радишево, такъ какъ съ очищеніемъ Зеленой горы примыкать флангъ къ Радишевскому оврагу немыслимо. 16-я дивизія въ резервѣ за 30. 2-я дивизія и 3-я стрѣлковая бригада временно стоятъ у Богота, онѣ назначаются въ общій резервъ, который станетъ приблизительно за срединою всего расположенія, верстахъ въ 2-хъ позади большой осадной батареи. Кавалерія Леонтьева, 7 полковъ, на Ловчинскомъ шоссе на высотѣ Богота; румыны на своихъ мѣстахъ, Лошкаревъ съ 8 полками кавалеріи на лѣвомъ берегу Вида занимаетъ Метрополь, Дольній Дубнякъ и Тростеникъ. Батареи продолжаютъ бомбардировку, но рѣдкую, или по толпамъ, или противъ огня непріятельской артиллеріи. Наши 9-ти ф. орудія, послѣ 5-дневной бомбардировки, наполовину оказались негодными и требуютъ замѣны новыми,—въ 9 корпусѣ 22, 4 корпусѣ 24, а во 2-й артиллерійской бригадѣ 13. Изъ 20 осадныхъ орудій 4 также отказались дѣйствовать. Такова матеріальная часть нашей артиллеріи.

Еще любопытнѣе фактъ, дистанціонныя гранаты турокъ рветъ на разстояніи 1.200 и болѣе саженъ, у насъ въ паркахъ есть также такъ называемыя двухъ-ярусныя трубки, но ихъ не выдаютъ; приказываютъ сперва израсходовать старыя, которыя рвутъ гранаты въ разстояніи всего 800 саженъ. Во всѣхъ отношеніяхъ по вооруженію мы отстали даже отъ турокъ, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какъ честили Баранцева въ день его юбилея, какія великолѣпныя рѣчи ему говорили.

3-го сентября. Объѣзжалъ сегодня полки 2-й дивизіи, которая включена въ составъ 4-го корпуса; приводятъ въ порядокъ, разсчитываютъ роты по новому однобаталіонному составу полковъ. Дивизія понесла страшныя потери; въ Эстляндскомъ полку въ строю всего 900 штыковъ и 12 офицеровъ; самый сильный Либавскій полкъ 1.200 штыковъ, потому что одна его рота не участвовала въ дѣлѣ, а прикрывала знамена, которыя Имеретинскій отправилъ къ обозу. Толкуй солдатамъ послѣ такихъ распоряженій о значеніи знамени, которое прячутъ въ бою.

Офицерство строевое сильно ропщетъ: „Мы честно исполняемъ свой долгъ, насъ бьютъ сотнями, а награды достаются штабнымъ“.

Они совершенно правы: всѣ опасности, всѣ лишенія, всю тягость войны несутъ они—эти бѣдные труженики,—а поощренія нѣтъ. За то ужъ какъ и дерзки, нахальны эти господа. Ротмистръ Б. былъ посланъ къ Криднеру за реляціей о дѣлѣ 18-го іюля. Онъ ворвался къ нему въ палатку безъ доклада, вечеромъ, когда тотъ укладывался спать, и началъ старика распекать за несвоевременность въ доставленіи реляціи, вслѣдствіе чего ему приходится безпокоить свою особу и трястись нѣсколько часовъ на лошади. Вся эта молодежь только и разговариваютъ что о наградахъ,—да еще критикуютъ распоряженія войсковыхъ начальниковъ, и критика эта, говорятъ, имѣетъ въ главной квартирѣ вѣсъ. Какъ далеко дѣло отъ словъ великаго князя, сказанныхъ имъ мнѣ въ Плоэшти: „въ особенности у меня въ штабѣ не терпятся интриги“.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грамота чердынцамъ царя Василія Ив. Шуйскаго (1606 года).

Отъ царя и великаго князя Василія Ивановича всея Россіи въ Пермь великую князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подъячему Ивану Өедорову:

Били намъ челомъ пермичи торговые люди Якушко Могильниковъ да Алешка Дубровинъ, да Федька Охлупинъ, да Мишка Верещагинъ, да Пушинко Максимовъ, да Ивашко Внуковъ, да Михалко Ваньковъ, а сказали: прежде-де сего блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Өедорѣ Іоанновичѣ всея Россіи и при Борисѣ Годуновѣ по грамотамъ велѣно было имъ, лучшимъ торговымъ людямъ, къ господскимъ праздникамъ и къ имянинамъ, и къ родинамъ, и къ свадьбамъ вино про свою нужду курити повольно. И намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ про свою нужду вино курити такъ же, какъ имъ напредь сего про свою нужду велѣно вино курити; и буде такъ, какъ намъ Пермичи Якушко Могильниковъ съ товарищами били челомъ; а имъ будетъ напередъ сего вино про свою нужду по грамотамъ курить велѣно и грамоты имъ таковы даны. И какъ вамъ ся Наша грамота придетъ, и вы-бъ въ грамотахъ досмотря, вино курити пермичамъ лучшимъ людямъ про себя велѣли. Да будетъ по грамотамъ имъ вино курить повольно, и вы-бъ по прежнимъ и по сей Нашей грамотѣ пермичамъ лучшимъ торговымъ людямъ и нынѣ велѣли вино курить къ праздникамъ, и къ имянинамъ, и къ свадьбамъ не по-велику, докладывая себя; а того-бъ есте берегли, чтобы на продажу вина не курили, а межъ себя пили-бы мирно, а воровства ни котораго и душегубства не было-бъ.

Писана на Москвѣ, лѣта 1606, іюля въ 14 день.

Сооб. **Н. Санинъ**.

Бой «Варяга» у Чемульпо[1]).

16-го декабря 1903 г. былъ посланъ изъ Портъ-Артура въ Чемульпо крейсеръ 1 ранга „Варягъ"; цѣль его посылки заключалась:

1) въ сборѣ свѣдѣній о дѣйствіи японцевъ въ Кореѣ.

2) усилить представительство Россіи въ Кореѣ.

3) выяснить нѣкоторые вопросы совмѣстно съ нашимъ посланникомъ въ Сеулѣ.

Выйдя изъ Портъ-Артура по предписанію начальника эскадры Тихаго Океана вице-адмирала Старкъ, крейсеръ, пользуясь удобнымъ случаемъ, произвелъ стрѣльбу изъ орудій по плавучимъ щитамъ и 17-го числа прибылъ къ мѣсту назначенія.

На рейдѣ въ это время находились:

1) мореходная канонерская лодка „Гилякъ", командиръ капитанъ 2 ранга Алексѣевъ.

2) англійскій крейсеръ 2 класса „Сиріусъ", капитанъ 1 ранга С. Муръ.

3) японскій крейсеръ 3 класса „Чайода", капитанъ 1 ранга К. Мураками.

4) сѣв. американская лодка „Виксбургъ", капитанъ 2 ранга К. Маршэль.

---

1) Крейсеръ „Варягъ" въ концѣ 1903 г. производилъ испытаніе подшипниковъ главныхъ механизмовъ, которые, въ виду неудовлетворительности металла, не могли быть доведены до желаемыхъ результатовъ, а потому и ходъ крейсера доходилъ только до 14 узловъ вмѣсто слѣдуемыхъ 23.

Во всемъ остальномъ крейсеръ былъ всегда въ полной исправности и постоянной готовности къ бою.

Отъ редакціи. Открывая страницы „Русской Старины" для изложенія событій русско-японской войны описаніемъ геройскаго боя „Варяга" при Чемульпо, редакція проситъ участниковъ войны на морѣ и на сушѣ присылать свои воспоминанія объ этой войнѣ, передавая все такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности и не замалчивая подвиговъ русскихъ войскъ и отдѣльныхъ лицъ.

Съ момента прихода до 23-го декабря, крейсеромъ было собрано много свѣдѣній, которыя, къ сожалѣнію, не могутъ быть помѣщены здѣсь, такъ какъ копіи погибли вмѣстѣ съ крейсеромъ.

24-го декабря „Варягъ", совершивъ тяжелый переходъ въ морозъ и вьюгу, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, вернулся въ Портъ-Артуръ, гдѣ въ это время заканчивалась боевая готовность эскадры.

26-го числа съ судовъ эскадры свезли на берегъ мебель, парусину и другіе предметы, легко подвергающіеся дѣйствію огня.

27-го крейсеръ получилъ приказаніе экстренно принять полный запасъ топлива, провизіи и матеріаловъ, чтобы 28-го вторично уйти въ Чемульпо, руководствуясь слѣдующимъ предписаніемъ начальника эскадры:

„Предписываю ввѣренному вамъ крейсеру 28-го сего декабря въ полдень сняться съ якоря и съ 12-ти узловой скоростью слѣдовать въ Чемульпо, гдѣ принять обязанности старшаго станціонера. Имѣя въ виду настоящее положеніе дѣлъ, предлагаю вамъ, какъ во время слѣдованія, такъ и во время якорной стоянки, соблюдать во всѣхъ отношеніяхъ крайнюю осторожность, въ особенности, усилить бдительность въ ночное время. Какъ старшій станціонеръ, ввѣренный вамъ крейсеръ, съ приходомъ въ Чемульпо, поступаетъ въ распоряженіе посланника нашего въ Кореѣ, при чемъ вамъ надлежитъ организовать постоянное сношеніе съ миссіей, чтобы, въ случаѣ замѣшательствъ или особыхъ событій въ Сеулѣ, быть въ состояніи оказать должное и своевременное содѣйствіе къ ея безопасности, для чего имѣть наготовѣ десантъ, который, однако, выслать лишь по особому требованію посланника, переданному не иначе, какъ письменно или по телеграфу. По приходѣ вашемъ въ Чемульпо предложить крейсеру 2 ранга „Бояринъ" принять изъ Сеула почту и съ оставшеюся на немъ частью десанта вернуться въ Портъ-Артуръ; въ случаѣ десантъ, доставленный крейсеромъ „Бояринъ", свезенъ весь, крейсеръ вернется безъ него, какъ одинаково онъ долженъ вернуться съ полнымъ десантомъ, если таковой не свезенъ вовсе.

Находящійся въ Сеулѣ десантъ долженъ быть подготовленъ ко всякимъ случайностямъ, и потому обратить на это вниманіе начальника десанта лейтенанта Климова, окажите ему должное содѣйствіе по заблаговременному снабженію десанта не только всѣмъ необходимымъ, но и по заготовленію нѣкотораго запаса по всѣмъ частямъ, который могъ бы обезпечить существованіе десанта и въ то время, когда, быть можетъ, онъ будетъ лишенъ возможности довольствоваться обыкновеннымъ путемъ. Для этого необходимо, чтобы десантъ былъ снабженъ провіантомъ и деньгами съ ввѣреннаго вамъ крейсера.

Обращаю вниманіе на то, что до измѣненія положенія дѣлъ, при всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, вамъ слѣдуетъ имѣть въ виду существованіе пока еще нормальныхъ отношеній съ Японіей, а потому не должно проявлять какихъ-либо непріязненныхъ отношеній, а держаться въ сношеніяхъ вполнѣ корректно и принимать должныя мѣры, чтобы не возбуждать подозрѣній какими-либо мѣропріятіями.

О важнѣйшихъ перемѣнахъ въ политическомъ положеніи, если таковыя послѣдуютъ, вы получите или отъ посланника, или изъ Артура извѣщеніе и соотвѣтствующія приказанія.

Вице-адмиралъ *Старкъ*".

Передъ выходомъ изъ Артура были получены дополнительныя инструкціи:

1) кромѣ исполненія обязанностей старшаго станціонера, состоя въ распоряженіи посланника, завѣдывать десантомъ и охраной миссіи.

2) не препятствовать высадкѣ японскихъ войскъ, если бы таковая совершилась до объявленія войны.

3) поддерживать хорошія отношенія съ иностранцами.

4) ни въ какомъ случаѣ не уходить изъ Чемульпо безъ приказанія, которое будетъ передано тѣмъ или другимъ способомъ.

5) крейсеръ посылается въ распоряженіе посланника, чтобы онъ имѣлъ возможность немедленно и скоро передать въ Портъ-Артуръ донесеніе, если бы, дѣйствительно, началось занятіе Кореи японцами.

29-го декабря „Варягъ“ отдалъ якорь на рейдѣ Чемульпо среди стоявшихъ тамъ судовъ:

1) крейсеръ 2 ранга „Бояринъ“ (кап. 2 р. Сарычевъ).

2) морех. кан. лодка „Гилякъ“ (кап. 2 р. Алексѣевъ).

3) англійскій крейсеръ 1 класса „Кресси“.

4) англійскій крейсеръ 2 класса „Тальботъ“ (кап. 1 р. Бэйли).

5) итальянскій крейсеръ 1 класса „Эльба“ (кап. 1 р. Бореа).

6) японскій крейсеръ 3 класса „Чайода“ (кап. 1 р. Мураками).

7) сѣв.-амер. лодка „Виксбургъ“ (кап. 2 р. Маршаль).

Прибывшіе командиры русскихъ судовъ доложили о кажущемся спокойствіи на берегу, объ отправкѣ десанта (команды эск. бр. „Севастополь“) прибывшаго на крейсерѣ „Бояринъ“ взамѣнъ таковаго же съ лодки „Гилякъ“ и о посылкѣ провизіи для десанта при миссіи. Въ тотъ же день командиръ „Варяга“ имѣлъ совѣщаніе съ посланникомъ въ Сеулѣ относительно десанта, а именно, объ оставленіи его въ числѣ 56 человѣкъ, при начальникѣ лейтенантѣ Климовѣ; также были рѣшены вопросы о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и объ отправкѣ на другой день крейсера „Бояринъ“ въ Портъ-Артуръ.

Описаніе дѣйствій японцевъ въ Кореѣ съ половины декабря 1903 г. до 25 января 1904 будетъ помѣщено впослѣдствіи, въ настоящее время упомянемъ только о движеніи военныхъ судовъ:

1-го января ушла въ Портъ-Артуръ мор. кан. лодка „Гилякъ“, а 5-го пришла м. к. л. „Кореецъ“ (кап. 2 р. Бѣляевъ); изъ иностранныхъ: пришелъ на станцію французскій крейсеръ 2 класса „Паскаль“ (кап. 2 р. Викторъ Сенесъ) и на нѣсколько дней германскій крейсеръ 1 класса „Ханза“ (кап. 1 ранга Шредеръ) подъ брейдъвымпеломъ комодора Хольцендорфа, также и французскій крейсеръ 1 класса „Адмиралъ Гейдонъ“ (кап. 1 р. Гондо).

25-го января нашъ посланникъ д. с. с. Павловъ, вслѣдствіе неполученія въ теченіе двухъ недѣлъ никакихъ извѣстій по телеграфу, обратился къ командиру „Варяга“ съ приказаніемъ послать лодку „Кореецъ“ въ Портъ-Артуръ съ бумагами съ тѣмъ, чтобы она ушла 26-го числа въ $3^1/_2$ часа дня. Достиженіе цѣли „Корейцемъ“ было сомнительно, и дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, лодка не могла выполнить даннаго ей порученія. Увѣренность въ неизбѣжности военныхъ дѣйствій все увеличивалась, и общее мнѣніе говорило, что сами японцы не объявятъ войны, но сдѣлаютъ все, чтобы вызвать на это Россію; напримѣръ: сдѣлаютъ внезапную атаку миноносцами въ Портъ-Артурѣ и нападутъ на одного изъ станціонеровъ. То и другое осуществилось на дѣлѣ. Японцы подкрались въ Портъ-Артурѣ съ миноносцами, нанесли вредъ судамъ, а „Варягъ“ и „Кореецъ“ пытались захватить или истребить въ ловушкѣ своею сильною эскадрой. Оба маневра входили въ планъ ихъ дѣйствій и задуманы были раньше; будучи увѣрены въ полномъ успѣхѣ, они рѣшили потопленіе судовъ въ Портъ-Артурѣ и взятіе „Варяга“ поднести императору въ видѣ сюрприза ко дню восшествія на престолъ. Несмотря на такую самоувѣренность, планамъ ихъ суждено было разстроиться: въ Портъ-Артурѣ суда не утонули, а „Варягъ“, геройски отстоявъ честь россійскаго флага, не прибавилъ ни одного листка въ побѣдный вѣнокъ, который они собирались плести.

По полученіи извѣстій о неудачахъ и понесенныхъ потеряхъ, японцы отмѣнили предполагавшіяся празднованія первой побѣды.

26-го января на пароходѣ „Сунгари“ прибылъ изъ Шанхая американскій военный агентъ, который сообщилъ о началѣ военныхъ дѣйствій на слѣдующій день.

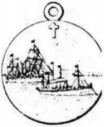
Извѣщеніе о семъ было передано командиру „Варяга“ письмомъ отъ командира „Корейца“ 27 января 1904 г.:

„На „Сунгари“ пріѣхалъ американскій военный агентъ, по словамъ котораго война должна быть объявлена сегодня.

Подписалъ капитанъ 2 ранга *Бѣляевъ*“.

Лодка „Кореецъ“, выйдя въ назначенное время, встрѣтила у острова Іодольми (при выходѣ съ рейда) японскую эскадру, часть коей въ числѣ 3-хъ крейсеровъ и 3-хъ транспортовъ вошла на рейдъ, а

Медаль
Высочайше
пожалованная



участникамъ боя
при
Чемульпо.

Крейсеръ 1 ранга «Варягъ».

Всеволодъ Өедоровичъ Рудневъ.

Digitized by Google

четыре миноносца, маневрируя около лодки, выпустили три мины, не причинившія лодкѣ никакого вреда.

Кромѣ нападенія миноносцевъ, большой крейсеръ повернулъ на пересѣчку пути лодки; „Кореецъ“ не открывалъ огня, сдѣлавъ, по недоразумѣнію, два выстрѣла, вернулся на рейдъ и сталъ по сигналу съ крейсера „Варягъ“, за его кормой.

Остальная часть японской эскадры ушла въ шхеры, не входя на рейдъ и потому численность ея судовъ для насъ осталась неизвѣстной.

Объ этомъ событіи командиромъ „Варяга“ было немедленно донесено рапортомъ посланнику и сообщено консулу для увѣдомленія посланника, кромѣ того, телеграфомъ. Командиръ „Корейца“ донесъ рапортомъ:

„Командиру крейсера 1 ранга „Варягъ“.

Принявъ секретные пакеты отъ нашего посланника въ Сеулѣ и получивъ сигналомъ разрѣшеніе Вашего Высокоблагородія, 26-го января снялся съ якоря въ 3 ч. 40 м. дня и пошелъ по назначенію въ Портъ-Артуръ. Черезъ 15 минутъ послѣ съемки съ якоря, идя по курсу Ю. З. 34°, увидѣлъ по носу японскую эскадру, о чемъ тотчасъ же сдѣлалъ вамъ соотвѣтствующій сигналъ. Японская эскадра шла въ двухкильватерной колонѣ, при чемъ правую составляли крейсера, лѣвую—четыре миноносца.

Приближаясь къ японской эскадрѣ, ни вправо, ни влѣво оставить ее не могъ, такъ какъ колонна миноносцевъ внезапно уклонилась влѣво, а колонна крейсеровъ—нѣсколько вправо, заставивъ меня подобнымъ маневромъ войти между колоннами японской эскадры.

Въ это время было мною замѣчено, что на японскихъ крейсерахъ пушки бортовыя были безъ чехловъ и поставлены по траверзу, прислуга стояла по орудіямъ, на миноносцахъ же минные аппараты были въ чехлахъ.

Какъ только крейсеръ, второй мателотъ правой колонны, прошелъ траверзъ моей лодки, броненосный крейсеръ концевой правой колонны японской эскадры тотчасъ же вышелъ изъ строя, вставъ бортомъ перпендикулярно курсу лодки, а четыре миноносца повернули за нами и атаковали лодку съ обоихъ бортовъ; на аппаратахъ миноносцевъ чехлы уже были сняты. Предполагая, что всѣ вышеозначенные маневры вытекали исключительно изъ желанія японскаго адмирала не пустить ввѣренную мнѣ лодку въ море, съ одной стороны, а также, находясь въ полномъ невѣдѣніи о разрывѣ отношеній Японіи съ нашимъ правительствомъ, съ другой стороны, я повернулъ обратно на рейдъ, но на циркуляціи лодки однимъ изъ 4-хъ миноносцевъ, продолжавшихъ атаку, была выпущена первая мина, прошедшая за

кормой на разстояніи 4-хъ саженей. Сейчасъ же пробилъ боевую тревогу,—это произошло въ 4 часа 35 м. дня;—черезъ 2 минуты батарея была готова, но въ это время была выпущена вторая мина съ того же миноносца, прошедшая такъ же, какъ и первая, а за ней и третья съ другого миноносца. Третья мина была пущена перпендикулярно къ правому борту и шла на правый трапъ, но, не дойдя до борта 2—3 саженей, пошла ко дну.

Атака миноносцевъ производилась въ разстояніи отъ 1—2 кабельтовыхъ.

Послѣ выпущенной съ миноносца второй мины сдѣлалъ сигналъ „открыть огонь“ и потомъ же далъ „перестать стрѣлять“, такъ какъ лодка входила на нейтральный рейдъ Чемульпо. Нечаянно, послѣ сигнала „перестать стрѣлять“, было сдѣлано два выстрѣла изъ 37 м. м. револьверной пушки.

Въ 4 часа 55 минутъ отдали правый якорь и стали за кормой крейсера 1-го ранга „Варягъ“. Спустя $^1/_4$ часа, стали на якорь и японскіе миноносцы, при чемъ два изъ нихъ заняли мѣсто къ востоку отъ лодки въ разстояніи 2—$2^1/_2$ кабельтовыхъ. Немедленно приготовился къ отраженію минной атаки и провелъ въ ожиданіи ея всю ночь съ 26 по 27 января.

Донося о вышеизложенномъ, прошу обратить вниманіе Вашего Высокоблагородія на спокойствіе и выдержанность всего личнаго состава лодки, бывшаго при атакѣ миноносцевъ.

Подписалъ кап. 2-го р. *Бѣляевъ*.

Надо прибавить, что до посылки лодки „Кореецъ“ въ Портъ-Артуръ, командиръ „Варяга“ предлагалъ посланнику идти самому на крейсерѣ подъ своимъ флагомъ, и посланникъ не нашелъ возможнымъ оставить миссію и русскихъ подданныхъ, не получивъ на то приказанія отъ своего министерства, хотя телеграфъ уже давно не дѣйствовалъ.

Крейсера на рейдѣ расположились у своихъ транспортовъ, а миноносцы—противъ нашихъ судовъ. Транспорты немедленно начали выгрузку вещей и людей; одинъ транспортъ съ полной водой ночью вошелъ въ гавань, которая освѣщалась кострами на берегу.

Сдѣлавъ распоряженіе о приготовленіи къ отраженію минной атаки, командиръ „Варяга“ поѣхалъ къ англійскому командиру для выясненія дальнѣйшихъ дѣйствій, причинъ минной атаки, а также мѣръ безопасной стоянки на рейдѣ, при чемъ предложилъ ему, какъ старшему, съѣздить на старшее японское судно, чтобы заставить командира его поручиться за свои суда въ смыслѣ непринятія какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій на рейдѣ.

Командиръ крейсера „Тальботъ“ немедленно уѣхалъ и по возвращеніи на „Варягъ“ передалъ свой разговоръ съ японскимъ командиромъ:

„Я пріѣхалъ, какъ старшій изъ командировъ судовъ націй, стоящихъ на рейдѣ, къ вамъ, какъ старшему командиру японскихъ судовъ, предупредить:

1) мы стоимъ на рейдѣ націи, объявившей нейтралитетъ, слѣдовательно рейдъ, безусловно нейтральный и никто не имѣетъ права ни стрѣлять, ни пускать мины въ кого бы то ни было. Я вамъ объявляю, что въ то судно, которое это сдѣлаетъ, какой бы то ни было націи, я первый начну стрѣлять и совершенно готовъ открыть огонь каждую минуту.

2) Вы должны сдѣлать распоряженіе по своему отряду и сдѣлать сказанное извѣстнымъ.

Японцы согласились, но спросили: „а вдругъ русскіе начнутъ стрѣлять“. Англійскій командиръ повторилъ о своемъ обязательствѣ взять на себя отвѣтственность за суда интернаціональной эскадры.

3) Вы должны сдѣлать распоряженіе, чтобы шлюпки всѣхъ націй имѣли свободный путь къ берегу, не должно быть никакихъ препятствій къ высадкѣ и стоянкѣ.

4) Вы можете свободно высаживать войска, никто вамъ не помѣшаетъ, такъ какъ это дѣло ваше и до насъ не касается.

5) Въ случаѣ недоразумѣній съ какой-либо націей, я приглашу командира той націи и самъ буду разбирать дѣло.

6) По поводу стрѣльбы минами въ „Кореецъ“ японскій командиръ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, это недоразумѣніе, и вѣроятно ничего даже не было“.

Ночь прошла спокойно, хотя на всѣхъ судахъ люди спали у орудій и никто не раздѣвался.

27-го января въ 7 часовъ 30 минутъ командиры четырехъ иностранныхъ судовъ получили извѣщеніе, съ указаніемъ времени сдачи этого извѣщенія, отъ японскаго адмирала о началѣ враждебныхъ дѣйствій между Россіей и Японіей и что адмиралъ предложилъ русскимъ судамъ уйти съ рейда до 12 часовъ дня, въ противномъ случаѣ они будутъ атакованы эскадрой на рейдѣ послѣ 4 часовъ дня, при чемъ предложено иностраннымъ судамъ уйти съ рейда на это время для ихъ безопасности.

Текстъ извѣщенія слѣдующій:

Императорское японское судно „Нанива“. Рейдъ Чемульпо 8-го февраля 1904 г.

Сэръ.

Имѣю честь извѣстить васъ, что враждебныя дѣйствія начались между японской имперіей и Россійской имперіей. Въ настоящее время я долженъ атаковать русское военное судно, стоящее теперь на рейдѣ Чемульпо со всѣми силами, состоящими подъ моей командой,

въ случаѣ отказа начальника русскаго отряда на мое предложеніе оставить портъ Чемульпо до полудня 9-го февраля 1904 года, и почтительно прошу, во избѣжаніе опасности, могущей быть для судна, состоящаго подъ вашей командой, оставить театръ военныхъ дѣйствій.

Предполагаемая атака, не будетъ имѣть мѣста ранѣе 4 часовъ дня 9-го февраля 1904 года, чтобы дать время вамъ исполнить мою просьбу. Если имѣется въ настоящее время въ Чемульпо транспортъ или коммерческое судно вашей націи, я прошу васъ сообщить ему это извѣщеніе.

Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою Уріу.

Контръ-адмиралъ командующій эскадрой императорскаго японскаго флота.

Старшему изъ французскихъ офицеровъ.

Примѣчаніе. Это извѣщеніе должно быть доставлено вамъ до или въ 7 часовъ утра 9-го февраля 1904 г“.

Копія письма была лично привезена на „Варягъ“ командиромъ французскаго крейсера „Паскаль“ и вслѣдъ затѣмъ подтверждена пріѣхавшимъ итальянскимъ командиромъ. Всѣ три командира поѣхали къ 9 часамъ утра на англійскій крейсеръ для совѣщанія, гдѣ въ 9 часовъ 30 минутъ командиръ „Варяга“ получилъ письмо отъ японскаго адмирала черезъ русское консульство при письмѣ консула:

„Императорскій вице-консулъ въ Чемульпо командиру крейсера „Варягъ“.

По просьбѣ японскаго консула въ Чемульпо препровождаю вашему высокоблагородію письмо японскаго адмирала Уріу.

№ 23, 27-го января 1904 г. вице-консулъ Поляновскій.

Письмо адмирала:

„Императорское японское судно „Нанива“. Рейдъ Чемульпо 8-го февраля 1905 г.

Сэръ.

Въ виду начала враждебныхъ дѣйствій между правительствомъ Россіи и Японіей, почтительно прошу васъ оставить портъ Чемульпо съ судами состоящими подъ вашей командой до полдня девятаго февраля 1905 г.; въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду атаковать васъ въ порту.

Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою С. Уріу.

Контръ-адмиралъ командующій эскадрой императорскаго японскаго флота.

Командующему отрядомъ русскихъ судовъ“.

Въ засѣданіи командировъ были разобраны различныя комбинаціи дѣйствій и затѣмъ въ секретномъ отъ командира „Варяга“ со-

вѣщаніи иностранные командиры рѣшили: если русскія суда останутся на рейдѣ, то они уйдутъ въ 2 часа дня. На запросъ командировъ о мнѣніи командира „Варяга“, послѣдній отвѣтилъ, что сдѣлаетъ попытку прорваться и приметъ бой съ эскадрой, какъ бы она велика ни была, но сдаваться никогда не будетъ, а также никогда не будетъ сражаться на нейтральномъ рейдѣ.

Послѣ сего командиры составили и послали японскому адмиралу слѣдующій протестъ:

Рейдъ Чемульпо 9-го февраля 1905 г.

Сэръ.

Мы, нижеподписавшіеся, командующіе тремя нейтральными военными судами Англіи, Франціи и Италіи, узнавъ, изъ полученнаго отъ васъ письма отъ 8-го февраля, о предполагаемой вами атакѣ русскихъ военныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ Чемульпо, въ 4 часа дня, имѣемъ честь обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Мы утверждаемъ, что на основаніи существующихъ международныхъ законовъ портъ Чемульпо объявленъ нейтральнымъ и потому ни одна нація не можетъ атаковать суда другой націи, стоящія въ порту; нація, которая нарушитъ этотъ законъ, является вполнѣ отвѣтственной.

Настоящимъ письмомъ мы энергично протестуемъ противъ нарушенія вами нейтралитета и будемъ рады слышать ваше мнѣніе по этому вопросу.

Подписали: *Левисъ Бэйли, командиръ крейсера, „Тальботъ“, Бореа, командиръ крейсера „Эльба“, Сенесъ, командиръ крейсера „Паскаль“.*

На этотъ протестъ отвѣтъ отъ японскаго адмирала Уріу былъ полученъ послѣ боя въ слѣдующихъ словахъ:

„Въ виду рѣшенія, принятаго храбрымъ русскимъ командиромъ, всякіе переговоры излишни“.

Вернувшись на крейсеръ, командиръ „Варяга“ собралъ офицеровъ, объявилъ имъ о началѣ военныхъ дѣйствій и далъ соотвѣтствующія инструкціи. Офицеры единогласно приняли рѣшеніе, въ случаѣ неудачи, взорваться и ни въ какомъ случаѣ не сдаваться въ руки непріятеля.

Производство взрыва было поручено ревизору крейсера, мичману Черниловскому-Соколъ.

По окончаніи обѣда команды, ее вызвали на верхъ, и командиръ обратился къ ней приблизительно съ такими словами:

„Сегодня получилъ письмо японскаго адмирала о началѣ военныхъ дѣйствій съ предложеніемъ оставить рейдъ до полдня. Безусловно мы идемъ на прорывъ и вступимъ въ бой съ эскадрой, какъ бы она сильна ни была. Никакихъ вопросовъ о сдачѣ не можетъ

быть—мы не сдадимъ крейсера, ни самихъ себя и будемъ сражаться до послѣдней возможности и до послѣдней капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снарядъ долженъ нанести вредъ непріятелю. Въ случаѣ пожара, тушить его безъ огласки, давая мнѣ знать. Помолимся Богу передъ походомъ и съ твердой вѣрой въ милосердіе Божіе, пойдемъ смѣло въ бой за вѣру, Царя и отечество. „Ура"! Музыка сыграла гимнъ.

Взрывъ энтузіазма былъ поразительный, отрадно было видѣть проявленіе такой горячей любви къ своему обожаемому Государю и отечеству и выраженіе готовности сражаться до послѣдней капли крови.

Въ 11 часовъ 20 минутъ утра крейсеръ снялся съ якоря и, имѣя въ кильватерѣ лодку „Кореецъ", пошелъ къ выходу съ рейда, при чемъ музыка, при проходѣ мимо военныхъ судовъ играла національные гимны. На иностранныхъ судахъ были команды во фронтѣ съ офицерами и вызваны караулы, отдававшіе честь при проходѣ „Варяга"; итальянцы сыграли русскій гимнъ.

Впослѣдствіи иностранцы говорили о величіи этой минуты; по ихъ словамъ, они переживали трудный моментъ, провожая людей, идущихъ на вѣрную смерть. По мнѣнію иностранцевъ, принять вызовъ на бой съ эскадрой во много разъ сильнѣйшей—это подвигъ, на который не всякій рѣшится, и „Варягъ" былъ ими обреченъ на гибель, при всѣхъ комбинаціяхъ, особенно же при совмѣстномъ дѣйствіи съ лодкой „Кореецъ", малый ходъ коей стѣснялъ „Варяга", а пушки старой системы не достигали цѣли.

Японская эскадра подъ командой контръ-адмирала Уріу въ составѣ шести крейсеровъ:

„Азама", „Нанива", „Такачиха", „Чайода", „Акаши", „Ніитока" и восьми миноносцевъ, расположилась въ строѣ пеленга [1]), отъ острова Ричи къ сѣверному проходу, прикрывая оба выхода въ море. Миноносцы держались около своихъ судовъ.

Свѣдѣнія о числѣ и названіе судовъ были получены съ англійскаго крейсера послѣ боя. Японскій адмиралъ предложилъ сигналомъ сдаться, но командиръ „Варяга" не счелъ нужнымъ отвѣчать, и тогда, въ 11 ч. 45 м., съ крейсера „Азама" грянулъ первый выстрѣлъ изъ 8-д. орудія, вслѣдъ за которымъ вся японская эскадра открыла огонь. Крейсеръ „Варягъ" въ свою очередь, по выходѣ съ нейтральнаго рейда, производя пристрѣлку, открылъ огонь на разстояніи 45 кабельтовыхъ [2]).

---

[1]) Названіе одного изъ построеній эскадръ.

[2]) Кабельтовъ равняется 100 саженямъ.

Одинъ изъ первыхъ японскихъ снарядовъ попалъ въ крейсеръ, разрушилъ верхній мостикъ, произведя пожаръ въ штурманской рубкѣ, перебилъ фокъ-ванты, при чемъ былъ убитъ младшій штурманскій офицеръ мичманъ графъ Алексѣй Ниродъ, опредѣлявшій разстояніе дальномѣромъ и всѣ дальномѣрщики станція № 1 убиты или ранены (по окончаніи боя нашли руку графа Нирода съ дальномѣромъ, ребро и внутренности упали на орудіе № 2). Смерть молодого офицера произвела удручающее на всѣхъ впечатлѣніе; чудный человѣкъ, отличный офицеръ, подававшій большія надежды въ будущемъ, былъ особо цѣнимъ командиромъ, и потеря графа Алексѣя Михайловича была для него истиннымъ горемъ. Послѣ этого выстрѣла снаряды начали попадать въ крейсеръ чаще, а падавшіе около, разрываясь при ударѣ о воду, осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

Послѣдующими выстрѣлами было подбито 6-д. орудіе № III, вся прислуга, орудія и подачи убита или ранена; одновременно раненъ плутонговый командиръ, мичманъ Губонинъ, отказавшійся идти на перевязку и продолжавшій командовать плутонгомъ, пока, обезсиливъ, не упалъ (рана оказалась серьезной—разбита чашка ноги).

Непрерывно слѣдовавшими снарядами былъ произведенъ пожаръ на шханцахъ, потушенный стараніями ревизора мичмана Черниловскаго-Соколъ, у котораго осколки снарядовъ изорвали бывшее на немъ платье. Пожаръ былъ серьезенъ, такъ какъ горѣли патроны съ бездымнымъ порохомъ, палуба и вельботъ № 1 (деревянный).

Возгорѣніе произошло отъ снаряда, разорвавшагося на палубѣ, при этомъ подбиты: 6-д. орудія №№ 8, 9, 75 мм. № 21, 22, 47 мм. № 27, 28.

Другими снарядами почти снесенъ боевой гротъ-марсъ, уничтожена дальномѣрная станція № 2, подбиты орудія №31 и 32, а также произведенъ пожаръ въ рундукахъ броневой палубы, вскорѣ потушенный; кромѣ того, подбиты 6-д. орудія № V, IV, 75 мм. № 17, 19, 20.

При проходѣ траверза острова Іодольми, снарядъ перебилъ трубку, въ которой проходили всѣ рулевые приводы; одновременно съ этимъ, осколками другого снаряда, разорвавшагося у фокъ-мачты, влетѣвшимъ въ проходъ у боевой рубки, былъ контуженъ и раненъ въ голову командиръ крейсера, убиты наповалъ стоявшіе рядомъ съ нимъ по обѣимъ сторонамъ штабъ-горнистъ и барабанщикъ, раненъ въ спину тутъ же стоявшій рулевой старшина Снигиревъ (не заявилъ о ранѣ до конца боя, оставаясь при исполненіи своей обязанности, рана оказалась впослѣдствіи средней тяжести). Одновременно раненъ въ обѣ руки ординарецъ командира квартирмейстеръ Чибисовъ (завязалъ раны платкомъ, чтобы остановить льющуюся кровь и отъ

казался идти на перевязку, говоря, что пока живъ не покинетъ ни на минуту своего командира). Этимъ же снарядомъ выведены двѣ пушки (около боевой рубки) и кромѣ вышеупомянутыхъ убиты четыре человѣка и одинъ раненъ изъ прислуги этихъ пушекъ. Управленіе крейсеромъ было немедленно переведено на ручной штурвалъ въ румпельное отдѣленіе, но при громѣ выстрѣловъ, приказанія изъ боевой рубки въ румпельное отдѣленіе и отвѣты обратно были почти неслышны—пришлось управляться машинами. Это управленіе было крайне затруднительно, такъ какъ крейсеръ плохо слушался, будучи на сильномъ теченіи; необходимо добавить, что въ недалекомъ разстояніи съ обѣихъ сторонъ были камни и отмели. Въ 15 ч. 20 м. сдвинулся съ мѣста котелъ № 21, давшій течь, въ 12 ч. 25 м. показалась течь въ угольной ямѣ № 10 отъ пробоины, въ 12 ч. 30 м. тоже—въ № 12.

Въ 12 ч. 45 м., желая выйти на время изъ сферы огня, чтобы по возможности исправить рулевой приводъ и потушить возникшіе въ разныхъ мѣстахъ пожары, стали разворачиваться машинами и такъ какъ крейсеръ плохо слушался и въ виду близости острова Іодольми, дали задній ходъ (крейсеръ поставило въ невыгодное положеніе относительно острова въ то время, когда былъ перебитъ рулевой приводъ при положенномъ лѣво-руля). Разстояніе до непріятеля уменьшилось, огонь его усилился и попаданіе увеличилось.

Приблизительно въ это время снарядъ большого калибра пробилъ лѣвый бортъ подъ водой, въ огромное отверстіе хлынула вода, и третья кочегарка стала быстро наполняться водой, уровень которой подходилъ къ топкамъ (вода вливалась въ кочегарку черезъ открытыя двери угольной ямы, изъ которой брали уголь). Кочегарные квартирмейстры Жигаревъ и Журавлевъ задраили угольную яму, чѣмъ прекратили доступъ воды въ кочегарку; работу эту они выполнили съ замѣчательной самоотверженностью и хладнокровіемъ. Старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Степановъ со старшимъ боцманомъ Харьковскимъ подъ градомъ осколковъ снарядовъ подвели пластырь. Хотя вода все время выкачивалась и уровень сталъ понижаться, тѣмъ не менѣе крейсеръ продолжалъ крениться на лѣвый бортъ.

Снарядомъ, прошедшимъ черезъ офицерскія каюты, и разрушившимъ ихъ, была пробита палуба и зажжена мука въ провизіонномъ отдѣленіи. Пожаръ удалось пріостановить съ большимъ трудомъ мичману Черниловскому-Соколъ со старшимъ боцманомъ Харьковскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ перебиты коечныя сѣтки на шкафутѣ надъ лазаретомъ, при чемъ осколки попали въ лазаретъ, а койки въ сѣткахъ загорѣлись, пожаръ быстро потушили.

Значительныя поврежденія, полученныя крейсеромъ, лишили его

возможности идти далѣе и заставили выйти изъ сферы огня на болѣе продолжительное время, почему и пошли на рейдъ, продолжая стрѣлять оставшимися орудіями кормы. Командиръ крейсера пошелъ на рейдъ въ надеждѣ исправить поврежденія насколько возможно, чтобы вновь вступить въ бой.

Когда крейсеръ приближался къ якорному мѣсту, японцы прекратили огонь, въ виду опасности для иностранныхъ судовъ, и преслѣдовавшіе крейсера вернулись къ эскадрѣ за островомъ Іодольми. Разстояніе настолько увеличилось, что продолжать огонь было безполезно, почему его прекратили въ 12 ч. 45 м.

Во второмъ часу, ставъ на якорь на прежнемъ мѣстѣ, приступили къ осмотру и исправленію поврежденій, подвели второй пластырь и развели оставшуюся команду по орудіямъ въ ожиданіи возможнаго нападенія непріятельской эскадры въ 4 часа дня на рейдѣ.

По осмотрѣ крейсера, кромѣ перечисленныхъ выше поврежденій, оказались еще слѣдующія:

1) всѣ 47-мм. орудія негодны къ стрѣльбѣ.

2) еще 5 орудій 6-д. калибра получили различныя серьезныя поврежденія.

3) семь 75-мм. совершенно повреждены въ накатникахъ, компрессорахъ и другихъ мѣстахъ.

4) разрушено верхнее колѣно третьей дымовой трубы.

5) обращены въ рѣшето всѣ вентиляторы и шлюпки.

6) верхняя палуба пробита во многихъ мѣстахъ.

7) разрушено командирское помѣщеніе.

8) поврежденъ форъ-марсъ.

9) найдено еще четыре пробоины, а также много другихъ поврежденій.

Машина сохранилась благодаря броневымъ крышкамъ, также и шахты подачи, хотя прислуга, стоявшая около нихъ, почти вся пострадала.

Электричество дѣйствовало все время безъ отказа. Въ теченіе часового боя выпущено 1.105 снарядовъ, коими нанесено японской эскадрѣ достаточно поврежденій: на крейсерѣ „Азама“ разрушенъ мостикъ и произведенъ на немъ пожаръ, при чемъ „Азама“ временно прекратилъ огонь.

Кормовая башня его, повидимому, была повреждена, такъ какъ прекратила стрѣльбу до конца боя. Во время взрыва мостика убитъ командиръ крейсера.

Впослѣдствіи выяснилось: утонулъ миноносецъ и одинъ изъ крейсеровъ получилъ столь серьезныя поврежденія, что затонулъ на пути въ Сасебо, имѣя раненыхъ съ эскадры, взятыхъ послѣ боя для доставки съ госпиталь. Крейсеръ „Чайода“ чинился въ докѣ, такъ же

какъ и крейсеръ „Азама". Послѣ боя японцы свезли въ бухту А-санъ 30 убитыхъ.

Эти свѣдѣнія получены отъ наблюдавшихъ итальянскихъ офицеровъ, англійскаго офицера, возившаго протестъ японскому адмиралу, въ Шанхаѣ изъ японскихъ и англійскихъ источниковъ, также черезъ посредство нашей миссіи въ Сеулѣ и оффиціальнаго донесенія нашего посланника въ Кореѣ.

Съ момента выхода съ рейда мореходная канонерская лодка „Кореецъ" держалась соединенно, но ея выстрѣлы вначалѣ не могли быть дѣйствительны, вслѣдствіе недолета снарядовъ, и потому стрѣльба была прекращена до сближенія съ эскадрой. „Кореецъ" не получилъ никакихъ поврежденій и не имѣлъ никакой потери въ людяхъ — ясно, что все вниманіе японцевъ было обращено на „Варягъ", по уничтоженіи коего предполагали быстро покончить съ лодкой. По окончаніи боя „Кореецъ" возвратился на рейдъ одновременно съ „Варягомъ".

Иностранныя суда, несмотря на готовность къ уходу съ рейда, прислали немедленно шлюпки со врачами и санитарами для перевозки раненыхъ. Шлюпки имѣли на носовыхъ флагштокахъ флагъ Краснаго Креста.

Дѣйствіе японскихъ снарядовъ, кромѣ большого разрушенія судна, производитъ значительный уронъ въ личномъ составѣ; отъ дробленія снарядовъ на мелкіе куски получались ужасныя раны. Нѣкоторые люди были покрыты сплошь впившимися въ нихъ мелкими кусками.

По произведенной провѣркѣ людей оказалось: убитыми—мичманъ графъ Ниродъ и нижнихъ чиновъ—31; раненыхъ 6 офицеровъ, контуженъ и раненъ въ голову командиръ крейсера капитанъ 1 ранга Рудневъ, контуженъ старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Степановъ, тяжело раненъ въ ногу мичманъ Губонинъ, ранены легко: мичманы Лобода, Балкъ и Шиллингъ. Раненые офицеры отказались отъ перевязки, оставаясь все время на своихъ мѣстахъ, они согласились сдѣлать перевязку только по окончаніи перевязки нижнимъ чинамъ и то уже будучи на иностранныхъ судахъ. Нижнихъ чиновъ ранено серьезно 85, легко болѣе 100 человѣкъ.

Непригодность артиллеріи къ дальнѣйшему дѣйствію, постепенное наполненіе судна черезъ подводныя пробоины, порча рулевыхъ приводовъ и большая убыль личнаго состава убѣдили въ полной невозможности вновь вступить въ бой и, не желая дать непріятелю возможности одержать побѣду надъ полуразрушеннымъ крейсеромъ, на совѣщаніи всѣхъ офицеровъ было рѣшено уничтожить крейсеръ. Объ этомъ командиръ „Варяга" поѣхалъ сообщить командиру крейсера „Тальботъ", который изъявилъ согласіе на принятіе части команды.

Немедленно приступили къ перевозкѣ раненыхъ на присланныхъ съ иностранныхъ судовъ шлюпкахъ за непригодностью своихъ.

Командиръ французскаго крейсера „Паскаль“, капитанъ 2 ранга Сенесъ, прибывъ на „Варягъ“, лично содѣйствовалъ перевозкѣ раненыхъ и команды, перевозка коихъ, а главное переноска ихъ на шлюпки съ лежавшаго на боку крейсера, заняли много времени, и только къ 4 часамъ могли перевезти и остальную команду.

Когда команда покинула крейсеръ, старшій и трюмный механики съ хозяевами отсѣковъ [1]) открыли кингстоны и клапаны и затѣмъ отвалили съ крейсера. Пришлось остановиться на потопленіи вслѣдствіи представленія иностранныхъ командировъ не взрывать судна, чтобы не подвергнуть опасности, на узкомъ рейдѣ, ихъ корабли, а также и потому, что крейсеръ погружался все болѣе и болѣе въ воду.

Съ послѣдней партіей команды былъ отправленъ часовой у флага боцманматъ Петръ Оленинъ, который оставался на посту съ начала боя—на немъ осколками было разорвано платье, разбитъ прикладъ у ружья, разорванъ сапогъ съ легкой раной ноги.

Командиръ со старшимъ боцманомъ, удостовѣрившись еще разъ въ отсутствіи людей на суднѣ, послѣднимъ покинулъ крейсеръ въ 3 часа 55 минутъ, сѣвъ на французскій катеръ, который ожидалъ его у борта, вмѣстѣ съ командиромъ крейсера „Паскаль“.

„Варягъ“, постепенно наполняясь водою, продолжая крениться на лѣвый бортъ и горѣть во многихъ мѣстахъ, въ 6 час. 10 м. погрузился въ воду на глубину десяти сажень во время отлива [2]). Послѣ 4-хъ часовъ сообщенія съ крейсеромъ не было вслѣдствіе настоянія командировъ иностранныхъ судовъ, ожидавшихъ входа японской эскадры на рейдъ. Командиръ мор. кан. лодки „Кореецъ“, получивъ извѣщеніе отъ командира „Варяга“ о принятомъ рѣшеніи въ виду безъисходнаго положенія, по общему согласію офицеровъ, взорвалъ лодку.

Капитанъ парохода „Сунгари“, по соглашенію съ агентомъ пароходства, сжегъ свой пароходъ.

Свезенная команда распредѣлилась:

На французскій крейсеръ „Паскаль“.

1) часть команды „Варяга“,

2) вся команда „Корейца“, впослѣдствіи прибывшія обѣ миссіи и охрана, состоящая: изъ части команды броненосца „Севастополь“, фельдшера, 11 казаковъ и 2 стрѣлковъ.

На англійскій крейсеръ „Тальботъ“:

---

[1]) Судно дѣлится перегородками (переборками) на части, которыя называются отсѣками.

[2]) Во время прилива глубина доходитъ до 15 сажень.

1) часть команды „Варяга“,

2) команда парохода „Сунгари“.

На итальянскій крейсеръ „Эльба“:

часть команды „Варяга“.

Американскій авизо „Виксбургъ“ отказался принять людей для спасенія отъ потопленія за неимѣніемъ разрѣшенія отъ своего министерства, также онъ отказался подписать протестъ иностранныхъ командировъ.

Впослѣдствіи командиры иностранныхъ судовъ получили отъ своихъ посланниковъ одобреніе и благодарность за ихъ дѣйствія.

Въ виду того, что перевозка раненыхъ заняла очень много времени при участіи всего личнаго состава, съ перевозкой остальной команды пришлось спѣшить, вслѣдствіе требованія командировъ окончить погрузку до 4-хъ часовъ дня. Были взяты судовые документы и командой—малые чемоданы. Офицеры же, занятые перевозкой раненыхъ и исполненіемъ своихъ обязанностей, не успѣли захватить вещей—какъ командиръ, такъ и офицеры потеряли рѣшительно все свое имущество, бывшее на крейсерѣ.

Съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что „Варягъ“ благодаря удивительной стойкости, беззавѣтной храбрости и безупречному исполненію долга офицеровъ и команды съ достоинствомъ поддержалъ честь русскаго флага, исчерпалъ всѣ средства къ прорыву, не далъ возможности одержать побѣду, нанеся много убытковъ и вреда непріятелю и спасъ оставшихся людей, не сдавъ ни судна, ни команды.

3 февраля крейсеръ „Паскаль“ ушелъ изъ Чемульпо для доставки команды въ Сайгонъ, откуда она возвратилась въ Россію. Событія, относящіяся къ III періоду, т. е. съ момента переборки команды на „Паскаль“ по день возвращенія въ С.-Петербургъ, будутъ изложены впослѣдствіи.

В. Рудневъ.

Приложенія.

Составъ офицеровъ крейсера «Варягъ» по боевому расписанію.

Командиръ крейсера, капитанъ 1 ранга Всеволодъ Рудневъ.

Страшій офицеръ, капитанъ 2 ранга Веніаминъ Степановъ.

Старшій минный офицеръ, лейтенантъ Робертъ Берлингъ.

Старшій артеллерійскій офицеръ, лейтенантъ Сергѣй Зарубаевъ.

Старшій штурманскій офицеръ, лейтенантъ Евгеній Беренсъ.

Батарейный командиръ, мичманъ Александръ Шиллингъ.

Плутонговые командиры, мичманы: Александръ Лобода, Василій Балкъ, Петръ Губонинъ, Дмитрій Эйлеръ.

Ревизоръ, мичманъ Николай Черниловскій-Соколъ.

Старшій судовой механикъ, помощникъ старшаго инж. мех. Николай Лейковъ.

Трюмный механикъ, помощ. ст. ин. мех. Яковъ Солдатовъ.

Младшіе механики: Николай Зоринъ, Сергѣй Спиридоновъ.

Врачи: старшій—коллежскій совѣтникъ Михаилъ Храбростинъ, младшій—титулярн. совѣтн. Михаилъ Банщиковъ.

Содержатели казеннаго имущества: шхиперъ титулярн. совѣтникъ Барсуковъ. Машинный содержатель титулярн. совѣтн. Маркеловъ, коммисаръ титулярн. совѣтникъ Денисовъ, минно-артиллерійскій содержатель кондукторъ Хижняковъ.

Священникъ Михаилъ Рудневъ.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРТИЛЛЕРІИ ЯПОНСКОЙ ЭСКАДРЫ.

Названіе судовъ.	Число тоннъ.	Количество орудій.			Минныхъ аппарат.
		Крупной артиллеріи.	Мелкой артиллеріи.	Всего.	
Азама	9.750	30	12	42	5
Токачиха	3.700	10	16	26	4
Нанива	3.700	10	16	26	4
Чайода	2.450	10	17	27	3
Нінтока	3.420	16	4	20	—
Акаши	2.700	8	16	24	2
8 миноносцевъ	12.000	—	16	16	24
Всего	37.720	84	97	181	42
Всего безъ миноносцевъ	25.720	84	81	165	18
Варягъ	6.600	24	10	34	6

РАЗМѢЩЕНІЕ ПЕРЕВЯЗОЧНЫХЪ ПУНКТОВЪ И САНИТАРНАЯ ЧАСТЬ.

Перевязочные пункты были устроены:

I. Въ носовой части: 1) въ лазаретѣ, 2) въ аптекѣ.

II. Въ кормовой части: 1) въ каютъ-компаніи, 2) командирскомъ помѣщеніи.

Носилки находились въ 5 пунктахъ; носильщики были снабжены особыми сумками съ перевязочными матеріалами (готовые бинты, смоченные въ растворѣ) для предварительной перевязки, въ случаѣ тяжелыхъ кровоизліяній. Люди, обученные обращенію, широко пользовались имѣвшимся у нихъ запасомъ.

Заготовка растворовъ, распредѣленіе перевязочнаго боевого запаса и инструментовъ, была сдѣлана заблаговременно, матеріалы хранились въ спеціально заказанныхъ сундукахъ, для каждаго пункта особо съ его номеромъ.

Полная разработка и обученіе санитарной части была сдѣлана въ Портъ-Артурѣ и вполнѣ оправдала положенные труды. Доставка раненыхъ шла быстро и хорошо, преимущественно въ носовую часть, гдѣ болѣе всего было потерпѣвшихъ.

Большимъ удобствомъ оказалось, что до боя ванну наполнили чистой водой, которую брали потомъ для обмыванія ранъ.

Списокъ убитыхъ въ сраженіи 27 января 1904 г.

БАКЪ.

1) Мичманъ графъ Алексѣй Нироდъ—находился на мостикѣ при опредѣленіи разстояній.

2) Артиллерійскій содержатель Василій Мальцевъ }
3) Писарь 1 ст. Василій Оськинъ } тамъ же.
4) Сигнальщикъ Гавріилъ Мироновъ }

5) Квартирмейстръ Иванъ Костинъ при передачѣ приказаній около боевой рубки.

6) Комендоръ Дмитрій Шараповъ }
7) Матросъ 2 ст. Михаилъ Кабановъ } пушка Барановскаго № 35.
8) Матросъ 2 ст. Федоръ Эдревицъ }

9) Штабъ горнистъ Николай Нагль }
10) Барабанщикъ Донадъ Кореевъ } около командира.

11) Комендоръ Григорій Посновъ—6″ орудіе № 3.

12) Подручный комендоръ Матвѣй Дерябинъ—6″ орудіе № 2.

13) Матросъ Михаилъ Журавлевъ—75 мм. орудіе № 18.
14) Машинистъ 1 ст. Иванъ Гребенщиковъ—у рожка помпы.

ШКАФУТЪ.

15) Комендоръ Даніилъ Кучубей	47 мм.	№ 26.
16) Комендоръ Степанъ Капраловъ		№ 27.
17) Матросъ 2 ст. Карлъ Спруге.	75 мм.	№ 26.
18) Матросъ 2 ст. Иванъ Родіоновъ		№ 18.

ФОРЪ МАРСЪ.

19) Марсовой Архипъ Шевелевъ—47 мм. № 29.

ШХАНЦЫ.

20) Комендоръ Мартемьянъ Островскій }
21) Комендоръ Андрей Трофимовъ } 6″ орудіе № 9.
22) Комендоръ Петръ Мухачевъ—47 мм. № 28.
23) Марсовой Федоръ Хохловъ—6″ № 8.
24) Комендоръ Романъ Балабановъ—6″ № 10.
25) Матросъ 1 ст. Климентій Кузнецовъ—у элеватора.
26) Матросъ 1 ст. Илья Ковалевъ }
27) Матросъ 1 ст. Кириллъ Ивановъ } 6″ орудіе № 9.

ГРОТЪ МАРСЪ.

28) Матросъ 1 ст. Ефимъ Горбуновъ, дальномѣрщикъ.
29) Матросъ 1 ст. Михаилъ Авраменко—47 мм. № 31.
30) Матросъ 2 ст. Кириллъ Зрѣловъ—47 мм. № 31.
31) Матросъ 2 ст. Дмитрій Артасовъ—47 мм. № 32.

ТЯЖЕЛО РАНЕНЫЕ.

Послѣ боя отправлены въ *Гонъ-Конгъ*: мичманъ Петръ Губонинъ, квартирмейстръ Иннокентій Рыжковъ, комендоръ Сидоръ Мудринъ.

Оставлены въ *Чемульпо* 24 человѣка, изъ нихъ 2 умерли отъ ранъ.

Всѣ оставшіеся въ живыхъ изъ тяжело раненыхъ вернулись въ Россію, не будучи въ плѣну.

ОБЩІЙ ПРОЦЕНТЪ УБЫЛИ ЛЮДЕЙ.

Палубы.	Офицеры.			Нижн. чины.			
	Находилось.	Убыло.	%	Находилось.	Убыло.	%	
Верхняя	11	7	63,6	252	112	45	Въ графѣ убыли показаны убитые и раненые.
Жилая . . .	4	—	—	103	2	2	
броневая . .	—	—	—	16	—	—	
надъ броней .	3	-	—	164	1	0,6	
Итого	18	7	38	535	115	22	

Рапортъ командира мореходной канонерской лодки „Кореецъ", командиру крейсера „Варягъ".

27-го января въ 8½ ч. утра, потребованный вашимъ сигналомъ прибылъ на крейсеръ 1 ранга „Варягъ", гдѣ изъ письма японскаго адмирала, предъявленнаго вамъ командирами иностранныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, узнали объ объявленіи войны съ Японіей. Согласно принятому рѣшенію „попытаться прорваться", началъ готовиться къ бою. Команда, энергично руководимая старшимъ и всѣми другими офицерами, успѣла выбросить за бортъ: свѣтлые люки, гафеля, стеньги, трапы и друг. деревянные предметы.

Лазаретъ и моя каюта еще съ вечера были обращены въ перевязочные пункты. Въ 10½ ч. утра далъ командѣ обѣдъ.

—11 ч. 20 м. по сигналу вашего высокоблагородія, снялся съ якоря и вступилъ въ кильватеръ ввѣренному вамъ крейсеру.

Опередивъ на нѣкоторое время „Варягъ", въ 11 ч. 45 м. утра, въ отвѣтъ на выстрѣлъ японской эскадры, открылъ огонь изъ праваго погоннаго 8-д. орудія идя среднимъ ходомъ. Послѣ того, какъ „Варягъ" обогналъ меня, далъ полный ходъ, стараясь сохранить между судами малую дистанцію. Въ виду получавшихся недолетовъ и доклада артиллерійскаго офицера лейтенанта Степанова объ его опасеніи, что

продолжая стрѣльбу по такой дистанціи, снарядовъ можетъ не хватить на случай сближенія съ противникомъ, а также чтобы недолетами не поднимать духъ непріятеля, временно прервалъ стрѣльбу. По дальнѣйшему сближенію съ противникомъ вновь открылъ огонь, ведя стрѣльбу изъ погоннаго и ретираднаго орудія фугасными снарядами.

Пройдя островъ Іодольми, увидѣли вашъ сигналъ: мѣняю курсъ вправо и, избѣгая соствориться съ вами для непріятеля, а также предполагая у васъ поврежденіе въ рулѣ, положилъ право на бортъ и уменьшивъ ходъ до малаго, описалъ циркуляцію въ 270°.

Все это время безостановочно поддерживалъ огонь изъ двухъ 8 д. погонныхъ и 6 д. ретираднаго орудія; было попутно сдѣлано 3 выстрѣла изъ 9 фунтовыхъ пушекъ, но за большими недолетами стрѣльбу изъ нихъ прекратилъ. Въ 12¹/₄ слѣдуя движенію „Варяга“, повернулъ на рейдъ, продолжая стрѣлять сначала изъ лѣваго 8 и 6 д. орудій, а затѣмъ изъ одного 6 д. Въ 12 ч. 45 м. дня одновременно съ японской эскадрой прекратилъ огонь. Японская эскадра оставалась подъ парами за островомъ Іодольми.

Въ продолженіе часового боя въ ввѣренную мнѣ лодку не попало ни одного снаряда, было 3 недолета, а остальные перелеты, хотя изъ послѣднихъ многіе были незначительны. Въ 1 часъ дня сталъ на якорь на рейдѣ Чемульпо.

Въ 3 часа дня японская эскадра приблизилась къ острову Іодольми, пробилъ артиллерійскую тревогу и приготовился къ бою.

Въ 3 ч. 15 м. дня присланный вами мичманъ Балкъ передалъ мнѣ рѣшеніе уничтожить крейсеръ „Варягъ“, свезя предварительно раненыхъ и команду на иностранныя суда.

Собравъ послѣ этого своихъ офицеровъ и сообщивъ о вашемъ рѣшеніи, предложилъ имъ, начиная съ младшаго, высказать свой взглядъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Рѣшено было единогласно: предстоящій черезъ полчаса бой не равенъ, вызоветъ напрасное кровопролитіе, а можетъ быть и гибель всей команды безъ нанесенія вреда непріятелю, а потому необходимо свезти команду и взорвать лодку до 4 часовъ дня“. Согласившись съ ними, я приказалъ спустить всѣ шлюпки и посадить на нихъ команду, запретивъ за малостью времени до нападенія японской эскадры и въ виду ограниченности мѣста въ шлюпкахъ брать съ собою вещи. Въ это же время крюйтъ-камеры были окончательно приготовлены къ взрыву.

Взрывали лодку помощью 15 минутнаго фалшфейера, помѣщеннаго въ промасленную паклю и окруженнаго картузами съ порохомъ; фалшфейеръ воспламенялся перовой гальванической трубкой. Изъ числа охотниковъ произвести взрывъ назначилъ: лейтенанта Левицкаго, мичмана Бутлерова, младшаго инженера—механика Франкъ и 3 ниж-

нихъ чиновъ. Въ 3 часа 35 мин. всѣ шлюпки, за исключеніемъ четверки съ мичманомъ Бирилевымъ, оставшимся у борта, отвалили.

Въ 3 часа 5 минутъ послѣдовало два взрыва съ промежутками 2—3 секунды, лодка погрузилась на дно, при чемъ носовая часть отдѣлилась и перевернулась, а кормовая разорвалась на части. Этимъ взрывомъ пушки всѣхъ калибровъ уничтожены. Шифръ, секретные приказы, бумаги, карты, таблицы и сигнальныя книги были сожжены.

Въ шлюпки взяты два судовые образа, царская грамота, серебряный георгіевскій рожокъ, деньги изъ сундука, вахтенный журналъ и отчетность.

Взяты на шлюпки ружья, но приказано было бросить при приближеніи къ французскому крейсеру „Паскаль“; офицеры и команда съѣхали безъ вещей. По соглашенію съ агентомъ пароходства Восточно-Китайской жел. дор., я приказалъ капитану „Сунгари“ испортить котлы и потопить пароходъ. На немъ были открыты всѣ кингстоны и устроенъ пожаръ, къ ночи пароходъ погрузился на дно. Донося о семъ вашему высокоблагородію, прошу обратить вниманіе, что всѣ назначенныя къ взрыву лодки, рискуя своей жизнью, блестяще исполнили возложенное на нихъ порученіе. Во время боя всѣ, начиная со старшаго офицера и кончая послѣднимъ матросомъ, дѣйствовали въ бою съ удивительнымъ спокойствіемъ, точно они были на обыкновенномъ ученьѣ или на стрѣльбѣ по щитамъ. Всѣ они блестяще исполнили долгъ свой. Подписалъ капитанъ 2 ранга Бѣляевъ 2-й“.

Отъ редакціи.

Авторъ „Боя «Варяга» у Чемульпо“ Всеволодъ Ѳедоровичъ Рудневъ, родился въ 1855 году. Происходя изъ старинной дворянской семьи, служившій въ флотѣ, онъ кончилъ курсъ въ морскомъ училищѣ и произведенъ въ гардемарины въ 1876, а на слѣдующій годъ въ мичманы. Проходя послѣдовательно всѣ ступени морской іерархіи, Рудневъ въ 1901 году былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Значительную часть времени своей службы онъ проводилъ въ плаваніяхъ на слѣдующихъ судахъ: „Варягѣ“, „Кадетѣ“, „Гилякѣ“, „Забавѣ“, „Бояринѣ“, „Лихачѣ“, „Петропавловскѣ“, „Чародѣйкѣ“, „Африкѣ“, миноносцѣ № 13, „Адмиралѣ Корниловѣ“, „Котлинѣ“, „Выборгѣ“, старшимъ офицеромъ на „Гангутѣ“, „Императорѣ Николаѣ I“, командиромъ на „Гремящемъ“, „Чародѣйкѣ“, „Адмиралѣ Грейгѣ“, „Скатѣ“, „Варягѣ“.

Совершая свои многочисленныя плаванія по Балтійскому и Средиземному морямъ, а также и кругомъ свѣта, онъ былъ награжденъ въ 1899 году орде-

номъ св. Владиміра 4-ой ст. съ бантомъ за совершеніе 20 кампаній. Въ 1904 г. въ воздаяніе геройскаго подвига, оказаннаго крейсеромъ 1-го ранга „Варягъ“ въ бою при Чемульпо 27-го января съ непріятелемъ, превосходящимъ силою и числомъ, пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и званіемъ флигель-адъютанта. Въ этомъ же году назначенъ командиромъ эскадреннаго броненосца „Андрей Первозванный“ и командиромъ 14-го флотскаго экипажа и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., а 28-го ноября 1905 года произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіей.

Изъ матеріаловъ по исторіи масонства.

(Секретное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику главнаго штаба, 9 января 1826 г., № 13).

Получивъ секретное отношеніе вашего превосходительства отъ 6-го января съ изъявленіемъ высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о сообщеніи вамъ секретныхъ и напечатанныхъ списковъ всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ масонскимъ ложамъ, я поспѣшаю симъ оное исполнить. Но дабы предотвратить, сколько можно, всѣ недоразумѣнія, отъ неопредѣлительности свѣдѣній по сему предмету произойти могущія, считаю нужнымъ пояснить вкратцѣ нѣкоторыя обстоятельства.

Масонскія ложи, кои съ 1804 г. начали вновь устанавливаться въ С.-Петербургѣ и другихъ губерніяхъ, были просто терпимы, но правительство не распространяло на нихъ никакого посредственнаго или непосредственнаго вліянія.

Въ 1810 г. генералъ-адъютантъ Балашовъ, вступя въ управленіе министерства полиціи, пригласилъ къ себѣ чиноначальниковъ масонскихъ обществъ и, предначертавъ имъ нѣкоторыя въ руководство правила, объявилъ повелѣніе: доставлять въ министерство полиціи ежемѣсячные отчеты о всемъ происходящемъ въ собраніяхъ ихъ, которыя самъ нѣсколько разъ посѣщалъ.

Съ того времени главное здѣсь масонское правленіе представляло въ министерство полиціи письменные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ.

Въ продолженіе управленія министерствомъ полиціи графомъ Вязмитиновымъ порядокъ сей исполнялся такимъ же образомъ, и всѣ бумаги, на семъ основаніи отъ масонскихъ ложъ представленныя, хранятся при дѣлахъ особенной канцеляріи сего министерства. Графъ Вязмитиновъ докладывалъ объ оныхъ по временамъ государю импе-

ратору, постоянно уклонялся отъ всякаго непосредственнаго вліянія на управлявшихъ ложами и не входилъ ни въ какое письменное съ ними сношеніе.

При соединеніи, наконецъ, министерства полиціи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и при вступленіи въ управленіе онымъ графа Кочубея, явился къ нему тогдашній великій мастеръ директоріальной ложи дѣйствительный статскій совѣтникъ Беберъ.

Графъ Кочубей объявилъ ему, что правительство руководствуется правилами терпимости ко всѣмъ вообще обществамъ и собраніямъ, которыя при должномъ уваженіи всего того, что до святости религіи и до точнаго исполненія законовъ относится, не уклоняются отъ строгихъ обязанностей нравственности и гражданскаго благочинія; что по таковому общему правилу правительство не требуетъ никакого отчета въ распоряженіяхъ, но тогда лишь будетъ вмѣшиваться въ дѣла обществъ масонскихъ, когда они, отклоняясь отъ правила сего, обратятъ на себя справедливое преслѣдованіе.

Послѣ смерти Бебера избранъ былъ великимъ мастеромъ сенаторъ графъ Ржевусскій, который прислалъ, по принятому порядку, письменное о томъ увѣдомленіе, но лично къ управляющему министерствомъ не являлся.

По отъѣздѣ графа Ржевусскаго былъ избранъ въ великіе мастера сенаторъ Кушелевъ, который пріѣзжалъ къ графу Кочубею и которому сей послѣдній объявилъ то же самое, что сказано имъ было Беберу.

При новыхъ масонскихъ выборахъ въ 1821 г. избранъ былъ великимъ мастеромъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, который о томъ письменно извѣстилъ управлявшаго министерствомъ.

Графъ Кочубей о семъ извѣщеніи доводилъ до свѣдѣнія государя императора и, изготовя на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, письменный отвѣтъ графу Мусину-Пушкину, испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе.

Его императорскому величеству неугодно было, чтобы письменно о семъ было объявлено.

Послѣ сего графъ Кочубей не получалъ уже никакихъ извѣщеній отъ масонскаго управленія, но имѣлъ только съ онымъ сношеніе по предмету учрежденной въ Кишиневѣ ложи, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ отъ 22 декабря 1821 г.

Наконецъ, 1-го августа 1822 г. воспослѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя графа Кочубея о закрытіи всѣхъ въ Россіи масонскихъ ложъ, о чемъ тогда же предписано было отъ него ко всемѣстному исполненію.

Изъ сего краткаго изложенія, ваше превосходительство, усмотрѣть изволите, что министерство внутреннихъ дѣлъ почти до закрытія ложъ получало довольно подробныя свѣдѣнія, какъ о членахъ, составляющихъ оныя, такъ и о дѣйствіяхъ ихъ.

Вслѣдствіе сего, а равно и требованія вашего, милостивый государь, имѣю честь препроводить у сего:

1) печатный весьма полный списокъ всѣмъ членамъ тѣхъ ложъ, кои состояли подъ главнымъ управленіемъ директоріальной ложи Астреи;

2) 4 списка частные всѣхъ ложъ, состоявшихъ подъ управленіемъ великой провинціальной ложи Владиміра, изъ коихъ одинъ, а именно ложи Елисаветы къ добродѣтели, напечатанъ, а другіе выбраны изъ актовъ.

3) списокъ членамъ, составлявшимъ ложу въ Кишиневѣ;

4) списокъ таковой же членамъ, составлявшимъ военную ложу Георгія Побѣдоносца, въ Мобёжѣ, при главной квартирѣ россійскаго корпуса во Франціи.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что масонскія ложи, находившіяся въ литовскихъ губерніяхъ, находились всегда подъ управленіемъ великаго востока Варшавскаго и, вмѣстѣ съ закрытіемъ онаго, прекратили всѣ работы. О ложахъ сихъ министерство никакихъ свѣдѣній не получало.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской.

Директоръ Фонъ-Фокъ.

Сообщила **Тира Соколовская**.

Записки графа Ѳ. Г. Головкина.

Русскій дворъ въ царствованіе Павла I.

Я былъ принятъ въ интимномъ кругу императрицы,—вещь въ мои лѣта безпримѣрная. Она привыкла видѣть меня подлѣ себя; я рисовалъ, читалъ ей вслухъ, поэтому мнѣ было отведено помѣщеніе въ Царскомъ Селѣ,—отличіе, коимъ рѣдко кто пользовался. Въ тѣ дни, когда я назначался на дежурство къ великому князю, меня ей недоставало. Можно думать, что мнѣ всѣ завидовали и безъ конца клеветали на меня, но императрица была ко всему глуха. Великій князь, для котораго знаки уваженія, оказываемые его августѣйшей матери, были мученіемъ, и которому доставляло удовольствіе огорчить человѣка, который по мнѣнію его приближенныхъ пользовался высочайшимъ благоволеніемъ незаслуженно, вздумалъ, въ первый же мой пріѣздъ на дежурство въ Павловскъ, подвергнуть меня аресту въ моей же комнатѣ и продержать меня тамъ цѣлыхъ двѣнадцать дней. Императрица, видя, что я не возвращаюсь, разсердилась и послала приказъ оберъ-камергеру, коимъ я освобождался впредь отъ всякихъ дежурствъ, какъ при ней, такъ и въ иномъ мѣстѣ; узнавъ объ этомъ, его высочество тотчасъ приказалъ выпустить меня. Ни съ той, ни съ другой стороны не послѣдовало никакихъ объясненій и, хотя я со временемъ дорого поплатился за это освобожденіе отъ дежурствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ причудъ великаго князя, но, по крайней мѣрѣ, я былъ нѣкоторое время вдали отъ интригъ, происходившихъ при его дворѣ.

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1907 г.

Одна исторія, въ свое время надѣлавшая много шума, втянула меня совершенно неожиданно въ эту пропасть. Ростопчинъ, незадолго передъ тѣмъ пожалованный камеръ-юнкеромъ, и все болѣе и болѣе завоевывавшій расположеніе великаго князя, будучи назначенъ вмѣсто кого-то на дежурство въ Царское Село, написалъ оберъ-камергеру весьма оскорбительное для его товарищей письмо, которое Шереметевъ имѣлъ глупость показать имъ. Оскорбленные послали ему своихъ секундантовъ; состоялось нѣсколько нелѣпыхъ дуэлей; въ дѣло вмѣшались жены и сестры.

Узнавъ о происшедшемъ изъ донесеній полиціи, императрица, не допускавшая никакихъ послабленій въ случаѣ неуваженія, оказаннаго ея двору, приказала дежурному генералъ-адъютанту разслѣдовать дѣло, которое кончилось высылкою Ростопчина въ Москву. Великій князь былъ взбѣшенъ и спряталъ его въ Гатчино; не зная, на комъ вымѣстить свой гнѣвъ, онъ придумалъ слѣдующее:

Императрица была не совсѣмъ здорова въ Царскомъ Селѣ, и, какъ это всегда бывало во время ея болѣзни, прислуга исполняла свое дѣло очень небрежно.

Государыня отпустила всѣхъ приближенныхъ и прилегла на диванъ въ большомъ лаковомъ кабинетѣ. Я уже съ часъ читалъ ей вслухъ, какъ вдругъ вошелъ лакей безъ зова.

— Что вамъ нужно?—спросила императрица.

— Не знаю, осмѣлюсь ли я доложить.

— Что такое?

— Кавалеръ Нарышкинъ прибылъ изъ Павловска и давно ожидаетъ на лѣстницѣ.

— Это меня не касается.

— Онъ желаетъ говорить съ графомъ по порученію его императорскаго высочества.

— Можно подумать, что вы только сегодня поступили на службу; вы должны знать, что сюда не входятъ, если я не звонила. Ступайте!

— Будьте добры, продолжайте чтеніе,—прибавила императрица, обращаясь ко мнѣ.

Немного погодя, она задремала. Около половины десятаго она позвонила и спросила лакея:

— Г. Нарышкинъ все еще ожидаетъ?

— Да, ваше величество.

— Такъ полюбопытствуйте, графъ, какія важныя дѣла заставили его пріѣхать?

Мнѣ было любопытно знать, что онъ скажетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я былъ взволнованъ. Я спустился по запасной лѣстницѣ и увидѣлъ

бѣднаго Нарышкина, который въ качествѣ оберъ-гофмаршала игралъ впослѣдствіи такую видную роль при дворѣ, сидящаго на послѣднихъ ступенькахъ. Увидавъ меня, онъ всталъ; на глазахъ его появились крупныя слезы.

— Вы простите меня, надѣюсь, что я пріѣхалъ къ вамъ съ такимъ ужаснымъ порученіемъ, но я долженъ былъ повиноваться.

Человѣку, пользовавшемуся величайшемъ благоволеніемъ императрицы, было какъ-то смѣшно слышать: слово „ужасное".

— Какое же это такое ужасное порученіе, г. Нарышкинъ?

— Его высочество поручилъ мнѣ сказать вамъ, что первое дѣло, которое онъ по справедливости долженъ совершить, по вступленіи своемъ на престолъ, будетъ обезглавить васъ.

— Не слишкомъ ли онъ спѣшитъ приступить къ дѣлу? — отвѣчалъ я, смѣясь.—Затѣмъ я продолжалъ болѣе серьезно: мнѣ очень прискорбно, что на васъ возложили такое порученіе. Передайте его высочеству, что я буду имѣть честь писать ему.

— Не дѣлайте этого, онъ не терпитъ, когда ему пишутъ.

— Что дѣлать, но если я осужденъ къ смерти, то мнѣ нечего заботиться о томъ, что можетъ понравиться или не понравиться его императорскому высочеству.

Затѣмъ, тономъ человѣка, привыкшаго давать аудіенціи, я пожелалъ услужливому камергеру спокойной ночи.

На другой день я написалъ великому князю весьма почтительное, но короткое письмо, въ которомъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу постигшей меня немилости, причина которой для меня была непонятна, добавивъ, что, рискуя заслужить ее, я умоляю его высочество воздержаться отъ поспѣшныхъ сужденій и отъ преждевременныхъ приговоровъ.

Я ожидалъ одно изъ двухъ: или что его императорское высочество потребуетъ меня для объясненій, или что онъ запретитъ мнѣ попадаться ему на глаза; послѣднее было бы очень затруднительно для человѣка, который встрѣчался съ нимъ только у императрицы; но вышло иначе.

Я получилъ отъ Николаи письмо, читая которое я только пожалъ плечами. Онъ сообщалъ мнѣ, что его высочество получилъ мое письмо, но не могъ отвѣтить на него по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ былъ слишкомъ уменъ, во-вторыхъ, потому, что великая княгиня ожидала разрѣшенія отъ бремени.

На другой день императрица спросила меня, съ какимъ важнымъ порученіемъ былъ присланъ Нарышкинъ. Я умолялъ ея величество повѣрить, что оно недостойно того, чтобы она интересовалась имъ, но все было напрасно. Тогда, желая дать ей понять, насколько мое

положеніе было щекотливо, я просилъ, чтобы она „приказала" мнѣ говорить, что она тотчасъ и исполнила. Она чрезвычайно разгнѣвалась, густо покраснѣла и повторила нѣсколько разъ: „Онъ еще не дошелъ до того, чтобы могъ рѣзать головы; неизвѣстно даже, будетъ ли онъ еще когда-либо имѣть на это право. Я переговорю съ нимъ объ этомъ; это не можетъ быть терпимо. Онъ сходитъ съ ума".

Великому князю было приказано явиться на другое утро въ Царское Село, и онъ получилъ такой строгій выговоръ, что, испугавшись, какъ бывало всегда въ подобныхъ случаяхъ, онъ былъ со мною какъ нельзя болѣе любезенъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его иначе, какъ у императрицы или у него во дворцѣ, въ дни большихъ пріемовъ. Онъ былъ вѣжливъ, но не говорилъ со мною до самаго моего назначенія посланникомъ въ Неаполь; только по этому поводу онъ сказалъ мнѣ: „если это назначеніе вамъ пріятно, то поздравляю васъ". Было замѣчено, что послѣ той сцены, которую императрица сдѣлала ему изъ-за меня, онъ сдѣлался нѣсколько осторожнѣе въ обращеніи съ придворными, тѣмъ болѣе, что его другъ Ростопчинъ научилъ его не обнаруживать преждевременно своихъ помысловъ. Живя тайно въ Гатчинѣ, Ростопчинъ давалъ ему совѣты, которые были бы прекрасны, если бы въ основѣ ихъ не лежали обманъ и интриги.

Я помню, что однажды, когда въ интимномъ кругу государыни разсказывали о какой-то новой продѣлкѣ великаго князя, графъ Зубовъ сказалъ, со свойственной ему откровенностью:

— „Онъ сумасшедшій", на что императрица отвѣчала: „Я знаю это не хуже васъ, къ несчастью, онъ не настолько сумасшедшій, чтобы можно было защитить государство отъ тѣхъ бѣдъ, какія онъ ему готовитъ".

Мое пребываніе въ Неаполѣ и заключеніе въ тюрьму по возвращеніи въ Россію лишаютъ меня возможности описать подробно, какъ велъ себя великій князь въ послѣдніе два года жизни императрицы (1794—1796 гг.). Я знаю одно, что, окруженный гатчинцами, онъ жилъ почти безвыѣздно за городомъ, бывая въ столицѣ только въ торжественныхъ случаяхъ, но, получивъ извѣстіе о болѣзни ея величества, онъ поспѣшилъ переѣхать въ Петербургъ. Эта великая монархиня еще не испустила послѣдняго вздоха, какъ Ростопчинъ и графъ Шуваловъ, безъ всякаго уваженія къ умирающей, завладѣли ея спальней и впускали туда только своихъ друзей и креатуръ. Я никакъ не могъ понять, какъ графъ Зубовъ и прочіе до того потеряли голову, чтобы допустить подобное кощунство.

Прежде нежели приступить къ описанію подробностей этого необычайнаго царствованія, не касаясь политики, о которой я никогда не могъ судить, я считаю долгомъ разсказать, какъ на моихъ гла-

захъ старались испортить сердце Павла I и окончательно омрачить его умъ. Слѣдовало настаивать на томъ, чтобы онъ продолжалъ лѣченіе, предписанное ему врачемъ Фрейгангомъ, который давалъ ему ежемѣсячно слабительное во время новолунія; это лѣченіе, направленное противъ развитія желчи, дѣйствовало благотворно на его характеръ. Послѣ восшествія Павла на престолъ лѣченіе было еще необходимѣе, и его мнимые друзья должны были бы настаивать на этомъ, но императоръ, освободившись отъ страха (что онъ не будетъ царствовать), думалъ только о томъ, какъ бы властвовать какъ можно больше. Приближенные не столько заботились о здоровьѣ монарха и о связанномъ съ этимъ благополучіи его подданныхъ, какъ объ увеличеніи своихъ средствъ. Фрейгангъ былъ удаленъ отъ двора подъ предлогомъ, что онъ слишкомъ много хвасталъ; низость и злоба мелкихъ царедворцевъ окончательно погубили несчастнаго монарха, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи.

Вступивъ, наконецъ, на престолъ, онъ былъ упоенъ полнотою своей власти.

При той непослѣдовательности, коей отмѣчены всѣ начинанія этого царствованія, нѣтъ возможности объяснить, чѣмъ они были вызваны и какія имѣли послѣдствія. Будучи знакомъ съ Россіей только въ царствованіе Екатерины, тѣ познанія, какія эта государыня старалась развить во мнѣ, угасли вмѣстѣ съ нею, и я очутился вдругъ среди хаоса, среди вещей, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ. Чувствуя себя чужимъ среди лицъ, управлявшихъ государствомъ, я прожилъ это царствованіе въ какомъ-то вихрѣ, который былъ то слишкомъ блестящъ, то слишкомъ мраченъ, и поэтому мои глаза не могли приспособиться къ нему.

Первою мыслью Павла, по вступленіи на престолъ, была покрыть позоромъ память своей матери.

При дворѣ появились двѣ категоріи лицъ, до тѣхъ поръ никому неизвѣстныхъ въ Петербургѣ. Одни изъ нихъ были созданіемъ императора, другіе—вызваны имъ изъ забвенія. Первые представляли изъ себя толпу какихъ-то ничтожныхъ, вульгарныхъ личностей, одѣтыхъ въ никому невѣдомые мундиры, украшенные никому неизвѣстными орденами; это были люди безъ имени, безъ манеръ, съ дерзкой, вызывающей поступью и взглядомъ; на вопросъ, кто это такіе, получался отвѣтъ: „это гатчинцы“, т. е. люди, вымуштрованные императоромъ во время долгаго пребыванія въ Гатчинѣ и обмундированные имъ по своему вкусу. Они были до того карикатурны, что Вадковскіе, Нарышкины, Ростопчины, словомъ, всѣ любимцы царя, одѣтые такъ же, какъ остальные гатчинцы, не узнавали другъ друга съ перваго взгляда. Затѣмъ при дворѣ появилась толпа людей въ возрастѣ отъ

шестидесяти до восьмидесяти четырехъ лѣтъ, одѣтыхъ въ старые очень потертые зеленые мундиры, обшитые широкимъ золотымъ галуномъ, которые кланялись до земли при каждомъ словѣ, сказанномъ императоромъ, цѣловали ему руку при каждой его улыбкѣ и подносили ему, въ знакъ своего почтенія, какую-нибудь реликвію временъ Петра III. Во главѣ этихъ лицъ стоялъ Гудовичъ, закадычный другъ этого государя, заслужившій уваженіе Екатерины II своимъ благороднымъ и осторожнымъ поведеніемъ; онъ не захотѣлъ принять отъ нея никакихъ благодѣяній; это былъ человѣкъ не особенно умный, но благородный. Въ числѣ этихъ лицъ былъ также мой тесть, Измайловъ, капитанъ гвардіи, уволенный въ отставку въ 1762 г. Онъ преподнесъ Павлу гренадерскую треуголку и старую алебарду, получилъ право бывать на малыхъ пріемахъ, обѣдалъ и ужиналъ ежедневно съ ихъ величествами, получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, Анну I-ой степени и Александра Невскаго; сверхъ того, ему былъ пожалованъ домъ въ Петербургѣ и довольно большое имѣніе.

На первомъ пріемѣ дипломатовъ, императоръ обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „знайте, господа, что я не наслѣдовалъ распри моей матушки, я желаю чтобы вы довели это до свѣдѣнія вашихъ дворовъ“. Онъ говорилъ также: „Я человѣкъ не военный, я не вмѣшиваюсь въ управленіе и въ политику; я плачу Безбородко и Куракину, чтобы они вѣдали этими дѣлами“.

О политикѣ Павла скажу одно: когда обстоятельства заставляли его позаботиться объ истинныхъ нуждахъ государства, то ему приходилось всегда идти по стопамъ Екатерины. Его первые шаги во внутреннемъ управленіи были такъ странны, и его первыя распоряженія свидѣтельствуютъ о такомъ невѣжествѣ, что совершенно непонятно, какъ могли многіе восхвалять его, какъ поборника справедливости. Одинъ указъ, отъ котораго онъ, по своей ненависти къ матери, ожидалъ большого удовлетворенія, вызвалъ всеобщее изумленіе. Этимъ указомъ разрѣшалось требовать правосудія за прошлое и прибѣгнуть съ довѣріемъ къ подножію престола съ жалобами, о которыхъ въ предшествовавшее царствованіе приходилось молчать. Однако, никто не явился съ подобными жалобами, и никакими тайными происками не удалось никого привлечь къ подачѣ жалобъ въ комиссію, учрежденную для ихъ разбора. Нѣсколько дней спустя, временщики, составлявшіе тайный совѣтъ, желая нанести чувствительный ударъ дворянству, противъ котораго они уже начинали возбуждать императора, убѣдили его обнародовать указъ, коимъ крѣпостнымъ разрѣшалось подавать жалобы на помѣщиковъ. Это было подобно искрѣ, возжегшей яркое пламя. Волненіе, вспыхнувшее въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, вскорѣ такъ разрослось, что

князь Репнинъ былъ поспѣшно посланъ съ шестьютысячнымъ отрядомъ войска для подавленія бунта.

Русскіе историки указываютъ какъ на причину этого бунта на указъ Павла, коимъ повелѣвалось крестьянамъ присягать наравнѣ съ другими сословіями. Такъ какъ крестьяне до тѣхъ поръ не приносили присяги, то этотъ указъ былъ понятъ сельскимъ населеніемъ въ смыслѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости.

Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ указовъ, которые появлялись чуть не ежечасно, былъ одинъ такой необычайный, такой комичный по своимъ результатамъ, что съ его появленіемъ совершенно измѣнился внѣшній видъ столицы: такъ какъ большая часть жителей была не въ состояніи выполнить новое распоряженіе, то улицы опустѣли, а появлявшіеся на нихъ рѣдкіе прохожіе напоминали собою ряженыхъ во время масленицы; особенно ненавистенъ былъ этотъ указъ высшимъ классамъ. Имъ воспрещалось появляться на улицѣ въ штатскомъ платьѣ; выходить изъ дома разрѣшалось не иначе, какъ въ присвоенномъ каждому сословію мундирѣ, при шпагѣ и съ орденами, если таковые имѣлись. Строго воспрещалось носить круглыя шляпы, короткіе штаны, сапоги съ отворотами и башмаки со шнуровкой; указъ долженъ былъ вступить въ силу немедленно, такъ что ни у кого не было ни времени, ни средствъ привести его въ исполненіе; на это не было физической возможности. Одни были вынуждены сидѣть взаперти дома, другіе выходили въ чемъ попало; маленькія круглыя шляпы превращали въ треуголки, зашпиливая ихъ булавками, у фраковъ отпарывали отложные воротники и пришивали къ нимъ лацканы; штаны подвертывали и стягивали подъ колѣномъ, волосы подстригали и посыпали пудрою и нацѣпляли косу. Я придумалъ выѣзжать изъ дома только по утру въ каретѣ, уѣзжать подальше за городъ и тамъ прогуливаться въ обыкновенномъ костюмѣ. Но вскорѣ я убѣдился, что это было очень рискованно, такъ какъ, согласно обычаю, надобно было, при встрѣчѣ съ особами императорской фамиліи, выходить изъ экипажа; слѣдовательно, я рисковалъ каждую минуту быть уличеннымъ въ нарушеніи закона.

Иностранцы, въ особенности англичане, считали для себя этотъ законъ необязательнымъ, но полиція подвергала ихъ за нарушеніе его такимъ строгимъ взысканіямъ, а жалобы потерпѣвшихъ такъ часто оставались безъ послѣдствій, что и они сочли благоразумнымъ подчиниться этому требованію.

Даже франъ-масоны, коимъ Павелъ покровительствовалъ въ бытность свою великимъ княземъ и къ которымъ онъ любилъ причислять себя, считались теперь завзятыми заговорщиками, которыхъ слѣдовало искоренить.

Стараясь, съ одной стороны, уравнять людей, Павелъ жаловалъ съ другой стороны такъ поспѣшно и необдуманно знаки отличія, что они вскорѣ утратили всякое значеніе, такъ какъ раздавались безъ разбора и въ слишкомъ большомъ количествѣ. Анненскій орденъ былъ раздѣленъ на четыре степени и раздавался преимущественно гатчинцамъ. Орденъ св. Екатерины, который при покойной императрицѣ считался выдающейся наградой и былъ въ ея царствованіе пожалованъ лишь нѣсколькимъ особамъ, былъ раздѣленъ на двѣ степени и раздавался чуть не каждый день. Число придворныхъ дамъ, украшенныхъ высочайшимъ портретомъ, каковыхъ насчитывали прежде не болѣе четырехъ или пяти, возросло неимовѣрно; шифры раздавались безъ счета; фрейлинъ, имѣвшихъ шифръ, оказался вскорѣ легіонъ. Особенно щедро давались военные чины. Появились безусые генералы, и фельдмаршальскій жезлъ, который можно было получить прежде только на полѣ битвѣ, давался теперь на парадѣ. Значеніе наградъ такъ упало, что императоръ былъ самъ пораженъ этимъ. Однажды, когда князь Репнинъ хотѣлъ на парадѣ высказать по какому-то поводу свое мнѣніе, императоръ сказалъ ему:

„Господинъ фельдмаршалъ, видите ли вы этотъ караулъ? Въ немъ 400 человѣкъ. Мнѣ достаточно сказать слово, и всѣ они будутъ фельдмаршалами“. Другой разъ тому же фельдмаршалу, который, стоя въ кругу придворныхъ, слишкомъ выдвинулся, по мнѣнію императора, впередъ, Павелъ сказалъ во всеуслышаніе, въ присутствіи всего двора:

„Знайте, что въ Россіи дворянинъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я дѣлаю ему эту честь“.

Военное дѣло было единственнымъ занятіемъ императора; онъ придавалъ такое огромное значеніе параду, что все остальное зависѣло отъ того, успѣшно или нѣтъ прошелъ парадъ. Гатчинцы, организованные втайнѣ въ предъидущее царствованіе, сдѣлались инструкторами и инспекторами арміи, которой стоило большого труда забыть все, что она знала, и обучиться тому, чего она никогда не видала. Съ самыми старыми генералами Павелъ обходился какъ со школьниками. Позади императора скакали верхомъ люди, едва умѣвшіе сидѣть на лошади. Никому не пришлось такъ много терпѣть, какъ гвардіи. Въ два предшествовавшія царствованія гвардія была лишь той блестящей воинской частью, черезъ которую необходимо было пройти, чтобы получить придворную должность или видное назначеніе въ армію. Она всегда находилась въ столицѣ и участвовала въ дѣлѣ только однажды, во время переполоха, вызваннаго неожиданнымъ нападеніемъ Густава III, когда солдаты выказали удивительную храбрость, а офицеры не особенно отличились. Поэтому гвардію, пред-

ставлявшую нѣчто въ родѣ янычаръ, рѣшено было преобразовать, а для того, чтобы выполнить это успѣшно, ее стали начинять гатчинцами: послѣдніе принялись за дѣло усердно и словами да тумаками, раздавая деньги и увеличивъ мясную порцію, быстро усовершенствовали ее.

Страсть Павла ко всякаго рода церемоніямъ была такъ же велика, какъ и его пристрастіе ко всему военному. И утромъ, и вечеромъ онъ находилъ поводъ созывать придворныхъ. Ему казалось мало справлять всѣ церковныя празднества, тезоименитства царской фамиліи и орденскіе празднества. Послѣ полудня онъ торжественно отправлялся въ церковь и самъ крестилъ всѣхъ солдатскихъ дѣтей; но это ему скоро наскучило, и вмѣсто его величества эту обязанность сталъ вскорѣ исполнять оберъ-гофмаршалъ. Придворные цѣловали Павлу руку и преклоняли колѣна по всякому поводу, и это дѣлалось не такъ, какъ прежде, только для вида; императоръ требовалъ, чтобы было слышно, какъ колѣно коснется пола, хотѣлъ чувствовать, какъ ему цѣловали руку. Многимъ царедворцамъ было воспрещено появляться при дворѣ за несоблюденіе этого правила, въ чемъ многіе, я увѣренъ, оказывались виноваты скорѣе отъ смущенія, чѣмъ отъ нежеланія исполнить это высочайшее требованіе. Многихъ придворныхъ постигла та же участь за то, что они старались соблюдать нѣкоторые признаки изящества въ костюмѣ. Въ одинъ воскресный день, по окончаніи обѣдни, когда всѣ столпились вокругъ императора, его адъютантъ, которому государь шепнулъ что-то на ухо, взялъ князя Г. подъ руку, повелъ его во дворъ, вызвалъ караулъ и, посадивъ князя передъ фронтомъ на барабанъ, приказалъ барабанщику передѣлать его прическу; а императоръ и весь дворъ смотрѣли на это въ окно.

Пріѣздъ ко двору, который считался всегда большимъ отличіемъ, разрѣшался столь многимъ, что на пріемахъ его величества была настоящая давка. Всѣ эти люди цѣловали императору руку, проходя попарно между императоромъ и императрицей съ одной стороны и оберъ-гофмаршаломъ и оберъ-церемоніймейстеромъ—съ другой; эти господа допускались къ цѣлованію руки послѣдними и были отвѣтственны за шумъ и всѣ неловкости, которыя совершала толпа придворныхъ. Подходя къ государю, люди изъ страха толкали другъ друга, извинялись; другіе готовились къ ожидавшей ихъ чести, сморкались, все это производило легкій шумъ, приводившій императора въ неистовое бѣшенство. Онъ то приказывалъ намъ во всеуслышаніе научить невѣжъ уваженію, съ какимъ подобало относиться къ нему, то, разсердясь, что наши увѣщанія или, лучше сказать, наши просьбы оказывались недѣйствительными, ибо мы просили всѣхъ сжа-

литься надъ нами, онъ кричалъ своимъ гробовымъ голосомъ: „молчать“, и это заставляло умолкнуть самыхъ смѣлыхъ. Я помню однажды, когда подъ конецъ церемоніи, я поцѣловалъ въ свою очередь его руку, императоръ сказалъ мнѣ довольно добродушно, что онъ удивляется, какъ люди не умѣютъ соблюдать должное почтеніе. Полагая, что государь находится въ хорошемъ настроеніи, я сказалъ:

„Къ сожалѣнію, ваше величество, ничто не можетъ быть шумнѣе безмолвія шестисотъ человѣкъ“. При этихъ словахъ государь выпрямился и, покраснѣвъ отъ гнѣва, сказалъ:

„Вы очень дерзки, позволяя себѣ шутить, тогда какъ вы находитесь здѣсь только для того, чтобы выслушивать мои приказанія“!

Но въ общемъ онъ былъ доволенъ тѣмъ, какъ я исполнялъ свои обязанности, и часто говорилъ мнѣ:

„Вы несете свою службу съ достоинствомъ, какъ подобаетъ дворянину; если бы всѣ держали себя такъ, какъ вы, то это напоминало бы дворъ Людовика XIV. Вы никогда не теряете голову; во время церемоній мнѣ стоитъ взглянуть на васъ, чтобы знать, что слѣдуетъ дѣлать“.

Секретъ былъ въ томъ, что я никогда не боялся и рѣшилъ отомстить за униженіе, связанное съ моей жалкой должностью, держа себя такъ самоувѣренно и смѣло, чтобы внушить уваженіе даже его величеству. За то В. и С. и мой товарищъ князь Барятинскій возмущались тѣмъ, что я не потѣлъ, какъ они, отъ страха и что получалъ похвалы за исполненіе обязанностей, за которыя они получали одни выговоры.

Коронованіе было великимъ актомъ для монарха, который придавалъ такое огромное значеніе церемоніалу и, чувствуя себя обладателемъ духовной и свѣтской власти, полагалъ, что онѣ должны были соревновать, чтобы увеличить блескъ этого торжества. Это было большое событіе и для царедворцевъ, ожидающихъ за всякій свой шагъ милостей и наградъ.

Вотъ выдержка изъ моего дневника, въ которомъ все было записано мною вполнѣ точно, такъ какъ я былъ церемоніймейстеромъ.

3 апрѣля 1797 г. Репетиція церемоніала коронованія въ присутствіи императора. Эта репетиція была одной изъ любопытнѣйшихъ церемоній, на которыхъ мы присутствовали, утомляясь до изнеможенія. Императоръ велъ себя, какъ ребенокъ, который радуется предстоящему удовольствію со всей непосредственностью, какой можно ожидать въ этомъ возрастѣ. Нужно было имѣть много самообладанія и страха, чтобы не выказать на своемъ лицѣ ничего, кромѣ простого удивленія. Послѣ полудни пришлось сдѣлать вторую репетицію въ тронной залѣ для подготовленія императрицы. Когда императоръ сдѣлалъ ей знакъ,

чтобы она сѣла возлѣ него подъ балдахинъ, императрица, по невѣдѣнію или желая показать свою скромность, взошла на тронъ по боковымъ ступенямъ.

„Такъ не подобаетъ восходить на престолъ, ваше величество, спуститесь обратно и подымитесь по среднимъ ступенямъ"—сказалъ Павелъ грубымъ тономъ.

Ни у кого не было свободной минуты для исполненія самыхъ естественныхъ потребностей: всѣ съ утра до вечера были на виду и такъ какъ Москва очень раскинута и придворные помѣщались очень далеко отъ Кремля, то никто не имѣлъ физической возможности удалиться на нѣкоторое время изъ дворца. Что касается меня, то послѣдніе три дня передъ коронаціей я имѣлъ нѣсколько часовъ для отдыха только ночью; мнѣ приходилось неоднократно переодѣваться въ монастырскихъ проходахъ или въ одномъ изъ многочисленныхъ закоулковъ Кремля.

5 апрѣля. Первый день пасхи и день коронаціи. Процессія тронулась около восьми часовъ. Путь отъ дворца къ собору такъ коротокъ, что съ цѣлью удлинить его процессія обошла вокругъ большой колокольни. Императоръ былъ въ мундирѣ и ботфортахъ, императрица—въ шитомъ серебромъ парчевомъ платьѣ съ непокрытой головой. Ассистентами у императора были два великихъ князя, у императрицы—канцлеръ и фельдмаршалъ графъ Салтыковъ.

Во время этихъ нескончаемыхъ церемоній особенное вниманіе присутствующихъ обращала на себя хорошенькая Анна Ѳедоровна, супруга великаго князя Константина Павловича, которая была въ то время уже очень несчастна и вдобавокъ нездорова; она не добилась позволенія не присутствовать на торжествахъ и ей то и дѣло дѣлалось дурно. Какъ сейчасъ помню, за обѣдней въ монастырѣ, гдѣ присутствовали ихъ величества, я увидѣлъ, что она поблѣднѣла, и едва успѣлъ подхватить ее и отнести на старую могилу, гдѣ мнѣ пришлось оставить ее. Дворъ, слишкомъ занятый суетой міра сего и поэтому не обращавшій вниманія на это напоминаніе о кратковременности жизни, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я чуть не забылъ лежавшихъ на мнѣ обязанностей.

При дворѣ передавали по секрету одинъ фактъ, который можетъ показаться невѣроятнымъ, а между тѣмъ его подтверждали многочисленные свидѣтели. Говорили, будто великій князь, не любившій свою жену и находившійся въ томъ періодѣ, когда его поступки были отмѣчены наибольшей жестокостью, вздумалъ, за нѣсколько дней до коронаціи, рано утромъ, когда она еще спала, ввести въ ея спальню барабанщиковъ, которые по данному сигналу забили зорю. Великая княгиня была такъ напугана, что едва тутъ же не скончалась. Не-

обходимость скрыть этотъ фактъ отъ императора заставила ее сдѣлать сверхъестественныя усилія, чтобы появиться на торжествахъ коронаціи; но испугъ долго отзывался на ея здоровьѣ.

Придворные были до крайности утомлены коронаціонными празднествами; такъ какъ дамы должны были появляться въ фижмахъ и въ Кремлевскихъ залахъ была убрана вся мебель, то знатнѣйшія лица, мужчины и дамы, прислонялись въ изнеможеніи къ стѣнамъ, не имѣя болѣе силъ говорить. Я не удержался въ послѣдній день отъ искушенія пошутить по этому поводу надъ придворными. Въ ожиданіи высочайшаго выхода я обошелъ зало, гдѣ всѣ стояли вдоль стѣны въ ожиданіи ихъ величествъ и, дѣлая всѣмъ глубокіе поклоны, говорилъ:

„Надѣюсь, что я не скоро буду имѣть честь снова видѣть васъ".

Если бы при дворѣ Павла кто-нибудь смѣлъ смѣяться, то это вызвало бы взрывъ смѣха, въ особенности, когда супруга фельдмаршала Репнина, съ обычнымъ ей холоднымъ видомъ, сказала вовсеуслышаніе:

„Вотъ видите, можно ли вѣрить придворнымъ слухамъ? Увѣряли, будто графу Головкину запрещено, въ царствованіе его величества, говорить остроты".

Въ то время въ обществѣ мало говорили объ одномъ обстоятельствѣ, которое могло имѣть большія послѣдствія и заставило многихъ призадуматься, а именно: императоръ, какъ глава церкви, хотѣлъ отслужить обѣдню и, не рѣшаясь сдѣлать это удивительное нововведеніе въ столицѣ, рѣшилъ отслужить первую обѣдню въ Казани, куда онъ уже и намѣревался ѣхать. Были приготовлены великолѣпныя ризы. Императоръ разсчитывалъ быть духовникомъ императорской фамиліи и министровъ, но Синодъ съ удивительной находчивостью спасъ его отъ этого смѣшного шага. Какъ только императоръ заикнулся о своемъ намѣреніи, члены Синода, не выказавъ ни малѣйшаго удивленія, хотя оно было очень велико, довели до его свѣдѣнія, что по уставу православной церкви священникъ, вступившій во второй бракъ, лишается права совершать таинства. Такъ какъ Павелъ не подумалъ объ этомъ и не рѣшился, или не хотѣлъ измѣнять церковнаго устава, то ему пришлось отказаться отъ своей мысли. Онъ утѣшился тѣмъ, что сталъ надѣвать на себя во время причастія коротенькій далматикъ изъ малиноваго бархата, расшитый жемчугомъ, что при мундирѣ, ботфортахъ, длинной косѣ, большой треуголкѣ и всей его непредставительной фигурѣ представляло прелюбопытнѣйшее зрѣлище.

Коронаціонныя торжества доставляли императрицѣ не менѣе удовольствія, нежели императору. Появляться въ парадномъ туалетѣ было для нея наслажденіемъ, и ей не казалось утомительнымъ то, что было

не подъ силу другимъ дамамъ. Даже будучи беременной, она просиживала въ парадномъ платьѣ съ утра до вечера и между обѣдомъ и баломъ, затянутая въ корсетъ, писала письма, вышивала или работала съ медальеромъ Лебрехтомъ такъ же свободно, какъ другія дамы дѣлаютъ это въ домашнемъ туалетѣ. Жизнь императрицы сдѣлалась гораздо пріятнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она послѣдовала совѣту своей матери и попробовала любезнымъ обхожденіемъ снискать расположеніе Нелидовой. Такъ какъ послѣдняя не была интриганкой, не гордилась своей побѣдой и была очень умна, то она была тронута довѣріемъ государыни, которая могла смотрѣть на нее, какъ на свою соперницу, и постаралась помирить ее съ императоромъ. Смерть г. Б. успокоила его величество, который боялся попасть подъ иго своей жены, и ихъ жизнь потекла бы, видимо, вполнѣ мирно, если бы окружающіе не задумали дать Павлу фаворитку въ истинномъ смыслѣ этого слова. Одна особа [1]), принадлежавшая къ знатнѣйшей фамиліи въ Россіи, такъ какъ одна изъ ея представительницъ была возведена Петромъ I на престолъ, дама весьма легкаго поведенія, бывшая въ то время любовницей Уварова, адъютанта императора и его любимца, вздумала играть роль при дворѣ. Уваровъ и камердинеръ Кутайсовъ превозносили ее въ разговорѣ съ императоромъ. Оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ то и дѣло старался выдвинуть ее впередъ, чтобы она бросилась въ глаза государю. Это было настолько замѣтно, что встревожило императрицу и опечалило всѣхъ честныхъ людей; всѣ тѣ, кто знаетъ, какъ дѣла дѣлаются на свѣтѣ, понимали, что это еще болѣе усугубитъ непріятное положеніе. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, какъ основательны были ихъ предположенія.

Наслѣдникъ цесаревичъ, бывшій на седьмомъ небѣ, когда его отецъ вступилъ на престолъ и выказывавшій до неприличія свою радость по поводу того, что ему не придется болѣе слушаться старухи (я умалчиваю о другихъ его выраженіяхъ), увидѣлъ съ перваго же года, насколько его положеніе было отлично отъ того, какимъ пользовался Павелъ I при тѣхъ же условіяхъ Александру Павловичу было ассигновано на содержаніе 500.000 рублей въ годъ, а великой княгинѣ 150.000 руб., но кромѣ помѣщенія они ничего не получали. У великаго князя былъ свой личный дворъ, собственный столъ, лошади и за все это ему приходилось платить самому. Онъ былъ шефомъ втораго гвардейскаго полка, генералъ-инспекторомъ арміи, предсѣдателемъ военной и морской коллегій, первоприсутствующимъ Сената; это было равносильно цѣлому министерству,

[1]) Анна Петровна Лопухина.

а между тѣмъ онъ не пользовался ни малѣйшимъ авторитетомъ, и никто не заискивалъ его благоволенія. Онъ не могъ ни уволить, ни перемѣстить кого бы то ни было, ни подписать какую бы то ни было бумагу, не получивъ на то разрѣшеніе государя, которое, вдобавокъ, онъ не имѣлъ право испрашивать всякій разъ, какъ это было нужно. Его наставники, гатчинцы, относились къ нему, не какъ начальнику или какъ сыну императора, но какъ къ ученику, котораго критикуютъ и на котораго не обращаютъ вниманія. Онъ былъ заваленъ работой. Не взирая на погоду, долженъ былъ исполнять всѣ обязанности полкового командира и могъ быть увѣренъ, что у него будетъ обѣдъ только тогда, когда онъ обѣдалъ съ императоромъ; онъ спалъ всего нѣсколько часовъ, ложился въ постель рядомъ съ самой хорошенькой женщиной въ мірѣ, совершенно измученный работой, часто приходилъ въ полное отчаяніе, не смѣлъ выказать никому своего благоволенія изъ боязни, что тѣ, кого онъ отличилъ, будутъ сосланы; въ концѣ концовъ онъ понялъ истинное положеніе дѣла и горько упрекалъ себя за то, что судилъ со словъ отца такъ несправедливо о великой монархинѣ, престолъ которой ему было суждено въ свою очередь занять со временемъ; онъ убѣдился въ томъ, что все, что онъ ни дѣлалъ, было безполезно и утомительно.

Въ исходѣ перваго года зло было еще поправимо. Если бы великій князь, со свойственнымъ ему умомъ, сталъ мало-по-малу дѣйствовать смѣлѣе, ограничилъ бы фамильярность приближенныхъ и слугъ и занялся бы не мелочами военной службы, а важными отраслями администраціи, то онъ могъ бы, при всемъ почтеніи, какимъ сынъ обязанъ отцу, не нарушая обязанностей вѣрноподданнаго, пріобрѣсти значеніе, которое снискало бы ему уваженіе императора и его одобреніе; но онъ не сумѣлъ сдѣлать этого. Императоръ подмѣтилъ это и злоупотреблялъ своей властью до того, что обращался съ нимъ публично весьма грубо и этимъ лишилъ его возможности предупредить ужасную катастрофу, отъ которой его, какъ отца, должна была бы оградить любовь сына.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла при дворѣ усилилась такъ называемая нѣмецкая партія, возникшая еще при Петрѣ I и состоявшая въ послѣдующія царствованія изъ лицъ обоего пола разныхъ національностей, которыя образовали молчаливую оппозицію противъ всего и противъ всѣхъ. Въ царствованіе Павла эта партія, къ которой принадлежали: императрица, графы Паленъ, Панинъ, Петръ Головкинъ, Кампенгаузенъ, баронъ Гревеницъ, г-жа Ливенъ и др., была тѣсно сплочена и представляла большую силу.

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ въ то время вліяніе на императора, надобно упомянуть Н. П. Архарова, облеченнаго высшей полицей-

ской властью въ Петербургѣ и Москвѣ, давно уже служившаго по полиціи и какъ бы самою природою предназначеннаго для этого рода службы. Онъ первый вздумалъ властвовать надъ императоромъ и сдѣлаться ему необходимымъ, пугая его призраками крамолы, устраняя отъ него всѣхъ, кто не былъ лакеемъ по должности или по природѣ, ставя непреодолимыя преграды осуществленію всѣхъ великодушныхъ намѣреній императора, унижая его принятіемъ самыхъ недостойныхъ и безполезныхъ мѣръ предосторожности, что и доказано его кончиною.

Подъ вліяніемъ навѣтовъ Архарова, Петербургъ, въ которомъ жизнь текла нѣкогда свободно, превратился въ обширную тюрьму; улицы опустѣли, мимо дворца всѣ проходили не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ; даже старшіе сановники, пріѣзжая во дворецъ, должны были по нѣсколько разъ предъявлять разрѣшеніе полиціи.

Другой человѣкъ, также пользовавшійся особымъ благоволеніемъ Павла, могъ бы успокоить раздраженіе, въ которое эти мѣры повергали императора; быть можетъ, онъ даже дѣлалъ къ этому попытки. Это былъ Безбородко, пожалованный княземъ и великимъ канцлеромъ и имѣвшій честь предоставить императору помѣщеніе въ своемъ дворцѣ во время коронованія; его дворецъ былъ впослѣдствіи купленъ императоромъ. Но онъ былъ слишкомъ эгоистиченъ, слишкомъ поглощенъ серьезными дѣлами и низменными удовольствіями, слишкомъ остороженъ и, какъ человѣкъ невысокаго происхожденія, держалъ себя слишкомъ скромно, чтобы имѣть вліяніе на государя. Вдобавокъ онъ болѣе всего заботился о судьбѣ своего любимаго племянника Кочубея, который благодаря его стараніямъ, несмотря на свою молодость и довольно ограниченныя способности, былъ назначенъ вице-канцлеромъ, и Безбородко былъ доволенъ тѣмъ, что онъ могъ спокойно возложить на столь близкаго человѣка всю тяжесть дѣлъ, которыя при его лѣности были для него нестерпимы.

Другой человѣкъ, болѣе способный играть ту роль, которая по своей прекрасной цѣли могла прельстить многихъ, былъ князь Александръ Куракинъ, племянникъ воспитателя императора, графа Панина. Онъ былъ съ дѣтства закадычнымъ другомъ Павла, но поддерживалъ къ себѣ его благоволеніе только лестью и тѣмъ, что онъ вертѣлся постоянно у него на глазахъ; это не внушало никому опасеній. У него была страсть блистать, но не достоинствомъ и вліяніемъ, а брилліантами и расшитымъ мундиромъ, и онъ добивался видныхъ должностей только для того, чтобы имѣть лишній разъ случай выставить ихъ напоказъ. Онъ достигъ всего, чего хотѣлъ, но не сумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы склонить императора къ поступкамъ, болѣе соотвѣтствующимъ достоинству монарха.

Одно обстоятельство было причиной многихъ несчастій и событій, причину которыхъ доискивались напрасно. Императрица не была зла, между тѣмъ она сдѣлала въ это царствованіе много зла изъ желанія проявить свою власть. Добродѣтельная и дорожившая вѣрностью императора, она полагала, что надежнѣйшимъ средствомъ вернуть его любовь будетъ воспользоваться супружеской близостью, чтобы передавать ему кучу слуховъ, правдивыхъ и ложныхъ, давать ему бездну добрыхъ и дурныхъ совѣтовъ, къ которымъ онъ, со свойственной ему подозрительностью, жадно прислушивался. Въ эти минуты интимной откровенности все считалось подходящимъ. Друзья и недруги одинаково приносились въ жертву императрицей, которая, отвѣчая на настойчивые разспросы своего супруга, не щадила никого. Мнѣ говорили объ этомъ приближенные; они обратили мое вниманіе на то обстоятельство, что когда императрица говорила своему супругу вечеромъ, въ тотъ моментъ, когда онъ удалялся: „Другъ мой, мнѣ надобно бы многое сказать вашему императорскому величеству, если вы ничего не имѣете противъ этого“, то на другой день кого-нибудь всегда постигала большая или меньшая опала. Эта странная фраза рѣшала вопросъ о томъ, въ какой спальнѣ императоръ проводилъ ночь, и императрица была такъ увѣрена въ томъ, что все будетъ сдѣлано согласно ея желанію, что она умышленно не спѣшила въ тотъ день оканчивать игру.

Я все еще сомнѣвался въ томъ, что это было именно такъ, какъ мнѣ говорили, когда случилось одно обстоятельство, окончательно убѣдившее меня въ справедливости сказаннаго. Дѣло было въ Гатчинѣ. Императрица пригласила меня составить ея партію съ графомъ Пушкинымъ и Нарышкинымъ; эти господа поспорили изъ-за какого-то хода и просили меня быть судьей въ ихъ спорѣ. Я отказался: императрица со своей стороны настаивала на томъ, чтобы я высказалъ свое мнѣніе; я просилъ ее избавить меня отъ этого, но она приказала мнѣ отвѣчать. Я находилъ, что Нарышкинъ былъ не правъ, хотя императрица видимо держала его сторону. Онъ былъ обиженъ и не хотѣлъ подчиниться моему приговору. Тогда я замѣтилъ, что я не хотѣлъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ и высказался только по приказанію государыни; тѣмъ не менѣе, я считаю свое мнѣніе правильнымъ и доказаннымъ. Императрица замѣтила на это дрогнувшимъ голосомъ, что я не имѣю права упорствовать по отношенію къ тому, кто по положенію стоитъ выше меня. Я замолчалъ, почтительно опустивъ глаза. „По неволѣ замолчишь, когда нечего отвѣтить,—продолжала она, подсмѣиваясь,—ну, что бы вы могли сказать на это?“

— Я не зналъ, ваше величество, что существуетъ связь между извѣстнымъ положеніемъ и талантами.

Ужинъ прервалъ нашу партію. За столомъ, императоръ разговаривалъ только со мною. Когда встали изъ-за стола, мы продолжали игру, и императоръ подойдя ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо. Когда онъ уходилъ, императрица произнесла свою знаменитую фразу, а на другой день, въ восемь часовъ утра, мнѣ пришли сказать отъ имени государя, что его величество не терпитъ въ Россіи якобинцевъ. Съ тѣхъ поръ онъ говорилъ со мною только о дѣлахъ, касавшихся моихъ обязанностей церемоніймейстера.

Императрицѣ пришлось отказаться отъ мысли побороть вліяніе гатчинцевъ—и она не обращала вниманія на ихъ поведеніе. Благоразуміе повелѣвало ей смотрѣть на этихъ людей, образовавшихся такъ сказать на ея глазахъ, какъ на своихъ преданныхъ слугъ, но съ другой стороны она старалась удалить всѣхъ тѣхъ, кто могъ пріобрѣсти малѣйшее вліяніе на императора; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не подать повода обвинить ее въ томъ, что она устраняла отъ Павла всѣхъ и каждаго, она не упускала случая превозносить самыхъ посредственныхъ людей, восхваляя ихъ добродѣтели.

Къ числу такихъ посредственностей принадлежалъ старикъ графъ Строгановъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ. Но въ концѣ концовъ императору наскучили его выдохшіеся парижскіе анекдоты и его неспособность къ должности, которой придавали въ то время большое значеніе. Императрица старалась предотвратить грозившую ему опалу, но всѣ ея старанія были напрасны.

Въ 1799 г. императоръ, встрѣтивъ однажды Строганова на большой дорогѣ, сказалъ ему, что онъ можетъ вернуться ко двору и что ему будетъ пріятно видѣть его за своимъ столомъ.

При первомъ же свиданіи со Строгановымъ, императрица, улучивъ удобную минуту, отошла съ нимъ къ окну и сказала:

— Ради Бога, графъ, будьте крайне осторожны.

Но графъ, вспомнивъ, вѣроятно, какъ дорого стоило ему ея доброжелательное заступничество, не далъ ей договорить и прервалъ ее, сказавъ:

— Да, да, ваше величество, каждому изъ насъ слѣдуетъ быть осторожнымъ.

Лѣтомъ (1799 г.) въ то время, какъ дворъ находился въ Павловскѣ, случилось весьма важное происшествіе. Таковымъ его считали, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кои слѣдили за измѣненіями, совершившимися въ характерѣ императора.

У старика адмирала Чичагова, который въ царствованіе Екатерины II былъ такъ щедро награжденъ за ошибки, сдѣланныя имъ во время войны со Швеціей, былъ сынъ, контръ-адмиралъ, человѣкъ

способный и съ характеромъ. Онъ не понравился гатчинцамъ, которые не давали ему житья, такъ что ему ничего не осталось, какъ просить объ отставкѣ, подъ предлогомъ поѣздки въ Англію съ цѣлью женитьбы. Однако, высшее начальство не разрѣшило ему поѣздки. За него вступился посланникъ, сэръ Витвортъ. Императоръ требовалъ, чтобы онъ подалъ прошеніе о принятіи его вновь на службу. Адмиралъ согласился, но въ свою очередь требовалъ, чтобы его наказали предварительно за прежнія вины. Это происходило въ большомъ кабинетѣ. По прошествіи получаса, гробовой голосъ императора сталъ все болѣе и болѣе повышаться; наконецъ, дверь распахнулась, и адмиралъ вышелъ изъ кабинета: съ него были сорваны ордена, мундиръ на немъ былъ разодранъ, съ него даже былъ сорванъ галстухъ, но онъ былъ спокоенъ и ожидалъ рѣшенія своей участи въ передней. Явился адъютантъ императора, который набросилъ ему на плечи казацкую шинель и передалъ приказаніе отправиться прямо въ крѣпость. Выходя изъ дворца подъ строгимъ конвоемъ, Чичаговъ повернулся къ оберъ-гофмаршалу и сказалъ съ достоинствомъ:

— Г. Нарышкинъ, будьте такъ добры, достаньте въ карманѣ моего мундира пятидесятирублевую бумажку и мой бумажникъ; я не думаю, чтобы императоръ захотѣлъ отнять у меня эти деньги, а такъ какъ я не знаю, куда меня ведутъ, то онѣ могутъ мнѣ понадобиться.

Несмотря на всѣ старанія заставить его просить прощенія, Чичаговъ не хотѣлъ покориться; продержавъ его нѣсколько недѣль въ крѣпости, его освободили. Тогда онъ согласился снова поступить на службу, но такъ какъ онъ все-таки настаивалъ на поѣздкѣ въ Англію, съ цѣлью тамъ жениться, то для соблюденія приличія, его назначили командующимъ русской эскадрой, которая дѣйствовала въ то время совмѣстно съ англійскимъ флотомъ. Это доставило Чичагову громкую извѣстность. Въ царствованіе Александра I онъ былъ морскимъ министромъ, но послѣ заключенія имъ бухарестскаго мира ему было поручено командованіе западной и Дунайской арміей съ повелѣніемъ занять теченіе Березины и воспрепятствовать переправѣ французскихъ войскъ, что ему не удалось. Эта неудача, а еще болѣе вызванное ею раздраженіе и несдержанный тонъ его рѣчей были причиною его увольненія въ отставку.

17-го января 1798 г. Сенатъ получилъ для обнародованія указъ, касавшійся князя Потемкина, котораго всѣ считали давно позабытымъ. Этимъ указомъ повелѣвалось разрушить памятникъ, воздвигнутый ему императрицей въ Херсонѣ, и заявлялось, что подданный, такъ порочно управлявшій государствомъ, не заслуживалъ подобной чести.

28-го января того же года родился великій князь Михаилъ Павловичъ. Это было большимъ событіемъ при дворѣ, потому что это былъ первый сынъ императора, родившійся въ Россіи въ то время, когда его отецъ былъ на престолѣ; это событіе вызвало безконечные толки. Я помню, какъ нельзя лучше, что одно лицо спрашивало, не будетъ ли новорожденный, какъ сынъ царствующаго императора, имѣть право на престолъ предпочтительно передъ его старшими братьями, родившимися въ то время, когда Павелъ былъ великимъ княземъ; мнѣнія по этому поводу раздѣлились. Между тѣмъ, его величество рѣшилъ, что появленіе на свѣтъ и крестины новорожденнаго должны были, дѣйствительно, сопровождаться такимъ церемоніаломъ, который показалъ бы разницу, существующую между сыномъ императора и сыномъ наслѣдника престола.

На мою долю выпала самая трудная и самая смѣшная обязанность, а именно: мнѣ было приказано въ тотъ моментъ, когда императрица разрѣшилась отъ бремени, торжественно извѣстить объ этомъ событіи дипломатическій корпусъ. Я останавливаюсь на этомъ фактѣ не потому, что онъ касается меня лично, а потому, что онъ даетъ возможность составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ повліяла на всѣхъ эта система извѣщенія, принятая правительствомъ.

Было уже за полночь, когда я выѣхалъ изъ Зимняго дворца въ парадной каретѣ съ семью зеркальными стеклами и отправился странствовать по столицѣ; былъ сильнѣйшій морозъ, такъ что для человѣка, менѣе крѣпкаго здоровьемъ, эта поѣздка, при данныхъ обстоятельствахъ, могла бы оказаться пагубной. Въ этотъ поздній часъ всѣ ворота были наглухо заперты и, несмотря на всю важность даннаго мнѣ порученія, не было никакой надежды проникнуть въ домъ иначе, какъ послѣ долгаго ожиданія. Но это еще полбѣды: сначала нужно было добиться того, чтобы открыли ворота. Дворники, завидѣвъ придворную ливрею, относились недовѣрчиво, только пріотворяли калитку и отвѣчали, что всѣ спятъ. Приходилось говорить имъ, что я пріѣхалъ отъ имени императора и что мнѣ нужно видѣть хозяина дома.

— Да всѣ спятъ.

— Такъ разбуди лакея и скажи ему отъ моего имени, что мнѣ нужно говорить съ нимъ.

— Да онъ спитъ въ уборной его превосходительства.

— Дѣлай, что тебѣ приказываютъ.

Такимъ образомъ, исполняя данное мнѣ порученіе, нужно было проникнуть въ помѣщеніе, доступъ въ которое оказывался довольно затруднительнымъ. Тутъ начиналось снова совѣщаніе: будить или не будить его превосходительство? А что, если пріѣхали арестовать!

Наконецъ, лакей одѣвался, спускался и, дрожа отъ холода и подойдя, чуть живъ отъ страха къ дверцамъ, начиналъ съ того, что „его превосходительство спитъ, и онъ не смѣетъ будить его".

— Я пріѣхалъ по высочайшему повелѣнію и приказываю тебѣ сказать ему, что я иду наверхъ.

Лакей удалялся, весь дрожа. Почти во всѣхъ домахъ разыгрывалась одна и та же сцена, только въ двухъ домахъ посланники рѣшительно отказались принять меня, приказавъ сказать, что они нездоровы. Другіе, заставивъ меня долго ждать, принимали меня въ залѣ, при чемъ одни держали себя гордо, а другіе—крайне смущенно. Счастливѣе всѣхъ были тѣ, къ кому я добрался только на слѣдующее утро, ибо я ѣздилъ такъ долго, что вернулся въ Зимній дворецъ съ донесеніями лишь въ одиннадцатомъ часу утра.

Можно себѣ представить, какъ бы всѣ отозвались о моей поѣздкѣ, если бы кто-нибудь смѣлъ высказать свое мнѣніе. Что касается меня, то я скоро забылъ свое утомленіе, утѣшаясь мыслью, что императоръ, которому я разсказалъ объ испытанныхъ мною затрудненіяхъ, заключитъ изъ этого о чувствахъ, какія онъ внушалъ къ себѣ. Я старался, однако, дать ему понять, до какой степени забавно было это приключеніе, какъ уморительны были эти иностранные слуги, еле живые отъ страха, и эти полуодѣтые дипломаты, какъ все это было оскорбительно для моего достоинства и, наконецъ, какъ я и бѣдные придворные лакеи страдали отъ страшнаго мороза.

Возвращаюсь къ императрицѣ, для которой эти роды имѣли очень печальныя послѣдствія. Физически, она подвергалась, какъ и во всѣ предыдущіе разы, большой опасности, вслѣдствіе пагубной привычки сильно затягиваться во время беременности, чтобы сохранить талію, что, несмотря на полноту, ей удалось какъ нельзя лучше. Впрочемъ, императрица не подверглась этотъ разъ большей опасности, какъ всѣ предыдущіе девять разъ, но друзья императора, у которыхъ, какъ мы увидимъ далѣе, былъ составленъ цѣлый планъ, замѣшали въ дѣло акушера, выписаннаго изъ Геттингена. Этотъ господинъ, относившійся, разумѣется, совершенно равнодушно къ послѣдствіямъ, какія могли имѣть его слова, заявилъ, что, въ виду плодовитости императрицы, можно было опасаться, что у нея будутъ еще дѣти, а это, по его словамъ, неминуемо должно было окончиться ея смертью.

Былъ ли императоръ посвященъ въ заговоръ или нѣтъ, какъ бы то ни было, онъ былъ очень встревоженъ приговоромъ врача и заявилъ, что жизнь императрицы для него дороже всего и что, изъ любви къ ней, онъ сочтетъ долгомъ не подвергать ее болѣе опасности, тѣмъ болѣе, что Господь даровалъ ему многочисленную семью

и государство не можетъ продъявлять къ нему въ этомъ отношеніи никакихъ требованій. Императрица, какъ всѣ добродѣтельныя женщины, очень дорожившая исполненіемъ своихъ супружескихъ обязанностей, была огорчена этимъ великодушнымъ рѣшеніемъ, обозвала нѣмецкаго профессора невѣждою и нахаломъ, но дѣло отъ этого не измѣнилось. Профессоръ уѣхалъ, щедро вознагражденный и осыпанный подарками, и ихъ величества съ этого дня имѣли отдѣльныя спальни, что очень не нравилось приближеннымъ императрицы и нѣсколько успокоило тѣхъ, кои не пользовались ея расположеніемъ.

Нѣсколько дней спустя, возвратился изъ Венеціи Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, долгое время бывшій тамъ посланникомъ. Это былъ человѣкъ болѣзненный и не имѣвшій большого вѣса; онъ не преувеличивалъ своего значенія и полагая, что его отсутствіе не будетъ замѣчено, счелъ себя въ правѣ отдохнуть нѣсколько дней послѣ такого длиннаго путешествія. Но императоръ, знавшій обо всемъ изъ донесеній полиціи, взглянулъ на это дѣло иначе. Можно было не придавать себѣ значенія, но нельзя было отказываться отъ соперничества съ тѣми, кто спѣшилъ засвидѣтельствовать императору свое почтеніе. Не имѣя возможности наказать Мордвинова за то, что онъ былъ утомленъ и, тѣмъ не менѣе, не желая терять случая унизить его и огорчить—это называлось поддержать порядокъ,—императоръ приказалъ разослать во всѣ дома объявленія, что полиція будетъ очень благодарна, если кто-нибудь укажетъ правительству мѣсто жительства того бѣдняги, который появился на одинъ день и затѣмъ исчезъ и для котораго уединеніе имѣло такую прелесть, что, едва показавшись въ столицѣ, онъ пропалъ безслѣдно.

Нѣсколько дней спустя, пронесся слухъ о дерзкой выходкѣ герцога Голштинскаго, которая не надѣлала шума только потому, что объ ней не смѣли говорить. Герцогъ Голштейнъ-Бекскій былъ маленькій, очень невзрачный человѣкъ; онъ жилъ въ Кенигсбергѣ очень скромно съ женой и дѣтьми, и въ виду своихъ стѣсненныхъ обстоятельства брался за все, занимался даже земледѣліемъ и пописывалъ книжки. Онъ былъ генералъ-майоромъ прусской службы въ то время, когда императоръ вступилъ на престолъ. Павелъ пригласилъ его въ Петербургъ, гдѣ ему былъ оказанъ отличный пріемъ, хотя отъ него разило пивомъ и трубкой. Онъ сразу былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, назначенъ командиромъ Павловска и Гатчины и командиромъ пѣхотнаго полка, который былъ на очень хорошемъ счету. Императоръ такъ пристрастился къ нему, что называлъ его не иначе, какъ „принцъ моей крови“. Но этому принцу крови нужно было очень много денегъ, чтобы уплатить долги и обезпечить дѣтей, у которыхъ не было никакихъ средствъ къ жизни, такъ что его

старшая дочь была вынуждена выйти замужъ за силезскаго генерала, барона Рихтгофена. Видя, что его кормятъ одними обѣщаніями и что онъ можетъ разсчитывать при русскомъ дворѣ только на одни почести и утомленія, онъ попросилъ уволить его на шесть мѣсяцевъ въ отпускъ, чтобы повидать жену, но, едва переѣхавъ границу, онъ послалъ прошеніе объ отставкѣ, обращаясь къ императору какъ равный къ равному; Павелъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, но не имѣлъ возможности отомстить ему.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ семейной жизни императора установился новый режимъ, императрица какъ будто пріобрѣла нѣкоторое вліяніе, словно императоръ хотѣлъ утѣшить ее за разлуку, признанную имъ необходимой, оказывая ей особое вниманіе и довѣріе. Онъ то совѣтовался съ нею, то давалъ ей какое-нибудь дипломатическое порученіе. Нелидова руководила ею въ самомъ трудномъ: въ ея поведеніи по отношенію къ императору; но и сама Нелидова начала выказывать нѣкоторую нервность. Сблизившись вначалѣ изъ благоразумія, онѣ сошлись теперь еще ближе для защиты своихъ интересовъ. Въ то время уже ни для кого не было тайной, что приближенные императора настойчиво старались побѣдить его нравственные принципы и склонить его къ тому, чтобы онъ взялъ себѣ оффиціальную даму сердца. Можно было даже догадатся, кому именно предназначалось играть эту видную, но не почетную роль; но вся эта интрига или весь этотъ романъ—ибо императоръ предпочиталъ романъ простому случаю—еще только подготовлялся; поэтому было бы благоразумнѣе удержать императора на краю пропасти, давая ему доказательства уваженія и преданности; это согласовалось бы болѣе съ высокимъ положеніемъ, которое занимала императрица, и съ умомъ ея друга. Но человѣческія страсти, подобно снѣжной лавинѣ, растутъ, встрѣчая на своемъ пути препятствія.

25-го іюля разразилась буря. Около десяти часовъ императоръ позвалъ къ себѣ наслѣдника престола и приказалъ ему отправиться къ императрицѣ и отъ его имени запретить ей вмѣшиваться впредь въ дѣла. Великій князь отказался исполнить это порученіе, хотѣлъ дать понять все неприличіе его и попытался заступиться за мать; но Павелъ, внѣ себя отъ гнѣва, воскликнулъ:

„Я думалъ, что я потерялъ только одну жену, но я вижу, что я потерялъ также и сына“.

Великій князь, въ слезахъ, упалъ къ его ногамъ, но не могъ смягчить его гнѣва.

Его величество отправился къ императрицѣ, и между ними произошла бурная сцена; говорятъ даже, что если бы великій князь не вошелъ въ комнату и не защитилъ мать своей особой, то нельзя сказать, какія послѣдствія имѣло бы это объясненіе.

Несомнѣнно одно, что Павелъ заперъ ее на ключъ, и она просидѣла взаперти три часа. Нелидова, считая себя въ силахъ умѣрить гнѣвъ императора, отправилась къ нему, но вмѣсто того, чтобы успокоить его, имѣла неосторожность осыпать его упреками, что очень странно со стороны женщины, такъ хорошо изучившей его характеръ; она начала доказывать всю его несправедливость по отношенію къ такой добродѣтельной и достойной уваженія женщинѣ, какова была императрица, и увлеклась до того, что сказала, между прочимъ, что ее обожаютъ придворные и народъ (это было невѣрно само по себѣ и очень опасно говорить въ тотъ моментъ), а что на него смотрятъ какъ на тиранна, и что онъ служитъ посмѣшищемъ для тѣхъ, кои не трепещутъ передъ нимъ. Словомъ, изобразила его извергомъ и тиранномъ.

Изумленіе императора, заставившее его вначалѣ хладнокровно выслушать все это, скоро уступило мѣсто неистовому бѣшенству.

„Я знаю,—воскликнулъ онъ,—что я окруженъ неблагодарными людьми, но я возьму въ руки желѣзный скипетръ, и онъ поразитъ васъ первую; извольте выйти вонъ!".

Какъ только Нелидова вышла изъ кабинета, ей было передано повелѣніе императора удалиться отъ двора. Кажется даже, что она была сослана въ замокъ Лодэ въ Эстляндіи.

Оба князя Куракины, вице-канцлеръ и генералъ-прокуроръ, генералъ Нелидовъ, его племянникъ и т. д. были уволены въ отставку; чтобы довершить униженіе императрицы, брадобрей Кутайсовъ, назначенный егермейстеромъ, который былъ причиною всѣхъ ея бѣдствій и котораго она ненавидѣла, получилъ въ день ея ангела орденъ Александра Невскаго.

Между тѣмъ, прибывшему изъ Раштадта графу Кобенцелю императоръ сказалъ по окончаніи аудіенціи:

„Если вы имѣете пакеты для передачи императрицѣ, отдайте ихъ мнѣ при всѣхъ, въ то время, какъ я пойду къ столу, такъ какъ обстоятельства измѣнились. Императрица болѣе ни во что не вмѣшивается".

Это откровенное заявленіе должно было показаться весьма страннымъ и привело посланника въ большое замѣшательсто. При отъѣздѣ за границу, онъ велъ, по повелѣнію императора, переговоры только съ императрицей и давалъ ей разъясненія, которыя могли быть сдѣланы только съ глаза на глазъ.

Изъ всего этого выводили заключеніе, что императрица будетъ переходить отъ милости къ опалѣ и отъ опалы къ милости и что при каждой перемѣнѣ будутъ смѣняться министры и высшія должностныя лица. Дальнѣйшія событія вполнѣ подтвердили справедливость этого предсказанія.

Нижеслѣдующій фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велика сила воспитанія. Утромъ, на другой день послѣ описаннаго происшествія, императоръ, возвращаясь съ развода, встрѣтилъ у дворца Нелидову и г-жу Б., которыя отправлялись въ ссылку. Его величество поспѣшно надѣлъ снятую уже перчатку и стоялъ, держа въ рукѣ шляпу до тѣхъ поръ, пока ихъ карета не отъѣхала.

Наканунѣ произвелъ при дворѣ большой переполохъ одинъ фактъ, самъ по себѣ не имѣвшій значенія, но любопытный въ связи съ прочими событіями.

За обѣдней, дьяконъ, поминая на эктеньѣ царскую фамилію, дойдя до великаго князя Константина Павловича, провозгласилъ не великаго князя, а „благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя“ (très haut et très puissant empereur). Разгнѣванный императоръ повелѣлъ немедленно уволить его. По правдѣ сказать, несчастный дьяконъ могъ бы найти болѣе подходящій моментъ для этой выходки.

Императоръ, еще во время коронаціи, удостоивалъ особаго вниманія старшую дочь московскаго сенатора Лопухина. Въ описываемое время онъ пожелалъ снова видѣть ее.

По его мнѣнію, чтобы походить на Франциска I, Генриха IV или Людовика XIV, ему было необходимо имѣть оффиціальную даму сердца или, лучше сказать, „предметъ страсти нѣжной“; хотя Анна Петровна Лопухина не была ни особенно хороша собой, ни увлекательна, но, по мнѣнію Павла, она обладала всѣми нужными качествами, чтобы играть эту роль.

Эпизодъ съ Лопухиной—одинъ изъ любопытнѣйшихъ въ царствованіе Павла I, даже если допустить, что его отношенія къ предмету его „нѣжной страсти“ были чисто платоническія.

Императоръ встрѣтился съ Лопухиной впервые на балу, въ Москвѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1798 г. Приближенные обратили вниманіе императора на эту красивую особу. „Ваше величество вскружили ей голову“,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 1-го августа, отецъ Анны Петровны имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ царскому столу. Недѣлю спустя, онъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ.

26-го августа ему былъ пожалованъ великолѣпный подарокъ—роскошный домъ покойнаго адмирала Рибаса, на набережной. 23-го августа онъ бытъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. 6-го сентября произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ тотъ же день его жена была пожалована въ статсъ-дамы. „Эта страсть напоминаетъ времена рыцарства,—писалъ графъ Ростопчинъ графу Воронцову, 2-го ноября 1798 г.;—императоръ никогда не ви-

дится съ нею иначе, какъ въ обществѣ или въ присутствіи ея мачихи". Не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ Лопухину былъ пожалованъ княжескій титулъ со званіемъ „свѣтлѣйшаго", въ награду за его „вѣрную и ревностную службу". Вновь пожалованный князь получилъ кромѣ того: 1) великолѣпное имѣніе съ 8.000 душъ крестьянъ; 2) портретъ его величества, 3) орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго 1 ст., 4) орденъ Андрея Первозваннаго, осыпанный брилліантами. Несмотря на все это, добродѣтель А. П. Лопухиной, по увѣренію русскихъ историковъ, осталась непоколебима. Она отвергла всѣ предложенія императора и заявила ему, наконецъ, что она любитъ князя Гагарина. Павелъ великодушно согласился на этотъ бракъ. Бракосочетаніе совершилось въ присутствіи всего двора, и г-жа Гагарина была, если не фаворитка, то, во всякомъ случаѣ, другомъ императора, который осыпалъ ее вниманіемъ. Эта идиллическая привязанность не обходилась безъ маленькихъ ссоръ, но обыкновенно добрыя отношенія ничѣмъ не нарушались.

„Надобно сказать,—пишетъ Головкинъ,—что всѣ тѣ, кои хотѣли развратить императора,—одни съ цѣлью устранить его отъ дѣлъ, другіе, чтобы воспользоваться тѣми доходными статьями, которыя могли быть вызваны новой привязанностью Павла, наконецъ, третьи, съ цѣлью обезпечить себѣ безнаказанность своихъ собственныхъ увлеченій, дѣйствовали съ неослабной энергіей, пока имъ не удалось привести въ исполненіе свой позорный планъ, который увѣнчался полнымъ успѣхомъ, благодаря молчаливому попустительству старыхъ слугъ и безчисленнымъ неловкостямъ, сдѣланнымъ самой императрицей.

Физіономія двора совершенно измѣнилась. Императорская фамилія играла отнынѣ только роль декорацін на сценѣ, гдѣ главная роль принадлежала торжествующей фавориткѣ. Министры обращали къ ней свои взоры, блуждавшіе до тѣхъ поръ, подобно мыслямъ ихъ монарха. Всѣмъ извѣстные взгляды отца новаго идола были для нихъ предметомъ новой тревоги, а его проницательный умъ, въ связи съ нѣкоторымъ административнымъ талантомъ, дѣйствительно, могъ внушать нѣкоторое опасеніе честолюбцамъ. При дворѣ появились новыя лица, между прочимъ князь Гавріилъ Гагаринъ, старый другъ Лопухина, бывшій любовникъ г-жи Лопухиной и, слѣдовательно, отецъ Анны Петровны, который своимъ умомъ и своей глубокой безнравственностью немало способствовалъ укрѣпленію новой партіи. При дворѣ все измѣнилось, и придворные были бы совершенно сбиты съ толку, если бы ихъ изумительная гибкость и умѣніе приспособляться не помогли имъ оріентироватъся въ первый моментъ. Они привыкли къ фаворитамъ. Чтобы снискать ихъ благосклонность, достаточно было

низкопоклонства, но фаворитка была божествомъ иного рода. Передъ нею нужно было не только преклоняться, за нею нужно было ухаживать. Насколько припоминаю, меня одного не видали у Лопухиной. Пользуясь этими обстоятельствами, лучше всего устроилъ свои дѣла повѣренный сердечныхъ тайнъ Павла Кутайсовъ, который уже былъ егермейстеромъ и имѣлъ Анненскую ленту. Несмотря на свое круглое невѣжество, онъ мечталъ стать министромъ и хотя онъ таковымъ не былъ, но не проходило дня, чтобы министры не совѣщались съ нимъ".

„Въ началѣ 1799 г. особое значеніе имѣли три женщины, которыя знали другъ друга только по имени и раздѣляли, такимъ образомъ, верховную власть, не имѣя возможности дѣйствовать съ общаго совѣта.

Первою изъ нихъ была г-жа Герберъ, сначала гувернантка, а впослѣдствіи компаньонка А. П. Лопухиной. Довольно молодая и красивая, она была замужемъ за братомъ фаворитки. Присутствуя при ежедневныхъ посѣщеніяхъ императора, она сразу увидѣла, какія выгоды можно было извлечь изъ этихъ обстоятельствъ. Когда княгиня Екат. Ѳед. Долгорукова обратилась къ ней однажды съ просьбою похлопотать объ освобожденіи ея отца, князя Барятинскаго, томившагося въ ссылкѣ, и подарила ей брилліанты, то князь вскорѣ былъ возвращенъ. Мужъ г-жи Герберъ получилъ современемъ хорошее мѣсто въ Казани, куда она уѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Вторая вліятельная дама была Шевалье, примадонна комической оперы и фаворитка Кутайсова. Благодаря своей власти надъ Кутайсовымъ, въ свою очередь имѣвшаго большое вліяніе на императора, она могла вліять на дѣла управленія. Она была хорошая женщина и не стала бы злоупотреблять своей властью, но ея мужъ, балаганный плясунъ, отъявленный якобинецъ, которому было разрѣшено носить мундиръ Мальтійскаго ордена, соединялъ съ нахальствомъ, свойственнымъ подобнаго рода людямъ, необычайную жадность, рѣдко встрѣчающуюся даже среди нихъ. Князь Шереметевъ далъ ему двадцать тысячъ рублей, чтобы получить мѣсто директора театра.

Третья дама была юная Gascoygne, дочь старика доктора, англичанина, по фамиліи Гютри; она была женою шотландца, директора Олонецкихъ заводовъ и любовницей князя Лопухина, отца фаворитки. Ея отецъ, ужаснѣйшій шарлатанъ, начиналъ всегда разговоръ со словъ „мы, ученые" и т. д.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка. Въ статьѣ „Записки графа Ѳ. Г. Головкина", кн. январь, вкрались опечатки: на стр. 182, 14 строка сверху напечатано: чтеніемъ вслухъ г-жей Лафермьеръ,—слѣдуетъ читать *г. Лафермьеръ*; на стр. 182, 18 строка сверху напечатано: была уволена Лафермьеръ,—слѣдуетъ читать: *былъ уволенъ Лафермьеръ*.

Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ.

Ни одна книга не производила за послѣднее время такой сенсаціи, какъ появившіеся въ октябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года, въ Штутгардтѣ, мемуары третьяго имперскаго канцлера, князя Хлодвига Гогенлоэ, разошедшіеся въ короткое время въ трехъ изданіяхъ.

Огромный интересъ этихъ воспоминаній, которыя написаны въ формѣ дневника и не представляютъ что-либо цѣлое, а состоятъ изъ отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній, заключается въ томъ, что въ нихъ изложенъ съ большой полнотою и опредѣленностью вопросъ о выходѣ въ отставку князя Бисмарка и между прочимъ опубликована бесѣда совершенно частнаго, интимнаго характера, происходившая по этому поводу между авторомъ мемуаровъ и императоромъ Вильгельмомъ II, обстоятельство, вызвавшее негодованіе германскаго императора, который выразилъ его въ нижеслѣдующей телеграммѣ къ князю Филиппу—старшему въ родѣ Гогенлоэ:

„Я только-что прочелъ съ крайнимъ изумленіемъ и негодованіемъ опубликованную бесѣду самаго интимнаго и частнаго характера между твоимъ отцомъ и мною по поводу выхода въ отставку князя Бисмарка. Какимъ образомъ могло случиться, что подобный матеріалъ былъ преданъ гласности безъ предварительнаго на то испрошенія моего согласія? Я вынужденъ назвать подобный поступокъ крайне безтактнымъ, некорректнымъ и необдуманнымъ, могущимъ повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія. Является неслыханнымъ дѣломъ, чтобы событія, касающіяся нынѣ царствующаго государя, печатались безъ его согласія".

Въ отвѣтъ на это, князь Филиппъ телеграфировалъ императору, что онъ совершенно непричастенъ къ дѣлу опубликованія мемуаровъ его отца, которые были оставлены его второму сыну, Александру,

президенту Эльзаса: у него хранились и онъ, еще по желанію отца, поручилъ редактированіе и изданіе ихъ профессору Курціусу; послѣдній подготовивъ ихъ къ печати, помѣстилъ, до выхода въ свѣтъ полнаго изданія мемуаровъ, отрывки изъ нихъ въ „Deutsche Revue“, гдѣ съ ними познакомился императоръ Вильгельмъ. Такова исторія этихъ мемуаровъ.

То мѣсто, которое вызвало столь сильное неудовольствіе Вельгельма II и его опасенія за „неисчислимыя послѣдствія“, какія могло имѣть это разоблаченіе, касается весьма любопытнаго фазиса внѣшней политики Германіи въ девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія, любопытнаго въ особенности для насъ, такъ какъ онъ былъ поворотнымъ пунктомъ огромной важности въ международной политикѣ Германіи, а именно—вопроса о дальнѣйшемъ ея отношеніи къ Австріи и къ Россіи.

Послѣ берлинскаго конгресса, на которомъ Бисмаркъ предалъ интересы Россіи, онъ до конца своей политической дѣятельности старался объ одномъ: какъ-нибудь наладить отношенія съ Россіей, испорченныя берлинскимъ трактатомъ, настаивалъ на заключеніи соглашенія съ ней и на предоставленіи Австріи самой себѣ, въ случаѣ ея столкновенія съ Россіей, а императоръ Вильгельмъ II, по словамъ князя Гогенлоэ, не соглашался со взглядами своего канцлера, и когда въ 1890 г. зашла рѣчь объ оккупаціи Болгаріи русскими войсками, что было бы равносильно объявленію Россіей войны Австріи, то молодой германскій императоръ, какъ вѣрный союзникъ Австріи, рѣшилъ стать на сторону этой послѣдней, „хотя бы изъ-за этого пришлось вести войну на два фронта, съ Россіей и Франціей“.

По увѣренію князя Гогенлоэ, который, какъ человѣкъ близкій къ Вельгельму II и къ Бисмарку и какъ имперскій канцлеръ, могъ быть хорошо освѣдомленъ, это разногласіе и было главнымъ образомъ причиною отставки желѣзнаго канцлера.

Цѣнность разоблаченій, дѣлаемыхъ княземъ Гогенлоэ, достовѣрность которыхъ остается на его отвѣтственности, увеличивается тѣмъ, что они остались фактически не опровергнуты Вельгельмомъ II. Порицая въ вышеупомянутой телеграммѣ поступокъ издателя, онъ не опровергалъ, даже косвенно, вѣрность самаго историческаго факта, сообщаемаго въ мемуарахъ.

Эти разоблаченія вызвали большую тревогу въ Болгаріи; вся болгарская печать посвятила имъ обширныя статьи, комментируя ихъ на всевозможные лады, и нѣкоторые, недружелюбные Россіи органы поспѣшили обвинить балканскую политику въ завоевательныхъ стремленіяхъ и называли императора Вильгельма спасителемъ Болгаріи.

Въ то же время толки, вызванные появленіемъ мемуаровъ князя Гогенлоэ, побудили наслѣдниковъ Бисмарка напечатать нѣсколько выдержекъ изъ необнародованнаго до сихъ поръ третьяго тома его воспоминаній [1]), обнимающаго періодъ его разрыва съ императоромъ Вильгельмъ II.

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, по этому поводу Бисмаркъ:

„Мое рѣшеніе выйти въ отставку подкрѣплялось убѣжденіемъ въ невозможности защищать внѣшнюю политику его величества, такъ какъ, несмотря на мое довѣріе къ тройственному союзу, я не упускалъ изъ виду, что въ будущемъ онъ могъ перестать удовлетворять своей цѣли.

„Въ Италіи монархія не покоится на прочныхъ основахъ; доброму согласію между ней и Австріей служитъ угрозою ирредентизмъ. Въ Австріи, несмотря на довѣріе, внушаемое царствующимъ императоромъ, общественное мнѣніе могло бы видоизмѣниться. Что же касается Венгріи, то съ увѣренностю полагаться на нее было бы неосновательно. Между Венгріей и Австріей могутъ возникнуть раздоры, въ которыхъ намъ не слѣдовало бы принимать участія. Вслѣдствіе всего этого я постоянно придерживался взгляда, что не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ подрывать устоевъ того моста, который перекинутъ между Россіей и Германіей. Мнѣ кажется, что я настолько убѣдилъ императора Александра III въ нашемъ миролюбіи, что у меня рѣшительно нѣтъ основаній бояться войны съ Россіей, войны, отъ которой мы ничего бы не выиграли, даже если бы оказались побѣдителями“.

По словамъ Бисмарка, это коренное разногласіе по вопросамъ внѣшней политики и послужило главной причиной его разлада съ Вельгельмомъ II, закончившагося разрывомъ и отставкой канцлера, что вполнѣ согласуется съ изложеннымъ въ мемуарахъ Гогенлоэ, къ содержанію которыхъ, поскольку они имѣютъ отношеніе къ Россіи, мы теперь переходимъ.

В. Тимощукъ.

Авторъ мемуаровъ, князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ родился въ Ротенбертѣ на Фульдѣ въ 1819 г. Изучивъ право, онъ вступилъ въ прусскую государственную службу. Его дѣятельность была самая разнообразная: въ 1846 г. онъ былъ членомъ верхней баварской палаты; въ 1866 г.—баварскимъ первымъ министромъ и

[1]) Съ содержаніемъ первыхъ двухъ томовъ интересныхъ записокъ князя Бисмарка: „Мысли и воспоминанія“ читатели „Русской Старины“ знакомы по пространнымъ выдержамъ, помѣщеннымъ въ приложеніи къ журналу за 1900 годъ.

министромъ иностранныхъ дѣлъ и ревностнымъ сторонникомъ объединенія Германіи; по провозглашеніи имперіи онъ былъ первымъ вице-президентомъ рейхстата; въ 1874 г. занялъ отвѣтственный постъ германскаго посла въ Парижѣ. Назначенный въ 1885 г. намѣстникомъ Эльзасъ-Лотарингіи, онъ старался примирить населеніе съ нѣмецкимъ владычествомъ и онѣмечить эльзасцевъ.

Послѣ удаленія Каприви, замѣнившаго Бисмарка, Гогенлоэ былъ назначенъ его пріемникомъ. „Въ это время онъ уже былъ дряхлымъ, глуховатымъ старикомъ и отличался полнымъ отсутствіемъ самостоятельности мнѣній и лишь безпрекословно исполнялъ волю императора, который весьма мало справлялся съ его мнѣніемъ и когда Вильгельмъ II рѣшилъ вопросъ о китайской экспедиціи, не увѣдомивъ о томъ канцлера, то Гогенлоэ подалъ въ отставку".

Князь Хлодвигъ Гогенлоэ былъ женатъ на дочери князя Лудвига Сайнъ-Витгенштейнъ-Белребурга, владѣвшаго въ Россіи обширными помѣстьями [1]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1851 г. онъ отправился со своей супругой въ Россію, гдѣ провелъ полтора года, живя зимою въ Петербургѣ, а весною и лѣтомъ въ роскошномъ имѣніи Витгенштейновъ на берегу Виліи; къ сожалѣнію, за это время въ его дивникѣ не сохранилось никакихъ записей; но изъ писемъ къ роднымъ видно, что „величественное безмолвіе дремучихъ лѣсовъ и необозримыхъ полей" Литвы произвели на него сильное впечатлѣніе.

Семь лѣтъ спустя, Гогенлоэ побывалъ вторично въ имѣнія Витгенштейновъ.

„22-го сентября (1860 г.) записалъ онъ, мы были приглашены на обѣдъ къ генералъ-губернатору Назимову,—который живетъ въ звѣринцѣ, прехорошенькомъ загородномъ домѣ на берегу Виліи. Насъ пригласили къ четыремъ часамъ, но мы нѣсколько запоздали. Впрочемъ, мы сѣли за столъ въ половинѣ шестого. Генералъ-губернаторъ невысокаго роста съ густыми торчащими бровями и большими усами. Онъ старается придать себѣ воинственный видъ, но въ сущности это—недалекій, добродушный господинъ. Его жена была когда-то красавицей и сохранила остатки прежней красоты. У нея очень умные, ласковые глаза; въ домѣ все держится ею. Обѣдъ былъ неважный и плохо сервированъ. Такъ какъ по русскимъ понятіямъ князь, не занимающій никакого служебнаго положенія и не имѣющій чина, не имѣетъ никакого значенія, то бывшіе тутъ два вице-губернатора, какъ только было доложено, что обѣдъ поданъ, подскочили къ дамамъ и предложили имъ руку; я послѣдовалъ за ними съ хозяиномъ дома

[1]) Княгиня Марія Гогенлоэ наслѣдовала въ 1887 г. эти имѣнія отъ своего брата князя, Петра Сайнъ-Витгенштейна, но ни она, ни ея сынъ Морицъ не могли, по русскимъ законамъ, оставить эти имѣнія за собою.

и съ Петромъ [1]). За обѣдомъ я сидѣлъ подлѣ генералъ-губернатора, который говорилъ все время величайшія несуразности по вопросамъ высшей политики; слѣва отъ меня сидѣла молодая дѣвушка, болтавшая со своей сосѣдкой на разныхъ языкахъ. Послѣ обѣда мы гуляли въ паркѣ, среди котораго стоитъ генералъ-губернаторская дача, и видѣли содержащихся тамъ двухъ живыхъ зубровъ. Это великолѣпные звѣри. Въ то время, какъ всѣ остальные со страхомъ смотрѣли на нихъ изъ-за деревьевъ, я съ Петромъ и со сторожемъ подошелъ къ нимъ совсѣмъ близко и съ любопытствомъ разсматривалъ этихъ необыкновенныхъ животныхъ, стоя отъ нихъ въ трехъ шагахъ. Они преспокойно подбирали валявшіеся на землѣ сучья, которыми они, главнымъ образомъ, питаются; на насъ они обращали весьма мало вниманія. Говорятъ, впрочемъ, что они бросаются иногда на людей.

13-го октября пріѣхалъ въ Вильно императоръ (Александръ II). На слѣдующій день былъ назначенъ смотръ войскамъ. На большомъ учебномъ плацу выстроилось восемь кавалерійскихъ полковъ и нѣсколько полковъ пѣхоты и артиллеріи. Я очутился случайно близъ полка принца Карла прусскаго въ тотъ моментъ, когда принцъ поздоровался съ нимъ. Вскорѣ появился императоръ въ сопровожденіи блестящей свиты и объѣхалъ войска при громкихъ кликахъ ура. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. По окончаніи парада я поѣхалъ въ Верки, куда ожидали принцевъ Карла и Альбрехта прусскихъ и Фридриха гессенскаго. Они вскорѣ пріѣхали, все осмотрѣли, позавтракали въ большомъ залѣ и уѣхали обратно въ Вильно. Адъютантъ принца Альбрехта отмѣтилъ въ записной книжкѣ все видѣнное принцемъ, чучела птицъ, картины и т. п., чтобы принцъ могъ припомнить все это впослѣдствіи.

Вечеромъ былъ балъ у губернатора. Всѣ были въ полной парадной формѣ, дамы въ изящныхъ туалетахъ. Изъ старыхъ знакомыхъ я встрѣтилъ Радзивилла, графа Александра Адлерберга и нѣсколько прусскихъ офицеровъ. Въ тотъ моментъ, когда вошелъ императоръ, я стоялъ случайно подлѣ престарѣлой графини Шуазель, съ которой онъ заговорилъ съ первой; поэтому я удостоился также нѣсколькихъ милостивыхъ словъ, что возбудило зависть всѣхъ присутствующихъ русскихъ. На сѣдыхъ волосахъ графини было надѣто нѣчто вродѣ діадемы или браслета, который шелъ поперекъ лба и былъ украшенъ по обѣимъ сторонамъ двумя гранатами; по бокамъ спускались на уши жемчужныя нити; на затылкѣ была надѣта тюлевая наколка.

Меня очень заинтересовалъ одинъ разсказъ, дѣлающій большую честь графинѣ.

---

[1]) Князь Петръ Сайнъ-Витгенштейнъ (1831—1887 г.)—братъ княгини Гогенлоэ.

Въ бытность въ Вильнѣ Наполеона I графиня, единственная изъ дамъ, появилась съ шифромъ.

На вопросъ Наполеона: „qu'est ce, que c'est cela"? она отвѣчала:

— C'est le chiffre Sa Majesté l'Impératrice Marie.

— C'est bien de le porter en face de l'ennemi [1]),—сказалъ будто бы Наполеонъ.

15-го числа происходило ученіе на учебномъ плацу за городомъ. Когда я пріѣхалъ, пѣхота уже окончила ученіе, на плацу находилась одна кавалерія: два полка гусаръ, два уланскихъ и два драгунскихъ полка, всего около 6.000 человѣкъ. Присутствовавшіе на смотру военные находили, что полки производили ученіе образцово.

Въ 2 часа дня совершилось въ присутствіи императора открытіе туннеля. Приглашенные на это торжество лица, въ томъ числѣ много дамъ, собрались на желѣзнодорожной станціи, гдѣ къ этому случаю былъ сооруженъ временной вокзалъ въ мавританскомъ стилѣ. Императоръ, его свита и дамы сѣли въ открытый вагонъ изящной работы. Я ѣхалъ съ Петромъ, съ Львомъ Радзивилломъ и двумя генералами въ другомъ вагонѣ. Доѣхавъ до туннеля, мы вышли изъ вагона и послѣдовали пѣшкомъ за императоромъ въ туннель, освѣщенный люстрами.

Духовенство сопровождало императора до середины туннеля, гдѣ онъ положилъ камень, по которому великій герцогъ Веймарскій ударилъ съ большой граціей нѣсколько разъ молоткомъ. Затѣмъ всѣ прошли скорымъ шагомъ до конца туннеля и обратно. Нельзя сказать, чтобы это было особенно пріятно, такъ какъ мы шли безъ шляпъ, а на насъ сверху частенько капала вода. Мы вернулись обратно по желѣзной дорогѣ. Стоявшіе по всему пути рабочіе привѣтствовали императора громкими криками ура! Очень своеобразно звучало это ура въ устахъ евреевъ, оно походило на блеяніе овецъ. Несмотря на изъявленіе ими вѣрноподданническихъ чувствъ, имъ порядкомъ доставалось отъ полиціи, которая угощала ихъ даже тукманками, такъ какъ они неистово лѣзли всюду, куда имъ не полагалось".

Подъ датой 10-го августа 1869 г. въ дневникѣ князя Гогенлоэ находимъ замѣтки, относящіяся къ его третьей поѣздкѣ въ родовыя имѣнія его супруги и кратковременному пребыванію въ Варшавѣ. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ въ то время графъ Бергъ, съ которымъ Гогенлоэ имѣлъ продолжительный разговоръ на политическія темы.

[1]) Что это такое?—Это шифръ ея величества, императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Очень похвально носить его въ присутствіи непріятеля.

„Въ Сосновицахъ производился осмотръ багажа. По приказанію фельдмаршала Берга насъ пропустили безъ досмотра. Поѣздъ былъ переполненъ пассажирами, но мы сидѣли въ отдѣленіи совершенно одни.

Въ Варшавѣ насъ встрѣтилъ адъютантъ фельдмаршала, повезшій меня въ придворномъ экипажѣ въ отель „Викторіа". Мы прошли съ нимъ чрезъ ярко освѣщенныя царскія комнаты, гдѣ мнѣ былъ представленъ оберъ-полицеймейстеръ въ полной парадной формѣ. Публику, ради меня, отогнали въ сторону, и всѣ глазѣли на меня, какъ на коронованную особу.

На слѣдующій день, совершивъ прогулку въ великолѣпномъ Саксонскомъ саду, я поѣхалъ къ фельдмаршалу Бергу. Онъ принялъ меня въ высшей степени любезно, повелъ въ свой кабинетъ,—огромное зало съ колоннами, гдѣ онъ говорилъ со мною полтора часа о вопросахъ высшей политики. Онъ утверждалъ, что миръ въ Европѣ можетъ быть обезпеченъ только въ томъ случаѣ, ежели Австрія, Россія и германскія государства будутъ дѣйствовать въ согласіи; только тогда можно будетъ говорить о разоруженіи. Но подобное соглашеніе трудно достижимо. Онъ объяснилъ причины, въ силу которыхъ между Австріей и Россіей возникли непріятныя отношенія, и сдѣлалъ бѣглый обзоръ событій съ 1840 по 1854 гг. Первымъ поводомъ къ неудовольствію былъ Краковъ. Графъ разсказалъ, между прочимъ, о своемъ участіи въ переговорахъ, которые велись въ Берлинѣ объ упраздненіи Краковской республики. Въ то время, какъ имъ, Каницомъ и Фикельмонтомъ былъ подписанъ въ Берлинѣ договоръ о включеніи Кракова въ составъ австрійскихъ владѣній, Бергъ предлагалъ обязать Австрію продавать Россіи по опредѣленной цѣнѣ всю соль, добываемую въ копяхъ Величко, и не укрѣплять Кракова. Императоръ Николай не изъявилъ на это своего согласія. Вскорѣ послѣ того Австрія укрѣпила Краковъ, и императоръ Николай былъ этимъ оскорбленъ.

Въ 1849 г., во время венгерскаго возстанія, австрійскій императоръ просилъ русскаго императора о помощи. Бергъ въ то время былъ посланъ въ Вѣну, чтобы сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для начала военныхъ дѣйствій. Онъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Брюннъ къ императору австрійскому, въ Вѣну къ Шварценбергу и въ Прессбургъ.

Всѣ переговоры были закончены быстро, и самымъ дружелюбнымъ образомъ: императоръ Николай пріѣзжалъ въ Варшаву, гдѣ его посѣтилъ австрійскій императоръ. Между ними все было рѣшено, до вопроса о главнокомандующемъ включительно. Зная честолюбіе Паскевича, императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы главнокоман-

дующимъ былъ назначенъ Паскевичъ, но императоръ Францъ-Іосифъ заявилъ, что это было бы несогласно съ его честью, такъ какъ война ведется съ его подданными.

— Plustôt périr qu'agir contre mon honneur! [1]—сказалъ онъ. Императоръ Николай обнялъ его. Но Паскевичъ былъ крайне раздраженъ этимъ и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы помѣшать успѣшному исходу кампаніи, но онъ достигъ этимъ лишь то, что всѣ преимущества оказались на сторонѣ австрійскаго генерала.

Третьимъ поводомъ къ охлажденію было то, что, во время крымской кампаніи, Австрія выставила обсерваціонный корпусъ въ Галиціи; это было большою помѣхою для русскихъ и вызвало противъ Австріи неудовольствіе въ русскомъ народѣ.

Графъ Бергъ, повидимому,—сторонникъ союза сѣверныхъ державъ и хотѣлъ бы возстановленія священнаго союза. Онъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что Горчаковъ отклонилъ предложенія, сдѣланныя въ Петербургѣ Бейстомъ, и надежду, что современемъ удастся установить такія политическія отношенія, которыя обезпечатъ Европѣ миръ. По его словамъ, Франція только тогда будетъ спокойна, когда Россія, Австрія и Пруссія будутъ дѣйствовать совмѣстно; тогда и Англія примкнетъ къ тремъ союзнымъ державамъ. Сегодня вечеромъ онъ намѣренъ коснуться вопроса объ отношеніи русскаго правительства къ католической церкви.

Въ 4 часа графъ Бергъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы продолжать нашу политическую бесѣду. Онъ разсказалъ мнѣ всю исторію польскаго возстанія 1863 года. Поляки, по его словамъ, никогда не начали бы возстанія, если бы Франція и Англія не обѣщали поддержать ихъ. Въ разсчетѣ на эту поддержку, главари мятежниковъ начали возстаніе. Затѣмъ онъ коснулся управленія министерствомъ Велепольскаго, котораго обманывали его собственные земляки, и перешелъ къ тому времени, когда онъ самъ сталъ во главѣ управленія краемъ. Вся полиція находилась въ рукахъ поляковъ. Поэтому онъ взялъ 60 офицеровъ и 3.000 солдатъ и создалъ изъ нихъ временную полицію. Ему трижды удавалось арестовать членовъ тайнаго національнаго правительства и приговорить ихъ къ казни, и три раза образовывалось новое правительство. Только послѣ третьяго раза поляки сдались.

Произведенное слѣдствіе обнаружило, что въ дѣлѣ было сильно замѣшано духовенство. Поэтому пришлось устранить нѣсколько ксендзовъ. Епископы были въ общемъ благонадежны. Послѣ смерти варшавскаго архіепископа Фіалковскаго, по рекомендаціи г-жи Мейен-

[1]) Лучше погибнуть, нежели поступить безчестно.

дорфъ, былъ назначенъ архіепископомъ Фелинскій, молодой ксендзъ изъ Петербурга. Но, какъ впослѣдствіи оказалось, онъ былъ близокъ къ Мѣрославскому, участвовалъ въ устройствѣ баррикадъ и поступилъ въ духовное званіе, вслѣдствіе несчастной любви. Онъ принималъ участіе въ мятежѣ, пока его не выслали изъ Варшавы.

Про Лубенскаго графъ разсказывалъ, что онъ велъ тебя вначалѣ весьма благоразумно, но вдругъ совершенно измѣнился. Онъ состоялъ въ перепискѣ съ Ледоховскимъ и Чиги, которые подзадоривали его. Онъ умеръ въ пути, поѣвъ слишкомъ много плодовъ, вслѣдствіе чего у него сдѣлался кровавый поносъ, который онъ думалъ излѣчить, выпивъ крѣпкаго вина.

Поговоривъ о томъ, о другомъ, графъ Бергъ повезъ меня въ коляскѣ, вокругъ которой гарцовали черкесы, въ Лазенки, гдѣ насъ ожидали его невѣстка и племянница. Тамъ же былъ начальникъ генеральнаго штаба Минквицъ и другой генералъ, а также молодой графъ Бергъ, племянникъ фельдмаршала.

Старикъ фельдмаршалъ относится къ своимъ племянникамъ и воспитанникамъ съ трогательной нѣжностью. Вообще, графъ Бергъ прекрасный человѣкъ, исполняющій свои трудныя обязанности съ большимъ тактомъ и всевозможной рачительностью".

Въ 1874 г., при отъѣздѣ князя Гогенлоэ посланникомъ въ Парижъ, императоръ Вильгельмъ I, напутствуя его, сказалъ, что его желаніе—установить съ Франціей возможно дружескія отношенія. Говоря о бонапартистахъ, онъ замѣтилъ, что императоръ Александръ II и Горчаковъ говорили ему, что вліяніе бонапаристовъ во Франціи возрастаетъ. Бисмаркъ, со своей стороны, подтвердилъ, что интересы Германіи требуютъ поддержанія во Франціи status quo, установившееся послѣ 1870 г., и замѣтилъ, что самая красная республика во Франціи болѣе соотвѣтствовала бы видамъ Пруссіи, нежели монархія.

„Что касается восточнаго вопроса,—сказалъ канцлеръ,—я остаюсь по-прежнему при томъ мнѣніи, что мы въ немъ непосредственно не заинтересованы. Мы могли бы соблюдать доброжелательный нейтралитетъ и постараться о томъ, чтобы Россія и Австрія пришли къ соглашенію и поддерживали бы взаимно свои интересы. Но соглашеніе это пока еще не достигнуто. Австрія зашла слишкомъ далеко. Я не понимаю,—сказалъ Бисмаркъ,—какъ могъ Андраши содѣйствовать упроченію самостоятельности Румыніи: въ Венгріи такъ много румынскаго элемента. Но я не могу, какъ того хочетъ Россія, воспользоваться своимъ вліяніемъ на Австрію, чтобы заставить ее дѣйствовать въ смыслѣ, желательномъ Россіи". Но все же онъ выразилъ надежду на то, что Австрія и Россія придутъ къ соглашенію. „Тогда мы присоединимся къ нимъ. Англія раздѣляетъ въ этомъ случаѣ

нашъ взглядъ, но на нее нельзя полагаться,—ея внѣшняя политика мѣняется съ перемѣною кабинета".

„Германія хочетъ мира, но если французы хотятъ войны черезъ пять лѣтъ, то мы ее начнемъ черезъ три года",—сказалъ Бисмаркъ на прощанье.

Князь Бисмаркъ былъ въ то время озабоченъ вопросомъ о томъ. какъ сложатся дальнѣйшія отношенія только-что народившейся Германской имперіи къ остальнымъ державамъ. Возможности союза Австріи, Италіи и Франціи онъ не придавалъ особеннаго значенія, такъ какъ противъ Австріи Германія могла выставить 400.000 армію, а Италія совсѣмъ не могла идти въ счетъ, ея войско было слишкомъ плохо и политическое значеніе ничтожно. Но его тревожила мысль о возможности союза Франціи въ Россіей, тѣмъ болѣе, что изъ Россіи приходили тревожныя вѣсти: „генералъ Лефло писалъ своему правительству изъ Петербурга, что въ Россіи общее настроеніе къ Германіи враждебно и что народъ не раздѣляетъ симпатіи императора Александра къ Германіи".

Вскорѣ по пріѣздѣ князя Гогенлоэ на его новый постъ въ Парижъ, вниманіе дипломатовъ было приковано событіями, происходившими на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ началось освободительное движеніе славянскихъ народовъ и все предвѣщало возможность вмѣшательства державъ.

Въ апрѣлѣ 1876 г. Гогенлоэ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Вчера Тьеръ говорилъ со мною о восточномъ вопросѣ. Опасность состоитъ въ томъ,—сказалъ онъ,—что если звѣрства будутъ продолжаться, то общественное мнѣніе будетъ взволновано. L'Europe a des nerfs,—сказалъ онъ.—Сербія, Черногорія, Боснія хотятъ быть независимы. Турція не въ состояніи помѣшать этому.—Султанъ негодяй (coquin); онъ требуетъ, между прочимъ, уплаты по купонамъ облигацій, которыя ему принадлежатъ. Возбужденіе противъ него растетъ".

„Извѣстіе о томъ, что Бейстъ собирается пріѣхать сюда (въ Парижъ) вызываетъ на размышленіе. Отношенія между Россіей и Австріей становятся натянуты. Въ то время, какъ Австрія всѣми силами старается поддержать на востокѣ миръ, русскіе не оказываютъ ей въ этомъ ни малѣйшаго содѣйствія, и Австріи, видимо, приходится искать союзниковъ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ вполнѣ естественно. Тутъ на сцену можетъ выступить Англія. Въ австрійскихъ кругахъ полагаютъ, что нынѣшній восточный конфликтъ будетъ для Англіи, быть можетъ, послѣднимъ случаемъ проявить на дѣлѣ свой всегдашній антагонизмъ къ Россіи".

„Тьеръ полагаетъ,—записалъ Гогенлоэ 7 мая 1876 г.,—что на происходящемъ въ Берлинѣ совѣщаніи канцлеровъ будетъ рѣшено,

что Австрія введетъ свои войска въ Боснію. Это было бы, по его словамъ, самое раціональное; только этимъ и могъ бы быть возстановленъ миръ" [1]).

„Сегодня (21 мая) герцогъ Деказъ сказалъ мнѣ, что имъ получено изъ Берлина извѣстіе о томъ, что князь Горчаковъ предлагаетъ сдѣлать Портѣ немедленно рѣшительное представленіе. Деказъ выражаетъ опасеніе, что этотъ шагъ можетъ задѣть Англію, которой слѣдовало бы дать время одуматься. Дѣйствуя столь поспѣшно, едва-ли можно имѣть надежду заручиться содѣйствіемъ Англіи.

Англичане, видимо, оскорблены тѣмъ, что Шуваловъ потребовалъ отъ Дизраели, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, принялъ рѣшеніе. Дизраели, будто бы, отвѣтилъ ему на это требованіе:

„Est ce que la Russie nous prend pour le Monténégro pour nous fixer un terme de 24 heures"? [2])

„Княгиня Трубецкая полагаетъ, что Австрія будетъ теперь дѣйствовать противъ Россіи совмѣстно съ Англіей. Она и ея единомышленники, славянофилы, конечно желаютъ этого.

„Гартъ возлагаетъ большія надежды на движеніе, начавшееся среди софтовъ, и полагаетъ, что оно можетъ повлечь за собою благодѣтельную перемѣну для Турціи, такъ какъ партія, во главѣ которой стоятъ софты, старается войти въ соглашеніе съ христіанскимъ населеніемъ. Игнатьевъ, разумѣется, постарается помѣшать этому. Этотъ злой геній Турціи. „C'est son mêtier".

„Любопытно, что Тьеръ запугиваетъ княгиню Трубецкую и рисуетъ ей картину всевозможныхъ осложненій, которыя могутъ быть вызваны современнымъ положеніемъ европейской политики. Онъ увѣряетъ ее, что Россія очутится одна, что ей придется вести войну съ Англіей и съ Германіей. По всей вѣроятности, это дѣлается съ цѣлью склонить Россію на сторону Франціи и представить эту послѣднюю въ роли спасительницы, которая можетъ придти на помощь Россіи".

Но, въ общемъ, Тьеръ высказывается о восточномъ вопросѣ крайне сдержанно.

„Сегодня (24 іюня 1876 г.) былъ у меня Орловъ; онъ разсказывалъ о своихъ переговорахъ съ Тьеромъ. На вопросъ Орлова, что онъ имѣетъ противъ Деказа, Тьеръ отвѣчалъ уклончиво, не формулируя

[1]) Во время проѣзда императора Александра II черезъ Берлинъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1876 г., тамъ состоялось совѣщаніе по поводу событій въ Турціи, и 13 мая Горчаковымъ, Андраши и Бисмаркомъ былъ выработанъ меморандумъ, къ которому Англіи, Франціи и Италіи было предложено присоединиться, но Англія отъ этого отказалась.

[2]) Ужъ не принимаетъ ли насъ Россія за Черногорію, давая намъ 24 часа на отвѣтъ?

никакихъ опредѣленныхъ обвиненій. Орловъ полагаетъ, что, упрекая Деказа въ недостаткѣ энергіи въ восточной политикѣ, Тьеръ руководствуется воспоминаніемъ о своей собственной политикѣ въ 1840 г., забывая, что она потерпѣла полное фіаско и привела къ образованію четвертнаго союза противъ Франціи. Тьеръ, по словамъ Орлова, туркофилъ и былъ бы не прочь дѣйствовать совмѣстно съ державами, если бы онѣ вступились за турокъ. Относительно союза съ Франціей Орловъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека. Онъ увѣряетъ, что Тьеръ очень недоволенъ тѣмъ, что Орловъ смотритъ на современное положеніе Франціи, какъ на преходящую комедію, и высказываетъ предположеніе, что въ будущемъ истинной формой правленія во Франціи все же будетъ имперія".

Въ августѣ мѣсяцѣ 1876 г. ѣздилъ въ Гаштейнъ, гдѣ находился въ то время императоръ Вильгельмъ I, прибывшій туда изъ Эмса, послѣ свиданія съ императоромъ Александромъ II.

Вильгельмъ разсказывалъ князю о своемъ пребываніи въ Эмсѣ, и между прочимъ сказалъ, что императоръ Александръ былъ чрезвычайно встревоженъ и раздраженъ нападками австрійскихъ и англійскихъ газетъ. „Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ хочетъ мира и не помышляетъ брать Константинополя. Затруднительность положенія заключается въ томъ, что всѣ державы, за исключеніемъ Австріи, согласны покончить вопросъ, даровавъ автономію Сербіи и Черногоріи, но Австрія настаиваетъ на требованіи реформъ". Впрочемъ, императоръ не теряетъ надежды на благопріятное рѣшеніе вопроса, въ особенности, если удастся убѣдить Австрію взять Боснію.

Затѣмъ императоръ говорилъ о внутреннемъ положеніи Франціи; „повидимому, онъ относится крайне несочувственно къ орлеанскимъ принцамъ".

Подъ датой 28 сентября въ дневникѣ отмѣчено:

„Гербертъ Бисмаркъ принесъ полученную сегодня шифрованную телеграму, въ которой сообщаютъ изъ Лондона, будто русскіе предлагаютъ Австріи занять Боснію, а Россія займетъ Болгарію, ежели турки не согласятся на предлагаемыя имъ мирныя условія. Дерби этимъ встревоженъ. По мнѣнію Бисмарка, было бы хорошо, если бы Австрія на это согласилась. Турки, въ концѣ концовъ, все же будутъ вынуждены уступить, и тогда предложеніе Россіи будетъ сдѣлано впустую. Если Россія объявитъ войну Турціи, то мы можемъ быть спокойно ея зрителями. Что намъ дѣлать, въ случаѣ, если Россія будетъ воевать съ Австріей—рѣшать было бы преждевременно. Мы поступимъ относительно Россіи такъ, какъ она поступила съ нами". „Онъ просилъ передать княгинѣ Трубецкой, что ему некогда писать

ей и что вдобавокъ онъ смотритъ на нее, какъ на врага, такъ какъ она — другъ его враговъ".

На слѣдующій день, „въ 12 часовъ по полудни въ Варцинѣ была получена телеграмма изъ Берлина, сообщавшая, что англійскимъ правительствомъ получено извѣстіе, будто турки отвергаютъ всѣ дѣлаемыя имъ предложенія и не хотятъ ничего слышать. Вслѣдствіе этого въ Болгарію, вѣроятно, будутъ введены русскія войска, а въ Боснію—австрійскія".

„Послѣ обѣда ко мнѣ зашелъ Бисмаркъ и сталъ говорить о нашихъ отношеніяхъ къ Австріи и къ Россіи. Для насъ безразлично, ежели Россія будетъ воевать съ Англіей,—говорилъ онъ,—онѣ не могутъ причинить другъ другу большого вреда, и мы можемъ спокойно быть свидѣтелями ихъ столкновенія. Несравненно будетъ хуже, если возгорится война между Австріей и Россіей. Если мы сохранимъ нейтралитетъ, воюющія стороны никогда не простятъ намъ этого. Окончательное пораженіе Австріи было бы для насъ невыгодно, ибо хотя мы могли бы присоединить къ Германіи нѣмцевъ, но мы не знали бы, что дѣлать съ славянами и венгерцами. Начать войну съ Австріей въ союзѣ съ Россіей не допуститъ общественное мнѣніе Германіи. Въ случаѣ пораженія Австріи, Россія можетъ быть для насъ опасна. Дѣйствуя же заодно съ Австріей, мы заставимъ Россію быть на-сторожѣ". Бисмаркъ выразилъ надежду, что Андраши займетъ Боснію, если у него не останется иного выхода, и удержитъ ее за Австріей.

„Вечеромъ, въ Варцинѣ были получены новыя телеграммы. Вердеръ телеграфируетъ, что Порта дастъ окончательный отвѣтъ послѣ завтра. Англичане надѣются, что ее удастся склонить къ уступкамъ!

Сегодня (8-го ноября) я имѣлъ аудіенцію у императора. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Петербургѣ ожидаютъ еще большихъ затрудненій. Англіей тамъ остались недовольны. Императоръ Александръ сказалъ Лофтусу [1]):

„Avant tout imprimez vous trois points:

1. Le testament de Pierre le Grand n'existe pas.

2. Je ne ferai jamais des conquêtes aux Indes.

3. Je n'irai jamais à Constantinople" [2]).

---

[1]) Это было въ Ливадіи, гдѣ императоръ Александръ II провелъ съ 2-го октября по 5-е ноября, и гдѣ имъ были даны аудіенціи германскому посланнику въ Вѣнѣ, генералу Швейницу, и англійскому посланнику въ Петербургѣ, лорду Лофтусу.

[2]) Главное запомните слѣдующія три вещи:

1. Завѣщанія Петра Великаго не существуетъ.

2. Я не намѣренъ дѣлать завоеваній въ Индіи.

3. Я никогда не пойду на Константинополь.

Это заявленіе произвело въ Англіи самое благопріятное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе императоръ Вильгельмъ встревоженъ, ибо, по его словамъ, Горчаковъ не отказался отъ мысли поддержать требованія Россіи вооруженной силой, и хотя русская армія не особенно хороша, но все же она лучше турецкой, которая за четыре мѣсяца подвинулась впередъ всего на шесть миль".

„Сегодня (19-го ноября) меня посѣтилъ Тьеръ; онъ очень встревоженъ положеніемъ вещей и высказалъ удивленіе по поводу русской политики, при чемъ сказалъ: „если бы я былъ русскимъ министромъ, я бы бросился къ ногамъ императора и умолялъ бы его не нарушать мира". Россія не умѣетъ оцѣнивать могущества Англіи — вотъ любимый конекъ Тьера. Если бы даже Турція могла одна справиться съ Россіей, все же Англія была бы вынуждена выступить противъ нея,—говоритъ онъ.—Смѣшно говорить о томъ, будто Россія не хочетъ идти на Константинополь. Кто поручится за то, куда ее можетъ привести побѣдоносная война! Но со стороны Россіи было бы безуміемъ начать войну, не будучи вполнѣ увѣренной въ нашемъ нейтралитетѣ".

Я не имѣлъ никакого повода высказаться о политикѣ Германіи по отношенію къ Россіи. Тьеръ, подождавъ немного, продолжалъ:

„Мнѣ кажется, что германское правительство не высказывается потому, что оно находится въ нерѣшительности. Мнѣ не вѣрится, чтобы въ вашихъ интересахъ было допустить Австрію до погибели, но вамъ не хочется въ то же время дѣйствовать враждебно по отношенію къ Россіи. Ваше правительство хранитъ молчаніе и поступаетъ прекрасно".

Между прочимъ, онъ коснулся вопроса объ устьяхъ Дуная. „Вѣдь, вамъ не можетъ быть безразлично", кто владѣетъ устьями Дуная: Россія, Румынія, Австрія или Турція,—сказалъ онъ,—на что я возразилъ, что, „кто бы ни владѣлъ ими, наша торговля пойдетъ этимъ путемъ. Съ политической точки зрѣнія я не могу считать особеннымъ несчастіемъ расширеніе Россіи въ сторону южно-славянскихъ государствъ, такъ какъ русскіе сами считаютъ,что обладаніе Константинополемъ повело бы къ ихъ гибели".

На это Тьеръ отвѣчалъ, что въ этомъ, быть можетъ, есть доля правды. Но я забываю, что при существованіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, большія державы могутъ существовать долѣе прежняго. Въ настоящее время, пользуясь телеграфомъ, можно управлять Россіей изъ Константинополя. „Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—англичане позаботятся о томъ, чтобы Константинополь не достался Россіи, если только они не упустятъ время". Въ случаѣ войны онъ считаетъ оккупацію Константинополя англичанами вполнѣ естественной.

Само собою понятно, что Франція желаетъ мира во что бы то ни стало. Онъ увѣренъ, что и Германія хочетъ мира. „Но,—прибавилъ онъ еще разъ,—ваше правительство могло бы много сдѣлать для поддержанія мира. Вы не можете идти противъ Россіи, но вы можете оставить ее въ неизвѣстности относительно того, какъ вы намѣрены поступить".

Въ мартѣ 1877 г. пріѣхалъ въ Парижъ Н. П. Игнатьевъ, посланный русскимъ правительствомъ для переговоровъ въ Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, съ цѣлью обезпечить нейтралитетъ европейскихъ державъ въ предстоявшей русско-турецкой войнѣ.

„Здѣсь въ Парижѣ всѣ заинтересованы пріѣздомъ генерала Игнатьева. Всѣ насторожились. Вимпфенъ слышалъ, что Игнатьевъ привезъ проектъ протокола, который державы должны подписать, и что если это состоится, то Россія будетъ въ состояніи избѣжать войны".

„Сегодня,—записано въ дневникѣ князя Гогенлоэ подъ датой 8-го марта,—заѣхала ко мнѣ княгиня Урусова и предложила быть у нея въ 5 часовъ, чтобы встрѣтиться съ ея двоюроднымъ братомъ Игнатьевымъ. Я отправился къ назначенному часу. Игнатьевъ былъ уже тамъ. Его внѣшность поражаетъ. Широкое лицо, рѣзко очерченный подбородокъ и постоянная улыбка на устахъ. Разговоръ зашелъ о Берлинѣ; онъ разсказывалъ про Бисмарка и отмѣтилъ съ самодовольствомъ нѣкоторое сходство характера и привычекъ, существующее между ними, и называлъ себя „son élève" [1]), стараясь, впрочемъ, увѣрить насъ въ своей скромности. Но онъ вовсе не скроменъ, а напротивъ: это человѣкъ съ вліяніемъ, и ему нѣтъ никакой надобности скромничать. Изъ такихъ людей выходятъ имперскіе канцлеры. Онъ не стѣсняется въ выраженіи своихъ мыслей, рубитъ съ плеча, но при томъ онъ уменъ и хитеръ. Заговорили о Шадорди. Игнатьевъ говоритъ, что онъ защищалъ его отъ нападокъ Бисмарка.

— C'est un homme superficiel mais amusant [2]). О настроеніи Парижа онъ говоритъ, что здѣсь, по его наблюденіямъ, очень озабочены образомъ дѣйствій Германіи. Неосторожное заявленіе Игнатьева о томъ, будто Бисмаркъ подозрѣваетъ, что Франція вооружается, готовясь къ новой войнѣ, очень напугало Деказа. Онъ клялся, что Франція не помышляетъ о войнѣ. Разговоръ коснулся также сосредоточенія кавалеріи на германской границѣ. Я сказалъ Игнатьеву, что истинной причиной неудовольствія имперскаго канцлера является Гонто. Онъ понялъ это и осуждаетъ Деказа за то, что онъ не отозвалъ Гонто.

Относительно восточнаго вопроса онъ высказался очень рѣши-

[1]) Его ученикомъ.

[2]) Это человѣкъ поверхностный, но забавный.

тельно. По его словамъ, Турція при первомъ же столкновеніи будетъ разгромлена, и это вызоветъ осложненія. „Если бы мы могли закутать Турцію въ вату и замариновать ее въ уксусѣ, чтобы сохранить ее, мы бы сдѣлали это. Но такое переходное состояніе не можетъ долго длиться. Англія возьметъ на себя большую отвѣтственность, не согласившись на невинное предложеніе Россіи". Онъ сказалъ это въ Парижѣ лэди Сальсбюри и поручилъ ей передать это своему мужу, когда она вернется домой.

Бловицъ, котораго я видѣлъ сегодня на вечерѣ у Деказа, говоритъ, что англійское правительство не присоединится къ протоколу. Одна статья, которую онъ хотѣлъ включить въ протоколъ, не принята. Онъ полагаетъ, что въ Англіи не захотятъ продолжать конференцію до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ продолжать вооруженія. На мое возраженіе, что Россія предлагаетъ подписать протоколъ именно съ цѣлью разоружиться, онъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ она должна заявить, что она разоружается. Это расположило бы въ ея пользу общественное мнѣніе. Я передалъ эти слова Игнатьеву, который надъ этимъ задумался. Деказъ еще не теряетъ надежду, что Англія присоединится къ протоколу.

Относительно самаго смысла протокола, я спросилъ Деказа, слѣдуетъ ли, по его мнѣнію, исключить что-либо изъ него; на что онъ отвѣчалъ отрицательно; но, по его мнѣнію, протоколъ слишкомъ длиненъ, и его можно было бы укоротить, безъ вреда для смысла.

Большинство дипломатовъ, съ коими я говорилъ, сомнѣваются въ томъ, что Англія присоединится къ протоколу".

Мольтке, по словамъ князя Гогенлоэ, не одобрялъ политики Горчакова и сожалѣлъ о томъ, что Россія не объявила войны, говоря, что это могло имѣть послѣдствіемъ озлобленіе и недовольство, а Германіи было бы невыгодно имѣть недовольнаго сосѣда.

„Вообще,—говорилъ Мольтке,—Германія очутилась въ опасномъ положеніи между Россіей, Франціей и Австріей, и ей приходится вооружаться сверхъ силъ".

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Источникъ комедіи Императрицы Екатерины: «О, время!»

Характерными особенностями комедій императрицы Екатерины почитаются самобытность ихъ содержанія, ихъ кровное родство съ окружающей жизнью. Если со стороны драматической композиціи онѣ представляются не вполнѣ удовлетворительными, если съ литературной точки зрѣнія онѣ не свободны отъ многихъ недочетовъ, то въ культурно-бытовомъ отношеніи онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, благодаря собранному въ нихъ цѣнному матеріалу для характеристики русскаго общества того времени. Сама Екатерина придавала важное значеніе этой культурно-бытовой сторонѣ своихъ пьесъ. Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 6/17 октября 1772 года она говоритъ по поводу своихъ комедій: „У автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его пьесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они выдержаны и взяты изъ природы, которая у него передъ глазами. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, и ему хорошо извѣстенъ народъ“ [1]).

Эти достоинства комедій Екатерины не ускользнули отъ вниманія

[1]) Комедія „О, время!“ была переведена на французскій языкъ въ 1826 г. („O temps! O moeurs!“, com. en 3 actes, composée en 1772, par l'Imperatrice Catherine II et traduite de russe en français par M. Leclerc. Paris. Didot) и въ 1888 (переводчикъ M. Legrelle). По словамъ проф. Léger, „cette édition, tirée à un petit nombre d'exemplaires, n'a malhereusement pas été mise dans le commerce. Elle est précedée d'une préface fort intéressante“. Littérature russe, p. 100.

ея современниковъ. „Вы первый сочинили комедію въ нашихъ нравахъ,—читаемъ мы въ „Живописцѣ“ Новикова,—вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствующіе“.

Въ отвѣтѣ, помѣщенномъ въ томъ же журналѣ, Екатерина пишетъ: „комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи, во время свирѣпствовавшей язвы и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи, слѣдовательно, не выходя изъ дома своего (*т. е. изъ Россіи*), нашелъ я въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю“.

Близость комедій императрицы, вообще, и комедіи „О время“, въ частности, къ русской дѣйствительности подтверждается и справками въ запискахъ ея современниковъ, въ нравоучительно-сатирическихъ журналахъ того времени. Ханжахина—главное лицо въ комедіи „О время“, какъ уже указалъ покойный Н. С. Тихонравовъ, несомнѣнно „носитъ на себѣ много чертъ эпохи“, отмѣченныхъ, напримѣръ, Даниловымъ въ его Запискахъ [1]).

Несмотря, однако, на всѣ эти данныя, подтверждающія близость комедіи Екатерины „О время“ къ русской жизни, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства ея съ одною нѣмецкою пьесою, а именно съ „Betschwester“ Геллерта. Ознакомленіе съ послѣдней устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что наша комедія есть не что иное, какъ весьма близкое, по содержанію и по формѣ, переложеніе пьесы Геллерта на наши нравы.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ объ авторѣ нѣмецкой комедіи.

Христіанъ Фюрхтеготтъ Геллертъ (1715—1769), въ теченіе долгаго времени занимавшій каѳедру словесныхъ наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, [2]) какъ писатель извѣстенъ главнымъ образомъ своими баснями и нравоучительными разсказами, сыгравшими не маловажную роль въ исторіи культурнаго развитія нѣмецкаго общества. По словамъ Гёте, „произведенія Геллерта положили основу моральной культурѣ въ Германіи, около половины XVIII вѣка“ (Dichtung und Wahrheit“ кн. 7, “Werke“, XXI, 76; Куно Франке.—„Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ“ русск. пер. Спб.

[1]) Соч. т. III, 2 стр. 321—322.

[2]) По свидѣтельству покойнаго М. И. Сухомлинова, Радищевъ — студентъ Лейпцигскаго университета, сидѣвшій на одной скамьѣ съ Гёте, былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей Геллерта („Изслѣдованія и статьи“. Спб., 1889, т. I, 548).

1904, стр. 227). „Онъ пользовался популярностью среди всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ, начиная съ королей и принцевъ, посѣщавшихъ Лейпцигъ, чтобы присутствовать на его лекціяхъ, и кончая служанками, которыя обступали его, чтобы цѣловать его руки“ (Biederman, „Deutschland im 18 Jahrh.,“ II, 2, 26 и сл.; Куно Франке, Op. cit. стр. 228). Но кромѣ басенъ и нравоучительныхъ разсказовъ, отразившихъ на себѣ вліяніе знаменитыхъ англійскихъ журналовъ Стиля и Аддисона, а также созданныхъ по ихъ образцу нѣмецкихъ нравоучительныхъ журналовъ, Геллерту принадлежитъ еще романъ „Das Leben der Schwedischen Grafin“ (подражаніе извѣстному роману Ричардсона „Памела“) и нѣсколько драматическихъ произведеній: комедіи „Die Betschwester“ (1745), „Das Los in der Lotterie“ (1746) [1]), „Die

[1]) Комедія Геллерта „Los in der Lotterie“, написанная подъ несомнѣннымъ вліяніемъ извѣстной пьесы Гольберга „Jean de France“ (замѣтимъ кстати, что сюжетъ послѣдней и главный ея характеръ заимствованы датскимъ писателемъ, какъ это указалъ *Gigas* (Dagbladet 1884, № 132), изъ испанской комедіи *Moreto*: „El lindo Don Diego“, см. объ этомъ еще *J. Hoffory*: „Holberg's Komödiendichtung“ въ „Dänische Schaubühne. Die vorzüglichsten Komödien des Freiherrn Ludwig von Holberg“ hrsgb. von D-r J. Hoffory und D-r P. Schlenther. Berlin, 1888. Bd. I, p. 43—45 и Einleitung“ къ переводу „Jean de France“ въ томъ же томѣ p. 74—75) имѣетъ нѣкоторое сходство съ Фонвизинскимъ „Бригадиромъ“. Въ нѣмецкой пьесѣ, кромѣ Симона, представляющаго собою копію съ героя датской комедіи и имѣющаго много общаго съ бригадирскимъ сынкомъ, а также невѣсты его, Carolinchen и ея возлюбленнаго Антона, исполняющихъ у Геллерта тѣ же роли, которыя у Фонвизина принадлежатъ Софьѣ и Добролюбову, а у Гольберга Elsbet и Antonius (нѣмецкій переводчикъ, Детардингъ,—его переводъ появился въ 1741 г, въ II т. изд. Готшедомъ „Deutsche Schaubühne“, подъ заглавіемъ „Der Deutch Franzose“ — подобно нашимъ переводчикамъ 18-го вѣка, „склонившій“ датскую пьесу „на нѣмецкіе нравы“, перенесшій дѣйствіе изъ Копенгагена въ Германію и переименовавшій дѣйствующихъ лицъ на нѣмецкій ладъ, назвалъ послѣдняго (т. е. Антона)—Liebhold'омъ), фигурируютъ еще двѣ супружескія четы Оргоны (въ обрисовкѣ ихъ характеровъ замѣтно вліяніе Гольберга, но эти лица, не находящіяся ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ ни съ Симономъ, ни съ Carolinchen, снабжены нѣкоторыми чертами, которыхъ мы не находимъ у родителей Jean de France) и Дамоны (мужъ—опекунъ Симона, жена—тетка Carolinchen), которые нѣсколько напоминаютъ Фонвизинскихъ бригадира и совѣтника съ ихъ женами. Такъ, напримѣръ, жена скупого, расчетливаго Дамона, „нажившаго“ себѣ, благодаря опекунскимъ дѣламъ, такой же „достаточекъ“, какъ и совѣтникъ „въ силу указовъ“, отличается нѣкоторою расточительностью и любовью къ нарядамъ; напротивъ того, вполнѣ безпечный на счетъ денегъ, Оргонъ женатъ на женщинѣ, не уступающей въ скупости бригадиршѣ и которая одна ведетъ все домашнее хозяйство. Замѣтимъ, однако, что нѣкоторыя черты, свойственныя совѣтницѣ (напримѣръ, ея фривольность), отсутствующія у г-жи Дамонъ, отыскиваются у г-жи Оргонъ, у которой мы отмѣтили нѣкоторое сходство съ бригадиршей. Проф. Алексѣй Н. Веселовскій, указавъ на Jean de France, какъ на образецъ Иванушки, между прочимъ, замѣчаетъ: „У Гольберга,

Zärtlichen Schwestern" и „Die Kranke Frau", „Das Orakel" (Singspiel) и пастушеская драма „Sylvia". Послѣднія четыре пьесы появились въ 1747 г.

Тѣсная связь драматическихъ произведеній Геллерта съ его „Fabeln" и „Moralische Erzählungen" бросается въ глаза [1]). Какъ тамъ, такъ и тутъ на первый планъ выступаетъ строго правоучительная цѣль автора. Драматическая форма привлекала его вниманіе постольку, по-скольку она была способна выразить его моральныя сентенціи. Этотъ взглядъ на театръ, какъ на школу нравственности, объясняетъ намъ его симпатіи къ сентиментальной или слезливой комедіи, которая, съ легкой руки Детуша, и въ особенности Нивель де-Ла-Шоссе, получила въ это время широкое развитіе во Франціи, и горячимъ апологетомъ которой Геллертъ явился въ своемъ латинскомъ разсужденіи „Pro commoedia commovente" (1751). Значеніе Геллерта въ исторіи нѣмецкой драмы основывается главнымъ образомъ на томъ, что онъ первый ввелъ въ Германію трогательную комедію. Присутствіе сентиментальныхъ сценъ въ его пьесахъ указано имъ самимъ въ предисловіи къ собранію его „Lustspiele (1747) [2]). Этотъ сентиментальный элементъ, который чувствуется уже, но переплетается еще съ сатирическимъ въ его комедіяхъ: „Die Betscwhe-

правда, нѣтъ прямого *pendant* къ совѣтницѣ, но взамѣнъ ея введенъ очень сходный пріемъ. Субретка, желая помочь своей барышнѣ, переряживается и выдаетъ себя за madame La Flèche, только-что пріѣхавшую изъ Парижа, слѣдомъ за своимъ милымъ Жаномъ. Хотя онъ никогда не видалъ ея, это льститъ его самолюбію, онъ быстро влюбляется,—и, такимъ образомъ, мы получаемъ какъ бы отдаленный первообразъ любовныхъ сценъ между Иванушкой и совѣтницей" („Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", 3 изд., М. 1906 стр., 83—84). Вполнѣ раздѣляя мнѣніе уважаемаго ученаго о сходствѣ Гольбергской пьесы съ комедіею Фонвизина, мы съ своей стороны укажемъ на любовныя сцены между Симономъ и г-жею Оргонъ (въ особ. III, 2), которыя, по содержанію и тону, еще болѣе, думается намъ, близки къ аналогичнымъ сценамъ между Иванушкой и Совѣтницей. Влеченіе другъ къ другу этихъ лицъ нѣмецкой пьесы объясняется родствомъ ихъ душъ. Симонъ и г-жа Оргонъ, безъ сомнѣнія, „созданы другъ для друга". „Мы спѣлись съ вами лучше,—замѣчаетъ Симонъ, — чѣмъ если были бы повѣнчаны". По отзыву этого же лица, г-жа Оргонъ „имѣетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое attachement къ мужскому полу". Открывъ въ ней эту черту, Симонъ принимается ухаживать за нею и встрѣчаетъ съ ея стороны весьма благосклонное къ себѣ отношеніе.

[1]) Замѣтимъ, что сюжеты трехъ его пьесъ („Die Betschwester", „Die kranke Frau", „Die zärtlichen Schwestern") обработаны имъ также въ формѣ разсказовъ.

[2]) Другъ Геллерта, Хр. Вейсе, въ своей „Элегіи у гроба Геллерта" восхваляетъ „Die Freude sanfter Thränen", „Die Tugend und bescheidenen Scherz", которымъ авторъ „научилъ комедію".

ster и „Das Los in der Lotterie“, получаетъ преобладающее значеніе въ „Zärtlichen Schwestern [1]).

Пьесы Геллерта, точно такъ же какъ и его басни и разсказы, обращаютъ на себя вниманіе правдивымъ изображеніемъ современнаго ему нѣмецкаго общества, преимущественно его среднихъ слоевъ. „Безспорно изъ всѣхъ нашихъ комическихъ писателей у Геллерта найдемъ всего больше чисто нѣмецкаго духа. Это настоящія семейныя картины, среди которыхъ сразу чувствуешь себя, какъ дома; каждый зритель узнаетъ тутъ своихъ родныхъ: двоюроднаго брата, зятя, тетку. „Такъ писалъ Лессингъ въ „Гамбургской Драматургіи“, по поводу пьесы „Мнимая больная“ („Die Kranke Frau“). По словамъ проф. Эриха Шмидта, „комедіи Геллерта въ высокой степени буржуазны, и въ литературно-историческомъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ весьма важны, какъ отраженіе нѣмецкой жизни“ [2]).

Нынѣ совершенно забытыя пьесы Геллерта пользовались въ свое время большою извѣстностью и при томъ не только въ Германіи, но и за ея предѣлами. Такъ, напримѣръ, его „Betschwester“ привлекла вниманіе французскаго критика Фрерона (извѣстнаго своими распрями съ Вольтеромъ и осмѣяннаго послѣднимъ въ комедіи „l'Ecossaise, въ лицѣ Frélon), который напечаталъ разборъ этой пьесы въ Journal Etranger 1755 (novembre). Комедіи Геллерта неоднократно переводились на французскій языкъ; имѣются также датскіе, польскіе переводы его пьесъ [3]). И у насъ извѣстность Геллерта основывалась преимущественно на его басняхъ и нравоучительныхъ разсказахъ. Изъ біографіи Карамзина мы знаемъ, что на первыхъ порахъ, по поступленіи его въ пансіонъ Шадена, басни Геллерта были чуть не единственною книгою для чтенія, дозволенною ему его менторомъ. Этому чтенію Шаденъ придавалъ важное воспитательное значеніе. Оно должно было служить „подготовкою къ тѣмъ бесѣдамъ, которыя онъ велъ съ маленькими своими учениками“, пользуясь лекціями Геллерта по морали (Moralische Vorlesungen [4]). Карамзинъ впослѣдствіи вспоминалъ о томъ, что читая Инкле и Ярико Геллерта, онъ обливался „горькими слезами“, а читая его же „Зеленаго Осла“, „смѣялся отъ всего сердца“ [5]). „Поэзія Геллерта,—по замѣчанію В. В. Сиповскаго—равно какъ и его сочиненія по морали, имѣли для Карамзина

---

[1]) *W. Haynel* Gellert's Lustspiele. Inaug. Diss. Leipzig 1896, а также нашъ очеркъ о французской слезной комедіи, Воронежъ, 1901, стр. 184—185.

[2]) Статья о Геллертѣ въ Allgemeine Deutche Biographie.

[3]) См. объ этомъ у Haynel, op. cit., p. 70, 71.

[4]) *В. В. Сиповскій*,—Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“. Спб., 1899, стр. 32, 33.

[5]) Ibidem, стр. 33.

огромное значеніе; можно собственными стихотвореніями его, не только ранними, но и позднѣйшими, доказать, какъ прочно усвоилъ онъ наставленія Геллерта" [1]).

О степени популярности у насъ сочиненій этого писателя въ концѣ XVIII вѣка, можно судить по письму 14-ти-лѣтняго К. Н. Батюшкова изъ пансіона отцу: „Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ Геллерта, у меня ни одной нѣмецкой книги нѣтъ" [2]).

Не безъизвѣстны были русскому обществу и драматическія произведенія Геллерта. Въ 1774 г. была переведена Михаиломъ Матинскимъ его комедія „Die Betschwester", подъ заглавіемъ „Богомолка" (Спб.), а годъ спустя вышли въ свѣтъ, въ переводѣ Степана Поручкина, „Die Zärtlichen Schwestern" („Горячая любовь двухъ сестеръ" Спб.) и „Die kranke Frau" („Женская хворость" Спб.) [3]). За два года до появленія русскаго перевода „Betschwester", императрица Екатерина „сочинила въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года" комедію „О время!", которая, какъ мы уже сказали, имѣетъ ближайшее отношеніе къ пьесѣ Геллерта.

Всѣ критики согласны въ томъ, что „Die Betschwester"—лучшая изъ комедій этого нѣмецкаго писателя. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ характеровъ, выведенныхъ имъ на сцену, образъ героини этой пьесы обрисованъ наиболѣе удачно. Авторъ бичуетъ въ ней ханжество, суевѣріе, внѣшнее фарисейское благочестіе, уживающееся зачастую съ поразительною черствостью и жесткостью сердца, служащее по-

[1]) *В. В. Сиповскій*, op. cit., стр. 36, прим. 7.

[2]) *Л. Н. Майковъ*. О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова. Соч. К. Н. Батюшкова. 1887. т. I, стр. 15.

[3]) Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ русскихъ переводовъ сочин. Геллерта: *Басни и сказки*, ч. I и II, пер. съ нѣм. Мих. Матинской. Спб., 1775; 2-е изд. Спб., 1788. *Жизнь графини шведской Г***, пер. съ нѣм. Ив. Румянцовъ, ч. I. 1766 г.; другой переводъ Павла Никифорова, 2 т., Тамбовъ, 1792. *Духовныя оды и пѣсни* г. Геллерта, пер. въ прозѣ нѣкоторою благородною дѣвицею. Спб., 1782. *Пѣсни духовныя* славнѣйшаго Х. Ф. Геллерта, переложенныя стихами старцемъ Аполлосомъ, изд. 2-е, М., 1782. *Хр. Ф. Геллерта,—Нравоученіе*, пер. съ нѣм. на росс. яз. Мих. Протопоповъ, 2 т., М. 1775—1777. *Утѣшительныя разсужденія противъ немощной и болѣзненной жизни*, пер. съ нѣм. Алексѣй Шумлянскій, М., 1773, 2-е изд. М. 1786. *О нравственномъ воспитаніи дѣтей*, пер. съ франц. М., 1787. *Разсужденіе о томъ, для чего вредно знать о будущей своей судьбинѣ*, перев. съ нѣм. Модестъ Окуловъ, М., 1787. *Истинное и ложное счастье*, пер. съ иностран., М., 1799. *Наставленіе отъ отца къ сыну при отпускѣ его въ университетъ*, пер. съ нѣм. Борисовъ, М., 1799. *Наставленіе отца сыну своему при отправленіи въ университетъ*, пер. Ѳ. П., Спб., 1802. *О вліяніи изящныхъ наукъ въ сердце и во нравы*, рѣчь, пер. съ нѣм. Ив. Русаковъ въ 1773 г., напеч. въ 1803 г., Спб. „Чадолюбецъ" Спб., 1787. *Статьи избранныя изъ нравоученій добродушнаго Геллерта*, посвящ. всѣмъ, любящимъ вѣру и добродѣтель христіанскія. М...ме, Т...ме. Спб, 1820.

рою представителямъ его только маскою для прикрытія неприглядныхъ нравственныхъ качествъ. Любопытно замѣтить, что эта пьеса, имѣвшая въ свое время большой успѣхъ, при самомъ появленіи ея въ свѣтъ, вызвала цѣлую бурю негодованія въ нѣкоторыхъ піетистически настроенныхъ кругахъ нѣмецкаго общества. Такъ, напримѣръ, авторъ одной статьи, напечатанной въ журналѣ „Wöchentliche Nachrichten für gelehrte Sachen" обвинялъ, Геллерта чуть не въ безбожіи, ставилъ ему на видъ его насмѣшливое отношеніе къ молитвѣ, къ благочестивымъ и набожнымъ людямъ, находилъ, что его пьеса оскорбляетъ религіозное чувство читателей.

Какъ ни лишены были всякаго основанія эти обвиненія Геллерта, въ глубокой религіозности котораго не было возможности сомнѣваться, они все-таки задѣли его за живое, и онъ счелъ нужнымъ въ предисловіи къ собранію его комедій (1747 г.) объяснить читателямъ истинный смыслъ его пьесы и рядомъ цитатъ изъ нея доказать несправедливость сдѣланныхъ ему упрековъ.

Это объясненіе, однако, не удовлетворило его противниковъ, не прекратило ихъ нападокъ на него. И вотъ Геллертъ принимается за тщательный пересмотръ своей „Betschwester", удаляетъ изъ нея все, что могло бы дать какое-либо основаніе къ обвиненію его въ неуважительномъ яко бы отношеніи къ религіи. Въ этомъ новомъ „исправленномъ" видѣ комедія появляется въ изданіи его пьесъ 1763 г. Дальнѣйшія измѣненія въ томъ же направленіи были сдѣланы авторомъ для изданія 1769 г. По свидѣтельству друга и біографа Геллерта, Крамера, онъ въ концѣ своей жизни искренно сожалѣлъ о томъ, что написалъ комедію, столь много причинившую ему хлопотъ и непріятностей [1]). Проявленная Геллертомъ въ этомъ дѣлѣ малодушная робость и чрезмѣрная осторожность дали поводъ Якобу Ленцу, одному изъ наиболѣе видныхъ представителей періода „бури и натиска", относившихся вообще несочувственно къ этому писателю за его слащавую сентиментальность и узкую мораль, сводившуюся къ „умѣренности желаній, кротости и покорности судьбѣ и т. п.", зло посмѣяться надъ Геллертомъ, въ написанной имъ въ 1774—75 гг., драматизированной сатирѣ „Pandoemonium-Germanicum", въ которомъ, на-ряду съ послѣднимъ, выведены были Виландъ, Вейсе, Рабенеръ и другіе, не любезные штюрмерамъ писатели [2]).

Познакомимся теперь съ содержаніемъ комедіи „Die Betschwester". Молодой человѣкъ Simon любитъ Christianchen, дочь „старой и бога-

[1]) Haynel, op. cit., p. 70, 79—83.

[2]) Эта сатира была напечатана впервые проф. Эрихомъ Шмидтомъ въ 1896 г. О ней см. *М. Н. Розановъ.* Поэтъ періода „бурныхъ стремленій" Якобъ Ленцъ. Его жизнь и произведенія. М. 1901. стр. 319—331. О Геллертѣ 326—328.

той вдовы" Frau Richardinn, съ которой онъ имѣлъ случай встрѣтиться за полгода до начала дѣйствія пьесы въ Берлинѣ, гдѣ молодая дѣвушка проживала нѣкоторое время у своихъ родственниковъ. Симонъ, въ сопровожденіи своего друга Фердинанда, выступающаго въ пьесѣ въ роли свата (онъ такъ и названъ въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ—„Simon's Brautwerber"), пріѣзжаютъ изъ Берлина въ мѣсто постояннаго жительства Chistianchen для полученія согласія отъ Frau Richardinn на бракъ Симона съ ея дочерью. Осуществить, однако, это намѣреніе не такъ то легко. Цѣлыхъ три дня добивается Фердинандъ свиданія съ матерью Christianchen и только на четвертый удается ему увидѣть ее. Дѣло въ томъ, что Frau Richardinn—очень набожна. Весь день проводитъ она въ молитвѣ, въ чтеніи библіи, въ пѣніи духовныхъ стиховъ и псалмовъ—и горе тому, кто дерзнетъ ей помѣшать въ этихъ благочестивыхъ занятіяхъ. Только часъ или два въ день посвящаетъ она свѣтскимъ обязанностямъ, но и въ эти часы она охотнѣе всего говоритъ со своими гостями о молитвѣ и постѣ. Не безъ труда удается и Фердинанду перевести бесѣду на интересующую его тему. Frau Richardinn не прочь выдать свою дочь замужъ за Симона, только скупой старухѣ не хочется разстаться съ деньгами, которыя она обѣщала дать въ приданое Christianchen, а потому всячески старается затянуть время для рѣшенія непріятнаго вопроса. Тѣмъ временемъ Симону удается повидаться со своею невѣстою. Изъ разговора его съ Фердинандомъ мы узнаемъ, что встрѣча съ молодою дѣвушкою произвела на него тягостное впечатлѣніе. Его поразила ея молчаливость и сдержанность. На всѣ его вопросы Christianchen либо упорно молчала, либо отвѣчала лаконическими да или нѣтъ. Раздумье беретъ Симона. Не означаетъ ли ужъ эта молчаливость крайнюю бѣдность ея внутренняго міра? Ему даже приходитъ мысль о томъ, что не лучше ли отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія. Всѣмъ этимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ полагаетъ предѣлъ Лорхенъ (Элеонора), молодая дѣвушка, дальняя родственница Христины, живущая въ домѣ Frau Richardinn. Она энергично вступается за свою пріятельницу. „Природа,—говоритъ она,—вовсе не обидѣла послѣднюю ни умственными, ни нравственными качествами, но эти качества не получили надлежащаго развитія, благодаря нелѣпому воспитанію, данному ей матерью". Лорхенъ совѣтуетъ Симону отложить свадьбу на годъ и уговорить старуху отпустить дочь на это время въ Берлинъ; Лорхенъ поселилась бы тамъ же и занялась бы ея перевоспитаніемъ. По прошествіи года, Симонъ не узналъ бы своей невѣсты, а женившись на Christianchen, возблагодарилъ бы судьбу, пославшую ему такую прекрасную жену. Слова Лорхенъ совершенно успокаиваютъ нерѣшительнаго Симона. Дѣло, повидимому, налаживается. Но вдругъ

неожиданно выростаетъ новое препятствіе. Въ разговорѣ съ Симономъ Fr. Richardinn разсказываетъ, между прочимъ, о какихъ-то необыкновенныхъ примѣтахъ при появленіи на свѣтъ ея дочери. Этотъ разсказъ производитъ на молодого человѣка такое комическое впечатлѣніе, что онъ, не будучи въ силахъ удержаться, разражается смѣхомъ и нечаянно роняетъ изъ рукъ кофейную чашку, которая разбивается вдребезги. Старуха приходитъ въ ярость и заявляетъ Симону, что, послѣ случившагося, не можетъ быть и рѣчи о его бракѣ съ Христиной. Объ этомъ инцидентѣ Симонъ сообщаетъ Лорхенъ и совершенно неожиданно, какъ для послѣдней, такъ и для читателя, дѣлаетъ ей предложеніе. Въ душѣ молодой дѣвушки происходитъ борьба между жаждой личнаго счастья и чувствомъ дружбы къ Христинѣ. Симонъ ей нравится, его предложеніе открываетъ ей возможность уйти изъ дома Frau Richerdinn, въ которомъ она, благодаря бѣдности, вынуждена жить на хлѣбахъ у послѣдней и переносить всѣ причуды, а порою и брань сварливой и злой старухи, но мысль о томъ, что она посягаетъ на счастье своей пріятельницы, заставляетъ ее колебаться. Во время этихъ переговоровъ появляется Христина, происходитъ трогательная сцена „сраженія добродѣтелей“. Христина горячо убѣждаетъ Симона жениться на Лорхенъ, которая, по ея словамъ, болѣе достойна его любви, чѣмъ она; Христина увѣщеваетъ и Лорхенъ принять предложеніе молодого человѣка. Въ концѣ концовъ Лорхенъ сдается. Между тѣмъ, Симонъ, желая загладить свою вину передъ Frau Richardinn и вознаградить ее за разбитую имъ чашку, посылаетъ ей въ подарокъ цѣнный фарфоровый сервизъ и въ придачу къ нему нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Этотъ щедрый подарокъ производитъ магическое дѣйствіе на алчную старуху: Симонъ становится снова желаннымъ для нея женихомъ Christianchen. Тщетно пытается объяснить ей Фердинандъ, что его пріятель пересталъ уже думать о Христинѣ и имѣетъ въ виду другую партію. Старуха и слышать ничего не хочетъ. Она не можетъ примириться съ мыслью о томъ, что ея дочь лишится такого „благоразумнаго“ и состоятельнаго жениха, который владѣетъ цѣлою „бочкою золота“. Она обратится съ жалобою на него къ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, и, если на землѣ существуетъ еще какая-нибудь справедливость, ея мольбы будутъ услышаны. Впрочемъ, ей не приходится прибѣгнуть къ этимъ экстраординарнымъ мѣрамъ. Лорхенъ, узнавъ о происшедшей перемѣнѣ въ настроеніи Frau Richardinn, приноситъ свое личное счастье въ жертву дружбѣ и, безъ большого труда, приводитъ слабохарактернаго Симона къ его прежнему намѣренію жениться на Христинѣ.

Уже изъ этого пересказа содержанія комедіи Геллерта нельзя не

усмотрѣть очевиднаго сходства ея съ пьесою Екатерины. Императрица перенесла дѣйствіе изъ нѣмецкой обстановки въ русскую. Дѣйствіе комедіи „О время!" происходитъ въ Москвѣ. Она переименовала дѣйствующихъ лицъ на русскій ладъ, но подъ этими новыми именами нетрудно узнать знакомыхъ уже намъ лицъ нѣмецкой пьесы. Центральное мѣсто въ комедіи „О время!", какъ и въ „Betschwester", занимаетъ скупая, безсердечная, суевѣрная святоша—Ханжахина. При пересадкѣ Fr. Richardinn на русскую почву Екатерина накинула ей нѣсколько годковъ (Fr. Richardinn около 60, а Ханжахиной около 70 лѣтъ) и произвела въ чинъ бабушки. Христина, невѣста Молокососова, перешедшая изъ нѣмецкой пьесы и удержавшая и въ русской комедіи имя невѣсты Симона, не дочь Ханжахиной, а ея внучка. Роли жениха и свата исполняются въ пьесѣ Екатерины Молокососовымъ и Непустовымъ. Молодые люди пріѣзжаютъ изъ Петербурга въ Москву съ тою же цѣлью, которая побудила Симона и Фердинанда совершить путешествіе изъ Берлина въ мѣсто жительства Fr. Richardinn. Въ исполненіи ихъ намѣренія они встрѣчаютъ такія же затрудненія, ибо Ханжахина, подобно Fr. Richardinn, весь день либо стоитъ на молитвѣ, либо занимается чтеніемъ священныхъ книгъ и только часъ или два удѣляетъ изъ него житейскимъ попеченіямъ. Русскимъ молодымъ людямъ приходится ждать свиданія со старухою еще дольше, чѣмъ Симону и Фердинанду. Непустову удается переговорить съ Ханжахиной о свадьбѣ Молокососова съ Христиной только послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ. Подобно Симону, Молокососовъ выноситъ безотрадное впечатлѣніе изъ своей бесѣды съ невѣстою. Молчаливость Христины заставляетъ его думать, что молодая дѣвушка или „нѣма, или глупа", но служанка Мавра выводитъ его изъ этого заблужденія и доказываетъ, что поразившая его молчаливость Христины объясняется даннымъ ей воспитаніемъ. „Она сердце имѣетъ ангельское,—говоритъ Мавра,— но воспитана дурно. Въ безпредѣльномъ содержана она страхѣ, а отъ того сдѣлалась столь робка и застѣнчива, что ни съ кѣмъ говорить не можетъ, и покажется всякому, кто ее не знаетъ, кускомъ дерева. Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество, въ которомъ она содержана" (I, 12). Мавра, какъ видимъ, выступаетъ здѣсь въ роли Лорхенъ, которая, подъ перомъ Екатерины, превратилась въ служанку, сохранившую, однако, многія черты дальней родственницы Fr. Richardinn. И въ самомъ дѣлѣ, Мавра поражаетъ читателя своимъ образованіемъ, начитанностью, столь несвойственною русской служанкѣ 18-го вѣка, но, впрочемъ, весьма обычною у субретокъ нашихъ комедій, созданныхъ по образцу французскихъ. „Она (т. е. Ханжахина) и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бусурманкою,

говоритъ Мавра Непустову (I, 1),—за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда" [1]). Въ другомъ мѣстѣ пьесы (II, 11) Христина проситъ Мавру, у которой, кстати сказать, она „украдкой училась грамотѣ", читать почаще „Памелу". Приведенныя слова Мавры представляютъ собою почти буквальное повтореніе словъ Лорхенъ, сказанныхъ Фердинанду (въ 1 сцены I дѣйствія): „она (т. е. Fr. Richardinn) уже и безъ того сомнѣвается о искренности моей добродѣтели, потому что я столь легкомысленна и читаю иногда „Зрителя", или какія-нибудь другія, такъ какъ она называетъ, свѣтскія книги". Въ разговорѣ съ Симономъ (II, 1) Fr. Richardinn выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что Лорхенъ даетъ читать Христинѣ такія „дьявольскія книги", какъ „Памела". „Я не знаю, какъ она называлась, Пемала, или Памела, только за подлинно знаю, что она любовная книга, и на листочкѣ напечатанъ тамъ дьяволъ, который стоитъ позади одной женщины, и хочетъ ее соблазнить, но я по счастію тогда пришла, и вырвала у ней изъ рукъ".

Измѣненіе общественнаго положенія Лорхенъ, при превращеніи ея въ Мавру, должно было повлечь за собою нѣкоторыя измѣненія и въ самомъ сюжетѣ пьесы, послужившей Екатеринѣ образцомъ для ея комедіи. Русскій авторъ выпускаетъ въ своей передѣлкѣ эпизодъ о Лорхенъ—невѣстѣ Симона. Молокососовъ возстановляетъ противъ себя Ханжахину приблизительно тѣмъ же, что побудило и Fr. Richardinn отказать Симону въ рукѣ ея дочери. Свадьба въ русской пьесѣ чуть было не разошлась „изъ-за кузнечика". „Ханжахина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дня за три кузнечикъ въ стѣнѣ безъ умолка стучалъ, что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что супругъ ея умретъ и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла". „Слыша едакій вздоръ", Молокососовъ „не могъ удержаться и громко захохоталъ". Оскорбленная этимъ смѣхомъ, старуха заявляетъ, что „она внучки своей никогда не отдастъ за такого шалуна" (II, 3). Само собою разумѣется, однако, что Молокососовъ, по-

[1]) Мы привели эту цитату въ русскомъ переводѣ 1774 г., исправивъ вкравшуюся неточность. Матинскій ошибочно передалъ слово „Zuschauer", означающее „Зритель", извѣстный журналъ Аддисона, словомъ „комедіи". Мавра, кромѣ „ежемѣсячныхъ сочиненій", называетъ въ числѣ любимыхъ ею книгъ еще „Клевеланда", не упомянутаго Лорхенъ. Это извѣстный романъ аббата Прево: „Le Philosophe anglais ou Histoire de M. Cleveland" (въ 8 ч. 1731—1739), переведенный на русскій языкъ въ 1760 г. и принадлежащій къ нравоучительно-сентиментальному направленію. См. объ этомъ нашъ „Очеркъ изъ исторіи Европейской драмы". „Французская слезная комедія". Воронежъ, 1901; стр. 169—172.

терявъ надежду на бракъ съ Христиной, не могъ послѣдовать примѣру Симона и предложить, съ досады такъ сказать, руку и сердце служанкѣ Маврѣ. Съ удаленіемъ эпизода объ Элеонорѣ—невѣстѣ Симона исчезаетъ, при передѣлкѣ нѣмецкой пьесы, и сентиментальный элементъ, придающій особый колоритъ комедіи Геллерта, и который вносится Элеонорой и Христиной въ тѣ сцены, гдѣ обѣ молодыя дѣвушки соперничаютъ другъ съ другомъ въ великодушіи, принося поочередно свое личное счастье въ жертву чувству дружбы. Сентиментальный элементъ отсутствуетъ въ сплошь сатирической комедіи Екатерины.

Упростивъ, такимъ образомъ, интригу нѣмецкой пьесы и сокративъ роль Лорхенъ, при пересозданіи ея въ Мавру, императрица сочла нужнымъ пополнить списокъ дѣйствующихъ лицъ двумя лицами, не фигурирующими въ комедіи Геллерта. Мы имѣемъ въ виду „сестрицу" Ханжахиной — Вѣстникову и общую ихъ пріятельницу — Чудихину. Замѣтимъ, однако, что и эти лица были подсказаны, такъ сказать, русскому автору Геллертомъ, какъ о томъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Лорхенъ: „какъ скоро ударитъ четыре часа, такъ я ей объ васъ скажу. Пятый часъ опредѣлила она къ свѣтскимъ упражненіямъ..., но въ пять или, по крайней мѣрѣ, шесть часовъ все должно быть окончено, и далѣе она уже не останется, потому что приходятъ въ это время къ ней двѣ любимыя ея старушки, такія же богомолки и пересказываютъ ей душеполезныя сплетни (I, 1). Приведенное мѣсто, въ нѣсколько видоизмѣненномъ и распространенномъ видѣ, мы найдемъ и въ комедіи „О время!". „Кой-часъ вечерня отойдетъ,—говоритъ Мавра Непустову (I, 1),—то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако, долѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ея вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными"... и т. д. Воспользовавшись намекомъ Геллерта, Екатерина выводитъ, упомянутыхъ имъ только, старухъ на сцену. Но эти фигуры, довольно ярко очерченныя императрицей, весьма любопытныя въ культурно-бытовомъ отношеніи, играютъ въ пьесѣ второстепенную роль, не вносятъ своимъ участіемъ въ интригѣ существеннаго измѣненія въ заимствованный у нѣмецкаго автора сюжетъ. Онѣ имѣютъ только косвенное отношеніе къ основному сюжету пьесы. Вѣстникова и Чудихина стараются „отговорить" Ханжахину „выдать внучку замужъ за Молокососова.". Злорѣчивая и высокомѣрная „сестрица" Ханжахиной не можетъ простить претенденту на руку Христины, этому, по ея словамъ, „несносному дураку" то, что однажды, будучи девятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ „во весь вечеръ не подошелъ къ ней" и „стоялъ въ углу,

игралъ въ мячикъ, а на нее не глядѣлъ“, какъ будто она „уродъ какой“. Чудихина же, по собственному признанію, „любитъ разбивать свадьбы“. „Для меня,—говоритъ она,—ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ видѣть въ сватовствѣ разладъ“. „Всѣхъ амурщиковъ“ она „съ природы“ ненавидитъ. Обѣ старухи принимаютъ живѣйшее участіе въ бурной сценѣ, разыгравшейся между Ханжахиной и Молокососовымъ изъ-за кузнечика. Старанія Вѣстниковой и Чудихиной разбить свадьбу встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны Мавры, въ рукахъ которой, какъ у Лорхенъ, сосредоточиваются нити интриги пьесы. Зная слабыя стороны обѣихъ старухъ, „на выдумки довольно способная“, Мавра ловко пользуется ими для преслѣдуемой ею цѣли. По ея совѣту, Молокососовъ даритъ Вѣстниковой приглянувшійся ей „перстенекъ“, и этотъ подарокъ производитъ на послѣднюю такое же волшебное дѣйствіе, какое въ нѣмецкой комедіи произвелъ на Fr. Richardinn фарфоровый сервизъ, поднесенный ей Симономъ. Вѣстникова выбываетъ изъ строя противниковъ Молокососова и становится горячей защитницей его интересовъ. По удаленію Чудихиной, которую Мавра „выживаетъ“ разсказомъ о томъ, что „прежній этого дома хозяинъ, тому лѣтъ тридцать, умеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь сидитъ и гадаетъ“, Вѣстниковой не приходится тратить много словъ, чтобы убѣдить Ханжахину выдать внучку ея замужъ за Молокососова. Женихъ „и хорошъ, и пригожъ, и богатъ, и знатенъ, такъ чего же лучше“.

Кровное родство между комедіями Екатерины и Геллерта обнаруживается еще съ большею очевидностью, если мы ближе присмотримся къ тексту обѣихъ пьесъ, если сопоставимъ между собою сходныя не только по содержанію, но и по формѣ сцены этихъ комедій.

Дѣйствіе „Богомолки“ открывается бесѣдою Лорхенъ (Елеонорою) и Фердинандомъ. Приведемъ начало этой сцены.

Елеонора. Я пришла сказать, что теперь вамъ съ тетушкою видѣться неможно. Она стоитъ на молитвѣ, и я ни подъ какимъ видомъ помѣшать ей въ этомъ не смѣю.

Фердинандъ. Такъ поэтому эта старушка весь день молится. Когда я ни приду, то все стоитъ она на молитвѣ. Сегодня приходилъ я къ ней до обѣдни, такъ она молилась, а теперь хотя я уже пришелъ и послѣ обѣда, однакожъ она все-таки молится.

Елеонора. Да такъ, сударь. Жизнь ея—безпрестанная молитва.

Фердинандъ. Молитва есть важный пунктъ вѣры; но напротивъ того есть и другія должности, которыя столь же нужны и святы. Однакожъ я не думаю, чтобы она день и ночь молилась [1]).

---

[1]) Пер. М. Матинскаго.

Припомнимъ теперь начало 1-го явленія І-го дѣйствія комедіи „О время!“.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама къ ней войти въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; по утру былъ, была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако, есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится.

Подобная близость къ тексту „Богомолки“ наблюдается и въ остальной части 1-ой сцены, а также и въ слѣдующихъ за нею пяти явленіяхъ перваго дѣйствія, которыя представляютъ собою не что иное, какъ вольный, а мѣстами и буквальный переводъ соотвѣтствующихъ сценъ нѣмецкой комедіи. Замѣтимъ, однако, что и въ этихъ шести сценахъ усматриваются нѣкоторыя попытки къ самостоятельному творчеству. Екатерина не только сокращаетъ утомительно-скучный діалогъ Геллертовской комедіи, не только развиваетъ порою какую-нибудь мысль, высказанную тѣмъ или другимъ дѣйствующимъ лицомъ нѣмецкой пьесы, но и вноситъ болѣе существенныя измѣненія въ подлинникъ, съ цѣлью приноровить его къ русскимъ нравамъ.

Указанныя шесть сценъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо заключаютъ въ себѣ характеристику главнаго дѣйствующаго лица, какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой пьесѣ. Приведемъ нѣсколько сопоставленій для выясненія степени самостоятельности Екатерины въ обрисовкѣ характера Ханжахиной и для ознакомленія съ самой техникой ея литературной работы.

Елеонора. Кто добродѣтель находитъ въ лицѣ и словахъ, тотъ безъ сомнѣнія можетъ отдать въ томъ справедливость госпожѣ Рихардтѣ. Всѣ ея поступки показываютъ ея набожность; лицо, слова, походка, платье, однимъ словомъ, все согласно съ ея набожностью. Она ненавидитъ всѣ суеты, и прилѣпляется съ великимъ подобострастіемъ къ достохвальнымъ нравамъ ея предковъ.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... Да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ; а любитъ и хвалитъ старину, и тѣ времена, когда она пятнадцати

лѣтъ была: чему уже теперь, благодатью Божіею, годиковъ пятьдесятъ слишкомъ минуло.

Фердинандъ. Послѣднюю рѣчь слышу я съ удовольствіемъ. Послѣдовать невиннымъ нравамъ предковъ нашихъ есть дѣло весьма похвальное, и ежели тетушка моя имѣетъ столь доброе сердце, то я уже упускаю ей всѣ несправедливости въ ея мнѣніяхъ.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я самъ ее не люблю и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы, твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничему не стыдятся, и многіе молодые молодцы произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣютъ.

Элеонора. Когда вы на нее хорошенько посмотрите, то увидите на ней нравы бабушки ея еще въ цѣлости. Всѣ покрои въ платьяхъ и шапочкахъ, какія нашивали еще за пятьдесятъ лѣтъ, сохраняетъ она непоколебимо; и прежде нежели оставить маленькую на костяхъ юбку, долгую шубу и низенькіе каблуки, то согласится лучше за невинность сихъ нравовъ лишиться жизни.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Фердинандъ. Такъ это развѣ набожные нравы старинныхъ людей, да, вѣдь, это одинъ только ихъ обычай.

Непустовъ. Да, но къ чему это прародительскіе нравы. Это ни что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Элеонора. Оставьте это на разсужденіе госпожи Рихардши. Кто ходитъ по-старинному, тотъ у ней и честенъ и разуменъ, а кто десять или двадцать лѣтъ одно платье носитъ, тотъ смиренъ и кротокъ[1]).

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно[1]).

[1]) „Богомолка", I, 1.

[1]) „О время", I, 1.

Опустивъ нѣкоторыя подробности изъ разсказа Элеоноры о распредѣленіи дня Рихардши[2]), легшемъ въ основу разсказа Мавры о

[2]) Екатерина выпускаетъ, напримѣръ, слѣдующую деталь: По словамъ Элеоноры, Рихардша, послѣ пѣнья духовныхъ стиховъ, прочитываетъ три мо-

времяпрепровожденіи Ханжахиной, Екатерина замѣнила ихъ деталями, несомнѣнно отражающими русскую дѣйствительность ея времени. Подобно Рихардшѣ, Ханжахина имѣетъ обыкновеніе соединять утреннее пѣніе псалмовъ или духовныхъ стиховъ съ нѣкоторыми хозяйственными дѣлами. Она „чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ, и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ*“. Но эти хозяйственныя дѣла Ханжахиной не всегда отличаются такимъ мирнымъ характеромъ. Вслѣдъ за приведенными выше словами, взятыми изъ разсказа Мавры (I, 6), мы читаемъ: „А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощочиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ“. Приведенное мѣсто переноситъ насъ уже въ область нашихъ крѣпостныхъ отношеній и, разумѣется, не могло быть заимствовано у Геллерта. Замѣтимъ, однако, что и Рихардша не отличается особенною гуманностью къ своимъ слугамъ, которымъ, какъ можно заключить изъ словъ Элеоноры, живется не сладко. „Она отмаливаетъ насъ часто отъ обѣда и никогда столь набожна не бываетъ,—говоритъ Лорхенъ, какъ въ то самое время, когда повариха приходитъ къ ней за деньгами. Она уже два раза изъ благочестивой ревности кидала молитвенникомъ въ ея голову за дерзость, что мѣшаетъ ей пѣть“ (I, 1). Екатерина воспользовалась и этимъ эпизодомъ, отнеся его къ самой разсказчицѣ Маврѣ (I, 1).

Для характеристики своеобразнаго благочестія Ханжахиной, у которой она, какъ и у Рихардши, соединяется съ поразительнымъ безсердечіемъ, укажемъ еще на одно мѣсто, въ которомъ Екатерина опять-таки видоизмѣняетъ подлинникъ, склоняя его на русскіе нравы. Во 2-ой сценѣ I дѣйствія появляется Ханжахина. Непустовъ, давно ожидавшій свиданія съ нею, спѣшитъ приступить къ интересующему его дѣлу — „условиться о приданомъ“. Но Ханжахина не въ настроеніи говорить о такомъ дѣлѣ, которое „требуетъ многаго размышленія“. „Человѣкъ“ она „бѣдный“, „вдовье“ ея „дѣло“, „откуда“ ей „что взять“. „Къ тому же сегодня духъ“ ея „такъ безпокоенъ“.

литвы, по одной изъ трехъ ея молитвенниковъ, изъ которыхъ одинъ обладаетъ особою чудесною силою. Онъ, какъ утверждаетъ старуха, не горитъ въ огнѣ. Во время случившагося у нея въ домѣ пожара обгорѣлъ только корешокъ переплета, самый же молитвенникъ остался неповрежденнымъ. Разсказъ объ этомъ Элеоноры вызываетъ слѣдующее замѣчаніе Фердинанда: „Переплетчикъ, очевидно, былъ не такъ благочестивъ, какъ наборщикъ, ибо переплетъ не уцѣлѣлъ въ огнѣ“. Русскій авторъ выпустилъ это мѣсто, вѣроятно, изъ опасенія оскорбить религіозное чувство своихъ соотечественниковъ.

что она „и съ мыслями не можетъ собраться“. Что же привело ее въ такое разстройство? „Я обѣщалась,—говоритъ она,—чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ, гляжу, вошелъ маминъ сынъ, и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю, поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться, а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила, поди ты сейчасъ вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумашку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить, обмыть нѣкому, и для того женится! Екая негодница! И онъ жениться вздумалъ. Этимъ онъ привелъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла; и не знаю, сколько положила и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь, и положить женитьбу ту на спину; позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны... Я-бъ его, проклятаго, постригла, но то бѣда, что нынѣ и не... о“. Тщетно пытается Непустовъ убѣдить Ханжахину въ томъ, что „законъ предписываетъ“ намъ, кромѣ молитвы, и „другія должности“: „снисхожденіе и любовь къ ближнему“. Старуха остается равнодушной къ его словамъ. Ее смущаетъ и заботитъ, главнымъ образомъ, мысль о томъ, что „женя едакихъ мерскихъ, ей придется еще и дать что-нибудь“. „Надлежало бы правительству то сдѣлать такое учрежденіе, чтобы оно вмѣсто насъ, людей то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правда сказать, вить оно обо всемъ въ государствѣ та печися должно, да только что нынѣ ничего не смотрятъ!“

Аналогичную сцену находимъ мы и у Геллерта. Все отличіе между этими сценами въ русской и нѣмецкой комедіяхъ только въ томъ, что въ „Богомолкѣ“ рѣчь идетъ не о женитьбѣ „маминаго сына“, а о нищемъ, который крайне раздражилъ Рихардшу тѣмъ, что пришелъ просить милостыню въ то время, когда она занята была чтеніемъ библіи! „Рука безъ пальцевъ,—говоритъ внѣ себя отъ гнѣва Рихардша Фердинанду,—такъ что же? Да, вѣть, она лѣвая. Развѣ ему правою работать не можно? Она такъ здорова, какъ моя. Я ему не судья, а только почему это знать, за что онъ такъ исковерканъ. Правою ногою онъ также хромъ, но вѣдь, прости Богъ грѣхи, плутовскіе та поступки всегда въ увѣчныхъ бываютъ“... Разговоръ, который происходитъ между Фердинандомъ и Рихардшей, по поводу этого нищаго, представляетъ собою почти буквальное сходство съ разсужденіями Непустова и Ханжахиной о „маминомъ сынѣ“. Фердинандъ, какъ и Непустовъ, обращаетъ вниманіе своей собесѣдницы

на то, что „заповѣдь молитвы не исключаетъ заповѣди о любви и сожалѣніи“. Но его слова падаютъ на такую же каменистую почву, какъ и слова Непустова. Рихардша тоже выражаетъ неудовольствіе по адресу правительства на непринятіе надлежащихъ мѣръ противъ нищенства.

Что касается до 3, 4 и 5-ой сценъ I дѣйствія комедіи „О время!“, въ которыхъ мы знакомимся съ другими проявленіями безсердечія Ханжахиной, съ ея склонностью къ ростовщичеству, а также и 6-ой, характеризующей ея суевѣріе, то какихъ-либо существенныхъ отклоненій отъ подлинника мы въ нихъ не замѣчаемъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ черты характера Рихардши, отмѣченныя нѣмецкимъ писателемъ, перенесены русскимъ авторомъ на Ханжахину. Ханжество, формальное, фарисейское отношеніе къ религіи, суевѣріе, скупость, жесткость сердца, пристрастіе къ старинѣ и ненависть ко всякому отклоненію отъ нея, враждебное отношеніе къ просвѣщенію и т. п.—всѣ эти черты въ равной мѣрѣ свойственныя, какъ Ханжахиной, такъ и Рихардшѣ. Но работая, такъ сказать, уже по готовой канвѣ, Екатерина вышиваетъ на ней порой и свои узоры. Русскій авторъ видоизмѣняетъ нѣкоторыя подробности, и, при иллюстраціи, заимствованныхъ у Геллерта, чертъ характера главныхъ дѣйствующихъ лицъ, пользуется своими наблюденіями надъ русской жизнью.

Сцены, слѣдующія за 6-ой сценой I-го дѣйствія по 11-ой включительно, всецѣло принадлежатъ Екатеринѣ, но послѣ этого отклоненія въ сторону, она снова возвращается на путь Геллертовской комедіи. Послѣднее явленіе I-го дѣйствія опять-таки представляетъ собою вольный, сокращенный переводъ 8-ой и 9-ой сценъ, которыми заканчиваются 1-ый актъ нѣмецкой пьесы. Содержаніе 12-го явленія 1-го дѣйствія „О время!“ намъ извѣстно. Молокососовъ высказываетъ Непустову и Маврѣ свои опасенія на счетъ скудости умственныхъ способностей своей невѣсты, и Мавра выступаетъ въ роли защитницы Христины. Но и тутъ, при неоспоримой близости этой сцены къ оригиналу, замѣтно стремленіе русскаго автора оживить нѣмецкій подлинникъ нѣсколькими штрихами, выхваченными изъ нашего быта. Относясь несочувственно къ воспитательной системѣ Ханжахиной, Мавра не одобряетъ и новомоднаго воспитанія, создающаго щеголей и щеголихъ. Христина, правда, „совершенно невѣжественна“, она не знаетъ французскаго языка, но зато и „языка русскаго не портитъ“. Пространныя разсужденія Мавры о „новомодныхъ госпожахъ“, объ ихъ своеобразномъ нарѣчіи и „свободномъ обхожденіи“, которымъ многіе „прельщаются, забывъ и лбы, и глаза свои“, заканчивающіяся добрымъ совѣтомъ Молокососову: „не жить съ Христиной по модѣ“,

вставлены Екатериной отъ себя, взамѣнъ неиспользованнаго ею, при передѣлкѣ нѣмецкой пьесы, конца 9-ой сцены послѣдней, въ которой Элеонора предлагаетъ Симону переселиться съ дочкою Рихардши въ Берлинъ и заняться ея воспитаніемъ.

Во второмъ дѣйствіи Екатерина проявляетъ уже болѣе свободное отношеніе къ своему оригиналу. Первыя двѣ сцены нѣмецкой пьесы выпущены. Второе дѣйствіе комедіи „О время“ открывается сценой, близкой по содержанію, а мѣстами и по формѣ съ 3-имъ явленіемъ „Богомолки“. 3-ье и 4-ое явленія русской пьесы, изъ которыхъ мы узнаемъ о возникшихъ между Ханжахиной и Молокососовымъ недоразумѣніяхъ, соотвѣтствуютъ 4-му явленію нѣмецкой пьесы, въ которой Симонъ сообщаетъ Маврѣ о своей размолвкѣ съ Рихардшей и вытекающихъ изъ нея послѣдствіяхъ. Любопытно замѣтить, что разсказъ Ханжахиной о кузнечикѣ, „безъ умолка стучавшемъ въ стѣнѣ“ дня за три до кончины ея супруга, по содержанію не совпадающій съ разсказомъ Рихардши, вызвавшимъ неудержимый смѣхъ Симона, взятъ, однако, Екатериной изъ 6-го явленія I-го дѣйствія Геллертовской пьесы. „Скажи ты мнѣ ради Бога“,—говоритъ, между прочимъ, Рихардша Фердинанду“—не ужъ то ты не вѣришь также и кузнечику, такому червяку, который въ окончинахъ или въ стѣнѣ куетъ иногда весь день, ежели кому умереть должно? Когда моему покойному хозяину пришло ужъ оставить сей свѣтъ и отойти въ вѣчное блаженство, то услышали мы его за три дни напередъ“.

Наиболѣе существенное отступленіе отъ подлинника заключается въ томъ, что при передѣлкѣ 4-го явленія II-го дѣйствія нѣмецкой пьесы, исчезла та часть его, въ которой Симонъ дѣлаетъ предложеніе Элеонорѣ. Молокососовъ, напротивъ того,—только и думаетъ о томъ, какъ бы воротить утраченное имъ счастье. „Никогда она столь прелестна мнѣ не воображалась,—заявляетъ онъ Маврѣ,—никогда столько я не любилъ ее, какъ теперь, когда вся надежда моя исчезаетъ, и когда я не могу имѣть ее себѣ женою!“ Сообразно съ этимъ настроеніемъ Молокососова, Мавра вырабатываетъ планъ дѣйствій, который приводится въ исполненіе въ слѣдующей сценѣ. Здѣсь именно (въ 5-мъ явленіи) происходитъ извѣстное намъ укрощеніе строптивой Вѣстниковой. Съ конца 4-го явленія II-го дѣйствія пути Екатерины и Геллерта расходятся съ тѣмъ, однако, чтобы придти въ концѣ пьесы къ одной и той же цѣли, а именно къ браку Молокососова (Симона) съ Христиной. Все содержаніе III-го акта Геллертовской комедіи вытекаетъ, какъ прямое логическое слѣдствіе, изъ опущеннаго Екатериною финала 4-го явленія II-го дѣйствія. Большая часть 3-го акта „О время!“ (три первыхъ сцены) заполнена характеристикой Чудихиной. Дѣйствіе возобновляется только въ

4-ой сценѣ и быстрымъ темпомъ приближается къ развязкѣ. Но и этотъ актъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ реминисценцій изъ „Богомолки". Такъ, напримѣръ, разсказъ Ханжахиной (въ 4-мъ явленіи) о „щастливыхъ примѣтахъ", „съ которыми родилась" Христина, невольно заставляетъ вспомнить разсказъ Рихардши о необыкновенныхъ примѣтахъ при появленіи на свѣтъ ея дочери. Прислушаемся къ болтовнѣ Чудихиной во 2-мъ явленіи: „Ахъ, умереть мнѣ нынѣшній годъ, всемѣрно (*плачетъ*): умереть. Не даромъ третьяво дни курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, черезъ голову до порога кувыркать, чтобы узнать, голову ли или хвостъ у ней отрубить. Жеребій палъ на голову; и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрѣзать голову. Хоть насѣдка и добра была, да провались она, свой животъ всего дороже"! Приведенная цитата имѣетъ ближайшее отношеніе къ слѣдующему мѣсту 6-го явленія I-го дѣйствія „Betschwester". „За нѣсколько лѣтъ,—разсказываетъ Рихардша Фердинанду,—передъ кончиною былъ онъ (т. е. мужъ Рихардши) боленъ зубами, и въ то самое время стала у насъ курица преужасно кричать, и кричала безъ умолку три дня, хотя мы чего ужъ надъ ней не дѣлали. Хозяйка сказала, наконецъ, мнѣ, покойникъ, курица та кричитъ вѣдь не къ добру, какъ бы то ни было, вели-ка ей свернуть голову".

Сопоставленіе пьесъ Екатерины и Геллерта убѣждаетъ насъ въ томъ, что комедію „О время!" слѣдуетъ причислить (примѣнительно въ данномъ случаѣ къ терминологіи Лукина) къ передѣлкамъ, а не къ подражаніямъ. „Подражать и передѣлывать,—замѣчаетъ Лукинъ (въ предисловіи къ своей комедіи „Награжденное постоянство)—великая разница. Подражать значитъ брать или характеры, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣльное, и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонить на свои нравы". И въ самомъ дѣлѣ, сюжетъ комедіи „О время!", основной планъ ея заимствованъ у Геллерта; многія сцены ея представляютъ почти буквальный, сокращенный переводъ соотвѣтствующихъ явленій нѣмецкой пьесы. За исключеніемъ такихъ характеровъ, какъ Вѣстникова и Чудихина, всѣ остальные характеры,—главныя дѣйствующія лица русской комедіи, перешли изъ „Betschwester".

Но, разумѣется, въ своей передѣлкѣ Екатерина пошла значительно далѣе Лукина. Она не ограничилась перенесеніемъ дѣйствія нѣмецкой комедіи въ русскую обстановку и переодѣваніемъ, такъ сказать, въ русское платье дѣйствующихъ лицъ Геллерта, но дѣйствительно „склонила" иностранную пьесу на наши нравы. Въ готовыя уже рамки она внесла немало живыхъ штриховъ изъ рус-

ской дѣйствительности. Въ комедіяхъ Екатерины, по справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, „было уже больше кровнаго родства съ окружающею жизнью". Отказать въ наблюдательности и въ знакомствѣ автора комедіи „О время!" съ этою жизнью не представляется возможнымъ. Нельзя не отдать справедливости и „искусству, съ коимъ она усвоила языкъ старыхъ московскихъ кумушекъ" [1]). Екатерина была въ правѣ сказать о себѣ, что ей „хорошо извѣстенъ народъ", но ей не мѣшало бы, полагаемъ, упомянуть и о своемъ знакомствѣ съ пьесою Геллерта, которое не подлежитъ никакому сомнѣнію.

А. Чебышевъ.

---

[1]) *П. Щебальскій.* Драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II.—„Русскій Вѣстникъ", 1871 г., май, стр. 140.

Разбойническое нападеніе на Волгѣ въ 1800 году.

Нижегородскій гражданскій губернаторъ Кудрявцевъ отъ 7-го августа 1800 года въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ писалъ:

Вашему императорскому величеству осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести, что всемилостивѣйше ввѣренной мнѣ губерніи смежныхъ васильской и княгининской округъ земскіе комиссары 28-го дня минувшаго іюля мѣсяца донесли мнѣ, что по рѣкѣ Волгѣ на мѣстѣ, называемомъ Шелковый затонъ, которое имѣетъ видъ залива, прикосновеннаго къ большимъ лѣсамъ, въ луговой сторонѣ означенной рѣки, къ которымъ близки границы казанской и вятской губерній, на 23-е число онаго-жъ мѣсяца, въ самую полночь, плывшіе съ макарьевской ярмонки оренбургской губерніи, мензелинской округи, разныхъ селеній казенные крестьяне и прикащики казанскаго первой гильдіи купца, по имени Абдулъ Мустаевъ, и другой служилаго казанскаго татарина Салей, съ рабочими людьми 33 человѣками, наѣхавшими воровскими вооруженными людьми пятью человѣками ограблены, изъ коихъ у крестьянъ отнято денегъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, а у Абдула Мустаева кумачу сто кусковъ. Во время грабежа тѣ разбойники Салея поранили саблей въ голову, другому-жъ рабочему татарину смертную дали рану въ брюхо, при чемъ и одинъ изъ разбойничьихъ товарищей пораненъ и тогда-жъ ими былъ увезенъ. Я получивъ донесеніе о сихъ происшествіяхъ, хотя и видѣлъ изъ онаго, что чинятся надъ тѣми разбойниками поиски, но предписалъ помянутымъ комиссарамъ, чтобъ они соединясь употребили всѣ мѣры къ поимкѣ оныхъ разбойниковъ, и въ то же время находившемуся выше означеннаго мѣста съ гардкотомъ и командою флота лейтенанту Богданову, командированному казанскою адмиральтейскою конторою для разъѣзда во время ярмонки по Волгѣ и поиску разбойниковъ далъ знать, чтобъ и онъ прибылъ къ нимъ и въ поискахъ имъ содѣйствовалъ. Между тѣмъ 27-го дня онаго-жъ мѣсяца представленъ ко мнѣ пойманной васильской округи въ лѣсныхъ дачахъ графа Головина дезертиръ съ солдатскимъ ружьемъ, штыкомъ и плащемъ, показывающій себя гарнизоннаго цибульскаго полку 2-го баталіона 2 роты мушкетеромъ, который и отосланъ въ военный судъ. (Моск. Отд. Арх. М. Имп. Д. д. 60.599).

Сообщилъ **Д. У.**

На поворотѣ [1]).

Пьянство духовныхъ лицъ весьма часто имѣло своимъ основаніемъ невзгоды личной жизни. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какъ тяжело было матеріальное и соціальное положеніе духовенства въ разсматриваемое время; тяжесть этого положенія и заставляла многихъ искать утѣшенія въ зеленѣ-винѣ. Не давала какой-нибудь нравственной поддержки слабымъ людямъ и семейная жизнь; напротивъ даже, она часто сама по себѣ являлась однимъ изъ звеньевъ въ длинной цѣпи тяжкихъ невзгодъ, еще болѣе отягчавшимъ печальную долю духовнаго лица. Семейная жизнь духовенства всегда заключала въ себѣ одну сомнительную сторону, являвшуюся здѣсь источникомъ большого нравственнаго разлада. При фактической обязательности для духовныхъ лицъ брака, этотъ послѣдній, естественно, терялъ свой внутренній моральный характеръ и оказывался просто однимъ изъ юридически необходимыхъ формальныхъ моментовъ въ полученіи правъ духовной службы. Устройство самого брака мотивировалось при такихъ условіяхъ не личными симпатіями лицъ, вступающихъ въ бракъ, а въ большинствѣ случаевъ лишь матеріальными расчетами; оно и понятно: разъ извѣстная сдѣлка оказывается принудительно необходимою, то вполнѣ естественнымъ представлялось совершить ее наиболѣе выгоднымъ для обѣихъ сторонъ образомъ.

Въ запискахъ священника Матусевича описанъ типичный процессъ сватовства въ духовномъ сословіи съ обычными смотринами, толками и спорами о приданомъ [1]). Въ 1765 г. митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій издалъ весьма любопытное распоряженіе для

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1907 г.

[2]) „Русская Старина, 1877 г., т. 19, 535—8.

твоей епархіи, чтобы священники и дьяконы отдавали сыновей въ академію, а желающіе сдать мѣсто зятьямъ выдавали своихъ дочерей замужъ за людей учительныхъ [1]). Со времени этого указа наслѣдницу, не отыскавшую жениха, родственники обыкновенно возили къ архіерею, при чемъ, объяснивъ, что къ ней „не случается ни философовъ, ни богослововъ", просили преосвященнаго дать ей жениха по своему усмотрѣнію. Архіерей, поставленный въ такое оригинальное положеніе, отправлялъ дѣвицу къ семинарскому начальству, которое объявляло о ней всѣмъ философамъ и богословамъ, вызывая ихъ „на оглядины", а иногда даже озабочивалось упрощеніемъ этихъ оглядинъ, поставивъ невѣсту у дверей класса [2]). Женихъ и невѣста при такихъ условіяхъ почти никогда не знали другъ друга до тѣхъ поръ, пока брачный уставъ не позволялъ имъ вступить въ права совмѣстной жизни. Понятно, въ подобныхъ случаяхъ разочарованія не только возможны, но и вполнѣ естественны; и вотъ съ первой же минуты закрадывается въ семью холодность, недовольство, вражда, ненависть.

Неудивительно послѣ этого, если среди епархіальныхъ дѣлъ встрѣчаемъ множество такихъ, гдѣ фигурируетъ разладъ въ отношеніяхъ между мужемъ и женою. Въ 1751 г. жена діакона Николаевской, въ Пыжахъ, церкви приносила въ дикастерію жалобу на мужа „въ пьянствѣ, битьѣ смертно, и взбытѣ ее со двора"; по ея словамъ, діаконъ „похвалялся переломить ей руку да ногу, отъ чего де она скитается межъ дворовъ" [3]). Въ 1747 г. канцеляристъ коллегіи экономіи Казанцевъ, жившій на квартирѣ у пономаря церкви Спиридона Чудотворца, донесъ консисторіи, „что пономарева жена при свидѣтеляхъ называла мужа своего воромъ и разбойникомъ, и каторжнымъ, и бѣглымъ, и солдатомъ, и двоеженцемъ". Консисторія вызвала пономариху, которая созналась, „что дѣйствительно въ сердцахъ говорила непристойныя мужу рѣчи, которыхъ и не упомнитъ". Консисторія наказала пономариху плетьми и обязала ее подпискою впредь рѣчей непристойныхъ не говорить; за нее по неграмотности расписался мужъ [4]). Такія мѣры, разумѣется, меньше всего могли урегулировать нравственныя отношенія супруговъ, и семейныя неурядицы оканчивались иногда очень трагически. Въ 1759 г. Николаевскій, на Боршевкѣ, въ Москвѣ, священникъ, придя изъ бани, спросилъ у жены своей другую рубаху и, когда она отвѣтила ему грубо, сталъ ее бить;

---

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древнимъ училищемъ, II, 225.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей. 1864 г., т. III, 409; Знаменскій. Приход. дух., 146.

[3]) Исторія Московск. епарх. упр., ч. II. кн. I, примѣч., стр. 90.

[4]) Исторія Московск. епарх. упр., ч. II, кн. I, примѣч., стр. 90.

15-лѣтній сынъ заступился за мать; попъ ударилъ его кулакомъ противъ сердца; мальчикъ выбѣжалъ съ матерью на погостъ и тутъ же упалъ мертвымъ [1]). Послѣ этого неудивительно, что жены бѣгали отъ своихъ мужей [2]); съ другой стороны, встрѣчаемъ факты, что и мужья, поздно сознавъ свою ошибку, старались исправить ее уходомъ отъ своихъ женъ; такъ, священникъ городка Салтыковой Дѣвицы (черниговской епархіи) Ѳедоръ Стефановъ бѣжалъ съ женою тамошняго ктитора и вмѣстѣ шинкаря, оставивъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы [3]). Въ архивахъ духовно-административныхъ учрежденій содержится много дѣлъ съ обвиненіемъ духовныхъ лицъ въ нарушеніи супружеской вѣрности [4]) и даже въ кровосмѣшеніи [5]); попадались также священники-двоеженцы [6]).

Но какъ ни непригляды приведенные факты, они представляются весьма скромными въ сравненіи съ тѣмъ разнузданнымъ развратомъ, какой господствовалъ въ разсматриваемое время въ другихъ классахъ общества. „Почтенный старикъ Алферьевъ,—говоритъ Жихаревъ,—разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, что онъ и самъ былъ вовлеченъ потокомъ идей въ эти непростительныя шалости... Кто повѣритъ теперь, чтобы молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно и вообще не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиваться знакомствомъ съ пожилыми людьми, да и тѣ иногда суются туда же. Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какихъ никогда и причастенъ быть не могъ“ [7]). Развратъ считался необходимымъ качествомъ образованнаго человѣка; наоборотъ, супружеская вѣрность являлась признакомъ дурного тона. Встрѣчаемъ въ это время такіе омерзительные по своимъ подробностямъ факты, какъ сводничество матерью родной дочери [8]) или дѣло о кровосмѣшеніи отца съ дочерью и о прелюбодѣяніи ея въ то же время со своимъ холопомъ [9]). Приведенные выше

[1]) ibid. стр. 97—8.

[2]) ibid. ч. I, примѣч., стр. 224.

[3]) Опис. рукописей Черниговской духовной семинаріи, 101.

[4]) Ист. Моск. еп. упр., ч. II, кн. I. примѣч., стр. 78, 82—3; 2 кн. 86—7. Описаніе архива Св. Синода, IV. № 277: Полное собр. постановл. и распор. по прав. вѣд., I, № 91.

[5]) Полное собр. постановл. и расп. по правосл. вѣд., I, 266.

[6]) Исторія Минской архіеп., 252; „Кіевская Старина“, 1882 г., 12; 1883 г., 7.

[7]) Записки современника Жихарева. Дневникъ студента, 388.

[8]) Жизнь Пишчевича, 72—3.

[9]) Описаніе Спб. епархіи, VI. отд. II. 40—41.

факты нарушенія семейныхъ нравовъ среди духовенства, конечно, блѣднѣютъ передъ этими.

Тяжелая атмосфера семейной жизни не могла оказаться благотворною въ воспитательномъ отношеніи для дѣтей. Депутаты въ екатерининскую комиссію указывали, между прочимъ, на то, что праздныя дѣти духовенства занимаются воровствомъ. Взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми также заставляли желать лучшаго; въ 1760 г. отецъ-священникъ просилъ прихожанъ подать на его сына, тоже священника, просьбу объ отрѣшеніи его отъ мѣста [1]). Въ 1773 г. одинъ московскій священникъ жаловался на своего сына-діакона „въ непостоянномъ его житіи и непочтеніи къ нему“; дикастерія по этому поводу опредѣлила: „къ управителю духовныхъ дѣлъ послать указъ и велѣть ему показаннаго діакона сыскать, и за непостоянное его житіе и брань отца, учинить нещадное плетьми наказаніе приономъ отцѣ его такое, какое ему угодно будетъ, и содержать его въ монастырѣ до тѣхъ поръ, дондеже онъ въ постоянство пріидетъ, и отъ того содержанія освободить его, діакона, когда оный отецъ его просить будетъ; а по свободѣ, обязать его, письменно съ подкрѣпленіемъ, чтобъ ему впредь такихъ противностей не чинить“ [2]). Вообще, педагогическая мудрость духовной дикастеріи, регулировавшая тогда семейныя отношенія духовенства, не шла далѣе плетей и подписокъ. Ея послѣдовательность въ этомъ отношеніи приводила подчасъ къ результатамъ весьма курьезнаго свойства. Священникъ Котельскаго погоста (копорскаго уѣзда) Ѳедоръ Филипповъ по ночамъ заводилъ драку съ женою, гонялся за нею и дѣтьми съ топоромъ и ножомъ, билъ и ломалъ все, что ни попадало ему подъ руки. Сынъ его Петръ, исключенный изъ грамматики и служившій расходчикомъ при невской семинаріи, донесъ объ этомъ закащику, „дабы не произошло смертоубійства“. Консисторія навела справку и по соборному уложенію (гл. 22 и 26) оказалось: „буде который сынъ и дочь учнутъ бить челомъ о судѣ на отца или матерь, ни въ чемъ суда не давать, да ихъ же за такое челобитье бить кнутомъ и отдать ихъ отцу и матери“. Епархіальное начальство призадумалось: доносъ, вѣдь, послѣдовалъ на отца, но въ защиту матери; примѣнять ли къ доносчику статью уложенія или нѣтъ? Вздумали обратиться къ семинарскому начальству за справкою, какого-де поведенія оный Петръ Ѳедоровъ? Семинарское начальство, въ лицѣ іеродіаконовъ Никодима и Сильвестра, назвало его дерзкимъ и упорнымъ. Принявъ во вниманіе такой отзывъ, епархіальное начальство

[1]) Исторія Москов. епарх. упр., ч. II, кн. 2, прим., стр. 93.
[2]) ibid. примѣч. къ ч. I, стр. 218.

распорядилось наказать Петра Ѳедорова въ консисторіи плетьми и обязало подпискою быть у родителей въ послушаніи [1]). Этотъ Соломоновъ судъ долженъ былъ вызвать въ несчастномъ осужденномъ искреннее недоумѣніе: у кого же въ концѣ концовъ онъ долженъ быть „въ послушаніи"? У пьянаго отца, грозящаго убійствомъ его матери, или, подъ страхомъ новаго наказанія плетьми, у матери, ищущей защиты отъ его же отца?

Немиролюбивое настроеніе духовенства не ограничивалось сферою семейно-родственныхъ отношеній и распространялось вообще на житейскія его отношенія, страдавшія большими недостатками. Ссоры, брань, драки, доносы, ябедничество процвѣтали здѣсь въ сильной степени.

Самымъ обычнымъ и распространеннымъ изъ указанныхъ недостатковъ была страсть къ ссорамъ. Общежитейскія отношенія духовенства какъ бы запечатлѣны постоянною чертою какой-то бранчивости, заявлявшей себя при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Петербургскій протопопъ Успенскаго собора, Яковъ Борисовъ, называетъ капитанскую жену непотребною; Владимірскій (въ Петербургѣ же), священникъ Григорій Матвѣевъ безчестилъ мастера Якимова [2]). Это все еще слишкомъ скромное проявленіе немиролюбиваго настроенія; обыкновенно же ссоры приводили къ своимъ логическимъ послѣдствіямъ. Бывшій надсмотрщикъ крѣпостной конторы въ Москвѣ, Иванъ Ходяковъ, жаловался на священника Николаевской, на Пупышахъ, церкви Михаила Стефанова, что тотъ вмѣстѣ съ діакономъ Петровымъ, напившись пьяные, перелѣзли черезъ заборъ, бранили его, Ходякова, жену и дочь скверною матерною бранью и называли его самого воромъ, плутомъ и обманщикомъ, а потомъ, изъ слухового окна кидали въ него и людей полукирпичами и проломили человѣку его голову [3]). Въ 1768 г. діаконъ Покровской, въ Кудринѣ, церкви, Александръ Ивановъ, избилъ пьяный капральскую жену и ея сына [4]). Протопопъ пирятинскій, Максимовичъ, доносилъ въ 1759 г., что вдовый священникъ с. Кручи, Леонтій Дудчевскій вслѣдствіе пьянства „заобикъ кого ни попалъ бить и окривавлять" [5]). Въ 1764 г. прихожане доносили на Николаевскаго, что на Пупышахъ, священника Симеона Михайлова, что онъ, будучи однажды въ кабакѣ, билъ тамъ крестьянскую женку Анну Яковлеву заморскою палкою и гналъ ее берегомъ близъ Москвы рѣки, бивши ее той палкой, и сильно ее

[1]) Истор.-статистич. свѣд. о Спб. еп., вып. VI, отд. I, 53—55.
[2]) Опис. Спб. епархія, V, 140.
[3]) Истор. Московск. еп. упр., ч. II, кн. I, стр. 82, прим. 296.
[4]) Ист. Моск. еп. упр., ч. II, кн. 2, прим., стр. 94.
[5]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

изувѣчилъ; въ другой разъ тотъ же попъ Михайловъ, придя въ домъ своего прихожанина, купца Мусина и заперевъ дверь, билъ его смертнымъ боемъ [1]).

Указанная черта въ поведеніи духовенства одинаково проявлялась какъ въ частной жизни, такъ и въ оффиціальныхъ и даже служебныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ московскихъ священниковъ, явившись въ словесный судъ, изругалъ тамъ членовъ суда, а также билъ сторожей и канцеляристовъ [2]). Кіевскій Спасскій діаконъ, Михаилъ Высоцкій, бранилъ въ духовномъ правленіи кіевскаго жителя Ивана Донца „плутомъ, безсовѣстнимъ и скурвимсыномъ", а затѣмъ, выйдя послѣ увѣщанія изъ правленія, „вхвативши кирпичину, бросался къ Донцу бить и бѣгалъ за нимъ, Донцемъ, какъ би внѣ ума будучи" [3]). Въ 1753 г. явился въ московскую дикастерію безъ всякаго требованія Успенскій священникъ Семенъ Ивановъ, „безмѣрно пьяный" и, весьма крича, бранилъ консисторскаго канцеляриста Протопопова [4]). Въ 1721 г. синодскіе совѣтники—Гавріилъ, архимандритъ ипатскій, и Іеровей Новоспасскій жаловались, что приходилъ къ нимъ діаконъ Петръ Ѳедотовъ и говорилъ при нихъ въ пьяномъ видѣ „многія невѣжливыя слова", между которыми сказалъ ко укорительному на Св. Синодъ нареканію, „что при счетѣ церковныхъ денегъ въ тіунской палатѣ взято съ отрѣшеннаго священника Ивана Михайлова 300 руб." [5]).

Прекрасная половина духовнаго сословія также не отличалась миролюбіемъ. Намѣстникъ и священникъ с. Поповки (черниговской епархіи) о. Василій жаловался, что конотопская попадья Мигалевская вырвала ему бороду. Сама Мигалевская при допросѣ показывала: „когда о. Василій въ господиномъ моимъ другимъ разомъ прійшолъ въ домъ Рубана: я заразъ господина своего взявши выпровадила съ хаты; а о. Василій ставъ на мене тюкати: тю, тю, тю! Выпровадивши господина, питаюсь: на кого ты, отче, тюкаешь? онъ сказалъ: на тебе. И я сказала: на свою ти попадью тюкай, а не на мене. И съ того соръ стався, въ якомъ сору не маломъ—назвалъ мене бестіею и курвою и кинувся до грудей; тогда я его за бороду порвала". Свидѣтельница Евдовія Антониха излагала дѣло такъ: „Будучи и я въ домѣ Василія Рубана, подпилая, слышала, что попадья Мигалевская, сорячися съ о. Василіемъ, называла его шапошникомъ, ледащимъ и доволно въ

---

[1]) Ист. Моск. еп. управл., ч. II, кн. 2, прим., стр. 93.
[2]) ibid. ч. II, кн. 2, прим., стр. 97.
[3]) Моя выписка изъ дѣлъ Кіевской консисторіи XVIII в.
[4]) Ист. Москов. еп. упр., ч. II, кн. 1, стр. 87.
[5]) Опис. Петерб. еп., к. 5, отд. II, стр. 41.

томъ сорѣ ему докучала; а о. Василій называлъ ее бестіею килка разъ, а при концѣ сказалъ ей: да цить же, бестія и курво! Поки мнѣ будешъ досаждати? и заразъ она, попадья, о. Василія за бороду порвала". Другая свидѣтельница, какъ не находившаяся подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, сообщаетъ къ сказанному еще нѣкоторыя характерныя подробности: „Когда,—говоритъ она,—о. Григорій (Мигалевскій) съ о. Василіемъ и другими двома священниками повторнимъ разомъ прійшолъ въ домъ Василія Рубана, сѣли себѣ любовне; заразъ попадья своего господина о. Григорія стала отсылать до господи домой, а о. Василій сказалъ о. Григорію: не йди, посѣдмо, и стали между собою цѣловаться; тогда попадья сказала о. Василію и попу своему: когдась жили есте за брата, а теперь за скурвого сына,—за що вы моего попа въ колоду сажали, сякій и тякій сынъ? Въ той часъ о. Василій на попадью сказалъ: тю! Заразъ своего господина выпровадила она съ хаты и вернувшись, стала о. Василія безчестити. По довольномъ безчестіи о. Василій не могучи стерпѣть сказалъ: да цить же, бестія. И она, не перестаючи бранити, говорила: тебе не намѣстникомъ быть, але шапки шить и продавать... О. Василій сказалъ: да досить же болшъ мене ругати, бестія. И попадья заразъ кинулася до о. Василія, а о. Василій, не допускаючи ее до себе, взялъ за груди; а она его порвала за бороду и немало волосовъ вырвала. И заразъ потомъ о. Василій плачливе одійшовъ" [1]).

Особенно много ссоръ происходило между членами каждаго отдѣльнаго причта. Порядокъ подчиненности и взаимныхъ отношеній между священниками и церковнослужителями не былъ опредѣленъ ясными постановленіями, что и подавало поводъ къ безпрерывнымъ ссорамъ, распрямъ и тяжбамъ. То священникъ жаловался на непослушаніе дьякона или причетниковъ, то дьяконы или причетники приносили жалобы на священниковъ въ притѣсненіи и обидахъ; изъ дальнихъ мѣстъ шли члены причта къ епархіальному архіерею съ прошеніями о разборѣ ихъ тяжбъ. Епархіальное начальство сильно вооружалось противъ развитія сутяжничества въ средѣ духовенства и большею частью наказывало пустыхъ жалобщиковъ. Вотъ, напр., резолюція нижегородскаго преосвященнаго Дамаскина по поводу жалобы одного дьякона на священника: „дьяконъ, видно, плутъ и не во-время проситъ, и не порядочно, и о бездѣлицѣ. Отказать". На другой жалобѣ, поданной священникомъ на дьячка, тотъ же архіерей написалъ: „велѣть положить сему священнику пятьсотъ поклоновъ въ соборѣ за то, что въ самомъ маловажномъ дѣлѣ проситъ насъ въ такое время, когда кон-

[1]) Опис. Черниг. еп., т. VI, стр. 329—331.

систорія и мы заняты премногими важнѣйшими дѣлами; а при томъ, что и долго здѣсь живетъ, оставя церковь и приходъ свой въ сіи дни, въ кои ему надобно пріуготовлять прихожанъ къ исповѣди и св. причастію" [1]).

Много возбуждало дѣлъ безмѣстное духовенство, старавшееся выжить изъ приходовъ законныхъ священнослужителей, чтобы водвориться на ихъ мѣстѣ. Это зло особенно развито было въ Малороссіи, гдѣ свобода выборовъ давала полное основаніе для подобныхъ предпріятій. Такъ, Каневскій благочинный (кіевской епархіи) Іоаннъ Сѣнкевичъ доносилъ въ 1797 г. митрополиту Кіевскому Іероѳею, что оставленный на жительство въ с. Ельчихѣ до пріисканія себѣ празднаго мѣста священникъ Тимоѳей Проценковъ возбуждаетъ прихожанъ противъ мѣстнаго священника, „силясь его согнать" [2]). Особенно много ссоръ происходило между священниками на приходскихъ выборахъ въ Малороссіи. Для выборовъ съѣзжались масса окрестнаго населенія, въ томъ числѣ и духовенства, и передъ всѣмъ этимъ собраніемъ выступали кандидаты на духовныя должности съ предложеніемъ громадѣ своихъ услугъ. Здѣсь-то и являлась наилучшая возможность ликвидировать всѣ старые счеты съ этими кандидатами. Всякое заявленіе присутствующихъ о такомъ кандидатѣ принималось во вниманіе, и стоило только сообщить здѣсь о какихъ-нибудь отрицательныхъ, хотя-бы и вымышленныхъ, качествахъ кандидата, какъ фонды послѣдняго тотчасъ же падали. Одинъ изъ такихъ неудачниковъ такъ жаловался митрополиту кіевскому Рафаилу на своего противника, благодаря которому провалилась его кандидатура на выборахъ. „Тутъ были, — писалъ онъ, — многіе священники и свѣтскіе, пріѣхавшіе до громады въ гости. Я выступилъ передъ громадою, поклонился и сказалъ: „прошу и я васъ, панове парохіяне, еже будетъ воля ваша, и меня принять". Тогда стоявшій тутъ священникъ Дубровскій, пріѣхавшій къ громадѣ, крикнулъ: „а ты чего лѣзешь сюда? Ты продалъ свою парохію и людей за 700 злотыхъ; а ежели ты станешь, то и тутъ тое сдѣлаешь. Онъ васъ, панове парохіяне, всѣхъ попродаетъ". Громада тотчасъ же отказала кандидату, хотя онъ дѣйствительно былъ невиненъ въ продажѣ старой парохіи, и послѣ, когда мѣсто было уже потеряно, доказалъ несправедливость нареканій на него со стороны священника Дубровскаго [3]).

Въ Великороссіи много зла въ данномъ отношеніи причиняли

[1]) Я. Горожанскій. Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, стр. 226.
[2]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[3]) Знаменскій. Приходское духовенство, 25.

обычай наслѣдственности церковныхъ мѣстъ. Обойденный наслѣдникъ, вслѣдствіе глубокаго сознанія своихъ правъ, доходилъ иногда до крайней степени раздраженія на обиду, причиненную ему отнятіемъ роднаго мѣста, поднималъ горячія тяжбы со своимъ соперникомъ и даже съ епархіальнымъ начальствомъ. Вотъ одинъ выразительный примѣръ изъ записокъ рязанскаго архіепископа Гавріила, съ одной стороны иллюстрирующій тѣ страшныя ссоры, какія происходили иногда изъ-за наслѣдныхъ мѣстъ между духовными семьями, а съ другой—характеризующій самихъ наслѣдниковъ, заявлявшихъ свои претензіи за нарушеніе ихъ наслѣдныхъ правъ. Отецъ пресвященнаго Гавріила Іоаннъ былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Городковичи рязанской епархіи на мѣсто отрѣшеннаго за безпорядочную жизнь священника Григорія Иванова. Несмотря на то, что Ивановъ потерялъ свое мѣсто по своей собственной винѣ и по суду, семейство его все-таки считало это мѣсто своимъ наслѣдственнымъ и было крайне раздражено, когда пріѣхалъ съ село другой священникъ—чужой человѣкъ. Одинъ изъ сыновей Григорія, Гавріилъ, бывшій тогда послушникомъ солодчинскаго монастыря, долго тягался съ о. Іоанномъ, и о. Іоаннъ успѣлъ удержать мѣсто за собою, благодаря только сильной поддержкѣ тогдашняго рязанскаго архіерея Симона; послѣдній почелъ, однако, необходимымъ дать Гавріилу, по крайней мѣрѣ, дьяконское мѣсто при его наслѣдной церкви. Это было въ 1795 г., и съ этого времени цѣлыхъ три года о. Іоаннъ долженъ былъ терпѣть непрерывное гоненіе отъ раздраженной семьи, которая къ большому его несчастію жила въ своемъ прежнемъ домѣ подлѣ его дома и была довольно многочисленна. Она состояла изъ лишеннаго мѣста отца, злой и жестокой матери, пятерыхъ взрослыхъ сыновей и дочери; одинъ изъ братьевъ служилъ дьякономъ при церкви, другой былъ дьячкомъ, третій пономаремъ. Имѣя такое сосѣдство и окруженный такимъ причтомъ, о. Іоаннъ находилъ свое положеніе невыносимымъ и нѣсколько разъ принимался хлопотать о переходѣ на другое мѣсто. Къ довершенію всѣхъ его бѣдъ одинъ изъ сыновей его предмѣстника, Маркъ или Марукъ, угодившій во время Екатерининскихъ разборовъ духовенства въ солдаты и бѣжавшій изъ службы, занимался разбоемъ на р. Окѣ и вмѣстѣ съ своими товарищами имѣлъ притонъ у своего отца. Семья о. Іоанна не могла безъ страха выходить изъ дому ни въ поле, ни въ луга для работъ. Марукъ выжигалъ у нея сѣно на лугахъ, побивалъ скотину, дѣлалъ множество другихъ непріятностей и кромѣ того похвалялся при первомъ удобномъ случаѣ убить самого о. Іоанна; возбуждаемый своею матерью, онъ нѣсколько разъ покушался даже привести это намѣреніе въ исполненіе, однажды цѣлился въ о. Іоанна

изъ ружья черезъ окно въ домѣ одного прихожанина, у котораго священникъ совершалъ какую-то требу, въ другой разъ подстерегалъ его съ ружьемъ на озерѣ, гдѣ тотъ ловилъ себѣ рыбу, въ третій вмѣстѣ съ товарищами наѣхалъ прямо на его домъ, но всякій разъ въ чемъ-нибудь да находилъ себѣ неожиданную помѣху, несмотря на то, что имѣлъ отъ своей семьи всѣ нужныя свѣдѣнія о каждомъ шагѣ о. Іоанна. Уже въ 1798 г. послѣдній получилъ, наконецъ, свободу отъ всѣхъ страховъ, какихъ натерпѣлся доселѣ. Въ руки правосудія попался одинъ изъ сподвижниковъ Марука и оговорилъ всю его семью въ пристанодержательствѣ разбойниковъ и въ соучастіи съ ними. Священникъ Григорій былъ наказанъ кнутомъ на погостѣ своей бывшей церкви и сосланъ въ Сибирь; дьяконъ Гавріилъ, виновный менѣе другихъ братьевъ, посланъ въ монастырь, жена его, трое братьевъ и сестра наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь; самъ же Марукъ успѣлъ избѣжать поимки и скрылся, неизвѣстно куда [1]).

Много ссоръ возникало между членами причта вслѣдствіе отсутствія точныхъ правилъ, опредѣлявшихъ степень участія ихъ въ полученіи платы за различныя требоисправленія. Въ 1732 г. дьяконъ и причетники Замоскворѣцкой Никольской церкви подали прошеніе на священника, что онъ „отнялъ у нихъ псалтырныя по усопшимъ, которыя читаются въ церкви, на могилахъ и въ домахъ по шесть недѣль и по году", т. е. читалъ вмѣстѣ съ ними псалтырь и бралъ изъ дохода за это чтеніе обычную священническую долю, тогда какъ эти чтенія считались исключительно привилегіей низшаго клира; дѣло это, дорого стоившее священнику, тянулось въ продолженіе двухъ лѣтъ [2]). Въ 1774 г. дьяконъ кіевопечерской крѣпости Ѳеодоръ Григорьевичъ также жаловался на своего настоятеля Григорія Криницкаго, что тотъ „ни въ какіе церковные церемоніи мене (т. е. дьякона) не приглашаетъ, и какое бъ могло быть при тѣхъ церемоніяхъ и мнѣ доброхотное подаяніе, тѣмъ всѣмъ онъ самъ користуется").

На этой почвѣ взаимныя отношенія членовъ причта принимали иногда очень рѣзкій характеръ. Кобеляцкій, напр., протопопъ Василій Быстрицкій въ пылу раздраженія называлъ Кобеляцкаго же намѣстника, священника Василія Могилевскаго, „иродовымъ предтечею и придворнымъ бываго протопопа намѣстникомъ" [4]). Въ 1738 г. протопопъ Покровскаго и Василія Блаженнаго собора Иванъ Климон-

---

[1]) „Странникъ", 1864 г., апрѣль; Знаменскій, Приходское духовенство, 163.
[2]) Исторія Московск. епарх. упр., ч. I, примѣч., 230.
[3]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[4]) ibid.

товъ жаловался въ дикастерію, что священникъ того же собора Никита Васильевъ во время наблюденія имъ, протопопомъ, за работами по ремонту собора, бранилъ его всякими ругательными и скверными словами, называлъ воромъ и разстригою и, поднявъ съ земли кирпичъ, хотѣлъ убить его. Протопопъ закричалъ „караулъ", и въ результатѣ оба очутились въ губернской канцеляріи. Здѣсь Васильевъ опять бранилъ протопопа всякою скверною бранью, называлъ его шельмою и воромъ, безчестилъ жену его и говорилъ, между прочимъ, что онъ, протопопъ, произведенъ въ соборъ Мишкою Дудинымъ (бывшій оберъ-секретарь Св. Синода)[1]). Дѣло часто кончалось и гораздо хуже. Московскій придѣльный священникъ Спасскаго собора, что на Бору, прошибъ палкой до крови голову придѣльному же дьякону Благовѣщенскаго собора при раздачѣ памятцевъ на площади; на допросѣ онъ объяснялся, что „онъ сдѣлалъ то отъ простоты, обороняясь"[2]).

Весьма интересна иногда бытовая обстановка взаимныхъ столкновеній между членами причта, обнаруживающая чрезвычайную напряженность отношеній между ними. Лишь только малѣйшая искра проникнетъ въ эту какъ бы насыщенную электричествомъ атмосферу натянутыхъ отношеній, какъ сейчасъ же разыгрываются весьма тяжелыя сцены при самой миролюбивой обстановкѣ и безъ всякаго, повидимому, серьезнаго повода. Вотъ, напр., характерное дѣло о дракѣ между крехаевскими священниками (черниговской еп.) Григоріемъ Артовскимъ и Герасимомъ Строцкимъ. Первый изъ нихъ пригласилъ второго въ шинокъ, обѣщая угостить горѣлкою, но шинкарка не дала въ долгъ. Тогда Артовскій купилъ горѣлки на свои двѣ копейки и, выпивши чарку, ударилъ Строцкаго въ щеку, схватилъ его за волосы и началъ таскать по шинку, ударивъ при этомъ „разовъ пять" по головѣ палкою; въ результатѣ у пострадавшаго голова оказалась „съ праваго боку выше уха пробита вдолжъ мало не на хорошую пядь, а вширь ко лобу на два пальца, такъ тяжко, что великій опухъ послѣдовалъ на головѣ и „надъ глазами", вслѣдствіе чего побитый „мало и видѣть можетъ"[3]). Въ м. Решетиловкѣ (въ Полтавщинѣ) драка между священниками произошла при еще болѣе миролюбивой обстановкѣ. Священникъ Іоаннъ Александровичъ вмѣстѣ со своимъ ктиторомъ и еще однимъ прихожаниномъ сидѣли вечеркомъ „на углѣ церковномъ" и пѣли „нѣкакіе пѣсни, только церковніе". Въ это время проходилъ съ матерью, братомъ и двумя сестрами другой священникъ Алексѣй, пьяный, и, увидя поющаго о.

[1]) Ист. Москов. еп. упр., примѣч. къ ч. I, стр. 211.
[2]) ibid., примѣч. къ ч. II, кн. 1, стр. 89.
[3]) Опис. Черниговской еп., V, 439—440.

Іоанна, началъ сперва ругать его „всякими поносными, досадными словами“, а потомъ и затѣялъ драку: бросился на противника, схватилъ его за горло и началъ давить. Священникъ Александровичъ, обороняясь, ударилъ его по головѣ палкой, а также „матку его... между ними смѣсившуюся такожде тростею по рукамъ ударилъ“. На другой день о. Александровичъ послалъ къ о. Алексѣю, чтобы тотъ пришелъ къ нему „и какъ былъ початкомъ сварки и незлагоди, такъ бы былъ початкомъ и досмиренія“; „но онъ, Алексѣй, сказалъ: нехай мене позиваетъ; зъ мене не душу озмутъ; я ему ворогъ, поки не убью его“. Впослѣдствіи, впрочемъ, о. Алексѣй призналъ себя виновнымъ [1]).

Было бы, конечно, преувеличеніемъ утверждать, что такая атмосфера отношеній царила во всѣхъ безъ исключенія приходахъ. Были, разумѣется, приходы, гдѣ не чувствовалось такого обостренія отношеній, и возникавшія между членами причта недоразумѣнія въ концѣ концовъ улаживались миролюбиво. Изъ записокъ Иваньковскаго священника (ярославской епархіи) Матусевича видимъ, что церковный причтъ села Иванькова жилъ довольно мирно, и въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ, описанныхъ въ дневникѣ, произошло одно только столкновеніе между священникомъ и пономаремъ. Вотъ какъ описываетъ Матусевичъ это событіе: „пришли въ церковь вечерню пѣть... пономарь звонитъ въ два. Я ему сталъ говорить: надлежало бы въ три звонить, а онъ — спорить. Я его взялъ за рукавъ и повелъ къ налою указать ему, а онъ вырвался и ухватилъ желѣзную клюку. и ушибъ бы, ежели бы я не отбѣжалъ къ стекляннымъ дверямъ“. На другой день священникъ ѣздилъ въ городъ жаловаться на пономаря. Получивъ, вѣроятно, отъ начальства нагоняй за свое дерзновеніе, пономарь чрезъ недѣлю послѣ ссоры кланялся священнику въ ноги и просилъ прощенія; „того ради, — рѣшилъ священникъ, — Богъ его проститъ по св. евангелію, глаголющему: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой и покается, отпусти ему, и аще седмижды и седмижды покается—остави ему“ [2]). Настоящее указаніе имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, что въ данномъ случаѣ изображаются отношенія между членами причта не по скорбнымъ листамъ консисторской лѣтописи, куда попадали все-таки болѣе или менѣе исключительные факты, а при условіяхъ обыденной житейской обстановки. И вообще часто тяжбы между членами причта кончались тѣмъ, что истецъ и отвѣтчикъ подавали мировую челобитную, съ виновнаго взыскивали нѣсколько копеекъ мировыхъ пошлинъ, записывали на приходъ въ книги, въ

---

[1]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[2]) „Русская Старина“, 1877 г., т. 19, стр. 537.

нѣкоторыхъ случаяхъ обоихъ связывали подписками впредь не ссориться, и дѣло прекращалось безъ всякихъ послѣдствій.

Тѣмъ не менѣе юридическая и бытовая подкладка взаимныхъ отношеній между членами клира въ весьма сильно степени содѣйствовала безпрерывнымъ столкновеніямъ между ними, и эту черту обостренности отношеній нужно признать здѣсь наиболѣе обычною и постоянною. При такихъ условіяхъ средства для того, чтобы утопить своего противника, конечно, не разбирались, и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ средствъ признавалось то, какое было наиболѣе дѣйствительнымъ. Въ разсматриваемую же нами вообще неприглядную по своему нравственному облику эпоху наиболѣе сильнодѣйствующимъ средствомъ былъ доносъ. Въ духовной средѣ явленіе это распространено было тѣмъ болѣе, что оно здѣсь искусственно прививалось и культивировалось извнѣ. Желая сдѣлать духовенство органомъ реформы, втянули его въ систему доносовъ, которая считалась тогда лучшей поддержкой указовъ и власти. Фискальныя обязанности слишкомъ деморализующе вліяли на духовенство, развивъ въ немъ пагубную страсть къ подкапыванію подъ ближняго. Отсюда сильное развитіе въ средѣ духовенства страсти къ доносамъ, ябедничеству, клеветѣ и всякаго рода навѣтамъ, производящее на изслѣдователя нравственнаго быта его весьма тяжелое впечатлѣніе.

Какъ чрезвычайно удобное орудіе борьбы, доносъ пускался въ ходъ всякій разъ, когда имѣлось въ виду наиболѣе чувствительно упечь своего противника, при чемъ предметъ доноса большею частью не имѣлъ совершенно никакого отношенія къ личности доносчика. Священникъ суздальскаго дѣвичьяго монастыря Иванъ Климентовъ сдѣлалъ доносъ, будто бы подъячій Петровъ жилъ блудно съ дѣвкою Акилиною Савельевою. Доносъ по произведеннымъ разслѣдованіямъ не подтвердился, и священникъ „былъ наказанъ и отъ службы запрещенъ, а подъячему Петрову и означенной дѣвкѣ безчестье доправлено“ [1]). Но, само собою разумѣется, наибольшее примѣненіе доносъ получилъ при взаимныхъ столкновеніяхъ между собою членовъ самого духовенства. Въ Сибири прихожане часто не могли получить исповѣди и причастія вслѣдствіе доносовъ, посылаемыхъ въ заказы дьяконами и причетниками съ очевиднымъ разсчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣйные дни, когда прихожане отбываютъ исповѣдную повинность, такъ какъ вызовъ священниковъ въ заказы по доносамъ „нарочито совпадали со днями постовъ“ [2]). Доносъ примѣнялся и какъ средство свалить свою вину

[1]) Опис. докум. и дѣлъ архива Св. Синода, т. IV, № 477.
[2]) В. Лѣсковъ. Сибирскія картинки („Вѣстн. Европы“ 1893 г., кн. 3).

на другого и тѣмъ облегчить свою участь при грозящей карѣ. Дьяконъ казанскаго преосвященнаго Веніамина Алексѣй Іонинъ, предавшись на сторону Пугачева и будучи захваченъ послѣ того правительственными войсками, лжесвидѣтельствовалъ на своего епископа, что яко бы тотъ посылалъ чрезъ него Пугачеву 3.000 руб. съ предложеніемъ покорности и съ просьбой пощадить отъ разоренія загородный архіерейскій домъ. Эта клевета надѣлала преосвященному Веніамину много непріятностей, и ему съ трудомъ удалось оправдаться [1]). Часто духовныя лица, преслѣдуемыя своимъ начальствомъ за какія-нибудь преступленія, оговаривали своихъ обвинителей съ цѣлью отклонить или, по крайней мѣрѣ, отдалить отъ себя наказаніе. Бывшій Лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій въ челобитьѣ своемъ въ Синодъ пишетъ, что онъ хотѣлъ послать попа Ѳедора Безсальскаго въ Кіевъ къ митрополичьему суду „о нѣкіихъ его неправильныхъ преступленіяхъ, а наипаче о троеженствѣ его, въ которомъ онъ дерзнулъ на священство", но Безсальскій бѣжалъ къ свѣтлѣйшему князю въ г. Сумы и донесъ на Рогачевскаго, будто онъ не велѣлъ читать царской грамоты (какой, — въ прошеніи не сказано). И „потому его Ѳедора попа ложному клеветанію,—пишетъ Рогачевскій,—безъ присутствія моихъ свидѣтелей, о помянутой его явственной лжи меня допрашивали; и, хотя моя неповинность, а его, Ѳедорова, ложь всѣмъ тогда явственна показася, обаче я нижайшій уже четвертыйнадесятъ годъ (съ 1709) судьбами божіими въ заточеніи стражду по разнымъ мѣстамъ, безъ всякаго подлиннаго свидѣтельства" [2]). Въ рукахъ лицъ, желавшихъ извлечь изъ доноса личныя выгоды, доносъ доходилъ до невѣроятно гнусныхъ инсинуацій. Извѣстный уже намъ Кіево-Подольскій намѣстникъ Павелъ Лобко донесъ консисторія на Кіево-Подольскаго протопопа Романа Лубенскаго, что этотъ въ приказѣ своемъ одному священнику явиться въ духовное правленіе употребилъ выраженіе: „наше правленіе", а такія выраженія, какъ мы, наше и проч., можетъ употреблять только царственная особа, въ устахъ же частнаго человѣка они являются посягательствомъ на высочайшую честь „протопопъ, — говорится въ доносѣ,—вѣдая себѣ быти раба и подданнаго, маловажная команда, отъ единой своей гордости къ униженію чести вашего императорскаго величества сіе титло восхищаетъ напрасно". Консисторія засуетилась и, не осмѣливаясь рѣшить такого важнаго дѣла сама, отнеслась за совѣтомъ къ кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ, что въ выраженіи наше не находитъ никакой вины

[1]) П. З. Сто лѣтъ назадъ. („Правосл. Собесѣдн.", 1874 г., кн. 6).
[2]) Опис. докум. и дѣлъ архива Св. Синода, т. II, ч. I, № 459.

и что весь доносъ на протопопа есть чистая ябеда. Но консисторія этимъ не удовлетворилась и отослала дѣло на рѣшеніе въ Св. Синодъ. Въ Синодѣ оставили его безъ рѣшенія [1]).

Язва доноса такъ глубоко проникла въ духовенство, что онъ считался даже большою заслугою, которая требуетъ и достойной награды. Въ 1726 г. дьячекъ Василій Θеодоровъ донесъ на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Василія Кобылина, что онъ бранилъ непристойными словами покойнаго императора и Екатерину I. Съ розыска Кобылинъ повинился и былъ казненъ, а имѣніе его конфисковано. Въ 1729 году доносчикъ обращается съ оригинальною жалобой. Онъ пишетъ, что съ конфискованнаго имѣнія, „по указу изъ Преображенской канцеляріи, дано мнѣ, по прошенію моему, до настоящаго награжденія, корову съ телицею, да на прокормъ ихъ сѣна, да гусей и куръ индѣйскихъ по гнѣзду; и черезъ многое прошеніе насилу получилъ въ три года; а охранительнаго и о непорицаніи меня указовъ изъ той канцеляріи не дано, отъ чего я черезъ три года, какъ отъ жены того злодѣя претерпѣвалъ всякіе несносные бѣды и разоренія и битъ смертно, отъ чего и до днесь порядошнаго себѣ житья съ женою и дѣтьми нигдѣ не имѣю, и бродя, безъ призрѣнія, помираемъ голодною смертію, яко подозрительные, въ чемъ на тѣхъ обидчиковъ въ той же канцеляріи я и билъ челомъ, а суда не дано“. Обиженный доносчикъ, присоединяя новые доносы, домогается узаконеннаго вознагражденія и напоминаетъ, что многіе получили и получаютъ такое вознагражденіе за гораздо менѣе важные доносы [2]).

Напряженность причтовыхъ отношеній заходила иногда дальше простыхъ ссоръ, дракъ, тяжбъ, доносовъ и разрѣшалась даже убійствомъ. Митрополитъ тобольскій Антоній Стаховскій, донося въ Синодъ о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ епархіи, пишетъ, между прочимъ, что „попъ дьякона забилъ, за что отъ надворнаго суда присланъ въ домъ архіерейскій и посаженъ въ темницы“ [3]). Въ запискахъ Якова Марковича разсказывается поразительный случай отравленія діакономъ священника за совершеніемъ Таинства Евхаристіи [4]).

Были, впрочемъ, случаи не менѣе жестокой расправы духовныхъ лицъ и съ мірянами. Въ 1760 г. березанскій житель Андрей Чередникъ жаловался преосвященному переяславскому Гервасію, что мѣст-

[1]) „Кіевск. епарх. вѣд.“ 1862 г., № 14, стр. 481.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1860 г., кн. 2 21—25; В. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в., 50.

[3]) Опис. докум. и дѣлъ архива Св. Синода, т. II, ч. I, прилож. XXXVII.

[4]) Записки Якова Марковича, ч. II, 405.

ный діаконъ Илья Турчиновскій, у котораго отецъ его служилъ въ работникахъ, отправился разъ на поиски за отцомъ жалобщика въ шинокъ, и найдя его здѣсь пьянаго, послалъ за нимъ двухъ своихъ подсосѣдковъ съ санками; посланные „бросили его на сани столь немилосердно, что отъ того вибили три ребра на копилъ“. Когда несчастный привезенъ былъ въ домъ діакона, то послѣдній билъ его до полусмерти, а потомъ приказалъ отвезти его къ сыну и бросить здѣсь. Родные побитаго услыхали его стоны и внесли въ домъ еле живого. Передъ смертью отецъ жалобщика объявилъ, что умираетъ отъ побоевъ діакона, и умеръ безъ принятія Св. Таинъ, „понеже харкаючи кровю не моглъ принять Святыхъ Таинъ“ [1]).

При общей грубости нравовъ въ разсматриваемое время и нравственное чувство духовенства притуплялось въ такой степени, что не только не возмущалось проявленіями крайней жестокости, но духовнымъ лицамъ не претило даже покрывать эти жестокости изъ своекорыстныхъ видовъ. Въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ, принадлежавшемъ извѣстной своею жестокостью помѣщицѣ Салтыковой, жилъ попъ Степанъ Петровъ, который безпрекословно хоронилъ жертвъ ея жестокости. Онъ обыкновенно исповѣдывалъ полумертвыхъ глухою исповѣдью и затѣмъ хоронилъ ихъ спокойно, какъ бы все случившееся было въ порядкѣ вещей и не требовало посторонняго вмѣшательства [2]).

Грубость и извращенность нравственнаго чувства въ средѣ духовенства доходила до того, что духовныя лица вступали въ очень близкія отношенія съ ворами и разбойниками и нерѣдко даже принимали непосредственное участіе въ ихъ подвигахъ. Московскій викарный священникъ церкви великомученика Никиты, что на Вшивой горкѣ, Андрей Семеновъ, давалъ у себя притонъ разбойникамъ и принималъ краденыя вещи [3]). Священникъ с. Златоустовскаго Можайскаго уѣзда Иванъ Ивановъ оговоренъ былъ многими въ томъ, что онъ держалъ у себя воровскую пристань и посылалъ сыновей своихъ въ разбой вмѣстѣ со старицкимъ разбойникомъ Бѣлусовымъ [4]). Священникъ с. Лыткина Московскаго уѣзда Иванъ Кузьминъ и сынъ его діаконъ того же села Василій Ивановъ оговорены были по „розыскному разбойному дѣла иноземца полковника Ягана Тилля“ разбойниками Иваномъ Коротковымъ и Семеномъ Васильевымъ и сами повинились „въ пріемѣ отъ нихъ того иноземцова разбою пожитковъ и червонныхъ завѣдомо“, кромѣ того, „въ распросѣ“ отецъ „винился

[1]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[2]) Чтенія въ общ. ист. и древностей росс., 1872 г., I.
[3]) Ист. Моск. еп. упр., прим. къ ч. II, кн. 2, стр. 185.
[4]) Опис. докум. и дѣлъ архива Св. Синода, I, 324.

въ одномъ надорожномъ грабежѣ“ [1]). Мы уже знаемъ, какое близкое участіе принимала цѣлая духовная семья въ разбойническихъ похожденіяхъ Марука. Позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя подробности другого не менѣе характернаго дѣла, въ которомъ также фигурируютъ двѣ духовныя семьи.

Въ 1750-хъ годахъ въ московской консисторіи производилось любопытное дѣло объ одномъ поповичѣ Михайлѣ, по прозвищу Медвѣдѣ, который былъ эсауломъ разбойничьей шайки. Дѣло это началось по жалобѣ содержателя шелковой фабрики въ с. Фряновѣ (московскаго уѣзда), Игнатія Францова Ширимана, о томъ, что его мастеровые были избиты на ярмаркѣ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго. Мануфактуръ-коллегія, въ которую эта жалоба поступила, по слѣдствію открыла, что 17 человѣкъ мастеровыхъ были дѣйствительно тяжко изранены и что главными зачинщиками драки были богородскій попъ Михаилъ Андреевъ съ дѣтьми да іевлевскій попъ Дмитрій Стапановъ, отъ которыхъ и стрѣльба была по фабричнымъ, и при томъ дѣти попа кричали: „бейте фабричныхъ до смерти“. Слѣдственный чиновникъ коллегіи доносилъ, что вообще „оные поповы дѣти многимъ обывателямъ чинятъ великія озорничества“. Коллегія донесла о попахъ въ синодальную контору, а эта предписала разсмотрѣть дѣло консисторіи. Вотъ какого рода получены здѣсь свѣдѣнія о виновныхъ. Попъ Михаилъ Андреевъ, вдовецъ и не имѣвшій у себя ни ставленной, ни епатрахильной грамоты, въ 1748 г. былъ заподозрѣнъ въ поджогѣ; сыновья его: Ѳеодоръ 32 лѣтъ, Михайла 30 и Алексѣй 27,—всѣ безъ мѣстъ, занимались озорничествомъ и грабежомъ. Консисторія отправила за поповичами своего подканцеляриста съ двумя солдатами. Репутація подсудимыхъ была на столько грозна, что подканцеляристъ не понадѣялся на однихъ консисторскихъ солдатъ, а счелъ нужнымъ заѣхать по дорогѣ на фабрику къ Шириману и захватить съ собою еще человѣкъ 20 фабричныхъ рабочихъ. Въ домѣ попа онъ, дѣйствительно, былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей, но все-таки успѣлъ арестовать двоихъ братьевъ, благодаря своему многолюдному конвою. Третьяго брата Михайла Медвѣдя не было дома; онъ ночевалъ у одной сосѣдней барыни Бурцовой и, услыхавъ о наѣздѣ на отцовскій домъ, куда-то сбѣжалъ. Но только лишь консисторскіе посланные при въѣздѣ въ Москву съ арестантами отпустили своихъ провожатыхъ фабричныхъ домой, какъ, откуда ни возьмись, у Сухаревой башни напалъ на нихъ Михайла Медвѣдь и закричалъ „караулъ“; сбѣжалась полиція и ихъ же захватили на съѣзжую, гдѣ Медвѣдь объявилъ,

[1]) ibid., т. II, ч. I, № 541.

что они пограбили домъ его отца со всѣми пожитками, указалъ даже свой коломенковый камзолъ на одномъ изъ консисторскихъ солдатъ и скрылся куда-то опять. Пока шла переписка между полиціей и консисторіей, открылось еще новое обстоятельство противъ арестованныхъ поповичей. Одинъ служитель вотчины с. Старкова подалъ въ полицію объявленіе, что въ 1747 г. ночью 6-го февраля на Старково напали воры съ ружьями и рогатинами и пограбили господскій домъ и много изъ пограбленныхъ вещей во время обыска найдено въ домѣ попа Михаила. Послѣ этого дѣло поповичей перенесено изъ консисторіи въ судный приказъ, гдѣ ихъ подвергнули пыткѣ, которую тѣ выдержали, не повинившись ни въ чемъ. Какъ ни въ чемъ не уличенныхъ, ихъ отпустили на волю. Между тѣмъ, Михайло Медвѣдь продолжалъ укрываться отъ всѣхъ розысковъ полиціи, усовершенствовался въ своемъ разбойномъ промыслѣ и сдѣлался даже разбойничьимъ эсауломъ. Но, какъ видно, желая пріобрѣсти себѣ какое-нибудь законное положеніе въ обществѣ, на всякій случай затѣялъ въ 1755 г. дѣло объ опредѣленіи его куда-то дьячкомъ и нѣсколько времени ходилъ по этому дѣлу въ консисторію, гдѣ даже успѣлъ найти себѣ и покровителей, въ числѣ которыхъ былъ самъ секретарь консисторіи Донскій. Во время этого хожденія его услѣдили однажды на улицѣ солдаты розыскной конторы, пустились его ловить и пришли въ самую консисторію, объявляя его разбойникомъ и требуя его выдачи. Секретарь сначала было за него заступился, но, видя въ концѣ концовъ, что дѣло плохо, велѣлъ пока задержать его въ консисторской тюрьмѣ. Нѣсколько времени спустя, контора розыскныхъ дѣлъ прислала въ консисторію формальное требованіе прислать къ ней Михайла съ отцомъ и братьями для розыска и по оговору одного изъ пойманныхъ тогда разбойниковъ одной шайки съ Медвѣдемъ. Требованіе пришло поздно, потому что Медвѣдь успѣлъ убѣжать изъ консисторской тюрьмы опять на большую дорогу. Консисторія разослала по епархіи указы о поимкѣ Михайла съ описаніемъ его примѣтъ. О судьбѣ его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ замѣтки въ автобіографіи Ваньки Каина—извѣстнаго вора и сыщика, гдѣ говорится, что въ числѣ пойманныхъ Каиномъ воровъ и разбойниковъ былъ и Михайла Медвѣдь [1]).

Само собою разумѣется, что такіе яркіе факты порочности, какъ разбойничество, были если не исключительными, то во всякомъ случаѣ рѣдкими явленіями среди духовенства. Значительно распространеннѣе здѣсь былъ другой, менѣе рѣзкій видъ неуважительнаго от-

[1]) „Русскій Архивъ". 1869 г., № 6-й. Истор. Московск. епарх. упр., ч. II. кн. 1. прим. 422. Знаменскій, Приходское духовенство, 259—262.

ношенія къ чужой собственности—воровство. „Воровство,—говорится въ одномъ дворянскомъ наказѣ,—происходитъ по большей части отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые при духовномъ правленіи числятся при отцахъ“ [1]). Дѣйствительно, среди дѣтей духовенства и низшихъ клириковъ, лишь формально числившихся за какою-нибудь церковью, встрѣчаются всевозможные случаи преступленія противъ чужой собственности отъ мелкаго мошенничества—кражи платковъ изъ кармановъ [2]), срыванія шапокъ [3])—до профессіональнаго воровства включительно [4]). Всѣ эти излишніе церковники и дѣти духовенства, часто ничему не учившіеся, не знавшіе никакого ремесла и избалованные даровыми хлѣбами при церквахъ, естественно пускались отъ полнѣйшаго бездѣлья на разные темные, привольные промыслы. Съ дьячковъ, поступавшихъ на службы въ одинъ изъ богатыхъ московскихъ соборовъ, отбиралось даже письменное обѣщаніе не красть [5]).

Видимъ примѣры воровства и среди священнослужителей и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя указывали на слишкомъ слабое развитіе въ нихъ самыхъ примитивныхъ основъ нравственнаго чувства. Священникъ московскаго архангельскаго собора Алексѣй Соколовъ подалъ въ 1745 г. въ консисторію жалобу, въ которой объяснялъ, что недавно передъ тѣмъ пожертвовано было государыней на Архангелькій соборъ протопопу съ братіей 500 руб., и изъ этихъ денегъ досталось ему по раздѣлу 50 руб.; придя въ соборную палатку, онъ послалъ своего человѣка въ городъ за покупками, а самъ въ ожиданіи его уснулъ; въ это время духовный его отецъ попъ Мартемьяновъ вынулъ у него сонныго изъ кармана 49 руб. да собственныхъ его 1 руб. 96 к. и ушелъ домой. Проснувшись и убѣдившись въ пропажѣ денегъ, Соколовъ отправился къ Мартемьянову, но тотъ лишь „съ великою нуждою“ отдалъ 40 р., остальныхъ же возвращать не пожелалъ. При этомъ случаѣ раздраженный жалобщикъ припоминаетъ, что тотъ же Мартемьяновъ, бывши съ нимъ въ Клину, отнялъ у человѣка его кису, въ которой находились двѣ рубахи, двое портовъ, скатерть, двѣ салфетки камчатныя, ножикъ складной, платокъ,—всего имущества на 10 р. [6]). Какъ можно видѣть, воровство въ данномъ случаѣ происходило на почвѣ тѣхъ же вѣчно обостренныхъ причтовыхъ отношеній, какъ одинъ изъ спосо-

[1]) Сборникъ русск. ист. общества. т. IV, 338.
[2]) Ист. Моск. еп. упр., кн. II, ч. 2, прим., стр. 184—5.
[3]) ibid., стр. 76.
[4]) ibid., ч. III. кн. 1, прим., стр. 127.
[5]) ibid., ч. II, кн. 1, 116.
[6]) Ист. Моск. еп., упр., прим. къ II ч., кн. 1, стр. 80—82.

бовъ побольнѣе досадить своему недругу. Но были случаи воровства, и гораздо болѣе многочисленные, просто на почвѣ наживы на счетъ чужой собственности, при чемъ приходское духовенство, стоя на одномъ умственномъ и соціальномъ уровнѣ со своими прихожанами, раздѣляло съ ними и общіе пороки. Въ 1722 г. Валтмейстерская канцелярія доносила въ Синодъ, обвиняя въ порубкѣ заповѣдныхъ лѣсовъ с. Шубина (суздальской епархіи) попа Павла Иванова, дьячка Аѳанасія Никитина, с. Починокъ попа Даніила Маркова, дьячка Семена Леонтьева [1]). Здѣсь уже наоборотъ видимъ рѣдкое единодушіе членовъ двухъ причтовъ въ достиженіи одной общей цѣли.

На страницы разнаго рода судебныхъ архивовъ занесено очень много случаевъ воровства, связаннаго съ нарушеніемъ профессіональнаго долга. Стоя очень близко по обязанностямъ службы къ церковному имуществу и часто даже распоряжаясь имъ, многіе члены духовенства обнаруживали слишкомъ слабое представленіе о неприкосновенности церковнаго имущества, вслѣдствіе чего случаи довольно таки грубаго святотатства являются далеко нерѣдкими среди духовенства. Во второй половинѣ прошлаго вѣка ктиторъ и прихожане с. Сулимовки (въ Полтавщинѣ) возбудили дѣло противъ своего священника Симеона Карпѣнскаго, обвиняя его въ томъ, что онъ похитилъ „вещи церковныя, жемчугъ и крестъ золоченный, осыпанный камнями съ иконъ, воскъ, платки шелковые, деньги и прочее, всего на триста рублей и болѣ“; консисторія назначила слѣдствіе, и священникъ сознался въ похищеніи церковнаго достоянія; неизвѣстно, было ли оно въ концѣ концовъ возвращено церкви,—по крайней мѣрѣ, священникъ долго не возвращалъ спрятаннаго имъ гдѣ-то церковнаго имущества [2]). Тотъ же Сулимовскій священникъ Карпѣнскій утаивалъ въ свою пользу деньги, собираемыя на церковь за церковныя сукно и свѣчу при погребеніи и даваемыя на ладонъ, вино и свѣчи при сорокоустѣ [3]). И это далеко не единственный примѣръ слишкомъ широкаго взгляда священнослужителей на церковную собственность. Священникъ с. Юсковецъ (переяславской епархіи) Іоаннъ Максимовъ, также извѣстный уже намъ по своему пристрастію къ запорожскимъ обычаямъ, не возвращалъ въ церковь 20 руб., собранныхъ имъ въ Сѣчи на нужды церкви [4]). Заворичскій священникъ (черниговской епархіи) Тарасій Карповъ не возвращаетъ въ церковь денегъ, пожертвованныхъ на пошитье „церковныхъ апаратовъ“ и взятыхъ имъ

[1]) Полн. собр. постан. и распоряж. по вѣд. правосл. исповѣд., III, № 994.

[2]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

изъ церкви на свои надобности [1]. Кашинскій протопопъ Семенъ Автономовъ отдаетъ на проценты въ свою пользу деньги, отпущенныя изъ коллегіи экономіи на церковное строеніе [2]. Священникъ с. Крупичполя (черниговской епархіи) Гавріилъ Фирсовскій причислилъ церковную землю къ своей собственной и передалъ ее въ наслѣдство дѣтямъ [3]. Бахмутскій священникъ Симеонъ Башинскій присвоилъ себѣ мельницу, половинную часть которой не безызвѣстный въ лѣтописяхъ екатеринославской епархіи протоіерей Іоаннъ Лукьяновъ завѣщалъ покровской церкви [4]. Повидимому, всѣ эти покражи и захваты были довольно обыкновеннымъ явленіемъ, такъ какъ прихожане смотрятъ на нихъ какъ-то сквозь пальцы и оказываются не прочь принять къ себѣ вторично священника, обнаружившаго слишкомъ сбивчивыя понятія о церковной собственности. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи случай. Жаботинскій ктиторъ Семенъ Чухна доносилъ преосвященному переяславскому Гервасію о похищеніи изъ жаботинской церкви бывшимъ при ней священникомъ Василіемъ церковныхъ книгъ и другихъ вещей. Дѣло было такъ. Священникъ этотъ, овдовѣвъ, „согласясь съ имѣвшеюся въ него служанкою, безвѣстно бѣжалъ". Громада послѣ этого приняла было къ себѣ въ качествѣ священника нѣкоего волошскаго постриженца Андрея, который пріобрѣлъ было уже и нужную для этого презенту, но тутъ явился прежній священникъ Василій и упрашиваніями достигъ того, что нѣкоторые болѣе достаточные прихожане заплатили предполагавшемуся кандидату за „вистрапанный имъ презентъ", а священникомъ, несмотря на происшедшій съ нимъ крайне неловкій казусъ, принятъ былъ по-прежнему Василій. Но чрезъ нѣкоторое время последній бѣжалъ вторично, захвативъ съ собою ризы и книги, пожертвованныя въ жаботинскую церковь ктитоторомъ Чухною. Этотъ-то ктиторъ, собирая въ разныхъ мѣстахъ пожертвованія на обворованную церковь, „перепитывалъ въ тамошнихъ священниковъ, не куплено ли когда то въ церковь, гдѣ на рукахъ въ кого дешево ризъ да прописанныхъ книгъ Трифологія, Часослова и Апостола"; наконецъ, удалось ему найти всѣ эти вещи въ Усиновской церкви, куда продалъ ихъ священникъ Василій въ качествѣ своей собственности [5].

Еще менѣе должны были обнаруживать уваженія къ церковной собственности низшіе члены клира, дьячки и пономари, проступки которыхъ въ данномъ отношеніи поражаютъ крайнею, кощунствен-

[1]) Опис. Черниговской еп., V, 214.
[2]) Сборникъ писемъ духовныхъ лицъ XVIII в. къ преосв. Арсенію X—XI.
[3]) Опис. Черниговской еп., VI, 538.
[4]) Опис. Екатеринославской еп., II, 3.
[5]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. II, 512—515.

ною грубостью. Такъ, одинъ столичный дьячекъ заложилъ епитрахиль въ питейномъ домѣ, другой ободралъ съ престола одежду, третій срѣзалъ газъ съ царскаго мѣста, и т. п. [1]). Пономарь Николаевской, что на Курьихъ ножкахъ, церкви Иванъ Егоровъ признался, что онъ, „увидѣвъ стоящій близъ престола по правую сторону въ печуркѣ оловянный ковчегъ, въ коемъ хранились заготовленные къ преждеосвященнымъ литургіямъ два агнца, взялъ одинъ и употребилъ въ снѣденіе [2]).

Всѣ эти факты рисуютъ чрезвычайно непригляднyю картину жизни приходскаго духовенства въ XVIII в. Тѣ внѣшнія условія, въ которыя оно было поставлено въ это время, должны были совершенно закрывать для него возможность здоровой нравственной жизни и положительной общественной дѣятельности. Тяжелое экономическое положеніе должно было свести всѣ помышленія его къ заботамъ о матеріальныхъ потребностяхъ жизни; соціальное положеніе его было такъ низко, что это должно было принизить и нравственный его уровень; недостаточность образовательныхъ средствъ также должна была оказать чрезвычайно вредное вліяніе на всю его жизнь.

Все это возможно было лишь при одномъ условіи—духовномъ банкротствѣ сословія. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что, несмотря на свое доминирующее значеніе въ дореформенной русской жизни, русское духовенство перешло въ XVIII в. безъ того запаса внутреннихъ силъ, какого, повидимому, можно было ожидать отъ него и который служилъ бы для него неисчерпаемымъ источникомъ нравственной поддержки при неблагопріятныхъ условіяхъ. Весь дореформенный строй съ его безусловнымъ преклоненіемъ предъ авторитетомъ духовенства, повидимому, привелъ къ значительному разслабленію моральныхъ силъ духовнаго сословія; явленіе это менѣе замѣтно въ Малороссіи, гдѣ византійскій характеръ культуры въ большей степени парализовался вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи. Но въ общемъ на всемъ пространствѣ государства приходское духовенство оказалось неподготовленнымъ къ тѣмъ новымъ условіямъ, какія ожидали его со времени реформы.

Реформа, оплодотворившая русскую жизнь и давшая ей сильный толчекъ къ дальнѣйшему прогрессу, оказалась гибельной для тѣхъ элементовъ, которые лишены были живого общественнаго самосознанія и въ теченіе всего своего предшествующаго существованія вос-

[1]) Описаніе С.-Петерб. еп., в. IX, 34.
[2]) Исторія Моск. еп. упр. прим. къ ч. III, кн. 1, № 171.

питывались въ пассивномъ подчиненіи наличнымъ условіямъ. Реформа смяла тѣхъ, кто былъ слабъ и не могъ воспользоваться могущественнымъ оружіемъ—прогрессомъ,—какое она давала въ руки тѣмъ, кто могъ держать его. Духовенство не только не умѣло, но по всѣмъ условіямъ своей жизни и своего положенія не могло воспользоваться этимъ оружіемъ. Оно не могло приспособиться къ новымъ условіямъ жизни даже въ такой степени, чтобы занять положеніе, если уже не настолько авторитетное, то во всякомъ случаѣ достойное того уваженія, которое—въ идеѣ—вызывается его культурною миссіей. И оно было раздавлено реформой въ первую голову. Конечно, нужно всегда имѣть въ виду, что пастырская дѣятельность вообще имѣетъ трудно уловимый для внѣшней оцѣнки интимный характеръ, что невольно обязываетъ къ большой осторожности при произнесеніи приговора надъ нравственною жизнью и дѣятельностью духовенства; но послѣднее и въ частной своей жизни, и въ общественной, даже чисто профессіональной дѣятельности обнаруживало такъ много темныхъ сторонъ, что не остается никакого мѣста сомнѣніямъ въ общемъ отрицательномъ направленіи его жизни въ разсматриваемую эпоху.

А. И. Лотоцкій.

Императоръ Николай I, членъ клуба Черноголовыхъ.

(Письмо гр. И. И. Дибича кн. П. М. Волконскому, 14-го ноября 1827 г., № 2097).

Императоръ Николай I, принявъ званіе члена ревельскаго общества шварценгейптеровъ, пожелалъ пожаловать въ ознаменованіе этого событія означенному обществу кубокъ, вслѣдствіе чего и было писано нижеприводимое письмо.

Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, свидѣтельствуя совершенное свое почтеніе его сіятельству князю П. М. Волконскому, честь имѣетъ его увѣдомить, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ изготовить въ императорскомъ кабинетѣ серебряный вызолоченный кубокъ приличной величины и формы, съ тѣмъ, чтобы его сіятельство по изготовленіи приказалъ доставить оный отъ имени государя императора ревельскому обществу шварценгейптеровъ, съ приложеніемъ 4 т. р. ас., которые вслѣдствіе высочайшей воли должны быть распредѣлены бѣднымъ ремесленникамъ, членамъ сего общества, добропорядочнымъ поведеніемъ своимъ заслужившимъ монаршаго воззрѣнія.

Сообщилъ **М. Соколовскій**

Къ 175-лѣтней годовщинѣ Перваго кадетскаго корпуса.

Въ настоящемъ году, 17 февраля, первый кадетскій корпусъ торжественно празднуетъ 175-ю годовщину своего существованія. Это старѣйшее изъ учебныхъ заведеній въ Россіи было учреждено въ царствованіе императрицы Анны Іоанновы, когда въ арміи почувствовалась особенно острая нужда въ офицерахъ изъ дворянъ, вполнѣ подготовленныхъ теоретически и практически. „Къ незабвеннымъ памятникамъ попечительности россійскихъ монарховъ о благѣ ввѣренной имъ имперіи принадлежитъ учрежденіе перваго кадетскаго корпуса. Россія преобразованная, распространенная и поставленная на-ряду первостепенныхъ государствъ Европы императоромъ Петромъ Великимъ, хотя и имѣла при кончинѣ его многочисленныя, благоустроенныя и пріобыкшія къ побѣдамъ войска, но нуждалась въ свѣдущихъ офицерахъ изъ природныхъ россіянъ. Большая часть полководцевъ и генераловъ, образовавшихся въ потѣшныхъ ротахъ Петра и усовершенствовавшихъ себя въ продолженіе четверти вѣка безпрерывныхъ побѣдъ, или послѣдовали за безсмертнымъ своимъ благодѣтелемъ, или предшествовали ему. При воцареніи императрицы Анны Іоанновны почти всѣ почетныя должности въ арміи и вообще по военному вѣдомству занимали иноземцы: ибо немногіе изъ природныхъ русскихъ дворянъ пріобрѣли необходимыя для того познанія: одни по неимѣнію способовъ, другіе по закоренѣлой привязанности къ стариннымъ предразсудкамъ и обычаямъ, препятствовавшимъ просвѣщенію.

„Предпочтеніе, какое оказывалось въ военной службѣ иностранцамъ,—предпочтеніе, въ то время необходимое, оскорбляло самолюбіе россіянъ, ибо преграждало имъ пути къ возвышенію“ [1]).

[1]) А. Висковатовъ „Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса“, 1831 г.

Хотя при Петрѣ Великомъ были учреждены различныя школы, но всѣ онѣ по объему курсовъ были школами первоначальнаго обученія и предназначались преимущественно для дѣтей низшихъ сословій. Огромное же большинство дѣтей дворянъ было безпомощно, какъ въ учебномъ, такъ и въ служебномъ отношеніи: обязанное по законамъ россійскимъ военною службою, но не имѣя возможности получить какое-либо, хотя бы элементарное, образованіе и теряя напрасно первые юношескіе годы, оно, главнымъ образомъ, поступало на службу лишь солдатами. Въ войскахъ эти молодые люди проходили очень тяжелую школу, до перенесенія побоевъ включительно за всякую малѣйшую неисправность. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы они производились въ унтеръ-офицеры; офицерскаго же званія достигали немногіе. Посылка молодыхъ дворянъ за границу признавалась самимъ правительствомъ средствомъ недостаточно обезпечивающимъ необходимую научную подготовку, такъ какъ они, проводя тамъ время безъ какого-либо надзора, возвращались безъ всякихъ знаній, а расходы на эти командировки производились большіе. Мысль объ учрежденіи такого учебнаго заведенія, которое могло бы подготовлять свѣдущихъ офицеровъ для арміи, принадлежитъ графу Ягужинскому.

Сподвижникъ Петра I графъ П. И. Ягужинскій—генералъ-прокуроръ (въ послѣдніе годы царствованія великаго преобразователя) и кабинетъ-министръ (въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны),—не разъ побывалъ въ Даніи, а затѣмъ состоялъ посломъ при прусскомъ дворѣ, вслѣдствіе чего имѣлъ возможность близко познакомиться съ устройствомъ кадетскихъ корпусовъ въ Копенгагенѣ и Берлинѣ. Послѣдній былъ учрежденъ въ половинѣ XVII столѣтія по образцу французскихъ; онъ являлся главнымъ источникомъ пополненія офицерскаго состава прусской арміи.

Въ первый же годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, графомъ Ягужинскимъ представленъ былъ проектъ учрежденія въ Россіи, для военнаго образованія дворянъ, двухъ корпусовъ, на 500 человѣкъ каждый. Но, не надѣясь на первый разъ набрать достаточное число воспитанниковъ сразу для двухъ корпусовъ, рѣшено было учредить одинъ.

Проектъ графа Ягужинскаго былъ одобренъ императрицею. Окончательная же разработка столь важнаго вопроса и соображенія объ учрежденіи корпуса въ Петербургѣ поручены было фельдмаршалу фонъ-Миниху, также славному сподвижнику Петра Великаго. Имъ былъ составленъ докладъ, и императрица Анна Іоанновна, одобривъ его, 29 іюля 1731 года дала Сенату именной указъ объ учрежденіи „корпуса кадетовъ“, подъ главнымъ начальствомъ графа фонъ-Миниха.

Первоначально предположено было учредить корпусъ на 200 шляхетскихъ дѣтей, отъ 13 до 18 лѣтъ. Исходя изъ того, что не всякій имѣетъ склонность къ военному дѣлу, положено было обучать не только военнымъ, но и общеобразовательнымъ предметамъ, чтобы подготовлять не только офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ. Такая двойственная задача породила многопредметность, что не замедлило вскорѣ отозваться на пониженіи образованія въ качественномъ отношеніи.

Для помѣщенія корпуса Минихъ исходатайствовалъ у императрицы большой каменный домъ съ садомъ и службами на Васильевскомъ островѣ, ранѣе принадлежавшій свѣтлѣйшему князю Меншикову, которому Петръ Великій при заложеніи города Петербурга подарилъ участокъ земли въ предѣлахъ Большой и Малой Невы, между зданіемъ Десяти Коллегій (нынѣ университетъ) и Кадетскою линіею. На этомъ участкѣ въ 1710 году Меншиковымъ была заложена постройка большого каменнаго дома, существующаго и понынѣ (со стороны набережной р. Невы).

Организація корпуса была военная. Онъ раздѣлялся сперва на 2, затѣмъ на 3 пѣшихъ и одну конную роты.

Въ составъ учебнаго курса входили слѣдующіе предметы: *общіе*—языки русскій, нѣмецкій, французскій и латинскій (послѣдній—для желающихъ), грамматика, реторика, математика, исторія, географія, юриспруденція, мораль, геральдика, рисованіе, чистописаніе; *военные*:—артиллерія и фортификація; *изъ физическихъ занятій*—фехтованіе, верховая ѣзда (вольтижированіе), танцы и „солдатская экзерциція" (фронтъ). Кромѣ того, уставомъ рекомендовалось обучать кадетъ и другимъ наукамъ, относящимся къ военному искусству.

По окончаніи корпуса выпускные кадеты назначались или офицерами (также унтеръ-офицерами, смотря по успѣхамъ въ занятіяхъ) въ части всѣхъ родовъ оружія, или соотвѣтствующимъ чиномъ въ гражданскую службу, въ зависимости отъ той склонности къ различнымъ спеціальностямъ, которую каждый кадетъ проявилъ при переходѣ въ старшій классъ или передъ выпускомъ. Рѣшалось это общимъ совѣтомъ начальствующихъ лицъ и преподавателей.

День открытія корпуса назначенъ былъ на 17-е февраля 1732 года, когда собралось въ немъ первыхъ 56 воспитанниковъ. Въ этотъ день было положено начало той учебно-воспитательной работы и военной подготовки, которая образовала многихъ выдающихся военачальниковъ и вывела на поле государственной и общественной дѣятельности болѣе *десяти тысячъ* молодыхъ людей, преданныхъ своему долгу, престолу и отечеству. Многіе изъ нихъ прославились военными подвигами, многіе обагрили своею кровью поля битвъ, и многіе положили

жизнь свою, честно и храбро сражаясь съ непріятелемъ. Передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе свой славный девизъ: *„честность, доброе имя и духъ товарищества“*, кадеты, имена которыхъ занесены уже на страницы исторіи, завѣщали своимъ преемникамъ, что беззавѣтная любовь къ родинѣ, безпредѣльная преданность своему долгу и военной доблести и неподкупная вѣрность своему Верховному Вождю есть лучшій залогъ славной службы честнаго и храбраго воина. Покуда живъ будетъ этотъ духъ среди бывшихъ питомцевъ корпуса, дотолѣ ихъ alma mater съ особенной гордостью будетъ вспоминать ихъ незабвенныя имена и считать свою задачу блестяще выполненной.

Вскорѣ, послѣ открытія корпуса, собралось уже болѣе 300 человѣкъ, такъ что въ маѣ былъ учрежденъ новый штатъ на 360 человѣкъ, и 14-го іюля послѣдовало открытіе классовъ, извѣстныхъ тогда подъ названіемъ *Рыцарской академіи.*

Время дня распредѣлялось такъ: вставали въ 4³/₄ ч. утра, въ 5¹/₂ ч. молились и завтракали, въ 6 уходили въ классы, отъ 10 до 12 ч. занимались строемъ, въ 12 ч. обѣдали, отъ 2 до 4 ч.—опять классы, отъ 4 до 6—строй, въ 7¹/₂ ч. в. ужинали, а въ 9 ч. вечера ложились спать.

Въ исходѣ лѣта того же 1732 года пожаловано было первое знамя. Затѣмъ, вскорѣ были пожалованы еще два знамени [1]), а конные кадеты получили штандартъ.

Первый выпускъ изъ корпуса послѣдовалъ 8-го іюля 1734 года, когда было выпущено 11 человѣкъ.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны съ 1743 года корпусъ сталъ именоваться *Сухопутнымъ кадетскимъ*, въ отличіе отъ формировавшагося тогда Морского кадетскаго корпуса, а въ 1760 г. для него былъ учрежденъ новый штатъ, по которому численный составъ былъ увеличенъ до 490 кадетъ.

Наплывъ учащихся во вновь открытое военно-учебное заведеніе показываетъ, что потребность въ немъ была велика.

Въ періодъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны среди кадетъ пробудился живой интересъ къ литературѣ, и у нихъ организовалось *Общество любителей русской словесности.* Члены этого общества собирались вмѣстѣ, читали другъ другу свои сочиненія и переводы. Одинъ изъ нихъ, кадетъ Сумароковъ, началъ писать свои трагедіи. На святкахъ 1749 года члены общества весьма удачно сыграли одну изъ трагедій „Хоревъ“. Затѣмъ, по волѣ императрицы, трагедія была повторена во дворцѣ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Сумароковъ (тогда уже произведенный въ офицеры) былъ предметомъ

---

[1]) По тогдашнему положенію каждая рота имѣла знамя.

общихъ похвалъ. Вскорѣ императрица повелѣла учредить „Россійскій театръ“, и Сумароковъ былъ назначенъ первымъ его директоромъ.

Кромѣ Сумарокова, наши извѣстные драматурги Херасковъ, Озеровъ и Крюковскій были также воспитанниками Сухопутнаго кадетскаго корпуса.

Такимъ образомъ, корпусъ является какъ бы колыбелью русскаго театра. Да и вообще въ Елисаветинское время корпусу придавалось значеніе такого учебнаго заведенія, въ которомъ можно было бы совершенствоваться въ нѣкоторыхъ наукахъ, не отправляясь за границу. Особенно хорошо было поставлено преподаваніе иностранныхъ языковъ, такъ что, по повелѣнію императрицы, въ корпусъ были зачислены первые наши актеры, братья Волковы, для изученія преимущественно языковъ.

Въ 1759 году главнымъ директоромъ корпуса былъ назначенъ наслѣдникъ престола великій князь Петръ Ѳедоровичъ. Августѣйшій главный начальникъ проводилъ съ кадетами большую часть своего времени, да и по воцареніи Петръ III также любилъ посѣщать корпусъ и проводить съ кадетами часы своего досуга.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины II штатъ корпуса былъ увеличенъ до 600 воспитанниковъ, а въ 1765 году императрица приняла корпусъ подъ непосредственное свое вѣдѣніе. Управленіе же имъ возложено было на генералъ-поручика Бецкаго (Ивана Ивановича), который составилъ новый „Уставъ для Сухопутнаго кадетскаго корпуса“. Съ утвержденіемъ этого устава, въ 1766 году, корпусъ сталъ именоваться *Императорскимъ сухопутнымъ шляхетнымъ кадетскимъ*.

Въ силу этого устава, вмѣсто дѣленія на роты, кадеты были раздѣлены на пять возрастовъ. Къ пріему допускались только маленькія дѣти, начиная съ 5—6-лѣтняго возраста, и пребываніе ихъ въ корпусѣ должно было длиться 15 лѣтъ (до 21 года). Кадеты самаго младшаго возраста (перваго) подчинены были женскому надзору. При переходѣ въ четвертый возрастъ предоставлялось, по желанію или по склонности, право выбора готовить себя или для военной, или для гражданской службы. Увольненіе кадетъ со двора было вовсе прекращено. Однимъ словомъ, уставъ этотъ, составленный на началахъ гуманныхъ идей французскихъ философовъ (Дидро), задавался цѣлью совершенно перевоспитать цѣлыя поколѣнія.

Періодъ съ 1787 по 1794 г. относится ко времени управленія корпусомъ генералъ-адъютанта графа Ангальта. Время это по справедливости считается одной изъ блистательныхъ эпохъ исторіи корпуса. Не даромъ современные ему питомцы время это называли своимъ золотымъ вѣкомъ.

Графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ былъ сыномъ наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго и приходился родственникомъ императрицѣ Екатеринѣ II. Сперва онъ служилъ у Фридриха Великаго, принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ, во время которой былъ раненъ. Въ русскую службу онъ перешелъ въ 1783 году. Назначеніе его главнымъ начальникомъ корпуса вполнѣ соотвѣтствовало его душевнымъ качествамъ: вдали отъ отечества и родныхъ, чуждый всякаго честолюбія, онъ отдался всѣми силами души своей къ дарованному ему новому семейству, въ которомъ заключался тогдашній цвѣтъ русскаго дворянства. Посвятивъ себя исключительно корпусу и проводя большую часть своего времени среди кадетъ, онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе ихъ нравственнаго воспитанія. Онъ не только доставлялъ имъ средства читать разныя полезныя книги, но даже приказалъ каменную стѣну, окружавшую корпусный садъ, расписать поучительными изреченіями на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, хронологію важнѣйшихъ событій, разными эмблемами, изображеніями и проч. Подобнымъ же образомъ были расписаны и стѣны рекреаціонной залы. Потомъ все это было напечатано въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ подъ заглавіемъ: „La Muraille parlante“ и „La Salle de récréation“. Книжки эти выдавали каждому выпускному кадету въ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ дѣтства, проведенныхъ въ стѣнахъ корпуса.

Отъ этого времени въ музеѣ корпуса сохранилось 369 рукописныхъ томовъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, — все больше упражненія кадетъ IV и V возрастовъ по части литературы.

Съ первыхъ же дней своего существованія корпусъ далъ цѣлую плеяду выдающихся государственныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ. Оцѣнивая это, императрица Екатерина II по справедливости почтила корпусъ лестнымъ для него названіемъ *„разсадника великихъ людей“*.

Во время войны со Швеціею, въ 1788 и 1789 гг. значительное число воспитанниковъ было выпущено изъ корпуса во флотъ, большею частью въ гребную флотилію, которая успѣшно дѣйствовала въ эту войну въ Финскомъ и Ботническомъ заливахъ. Кадеты, выпущенные во флотъ, заслужили похвалу на новой для нихъ стихіи, а нѣкоторые изъ нихъ, въ концѣ концовъ, были даже флагманами.

По смерти графа Ангальта въ 1794 году, мѣсто его заступилъ генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи знаменитый фельдмаршалъ; онъ учредилъ при корпусѣ классъ тактики, не только для кадетъ, но и для офицеровъ. Самъ занимался преподаваніемъ ея, а чертежи поручалъ кадетамъ (преимущественно Толю, прославившемуся въ 1812 году).

Тотчасъ по воцареніи императора Павла I, корпусъ получилъ вполнѣ военную организацію (16-го января 1797 года). До этого времени, какъ извѣстно, кадеты дѣлились на возрасты. Кромѣ того, каждый возрастъ дѣлился на камеры, по 20 человѣкъ въ каждой. При нихъ состояли гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые „аббаты"—французы и нѣмцы. Они постоянно были съ кадетами и даже спали вмѣстѣ съ ними, когда дежурили по двѣ недѣли подрядъ. Какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были всѣ говорить. Но, по повелѣнію императора Павла Петровича, аббаты были уволены, и ихъ замѣнили офицеры. Кадеты младшихъ возрастовъ составили малолѣтнее отдѣленіе, а всѣхъ прочихъ раздѣлили на пять ротъ.

Въ концѣ 1798 года (14-го декабря) главнымъ начальникомъ корпуса былъ назначенъ великій князь Константинъ Павловичъ. 10-го марта 1800 года корпусу было повелѣно именоваться *Первымъ кадетскимъ*, въ отличіе отъ второго, получившаго это наименованіе вмѣсто прежняго „Артиллерійскаго и инженернаго шляхетнаго кадетскаго корпуса".

Въ первую четверть XIX столѣтія въ жизни корпуса чего-либо особенно выдающагося отмѣтить не приходится. Главноначальствующій, великій князь, потомъ цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, до 1812 г. съ корпусомъ былъ почти всегда неразлученъ, удѣляя ему значительную часть своего времени. Но съ этого года, принимая сперва участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, а затѣмъ, будучи назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго и имѣя постоянное пребываніе въ Варшавѣ, непосредственнаго вліянія на корпусъ не оказывалъ. Также и императоръ Александръ I, отвлеченный войною съ Наполеономъ и занятый послѣ нея дѣлами внѣшней политики, хотя и не оставлялъ корпусъ безъ монаршихъ милостей, но внутренняя его жизнь протекала внѣ непосредственнаго участія государя.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, для корпуса началась новая блестящая эпоха. Милости, изливаемыя монархомъ на корпусъ, были безчисленны: ими ознаменованы каждый день, каждый часъ, каждая минута. Государь всегда чрезвычайно интересовался кадетами, всегда выказывалъ поистинѣ сердечное и вполнѣ отеческое попеченіе о нихъ. Во время неоднократныхъ посѣщеній корпуса, императоръ всегда былъ привѣтливъ и ласковъ съ кадетами: онъ любилъ кадетъ, и они въ свою очередь его боготворили. Всѣ милости императора и высокая честь, которую оказалъ онъ помѣщеніемъ въ ряды кадетъ сперва наслѣдника цесаревича, а затѣмъ и прочихъ августѣйшихъ сыновей и внука,—все это свидѣтельствовало о лестномъ довѣріи и о высокомъ мнѣніи по отношенію къ корпусу.

Въ 1827 году 18-го іюня, во время выступленія корпуса въ лагерь подъ Красное Село, государь императоръ поставилъ въ ряды кадетъ стрѣлковаго взвода наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, въ мундирѣ рядового лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Форму же кадета Перваго корпуса великій князь надѣлъ во время лагеря слѣдующаго года.

Въ эти два лагеря и въ послѣдующіе августѣйшій кадетъ, вмѣстѣ съ прочими кадетами корпуса, принималъ участіе въ различныхъ фронтовыхъ занятіяхъ, находился въ строю во время парадовъ, разводовъ и маневровъ, а въ свободное время принималъ участіе и въ общихъ играхъ. Сверхъ того, и кадеты бывали часто приглашаемы (группами, а иногда и цѣлыми ротами) во дворецъ также для совмѣстныхъ игръ, на балы, различныя увеселенія и къ высочайшему столу. Во фронтѣ наслѣдникъ цесаревичъ исполнялъ послѣдовательно обязанности различныхъ чиновъ, постепенно повышаясь до чина командира взвода включительно [1]).

Въ 1831 году (15-го іюня), послѣ тридцатитрехлѣтняго главнаго начальствованія надъ Первымъ корпусомъ, скончался цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Но черезъ десять дней послѣ этого событія императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ корпусъ принятіемъ на себя званія его шефа и назначеніемъ главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній великаго князя Михаила Павловича.

17-го февраля 1832 года исполнилось сто лѣтъ полезнаго служенія корпуса царю и родинѣ. За это время въ немъ окончили курсъ 6.388 кадетъ. Между ними многіе уже отличились на поприщѣ государственной дѣятельности: имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были занесены на страницы исторіи. Фельдмаршалы: графъ Каменскій, князь Прозоровскій и графъ Румянцевъ-Задунайскій стоятъ во главѣ этихъ именъ. Не безъ нѣкотораго основанія корпусъ можетъ причислить къ ряду этихъ славныхъ именъ еще болѣе славное имя генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. Хотя письменныхъ свѣдѣній нѣтъ, но существовало и понынѣ существуетъ преданіе, что Суворовъ въ юности своей посѣщалъ классы Сухопутнаго кадетскаго корпуса, не будучи его воспитанникомъ (какъ нынѣ приходящіе). Впрочемъ, Сергѣй Глинка о посѣщеніи Суворовымъ корпуса говоритъ, какъ о фактѣ положительномъ [2]).

---

[1]) А 1-го іюля 1832 года, въ день рожденія государыни императрицы, во время развода, былъ произведенъ въ ротмистры.

[2]) „Русскіе анекдоты военные, гражданскіе и историческіе". Москва 1811 года.

Торжество празднованія столѣтняго юбилея было изъ ряда выходящимъ.

Наканунѣ, 16-го февраля, въ 7 часовъ вечера, въ концертномъ залѣ Зимняго дворца совершена была церемонія прибивки знамени. Государь, какъ шефъ корпуса, собственноручно прикрѣпилъ знамя къ древку желѣзными гвоздями. Затѣмъ обернулъ полотнище вокругъ древка, вбилъ первый мѣдный гвоздь. Второй гвоздь былъ утвержденъ государыней, третій—великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, четвертый и слѣдующіе—прочими именитыми гостями съ генералъ-фельдмаршаломъ Паскевичъ-Эриванскимъ во главѣ. Далѣе, шли начальствующія лица и офицеры корпуса. Когда же дошла очередь до представителей отъ кадетъ, то въ числѣ ихъ по одному гвоздю вбили наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Константинъ Николаевичъ. Послѣ этого государь прикрѣпилъ къ знамени кисти и передалъ его подпрапорщику.

Въ самый день 17-го февраля назначенъ былъ парадъ и производство въ офицеры 64 выпускныхъ кадетъ. Къ параду былъ выставленъ отъ корпуса баталіонъ, въ составѣ шести взводовъ съ ружьями, имѣя въ рядахъ своихъ наслѣдника цесаревича. Построились у памятника побѣдамъ графа Румяцова-Задунайскаго, за 92 года передъ тѣмъ воспитывавшагося въ стѣнахъ корпуса.

Этотъ памятникъ, сооруженный еще по повелѣнію императрицы Екатерины Великой, въ царствованіе императора Павла I былъ поставленъ на Царицыномъ лугу. Но въ 1818 году императоръ Александръ I приказалъ перенести его на площадь передъ корпусомъ, и площадь, соотвѣтственно этому, была переименована въ Румянцовскую.

Государь на парадъ прибылъ верхомъ съ многочисленною блестящею свитой. Онъ былъ въ мундирѣ 1 корпуса и лично командовалъ парадомъ. Отдавъ предварительно честь памятнику, баталіонъ кадетъ, предводимый своимъ августѣйшимъ шефомъ, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государыни императрицы. По окончаніи парада всѣ перешли въ церковь къ литургіи, а послѣ нея отслуженъ былъ благодарственный молебенъ и совершенъ обрядъ освященія знамени, во время котораго государь взялъ знамя отъ подпрапорщика и, по окропленіи его святою водою, передалъ директору корпуса, генералъ-адъютанту Перскому.

По выходѣ изъ церкви, члены императорской фамиліи со свитою перешли въ меньшиковскіе покои, гдѣ имъ былъ приготовленъ завтракъ. Въ залѣ музея былъ также приготовленъ завтракъ для прочихъ приглашенныхъ, между которыми главную массу составляли бывшіе воспитанники корпуса.

Многіе изъ нихъ, будучи заблаговременно приглашены по высочайшему повелѣнію, пріѣхали изъ далекой провинціи. Въ 3 часа по полудни былъ назначенъ обѣдъ въ залахъ Зимняго дворца. Къ обѣду были приглашены всѣ гости, присутствовавшіе на завтракѣ, корпусное начальство и всѣ кадеты. Послѣ обѣда кадетамъ показывали Эрмитажъ, а вечеромъ они присутствовали въ Эрмитажномъ театрѣ на спектаклѣ. Возвращаясь домой, кадеты увидѣли свой корпусъ освѣщеннымъ тысячами огней. Это была одна изъ великолѣпнѣйшихъ иллюминацій того времени въ Петербургѣ. На другой день, 18-го февраля, въ корпусѣ былъ данъ балъ.

Кромѣ наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Николаевича обучались фронту въ рядахъ кадетъ и великіе князья Константинъ Николаевичъ (1837 г.), Николай Николаевичъ (1839 г.) и Михаилъ Николаевичъ (1840 г.) Сверхъ того, повелѣніемъ государя былъ зачисленъ въ списки роты его величество наслѣдникъ цесаревичъ (1841 г.), а также повелѣно было числить по спискамъ корпуса и великаго князя Николая Александровича, августѣйшаго внука государя (1843 г.).

18-го февраля 1855 года съ тяжелымъ чувствомъ грусти было встрѣчено въ корпусѣ неожиданное извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Чувство безпредѣльной своей любви и преданности кадеты перенесли на преемника покойнаго государя. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, императоръ Александръ Николаевичъ принялъ на себя званіе шефа корпуса и повелѣлъ на погонахъ и эполетахъ роты его величества оставить прежнее вензелевое изображеніе имени императора Николая I. Кромѣ того, корпусу былъ пожалованъ шефскій мундиръ покойнаго императора „въ воспоминаніе отеческой любви его къ корпусу“. (Мундиръ этотъ нынѣ хранится въ музеѣ корпуса).

Въ 1857 году 17-го февраля исполнилась стодвадцатипятилѣтняя годовщина.

Царствованіе императора Александра Николаевича для перваго корпуса также было ознаменовано поступленіемъ въ ряды кадетъ великихъ князей Александра Александровича и Владиміра Александровича и принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

Вскорѣ послѣ окончанія Крымской кампаніи, общественное мнѣніе стало указывать на недостатки въ кадетскихъ корпусахъ, а главное, на педагогическую ихъ отсталость отъ путей истиннаго воспитанія и обученія, указывавшихся знаменитымъ врачемъ-педагогомъ Пироговымъ, который въ своей педагогической дѣятельности и своихъ произведеніяхъ настойчиво проводилъ мысль, что въ подрастаю-

щемъ поколѣніи необходимо прежде всего воспитывать человѣка. И вообще вся организація корпусовъ не соотвѣтствовала тѣмъ условіямъ и новымъ потребностямъ русской жизни, которыя были вызваны великими реформами царя освободителя.

Въ 1863 году начались преобразованія кадетскихъ корпусовъ. Хотя за военно-учебными заведеніями и было сохранено назначеніе ихъ служить главнымъ источникомъ комплектованія офицерами съ достаточнымъ образованіемъ не только спеціальныхъ, но и армейскихъ частей войскъ, однако, наименованія: кадетскій корпусъ и кадетъ были упразднены вовсе. Приготовительное и общее образованіе было отдѣлено отъ спеціальнаго, которое перешло къ военнымъ училищамъ. Для общаго же образованія созданы были военныя гимназіи, замѣнившія собою приготовительные и общіе курсы упраздненныхъ кадетскихъ корпусовъ. Въ созданныхъ такимъ путемъ общеобразовательныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, вмѣсто воинской дисциплины, введено было правильное, согласно современнымъ требованіямъ педагогики, воспитаніе подъ руководствомъ особыхъ воспитателей безъ участія унтеръ-офицеровъ изъ старшихъ кадетъ.

Преобразованія начались не во всѣхъ корпусахъ сразу. Первый корпусъ не попалъ въ первую очередь и ему за періодъ 1863—64 учебнаго года пришлось пережить поистинѣ черные дни. Это самая грустная страница въ исторіи столь славнаго и одного изъ старѣйшихъ военно-учебныхъ заведеній въ Россіи.

Въ началѣ іюля 1863 года получено было приказаніе передать зданіе Перваго корпуса Павловскому кадетскому корпусу, а самимъ перебраться на его мѣсто—на Петербургскую сторону, гдѣ нынѣ Павловское военное училище.

Съ осени того же года Павловскій кадетскій корпусъ былъ преобразованъ въ Павловское военное училище, а Второй кадетскій корпусъ—во 2-ю С.-Петербургскую военную гимназію.

Было желаніе сразу поставить новое заведеніе въ отличное состояніе, чтобы противники реформы военно-учебныхъ заведеній по началу увидѣли пользу отъ преобразованій. Достигнуть этого считали возможнымъ лишь путемъ отбора въ новое заведеніе лучшихъ воспитанниковъ изъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ. Въ результатѣ же оказалось, что въ Первомъ корпусѣ, еще не реформированномъ, сосредоточились всѣ худшіе воспитанники: свои и прочихъ петербургскихъ корпусовъ. Съ такимъ-то составомъ кадетъ и при службѣ офицеровъ, находившихся подъ давленіемъ сознанія, что они черезъ годъ за ненадобностью должны оставить будутъ службу въ корпусѣ, пришлось начать новый учебный годъ на новомъ мѣстѣ. Неудивительно, что за этотъ годъ изъ 600, начавшихъ курсъ, было исключено 82, т. е. около 14%.

Такъ какъ въ концѣ концовъ рѣшено было и Первый корпусъ съ началомъ 1864—65 учебнаго года преобразовать въ гимназію, то въ приказѣ военнаго министра, 17-го мая 1864 года, было объявлено нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе: „Дабы сохранить память о I-мъ кадетскомъ корпусѣ, какъ о разсадникѣ военнаго образованія въ отечествѣ, и преданія, связанныя съ его именемъ, о доблестяхъ военачальниковъ и государственныхъ людей, проведшихъ юность въ этомъ заведеніи, придать Павловскому военному училищу названіе I-го военнаго Павловскаго училища. Передать ему отъ бывшаго I-го кадетскаго корпуса архивъ, всѣ историческіе памятники и военно-учебныя пособія и хранить въ немъ мундиръ въ Бозѣ почивающаго императора Николая Павловича, дарованный I-му кадетскому корпусу“.

Наконецъ, государь, по примѣру того, какъ былъ шефомъ I-го корпуса, принялъ на себя званіе шефа I-го военнаго Павловскаго училища.

Такимъ образомъ, уже на второмъ году своего существованія, Павловское военное училище получило право считаться преемникомъ во всѣхъ отношеніяхъ Перваго кадетскаго корпуса. Этотъ же послѣдній, просуществовавъ уже болѣе 130 лѣтъ и доставивъ отечеству много славныхъ военныхъ, государственныхъ и литературныхъ дѣятелей, былъ вытѣсненъ изъ своего историческаго зданія и принужденъ отказаться отъ своего блестящаго прошлаго, передавъ все это случайному наслѣднику.

Однако, военныя гимназіи просуществовали только около 20-ти лѣтъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III, на поприще государственной дѣятельности выступили новые люди, а съ ними стали проводиться и новые взгляды, которыхъ не миновало и военно-учебное дѣло. Хотя коренной ломки произведено и не было, но военныя гимназіи вновь обращены были въ кадетскіе корпуса. Что же касается Перваго корпуса, то онъ былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ до переселенія обратно на свое старое пепелище включительно.

Когда возникъ вопросъ о необходимости реорганизовать военныя гимназіи и ввести нѣкоторую поправку въ воспитаніе будущихъ офицеровъ, главнымъ мотивомъ къ тому выставляли, что этого рода военно-учебныя заведенія, хотя и удовлетворяютъ требованіямъ средняго реальнаго образованія и цѣлямъ воспитанія, но не вполнѣ отвѣчаютъ задачѣ настоящаго военно-учебнаго заведенія. Поэтому пришли къ необходимости, сохранивъ въ нихъ систематическій среднеобразовательный курсъ и тѣ же общія воспитательныя основанія, придать, однако, всему строю то направленіе, которое дѣлало бы ихъ вполнѣ

учрежденіями приготовительными для военныхъ училищъ. Не вводя тѣхъ увлеченій строемъ и тѣхъ несоотвѣтственныхъ цѣлямъ командныхъ отношеній, которыя осуждены уже въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ, тѣмъ не менѣе, признано было необходимымъ постепенно пріучать воспитанниковъ къ строгимъ требованіямъ дисциплины и къ строю. Всѣ эти руководящія начала привели къ той системѣ воспитанія, которая проводится и въ настоящее время.

Въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 22-го іюля 1882 года высочайше повелѣно было, чтобы всѣ военныя гимназіи на будущее время именовались кадетскими корпусами, и это сдѣлано во вниманіе къ вѣковымъ заслугамъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, питомцы которыхъ, прославивъ русское оружіе въ достопамятныхъ войнахъ прошлаго, доблестно подвизались на различныхъ поприщахъ полезнаго служенія престолу и отечеству.

Въ 1887 году, когда корпусъ уже перебрался въ свое прежнее зданіе, состоялся приказъ по военному вѣдомству, въ которомъ высочайше повелѣно было: „съ возстановленіемъ 1-го кадетскаго корпуса, считать его преемникомъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса и бывшей 1-й военной гимназіи“. Кромѣ того, повелѣно было, чтобы Павловское училище передало корпусу знамя, архивъ, музей и всѣ историческіе предметы, прежде принадлежавшіе корпусу.

Въ 1888 году (1 февраля) императоръ Александръ III вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной посѣтилъ корпусъ на новосельѣ. Жизнь въ немъ приняла уже нормальное теченіе, и все шло по заведенному порядку. Государь въ библіотекѣ корпуса и въ присутствіи собравшихся тамъ всѣхъ служащихъ, между прочимъ, сказалъ: „Я не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока бы не перевелъ корпусъ въ его прежнее зданіе“. Затѣмъ, при обходѣ прочихъ помѣщеній, ихъ величества также осматривали музей и покои, нѣкогда принадлежавшіе свѣтлѣйшему князю Меншикову. Найдя ихъ въ совершенно обветшаломъ состояніи, государь, всегда съ особымъ вниманіемъ относившійся ко всякаго рода историческимъ памятникамъ, повелѣлъ реставрировать въ этихъ покояхъ убранство и обстановку. Во исполненіе такой воли государя, при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній была образована подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Лалаева коммиссія, которая, при содѣйствіи особо приглашенныхъ профессоровъ академіи художествъ и другихъ лицъ разныхъ спеціальностей, тотчасъ приступила къ работамъ и окончила ихъ въ 1896 году.

Изъ событій послѣдняго времени нельзя не отмѣтить:

Когда высочайшимъ приказомъ отъ 13 февраля 1901 года повелѣно было десяти старѣйшимъ кадетскимъ корпусамъ вновь выносить къ строю пожалованныя въ прежнее время знамена, въ виду ихъ громаднаго нравственнаго и воспитательнаго значенія, какъ наивысшей воинской святыни и лучшаго украшенія строя, то въ Первомъ корпусѣ оно впервые, послѣ почти сорокалѣтняго перерыва, было вынесено передъ строй кадетъ во время парада 17 февраля того же 1901 года.

Приказомъ по военно-учебному вѣдомству отъ 5-го сентября 1900 года его высочество князь Іоаннъ Константиновичъ былъ зачисленъ въ списки Перваго кадетскаго корпуса. Августѣйшій кадетъ, кромѣ того, что являлся на занятія фронтомъ (два раза въ недѣлю) и принималъ участіе въ парадахъ, прожилъ въ корпусѣ безотлучно цѣлую недѣлю, съ 18 по 24 марта 1901 года включительно, и наравнѣ со всѣми кадетами—товарищами, постоянно живущими въ корпусѣ, посѣщалъ классы и подчинялся общему расписанію кадетскаго дня.

Также являлись въ корпусъ для участія въ занятіяхъ фронтомъ и на парады августѣйшіе братья его высочества. князь Гавріилъ Константиновичъ—кадетъ І-го Московскаго корпуса и князь Константинъ Константиновичъ—кадетъ Нижегородскаго графа Аракчеева корпуса.

Предъ началомъ курса 1904—1905 учебнаго года князь Іоаннъ Константиновичъ былъ произведенъ въ вице-унтеръ-офицеры и назначенъ корпуснымъ знаменщикомъ. Въ этомъ званіи его высочество состоялъ до 12 сентября 1905 года, когда онъ былъ переведенъ въ Николаевское кавалерійское училище.

Съ 12 октября 1904 года при корпусѣ открытъ пансіонъ-пріютъ имени государыни императрицы Александры Ѳеодоровны. Его назначеніе: призрѣвать дѣтей дошкольнаго возраста—сыновей офицерскихъ чиновъ, такъ или иначе пострадавшихъ въ войну съ Японіей. Цѣль учрежденія: подготовлять этихъ малолѣтнихъ къ поступленію въ корпусъ. Штатъ: 20 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ.

Этотъ пансіонъ-пріютъ въ годъ основанія его содержался на средства, пожертвованныя въ распоряженіе государыни, но со второго года содержаніе его отнесено на средства, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства.

Непосредственное завѣдываніе воспитаніемъ и обученіемъ призрѣваемыхъ ввѣряется особой начальницѣ съ двумя помощницами, а общее наблюденіе за правильностью веденія дѣла директоромъ корпуса возлагается на одного изъ ротныхъ командировъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ вспомнить о тѣхъ бывшихъ кадетахъ, имена которыхъ занесены на черныя доски, почти сплошь покрывающія свободные промежутки по стѣнамъ корпусной церкви (251 фамилія). Между ними пока нѣтъ еще досокъ съ именами павшихъ на манджурскихъ поляхъ сраженій (21 фамилія).

Общая сумма—272 составитъ почти $2^{3}/_{4}$ % отъ всего числа кадетъ, окончившихъ корпусъ за время 175-лѣтняго его существованія Но если бы отъ общей суммы отбросить число тѣхъ кадетъ, которые по окончаніи корпуса не пошли въ военную службу, то вышеприведенная цифра процентовъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ возрастетъ еще больше.

По этимъ же траурнымъ доскамъ можно видѣть, что бывшіе кадеты 1-го корпуса принимали участіе почти во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіей, начиная съ Русско-Турецкой (1736—39 гг.) и кончая послѣдней Русско-Японской, и что самыя большія потери падаютъ на время семилѣтней войны (55 чел.). и войнъ противъ Наполеона (54 чел.).

Подъ именами нѣкоторыхъ убитыхъ описаны болѣе или менѣе подробно ихъ подвиги или боевая обстановка, сопровождавшая смерть героя.

Приводимъ изъ нихъ наиболѣе интересное описаніе подвига бывшаго кадета Энгельгардта.

„Павелъ Энгельгардтъ

Отставной подполковникъ выпущенъ въ 1787 году.

По занятіи Смоленска французами въ 1812 году, непріятельскіе провіантскіе чиновники, посылаемые для закупки хлѣба и фуражиры гибли подъ ударами поселянъ, предводительствуемыхъ своими помѣщиками. Непріятель вознамѣрился устрашить жителей, употребляя кровавыя мѣры; съ этой цѣлью старался захватить кого-либо изъ помѣщиковъ, начальствовавшихъ надъ вооруженными поселянами. Отставной подполковникъ Энгельгардтъ сдѣлался жертвою ихъ мести. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, привезенъ въ Смоленскъ и приговоренъ къ смерти. Французы медлили исполненіемъ казни, склоняя его вступить къ нимъ въ службу, но безуспѣшно. Выведенный на мѣсто казни Энгельгардтъ просилъ скорѣе исполнять приговоръ, говоря: „Стрѣляйте скорѣе, чтобъ не видать мнѣ больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ". Отогнавъ отъ себя желавшихъ завязать ему глаза, вскричалъ: „Прочь! никто не видалъ своей смерти, а я ее буду видѣть". Потомъ сказалъ: „Господи, помяни мя, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ, я въ руцѣ Твои пре-

даю духъ мой". Велѣлъ стрѣлять. Французы сперва прострѣлили ему ногу и вновь старались поколебать его вѣрность, обѣщая залѣчить его рану, въ случаѣ согласія на ихъ предложеніе вступить къ нимъ въ службу. Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями 15-го октября".

Миръ праху на полѣ брани животъ свой положившихъ.

Пожелаемъ, чтобы еще ярче заблистала звѣзда просвѣщенія въ этомъ храмѣ воспитанія и науки, гдѣ рядъ поколѣній оставилъ добрую и на многіе годы славную память о себѣ на службѣ вѣрой и правдой своимъ государямъ и родинѣ.

А. Антоновъ.

20-го янв. 1907 г. СПБ. 1-й кад. корпусъ.

Письмо царевны Маоы Алексѣевны къ князю Ѳедору Ромодановскому.

На мѣстѣ, гдѣ нынѣ гор. Александровъ, были въ XVI стол. двѣ слободы, старая и новая Александровы слободы. Въ послѣдней, въ періодъ Опричнины (1565—1582 г.) жилъ царь Иванъ IV. При немъ была построена тамъ церковь Успенія (на осыпи). Слобода была окружена валомъ со рвомъ. Царь, поселившись въ келіи близъ церкви, завелъ у себя весь монастырскій обиходъ, составилъ изъ 300 опричниковъ братію, наименовалъ себя игуменомъ, Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова еклесіархомъ (ключаремъ), самъ ежедневно въ 4 часа утра уходилъ съ царевичемъ и Малютою на колокольню благовѣстить къ заутрени, и, одѣвшись въ „смирное“ платье, становился въ храмѣ между опричниками, являвшимися въ скуфьяхъ и въ черныхъ рясахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись расшитые золотомъ кафтаны, опушенные соболями“...

Въ 7158 (1650) году была построена въ Александровой слободѣ церковь и монастырь Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ этотъ монастырь въ 1699 году была отправлена и пострижена, по повелѣнію Петра I-го, его сестра, Маоа Алексѣевна (подъ именемъ Маргариты). Инокиня Маргарита прожила въ этой обители (съ 1699—1707 г.) 8 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 22 дня въ подвигахъ покаянія и смиренія. Въ это время инокиня Маргарита писала письма ко многимъ лицамъ (21 письмо): сестрамъ, Ромодановскому, къ брату-царю Петру Алексѣевичу, доктору Лаврентію Ринцбергу и др.

Письма инокини Маргариты не помѣчены числомъ, но полагаютъ, что многія письма ея относятся къ 1705 году.

Отъ благородныя государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны князю Ѳедору Юрьевичу почтеніе.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ. Доложи Государю, чтобы пожаловалъ изволилъ приказать послать въ тѣ монастыри грамоты, чтобы мнѣ отпустили деньги на столовые запасы полтретья тысячи на годъ, да чтобы мнѣ все вдругъ привозили съ годы на годъ. А нынѣ мнѣ прислана грамота, съ какихъ мнѣ монастырей брать деньги,

и срокъ поставленъ, какъ деньги привозить, и срокъ давно вышелъ, а денегъ ко мнѣ еще не приваживали по се время ни деньги. И мнѣ нынѣ великая нужда въ кушаньѣ, того ради, что ни денегъ, ни запасовъ. А когда мнѣ и съ Москвы привозили запасы, и то все гнилое и вонючее. И я какъ и пришла съ Москвы, щучины и стерлядины въ ротъ не бирала, окуней также въ ротъ не бирала, того ради, что зимою привозили, промерзлыя, а лѣтомъ протухлыя, масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлыя: бражни и кислыхъ штей, какъ сдѣлаютъ, испить нельзя, все безъ питья животъ свой пучу; да и то привозили все гнилое, да худое, и во всемъ недовозы, и я къ вамъ не писала, все терпѣла Бога ради, а къ ключникамъ многажды писала, и они не глядятъ...

Пожалуй, Ѳедоръ Юрьевичъ, Бога ради, умилосердися, въ честь тебѣ бью челомъ: доложи Государю, и самъ порадѣй, чтобы мнѣ не быть во великой нуждѣ; прикажите мнѣ деньги привезть всѣ вдругъ полтретья тысячи, что за столовые запасы. Ей, великая нужда мнѣ нынѣ въ кушаньѣ.

Сообщилъ **А. И. Савельевъ.**

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

„О перевозкѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губернію“.

Дѣло архива канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ.

„Дѣло“ это хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и упоминается въ ея „Отчетѣ за 1900 и 1901 гг.“, СПб., 1905 г., стр. 233. Нѣкоторые документы, входящіе въ составъ его, появляются въ печати въ первый разъ.

Получено 1—2 февраля 1837 г.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ!

Покойный Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ желалъ всегда, чтобы по смерти тѣло его перевезено было для погребенія въ монастырь Святыя Горы, въ псковской губерніи, въ опочинскомъ уѣздѣ. Тамъ погребены мать его и предки ея. Вдова его поручила мнѣ покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать зависящія отъ васъ распоряженія для свободнаго перевезенія тѣла въ упомянутый монастырь.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорный слуга

графъ Григорій Строгановъ.

1-го февраля 1837 г.

На четвертой страницѣ этого письма графомъ Д. Н. Блудовымъ сдѣлана надпись карандашемъ: „Истребовать и прислать ко мнѣ поскорѣе всѣ бумаги, нужныя для исполненія этой печальной обязанности и отвѣта графу Строганову“. Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, дальній родственникъ Н. Н. Пушкиной, по разсказу

П. А. Вяземскаго [1]) и В. А. Жуковскаго [2]), принялъ на себя заботы и издержки по похоронамъ поэта. Онъ же сталъ во главѣ опеки, учрежденной надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина [3]).

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.
Отдѣленіе 2.
Столъ 3.

1 февраля 1837.
№ 388.

Съ препровожденіемъ открытаго листа.

Господину С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору.

Скончавшійся здѣсь 29-го минувшаго генваря въ званіи камеръ-юнкера двора его императорскаго величества Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ при жизни своей изъявилъ желаніе, чтобы тѣло его предано было землѣ псковской губерніи, опочецкаго уѣзда въ монастырѣ Святой Горы, на что вдова его проситъ разрѣшенія.

Не находя съ моей стороны препятствія къ удовлетворенію настоящей просьбы, буде тѣло покойнаго не предано еще землѣ и закупорено въ засмоленномъ гробѣ, имѣю честь увѣдомить о томъ ваше сіятельство, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, учинить зависящія отъ васъ по сему предмету по части гражданской распоряженія во ввѣренномъ вамъ управленіи; препровождаемый же при семъ открытый листъ на свободный пропускъ тѣла до мѣста преданія онаго землѣ приказать выдать тому, подъ чьимъ надзоромъ тѣло сіе везено будетъ.

Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что объ учиненіи надлежащихъ въ семъ случаѣ по части духовной распоряженій, я сообщилъ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ
статсъ-секретарь Д. Блудовъ.
Скрѣпилъ: директоръ Оржевскій.
Вѣрно: столоначальникъ Сафоновъ.

Этотъ документъ—отпускъ.

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ" 1905 г., январь, стр. 186—187.

[2]) П. В. Анненковъ, „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи". Спб., 1873 г., 445.

[3]) „Русск. Стар.", 1875 г., августъ, 714; „Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ", издалъ Н. А. Гастфрейндъ, Спб., 1900 г., стр. 58; „Дѣло III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ, Спб., 1906 г., стр. 202—220 и слѣд.

№ 387.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ.

Предъявителю сего дозволено перевезти тѣло скончавшагося въ С.-Петербургѣ 29-го минувшаго генваря въ званіи камеръ-юнкера двора его императорскаго величества Александра Сергѣевича Пушкина, псковской губерніи, опочецкаго уѣзда для погребенія въ монастырѣ Святой Горы. Вслѣдствіе сего предписывается градскимъ и земскимъ полиціямъ въ провозѣ помянутаго тѣла до мѣста преданія онаго землѣ препятствія не дѣлать.

С.-Петербургъ, февраля
1-го дня 1836 г.

Подписалъ (по титулѣ) Д. Блудовъ.
Скрѣпилъ: директоръ Оржевскій.
Вѣрно: столоначальникъ Сафоновъ.

Этотъ документъ—отпускъ. Дата 1836 г., конечно, описка.

Затѣмъ слѣдуетъ (тоже въ отпускѣ) отношеніе Д. Н. Блудова, 1-го февраля 1837 г., № 389, къ псковскому гражданскому губернатору (А. Н. Пещурову) съ просьбою „учинить зависящія распоряженія въ псковской губерніи“. Это отношеніе было напечатано съ находящагося въ Псковѣ подлинника не разъ [1]). Отвѣтъ А. Н. Пещурова см. ниже.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.
Отдѣленіе 2.
Столъ 3.

1 февраля 1837.
№ 390.

О перевозѣ мертваго тѣла.

Господину оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Скончавшійся здѣсь 29-го минувшаго генваря въ званіи камеръ-юнкера двора его императорскаго величества Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ при жизни своей изъявилъ желаніе, чтобы тѣло его предано было землѣ псковской губерніи, опочецкаго уѣзда въ монастырѣ Святой Горы, на что вдова его проситъ разрѣшенія.

---

[1]) „Псков. Городск. Листокъ“ 1896 г., № 72; „Московск. Листокъ“ 1899 г., № 69; игуменъ Іоаннъ, „Описаніе Святогорскаго Успенскаго монастыря“, Псковъ, 1899 г., стр. 154—155; В. П. Островскій, альбомъ „Пушкинскій уголокъ“, М., 1899, стр. 75; И. И. Василевъ, „Слѣды пребыванія Пушкина въ Псковской губерніи“, Спб., 1899 г., стр. 47.

Разрѣшивъ перевозъ помянутаго тѣла, буде оное не предано еще землѣ и закупорено въ засмоленномъ гробѣ, имѣю честь увѣдомить о томъ ваше сіятельство, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, учинить зависящія отъ васъ въ семъ случаѣ по части духовной распоряженія.

Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ
статсъ-секретарь Д. Блудовъ.
Скрѣпилъ: директоръ Оржевскій.
Вѣрно: столоначальникъ Сафоновъ.

Этотъ документъ—отпускъ.

О мѣрахъ, принятыхъ оберъ-прокуроромъ, можно судить по предписанію, данному псковскимъ архіепископомъ Наѳанаиломъ игумену Святогорскаго монастыря Геннадію, чтобы при погребеніи Пушкина, согласно высочайшей волѣ, „не было никакого особливаго изъявленія, никакой встрѣчи, никакой церемоніи"; при этомъ архіепископъ даже сообщилъ, что „отпѣваніе тѣла совершено уже въ С.-Петербургѣ" [1]).

Милостивый государь, графъ Григорій Александровичъ!

Имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство, что, согласно письму вашему ко мнѣ отъ 1-го сего февраля, насчетъ перевоза тѣла скончавшагося здѣсь 29-го минувшаго генваря Александра Сергѣевича Пушкина, для погребенія псковской губерніи въ монастырѣ Святой Горы, я вмѣстѣ съ симъ отнесся къ гг. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору и псковскому гражданскому губернатору о учиненіи зависящихъ отъ нихъ въ настоящемъ случаѣ по части гражданской распоряженій, препроводивъ къ первому и открытый листъ, на свободный пропускъ тѣла до мѣста преданія онаго землѣ, для врученія тому, подъ чьимъ надзоромъ тѣло сіе везено будетъ; между тѣмъ писалъ и г. оберъ-прокурору Св. Синода, для зависящихъ отъ него распоряженій по части духовной.

Его Сія-ву Графу
Г. А. Строганову.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Подписалъ: Д. Блудовъ.
Вѣрно: столоначальникъ Сафоновъ.

1-го февраля, 1837 г.

Этотъ документъ—отпускъ.

---

[1]) „Московскій Листокъ", l. c.; игуменъ Іоаннъ, op. c., стр. 154; В. П. Острогорскій, op. c., стр. 76—77; И. И. Василевъ, op. c., стр. 48—49.

3-го февраля, въ 10 ч. вечера, у гроба Пушкина была отслужена послѣдняя панихида, а въ полночь другъ покойнаго А. И. Тургеневъ, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, повезъ тѣло Пушкина къ мѣсту погребенія [1]). Въ 1861 г. жандармскій офицеръ Ракѣевъ разсказывалъ М. И. Михайлову, что сопровождалъ тѣло Пушкина [2]).

Слѣдующій документъ—подлинникъ отношенія А. Н. Пещурова къ Д. Н. Блудову, 18-го февраля 1837 г., № 1.098, котораго губернаторъ увѣдомляетъ, что еще до полученія его предписанія имъ были сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія на основаніи полученнаго ранѣе отношенія управляющаго III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи А. Н. Мордвинова. Отношеніе Пещурова носитъ помѣту: „Получено 24-го февраля". Оно было уже напечатано [3]), но съ невѣрной датой: 8-го февраля. Отношеніе Мордвинова къ Пещурову, 2-го февраля, съ просьбою, чтобы при погребеніи Пушкина не было „никакой встрѣчи, никакой церемоніи", еще не напечатано. 6-го февраля, на разсвѣтѣ, тѣло поэта было предано землѣ [4]).

Сообщилъ **Н. Лернеръ**.

[1]) Анненковъ, op. c., 446; А. Аммосовъ, „Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина", Спб., 1863 г., стр. 66—68; „Записки" А. О. Смирновой, ч. II, Спб., 1897 г., стр. 5.

[2]) „Русск. Стар.", 1906 г., августъ, 391.

[3]) „Псковск. Город. Листокъ", l. c.; „Московск. Листокъ" l. c.; игуменъ Іоаннъ, op. c. стр. 155; В. П. Острогорскій, op. c., стр. 76; И. И. Василевъ, op. c., стр. 47—48.

[4]) Сообщено Б. Л. Модзалевскимъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1907 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкой 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

3—3

Digitized by Google

Digitized by Google

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

2-го февраля 1857 г. Толстой получилъ извѣстіе о кончинѣ своего брата, Дмитрія Николаевича, къ которому относятся между прочимъ слѣдующія строки его дневника:

„Когда между нами производился дѣлежъ наслѣдства, пишетъ Л. Н., я получилъ имѣніе, въ которомъ мы жили,—Ясную Поляну. Такъ какъ Сережа любилъ лошадей, а въ Пирогово былъ конскій заводъ, то онъ получилъ это имѣніе, согласно своему желанію. Митенькѣ и Николенькѣ досталось обоимъ по имѣнію: Николенька получилъ Никольское, а Митенька Щербачевку въ Курской губерніи, доставшуюся намъ отъ г-жи Перовской. У меня сохранилась замѣтка, писанная Митенькой о крѣпостномъ правѣ. Онъ находилъ его несправедливымъ и полагалъ, что крестьянъ слѣдовало освободить. Но въ нашемъ кругу, въ сороковыхъ годахъ, никто объ этомъ не думалъ. Владѣть крѣпостными, полученными по наслѣдству, казалось вполнѣ естественнымъ; единственно, что можно было сдѣлать, это слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьянамъ жилось не слишкомъ дурно, и заботиться не только объ ихъ матеріальномъ положеніи, но и о нравственномъ бытѣ. Въ этомъ смыслѣ и была набросана Митенькой замѣтка, вполнѣ серьезно, наивно и откровенно. Этотъ двадцатилѣтній, едва окончившій курсъ, юноша считалъ долгомъ взять на себя обязанность слѣдить за нрав-

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1907 г.

ственностью сотни крестьянскихъ семействъ и руководить ими при помощи наказаній и угрозъ. Объ этомъ говорится у Гоголя, въ письмѣ къ помѣщику. Насколько я припоминаю, Митенька читалъ это письмо, на которое ему указалъ, кажется, тюремный священникъ. Такимъ образомъ, Митенька приступилъ къ исполненію своихъ помѣщичьихъ обязанностей. Но, кромѣ обязанностей помѣщика, существовала въ то время еще одна обязанность, отъ которой трудно было уклониться: это была военная или гражданская служба, и Митенька, окончивъ курсъ, рѣшилъ поступить на службу по гражданскому вѣдомству. Чтобы избрать родъ службы, онъ пріобрѣлъ альманахъ и принялся изучать разныя отрасли служебной дѣятельности, и, наконецъ, рѣшилъ, что самая необходимая—это служба по министерству юстиціи. Рѣшивъ это, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, въ одинъ изъ пріемныхъ дней, отправился къ Танѣеву. Могу себѣ представить его изумленіе, когда онъ увидѣлъ въ числѣ просителей высокаго, сутоловатаго, плохо одѣтаго юношу (Митенька одѣвался лишь настолько, чтобы прикрыть тѣло), съ красивыми, спокойными глазами, и освѣдомившись о томъ, что ему нужно, услыхалъ, что онъ дворянинъ, окончилъ курсъ наукъ и, желая быть полезнымъ родинѣ, избралъ съ этой цѣлью службу въ судебномъ вѣдомствѣ.

— Ваша фамилія?

— Графъ Толстой.

— Вы нигдѣ не служили?

— Я только-что окончилъ курсъ и хотѣлъ бы быть полезенъ.

— Какое мѣсто желали бы вы получить?

— Какое бы то ни было, лишь бы я могъ служить съ пользою.

Его серьезность и откровенность понравились Танѣеву; онъ повелъ его во второй департаментъ и поручилъ одному изъ чиновниковъ.

Вѣроятно, отношеніе чиновника къ нему или къ службѣ оттолкнуло Митеньку, такъ какъ онъ въ этотъ департаментъ не поступилъ. Въ Петербургѣ у Митеньки не было никого знакомыхъ, кромѣ одного юриста, Д. А. Оболенскаго, который, во время нашего пребыванія въ Казани, былъ тамъ присяжнымъ стряпчимъ. Митенька явился къ Оболенскому на дачу. Послѣдній разсказывалъ мнѣ объ этомъ посѣщеніи съ усмѣшкой. Оболенскій былъ человѣкъ свѣтскій, съ большимъ тактомъ и огромнымъ честолюбіемъ. Въ одинъ прекрасный день, когда у него были гости (по всей вѣроятности, по обыкновенію, люди высшаго круга), въ калитку сада вошелъ Митенька въ парусинной шапкѣ и балахонѣ.

„Сначала я его не узналъ,—разсказывалъ Оболенскій,—но, когда первый моментъ замѣшательства прошелъ, желая ободрить его, я представилъ его всѣмъ гостямъ и предложилъ ему снять верхнее

платье, то оказалось, что подъ верхнимъ платьемъ у него ничего не было одѣто, такъ какъ онъ находилъ это лишнимъ". Онъ сѣлъ и тотчасъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, обратился къ Оболенскому съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и къ Танѣеву, куда лучше поступить, чтобы быть полезнымъ? Этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, никогда не приходилъ въ голову Оболенскому, для котораго служба была только средствомъ удовлетворить свое честолюбіе. Но, со свойственнымъ ему тактомъ, онъ отвѣчалъ добродушно, указалъ нѣсколько должностей и предложилъ свои услуги. Очевидно, Митенька не былъ удовлетворенъ ни Оболенскимъ, ни Танѣевымъ, ибо онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не поступивъ на службу, и вернулся въ свое имѣніе. Мнѣ кажется, что онъ гдѣ-то служилъ, имѣлъ какое-то мѣсто въ Суджѣ, но, главнымъ образомъ, онъ занимался управленіемъ своего имѣнія.

Послѣ нашего выхода изъ университета, я потерялъ его изъ вида. Я знаю, что онъ велъ по-прежнему самую строгую жизнь и до двадцатишестилѣтняго возраста не пилъ, не курилъ и не зналъ женщинъ, что́ въ то время было большою рѣдкостью. Онъ водилъ дружбу съ монахами и странниками, и его закадычнымъ другомъ былъ одинъ большой чудакъ неизвѣстнаго происхожденія, жившій у нашего опекуна Воейкова. Его звали отецъ Лука. Онъ монашествовалъ и былъ очень безобразенъ: небольшого роста, кривоглазый, черномазый, но очень чистоплотный и необыкновенно крѣпкаго сложенія.

Взявъ васъ за руку, онъ сжималъ ее, какъ въ тискахъ, и говорилъ всегда съ важностью.

Онъ жилъ у Воейкова, подлѣ мельницы, гдѣ выстроилъ себѣ домъ и развелъ какой-то необыкновенный садъ. Этого-то отца Луку Митенька увезъ съ собою. Я слышалъ, что онъ посѣщалъ старосвѣтскаго помѣщика, нашего сосѣда, Самойлова.

Кажется, я былъ на Кавказѣ въ то время, когда въ Митенькѣ произошла необычайная перемѣна. Онъ вдругъ сталъ пить, курить, тратить деньги, посѣщать женщинъ. Какъ это случилось, я хорошенько не знаю, такъ какъ я не видалъ его въ то время. Мнѣ извѣстно одно, что его совратилъ младшій Исленевъ, человѣкъ весьма привлекательной наружности, но глубоко безнравственный.

Но и тутъ Митенька остался все тѣмъ же вѣрующимъ, серьезнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ во всемъ. Онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ въ домъ проститутку Машу, первую женщину, которую онъ зналъ. Но въ общемъ, эта жизнь продолжалась недолго. Я думаю, что его могучій организмъ былъ сломленъ не столько дурной жизнью, которую онъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, сколько угрызеніями совѣсти. Онъ заболѣлъ чахоткой и уѣхалъ въ деревню. Онъ лѣчился въ разныхъ городахъ и слегъ окончательно

въ Орлѣ, гдѣ я видѣлъ его послѣдній разъ, уже послѣ севастопольской кампаніи. Онъ былъ ужасенъ: огромныя кисти рукъ висѣли на изсохшихъ костяхъ, все лицо какъ бы состояло изъ однихъ глазъ, взглядъ которыхъ сталъ теперь какъ бы недоумѣвающимъ. Онъ то и дѣло покашливалъ, плевалъ; ему не хотѣлось умирать, и онъ не вѣрилъ, что онъ былъ при смерти.

Рябая Маша, въ платочкѣ на головѣ, ухаживала за нимъ. При мнѣ, по его желанію привезли къ нему чудотворную икону. Какъ сейчасъ помню выраженіе лица, съ какимъ онъ молился передъ этой иконой.

Въ то время я былъ особенно мерзокъ. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я вращался въ свѣтѣ и былъ полонъ тщеславія. Мнѣ было жаль Митеньку, но не слишкомъ; повернувшись въ Орлѣ, я уѣхалъ. Онъ умеръ нѣсколько дней спустя. Право, мнѣ кажется, что самое тяжелое для меня въ его смерти было то, что это помѣшало мнѣ быть на придворномъ спектаклѣ, куда я былъ приглашенъ".

Вскорѣ по пріѣздѣ изъ Орла Левъ Николаевичъ подалъ въ отставку. 25-го марта 1856 г. онъ писалъ брату Сергѣю Николаевичу.

„Я собираюсь на восемь мѣсяцевъ за границу. Если мнѣ дадутъ отпускъ, я уѣду; я писалъ объ этомъ Николаю и постараюсь уѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Было бы превосходно, если бы намъ удалось уѣхать всѣмъ троимъ. Если у каждаго изъ насъ будетъ по тысячѣ рублей, то можно сдѣлать великолѣпное путешествіе. Пиши мнѣ пожалуйста. Какъ ты находишь „Мятель"? Я ею недоволенъ,—не шутя. Теперь мнѣ хочется многое написать, но въ этомъ проклятомъ Петербургѣ вѣчно некогда. Дадутъ ли мнѣ разрѣшеніе ѣхать за границу или нѣтъ, во всякомъ случаѣ я намѣренъ взять отпускъ въ апрѣлѣ и уѣхать въ деревню".

12-го мая, еще въ Петербургѣ, Л. Н. отмѣтилъ въ дневникѣ:

„Самое дѣйствительное средство достигнуть въ жизни истиннаго счастья, это, не стѣсняясь ничѣмъ, соткать вокругъ себя, подобно пауку, цѣлую сѣть любви и излавливать въ нее все, что попадется: старуху, ребенка, молодую дѣвушку, полицейскаго..."

17-го мая 1856 г. Толстой уѣхалъ въ Москву.

День 26-го мая онъ провелъ въ семьѣ доктора Берса, женатаго на Исленевой, съ которой онъ игралъ въ дѣтствѣ. Въ дневникѣ Льва Николаевича записано по поводу этого посѣщенія:

„Насъ угощали и намъ прислуживали дѣти. Какія прелестныя, веселенькія дѣвочки!"

Одна изъ нихъ, младшая, сдѣлалась, шесть лѣтъ спустя его женою.

29-го мая онъ писалъ Сергѣю Николаевичу изъ Ясной Поляны:

„Я провелъ въ Москвѣ десять дней... очень пріятно; безъ шампанскаго и цыганъ... чуть - чуть влюбился... въ кого? разскажу послѣ...“

Подъ осень Л. Н. перенесъ серьезную болѣзнь. Въ первыхъ числахъ сентября, извѣщая брата о своемъ выздоровленіи, онъ писалъ:

„Только сегодня, въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ вечера, я могу сообщить тебѣ благопріятный отвѣтъ. До тѣхъ поръ здоровье мое все время ухудшалось. Было приглашено два врача, поставлено сорокъ піявокъ; я только-что уснулъ и, проснувшись, почувствовалъ себя гораздо лучше. Тѣмъ не менѣе, нечего и думать о томъ, чтобы уѣхать ранѣе, какъ черезъ пять—шесть дней. До свиданія. Напиши мнѣ, когда ты уѣдешь и большіе ли у тебя недочеты въ дѣлахъ; не охоться особенно много безъ меня. Можетъ быть, я отошлю собакъ завтра“.

15-го сентября онъ писалъ:

„Дорогой другъ Сережа! На вопросъ, улучшилось ли мое здоровье, отвѣчу и да, и нѣтъ. Я не страдаю, воспаленіе прошло, но я чувствую какую-то тяжесть въ груди, нѣкоторую неловкость въ боку и по вечерамъ тупыя боли. Это пройдетъ, можетъ быть, мало-по-малу само собою, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ, а если это будетъ не скоро, то лучше вовсе не ѣздить. Если мнѣ не полегчаетъ недѣли черезъ двѣ, то я лучше поѣду въ Москву“.

Вскорѣ Л. Н. поселился снова въ Петербургѣ, откуда онъ писалъ 10-го ноября 1856 г.:

„Прости меня, дорогой другъ Сережа, что я пишу тебѣ всего пару словъ; по обыкновенію некогда. Со времени моего отъѣзда меня преслѣдуютъ неудачи. Я здѣсь никого не люблю. Говорятъ, будто въ „Отечественныхъ запискахъ“ меня выругали за мои военные разсказы. Я еще не читалъ этого. Но главное, Константиновъ передалъ мнѣ, какъ только я пріѣхалъ, что великій князь Михаилъ, узнавъ о томъ, что я—авторъ пѣсни, былъ очень недоволенъ, въ особенности, когда ему сказали, что я научилъ ей солдатъ.

Это гнусно! Я имѣлъ по этому поводу объясненіе съ начальникомъ главнаго штаба. Хорошо, что мое здоровье поправляется и что Шипулинскій сказалъ, что мои легкія въ исправности“.

Къ этому приблизительно времени относится одинъ эпизодъ, имѣвшій большое значеніе въ личной жизни Л. Н.—его увлеченіе дѣвицею В. С., сосѣдкою по имѣнію, едва не кончившееся бракомъ, по крайней мѣрѣ, родные и друзья смотрѣли на молодыхъ людей, какъ на жениха и невѣсту, и Т. А. Ергольская, съ которой Толстой

совѣтовался въ этомъ интимномъ дѣлѣ, была недовольна тѣмъ, что бракъ не состоялся.

5-го декабря 1856 г. Л. Н. писалъ ей изъ Москвы, гдѣ онъ провелъ весь декабрь мѣсяцъ:

„Вы говорите о В. то, что вы всегда говорили о ней, и я отвѣчу вамъ по обыкновенію откровенно. Тотчасъ по моемъ отъѣздѣ, первую недѣлю мнѣ казалось, что я влюбленъ. При моемъ пылкомъ воображеніи это было не трудно. Теперь, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я принялся серьезно за занятія, мнѣ бы очень хотѣлось сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Единственное чувство, которое я питаю къ ней, это признательность за ея любовь; вдобавокъ, когда я думаю о семейной жизни, мнѣ кажется, что изъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она была бы для меня наилучшей женою. Вотъ по этому поводу я хотѣлъ бы знать ваше откровенное мнѣніе. Ошибаюсь я или нѣтъ? Я хотѣлъ бы сообразоваться съ вашимъ совѣтомъ: во-первыхъ, потому, что вы меня любите, а тотъ, кто любитъ, никогда не ошибается. Правда, я не испыталъ себя какъ слѣдуетъ, такъ какъ со времени моего отъѣзда я велъ жизнь скорѣе уединенную, нежели разсѣянную, и видѣлъ очень мало женщинъ. Тѣмъ не менѣе, я часто досадовалъ на то, что я связалъ себя съ нею, и раскаивался въ этомъ. И все же я говорю себѣ, что если бы я былъ увѣренъ въ томъ, что ея любовь ко мнѣ неизмѣнна [1]), если бы она и впредь любила меня не такъ, какъ теперь, но болѣе всѣхъ другихъ, то я, не колеблясь ни минуты, женился бы на ней. Я убѣжденъ, что въ такомъ случаѣ моя любовь къ ней росла бы все болѣе и болѣе и что, питая къ ней такое чувство, можно было бы сдѣлать изъ нея очень хорошую жену“ [2]).

12-го января Л. Н. возвращается къ тому же вопросу:

„Дорогая тетушка! — пишетъ онъ. — Я получилъ заграничный паспортъ и, пріѣхавъ въ Москву, хотѣлъ провести нѣсколько дней съ Машей, а затѣмъ отправиться въ Ясную, чтобы устроить свои дѣла и проститься съ вами.

Но теперь я передумалъ, въ особенности посовѣтовавшись съ Машенькой, и рѣшилъ провести здѣсь съ нею недѣлю или двѣ, а затѣмъ отправиться прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы понимаете, конечно, дорогая тетушка, почему я не хочу теперь ѣхать въ Ясную или лучше сказать въ С. и почему этого не слѣдуетъ дѣлать. Мнѣ

---

[1]) По словамъ Бирюкова, Л. Н. узналъ о мимолетномъ увлеченіи дѣвицы В. преподавателемъ музыки, который очень ухаживалъ за ней, и это сильно повліяло на него.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

кажется, что я поступилъ относительно В. нехорошо... но если бы я встрѣтился съ нею теперь, то я поступилъ бы еще хуже. Какъ я уже писалъ вамъ, я отношусь къ ней болѣе, чѣмъ равнодушно, и чувствую, что я не могу долѣе обманывать ни ее, ни себя. А если бы она пріѣхала, быть можетъ, по слабости характера, я сталъ бы снова обманывать себя.

Помните, дорогая тетушка, какъ вы смѣялись надо мною, когда я говорилъ вамъ, что я уѣду въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ, я обязанъ этому тѣмъ, что я не испортилъ жизнь молодой дѣвушки и свою собственную, ибо не думайте, что это непостоянство или измѣна съ моей стороны, за эти два мѣсяца мнѣ никто не понравился, я просто-на-просто увидѣлъ, что я ошибался и что я не только никогда не питалъ, но и не буду питать къ В. ни малѣйшаго чувства истинной любви. Единственно, что меня огорчаетъ, это то, что это могло повредить молодой дѣвушкѣ и что мнѣ не удастся проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я предполагаю вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если хотите, пріѣду въ Ясную обнять васъ, такъ какъ я успѣю получить отъ васъ отвѣтъ въ Москвѣ" [1]).

Т. А. Ергольская была недовольна этимъ разрывомъ, упрекала Л. Н. въ непостоянствѣ за его поведеніе по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, которую онъ долго терзалъ своими сомнѣніями и надеждами.

„Судя по вашему письму,—писалъ Л. Н. въ отвѣтъ на эти упреки,—я вижу, что мы совершенно не понимаемъ другъ друга въ дѣлѣ С. Хотя я признаю себя виноватымъ въ непостоянствѣ и сознаю, что все это могло бы произойти совершенно иначе, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что я поступилъ вполнѣ честно. Я все время говорилъ, что я не увѣренъ въ своемъ чувствѣ къ молодой дѣвушкѣ, но что это не любовь и что я хотѣлъ бы испытать себя. Испытаніе доказало, что я ошибался, и я написалъ объ этомъ В. со всевозможной искренностью.

Послѣ этого, мои отношенія къ ней были такъ чисты, что воспоминаніе о нихъ, если бы она вышла замужъ, я увѣренъ, никогда не будетъ ей непріятно; поэтому я и писалъ ей, что я хотѣлъ бы переписываться съ ней. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть непремѣнно влюбленъ въ молодую дѣвушку и долженъ жениться на ней, а не можетъ быть съ ней въ дружественныхъ отношеніяхъ, ибо что касается участія и дружбы, таковыя я всегда буду питать къ ней. Пусть m-elle Vergani, которая написала мнѣ такое нелѣпое письмо, припомнитъ, какъ я держалъ себя все время по отношенію къ В., какъ я говорилъ о томъ, что мнѣ слѣдовало бывать

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

у нихъ какъ можно рѣже и какъ именно она совѣтовала мнѣ бывать чаще и войти въ болѣе близкія отношенія.

Я понимаю, что ей можетъ быть досадно, что вещь, которую она очень желала, не состоялась (можетъ быть, это мнѣ самому еще болѣе непріятно), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы можно было сказать человѣку, который старался поступить какъ можно лучше и принесъ жертву, чтобы не быть причиною несчастія другихъ людей,— что онъ дуракъ (qu' il est un mufle), и увѣрять въ этомъ всѣхъ и каждаго. Я увѣренъ, что теперь вся Тула думаетъ, что я величайшій извергъ"[1]).

Нѣсколько времени спустя, узнавъ отъ Ергольской о томъ, что сестра его бывшей невѣсты вышла замужъ, Толстой писалъ:

„Что касается В.,—я никогда не питалъ къ ней истинной любви, но я увлекся непохвальнымъ желаніемъ внушить любовь; это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе.

Но время, проведенное вдали отъ нея, показало, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія увидаться съ нею, не говоря уже о томъ, чтобы жениться. Меня только страшила мысль объ обязанностяхъ, которыя мнѣ пришлось бы несть, по отношенію къ ней, не любя ее; вотъ почему я рѣшился уѣхать раньше, чѣмъ я думалъ, и поступилъ очень дурно, и я просилъ въ этомъ прощенія у Бога и у всѣхъ, кому я причинилъ горе, но поправить дѣло невозможно, теперь уже ничто въ мірѣ не могло бы сдѣлать, чтобы все стало постарому. Я очень желаю счастья Ольгѣ, я въ восторгѣ отъ того, что она выходитъ замужъ, но надобно признаться, дорогая тетушка,— что единственная вещь, которая могла бы доставить мнѣ истинное удовольствіе, это извѣстіе о томъ, что В. выходитъ замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который былъ бы ея достоинъ, ибо, хотя я не питаю къ ней въ глубинѣ души ни малѣйшей любви, но я все-таки нахожу, что она хорошая, честная дѣвушка"[2]).

29 января 1857 г. Толстой отправился въ заграничное путешествіе. Совершивъ путь отъ Москвы до Варшавы въ почтовой каретѣ, а далѣе по желѣзной дорогѣ, онъ былъ около половины февраля въ Парижѣ, откуда ранней весною отправился въ Швейцарію и, тотчасъ по пріѣздѣ въ Женеву, писалъ Татьянѣ Александровнѣ:

„Я провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ такъ пріятно, что я каждый день думалъ о томъ, какъ хорошо я сдѣлалъ, поѣхавъ за границу. Я очень мало бывалъ въ обществѣ, въ литературномъ мірѣ, въ кафе и публичныхъ балахъ и, несмотря на это, видѣлъ тутъ столько новаго и интереснаго для себя, что, ложась спать, я каждый

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

разъ говорилъ себѣ: какъ жаль, что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ даже поработать, какъ я намѣревался.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически, а еще болѣе нравственно. Его несчастная связь съ г-жею В. и его дочь удерживаютъ его въ климатѣ, пагубномъ для его здоровья; на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, чтобы онъ былъ способенъ такъ любить" [1]).

Изъ Женевы Л. Н. совершилъ, вмѣстѣ съ Боткинымъ и Дружининымъ экскурсію въ Пьемонтъ, а затѣмъ поселился на берегу Женевскаго озера, въ Клaрансѣ.

„Сейчасъ получилъ ваше письмо, дорогая тетушка,—писалъ Л. Н. 18 мая. Оно застало меня, какъ вамъ уже, вѣроятно, извѣстно изъ моего послѣдняго письма, въ окрестностяхъ Женевы, въ Клaрансѣ, въ той самой деревнѣ, гдѣ жила Юлія Руссо... Я не пытаюсь изобразить вамъ красоту этой мѣстности, въ особенности теперь, когда все зеленѣетъ и цвѣтетъ, скажу только, что буквально нѣтъ возможности оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть времени, гуляя или стоя въ своей комнатѣ у окна и любуясь. Я не нарадуюсь тому, что я вздумалъ уѣхать изъ Парижа и провести весну тутъ, хотя вы и упрекнули меня по этому поводу въ непостоянствѣ. Правду сказать, я счастливъ и начинаю чувствовать преимущество родиться въ сорочкѣ.

Здѣсь собралось прелестное общество русскихъ, тутъ Пущины, Карамзины, Мещерскіе, и всѣ, Богъ вѣсть почему, любятъ меня. Я это чувствую; весь мѣсяцъ, проведенный здѣсь, мнѣ было такъ хорошо, что грустно думать объ отъѣздѣ" [2]).

Проживъ два мѣсяца въ Клaрансѣ, Толстой взялъ съ собою въ спутники десятилѣтняго мальчика Сашу,—сына однихъ своихъ знакомыхъ русскихъ, съ коими онъ встрѣтился въ Клaрансѣ, и предпринялъ вмѣстѣ съ нимъ экскурсію въ горы. Въ неизданной рукописи Толстого сохранились замѣтки объ этомъ путешествіи.

Прежде всего, Л. Н. отправился въ лодкѣ изъ Клaранса въ Монтрэ.

„15/27 мая. Погода была ясная. Ярко голубое Женевское озеро съ бѣлыми и черными очертаніями рѣющихъ на немъ парусовъ и лодокъ сверкало передъ нами съ трехъ сторонъ. Около Женевы, въ отдаленномъ концѣ озера, нагрѣтый воздухъ дрожалъ и заволакивался дымкой. На противоположномъ берегу возвышались, покрытыя зеленью, Савойскія горы, съ бѣленькими домиками, разбросанными у ихъ подошвы, и съ большой разсѣлиной, походившей издали на бѣлую женщину въ древнемъ одѣяніи. Влѣво, надъ виноградниками, неподалеку отъ нихъ ясно вырисовывался, среди темной зелени фруктовыхъ са-

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

[2]) Оригиналъ написанъ по-французски.

довъ, Монтре съ изящной церковью, брошенной на склонѣ горы. На самомъ берегу озера виднѣлся Вильневъ съ его желѣзными крышами, блестѣвшими на солнцѣ; далѣе глубокая и таинственная долина съ нагроможденными одна на другую горами,—бѣлый и холодный Шильонскій замокъ на самомъ озерѣ и маленькій воспѣтый островокъ, кокетливо расположенный, напротивъ Вильнева. По озеру пробѣгала едва замѣтная рябь. Отвѣсные лучи солнца освѣщали голубоватую поверхность озера; распущенные паруса лодокъ какъ бы застыли на мѣстѣ...

Удивительная вещь! Я прожилъ въ Кларансѣ два мѣсяца, и всякій разъ утромъ или скорѣе вечеромъ, передъ обѣдомъ, когда я открывалъ окно, на которое уже ложатся въ это время тѣни, и смотрѣлъ на озеро, въ которомъ отражаются далекія голубоватыя горы, красота пейзажа ослѣпляла меня и захватывала съ неожиданной силой.

Тогда я хотѣлъ любить, я чувствовалъ даже любовь къ себѣ, я сожалѣлъ о прошломъ, надѣялся на будущее. Я былъ счастливъ сознаніемъ, что я живу, мнѣ хотѣлось жить долго, долго, и мысль о смерти вызывала во мнѣ какой-то дѣтскій, поэтическій трепетъ. Иной разъ, сидя совершенно одинъ въ тѣнистомъ саду, любуясь этими берегами и этимъ озеромъ, я испытывалъ какое-то особенное физическое состояніе, словно красота проникала путемъ зрѣнія мнѣ въ душу".

Однажды Л. Н. пошелъ въ горы.

„Надъ нами пѣли лѣсныя птички, какихъ не слышно на берегу озера. Пахло лѣсной сыростью и срубленной сосной. Идти было такъ пріятно, что намъ жаль было идти скоро. Вдругъ насъ поразилъ какой-то необыкновенный пріятный запахъ,—запахъ весны. Саша побѣжалъ въ лѣсъ и нарвалъ вишневаго цвѣта, но онъ издавалъ лишь слабый ароматъ. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись только зеленѣющія деревья и не цвѣтущіе кустарники, а между тѣмъ, сладкій, опьяняющій запахъ ощущался все сильнѣе. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вправо, мы увидѣли какіе-то кустарники, и передъ нами открылась огромная зеленѣющая долина, съ разбросанными въ ней домиками.

Саша побѣжалъ въ долину, чтобы нарвать бѣлыхъ нарцисовъ, принесъ мнѣ огромный букетъ, издававшій сильный запахъ, и со свойственной дѣтямъ ненасытностью, бѣгалъ и срывалъ едва распустившіеся чудесные цвѣты, которые казались ему такими красивыми".

„16/28 мая. Мнѣ сказали правду: чѣмъ выше поднимаешься въ гору, тѣмъ легче становится идти. Вотъ уже часъ, какъ мы идемъ, но не чувствуемъ ни тяжести нашихъ мѣшковъ, ни усталости. Солнца

не было видно, но оно освѣщало своими лучами гору передъ нами, позолотивъ нѣсколько вершинъ и сосенъ на горизонтѣ. Внизу шумѣлъ потокъ, подлѣ насъ, журча, бѣжала вода изъ таявшаго снѣга, а на поворотѣ дороги, подъ нами, на страшной глубинѣ, открылось снова озеро и долина. Савойскія горы казались вдали совсѣмъ голубыми, только озеро синѣло, а освѣщенныя солнцемъ вершины казались розоватыми. Съ этого мѣста было видно болѣе снѣговыхъ горъ, онѣ казались выше и разнообразнѣе. На озерѣ, едва замѣтными точками, мелькали паруса и лодки. Это было красиво, удивительно красиво. Но это уже была не красота природы, это было нѣчто другое. Я не люблю этихъ величественныхъ, прославленныхъ видовъ, они нѣсколько холодны. Я люблю природу, когда она окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ и переходитъ вдаль, но когда я нахожусь среди нея. Я люблю, когда меня окружаетъ со всѣхъ сторонъ теплый воздухъ, который уносится въ безконечную даль, когда на необозримыхъ поляхъ зеленѣетъ та самая сочная трава, которую я помялъ, отдыхая на ней, когда та же листва, которая, колеблемая вѣтромъ, бросаетъ тѣнь на мое лицо, образуетъ голубоватую даль лѣса, когда тотъ воздухъ, которымъ я дышу, синѣетъ въ небесной выси, когда я наслаждаюсь природой не одинъ, когда вокругъ меня жужжатъ и копошатся милліоны насѣкомыхъ, ползаютъ букашки и распѣваютъ птицы... А тутъ—эти маленькія, обнаженныя, пустыя пространства и гдѣ-то тамъ, вдали, что-то красивое скрыто за туманной дымкой! Но это нѣчто столь далекое, что оно не доставляетъ мнѣ главнаго наслажденія, какое можетъ дать природа. Я не чувствую себя частью цѣлаго. Безконечная даль прекрасна, но я не чувствую себя связаннымъ съ нею"..

8 іюля Л. Н. писалъ изъ Люцерна Т. А. Ергольской:

„Я, кажется, писалъ вамъ, что я уѣхалъ изъ Кларанса съ намѣреніемъ совершить довольно большое путешествіе по сѣверной Швейцаріи, Рейну, Голландіи и Англіи, откуда я намѣреваюсь проѣхать снова во Францію, побывать въ Парижѣ, а въ августѣ мѣсяцѣ провести нѣкоторое время въ Римѣ и въ Неаполѣ. Если я перенесу море, что̀ окажется при переѣздѣ изъ Гааги въ Лондонъ, то я вернусь, вѣроятно, Средиземнымъ моремъ, заѣду въ Константинополь и по Черному морю проѣду въ Одессу. Впрочемъ, все это одни предположенія; быть можетъ, они и не осуществятся, вслѣдствіе моего непостояннаго характера, за который вы вполнѣ основательно упрекаете меня, дорогая тетушка.

Пріѣхавъ въ Люцернъ,—городъ, лежащій въ сѣверной Швейцаріи, неподалеко отъ Рейна, я уже отложилъ свой отъѣздъ, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ восхитительномъ городкѣ" [1]).

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

Изъ Люцерна Л. Н. отпратился на Рейнъ, а затѣмъ посѣтилъ Шафгаузенъ, Баденъ, Штутгардъ, Франкфуртъ и Берлинъ; прибылъ 8 августа въ Штеттинъ, откуда онъ отплылъ въ Россію.

„Вотъ, какъ я распредѣлилъ въ дорогѣ свои занятія,—отмѣтилъ Л. Н. въ своемъ дневникѣ,—главное—это занятіе литературой; затѣмъ обязанности по отношенію къ семьѣ и управленіе имѣніемъ. Это послѣднее слѣдовало бы, впрочемъ, предоставить старостѣ. Я стараюсь усовершенствовать свое хозяйство, довольствоваться двумя тысячами въ годъ, употребляя остальную часть дохода на крестьянъ.

Главный камень преткновенія для меня—это мое увлеченіе либерализмомъ. Слѣдовало бы жить для себя: одного добраго дѣла въ день достаточно“.

„Жертва состоитъ не въ томъ, чтобы сказать: берите съ меня, что хотите; слѣдуетъ работать, думать, соображать, чтобы отдаться всецѣло“.

„Петербургъ въ первый моментъ огорчилъ меня [1]), но потомъ я почувствовалъ внутреннее удовлетвореніе. Теперь я спокоенъ, я знаю, что мнѣ есть что сказать и что я могу сказать это во всеуслышаніе. Что касается публики, она можетъ говорить что ей угодно, но надобно много работать, не щадя силъ, а тамъ... пусть плюютъ на алтарь“.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Л. Н. переѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ Т. А. Ергольской.

„Мы иногда цѣлыми мѣсяцами никого не видѣли. Какъ памятны мнѣ эти долгіе осенніе и зимніе вечера, о которыхъ я сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Въ эти вечера зародились самыя лучшія мои мысли, самыя лучшія движенія моей души. Бывало, сидишь въ креслѣ, читаешь, думаешь. Это достопамятное кресло и по сейчасъ у меня, но это уже не то. А диванъ, на которомъ спала старуха Наталья Петровна, жившая съ тетушкой не ради нея, а потому, что ей негдѣ было преклонить голову. Между окнами, подъ зеркаломъ стоялъ рабочій столъ тетушки, съ разными баночками, наполненными конфектами, печеньями, финиками, которыми она угощала меня. У окна, направо отъ дверей, стояло два кресла; одно очень удобное, вышитое; она любила, когда я сидѣлъ въ немъ по вечерамъ... Главная прелесть этой жизни состояла въ отсутствіи всякихъ матеріальныхъ заботъ, въ установившихся ко всѣмъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнно добрыхъ по отношенію къ ближнимъ, которые

[1]) По пріѣздѣ изъ-за границы Толстой отдалъ въ „Современникъ“ разсказъ „Люцернъ“ изъ дневника кн. Неклюдова; напечатанный въ сентябрскомъ номерѣ журнала за 1857 г., онъ прошелъ почти незамѣченный критикой и публикой.

не могли ничѣмъ быть нарушены, а равно въ спокойствіи и беззаботности, съ какими текло время. Можно было сказать: „Wer darauf sitzt, der ist glücklich und der glückliche bin ich“ [1]).

„Въ самомъ дѣлѣ, сидя въ этомъ креслѣ, я былъ истинно счастливъ. Послѣ разсѣянной жизни въ Тулѣ, у сосѣдей, съ картами, цыганами, охотой, нелѣпымъ тщеславіемъ, я возвращался домой, шелъ къ ней и по старой привычкѣ цѣловалъ ея нѣжную энергичную руку, а она цѣловала мою недостойную порочную руку. Поздоровавшись съ ней, я шутилъ съ Натальей Петровной, усаживался въ кресло. Она знала все, что я дѣлалъ, горевала объ этомъ, но никогда не дѣлала мнѣ упрековъ, а всегда была одинаково нѣжная, одинаково любящая. Я сижу въ креслѣ, читаю, думаю, слушаю, что она говоритъ съ Натальей Петровной. Онѣ вспоминаютъ прошлое, раскладываютъ пасіансъ, говорятъ о своихъ предчувствіяхъ, шутятъ о чемъ-нибудь, и обѣ старушки смѣются, въ особенности тетушка; какъ сейчасъ слышу ея дѣтскій, очаровательный смѣхъ. Я разсказывалъ, что жена одного изъ моихъ знакомыхъ измѣняетъ мужу и что мужъ, вѣроятно, будетъ радъ отдѣлаться отъ нея. Вдругъ тетушка, которая только-что указала передъ тѣмъ Натальѣ Петровнѣ на то, что восковая свѣчка сильно оплыла, что предвѣщало гостей, приподнявъ брови, сказала какъ нѣчто давно рѣшенное въ ея умѣ, что мужъ не долженъ такъ поступать, иначе онъ совсѣмъ потеряетъ жену. Затѣмъ она разсказала мнѣ драму, разыгравшуюся среди дворни, о чемъ сообщила ей Дунечка; потомъ принялась перечитывать письмо моей сестры Машеньки, которую она любила не меньше, если не больше меня, и говорить объ ея мужѣ, своемъ племянникѣ; она не порицала его, но грустила по поводу того, что онъ причинилъ горе Машенькѣ. Послѣ этого я принялся снова читать, а она стала перебирать свои бездѣлушки, подаренныя ей на память разными лицами.

Главной ея чертою, которая невольно сообщалась мнѣ, была необыкновенная доброта, распространявшаяся на всѣхъ безъ исключенія. Несмотря на все мое стараніе, я не могу припомнить ни одного случая, когда бы она вышла изъ себя или, дѣлая кому-нибудь замѣчаніе, сказала какое-нибудь обидное слово; на протяженіи тридцати лѣтъ я не могу припомнить ничего подобнаго. Она всегда говорила доброжелательно о другой тетушкѣ, которая жестоко огорчила ее, отнявъ у нея насъ; она не осуждала и мужа моей сестры, который поступилъ съ ней очень дурно. О прислугѣ и говорить нечего. Она была воспитана въ понятіи, что есть господа и слуги, но она пользовалась преимуществомъ своего положенія только для того, чтобы облегчать

---

[1]) Тотъ, кто сидитъ въ немъ, счастливъ и этотъ счастливецъ—я.

положеніе слугъ. Она никогда не дѣлала мнѣ прямо выговора за мое дурное поведеніе, хотя страдала отъ этого. Точно также она не укоряла нѣжно любимаго ею брата моего Сережу за его связь съ цыганкой. Ея тревога за него проявлялась единственно въ томъ, что когда онъ долго не приходилъ, она говорила: „что-то подѣлываетъ Сергѣй", вмѣсто Сережи. Она никогда не пускалась въ разсужденія по поводу жизни. Вся нравственная работа совершалась въ ея душѣ, а съ внѣшней стороны она проявлялась только въ ея поступкахъ и даже не въ поступкахъ, ихъ не было, а во всей совокупности ея тихой, кроткой жизни, преисполненной любви, не той любви, которая хочетъ властвовать, но любви спокойной, мало замѣтной".

Эти два качества: любовь и спокойствіе незамѣтно привлекали къ ней и придавали особую прелесть ея дружескимъ отношеніямъ.

Поэтому я не знаю ни одного человѣка, который бы не любилъ ее, точно такъ же, какъ не знаю случая, когда она кого-либо обидѣла. Она никогда не говорила о себѣ, никогда не говорила о религіи: о томъ, во что надо вѣрить, во что она вѣрила, какъ молилась. Она вѣрила во все, исключая догмата о вѣчномъ страданіи: „Богъ—воплощенное добро, не можетъ желать, чтобы мы страдали", говорила она.

Я никогда не видѣлъ, какъ она молилась, исключая какъ на молебнахъ и панихидахъ. Можно было только догадаться, что я прерывалъ иногда ея молитву, по той особенной нѣжности, съ какой она встрѣчала меня, когда, бывало, пожелавъ ей уже покойной ночи, я заходилъ къ ней иногда поздно вечеромъ.

„Войди, войди, говорила она; а я только-что сказала Натальѣ Петровнѣ, что Николай еще придетъ къ намъ". Она часто называла меня по имени отца; это было мнѣ очень пріятно, такъ какъ это показывало, что она соединяла меня мысленно въ своей любви къ батюшкѣ.

Однажды вечеромъ, когда я зашелъ къ ней, она была уже раздѣта; на плечи ея была наброшена косынка, ея крошечныя ноги были въ туфляхъ; Наталья Петровна также была раздѣта; видя, что я еще не хотѣлъ ложиться или что меня тяготило одиночество, она сказала:

— Садись, садись.

И эти полуночныя бесѣды оставили во мнѣ особенно пріятное воспоминаніе. Мы съ Натальей Петровной говорили что-нибудь смѣшное, а она отъ души хохотала. Наталья Петровна также смѣялась; обѣ онѣ, даже сами не зная чему, долго смѣялись, какъ дѣти, единственно потому, что онѣ любили и чувствовали себя хорошо.

Ей доставляла отраду не только любовь ко мнѣ, но вся эта ат-

мосфера любви ко всѣмъ, тутъ бывшимъ и отсутствовавшимъ, къ живымъ и мертвымъ и даже къ животнымъ.

Если бы я хотѣлъ копаться въ своей жизни, то я бы еще долго, долго говорилъ объ ней. Скажу пока только о томъ, какъ относился къ ней народъ, крестьяне Ясной Поляны; это высказалось во время ея похоронъ. Когда похоронная процессія шла по деревнѣ, изъ каждой избы выходили люди; приходилось остановиться и пропѣть литію. „Добрая была барыня; никогда никому не дѣлала зла", говорили они; и всѣ любили ее за это. Лао-Тсе говоритъ, что вещи цѣнны тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ. То же и относительно жизни: главная ея цѣнность заключается въ томъ, чтобы ея не касалась никакая грязь; въ жизни тетушки Татьяны Александровны не было ничего дурного. Это легко сказать, но не легко сдѣлать; другого такого человѣка я не зналъ.

Она умерла тихо, медленно угасая и, согласно ея желанію, не въ той комнатѣ, гдѣ она жила и которую она не хотѣла испортить для насъ.

Въ послѣднія минуты она никого не узнавала, но меня узнавала до послѣдней минуты. Съ улыбкой на устахъ она вся какъ бы просвѣтлялась, подобно электрической лампѣ, когда нажимаютъ кнопку; по временамъ шевелила губами и старалась произнести: „Николай", неразрывно связывая меня, передъ лицомъ смерти, съ тѣмъ, кого она любила всю жизнь.

И ей-то, ей, я отказывалъ въ ничтожномъ удовольствіи, которое ей доставляли финики и шоколадинки, которые она держала не столько для себя, сколько для того, чтобы угощать ими меня: я отказывалъ ей въ возможности давать немного денегъ тѣмъ, кто просилъ у нея помощи. Не могу вспомнить объ этомъ безъ тяжкихъ угрызеній совѣсти. Дорогая тетушка, прости меня!

Если бы молодымъ опытность, а старикамъ силы—не въ смыслѣ того добра, какимъ я не воспользовался въ молодости, но въ смыслѣ того добра, которое я не сдѣлалъ тѣмъ, коихъ уже нѣтъ на свѣтѣ"!

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1858 г. Левъ Николаевичъ едва не поплатился жизнью на охотѣ.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ Т. А. въ письмѣ отъ 25-го декабря:

„Во-первыхъ, поздравляю васъ; во-вторыхъ, боюсь, чтобы о приключеніи, бывшемъ со мною, вамъ не передали съ искаженіями; поэтому спѣшу разсказать какъ было дѣло:

Мы охотились съ Николаемъ на медвѣдя; 21-го числа я убилъ медвѣдя; 22-го мы снова поѣхали на охоту, и со мною случилась самая необыкновенная вещь. Медвѣдь, не видя меня, бросился ко

мнѣ, я выстрѣлилъ на разстояніи шести шаговъ, первый разъ промахнулся, а второй разъ, стрѣляя въ двухъ шагахъ, нанесъ ему смертельную рану, но онъ бросился на меня, подмялъ меня подъ себя и, пока прибѣжали мнѣ на помощь, дважды укусилъ мнѣ лобъ надъ глазомъ и подъ глазомъ. Къ счастью, это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; затѣмъ медвѣдь убѣжалъ, а я всталъ на ноги съ маленькой ранкой, которая меня не безобразитъ и не причиняетъ мнѣ боли. Ни черепъ, ни глаза не пострадали,—я отдѣлался только шрамомъ на лбу. Въ настоящую минуту я въ Москвѣ и вполнѣ здоровъ. Пишу вамъ истинную правду, ничего не скрывая, чтобы вы не тревожились. Теперь все прошло; надобно только благодарить Бога, что Онъ меня спасъ такимъ необычайнымъ образомъ" [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

Изъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Скоро двери русскихъ университетовъ откроются для женщинъ. Безконечные тормазы, которые встрѣчало у насъ высшее женское образованіе, отойдетъ уже въ область исторіи. Но исторія эта всегда будетъ поучительна. Въ настоящей замѣткѣ мы и хотимъ познакомить читателей съ однимъ характернымъ эпизодомъ изъ прошлаго высшаго женскаго образованія, когда роль тормаза сыгралъ старѣйшій изъ разсадниковъ культуры и просвѣщенія въ Россіи—московскій университетъ. Печатаемый ниже матеріалъ почерпнутъ нами изъ архива московскаго университета.

Въ 1861 году главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ ходатайство одной изъ представительницъ женскаго пола о разрѣшеніи ей слушать въ московскомъ университетѣ лекціи по медицинѣ для полученія впослѣдствіи лекарскаго званія, передало этотъ вопросъ на обсужденіе университетскаго совѣта. 23-го сентября совѣтъ имѣлъ по этому поводу сужденіе, и большинствомъ 23 противъ 2 постановилъ не допускать „ни подъ какимъ предлогомъ“ женщинъ къ слушанію лекцій въ университетѣ на томъ основаніи, что „совмѣстныя занятія могутъ вредно повліять на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей“. (Дѣла совѣта 1861 г. № 630). Такого мнѣнія держались наиболѣе выдающіеся профессора университета: въ числѣ ихъ былъ нашъ знаменитый историкъ Соловьевъ, проф. Щуровскій, Анке, Бабстъ,

Бодянскій, Капустинъ, Ешевскій и др. Только два голоса раздались въ пользу женщинъ, — голосъ проф. Зернова и Армфельда.

Поданное въ совѣтъ особое мнѣніе профессора Армфельда по своему интересу заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ. Ниже мы его и печатаемъ. Мнѣніе профессора Армфельда повліяло на то, что совѣтъ профессоровъ, отвергнувъ ранѣе предложеніе о допущеніи женщинъ въ университетъ, почти единогласно высказался за необходимость учредить спеціальное заведеніе для подготовки „женскаго юношества".

Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета.

Орд. Проф. Армфельда мнѣніе по 13-му пункту журнала 23-го сентября 1861 года.

23-го сентября, въ самомъ концѣ продолжительнаго засѣданія университетскаго совѣта, были предложены на его обсужденіе вопросы главнаго правленія училищъ: „1) могутъ ли вообще лица женскаго пола быть допущены къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно съ студентами, и по всѣмъ ли факультетамъ; 2) какія условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи, и 3) могутъ ли такія лица быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какими правами, въ случаѣ выдержанія испытанія, должны они пользоваться". По этимъ вопросамъ требовался отзывъ совѣта въ самомъ непродолжительномъ времени; обсужденіе ихъ продолжалось немного минутъ; затѣмъ было приступлено къ отобранію голосовъ, и всѣ они, за исключеніемъ двухъ, отвѣчали отрицательно на первый изъ вышеприписанныхъ вопросовъ: вмѣстѣ съ нимъ пали, сами собою, и два остальныхъ.

По краткости времени не могъ я ни выслушать, ни взвѣсить всѣхъ доводовъ, послужившихъ основаніемъ этого отрицательнаго рѣшенія. Я старался уяснить ихъ себѣ въ послѣдующіе дни своими собственными соображеніями,—но, признаюсь, безъ особеннаго успѣха. Сколько могъ я понять, причины устраненія женскаго пола отъ университетскихъ лекцій должны были заключаться или въ особенностяхъ женской натуры, или въ особенномъ устройствѣ нашихъ аудиторій, или, можетъ быть, въ частностяхъ той или другой науки, недоступныхъ, по общепринятымъ понятіямъ о приличіяхъ, для женскаго слуха и глаза.

Я провѣрилъ, и не въ первый разъ, свои гинекологическія свѣдѣнія, останавливая все свое вниманіе на тѣхъ особенностяхъ, ко-

торыя всего рѣшительнѣе отличають женщину отъ мужчины въ физіологическомъ и психологическомъ отношеніи и всего яснѣе показываютъ, почему натура не воплотила идеи человѣка въ одномъ какомъ-либо полѣ, а раздѣлило это высшее изъ своихъ произведеній на двѣ половины, равно дополняющія одна другую, равно необходимыя, слѣдственно, и равноправныя. Я припомнилъ результаты наблюденій, своихъ и чужихъ, надъ безконечнымъ различіемъ природныхъ силъ, склонностей и способностей въ индивидуальныхъ женскихъ натурахъ. Я не забылъ ни спеціальнаго назначенія женщины, какъ супруги, матери и домохозяйки, ни тѣхъ ограниченій, которымъ подчиняетъ ее это назначеніе, ни тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя встрѣчаетъ умственное развитіе ея въ слабой, односторонней подготовкѣ, въ нынѣшнихъ отношеніяхъ ея къ жизни общественной и гражданской, въ нашихъ нравахъ, привычкахъ и, смѣю прибавить, въ нашихъ традиціонныхъ предразсудкахъ. Я нашелъ много причинъ полагать, что число ученыхъ женщинъ всегда будетъ ниже числа ученыхъ мужчинъ, что юстиція и администрація, академическія каѳедры и высшее искусство гораздо чаще будутъ избирать своихъ служителей изъ лицъ мужского, чѣмъ женскаго пола; но рѣшительно не нашелъ ни въ организаціи женщины, вообще, ни въ устройствѣ ея мозга, въ особенности, ничего такого, что бы не дозволяло ей помышлять о возможномъ развитіи всѣхъ данныхъ ей Богомъ умственныхъ способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмѣрными заботами семейными и хозяйственными, стремиться къ высшему научному образованію и удовлетворять этому стремленію всѣми позволительными средствами.

Въ доказательство, что наука вообще не есть дѣло женскаго ума, спрашиваютъ насъ, почему искони считалось такъ немного женщинъ, прославившихся своими знаніями, своимъ преподаваніемъ, своими сочиненіями; почему и эти немногія не отличались особенною творческою силою, не дѣлали великихъ открытій въ наукѣ, не оставляли по себѣ произведеній капитальныхъ и монументальныхъ? Подобные вопросы могли бы вызвать цѣлый рядъ другихъ, напримѣръ: что же доселѣ было и сдѣлано для умственнаго образованія женщины? Какая школа приготовляла ее къ высшей наукѣ? Какою мѣрою опредѣлимъ мы объемъ ея умственныхъ способностей и степень возможнаго ихъ развитія: неужели тою же самою, которую прикладываемъ къ мужчинѣ, для котораго устроены и гимназіи, и лицеи, и академіи, и университеты? И много ли, однако, выходитъ настоящихъ героевъ науки изъ этого несмѣтнаго числа учащихся; и что бы выходило изъ нихъ, если бъ не существовало для нихъ всѣхъ этихъ гимназій и университетовъ,—если бы попробовали продержать ихъ на умствен-

ной діэтѣ женскаго отрочества и юношества? Да и нужно ли, чтобы каждый учащійся выходилъ какимъ-нибудь Гумбольдтомъ, Ньютономъ или Бэкономъ? Не нужнѣе ли намъ, въ несравненно большемъ числѣ, вѣрные пріемники и проводники науки, посредники между этими свѣтилами первой величины и молодымъ поколѣніемъ, ищущимъ умственнаго свѣта? И на какомъ основаніи исключимъ мы изъ числа этихъ проводниковъ цѣлую половину человѣческаго рода, столь способную—если не создавать, по крайней мѣрѣ, воспринимать, практически осмысливать и популяризировать наши ученыя теоріи, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о передачѣ ихъ молодымъ лицамъ женскаго же пола? И если бы въ большинствѣ случаевъ и не было суждено женщинѣ разливать этотъ свѣтъ науки между другими, на какомъ основаніи лишимъ мы ее права искать его для себя самой?.. Смѣю думать, что эти вопросы вполнѣ стоятъ тѣхъ, которыми были порождены.

Обращаясь къ устройству нашихъ аудиторій, опять не вижу, что бы дѣлало ихъ недоступными для женскаго пола. Въ заведеніяхъ закрытыхъ, гдѣ юноши не только обучаются, но и воспитываются, гдѣ солидарность между учащимися и учащими не ограничивается однимъ размѣномъ научныхъ идей, а проникаетъ въ самую среду домашней жизни, конечно, никому не придетъ на мысль спрашивать о возможности совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ. Но есть ли что-либо подобное въ нынѣшней организаціи нашихъ университетовъ? Съ закрытіемъ института казенныхъ студентовъ и устраненіемъ своекоштныхъ отъ всякаго надзора университетскаго начальства внѣ стѣнъ университета прекратилась и послѣдняя этого рода связь, которая дотолѣ еще существовала между академическими учителями и ихъ слушателями, которая, впрочемъ, не препятствовала и посторонимъ лицамъ, при выполненіи извѣстныхъ условій, посѣщать наши университетскія залы. Единственнымъ отношеніемъ профессора къ студенту остается отношеніе преподавателя къ слушателю; единственнымъ средствомъ привлечь къ себѣ слушателей—достойное современной науки содержаніе лекцій, облеченное въ достойную науки форму и пропитанное достойнымъ ея духомъ: этимъ только путемъ—конечно, однимъ изъ самыхъ важныхъ и вѣрныхъ—можетъ профессоръ открыть себѣ доступъ и къ нравственному чувству своихъ слушателей. Но въ этомъ самомъ отношеніи состоитъ профессоръ къ каждому лицу вообще, присутствующему на его лекціи—будетъ ли оно называться студентомъ, или нѣтъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, оправдываютъ въ настоящее время и профессоры, и ихъ лекціи присвоенное имъ названіе—„публичныхъ“; свободнѣе, чѣмъ когда-либо, открываются двери нашихъ аудиторій для всѣхъ приходящихъ, безъ различія

званій и состояній, и даже степени образованности: чѣмъ же объяснится и оправдается исключеніе изъ этого общаго правила, основанное на различіи пола?.. Какое странное противорѣчіе самимъ себѣ! Мы ежедневно слышимъ жалобы на дисгармонію между мужскимъ и женскимъ образованіемъ; мы готовы вѣрить и повторять, что изъ многихъ и весьма многихъ „образованныхъ" женщинъ едва та или другая въ состояніи понять мало-мальски образованнаго мужчину:— и мы же дѣлаемъ все возможное, чтобы отрѣшить женщину отъ нашихъ духовныхъ интересовъ, чтобы навсегда остаться этими „непризнанными" и „непонятыми". Мы довѣряемъ женщинамъ нашихъ сыновей на все время дѣтскаго возраста и до половины отроческаго, нашихъ дочерей—до совершеннолѣтія или замужества, мы сочувствуемъ изреченію знаменитаго германца, что для дѣтей самое лучшее только-только что годно: и мы же всѣми силами заботимся о томъ, чтобы умственное развитіе ихъ воспитательницъ не поднималось выше общаго уровня посредственности. Мы поздравляемъ нашихъ дамъ съ прогрессомъ, когда онѣ оставляютъ романъ какого-нибудь Дюма или Сю, чтобы отправиться на популярную лекцію геологіи или физики,—и содрогаемся и трепещемъ, какъ скоро замѣтимъ въ нихъ малѣйшее усиліе перешагнуть за тѣсные предѣлы популярныхъ знаній. Мы согласны въ томъ, что развитіе нравственнаго и эстетическаго чувства въ молодомъ человѣкѣ всего яснѣе видно по взгляду его на женщину, по понятіямъ его о женскомъ достоинствѣ и женской чести, и что эти понятія почти исключительно зависятъ отъ того, какого рода женщинъ имѣлъ онъ счастіе или несчастіе видѣть предъ собою—и мы какъ будто боимся встрѣчи его съ тѣми немногими, которыя имѣли довольно смѣлости, чтобы заявить, подобно ему, свою любовь къ наукѣ,—довольно рѣшимости и постоянства, чтобы приготовить себя къ занятіямъ факультетскимъ и устоять въ непривычной борьбѣ со всѣми трудностями ихъ. Дѣйствительно, мы услышали нѣсколько голосовъ, выражавшихъ опасеніе чтобы присутствіе женщинъ не оказало вреднаго вліянія на нашихъ слушателей, не заставило ихъ смотрѣть по сторонамъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить за профессоромъ и его предметомъ. Не говоря о томъ, что подобная заботливость не доказываетъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ интересѣ профессорскаго чтенія и любознательности нашихъ слушателей, я замѣчу только, что она заставила бы насъ, во избѣжаніе упрека въ непослѣдовательности и въ видахъ охраненія студенческаго сердца, пойти гораздо далѣе и потребовать, напримѣръ удаленія женщинъ отъ всѣхъ мѣстъ публичныхъ прогулокъ, отъ концертныхъ залъ, отъ театровъ и даже отъ церквей, дабы гг. студенты не развлекались понапрасну и не заглядывались на своихъ

сосѣдокъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться природою, слушать музыку, слѣдить за ходомъ драмы или молиться святымъ угодникамъ.

Самое важное неудобство при допущеніи женщинъ въ университетъ представляется намъ въ частныхъ статьяхъ извѣстныхъ учебныхъ предметовъ, мимо которыхъ наука пройти не можетъ и которыя болѣе или менѣе затрудняютъ преподавателя, обращающагося къ публикѣ женской или смѣшанной. Вообще говоря, этихъ статей внѣ цикла медицинскихъ наукъ, немного: мы не встрѣтимъ ихъ ни въ физикѣ, ни въ чистой математикѣ, ни въ большей части словесныхъ наукъ; но легко встрѣтятся онѣ въ зоотоміи и въ зоономіи, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ права гражданскаго, уголовнаго и церковнаго,—можетъ статься также въ исторіи, археологіи и политической экономіи, гдѣ, однако, уже легче обойти ихъ. Что это неудобство не составляетъ еще непреодолимаго препятствія, доказывается уже свободною передачею женскому полу тѣхъ наукъ, которыя въ свою очередь и въ продолженіе весьма долгаго времени затрудняли преподавателей безъ достаточной причины, а теперь не затрудняютъ никого. Сколько десятковъ лѣтъ прошло, прежде чѣмъ поняли учители ботаники, что, измѣнивъ нѣсколько техническихъ терминовъ и ни на волосъ не измѣняя наукѣ, можно объяснить шестнадцатилѣтней дѣвицѣ всю анатомію и физіологію растеній! Сколько вѣковъ, прежде чѣмъ женщины и дѣвицы свыклись съ мыслію о возможности учиться у мужчинъ родовспомогательному искусству!.. „Но въ акушерскихъ институтахъ обучаются женщины отдѣльно отъ мужчинъ: ихъ не смущаетъ преподаватель, а смущало бы присутствіе постороннихъ слушателей“. Совершенно справедливо; но что же мѣшаетъ и преподавателю зоологіи, уголовнаго права и т. д. прочитать небольшое число лекцій каждому полу особо, между тѣмъ какъ три четверти, какъ девять десятыхъ полнаго его курса безпрепятственно могутъ быть прочитаны всей его смѣшанной аудиторіи?

Очевидно, что всего болѣе затрудненій представитъ медицинскій факультетъ. А между тѣмъ — говоря уже въ видахъ общественной пользы, — то въ чемъ не нуждаемся мы такъ сильно, какъ въ образованныхъ врачахъ женскаго пола: въ этомъ убѣждаетъ насъ простой взглядъ на тѣ неоцѣнимыя услуги, которыя оказываетъ обществу институтъ родовспомогательницъ: кому не извѣстно, въ какой мѣрѣ сохраняется жизнь и здоровье рожепицъ и уменьшается смертность новорожденныхъ при благоразумной организаціи т. н. низшаго повивальнаго искусства, т. е. исключающаго самыя трудныя мануальныя и всѣ инструментальныя пособія и обыкновенно предоставляемаго женщинамъ, и насколько это низшее акушерство, въ огромномъ боль-

шинствѣ случаевъ, нужнѣе и важнѣе высшаго? Какъ много добра могли бы сдѣлать женщины-врачи въ женскихъ болѣзняхъ, нерѣдко происходящихъ отъ причинъ, въ которыхъ не каждая паціентка рѣшится признаться своему медику! Какъ много въ дѣтскихъ недугахъ, гдѣ усердный уходъ и постоянное вниманіе иногда бываютъ важнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ лекарственныхъ средствъ! Какъ часто могли бы онѣ замѣнять врача при изслѣдованіи и освидѣтельствованіи дѣвицъ и женщинъ! Но для достиженія этой цѣли потребно основательное знаніе всѣхъ частей медицины: изученіе и практика отдѣльныхъ ея отраслей доселѣ оказались возможными только въ названной уже нами акушерской техникѣ, въ леченіи зубныхъ болѣзней и въ т. н. низшей или вспомогательной хирургіи.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, прихожу къ слѣдующимъ убѣжденіямъ:

1. По первому вопросу главнаго правленія училищъ — что лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно со студентами. Но такъ какъ я уже указалъ на нѣкоторыя статьи, могущія затруднить преподавателя при изложеніи его предмета предъ смѣшанною публикою, и могъ еще упустить изъ виду многія другія, то справедливымъ кажется мнѣ отобрать отъ каждаго преподавателя особый отзывъ о томъ, встрѣчаетъ ли онъ это затрудненіе по своему предмету и не полагаетъ ли, что оно можетъ быть устранено, и какимъ именно способомъ. Эти отзывы могутъ прямо поступать на разсмотрѣніе университетскаго совѣта.

Въ отношеніи къ медицинскому факультету, полагаю, что онъ не иначе, какъ въ полномъ своемъ составѣ, долженъ приступить къ обсужденію этого вопроса. Легко можетъ статься, что онъ сочтетъ необходимымъ устроить совершенно особое отдѣленіе для образованія врачей женскаго пола. Можетъ также статься, что онъ пожелаетъ для нѣкоторыхъ частей медицины приготовить преподавательницъ, которыя должны будутъ пріобрѣсть докторскіе дипломы, прежде чѣмъ получить право преподавать.

2. По второму вопросу—что лица женскаго пола, желающія прослушать не отдѣльныя лекціи, а цѣлый факультетскій курсъ, съ правомъ подвергнуть себя, въ послѣдствіи времени, законному испытанію на ученую степень, должны предварительно выдержать полный вступительный экзаменъ, безъ малѣйшаго послабленія тѣхъ требованій, которымъ обязаны удовлетворить воспитанники высшаго класса гимназій. Для посѣщенія отдѣльныхъ курсовъ достаточно будетъ простого отзыва преподавателя, что онъ, со своей стороны, возраженій противъ него не имѣетъ.

3. По третьему вопросу — что лица женскаго пола, удостоенныя

докторскаго, магистерскаго или кандидатскаго диплома или, наконецъ, такого, который равнялъ бы ихъ съ дѣйствительными студентами, должны пользоваться соотвѣтствующими этимъ степенямъ правами: читать публичныя лекціи, преподавать въ публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, заниматься медицинскою практикою или адвокатурою, выходить изъ податного состоянія и т. д. Будутъ ли онѣ принимаемы въ коронную службу на такія мѣста, которыя доселѣ занимались исключительно лицами мужского пола, и съ какими модификаціями служебныхъ правъ,—это, разумѣется, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія высшаго начальства.

Въ заключеніе не могу умолчать о томъ, что многіе изъ моихъ почтеннѣйшихъ сотоварищей почти единогласно высказали мысль объ устроеніи заведенія, къ которому приготовлялось бы женское юношество въ учреждаемыхъ нынѣ гимназіяхъ, и въ которомъ довершалось бы, помимо университетовъ и академій, высшее научное образованіе женскаго пола, совершенно согласованное съ его натурою и съ его законными требованіями, съ его возможностями. Нельзя не сочувствовать отъ всей души этой благородной и вполнѣ современной мысли, и я признаюсь, что пожалѣлъ бы, если бы честь осуществленія ея не выпала на долю нашего университета, столь богатаго средствами всякаго рода. Но отъ проявленія идеи до осуществленія ея на дѣлѣ можетъ протечь много времени, между тѣмъ какъ наши университетскія аудиторіи готовы и ждутъ только одного слова, чтобы открыться для всѣхъ желающихъ войти: пусть же пользуется ими, въ ожиданіи лучшаго, та часть любознательной женской публики, которая не имѣетъ возможности выждать устроенія и открытія предполагаемаго для нея заведенія!

Только теперь, послѣ прямого отвѣта на отношеніе главнаго правленія училищъ, могу я коснуться вопроса, котораго ожидаю почти навѣрное: много ли дѣйствительной пользы принесетъ допущеніе женщинъ къ академическимъ курсамъ и ученымъ степенямъ, если оно будетъ привязано къ указаннымъ мною условіямъ; не останется ли это право ихъ надолго правомъ неприложимымъ и безполезнымъ, такъ какъ у насъ въ настоящее время немного найдется женщинъ, достаточно обученныхъ и древнимъ языкамъ, и математикѣ, и прочимъ предметамъ гимназическаго курса, чтобы выдержать вступительный экзаменъ во всемъ его объемѣ.

Отвѣтъ будетъ коротокъ. Главное правленіе училищъ не спрашиваетъ насъ, много ли, мало ли найдется охотницъ воспользоваться правомъ посѣщать факультетскія лекціи и пріобрѣтать ученыя степени, и найдутся ли онѣ вообще, и когда именно; оно спрашиваетъ только о томъ, можетъ ли это право быть признано за ними, или

нѣтъ; словомъ, оно спрашиваетъ о принципѣ, а не объ объемѣ его приложенія въ настоящую минуту. Какъ великъ будетъ этотъ объемъ, покажетъ время; кто рѣшится опредѣлить и предсказать его заранѣе?.. Но самый запросъ правленія есть уже весьма знаменательный фактъ. Онъ возникъ изъ частнаго, небывалаго у насъ случая: одна дѣвица просила дозволенія слушать въ университетѣ медицинскія лекціи для полученія впослѣдствіи лекарскаго званія. Я не имѣю чести знать эту дѣвицу, слѣдственно, не могу знать и того, заслуживаетъ ли прошеніе ея особеннаго уваженія. Я знаю только одно, что немного, весьма немного лѣтъ тому назадъ, десять подобныхъ прошеній не встрѣтило бы ничего, кромѣ оффиціальнаго отказа и нѣсколькихъ неоффиціальныхъ шуточекъ и остротъ, которыя въ то время считались очень забавными. Иначе смотритъ на это дѣло нынѣшнее просвѣщенное правленіе училищъ: оно считаетъ его довольно важнымъ, довольно тѣсно связаннымъ съ современнымъ вопросомъ о предѣлахъ женскаго образованія вообще, чтобы предложить его на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ и выслушать серьезное, мотивированное ихъ мнѣніе. Подобный образъ дѣйствій не можетъ остаться безъ послѣдствій, не можетъ не вызвать на дальнѣйшія соображенія, не породить или не ускорить новыхъ проектовъ; доказательствомъ служитъ уже высказанная членами нашего совѣта мысль объ учрежденіи высшаго женскаго училища—мысль, которая, безъ сомнѣнія, могла бы родиться и безъ запроса главнаго правленія училищъ, но, по всей вѣроятности, не родилась бы въ самомъ концѣ засѣданія 23-го сентября. Еще разъ привѣтствуя эту прекрасную мысль выраженіемъ живѣйшаго сочувствія, я позволю себѣ, однако, замѣтить, что осуществленіе ея, сколько видно доселѣ, поведетъ пока только къ высшему научному изложенію, для женскаго пола исключительно, нѣкоторыхъ предметовъ по части новѣйшей словесности, всеобщей исторіи и географіи, естественныхъ наукъ и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, но все еще не рѣшитъ сомнѣнія въ томъ, можетъ ли женщина искать ученыхъ степеней по части древней филологіи, математики, юриспруденціи и медицины и посвящать себя условливаемымъ этими статьями занятіямъ. А потому я осмѣливаюсь представить на обсужденіе совѣта нижеслѣдующіе вопросы, на которые желалъ бы, по возможности, послушать категорическіе отвѣты.

1. Можно ли допустить, что женщинѣ, точно такъ же, какъ мужчинѣ, дозволено желать и искать спеціальнаго факультетскаго образованія, ученыхъ степеней и сопряженныхъ съ ними правъ? И если можно, то

2. Не будетъ ли достойнымъ нашего совѣта дѣломъ взять на

себя иниціативу въ пріисканіи средствъ на удовлетвореніе этого законнаго желанія?

3. Не будетъ ли полезно объявить о пріисканіяхъ для факультетскаго образованія женщинъ средствъ заблаговременно, т. е. за годъ или за два до приведенія ихъ въ дѣйствіе, дабы желающія воспользоваться ими могли надлежащимъ образомъ приготовиться къ своимъ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ? И наконецъ,

4. Если тотъ или другой факультетъ пріищетъ эти средства ранѣе прочихъ, то можетъ ли онъ представить свои соображенія о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, не дожидаясь рѣшенія другихъ факультетовъ?"

Сообщилъ **С. Мельгуновъ.**

Записки В. А. Инсарскаго.

III[1]).

Отъѣздъ на Кавказъ.—Прибытіе въ Ставрополь.—Съѣздъ въ Ставрополь тифлисскихъ сановниковъ для встрѣчи великаго князя. — Свиданіе съ графомъ Евдокимовымъ и замѣчательныя его слова.—Торжественный въѣздъ великаго князя въ Тифлисъ — Въѣздъ великой княгини. — Балы и праздники въ ихъ честь.—Мой отъѣздъ въ Петербургъ. — Въ почтовомъ мірѣ. — Иванъ Матвѣевичъ Толстой.—Безполезность министерскихъ совѣтовъ. — Знаменитая податная комиссія. — Выстрѣлъ 4-го апрѣля. — Прибытіе Барятинскаго въ Петербургъ. — Толки о новомъ назначеніи его. — Несбыточность ихъ.— Паденіе его фондовъ.—Комиссаровъ.

Вернемся, однако, назадъ. День 28-го января былъ днемъ нашего совокупнаго съ Харитоновымъ отправленія на Кавказъ. Въ Москвѣ мы сѣли въ покойную дорожную карету, за которою должна была слѣдовать перекладная съ нашими вещами, подъ очереднымъ надзоромъ нашихъ камердинеровъ. Я такъ много и подробно описывалъ свои путешествія, что на этотъ разъ считаю за лучшее воздержаться отъ подробностей. Замѣчу только одну черту, свидѣтельствующую, какъ сильно благоговѣніе въ нашемъ народѣ къ царскому дому и къ августѣйшимъ членамъ его.

Дѣло въ томъ, что по тому пути, по которому мы ѣхали, было уже извѣстно о предстоящемъ проѣздѣ великаго князя Михаила Николаевича. Мудрено, впрочемъ, было и не знать этого, потому что громадныя толпы крестьянъ исправляли дороги; чинили и строили

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1907 г.

мосты. Если въ самыхъ столицахъ, на царскихъ подъѣздахъ собираются толпы народа, для того только, чтобы взглянуть на кого-нибудь изъ императорской фамиліи, то понятно, что въ замосковскихъ губерніяхъ проѣздъ великаго князя Михаила Николаевича долженъ былъ составлять эпоху, величіе которой отражалось и на насъ съ Харитоновымъ. Въ нашихъ подорожныхъ было прописано: „по высочайшему повелѣнію, состоящему при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ и т. п.". Однихъ этихъ громкихъ и громадными буквами написанныхъ словъ было достаточно, чтобы распространить въ народѣ, относительно насъ, смутное, но, тѣмъ не менѣе, „глубокое высокопочитаніе". Народъ, конечно, не могъ понимать, что именно за люди мы съ Харитоновымъ; но онъ видѣлъ и зналъ, что мы имѣемъ какую-то связь, какія-то отношенія съ императорской фамиліей, и потому уже единственно смотрѣлъ на насъ съ нѣкимъ благоговѣніемъ. И наше величіе и народное благоговѣніе особенно выражались въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ мы останавливались обѣдать или чай пить. Пока мы занимались тѣмъ или другимъ, дрянная какая-нибудь гостиница, гдѣ мы пребывали, окружалась постепенно толпами народа, жаждущаго взглянуть на наши не совсѣмъ презентабельныя физіономіи. Медленность и неповоротливость маленькаго и пузатенькаго Харитонова немало содѣйствовали, такъ сказать, нашимъ „сценическимъ" успѣхамъ: Харитоновъ былъ типомъ „увальня". Онъ вѣчно опаздывалъ и вѣчно заставлялъ кого-нибудь дожидаться. Кажется, все уже кончено и все готово; но онъ непремѣнно найдетъ предлогъ еще покопаться надъ чѣмъ-нибудь. Съ моимъ нетерпѣливымъ характеромъ, съ моими скорыми пріемами, я нерѣдко вступалъ съ нимъ въ баталіи по поводу его нестерпимой неповоротливости. Такъ, напр., лошади заложены, экипажи давно ждутъ у подъѣзда, обѣдъ конченъ — казалось бы, только сѣсть, да ѣхать. Не тутъ-то было: Харитоновъ продолжаетъ копаться и все неготовъ.

Весьма вѣроятно, что въ огромныхъ толпахъ, насъ ожидавшихъ, распространялось такое убѣжденіе: „видно въ самомъ дѣлѣ важные господа, что такъ долго прохлаждаются!" Съ этимъ вмѣстѣ, конечно, растетъ желаніе непремѣнно взглянуть „на этихъ важныхъ господъ". Наконецъ, мы предстаемъ предъ этими многочисленными и нетерпѣливыми взорами: я съ чувствомъ какого-то невольнаго стѣсненія, которое овладѣваетъ каждымъ смертнымъ, когда онъ дѣлается предметомъ общаго вниманія; пузатенькій Харитоновъ, закутанный и перевязанный вдоль и поперекъ, — съ чувствомъ несомнѣннаго довольства. При нашемъ появленіи народныя толпы снимаютъ шапки. Я стараюсь скорѣе юркнуть въ карету. Харитоновъ, напротивъ, благо-

склонно раскланивается съ народомъ. Этого мало. Усѣвшись, наконецъ, въ карету, онъ, обыкновенно, и оттуда посылаетъ въ оба окна привѣтствія окружавшимъ насъ толпамъ. Одинъ изъ нашихъ камердинеровъ эффектно вскакивалъ на козлы, неистово восклицалъ: „пошелъ!“, и мы эффектно уносились вдаль, предоставляя обитателямъ мирнаго городка толковать о нашемъ проѣздѣ и выводить, вѣроятно, слѣдующія заключенія: „маленькій, пузастый, должно быть, главный, а черный состоитъ уже подъ нимъ!“

Торжественный комизмъ нашего величія особенно проявлялся при слѣдованіи нашемъ чрезъ мосты, подвергавшіеся, по случаю предстоящаго проѣзда великаго князя, починкамъ и передѣлкамъ. Толпы рабочихъ, при нашемъ приближеніи, пріостанавливали свои работы и съ почтеніемъ смотрѣли на экипажи, въ которыхъ заключались наши особы. Какой-нибудь старшій изъ нихъ, или сотскій, снявъ шапку, приближался къ окну кареты и докладывалъ, что намъ надо потрудиться выйти изъ кареты, потому что переѣздъ чрезъ разобранный и чинившійся мостъ не совсѣмъ безопасенъ. Я быстро выходилъ изъ кареты и преблагополучно шагалъ по стропиламъ и балкамъ разобраннаго моста. Харитоновъ, напротивъ, прежде, чѣмъ выйти изъ кареты, разспрашивалъ, почему мостъ не готовъ, потомъ замѣчалъ, какъ это нехорошо, что онъ не готовъ, и выражалъ неудовольствіе, что онъ долженъ безпокоиться, выходить изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Всѣ эти предварительныя нотаціи внушали къ нему такое уваженіе со стороны мужиковъ, что, когда онъ, наконецъ, вываливался изъ кареты, они почтительно окружали его священную особу, брали его подъ руки и торжественно переводили чрезъ опасныя мѣста. Давно перейдя на другую сторону моста, я оборачивался назадъ и съ умиленіемъ видѣлъ, какъ толстенькій Харитоновъ, окруженный большою толпою съ непокрытыми головами, тихо и важно переваливался, продолжая милостиво разговаривать съ мужиками. Карета наша, между тѣмъ, переводилась, также въ сопровожденіи большой толпы, какимъ-нибудь окольнымъ путемъ и на другой сторонѣ переправы выѣзжала на большую дорогу. Мы снова помѣщались въ ней, и мой Харитоновъ снова посылалъ въ обѣ стороны стоявшему кругомъ кареты народу величавыя свои привѣтствія...

Безъ всякихъ особенныхъ приключеній, покойно, весело и, главное, весьма быстро, мы пріѣхали въ Ставрополь, гдѣ, заранѣе сдѣланными еще изъ Петербурга распоряженіями, приготовлены уже были для насъ особыя помѣщенія. Собственно для меня приготовлено было, можно сказать, великолѣпное помѣщеніе въ домѣ бывшаго откупщика или управлявшаго откупомъ, Смирнова или Кузмина, хорошо уже не помню, съ отмѣною откупной системы все-таки

сдѣлавшагося главнымъ и сильнѣйшимъ изъ мѣстныхъ винныхъ торговцевъ. Домъ этотъ былъ двухэтажный. Хозяинъ на это время какъ-то умѣстился въ нижнемъ этажѣ, а верхній этажъ, заключавшій въ себѣ парадныя комнаты, предоставленъ былъ въ полное мое распоряженіе. Этого мало. Самъ хозяинъ, со всѣми его средствами, довольно обширными, какъ у всѣхъ откупщиковъ, очутился тоже въ моемъ распоряженіи. Я не могу достаточно выразить, до какой степени былъ добръ, внимателенъ и предупредителенъ въ отношеніи ко мнѣ этотъ радушный и хлѣбосольный хозяинъ. Буквально въ теченіе цѣлаго дня онъ, казалось, только тѣмъ и занимался, чтобы угадывать и предупреждать мои желанія. Обѣды и ужины, которыми онъ меня угощалъ, были истинно великолѣпны, и я былъ настолько безсовѣстенъ, что не только поѣдалъ ихъ безъ всякой церемоніи, но еще приглашалъ къ себѣ многочисленную публику на обѣды и вечера, особенно, когда, по случаю моего заболѣвшаго горла, я вынужденъ былъ сидѣть дома. Въ моемъ же распоряженіи состоялъ его прекрасный экипажъ съ прекрасными лошадьми. Однимъ словомъ, по милости этого добраго человѣка, я окруженъ былъ величайшимъ комфортомъ и считаю долгомъ заявить здѣсь ему мою искреннюю признательность.

По общему плану, высланному великимъ княземъ на Кавказъ, тифлисскія власти должны были также сосредоточиться въ Ставрополѣ, для встрѣчи его высочества. На этомъ основаніи власти эти пріѣхали туда частью до насъ, а частью вслѣдъ за нами. Такимъ образомъ, Ставрополь принялъ въ это время весьма оживленный видъ. Губернаторъ, хромой Пащенко, о которомъ я говорилъ выше, метался во всѣ стороны. Когда я вынужденъ былъ сидѣть дома, онъ ежедневно просиживалъ у меня по нѣскольку часовъ. Такую пріязнь я не имѣю никакой претензіи относить къ взаимной нашей симпатіи. Скорѣе эта усиленная пріязнь съ его стороны происходила отъ общихъ толковъ и недоумѣній по вопросу: „зачѣмъ я пріѣхалъ на Кавказъ? что я буду дѣлать тамъ? какое назначеніе мнѣ дадуть?“ Хотя переходъ мой въ петербургскую службу не составлялъ уже никакой тайны, тѣмъ не менѣе, на него какъ-то не обращали вниманія, и большинство думало, что я все-таки буду служить и дѣйствовать на Кавказѣ. Именно вопросъ о томъ: въ какомъ видѣ, въ какомъ назначеніи я буду служить и дѣйствовать, занималъ многихъ. Туземная изобрѣтательность давала мнѣ различныя должности и положенія. Большинство готово было пари держать, что я буду начальникомъ главнаго управленія, тѣмъ болѣе, что предназначеніе въ эту должность барона Николаи покрыто было еще въ то время значительнымъ туманомъ. Мои разувѣренія, что я скоро опять уѣду, плохо дѣйствовали, и по-

нятно, что и Пащенко, находясь подъ вліяніемъ этихъ толковъ и предположеній, считалъ неизлишнимъ особенно лебезить предо мною и, по выраженію князя, „выкидывать курбеты".

Какъ бы то ни было, когда Ставрополь наполнился тифлисцами, по обычаю кавказскому начались обѣды, вечера и разнородные пиры, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя. Все, что прибывало въ Ставрополь, считало долгомъ отдать, прежде всего, визитъ графу Евдокимову, какъ хозяину края. То же, разумѣется, сдѣлано было и нами съ Харитоновымъ, и именно при этомъ посѣщеніи Евдокимовъ весьма самоувѣренно и безцеремонно говорилъ объ интригахъ старшаго князя Мирскаго, стремящагося занять его мѣсто, и такъ эффектно заключалъ свои воззрѣнія по этой части слѣдующими замѣчательными словами: „я скажу великому князю: ваше высочество! если вы находите меня негоднымъ и неспособнымъ — прогоните меня. Я пойду безъ ропота. Но самъ я не пойду и никого на свое мѣсто не пущу. Не время мнѣ теперь уходить. Дайте мнѣ прежде кончить мое дѣло!" Въ словахъ этихъ видна была полнѣйшая увѣренность Евдокимова, что его не рѣшатся и пальцемъ тронуть до покоренія западнаго Кавказа, для чего всѣ нити и средства сосредоточены уже были въ его опытныхъ рукахъ.

Надо замѣтить, что, вопреки бабьимъ привычкамъ моего пріятеля Харитонова, я терпѣть не могу кутаться. На всевозможныя кашне и другія вспомогательныя средства я смотрѣлъ всегда съ глубокимъ отвращеніемъ. Я всегда думалъ, что эти вещи скорѣе содѣйствуютъ простудѣ, чѣмъ предохраняютъ отъ нея. Тѣмъ не менѣе, отправляясь изъ Петербурга среди зимы, я не могъ, для успокоенія моей жены, не уступить ея усиленнымъ настояніямъ и не обернуть своей шеи кашне, нарочно ею пріобрѣтеннымъ. Удовлетворивъ ея заботливымъ желаніямъ, мнѣ слѣдовало бы, на второй же верстѣ отъ Петербурга, освободиться отъ этой штуки; но, къ сожалѣнію, мнѣ показалось, что моя фигура значительно выигрываетъ, украшенная этимъ эффектнымъ шарфомъ. Это пагубное заблужденіе было причиною, что я ѣхалъ въ кашне не только до Москвы, но и далѣе изъ Москвы. На какой-то станціи я, однако, потерялъ эту красивую штуку и вслѣдъ затѣмъ почувствовалъ, что съ моимъ горломъ что-то не благополучно. По ночамъ я началъ сильно кашлять, а въ теченіе дня хрипѣть и сипѣть. Въ этомъ положеніи я пріѣхалъ и въ Ставрополь. Потерявъ всякое довѣріе къ медицинѣ, я пересталъ уже обращаться къ ней, какіе бы недуги ни появлялись въ моемъ организмѣ, и предоставлялъ имъ дѣйствовать по силѣ законовъ натуры, а никакъ не по вліянію ничего непонимающихъ докторовъ. Поэтому я не только не обращалъ никакого вниманія на дурное состояніе моего горла

но напротивъ усиленно раздражалъ его громадными пріемами холоднаго шампанскаго, разливавшагося на ставропольскихъ пиршествахъ. Дѣло шло все хуже, и я, наконецъ, совершенно потерялъ голосъ. Знакомые и товарищи уговаривали меня посидѣть дома и принять какія-нибудь мѣры. Кто-то изъ нихъ упомянулъ мимоходомъ о горловой чахоткѣ. Въ то же время добрый хозяинъ мой, какъ будто здоровье мое возложено было на его отвѣтственность, неотступно убѣждалъ меня переговорить съ его домашнимъ докторомъ, лучшимъ изъ ставропольскихъ докторовъ. Доктора я принялъ и получилъ отъ него самый рѣшительный совѣтъ сидѣть дома, съ замѣчаніемъ, что иначе, дескать, будетъ плохо. Я не безъ основанія полагалъ, что если доктора безсильны для того, чтобы поправить плохое дѣло, то настолько-то они все-таки смыслятъ, чтобы разобрать, въ какую сторону смотритъ и направляется то или другое болѣзненное явленіе. Впрочемъ, я мало обращалъ вниманія и на послѣдствія своей болѣзни, и на совѣты доктора; мнѣ хотѣлось собственно оправиться и начать по-человѣчески говорить до пріѣзда великаго князя, тѣмъ болѣе, что его высочество, какъ онъ говорилъ въ Петербургѣ, быть можетъ, найдетъ нужнымъ взять меня съ собою при обозрѣніи западнаго Кавказа.

Подъ вліяніемъ этихъ желаній и ожиданій я и засѣлъ дома и тутъ-то, какъ и выше замѣчено, началъ почти ежедневно приглашать къ себѣ многочисленную публику. Дѣло, однако, нисколько не улучшалось. Время пріѣзда великаго князя сближалось, а я продолжалъ, по-прежнему, въ продолженіе ночи, безпрерывно кашлять, а въ теченіе дня оставаться совершенно безгласнымъ. Съ величайшимъ сожалѣніемъ я видѣлъ, что я долженъ буду лишиться участія какъ въ самой встрѣчѣ великаго князя, такъ и въ послѣдующихъ затѣмъ торжествахъ и праздникахъ.

Надо замѣтить, что домъ, въ которомъ я жилъ, стоялъ на какой-то необъятной площади, раздѣлявшей городъ на двѣ половины. Окна мои выходили прямо на эту площадь, и я могъ обозрѣвать все ея неизмѣримое пространство. Ставропольцы говорили, что во время зимнихъ вьюгъ, черезъ эту площадь, особенно ночью, не рѣшаются переѣзжать, ибо были примѣры весьма непріятныхъ и опасныхъ, въ подобныхъ случаяхъ, плутаній по этой площади въ теченіе цѣлой ночи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я могъ видѣть и окраины, или, лучше сказать, концы, тѣхъ улицъ, которыя выходили на эту площадь. Большое, каменное, одноэтажное зданіе, въ которомъ обыкновенно помѣщался графъ Евдокимовъ и въ которомъ, на этотъ разъ, приготовлено было помѣщеніе для великаго князя, бокомъ выходило на площадь, а главнымъ фасадомъ въ какую-то улицу, отъ нея идущую. Великому

князю, какъ и каждому пріѣзжающему въ Ставрополь съ московской стороны, предстояло прорѣзать эту громадную площадь съ одного конца на другой. Такимъ образомъ, я могъ видѣть изъ своихъ оконъ отличнѣйшимъ образомъ торжественный въѣздъ великаго князя въ Ставрополь. Отказавшись уже отъ всякой возможности принять какое-либо личное участіе въ встрѣчѣ его высочества, я долженъ былъ, невольнымъ образомъ, обратиться въ простого зрителя этого замѣчательнаго для Кавказа событія.

Помню хорошо, что день въѣзда великаго князя былъ несказанно отвратительнѣйшій. Съ самаго утра поднялась сильнѣйшая вьюга, которая уничтожила всѣ предварительныя расчистки, почти ежедневно производимыя, и буквально занесла грудами снѣга невысокій домъ, назначенный для пріема великаго князя, несмотря, однако же, на то, большія народныя толпы, пѣшія и конныя, съ ранняго утра двинулись навстрѣчу новаго намѣстника. Всѣ мѣстныя власти должны были въ назначенный часъ собраться въ пріемныхъ комнатахъ дома, и я видѣлъ, какъ различные генералы и офицеры съѣзжались туда въ разнокалиберныхъ экипажахъ, видѣлъ потому, что подъѣздъ былъ со двора, а въѣздъ во дворъ былъ именно съ той стороны, которая выходила на площадь. Наконецъ, черезъ площадь стали проноситься тройки курьеровъ и адъютантовъ, высланныхъ впередъ Евдокимовымъ, для наблюденія за движеніемъ великаго князя; потомъ появилась громадная петербургской, да еще придворной, конструкціи коляска великаго князи, запряженная восемью, чуть ли не десятью лошадьми, съ нѣсколькими форейторами и окруженная многочисленнымъ конвоемъ. За этою коляскою неслось множество другихъ экипажей съ адъютантами и другими лицами, составлявшими свиту великаго князя. Все это пролетѣло мимо дома Евдокимова прямо въ соборъ, гдѣ его высочество, установленнымъ на подобные случаи порядкомъ, встрѣченъ былъ духовенствомъ, совершившимъ обычное благодарственное молебствіе. Изъ собора великій князь скоро прибылъ въ назначенный для него домъ, гдѣ и совершилось представленіе ему всѣхъ чиновъ, заблаговременно тамъ собранныхъ. На моихъ глазахъ чины эти, послѣ пріема, стали расползаться на своихъ подводахъ въ разныя стороны. Многіе изъ этихъ чиновъ заѣхали ко мнѣ, разсказывали подробности пріема, а въ заключеніе объявили, что въ этотъ же день у великаго князя парадный обѣдъ.

Много разъ слышалъ я, что придворная сфера имѣетъ свойство заражать всѣхъ, заглянувшихъ въ нее, какою-то болѣзнію „притяженія". Человѣка, побывавшаго въ этой сферѣ, начинаетъ уже неудержимо тянуть туда. Человѣкъ, не получившій туда приглашенія, тогда какъ, по его разсчетамъ, онъ долженъ быть приглашенъ, начи-

наетъ болѣть, въ особенности испытывая желчные припадки... Мимоходомъ я замѣчалъ подобныя явленія въ Тифлисѣ, гдѣ князь Барятинскій умѣлъ создать придворную жизнь со всѣми ея прелестями, интересами и волненіями; но въ отношеніи къ двору князя я былъ въ такомъ исключительномъ положеніи, что мнѣ никогда не приходилось страдать отъ недостатка приглашеній; напротивъ, я не одинъ разъ отказывался, въ своей простонародной, такъ сказать, наивности отъ этихъ приглашеній, которыми лично удостаивалъ меня самъ князь. Что касается до большой и высшей придворной сферы, то ни по рожденію, ни по значенію своему, я никогда не принадлежалъ къ ней и, слѣдовательно, не могъ заразиться болѣзненно-честолюбивыми недугами, которые въ ней носились и изъ нея истекали. Между тѣмъ, въ тотъ моментъ, о которомъ разсказываю, я не могъ не чувствовать какого-то недовольства. Мнѣ было положительно досадно, что всѣ представляются великому князю, будутъ обѣдать сегодня же съ его высочествомъ и участвовать въ дальнѣйшихъ торжествахъ, а я одинъ долженъ быть лишенъ этого почетнаго участія, смотрѣть издали на съѣзды и разъѣзды приглашенныхъ къ обѣду и изъ десятыхъ рукъ, такъ сказать, узнавать, что тамъ происходило, выслушивать различныя подробности, всегда такъ интересныя для отсутствующаго. Въ эти минуты, казалось, я дорого бы далъ, чтобы имѣть возможность облечься въ парадную форму, подкатить на прекрасныхъ лошадяхъ моего добраго хозяина къ подъѣзду великаго князя и съ обычнымъ шикомъ явиться среди толпы „чающихъ движенія воды“. Но дѣлать было нечего. Если мое положеніе не было блистательно, когда я долженъ былъ смотрѣть изъ своихъ оконъ на новый съѣздъ различныхъ господъ къ обѣду великаго князя, то мнѣ приходила въ голову та успокоительная мысль, что оно едва-ли было бы блистательнѣе, еслибъ я находился среди этой толпы совершенно безъ всякаго голоса.

Когда обѣдъ кончился и приглашенные вновь расползлись въ разныя стороны, личности петербургской свиты, прибывшей съ великимъ княземъ: графъ Левашовъ, Гротъ, Философовъ, Пиленко постепенно посѣтили меня. Всѣ они передали мнѣ, что великій князь много разъ спрашивалъ и разспрашивалъ обо мнѣ, сильно интересуется моимъ положеніемъ и поручилъ домашнему своему доктору Либау, привезенному изъ Петербурга, осмотрѣть меня и вылечить. Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ Либау былъ у меня и такъ сурово взглянулъ на мое положеніе, что не только отвергъ всѣ просьбы мои о дозволеніи выѣзжать, но рѣшительно повелѣлъ оставаться въ комнатѣ до возвращенія голоса. Снабдивъ меня различными рецептами, Либау многозначительно прибавилъ: „тутъ, батюшка, шутить нечего“. Такимъ

образомъ, послѣднія надежды мои примкнуть къ ставропольскимъ торжествамъ лопнули, и мнѣ оставалось слушать различные разсказы о нихъ отъ моихъ благосклонныхъ посѣтителей, радушно наполнявшихъ мои комнаты съ утра до поздней ночи. Этихъ разсказовъ я повторять не буду. Достаточно сказать, что Ставрополь, понятнымъ образомъ, изъ кожи лѣзъ, чтобы отличиться передъ новымъ намѣстникомъ и дѣлалъ все, чтобы встрѣча великаго князя, которая выпала на долю сему граду, была сколь можно блистательна.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда его высочества для обозрѣнія Западнаго Кавказа. Погода была все-таки отвратительна. О путяхъ сообщенія въ этой странѣ нетрудно составить понятіе. Все это, въ совокупности, т. е. и погода, и дорога, произвели то, что великому князю, какъ потомъ говорили, доводилось, въ продолженіе этого путешествія, не только ѣхать въ простыхъ саняхъ, на перекладныхъ, но иногда шествовать пѣшкомъ по нѣскольку верстъ. Впрочемъ, всѣ эти неудобства и лишенія, какъ тоже извѣстно изъ разсказовъ, великій князь переносилъ не только безъ малѣйшихъ претензій, но молодецки, истинно на военную ногу. Скука моего положенія послѣ отъѣзда великаго князя и его свиты въ одну сторону, а тифлисцевъ— обратно въ Тифлисъ, увеличилась въ несказанной степени, тѣмъ болѣе, что и въ моемъ положеніи не оказывалось никакихъ рѣшительно улучшеній. Тотъ же безпрерывный кашель ночью и та же безголосица днемъ! Казалось, что я если цѣлое столѣтіе просижу въ своей комнатѣ—все то же будетъ. Я потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отправился въ Тифлисъ.

Само собою разумѣется, что съ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга снова загорѣлась между мною и моей женой оживленная переписка. Приведу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ моихъ ставропольскихъ писемъ...

9-го февраля 1863 г. „Я въ Ставрополѣ. Путь нашъ совершился весьма быстро, счастливо и покойно. Везли насъ почти вездѣ по 18 верстъ въ часъ. Дорога была весьма удовлетворительна. Несмотря на безпримѣрную трусость и вялость моего дряблаго спутника на ежедневные ночлеги, значительныя остановки въ Воронежѣ и Новочеркасскѣ, мы все-таки пріѣхали въ Ставрополь на девятый день, а именно въ четвергъ утромъ, 7-го февраля. Мнѣ отвели великолѣпное помѣщеніе. Харитоновъ помѣстился у знакомаго. Пащенко и всѣ другія власти усердно за нами ухаживаютъ. Ставрополь находится въ тревожномъ состояніи, связанномъ съ безпрерывными ожиданіями. Послѣ нашего пріѣзда, сегодня, т. е. въ субботу, имѣетъ произойти встрѣча князя Орбеліани и Крузенштерна, ожидаемыхъ изъ Тифлиса. Завтра ожидаютъ прибытія новаго архіерея. Затѣмъ во втор-

никъ имѣетъ произойти прибытіе великаго князя. По предварительнымъ соображеніямъ его высочество пробудетъ здѣсь дня два и затѣмъ отправится въ отряды, ведущіе войну, и дней 20 посвятитъ на ихъ обозрѣніе. Съ пріѣздомъ его рѣшится вопросъ: отправитъ ли онъ меня прямо въ Тифлисъ или возьметъ съ собою на передовыя линіи, чего, по правдѣ сказать, мнѣ не очень бы хотѣлось"...

11-го февраля. „Пріѣхали сюда князь Орбеліани съ Крузенштерномъ, Карцовымъ и другими чинами. Въ кавказскихъ властяхъ я нашелъ тѣ же далеко не знаменитыя личности, которыя и тебѣ извѣстны. Особеннаго новаго и замѣчательнаго въ тифлисской жизни и тамошнихъ дѣлахъ ничего нѣтъ, да это тебя и вообще не интересуетъ. Интереснаго для тебя развѣ то только, что Харитоновъ, какъ и слѣдовало ожидать, перепутавъ свои дѣла и сначала отказавшись отъ финансоваго департамента, потомъ не умѣлъ ничего устроить для себя въ Петербургѣ и, вслѣдствіе того, снова сунувшись въ кавказскіе финансы, остается по всѣмъ признакамъ между небомъ и землею или, какъ нынѣ говоритъ, безъ почвы, потому что Крузенштернъ не находитъ никакого удовольствія входить снова въ служебныя отношенія съ Харитоновымъ, такъ что господинъ этотъ, послѣ личныхъ и продолжительныхъ сношеній съ фельдмаршаломъ и великимъ княземъ, послѣ дружескихъ конференцій (какъ онъ увѣряетъ) съ различными министрами, намѣревается просить того же Крузенштерна помочь ему пристроиться какъ-нибудь въ Петербургѣ. Добрый, но наипустѣйшій изъ смертныхъ! Здѣсь ежедневно званые обѣды; даже и сегодня, т. е. въ чистый понедѣльникъ, большой обѣдъ у генерала Ольшевскаго, такъ что первая великопостная недѣля обѣщаетъ быть не недѣлею поста и молитвы, а недѣлею празднествъ, потому что для великаго князя, который долженъ пріѣхать завтра или послѣ завтра, готовятся тоже обѣды и иллюминаціи..."

14-го февраля. „Сію минуту пріѣхалъ великій князь..."

21-го февраля. „Шумная недѣля въ Ставрополѣ кончилась. Вчера великій князь уѣхалъ въ Кубанскую область, т. е. въ тѣ мѣста, гдѣ расположены войска, ведущія войну... Къ великому моему счастью, его высочеству, въ этомъ вояжѣ, не понадобился гражданскій чиновникъ, вслѣдствіе чего твой благовѣрный избѣгаетъ, съ суетою и безпокойствами быстрыхъ переѣздовъ, и опасеній на счетъ черноморскихъ лихорадокъ и другихъ болѣзней, которыми этотъ уголъ надѣляетъ проѣзжающихъ. Нечего и говорить, что пребываніе здѣсь великаго князя сопровождалось различными торжествами, обѣдами и иллюминаціями... Интересно то, что онъ произвелъ здѣсь самое прекрасное впечатлѣніе, которое отодвигаетъ еще болѣе и безъ того довольно слабыя воспоминанія о князѣ Барятинскомъ... Грустное свойство въ

природѣ человѣческой—забывать тотчасъ все въ увлеченіи настоящей минутой... Отсюда безутѣшныя вдовы, заводящія себѣ утѣшителей; примѣрныя жены, измѣняющія своимъ мужьямъ во время ихъ отсутствія; друзья и пріятели, повертывающіе свою дружбу туда, гдѣ выгоднѣе... Я пристально слѣдилъ за тѣмъ, что говорятъ и чувствуютъ по поводу удаленія князя. Рѣшительно ничего не говорятъ и не чувствуютъ, какъ будто его намѣстничество относилось къ прошедшему столѣтію... Послѣ отъѣзда великаго князя начали разъѣзжаться и всѣ другіе, сюда съѣхавшіеся... Такъ какъ въ Тифлисѣ меня никто не ждетъ, то я думаю остаться здѣсь еще нѣсколько дней. Помѣщенъ я здѣсь отлично у здѣшняго откупщика и „катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ". У меня великолѣпные обѣды, ужины, прекрасный экипажъ. Всѣ здѣшнія власти наилюбезно за мной ухаживаютъ, какъ будто я не только не ушелъ съ кавказскаго поприща, но пріобрѣлъ еще бо̀льшую силу. Отъѣздъ мой отсюда я задерживаю еще съ тою цѣлью, чтобы раздѣлаться со скучнымъ и надоѣвшимъ до смерти кашлемъ... Климатъ! Что такое климатъ? Трудно передать тебѣ, какое поразительное дѣйствіе онъ на меня имѣетъ! Ставрополь—не Тифлисъ еще, а я уже чувствую себя совершенно другимъ человѣкомъ! Какъ будто, кто взялъ, да руками снялъ съ меня то мертвящее, подавляющее состояніе, какое я испытываю всегда въ Петербургѣ и Москвѣ даже! Вещь—просто удивительная! Петербурга я боюсь, какъ мѣста, гдѣ меня ждутъ болѣзни и смерть! Я тамъ не живу, а рѣшительно страдаю, не имѣя ни минуты здороваго состоянія. Объ этомъ стоитъ подумать, да и тебѣ не мѣшаетъ, если ты, дѣйствительно, любишь мужа... Я не очень трепещу, какъ ты знаешь, разлуки съ міромъ; но глупо идти къ ней подлой дорогой, когда можно приблизиться лучшимъ путемъ... Китеръ (докторъ) относитъ, вмѣстѣ съ тобой, мои болѣзни къ вину и рѣдкимъ кутежамъ. Здекауеръ (докторъ) несравненно умнѣе и выше, говоря, что мнѣ не нужны никакія лекарства и наставленія, когда выѣду изъ Петербурга. Когда, по возвращеніи туда, о чемъ безъ содроганія не могу и подумать, я снова начну испытывать старое, то, конечно, нисколько не буду требовать, чтобы ты разсталась съ нимъ; но самъ плюну отъ души на него и никогда туда не загляну. Дуракомъ надо быть, чтобы лѣзть туда, гдѣ очевидно вредно..."

25-го февраля. „Завтра, т. е. 26-го февраля, во вторникъ, я располагаю выѣхать изъ Ставрополя въ Тифлисъ... Здѣсь за все это время ничего достопримѣчательнаго не происходило, если не считать таковымъ прибытія сюда изъ Новгорода новаго архіерея Ѳеофилакта, котораго и я видѣлъ вчера за обѣдней. Нельзя сказать, чтобы я скучно проводилъ здѣсь время, не говоря, разумѣется, о разлукѣ съ

семьей, при которой никакія развлеченія не могутъ имѣть и сотой доли своей силы. За всѣмъ тѣмъ, меня здѣсь, кажется, любятъ и почти ежедневно или у меня собираются, или къ себѣ приглашаютъ. Дни стоятъ здѣсь великолѣпные, истинно весенніе; но какъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его есть непремѣнно, вмѣстѣ со своими пріятностями, и свои гадости, такъ точно и здѣсь изъ десяти человѣкъ пять, навѣрно, кашляютъ и жалуются, что горло болитъ. Эта мода немножко и меня зацѣпила"...

Теперь мнѣ предстоитъ описать послѣдній періодъ моего пребыванія въ Тифлисѣ, и я истинно затрудняюсь, какъ исполнить эту задачу. Періодъ этотъ исполненъ былъ величайшихъ торжествъ, вызванныхъ прибытіемъ великаго князя, потомъ прибытіемъ великой княгини и потомъ прибытіемъ государя наслѣдника. А я не знаю ничего труднѣе, какъ именно изображать событія этого рода. Есть вещи и обстоятельства, которыя поражаютъ васъ, когда вы сами ихъ видите, и которыя становятся не только не интересными, но даже скучноватыми, когда представляются вамъ въ описаніи. Перо, въ сто разъ искуснѣе моего, все-таки не передастъ вамъ дѣйствительности того, что надо самому видѣть. Изъ нашихъ великороссійскихъ литераторовъ немногіе владѣютъ талантомъ придавать своимъ описаніямъ, такъ сказать, „живую образность". Кто не помнитъ, напр., описанія Петергофскаго гулянья, сдѣланнаго Марлинскимъ въ какомъ-то изъ своихъ произведеній? Въ литературномъ отношеніи оно, быть можетъ, великолѣпно, но кто же будетъ утверждать, что прочитать это описаніе, или самому видѣть этотъ волшебный праздникъ — одно и то же?

Въ предыдущихъ частяхъ моихъ записокъ было много уже попытокъ въ этомъ родѣ, и я первый признаю ихъ далеко неудачными. Другія попытки, разумѣется, не будутъ успѣшнѣе. Кромѣ того, многія и наиболѣе существенныя черты изъ этого періода приведены уже выше по связи ихъ съ дѣлами и обстоятельствами, о которыхъ заходила рѣчь. Такимъ образомъ, мнѣ кажется лучшимъ, если я, и въ настоящемъ случаѣ, ограничусь простыми выдержками изъ тогдашней моей частной переписки. Если эти отрывки и не будутъ представлять происходившія событія въ пространномъ и цвѣтистомъ видѣ, зато они будутъ отличаться большею истиною и искренностью, а именно эти свойства для моихъ разсказовъ гораздо нужнѣе, чѣмъ всякія литературныя красоты. Пойдемъ же съ Богомъ по этому пути. Само собою разумѣется, что здѣсь будутъ приведены только извлеченія изъ моихъ писемъ, которыя я писалъ женѣ. О письмахъ же

жены ко мнѣ, дорогихъ моему сердцу, но нисколько не интересныхъ постороннимъ взорамъ, не можетъ быть и рѣчи. Я даже считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что если нѣкоторыя изъ ея писемъ приведены выше, то потому единственно, что они имѣли соотношеніе къ князю Барятинскому и моей политической, такъ сказать, судьбѣ.

18-го марта. „Третьяго дня, т. е. 16-го марта, совершился въѣздъ великаго князя въ Тифлисъ. Торжество было несказанное! Едва-ли на земномъ шарѣ есть другая мѣстность, болѣе удобная для подобныхъ торжествъ, другой народъ, болѣе воспріимчивый къ подобнымъ событіямъ! Церемоніалъ встрѣчи начался отъ Мцхета, и на всемъ протяженіи оттуда безпрерывно примыкали къ шествію толпы различныхъ родовъ и наименованій, такъ что въ Тифлисѣ собственно массы народа до того сгустились, что великій князь (верхомъ на конѣ) едва, едва могъ двигаться. Исчислить всѣ подробности трудно, да это для тебя, по твоей извѣстной любви къ здѣшнимъ мѣстамъ, и не было бы особенно интересно и пріятно. Надо сказать только, что ревъ народа, звонъ колоколовъ, пушечная пальба, визгъ зурны, прекрасная погода, разнообразныя украшенія домовъ и улицъ,—все это въ совокупности не могло не сдѣлать этихъ минутъ дорогими для сердца великаго князя. Въ эти минуты я не могъ не вспомнить князя Александра Ивановича и не сравнить его одинокаго положенія съ царскими почестями, которыя его здѣсь ожидали. Объ немъ здѣсь говорятъ и мало, и большею частью недружелюбно, что весьма естественно, съ одной стороны, по несчастному лицемѣрію, побуждавшему его, ни къ селу, ни къ городу, осыпать всѣхъ блистательными обѣщаніями, нисколько не думая объ ихъ исполненіи, а съ другой—по отсутствію сердца, которымъ единственно и исключительно можно привязывать къ себѣ сердца другихъ. Съ боку поглядѣть, да и всѣ такъ думаютъ, что я ужъ, напр., былъ самый первый любимецъ князя, а ты знаешь, какъ непріятно вспоминать о тѣхъ моментахъ, когда приходилось попробовать эту любовь... Я думаю, что великій князь пріобрѣтетъ здѣсь больше прочной любви потому, что онъ проще, симпатичнѣе и безхитростнѣе. Сегодня я обѣдаю у него въ числѣ 150 человѣкъ. Чрезъ двѣ недѣли, т. е. на святой, онъ ѣдетъ навстрѣчу великой княгинѣ. Лѣто они будутъ проводить на Бѣломъ Ключѣ; впрочемъ, это еще не рѣшено окончательно, и великій князь еще поѣдетъ туда предварительно осматривать мѣстность и помѣщеніе... Въ такъ называемомъ дворцѣ даются ежедневно оффиціальные обѣды, на которыхъ почти постоянно и я присутствую. Великій князь, лично, пріобрѣтаетъ здѣсь большое сочувствіе, хотя въ новыхъ порядкахъ, отъ неопытности и незнанія мѣстныхъ обычаевъ, происходятъ промахи, задѣвающіе самолюбіе нѣкоторыхъ и вообще

производящіе различные толки. На другой день праздника онъ отправляется обозрѣвать Кутаисскую страну, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчать великую княгиню. Если ты не знаешь, моя милая, весьма важнаго секрета въ нашей жизни, такъ я тебѣ его открою. Счастье наше въ разнообразіи! „Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ!" Давно ли я появился въ Тифлисѣ, а ужъ, кажется, онъ начинаетъ немного надоѣдать мнѣ. Опять-таки всегда и во всемъ первыя впечатлѣнія только хороши, а потомъ, какъ только они пройдутъ, скука однообразія тотчасъ начинаетъ подкрадываться. Нѣтъ сомнѣнія, что долго я здѣсь не останусь, хотя общее вниманіе окружаетъ меня повсюду и, казалось бы, что все хорошо..."

1-го апрѣля... „Здѣсь, послѣ шума встрѣчъ, замѣчательнаго мало. На страстной я, разумѣется, говѣлъ. Въ день причастія завтракалъ у великаго князя, который все также добръ, милъ и симпатиченъ. Сильно хлопочетъ о супругѣ и завтра ѣдетъ чрезъ Кутаисъ навстрѣчу ей. Свѣтлый праздникъ встрѣченъ здѣсь съ обычными церемоніями. Весь генералитетъ, какъ и всегда, былъ въ соборѣ и тамъ христосовался съ великимъ княземъ. Въ 12 часовъ дня во дворцѣ былъ парадный завтракъ, на который были приглашены и дамы — жены генераловъ..."

15-го апрѣля. „Тифлисъ страшно волнуется въ ожиданіи прибытія великой княгини, назначеннаго завтра. Улицы снова приняли праздничный видъ, и повсюду идутъ страшныя приготовленія. Барыни—особенно въ хлопотахъ и погружены въ вопросъ о закрытыхъ и открытыхъ лифахъ. Есть свѣдѣнія, что по пути отъ Поти великая княгиня не выказала особеннаго восхищенія, а напротивъ сохраняла довольно печальный видъ. Дворцовая челядь убѣждена, что здѣсь ей не понравится и хотя на убранство здѣшняго дворца тратятся большія суммы,—но дрянь останется дрянью, и какъ ни стараются замѣнить паркетъ пестрою клеенкой—толкъ едва-ли выйдетъ..."

22-го апрѣля... „Въѣздъ великой княгини совершился почти съ тою же обстановкою, какъ въѣздъ великаго князя; только погода была все это время наимерзѣйшая: холодъ, дождь, грязь... На другой или третій день былъ большой обѣдъ, предъ которымъ совершенъ обрядъ цѣлованія руки... Потомъ началось постепенное, извѣстными группами, приглашеніе къ обѣдамъ здѣшнихъ дамъ. Затѣмъ особенно новаго и занимательнаго ничего нѣтъ, и мнѣ становится здѣсь значительно скучно..."

29-го апрѣля... „Я думаю, что если война будетъ (по польскому вопросу), то она не будетъ одною изъ тѣхъ правительственныхъ войнъ, гдѣ народъ мало или вовсе не сочувствуетъ, а напротивъ—произведетъ взрывъ народный, который увлечетъ само правительство.

При такомъ настроеніи мы съ Анатоліемъ (нашъ старшій сынъ) пойдемъ „на сраженіе“, а ты пойдешь въ сидѣлки... Но дай Богъ, чтобы все устроилось тихо и мирно, и нашъ добрый государь не былъ отвлеченъ отъ внутренняго устроенія Россіи... Что сказать о Тифлисѣ? Особенно хорошаго ничего нѣтъ. Великій князь дышитъ молодостью, добротою и стремленіемъ къ добру. Но для Тифлиса, этого гнѣзда интригъ, онъ слишкомъ хорошъ и нѣженъ... „Змѣй-горынычъ“, въ лицѣ князя Барятинскаго, сюда шелъ болѣе кстати, потому что самъ былъ олицетворенная хитрость... Великая княгиня здѣсь понравилась; но понравилась ли ей Грузія—это еще неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, при мнѣ за обѣдомъ, когда кто-то сказалъ, что это рай (paradis), она прибавила „свиней“ (cochons). Когда великій князь взглянулъ на нее значительно, она сказала, что это напечатано въ какой-то французской книгѣ. Что касается до князя Барятинскаго и его „памятниковъ“ управленія, то въ этомъ отношеніи ты оказалась чистѣйшимъ мудрецомъ... Въ новой сферѣ управленія не замѣчается уваженія къ его системамъ и памятникамъ, а нѣкоторые изъ свиты просто и открыто его поругиваютъ... Такъ-то всему свое время: то, что было великимъ вчера,—сегодня ничто. Мы, съ своей стороны, должны Бога благодарить, что вóвремя выкрутились и можемъ спокойно и независимо взирать на суету человѣческихъ дѣяній...“

2-го мая. „Вчера былъ во дворцѣ парадный обѣдъ, по случаю пріѣзда турецкаго посланника. У великаго князя маленькая дочь заболѣла. Вотъ будетъ бѣда, если кто-нибудь изъ дѣтей... Климатъ начинаетъ себя показывать, и жары наступили чувствительныя. Великій князь смотритъ бодро и весело; все остальное весьма туго привыкаетъ къ прелестямъ здѣшней жизни“...

7-го мая. „Тифлисскій климатъ начинаетъ показывать свои красоты: жары наступили очень и очень чувствительные. Великая княгиня требуетъ немедленнаго переѣзда на Бѣлый Ключъ, хотя тамъ далеко еще не все готово для ея принятія. Переѣздъ этотъ задерживается единственно въ ожиданіи громаднаго бала, затѣяннаго здѣшнимъ дворянствомъ съ большою энергіею, но съ весьма скудными, по обычаю, средствами. Приготовленія, задуманныя весьма широкимъ образомъ, идутъ довольно медленно, вслѣдствіе безпрерывныхъ остановокъ по части денежной... Балъ будетъ въ Муштандѣ (загородный садъ), гдѣ для этого строятся нѣсколько залъ и павильоновъ... Великій князь относительно моего возвращенія рѣшительно ничего не говоритъ. Съ переѣздомъ его на Бѣлый Ключъ, я думаю попроситься съѣздить въ Пятигорскъ и серьезно полѣчиться. На-дняхъ Новосельскій пріѣхалъ сюда. Смотритъ маз—мъ...“

Великій князь, отправляясь на Бѣлый Ключъ, самъ объявилъ

всѣмъ, состоящимъ при немъ, что каждый можетъ проводить лѣто, какъ найдетъ пріятнѣе и ѣхать туда, куда угодно. Единственною нашею обязанностью было оставить въ Тифлисѣ наши адреса, такъ чтобы великій князь, въ случаѣ какой-либо надобности, могъ мгновенно вытребовать каждаго изъ насъ. Я устремился въ Пятигорскъ, частью ради удовольствія, а частью и ради пользы. Со стороны удовольствій я разсчитывалъ, что меня уже тамъ всѣ знаютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было извѣстно, какъ тамъ весело, особенно съ переѣздомъ въ Кисловодскъ, проводятъ время. По части пользы, не говоря уже о разстройствѣ печени и постоянно усиливающихся желчныхъ припадкахъ, я долженъ былъ искать какого-нибудь спасенія отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, невѣдомо какимъ образомъ пріобрѣтеннаго мною въ Тифлисѣ и причинявшаго мнѣ невыносимыя страданія.

30-го мая. „Въ Пятигорскѣ я долженъ разсмотрѣть на мѣстѣ землю, предназначенную мнѣ къ отводу, собрать свѣдѣнія, какъ съ нею лучше распорядиться, и затѣмъ въ Тифлисѣ окончательно поправить это дѣло, дѣло, тоже очень серьезное...

По возвращеніи въ Тифлисъ, я столкнулся тамъ съ новыми торжествами по поводу прибытія туда покойнаго государя наслѣдника, пріѣхавшаго крестить новорожденнаго въ семьѣ великаго князя Михаила Николаевича. Описывать этихъ торжествъ тоже не буду въ томъ вниманіи, что это описаніе было бы, болѣе или менѣе, повтореніемъ подобныхъ описаній, прежде уже сдѣланныхъ.

Вопросъ о моемъ возвращеніи разрѣшается уже самымъ дѣломъ. Безъ сомнѣнія, я былъ бы уже на пути, если бы пріѣздъ наслѣдника и поглощеніе этимъ событіемъ всѣхъ здѣшнихъ властей не помѣшали значительно моимъ стремленіямъ. Тотчасъ по моемъ сюда возвращеніи Крузенштернъ имѣлъ случай доложить великому князю о моемъ желаніи возвратиться, на что̀ и получено согласіе его высочества, но вслѣдъ затѣмъ начались встрѣчи, церемоніи и различныя штуки по случаю пріѣзда наслѣдника, такъ что я не имѣю рѣшительно ни случая, ни возможности откланяться великому князю, и для этой процедуры пришлось ѣхать на Бѣлый Ключъ. Кромѣ того и карета, для обращенія ея въ дорожную, потребовала значительнаго времени. Конецъ концовъ тотъ, что я рѣшилъ свой отъѣздъ 7-го сентября, въ надеждѣ, что къ тому времени все устроится. Пріемъ наслѣдника сопровождался тѣми же обстоятельствами, какъ и пріемъ намѣстника.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я долженъ былъ погрузиться въ знакомый уже мнѣ почтовый міръ. Между тѣмъ, въ этомъ мірѣ произошли значительныя перемѣны, о которыхъ я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Добрый и благородный Прянишниковъ представилъ собою замѣчательное и поучительное явленіе: чѣмъ болѣе онъ возвышался, тѣмъ болѣе онъ падалъ... Блестящее на видъ поступленіе его изъ директоровъ департамента въ члены Государственнаго Совѣта, какъ я говорилъ уже, было первымъ актомъ въ этомъ отношеніи. Дотолѣ живой, бодрый, веселый, здоровый, онъ, видимо, началъ чахнуть, морально и физически, въ другой, хотя высшей, но чуждой ему сферѣ. Можно было думать, что назначеніе его потомъ главнокомандующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, поставивъ его въ прежній, знакомый ему міръ, возвратитъ ему прежнюю его бодрость и энергію. Не тутъ-то было. Министръ безъ значенія—жалкій министръ, и именно Прянишниковъ, какъ никто, олицетворялъ идеалъ самаго жалкаго министра. Можно сказать, что время управленія его было самымъ постыднымъ для почтоваго вѣдомства. Всевозможные нападки, укоры, обвиненія сыпались на вѣдомство въ этотъ періодъ отовсюду градомъ. Слабый, чуждый придворной сферы, не имѣющій постояннаго личнаго доклада государю—министръ не могъ бороться съ ними. Канцелярская отписка, несмотря на краснорѣчивое перо Лаубе—была слабымъ оружіемъ. Такимъ образомъ, заклеванный со всѣхъ сторонъ и не имѣющій ни силы, ни средствъ отражать нападенія, въ то же время осаждаемый старческими недугами, которые, при такомъ миломъ политическомъ положеніи, естественно, увеличивались, умный Прянишниковъ не могъ не видѣть своего незавиднаго положенія и рѣшился просить государя уволить его отъ управленія почтовымъ вѣдомствомъ...

На мѣсто его назначенъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Это былъ старинный кандидатъ на мѣсто почтоваго министра. Всѣ какъ-то согласились думать и вѣрить, что на этомъ мѣстѣ нельзя никому иному и быть, кромѣ Толстого. Еще въ Вильнѣ, когда я просилъ князя Барятинскаго подписать письмо Прянишникову о моемъ петербургскомъ устройствѣ, самъ князь предложилъ мнѣ: „Хотите, я напишу Толстому"? „Да онъ еще не почтовый министръ!"—отвѣчалъ я. Вся эта перестановка произошла почти въ одно время съ разрѣшеніемъ вопроса о моемъ собственномъ устройствѣ въ Петербургѣ. Когда добрѣйшій князь Суворовъ, какъ я выше говорилъ, однажды, въ придворной церкви, обнявъ меня поперекъ таліи, излагалъ свои наивныя воззрѣнія на князя Барятинскаго, къ намъ подошелъ блестящій и залитый въ золото Иванъ Матвѣевичъ и, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Какъ я радъ, что вы тоже нашъ! а я вовсе этого не зналъ".—„Мое назначеніе исчезло въ вашемъ назначеніи",—самоувѣренно отвѣчалъ я.—„Жаль только,—любезно замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ,—что великій князь увозитъ васъ съ собой".

Что же за человѣкъ былъ этотъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой,

тогда еще не графъ, а потомъ графъ? Выше гдѣ-то я дерзнулъ сдѣлать оригинальное раздѣленіе людей на людей способныхъ, умныхъ, даровитыхъ и въ то же время малопріятныхъ и на людей—мало способныхъ, вовсе не даровитыхъ и въ то же время чрезвычайно пріятныхъ. Иванъ Матвѣевичъ Толстой безспорно былъ самымъ вѣрнымъ и чистымъ типомъ второй половины. Онъ не былъ ни уменъ, ни способенъ; дарованій государственныхъ въ немъ и запаху не было; но въ то же время это былъ добрѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, и его, по справедливости, всѣ любили. Вѣжливость и привѣтливость его не была холоднымъ проявленіемъ царедворскихъ привычекъ; они шли изъ доброй души и дышали искренностью.

Если онъ не имѣлъ государственныхъ дарованій, какимъ же образомъ добрался онъ до положенія министра?—быть можетъ, также спроситъ кто-нибудь. На это я могу противопоставить другой вопросъ: „развѣ всѣ наши министры имѣютъ государственныя дарованія"? Но въ отношеніи Ивана Матвѣевича Толстого существовала другая двигательная сила, гораздо могущественнѣе какихъ бы то ни было дарованій. Я говорилъ уже, что при нынѣшнемъ государѣ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, существовала семья самыхъ близкихъ ему людей. Толстой былъ изъ числа ихъ. Когда Барятинскій, бывало, разсказывалъ о занятіяхъ, охотахъ этой семьи, имя Толстого постоянно упоминалось въ его разсказахъ. Я самъ лично видѣлъ Толстого много разъ у князя Барятинскаго и, слушая ихъ пріятельскіе разговоры, безошибочно заключалъ, что ихъ связываетъ во дворцѣ одна и та же сила, одни и тѣ же интересы. Я даже постоянно раскланивался съ Толстымъ, какъ съ пріятелемъ князя Барятинскаго, когда, конечно, ни ему, ни мнѣ и въ голову не приходило, что современемъ, солидными уже людьми, мы сойдемся на серьезномъ служебномъ поприщѣ.

Какъ попалъ Толстой въ тѣсную семью, окружавшую наслѣдника, я положительно не знаю. Изъ смутныхъ и неопредѣленныхъ разсказовъ по этой части, конечно, нисколько меня не интересовавшихъ, у меня составилось такое представленіе, что Толстой въ молодости состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ; что при одномъ изъ первыхъ путешествій наслѣдника по Европѣ, Толстой успѣлъ какъ-то примкнуть къ свитѣ его высочества; что во время этого путешествія Толстой умѣлъ понравиться наслѣднику, и что, именно, съ тѣхъ поръ онъ сталъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Вѣрно или нѣтъ это представленіе, я не отвѣчаю, но что наслѣдникъ, а потомъ государь считалъ его дѣйствительно близкимъ ему человѣкомъ—это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить тотъ довольно странный фактъ, что тор-

жественный день своего рожденія государь постоянно проводилъ у Толстого. Отношенія его къ государю особенно стали блистательны, когда судьба разбросала первые номера знаменитой семьи, какъ, напримѣръ, князя Барятинскаго, Ламберта и др., и когда самая сила обстоятельствъ выдвинула Толстого изъ заднихъ ея рядовъ впередъ.

У Ивана Матвѣевича было нѣсколько братьевъ, совершенно такого же, какъ и онъ, содержанія. Кто, напр., не зналъ и не знаетъ Николая Матвѣевича Толстого, милѣйшаго изъ генералъ-адъютантовъ, этого вѣчнаго старшину англійскаго клуба, человѣка, рѣшительно всѣми и поголовно любимаго за его доброту и безпримѣрную привѣтливость? Кто не зналъ также Теофила Матвѣевича Толстого, этого Ростислава (литературный его псевдонимъ), критика, музыканта и писателя. Я зналъ тоже Павла Матвѣевича Голенищева-Кутузова-Толстого—совершеннѣйшій портретъ Ивана Матвѣевича и Николая Матвѣевича по лицу, добротѣ и манерамъ. Былъ еще Григорій Матвѣевичъ Толстой, инженерный генералъ, загнанный за какія-то дѣла въ Петербургѣ на Донскія степи... Всѣ эти Толстые составляли, однимъ словомъ, группу людей, далеко не капитальныхъ, но въ высшей степени добрыхъ и пріятныхъ.

Когда я возвратился въ Петербургъ, мнѣ предстояло сдѣлать оффиціальное представленіе своей персоны моему новому начальнику. Иванъ Матвѣевичъ, по обычаю, жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, въ одномъ изъ китайскихъ домиковъ, куда я и не замедлилъ отправиться. Если я упоминаю объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, то съ единственною цѣлью показать, до какой степени эти придворные господа проникнуты царедворскими условіями. Во время моей аудіенціи, при которой присутствовалъ и Лаубе, шла, разумѣется, приличная случаю болтовня. Я говорилъ графу, какъ я радъ и т. п. Графъ говорилъ мнѣ, какъ онъ радъ и т. п. Среди этой болтовни я совершенно равнодушно сказалъ: „Великій князь велѣлъ вамъ кланяться“. Трудно передать мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что Иванъ Матвѣевичъ мгновенно вскочилъ со стула и торжественно отвѣсилъ мнѣ самый низкій поклонъ. Съ недоумѣніемъ смотря на эту сцену, я съ трудомъ понялъ, въ чемъ дѣло и, когда понялъ, то въ свою очередь тоже всталъ со стула и отвѣсилъ Ивану Матвѣевичу еще болѣе низкій поклонъ. Все это, разумѣется, продѣлывалось изъ благоговѣнія, хотя заочнаго, къ августѣйшему имени великаго князя.

Возвращаясь отъ Ивана Матвѣевича, я невольно испытывалъ какое-то непріятное чувство какого-то неяснаго пониженія собственной особы. Послѣ личныхъ блестящихъ отношеній моихъ къ блестящему князю Барятинскому и потомъ великому князю Михаилу Николае-

вичу—и самъ Иванъ Матвѣевичъ, и все почтовое вѣдомство казались мнѣ какъ-то мизерными. И, въ самомъ дѣлѣ, параллель между тѣмъ, что я оставлялъ, и тѣмъ, что меня ожидало, не представляла для моего честолюбія ничего увлекательнаго. Великолѣпный князь Барятинскій, истинный царь страны—и Иванъ Матвѣевичъ! Потомъ братъ государя, милый и симпатичный великій князь Михаилъ Николаевичъ и—опять Иванъ Матвѣевичъ, почтительно вскакивающій при одномъ этомъ имени. Потомъ я лично, доселѣ сильный дѣятель въ администраціи всего Кавказскаго и Закавказскаго края, разнообразныя званія и должности котораго не уписывались на цѣлой страницѣ—и вдругъ, членъ дряннѣйшаго изъ министерскихъ совѣтовъ, членъ почтоваго совѣта! Напоръ этихъ черныхъ мыслей я старался, впрочемъ, разсѣять представленіемъ тѣхъ прелестей, какія доставляютъ каждому смертному свобода, независимость и, главное, обезпеченность!

Свобода! Могъ ли я считать себя свободнымъ, вступивъ, послѣ кипучей и разнородной кавказской дѣятельности, въ предѣлы совѣта, въ которыхъ можно вѣчно спать, а если спать не хочется, то болтать о Наполеонѣ, Блонденѣ, Деверіи и т. п., не только совершенно безнаказанно, но и совершенно безвредно для дѣла, ибо дѣло вносится въ совѣтъ обдѣланное, журналъ совѣта давно заготовленъ и стоитъ только понатужиться, чтобы вставить свою фамилію съ приличнымъ росчеркомъ, вверхъ или внизъ, по усмотрѣнію каждаго, такъ какъ на это никакихъ правилъ и законовъ не полагается. Независимость! Могъ ли я не считать себя независимымъ, когда все такъ называемое высшее почтовое управленіе состоитъ изъ моихъ старинныхъ пріятелей, когда Лаубе, управляющій, на самомъ дѣлѣ, всѣмъ рѣшительно и даже самимъ Иваномъ Матвѣевичемъ, мой старый другъ; когда Иванъ Матвѣевичъ не въ состояніи даже былъ придумать, чѣмъ бы занять своего талантливаго сослуживца и пользоваться его дарованіями для прославленія своего управленія и когда, наконецъ, при каждой встрѣчѣ со мною гдѣ бы то ни было этотъ милый Иванъ Матвѣевичъ осыпалъ меня такими любезностями, такою вѣжливостью, что съ боку никакъ нельзя было разобрать, кто изъ насъ министръ и кто подчиненный. Обезпеченность! Бездѣлица! Должно быть, эта штука очень хороша, когда одинъ господинъ, считающій себя умнѣйшимъ и способнѣйшимъ, какъ никто, заправлять государственными машинами, и одна барыня, удручаемая скудными средствами своего мужа и, какъ женщина, не обращающая вниманія на скудость его головы, не могла удержаться, какъ я говорилъ выше, чтобы не выразить самымъ неприличнымъ образомъ своей зависти! Однимъ словомъ, по законамъ логическимъ выходило совершенно ясно, что я—

наисчастливѣйшій человѣкъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, по условіямъ моей натуры, это счастье представлялось мнѣ малопривлекательнымъ. Капризная эта натура какъ-то мало цѣнила и свободу, и независимость, и даже обезпеченность. Она требовала чего-то другого. Она требовала шумной блестящей дѣятельности и большаго значенія въ административномъ мірѣ, тогда какъ и то, и другое оставлено мною на границѣ Ставропольской губерніи и именно на Егорлыцкой станціи, отдѣляющей Кавказъ отъ Россіи.

Съ этими ощущеніями я вступилъ въ рядъ истинныхъ калѣкъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, называемыхъ членами почтоваго совѣта. Всѣ эти личности были до того ничтожны во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, что при всемъ желаніи моемъ сказать о нихъ что-либо, я рѣшительно не имѣю никакой къ тому возможности. Все это были люди старые, дряхлые, рѣшительно тупоумные и взятые большею частью изъ бывшихъ почтъ-инспекторовъ, единственно вслѣдствіе доброты стараго графа Адлерберга. Упразднивъ почтъ-инспекторства, графъ, всегда добрый, не хотѣлъ пустить этихъ знаменитыхъ людей по міру и насажалъ ихъ въ совѣтъ.

Если я не говорилъ гдѣ-нибудь выше о безполезности многихъ нашихъ административныхъ учрежденій, то здѣсь позволяю себѣ выразить эту мысль и, не развивая ее подробно, заявить, что безполезнѣе министерскихъ совѣтовъ умъ человѣческій ничего представить не можетъ. Я нисколько не отрицаю пользы и необходимости совѣщаній между директорами различныхъ департаментовъ министерства, въ случаѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ; но я рѣшительно отрицаю пользу и необходимость существованія такихъ совѣтовъ, куда, подъ видомъ членовъ, сваливаютъ разный негодный хламъ и наваливаютъ на наше бѣдное государственное казначейство содержаніе людей негодныхъ и безполезныхъ. И замѣчательно, что много разъ принимались за такъ называемое сокращеніе чиновниковъ и принимались люди, повидимому, умные, какъ, напр., князь Павелъ Гагаринъ, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ; но дѣло, послѣ первоначальнаго шума, всегда оканчивалось пустяками, „гора рождала мышь“, убавлялись канцелярскіе чиновники, а цѣлыя безплодныя учрежденія оставались неприкосновенными. Какъ будто считалось преступнымъ коснуться той высшей мысли: „нельзя ли, дескать, въ видахъ вящшей государственной пользы и экономіи повалить эти негодныя учрежденія?“ Я, впрочемъ, думаю, что этой мысли касались, быть можетъ, не разъ; но она заглушалась личными интересами или, лучше сказать, личными претензіями нашихъ министровъ, претензіями, которыя, къ сожалѣнію, всегда и въ весьма значительной степени, примѣши-

ваются къ заботамъ ихъ о благѣ государственномъ. „Какъ же я останусь безъ совѣта?“ вѣроятно, думаетъ каждый министръ при вопросѣ о томъ, нельзя ли, какъ говорится, хватить по боку его совѣтъ? „Куда я буду дѣвать негодныхъ губернаторовъ, заслуженныхъ директоровъ и вице-директоровъ?“ „Наконецъ это славная декорація“, — думаетъ министръ и начинаетъ доказывать изо всѣхъ силъ необходимость этого складочнаго амбара.

Что слова мои не совсѣмъ вздорны, я приведу фактъ изъ кавказской моей дѣятельности. Когда князь поручилъ мнѣ преобразованіе тамъ главнаго управленія, я не замедлилъ приложить мои воззрѣнія къ тамошнему совѣту намѣстника, столь же безполезному, какъ и всѣ совѣты на свѣтѣ, съ цѣлью обратить деньги, которыя онъ поглощаетъ, на другія части управленія. Князь не только не согласился, но, какъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ, постоянно стремился обратить его въ сенатъ. Спрашивается: что было тому причиною? Постановленій совѣта онъ никогда не читалъ, и докладывались они князю не представителями совѣта, а тѣмъ же общимъ докладчикомъ, который докладывалъ всѣ другія дѣла, т. е. прежде директоромъ канцеляріи, а потомъ начальникомъ главнаго управленія. Самыя дѣла въ совѣтъ передавались не по дѣйствительному приказанію намѣстника, а по усмотрѣнію столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій, только прикрытому, для формы и приличія, этимъ приказаніемъ. Однимъ словомъ, во всемъ существовала одна пустая, рѣшительно безполезная и дорого стоющая проформа. Повторяю: для чего же удерживалось существованіе совѣта? Прежде всего, для того, что князю пріятно было, при входѣ въ какой-нибудь большой день въ Сіонскій соборъ или при церемоніальномъ выходѣ въ извѣстные дни въ свою пріемную, однимъ словомъ, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и церемоніяхъ—видѣть впереди всѣхъ сѣдыхъ стариковъ, украшенныхъ звѣздами и глубоко наклоняющихъ свои плѣшивыя головы. Потомъ князю, безъ сомнѣнія, было пріятно имѣть всегда возможность сказать какому-нибудь заслуженному генералу—будь онъ статскій, будь военный: „Я васъ назначаю членомъ моего совѣта!“ Что касается до стремленія князя преобразовать свой совѣтъ въ сенатъ, то какъ я ни глубоко уважаю князя, какъ ни благоговѣю предъ его общечеловѣческою мудростью, но, во имя справедливости, долженъ сказать, что въ этомъ преобразованіи едва-ли его увлекала самая сущность дѣла, которой онъ, какъ военный человѣкъ, и понимать не могъ настоящимъ образомъ. Едва-ли не увлекался онъ преимущественно (прости, Господи, мои прегрѣшенія!) тою обольстительною для такого честолюбиваго, какъ онъ, человѣка мыслью, что его пріемная будетъ наполнена сенаторами и что красные мундиры этихъ господъ будутъ

производить, въ декоративномъ отношеніи, величайшій эффектъ въ толпахъ, чающихъ движенія воды.

Быть можетъ, почтовый совѣтъ имѣлъ болѣе серьезное значеніе? Посмотримъ. Начать съ того, что всѣ дѣла въ совѣтъ поступали изъ департамента за подписью директора его, всемогущаго Лаубе. Члены почтоваго совѣта, въ отношеніи къ Лаубе, были то же, что группа бѣдняковъ въ отношеніи къ своему благотворителю. Всѣ они хорошо знали, что ни звѣздъ, ни денегъ, никакихъ благъ они никакъ не могутъ получить безъ Лаубе и что самые величайшіе интересы ихъ находятся рѣшительно въ его рукахъ. Въ этомъ справедливомъ сознаніи,—въ большіе праздники они находятъ невозможнымъ не торчать въ его пріемной, на-ряду съ столоначальниками и почталіонами. Если къ этому прибавить, что въ совѣтѣ, въ дни засѣданій, сидитъ самъ Лаубе, то будетъ понятно, какой разумной и сильной оппозиціи могутъ ожидать его представленія со стороны столько же бездарныхъ, сколько и подобострастныхъ членовъ совѣта. Потомъ, такія ли дѣла разсматриваются въ совѣтѣ, гдѣ эта оппозиція была бы умѣстна, предполагая, что для образованія ея и существуютъ достаточныя средства? Всѣ они—на одинъ, одинаково ничтожный, ладъ. Пропажа денегъ или вещей и взысканіе ихъ съ виновныхъ чиновниковъ или почталіоновъ! О значеніи этихъ дѣлъ можно заключить уже потому, что нашъ дѣлопроизводитель заготовлялъ заранѣе журналы совѣта, въ которыхъ всегда постановлялось: „утвердить мнѣніе департамента", и членамъ совѣта, какъ я сказалъ уже, оставалось только подписывать ихъ. Вообще, насъ собирали чрезвычайно рѣдко: въ двѣ недѣли, а иногда въ мѣсяцъ разъ; засѣданія наши почти никогда не продолжались болѣе часу и то, включая сюда разнородную болтовню, вовсе не касающуюся почтоваго благоустройства.

При такомъ безобразномъ обиліи свободнаго времени я, на первыхъ порахъ, старался наполнить его чисто одними удовольствіями. Я сдѣлался членомъ всевозможныхъ клубовъ и собраній, постояннымъ посѣтителемъ театровъ и разнородныхъ зрѣлищъ и столь же постояннымъ обывателемъ Невскаго проспекта, который ежедневно и полосовалъ изъ конца въ конецъ, на Пахомовскихъ[1]) рысакахъ. Но, какъ всегда, послѣ первыхъ впечатлѣній этой новой для меня жизни,—совершенная бездѣятельность стала подавлять меня. Мнѣ самому стало совѣстно, что я попалъ, помимо моей воли, въ разрядъ людей, бьющихъ баклуши, въ отдѣлъ тѣхъ неблистательныхъ личностей, которыя встрѣчаются на всѣхъ перекресткахъ Петербурга и сдѣлались извѣстными всѣмъ до отвращенія...

---

[1]) Содержатель экипажей.

Въ этихъ-то, не совсѣмъ пріятныхъ, соображеніяхъ о своемъ положеніи мнѣ и пришла впервые мысль писать свои записки, безъ всякой предвзятой цѣли. Приступая къ этому занятію, я рѣшительно не зналъ, что изъ моихъ записокъ можетъ выйти, точно такъ же, какъ, оканчивая мой трудъ, я рѣшительно не знаю, что изъ него, въ дѣйствительности, вышло...

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что какъ ни бѣдно было служебное поприще, лежавшее предо мной, я все-таки успѣлъ сдѣлать и на немъ несравненно болѣе, нежели мои товарищи. Приведу нѣкоторыя черты, сюда относящіяся...

Я сказалъ уже, что время управленія Прянишникова было самымъ несчастнымъ временемъ для почтоваго вѣдомства. Общественное мнѣніе буквально опрокинулось на него. Каждый какъ будто считалъ священнымъ долгомъ бросить камешекъ въ почту. Всѣ газеты находили самымъ моднымъ и современнымъ занятіемъ глумленіе надъ почтовымъ управленіемъ. Само собою разумѣется, что хорошаго тутъ было мало для этого управленія. Наша публика такъ любитъ разные печатные скандалы и въ то же время, по юности своей, такъ наивно вѣритъ, что все печатное—непремѣнно вѣрно! Для того же, чтобы эффектно отражать и опровергать эти нападки, у почтоваго управленія не было ни средствъ, ни соотвѣтственныхъ талантовъ.

Дѣло оставалось въ томъ же положеніи и послѣ назначенія Ивана Матвѣевича Толстого начальникомъ почтоваго министерства. Когда я примкнулъ къ этому министерству, по возвращеніи моемъ съ Кавказа, я тотчасъ увидѣлъ, гдѣ и какъ могу быть ему полезнымъ. Склонный по натурѣ своей, о которой такъ много было говорено выше, отличаться, гдѣ только можно, я самъ вызвался стать защитникомъ почтоваго управленія и вообще почтоваго дѣла въ нашей прессѣ. Нѣтъ нужды говорить, какъ Иванъ Матвѣевичъ, купно съ Лаубе, восхитились этимъ предложеніемъ, и могу по совѣсти сказать, что я не обманулъ ихъ ожиданій и вышелъ „ратникомъ благонадежнымъ". Я напечаталъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", органѣ почтоваго управленія, цѣлый рядъ большихъ статей, подъ псевдонимомъ: Х. Первая изъ нихъ называлась: „Наша пресса и почтовое дѣло". Какое впечатлѣніе произвели эти статьи въ публикѣ—я не знаю. Полагаю, впрочемъ, что никакого, потому что кому же охота читать длинныя статьи о такомъ скучномъ и спеціальномъ дѣлѣ, какъ почтовое, но положительно могу сказать, что весь почтовый міръ рукоплескалъ неизвѣстному своему защитнику; въ то же время безошибочно можно заключить, что онѣ посбили значительно форсу и самоувѣренности самимъ газетнымъ нападчикамъ, встрѣтившимъ такой сильный отпоръ.

Еще большую услугу я принесъ этому вѣдомству на другомъ поприщѣ. Но предварительно необходимо объяснить два обстоятельства.

Въ одно время съ нападками на почтовое вѣдомство—и наша администрація, и наше общество увлекались блистательными надеждами на возникавшія тогда земскія учрежденія. Уставъ этихъ учрежденій былъ уже утвержденъ, но какъ-то тотчасъ обнаружилось, что кругъ дѣйствій ихъ оказывается весьма тѣснымъ, а денегъ, которыя должны поступить въ ихъ распоряженіе, едва достаетъ на ихъ содержаніе. Между тѣмъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ уставу сказано, что подлежащіе министры должны согласиться о томъ, какую степень участія можно предоставить земскимъ учрежденіямъ въ содержаніи почтовыхъ станцій. Отсюда явилась мысль, что если отнять у почтоваго вѣдомства содержаніе почтовыхъ станцій и 8 милл., употреблявшіеся на это, отдать въ распоряженіе земскихъ учрежденій, то это будетъ лучшимъ средствомъ для возбужденія и упроченія жизни въ этихъ учрежденіяхъ, которыя, по справедливости, многіе называли „мертворожденными“.

Между тѣмъ, еще до выхода устава о земскихъ учрежденіяхъ, въ министерствѣ финансовъ существовала высочайше учрежденная комиссія, для пересмотра системы податей и сборовъ, а попросу и сокращенно называемая „податная комиссія“. Эта „податная комиссія“, отъ лица министерства финансовъ, принимала участіе въ составленіи самаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ и, потому, когда возникъ вопросъ объ установленіи отношеній этихъ учрежденій къ почтовымъ станціямъ—вопросъ этотъ предоставленъ талантамъ той же комиссіи.

Приступая къ разработкѣ этого вопроса, комиссія весьма основательно нашла нужнымъ отнестись къ нашему министру о назначеніи одного изъ высшихъ почтовыхъ чиновъ, который принялъ бы участіе въ этомъ дѣлѣ и представлялъ въ лицѣ своемъ интересы почтоваго вѣдомства. По правдѣ сказать, выборъ не представлялся для моего начальства затруднительнымъ по самой бѣдности личнаго нашего состава. Меня любезно пригласили принять на себя это дѣло, и, такимъ образомъ, мнѣ суждено было познакомиться ближайшимъ образомъ съ этою знаменитою комиссіею.

Комиссія эта была, дѣйствительно, знаменита по своему личному составу. Предсѣдателемъ ея считался самъ министръ финансовъ, но какъ, при обширныхъ его занятіяхъ, практическое предсѣдательствованіе для него было невозможно, то предсѣдательствовалъ мой старый пріятель Гирсъ, въ качествѣ помощника предсѣдателя. Гирсъ, въ это время достигшій уже большихъ чиновъ и большого положенія, не отличался великими дарованіями; но въ то же время это была

милѣйшая личность, какую только можно представить себѣ. Кроткій, деликатный, миролюбивый, онъ, какъ князь Одоевскій, съ этой стороны былъ типомъ великолѣпнаго предсѣдателя. У него, какъ и у князя Одоевскаго, была прекрасная душа и истекающая изъ нея какая-то всеумиротворяющая сила. Говорятъ, что морская буря утихаетъ, когда на разъяренныя волны выльютъ нѣсколько капель масла. Я этого не знаю; но знаю, что самыя разъяренныя и бурныя пренія утихали, когда среди нихъ раздавались кроткія, не злобивыя, умиротворяющія слова князя Одоевскаго или Гирса.

Затѣмъ безъ преувеличенія можно сказать, что, въ качествѣ членовъ своихъ, комиссія вмѣщала въ себѣ все, что въ то время считалось наиболѣе просвѣщеннымъ, блестящимъ, прогрессивнымъ. Всѣ законодательныя, административныя, учебныя учрежденія имѣли здѣсь лучшихъ своихъ представителей. Съ этой стороны комиссія, по справедливости, пріобрѣла большую славу, и попасть въ число членовъ ея считалось большою честью. Составъ ея былъ чрезвычайно обширный, и я считаю столько же затруднительнымъ, сколько и безполезнымъ исчислять поименно всѣхъ членовъ ея. Припоминая наиболѣе выдающихся изъ нихъ, по неудержимому стремленію ихъ говорить всегда и обо всемъ, я ограничусь указаніемъ на Грота, неудачнаго автора новой акцизной системы, Заблоцкаго, стараго и умнаго воробья въ дѣловомъ мірѣ, Сольскаго, пріятнаго и многообѣщающаго молодого человѣка, весьма скоро назначеннаго государственнымъ секретаремъ, Семенова, также даровитаго молодого человѣка, начальника статистической части въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Ржевскаго, автора разныхъ экономическихъ брошюръ, большого говоруна, еще большаго, но непріятнаго говоруна Бернардскаго, профессора, кажется, неукротимаго, но милаго и искренняго болтуна Владиміра Безобразова, постоянно звенящаго, какъ колоколъ, и мало повинующагося колоколу предсѣдателя и пр. и пр. Гирсъ нерѣдко и съ нѣкоторою гордостью упоминалъ, что въ его комиссіи находятся всѣ статсъ-секретари. Я прибавлю, что въ ней находилось безчисленное множество всевозможныхъ директоровъ и вице-директоровъ.

Трудно передать то предубѣжденіе противъ почтоваго управленія, какое я встрѣтилъ въ комиссіи, когда вступилъ въ ея область. Скоро убѣдился я, что вмѣстѣ съ этимъ предубѣжденіемъ неразрывно связано чрезвычайно темное пониманіе ею истиннаго положенія дѣла. Я тотчасъ увидѣлъ, что задача, предстоящая мнѣ,—не изъ легкихъ, но, какъ всегда, надѣялся на свои силы. Привычка публично говорить принесла мнѣ здѣсь величайшія услуги. И, дѣйствительно, нѣсколько солидныхъ и съ достоинствомъ высказанныхъ съ моей стороны соображеній сразу измѣнили настроеніе комиссіи, дотолѣ

весьма враждебное. Я сталъ на точку не почтоваго чиновника, но если могу безъ особенной дерзости такъ выразиться, государственнаго человѣка. Я не защищалъ почтовыхъ интересовъ, но развивалъ интересы государственные. Я не удерживалъ за почтовымъ управленіемъ ни содержанія почтовыхъ станцій, ни 8 мил., употребляемыхъ на это содержаніе; но самъ предложилъ передать ихъ земству. Я доказалъ, что и дотолѣ само почтовое управленіе не содержало станцій и не завѣдывало этими милліонами; но что оно имѣло только контроль въ томъ и другомъ. Я доказалъ, что кто бы ни занимался содержаніемъ почтовыхъ станцій и кто бы ни расходовалъ эти миліоны, наблюденіе за исправностью почтовыхъ станцій должно всегда принадлежать почтовому управленію. Однимъ словомъ, я привелъ разнородные взгляды на этотъ предметъ къ такому заключенію, что почтовыя станціи съ суммами, на нихъ употребляемыми, могутъ быть переданы земскимъ учрежденіямъ, но что наблюденіе за исправностью станцій принадлежитъ почтовому вѣдомству Это заключеніе, въ формѣ постановленія комиссіи, и представлено. въ Государственный Совѣтъ. Какая дальнѣйшая участь постигла это дѣло—я не знаю.

Все то, что здѣсь разсказано такъ коротко и быстро, не такъ было на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ комиссія передала этотъ вопросъ въ одно изъ своихъ отдѣленій. Отдѣленіе, для разработки его, образовало особую подготовительную комиссію. Во всѣхъ этихъ инстанціяхъ я долженъ былъ бороться и ораторствовать. Но борьба эта не только не отдаляла меня отъ комиссіи, но болѣе и болѣе сближала съ нею. Когда дѣло установилось на опредѣленномъ основаніи и могло считаться конченнымъ, я въ одно и то же время имѣлъ удовольствіе получить двѣ пріятныя вещи: признательность своего начальства и приглашеніе комиссіи остаться постояннымъ ея членомъ. Не скрою, что это приглашеніе въ моихъ глазахъ представляло несравненно большую цѣну, нежели одобреніе моего добраго, но не капитальнаго министра. Отказываться отъ этого приглашенія, при отсутствіи всякихъ другихъ серьезныхъ занятій, я не имѣлъ никакого повода. Министръ финансовъ сочинилъ лестный для меня всеподданнѣйшій докладъ, государь утвердилъ этотъ докладъ, и я сдѣлался постояннымъ и, могу сказать, дѣятельнымъ членомъ блистательной комиссіи...

Ставъ на твердую ногу между этими прогрессистами и постоянно ратоборствуя съ ними въ разсмотрѣніи и обсужденіи многоразличныхъ вопросовъ, я вынесъ изъ этого періода моей дѣятельности слѣдующее убѣжденіе. Всѣ преобразованія, которыми занималась эта комиссія, или большая часть ихъ, вызывались скорѣе повѣтріемъ

преобразованій, въ то время существовавшимъ, нежели дѣйствительною потребностью, ибо, рѣшившись не оставлять камня на камнѣ въ прежнихъ законахъ относительно различныхъ податей и сборовъ, комиссія старалась непремѣнно сказать что-нибудь новое; вопросъ о томъ, дѣйствительно ли это новое лучше стараго, оставался подъ величайшимъ сомнѣніемъ; заказныя же изслѣдованія по этой части, дѣлаемыя съ предвзятою цѣлью, конечно, не могли имѣть существеннаго значенія и щеголяли преимущественно литературною отдѣлкою. Потомъ, для опытнаго и безпристрастнаго взгляда, не могло не быть яснымъ, что комиссія обладала несравненно больше стремленіями къ преобразованіямъ, заразившими въ то время нашу высшую администрацію и само общество, нежели дѣйствительными силами и способами къ истинно полезнымъ и дѣльнымъ преобразованіямъ. Когда приходилось дѣлать общіе взгляды на предметъ, тутъ являлись такія бойкія рѣчи, что неопытный человѣкъ долженъ непремѣнно погрузиться въ глубочайшее благоговѣніе. Можно было думать, что эти рѣчи принадлежатъ дѣйствительнымъ мудрецамъ. Какой-нибудь Безобразовъ или Бернардскій завьются, бывало, въ такую высоту, что всѣми овладѣетъ непріятное сомнѣніе, когда же они оттуда возвратятся? Они приведутъ древнія, среднія и новыя времена; вызовутъ изъ прошедшаго разныхъ царей, мудрецовъ и законодателей; облетятъ всѣ страны, укажутъ, гдѣ, какъ и что дѣлается и т. д.; но когда спустятся, какъ говорится, на почву сущности дѣла и станутъ предъ вопросомъ: какъ же слѣдуетъ поступить и что узаконить—тутъ эти мудрецы оказывались слабыми до смѣшного. Если они были сильны въ знаніи того, что, какъ и гдѣ дѣлалось, то съ другой стороны въ соображеніяхъ о томъ: что дѣлать на будущее время—они были лишены и малѣйшихъ признаковъ творчества. Предложенія ихъ въ этомъ собственно смыслѣ отличались часто замѣчательною наивностью. Каждая часть такого предложенія непремѣнно зацѣпляла то или другое колесо нашего законодательства или нашего административнаго порядка. Сопоставленіе этихъ предложеній съ нашими законами и съ нашими общими порядками большею частью убивало ихъ наповалъ. Отъ этого происходило, что, послѣ выслушанія какой-нибудь толстѣйшей тетради или какой-нибудь длиннѣйшей и высокопарной рѣчи, дѣло комкалось кое-какъ, лишь бы только не отступить назадъ, и постановленіе комиссіи выражалось въ двухъ-трехъ пунктахъ, большею частью въ видѣ главныхъ принциповъ, развитіе которыхъ отлагалось подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу слѣдующее обстоятельство: въ мое еще время было уже напечатано томовъ двадцать толстѣйшаго объема, подъ названіемъ: „Трудовъ податной

комиссіи". Теперь, когда пишу эти строки, число этихъ почтенныхъ томовъ, если не удвоилось, то, безъ сомнѣнія, значительно увеличилось. Что же представляютъ эти томы? Именно различныя историческія изслѣдованія, взгляды, матеріалы и т. п. Практическихъ же, капитальныхъ какихъ-нибудь результатовъ занятій и трудовъ комиссіи доселѣ не слышно и не видно, и думаю, что никогда и не будетъ очень видно или очень слышно. Вообще, труды эти отличаются какимъ-то студенческимъ характеромъ, пространнымъ говореніемъ, печатаніемъ этого говоренія и жиденькими заключеніями комиссіи. Дѣйствительной государственной пользы ожидать отъ нихъ нельзя. Солидные дѣловые люди, какъ, напр., Заблоцкій, Гротъ, Бутовскій и др., слишкомъ заняты прямыми своими дѣлами, чтобы принимать къ сердцу дѣла комиссіи и если они посѣщаютъ засѣданія комиссіи, то преимущественно затѣмъ, чтобы повидаться съ пріятелями, выпить чашку чая и, между прочимъ, разбить какое-нибудь велемудрое мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ или спеціальнѣйшихъ членовъ. Члены же этого ученаго и спеціальнаго разряда, какъ я убѣдился многолѣтними и разнообразными опытами, сами по себѣ ничего полезнаго и практическаго создать не могутъ...

Я такъ уже много и часто хвалилъ себя въ предыдущихъ частяхъ моихъ записокъ, что на этотъ разъ нахожу приличнымъ умолчать и о степени моего значенія въ податной комиссіи, и о моихъ успѣхахъ какъ въ письменномъ, такъ, еще болѣе, въ ораторскомъ искусствѣ, здѣсь проявленныхъ. Замѣчу только, что искренній и говорливый Владиміръ Безобразовъ, въ своихъ безконечныхъ рѣчахъ, ужъ не помню по какимъ поводамъ и случаямъ, не разъ отдавалъ публично дань справедливости „моимъ талантамъ" (буквальное его выраженіе) и что протеста противъ его заявленій по этой части не было. Когда, въ 1866 году, я неожиданно назначенъ былъ московскимъ почтъ-директоромъ и долженъ былъ переселиться изъ С.-Петербурга въ Москву, я счелъ умѣстнымъ заявить Гирсу письменно мое сожалѣніе, что вынужденъ лишиться участія въ занятіяхъ податной комиссіи.

Такимъ образомъ, составленіе моихъ многоболтливыхъ записокъ, газетная борьба съ противниками почтоваго вѣдомства и участіе въ занятіяхъ модной податной комиссіи наполняли, хотя далеко не совсѣмъ, мое довольно безцвѣтное существованіе за этотъ періодъ. Но выше всего этого стояло, разумѣется, самое неотступное вниманіе за разными новостями и преобразованіями, которыми такъ богато настоящее время. Глотая, такъ сказать, ежедневно нѣсколько лучшихъ нашихъ газетъ, я имѣлъ въ то же время широкую возможность наливаться и не газетными извѣстіями въ разныхъ клубахъ, въ почтовомъ мірѣ, и преимущественно въ самой этой податной комиссіи,

состоявшей изъ представителей всевозможныхъ вѣдомствъ, министерствъ, учрежденій и, такимъ образомъ, представлявшей складочное мѣсто разнородныхъ слуховъ и новостей. Безъ преувеличенія можно сказать, что этотъ періодъ едва-ли не былъ самымъ интереснымъ и замѣчательнымъ въ исторіи нашего государства, по крайней мѣрѣ въ исторіи его возрожденія. Съ одной стороны, освобожденіе крестьянъ, земскія учрежденія, какъ начала конституціоннаго порядка, новые суды, блистательныя ноты князя Горчакова и т. д., съ другой пожары, золотыя грамоты, нигилизмъ, Огрызко, Молодая Россія и, наконецъ, чудовищный выстрѣлъ въ царя 4-го апрѣля! Понятно, какое оживленіе проникло въ наше спавшее дотолѣ общество, особенно петербургское. Для каждаго, кто только не былъ, по природѣ своей, деревяннымъ обрубкомъ, явилась обильная пища для умственныхъ упражненій. Новости, слухи, толки, неожиданные факты прорѣзывали ежедневно Петербургъ изъ конца въ конецъ. Всѣ физіономіи, способныя къ оживленію, оживились или ожиданіемъ выслушать что-нибудь новое, или нетерпѣливымъ желаніемъ сообщить другимъ что-нибудь по этой части. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ стремленіяхъ, этихъ новостяхъ, взаимно сообщаемыхъ, этихъ безконечныхъ соображеніяхъ и умствованіяхъ народившихся у насъ вдругъ доморощенныхъ политиковъ и государственныхъ людей, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ, было много и наивнаго, и замѣчательнаго; но я хорошо чувствую, что если бы я рѣшился пуститься въ воспоминанія, сюда относящіяся, то мнѣ никогда бы не удалось выплыть изъ этого широкаго и бездоннаго моря.

Отношенія мои къ обществу въ этотъ періодъ, исключая различные клубы и собранія, не отличались широкимъ объемомъ и держались преимущественно на двухъ основныхъ точкахъ: домѣ Д. А. Милютина и домѣ Прянишникова.

Д. А. Милютинъ, помѣстившись въ блестящихъ палатахъ, какъ министръ, во внутреннемъ своемъ бытѣ не измѣнилъ ни своихъ простыхъ привычекъ, ни своихъ простыхъ обѣдовъ. Отъ этого происходило, что за его обѣдами почти никогда нельзя было видѣть какихъ-нибудь важныхъ особъ. Усердный посѣтитель этихъ обѣдовъ, я только разъ или два видѣлъ тамъ графа Муравьева-Амурскаго и единственно только его. За простою трапезою Милютина, не считая безчисленныхъ его дочерей всевозможныхъ возрастовъ, собиралась постоянно небольшая группа самыхъ близкихъ ему людей и, кажется, преимущественно старинныхъ его пріятелей по ученому міру: какъ, напр., Галаховъ, Кавелинъ и др. Группа эта, обыкновенно, переходила, послѣ обѣда, въ кабинетъ Милютина. Самъ онъ вооружался кусками сахару, обмакивалъ ихъ въ кофе и собственноручно клалъ, какъ птицамъ, въ

раскрытые ротики его милыхъ дѣвочекъ, поочередно къ нему подходившихъ. Николай Милютинъ бралъ предсѣдательство въ бесѣдѣ умныхъ и ученыхъ людей и, по правдѣ сказать, имѣлъ на то полнѣйшее право, ибо трудно представить себѣ другую личность, такъ блистательно совмѣщавшую въ себѣ бездну самыхъ разнородныхъ знаній, свѣтлый умъ, свободно проникающій въ глубину всевозможныхъ вопросовъ и, наконецъ, завидный талантъ мило и увлекательно говорить, пересыпая самыя серьезныя мысли постоянными остротами и шутками.

Домъ Прянишникова имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, даже противоположный нѣсколько Милютинскому въ томъ отношеніи, что у Милютина былъ обыкновенный обѣдъ и дивные люди, тогда какъ у Прянишникова собирались люди, хотя старые и почтенные, но весьма ординарные, зато обѣдъ былъ всегда прекрасный. Впрочемъ, Прянишниковъ давно былъ извѣстенъ всему Петербургу, какъ замѣчательный хлѣбосолъ. Въ то время, о которомъ говорю, Прянишниковъ, оставаясь членомъ Государственнаго Совѣта, утратилъ не только политическое свое положеніе, но и въ домашнемъ быту, подавляемый преклонными лѣтами и недугами, въ особенности, какъ говорили, размягченіемъ мозга, сталъ впадать въ какое-то дѣтство; но это нисколько не умаляло его гостепріимства и всей, довольно пышной, обстановки, въ которой оно десятки лѣтъ проявлялось. За столомъ Прянишникова всегда было многочисленное общество довольно разноцвѣтныхъ оттѣнковъ; но само собою разумѣется, что фонъ — былъ почтовый.

Обозрѣвая этотъ періодъ, я съ благоговѣніемъ долженъ сказать о личномъ вниманіи ко мнѣ государя, выражавшемся всюду и всегда, гдѣ только было можно. Приведу слѣдующій случай. Въ зимніе дни, въ извѣстный часъ, государь имѣетъ привычку гулять въ Лѣтнемъ саду. Многіе изъ петербургскихъ обывателей также являются туда въ этотъ часъ, разсчитывая или взглянуть на государя поближе, или обратить на себя вниманіе его величества. Мнѣ, конечно, не было надобности ни въ томъ, ни въ другомъ, и я вообще терпѣть не могъ посѣщать Лѣтній садъ зимой. Случилось, однако, обстоятельство, совершенно противоположное этимъ воззрѣніямъ. Въ одно прекрасное зимнее утро я отправился, часа въ два, въ обычную прогулку по городу, въ экипажѣ, на Пахомовскихъ рысакахъ. День, сколько припомню, былъ праздничный. Со мною была дочь, дѣвочка лѣтъ 12, и маленькій сынъ, лѣтъ 7. Когда, облетѣвъ главныя улицы города, мы проѣзжали мимо Лѣтняго сада, дѣти атаковали меня просьбами зайти въ садъ. Не имѣя никакихъ причинъ противиться ихъ желанію, я приказалъ кучеру повернуть къ воротамъ сада и, когда сани оста-

новились, я занялся выниманіемъ оттуда моихъ дѣтей. Едва окончилъ я эту операцію, какъ, взглянувъ въ сторону, по направленію къ Зимнему дворцу, замѣтилъ съ какимъ то тревожнымъ и малопріятнымъ чувствомъ, что государь, своею бодрою и великолѣпною походкою, быстро приближается тоже къ Лѣтнему саду и не можетъ не видѣть моихъ отеческихъ хлопотъ. Увидѣвъ государя, я спѣшилъ съ дѣтьми юркнуть въ садъ. Къ несчастью, я не зналъ обычнаго направленія, какое принималъ государь при входѣ въ садъ: направо или налѣво. Почему-то мнѣ казалось, что государь непремѣнно долженъ повернуть отъ воротъ направо, и въ этомъ сознаніи я повернулъ налѣво, подгоняя всевозможно своихъ закутанныхъ по зимнему дѣтей. Я разсчитывалъ, какъ только государь войдетъ въ садъ и повернетъ направо — тотчасъ вернуться къ воротамъ и чтобы не встрѣчаться съ государемъ—скорѣе удрать изъ сада. Разсчеты эти не оправдались. Спѣша, насколько было можно, по принятому мною влѣво направленію, я опять-таки съ чувствомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего пріятнаго, замѣтилъ, что и государь, вопреки моимъ ожиданіямъ, принялъ то же направленіе. Слышно было, что государь шелъ бодро и скоро; впереди его летѣла и играла его любимая собака, которая уже опережала насъ и заигрывала съ маленькимъ моимъ сыномъ. Этотъ карапузикъ былъ, впрочемъ, главною причиною моихъ затрудненій. Окутанный материнскою любовью и заботливостью съ ногъ до головы, въ теплыхъ тяжелыхъ сапогахъ, въ теплыхъ штанахъ, въ теплой шубѣ и такой же шапкѣ, онъ представлялъ своей фигурой какой-то неуклюжій шаръ и, несмотря на всѣ мои понуканія, краснѣлъ только, кряхтѣлъ и пыхтѣлъ, но подвигался весьма туго. Не безъ основанія можно предположить, что государь, идя за нами, не могъ не замѣтить нашихъ тщетныхъ усилій уйти отъ него. Усилія эти я, впрочемъ, скоро бросилъ, сознавая ихъ безплодность. Я остановился и остановилъ дѣтей; всѣ мы вытянулись въ линію, почтительно ожидая приближенія государя. Я снялъ шляпу; снять съ мальчика его шапку не было ни времени, ни возможности: до такой степени она была припутана къ его умной головѣ всевозможными шнурками и тесемками. Взглянувъ на приближающагося государя, я увидѣлъ на прекрасномъ лицѣ его ту, составленную изъ милости и доброты, улыбку, которая, кажется, ему одному и принадлежитъ. Государь прямо подошелъ къ намъ и ласково спросилъ меня: „Это твои дѣти?“ Потомъ весьма милостиво сталъ разспрашивать, сколько имъ лѣтъ, гдѣ воспитывается дѣвочка, какъ ихъ зовутъ, гдѣ родились и т. д. Когда я сказалъ, что мальчишка родился на Кавказѣ, и зовутъ его Александромъ, государь ласково и пристально посмотрѣлъ на него. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, которыя госу-

дарь удостоилъ насъ милостиваго разговора, въ отдаленіи, образовались, по обычаю, группы любопытныхъ, и мнѣ дѣйствительно было пріятно потомъ пройти мимо ихъ, исполненному отрадныхъ и благодарныхъ чувствъ къ этому ангелу государю. Что же касается до дѣтей, то частью полушутливо, частью полусерьезно, они и теперь высказываютъ подчасъ горделивое сознаніе, что государь знаетъ ихъ лично и говорилъ съ ними...

Сюда же должно отнести и слѣдующее обстоятельство. Когда Иванъ Матвѣевичъ Толстой предпринялъ потомъ ходатайство о зачисленіи моего сына, именно Александра, въ пажи, ходатайство это, по установленному порядку, перешло къ военному министру. Я нисколько не сомнѣвался въ согласіи государя, но для меня интересно было знать, что скажетъ государь при этомъ случаѣ. По словамъ Милютина, который докладывалъ это дѣло, государь сказалъ: „Очень радъ! Съ удовольствіемъ“. Такимъ образомъ, нѣкогда неуклюжая мѣховая масса пребразовалась въ красиваго и изящнаго пажа!

Еще большимъ доказательствомъ вниманія ко мнѣ государя можетъ служить дарованіе мнѣ исключительнаго и оригинальнаго права „входа за кавалергардовъ“. Въ то время, когда при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ люди моего чина и значенія толпились въ отдаленныхъ залахъ дворца, я шелъ смѣло впредъ, въ среду министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарей и т. п. и самоувѣренно встрѣчалъ недоумѣвающіе взоры сильныхъ міра сего, какъ бы вопрошающихъ: „Куда это ты, любезный, забрался?“

Выше я упомянулъ о выстрѣлѣ 4-го апрѣля. Не моему, конечно, перу изображать тѣ раскаты, которые раздались отъ этого выстрѣла по всѣмъ концамъ русскаго царства. Событіе это, по своей великости, и нейдетъ вовсе въ мои болтливыя и незатѣйливыя записки. Если я и дерзаю упоминать о немъ, то единственно по соотношенію къ тѣмъ лицамъ и обстоятельствамъ, которыя выведены уже въ моихъ разсказахъ. Я хочу сказать, что въ числѣ различныхъ и разнообразныхъ овацій, заявленій, адресовъ, которые сыпались на любимаго государя со всѣхъ сторонъ, событіе это вызвало и пріѣздъ князя Барятинскаго въ Петербургъ....

Это было четвертое появленіе князя въ Петербургѣ, совершившееся на моихъ глазахъ, со времени возведенія его въ фельдмаршалы. На этотъ разъ князь пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой. Упоминая объ этомъ пріѣздѣ единственно для полноты моихъ записокъ, я не имѣю ни сердечнаго желанія, ни достаточныхъ матеріаловъ говорить много о немъ. Если предыдущіе пріѣзды князя, какъ изложено мною

выше, представляли нѣкоторымъ образомъ особаго рода лѣстницу, по которой князь, относительно своего значенія и своей славы, спускался все ниже и ниже, то этотъ послѣдній пріѣздъ едва-ли не слѣдуетъ назвать послѣднею ступенью этой лѣстницы. Такое заключеніе подтверждается короче и яснѣе всего тѣмъ, что на этотъ разъ князя не пустили даже во дворецъ на житье, какъ было во всѣ предыдущіе пріѣзды. Обстоятельство это для людей, чуждыхъ, какъ и я, высшей придворной сферы, не представляетъ, повидимому, особаго значенія, особенно при тѣхъ любезностяхъ, которыя, именно, со стороны двора оказывались князю и на этотъ разъ; но что обстоятельство было значительно въ опытныхъ глазахъ и мучительно для гордаго князя, доказывается тѣмъ, что еще за границей, до пріѣзда въ Петербургъ, оно было уже предметомъ его тревогъ и непріятныхъ соображеній. Мнѣ положительно извѣстно, что именно за границей гдѣ-то князь Барятинскій спрашивалъ графа Александра Адлерберга: „Если пріѣду въ Петербургъ, пустятъ ли меня во дворецъ жить“, и что графъ Адлербергъ положительно отвѣчалъ: „Не пустятъ!“

Въ назначенный день и часъ весьма небольшая группа кавказцевъ, самыхъ преданныхъ князю людей, собралась на станцію Варшавской желѣзной дороги встрѣтить князя. Когда ожидаемый поѣздъ поравнялся съ платформой, гдѣ мы стояли, изъ вагона, занимаемаго княземъ, прежде всего, появилась маленькая супруга его, въ сопровожденіи князя Анатолія. Потомъ вышелъ самъ князь въ обычномъ своемъ гусарскомъ мундирѣ или полумундирѣ, опираясь, тоже по обычаю, на палку. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ обратиться къ намъ, ожидающимъ, предъ нимъ очутился, какъ изъ земли выросъ, дежурный въ этотъ день при государѣ флигель-адъютантъ и форменно, какъ-то довольно торжественно, доложилъ князю, что его величество будетъ ожидать князя въ 9 ч. вечера. Затѣмъ, проходя мимо насъ и привѣтствуя старыхъ своихъ сослуживцевъ, князь, какъ и всегда, мило и въ то же время величественно бросалъ нѣкоторымъ любезныя слова. Когда князь увидалъ насъ съ Харитоновымъ, по обычаю всегда неразлучныхъ, князь ласково намъ улыбнулся. Въ этой улыбкѣ было столько же привѣта, сколько и насмѣшки. Нѣтъ сомнѣнія, что мы напоминали ему Добчинскаго и Бобчинскаго. И, дѣйствительно, Харитоновъ, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, былъ забавный оригиналъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ считалъ какою-то обязанностью торчать подлѣ меня, равно какъ признавалъ и меня обязаннымъ состоять при немъ, такъ что, сознавая всю комичность этой неразлучности, я никакъ не могъ отъ него отдѣлаться и отдѣлиться. Если я подвинусь въ ту или другую сторону, Харитоновъ тоже непремѣнно двигается за мной; случится, бывало, улиз-

нешь отъ него въ какую-нибудь другую группу, Харитоновъ, встревоженный, начинаетъ протирать свои очки, обозрѣвать вокругъ лежащія пространства и разыскивать меня въ разнородныхъ толпахъ. Отыскавъ, онъ немедленно присоединялся ко мнѣ и сурово замѣчалъ мнѣ, зачѣмъ я ухожу. Добрый, но смѣшной господинъ! Этого мало. Это непостижимое стремленіе къ нашему уравненію онъ переносилъ и далѣе. Напр., мнѣ дадутъ какую-нибудь награду; онъ шелъ на проломъ и просто требовалъ и ему награды. И замѣчательно, что потомъ онъ самъ же мнѣ это разсказывалъ, въ глубокомъ сознаніи, что онъ былъ въ своемъ правѣ: онъ не могъ допустить возможности, чтобы въ то время, когда я получилъ что-нибудь, онъ могъ не получить тоже чего-нибудь!

Въ группѣ ожидающихъ князя былъ, между прочимъ, генералъ Кауфманъ, Михаилъ, тогда начальникъ инженернаго училища, а теперь генералъ-интендантъ, очень милый и добрый человѣкъ, братъ того Кауфмана, Константина, то же милаго и добраго человѣка, который былъ, именно, въ это время виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Когда князь поравнялся съ Михаиломъ Кауфманомъ, то, остановясь, на нѣсколько минутъ, сказалъ ему: „напишите вашему брату, что я извиняюсь предъ нимъ. Я не могъ принять его. Княгиня спала". „Обстоятельства сего дѣла", какъ говорятъ чиновники, были слѣдующія: извѣстный Давыдовъ, прежній мужъ жены князя, послѣ потери жены и извѣстной дуэли, поселился, было, въ Парижѣ, но потомъ перешелъ въ Вильну, въ число лицъ, состоящихъ при генералъ-губернаторѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ Кауфманъ говорилъ мнѣ, что Давыдовъ приставленъ имъ къ театрамъ. Это передвиженіе не могло оставаться неизвѣстнымъ князю, точно такъ же, какъ ему лучше, чѣмъ кому-либо, было извѣстно, что отъ Давыдова всего можно было ожидать. Можно было ожидать, что, чего добраго, Давыдовъ, въ свитѣ генералъ-губернатора, явится встрѣчать князя на Виленской станціи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ соображеній, приближаясь къ Вильнѣ, князь съ дороги далъ знать по телеграфу Кауфману, что онъ не желаетъ никакой оффиціальной встрѣчи. Несмотря на это предъувѣдомленіе, Кауфманъ все-таки явился на станцію, но не былъ принятъ княземъ. Этимъ и объясняются слова, сказанныя княземъ брату Кауфмана, хотя большинство изъ насъ плохо поняло, какимъ образомъ фельдмаршалъ не могъ принять мѣстнаго генералъ-губернатора, потому именно, что „княгиня спала!"

У подъѣзда станціи находилось великое множество экипажей. Впереди всѣхъ стояли придворные экипажи, назначенные для князя и его свиты. Все это тронулось и образовало весьма торжественный поѣздъ, который не могъ не останавливать вниманія народа. Поѣздъ

этотъ отправился на Англійскую набережную, въ домъ Чертковой, заранѣе нанятый отъ двора для князя и снабженный отъ придворнаго вѣдомства всѣми хозяйственными принадлежностями. Я зналъ уже по опыту, что первое время подобныхъ пріѣздовъ князю не до насъ съ Харитоновымъ, и потому преспокойно отправился домой. Но на другой день я, вмѣстѣ съ другими, торчалъ уже въ пріемной князя, который, встрѣчая и провожая „сильныхъ міра сего“ и потому постоянно проходя мимо насъ, привѣтливо улыбался намъ и пріязненно кивалъ намъ головой; тѣмъ дѣло и оканчивалось; на другой и на третій день было то же. Я почувствовалъ величайшее неудобство безъ цѣли, безъ пользы, стоять или сидѣть въ пріемной князя и какъ бы заявлять публично непоколебимость моихъ интимныхъ отношеній къ нему и, подобно пріему, нѣкогда употребленному, рѣшился скрыться, въ томъ убѣжденіи, что если князь дѣйствительно возжелаетъ меня видѣть, то можетъ во всякое время меня вытребовать, тѣмъ болѣе, что я и жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ знаменитомъ и прекрасномъ домѣ барона Фитингофа. Такъ прошло нѣсколько дней. Князь меня не требовалъ; но единственный въ то время адъютантъ его Кузнецовъ, заѣхавъ ко мнѣ, поставилъ меня въ извѣстность, что князь удивляется, что не видитъ меня. Это извѣстіе побудило меня вновь явиться въ его пріемную. Случилось такъ, что, выйдя изъ своего кабинета и не замѣчая меня, князь сталъ обходить другихъ, жаждавшихъ лицезрѣть его сіятельство. Когда, въ очередномъ порядкѣ, дѣло дошло до меня, князь съ непритворнымъ чувствомъ удовольствія вскричалъ: „А! Васъ-то мнѣ и нужно! Гдѣ вы пропадаете? Что вы—злитесь что ли на меня? и т. д.“. При этихъ словахъ въ лицѣ его выражалась величайшая пріязнь ко мнѣ, та симпатія, которую нельзя передать никакими словами и которая возбуждала въ душѣ моей безграничную къ нему преданность. Безъ преувеличенія можно сказать, что если князь любилъ кого-нибудь, если онъ способенъ былъ любить кого-нибудь, то едва-ли предметомъ этой любви не былъ я, такъ восторженно благоговѣвшій предъ этимъ дивнымъ человѣкомъ.

Послѣ столь любезной атаки, я счелъ уже чѣмъ-то въ родѣ долга постоянно и ежедневно являться къ князю и по обычаю исполнялъ этотъ долгъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Но изъ этого усердія не вышло ровно ничего. Являясь въ его пріемную часовъ въ 12, я узнавалъ, кто сидитъ у князя, потому что во всякое время у него непремѣнно сидѣлъ кто-нибудь; никогда не приказывалъ, какъ близкій человѣкъ, докладывать о себѣ; отправлялся съ адъютантомъ завтракать, болталъ съ княгинею, а потомъ устраивался въ пріемной и занимался или чтеніемъ газетъ или бесѣдою съ господами, подобно мнѣ вѣчно наполнявшими пріемную. Князь часто выходилъ изъ ка-

бинета, обращался къ лицамъ, желавшимъ ему представиться, ласково взглядывалъ на меня, повидимому, находилъ правильнымъ и естественнымъ, что я тутъ, и потомъ уходилъ въ кабинетъ съ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей высшаго сорта. Такъ было въ городѣ, такъ было потомъ въ Царскомъ Селѣ, въ Кочубеевскомъ дворцѣ, предоставленномъ тогда въ распоряженіе князя и потомъ ознаменовавшемся страшнымъ убійствомъ Чивилева. Я постоянно ожидалъ, что князь, управившись, наконецъ, съ наплывомъ петербургской знати, опрокинувшейся на него, потребуетъ меня, наконецъ, къ себѣ, для тѣхъ интимныхъ бесѣдъ, которыми онъ прежде такъ любилъ заниматься... Ожиданіе это положительно не оправдалось...

Почему? Вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса! Пріязнь его ко мнѣ я читалъ ясно на прекрасномъ его лицѣ и видѣлъ, что сила ея нисколько не уменьшилась. Кромѣ того, адъютантъ князя, Кузнецовъ, утверждалъ, что въ тѣ дни, когда меня не было у князя, онъ постоянно замѣчалъ мое отсутствіе и передавалъ эти замѣчанія ему, Кузнецову. Наконецъ, милыя слова и вопросы, которыми онъ встрѣтилъ меня послѣ моего исчезновенія, свидѣтельствуютъ, что отношенія его ко мнѣ не измѣнились. Слѣдовательно, не тутъ должно искать причины, что, ежедневно бывая у князя, я не удостоился его интимныхъ бесѣдъ, которыми онъ самъ меня избаловалъ. Быть можетъ, ожидаемый различными посѣтителями, онъ не имѣлъ времени для нашихъ бесѣдъ? Эта причина еще менѣе состоятельна. Дѣйствительно, часть этихъ посѣтителей была такого сорта, что князь обязанъ былъ относитьси къ ней внимательно; но большинство ихъ представляло массу среднихъ личностей, съ которою князю вовсе не было надобности церемониться. Да и какъ, вообще, не найти въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль часа, двухъ, трехъ часовъ, чтобъ поговорить съ близкимъ человѣкомъ, еслибъ князь этого хотѣлъ. Очевидно, что онъ этого не хотѣлъ! Почему же не хотѣлъ? Сознаю, что мое сравненіе будетъ дико и грубо; но я нахожу, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣлу. Онъ не хотѣлъ потому, почему женщина не хочетъ показываться человѣку, который ее обожаетъ, въ простомъ нарядѣ...

Дѣло въ томъ, что наши интимныя бесѣды имѣли всегда тотъ общій характеръ, что развивали, разъясняли, опредѣляли то величіе, на которомъ стоитъ князь. Гордый, славолюбивый, честолюбивый князь очень любилъ погружаться въ этотъ предметъ. Мое сочувствіе къ князю, мое благоговѣніе предъ нимъ дѣлали изъ меня весьма хорошаго и пріятнаго сотрудника по этой части. Сила, слава, почетъ которые окружали князя, плѣняли насъ обоихъ, и мы усердно разглядывали всѣ малѣйшіе закоулки въ этой веселой области. Область

эта ушла отъ насъ, и за нами остались только какіе-то бѣдные осколки прежняго величія, какія-то бѣдныя воспоминанія о немъ и рѣшительно ничего прочнаго, ничего существеннаго по этой части у насъ уже не было. Князь не только самъ видѣлъ и сознавалъ все это, но зналъ, что я тоже вижу и сознаю. О чемъ же мы стали бы бесѣдовать въ этомъ незавидномъ положеніи? О томъ, какъ было хорошо прежде и какъ скверно теперь? Не такой человѣкъ князь Александръ Ивановичъ! И мнѣ, и другимъ онъ хотѣлъ показать, что затменіе его славы и силы только временное и что все это возгорится скоро въ новыхъ и болѣе блестящихъ лучахъ.

И, дѣйствительно, вслѣдъ за пріѣздомъ князя, въ Петербургѣ стали носиться самые разнородные слухи насчетъ назначенія, которое ему предстоитъ. Можно было, по разнороднымъ признакамъ, заключить, что самъ князь исполненъ былъ нѣкоторыхъ ожиданій по этой части. Такъ, напр., онъ спросилъ меня однажды: „Что вы теперь дѣлаете?“ Я отвѣчалъ: „Рѣшительно ничего не дѣлаю!“ Князь съ какимъ-то испугомъ вскричалъ: „Ахъ, Боже мой! да вы этакъ облѣнитесь!“ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумался, какъ-будто отъ тревожнаго сознанія, что инструментъ, который былъ такъ полезенъ ему въ прошедшемъ и такъ необходимъ въ будущемъ, можетъ испортиться. Проводя каждое утро въ Царскомъ Селѣ, въ помѣщеніи князя, мы съ Харитоновымъ видѣли, что или государь пріѣзжалъ къ князю, или князь ѣхалъ къ государю. Эти взаимныя посѣщенія были едва-ли не ежедневны, и намъ казалось, что царь и князь затѣмъ только и разъѣзжаютъ другъ къ другу, чтобъ лучше устроить будущее положеніе князя. Увы! И эти ожиданія тоже не оправдались. Князь не получилъ никакого назначенія; но все-таки не хотѣлъ оставить этотъ фактъ предъ нашими глазами во всей его непріятной наготѣ. Принявъ насъ съ Харитоновымъ въ день своего отъѣзда, князь усадилъ насъ, выразилъ намъ глубокое сожалѣніе, что не могъ удѣлить намъ столько времени, сколько бы ему хотѣлось. „Вы сами видите,—сказалъ онъ,—какая это каторжная петербургская жизнь! Минуты нѣтъ свободной. Но я знаю, что вы не будете сѣтовать на меня, и надѣюсь, что, когда я сдѣлаю вамъ предложеніе, вы не откажете мнѣ служить опять вмѣстѣ со мною...“

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на насъ послѣдними словами князя. Прежде всего, они поселили въ насъ полнѣйшую увѣренность, что князь, дѣйствительно, получаетъ какое-то назначеніе, что всѣ переговоры и соглашенія его съ государемъ по этой части кончены и что объявленіе объ этомъ назначеніи, задерживаемое, вѣроятно, какими-нибудь особыми причинами, во всякомъ случаѣ, должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени. Харитоновъ

самодовольно плавалъ въ морѣ разныхъ обольстительныхъ по этой части соображеній и предположеній, на которыя онъ вообще былъ большой мастеръ. Мы трудились только надъ тѣмъ, чтобъ отгадать, какое, именно, назначеніе получаетъ князь, а что онъ непремѣнно получаетъ назначеніе, въ томъ не оставалось уже для насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, послѣ приведенныхъ словъ князя. Иначе, для чего онъ сталъ бы говорить намъ о совмѣстной съ нимъ службѣ, если бы не зналъ и не видѣлъ уже поприща, на которое онъ насъ призывалъ. Всю дорогу изъ Царскаго Села въ Петербургъ мы только и толковали объ ожидающихъ насъ судьбахъ. Замѣчательное дѣло! Женщина оказалась опять гораздо прозорливѣе такихъ мудрецовъ какъ мы съ Харитоновымъ. Когда я возвратился домой, разумѣется, я поспѣшилъ сообщить слова князя, наши предположенія и наши ожиданія женѣ моей. Къ непріятному удивленію моему она не только не признала правильными нашихъ увлеченій, но старалась доказать, что слова князя, на которыхъ они построены, служатъ, напротивъ, доказательствомъ, что князь не получилъ и не получитъ никакого назначенія. Какъ ни дикимъ казалось мнѣ такое толкованіе, время разъяснило, что правда была на ея сторонѣ. Князь и доселѣ, когда пишу эти строки, дѣйствительно, не получилъ никакого назначенія!

Что сказать о княгинѣ, женѣ князя? Видно было, что князь употреблялъ всевозможныя усилія выдвинуть ее впередъ и поставить ее на твердую ногу въ той высшей сферѣ, въ которой она очутилась. Нѣтъ сомнѣнія, что въ частномъ, домашнемъ, такъ сказать, быту, она не могла не производить выгоднаго впечатлѣнія своею добротою и симпатичностью; но тамъ, гдѣ требовалась красота, блистательная внѣшность, она положительно теряла. Въ этотъ періодъ было много празднествъ при дворѣ, и я живо помню утренній выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ впервые должны были показаться князь и княгиня. Князь, какимъ-то старикомъ, опираясь на палку, проковылялъ въ общемъ шествіи, рядомъ съ Бергомъ, какъ бы провидя уже въ немъ будущаго второго фельдмаршала. Эффекта не произошло никакого. Княгиня, напротивъ, довольно эффектно введена была въ залу гофмаршаломъ Мусинымъ-Пушкинымъ и поставлена на мѣсто, въ ряду другихъ дамъ. Но весь эффектъ тутъ и кончился. Костюмъ ея былъ богатъ и изященъ и пахнулъ изящнымъ Парижемъ; но маленькая, смуглая, желтоватая—она совершенно стушевалась среди петербургскихъ дебѣлыхъ и бѣлогрудыхъ матронъ. Когда торжественное шествіе двора миновало залу, эти дебѣлыя барыни сгруппировались около маленькой и невзрачной Лизы и довольно нахально, въ лорнетку, разсматривали, какъ вещь, ея непредставительную фигуру.

Безошибочно можно было заключить, что это величавое положеніе, куда князь ее вознесъ, было стѣснительно для нея въ высшей степени. Самыя покровительницы ея, жена князя Владиміра и жена князя Анатолія, женщины видныя, красивыя, прошедшія, какъ говорится, огонь и воду, и мѣдныя трубы въ придворномъ мірѣ, скорѣе вредили ей, чѣмъ приносили пользу своимъ покровительствомъ, ибо бѣдность и смущенность ея фигуры рельефнѣе выставлялись при сравненіи съ этими блестящими и самоувѣренными женщинами. Вообще, мнѣ кажется, объ этихъ минутахъ она едва-ли можетъ вспомнить съ удовольствіемъ, и я не думаю, чтобъ она желала повторенія ихъ.

Послѣ этого выхода самъ князь уже больше не показывался на придворныхъ празднествахъ подъ предлогомъ болѣзни, которая, дѣйствительно, давала ему прекрасный предлогъ уклоняться отъ появленія тамъ, гдѣ ему было непріятно, и вообще составляла важный инструментъ въ его политическихъ комбинаціяхъ. А что ему не могло быть особенно пріятно присутствовать на этихъ празднествахъ, лишенному прежняго блеска и не привлекающему уже общаго сосредоточеннаго вниманія, въ томъ не предстояло, по крайней мѣрѣ, для меня, ни малѣйшаго сомнѣнія. Князь, по натурѣ своей, былъ человѣкъ, рѣшительно неспособный выносить второстепенныхъ ролей. Жену свою онъ продолжалъ высылать на эти празднества, и по моему мнѣнію совершенно напрасно. Я видѣлъ ее на блестящемъ придворномъ балу, въ прекрасномъ зеленомъ какомъ-то платьѣ парижскаго издѣлія, но по-прежнему непредставительною и по-прежнему подъ прикрытіемъ двухъ другихъ Барятинскихъ, которыя съ какимъ-то азартомъ исполняли эту покровительственную миссію, безъ сомнѣнія, находя обильное вознагражденіе своихъ трудовъ въ томъ уже, что бѣдная фигура Лизы эффектнѣе выставляла ихъ собственныя великолѣпныя фигуры.

Говоря объ этихъ празднествахъ, не могу не сказать, что самою эффектною, если не блестящею, личностью на нихъ былъ—избранникъ Провидѣнія—Коммисаровъ-Костромской. Вначалѣ можно было думать, что, спасши жизнь нашего государя, онъ самъ неминуемо погибнетъ въ морѣ обѣдовъ, вечеровъ, спектаклей и другихъ безчисленныхъ затѣй, по которымъ его таскали съ утра до вечера. Я самъ присутствовалъ на многихъ изъ этихъ обѣдовъ и своими глазами видѣлъ, какъ бѣдный, на видъ чахоточный, молодой парень изъ мужиковъ, въ синемъ чепанѣ съ прямыми бѣлокурыми волосами, подстриженными въ скобку, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ и усталый, обливаясь безпрерывно потомъ, болѣзненно и какъ-то безсмысленно выслушивалъ безконечные спичи и стихотворенія, произносившіеся въ его пользу. Случалось, что онъ не досиживалъ до конца и спа-

сался бѣгствомъ. Случалось, что онъ самъ заявлялъ, что ему дурно, какъ, напр., въ театрѣ, гдѣ однажды вздумали вызывать его безконечное число разъ. Общее мнѣніе тогда утверждало, что въ немъ сидитъ чахотка и что вообще онъ недолговѣченъ. Какіе успѣхи дѣлаетъ чахотка—неизвѣстно, но успѣхи его внѣшняго преобразованія были истинно поразительны. Крестьянскій парень, въ долгополомъ синемъ кафтанѣ, съ волосами въ кружокъ, быстро исчезъ. На этихъ придворныхъ празднествахъ Коммисаровъ расхаживалъ по царскимъ заламъ въ бѣлыхъ штанахъ, въ мундирѣ, со шляпою подмышкой и уже съ какимъ-то нѣмецкимъ орденомъ на груди. Подобно Лизѣ, состоя подъ прикрытіемъ Тотлебена и еще какого-то офицера, Коммисаровъ имѣлъ и видъ приличный и держалъ себя весьма прилично. Само собою разумѣется, что онъ привлекалъ къ себѣ всѣ взоры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Александра Ивановича Тургенева къ императору Николаю.

Всемилостивѣйшій Государь!

Первое движеніе души—благодарность къ вашему императорскому величеству за позволеніе хотя письменно изъяснить вамъ, всемилостивѣйшій государь, все, что въ смущеніи духа могъ бы сказать вамъ сбивчиво и неясно, но, можетъ быть, понятно для сердца, которое въ самой винѣ отыскиваетъ и самый слабый поводъ къ оправданію—возможность къ помилованію. Примите сіи строки, какъ вопль сердца, измученнаго жестокою моральною казнію, постигшею и невинныхъ, и обвиняемаго. Мы—три страдальца за одного заблудшаго. Государь! Онъ не ослушникъ, онъ жертва болѣзни тяжкой и стеченія нещастныхъ обстоятельствъ.—Если князь Горчаковъ [1]) не нашелъ его дома, когда въ первый разъ пришелъ къ нему, то сего нельзя относить къ мнимому выздоровленію. Часто онъ и часть ночи проводитъ въ движеніи, ибо сидѣть и лежать не можетъ. Одна наружность его убѣдитъ всякаго въ его страданіи. Если же онъ не прислалъ свидѣтельства о болѣзни, то въ смущеніи духа могъ ли о семъ думать? Впрочемъ, и самый отпускъ его за границу былъ слѣдствіемъ болѣзни. Но я не дерзаю его оправдывать передъ монархомъ; я могу только сердцу вашему объяснить ошибку нещастнаго. Онъ не зналъ васъ, государь, не зналъ, съ какою милостію и правосудіемъ доставите вы обвиняемымъ всякую возможность къ оправданію; съ какимъ стараніемъ производимый надъ ними судъ будетъ облеченъ во всѣ спасительныя формы. Онъ думалъ, можетъ-быть, что его ожидаетъ здѣсь слѣдствіе, облеченное непроницаемою тайною, и продолжительное заключеніе до приговора. Онъ слышалъ отъ князя Горчакова, что за одну неявку къ суду его объявятъ государственнымъ преступникомъ и измѣнникомъ, и заключилъ, что участь его уже рѣшена преждевременно. Такъ разсуждалъ онъ, ибо иначе явился бы сюда и полумертвый! Такъ долженъ онъ былъ разсуждать, читая письма

[1]) Александръ Михайловичъ, тогда секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ.

мои, въ коихъ, повѣривъ городскимъ слухамъ, я увѣдомлялъ его, что все производство дѣла начнется и кончится въ двѣнадцать дней, и что ему должно спѣшить присылкою сюда своего оправданія. Письма нещастныя, если они остановили пріѣздъ моего брата и за неявку подвергли его суду наравнѣ съ цареубійцами.

Еще разъ повторяю вашему величеству: не смѣю предъ вами оправдывать брата, но смѣю, омывая слезами руки ваши, испрашивать помилованія заблужденію ума его, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовать о чистотѣ его сердца. Нѣтъ, онъ не былъ, не могъ быть злодѣемъ! Пусть нѣкоторые изъ виновныхъ называютъ его своимъ сообщникомъ: правосудіе и прозорливость ваша увидитъ до какой степени можно довѣрять ихъ обвиненіямъ, одно другому противорѣчащимъ, сбивчивымъ и даже ими самими измѣняемымъ. Изъ нихъ же Комаровъ и Семеновъ должны были признаться, что братъ мой *показывалъ себя весьма умѣреннымъ* и не изъявлялъ *злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.*—Злодѣйственныхъ намѣреній! Ахъ! если бы онъ былъ здѣсь въ тотъ день, когда недостойные сыны Россіи дерзнули поднять противъ васъ, въ столицѣ вашей, знамя бунта, онъ пролилъ бы кровь свою за священную особу вашу и за цѣлость августѣйшаго вашего дома!

Еще въ началѣ 1823 года братъ мой, чувствуя уже себя больнымъ и, можетъ быть, желая разорвать связи, кои тягчили душу его, просилъ государя императора объ опредѣленіи консуломъ въ Англію, но государь велѣлъ сказать ему, что онъ ему нуженъ по дѣламъ Государственнаго Совѣта. Въ самомъ началѣ 1824 года, когда доктора объявили ему, что только одинъ Карлсбадъ можетъ спасти жизнь его, онъ отпущенъ до излѣченія, и при семъ случаѣ графъ Аракчеевъ, именемъ государя императора, объявилъ ему, что его величество совѣтуетъ ему, какъ христіанину, оставить всѣ либеральности. Братъ далъ слово исполнить совѣтъ, какъ высочайшее повелѣніе, и сдержалъ свое слово свято, прервалъ всѣ связи и, уѣхавъ въ началѣ апрѣля 1824 года, ни словесныхъ, ни письменныхъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣлъ и почиталъ себя не принадлежащимъ ни къ какому обществу. Смѣю полагать, что и покойный государь, столь великодушно простившій ему прежнія неосторожности, былъ увѣренъ въ сей перемѣнѣ; ибо черезъ годъ велѣлъ министру финансовъ предложить ему новое мѣсто и предъ самымъ отъѣздомъ въ Таганрогъ еще думалъ скоро употребить его на дѣло государственное. Да будетъ сіе прощеніе, если не словами, то самымъ дѣломъ изъявленное, спасеніемъ брату; да покроетъ оно вину его забытою ангельскою добротою государя, добротою, оправданною свято сохраненнымъ обѣтомъ, никогда не нарушеннымъ.

Еще одно сомнѣніе тревожитъ душу мою:—ваше величество чрезъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа дали мнѣ знать, что въ письмѣ своемъ ко мнѣ братъ жалѣетъ, что я въ Россіи. Таковое чувство чуждо душѣ его, пламенно любящей отечество. Можетъ быть, онъ не ясно выразилъ мысль свою, но онъ хотѣлъ сказать только то, что насъ болѣе нежели самого себя оплакиваетъ. Братское сердце его, и въ ужасномъ его положеніи, старалось во всякомъ письмѣ насъ успокаивать. Для того не говоритъ онъ ни слова ни о болѣзни своей, ни о страданіяхъ: одного только предчувствіе о другомъ братѣ онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ насъ...

Отъѣзжая нынѣ, съ дозволенія вашего величества, къ другому брату, больному и, подобно мнѣ, убитому горестью, я не имѣю другой надежды, кромѣ надежды на милосердіе ваше. Вы, государь, отличили уже неосторожныхъ отъ злодѣевъ: да не будетъ причтенъ къ послѣднимъ и заблуждавшійся. Да смягчится строгость суда благостію вашего сердца! Да совершится вами надъ нещастнымъ обвиняемымъ дѣло милости и спасенія, начатое незабвеннымъ Александромъ.

Вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій подданный Александръ Тургеневъ.

Іюля 11-го дня 1826 г.
С.-Петербургъ.

Изъ бумагъ графа М. И. Корфа, хранящихся въ собственной его величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ дѣлѣ о тайныхъ обществахъ. Печатается съ подлинника.

Сообщилъ **В. И. Саитовъ.**

Скорбный путь.

(Изъ воспоминаній стараго туркестанца) [1].

Только въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія наше наступательное движеніе въ Средней Азіи получило нѣсколько опредѣленный характеръ.

Передовые отряды русскихъ войскъ, занявъ послѣдовательно нѣкоторые степные пункты по Эмбѣ, построивъ въ степи форты Карабутакъ, Иргизъ (Уральское укрѣпленіе), пройдя сыпучіе пески Каракумы, появились, наконецъ, на берегахъ Сыръ-Дарьи, основавъ близъ ея устья сначала крѣпостцу и поселокъ Раимъ, а затѣмъ—городокъ Казалинскъ, нѣсколько выше по теченію, гдѣ и задержались, но не надолго.

Задержали наше наступленіе приказы изъ Петербурга, гдѣ встревожились не на шутку запросами со стороны англійскаго посольства, такъ какъ, по мнѣнію англійской дипломатіи, скромный Казалинскъ могъ сыграть роль „ключа къ Индіи".

Въ Петербургѣ были плохо освѣдомлены о настоящемъ положеніи дѣлъ, не знали истинныхъ особенностей и условій, не понимали по-

---

[1]) Въ концѣ (27 ноября) истекшаго года исполнилось тридцатипятилѣтіе дѣятельности Николая Николаевича Каразина, популярнаго художника-этнографа и писателя,—автора печатаемыхъ ниже воспоминаній.

Молодость свою (род. 1842 г.) Н. Н. провелъ въ Туркестанѣ, участвуя во всѣхъ почти дѣлахъ русскихъ войскъ при средне-азіатскихъ завоеваніяхъ и въ ученой экспедиціи на Аму-Дарью, что дало ему богатый этнографическій и художественный матеріалъ для будущихъ работъ. Выйдя въ 1871 г. въ отставку, посвятилъ себя литературной и художественной дѣятельности. За 80-ые годы имя Н. Н. К., какъ талантливаго иллюстратора и бытописателя средне-азіатской жизни, пріобрѣло широкую извѣстность; его романы и повѣсти „Двуногій волкъ", „Въ пороховомъ дыму", „Въ камышахъ", „На далекихъ окраинахъ", открывая дотолѣ неизвѣстный міръ, пользовались такимъ же постояннымъ

ложеній, въ которыхъ находились средне-азіатскія ханства, относительно насъ, пришельцевъ съ далекаго сѣвера.

Сношенія нашихъ передовыхъ постовъ на Сырѣ съ Петербургомъ были крайне затруднительны и медленны;—не было ни правильно организованной почты, ни телеграфа. Письма и посылки туда и оттуда ходили по полугоду, уже никакъ не менѣе четырехъ мѣсяцевъ, а случалось, что и вовсе не доходили по назначенію. Часто выходило, что когда въ петербургскихъ штабахъ и канцеляріяхъ приходили, наконецъ, къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію, то новыя извѣстія съ передовыхъ линій дѣлали эти рѣшенія запоздалыми и несоотвѣтствующими новому положенію событій. Приходитъ, напримѣръ, строгій приказъ основаться въ Казалинскѣ и не трогаться съ мѣста, а тутъ узнаютъ отъ запоздалыхъ курьеровъ, что давно уже заняты Кармакчи, приказываютъ остановиться хоть въ Кармакчахъ, а изъ англійскаго посольства упрекаютъ: „А вы зачѣмъ Акъ-мечеть заняли, да еще переименовали эту кокандскую крѣпость въ фортъ Перовскаго?“ и такъ далѣе, все выше да выше по теченію Сыръ-Дарьи, этой первой, великой жизненной артеріи средне-азіатскаго, почти никому невѣдомаго міра.

Часъ отъ часу не легче!

Пока развивалось это своевольное наступательное движеніе изъ Оренбурга, расширяя предѣлы этого и безъ того обширнаго генералъ-губернаторства, изъ Западной Сибири приходятъ грозныя вѣсти о тоже наступательномъ движеніи и все туда же, только съ другой стороны, почти подъ прямымъ угломъ къ Сыръ-Дарьинской базѣ.

Оттуда съ сѣвера тоже движется на югъ что-то и кто-то, и тоже

успѣхомъ, какъ и характерные рисунки азіатской пустыни съ караванами верблюдовъ. Въ 1877 г. Каразинъ вмѣстѣ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко В. В. Верещагинымъ выдвинулся въ качествѣ талантливаго и добросовѣстнаго военнаго корреспондента.

Изъ позднѣйшихъ его работъ обращаютъ на себя вниманіе иллюстраціи къ изданію путешествія Государя Императора Николая Александровича въ бытность Наслѣдникомъ на Востокъ.

Каразинъ извѣстенъ также и своими акварелями, онъ одинъ изъ основателей общества русскихъ акварелистовъ, и каждый годъ на этихъ выставкахъ появлялись его вещи.

Дѣятельность Н. Н. весьма плодотворна: имъ напечатано болѣе двадцати пяти томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, иллюстраціи же его въ теченіе многихъ лѣтъ появлялись въ наиболѣе распространенныхъ еженедѣльныхъ журналахъ, и имя Н. Каразина всегда встрѣчалось читателемъ, какъ одно изъ хорошо знакомыхъ и самыхъ симпатичныхъ.

Редакція „Русской Старины“, помѣщая эту статью уважаемаго автора, привѣтствуетъ талантливаго Н. Н. Каразина по случаю исполнившагося юбилея и желаетъ ему продолженія полезной творческой дѣятельности на долгіе годы.

энергично наступаетъ, повинуясь не приказамъ изъ Петербурга, а неизбѣжной логикѣ событій, ибо „на мѣстѣ виднѣе".

Какой-то полковникъ Черняевъ изъ Омска находитъ необходимымъ перешагнуть за Кастекскій перевалъ и занять Токмакъ, тоже ключъ къ одной изъ безчисленныхъ дверей въ Индію.

Пока собираются въ Петербургѣ послать энергичному полковнику приказъ стоять въ Токмакѣ недвижно, западно-сибирскій генералъ-губернаторъ доноситъ изъ Омска, что полковникъ Черняевъ давно уже ушелъ впередъ, что уже давно заняты и Мерке, и Аум-ата, а въ настоящую минуту онъ осадилъ и беретъ штурмомъ городъ Чимкентъ, непосредственно входящій въ составъ кокандскаго ханства.

Въ Петербургѣ—я отлично помню это время,—совсѣмъ растерялись: кто съ трепетомъ въ душѣ косится на флагъ, гордо развѣвающійся на домѣ англійскаго посольства, кто негодуетъ на непростительный авантюризмъ своевольнаго, легкомысленнаго полковника, кто, захлебываясь отъ восторга, апплодируетъ нашимъ побѣдоноснымъ батальонамъ, этимъ пресловутымъ „девятистамъ штыковъ", составляющихъ всю главную силу наступающаго отряда съ сѣвера.

Оренбуржцы, узнавъ, что сибиряки такъ много продвинулись впередъ, двинулись тоже, вопреки запрета. Сначала генералъ Веревкинъ подошелъ къ Джулеку, затѣмъ къ Азрету, городу уже не съ кочевымъ, а настоящимъ, осѣдлымъ таджикскимъ населеніемъ—и тутъ-то пришла вѣсть, поразившая всѣхъ какъ громомъ: Черняевъ, послѣ вторичнаго кровопролитнаго штурма, первый былъ отбитъ съ большимъ для насъ урономъ, взялъ Ташкентъ со стотысячнымъ населеніемъ, съ сильною крѣпостью и первокласснымъ базаромъ, главный торговый узловой пунктъ всего Сыръ-Дарьинскаго бассейна.

Тутъ между западно-сибирскимъ и оренбургскими округами разгорѣлся ревнивый споръ, кому должны принадлежать обширныя, вновь завоеванныя страны?

Самъ Крыжановскій покинулъ свою сатрапію на берегу Урала и прилетѣлъ на передовую линію. Чуть было не возникъ серьезный конфликтъ, но судьба свыше устроила все иначе и именно такъ, какъ никто не ожидалъ. Черняевъ, получившій Георгія, былъ произведенъ въ генералы и отозванъ въ Петербургъ, всѣ вожди, герои наступательнаго движенія, получивъ разныя болѣе или менѣе почетныя назначенія и награды, отозваны тоже. Завоеванныя территоріи не были присоединены ни къ Оренбургскому, ни къ Западно-Сибирскому округамъ, а повелѣно было сформировать новый, совершенно независимый туркестанскій военный округъ и генералъ-губернаторство съ назначеніемъ главою всего этого сложнаго организаторскаго дѣла—генералъ-адъютанта Константина Петровича Кауфмана. Это случи-

лось въ 1867 году, менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ паденія Ташкента, два года, не прошедшихъ праздно для дѣла безусловно уже необходимыхъ расширеній и округленій границъ новаго генералъ-губернаторства. Округлили—Ходжентъ, Ура-Тюбе, Джюзакъ, Яны-курганъ... Но уже отнюдь ни шагу далѣе!

Приступили къ благоустроенію.

Штаты новаго округа, занимающаго пространство болѣе всей Западной Европы, съ массою населенныхъ пунктовъ, съ многомилліоннымъ земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ населеніемъ, потребовались громадные. Приглашены были тысячи чиновниковъ разныхъ ранговъ и наименованій. Предпочтеніе отдавалось людямъ семейнымъ, въ виду успѣховъ колонизаціи. Усиленные оклады жалованья, двойныя подъемныя и прогонныя, всѣ эти блага усиливали охоту къ переселенію. Кадры всякихъ учрежденій, управленій и разныхъ канцелярій укомплектовались, надо было только уложиться и ѣхать въ новые далекіе края, на новое дѣло—и тутъ только вспомнили о путяхъ сообщенія.

Отъ Оренбурга только до Орска шла благоустроенная почтовая дорога, за Орскомъ же разстилались безконечныя киргизскія степи, съ рѣдкимъ кочевымъ населеніемъ; по этимъ степямъ, вплоть до Сыръ-Дарьи, пролегалъ едва намѣченный караванный путь, съ ничтожными признаками колесныхъ слѣдовъ, проложенныхъ малочисленными экипажами путешественниковъ и военными обозами.

На этомъ пути, носившемъ громкое названіе Орско-Казалинскаго тракта, кое-гдѣ были намѣчены почтовыя станціи для смѣны лошадей,—но что это были за станціи?! Жалкія землянки, глинобитные загончики, а чаще всего, истлѣвшія отъ непогоды, закопченыя войлочныя юломейки, для жизни совершенно неприспособленныя. Повозокъ на такихъ станціяхъ не было никакихъ, изрѣдка только попадались обломки экипажей, брошенныхъ за полною непригодностью злополучными проѣзжающими. Хомутовъ и прочей сбруи—никакихъ признаковъ, всѣ эти приспособленія путешественники должны были везти съ собою... Лошадей полагалось имѣть на каждой станціи по четыре тройки, но въ станціонныхъ загонахъ рѣдко можно было найти по двѣ клячи, совершенно изнуренныхъ, негодныхъ къ работѣ... Ямщики-киргизы, распуганные жестокостью озлобленныхъ казенныхъ путниковъ, разбѣгались по сосѣднимъ ауламъ, верстъ за двадцать, а то и болѣе, разбросаннымъ отъ почтовой дороги.

Пока еще дорога эта пролегала сѣверною частью степей, такъ называемыхъ зелеными или ковыльными степями,—кочевья номадовъ встрѣчались чаще, но дальше шли солончаковыя пустыни, страшныя своею ѣдкою пылью—въ жару и непролазною грязью—въ дождливое

время. По этимъ степямъ путникъ могъ проѣхать сотни верстъ, не встрѣтивъ живой души, не найдя пріюта отъ непогоды.

Пройдя Иргизъ, начинались сыпучіе, барханистые пески, такіе же безлюдные... Колеса въ этихъ пескахъ вязли выше ступицы, лошади были не въ силахъ тащить тяжелые тарантасы; на этихъ участкахъ полагалось имѣть на станціяхъ верблюдовъ, положеніе это не всегда исполнялось на дѣлѣ.

Питаться въ дорогѣ путешественники должны были своими запасами, такъ какъ на станціяхъ ничего нельзя было добыть съѣстного. Запасы эти пополнялись въ фортахъ и населенныхъ поселкахъ, да и то не во всѣхъ. Путешественники, менѣе опытные и незапасливые, терпѣли не мало горя, даже страданій на этой жалкой линіи, тянущейся, однако, на двѣ тысячи верстъ. Частные проѣзжающіе, особенно торговые люди, предпочитали лучше проходить эти безконечныя пространства медленно, по двадцать верстъ въ сутки, караваннымъ путемъ, чѣмъ рисковать довѣряться почтовому тракту и застрять на пути на долгое время, въ безпомощномъ положеніи.

И вотъ, по такому жалкому, неблагоустроенному тракту, въ теченіе осени 1867 года, должны были прослѣдовать тысячи чиновниковъ съ ихъ семьями, съ чадами и домочадцами на новыя мѣста—новаго служебнаго назначенія.

Настоящее колесное путешествіе начиналось съ Самары, гдѣ приходилось покидать комфортабельные волжскіе пароходы и запасаться экипажами для дальнѣйшаго путешествія. Всѣ уже были предупреждены, чтобы на такъ называемыя перекладныя повозки не разсчитывали. Предвидя усиленный спросъ на тарантасы, знаменитые казанскіе каретники открыли въ Самарѣ свои филіальныя отдѣленія. Хорошій тарантасъ можно было пріобрѣсти отъ 200 до 500 рублей съ фордекомъ. Всѣ дворы самарскихъ гостиницъ были заставлены экипажами, приспособленными къ далекому путешествію, подвязывались запасныя колеса и оглобли, цѣпями приковывались сзади, на дрожинахъ, тяжеловѣсные сундуки и чемоданы, запасалась дорожная провизія.

Изъ Самары до Оренбурга ѣхали вольно, безъ росписанія, по очередямъ, но въ Оренбургѣ всѣ обязаны были явиться въ особый комитетъ, блюдущій порядокъ дальнѣйшаго движенія. Распорядкомъ этимъ завѣдывалъ штатскій генералъ Шульманъ. Разсчетъ былъ таковъ, что въ виду ограниченнаго числа троекъ на степномъ трактѣ, выпускать изъ Оренбурга не болѣе четырехъ тарантасовъ въ день, два утромъ и два вечеромъ. Такимъ образомъ, предполагалось избѣжать „заторовъ" и задержки движенія; забыли только, что это двигались не желѣзнодорожные поѣзда, а живые люди, на живыхъ ло-

шадяхъ... Выѣзжали-то всѣ аккуратно, по срокамъ, обозначеннымъ въ билетахъ, но система эта разстраивалась въ первый же день. Кто ѣхалъ шибче, не жалѣя ямщичьихъ „на водку“, кто тише; иные катили и день, и ночь, большинство, особенно семейныхъ съ дѣтьми, останавливались ночевать, и даже днемъ для варки обѣда; начались неизбѣжныя поломки экипажей, и опять задержки для починокъ; начались споры и пререканія на станціяхъ съ смотрителями, жалобныя шнуровыя книги исписывались сплошь—и всѣ эти непріятности разыгрались еще до перваго степного этапа въ Орскѣ, на участкѣ сибирской дороги, сравнительно хорошо облаженной. Что же можно было ожидать дальше, когда вся эта пестрая лавина начнетъ втягиваться въ дикія, безконечныя пустыни киргизскихъ степей, что начинались сейчасъ же за Орскомъ.

Въ виду усиленія подвижныхъ средствъ, посланы были распоряженія и приказы кочевымъ біямъ и старшинамъ сгонять аулы поближе къ почтовому тракту, удвоить, даже утроить, если понадобится, количество лошадей на станціяхъ, обѣщаны были кочевникамъ денежныя субсидіи, кромѣ права взимать прогоны съ самихъ проѣзжающихъ, разосланы даже правила о почтовой гоньбѣ, для развѣски по станціямъ, но всѣ эти распоряженія частью запоздали, частью были не достаточно толково разъяснены киргизамъ, а потому и плохо приведены въ исполненіе.

Полудикіе степные кони оказались не выѣзженными и злобно, недовѣрчиво косились на невиданныя чудовища на колесахъ, ямщики не опытные, не умѣющіе справляться со сложною экипажною запряжкою, и ко всему этому полное непониманіе другъ друга... Между киргизами не было знающихъ говорить по-русски, проѣзжающіе не говорили по-татарски. Маленькій запасъ знанія киргизскихъ словъ, большею частью бранныхъ словъ, не помогалъ дѣлу взаимнаго пониманія; пантомима же, да еще съ помощью ногаекъ и трясенія за воротъ, распугивала наивныхъ дикарей-номадовъ... Ямщики разбѣгались. Лошади калѣчились въ непривычной работѣ сами и калѣчили дорожные экипажи.

Случайные, болѣе опытные проѣзжающіе изъ бывалыхъ уже въ этихъ краяхъ являлись якоремъ спасенія, но эти бывалые исчезали скоро, оставляя за собою отчаяніе и полную безпомощность.

Но эти проѣзжающіе разносили по фортамъ вѣсти о томъ, что творилось на трактѣ, вѣсти эти доходили и до главныхъ конечныхъ пунктовъ, но доходили медленно,—вѣдь, телеграфа тогда не существовало.

Самъ новый генералъ-губернаторъ, всѣ главныя власти давно уже прибыли на мѣсто; для ихъ провоза были по всей линіи организо-

ваны казачьи подставы съ надежными, выѣзженными лошадьми, но эту роскошь нельзя было распространить на двѣ слишкомъ тысячи верстъ, на всю массу переселенцевъ; казаковъ бы не хватило, да и была вначалѣ еще полная надежда на успѣшность наскоро устроенной степной почты. Думали, что путешествіе будетъ трудновато, но все-таки не до такой крайней степени.

А дѣло шло къ глубокой осени, начались ночные холода съ заморозками, ждали даже скораго снѣга, періода страшныхъ степныхъ урановъ. Присталые на пути кони, выбившіеся изъ силъ, выпрягались и пускались въ степь на отдыхъ и покормку, ямщики покидали экипажи и уходили тоже, якобы за розыскомъ новыхъ коней. Путешественники оставались около своихъ тарантасовъ, сбирали жалкіе остатки степной растительности и сухой пометъ съ дороги и раскладывали костры, чтобы согрѣться и сварить себѣ чаю... Короткіе дни смѣнялись темными, безконечными ночами, а съ наступленіемъ тьмы наступали и томительныя мученія страха и сознанія своей безпомощности... Взятая съ собою провизія, не бережливо расходуемая сначала, приходила къ концу, а сравнительно короткіе перегоны между фортами тянулись недѣлями, а то и больше.

Между проѣзжающими, особенно между дѣтьми, начались болѣзни, что еще болѣе усилило безотрадность тяжелаго путешествія, были даже смертные случаи.

Кочевники относились къ пришельцамъ очень недовѣрчиво, да еще вдобавокъ прослышали, что все это ѣдутъ будущее начальство, все чиновники; недовѣріе и даже недружелюбіе, вслѣдствіе такихъ слуховъ, усилилось. Аулы, несмотря на предписанія держаться поближе къ тракту, откочевали подальше, въ глубину степей, а съ аулами отогнали и стада овецъ. Возобновлять запасъ провизіи на пути стало невозможно. Проѣзжающіе, конечно, дѣлились между собою чѣмъ можно, но скоро и дѣлиться было нечѣмъ... Вернуться нельзя, сзади за спиною, уже залегли громадныя пространства прослѣдованнаго тяжелаго пути, а впереди еще безъ конца тянулась скорбная дорога, и приходящимъ въ отчаяніе путникамъ казалось, что и конца не будетъ этому проклятому пути, конца не будетъ ихъ страданіямъ.

Когда въ Ташкентѣ получены были точныя свѣдѣнія о томъ, что творится на дорогѣ, сейчасъ же приняты были мѣры къ прекращенію этихъ бѣдствій, или хоть къ возможному ихъ ослабленію.

Изъ Ташкента, изъ форта Перовскаго и Казалинска были двинуты отряды съ помощью. Командированы были офицеры, съ запасами вина, сухой провизіи, чаю и сахару, хлѣба и всякихъ консервовъ, поѣхали и нѣсколько докторовъ съ медикаментами и перевязочными средствами. Этимъ „спасителямъ“ разрѣшено было пользоваться по

фортамъ казачьими и казенными обозными лошадьми, даже артиллерійскими лошадьми, если бы въ нихъ оказалась надобность.

Каждый отрядъ, состоящій изъ трехъ-четырехъ троекъ, долженъ былъ прослѣдовать опредѣленный участокъ дороги, снабжать голодающихъ путниковъ провизіей, облегчать всѣми мѣрами возможность, хотя и медленнаго, дальнѣйшаго слѣдованія...

На пунктахъ, долженствующихъ изображать станціи, обязали киргизовъ выставить болѣе удобныя кибитки и юломейки, заготовлять запасы топлива, назначили даже казаковъ-урядниковъ во временныя должности станціонныхъ смотрителей; это была одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, потому что казаки—уральцы и оренбуржцы—всѣ хорошо понимали и говорили по-киргизки, и служили для путешественниковъ надежными переводчиками.

На скорбномъ трактѣ повеселѣло.

Н. Каразинъ.

Къ исторіи масонства въ Россіи.

Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранятся дѣла, полученныя изъ грузинской библіотеки графа Аракчеева. Среди нихъ имѣется документъ, относящійся къ закрытію литовскихъ массонскихъ ложъ. Это—записка управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, писанная въ 1823 году. Она представляетъ не что иное, какъ всеподданнѣйшій докладъ о закрытіи ложъ, и перечисляетъ всѣ заслуживающіе вниманія масонскіе бумаги и документы. Безъ сомнѣнія, всѣ перечисленные въ ней документы могутъ пролить массу свѣта и открыть цѣнный источникъ для историческихъ изысканій о масонахъ вообще и, въ частности, о литовскихъ масонскихъ ложахъ, но, къ сожалѣнію, при запискѣ приложенъ только одинъ изъ документовъ — рѣчь великаго 1-го надзирателя, произнесенная имъ при торжественномъ праздновіи дня учрежденія великой ложи Казимира Великаго. Записку Ланского государь императоръ передалъ своему любимцу графу Аракчееву, который былъ въ то время на столько могущественнымъ, что рѣшалъ всѣ государственные вопросы. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что записка министра внутреннихъ дѣлъ попала въ грузинскую библіотеку всесильнаго временщика. На ней имѣется собственноручная надпись графа Аракчеева: „Получено отъ государя 14-го декабря 1823 года“. З. Н.

О литовскихъ бывшихъ масонскихъ ложахъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1822 года литовскій военный губернаторъ извѣщалъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года шляхтичъ Станиславъ Мицкаевскій, въ

поданномъ во 2-й департаментъ виленскаго главнаго суда прошеніи, протестовалъ противъ находящейся въ Вильнѣ масонской ложи, утверждая, что дѣянія ея противны религіи и народу, и просилъ о взысканіи съ оной внесенныхъ имъ въ складку 75 руб. серебромъ, присовокупляя, что онъ принадлежалъ къ ложѣ около 3-хъ лѣтъ и выписался изъ оной въ 1820 г.

Главный судъ препроводилъ прошеніе сіе, какъ принадлежащее до полицейской части, въ губернское правленіе, отъ коего представлено оное къ нему на разсмотрѣніе, и въ то же время подана ему самимъ Мицканевскимъ просьба такого же содержанія.

Между тѣмъ тайный совѣтникъ Новосильцовъ увѣдомилъ литовскаго военнаго губернатора, что по случаю вышедшей въ варшавской верховной ложѣ новой конституціи, намѣстникъ царства Польскаго приказалъ закрыть тамъ ложи; обстоятельство сіе было сообщено потому болѣе, что въ Вильнѣ находились ложи, принадлежавшія къ варшавскимъ, которыя еще до полученія сего извѣстія были уже закрыты. Хотя по разсмотрѣніи находившихся въ виленскихъ ложахъ разныхъ экземпляровъ и постановленій, не найдено ничего противнаго правительству и религіи, однакожъ дано строгое предписаніе наблюдать, дабы впредь никакія секретныя собранія дозволяемы не были.

По причинѣ протеста Мицканевскаго, коимъ онъ утверждалъ, что дѣйствія масонскихъ ложъ противны религіи и народу, потребованы были отъ него на то доказательства, вслѣдствіе чего онъ объяснилъ: что главная тайна масонства состоитъ въ томъ, чтобы распространить между всѣми состояніями людей вольность и равенство, истребить деспотизмъ или самодержавное правленіе; все сіе очевидно угрожаетъ народамъ потрясеніемъ или революціею, подобною тѣмъ, какія были во Франціи, Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и Туринѣ. Масоны намѣрены уничтожить вѣру христіанскую—а ввести общую, отринувъ всѣ истинные обряды Спасителя нашего Іисуса Христа, не признавая его Богомъ, они мечтаютъ о нѣкоемъ великомъ строителѣ міра, называемомъ по-еврейски Егова.

Сверхъ того, Мицканевскій въ поданной просьбѣ объяснилъ, что когда онъ пришелъ въ главный судъ для подачи прошенія, то регентъ того суда Володко, вышедъ изъ присутствія и прочитавъ ту просьбу, на высочайшее имя написанную, бросилъ подъ ноги и симъ поступкомъ оскорбилъ высочайшую особу. Изъ объясненія же означеннаго регента Володко видно, что онъ, дѣйствительно, выходилъ изъ присутствія и когда Мицканевскій объявилъ, что имѣетъ для подачи прошеніе, то Володко хотѣлъ посмотрѣть, по формѣ ли оно написано, но по причинѣ оспариванія Мицканевскаго, что онъ не

вправѣ дѣлать объ немъ никакого заключенія, не входя въ дальнѣйшіе разговоры, отошелъ и заперъ присутствіе.

Литовскій военный губернаторъ присовокуплялъ къ тому, что шляхтичъ Мицканевскій былъ прежде членомъ виленской квартирной комиссіи и за разныя злоупотребленія, вмѣстѣ съ другими членами, находится подъ судомъ.

По докладѣ о семъ государю императору послѣдовало высочайшее повелѣніе предписать литовскому военному губернатору:

1) Чтобъ онъ приказалъ взять всѣ бумаги масонской ложи, о коей доноситель показываетъ.

2) Чтобъ бумаги сіи были потомъ разобраны вице-губернаторомъ Горномъ и прикомандированнымъ къ нему чиновникомъ.

3) Чтобъ по разборѣ сего тѣ изъ нихъ, кои по важности своей или какимъ-либо другимъ соображеніямъ могутъ заслужить вниманіе, доставлены были сюда запечатанныя при особомъ регистрѣ съ краткимъ изъясненіемъ содержанія оныхъ.

Во исполненіе сей высочайшей воли, тогда же литовскому военному губернатору сообщенной, по разсмотрѣніи масонскихъ бумагъ доставлены имъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года обратившія вниманіе, слѣдующія бумаги:

Переписка литовской ложи съ петербургскою.

1) Черновое письмо отъ 18-го числа 6-го мѣсяца 5817 года, въ коемъ сообщаются свѣдѣнія о началѣ существованія масонства въ Литвѣ и о положеніи онаго.

2) Отзывъ с.-петербургской ложи Астреи отъ 5-го числа 2-го мѣсяца 5818 года, предлагавшій литовской ложѣ вступить въ ея зависимость.

3) Отпускъ съ отвѣта литовской ложи 3-го мѣсяца того же года, объясняющій причины, по коимъ она не можетъ принять сдѣланнаго ей предложенія.

4) Таковой же отпускъ 4-го мѣсяца 5818 года и по тому же предмету.

5) Черновая инструкція, данная члену литовской ложи, отставному капитану Миллеру, который былъ посланъ въ С.-Петербургъ, съ письмами къ разнымъ лицамъ, для отклоненія непріятныхъ послѣдствій по случаю напечатанной въ Вильнѣ книги: „Лисабонскій Раввинъ“, издателемъ коей былъ ксендзъ Длускій, начальникъ литовской провинціальной ложи. Въ наставленіи, данномъ Миллеру, возложена на него обязанность словесно объяснить существо дѣла предъ

лицами, къ коимъ былъ адресованъ; но въ переговорахъ съ с.-петербургскими масонами наблюдать осторожность, дабы не обнаружить снисхожденія и желанія быть въ зависимости тамошняго востока; если же бы сдѣлано было о томъ предложеніе, то сослаться на присягу, учиненную польскому востоку, которую нарушить невозможно.

6) Отпускъ съ письма къ с.-петербургской ложѣ Астреѣ отъ 23-го числа 7-го мѣсяца 5817 года, въ коемъ изложены причины, побудившія издать упомянутое въ инструкціи Миллера сочиненіе, и присовокуплена просьба принять участіе въ семъ дѣлѣ.

7) Отпускъ съ письма къ министру статсъ-секретарю царства Польскаго, коимъ просятъ его ходатайства, дабы не были подвержены отвѣтственности сочинитель, цензоръ и типографщикъ за изданіе вышеупомянутой книги.

О ТОМЪ ЖЕ:

8) Къ митрополиту римскихъ церквей Сестренцевичу.

9) Къ генералъ-майору Жеребцову.

10) Отвѣтъ с.-петербургской ложи 19-го числа 8-го мѣсяца 5817 года, коимъ извѣщаетъ, что, при всѣхъ стараніяхъ членовъ ея, не открыто ничего на счетъ производства дѣла о извѣстной книгѣ, и сіе самое заставляетъ думать, что никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ того быть не можетъ.

11) Отзывъ варшавской ложи отъ 14-го числа 9-го мѣсяца 5818 года, коимъ обнадеживаетъ литовскую ложу о благорасположеніи с.-петербургской и одобряетъ твердую рѣшимость оной остаться въ союзѣ съ варшавскимъ востокомъ, не вступая въ зависимость с.-петербургскаго.

12) Списокъ съ отношенія варшавской ложи къ с.-петербургской по тому же предмету.

Переписка литовской ложи съ варшавскою о вновь изданной конституціи:

1) Отношеніе изъ Варшавы отъ 25-го числа 4-го мѣсяца 5820 г. уполномоченнаго отъ литовской провинціальной ложи Любовицкаго, который описываетъ случившіяся въ главной ложѣ происшествія, при введеніи новой конституціи.

2) Отношеніе литовской ложи по сему же предмету къ виленскимъ символическимъ, коимъ осуждается новая конституція, какъ вредная, клонящаяся къ уничтоженію братства и ниспроверженію свободы и равенства, кои служатъ девизомъ ихъ союза.

3) Два отзыва минской символической ложи отъ 5-го и 10-го мѣсяцевъ 5820 года, съ извѣщеніемъ, что уполномоченный ея въ

Варшавѣ подписалъ согласіе свое на принятіе конституціи, и потому она не имѣетъ права отступить отъ оной.

4) Черновой проектъ къ протоколу засѣданія виленской ложи, подъ названіемъ школа Сократеса, въ коемъ изложенъ протестъ противъ конституціи; изъ проекта сего также видно, что виленскія ложи, прервавъ соотношенія свои съ главною варшавскою ложею, продолжали дѣйствія свои, будучи въ зависимости литовской провинціальной.

5) Отзывъ волынской провинціальной ложи, существовавшей въ Дубно, отъ 16-го числа 8-го мѣсяца 5820 года, съ препровожденіемъ списка съ рѣчи, произнесенной начальникомъ оной Густавомъ Олизаромъ противъ конституціи; ложа сія, подобно литовской, разорвавъ союзъ свой съ варшавскимъ востокомъ, рѣшилась дѣйствовать независимо.

Уставъ вновь заведенной въ Вильнѣ ложи, подъ названіемъ реформатовъ и переписка членовъ:

1) Уставъ сей написанъ въ 1818 году докторомъ Шимкевичемъ, подъ названіемъ „Для блага усерднаго литвина и всего ордена свободныхъ каменьщиковъ"; въ немъ исчислены всѣ ложи и члены масонства въ литовскихъ губерніяхъ, также денежныя суммы, до того времени собранныя; кратко изложено о началѣ таинствъ въ Греціи; о появленіи союза Тампліеровъ въ Европѣ; преслѣдованіе ихъ во Франціи; побѣгъ и поселеніе въ Шотландіи, введеніе масонства въ Англіи. Въ уставѣ семъ доказывается несовершенство масонскихъ правилъ тѣмъ: 1) Что тайна масоновъ есть ничто иное, какъ притворство. 2) Что они подвергаются внѣшнему безславію. 3) Что нужны весьма большія издержки, и 4) что союзъ братства можетъ существовать и на другихъ постановленіяхъ. Въ уваженіе таковаго мнѣнія 30 членовъ реформатовъ составили временныя правила и образовали особую ложу.

2) Черновой проектъ, писанный ксендзомъ Длускимъ, противъ предположенія реформатовъ, коихъ онъ полагалъ исключить изъ братства, возвратя и поступившія отъ нихъ деньги; о чемъ было заготовлено представленіе въ главную варшавскую ложу, но, за несогласіемъ одного члена, оное не отправлено.

3) Отпускъ съ письма литовской провинціальной ложи къ профессору Мяновскому, управляющему ложею реформатовъ; въ письмѣ семъ изъяснено сожалѣніе главной варшавской ложи о несогласіи братства, случившемся въ то время, когда во всей Польшѣ просвѣщенные люди стараются распространить масонство, когда Литва, Волынь и Подолія съ одинакимъ стремленіемъ и отчасу съ большимъ усердіемъ принимаются за труды свободныхъ каменьщиковъ, подъ

предводительствомъ великаго отечественнаго востока. Судя по событіямъ свѣта въ настоящее время, благо и счастіе народное не иначе можетъ быть обезпечено, какъ утвержденіемъ отечественности (Narodowosa), что сіе великое начало содѣлывается, съ одной стороны, натуральнымъ оплотомъ насиліямъ и неправдѣ, а съ другой служитъ священною причиною къ распространенію между людьми всѣхъ состояній тѣхъ совершенствъ, которыя бы могли облагородить существо человѣка; вотъ предметъ масонства; а потому намъ, польскимъ масонамъ, должно соединяться и сообразовать желанія и намѣренія наши, не ослабляя отнюдь узла существующаго, не нарушая и не истребляя единства, на снисхожденіи законнаго правительства основаннаго.

4) Проектъ воззванія къ реформатамъ отъ имени всѣхъ членовъ литовской ложи, которая убѣждаетъ ихъ соединиться съ нею попрежнему.

5) Письмо профессора Мяновскаго къ Ромеру, коимъ онъ отвѣтствуетъ на означенное воззваніе, утверждая правильность реформы и противополагая ей неизвѣстность высокихъ и отдаленныхъ масонскихъ видовъ, кои для низшихъ степеней совершенно закрыты, и что, по мнѣнію его, цѣль масонства состоитъ въ томъ, чтобы усовершенствовать понятія и сердце.

6) Онаго же Мяновскаго отзывъ въ литовскую провинціальную ложу 3-го мѣсяца 5819 года, по тому же предмету, съ представленіемъ списка членовъ реформы, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

7) Отпускъ съ отношенія литовской ложи въ главную варшавскую, которую увѣдомляетъ первая, что реформаты остаются въ заблужденіи своемъ непреклонными; также проситъ о назначеніи въ Литву великаго намѣстника изъ числа кандидатовъ: Игнатія Соболевскаго, Адама Чарторыжскаго и Людвика Платера, и изъявляетъ желаніе о скорѣйшемъ изданіи новой конституціи.

8) Реформатской ложи воззваніе къ братьямъ масонамъ, по случаю изданнаго постановленія королемъ португальскимъ и бразильскимъ. Въ воззваніи семъ изъявляется соболѣзнованіе о масонахъ, живущихъ какъ въ семъ королевствѣ, такъ равно въ Италіи и Испаніи. Реформаты, ссылаясь на уставъ свой, утверждаютъ, что орденъ масоновъ, по намѣреніямъ своимъ, пребудетъ священнымъ, и что люди, составляющіе оный, не заслуживаютъ презрѣнія и ненависти, а напротивъ— благодарность и любовь народовъ должны сопровождать ихъ. Реформаты предполагали напечатать уставъ свой на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; но изъ бумагъ ихъ не видно, чтобы предположеніе сіе было исполнено.

Соотношеніе польскихъ и литовскихъ ложъ къ заграничнымъ:

1) Отзывъ брата Наркиза Олизара отъ 14-го мая 1819 года къ литовской провинціальной ложѣ, коимъ увѣдомляетъ о принятіи обратно пожертвованной имъ было суммы въ распоряженіе масоновъ (пожертвованіе сіе составляло 5000 червонцевъ) и что о таковомъ благородномъ поступкѣ онъ донесетъ великимъ заграничнымъ востокамъ, съ коими имѣетъ связи.

2) Печатный листъ варшавскаго востока 13 октября 1819 года, въ коемъ изложенъ годовой отчетъ занятіямъ онаго, бывшая командировка въ Вильну брата намѣстника Платера для убѣжденія реформатовъ обратиться къ своимъ обязанностямъ; тутъ же упоминается о непрерывномъ сношеніи съ властями заграничныхъ востоковъ и о портретѣ государя императора, постановленномъ въ одной изъ варшавскихъ ложъ.

3) Отзывъ великаго магистра Игнатія Потоцкаго, изъ коего видно бывшее сношеніе варшавскаго востока съ ложами Голландіи и Батавіи.

О дѣйствіи масоновъ по случаю увольненія изъ союза ихъ одного члена:

1) Отношеніе минской ложи къ литовской провинціальной отъ 1-го числа 8-го мѣсяца 5817 года съ приложеніемъ письма Костровицкаго, писаннаго къ брату Сулистравскому, бывшему минскимъ губернаторомъ, съ особою запискою, коею Костровицкій доказываетъ, что почитаетъ за грѣхъ быть масономъ и отрекается отъ сего имени; минская ложа, исключивъ его изъ братства,—обрекла вѣчному презрѣнію и просила литовскую ложу учинить съ своей стороны соотвѣтственное поступку виновнаго наказаніе.

2) Печатный экземпляръ рѣчи, произнесенной къ варшавской ложѣ: Казиміръ великій. Содержаніе оной заслуживаетъ вниманія, по необузданному распространенію понятія о равенствѣ и по нѣкоторымъ выраженіямъ не осторожнымъ, кои легко показаться могутъ буйными.

Бумаги, въ коихъ упоминается высочайшее имя государя императора:

1) Отзывъ варшавскаго великаго востока къ литовской провинціальной ложѣ 12-го числа 10-го мѣсяца 5818 года, по случаю представленія послѣдней, что с.-петербургская ложа не желаетъ входить съ нею въ братскія сношенія, варшавская ложа обнадеживаетъ ее въ покровительствѣ государя императора, яко сочлена.

2) Извѣщеніе варшавской ложи: братья соединенныхъ поляковъ въ виленскую: „Славянскій орелъ“, отъ 24-го числа 6-го мѣсяца 5819 года о портретѣ государя императора, поставленномъ въ оной.

3) Изъ той же ложи въ виленскую, подъ названіемъ „Добрый

пастырь", препровожденъ печатаный экземпляръ пѣсни, сочиненной по тому же случаю.

Переводъ рѣчи, произнесенной въ варшавской ложѣ великаго Казиміра, у сего прилагается. Подписалъ С. Ланской.

РѢЧЬ,

переводъ съ польскаго,

говоренная братомъ, великимъ 1-мъ надзирателемъ, при торжественномъ праздновaніи дня учрежденія великой ложи Казиміра великаго.

„Высокопочетные, почтенные и любезные братья.

Удѣлять часть времени, посвящаемаго нами безмятежнымъ трудамъ нашимъ, изслѣдованію какого-либо правила, какой-либо мысли королевскаго искусства, есть обыкновеніе похвальное, полезное и издавна въ мастерскихъ нашихъ принятое. Позвольте же, братья, чтобы, сообразуясь съ онымъ, избралъ я при сегодняшнемъ празднествѣ предметомъ моего и вашего вниманія одно изъ первѣйшихъ и существеннѣйшихъ началъ нашего общества, служащее основаніемъ всему зданію, о коемъ великая ложа ежедневно слышитъ и которое выражается во всѣхъ обрядахъ нашихъ; позвольте мнѣ вамъ сказать нѣсколько словъ о равенствѣ.

Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного искренняго и прямодушнаго каменьщика, котораго бы, при входѣ въ сіе святилище, мысль сія не преисполняла сильнѣйшимъ чувствомъ, что не взирая на различіе званій, достоинствъ и отличій, прагъ сей переступаетъ онъ токмо, какъ человѣкъ, сотворенный на подобіе единаго Бога и стремящійся къ единому предназначенію. Мысль сія во всемъ пространствѣ своемъ уподобляется совершеннѣйшимъ подвигамъ нравственности и дѣйствуетъ на умъ человѣческій съ такою же силою, какъ и мысль о смерти.

Подобно тому, какъ гробы суть колыбели безсмертія, какъ въ тихой мрачности ихъ вечеръ протекшаго дня сливается съ разсвѣтомъ будущаго утра, уставы равенства, сей благотворной искры, сохраненной нами отъ вѣковъ прошедшихъ въ сокровенности нашей, процвѣтутъ нѣкогда, по истеченіи другихъ столѣтій, и по наступленіи опредѣленнаго часа возсіяютъ въ возрожденіи своемъ и возвратятъ намъ первобытную невинность, добродѣтель и счастіе. Возвратятъ, конечно. Но чтобы достигнуть до того, братья каменьщики, общество наше требуетъ отъ васъ единодушнаго, постояннаго и неутомимаго усилія; дабы быть въ состояніи слѣдовать къ высокой цѣли сей, вспомнимъ, братья, что намъ нужны двѣ вещи — ясное и основательное понятіе

о равенствѣ и безпрерывное примѣненіе онаго какъ въ ложѣ, такъ и внѣ ея.

Все подтверждаетъ намъ, что свободные каменьщики суть и были всегда между собою равны; какимъ образомъ равенство сіе сохраняется между нами, тому научаютъ всѣ работы наши. Священнымъ и умильнымъ именемъ брата называемъ мы мастера ложи и служителя оной. При ударѣ молотка, умолкаютъ у насъ и ученики первой степени и высшія свѣтила и предъ престоломъ высокопочтеннѣйшаго преклоняютъ колѣна сынъ и братъ королевскій, равно какъ и ремесленникъ, питающій себя трудами рукъ своихъ. Мы не признаемъ другого властелина, кромѣ закона; ему каждый изъ насъ безъ изъятія слѣпо долженъ повиноваться, ему каждый долженъ быть покорнымъ. Сіе-то истинное равенство, равенство передъ лицомъ закона, введено и сохраняется между нами вѣками. Изъ сего однакожъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ управляли, всѣ всѣмъ распоряжались, чтобы не было раздѣленія трудамъ и занятіямъ, чтобы не было возмездія за заслуги и должнаго уваженія къ справедливымъ наградамъ. Все сіе соглашается съ благоразумнымъ равенствомъ свободныхъ каменьщиковъ. Если бы свѣтъ, слѣдующій безъ намѣренія и не вѣдая о томъ тайному направленію нашему, ограничилъ себя въ предѣлахъ сего масонскаго равенства, то лѣтописи послѣднихъ двадцати годовъ не были бы обагрены кровью и запятнаны стыдомъ и безславіемъ, а народъ тотъ, который первый предъ другими народами торжественно огласилъ тайные уставы наши своими, не посрамилъ бы вольность, не помрачилъ бы священное дѣло, для котораго подвизался, не испыталъ бы, наконецъ, толикихъ бѣдствій и несчастій, кои, не взирая на чудеса храбрости, на неслыханныя побѣды, принуждаютъ его бороться вновь съ силами, противопоставленными ему духомъ тьмы. Но, подобно тому, какъ при міротвореніи всѣ смѣшанныя между собою стихіи дѣйствуютъ однѣ на другихъ, во взаимномъ бореніи мятутся, сталкиваются и потрясаются, доколѣ безсмертная сила однимъ творческимъ словомъ не воззоветъ устройства изъ среды хаоса и новаго свѣта, изъ среды мрака, устраивая и укрѣпляя всѣ уставы природы и распространяя тишину и порядокъ тамъ, гдѣ свирѣпствовали мраки и безпорядки,—такъ видимъ и мы, что послѣ необычайныхъ потрясеній нравственнаго міра, несмотря на запальчивую необузданность во время смятенія и на противныя усилія послѣ успокоенія, упрочились однакожъ отчасти основанія истиннаго равенства. Они укоренятся совершенно. Въ счастливыхъ пріемникахъ и луфтонахъ (такъ называются дѣти масоновъ) достигнемъ и мы, братія, достигнетъ священное общество наше современемъ высокой своей цѣли. Видѣть или предвидѣть сіе для свободнаго каменьщика—пріятнѣйшее удоволь-

ствіе. Вся жизнь его посвящена быть должна сей мысли, сему стремленію. А потому, братья, станемъ дѣйствовать въ семъ направленіи неутомимо, непрерывно и повсемѣстно. Такъ, братья, повсемѣстно Да обратится вниманіе ваше на предметъ сей и на приспособленіе онаго. Не довольно того, чтобы чтить равенство въ святилищѣ, чтобы видѣть брата въ каждомъ свободномъ каменьщикѣ; нужно еще, чтобы уваженіемъ къ священному сему завѣту сердце наше было столько имъ проникнуто, душа наша столько имъ преисполнена, естество наше столько съ нимъ соединено, чтобы мы видѣли и почитали человѣка намъ равнаго не одними словами, не поверхностью только, но въ самомъ существѣ, чтобы мы во всѣхъ людяхъ почитали наравнѣ человѣка: человѣка въ багряницѣ или рубищѣ, за плугомъ, съ перомъ, съ орудіемъ, съ пилою, со скипетромъ или съ аршиномъ въ рукахъ; ибо онъ вездѣ есть одно и то же существо, имѣетъ одинакое начало, одинаковое право на земное счастіе и одинаковое предназначеніе за гробомъ. Каждый изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, каждый изъ внимающихъ мнѣ имѣетъ дѣла (какъ говорятъ въ свѣтскомъ быту) съ высшими и низшими себя. Въ сношеніяхъ съ первыми должны чтить достоинство человѣка въ самомъ себѣ; въ сношеніяхъ съ послѣдними должно уважать достоинство сіе въ нихъ. Не должно обольщать первыхъ подлостью, пресмыканіемъ, уничиженіемъ и отреченіемъ отъ мнѣнія своего, дабы не подвергнуться отвѣтственности передъ Богомъ и совѣсти за чинимыя ими преступленія. Не должно гордостію, надменностію и властолюбіемъ отнимать у низшаго свободу мыслить; но должно просвѣщать его, защищать и нравственно возвышать и усовершать благоразумнымъ поведеніемъ и примѣромъ. Всякъ изъ насъ имѣетъ своего слугу; многіе, проходя военное или гражданское поприще, имѣютъ подчиненныхъ; многіе также владѣютъ землями, трудолюбивыми крестьянами населенными. Свободный каменьщикъ не долженъ забывать, что частный его слуга, что воинъ, подобно ему, но съ большою заслугою отечеству служащій, ибо безъ всякаго славолюбія жертвуетъ отечеству жизнію, что земледѣлецъ, тяжкими трудами котораго онъ пользуется,—суть люди ему подобные, совершенно ему равные. Небо для того допустило васъ быть свободными каменьщиками, чтобы вы съ рачительностію пеклись о благосостояніи существъ, вашему попеченію ввѣренныхъ. Трудитесь же въ просвѣщеніе ума въ благородствованіи сердецъ ихъ, поступайте съ ними ласково; если же необходимо употребить строгость, то умѣряйте оную кротостію и справедливостію. Помните всегда, что въ ту самую минуту, когда вы увлекаетесь неприличнымъ человѣческому достоинству гнѣвомъ, вы нарушаете обѣты и присягу и престаете быть масонами. Ибо человѣкъ, свирѣпствующій надъ человѣкомъ, учинив-

шись извергомъ, можетъ ли быть масономъ, витяземъ добродѣтели, жрецомъ въ святилищѣ человѣколюбія? О, братья мои, да проникнутъ слова сіи сердца ваши, да воспламенятъ вновь священныя искры сіи, обществомъ свободныхъ каменьщиковъ при основаніи своемъ въ нихъ зароненныя. Будемъ трудиться для человѣчества, будемъ трудиться единодушно и повсемѣстно. Будемъ уважать всѣхъ людей безъ изъятія, будемъ служить имъ безъ различія, изъ одного уваженія къ человѣчеству и равенству. Развращать порядокъ общественный, производить насильственно перемѣны въ ономъ не есть намѣреніе наше, не есть обязанность наша. Общество наше, подобно природѣ, дѣйствуетъ сокровенно, постоянно и единообразно; оно дѣйствуетъ силою чувствъ, силою убѣжденій, оно дѣйствуетъ посредствомъ вольныхъ каменьщиковъ на тѣхъ, кои къ намъ не принадлежатъ. — Въ семъ заключаются правила общества. Сообразуясь съ оными, будемъ дѣйствовать, сколько силы наши позволятъ, сколько отъ насъ зависитъ. Мы должны пользоваться всякою благопріятною минутою, всякимъ удобнымъ случаемъ и ежели крайняя необходимость заставитъ насъ быть орудіемъ такого дѣла, котораго свободный каменьщикъ ужасается, то доколѣ будетъ существовать сія необходимость, доколѣ оную отвратить не будетъ въ силахъ нашихъ, дотолѣ должны мы стараться, чтобы масонская совѣсть не могла упрекнуть насъ въ какомъ-либо произвольномъ преступленіи. Дѣйствуя такимъ образомъ, братья, въ скромномъ уединеніи, безъ тщеславія и повинуясь отношеніямъ внѣшнимъ, станемъ противоборствовать проискамъ тьмы, услаждать жребій страждущихъ, умножать число защитниковъ, уменьшать число утѣснителей; распространимъ царствіе равенства и, преобразивъ, такимъ образомъ, угнетателей въ человѣковъ, а всѣхъ людей—въ братьевъ, превратимъ вселенную въ единое неколебимое святилище добродѣтели и человѣколюбія".

Сообщилъ З. Н.

Запрещеніе употребленія слова „предлагаю“ въ предписаніяхъ военныхъ начальниковъ.

(Циркулярное отношеніе начальника штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса отъ 16-го октября 1839 г.).

Его императорское высочество командиръ корпуса [1]), замѣтивъ, что при перепискѣ по службѣ между разными лицами отдѣльнаго гвардейскаго корпуса многіе старшіе въ чинахъ начальники въ бумагахъ къ младшимъ себѣ лицамъ употребляютъ выраженіе „предлагаю“, тогда какъ старшій можетъ и обязанъ только приказывать младшему, а не предлагать ему, почему его высочеству угодно, чтобы въ форменныхъ бумагахъ выраженіе „предлагаю“ впредь употребляемо не было, а вмѣсто онаго писать „предписываю“ и пр.

Всякому военно-служащему извѣстно, что терминъ „предлагаю“ до сихъ поръ сохранился въ штилѣ канцелярской переписки.

Сообщ. **Мих. Соколовскій.**

---

[1]) Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

Какъ генералы при податной реформѣ Петра Великаго сдѣлались «переписчиками» [1]).

Петръ I, постоянно нуждаясь въ финансахъ, изыскивалъ разные способы, которыми возможно было бы пополнить государственную казну. Наиболѣе крупной мѣрой, направленной къ пополненію казны, была подушная перепись 1719—1727 года, благодаря которой правительству удалось встать ближе къ населенію и получать съ него значительно больше прежняго. Цѣль переписи была та, чтобы: 1) увеличить число плательщиковъ, заставить всякаго человѣка нести извѣстныя обязанности въ пользу государства, 2) болѣе равномѣрно распредѣлить между населеніемъ податное бремя. Дѣло переписи было поручено тогдашней администраціи,—губернаторамъ, воеводамъ и ландратамъ. Однако, во время хода самой переписи выяснилось, что во многихъ мѣстахъ произошли „утайка" и „прописка" душъ: въ однихъ случаяхъ помѣщики или само населеніе старалось уменьшить наличное количество мужского пола душъ, ради „легкости" въ податяхъ, въ другихъ случаяхъ регистрація происходила небрежно, пропускали души „невѣдѣніемъ", ошибкой.

Выяснилась необходимость—обревизовать данныя переписи, произвести ихъ строгую провѣрку. Первоначально провѣрка была поручена той же администраціи,—губернатарамъ и воеводамъ [2]) и, можетъ быть, она въ значительной мѣрѣ не дала бы тѣхъ результатовъ, какіе оказались налицо позднѣе. Но благодаря разнымъ обстоятельствамъ,

---

[1]) Свѣдѣнія для этой замѣтки взяты преимущественно изъ матеріаловъ, хранящихся въ Москов. архивѣ м. ю. (дѣла Сената. № 659 и др.).

[2]) Указъ отъ 11 мая 1721 г. (П. С. З., № 3782).

о которыхъ частью будетъ сказано ниже, дѣло ревизіи перешло въ другія руки,—къ военнымъ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, которые стали производить ревизію съ большой строгостью и неослабнымъ вниманіемъ. Ревизія въ общемъ продолжалась болѣе 6 лѣтъ и дала поразительные результаты: до ревизіи общее число переписанныхъ душъ во всемъ государствѣ доходило до 4.035.630, а послѣ нея—до 5.794.928,—въ общемъ пропущено было свыше 30% наличнаго количества душъ, въ отдѣльныхъ же провинціяхъ (напр., бахмутской) пропускъ превышалъ 50%, такъ что здѣсь въ перепись вначалѣ попадала меньшая половина населенія [1]).

Какимъ же образомъ случилось, что генераламъ, людямъ военнымъ, занятымъ своими чисто военными дѣлами, вдругъ поручено было дѣло не ихъ спеціальности, а именно: „свидѣтельствованіе м. п. душъ", чѣмъ до того времени были заняты административные чиновники.

Для объясненія этого нужно вспомнить, что податная реформа въ своемъ происхожденіи была тѣсно связана съ вопросомъ о содержаніи арміи. Къ концу 20-хъ годовъ Сѣверная война прекращалась. Возникалъ вопросъ о томъ, какъ устроить армію, когда она вся вернется въ Россію, откуда брать средства на ея содержаніе. Отвѣтомъ былъ проектъ о подушномъ обложеніи, по которому предполагалось распредѣлить полки по отдѣльнымъ губерніямъ и возложить ихъ содержаніе на мѣстное населеніе, при чемъ подати должны падать на каждое лицо мужскаго пола, отъ мала до велика, въ одинаковомъ размѣрѣ, а въ общей сложности должны давать сумму, достаточную для содержанія всей арміи. Когда проектъ сталъ приводиться въ исполненіе, то передъ правительствомъ встали двѣ крупныя работы: 1) нужно было исчислить населеніе, произвести поголовную перепись лицамъ мужскаго пола, на которыхъ падалъ налогъ, 2) нужно было расположить полки по этимъ душамъ, т. е. выдѣлить особые округа съ опредѣленнымъ количествомъ душъ, расквартировать въ нихъ полки, и устроить порядокъ обложенія и сбора такъ, чтобы подушная подать съ извѣстнаго округа шла на опредѣленный полкъ.

Первоначально эти двѣ работы выполнялись разными лицами; переписью занимались административные чиновники, расквартированіемъ полковъ—военные. Что касается послѣдняго, то дѣло происходило такъ. Еще не закончилась перепись населенія, какъ Петръ I, торопившійся съ устройствомъ арміи, 27-го января 1721 года послалъ въ Новгородскую провинцію генералъ-майора Волкова для примѣр-

[1]) См. Милюкова П. Н., Государственное хозяйство Россіи, 2 изд., П., 1905 г. стр. 474; Богословскаго М. М., Областная реформа Петра Великаго, М., 1902 г., стр. 345.

наго расквартированія въ ней двухъ полковъ: пѣхотнаго и драгунскаго, чтобы, пользуясь этимъ опытомъ, позднѣе расквартировать всю армію повсемѣстно. Волкову дана была инструкція [1]), изъ которой видно, что онъ долженъ былъ заниматься только однимъ дѣломъ,— расквартированіемъ полковъ и распредѣленіемъ ихъ на наличное количество душъ.

Какъ только Волковъ получилъ инструкцію, онъ обратился въ канцелярію бригадира Зотова (при Сенатѣ), которая вѣдала всѣмъ переписнымъ дѣломъ въ имперіи, съ требованіемъ, чтобы ему были выданы копіи ревизскихъ сказокъ, по которымъ онъ могъ бы распредѣлить полки на души. Но у Зотова ревизскія сказки оказались въ одномъ экземплярѣ, онѣ необходимы были ему самому для подведенія общихъ итоговъ переписи. Можно было бы списать копіи, но это дѣло требовало много времени и значительнаго количества рукъ, а у Зотова въ канцеляріи подьячихъ всегда была нехватка, и отвлекать ихъ сторонней работой не представлялось возможнымъ, тогда какъ Волковъ, будучи весьма исполнительнымъ человѣкомъ, торопился выѣхать въ Новгородъ какъ можно скорѣе. Въ это время случайно въ Петербургъ пріѣхалъ новгородскій воевода, князь Хилковъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сообщилъ, что у него въ канцеляріи имѣются копіи ревизскихъ сказокъ и что онъ можетъ доставить ихъ въ самомъ скоромъ времени въ Петербургъ. Зотовъ и Волковъ этому были очень рады: предложеніе Хилкова выводило благополучно изъ затрудненій обоихъ. Черезъ нѣкоторое время нарочный привезъ сказки (въ копіяхъ); онѣ были свѣрены съ тѣми, которыя хранились въ канцеляріи Зотова, и одинъ изъ экземпляровъ, а именно, подлинныя ревизскія сказки были вручены Волкову. Послѣдній немедля отправился на мѣсто своего назначенія и энергично взялся за исполненіе порученнаго дѣла.

Между тѣмъ, въ собранномъ Зотовымъ переписномъ матеріалѣ по свѣркамъ и справкамъ оказались „многія неисправы" и весьма значительная „утайка" душъ мужскаго пола. Сенатъ сначала поручилъ произвести повѣрку этой переписи отдѣльнымъ лицамъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но потомъ пришелъ къ выводу, что подобную повѣрку слѣдуетъ устроить повсемѣстно. 11-го мая 1721 г. былъ изданъ указъ: людей дворцовыхъ и государевыхъ, въ селахъ и деревняхъ всякаго званія людей, а также въ городахъ и уѣздахъ однодворцевъ и прочихъ разночинцевъ „освидѣтельствовать по сказкамъ самимъ губернаторамъ и воеводамъ. А ежели самимъ за подлинною болѣзнью ѣхать будетъ не можно, то для того выбрать и послать

---

[1]) П. С. З., № 3720.

вѣрныхъ людей, за кого бы они могли отвѣтъ дать и велѣть по поданнымъ первымъ и пополнительнымъ сказкамъ, каковы въ тѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ остались (не взирая на оныя), въ городахъ и уѣздахъ освидѣтельствовать, въ каждомъ городѣ, селѣ и деревнѣ оныхъ всякаго званія людей, правдою-ль тѣ сказки поданы, и нѣтъ ли гдѣ утаенныхъ и прописныхъ, и ежели явятся таковыхъ переписки вновь только тѣхъ, кто былъ въ утайкѣ и припискѣ, а вновь переписи всѣмъ не чинить [1]).

Когда этотъ указъ пришелъ въ Новгородъ, то воевода князь Хилковъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе: сказокъ, по которымъ можно было бы произвести повѣрку, у него на рукахъ не было. Однако, Хилковъ вышелъ изъ затрудненія весьма удачно,—онъ рѣшилъ отбояриться отъ хлопотливой работы. Вскорѣ же, 24-го мая, онъ писалъ въ Сенатъ: „вышеупомянутаго свидѣтельства чинить ему не почему, понеже сказокъ оставшіе копіи по указу изъ Сената взяты въ канцелярію бригадира Зотова, а подлинныя сказки отданы для расположенія полковъ генералъ-майору Волкову", который къ тому же и новгородскихъ подьячихъ забралъ. А потому кн. Хилковъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы провѣрка переписи была съ него снята и поручена г.-м. Волкову.

Это дѣло Сенатъ 2-го іюня обсудилъ, было рѣшено ходатайство новгородскаго воеводы удовлетворить и свидѣтельствованіе душъ возложить на Волкова. Въ Новгородъ былъ посланъ указъ, которымъ повелѣвалось: „оное свидѣтельство учинить генералъ-майору Волкову, понеже для расположенія полковъ посланъ въ ту провинцію онъ Волковъ и подлинныя сказки отданы ему, а копіи, которыя съ тѣхъ сказокъ оставлены были въ Новгородѣ, взяты къ бригадиру Зотову". Однако, Волковъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему поручалось дѣло, которое не имѣло прямого отношенія къ его ближайшей задачѣ—устройству и расквартированію полковъ; онъ хотѣлъ было, несмотря на категорическій смыслъ сенатскаго указа, отклонить отъ себя новое сложное порученіе. Ему далеко не улыбалась перспектива заняться канцелярской работой по повѣркѣ переписи. 7-го іюля Волковъ шлетъ въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ онъ писалъ, что „во оное свидѣтельство про утаенныхъ и прописныхъ въ сказкахъ безымяннаго указу, оставя настоящее, порученное ему отъ Его Величества дѣло, вступить онъ не смѣетъ, понеже отъ того въ расположеніи полковъ, которое они нынѣ отправляютъ, учинится остановка; а что воевода князь Хилковъ отговаривается, что того свидѣтельства чинить ему непочему... то (по требованію воеводы)... подлинныя сказки отправлены къ нему бу-

[1]) См. П. С. З., № 3782.

дутъ въ немедленномъ времени, для того, что съ тѣхъ сказокъ сдѣланы у нихъ къ свидѣтельству м. п. душъ именные списки, также и подьячіе, которые отъ него взяты были на время, и изъ нихъ больше половины паки къ нему отосланы".

Видимо, Волковъ хотѣлъ использовать все, чтобы только не ему заниматься повѣркой переписи: онъ ссылался на волю самого царя, обѣщалъ подлинныя сказки передать Хилкову и часть подъячихъ уже отпустилъ обратно въ воеводскую канцелярію. Но отписка Волкова успѣха не имѣла. 14-го августа Сенатъ, слушавъ это дѣло, „приговорилъ": „а то свидѣтельство ему, г.-м. Волкову, чинить по прежнему его великаго государя указу и ихъ сенатскому приговору іюня 2-го дня с. г., понеже онъ въ ту провинцію посланъ для расположенія полковъ по именному е. в. государя указу и при томъ расположеніи свидѣтельствовать ему удобнѣе и подлинныя сказки отданы ему".

Вскорѣ же, 16-го августа, Волкову былъ посланъ соотвѣтствующій указъ. Волкову ничего не оставалось дѣлать, какъ приняться за свидѣтельствованіе душъ. Но какъ пунктуальный исполнитель и дѣлецъ, онъ принялся за это дѣло съ большой энергіей. Въ случаяхъ сомнительныхъ, когда онъ не зналъ, какъ поступить, онъ обращался въ Сенатъ, а иногда прямо къ самому царю съ ходатайствомъ указать, какихъ правилъ держаться при ревизіи. Отвѣтомъ на такія доношенія нерѣдко были указы, которые потомъ пріобрѣтали общее значеніе въ качествѣ руководящихъ нормъ для всѣхъ „переписчиковъ"-ревизоровъ [1]).

Когда свидѣтельствованіе душъ и расположеніе полковъ пошло у Волкова очень успѣшно, то правительствомъ рѣшено было, по примѣру новгородской провинціи, разослать повсюду по губерніямъ „знатныхъ людей" изъ генералитета и штабъ-офицеровъ, которымъ и поручить расположеніе полковъ и свидѣтельствованіе душъ [2]). Имъ дана была обширная инструкція, въ которой, кромѣ правилъ о расположеніи полковъ, сообщалось подробно, какъ они должны были свидѣтельствовать души и съ кого взыскивать за утайку, при чемъ они не должны были останавливаться даже передъ тѣмъ, чтобы „тѣхъ селъ и деревень (гдѣ произошли утайки) прикащиковъ и старостъ разспрашивать и розыскивать и пытать, оную утайку чего для чинили". Съ этого времени посланныя лица (большинство изъ нихъ были генеральскаго чина) стали называться „переписчиками", а также „генералитетомъ и штабъ-офицерами, которые посылаются въ губерніи и провинціи для свидѣтельствованія душъ и расположе-

[1]) См. П. С. З., №№ 3802, 3857 и др.
[2]) Тамъ же, №№ 3871, 3901.

нія полковъ", а ихъ дѣло повѣрки переписи—„ревизіей". Губернаторы же и воеводы были отстранены отъ свидѣтельствованія душъ,—они должны были только помогать переписчикамъ.

Когда генералы-переписчики разъѣхались по губерніямъ, то каждый открылъ у себя особую канцелярію, которая оффиціально называлась „канцелярія свидѣтельствованія м. п. душъ и расположенія полковъ" или „канцелярія вѣдѣнія такого-то (напр., г.-м. Чернышева). У каждаго изъ „переписчиковъ" былъ значительный штатъ подчиненныхъ лицъ, состоящій изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ тѣхъ полковъ, которые предстояло расквартировать въ назначенной мѣстности; они были его ближайшими помощниками и исполнителями его приказаній. Величина военныхъ отрядовъ, находившихся подъ началомъ у генерала-переписчика, была довольно значительна. Такъ, въ небольшой Нижегородской губерніи у г.-м. Салтыкова въ распоряженіи было нѣсколько сотъ человѣкъ. Если взять во вниманіе „реестръ штабъ и оберъ-офицерамъ, которые посланы въ разныя провинціи Нижегородской г. (для свидѣтельствованія душъ) и при нихъ подьячіе" 1722 г., то тамъ поименно названо 77 человѣкъ; къ этому нужно еще присоединить значительный контингентъ простыхъ нижнихъ чиновъ. Вообще говоря, личный составъ команды г.-м. Салтыкова колебался отъ 132 человѣкъ до 306, чаще же всего онъ былъ около 200. Въ другихъ же губерніяхъ, болѣе обширныхъ команды переписчиковъ были гораздо больше. Съ теченіемъ времени ревизія отвлекла къ себѣ такое число офицеровъ, что въ полкахъ чувствовался недостатокъ командировъ, и военное вѣдомство было серьезно обезпокоено этимъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ ревизія душъ обратилась въ сложную работу. Ревизія стала „не простой статистической регистраціей податнаго населенія", а сложной перестройкой общественныхъ группъ, при которой отъ переписчика требовалось, кромѣ энергіи и исполнительности, еще знаніе мѣстныхъ особенностей, знаніе юридической природы отдѣльныхъ группъ населенія и умѣнье разбираться въ нестройномъ, запутанномъ составѣ общественныхъ классовъ [1]). Повидимому, переписчики въ общемъ довольно удачно выполнили возложенное на нихъ порученіе. Если даже взять чисто количественную сторону переписи, то успѣхъ ихъ выразился въ внушительной цифрѣ: они сумѣли отыскать сверхъ поданныхъ сказокъ почти два милліона новыхъ душъ. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ той строгости, съ которой они, какъ люди военные, производили ревизію переписи [2]).

М. Клочковъ.

---

[1]) Ср. Богословскаго, Областная реформа, стр. 353.

[2]) См. Милюкова, Государственное хозяйство, 478.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ.

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

I.

Миръ заключенъ. Кончилась русско-японская война, но воспоминаніе объ ея ужасахъ никогда не изгладится изъ памяти русскаго народа. И неужели же это несчастіе должно было неминуемо случиться? Нѣтъ, мнѣ кажется, что этого могло бы и не быть, если бы мы своевременно обратили вниманіе на Приамурскій край. Въ моемъ воображеніи рисуется такая картина. Полвѣка тому назадъ, по занятіи русскими Приамурскаго края, его стали заселять не сынками, т. е. штрафованными солдатами изъ гарнизоновъ Европейской Россіи, а свободнымъ, трудящимся людомъ, и теперь край густо заселенъ. По Амуру и Уссури многолюдные города съ церквами, школами, больницами, библіотеками, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что должно быть въ культурныхъ странахъ. Хитанъ прорѣзанъ тунелями, желѣзная дорога соединяетъ Срѣтенскъ съ Николаевскомъ и Хабаровскъ съ Владивостокомъ. Мѣста, годныя для земледѣлія, обработаны. Сѣютъ рожь, пшеницу, ярицу, овесъ, ячмень, ленъ, коноплю, гречиху. (Уже извѣстно, что все это можетъ произрастать въ Приамурскомъ краѣ и сѣется; но какъ и въ какомъ количествѣ!). Край не только питается собственнымъ хлѣбомъ, но въ случаѣ надобности въ состояніи прокормить какую угодно армію. На низкихъ, подверженныхъ наводненіямъ, мѣстахъ устроены дамбы. Всюду покосы, стада гуляютъ на необозримыхъ пастбищахъ.

Въ долинахъ Суйфуна, Лефу, Даубихе не манзы, а русскіе охотятся на пушнаго звѣря, преимущественно соболя и оленя, панты

(молодые рога) котораго иногда стоютъ до 400 рублей, ищутъ дорогой дженъ-шенъ и золото. Лѣса не выжигаются зря на десятки верстъ, а берутся, и наиболѣе дорогіе породы, какъ-то: бархатное дерево, пробковое, кленъ, груша даже вывозятся за границу. Пчеловодство и плодоводство процвѣтаетъ въ Хабаровскѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а прекрасная рыба кэта (родъ семги) и сахалинская селедка наводнили всѣ европейскіе рынки. Каменный уголь добываютъ на Сахалинѣ, въ заливѣ Посіета, на Муравьевѣ-Амурскомъ, на Сучанѣ. Въ заливѣ Ольги — желѣзные рудники, въ бухтѣ Побережья — „серебро свинцовое"; по Амуру и его притокамъ—золотые пріиски. А морская капуста, краббы, креветы, устрицы, трепанги! А котиковые и китовые промыслы чего стоятъ! Вѣдь, океанскій китъ даетъ до 15.000 руб. Много богатства въ благодатномъ Приамурскомъ краѣ, и всѣ эти богатства не расхищаются, а эксплоатируются съ толкомъ.

Владивостокъ—военный и коммерческій портъ, красуется надъ бухтой Золотой Рогъ, одной изъ лучшихъ въ мірѣ бухтъ по красотѣ и морскимъ качествамъ. Не легко было укрѣпить этотъ оплотъ богатой окраины, но денегъ не пожалѣли. Арсеналы Владивостока полны новѣйшихъ оружій; склады ломятся отъ количества запасовъ и снарядовъ, а грозныя батареи устрашаютъ врага. Русскимъ судамъ нѣтъ надобности заходить послѣ аварій въ японскіе доки: у нихъ свой прекрасный докъ, которымъ пользуются и иностранцы. Россіи нечего бояться врага; да онъ и не посмѣетъ...

Такъ было бы, владѣй Приамурскимъ краемъ не мы, а какая-нибудь другая культурная нація. У насъ не то; тяжело и больно это сознавать!

Тутъ изъ области фантазіи мысли мои переносятся къ пережитой дѣйствительности, за тридцать лѣтъ назадъ, и живо припоминается, какимъ былъ Приамурскій край тогда, 20 лѣтъ спустя послѣ его занятія.

Въ 1872 году мужъ мой получилъ назначеніе на Амуръ, въ село Хабаровку. Ему было тридцать лѣтъ, мнѣ девятнадцать, нашему ребенку полгода. Родные находили безуміемъ съ нашей стороны пускаться въ странствованіе въ неизвѣстный, далекій край, но мы ничего не боялись: молодость любитъ неизвѣданное. Я недавно окончила институтъ; въ моихъ ушахъ еще звучали напутственныя слова воспитательницъ: „propagez la science, mes enfants". И вотъ я мечтала заняться этимъ дѣломъ въ новомъ краѣ, о которомъ ничего не знала кромѣ того, что онъ новый, и что каждый обязанъ по мѣрѣ силъ трудиться на его пользу. Мужъ, вѣроятно, думалъ приблизительно то же: вѣдь, люди шестидесятыхъ годовъ были вообще склонны къ фантазіямъ и иллюзіямъ.

Въ концѣ апрѣля мы выѣхали изъ О. съ ребенкомъ, но безъ няни, потому что на такую роскошь не имѣли средствъ. На дорогу мужъ купилъ только ружье, шубу да сѣдло, а думать о туалетѣ намъ и въ голову не приходило.

Отъ О. до Москвы, а отъ Москвы до Нижняго мы проѣхали по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ; отъ Нижняго до Перми на пароходѣ. Въ Перми мы узнали, что первый пароходъ, ушедшій изъ Тюмени, попалъ въ ледоходъ. Пришлось бы ждать нѣсколько дней въ Тюмени до отхода второго, а потому мы купили тарантасы и рѣшили ѣхать на лошадяхъ. Нѣсколько станцій ѣхали на почтовыхъ, а затѣмъ—на „дрожкахъ", такъ какъ это было и дешевле, и скорѣе. Въ тѣ времена крестьяне Западной Сибири жили довольно богато, держали много лошадей и охотно везли пассажировъ на своихъ лошадяхъ до самаго Томска. Поѣздка на „дрожкахъ" устраивалась такимъ образомъ: какой-нибудь богатый крестьянинъ обязывался доставить путешественника до любого мѣста дешевле, чѣмъ стоило прежде на почтовыхъ. Первыя 40 или 50 верстъ крестьянинъ везъ проѣзжаго на собственныхъ лошадяхъ, затѣмъ передавалъ его въ какомъ-нибудь большомъ селѣ своему знакомому „дружку", этотъ слѣдующему и т. д. Дороги были невозможныя; тѣмъ не менѣе, мы ѣхали день и ночь и только изрѣдка, когда очень утомлялись, останавливались ночевать у какого-нибудь „дружка". Крестьянскіе дома содержались чисто. Какъ теперь вижу: бѣлые, вымытые полы и стѣны, въ углу образа, на стѣнѣ зеркало съ бѣлоснѣжнымъ, прибраннымъ полотенцемъ; герани и фуксіи на окнахъ; на столѣ блестящій, большой самоваръ; во второй горницѣ—огромная, деревянная кровать съ пуховиками и подушками чуть не до потолка. Упитанная, любезная хозяйка, жена „дружка", предлагаетъ густыхъ сливокъ къ чаю, кринку молока, щей или жареную куру и свою кровать на ночь для меня съ ребенкомъ. Послѣднимъ предложеніемъ я никогда не пользовалась, а предпочитала спать въ тарантасѣ, во дворѣ. Многимъ теперь такое путешествіе покажется сплошнымъ мученіемъ, но мы этого не чувствовали. Правда, первое время ѣзда на лошадяхъ очень утомляла, голова кружилась, ощущалась разбитость во всемъ тѣлѣ; спать мы не могли, но кто-то посовѣтовалъ намъ не сидѣть въ тарантасѣ, а лежать, и, дѣйствительно, это оказалось гораздо удобнѣе, толчки на ухабахъ переносились легче, такъ что мы прекрасно спали ночи и просыпались только тогда, какъ подъѣзжали къ станціи или какой-нибудь большой рѣкѣ. Тутъ тарантасъ останавливался, и ямщикъ кричалъ перевозчикамъ: „Эй, вы, подавай карбазъ!" Иногда карбазъ оказывался за рѣкой, и приходилось ждать его полчаса и больше. Затѣмъ, не выпрягая лошадей, экипажъ съ

сѣдоками ставили на карбазъ и гребли на другой берегъ. Случалось, что тутъ же перевозили и какого-нибудь крестьянина съ телѣгой, тогда на карбазѣ становилось тѣсно, и казалось: вотъ, вотъ, лошади подадутся впередъ, и мы улетимъ въ рѣку; но привычныя животныя стояли какъ вкопанныя, и мы благополучно переправлялись на другой берегъ.

Въ то время ѣзда по Западной Сибири была не совсѣмъ безопасна: нерѣдко случалось, что у пріѣзжихъ отрѣзали привязанные сзади экипажей чемоданы, но мы путешествовали благополучно. Подъѣзжая къ Томску, мужъ попросилъ „дружка" завезти насъ не на почтовую станцію, а въ какую-нибудь скромную гостиницу, гдѣ бы можно было спокойно переночевать. Хозяинъ гостиницы намъ не понравился; проѣзжихъ, кромѣ насъ, въ ней не было ни души, что показалось намъ подозрительнымъ; тѣмъ не менѣе, мы рѣшили остановиться, потому что очень утомились. Заказали самоваръ, внесли въ комнату вещи, и мужъ пошелъ въ городъ купить какой-нибудь провизіи. Не прошло часа, какъ онъ вернулся встревоженный и объявилъ, что сейчасъ уѣзжаетъ, и уже ведутъ почтовыхъ лошадей. Ему сказали въ булочной, что гостиница, въ которую завезъ насъ „дружокъ"—разбойничій притонъ, гдѣ обворовываютъ или убиваютъ. Это былъ единственный, непріятный инцидентъ до самаго Иркутска. Въ Восточной Сибири по почтовому тракту грабежей и убійствъ почти не случалось. То и дѣло встрѣчались проѣзжіе, тянулись безконечные обозы; тащились переселенцы, попадались бѣглые каторжники. Послѣдніе, не скрываясь, подходили къ экипажу и просили „подать несчастненькому"; мы подавали, и они шли дальше. Намъ говорили, что въ деревняхъ для этихъ челдоновъ (такъ называли въ Сибири бѣглыхъ каторжныхъ) хозяйки выставляли на ночь за ворота кринки съ молокомъ и ковриги хлѣба. Бѣглые принимали даръ и уходили, не причинивъ никому вреда.

Переселенцы представляли собою жалкую картину: исхудалые, оборванные, они еле плелись или ѣхали на телѣгахъ съ ребятами и разнымъ скарбомъ; тутъ же гнали иногда коровъ и телятъ. Случалось, что до мѣста своего переселенія несчастные путешествовали года полтора, терпѣли страшную нужду, болѣли, умирали; въ особенности — дѣти.

Иногда мы обгоняли партіи каторжныхъ; угрюмыя лица, злобные взгляды, которыми они провожали экипажъ; телѣги съ отсталыми и больными; конвой съ ружьями; побрякиваніе цѣпей, — все, вмѣстѣ взятое, оставляло чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.

Въ Иркутскѣ мы отдыхали дней пять. Величественный Байкалъ, въ прозрачной водѣ котораго на саженной глубинѣ виденъ каждый

камень, былъ гладокъ, какъ зеркало. Сидя на палубѣ, мы любовались видомъ озера и его живописныхъ, крутыхъ береговъ и не замѣтили, какъ нашъ жалкій пароходишко, пыхтя и треща, подошелъ къ Посольску. Часть пути отъ Посольска до Верхнеудинска приходилось ѣхать по высокому берегу рѣки Селенги. Почтовая дорога, шириной саженей въ пять, проходила мѣстами по скаламъ и защищалась отъ пропасти деревянными перилами, зачастую подгнившими и покосившимися. Съ одной стороны экипажа—огромная скала; съ другой—обрывъ въ рѣку. Кругомъ природа величественная, грозная и суровая дѣйствовала подавляюще. Становилось жутко: фантазія рисовала мрачныя картины: вотъ оторвется кусокъ скалы, свалится колесо, порвется возжа, лошади понесутъ, и тогда конецъ земному странствію... Такъ люди ѣздили десятки лѣтъ и катастрофъ не случалось, только благодаря привычкѣ лошадей и опытности ямщиковъ.

За Верхнеудинскомъ начинается Бурятская степь. Какъ только тарантасъ нашъ подъѣзжалъ къ станціи, его мигомъ окружала толпа бурятъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Приземистые, съ узкими, косыми глазами, всѣ „въ малахаяхъ" (мѣховыя шапки) и „въ турлукахъ" (длинная мѣховая рубашка), они удивительно походили другъ на друга. Только серебряныя кольца въ ушахъ и у богатыхъ маржаны (нитки коралловъ) на шеяхъ отличали женщинъ отъ мужчинъ. Прежде всего, собравшіеся начинали что-то кричать, повидимому, спорили, кому ловить лошадей, и затѣмъ нѣсколько человѣкъ убѣгало. Ловля лошадей производилась такимъ образомъ: буряты садились на коней, брали укрюки (длинный шестъ съ веревочной петлей на концѣ), въѣзжали въ табунъ и гнались за тѣми лошадьми, которыхъ нужно было поймать. Накинувъ на шею коня петлю, затягивали ее и треножили коней, то есть связывали каждому три ноги кожанными ремнями; затѣмъ приводили его на станцію и запрягали, не снимая треногъ. Когда вся тройка была уже запряжена, ямщикъ сидѣлъ на козлахъ и мы были уже въ тарантасѣ, трое бурятъ брали лошадей подъ уздцы, а трое другихъ снимали съ нихъ треноги; при словѣ „готово", державшіе быстро отскакивали, а лошади неслись во весь духъ версты двѣ, но потомъ успокаивались и шли ровнымъ аллюромъ верстъ десять, двѣнадцать въ часъ. Иногда на козлахъ вмѣсто ямщика оказывалась „бацаганъ" — бурятская дѣвушка, лѣтъ пятнадцати.

Удивительно, что въ Бурятской степи всѣ русскіе бойко болтали по-монгольски, а буряты плохо говорили по-русски. Русскіе и наружностью походили на бурятъ: узкоглазые, скуластые, только лицомъ немного бѣлѣе. Какъ видно, при смѣшеніи монгольская раса побѣждала кавказскую.

Въ Читѣ мы узнали, что въ Нерчинскомъ округѣ и въ верховьяхъ Амура — наводненіе, и нѣтъ проѣзда между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ. Я съ ребенкомъ осталась въ Читѣ у родственниковъ, а мужъ на перекладныхъ отправился дальше.

Чита стоитъ точно въ ямѣ. По серединѣ города проходилъ глубокій оврагъ (быть можетъ, теперь его уже засыпали), по которому ранней весной несся съ горъ шумный потокъ и уносилъ въ Ингоду всѣ, накопившіяся за зиму въ оврагѣ, нечистоты: навозъ, который сваливали въ него обыватели съ разрѣшенія полиціи, трупы кошекъ, собакъ, крысъ и проч. Оврагъ этотъ назывался рѣчкой Кайдаловкой и въ жару совершенно высыхалъ, заражая трупнымъ запахомъ весь городъ. Каждое лѣто здѣсь свирѣпствовали эпидеміи желудочныхъ болѣзней и дезинтеріи, отъ которыхъ умирало множество дѣтей. Я очень боялась за ребенка, но приходилось сидѣть и ждать, пока спадетъ вода и возстановится почтовое сообщеніе. Наступилъ августъ; отъ мужа съ дороги получила письмо съ изображеніемъ печальной картины, какую представляли собою затопленныя мѣста. Цѣлыя селенья стояли подъ водой. По Шилкѣ и Амуру уносились теченіемъ стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, бревна и имущество несчастныхъ жителей. Даже въ Благовѣщенскѣ, главномъ городѣ Амурской области, по улицамъ плавали лодки, спасая женщинъ и дѣтей.

Я положительно не знала, что мнѣ дѣлать: знакомые совѣтывали дожидаться санняго пути, а мужъ просилъ выѣхать при первой возможности.

Однажды, въ серединѣ августа, я пошла съ офицеромъ Е. посмотрѣть на разливъ рѣки Читы. Проходя мимо дома областного почтмейстера, мой знакомый увидѣлъ, что во дворѣ смазываютъ тарантасъ.

„Куда это можетъ ѣхать почтмейстеръ въ такое время“?—сказалъ офицеръ,—пойду спрошу и, не долго думая, вошелъ во дворъ.—„Вотъ вамъ и хорошій попутчикъ,—заявилъ Е., вернувшись ко мнѣ.—Почтмейстеръ ѣдетъ въ Нерчинскъ; просите его взять васъ съ собой. Изъ Нерчинска уже какъ-нибудь доберетесь до Срѣтенска, въ крайнемъ случаѣ проживете у Б. до санняго пути“.

Я тотчасъ же пошла къ почтмейстеру, который оказался очень обязательнымъ, пожилымъ человѣкомъ и охотно согласился проводить меня до Нерчинска.

На другой день мы выѣхали изъ Читы въ двухъ экипажахъ: въ одномъ почтмейстеръ съ человѣкомъ; въ другомъ я съ ребенкомъ и няней, дѣвочкой лѣтъ четырнадцати изъ читинскаго пріюта. До Нерчинска доѣхали прекрасно. На станціяхъ мой спутникъ занималъ ребенка, пока мы съ няней ѣли, пили и стирали пеленки, которыя потомъ сушили на ѣздѣ, подвѣшивая къ козламъ.

Между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ еще не было возстановлено почтоваго сообщенія; почта отправлялась съ почталіономъ до того пункта, до котораго возможно было проѣхать и куда долженъ былъ придти за почтой пароходъ изъ Срѣтенска. Я упросила почтмейстера разрѣшить мнѣ ѣхать съ почталіономъ. Онъ, конечно, позволилъ, но предупредилъ, что почта можетъ прибыть къ мѣсту раньше, чѣмъ подойдетъ пароходъ, и мнѣ придется ночевать на берегу, а то и прождать цѣлыя сутки.

На утро мы съ почталіономъ выѣхали изъ Нерчинска. На мое счастіе дождя не было, а ожидать парохода пришлось часа два на берегу Шилки. Къ вечеру мы благополучно добрались до Срѣтенска. Переночевавъ на почтовой станціи, я на другой день уже сѣла на пароходъ, уходившій въ Николаевскъ.

На всемъ пути отъ Срѣтенска до Покровки, гдѣ Шилка, сливаясь съ Аргунью, образуетъ Амуръ, не было почти никакихъ поселеній, кромѣ станцій, между которыми дороги не существовало; сообщались онѣ лѣтомъ водой, зимою по льду, а осенью и весной по горнымъ лѣснымъ тропинкамъ вьюкомъ, съ опасностью жизни, почему, вѣроятно, и станціи эти носили странное названіе „Семь смертныхъ грѣховъ".

За Албазиномъ уже чаще встрѣчались станицы, но все же Амуръ производилъ впечатлѣніе огромной пустыни.

Вода въ Шилкѣ и Амурѣ была еще высока: на мель мы не садились, брали у пристаней дрова и, не останавливаясь, шли дальше.

Въ то время пароходное сообщеніе въ Приамурскомъ краѣ находилось въ рукахъ „Товарищества Амурскаго пароходства", которому были переданы ходившіе ранѣе по Амуру казенные пароходы; за провозъ почты и казенныхъ грузовъ „Товарищество" ежегодно получало отъ казны 350.000 рублей.

II.

30-го августа подъ вечеръ мы подошли къ Хабаровкѣ. На пристани или, вѣрнѣе, на какой-то старой баржѣ стоялъ мой мужъ. Увидѣвъ его цѣлымъ и невредимымъ, я забыла всѣ пережитыя тревоги.

Онъ повелъ насъ въ нанятую уже у одного купца квартиру, т. е. избу — изъ одной комнаты съ перегородкой и кухни съ огромной русской печью. „Ужъ извини, лучшаго ничего нѣтъ; почти всѣ здѣсь помѣщаются также", — сказалъ мнѣ мужъ въ утѣшеніе.

Обстановка квартиры состояла: изъ трехъ деревянныхъ кроватей, трехъ стульевъ и стола; въ кухнѣ—соотвѣтственное богатство посуды,

хозяйственный инвентарь: лошадь, корова, бочка соленой кэты, бочка солонины; прислуга: денщикъ Семенъ—умный добродушный малый изъ Красноярска и кухарка Пелагея изъ каторжныхъ.

Въ тѣ времена, когда партіи каторжныхъ проходили черезъ Хабаровку, служащимъ позволялось выбирать изъ нихъ женскую прислугу. Сахалина боялись, и потому желавшихъ остаться въ Хабаровкѣ было много; выбирай—кого хочешь. Выбирали обыкновенно по физіономіи и зачастую удачно. Между каторжными женщинами попадались хорошіе люди, особенно изъ тѣхъ, которыя ссылались за убійства. Такихъ и предпочитали выбирать, принимая въ соображеніе, что убить способенъ и порядочный человѣкъ, а воръ, особенно рецидивистъ,—уже навѣрно дрянь. Моя Пелагея была сослана за убійство мужа и впослѣдствіи разсказывала мнѣ, что ее сослали по оговору; это весьма вѣроятно, такъ какъ она оказалась очень порядочнымъ человѣкомъ и прожила у меня года два.

Въ первую же ночь мы испытали всѣ прелести нашей квартиры: дождь буквально заливалъ комнату, крысы прыгали къ намъ на кровати, а утромъ солнце одинаково свѣтило сквозь закрытые ставни и щели потолка.

Встали мы рано и пошли осматривать свое новое мѣсто жительства.

Хабаровка расположена на высокомъ берегу при сліяніи Амура и Уссури, на трехъ холмахъ. По среднему холму, параллельно рѣкѣ, шли три улицы, застроенныя маленькими, деревянными домиками.

На главной улицѣ—три лавки со всевозможнымъ товаромъ: ситцы, шерстяныя, бумажныя матеріи, обувь, крупа, мука, макароны, чай, сахаръ, вина собственнаго приготовленія и проч.

На берегу стоялъ старый, вросшій въ землю домъ постового командира, другой такой же, гдѣ жилъ инженеръ К., и мастерскія „Товарищества Амурскаго пароходства“.

Перпендикулярно рѣкѣ была еще одна улица, мало застроенная, въ концѣ ея, уже почти въ лѣсу, находилась телеграфная станція и противъ нея—домъ начальника станціи, лучшій изъ частныхъ домовъ во всемъ селѣ.

На правомъ холму стояла полуразвалившаяся хижина ссыльнаго поляка, столяра; на лѣвомъ холмѣ, на высокомъ берегу—постовой лазаретъ, казенная аптека; ниже—маленькая деревянная церковь, окруженная могилами.

Холмы раздѣлялись одинъ отъ другого глубокими оврагами, въ которыхъ журчали рѣчки или вѣрнѣе ручейки: „Плюснинка“ и „Чердымовка“. Переѣзжали по нимъ въ бродъ, а для пѣшеходовъ были перекинуты сходни.

Пока мы гуляли, мужъ разсказалъ мнѣ, что жителей въ Хабаровкѣ, считая и солдатъ постовой команды, человѣкъ 500. Общество служащихъ: одинъ военный инженеръ, начальникъ телеграфной станціи, три телеграфиста, распорядитель „Товарищества Амурскаго пароходства“ (больной чахоткой), пароходный механикъ, помощникъ исправника, дѣлопроизводитель постовой команды; это все люди семейные; кромѣ того, докторъ и постовой командиръ. Послѣдній въ общество не показывался, а пилъ и спаивалъ доктора. Обыватели: три купца (владѣтели вышеупомянутыхъ лавокъ), ихъ приказчики, нѣсколько крестьянъ, рабочіе и до 50 человѣкъ каторжныхъ, оставленныхъ въ Хабаровкѣ съ разрѣшенія начальства для работъ въ порту „Товарищества Амурскаго пароходства“.

Въ первый же день пріѣзда мы пошли къ инженеру Карпову, который былъ женатъ на Любѣ Ч., моей подругѣ по институту. Мы всегда любили другъ друга, а потому встрѣтились, какъ родныя.

Черезъ день мужъ уѣхалъ во Владивостокъ.

Спустя недѣлю, ко мнѣ явился единственный въ то время въ Хабаровкѣ еврей Якубовичъ и попросилъ очистить квартиру, такъ какъ домъ этотъ онъ купилъ. „Если не выѣдете, сударыня,—прибавилъ еврей,—то я начну ломать стѣну, потому что тороплюсь въ этомъ домѣ открыть лавочку“.

Во всемъ селѣ не было не только никакой квартиры, но даже и свободной, простой избы. Карповы, доброту которыхъ я никогда не забуду, предложили мнѣ переселиться къ нимъ въ пустую комнату, служившую кладовой, потому что въ ней не было печи. Раздумывать не приходилось. Денщикъ уложилъ на телѣгу наше жалкое имущество; кухарка повела корову; я съ ребенкомъ и няней отправилась къ Карповымъ. Комнату очистили отъ хранившагося въ ней хлама, и я рада была, что имѣла хоть какой-нибудь кровъ.

Карповы жили въ домикѣ, состоявшемъ изъ трехъ комнатъ: въ средней, изъ которой былъ выходъ на улицу, помѣщалась кухня; направо отъ нея была кладовая, гдѣ устроились мы; налѣво—апартаменты Карповыхъ, состоящіе изъ одной комнаты, раздѣленной перегородками на три клѣтушки: въ одной изъ нихъ была спальня супруговъ, въ другой жилъ отецъ Любы, а третья служила гостиной и столовой. Прислуги у Карповыхъ было двое: денщикъ и старуха, которую называли „горбуньей“, потому что она не могла держаться прямо, а ходила и стояла, согнувшись буквально вдвое. Она была нянькой ребенка Карповыхъ, умершаго мѣсяца за два до нашего пріѣзда. Они очень горевали о потерѣ своего первенца и рады были разнообразію, которое мы внесли въ ихъ жизнь.

Карповъ былъ высокій, худощавый, здоровый брюнетъ, лѣтъ трид-

пати, прямой, честный, добрый спартанецъ. Жена его миленькая, женственная, нѣжная, съ чудной душой и кроткимъ характеромъ. Отецъ моей подруги былъ престранный старикъ. Мы называли его „отбоинымъ", потому что онъ все дѣлалъ не во время: утромъ, когда мы пили чай, онъ спалъ; въ 3 часа, когда мы обѣдали, онъ вставалъ; вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, когда мы ложились спать, онъ уходилъ гулять; вернувшись съ прогулки часа черезъ два, онъ приказывалъ денщику топить у себя печку и ставить самоваръ, затѣмъ начиналъ чѣмъ-то заниматься. Карповы относились къ нему идеально, я онъ, старый эгоистъ, даже не понималъ, что, бодрствуя за перегородкой цѣлыя ночи, нарушаетъ покой дочери и зятя, да напрасно сжигаетъ дорогой въ то время керосинъ. Мы рѣшили столоваться вмѣстѣ; Люба вела хозяйство, заказывала обѣды и ужины, вѣрнѣе, все готовила сама, предоставляя мнѣ заниматься ребенкомъ. Разносоловъ у насъ не было: ѣли свѣжую рыбу, которой всегда изобиліе на Амурѣ, кэту, солонину; изрѣдка, когда въ постовой командѣ убивали быка, то Карповы, къ которымъ постовой командиръ относился благосклонно, получали свѣжее мясо. Жили мы душа въ душу, читали, играли на піанино; Карповъ очень любилъ пѣть изъ оперъ, и я аккомпанировала ему, какъ умѣла. Прислуга наша не уживалась и устраивала намъ настоящій адъ; дня не проходило, чтобы они не ссорились и не жаловались другъ на друга. „Горбунья" заѣдала всѣхъ безъ исключенія, пила и, какъ потомъ оказалось, выпила весь годовой запасъ нашего общаго пива и вина. Денщики чуть не дрались; приходилось разбирать ихъ ссоры и укрощать. Обѣ мы были очень молоды, и постоянное несогласіе людей угнетало насъ до того, что мы готовы были плакать. Жаловаться мужу Люба не хотѣла, потому что Карповъ, при всей своей добротѣ, былъ очень вспыльчивъ.

Люба познакомила меня со всѣмъ хабаровскимъ обществомъ.

Чаще всего мы заходили къ старикамъ Б. (дѣлопроизводитель постовой команды). Старушку мы очень любили. Умная, добрая нѣмка, она учила насъ варить варенье изъ клюквы, дѣлать квасъ, печь булки и пироги. Сама она научилась всей этой премудрости уже на старости лѣтъ. Они жили богато въ Западномъ краѣ въ своемъ имѣніи до повстанія. Б. былъ полякъ, повстанцы потребовали у него денегъ и за отказъ „грозили пустить краснаго пѣтуха". Б. не далъ денегъ, и осенью, когда всѣ амбары были полны зерна, повстанцы подожгли усадьбу. Сгорѣло все дотла, и разоренные старики уѣхали сначала въ Западную Сибирь, а оттуда на Амуръ, въ Хабаровку, гдѣ Б. получилъ мѣсто дѣлопроизводителя постовой команды. Всю свою жизнь Б. жилъ бариномъ, нужды не зналъ, работать не

умѣлъ, да и образованія не получилъ. Писалъ онъ по-старинкѣ, какими-то крючками, а считалъ совсѣмъ плохо. Помню, какъ Люба однажды умоляла его: „Голубчикъ, запомните, что въ пудѣ 40 фунтовъ, въ фунтѣ 32 лота, въ лотѣ 3 золотника“.

— Гдѣ мнѣ, старому, помнить это,—отвѣчалъ Б. Что въ пудѣ 40 фун., это я прекрасно знаю, что въ фунтѣ 32 лота, еще запомню, а дальше и помнить не хочу. Никогда въ былое время мы не считали золотниками, а теперь ужъ и жить-то осталось немного.

Жаль намъ было добраго, честнаго старика, у котораго часто бывали непріятности изъ-за неумѣнія писать бумаги и считать.

Довольно часто заходили мы съ Любой къ купчихѣ П. Она была умная, простая женщина, очень трудолюбивая, постоянно занятая хозяйствомъ. Домъ у П. былъ хорошій, хозяйство большое. П. вставала съ зарей, когда доили коровъ, надѣвала затрапезную, ситцевую блузу и оставалась въ ней до тѣхъ поръ, пока къ ней не приходила какая-нибудь гостья.

Если это была купчиха или жена молодца изъ лавки, П. сверхъ старой блузы надѣвала новую ситцевую; если же вслѣдъ затѣмъ приходилъ кто-нибудь изъ такъ называемой интеллигенціи, какъ, напримѣръ, мы съ Любой, П. сверхъ новой ситцевой блузы надѣвала шерстяную юбку и большую ковровую шаль и выходила къ гостямъ. Помимо этой маленькой странности, П. была очень интересная женщина. Я всегда любила простого, умнаго русскаго человѣка и съ удовольствіемъ слушала разсказы П.

Они съ мужемъ пріѣхали изъ Забайкалья на Амуръ, въ первые годы занятія его русскими и начали торговлю съ одной бочки спирта, а въ то время, какъ я познакомилась съ П., у нихъ было капиталу тысячъ за сто. Сначала П. вымѣняли спиртъ на соболей, соболей продали, купили краснаго товару, выгодно продали его новоселамъ и инородцамъ, потомъ завели лавочку, а тамъ и лавку. Работали безъ устали, ловили кэту, солили ее, продавали; и потихоньку да помаленьку съ Божьей помощью наживали добро. Быстрымъ обогащеніемъ обязаны они были, главнымъ образомъ, соболю, который пріобрѣтался ни за что: иногда офицерскую пуговицу можно было промѣнять на соболя, а за нитку стеклянныхъ бусъ инородцы давали по 3 и 4 шкурки. Вообще, при занятіи Амура пушной товаръ покупался очень дешево: медвѣжья шкура стоила рублей 5; большая тигровая—отъ 15 до 20 р., барсовая—отъ 3 до 6. За лодку кэты платили рубль или бутылку водки.

Отъ П. я наслушалась всевозможныхъ страстей, узнала, что идти въ лѣсъ дальше какъ за версту отъ Хабаровки нельзя потому, что тамъ начинается уже непроходимая чаща, гдѣ водятся и медвѣди и

тигры. Не далѣе какъ въ прошлую осень тигръ забрался въ баню П. Кто-то изъ работниковъ видѣлъ это и, подойдя къ двери, заперъ ее на засовъ. Позвали солдатъ, которые, выбивъ стекло въ маленькомъ окошечкѣ, застрѣлили звѣря. Оказалось, что, увидя себя въ засадѣ, тигръ до того растерялся, что даже не тронулъ лежавшую въ предбанникѣ собаченку. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ случалось, что тигры ночью вытаскивали за голову манзъ изъ открытыхъ оконъ фанзы.

— Еще прошлой зимой,—разсказывала П.,—ѣхали мы со старикомъ изъ Казакевичевой (40 верстъ отъ Хабаровки) въ Корсаковку (20 вер. отъ Хабаровки). И говорили намъ ямщики, что тигры ходятъ, да мы не послушали. Ночь была лунная. Проѣхали верстъ 10, видимъ: онъ лежитъ у дороги. Лошади понеслись, а звѣрь прыгнулъ, да неудачно—только оторвалъ у пристяжной постромку; прыгнулъ еще разъ и отсталъ. Онъ всегда конфузится отъ неудачи и не преслѣдуетъ. А ужъ и напугались же мы. Да самой Корсаковки дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

П. говорила правду. Я сама въ первую же осень своего пребыванія въ Хабаровкѣ видѣла, какъ среди бѣлаго дня по Уссури мирно плыли три штуки медвѣдей, и какъ солдаты въ нихъ стрѣляли, но неудачно.

П. разсказывала намъ, какъ нужно разводить огородъ и цвѣты, какъ дѣлать запасы на зиму и какъ ихъ сохранять. Ея совѣтами я воспользовалась впослѣдствіи, при устройствѣ своего хозяйства. Необразованная и даже, кажется, безграмотная, П. прекрасно знала людей, здраво разсуждала о житейскихъ дѣлахъ и совершенно правильно охарактеризовала мнѣ все тогдашнее хабаровское общество.

До половины октября стояла прекрасная погода, а затѣмъ ночи стали холоднѣе. Въ концѣ мѣсяца начался ледоходъ.

Не получая отъ мужа никакихъ извѣстій, я рѣшила, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, и не знала, что дѣлать. Къ тому же въ моей кладовой по ночамъ становилось такъ холодно, что я накрывалась всѣмъ, что только было у меня теплаго, и зябла, а главное, боялась простудить ребенка. Карповы успокаивали меня, какъ могли.

Наконецъ, числа 28-го октября, получилась отъ мужа изъ Казакевичевой телеграмма: „Здоровъ, ѣду верхомъ", а на слѣдующій день онъ уже пріѣхалъ въ Хабаровку; я встрѣтила его и разрыдалась до истерики.

Р. Ф.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ [1]).

Разговоры дипломатовъ передъ войной Россіи съ Турціей въ 1877 г.—Описаніе берлинскаго конгресса.—Разговоръ съ Тургеневымъ о внутреннемъ положеніи Россіи послѣ войны 1877—78 гг.—Слова императора Вельгельма II о пребываніи его въ Россіи въ 1888 г.—Пріѣздъ князя Гогенлоэ въ Петербургъ.—Аудіенція у императора Александра III.—Перемѣна политики императора Вильгельма II относительно Россіи.—Отставка Бисмарка.—Причина отставки Бисмарка по словамъ императора Вильгельма II.

„Я встрѣтилъ сегодня у Деказа князя Орлова,—записалъ Гогенлоэ 11-го апрѣля 1877 г.,—онъ былъ въ крайне угнетенномъ состояніи духа и сказалъ мнѣ, что онъ не видитъ для Россіи иного исхода, кромѣ войны. Деказъ былъ того же мнѣнія. Послѣ ухода Орлова мы еще долго бесѣдовали о положеніи дѣлъ. Деказъ не думаетъ, чтобы война принесла Россіи какую-либо выгоду. Россіи необходимо имѣть свободный выходъ въ Средиземное море, а единственными результатами войны будетъ то, что Англія займетъ Дарданеллы. То же неоднакратно высказывалъ и Тьеръ. Въ заключеніе Деказъ сказалъ, что если война будетъ объявлена, то обязанность Германіи и Франціи будетъ состоять въ томъ, чтобы поддержать общими силами европейскій миръ и локализовать войну.

„Tous les conseils que vous me donnerez à ce sujet, je les accepterai avec la plus grande confiance et je m' empresserai de m' y conformer [2]), прибавилъ онъ.

Изъ Вѣны только-что вернулся Альфонсъ Родшильдъ, гдѣ онъ велъ переговоры съ Андраши о займѣ. „Объявитъ ли Россія войну

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1907 г.

[2]) Всѣ совѣты, какіе вы мнѣ дадите по этому поводу, будутъ мною приняты съ величайшимъ довѣріемъ и я поспѣшу сообразоваться съ ними.

или нѣтъ, вступятъ ли русскія войска въ Боснію или нѣтъ, Австрія не шевельнетъ пальцемъ: „nous ne bougerons pas", сказалъ ему Андраши. Деказъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Австрія ввела свои войска въ Боснію, ибо въ такомъ случаѣ ей пришлось бы принять участіе въ войнѣ".

Наканунѣ объявленія войны, Турція еще надѣялась на мирный исходъ переговоровъ. 25-го апрѣля, въ 3 часа, былъ пріемъ у турецкаго посла въ Парижѣ. „Какъ только я вошелъ,—говоритъ Гогенлоэ—онъ взялъ меня подъ руку и сказалъ, что у него есть хорошія вѣсти". Была получена циркулярная депеша, „въ которой Турція, ссылаясь на 8 ст. парижскаго договора, требовала посредничества державъ. Я замѣтилъ Хадиль-Пашѣ, что это нѣсколько поздно, хоть помѣшать дѣлу не можетъ".

Циркулярная депеша, о которой идетъ рѣчь, была помѣчена 23-мъ апрѣля, а 25-го апрѣля, въ тотъ самый день, когда происходилъ вышеприведенный разговоръ, Россіей объявлена война, окончившаяся Санъ-Стефанскимъ договоромъ, который вызвалъ протестъ Англіи и неудовольствіе Австріи.

13-го іюня 1878 г. послѣдовало, во дворцѣ имперскаго канцлера въ Берлинѣ, открытіе конгресса представителей шести великихъ державъ и Турціи для разсмотрѣнія условій этого мирнаго договора.

Наканунѣ этого дня пріѣхалъ въ Берлинъ князь Гогенлоэ, назначенный однимъ изъ оффиціальныхъ представителей Германіи на конгрессѣ.

„Изъ разговоровъ съ разными лицами въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для меня выяснилось,—говорится въ его дневникѣ,—что между Россіей и Англіей состоялось соглашеніе, хотя и не полное, но всѣ надѣются, что дѣло уладится". Какъ извѣстно, Англія изъявила согласіе участвовать въ конгрессѣ только послѣ того, какъ между ней и Россіей были устранены самыя существенныя недоразумѣнія. „Требованія, предъявленныя Биконсфильдомъ, весьма умѣренны. Имперскій канцлеръ хочетъ завтра же предложить на обсужденіе болгарскій вопросъ. Но Австрія не довольна. Андраши, которому проходится лавировать между желаніями двора и военной партіи и антипатіями и желаніями Венгріи, упустилъ удобный моментъ сдѣлать въ восточномъ вопросѣ рѣшительный шагъ и хочетъ теперь, чтобы конгрессъ заставилъ его ввести войска въ Боснію. Мы же, при всемъ доброжелательствѣ къ Австріи, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія ссориться съ Англіей и Россіей для того, чтобы вывести Андраши изъ затруднительнаго положенія. Андраши, съ которымъ я встрѣтился у Биконсфильда, разъѣзжаетъ по городу и умоляетъ членовъ конгресса повременить нѣсколько дней и не приступать

немедленно къ дѣлу по существу, ибо иначе можно зайти въ такія дебри, изъ которыхъ не будетъ выхода".

„13-го іюня (день открытія конгресса)" я отправился, въ половинѣ второго, во дворецъ Бисмарка, бывшій дворецъ Радзивилловъ. Въ большомъ, бывшемъ бальномъ залѣ, былъ поставленъ накрытый зеленымъ сукномъ столъ, въ видѣ подковы. Посреди стояло кресло предсѣдателя, по лѣвую сторону отъ него—кресло представителя Франціи, по правую—Австріи. Подлѣ Австріи—Англія, подлѣ Франціи Италія. Далѣе, по правую руку—Россія, по лѣвую—Турція. Напротивъ Бисмарка сидитъ Радовицъ, на котораго возложено составленіе протокола, слѣва отъ него—я, справа—Бюловъ.

Вскорѣ появились статсъ-секретарь Бюловъ и имперскій канцлеръ. Мы прошли въ смежную комнату, гдѣ былъ сервированъ открытый буфетъ, выпили портфейна и закусили печеньемъ. Мало-по-малу съѣхались уполномоченные. Представитель Италіи, графъ Корти, небольшого роста, некрасивый, похожій на японца; турки: Каратеодори—невзрачный молодой человѣкъ и Могаммедъ-Али, который производитъ впечатлѣніе человѣка умнаго, но не внушаетъ довѣрія; графъ Шуваловъ—вѣчно улыбающійся, беззаботный царедворецъ; старикъ Горчаковъ; наконецъ, англичане, французы. Ваддингтонъ былъ въ расшитомъ мундирѣ. Первая встрѣча Биконсфильда съ Горчаковымъ была интересна, какъ историческій моментъ. Когда всѣ собрались, мы перешли въ зало засѣданій. Бисмаркъ произнесъ привѣтственную рѣчь и предложилъ избрать бюро. По предварительному соглашенію съ уполномоченными Андраши предложилъ избрать предсѣдателемъ Бисмарка, затѣмъ были названы секретарь и лицо, назначенное для веденія переговоровъ, на избраніе которыхъ всѣ изъявили согласіе, послѣ чего я ввелъ этихъ господъ.

Имперскій канцлеръ предложилъ заняться, прежде всего, обсужденіемъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, а именно: начать съ Болгаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, посовѣтывалъ, какъ того желалъ Андраши, повременить нѣсколько дней и назначить слѣдующее засѣданіе въ понедѣльникъ.

Лордъ Биконсфильдъ произнесъ длинную рѣчь на англійскомъ языкѣ, говорилъ ясно, опредѣленно. По его мнѣнію, пока засѣдаетъ конгрессъ, непріятельскія арміи не должны стоять въ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Онъ считаетъ это опаснымъ и не соотвѣтствующимъ достоинству конгресса. Имперскій канцлеръ спросилъ, желаютъ ли русскіе уполномоченные высказаться по этому поводу. Горчаковъ сказалъ нѣсколько словъ, не шедшихъ къ дѣлу, между прочимъ, о необходимости оградить интересы христіанъ въ Турціи. Шуваловъ отвѣчалъ по существу и не соглашался съ лордомъ Биконсфильдомъ.

Бисмаркъ поспѣшно предложилъ отложить обсужденіе этого вопроса до другого раза. Салисбюри поднялъ вопросъ о грекахъ и выразилъ желаніе, чтобы они были допущены на совѣщаніе, на что Горчаковъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ прочія національности предъявятъ подобныя же требованія.

Это первое засѣданіе конгресса оставило довольно смутное впечатлѣніе. Биконсфильдъ, видимо, намѣренъ использовать во что бы то стало всѣ преимущества того положенія, въ какомъ находится Англія. Русскіе уполномоченные казались озабоченными. Имперскій канцлеръ старался, насколько возможно, примирить мнѣнія и очень искусно руководилъ преніями". Но въ общемъ, по замѣчанію Гогенлоэ, онъ былъ очень нервенъ и спѣшилъ окончить переговоры какъ можно скорѣй.

„Лордъ Биконсфильдъ очень самонадѣянъ и недовѣрчивъ. Если кто-либо, желая снискать его расположеніе, съ нимъ любезенъ или хотя бы только вѣжливъ, онъ тотчасъ дѣлается настороже, думая „qu'on veut le mettre dedans" [1]). Если съ нимъ не вѣжливы, онъ обижается. Турецкій уполномоченный Каратеодори очень моложавъ и, кажется, хитеръ. Могаммедъ-Али производитъ впечатлѣніе человѣка умнаго, но не внушаетъ довѣрія.

„Бисмаркъ недоволенъ турецкими уполномоченными; онъ сказалъ имъ откровенно, что Турція ошибается, полагая, что ей будетъ выгодно, если конгрессъ окончится ничѣмъ. Война будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что, по окончаніи ея, державы вознаградятъ себя за счетъ Турціи. Когда однажды большой песъ Бисмарка заворчалъ на одного изъ посланниковъ, канцлеръ сказалъ: „моя собака еще не вполнѣ дрессирована. Она не знаетъ, кого слѣдуетъ кусать. Если бы она это знала, то она бы укусила турка". Посылку на конгрессъ Могаммеда-Али Бисмаркъ считалъ безтактностью.

„У Салисбюри, отмѣтилъ Гогенлоэ послѣ засѣданія, удивительныя черты лица, длинные волосы, борода и при этомъ нѣсколько удрученное выраженіе лица".

„15-го іюня я былъ, въ 9 часовъ вечера, у кронпринца. Мы говорили объ открытіи конгресса и о томъ, какого отъ него можно ожидать результата. Я замѣтилъ, что опасность заключается въ томъ, что требованія Англіи слишкомъ велики, и Россія предпочтетъ, быть можетъ, въ концѣ концовъ, воевать.

„Во время преній о будущемъ Сербіи зашла рѣчь объ евреяхъ; Горчаковъ говорилъ противъ нихъ и пояснилъ, что онъ дѣлаетъ различіе „entre juifs et israélites" [2]). Первые, по его словамъ,—язва,

---

[1]) что его хотятъ провести.

[2]) между евреями и израильтянами.

тогда какъ послѣдніе могутъ быть прекрасными людьми, какъ это доказываетъ примѣръ Берлина и Лондона. Въ общемъ, его рѣчь была слаба".

„Сегодня, 19-го іюня, былъ у меня Бловицъ; его начинаетъ тревожить исходъ конгресса. Австрія высказывается рѣшительнѣе и настойчивѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она не допускаетъ мысли, чтобы Черногорія получила Антивари и чтобы Сербія, Боснія и Черногорія были объявлены независимыми государствами. Поэтому можетъ случиться, что Австрія откажется отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ конгресса. Не желая быть въ одиночествѣ, она зондировала почву насчетъ того, не намѣрена ли и Англія оставить конгрессъ, если ей не будутъ сдѣланы необходимыя уступки въ Болгаріи".

По словамъ князя Гогенлоэ, Бловицъ, корреспондентъ Times'а, былъ тайнымъ руководителемъ берлинскаго конгресса и наперсникомъ всѣхъ уполномоченныхъ, которые съ нимъ совѣтывались. „Бловицъ велъ переговоры съ англійскими уполномоченными и увѣрялъ, что они готовы уступить Россіи Батумъ, если онъ будетъ объявленъ порто-франко и если Россія обяжется не укрѣплять его. Онъ совѣтывалъ, чтобы Россія сдѣлала эту уступку съ самаго начала, какъ только вопросъ будетъ поставленъ на обсужденіе, дабы общее настроеніе не было испорчено какими-нибудь язвительными замѣчаніями съ той и съ другой стороны.

„На другой день обсуждался параграфъ, касающійся азіатской границы, и я былъ пріятно изумленъ, когда Горчаковъ началъ съ заявленія, что онъ обязуется сдѣлать Батумъ порто-франко. Биконсфильдъ произнесъ патетическую рѣчь и уступилъ Батумъ Россіи". Такимъ образомъ, главный вопросъ былъ благополучно разрѣшенъ, и мирный исходъ конгресса этимъ обезпеченъ".

„Вопросъ объ азіатской границѣ вызвалъ разногласіе между Биконсфильдомъ и Горчаковымъ и поэтому былъ переданъ на обсужденіе разграничительной комиссіи. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли маленькую полоску земли, нѣсколько горныхъ цѣпей, которыя можно было отнять у Россіи; изъ нихъ была образована такъ называемая „ligue de conciliation", которая и была принята. Удобная ли это была граница,—никто изъ насъ не зналъ. Карты этой мѣстности Арменіи такъ не точны и противорѣчивы, что очень трудно, сидя здѣсь, устанавливать границу".

„Предложеніе Горчакова о включеніи въ трактатъ торжественнаго, вычурнаго заключительнаго параграфа было отклонено. Горчаковъ очень разсердился. Ваддингтонъ замѣтилъ по этому поводу, съ присущимъ ему здравымъ смысломъ, „что либо это будутъ однѣ фра-

зы,—въ такомъ случаѣ эта статья безполезна, либо она будетъ имѣть значеніе и тогда она опасна".

Этими незначительными замѣтками—формальнымъ описаніемъ засѣданій—исчерпывается та часть дневника, которая велась княземъ Гогенлоэ, во время берлинскаго конгресса, и такимъ образомъ она не проливаетъ новаго свѣта на эту любопытную страницу исторіи международныхъ отношеній.

Почти годъ спустя, по возвращеніи съ конгресса, 12-го апрѣля 1879 г. Гогенлоэ имѣлъ въ Парижѣ крайне интересный разговоръ съ И. С. Тургеневымъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Россіи послѣ сдѣланныхъ ему передовой частью русскаго общества восторженныхъ овацій.

„Я видѣлъ его вчера,—записалъ Гогенлоэ,—еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго. Онъ очень удивляется тому, что его такъ чествовали, хотя онъ никогда ни занимался политикой; онъ объясняетъ это потребностью русскаго общества имѣть предлогъ высказать свои либеральные взгляды. Онъ много говорилъ о положеніи дѣлъ въ Россіи. Правительство не понимаетъ начавшагося движенія. По мнѣнію Тургенева, оно поступаетъ необдуманно, преслѣдуя одинаково нигилистовъ и либераловъ. Тайныя общества съ радикальнымъ образомъ мыслей, несомнѣнно, существуютъ. Тургеневъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми радикалами: у нихъ нѣтъ опредѣленной программы, они говорятъ только, что старый развалившійся домъ слѣдуетъ поджечь со всѣхъ четырехъ угловъ и построить на его мѣсто новый. Вся интеллигенція, ученые, писатели, служащіе, проникнутые убѣжденіемъ, что Россіи необходима конституція, не въ современномъ духѣ, а выборные отъ земства для контроля надъ финансами и для упорядоченія системы управленія. Движеніе охватило весь народъ. „Le peuple russe est frémissant",—сказалъ онъ. Сдѣлавъ небольшія уступки, императору было бы не трудно снискать любовь народа и вызвать огромный энтузіазмъ. Настоящій моментъ, какъ нельзя болѣе, для этого благопріятенъ. Императоръ сталъ ко всему равнодушенъ; онъ видитъ только небольшой кружокъ лицъ, которыя побуждаютъ его противодѣйствовать какъ либеральному, такъ и радикальному движенію. Это озлобляетъ даже умѣренныхъ людей. Самые благомыслящіе молодые люди говорили ему, Тургеневу, что они съ ужасомъ чувствуютъ, что они не могутъ осуждать въ душѣ убійствъ, противъ которыхъ они выносятъ приговоры.

„Въ Россіи, по словамъ Тургенева, все вниманіе сосредоточено теперь на внутренней политикѣ. Внѣшней политикой никто не интересуется. Поэтому славянофилы потеряли изъ-подъ ногъ почву. У него былъ Аксаковъ и горько жаловался на это. Войну, стоившую

много денегъ и людей и не принесшую Россіи никакихъ выгодъ, всѣ рѣшительно осуждаютъ, и впредь никто ни о какой войнѣ и слышать не хочетъ.

„О министрахъ онъ отозвался съ величайшимъ презрѣніемъ. Марковъ—не уменъ, Грейгъ—полнѣйшая бездарность. Послѣ нѣсколькихъ докладовъ, сдѣланныхъ послѣднимъ, императоръ сказалъ ему:

„Я думалъ до сихъ поръ, что въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы такъ мало смыслилъ въ финансахъ, какъ я, но теперь я вижу, что я ошибался и что ты понимаешь въ нихъ меньше моего“. И, однако, онъ сохраняетъ свой постъ. Было бы ошибочно думать, что въ Россіи нѣтъ людей, которые могли бы руководить дѣлами. Тургеневъ назвалъ нѣсколько именъ. Если этотъ моментъ, когда еще можно спасти Россію, будетъ упущенъ, то все придетъ въ упадокъ. Въ революцію Тургеневъ не вѣритъ. Правительство достаточно сильно, чтобы поддержать спокойствіе и свою власть. Одинъ бывшій министръ, консерваторъ, на вопросъ Тургенева, что нужно сдѣлать, чтобы улучшить положеніе, отвѣтилъ только: „Vis medicatrix naturae“. Русскіе возлагаютъ теперь надежду на наслѣдника. Тургеневъ не думаетъ, чтобы жизни императора могла угрожать опасность отъ покушенія нигилистовъ. „Въ своихъ убійствахъ они исходятъ изъ опредѣленной теоріи,—говорилъ онъ: они стремятся только запугать бюрократовъ, дѣйствующихъ беззаконно. Противъ императора они ничего не замышляютъ“.

Это было сказано ровно за два года до событія 1-го марта 1881 г.

„Тургеневъ пишетъ политическую брошюру, въ которой онъ хочетъ изложить мысли, вызванныя въ немъ пребываніемъ въ Россіи.

Само собою понятно, что его присутствіе было не особенно пріятно правительству. На границѣ жандармскій офицеръ сказалъ ему при проѣздѣ: „Мы поджидаемъ васъ уже пять дней“.

Братъ княгини Гогенлоэ, князь Петръ Сайнъ-Витгенштейнъ-Брелебургъ, владѣвшій огромными помѣстьями въ Западномъ краѣ, скончался въ 1887 г., и князь Хлодвигъ съ супругою должны были по дѣламъ наслѣдства ѣхать въ Россію.

Наканунѣ отъѣзда изъ Берлина, 9-го августа 1888 г., князь Гогенлоэ былъ принятъ въ аудіенціи императоромъ (Вильгельмомъ II), незадолго передъ тѣмъ вступившимъ на престолъ. „Императоръ принялъ меня окруженный придворными и адъютантами; мы пошли къ завтраку, послѣ котораго императоръ долго разговаривалъ со мною на террасѣ. Онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Петергофѣ [1])

[1]) Съ 19-го по 24-ое іюля 1888 г.

и видимо остался очень доволенъ пріемомъ. Вначалѣ, по словамъ императора, къ нему отнеслись нѣсколько недовѣрчиво, опасаясь, вѣроятно, что онъ заведетъ рѣчь о какихъ-нибудь непріятныхъ вещахъ,—объ отозваніи войскъ и т. п. Но когда императоръ Александръ III убѣдился въ томъ, что это посѣщеніе было лишь простымъ актомъ вѣжливости, то онъ сталъ день-ото-дня любезнѣе и довѣрчивѣе, вслѣдствіе чего пребываніе въ Петергофѣ было очень пріятно. Относительно моихъ собственныхъ дѣлъ онъ пожелалъ мнѣ всего хорошаго и сказалъ: „Я за васъ замолвлю слово".

Прощаясь, онъ поручилъ мнѣ еще разъ выразить русскому императору его благодарность за любезный пріемъ и передать ему, что онъ сохранилъ о своемъ пребываніи въ Россіи самое пріятное воспоминаніе.

11-го числа, въ 8 часовъ вечера я былъ въ Петербургѣ.

Я былъ у г-жи Мальцевой въ Царскомъ Селѣ; она разсказывала многое о дворѣ и въ особенности о томъ, что всѣ очарованы императоромъ Вильгельмомъ, но не особенно восхищены его свитой, которая держала себя „raide" (натянуто). Когда я сказалъ ей, что я учился вмѣстѣ съ отцомъ императрицы Маріи Өеодоровны, то она замѣтила, что это очень благопріятное обстоятельство, что имъ слѣдуетъ воспользоваться.

Министръ финансовъ Вышнеградскій принялъ меня весьма любезно. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда и просилъ его принять участіе въ нашемъ дѣлѣ и, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что въ нѣмецкихъ финансовыхъ кругахъ этимъ дѣломъ очень интересуются. Онъ сказалъ, что не можетъ имѣть никакого вліянія на это дѣло, но просилъ располагать имъ. Что касается указа [1]), то, по его мнѣнію, у меня явилась мысль объ очень удачной комбинаціи (heureuse combinaison), а именно, чтобы одинъ изъ моихъ сыновей принялъ русское подданство. На что я возразилъ, что я еще не могу остановиться на этомъ, такъ какъ мнѣ необходимо знать раньше, останется ли что-нибудь отъ наслѣдства.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—возразилъ онъ,—и результатъ, навѣрно, будетъ для васъ благополучный.

Будучи приглашенъ на обѣдъ къ Швейницу, я встрѣтилъ у него Гирса. Онъ сказалъ, что императоръ сожалѣетъ о томъ, что еще не могъ принять насъ, но что намъ будетъ дана аудіенція въ среду или въ пятницу. На мой вопросъ, въ какой слѣдуетъ быть формѣ, онъ сказалъ, что слѣдуетъ быть въ мундирѣ и эполетахъ и что въ

[1]) Этимъ указомъ иностраннымъ подданнымъ воспрещалось владѣть въ Россіи недвижимымъ имуществомъ.

Петергофѣ будетъ время переодѣться. Онъ былъ очень предупредителенъ, но я не сталъ говорить съ нимъ о дѣлахъ, такъ какъ это его не касается.

Министръ внутреннихъ дѣлъ понимаетъ, что невозможно продать имѣніе въ три года и что намъ должно быть сдѣлано исключеніе. Но безъ дозволенія императора ничего нельзя рѣшить. Прощаясь, онъ спросилъ: „Donc votre Altesse n'a pas d'ordres à donner au ministère avant d'avoir vu l'Empereur?" [1]).

Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у графини Клейнмихель. У нея былъ оберъ-гофмейстреръ императрицы, князь Голицынъ. Графиня Клейнмихель говорила за столомъ о Гербертѣ Бисмаркѣ, котораго она часто видѣла въ свою бытность здѣсь секретаремъ посольства. По ея словамъ, онъ „грубъ" и старается это показать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сказалъ господамъ своей свиты, чтобы они не были особенно вѣжливы съ русскими. Это слышали два русскихъ генерала.

13/25 августа, какъ мнѣ обѣщалъ Гирсъ, мы были приглашены во дворецъ. Облачившись въ полную парадную форму, мы отправились въ 10 часовъ утра въ Петергофъ и изъ дворца поѣхали черезъ паркъ въ Александрію, гдѣ живетъ императоръ. Это маленькій уютный домикъ, но не подходящій для царской резиденціи. Насъ встрѣтилъ обергофмейстеръ императрицы, князь Голицынъ, который долженъ былъ вести насъ къ ея величеству, но такъ какъ у нея были въ это время египетскіе принцы, то насъ провели сперва къ государю.

Я былъ принятъ первымъ. Филиппъ Эрнстъ ждалъ въ пріемной. Меня провели черезъ переднюю, гдѣ стоялъ рядъ полураспакованныхъ сундуковъ, къ маленькой лѣстницѣ, по которой я поднялся въ уборную государя, и оттуда прошелъ въ его рабочій кабинетъ. Императоръ Александръ принялъ меня весьма любезно, припомнилъ, что онъ уже видѣлъ меня въ Парижѣ и, поговоривъ о моемъ служебномъ положеніи въ Страсбургѣ, спросилъ, въ первый ли разъ я въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ, что я былъ тутъ лѣтъ около тридцати тому назадъ; упомянувъ о моей первой поѣздкѣ, я легко могъ перейти къ тому, что вынудило меня пріѣхать этотъ разъ, т. е. къ вопросу о наслѣдствѣ. Я разсказалъ императору откровенно, въ какомъ оно находилось положеніи и что мы сильно сомнѣвались, принимать ли наслѣдство, такъ какъ оно обременено долгами, но рѣшились на это только для того, чтобы не подвергать нареканіямъ памяти князя Петра и заплатить долги. Императоръ одобрилъ это и высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства сложились такъ

---

[1]) И такъ, ваше сіятельство не имѣете ничего приказать до аудіенціи у императора?

неблагопріятно. Я присовокупилъ, что мы постараемся привести дѣла въ порядокъ, но что на это нужно время, и просилъ его величество позволенія препроводить ему письмо моей жены, въ которомъ изложены всѣ ея просьбы и желанія, на что́ его величество изъявилъ свое согласіе. Закончивъ аудіенцію, онъ сказалъ весьма любезно: „Nous tâcherons de vous aider dans ces difficultés“ [1]). Послѣ меня былъ принятъ Филиппъ Эрнстъ.

Я забылъ сказать, что когда я передалъ императору порученіе императора Вильгельма, то государь, такъ же точно, какъ и вслѣдъ за тѣмъ государыня, выразилъ свое удовольствіе по поводу посѣщенія императора Вильгельма и замѣтилъ, что онъ измѣнился къ лучшему“.

Мы подошли теперь къ тому мѣсту въ запискахъ князя Хлодвига Гогенлоэ, которое придало имъ не только исключительный интересъ, но и политическое значеніе и заставило отозваться на нихъ всю европейскую печать; оно касается отношеній Германіи къ Россіи въ 1890 году и того рѣшительнаго поворота въ международной политикѣ Вильгельма II, послѣдствія котораго имѣли огромное значеніе для Россіи.

Въ 1890 г. истекалъ срокъ знаменитаго тайнаго договора о перестраховкѣ (Rückversicherungsvertrag), который былъ заключенъ Бисмаркомъ въ 1884 г. съ цѣлью эксплоатировать въ пользу Германіи опасенія Россіи на счетъ наступленія Австріи, поддерживаемой Англіей, и обезпечить этимъ Германіи русскій нейтралитетъ на случай аггресивныхъ дѣйствій Франціи.

Этотъ договоръ, обязывавшій къ нейтралитету Россію, въ случаѣ наступленія Франціи, и Германію, въ случаѣ наступленія Австріи, понимался германскимъ правительствомъ въ смыслѣ предоставленія Россіи свободныхъ рукъ въ Болгаріи и Константинополѣ, но такъ какъ мысль о предоставленіи Россіи вліянія на Ближнемъ Востокѣ не согласовалась съ собственными замыслами Вильгельма II, только-что совершившаго въ 1889 г. свое первое политическое путешествіе въ Константинополь, которое открыло новую эру сближенія Германіи съ мусульманскимъ міромъ,—то онъ былъ противъ этого договора [2]). На этой почвѣ между императоромъ и Бисмаркомъ возникло разногласіе по русскому вопросу. Бисмаркъ, замѣтивъ охлажденіе Россіи, наступившее послѣ берлинскаго конгресса, и опасаясь, что это поведеть къ ея сближенію съ Франціей, стремился сдѣлать все возможное,

---

[1]) Мы постараемся помочь вамъ въ этихъ затрудненіяхъ.

[2]) Вслѣдствіе такого именно толкованія этого договора, онъ и не былъ возобновленъ пріемникомъ Бисмарка—Каприви.

чтобы возстановить старинную дружбу между Берлиномъ и Петербургомъ, а императоръ Вильгельмъ II отдалъ рѣшительное предпочтеніе Австріи передъ Россіей и пожелалъ внести въ свои отношенія къ первой болѣе искренности и лояльности. Разставшись съ канцлеромъ въ 1890 г., онъ началъ ту политику, которая привела Германію къ ея нынѣшнему одиночеству и заставила Россію, какъ того опасался Бисмаркъ, заключить союзъ съ Франціей.

Разумѣется, разногласія по русскому вопросу были не единственной причиной отставки желѣзнаго канцлера, извѣстны многія другія подробности событій, связанныхъ съ его отставкой; властный, самоувѣренный и пылкій темпераментъ молодого императора не могъ долго мириться съ деспотическимъ характеромъ человѣка, создавшаго себѣ своими заслугами Германіи совершенно исключительное положеніе и претендовавшаго поэтому на исключительное вліяніе; Вильгельмъ пожелалъ стряхнуть съ себя тяжелую опеку стараго канцлера, который пользовался столько лѣтъ безграничнымъ вліяніемъ на его дѣда и не могъ, въ свою очередь, сдѣлаться простымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній.

Разногласія, возникшія между императоромъ и канцлеромъ на первыхъ же порахъ по рабочему и другимъ вопросамъ, не составляли въ Германіи ни для кого тайны; разрывъ между ними долженъ былъ послѣдовать неизбѣжно, но онъ послѣдовалъ скорѣе, чѣмъ кто-либо ожидалъ.

20-го марта 1890 г. весь міръ былъ оповѣщенъ о томъ, что отставка Бисмарка принята Вильгельмомъ II.

По словамъ великаго герцога Баденскаго, съ которымъ князь Гогенлоэ говорилъ объ этомъ событіи нѣсколько дней спустя (25-го марта), „причиною разрыва между императоромъ и Бисмаркомъ былъ вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ будетъ власть“; всѣ прочія разногласія во мнѣніяхъ относительно закона объ охранѣ рабочихъ, о соціалистахъ и т. п., были по увѣренію герцога дѣломъ второстепеннымъ. „Главнымъ поводомъ несогласія былъ вопросъ о кабинетскомъ указѣ 1852 г., который Бисмаркъ подтвердилъ министрамъ безъ вѣдома императора, отнявъ у нихъ, такимъ образомъ, право доклада у императора. Вильгельмъ II хотѣлъ отмѣнить этотъ указъ, но канцлеръ возсталъ противъ этого; при обсужденіи этого вопроса, Бисмаркъ до того вышелъ изъ себя, что, какъ разсказывалъ впослѣдствіи императоръ, онъ только-только не пустилъ въ него чернильницей“.

„Къ этому присоединилось недовѣріе императора къ внѣшней политикѣ князя. Императоръ подозрѣвалъ, что Бисмаркъ руководитъ политикой согласно своему собственному, императору неизвѣстному, плану, который клонился къ тому, чтобы разорвать съ Австріей и

тройственнымъ союзомъ и войти въ соглашеніе съ Россіей [1]), тогда какъ императоръ этого не желаетъ и былъ намѣренъ строго придерживаться союза. „По словамъ Мюнстера,—продолжалъ великій герцогъ,—въ Вѣнѣ относятся весьма недовѣрчиво, также и къ Герберту Бисмарку. Это могло повести къ разрыву. Я не могъ узнать, правда ли то, что императоръ написалъ безъ вѣдома канцлера письмо королевѣ Викторіи, которое потомъ стало извѣстно въ Берлинѣ, но объ этомъ всѣ говорятъ".

Самъ Бисмаркъ, при свиданіи съ княземъ Гогенлоэ, высказалъ, что отставка была для него неожиданной и что не далѣе, какъ три недѣли назадъ, онъ не имѣлъ и въ мысляхъ, что это могло случиться. „Впрочемъ,—присовокупилъ онъ,—я долженъ былъ ожидать этого, такъ какъ императоръ хочетъ царствовать одинъ". На замѣчаніе Гогенлоэ, „что рано или поздно Вильгельмъ попроситъ его вернуться, бывшій канцлеръ сказалъ, что онъ на это не согласится, такъ какъ не хотѣлъ бы вновь пережить подобныя три недѣли и что Гогенлоэ не увидитъ его болѣе тутъ; если же онъ вздумаетъ посѣтить его въ Варцинѣ или въ Фридрихсруэ, то онъ будетъ желаннымъ гостемъ".

„31-го марта 1890 г. былъ у меня Гейдукъ (Heuduck),—записалъ Гогенлоэ,—и разсказывалъ, что императоръ, въ разговорѣ съ командующими генералами, объяснилъ причины отставки князя Бисмарка. Вопросъ о кабинетскомъ указѣ и его несдержанное обращеніе съ императоромъ не допускали возможности дальнѣйшей совмѣстной работы съ княземъ. Лучше, сказалъ императоръ, что мы разстались теперь, когда это могло совершиться миролюбиво и дѣло не дошло до серьезнаго конфликта. Затѣмъ императоръ сказалъ генераламъ, что Россія хочетъ занять Болгарію своими войсками, обезпечивъ себѣ при этомъ нейтралитетъ Германіи, но онъ обѣщалъ австрійскому императору быть его вѣрнымъ союзникомъ и сдержитъ свое слово. Оккупація Болгаріи русскими войсками была бы поводомъ къ войнѣ съ Австріей, а онъ не можетъ не поддержать послѣднюю. Все болѣе и болѣе выясняется, что поводомъ къ разрыву было разногласіе между императоромъ и Австріей по вопросу о русской политикѣ. Бисмаркъ хотѣлъ отказаться отъ союза съ Австріей, а императоръ хотѣлъ сохранить съ ней союзныя отношенія, хотя бы это угрожало опасностью войны на два фронта: съ Россіей и Франціей. Теперь мнѣ стали понятны слова Бисмарка, который сказалъ, что императоръ ведетъ

[1]) Бисмаркъ зналъ, что его обвиняли въ намѣреніи измѣнить Австріи, и, съ цѣлью разсѣять эти подозрѣнія, онъ при своей поѣздкѣ въ Вѣну на бракосочетаніе своего сына Герберта испросилъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа и очень жалѣлъ, что она не состоялась.

такую же политику, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Это грозитъ опасностью въ будущемъ".

Наконецъ, подъ датой 26-го апрѣля 1890 г., записанъ княземъ Гогенлоэ разговоръ, который онъ имѣлъ лично съ императоромъ Вильгельмомъ по поводу отставки имперскаго канцлера.

„23-го апрѣля, въ 9 часовъ вечера, я отправился съ Таденомъ и Морицомъ въ Гагенау, куда долженъ былъ пріѣхать императоръ Вильгельмъ. Ровно въ часъ ночи прибылъ императоръ. Со станціи я ѣхалъ вмѣстѣ съ его величествомъ въ охотничій домъ близъ Суффленгейма. Мы ѣхали около часа, и въ это время императоръ говорилъ непрерывно, разсказавъ мнѣ всю исторію своего разрыва съ Бисмаркомъ. По его словамъ, разногласіе возникло еще въ декабрѣ. Императоръ тогда уже выразилъ желаніе сдѣлать что-нибудь въ области рабочаго вопроса. Канцлеръ былъ противъ этого. Императоръ исходилъ изъ того, что если правительство не возьметъ на себя иниціативу, то это дѣло возьметъ въ свои руки рейхстагъ, т. е. соціалисты, центръ и прогрессисты, и тогда правительству придется идти въ хвостѣ. Канцлеръ хотѣлъ внести во вновь избранный рейхстагъ законъ о соціалистахъ и, въ случаѣ непринятія его, распустить палату, а если бы это вызвало народное возстаніе, энергично подавить его. Императоръ былъ противъ этого и говорилъ, что ежели его дѣдъ, послѣ долгаго и славнаго царствованія, былъ бы вынужденъ подавить возстаніе, то его никто не осудилъ бы за это. Совсѣмъ иное дѣло онъ, ничѣмъ еще себя не заявившій. Ему будетъ поставлено въ упрекъ, что онъ начинаетъ царствованіе, разстрѣливая своихъ подданныхъ". „Отношенія обострились изъ-за кабинетнаго указа. Бисмаркъ часто совѣтовалъ императору приглашать къ себѣ министровъ. Но когда они часто стали появляться во дворцѣ, Бисмарку это не понравилось, его обуяла зависть, и онъ вытащилъ изъ-подъ спуда указъ 1852 г., чтобы лишить министровъ права личнаго доклада". Послѣднія три недѣли между императоромъ и Бисмаркомъ то и дѣло происходили крупныя столкновенія. „Дѣло шло о томъ,— присовокупилъ императоръ,—царствовать ли династіи Гогенцоллерновъ или династіи Бисмарка".

„Что касается внѣшней политики, то императоръ полагаетъ, что Бисмаркъ дѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію и скрывалъ отъ него многое изъ того, что дѣлалъ. Между прочимъ, Бисмаркъ велѣлъ сказать въ Петербургѣ, что императоръ хочетъ вести анти-русскую политику, хотя у него нѣтъ никакихъ къ тому доказательствъ,—присовокупилъ Вильгельмъ".

Обнародованіе именно этого конфиденціальнаго разговора и вызвало гнѣвъ германскаго императора, выразившійся въ приведенной

нами выше телеграммѣ къ князю Филиппу Гогенлоэ и въ томъ, что братъ послѣдняго, Александръ Гогенлоэ, который оказался прикосновеннымъ къ опубликованію мемуаровъ, долженъ былъ немедленно оставить государственную службу.

Послѣ появленія этихъ разоблаченій съ оффиціозной германской стороны сдѣлано было нѣсколько попытокъ ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, которое они должны были произвести въ Россіи. Указывалось, между прочимъ, на то, будто Гогенлоэ сообщаетъ свои свѣдѣнія большею частью изъ вторыхъ рукъ, по чужимъ разсказамъ. Но въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Россіи эта отговорка совершенно несостоятельна, и такъ какъ разговоръ князя Гогенлоэ съ Вильгельмомъ II послѣднимъ не былъ опровергнутъ, то рѣшительное предпочтеніе, оказанное тогда германскимъ императоромъ Австріи передъ Россіей, является фактомъ твердо установленнымъ.

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Диктаторъ Польши Лянгевичъ о возстаніи 1863 года.

(Relacye o kampanii własnej).

Г. Б. Мервинъ напечаталъ въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ, органъ львовскаго историческаго общества (т. XIX), письма бывшаго диктатора Польши Маріана Лянгевича къ одному изъ друзей (Л. Булевскому) объ участіи автора писемъ въ подготовленіи возстанія 1863 г. и въ самомъ возстаніи [1]). Лянгевичъ, личность въ настоящее время почти забытая, игралъ одну изъ первыхъ ролей въ польскомъ возстаніи 1863 года. Маріанъ Лянгевичъ родился въ 1827 году въ Кротошинѣ (в. кн. Познанское). Учился въ нѣмецкой гимназіи въ Тжемешнѣ, посѣщалъ университеты въ Бреславлѣ и Берлинѣ. Поступилъ затѣмъ однолѣтнимъ вольноопредѣляющимся въ прусскую гвардейскую артиллерію, послѣ чего долго скитался по Франціи и Италіи. Въ Италіи онъ принималъ участіе въ походахъ Гарибальди. Познакомился съ Людвикомъ Мирославскимъ, съ которымъ и сталъ усердно заниматься проектомъ новаго возстанія въ Польшѣ. Для образованія ядра хорошо обученныхъ инсургентовъ, въ городѣ Кунео, въ Піемонтѣ, учреждено было польское военное училище. Душою училища и главнымъ въ немъ преподавателемъ былъ именно М. Лянгевичъ. Изъ Кунео дѣятельно велась „польская интрига“, въ которой принималъ горячее участіе съ одной стороны Наполеонъ III, сулившій большія субсидіи и сформированіе французско-польскаго легіона, съ другой Гарибальди, обѣщавшій содѣйствіе гарибальдійцевъ. Въ 1862 г. училище было закрыто, по требованію Россіи и Пруссіи, итальянскимъ правительствомъ, тогда Лянгевичъ, вмѣстѣ съ Чверцякевичемъ, занялся покупкою оружія для русской Польши. Въ половинѣ декабря 1862 г. русская полиція увѣдомила

[1]) Письма эти теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ Maryan Langewicz. Relacye o kampanii własnej 1863 r. Lwów.

французскую, что уполномоченные Центральнаго Комитета Годлевскій и Милевичъ везутъ письмо къ знаменитому революціонеру Mazzini. Парижская полиція арестовала Годлевскаго, Милевича, а также Чверцякевича съ Игн. Хмѣленьскимъ. Годлевскій былъ „сибирякъ", Чверцякевичъ—второразрядный журналистъ и чиновникъ, Хмѣленьскій—заядлый революціонеръ, инициаторъ покушенія на жизнь в. кн. Константина Николаевича и маркиза Велепольскаго. У арестованныхъ отобрали важные документы и 70.000 фр., предназначенныхъ для уплаты за оружіе. Лянгевичъ поспѣшилъ въ Польшу. 9-го января 1863 г. онъ былъ уже въ Варшавѣ. Здѣсь пришлось ему впервые столкнуться съ Центральнымъ Комитетомъ. Послѣдній составляли: Сигизмундъ Падлевскій—предсѣдательствующій и директоръ военнаго отдѣла, кс. Карлъ Микошевскій (Sikstus), каноникъ, настоятель костела Богоматери на Новомъ Мѣстѣ въ Варшавѣ, Оскаръ Авейда—директоръ отдѣла внутреннихъ дѣлъ, Янъ Майковскій—директоръ финансоваго отдѣла, Агатонъ Гиллеръ, Іосифъ Яновскій и Стефанъ Бобровскій. Авейда вручилъ Лянгевичу приказъ о назначеніи его военнымъ начальникомъ Сандомирскаго воеводства и 600 фр. на дорогу, на личныя надобности; за инструкціями отослалъ его къ Падлевскому. Вотъ отзывъ Лянгевича о Падлевскомъ. Это—патріотъ, смѣлый и даже дерзкій, человѣкъ понятливый, но непостоянный, творящій постоянно новые проекты, чрезвычайно самолюбивый, но ищущій славы только въ добромъ предпріятіи. Сдѣлаться польскимъ Вашингтономъ—его единственная цѣль, и ради нея онъ готовъ на всякія жертвы, но только на нѣсколько недѣль. Хотѣлъ командовать арміями, а самъ не создалъ бы и роты. Лянгевичъ не можетъ скрыть удивленія, что дирекція военныхъ дѣлъ попала въ руки С. Падлевскаго. На вопросъ о планѣ дѣйствій Лянгевичъ получилъ отъ Падлевскаго такой отвѣтъ: „Я въ Варшавской губерніи наберу корпусъ и сконцентрирую его подъ Варшавой, въ Плоцкой губерніи поставлю корпусъ подъ Модлиномъ, а ты въ губерніяхъ Люблинской и Радомской соберешь корпусъ и поведешь его на Русь". Большихъ усилій стоило мнѣ, чтобы не расхохотаться. Подавивъ смѣхъ, я замѣтилъ, что напередъ надо вытѣснить русскихъ (moskali) изъ тѣхъ губерній, гдѣ я буду сформировывать корпусъ, и что мнѣ необходимо ознакомиться съ силами, при помощи которыхъ стану освобождать ввѣренное мнѣ воеводство. На это директоръ сказалъ: „на первыхъ порахъ мы будемъ имѣть оружіе изъ-за границы, потомъ получимъ его изъ арсеналовъ Модлина, который въ первую же ночь послѣ начала возстанія попадетъ въ мои руки, наконецъ, сейчасъ же по возстаніи, въ Петербургѣ вспыхнетъ революція, армія придетъ въ разстройство и ея значительная часть выступитъ изъ Польши". Съ грустью оставилъ

Лянгевичъ Варшаву 12-го января. Онъ убѣдился, что для вооруженнаго возстанія совершенно ничего не приготовлено. На слѣдующій день онъ былъ уже въ Радомѣ. Въ Радомѣ стояли 1.200 чел. русскаго гарнизона и полевая батарея; въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ губерніи съ населеніемъ до 3.000 душъ—тоже расположены гарнизоны, по 400—600 ч. Между тѣмъ силы повстанцевъ въ цѣломъ сандомірскомъ воеводствѣ едва достигали 2.500 чел. „Не было ни солдатъ, ни офицеровъ, ни инструкторовъ, ни оружія, ни военныхъ запасовъ“. Было только 250 штукъ охотничьихъ ружей. Центральный Комитетъ обѣщанныхъ ружей не прислалъ, а покупать ихъ самимъ начальникамъ не разрѣшилъ. Налицо было нѣсколько фунтовъ пороху и нѣсколько сотъ, пригодныхъ для боя, косъ. Ощущался недостатокъ обуви, плащей, рубахъ, вообще теплой одежды, манерокъ, торбъ для хлѣба, подковъ и даже шестовъ для косъ и копій. Инструкцій никто никакихъ не имѣлъ. 18-го января, вечеромъ, полученъ приказъ Центральнаго Комитета начать возстаніе 22-го числа въ 12 час. ночи. „Указывали мнѣ, что это невозможно, домогались, чтобы я ѣхалъ въ Варшаву и просилъ отложить. Я самъ убѣжденъ былъ въ безуміи нашего предпріятія, но, какъ солдатъ, долженъ былъ слушаться и требовать послушанія. Объяснялъ, что новое распоряженіе отложить возстаніе можетъ не успѣть дойти во всѣ концы края, что тогда можетъ вспыхнуть частичное только возстаніе, что̀ вызоветъ лишь замѣшательство и деморализацію. Разъяснялъ, что оружіе на первыхъ порахъ не особенно необходимо, достаточно и косъ, нападеніе будетъ сдѣлано темною ночью, неожиданно, на улицахъ и въ домахъ, а потомъ, для дальнѣйшаго боя, у насъ будетъ оружіе: мы добудемъ его у русскихъ“. Лянгевичъ отдалъ приказъ напасть одновременно на восемь небольшихъ гарнизоновъ, расквартированныхъ въ губерніи, самъ же присоединился къ отряду, который долженъ былъ атаковать м. Шидловецъ. Послѣдній былъ взятъ. Потери русскихъ, по русскимъ источникамъ („Журналъ военныхъ дѣйствій“, № 1-й), 4 убитыхъ, 10 раненыхъ и 10 пропавшихъ безъ вѣсти. Повстанцы захватили не болѣе дюжины винтовокъ. Подкрѣпленія, между тѣмъ, не приходили. При такихъ условіяхъ Лянгевичъ не могъ удержаться въ Шидловцѣ. Онъ облюбовалъ себѣ мѣсто въ гористой мѣстности, въ Вонхоцкѣ. Здѣсь Лянгевича атаковали правительственныя войска, и онъ долженъ былъ очистить Вонхоцкъ. Лянгевичъ занялъ позиціи въ Свенто-Кржиских лѣсахъ. Не столько военныя неудачи, сколько голодъ и холодъ преслѣдовали повстанцевъ. „Признаюсь—пишетъ Лянгевичъ,—что въ первыя двѣ недѣли возстанія я что-день ожидалъ прекращенія его, по крайней мѣрѣ, въ моемъ воеводствѣ и только ради послушанія своему начальству и

ради собственнаго самолюбія удержался на своемъ посту". 4-го марта уже совсѣмъ не имѣли военныхъ снарядовъ. Лянгевичъ рѣшилъ пододвинуться къ самой австрійской границѣ. Остановился въ Гощѣ,—въ разстояніи одного часа пути отъ границы. Тутъ онъ узналъ, что у повстанцевъ, кромѣ „москалей" и матерьяльныхъ недостатковъ, есть еще враги—едва-ли не болѣе опасные—враги внутренніе. Краковъ и Галиція кишѣли разными „генералами", офицерами, дипломатами, дезертирами, которые пили, ѣли, пріятно проводили время въ болтовнѣ въ домахъ „патріотовъ", получали содержаніе, будучи приписаны къ разнымъ отрядамъ войскъ инсургентовъ. Нѣкоторые ухитрились быть приписанными къ нѣсколькимъ отрядамъ. Такіе господа не останавливались ни передъ шпіонствомъ, ни передъ интригами. 22-го февраля Лянгевичъ убѣдился, что Езеранскій, военный начальникъ Опочинскаго уѣзда, состоявшій подъ его командою, образовалъ свою, довольно сильную партію и хочетъ дѣйствовать самостоятельно. Послѣ оказалось, что какой-то родственникъ этого Езеранскаго служилъ у одного магната секретаремъ. По ходатайству этого родственника, магнатъ поддерживалъ Езеранскаго деньгами и желалъ видѣть его диктаторомъ. Помянутый магнатъ скупилъ въ Краковѣ все оружіе и военные снаряды. Постарался откупить транспортъ ружей, назначенныхъ для Лянгевича, распустивъ слухъ, что онъ покупаетъ оружіе для Езеранскаго, который черезъ нѣсколько дней будетъ главнокомандующимъ. Еще болѣе досаждалъ Лянгевичу своими происками бывшій его пріятель Мирославскій. Послѣдній, по словамъ Лянгевича, пылалъ къ нему ненавистью. Подсылалъ убійцу, хотѣлъ взбунтовать его отрядъ, перекупалъ пріобрѣтенное для отряда оружіе, сообщалъ австрійской полиціи о мѣстонахожденіи тайныхъ складовъ военныхъ снарядовъ. Словомъ, не останавливался ни передъ какими средствами. И все это дѣлалъ зависти ради. Временное правительство (Rząd tymczasowy) знало и цѣнило прежнюю дѣятельность Мирославскаго, потому вошло съ нимъ въ сношеніе [1]). Мирославскій сформировалъ свой отрядъ, но счастіе ему измѣнило—онъ былъ

[1]) Людвикъ Мирославскій, сынъ полковника французской службы, перешедшаго потомъ на службу въ Польшу, и француженки Камили Homme, род. въ 1818 г. въ Нэмурѣ. Учился въ школѣ кадетовъ въ Калишѣ. Участвовалъ въ революціи 1830 г. Затѣмъ уѣхалъ во Францію и занялся литературою. Написалъ повѣсти (по-польски) „Bitwa Grochowska" (Парижъ) 1835 г. „Szuja". „Pugaczew", „Zelazna Maryna" (Парижъ, 1836 г.), издалъ (по-французски) „Aperçue rapide sur l' histoire universelle". (Paris, 1836) и „Histoire de la révolution de Pologne" (3 тома Paris, 1837). Въ 1840 г. вступилъ, въ качествѣ члена, въ центральный комитетъ польскаго демократическаго общества. Участвовалъ въ подготовкѣ возстанія въ Познани. 5-го сентября 1847 г. при-

двукратно побитъ: подъ Крживосончемъ (22-го февраля 1863 г.) и подъ Новой Весью 25-го февраля того же г.) и бѣжалъ за границу. Rząd предложилъ Мирославскому возвратиться на территорію Польши къ 8-му марта, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить съ нимъ сношенія. Мирославскій не вернулся къ назначенному сроку „на театръ войны". Тѣмъ временемъ „маленькій корпусъ" (korpusik) Лянгевича увеличивался людьми, оружіемъ и провіантомъ изъ смежной Галиціи. До сихъ поръ историки предполагали, что у Лянгевича, передъ провозглашеніемъ имъ диктатуры, было приблизительно 9.000 человѣкъ инсургентовъ. Лянгевичъ опредѣляетъ число охотниковъ въ 20.000 чел. и количество оружія въ 30.000 шт. Нечего удивляться такимъ цифрамъ: „бдительность" австрійскаго правительства, по его словамъ, была слишкомъ умѣренна. Несмотря на обиліе „московскихъ шпіоновъ", „транспорты охотниковъ и оружія шли главнымъ трактомъ къ границѣ, переправлялись паромомъ черезъ Вислу на глазахъ австрійскихъ пограничныхъ чиновниковъ и солдатъ, отворачивавшихся, чтобы не видѣть транспортовъ". Вообще „Краковъ и Галиція, съ согласія австрійскаго правительства, были военнымъ и административнымъ базисомъ" для повстанцевъ. „Центральное правительство (Rząd centralny)—сѣтуетъ Лянгевичъ—или не хотѣло, или не умѣло воспользоваться" этимъ. Лянгевичъ клеймитъ Rząd народный словомъ неспособный. „Власть тогда заслуживаетъ уваженія, когда она полезна и сильна". Между тѣмъ, „Ржондъ народовый" своею снисходительностію поощрялъ проявленіе непослушанія и даже открытый мятежъ. 10-го марта Лянгевичъ провозгласилъ себя диктаторомъ возставшей Польши. Вотъ взглядъ Лянгевича на значеніе диктатуры. „Въ диктатурѣ я вижу одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для спасенія народнаго дѣла. Римская республика, такъ внимательно контролировавшая своихъ чиновниковъ и слѣдившая за исполненіемъ законовъ, во времена великой опасности всю власть отдавала въ руки диктатора. Гарибальди, столь хладнокровный къ власти, принялъ диктаторскую власть. Всюду, гдѣ бы только ни вво-

говоренъ въ Берлинѣ къ смертной казни. Революція 1848 г. возвратила ему свободу, и онъ сталъ руководить возстаніемъ въ Познанскомъ княжествѣ. Одержалъ побѣды подъ Ксенжемъ и подъ Милославомъ. Окруженный пруссаками у Вржесни, долженъ быть сложить оружіе и спасаться бѣгствомъ за границу. Въ 1849 г. Мирославскій предводительствовалъ бандами повстанцевъ на Сициліи въ Баденскомъ герцогствѣ. Потомъ поселился на нѣкоторое время въ Версалѣ и тамъ издалъ „Powstanie Poznańskie (Парижъ 1853). Въ 1861 г., состоя въ сношеніяхъ съ Гарибальди и Кошутомъ, сформировалъ въ Женевѣ славянскій легіонъ, состоявшій по большей части изъ поляковъ, и руководилъ военной школой въ Кунео. Съ 1862 г. начинается его дѣятельность въ русской Польшѣ. *Г. В.*

дили диктатуру, она вездѣ оказывалась полезною, коль скоро была на самомъ дѣлѣ необходима и когда пѣстунъ ея обладалъ надлежащими качествами". Лянгевичъ утверждаетъ, будто „въ минуту врученія ему диктатуры" онъ не могъ дать себѣ отчета, „необходима ли она теперь". Вѣрнѣе всего, Лянгевичъ поспѣшилъ объявить себя диктаторомъ, чтобы предупредить замыслы Мирославскаго сдѣлать то же самое. Присяга на вѣрность диктатору принесена при весьма торжественной обстановкѣ. На зрѣлищѣ присутствовали почти всѣ, проживающіе въ Краковѣ, вельможные паны, пріѣхавшіе спокойно на русскую территорію въ роскошныхъ экипажахъ глядѣть на парадъ. Диктаторствовать Лянгевичу пришлось не долго. Послѣ попытки перейти въ наступленіе былъ разбитъ кн. Шаховскимъ, который, оперируя съ фронта и фланговъ, сталъ энергично и безостановочно тѣснить его къ австрійской границѣ. Въ ночь съ 18-го на 19-е марта, послѣ новаго и серьезнаго пораженія, Лянгевичъ рѣшился распустить свой отрядъ. Утромъ 19-го марта Лянгевичъ находился уже на австрійской территоріи. Его узнали и арестовали въ Тарновѣ. По приказанію изъ Вѣны, водворили на жительство въ Тышніовцахъ [1]). Здѣсь держали Лянгевича строго. Не взирая на это, онъ, при помощи своей поклонницы, m-lle Генрики Пустовойтовой, пытался неоднократно бѣжать [2]). За это былъ переведенъ въ крѣпость Іозефштадтъ въ Богеміи и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ [3]). Въ февралѣ 1865 г., по настояніямъ правительства Швейцаріи, гражданиномъ которой Лянгевичъ состоялъ, онъ былъ освобожденъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ въ Скутари, затѣмъ поселился въ Константинополѣ, гдѣ и умеръ въ 1887 году, всѣми забытый. За послѣднее время онъ торговалъ лошадьми и имѣлъ собственный небольшой заводъ, но ему не особенно везло.

Г. А. Воробьевъ.

[1]) Въ Моравіи.

[2]) Первая попытка къ бѣгству едва не увѣнчалась успѣхомъ: Лянгевичъ уже спустился изъ окна 2-го этажа на гуттаперчевомъ поясѣ, но былъ замѣченъ жандармами, которые и доставили его въ Брно. Во второй разъ Лянгевичъ предложилъ тюремному стражнику 300 флориновъ за побѣгъ. Стражникъ деньги взялъ и... передалъ своему начальству.—„Отношенія" Пустовойтовой къ М. Лянгевичу заслуживаютъ особеннаго вниманія историковъ; это не обыкновенный романъ, но нѣчто болѣе серьезное. Между тѣмъ въ нашей литературѣ въ этомъ отношеніи полный пробѣлъ, если не считать слабой исторической повѣсти А. Лемана—„Анна (?) Пустовойтова" („Историческій Вѣстникъ". 1903 г., кн., VIII). *Г. В.*

[3]) Кн. Горчаковъ выражалъ надежду, что Лянгевича „будутъ хорошо стеречь, въ безопасномъ мѣстѣ, до конца возстанія". *Г. В.*

Война за независимость славянъ
въ 1877—1878 гг.
Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

VIII [1]).

Объѣздъ румынской арміи.—Неудачная атака румынами турецкаго редута.—Крыловъ.—Нападеніе на турецкій транспортъ.—Ловча.—Недостатокъ пищи и одежды.—Необходимость телеграфа.—Принцъ Карлъ.—Шамшевъ.

4-го сентября. Сегодня объѣзжали съ великимъ княземъ румынскую армію. Видъ людей довольно воинственный, особенно доробанцевъ; а одѣты линейные лучше доробанцевъ. Но какіе слабенькіе батальоны, человѣкъ по 400, а есть и менѣе. Знамя у нихъ не въ головѣ, а въ срединѣ колонны, такъ что они буквально сгруппированы около знамени. Большіе они охотники копаться въ землѣ; вездѣ, даже около бивуака резерва, устроены ровики для стрѣлковъ и эполементы, и работы весьма тщательныя; они сейчасъ же приняли къ исполненію приказаніе великаго князя вести подступы къ турецкой позиціи; просили уступить имъ въ полное владѣніе взятый нашими войсками редутъ; базируясь на немъ, они хотятъ вести подступы для овладѣнія слѣдующимъ редутомъ, лежащимъ къ сѣверо-западу въ разстояніи съ небольшимъ 150 саженъ. Руководить подступомъ будетъ Лигницъ. Около бивуаковъ такая же нечистота и вонь, какъ и у насъ, даже требуха скотины не зарыта.

Послѣ объѣзда завтракъ у принца Карла; онъ получилъ за 30-е число Георгія 3-го класса и поднесъ государю первую степень учрежденной имъ „Румынской звѣзды". Чернатъ тоже украшенъ 4 степени Георгіемъ. „Для поощренія", какъ выразился великій князь.

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1997 г.

Утромъ съ Рейтлингеромъ окончательно порѣшилъ постройку укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ; ранѣе недѣли не кончатъ; инструмента мало, шанцевый частью поломанъ, частью утраченъ — во 2-й дивизіи и въ 1-й бригадѣ 16-й дивизіи, а въ отдѣленіи осаднаго парка было всего около 2.500 штукъ инструмента. У великаго князя въ этомъ отношеніи большія предположенія, кромѣ оборонительныхъ построекъ въ 1-й линіи, онъ самъ указалъ постройку нѣсколькихъ редутовъ въ тылу.

5-го сентября. Укрѣпленіе позиціи продолжается; орудійная стрѣльба рѣдкая; по ночамъ раза по два у румынъ открывается сильный огонь; увѣряютъ, что турки дѣлаютъ нападенія, но врядъ-ли это такъ. Согласно просьбѣ румынъ имъ отданъ взятый у турокъ Гривицкій редутъ, они туда ввели два батальона и назначили своего коменданта, но сегодня уже Чернатъ обратился съ просьбою поставить въ редутъ двѣ русскихъ роты, — приказано Криднеру это исполнить.

Крыловъ, вызвавшись командовать кавалеріею на лѣвомъ берегу Вида, требуетъ свою дивизію и бригады Тутолмина и Чернозубова, вслѣдствіе этого дѣлается chasée croisée; кавалерія по очереди переходитъ съ Ловчинскаго шоссе на Софійское и обратно, смѣна производится чрезъ слѣдованіе на Д. Дубнякъ. Кавалерійскій корпусъ Крылова будетъ состоять изъ 12 полковъ и 4-хъ конныхъ батарей. 3 полка 4 кавалерійской дивизіи, Астраханскій драгунскій, бригада Тутолмина и Чернозубова и 4 полка румынъ—всего 52 эскадрона и сотни и 24 орудія. Съ энергіею и рѣшимостью можно порядочно напакостить съ этими силами Осману, преграждая къ нему подвозъ всякаго рода припасовъ. У Лошкарева на Ловчинскомъ шоссе остается 4 полка 9 кавалерійской дивизіи и двѣ конныя батареи. Замѣчательно, что оба начальника кавалеріи просятъ объ уменьшеніи при нихъ конныхъ орудій, они ихъ, повидимому, стѣсняютъ, разыгрывая роль совѣсти кавалеріи. Артиллерію нужно прикрывать и слѣдовательно держаться на мѣстѣ, когда хотѣлъ бы улизнуть.

6-го сентября. Румыны, подъ руководствомъ Лигница, быстро вынесли параллель и сообщеніе, на 200 метровъ къ турецкому редуту № 2 и сегодня въ 2 часа намѣрены произвести атаку. Мы съ принцемъ поѣхали смотрѣть съ сѣверной стороны оврага, опускающагося отъ Врбицы къ Буковой Лапѣ; но редута не видно отсюда. Для содѣйствія румынской атакѣ, приказано 1-й бригадѣ 31 дивизіи демонстрировать съ южной стороны редута. Съ утра производилась по редуту № 2 усиленная канонада, какъ съ румынскихъ, такъ и съ нашихъ батарей 9 корпуса. Въ 2 часа послышалась со стороны редута страшная ружейная трескотня, продолжавшаяся около получаса. При-

скакиваетъ ординарецъ съ донесеніемъ, что штурмъ отбитъ, но готовятся ко второму; дѣйствительно, мы видимъ движеніе резервовъ впередъ. Въ 3 часа снова начинается минутъ на 20 усиленная ружейная трескотня и опять донесеніе, что и второй штурмъ отбитъ. Около 4-хъ часовъ новая попытка и новая неудача. Прискакиваетъ Пилодъ и говоритъ, что до 860 человѣкъ потери, что войска рвутся на новую атаку, но Чернатъ рѣшилъ произвести ее ночью. Мы уѣзжаемъ.

Депъ, Рейтлингеръ и другіе наши, смотрѣвшіе на картину съ высоты Гривицкой, увѣряютъ, что собственно штурма никакого не было, румыны перебѣгали изъ заднихъ траншей въ переднія, открывали изъ нихъ огонь по турецкимъ траншеямъ и убѣгали назадъ. Вся потеря, въ сущности, на половину противъ показанной, произошла во время этихъ перебѣжекъ и въ резервахъ, которые поражались турецкими гранатами. Наша демонстрировавшая бригада Бѣлокопытова потеряла около 70 человѣкъ.

Приказано Новоингерманландскій полкъ съ батареями 3-й артиллерійской бригады отправить въ Ловчу, гдѣ сосредоточивается вся 3-я дивизія.

Такъ какъ принцъ живетъ въ Порадимѣ, а я въ Сгалинцахъ, то отдалъ приказъ, что, въ случаѣ нападенія турокъ на нашу позицію, до прибытія принца или его начальника штаба, командованіе войсками на позиціи поручается г. Криднеру.

Передвиженіе кавалеріи кончается завтра и Крыловъ вступаетъ въ командованіе завидскою кавалеріею, я снабдилъ его инструкціею, гдѣ въ общихъ чертахъ указана цѣль его партизанскихъ дѣйствій въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. За начальника штаба по болѣзни Лауница онъ взялъ къ себѣ Квитницкаго—кажется, человѣкъ энергическій, по крайней мѣрѣ таковымъ заявилъ себя въ извѣстной исторіи.

7-го сентября. Румыны ночью редута не атаковали; хотятъ продолжать подступы, чтобы болѣе сблизиться.

Сегодня прибыли Донской № 4-й полкъ и 4-й саперный батальонъ, имѣющій въ строю 420 и больныхъ 430 человѣкъ. Въ послѣдніе дни подошло нѣсколько партій изъ запасныхъ баталіоновъ на укомплектованіе.

Получилъ телеграмму великаго князя поторопиться укрѣпленіемъ позиціи и представить соображеніе о веденіи подступовъ къ плевненскому укрѣпленному лагерю. Отвѣчаю, что укрѣпленіе позиціи окончится къ 11-му или 12 числу, а на счетъ постепенной атаки представлю соображеніе вслѣдъ за симъ. Такъ какъ великій князь не хочетъ отказаться отъ идеи осады, то думаю собрать нѣчто въ родѣ совѣта, чтобы опереться на мнѣніе большинства, которое, вѣроятно,

выскажется противъ неосновательности плана великаго князя. Нужны войска, чтобы сдѣлать полное обложеніе и мѣсяца черезъ полтора, а самое большое черезъ два. Османъ, сдѣлавъ безуспѣшную попытку прорваться, долженъ будетъ сдаться. Зачѣмъ тутъ штурмъ или осада; все равно, вѣдь безъ полнаго обложенія осада не будетъ имѣть смысла. Завтра собираю корпусныхъ командировъ, начальниковъ штабовъ, начальника инженеровъ и командировъ саперныхъ батальоновъ.

8-го сентября. Вторые сутки льетъ осенній дождь,—почва страшно распустилась, ночи холодныя; болѣзненность усиливается и 32.500 наличныхъ штыковъ. Заболѣваетъ ежедневно около 200 человѣкъ; въ двухъ саперныхъ батальонахъ было больныхъ 808 человѣкъ, а въ послѣдніе два дня заболѣло 110 человѣкъ. Въ добавокъ прекратилось движеніе транспортовъ и нѣтъ возможности произвести эвакуацію. Въ дивизіонныхъ лазаретахъ накопилось отъ 200 до 300 больныхъ, а въ болгаренскомъ подвижномъ лазаретѣ болѣе 2.000; лежатъ на голой землѣ, и туда изъ отряда больныхъ не принимаютъ. Скотъ также падаетъ во множествѣ, не успѣваютъ зарывать. Войска нуждаются въ водкѣ, дровахъ, соломѣ, сапогахъ, фуфайкахъ — ничего нѣтъ; интендантство и товарищество всѣми проклинаются.

Какъ я и ожидалъ, рѣшеніе совѣта было почти единогласное противъ веденія осады, одинъ только Криднеръ далъ уклончивое мнѣніе, допуская возможность веденія подступовъ вдоль сѣвернаго фронта турецкаго лагеря отъ Гривицкаго редута, съ тѣмъ, однако, чтобы работали румыны, а наши войска прикрывали и защищали работы. Протоколъ засѣданія совѣта представляю великому князю, съ оговоркою, что я собралъ совѣтъ въ видахъ обсужденія мѣръ, для лучшаго приведенія въ исполненіе предположенія е. выс — ва. По крайней мѣрѣ свалилъ съ себя исполненіе несообразности; пусть этимъ займется Тотлебенъ, ему и книги въ руки.

Криднеръ странно понялъ приказъ принца, для всѣхъ вполнѣ ясный. Онъ отъ себя отдалъ приказъ, что, по случаю отъѣзда принца и начальника штаба, онъ вступаетъ въ командованіе войсками западнаго отряда. Приходится перебраться на позицію для избѣжанія недоразумѣній. Имеретинскій разсказываетъ, что онъ вчера, въ Тученицѣ, посѣтилъ Крылова передъ отъѣздомъ и засталъ его въ полномъ отчаяніи. Крыловъ выразился такъ: „я ежеминутно представляю себѣ картину, что въ одно прекрасное утро я проснусь окруженный турками и меня съ моею дурацкою кавалеріею будутъ разстрѣливать“. Плохая надежда на такого начальника кавалеріи, который падаетъ духомъ, не начавъ еще дѣйствовать,—успѣха ожидать положительно нельзя,—а вѣдь самъ просился: „я вѣкъ служу въ кавалеріи, люблю

эту лихую службу и рѣшительно не чувствую въ себѣ ни призванія, ни способности командовать пѣхотнымъ корпусомъ". И откуда можетъ придти въ голову Крылова такая блажь. Мѣстность между Видомъ и Искеромъ, отъ Софійскаго шоссе до Дуная, на протяженіи около 60 верстъ, съ юга и съ сѣвера представляетъ открытую волнообразную равнину, всюду удобную для дѣйствія кавалеріи. Въ случаѣ дѣйствительной опасности, всегда можно уйти за Видъ, который въ обыкновенное время переходимъ въ бродъ повсюду и на которомъ двѣ переправы въ Рыбинѣ и въ Гавринѣ заняты румынскою пѣхотою. Да и какая опасность, кавалеріи у турокъ очень мало, да и та плохая, а пѣхота вѣдь не можетъ Крылову отрѣзать отступленія.

9-го сентября. Пріѣзжаетъ Кава Михайловъ съ извѣстіемъ, что противъ Крылова изъ Телиша наступаетъ 25 таборовъ,—затѣмъ получаются двѣ записки Крылова; въ первой объясняя свое опасное положеніе, проситъ оставить Д. Дубнякъ и отступить къ Трестенику; во второй доноситъ, что отошелъ къ Трестенику, не выждавъ разрѣшенія. Посылаю телеграмму Непокойчицкому о наступленіи турокъ изъ Телиша къ Плевно. Вслѣдъ затѣмъ получаю чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что въ Телишѣ дѣйствительно собрано до 5 таборовъ, и что завтра оттуда идетъ въ Плевно большой транспортъ въ 2.000 подводъ съ продовольственными и военными запасами. Вслѣдствіе этого предписываю Крылову, оставивъ часть кавалеріи для наблюденія за Плевно съ западной стороны и маскированія своего движенія, съ остальными силами немедленно направиться къ Телишу и дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ идущаго въ Плевно транспорта; въ распоряженіе Крылова посылаю и Лошкарева чрезъ Медованъ съ 4-мя полками; такимъ образомъ, для нападенія на транспортъ можетъ быть сосредоточено 12 полковъ съ 4-мя или 5-ю конными батареями. Предпріятіе обѣщаетъ успѣхъ; 2.000 повозокъ займутъ въ глубину по дорогѣ около 20 верстъ, слѣдовательно, прикрывающіе ихъ 5 таборовъ будутъ разбросаны и не могутъ оказать сильнаго сопротивленія; поражая артиллеріею во флангъ, кавалерія можетъ обскакать съ тыла; можно разсчитывать, что при внезапномъ и энергичномъ нападеніи безпорядокъ неминуемъ, погонщики болгары разбѣгутся.

Вечеромъ получилъ телеграмму Непокойчицкаго, изъ которой видно, что и великій князь пораженъ неожиданнымъ появленіемъ непріятеля въ такихъ силахъ, противъ массы нашей кавалеріи.

10-го сентября, бивуакъ. Новую обузу возложили на меня, подчинивъ мнѣ Ловчу. Вотъ отзывъ Непокойчицкаго отъ 9-го сентября № 1155: „е. и. выс—во главнокомандующій, принимая во вниманіе важное значеніе полной связности въ дѣйствіяхъ западнаго отряда съ отрядомъ ген.-лейт. Карцева, приказалъ подчинить этотъ послѣд-

ній в. пр—ву въ высшемъ командномъ отношеніи. Это подчиненіе, являясь необходимымъ слѣдствіемъ того значенія, которое имѣетъ для дѣйствія западнаго отряда обезпеченіемъ его со стороны Ловчи, даетъ в. пр—ву возможность управлять обстановкою значительно большаго района вокругъ Плевны и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ васъ отъ усложненія занятій мелочными вопросами, вызываемыми непосредственнымъ и полнымъ подчиненіемъ отряда". Сколько ни ломаю своей головы, никакъ не могу понять, изъ темныхъ выраженій отзыва, необходимости подчинить мнѣ пунктъ, лежащій отъ меня въ 30 верстахъ и даже не имѣющій со мной телеграфной связи. Только лишняя переписка, необходимость устроить летучую почту, а въ случаѣ чего-нибудь неблагопріятнаго новая отвѣтственность.

Принцъ Карлъ все опасается за Никополь и свой мостъ; увѣряетъ, что, по достовѣрнымъ имъ полученнымъ свѣдѣніямъ, турки направляютъ къ Никополю 5.000 изъ Видина, чрезъ Рахово и 10.000 изъ Софіи; по приближеніи этихъ колоннъ, вѣроятно, и Османъ сдѣлаетъ наступленіе къ Никополю. Опасенія эти, кажется, неосновательны; турки, вѣроятно, очень хорошо понимаютъ, что важно для нихъ не занять Никополь, а разбить нашу армію, и потомъ они очень хорошо знаютъ, что въ дѣлѣ наступленія на Никополь ихъ ожидаетъ полная неудача.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову.

Еще въ 1875 г. Влад. Вас. Стасовъ помѣстилъ на страницахъ „Русск. Старины" цѣлый рядъ писемъ къ нему Алекс. Ник. Сѣрова, въ предисловіи къ которымъ разсказалъ о дружбѣ своей съ Сѣровымъ, начавшейся еще въ Правовѣдѣніи; о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ писались эти письма, касавшіяся почти исключительно вопросовъ искусства и, конечно, главнымъ образомъ, музыки; о трехъ періодахъ въ музыкальныхъ вкусахъ и взглядахъ Сѣрова, отразившихся въ этой перепискѣ, и наконецъ давалъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ *Юдиви*. Владиміръ Васильевичъ справедливо находилъ, что эти письма представляютъ собою документы величайшей важности для біографіи композитора и для выясненія его взглядовъ, стремленій и художнической личности, и потому такъ и озаглавилъ первый отдѣлъ этихъ писемъ, появившійся въ августовской книжкѣ „Русск. Старины" 1875 г. и заключавшій письма 1840 года: „*Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Матеріалы для его біографіи*".

Въ 1876 и 1877 годахъ были напечатаны и позднѣйшія письма Сѣрова — съ 1841 по 1859 годъ. Всѣ они относились, во-первыхъ ко времени, когда оба молодые друга, будущій композиторъ и будущій писатель,—одинъ только-что кончившій Прововѣдѣніе, а другой еще не оставлявшій школьной скамьи,—переписывались, живя оба въ Петербургѣ, если почему-либо имъ нельзя было побесѣдовать устно, а во-вторыхъ ко времени жизни Сѣрова въ Симферополѣ. Печатаемыя нами нынѣ письма, точно также самимъ Влад. Вас. переданныя редакціи „Русск. Старины" и снабженныя имъ собственноручными примѣчаніями, писались Сѣровымъ въ тѣ три года—съ 1851 по 1854,—которые Влад. Вас. провелъ за границей, сначала путешествуя по Германіи, Англіи, Франціи и Швейцаріи, а потомъ живя въ теченіе двухъ лѣтъ во Флоренціи и Римѣ. Только-что скончавшійся нынѣ критикъ исключилъ какъ изъ ранѣе помѣщенныхъ имъ, такъ и изъ теперь печатаемыхъ писемъ, лишь нѣкоторыя подробности, касавшіяся разныхъ интимныхъ семейныхъ отношеній, или лично до него относившихся, а потому, по его мнѣнію, неинтересныхъ для читателя, вопросовъ. Оригиналы были всѣ тогда же подарены имъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Не желая повторять теперь разныхъ объясненій и указаній, помѣщенныхъ Влад. Васильевичемъ въ примѣчаніяхъ къ напечатан-

нымъ ранѣе письмамъ, мы отсылаемъ всѣхъ интересующихся разными подробностями біографіи Сѣрова читателей къ книжкамъ „Русск. Старины“ за 1876 и 1877 годы [1]). Но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на то, что печатаемыя нами теперь письма, какъ и всѣ прежнія, такъ же важны для характеристики получавшаго ихъ, какъ и того, кто ихъ писалъ. Личность друга Сѣрова ясно и живо рисуется въ нихъ, а какое значеніе его сужденія и индивидуальность имѣли для страстно въ тѣ годы искавшаго своей художественной дороги музыканта можно лучше всего видѣть изъ словъ одного изъ этихъ писемъ: „Тебя нѣтъ въ Петербургѣ,—съ кѣмъ же, скажи мнѣ я могу бесѣдовать о самомъ важномъ для меня—о всемъ, что всего меня наполняетъ?..“

В. К.

С.-Петербургъ, 12-го іюня 1851 г. Вторникъ.

Въ моей рабочей комнатѣ у васъ.

...Я все еще вижу тебя, какъ ты неподвижно стоишь на бортѣ своего „Прусскаго Орла“ (пароходъ въ Кронштадтъ), и глазами прощаешься со всѣми нами! Долго, долго смотрѣли мы, уплывающіе (назадъ въ Петербургъ) на твой пароходъ, хотя тебя давно уже не было видно—смотрѣли молча и грустно; наконецъ, и пароходъ вашъ исчезъ изъ глазъ, а разговоръ не начинался, всѣ сидѣли по уголкамъ и смотрѣли, кто на море, кто на палубу, кто никуда. Я и до сихъ поръ все еще полонъ этими минутами прощанья, и еще ни за что путемъ не могу приняться... Какъ странно сталкиваются обстоятельства моей жизни! Почему именно тогда получаю отъ М. П. прощальное письмо, когда и ты только что разлучился со мною. Почему непремѣнно нужно было, чтобъ мы и наше Тріо [2]) исполняли на трехъ разныхъ концахъ Европы, почему именно на это время распаласвозможность и для другого нашего Тріо [3]). Странныя бываютъ совпаденія!.. Хотя я для тебя теперь и не на первомъ планѣ по кор-

---

[1]) См. „Русск. Старина“ *1875*, августъ: *Ал. Ник. Сѣровъ, Очеркъ его жизни и письма*“, октябрь: „*Ал. Ник. Сѣровъ, его замѣтки и письма о музыкѣ 1841—1842*“; ноябрь: „*А. Н. Сѣровъ, очерки и замѣтки о музыкѣ 1841—1842 г.*“.

1876—январь: „*А. Н. Сѣровъ, очерки и замѣтки о музыкѣ, 1842*“. февраль: *тоже*—„*1841 г.*“ апрѣль, май, декабрь: „*Ал. Ник. Сѣровъ, бесѣды съ М. И. Глинкою объ его операхъ 1842—43 г.*“.

1877—январь: „*Очерки, замѣтки о музыкѣ Ал. Н. Сѣрова*“; февраль—*тоже*; мартъ: „*Ал. Ник. Сѣровъ, его очерки и замѣтки, 1846*“, апрѣль—*тоже* съ *1846—47*; май:—*тоже*, съ 1847—48; октябрь *тоже*, съ 1852—55; ноябрь *тоже*, съ 1853—59 г. Въ этой книжкѣ помѣщены письма Сѣрова къ *Д. В.* Стасову 1853—54 г., къ *В. В.* Стасову 1857 г. и къ М. П. Анастасьевой 1859 г. сообщенныя и снабженныя примѣчаніями Влад. Вас., какъ и всѣ предыдущія.

[2]) Т. е. Сѣровъ, В. В. Стасовъ и М. П. Анастасьева.

[3]) А. Н. Сѣровъ, его сестра Софья Николаевна и я. *В. С.*

респонденціи и по многому другому, но все же и второй планъ мѣсто довольно важное, и я разсчитываю на большія наслажденія по случаю заграничной почты...

С.-Петербургъ. 28-го іюня (12-го іюля) 1851 г.

...Теперь, когда ты уже уѣхалъ и я пишу тебѣ—во Флоренцію—мое переселеніе къ тебѣ—кажется мнѣ какимъ-то рѣшительно неисполнимымъ воздушнымъ замкомъ. Мнѣ никогда (въ такого рода дѣлахъ) ничто не удается такъ легко и по моему, какъ тебѣ—оттого я почти увѣренъ, что еслибъ и случилась какая-нибудь хорошая оказія, „une grosse occasion", мнѣ не придется ею воспользоваться—по усамъ потечетъ, а въ ротъ не попадетъ!

Между тѣмъ — вѣдь это наконецъ смѣшно! Малому 31 годъ, малый не безъ способности—а что сдѣлалъ—и NB.—могъ ли что-нибудь сдѣлать при такой дурацкой обстановкѣ всей жизни... Еслибъ ты могъ на одну секунду войти въ меня, ты удивился бы, какъ сильна во мнѣ жажда дѣлать и дѣлать,—но не для портфеля только, а чтобъ была работа и потомъ исполнялась бы какъ слѣдуетъ, а то иначе—безъ всякаго учета, безъ всякой отвѣтственности—все будетъ только довольно пустыми аматерскими попытками или, пожалуй, и полезными, но чисто кабинетными упражненіями. А мнѣ не то бы теперь нужно. Такъ какъ съ Сухотинымъ [1]) разстроилось (да и предпріятіе-то само по себѣ слишкомъ трудное—на Александринскомъ театрѣ никогда не дадутъ сколько-нибудь путныхъ хоровъ, а тутъ все дѣло въ нихъ)—я придумалъ (съ отчаянія) кое-что другое—чтобы пустить на сцену непремѣнно прежде „Майской ночи" [2]) (для которой рѣшительно нѣтъ пѣвицы)... Ну, я думаю, я тебѣ порядочно надоѣлъ этими дѣлами—которыя теперь для тебя такъ далеки... Гдѣ-то ты теперь (когда я пишу это)?—въ Парижѣ вѣрно. Сколько ты уже видѣлъ и слышалъ—чего мнѣ, быть можетъ, долго, а быть можетъ и никогда не придется слышать и видѣть!—Ты меня жестоко разлакомилъ, въ берлинскомъ письмѣ—описаніемъ Зоологическаго сада; ты знаешь, какъ я люблю эти вещи!—сколько разъ я тебѣ поручалъ за меня полюбоваться Jardin des Plantes (по свойственной тебѣ иногда замашкѣ, ты, пожалуй, не припомнишь этого порученія, и скажешь, что это я избрѣлъ для случая—но это было и именно не разъ). Очень бы хотѣлось мнѣ, чтобы ты вздумалъ написать ко мнѣ

[1]) Либреттистъ Сѣрова. *В. С.*

[2]) Въ концѣ 40-хъ годовъ А. Н. Сѣровъ оставилъ писаніе „Мельничиха въ Марли" и принялся за сочиненіе оперы „Майская ночь", на сюжетъ Гоголя *В. С.*

именно изъ Парижа.—Твое берлинское письмо имѣло для меня чрезвычайную важность. Видѣть чужіе края твоими глазами—для меня совершенно то же, что я бы и самъ видѣлъ, а въ немногихъ строчкахъ съумѣлъ дать лучше понятіе о многомъ, чѣмъ всѣ печатныя письма туристовъ, въ которыхъ вѣчно говорится обо всемъ на свѣтѣ, только кромѣ того, что именно нужно сказать.—Я надѣюсь, что при случаѣ ты исполнишь свое обѣщаніе, пришлешь мнѣ, кромѣ письма, что-нибудь и для печати. Это было бы очень недурно—а черезъ меня пошло бы непремѣнно въ ходъ. Я теперь въ большихъ ладахъ съ редакціями „Библіотеки" и „Современника". Для „Библіотеки" накаталъ большую статью о Спонтини и то еще не дошелъ до разбора его оперъ. 2-я статья будетъ вся въ этомъ разборѣ. Но чтобъ его чортъ побралъ съ его дурацкими операми! Ты и представить себѣ не можешь, до какой степени онъ плохъ! А между тѣмъ его величали „princeps tragoediae lyricae" и когда же?—послѣ Глюка!!!—На дняхъ повидаюсь съ Сенковскимъ, чтобъ абонировать себѣ мѣсто въ „Наукахъ и Художествахъ" „Библіотеки" на всѣ осенніе и зимніе мѣсяцы этого года для статей о фортепіанной музыкѣ (до-Бетховенской, Бетховенской и Листа). Сенковскій, какъ тебѣ извѣстно, страстный почитатель Листа и собралъ о немъ много очень интересныхъ данностей, не говоря уже о томъ, что у жены его есть все написанное Листомъ (Свѣдѣнія эти мнѣ сообщилъ, конечно, не кто иной, какъ ищейка, который недавно написалъ преплохую статейку о „Пропилеяхъ").

А. С.

С.-Петербургъ, 16 августа (28 августа) 1851 г.

...Прочти (если еще не читалъ) статью Берліоза о „Zauberflöte" въ „Débats", 12 августа. Онъ тутъ, по обыкновенію, много вретъ (напр., что въ партіи Тамино всего только: одна арія, одинъ дуэтъ (?) и одинъ квинтетъ,—а куда-жъ дѣвался другой квинтетъ (g), терцетъ (B) и порядочная доза участія въ интродукціи и обоихъ финалахъ?)—Есть и другіе промахи,—но общій выводъ статьи почти совсѣмъ согласенъ съ твоимъ результатомъ — видно, что Берліозъ только по личнымъ отношеніямъ не ругаетъ Маріо и Гризи. О музыкѣ „Zauberflöte" Берліозъ говоритъ въ этомъ фельетонѣ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь говорилъ о Моцартѣ. Музыкальный характеръ Зарастра вызвалъ въ немъ чудесныя строчки (не хуже тѣхъ, которыя иногда удавались ему по случаю Глюка или Бетховена). Потомъ онъ дѣлаетъ много куріозныхъ замѣтокъ и презабавно трунитъ надъ Шиканедеромъ [1]) и надъ Костою.—Итакъ, вопросъ, который мы столько тысячъ

---

[1]) Либретистъ „Волшебной флейты".

разъ задавали себѣ, вопросъ о сценичности музыки „Zauberflöte“ вообще и ея оркестровкѣ въ особенности, теперь для насъ рѣшенъ и идеаломъ оперной музыки остается одна „Zauberflöte“ (потому что ея стиль настолько отличенъ отъ стиля „Фигаро“ или „Донъ-Жуана“, что если одно совсѣмъ хорошо, то другое, при всей красотѣ, при всей безподобности, все еще не высшее). Я очень доволенъ, что именно къ этому времени, когда я получилъ твои замѣчанія объ оркестрѣ „Zauberföte“, пріѣхала и партитура ея изъ Крыма. Ее привезъ мнѣ (также и 2-ю мессу Бетховена) самъ Бакунинъ[1]). Все это время я долженъ былъ бывать съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ (напр. два дня назадъ мы были въ музеѣ Эрмитажа, за день до того въ Царскомъ, у твоихъ и т. д.). Отъ того я не собрался такъ скоро отвѣтить тебѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось.—Музеемъ я страшно недоволенъ, и нахожу, что ты еще мало ругалъ его. Кромѣ всего прочаго, вообрази, что „Помпею“ Брюлова поставили такъ, что ее ниоткуда видѣть нельзя! Я просто до сихъ поръ не могу въ себя прійти отъ досады, когда подумаю о такомъ вандальствѣ. О чемъ же они думали, сооружая пестрыя великолѣпія!—Бакунинъ въ пластическомъ искусствѣ почти ничего не понимаетъ и, конечно, всѣмъ доволенъ.

Угощалъ я его и музыкой. Вотъ тутъ (какъ ты уже знаешь) онъ кое-что смыслитъ и судитъ дѣльно, только до пониманія „второй мессы“ и послѣднихъ квартетовъ Бетховена еще не поднялся. А отъ увертюры (ор. 124), фантазіи съ хоромъ и 9 симфоніи (все это ему игралось въ 4 руки) онъ чуть съ ума не сошелъ. — Отчего жъ тѣхъ-то вещей онъ не раскусываетъ—вѣдь кажется 9-я симфонія въ близкомъ родствѣ съ тѣми формами? - Недавно мнѣ случилось читать одну рецензію въ Cäcilia (журналъ Gotfried'a Weber'a), гдѣ кто-то довольно по-нашему смотритъ на 2-ю мессу и 9-ю симфонію. При разборѣ мессы встрѣтились даже выраженія наши: напр., что передъ фугой „Et in vitam“ отворяются врата царства небеснаго, что послѣ прелюдіи „Benedictus“ ангелъ спускается и т. д. Это мнѣ было очень пріятно встрѣтить. Чтобъ закончить чѣмъ-нибудь особенно утѣшительнымъ для меня самого (если не для тебя), скажу тебѣ, что къ „Майской ночи“ (если ты еще помнишь о ней) прибавился одинъ дуэтъ (при тебѣ чуть-чуть начатый, B-moll) и я имъ совсѣмъ доволенъ, что со мною теперь встрѣчается рѣже и рѣже. Бакунинъ нашелъ, что этотъ дуэтъ нисколько не уступаетъ ни „балладѣ“, ни „молитвѣ“ и нашелъ во мнѣ большіе успѣхи.

---

[1]) Алексѣй Александровичъ—братъ Михаила Александровича.

С.-Петербургъ. Берега Лиговки, 31 августа (12 сентября) 1851 г.

Пишу къ тебѣ въ самомъ противномъ расположеніи духа, которое началось еще вчера въ день моихъ именинъ, быть можетъ вслѣдствіе отвратительной петербургской погоды! На тебя климатъ не имѣетъ такого сильнаго вліянія... Мнѣ надобно быть очень сильно заинтересовану чѣмъ-нибудь, чтобъ не быть подъ вліяніемъ этого кислаго неба, сонливаго воздуха, а такъ какъ сегодня именно, и вообще нынче, къ несчастію, довольно часто, я въ самомъ безцвѣтномъ состояніи, поэтому принужденъ ждать толчковъ и вліяній извнѣ и бѣшусь на климатъ, который только усиливаетъ во мнѣ и безъ того кислое настроеніе... Ты знаешь, какъ мнѣ нужно одобреніе и поощреніе со стороны самыхъ близкихъ мнѣ людей (въ разумѣніи и толкѣ которыхъ я увѣренъ)—теперь, за отсутствіемъ тебя и М. П., у меня нѣтъ никого такихъ—и оттого, еслибъ не маленькая надежда, которую мнѣ М. П. подала въ послѣднихъ письмахъ, что, быть можетъ, пріѣдетъ въ Петербургъ этой зимой, я крѣпко бы отчаялся и за „Майскую ночь" и за себя вообще. Повѣришь ли ты, что въ Симферополѣ я былъ съ нѣкоторой стороны несравненно лучше поставленъ, чѣмъ теперь въ Петербургѣ! Тамъ, кромѣ М. П., у меня былъ судъ Бакунина (если не столько строгій—вѣрный, какъ твои приговоры, однако гораздо построже и поглубже суда напр., Х., который, конечно, хорошо вбираетъ въ себя все, что я ему даю, и оттого весьма мнѣ пріятенъ, но не можетъ дать мнѣ никакого новаго толчка)—и кромѣ Бакунина у меня подъ рукою былъ музыкантъ нѣмецъ, вродѣ Гунке[1]) (меньше, впрочемъ, знающій теоретическую часть) онъ же весьма хорошій скрипачъ. Не весело сочинять, когда не знаешь, когда и какъ это будетъ исполнено, а сочинять для себя только, для одного ф. п.—тоже не хочется, потому что этого, при теперешнемъ моемъ развитіи, какъ-то мало мнѣ кажется (я очень хорошо знаю, что ты можешь на это сказать—напр. Бетховенскія сонаты для одного ф. п.,—но онъ и самъ прежде всего писалъ не для одного ф. п. а и разные тріо и т. п.—ужъ если позволено (между нами) съ какой-нибудь стороны подмѣтить параллель съ такимъ!). Наконецъ, à part tout cela, вѣдь нельзя же всю жизнь, все время проводить въ одной музыкѣ, а мнѣ кромѣ нея, чтенія и разговоровъ семейныхъ, да писемъ, ничего не осталось на все это время! Играешь, играешь, читаешь, читаешь, пишешь, пишешь,—наконецъ вѣдь тоска возьметъ, это все-таки во многомъ похоже на жизнь монастырскую или арестантскую!

---

[1]) Музыкантъ и преподаватель теоріи музыки. *В. С.*

Не знаю, что будетъ изъ твоей заграничной жизни теперь, когда ты уже на мѣстѣ, и—не въ Парижѣ, — а въ довольно отсталой во многомъ Италіи, только до сихъ поръ ты знатно пользовался своимъ вояжемъ, и я, признаюсь, крѣпко тебѣ завидовалъ. Ты согласишься, что все хорошее, безподобное, тобою уже видѣнное и слышанное, не менѣе бы сильно дѣйствовало и на меня: значитъ, въ моей жизни теперь уже очень много минусовъ—противъ твоихъ плюсовъ, и, пожалуй, что мнѣ не придется догнать тебя! Вотъ отчего я и завидовалъ! Хотя я и говорю другимъ, и въ самомъ дѣлѣ такъ считаю, что мои глаза и уши теперь за границей (изъ этого ты можешь судить какую важность имѣютъ для меня твои письма всѣ—каждыя строчки, и какъ я ихъ впиваю въ себя)—тѣмъ не менѣе, хотѣлось бы самому вездѣ побывать. Особенно въ Парижѣ, въ Швейцаріи и Италіи!

Твои „путевыя замѣтки" дороже для меня всякихъ на свѣтѣ книгъ о чужихъ краяхъ, изъ которыхъ, по большей части, и сотой доли всего ихъ содержанія не найдешь для себя интереснымъ, да и то, что интересно, все передано навыворотъ,—а какъ и ты безпрестанно замѣчаешь, о милліонахъ самыхъ интересныхъ и „назидательныхъ" вещей никто ни словомъ не упомянетъ. — Твоя мысль о растительности швейцарской природы вѣрна до крайности,—и для меня была тѣмъ поразительнѣе и вмѣстѣ пріятнѣе, что я самъ точно то же думалъ по случаю лѣсовъ на крымскихъ горахъ,—которыя, впрочемъ, какъ ты знаешь, и въ сравненіи съ Альпами идти не должны. А что касается до огромныхъ рѣкъ между горами, то ихъ, я думаю, нигдѣ не надо искать иначе, какъ въ Америкѣ (гдѣ ты, можетъ быть, ихъ и увидишь со временемъ; путешествіе то тебѣ полюбится). Вообще ты о Швейцаріи, хотя немного (вѣроятно, на первый разъ), но славно написалъ, а о Парижѣ еще черезчуръ мало, такъ что только разлакомилъ на дальнѣйшее. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду обѣщаннаго (въ письмѣ къ мамѣ) большого посланія себѣ, вѣроятно, съ многими строчками о Rachel и Sonntag.—Я положилъ было себѣ за правило: не предаваться мученіямъ бабьей какой-то ревности по случаю твоихъ писемъ, но не могу здѣсь, при случаѣ, не высказать, что мнѣ довольно больно было, что кто-то на столько сдвинулъ меня съ первыхъ плановъ въ отношеніи тебя, что тебѣ даже ни разу не пришло въ голову пожалѣть, что меня не было около тебя, когда ты наслаждался Рашелью, Зонтагъ или „Волшебной флейтой"!! Не пришло въ голову, именно, меня пожелать себѣ сосѣдомъ, когда тебѣ хотѣлось крѣпко ругнуть „подлеца Мейербера и его подлое порожденіе".—Тебѣ, вообще, какъ я вижу изъ всѣхъ твоихъ писемъ, я еще ни разу не понадобился, по выѣздѣ твоемъ изъ Россіи, да и писать-то ты ко мнѣ вздумалъ

изъ Лондона больше всего потому, что хотѣлось черезъ меня отправить письмецо къ извѣстной особѣ... Ce sont des mesquineries presqu' indignes de nos relations—все это я знаю,—но... тѣмъ не менѣе досадно и больно...

На-дняхъ мнѣ попались въ руки варіаціи Бетховена (33 Veränderungen") на вальсъ Діабелли,—которыя я прежде никогда не видалъ. Это ор. 120, слѣд., изъ самаго послѣдняго времени, и какъ во всѣхъ той эпохи его вещахъ смѣлость и новизна формы „уму непостижимая"—богатство мысли изумительное—и какъ будто совсѣмъ новый, одному Бетховену вполнѣ доступный музыкальный языкъ. Чего только нѣтъ въ этихъ ф.-піанныхъ варіаціяхъ на простенькую (но красивую и богатую) тему! И маршъ, и fughetta и большая фуга, и—alla „Notte e giorno faticar" [1])—и безчисленные миноры—иные точно Adagio или Andante изъ послѣднихъ квартетовъ, и Largo и Menuetto grazioso—весь въ фіоритурахъ и мелизмахъ, и бездна вещей, которымъ и названія нѣтъ! Постарайся достать себѣ эти варіаціи. Есть что поиграть (хотя иное черезчуръ трудно).

По случаю слышанной тобой „Zauberflöte" [2]) мнѣ хотѣлось бы узнать отъ тебя были ли въ оркестрѣ Косты „corni di bassetto", или вмѣсто нихъ простые кларнеты (что, впрочемъ совсѣмъ противъ намѣренія Моцарта, который не даромъ же написалъ тутъ бассетгорны, т. е. альты кларнетовъ и притомъ voilés)—въ 1-мъ финалѣ съ того мѣста, гдѣ Памина преклоняетъ колѣна предъ Зарастромъ и до конца. Во 2-мъ актѣ, въ маршѣ жрецовъ и аріи Зарастра съ хоромъ.—Zauberflöte у меня теперь подъ рукой (Бакунинъ привезъ ее), и я съ новой точки зрѣнія просмотрѣлъ чудеса этой партитуры. Слышанныя мною въ нынѣшнемъ году вещи въ оркестрѣ чрезвычайно подвинули мое пониманіе оркестра, такъ что многое въ Мессѣ 2-й и въ 9-й симфоніи мнѣ уже по первому взгляду партитуры совсѣмъ иначе противъ прежняго представляется. Послѣднее время я довольно пристально трудился надъ своей оперой, и если Бакунинъ (въ Москвѣ) согласится кое-что поправить и придѣлать въ текстѣ, какъ можно скорѣй,—то надѣюсь къ концу года покончить все съ партитурою („Майской ночи") [3]). А теперь, говорятъ, дирекція наша очень расположена принять русскія оперы, лишь бы постановка не требовала большихъ расходовъ (Рубинштейну, именно по этому отказали).

[1]) Такъ и заглавіе этой варіаціи самимъ Б. написано. Т. е. на подобіе аріи Лепорелло, въ самомъ началѣ оперы Моцарта „Д. Жуанъ". *В. С.*

[2]) Въ Лондонѣ.

[3]) Опера „Майская ночь" никогда не была кончена, и первая опера Сѣрова появилась на свѣтъ лишь спустя 12 лѣтъ послѣ настоящаго письма, въ 1863 г. Это была „Юдиеь". *В. С.*

Всякій разъ, когда я пишу тебѣ о своихъ трудахъ (а это не рѣдко случается), мнѣ приходитъ въ голову, что, быть можетъ, и тебя—теперь все это мало интересуетъ.

С.-Петербургъ, 6 сентября (18 сентября) 1851 г.

Сейчасъ только получилъ я дорогое твое письмо (2-е изъ чужихъ краевъ) изъ Флоренціи, и хочу тотчасъ же отвѣчать на него хоть нѣсколькими строчками. До сихъ поръ я все считалъ тебя виноватымъ передъ собою, а выходитъ, что виноватъ-то я! Ты имѣешь полное право упрекать меня въ нѣкоторой „кисловатости" моихъ писемъ къ тебѣ за границу,—и не будь въ нихъ довольно ясно выражена моя „ревность" по случаю твоихъ писемъ къ другимъ (что, конечно, чрезвычайно глупо съ моей стороны, особенно по случаю „Сандши"... но, въ аффектѣ, человѣку разсуждать трудновато), я думаю, что эти письма мои не могли доставить тебѣ почти никакого особеннаго удовольствія—что читалъ, что не читалъ!—даже досадно, что я ихъ отправилъ къ тебѣ! — Не такъ было со мной по случаю твоего нынѣшняго письма! Два раза оно вызывало во мнѣ даже слезы что, конечно, я отчасти долженъ приписать и постоянно напряженному, постоянно раздраженному моему нынѣшнему состоянію, — все благодаря моему совершенному сиротству. На этотъ разъ тебѣ не нужно дѣлать никакого втягиванія меня въ чувство досады и боли по случаю твоего отсутствія! Эта боль — мое почти нормальное состояніе. Ты слишкомъ хорошо знаешь всѣхъ, кто меня окружаетъ, и мои отношенія къ каждому изъ этихъ лицъ — и между тѣмъ еще ты спрашиваешь, вспоминаю ли я о тебѣ?—Чувствую ли твое отсутствіе?? и вѣрно это случается со мною не только по случаю неигранія въ 4 руки!! Мало ли въ чемъ я осиротѣлъ безъ тебя!

Тебя нѣтъ въ Петербургѣ,—съ кѣмъ же, скажи мнѣ, я могу бесѣдовать о самомъ важномъ для меня—о всемъ, что всего меня наполняетъ? Конечно, я большую часть своего времени занятъ своимъ любимымъ дѣломъ (къ которому пристращаюсь болѣе и болѣе чуть не съ каждымъ днемъ)—конечно, нѣмецкая или полу-нѣмецкая натурка моя и не требуетъ такъ настоятельно всего, что для тебя, напримѣръ, было бы первѣйшею необходимостью,—конечно, за работой я почти ни о чемъ и ни о комъ не думаю; но вѣдь нельзя же все время работать — а при первой свободной отъ работы минутѣ явится желаніе сообщительности, требованіе живой, теплой, умной бесѣды о самыхъ близкихъ, животрепещущихъ предметахъ, — а не тутъ-то было! Объ этомъ обо всемъ рѣшительно не съ кѣмъ слова перемолвить — точь-въ-точь какъ и тебѣ—въ твоей провинціальной жизни! [1]) — Иногда

---

[1]) Во Флоренціи. *В. С.*

это всегдашнее уединеніе, всегдашнее сосредоточеніе въ себѣ наводитъ на меня какое-то уныніе, о которомъ я прежде и понятія не имѣлъ, и я буду всѣми мѣрами стараться, чтобъ хоть внѣшнимъ образомъ разсѣиваться, буду искать знакомствъ, хотя мнѣ это страшно тяжело, потому что съ этимъ такъ много соединено всякой всячины, къ которой я никогда не привыкну, и гдѣ на каждомъ шагу мнѣ нужно будетъ бороться съ своею лѣнью — но я уже рѣшился не упускать никакого случая видаться и болтать хоть съ полу—хоть съ $^{1}/_{4}$ понимающими людьми. Двое изъ такихъ ищутъ сами сближенія со мной: Даргомыжскій и Ленцъ. — Все это — такъ мало интересное для тебя—я тебѣ сообщаю единственно для того, чтобъ ты видѣлъ за какія соломинки я долженъ безъ тебя хвататься! Это вродѣ твоего игранія въ 4 руки съ Делеромъ, пріятныхъ часовъ, проводимыхъ за музыкою—Верди!!—Нѣтъ, теперь бы меня не заманили на житье-бытье въ Крымъ или какую-нибудь другую глушь!—Здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ предстоитъ, по крайней мѣрѣ, смѣна самыхъ разнородныхъ впечатлѣтій (не говоря уже о томъ, что я слышу многія вещи въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ), что хоть нѣсколько спасетъ меня отъ этого унынія, которое очень легко можетъ превратиться въ апатію ко всѣмъ и ко всему. Еще разъ благословляю судьбу, что поселила во мнѣ такую сильную любовь, такое непреодолимое влеченіе къ искусству, что я за нимъ забываю все на свѣтѣ, иначе, мнѣ кажется, я могъ бы съ ума сойти отъ этой проклятой апатіи!

Ты не повѣришь, какъ мнѣ было отрадно читать все, что ты написалъ мнѣ по случаю „Молитвы“ моей, отысканной тобою. Какъ мнѣ пріятно теперь написать тебѣ, что эта „Молитва“ не чудомъ и не случайно залетѣла въ Италію—а нарочно, мною самимъ положена въ твои ноты, наканунѣ твоего отъѣзда. Я очень доволенъ, что эффектъ вышелъ еще лучше, чѣмъ я разсчитывалъ!—А какъ въ самомъ дѣлѣ сильно въ музыкѣ это ея чудное свойство,—какъ запахъ прошедшаго, разомъ вызывать въ душѣ при первыхъ звукахъ—все прожитое нами въ то время, какъ мы въ первый разъ или особенно часто слушали эти звуки! Какой, между прочимъ, это ресурсъ для драматическаго композитора эти „воспоминанія“, кстати употребленныя (напримѣръ, въ оперѣ „Cosi fan tutte“ Моцарта, при развязкѣ, въ IX симфоніи въ финалѣ). Если ты, кромѣ ближайшихъ, самыхъ интересныхъ своихъ дѣлъ, вспоминалъ и обо всѣхъ нашихъ тогдашнихъ разговорахъ, во дни репетицій концерта, ты не забылъ вѣрно, какъ часто у насъ тогда была рѣчь о твоемъ „будущемъ“ житьѣ въ Италіи и о „красныхъ корсетахъ“. Теперь это будущее для тебя настоящее, и что жъ? ты ругаешь итальянокъ напропалую?! Вотъ этого бы я никакъ не ожидалъ отъ Флоренціи! Неужели только въ

Римѣ итальянки настоящія, брюловскія, байроновскія итальянки, да и то еще только съ пластической стороны! Значитъ, для женщины лучше нѣтъ житья, какъ въ Парижѣ.

Когда еще разъ побываешь тамъ, да въ самый разгаръ парижской жизни! Надо тебѣ сказать, что ты пишешь изъ-за границы лихо, и, какъ я уже тебѣ сообщалъ, мнѣ каждая твоя строчка все равно въ общихъ или частныхъ ко мнѣ письмахъ, дороже цѣлыхъ длинныхъ статей какого-нибудь описанія того или другого города, или картины природы, такъ я себѣ, по твоимъ словамъ, живо представляю все, о чемъ ты говоришь; одного только я не могу себѣ живо представить, это—чада, опьяненія парижской уличной жизни; не могу себѣ представить себя среди такой жизни и, какъ бы на меня подѣйствовало это опьяненіе, потому что въ этомъ случаѣ между нами двумя огромная разница: во мнѣ и сотой доли нѣтъ твоей воспламеняемости и этой вѣчной жажды женскаго присутствія, женскаго общества. Отъ этого, вѣроятно, на меня бы парижская бульварная жизнь далеко не имѣла бы того опьяняющаго дѣйствія, какъ на тебя, и мнѣ многое бы совсѣмъ иначе представилось. .

Понедѣльникъ, 10 сентября (22 сентября) 1851 г.

На счетъ подробностей твоего путешествія я еще очень, очень много жду отъ тебя. Напримѣръ, ты вѣдь напишешь же мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на тебя парижскій „Jardin des Plantes", напишешь мнѣ много о Rachel и Sonntag, по обѣщанію; быть можетъ, напишешь еще хоть немного о Рейнѣ и Швейцаріи, не говоря уже о музыкальныхъ замѣткахъ, которыя ты нарочно припасъ для меня по случаю Fidelio, Figaro, Zauberflöte... Такъ какъ ты любишь всякія мельчайшія подробности, то скажу тебѣ, что въ шкафу, съ зеленой тафтой, въ моей комнатѣ (дома) около моей кушетки хранится теперь только три партитуры „Zauberflöte", „2-я месса" и „9-ая симфонія", т. е. nec plus ultra всей существующей музыки. И, Боже мой, что за чудеса я тамъ открываю съ каждымъ разомъ, какъ разверну diese Zauberbücher!.. На этомъ, впрочемъ, почти учиться нельзя, такъ недосягаемо высоко это стоитъ. Это уже все конечные результаты всей артистической дѣятельности Моцарта и Бетховена, сколько прошло въ ихъ головѣ прежде этого, сколько было предварительной работы покамѣстъ выработались такія формы. Но стремиться къ нимъ все-таки обязанность каждаго, кто чувствуетъ въ себѣ сколько-нибудь истинныхъ творческихъ силъ. Думаю, что не совсѣмъ не интересно для тебя будетъ и слѣдующее, собственно до моихъ дѣлъ касающееся. Въ субботу вечеромъ былъ у меня старикъ Гунке (по моему приглаше-

нію) и прослушалъ много изъ того, что я сдѣлалъ (не забудь, что онъ и блаженной памяти Zauberinn и F-dur—ной фуги, ничего моего не видалъ). Въ Сонатѣ онъ особенно похвалилъ 1-ю часть и менуэтъ, въ финалѣ „слишкомъ много добра“ (его выраженіе), въ Andante (во 2-й части) einige grelle Modulationen schaden der Vollkommenheit des Ganzen (то же вѣдь и ты замѣчалъ), отъ всѣхъ номеровъ оперы, которые я ему игралъ, онъ въ восхищеніи (сколько онъ можетъ восхищаться), и желаетъ мнѣ только добрыхъ исполнителей, тогда успѣхъ будетъ „несомнѣнный“. Случилось такъ, что сегодня утромъ я былъ у Даргомыжскаго и, по желанію его, приносилъ къ нему кое-что изъ оперы (Я у него былъ въ субботу утромъ безъ нотъ, такъ, просто поболтать, и онъ условился со мною на понедѣльникъ), а именно: „Серенаду“ (новую, гораздо лучше той, что была при тебѣ), новый „Дуэтъ“ (B moll), котораго начало ты слышалъ, арію „Головы“, пѣсню „Хлопцевъ“ и „Молитву“. Кромѣ того, познакомилъ его предварительно съ текстомъ оперы. Вотъ его сужденіе: Vous êtes sur une excellente route; il ne vous manque qu'un peu d'expérience et personne ne peut vous guider—работайте, работайте и очень скоро освободитесь отъ нѣкоторыхъ юношескихъ преувеличеній въ контрапунктической разработкѣ и модуляціяхъ“ (знаешь мои вѣчные десы и гесы, отъ которыхъ мнѣ и до сихъ поръ трудно освободиться при обработкѣ мысли), „въ васъ много школы; сейчасъ видно, сколько вы сидѣли надъ „стариками“, теперь, по моему мнѣнію, вамъ надо больше всего заботиться о мелодической сторонѣ, а никакъ не о гармонической, въ которой преизбытокъ нѣмцевъ, пока отложите въ сторону“.—Нельзя не замѣтить, что въ этомъ сужденіи много правды, вѣдь это почти все то же, о чемъ мы съ тобой послѣднее время говорили (особенно по случаю Тріо и мн. др.). Въ заключеніе Даргомыжскій сказалъ мнѣ, что, какъ ему кажется, изъ всѣхъ, кто въ Петербургѣ пишетъ оперы (не исключая его самого и Рубинштейна) я одинъ могу сдѣлать что-нибудь совсѣмъ путное и даже имѣть успѣхъ. Такой откровенности въ судѣ я никакъ не ожидалъ отъ Даргомыжсаaго, который, какъ мнѣ казалось, такъ много о себѣ думаетъ. Во всякомъ случаѣ, все это не можетъ быть мнѣ непріятно. Понравилась Даргомыжскому всего больше, какъ ты думаешь, что? Новая серенада, быть можетъ, потому, что нѣсколько романсообразна.

Сообщилъ **В. В. Стасовъ**.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ и СЛУЖБЫ.

I.

Деревенскіе церковные приходы.

Въ 1870-мъ году, пріобрѣтя покупкой одно изъ заброшенныхъ дворянскихъ гнѣздъ, въ южной части московскаго промышленнаго района, я жилъ въ Москвѣ и могъ наѣзжать въ купленную усадьбу только лѣтомъ и при томъ на короткое время. О деревенской жизни я имѣлъ очень смутное представленіе; но очень интересовался ею и потому, пріѣхавъ въ деревню на іюнь 1871 года, съ большимъ любопытствомъ всматривался во все окружающее, (мое небольшое имѣніе) охотно бесѣдовалъ съ крестьянами, бывшими крѣпостными людьми прежняго владѣльца имѣнія, и разспрашивалъ ихъ о прежней ихъ жизни и о томъ, какъ живется послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Первое впечатлѣніе было очень не благопріятное. Меня поразило убожество обстановки моихъ сосѣдей, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, поголовно безграмотныхъ и дурно устроенныхъ въ земельномъ отношеніи. Другіе сосѣди, бывшіе государственные крестьяне села Дашкова, были устроены въ земельномъ отношеніи получше, но и тамъ царила безграмотность и мракъ невѣжества.

— Гдѣ же наша приходская церковь?—спросилъ я старика сосѣда крестьянина.

— А село Лабаново!

— Гдѣ же это?

— Верстъ восемь отъ насъ. Вотъ Дашковская церковь, всего двѣ версты отъ насъ, а чужая. Къ обѣднѣ въ Дашково ходимъ; а попа съ святыней изъ Лабанова принимаемъ.

Отъ того же старика я узналъ, что въ нашемъ Лабановскомъ приходѣ много помѣщиковъ; но уже нѣкоторые изъ нихъ продали свои имѣнія нѣмцамъ; или опустошили, продавъ лѣса на вырубъ, а усадебныя постройки на сносъ.

Все это представляло поразительную противоположность съ тѣмъ, что я видѣлъ въ 1866—1869 годахъ, въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ бытность тамъ мировымъ посредникомъ. Тамъ помѣщики (не обязанные продать свои имѣнія въ двухъ годичный срокъ за участіе въ мятежѣ) крѣпко держались за землю, не взирая на всѣ тягости. Тягости эти, парализовавшія помѣщичье хозяйство, были слѣдующія: 1) прекращеніе всякихъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными людьми съ 1-го мая 1863 г. [1]). 2) Сервитуты пастбищные 3) ужасная черезполосность владѣній; 4) контрибуція за мятежъ; 5) плохое чиновничье управленіе пришлыхъ людей совершенно незнакомыхъ съ краемъ и его нуждами; 6) слишкомъ поспѣшныя и потому вредныя для помѣщиковъ дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, провѣрявшихъ панскія уставныя грамоты и не щадившихъ помѣщичьихъ земель при надѣленіи землею крестьянъ безземельныхъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ я купилъ имѣніе, конечно, ничего подобнаго не было; а между тѣмъ многіе помѣщики россіяне не удержались на землѣ...

Изъ разспросовъ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ выяснилось, что въ числѣ сельскихъ служащихъ, т. е. должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, значатся церковные старосты, просвирни, и по два сторожа на каждую церковь, и что всѣ эти лица получаютъ жалованіе изъ сельскихъ мірскихъ сборовъ, а помѣщики не участвуютъ въ этихъ расходахъ.

Въ 1883-мъ году я перебрался въ деревню на постоянное жительство и познакомился съ нашимъ приходскимъ священникомъ, многосемейнымъ отцомъ Петромъ. Оказалось, что дьякона онъ не имѣетъ, потому что доходовъ съ прихода едва хватаетъ для содержанія его семьи и семьи псаломщика.

На мой вопросъ, бываютъ ли церковно-приходскія сходки, отецъ Петръ какъ-то странно вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Кого же приглашать-то на эти сходки? Мужское населеніе крестьянское большую часть года проживаетъ на сторонѣ, въ заработкахъ. А изъ господъ помѣщиковъ—кои побросали свои усадьбы и уѣхали; кои продали имѣнія нѣмцамъ.

[1]) По распоряженію М. Н. Муравьева съ 1-го мая 1863 г. всѣ помѣщичьи крестьяне были переведены на оброкъ, и деньги вносились въ казначейства непосредственно.

— Что же эти иновѣрцы жертвуютъ что-нибудь на церковь?

— Какъ же! — засмѣялся отецъ Петръ — бывшій здѣшній предводитель, вотъ что губернаторомъ посаженъ въ Е—ую губернію, получивъ вторую звѣзду, перерѣзалъ пополамъ ленту отъ первой звѣзды, Станиславскую, и прислалъ половину мнѣ и половину отцу Матвѣю. Вотъ вамъ и пожертвованія!

— Что же это значитъ?

— Его имѣніе въ нашихъ приходахъ.

— Ну такъ что же?

— Приказалъ въ евангелія вложить.

— Да вѣдь онъ лютеранинъ?

— Лютеранинъ!

— Что же вы сдѣлали?

— Я вымылъ ее, освятилъ и вложилъ въ евангеліе.

— Для чего же это?

— Нельзя ослушаться. Они люди властные и нашего брата всегда могутъ притѣснить.

— Ну, знаете ли, батюшка, я слышалъ, что этотъ бывшій предводитель, Эдуардъ Францевичъ, большой охотникъ до парадныхъ обѣдовъ съ знатными господами, съ орденами, лентами орденскими и съ возліяніями. Вы говорите: вымыли полученную отъ этого нѣмца ленту, значитъ, позасалилась во время пиршествъ... Ну, а сосѣдъ вашъ отецъ Матвѣй?

— Онъ въ запасное евангеліе вложилъ.

Въ 1895-мъ году, по указу консисторіи, усадьба моя, по моей просьбѣ, была перечислена въ дашковскій приходъ. Не задолго передъ тѣмъ въ селѣ Дашковѣ была выстроена и торжественно освящена великолѣпная каменная церковь съ красивою каменною оградой, съ желѣзными рѣшетками и воротами. Эта великолѣпная постройка была сооружена (и украшена) въ замѣнъ прежней деревянной церкви, на средства разбогатѣвшихъ крестьянъ дашковскаго прихода, московскихъ домовладѣльцевъ.

Ѣдучи на станцію желѣзной дороги, я встрѣтилъ въ полѣ за селомъ Дашковымъ новаго священника, отца Сергѣя, только-что назначеннаго по случаю смерти прежняго. Я вышелъ изъ экипажа, познакомился съ моимъ новымъ приходскимъ батюшкой, поздравившимъ меня съ перечисленіемъ въ дашковскій приходъ, и мы разговорились.

— Откровенно скажу вамъ, отецъ Сергѣй, что считаю совершенно безсмысленнымъ ограничиваться хожденіемъ въ церковь, ничего не дѣлая по благотворительной и просвѣтительной части—сказалъ я.—

Я знаю, что въ дашковскомъ приходѣ, какъ и въ лабановскомъ, безпомощные старики и старухи нерѣдко замерзаютъ зимой, собирая по деревнямъ куски хлѣба для своего пропитанія; а крестьянскіе малолѣтніе сироты нерѣдко бываютъ брошены на произволъ судьбы. При церквахъ нѣтъ ни школъ, ни пріютовъ для инвалидовъ труда. А вѣдь есть богатые прихожане, живущіе въ своихъ домахъ и въ заведеніяхъ въ столицѣ. Внутри вашего храма я еще не былъ; но слышалъ, что его внутренняя отдѣлка роскошная, и все это достигнуто путемъ добровольныхъ приношеній и пожертвованій прихожанъ.

— Такъ и я слышалъ.

— Значитъ, нужно обратиться только къ этимъ жертвователямъ, и въ Дашковѣ явится школа для дѣтей, пріютъ для безпомощныхъ стариковъ.

— Начнемъ дѣйствовать,—сказалъ отецъ Сергѣй. Можно церковно-приходское попечительство учредить.

— Не лучше ли церковно-приходское братство?

— Да вѣдь это все равно.

— Нѣтъ, не все равно. Попечительства, сколько мнѣ извѣстно, ставятъ первымъ параграфомъ своихъ уставовъ заботу о храмѣ и о его причтѣ: а братства прежде всего имѣютъ въ виду удовлетвореніе самыхъ вопіющихъ нуждъ прихожанъ. Въ здѣшнихъ приходахъ требуется благотворительная и просвѣтительная дѣятельность.

Отецъ Сергѣй задумался, помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну что же, можно и братство учредить. Но вѣдь нужно уставъ написать.

— Уставъ у меня выработанъ. Если позволите, я принесу, и прочитаемъ.

— Очень радъ. Не пожалуете ли завтра? У насъ будетъ заказная обѣдня и выборъ церковнаго старосты. Всѣхъ сельскихъ старостъ я оповѣстилъ уже.

Я сказалъ, что непремѣнно буду, и мы разстались.

На слѣдующій день я пришелъ утромъ въ дашковскую церковь, имѣя въ карманѣ уставъ братства. Я былъ пораженъ роскошью внутренней отдѣлки и украшеніями этой церкви, сооруженной усердіемъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ: роскошная позолота красивой рѣзьбы иконостасовъ лѣтняго отдѣленія церкви и двухъ придѣловъ зимняго отдѣленія; чудесные полы изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ плитокъ; хорошая стѣнная живопись и бронзированныя, а можетъ быть и бронзовыя, красиваго рисунка паникадила, все это пріятно поражало.

Церковь была почти пуста и служба еще не начиналась. У свѣчной продажи праздно стоялъ какой-то толстый бородастый человѣкъ. Я познакомился съ нимъ и узналъ, что онъ церковный староста, Емельянъ Васильевъ, крестьянинъ ближайшей къ селу Дашкову деревни. Онъ поздравилъ меня съ перечисленіемъ въ дашковскій приходъ и охотно согласился показать мнѣ достопримѣчательности церкви.

— Отъ чего это церковь пуста?—спросилъ я

— Да вѣдь самый разгаръ навозницы теперь—сказалъ староста.— Чай, знаете пословицу: „навозъ вози, не лѣнись; хоть Богу не молись". Не знаю, что это вздумалось батюшкѣ выборы и учетъ церковнаго старосты сегодня назначить.

Я попросилъ показать достопримѣчательности храма.

Едва успѣлъ староста показать мнѣ образъ Богоматери троеручицы, на которомъ св. дѣва Марія изображена съ тремя руками, изъ коихъ третья протянута пониже локтя лѣвой руки съ боку, какъ явилось духовенство и началась служба.

— Какая же это третья рука?—спросилъ я старосту.

— Матушка Царица небесная троеручица—отвѣчалъ онъ и поспѣшно отошелъ къ свѣчной продажѣ, у которой ожидала его какая-то сгорбленная старушка.

Выдавъ старушкѣ двухкопѣечную свѣчку, Емельянъ Васильевичъ сказалъ мнѣ:

— Вы, вотъ, сударь, любуетесь нашимъ храмомъ, а стройка наша самая гнилая. Вы не смотрите, что она красивая.

— Какъ гнилая? Что вы говорите?

— Мѣсто сырое. Надо бы осушить и дренажи положить, а потомъ выложить фундаментъ на портландскомъ цементѣ. Этого не было дѣлано, и потому сырость уже взобралась по стѣнамъ до верху. Теперь только готовь денежки на поправленіе позолоты и стѣнной живописи.

По окончаніи обѣдни учетъ старосты и выборы не могли состояться, потому что церковь была почти пуста; а изъ старостъ было только трое.

Послѣ пирога и чаепитія у отца Сергѣя, я прочиталъ уставъ. Онъ одобрилъ уставъ и ничего не имѣлъ противъ моей поѣздки съ уставомъ къ архіерею.

Архіерей отнесся сочувственно къ задуманному нами дѣлу и сказалъ:

„Не обѣщаю очень скоро просмотрѣть вашъ уставъ, потому что митрополитъ боленъ, и я исправляю его обязанности. Навѣдайтесь

черезъ мѣсяцъ. Если понадобится, я сдѣлаю замѣтки на поляхъ рукописи".

Я поблагодарилъ и уѣхалъ.

Недѣли черезъ три послѣ моей поѣздки къ архіерею, я былъ у обѣдни, а затѣмъ на учетѣ и выборахъ церковнаго старосты. Въ церкви опять было, если и не пусто, такъ очень не многолюдно, и при томъ были преимущественно женщины съ грудными дѣтьми.

Выйдя изъ алтаря, священникъ сказалъ:

— Срокъ службы Емельяна Васильевича окончился. Выбирайте; онъ не отказывается.

— Стало быть опять его,—сказалъ кто-то.

— Церковный капиталъ, тысяча рублей, сданъ въ сберегательную кассу; а наличныхъ денегъ сто рублей,—сказалъ Емельянъ Васильевичъ.

— За это благодаримъ,—сказалъ одинъ изъ явившихся въ церковь сельскихъ старостъ.

— Надо бы церковную сторожку выстроить,—замѣтилъ какой-то старичекъ; но на его слова не обратили вниманія и стали расходиться, поздравивъ Емельяна Васильевича.

Батюшка пригласилъ меня и Емельяна Васильевича на пирогъ, и мы пошли всѣ вмѣстѣ.

Домъ священника очень близко отъ церкви, и потому разговоры на этомъ короткомъ пути были небольшіе.

— Съ какимъ сборомъ вы во второй разъ сегодня ходили по церкви?—спросилъ я Емельяна Васильевича.

— На распространеніе язычниковъ.

— Какъ на распространеніе язычниковъ?—засмѣялся я.

На этотъ второй вопросъ староста не успѣлъ отвѣтить; мы уже вошли въ крохотную прихожую священникова дома и тѣснились въ уголъ, чтобы дать дорогу молодой матушкѣ, несшей на подносѣ огромную кулебяку.

За пирогомъ и чаемъ отецъ Сергѣй сказалъ:

— Вчера я былъ у архіерея. Онъ вполнѣ одобрилъ уставъ и приказалъ отнести его въ консисторію.

— Ну, Слава Богу!—воскликнулъ я.

— Но только въ консисторіи заминка произошла.

— Что же такое?

— Секретарь прочиталъ первый параграфъ да и говоритъ: „вмѣсто просвѣтительной и благотворительной дѣятельности поставьте: заботы о храмѣ и о его причтѣ, и мы вамъ утвердимъ уставъ въ два дня.

— А вы сказали этому секретарю, что архіерей одобрилъ уставъ?

— Говорилъ; а онъ все свое твердитъ.

— Что же вы сдѣлали?

— Привезъ уставъ обратно.

— Могу я его получить?

— Извольте. А можетъ быть вы, Василій Иванычъ, согласитесь измѣнить первый параграфъ?

— Я, отецъ Сергѣй, того мнѣнія, что сужденія секретаря совершенно неумѣстны и не разумны, а тѣмъ болѣе послѣ одобренія архіерея.

Я раскланялся съ батюшкой и возвратился домой съ провалившимся уставомъ въ карманѣ.

Священникъ отецъ Сергѣй очевидно не сочувствуетъ учрежденію братства,—разсуждалъ я, возвращаясь домой,—и это понятно. Онъ предпочитаетъ попечительство, потому что оно улучшило бы матеріальное положеніе его, да и всего причта. На долю священника приходится, изъ доходовъ всего дашковскаго причта, не болѣе восьми сотъ рублей въ годъ. Не угодно ли на это жить съ огромной семьей, да еще помогать бѣднымъ родственникамъ! Нельзя осуждать отца Сергѣя и за то, что онъ не высказалъ мнѣ этихъ соображеній, когда я предложилъ братство вмѣсто желательнаго ему попечительства. Для такой откровенности мы съ нимъ были мало знакомы, и онъ могъ думать, что я сторонникъ того мнѣнія, довольно распространеннаго въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, что православное духовенство слишкомъ алчно. Когда я подходилъ къ своей усадьбѣ, было у меня тоскливое чувство и припоминалось многое нерадостное: нѣмецъ, предсѣдатель нашего административнаго съѣзда, богачъ предводитель, громко назвалъ алчнымъ попишкой многосемейнаго священника, домогавшагося законоучительства въ двухъ земскихъ школахъ, и эта дерзость прошла нѣмцу безнаказанно. Брату этого нѣмца, за 12 лѣтъ губернаторства, назначена огромная пенсія, а старику отцу Петру, за 50 лѣтъ священнической службы,—300 рублей въ годъ...

Кроховскій приходъ даетъ хорошіе доходы священнику; а богатый, вліятельный въ Петербургѣ и въ Москвѣ, помѣщикъ его прихода оказалъ сильную протекцію, и теперь на Кроховскій причтъ выдается казеннаго пособія по 300 рублей въ годъ. Дашковскій причтъ получаетъ съ прихода гораздо меньше, а казеннаго пособія не даютъ.

Еще печальнѣе стало у меня на душѣ послѣ всѣхъ этихъ соображеній и воспоминаній.

Витих—ъ.

Набатный колоколъ.

Чтобъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ,
Про все звучитъ вѣнецъ металла,—
И поучителенъ имъ звонъ!.
(*„Пѣснь о колоколѣ“*).

Начало царствованія Александра I ознаменовалось либеральными вѣяніями. Что ранѣе признавалось законнымъ и естественнымъ, теперь уничтожается, какъ позорное и безславное: упраздняется тайная канцелярія, отмѣняются пытки и повелѣвается, чтобъ самое названіе ихъ, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“; запрещается въ судебныхъ приговорахъ относительно наказанія употреблять слово „нещадно“ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ истребляются и вещественные памятники отжившаго прошлаго: уничтожаются висѣлицы, разламываются застѣнки, нѣкоторыя тюрьмы...

Среди памятниковъ московской старины неблагосклонное вниманіе властей, стремившихся не отстать отъ современныхъ вѣяній, обратилъ на себя кремлевскій набатный колоколъ.

За этимъ колоколомъ было также свое прошлое...

Онъ висѣлъ на кремлевской башнѣ противъ церкви Василія Блаженнаго [1]), рядомъ съ Спасской башней. Надпись на немъ свидѣтельствовала: „1714 года іюля въ 30-й день вылитъ сей набатный колоколъ изъ стараго набатнаго колокола, который разбился, кремля города ко Спасскимъ воротамъ. Вѣсу въ немъ ри пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Маторинъ“.

Можетъ быть, имѣя въ виду матеріалъ, изъ котораго колоколъ былъ вылитъ, его называли стариннымъ „вѣчевымъ“, „осаднымъ“,

---

[1]) Башня эта, или вѣрнѣе полубашенка, въ старину называлась царской, сторожевой, набатной и всполошной. Россійскіе государи восходили сюда, послѣ своего коронованія, показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

„всполошнымъ",—считали въ нѣкоторомъ родѣ свидѣтелемъ и участникомъ стрѣлецкихъ бунтовъ и затѣмъ, конечно, народныхъ волненій во время чумы.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка набатный колоколъ висѣлъ попрежнему на кремлевской башнѣ, но безмолвный, лишенный языка за свои дѣянія.

Поводомъ, почему колоколъ былъ признанъ и въ своемъ молчаніи неблагонадежнымъ,—было слѣдующее обстоятельство.

Экспедиція кремлевскаго строенія, „изъ уваженія крайней ветхости, усмотрѣнной въ стѣнахъ и на одной изъ башенъ,—какъ въ облегченіи тягости, такъ и по назначенію исправленія оной", предписала снять съ нея колоколъ и принять его на храненіе въ одну изъ кремлевскихъ кладовыхъ.

Командированный чиновникъ по снятію колокола донесъ экспедиціи, что отъ московскаго коменданта Гессе послѣдовало приказаніе „того колокола никуда и никому не отпускать, оставя оный на публичной площади, гдѣ множество прохожихъ".

Экспедиція кремлевскаго строенія 30-го апрѣля 1803 г. писала коменданту:

„Видя, къ крайнему удивленію, оставленной колоколъ на публичной площади и со стороны вашего высокопревосходительства воспрещеніе принять экспедиціи оной до исправленія башни въ свое охраненіе, предваряя васъ, что главноначальствующій, имѣя полное управленіе надъ экспедиціей, отвѣтствуетъ за все ему препорученное во всей силѣ,—для лучшаго удостовѣренія экспедиція считаетъ нужнымъ препроводить у сего копіи съ штата и инструкціи главноначальствующаго, изъ коихъ вы усмотрите достаточныя ея права и власть; и потому обязывается экспедиція просить васъ, не изволите ли вы имѣть какого-либо высочайшаго повелѣнія послѣ утвержденія штата и инструкціи, коимъ вы, руководствуясь по своей должности, пріемлете на себя право входить въ распоряженіе вещей, въ башняхъ находящихся,—и ежели есть таковое, не оставьте сообщить оное экспедиціи, дабы она, по полученіи отъ васъ таковаго свѣдѣнія, могла немедленно взять свои мѣры должнымъ, куда слѣдуетъ, представленіемъ, поелику, узнавъ изъ таковаго, ей до сего времени неизвѣстнаго повелѣнія, что буде отданы въ вѣдѣніе ваше колокола, въ правахъ оная предполагать, что и прочіе колокола, въ башняхъ Спасской и Троицкой, въ прошедшемъ году исправленныхъ, уже болѣе не принадлежатъ до ея обязанности. А ежели нѣтъ таковаго повелѣнія, то благоволите по вашей командѣ приказать отпустить оной колоколъ въ вѣдомство экспедиціи коллежскому ассесору Ягодину".

Въ отвѣтъ на отношеніе экспедиціи послѣдовало на имя ея

главноначальствующаго П. С. Валуева письмо отъ московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова.

„Милостивый государь мой, Петръ Степановичъ!—писалъ Салтыковъ.—Здѣшній комендантъ господинъ генералъ-маіоръ Гессе, представляя мнѣ о словесномъ требованіи отъ него со стороны кремлевской экспедиціи, чрезъ чиновника ея, объ отдачѣ ему висящаго на кремлевской башнѣ по россійской исторіи достопамятнаго, такъ называемаго вѣчевого колокола, со стоящимъ у Спасскихъ воротъ карауломъ, во уваженіе къ древности охраняемаго,—жалуется мнѣ, что экспедиція сія на отзывъ его, что сего безъ позволенія начальства своего сдѣлать не можетъ, прислала къ нему письменное отношеніе съ обидными на счетъ званія и личности его выраженіями и проситъ моей защиты.

„Вникнувъ въ подробность сего обстоятельства и въ содержаніе оной бумаги, я не нахожу съ его стороны ничего, кромѣ точнаго исполненія возложенной на него должности, сохраняя которую съ свойственною воинской дисциплинѣ аккуратностью и въ самомалѣйшихъ вещахъ строго наблюдаемою, не могъ онъ въ семъ случаѣ иначе поступить,—и для того, покорнѣйше ваше превосходительство прошу въ подобныхъ случаяхъ относиться ко мнѣ и содержать сего чиновника въ томъ вниманіи, какого онъ достоинъ не по одному званію своему, но по отличному усердію и исправности, въ толиколѣтнемъ прехожденіи важнаго служенія своего оказаннымъ".

Въ виду существовавшихъ и ранѣе несогласій между главнокомандующимъ и комендантомъ съ одной стороны, и между главнокомандующимъ экспедиціи съ другой—дѣлу о колоколѣ не суждено было разрѣшиться обычной канцелярской перепиской: Салтыковъ разрѣшеніе вопроса представилъ на усмотрѣніе государя, а Валуевъ съ просьбой о содѣйствіи прибѣгъ къ статсъ-секретарю Д. П. Трощинскому, подробно описывая „встрѣтившуюся ему непріятность отъ здѣшняго коменданта и главнокомандующаго, душащихъ его, Валуева, еженедѣльно поперемѣнно пустыми отношеніями".

„Вамъ извѣстно,—писалъ Валуевъ,—что по понятію моему о пользѣ казны и о славѣ моихъ государей истребилъ я безъ огласки прошедшимъ лѣтомъ два застѣнка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребя изъ оныхъ матеріалы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть сберегаемыми въ позднѣйшія времена, и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ естиму и заслужилъ монаршее благоволѣніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ, спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола, служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣлецкихъ и возмущенія во время чумы въ царство-

ваніе Екатерины премудрой, о чемъ имѣлъ я честь вамъ словесно доносить въ бытность мою въ Петербургѣ".

Излагая далѣе исторію снятія колокола, Валуевъ писалъ:

„Господинъ комендантъ по снятіи колокола, оставя оной на публичной площади, гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ о немъ разные толки и заключенія, отдалъ приказъ онаго никому не отдавать. Экспедиція, узнавъ о таковомъ его воспрещеніи, послала чиновника просить объ отдачѣ онаго для сохраненія до исправленія башни. Его превосходительство отвѣтствовалъ, чтобъ отнестись къ нему о томъ письменно, на что̀ и онъ письменно отвѣтствовать будетъ. Экспедиція послала по желанію его отношеніе. Комендантъ вмѣсто отвѣта, по незнанію его россійскаго языка, почитая сію бумагу для себя оскорбительною, пожаловался главнокомандующему, донеся ему между прочими фальшивость и то, что яко бы колоколъ у Спасскихъ воротъ охраняемъ часовымъ, чего никогда не бывало".

Упомянувъ о письмѣ, полученномъ отъ Салтыкова, Валуевъ продолжаетъ, что это письмо „оставилъ я безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и потому, что, отвѣтствуя ему, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству: первое, что колоколъ, имъ уважаемой, есть памятникъ золъ россійскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами,—памятникъ безславія покойнаго его отца, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную деревню, за что, по праведному суду Екатерины Великой, и былъ отставленъ противъ желанія и дана пріемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его побѣгѣ; второе, что комендантъ никогда не говаривалъ, что онъ безъ начальства своего колокола отдать не можетъ и что ни у какихъ башенъ въ Кремлѣ, ни часовъ, ни карауловъ не имѣется, кромѣ тѣхъ, гдѣ есть ворота и калитка для проѣзжающихъ и проходящихъ, какъ-то: Спасской, Никольской, Троицкой, Боровицкой и Тайницкой, которыхъ ворота и двери мною исправлены и отъ замковъ ключи всѣ отданы коменданту,—за что какъ онъ, такъ и главнокомандующій, выхваляя меня, неоднократно благодарили; третье, что буде колокола принадлежатъ къ военной дисциплинѣ и аккуратности, то почему не воспрещали они мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой,—и наконецъ, четвертое, обязанъ я былъ ему объяснить и то, что, въ моемъ чинѣ служа непорочно пятьдесятъ лѣтъ, разумѣть я долженъ и безъ наставленія, кому какія дѣлать уваженія, не погрѣшая никогда противъ коменданта, о которомъ онъ самъ мнѣ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую,—въ котораго воинскія дѣла я никогда не дерзаю мѣшаться. Я увѣренъ, что въ отношеніи экспе-

диціи къ коменданту не найдете вы ни единаго выраженія, каковыми наполняетъ онъ свои, которыя, приписывая незнанію его россійскаго языка, считая неприличнымъ обременять жалобами о томъ государя, обремененнаго заботами о благосостояніи своихъ вѣрноподданныхъ, предаю я молчанію. Злоба коменданта происходитъ оттого, что не удовлетворяются его пустыя и смѣшныя требованія, какъ напримѣръ: о снабженіи его дома неимовѣрнымъ числомъ дворцовыми мебелями, о набитіи льдомъ его погребовъ и прочихъ сему подобныхъ, о чемъ прежде ни одинъ комендантъ не относился, понеже домъ его не состоитъ и никогда не состоялъ въ вѣдомствѣ экспедиціи; а злоба главнокомандующаго—отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и Карпова, правителя канцеляріи, кои такъ имъ овладѣли, что ничто не можетъ его принудить оставить сіе мѣсто, толь нужное для ихъ выгодъ и интересовъ".

Въ post-scriptum'ѣ Валуевъ присовокупляетъ:

„Поспѣшаю я васъ обременить симъ донесеніемъ, опасаясь, что главнокомандующій представитъ о томъ своимъ манеромъ, понеже это все зависитъ отъ его окружающихъ. Извините, что забылъ вамъ для смѣху сообщить, что комендантъ, по особой его приверженности къ отношеніямъ, формою службы требовалъ настоятельно у директора благороднаго общества визитерскаго билета для полковника, ему подчиненнаго".

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы „извѣстный по исторіи набатный колоколъ сохранить навсегда на своемъ мѣстѣ и чтобъ при случаѣ починки башни, на которой висѣлъ, былъ онъ осторожно снятъ и положенъ въ надежное мѣсто, по исправленіи опять былъ бы повѣшенъ на ней по-прежнему съ сохраненіемъ караула, каковой доселѣ тамъ находился".

Неудовлетворенный исходомъ дѣла, Валуевъ въ іюнѣ вновь пишетъ Трощинскому. Заявивъ, что „носится молва по Москвѣ о благоволеніи коменданту за удержаніе колокола, котораго у него никто не отнималъ", онъ продолжаетъ:

„Исторія о колоколѣ на башнѣ, которую слѣдуетъ исправить, будучи по существу своему въ числѣ ежедневно текущихъ дѣлъ въ экспедиціи, не касалась ни до меня, ни до Салтыкова и потому ни по чему не заслуживала донесенія о томъ государю. Имѣя право заключать, что сдѣлано и тѣмъ и другимъ фальшивое донесеніе, могущее повредить мнѣ въ мысляхъ монаршихъ,—пораженіе самое тяжкое для человѣка, дослужившагося въ теченіе безпорочнаго пятидесятилѣтняго служенія до знатнаго государственнаго чина, въ которомъ имѣю я счастье находиться,—нахожусь я принужденнымъ принесть слѣдующее мое оправданіе. Первое, полагая, что даны ко-

локолу древность и достопамятность, оному не принадлежащія, во изобличеніе сей клеветы препровождаю у сего онаго надпись, извѣщая при томъ, что древнѣе сего времени колокола снималъ и опять потомъ вѣшалъ въ прошломъ году на Спасской и Троицкой башнѣ безъ всякой исторіи и отношенія безпрепятственно,—такъ, какъ то дѣлаетъ и нынѣ митрополитъ изъ церквей и колоколенъ въ Кремлѣ безъ всякаго отношенія о томъ съ комендантомъ. Второе, изъ артикула въ отношеніи „оставить у башни тотъ же караулъ" усматривая, что донесено, повидимому, якобы я или экспедиція настояли о уничтоженіи у той башни караула, котораго нѣтъ и никогда не бывало,—увѣряю васъ, милостивый государь, что ни я, ни экспедиція ни въ какое военное дѣло не мѣшается и не мѣшалась, а у какихъ башенъ состоятъ караулы и часовые, о томъ уже имѣлъ я честь доносить вашему высокопревосходительству".

Въ заключеніе своего письма Валуевъ распространяется, вообще, о недостаточномъ попеченіи по службѣ какъ главнокомандующаго и коменданта, такъ и своихъ предмѣстниковъ.

„Всѣ стѣны и башни въ Кремлѣ ветхи отъ дурной въ Кремлѣ полиціи, зависящей отъ коменданта и главнокомандующаго. Трещины на всѣхъ сводахъ Спасской и Троицкой башенъ отъ того, что на одной прогноилъ ихъ живущій въ оной часовой мастеръ, занимающій три этажа, а въ другой съ позволенія коменданта живущій дьяконъ Успенскаго собора, которой разводилъ на стѣнѣ капусту и подсолнечники,—которыхъ съ превеликимъ трудомъ я насилу выжилъ въ прошедшемъ годѣ. Провалилась стѣна на набережной отъ того, что Измайловъ отрылъ отъ стѣны мусоръ, щебень и землю, служащіе оной контрфорсомъ. Стѣна, что возлѣ арсенала на Моховую, угрожаетъ близкимъ своимъ паденіемъ оттого, что подъ начальствомъ Салтыкова Герардъ очистилъ то-жъ до глубины рва мусоръ, щебень и землю, служащіе оной подкрѣпленіемъ. И потому вмѣсто того, чтобъ коменданту, ходя прилежно дозорами, осматривать городовыя стѣны и башни и мнѣ о ветхости оныхъ сообщать, относится онъ еженедѣльно о исправленіи карауленъ, не состоящихъ въ моемъ вѣдѣніи, на содержаніе которыхъ отпускается ему ежегодно слишкомъ 7.000 рублей. Объясня всѣ мои оправданія государю, которому я имѣлъ счастіе доносить въ кабинетъ, что поелику я обязуюсь служить единому ему, будетъ у мемя по ввѣренной мнѣ должности много злодѣевъ и будутъ на меня жалобы, въ которыхъ и обѣщалъ онъ мнѣ свою защиту, успокойте вашимъ милостивымъ отвѣтомъ встревоженный духъ того, которой дѣятельностью своею оправдывая милость монаршую и ваше покровительство, заслужилъ отъ жителей московскихъ всеобщую похвалу и естиму".

„Извините, говоритъ Валуевъ въ post-scriptum'ѣ, что много письма, старинною пословицею, что „пуганая ворона и куста боится“; извините и въ томъ, что въ правописаніи много ошибокъ—тожъ дѣдовъ нашихъ пословицею—„тому не до жиру, кому хочется только быть живу“.

Желаніе Валуева убрать съ башни набатный колоколъ отчасти исполнилось—въ настоящее время колоколъ хранится въ Московской Оружейной палатѣ. Изъ описей палаты видно, что колоколъ этотъ поступилъ сюда изъ московскаго арсенала подъ конецъ царствованія Александра I-го, а именно въ 1821 году.

Д. Успенскій.

Изъ прошлаго.

(Эпизодъ изъ перваго года царствованія императора Александра III).

Кровавое событіе 1-го марта потрясло всю Россію. Петербургъ волновался. Спорили, судили, рядили, искали корня всѣхъ бѣдъ, въ особенности же виновниковъ этихъ бѣдъ, предлагали разныя панацеи, но въ результатѣ, по большей части, занимались словоизверженіемъ, проводя время въ осужденіи и хуленіи „нашихъ порядковъ“. А народъ, по мѣткому выраженію И. С. Аксакова,—„недоумѣвалъ“ [1]).

Переѣздъ новаго государя на жительство въ Гатчину и памятный всѣмъ манифестъ отъ 29-го апрѣля 1881 г. возбудили новые толки и новые пересуды. На лицахъ нѣкоторыхъ появилось не то смущеніе, не то разочарованіе; на другихъ же читались бодрость и успокоеніе, что, наконецъ, „власть вернулась“. Газеты были наполнены статьями, посвященными „современному положенію“, при чемъ онѣ, въ зависимости отъ направленія, были, или сдержанны, отдѣлываясь общими фразами, или же метали громы на тотъ развалъ, который царилъ въ обществѣ. Шаблонной фразой газетъ, проповѣдывавшихъ твердые устои, была фраза: „само общество должно придти на помощь...“

---

[1]) Изъ рѣчи И. С. Аксакова въ экстренномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества, 22-го марта 1881 г., въ С.-Петербургѣ.

„Нечего себя обманывать. Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы двигались до сихъ поръ—и кровавый хаосъ! Это не слова, не преувеличеніе... Сохрани васъ Боже отъ мысли, что это преувеличеніе! Не обольщайтесь тѣмъ, что великій народъ нашъ безмолвствуетъ. Онъ *недоумѣваетъ*. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ“.

Въ это тяжелое и смутное время, я, вернувшись изъ Болгаріи, послѣ не совсѣмъ удачно кончившагося, лично для меня, министерствованія, проживалъ въ Петербургѣ, состоя на службѣ, но находясь „не у дѣлъ". Обширное знакомство давало мнѣ возможность бывать въ разныхъ собраніяхъ, публичныхъ и частныхъ, участвуя, конечно, въ преніяхъ „на злобу дня". Излюбленная газетами, да и ихъ читателями фраза: „Само общество должно придти на помощь..." приводила меня въ негодованіе. „Помилуйте",—говорилъ я,—„ну вотъ я „общество", членъ его.—Я молодъ, здоровъ, жажду быть полезнымъ; хотя и не великій дѣятель, а все же генералъ; но что я могу подѣлать?—Ровно ничего! Писать статьи въ газеты,—это не такъ-то легко; у меня нѣтъ литературнаго имени, да и попасть въ газету трудно; а кромѣ того, я состою на дѣйствительной военной службѣ что не вполнѣ совмѣстимо съ публицистикой... Произносить рѣчи въ „публичныхъ" собраніяхъ—тѣ же причины препятствуютъ, къ тому же, въ то время, по весьма естественнымъ причинамъ, „публичныя" собранія были частью запрещены, а разрѣшенныя весьма стѣснены. Всѣ мы видѣли, какъ на собраніи славянскаго благотворительнаго общества 22-го марта, самому Ивану Сергѣевичу Аксакову, гремѣвшему съ каѳедры противъ „духа лестча", подали какую-то записочку, заставившую его умѣрить пылъ своихъ рѣчей... [1]). Гдѣ же тутъ говорить мнѣ... А между тѣмъ, я до того преисполненъ жаждою „дѣланія", что если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: „ходите нѣсколько разъ въ недѣлю, ночью, отъ 3-хъ до 5-ти ч. утра, по панели мимо Аничкина дворца [2]), патрулируя, и вы этимъ обережете государя, принесете пользу ему и Россіи",—да я бы съ радостью пошелъ на это и, навѣрное, вернувшись домой, спалъ бы лучше обыкновеннаго, въ сознаніи исполненнаго долга и принесенной пользы... Но вѣдь это же фантазія... Тѣмъ разговоры и кончались. „Участіе общества" кончалось обмѣномъ мыслей, а чаще всего, просто словопреніемъ...

Наступило лѣто. Несвязанный службой я поселился въ Гатчинѣ, наслаждался благорастворенiемъ воздуховъ, но скучалъ отъ бездѣйствія, смѣнившаго кипучую дѣятельность въ Болгаріи, бездѣйствія, получившаго уже къ тому времени характеръ хроническаго недуга. Тяготило меня и то, что покинуть Болгарію я долженъ былъ отчасти, (и даже весьма), по взведенному на меня тамъ обвиненію въ либера-

[1]) Записка была отъ графа Лорисъ-Меликова, просившаго Ивана Сергѣевича, чтобы онъ „ужъ не очень..."

[2]) Это было еще до переѣзда государя въ Гатчину.

лизмѣ, радикализмѣ, оппозиціонныхъ тенденціяхъ, направленныхъ противъ существовавшей тамъ власти, въ связяхъ съ оппозиціонной, либеральной или даже радикальной партіей, въ которой я, будто бы, былъ чуть ли не въ числѣ запѣвалъ. Это я-то, собиравшійся патрулировать по тротуару у Аничкина дворца!..

Странныя бываютъ иногда недоразумѣнія...

Подъ гнетомъ такого недоразумѣнія, тогда еще не разъясненнаго, я и жилъ.

Лѣто подходило къ концу. Получаю телеграмму отъ моего большого пріятеля, генерала Оттона Егоровича Рауха [1]), находившагося съ командуемой имъ 22 пѣхотной дивизіей въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Хотя телеграмма была спѣшная, вызывавшая меня немедленно, но я никакого значенія ей не придалъ, будучи увѣренъ, что Рауху просто стало „скучно“ [2]) и онъ вызываетъ меня поболтать.

Рауха я нашелъ въ его баракѣ, въ авангардномъ лагерѣ. Предположенія мои о пустяшной причинѣ вызова меня совершенно не оправдались, такъ какъ Раухъ, съ мѣста, задалъ мнѣ вопросъ: „Помните ли вы, П. Д., ваши слова о готовности дежурить по ночамъ на тротуарѣ?..“—„Конечно помню“.—„Что же, теперь, остались ли вы при вашемъ тогдашнемъ мнѣніи?“—„Не только остался, но, вспоминая наши собранія, еще болѣе въ немъ утвердился, хотя, до сихъ поръ, не вижу еще приложенія этихъ взглядовъ“.—„Вы свободны?“—„Вполнѣ“.—„Ну такъ вотъ и „приложеніе...“ Можете вы ѣхать немедленно въ Москву?..“ Я опѣшилъ.—„Зачѣмъ въ Москву?“—„Ну зачѣмъ, этого я вамъ не скажу, а вы отвѣчайте мнѣ ясно и кратко: можете или не можете?“ Зная, что Раухъ упрямъ и, что если онъ не захочетъ, то изъ него ничего не выжмешь, я не настаивалъ на вопросѣ „зачѣмъ“; насчетъ же „Москвы“, отвѣтилъ опредѣленно: „могу“, а когда Раухъ пожелалъ узнать могу ли ѣхать „завтра“, отвѣтилъ, что „могу завтра“.—Покончивъ этотъ, главный, вопросъ, Раухъ спросилъ меня, не найду ли я среди моихъ знакомыхъ, мнѣ близкихъ, двухъ лицъ, раздѣляющихъ мои взгляды и могущихъ тоже ѣхать „завтра“.—Подумавши, я назвалъ двухъ, въ которыхъ я былъ увѣренъ: флигель-адъютанта К., моего бывшаго ученика, а потомъ сослуживца на войнѣ и моего пріятеля, дальняго родственника, камергера графа Николая Ѳедоровича Литке [3]); оба они были, насколько я зналъ, свободны и, конечно, не отказались бы ѣхать со мной. Раухъ, зная ихъ обоихъ, одобрилъ мой выборъ, просилъ меня

---

[1]) Умершій.

[2]) Это бывалъ обычный отвѣтъ О. Е. Раухъ, на вопросъ: „Какъ живете, что подѣлываете“?

[3]) Умершій.

съ ними сговориться, дать ему знать о результатахъ, а мнѣ самому, во всякомъ случаѣ, выѣхать на другой день.—Относительно цѣли поѣздки Раухъ сказалъ мнѣ, что, по пріѣздѣ въ Москву, я долженъ отыскать штабъ-ротмистра Б., отъ котораго и получу дальнѣйшія указанія; на повторенный же мною вопросъ „зачѣмъ", отвѣтилъ: „могу сказать одно, но и то подъ секретомъ и только для вашего успокоенія: въ Москву ѣдетъ государь; больше ничего не скажу".

На томъ и покончили.

Графъ Литке оказался въ своей деревнѣ, Эстляндской губерніи, и на него разсчитывать было нельзя, а К. былъ въ Петербургѣ, свободенъ, на поѣздку согласился, и мы на другой день покатили въ первопрестольную.

Пріѣхали днемъ, довольно рано; остановились въ Славянскомъ Базарѣ и направились къ Б. Отъ него ничего новаго не узнали; справился, гдѣ мы остановились и просилъ сидѣть вечеромъ дома, такъ какъ къ намъ пріѣдетъ графъ П. Шуваловъ [1]), которому онъ сообщитъ о нашемъ пріѣздѣ и отъ котораго мы получимъ всѣ нужныя намъ указанія.

Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ графъ и посвятилъ насъ во всѣ подробности. Государь императоръ Александръ Александровичъ и императрица Марія Өеодоровна предприняли небольшое путешествіе до коронаціи и рѣшили посѣтить Москву, Нижній и Ярославль. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ предположено было провести по нѣсколько дней; въ Москвѣ, конечно, больше чѣмъ въ другихъ. Московская полиція, хотя и усиленная лицами, командированными изъ Петербурга, все-таки была слаба численно и не могла бы поспѣвать всюду, а потому рѣшено было усилить ее добровольной охраной изъ мѣстныхъ жителей. Въ эту охрану включено было большое число старообрядцевъ. Организація этого дѣла, въ общихъ чертахъ, была сдѣлана еще до нашего пріѣзда и я не знаю, кто былъ ея иниціаторомъ и главнымъ устроителемъ; спросить объ этомъ было неудобно, да и времени не было, такъ какъ пріѣзда государя ожидали черезъ день, а нужно было много поработать. Всѣ добровольные охранники по Москвѣ были раздѣлены на сотни, при чемъ старообрядцы формировали свои, отдѣльныя сотни, безъ участія другихъ горожанъ [2]).

---

[1]) Умершій.

[2]) Только въ одной старообрядческой сотнѣ, Рогожской, руководимой К. былъ принятъ горожанинъ, мѣщанинъ, не старообрядецъ, усиленно просившійся. Знавшіе его старообрядцы за него поручились; однако, потомъ, какъ увидимъ ниже, жалѣли, что приняли.

Во главѣ каждой такой сотни поставлены были лица, подобно мнѣ и К., вызванныя изъ Петербурга, по особому выбору, а въ помощь каждому сотенному начальнику приданъ былъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, знакомый съ столицей. Намъ предложили тянуть жребій, кому какая достанется сотня; я получилъ старообрядческій районъ на Тверской-Ямской, въ приходѣ Василія Кесарійскаго, а К.—Рогожское кладбище. Изъ дальнѣйшихъ объясненій мы узнали, что сотни еще не организованы, что жители только предупреждены объ этомъ и находятся въ ожиданіи распоряженій; что какихъ бы то ни было инструкцій для дѣйствія—не существуетъ и дано не будетъ, а что каждый изъ насъ будетъ только получать своевременно, черезъ графа Шувалова, указанія, когда и гдѣ стать и какой районъ, или какую улицу занять и охранять въ виду ожидаемаго проѣзда государя.— Московскій оберъ-полицеймейстеръ Александръ Александровичъ Козловъ [1]) посвященъ во всѣ подробности этого дѣла, но остальная полиція ознакомлена съ нимъ только поверхностно, а какъ оказалось потомъ, на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, мѣстами,—совсѣмъ не была въ него посвящена. Козловъ относился къ организаціи добровольной охраны сочувственно; можно думать, что и всѣ дѣла были устроены при его содѣйствіи, но нѣкоторые члены полиціи отнеслись къ ней несочувственно и даже враждебно, какъ вторженіе въ область ихъ вѣдѣнія. Намъ сообщили, что, находясь на улицѣ, при проѣздѣ государя, мы должны быть въ сюртукахъ или пальто и, по возможности, не выставлять себя на-показъ.—Намъ рекомендовали имѣть всегда при себѣ достаточное число мелкихъ денегъ, такъ какъ можетъ случиться надобность быстраго переѣзда на другое мѣсто, въ случаѣ перемѣны маршрута поѣздокъ государя. Относительно возможности какихъ-нибудь покушеній намъ сказали, что получены свѣдѣнія о прибытіи въ Москву (или только еще въ Россію изъ-за границы,— хорошо не помню), нѣсколькихъ извѣстныхъ анархистовъ съ бомбами, небольшой круглой формы, величиной и видомъ апельсина, что эти анархисты будутъ въ цилиндрахъ и, привѣтствуя государя при проѣздѣ, будутъ снимать цилиндры, подобно остальной публикѣ, для поклона, а вмѣстѣ съ тѣмъ метать, спрятанныя въ ихъ двойномъ днѣ, бомбы.

Большаго ничего намъ сказать не могли, и мы отправились на свои пункты. Помощникомъ мнѣ назначенъ былъ волоколамскій уѣздный предводитель дворянства Сипягинъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ онъ еще не пріѣхалъ, то я отправился на Тверскую-Ямскую одинъ.

[1]) Козловъ былъ одновременно со мной въ Пажескомъ корпусѣ, но гораздо старше меня. Отношенія наши были очень дружескія.

Ѣдучи на Тверскую-Ямскую, я раздумывалъ обо всемъ, мнѣ предстоявшемъ, и, признаюсь, считалъ мое положеніе довольно-таки затруднительнымъ и очень неяснымъ. Начать съ того, что я даже не зналъ, куда мнѣ именно ѣхать, и къ кому обратиться для начала. Тверская-Ямская улица длинная, приходъ Василія Кесарійскаго, понятно, занимаетъ извѣстный районъ, большой или малый—не знаю, но все же это не пунктъ, въ который я долженъ прибыть и все найти, а цѣлое населенное пространство... Далѣе, меня очень смущала предстоящая мнѣ дѣятельность, несомнѣнно весьма отвѣтственная; меня смущалъ вопросъ: чему же я буду учить мою сотню?— Хотя я и побывалъ уже на войнѣ, даже на двухъ—одной большой и одной маленькой, бывалъ въ развѣдкахъ, засадахъ, охранахъ, обучалъ людей военному искусству и военнымъ снаровкамъ,—но это же не то... Размышленія мои были прерваны словами извозчика: „вотъ и Тверская-Ямская".—Пріѣхали мы на какую-то площадь, скорѣе площадку; слѣва въ нее вливалась улица—Садовая (кажется, Кудринская), а сама Тверская-Ямская уходила въ даль.—Оглядѣвшись, я, на правомъ углу улицы и площадки, увидѣлъ большую лавку съ выставленными на-показъ, стариннаго покроя фуражками—картузами, которые прежде носило купечество, не слѣдовавшее еще тогда западной модѣ и не признававшее ни котелка, ни цилиндра. На вывѣскѣ значилось, что лавка принадлежитъ Григорію Поликарповичу Поликарпову, а домъ—Большакова. Зайдя въ лавку, я увидѣлъ цѣлые ряды картузовъ, лежавшихъ на полкахъ, и нѣсколько прикащиковъ, самаго великорусскаго типа. Обстановка эта почему-то меня пріободрила и поселила надежду, что я тутъ попаду на вѣрный путь. На просьбу мою повидать хозяина, прикащикъ съ большой готовностью послалъ за нимъ мальчика, и ко мнѣ очень скоро вышелъ пріятнѣйшей внѣшности, небольшого роста, круглымъ лицомъ и маленькой русой бородкой клиномъ—молодой, голубоглазый купецъ. Назвавъ мою фамилію и поздоровавшись „за руку", я сообщилъ, что имѣю къ нему дѣло, по которому желалъ бы поговорить—отдѣльно, вслѣдствіе чего сейчасъ же былъ приглашенъ и проведенъ имъ въ его квартиру, непосредственно примыкавшую къ магазину, за прилавкомъ. По образамъ и лампадамъ я понялъ, что я у человѣка, живущаго „по старой вѣрѣ"; наружность же его и вся манера обращаться и говорить совсѣмъ меня подкупили. Я прямо заявилъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга, что я „посланъ" по особому дѣлу, по которому желалъ бы переговорить съ ихъ „стариками"; спросилъ, есть ли у нихъ свой „храмъ" и нельзя ли видѣть „батюшку". Былъ ли Григорій Поликарповичъ посвященъ въ предстоящую дѣятельность, я не знаю, но онъ съ большимъ радушіемъ и предупредительностью сказалъ, что

и „храмъ“ есть, и что онъ „вотъ тутъ сейчасъ“, а что за батюшкой онъ тоже „сейчасъ“ пошлетъ; меня же повелъ къ церкви. Церковь была во дворѣ, въ обыкновенномъ домѣ, снаружи себя не „оказывала“, внутри же была очень хорошо устроена и содержана въ замѣчательной чистотѣ. Понятно, что образа, лампады, хоругви,—все было „старое“. Скоро пришелъ батюшка, среднихъ лѣтъ, вполнѣ благообразный, въ чистой, хотя и простой, черной расѣ. Будучи съ дѣтства пріученъ къ соблюденію церковной обрядности и уваженію къ ней, я подошелъ подъ благословеніе и, хотя и „никоніянецъ“, но все же получилъ его, при чемъ батюшка благословилъ не по теперешнему, по модному, маленькимъ крестомъ въ протянутую ладошку, а осѣнилъ большимъ, размашистымъ крестомъ, начавъ съ темени. Вслѣдъ за батюшкой въ церковь начали входить весьма почтенные старики, въ длинныхъ кафтанахъ и чуйкахъ, очевидно уже освѣдомившіеся о прибытіи „генерала изъ Питера“, „по особому дѣлу“, а священникъ предложилъ мнѣ пойти съ ними въ находившуюся тутъ же, возлѣ церкви, комнату, гдѣ у насъ и началось засѣданіе—стоя. Батюшка сталъ передо мной, остальные прихожане, число коихъ все увеличивалось,—становились кругомъ, при чемъ наиболѣе почтенные продвигались впередъ, ближе ко мнѣ.—Съ первыхъ же словъ я узналъ, что меня ждутъ, т. е. конечно, не меня лично, а посланнаго изъ Питера, который станетъ во главѣ ихъ для охраны государя и „всему научитъ“.

Выше я упомянулъ, въ какое сомнѣніе приводила меня мысль о томъ, чему буду я ихъ учить; во время знакомства и бесѣды съ Григоріемъ Поликарповичемъ и батюшкой, занятый встрѣчей и разговорами съ новыми лицами, мысль эта нѣсколько затушевалась, но когда я услышалъ это „всему научитъ“,—вновь вернулись всѣ сомнѣнія, и я, какъ преступникъ, старающійся отдалить страшную минуту возмездія,—тоже старался отдалить ту минуту, когда я долженъ буду приступить къ ученью.

Начали съ того, чтобы составить сотню. Принесли бумаги, чернилъ, и я записывалъ всѣхъ, которыхъ мнѣ, присутствовавшіе тутъ, называли. Когда списокъ былъ конченъ, я попросилъ послать за отсутствовавшими, записанными со словъ другихъ, чтобы начать мое „ученье“ съ возможно большимъ числомъ участниковъ.—Потомъ раздѣлилъ сотню на десятки, назначивъ десятскихъ по выбору, а затѣмъ, соединивъ десятки по-полусотенно, назначилъ, тоже выбранныхъ, полусотенныхъ командировъ. Вся эта работа, очень всѣхъ интересовавшая, показала мнѣ, что обойтись безъ помощника мнѣ нельзя. Рѣшено было же „выбрать“ помощника, но для этого дѣла „старики“ просили моего позволенія удалиться, объясняя мнѣ, что такъ какъ я

никого изъ нихъ не знаю, то имъ нужно предварительно, между собой, посовѣтоваться. Вернувшись, мнѣ объявили, что помощникомъ мнѣ избранъ, уже полюбившійся мнѣ, Григорій Поликарповичъ Поликарповъ, „человѣкъ хотя еще и молодой, но надежный“.

Началось „ученье“, конечно, теоретическое. Старался я ужасно, разсказывалъ, казалось мнѣ, обстоятельно и понятно, слушали меня очень внимательно, съ напряженіемъ, но я видѣлъ, или скорѣе, чувствовалъ, что все это—не то. Слушали меня до поту, да и самъ я вспотѣлъ, удовлетворенія же не испытывалъ. На счастье мое вспомнилъ я учителя многихъ изъ насъ, Михаила Ивановича Драгомирова [1]) и его наставленіе, учить „показомъ“, а не „разсказомъ“—и сразу почувствовалъ облегченіе, даже осѣненіе какое-то.

Комната, въ которой мы занимались, была очень большая, но все же нельзя было вытянуть всю сотню, на нѣсколько шаговъ дистанціи, другъ отъ друга, а потому я сначала построилъ одинъ десятокъ, шаговъ на пять человѣкъ отъ человѣка, самъ же сталъ въ концѣ длинной комнаты и, собравшись съ духомъ, сказалъ: „Ну, почтенные, смотрите: я теперь коляска, а въ коляскѣ—государь“... и поѣхалъ, т. е. пошелъ по комнатѣ; затѣмъ, пройдя нѣсколько разъ кругомъ, вдругъ остановился, присѣлъ и закричалъ: „колесо сломалось, коляска остановилась, народъ сбѣгается... тѣснятъ... Что дѣлать?“ и видя, что мои слушатели недоумѣваютъ, продолжалъ: „окружай кольцомъ... плотнѣй, чтобы кто лишній къ коляскѣ не пробрался“... „Показъ“, произвелъ чудо; мои молодцы живо, обрадовавшись, исполнили все, какъ по писанному, а кто-то изъ нихъ закричалъ: „нельзя ли всѣмъ сразу, пожалуйте на дворъ. У насъ дворъ большой, тихій, никто и не увидитъ“. Пошли на „тихій“ дворъ, который былъ дѣйствительно глухой и на столько большой, что хотя и не вся сотня сразу, но половина могла стать кругомъ, на порядочныхъ дистанціяхъ, а другая $^1/_2$ сотня смотрѣла. Тутъ мы продѣлали всевозможныя эволюціи,

[1]) Къ слову сказать, косточки котораго теперь усердно перемываютъ и по моему скромному мнѣнію, не всегда надлежаще. Я совсѣмъ не возстаю противъ оспариванія нѣкоторыхъ выводовъ и положеній Михаила Ивановича, который, будучи человѣкомъ, склоненъ былъ ошибаться,—но нельзя же видѣть въ немъ чуть ли не преступника передъ арміей, какъ дѣлаютъ это очень рьяные, но не всегда хорошо освѣдомленные, писатели. Нельзя намъ забывать, что Драгомировъ, первый у насъ, указалъ въ солдатѣ человѣка, а не машину и въ половинѣ 60-хъ годовъ, не будучи еще на высотѣ служебной іерархіи, съ истиннымъ гражданскимъ мужествомъ выступилъ на бой съ устарѣвшими взглядами на обученіе солдата и несеніе имъ службы, возставая противъ мертвой формы и выдвигая на первый планъ—духъ. Уже это одно настолько велико, что имя Драгомирова должно быть почтенó, а не унижено.—Ошибки же его: errare humanum est.

которыя приходили мнѣ въ голову: коляска на поворотѣ въ узкую улицу замедляла ходъ; коляска, по приказанію государя, останавливалась, и онъ подзывалъ кого-нибудь для разговора; или подъѣзжали къ подъѣзду и государь съ императрицей выходили и т. п. Продѣлалъ я это и съ другой $^1/_2$ сотней и работали чуть ли не до ночи; огни уже зажгли въ домахъ.

Люди мои были веселы, сами придумывали разныя положенія, и, увлекаясь, дошли до того, что спрашивали: „а если государь съ нами заговоритъ, такъ какъ бы ему получше отвѣчать? Какъ мы себя должны передъ нимъ называть..?" и т. п.

Провожаемый самыми лучшими пожеланіями, я, вполнѣ удовлетворенный, поѣхалъ домой, счастливый, что нашелъ выходъ изъ положенія, которое казалось мнѣ безвыходнымъ.

„Показъ" выручилъ.

Ѣдучи домой, я вспомнилъ еще одного учителя, тоже учившаго меня, и товарищей моихъ пажей, „показомъ". Это былъ знаменитый, въ свое время, ротный командиръ Пажескаго корпуса, полковникъ Карлъ Карловичъ Жирардотъ. Много мы его бранили, во время его ученья, но потомъ, сдѣлавшись зрѣлыми, много и тепло его благодарили, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ. Посвятивъ жизнь свою воспитанію пажей, Жирардотъ приходилъ въ корпусъ во время нашего вставанія и потомъ, весь день, за исключеніемъ классныхъ уроковъ, былъ съ нами. Много времени и труда посвящалъ онъ обученію пажей благовоспитанности и манерамъ, примѣняя „показъ". Онъ училъ насъ прилично ходить, сидѣть, кланяться и, безъ преувеличенія можно сказать, что пажи, временъ Жирардота, отличались благовоспитанностью и приличными манерами. Особенное вниманіе обращалъ Жирардотъ на камеръ-пажей, несшихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, придворную службу. Дѣлались репетиціи разныхъ церемоніаловъ, какъ напримѣръ: камеръ-пажи, на выходахъ во дворцѣ, назначались служить при высочайшихъ особахъ и тѣ изъ нихъ, которые служили у дамъ, должны были, участвуя въ шествіи, нести длинные, часто тяжелые, шлейфы придворнаго костюма. Чтобы все было въ порядкѣ, необходимы были сноровки, и вотъ этимъ-то сноровкамъ и училъ Жирардотъ на примѣрахъ. На одного изъ пажей надѣвали длинный чахолъ съ кровати, конецъ котораго, волочась по полу, изображалъ шлейфъ, другіе же, по очереди, должны были нести этотъ импровизированный шлейфъ. Ходили по разнымъ комнатамъ, проходили двери, воображали, что владѣтельница шлейфа останавливается, поворачивается, садится, и продѣлывали все необходимое въ такихъ случаяхъ, чтобы дама не запуталась въ шлейфѣ, или не зацѣпила имъ чего-нибудь. Надо было соображаться съ тѣмъ,

что шествіе не останавливается, и слѣдовательно, приходилось дѣлать все на ходу, чтобы не отстать отъ переднихъ и не задержать сзади идущихъ. Дѣлались репетиціи цѣлованія руки императрицы (baise-mains); Жирардотъ становился въ позу, а по бокамъ его становились свободные пажи, которые должны были изображать государя, великихъ князей и княгинь, присутствовавшихъ при церемоніи. Жирардотъ отлично говорилъ по-русски, но не могъ справиться съ нѣкоторыми гласными, а потому, въ данномъ случаѣ, ставъ на мѣсто, обыкновенно говорилъ: „начинайте; я эмператрица",—и мы начинали подходить въ затылокъ другъ другу. При цѣлованіи руки надо было отнюдь не поднимать до себя руки императрицы, а самому до нея наклоняться и затѣмъ отходить плавно, постепенно, не задерживая слѣдующихъ сзади, не поворачиваясь спиной ни къ императрицѣ, ни къ присутствовавшимъ высочайшимъ лицамъ. Эти и много еще другихъ церемоній требовали практики; объяснить всю снаровку словами не было никакой возможности, а потому и Жирардотъ, какъ практикъ, объяснивъ и разсказавъ, продѣлывалъ все сначала самъ, въ примѣръ другимъ. Я сказалъ выше, что мы много его бранили во время ученья, смѣялись надъ нимъ, называли „барабанщикомъ великой французской арміи", но сколько разъ потомъ въ жизни пришлось воспользоваться его уроками и сердечно поблагодарить этого „барабанщика" de la grande armée".

Примѣромъ же его доброты и гражданскаго мужества приведу слѣдующее:

Въ 1848 году въ старшій камеръ-пажескій классъ переходилъ пажъ Рылѣевъ, блистательно выдержавшій экзаменъ, и слѣдовательно, заслужившій назначенія въ камеръ-пажи, но кто-то въ конференціи заявилъ, что Рылѣева, уже по одной фамиліи (онъ былъ племянникъ декабриста), нельзя удостаивать придворной должности и возможности быть въ высочайшемъ дворѣ.—Конференція готова была съ этимъ согласиться; одинъ Жирардотъ протестовалъ, говоря, что „дѣти не отвѣтствуютъ за своихъ отцовъ", а когда конференція не вняла этому внушенію, то Жирардотъ всталъ и ушелъ изъ засѣданія, объявивъ, что онъ не вернется и выходитъ въ отставку, если его требованіе не будетъ уважено. Такъ какъ Жирардотомъ очень дорожили и вмѣстѣ съ тѣмъ знали твердость его характера, то конференція сдалась, и Рылѣевъ былъ назначенъ.

Сойдясь въ нашемъ номерѣ гостиницы съ К., мы подѣлились впечатлѣніями. И у него дѣло налаживалось хорошо; и онъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, показывалъ все „на примѣръ". Обсуждая эти

благополучные результаты нашей работы и совпаденіе избранныхъ нами способовъ обученія, мы не могли не обратить вниманіе на то, что во многихъ случаяхъ, когда нужно „распорядиться", да при томъ еще „немедленно", военные имѣютъ много шансовъ на успѣхъ. Во всѣхъ насъ, еще съ корпусной скамьи, развиваютъ привычку къ дисциплинѣ, сперва въ видѣ повиновенія и послушанія, а затѣмъ и командованія; развиваютъ привычку „рѣшаться", когда обстановка этого требуетъ. Кромѣ того, служащіе въ войскахъ, имѣя постоянно дѣло съ солдатомъ, стоятъ гораздо ближе къ народу и болѣе знакомы съ его нуждами и его воззрѣніями, чѣмъ чиновникъ канцеляріи, можетъ быть болѣе ученый, чѣмъ мы.

Утро другого дня мы были опять въ нашихъ сотняхъ. Пришлось разрѣшить нѣкоторые вопросы, которые возникли у дружинниковъ, чрезвычайно заинтересовавшихся предстоявшимъ дѣломъ. Болѣе всего затруднялъ всѣхъ насъ вопросъ о „подозрительныхъ лицахъ", наблюденіе за которыми входило въ кругъ нашихъ обязанностей. Какъ ихъ отличить; почему считать „подозрительными" и почему „неподозрительными"? Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ ни у кого изъ насъ практики не было, то порѣшили, чтобы во всякомъ случаѣ „подозрительности", замѣтившій таковую, сообщалъ бы мнѣ, а я уже какъ-нибудь разберусь.—Безпокоило еще моихъ сотрудниковъ отношеніе къ намъ наружной полиціи, будетъ ли она насъ вездѣ пускать, при несеніи нами службы, не будутъ ли прогонять съ улицы и тротуаровъ? Не имѣя самъ на это опредѣленныхъ указаній, я все же считалъ нужнымъ ихъ успокоить, а на всякій случай далъ каждому члену сотни мою визитную карточку, на которой было напечатано, что я „генералъ" и состою въ распоряженіи его императорскаго высочества главнокомандующаго петербургскаго военнаго округа. Авось это выручитъ.

Поздно вечеромъ получили мы распоряженіе на другой день. Указанъ былъ часъ пріѣзда государя и сотнямъ моей и К. приказано было занять Никольскую улицу, ставъ вдоль улицы по обѣ ея стороны. Оповѣстивъ съ вечера людей, мы, на другой день, задолго еще до назначеннаго часа, вышли на улицу, вымѣрили ее шагами и подѣлили ее пополамъ, разсчитавъ, сколько шаговъ приходится на человѣка и въ какомъ примѣрномъ разстояніи люди должны становиться другъ отъ друга. Сотни наши пришли принарядившись, какъ на праздникъ, и весьма толково исполняли всѣ наши указанія. Не обошлось, конечно, безъ приключеній. Я прохаживался по своему участку, центромъ котораго былъ тротуаръ противъ подъѣзда Славянскаго Базара, какъ вдругъ услышалъ какіе-то крики со стороны площади; ускореннымъ шагомъ придя туда, увидѣлъ одного изъ мо-

ихъ почтеннѣйшихъ стариковъ, который держалъ за руку простую бабу, уже не молодую, съ узелкомъ въ рукѣ. Слышались крики: „Пусти, озорникъ, чортъ старый"... „Не пущу; развязывай узелокъ, что у тебя въ немъ спрятано"... „Чего я тебѣ, чтобъ тебѣ пусто было, буду узелокъ развязывать"... Очевидно старуха, съ узелкомъ показалась моему ретивому старику—„подозрительной". Подойдя въ это время, я очень скоро водворилъ порядокъ по отношенію къ моему подчиненному, но старуху трудно было урезонить; такъ расходилась, что бѣда.

Наконецъ показался государь съ императрицей, не очень скоро ѣхавшіе, въ открытой коляскѣ, и хотя люди мои уже порядочно были намуштрованы, но при видѣ царя—не выдержали: всѣ сошли съ тротуара на улицу, кланялись въ поясъ, махая картузами чуть не у самой коляски. Они выдѣлялись довольно рѣзко, отчасти по костюму (длиннополые сюртуки, по большей части совершенно одинаваго фасона), отчасти же потому, что остальную публику, разношерстную, полиція удерживала на тротуарахъ, не позволяя сходить на мостовую. Когда государь проѣхалъ, я собралъ своихъ людей во дворѣ одного сосѣдняго дома и сильно ихъ пожурилъ за то, что не удержались и сошли съ тротуара. Внушеніе мое было принято разумно и съ покорностью, отчасти, я думаю, потому, что всѣ они просто утопали въ блаженствѣ, что такъ хорошо и близко видѣли государя и императрицу. Они наперерывъ, перебивая другъ друга, передавали свои впечатлѣнія, при чемъ нѣкоторые, съ особымъ удовольствіемъ, не лишеннымъ хвастливости, говорили мнѣ: „а полиція-то, батюшко, ничего; не препятствовала"... То обстоятельство, что полиція „не препятствовала" и что это моими людьми было отмѣчено, послужило мнѣ очень на пользу, такъ какъ подняло мой авторитетъ во мнѣніи сотни на большую высоту, гораздо выше самой „полиціи", которая вообще, въ глазахъ старобрядцевъ, стояла очень высоко.

Такъ какъ въ данную минуту роль наша была кончена, то я разрѣшилъ людямъ отправляться въ „трактирчики", чайку попить, „на радостяхъ", но такъ какъ они пошли не въ одинъ трактиръ, а въ нѣсколько ближайшихъ, то я оставилъ при себѣ столько человѣкъ, „гонцевъ", сколько было намѣчено трактировъ, чтобы въ случаѣ нужды, послать сразу во всѣ мѣста, дать знать о предстоящемъ.

Не успѣли мои люди разойтись, какъ къ подъѣзду Славянскаго Базара подъѣхалъ М. Д. Скобелевъ, какъ всегда, бодрый, красивый, нарядный, съ тремя Георгіями. Увидѣвъ меня, онъ быстро перешелъ улицу, подошелъ ко мнѣ и расцѣловался, а затѣмъ, узнавъ, что я, въ данную минуту, свободенъ, пригласилъ идти въ Славянскій Базаръ завтракать, вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ. Я съ турецкой войны не видѣлъ

Михаила Дмитріевича и былъ очень радъ этой неожиданной встрѣчѣ; радъ былъ видѣть и Черняева, котораго хорошо зналъ и тоже давно не видалъ. Этотъ случайный эпизодъ, въ свою очередь, послужилъ мнѣ очень на пользу, такъ какъ демонстративное цѣлованіе съ „бѣлымъ генераломъ“, на улицѣ, среди массы народа, произвело большое впечатлѣніе на моихъ стариковъ. Во время завтрака дали знать, что государь ѣдетъ въ храмъ Спасителя, и что нашимъ сотнямъ надо стать кругомъ собора. Благодаря присутствію „гонцовъ“, сотня, на извощикахъ, быстро поспѣла къ собору, но государя видѣть не удалось, такъ какъ его величество подъѣхалъ съ другой стороны и люди мои были недовольны, говоря, что „не съ той стороны стали“. Очень ужъ разохотились.

На слѣдующій день государь ѣздилъ въ Троицкую Лавру. Мнѣ назначено было стать въ переулкѣ недалеко отъ петербургскаго вокзала, при чемъ сообщили конфиденціально, что государь можетъ быть и не проѣдетъ по этому переулку, а только пересѣчетъ его, но что занять его надо. Зная, какъ сотня дорожитъ возможностью видѣть государя, я, не желая заблаговременно разочаровывать людей, не сообщилъ имъ, полученнаго мною, конфиденціальнаго указанія, но по проѣздѣ государя, пришлось выслушать жалобы, что я ихъ опять дурно поставилъ.

Возвращеніе государя ожидалось въ 5 часовъ; сотнѣ К. назначено было стать на площади противъ ярославскаго вокзала, а мнѣ, рядомъ, противъ петербургскаго. Москва знала, что государь поѣхалъ въ Лавру и что долженъ вернуться въ тотъ же день, а потому толпы народа, цѣлый день, стояли противъ этихъ двухъ вокзаловъ. Наряды полиціи были усилены и нашихъ сотенъ на площади было сосредоточено много, такъ что людей поставили довольно густо, по бокамъ проѣзда, очищеннаго отъ публики. — Самъ я взобрался на верхнюю ступень крыльца петербургскаго вокзала, откуда хорошо было видно всю площадь, моихъ людей и сосѣдей. — Я видѣлъ буквально море головъ и почувствовалъ ужасъ. Ну что тутъ подѣлаютъ 5, 6, 7 сотенъ добровольной охраны и наряды полиціи съ жандармами, хотя бы и усиленные, когда площадь запружена десятками тысячъ народа! Толпа вела себя въ высшей степени чинно, степенно, спокойно выжидая; не слышно было даже гула толпы, но все же, думалось мнѣ: вѣдь это стихія; никакія плотины не удержатъ потока, если онъ напретъ...

Въ 5 часовъ коляска съ государемъ и императрицей съѣхала съ подъѣзда ярославскаго вокзала на площадь и двинулась по оставленному проѣзду. Неописуемое, прямо неистовое „ура!“ стояло въ воздухѣ. Всѣ наряды полиціи, охраны... были прорваны; коляска ѣхала шагомъ.

Съ высокаго крыльца, на которомъ я стоялъ, видно было какъ люди снимаютъ шапки и шляпы у самыхъ колесъ, а женщины, изъ простыхъ, протягиваютъ въ коляску дѣтей, на рукахъ... Я видѣлъ отлично, какъ рука государя, нѣсколько разъ, опускалась на подаваемыхъ ему дѣтей... Нарисовать этой картины нельзя; нельзя изобразить этого неимовѣрнаго движенія,—этой „жизни" толпы; да и звуковъ на картинѣ изобразить нельзя; а тѣмъ болѣе нельзя описать. Я былъ совершенно подавленъ и только крестился: „пронеси, Боже!"... И дѣйствительно, тутъ сильнѣе толпы былъ только Богъ; а что могли подѣлать мы, несчастные песчинки, соломинки, хотя бы и всѣ вмѣстѣ взятые!..

Вернулся я домой усталый, изнуренный и совершенно удрученный, въ ясномъ и полномъ сознаніи своего ничтожества.

Кажется на другой день послѣ посѣщенія Лавры, назначенъ былъ смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ. Нормальный путь ѣзды на поле шелъ по Тверской и далѣе по Тверской-Ямской, пересѣкая площадку у соединенія этихъ улицъ, а я получилъ приказаніе занять Садовую улицу, отъ угла Тверской-Ямской, что давало поводъ думать, что государь поѣдетъ не по Тверской, а по Садовой и по ней выѣдетъ на Тверскую-Ямскую. Рано утромъ поставилъ я моихъ людей по Садовой до угла той площадки, которую пересѣкаетъ Тверская, и на углу которой находится домъ Большакова, мѣсто жительства моего подручнаго, Григорія Поликарповича Поликарпова. Къ удивленію моему, Садовая была пуста, никакихъ приготовленій не было: ни полиціи, ни флаговъ, ни публики; Тверская же и продолженіе ея—Тверская-Ямская были полны народу, полиціи и увѣшаны флагами. Я былъ въ недоумѣніи, а люди мои совсѣмъ волновались. „Куда ты насъ, батюшко, ставишь? Видишь вѣдь, Садовая то—пустыня, а вонъ, по Тверской, весь народъ и полиція". Дѣйствительно, все указывало на то, что царскій проѣздъ состоится вдоль обѣихъ Тверскихъ, что и по топографіи мѣстности казалось совсѣмъ нормальнымъ. Скоро пріѣхалъ одинъ изъ важныхъ московскихъ полицейскихъ чиновъ, тогда полковникъ, Огаревъ, и я рѣшился къ нему обратиться съ вопросомъ, гдѣ поѣдетъ государь. Огаревъ, осмотрѣвъ меня внимательно и вѣроятно убѣдившись въ несомнѣнности моего генеральства, отвѣтилъ, что по Тверскимъ и указалъ на всѣ приготовленія, по этимъ улицамъ дѣлаемыя. Въ это время я получилъ записку, кажется отъ Козлова, чтобы я обратилъ вниманіе на трактиръ, находившійся тоже на углу Тверской, но съ другой стороны, такъ какъ этотъ трактиръ служилъ сборищемъ разнаго темнаго люда. Изъ того краткаго топографическаго описанія мѣстности, которое я сдѣлалъ,

видно, что уголъ улицъ Садовой и обѣихъ Тверскихъ, а также и указанный трактиръ лежатъ какъ разъ въ приходѣ Василія Кесарійскаго, населеннаго людьми моей сотни, или имъ близкими, и хорошо имъ всѣмъ извѣстнаго, вслѣдствіе чего я распорядился, черезъ Григорія Поликарповича, послать къ трактиру особый нарядъ, не изъ числа людей сотни, которыхъ оставилъ на мѣстахъ. Когда я распорядился по вопросу о трактирѣ, къ великому моему ужасу, Огаревъ приказалъ протянуть канатъ, загораживая имъ въѣздъ съ Садовой въ Тверскія улицы; городовые усерднѣйшимъ образомъ натягивали толстѣйшій канатъ, на 1/2 высотѣ человѣческаго роста и закручивали его за фонарные столбы; такимъ образомъ въѣздъ съ Садовой былъ окончательно закрытъ.

Положеніе мое стало поистинѣ трагическимъ; въ карманѣ записка съ категорическимъ указаніемъ: „стать вдоль Садовой, отъ угла Тверской-Ямской", а на яву—толстѣйшій канатъ, указаніе тоже категорическое; къ тому же городовые такъ усердно замотали концы каната за фонарные столбы, что развязать узлы требовало времени.—Сотня моя волновалась ужасно и даже обнаружила нѣкоторое буйство: „батюшко, воля твоя, а мы уйдемъ. Что же это, точно на смѣхъ насъ сюда ставишь. Видишь—канатъ..." Пришлось пойти на окрикъ: „маршъ по мѣстамъ. Это что за бунтъ! Брались за дѣло—обѣщались слушать. Я дѣйствую по приказу, а не изъ своей головы" и, вынувъ записку, показывалъ ее ближайшимъ. Весьма неохотно, но все же отошли и стали по мѣстамъ. Успокоивъ ихъ, я самъ былъ очень безпокоенъ и пошелъ еще разъ къ Огареву, самымъ вѣжливымъ и любезнымъ образомъ спрашивая его, не можетъ ли случиться, что государь поѣдетъ по Садовой? На это Огаревъ довольно презрительно оглядѣлъ меня и видимо недовольный тѣмъ, что я мѣшаю ему, отвѣтилъ: „помилуйте-съ; кому же и знать, какъ не намъ. У меня маршрутъ слѣдованія его величества". Я не отставалъ: „а нельзя ли канатъ снять?"—Послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ: „нельзя-съ..." Я вполнѣ входилъ въ его положеніе; онъ—главный распорядитель и при томъ, конечно, главный отвѣтчикъ; у него „маршрутъ",—а тутъ какой-то генералъ, просто глазѣющій, а не участвующій, такъ какъ я былъ не въ мундирѣ, а въ сюртукѣ и пальто — суется... мѣшаетъ. Но и мое то-положеніе было критическое; у меня въ карманѣ тоже „маршрутъ"—записка!

Но какъ часто бываетъ въ трудныя минуты, когда нужно „рѣшиться" и при томъ „немедленно", счастливая мысль озарила меня. Подозвавъ Поликарпыча, я велѣлъ ему сейчасъ же добыть два острѣйшихъ ножа; далъ ему денегъ, приказавъ купить и не скупиться, но съ условіемъ, чтобы они были острѣйшіе и небольшіе, удобные для кармана.—Поликарпычъ побѣжалъ и очень скоро принесъ мнѣ два

сапожныхъ ножа, широкихъ, плоскихъ, въ плоской деревянной оправѣ и неимовѣрно остро отточенныхъ. Поликарпычъ хвастался: „даромъ досталъ; при мнѣ и подточили“. Запасшись ножами, одинъ изъ нихъ далъ я Поликарпычу, приказавъ ему стать у фонаря, на углу Тверской-Ямской и не спускать съ меня глазъ, при чемъ, какъ только я махну платкомъ—рѣзать канатъ; самъ же вышелъ на середину Садовой, откуда мнѣ была видна улица на большое протяженіе, въ то время совершенно пустынная, съ понуро стоявшими, по бокамъ ея, моими охранниками. Только-что я всталъ и осмотрѣлся, какъ увидѣлъ вдали мчавшійся экипажъ, дрожки, запряженныя парой въ пристяжку, а за нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, ѣхавшую нѣсколько тише, коляску, тройкой. Я, забывъ про платокъ, неистово закричалъ: „Поликарпычъ, рѣжь...“ и самъ бросился туда же съ ножемъ. Отъ волненія ли, или ножъ былъ хуже, но Поликарпычъ, который былъ конечно гораздо сильнѣе меня, не могъ справиться: ножъ скользилъ по новому, туго скрученному канату, который только благодаря нашимъ совмѣстнымъ усиліямъ оборвался, упалъ концомъ на мостовую, какъ разъ въ то время, когда, стлавшаяся по землѣ, вороная пристяжная перваго экипажа, чуть-чуть не задѣла меня мордой по плечу. Приподнявшись, я увидѣлъ Козлова, привставшаго въ дрожкахъ и вѣроятно издали еще видѣвшаго канатъ и насъ двухъ, копошившихся у фонаря. „Поспѣлъ...“ крикнулъ онъ мнѣ, видимо довольный, улыбаясь, и промчался далѣе на Тверскую-Ямскую; вслѣдъ за нимъ, ровной рысью всей тройки, проѣхалъ государь съ императрицей.

Долженъ сознаться, что когда все кончилось, я вздохнулъ свободно. Стоитъ только подумать, что было бы, если бы я не догадался запастись ножами? Мы пробовали потомъ развязать узелъ каната, на фонарѣ; работа заняла столько времени, что если бы мы вздумали дѣлать это въ минуту проѣзда, то несомнѣнно и Козлову, и государю пришлось бы остановиться, покуда мы путались.--Срамъ-то какой былъ бы; приставили генерала, да еще боевого, къ пустяшному дѣлу—канатъ снять; а онъ и этого не сумѣлъ сдѣлать... Я воспользовался моимъ успѣхомъ, чтобы пожурить и подтянуть моихъ Ѳомъневѣрныхъ, моихъ стариковъ. Но они были до того сконфужены и до того радостные, говоря: „вышло по-нашему“, что я преклонилъ гнѣвъ на милость, взявъ съ нихъ только торжественное, круговое обѣщаніе—слушать меня безпрекословно и никогда не ворчать. Восторгъ этихъ милыхъ людей былъ прямо трогательный; они уже какъ-то, точно мимоходомъ, говорили, что видѣли хорошо государя съ императрицей, а стояли особенно на томъ, что „государь *насъ* видѣлъ и всѣмъ намъ кланялся: каждому оба поклонились...“

Насталъ и послѣдній день пребыванія государя въ Москвѣ. Отъѣздъ былъ назначенъ въ Нижній, днемъ. Въ то время нижегородскій вокзалъ былъ деревянный, маленькій, стоявшій немножко отступя отъ большой улицы, ведшей изъ Москвы, такъ что, ѣдучи, изъ города, надо было завернуть налѣво въ небольшой проѣздъ упиравшійся въ вокзалъ.

Мнѣ велѣно было занять какъ разъ этотъ коротенькій проѣздъ, при чемъ указано вокзала не занимать, такъ какъ онъ будетъ, начиная съ подъѣзда, охраняться полиціей и жандармами.—Лѣвѣе меня, уже по большой улицѣ, долженъ былъ стать К. Люди мои были уже опытны и разстановка не требовала хлопотъ; отъ внимательности ихъ не ускользало ничто, и скоро ко мнѣ подошелъ Поликарпычъ, шепотомъ говоря: „батюшка, наши указываютъ, что какой-то „подозрительный" ходитъ; вонъ въ рыжемъ пиджачкѣ, въ очкахъ. Все на насъ косится". Оказался полицейскій агентъ.

Когда государь съ императрицей подъѣхали къ вокзалу, толпа народа, уже не сдерживаемая, хлынула въ дворикъ передъ подъѣздомъ. Помня приказаніе не очень показываться, я нѣсколько отсталъ, остановился за толпой и, вслѣдствіе малаго роста, видѣлъ только, какъ государь приподнялся въ коляскѣ, передъ тѣмъ чтобы выходить изъ нея, затѣмъ встала государыня; потомъ они, ступивъ на землю, естественно скрыты были отъ меня, и, наконецъ, я увидѣлъ ихъ уже на верхней площадкѣ подъѣзда, гдѣ произошла какая-то остановка; потомъ всѣ скрылись за стеклянными дверьми вокзала. Я не придалъ никакого значенія происшедшей остановкѣ, резонно, казалось мнѣ, разсуждая, что государь, вѣроятно, бесѣдовалъ съ провожавшими его лицами, но вотъ черезъ толпу пробирается очень маленькаго роста, офицеръ, брюнетъ, въ формѣ уланъ Его Величества (Варшавскихъ) въ сюртукѣ и лядункѣ [1]). Подойдя ко мнѣ и справившись о моей фамиліи, онъ сказалъ, что меня зоветъ поскорѣй генералъ Козловъ. Войдя внутрь вокзала, я увидѣлъ Козлова, который, торопливо идя мнѣ навстрѣчу, сказалъ: „Какъ это случилось?.."—„Что такое?.."—„Да развѣ ты ничего не видѣлъ?.." и когда я отвѣтилъ, что ничего не знаю, онъ мнѣ сказалъ: „Ну теперь некогда разсказывать; ступай на платформу къ князю Долгорукову [2]); онъ тебя ждетъ и тебѣ скажетъ". Предчувствуя что-то недоброе, вышелъ я на платформу. Поѣздъ былъ готовъ къ отправленію, окна закрыты; кромѣ рѣдкихъ жандармовъ, на платформѣ—ни души, и только маленькій, толстенькій князь Долгорукій, мѣрными шагами, медленно ходилъ взадъ и впе-

---

[1]) Кажется, Чебышевъ.

[2]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ.

редъ. Подойдя къ нему и назвавъ себя, я услышалъ отъ него слѣдующее: „Разберите, какъ это случилось. Кто онъ? Я серьезнаго значенія не придаю, но вы все-таки разберите и взыщите". Въ это время паровозъ свистнулъ, поѣздъ тронулся; князь и я, по привычкѣ, приложили руку къ козырьку, а затѣмъ князь исчезъ.

Что же случилось?

Происшествіе было, можно сказать, чрезвычайное.

Я сказалъ уже выше, что въ сотню рогожскихъ старообрядцевъ, находившуюся въ завѣдываніи К., принятъ былъ одинъ горожанинъ, не старообрядецъ, очень приличный съ виду, скромный молодой человѣкъ. Онъ, въ составѣ сотни, стоялъ на улицѣ при проѣздѣ государя на Нижегородскій вокзалъ и когда коляска миновала ихъ, считая свою службу конченною, бросился съ толпой къ подъѣзду. Здѣсь, желая поближе видѣть государя и государыню, онъ, какими-то судьбами, пробился на верхнюю площадку, а затѣмъ, увидѣвъ царя и царицу въ такой близости, не вытерпѣлъ, растолкалъ всѣхъ окружавшихъ и бросился передъ императрицей на колѣни. Можно себѣ представить, какой это вызвало переполохъ и испугъ: неизвѣстный человѣкъ въ сѣромъ пиджачкѣ, блѣдный отъ волненія, у самыхъ ногъ государыни—и молчитъ... Присутствовавшіе при этомъ говорили мнѣ, что государыня, шедшая впереди, отступила нѣсколько назадъ; тогда этотъ молодой человѣкъ, рыдая, протянулъ къ ней руки и, сквозь слезы, проговорилъ: „Матушка, не бойся; я изъ твоей охраны..." Императрица сейчасъ же оправилась отъ перваго впечатлѣнія, подошла къ нему и протянула ему свою руку, которую тотъ, обливаясь слезами, поцѣловалъ.—Это и была та остановка, которую я примѣтилъ, стоя внизу, за толпой.—Такъ какъ этотъ господинъ находился въ вѣдѣніи К., то я конечно, прежде всего, отыскалъ сего послѣдняго и мы сообща обсуждали дѣло.—Князь Долгорукій разрѣшилъ передать молодца въ наши руки, на нашу расправу, чему мы были конечно очень рады, такъ какъ, хотя онъ и совершилъ нѣчто весьма не похвальное, но все же подкладка его выходки и чувства, руководившія имъ, были сердечны и искренни. Созвали мы стариковъ и предложили имъ самимъ разсудить дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ былъ принятъ на службу по согласію всей сотни и за ихъ порукою; отъ взысканія же съ своей стороны—отказались, считая, что онъ достаточно уже наказанъ тѣмъ страхомъ и безпокойствомъ, которое онъ испытываетъ съ той минуты, какъ его схватили на площадкѣ и до рѣшенія, которое постановитъ сотня. Кончивъ обсужденіе, старики явились къ намъ и заявили о своемъ рѣшеніи. „Такъ какъ онъ человѣкъ еще молодой и съ собой не совладалъ, а дурного у него на умѣ ничего не было, то отъ наказанія освободить; но за глупость

и неразуміе, а также и за то, что обманулъ довѣріе людей его, въ свою среду, принявшихъ—поучить".—Да какъ же вы поучите?—спросили мы.—Старики помялись и наконецъ отвѣтили: „Соберемся всѣ у себя, да и выпоремъ". Мы однако рѣшили заступиться за виновнаго и просили, въ одолженіе намъ, порки не производить. Намъ сперва возражали, говоря, что „это ничего", и что даже онъ самъ, чувствуя свою вину, на это согласенъ; но потомъ уступили, помирившись на томъ, что онъ, передъ всей сотней, принесетъ повинную и покаянную; а сотня его проститъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день всѣхъ насъ, начальствовавшихъ надъ охраною лицъ, созвали въ одну изъ комнатъ Славянскаго Базара; пришелъ генералъ Д., который, какъ говорили, занималъ высокій постъ во всей организаціи охраны. Генералъ передалъ намъ благодарность за службу и предложилъ представить ему списки всѣхъ лицъ, числившихся въ сотняхъ, съ отмѣткой о наиболѣе потрудившихся, или бывшихъ въ какихъ-нибудь распорядительныхъ должностяхъ. Дѣлалось это для того, чтобы впослѣдствіи всѣмъ имъ раздать подарки, на память. Я, въ своемъ спискѣ, выдвинулъ болѣе другихъ Григорія Поликарповича Поликарпова, моего ревностнаго помощника.

Дѣло наше было кончено; можно было ѣхать домой, но надо было проститься съ моими сподвижниками, о чемъ и они настоятельно просили.

Пріѣхавъ въ назначенное время, я засталъ всѣхъ ихъ, собравшихся въ церкви; были и посторонніе, конечно изъ старообрядцевъ; были и семьи ихъ.—Пожелали, всѣмъ міромъ, отслужить благодарственный молебенъ, при чемъ меня поставили впереди, на виду у всѣхъ, а сами всѣ встали поодаль. Я, помня мое никоніанство, хотя и всталъ впереди, но на солею взойти не рѣшился. Батюшка служилъ очень хорошо; пѣли прихожане довольно складно, но, по старинѣ, пѣли въ носъ, гнусаво, что, для непривычнаго уха, было нѣсколько странно.—По окончаніи молебна батюшка вынесъ изъ алтаря крестъ и подошелъ ко мнѣ одному; я облобызалъ крестъ и поцѣловалъ руку священника. И самъ не ожидалъ, что это послѣднее произведетъ такое впечатлѣніе на моихъ кратковременныхъ друзей. Дѣло въ томъ, что этотъ старый и хорошій обычай, цѣловать руку у священника, пастыря, совсѣмъ почти выведенъ изъ употребленія и замѣненъ или просто поклономъ, или пожатіемъ руки. Нѣкоторые винятъ въ этомъ „батюшекъ", а я виню насъ, общество, интеллигенцію, и при этомъ

всегда вспоминаю весьма, по моему мнѣнію, поучительный эпизодъ, разсказанный Н. Лѣсковымъ въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній: „Соборяне“.—Одно изъ главныхъ, если не самое главное лицо повѣсти, симпатичнѣйшій соборный протопопъ, Савелій Туберозовъ, славился своей праведной жизнью и умными проповѣдями не только въ Старгородѣ, но и въ окрестностяхъ. Прослышала про него сосѣдняя помѣщица, боярыня Мароа Андреевна Плодомасова, особа, отличавшаяся умомъ и прямотою твердаго характера. Она пригласила его къ себѣ, и вотъ какъ разсказываетъ эту встрѣчу самъ о. Савелій, въ сказаніи Н. Лѣскова.

„— Здравствуй,—сказала она мнѣ, головы ни мало не наклоняя, и добавила:—я тебя рада видѣть.

Я въ отвѣтъ на это ей поклонился и, кажется, даже съ изрядною неловкостью поклонился.

— Поди же, благослови меня,—сказала она.

Я подошелъ и благословилъ ее, а она взяла и поцѣловала мою руку, чего я всячески намѣренъ былъ уклониться.

— Не дергай руки,—сказала она, сіе замѣтивъ.—Это не твою руку я цѣлую, а твоего сана“.

Вотъ это „твоего сана“ и врѣзалось мнѣ въ память, осмысливъ то, что я привыкъ дѣлать съ дѣтства—не осмысленно.—Упомянулъ же я объ томъ, что поцѣловалъ руку у священника, вотъ почему. По окончаніи молебна распрощался я съ моими сослуживцами по охранѣ и уходилъ отъ нихъ, провожаемый самыми сердечными, трогательными пожеланіями и словами. Постоянно слышалось „благодарствуйте...“ и за то, и за это, и вдругъ слышу: „Благодарствуйте за то, что нашего батюшку ублаготворили“.—Я сразу и не понялъ въ чемъ дѣло; спросилъ и получилъ отвѣтъ: „а какъ же; почтили, руку поцѣловали...“

Не лишнимъ нахожу отмѣтить здѣсь, что почтенный, старинный обычай цѣловать руку благословляющаго священника, цѣловать „руку сана“, въ теперешнее, полное „уничтоженія предразсудковъ“, время, незыблемо сохранился у насъ только на двухъ крайнихъ полюсахъ: въ народѣ, называемомъ „простымъ“, и то преимущественно у стариковъ,—да въ царской семьѣ [1])...

Проводить меня на вокзалъ собрались старѣйшіе изъ сотни и въ томъ числѣ Григорій Поликарповичъ. Много лѣтъ послѣ этого, со-

[1]) Оговорюсь: крайніе полюсы—только по житейскому, мірскому толкованію. *П. П.*

стоялъ я съ нимъ въ перепискѣ, а бывая случайно въ Москвѣ, заѣзжалъ въ домъ Большакова, прихода Василія Кесарійскаго, при отъѣздѣ всегда провожаемый милѣйшимъ Григоріемъ Поликарповичемъ и его семьей.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, и описанный мною эпизодъ можетъ уже получить мѣсто въ ряду моихъ воспоминаній „Изъ Прошлаго".—Читая теперь въ газетахъ отчеты о „Прѣснѣ", „Прохоровской мануфактурѣ", „Домѣ Фидлера" и друг.—вспоминаю о тѣхъ временахъ, „нѣсколько иныхъ", и невольно напрашивается вопросъ: да куда же дѣвались эти „крѣпкіе" люди?..

Такъ осуществилась, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, моя фантазія о „патрулированіи на тротуарѣ" и „обереженія государя".—Какъ члену общества, мнѣ тоже удалось „придти на помощь..." Конечно въ маломъ... По поводу этой малости, вспоминаю поговорку о корабляхъ и ихъ плаваніи: которому—большое, а которому и малое.

П. Паренсовъ.

Двадцат пятая масонская ложа союза Астреи.

Академикъ Пыпинъ считалъ въ союзѣ Астреи двадцать четыре масонскихъ ложи. Такое же число масонскихъ ложъ указано въ спискѣ членовъ союза Астреи на 1820—1821 г. (Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 1820/21). Между тѣмъ, какъ сообщилъ мнѣ Н. Лернеръ, А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ кишиневской масонской ложѣ № 25. Н. Лернеръ къ этому вопросу подходилъ съ точки зрѣнія причастности къ масонству Пушкина. Мнѣ же, съ точки зрѣнія исторіи масонства въ Россіи, крайне важно также и то, что кишиневская ложа была занумерована подъ нумеромъ 25-мъ. Это означаетъ, что *масонская ложа въ Кишиневѣ примкнула къ союзу Астреи, принявъ въ немъ 25-й нумеръ, при чемъ самое присоединеніе къ союзу произошло почти наканунѣ оффиціальнаго закрытія масонства,* такъ какъ иначе ложа была бы упомянута въ спискѣ на 1820/21 г.

Тира Соколовская.

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія [1]).

II.

Извѣстія, сообщаемыя М. Бестужевымъ со времени его прибытія въ Стокгольмъ, были утѣшительнаго свойства и позволяли надѣяться на болѣе или менѣе успѣшное выполненіе задуманной программы. Судя по этимъ извѣстіямъ, общественное мнѣніе въ Швеціи совершенно иначе относилось въ это время къ идеѣ сближенія съ Россіей, чѣмъ правительственныя сферы Даніи. Сочувственное отношеніе къ подобной идеѣ обусловливалось, впрочемъ, не столько искреннимъ желаніемъ поддержать герцога голштинскаго въ его притязаніяхъ, сколько недовѣріемъ къ затаеннымъ проискамъ короля Фридриха.

Нелюбимый въ народѣ и располагавшій крайне незначительною партіею въ Сенатѣ—къ серединѣ 1722 г. на его сторонѣ были только двое сенаторовъ: Таубе и Эккеблатъ—бездѣтный король упорно старался упрочить шведскій престолъ за своимъ братомъ, находя въ этомъ поддержку какъ со стороны своего отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, такъ и со стороны своей супруги, отказавшейся 1720 г. отъ престола королевы Ульрики-Элеоноры [2]). Онъ все недовѣрчивѣе и недовѣрчивѣе начинаетъ поэтому относиться съ этого

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1907 г.

[2]) Инструкція М. Бестужеву 20-го нояб. 1721 г. и „добавка“ къ ней 6 дек. г. г.—Дѣла шведскія 1721, № 11.

времени къ русскому царю, взявшему на себя роль защитника голштинскихъ интересовъ, и все рѣшительнѣе склоняется къ сближенію съ Англіей и ея королемъ Георгомъ.

Склонное объяснять крайне тяжелый для Швеціи исходъ Сѣверной войны недостаточно энергичною поддержкою со стороны Англіи, шведское общество, съ своей стороны, довольно сдержанно относилось къ мысли о сближеніи съ Англіей, усматривая въ подобномъ сближеніи все тѣ же династическіе происки. Эти происки возбуждали къ себѣ несочувствіе какъ со стороны приверженцевъ герцога голштинскаго, такъ и со стороны искреннихъ защитниковъ statu quo новаго шведскаго государственнаго устройства. Король Фридрихъ стоялъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ коалиціей двухъ партій, противоположность политическихъ программъ которыхъ заслонялась до поры до времени общностью ихъ ближайшихъ интересовъ, и которыя, въ противоположность политики короля, выдвигали идею сближенія Швеціи съ Россіей. Тогда же, однако, М. Бестужевъ успѣлъ подмѣтить, что большинство этой коалиціи составляли искренніе „республиканцы", тогда какъ сторонники герцога лишь скрывали до поры до времени свои настоящія стремленія, маскируя ихъ оппозиціей династической политикѣ короля и защитою существующаго режима. Главной республиканской фракціи въ этой коалиціи являлся гр. Арведъ Бернгардъ Горнъ; голштинскія стремленія находили себѣ твердую опору въ лицѣ Іосіи Цедергельма, Даніила-Никласа Генкена, гр. Морица Велинга, Тессина, Дикера и Делагарди.

Заботясь объ упроченіи добрыхъ отношеній между Россіей и Швеціей и стремясь парализовать въ Швеціи англійское вліяніе, русская дипломатія могла, такимъ образомъ, разсчитывать, до извѣстной степени, на благопріятную почву въ Стокгольмѣ. Въ силу сложившихся къ данному моменту обстоятельствъ, ей приходилось, однако, строить свои разсчеты не столько на симпатіяхъ „республиканцевъ", чья программа, по существу, скорѣе соотвѣтствовала русскимъ интересамъ, сколько на небезкорыстномъ расположеніи къ Россіи голштинской партіи, вовлекавшей ее на скользкій путь политики приключеній.

Къ первымъ предложеніямъ М. Бестужева о герцогѣ король отнесся, повидимому, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и сдѣлалъ, съ своей стороны, попытку отдѣлить русскія требованія отъ голштинскихъ и, удовлетворивъ въ скромныхъ размѣрахъ тѣ и другія, добиться удаленія герцога изъ Петербурга. Слухи о готовности Россіи заступиться за герцога, сдѣлавшіеся къ этому времени модною темою свѣтскихъ разговоровъ въ Стокгольмѣ, а быть можетъ, и извѣстія о новыхъ вооруженіяхъ царя на Балтійскомъ морѣ, цѣль кото-

рыхъ еще недостаточно выяснилась, вынудили, однако, его пойти на уступки [1]). Черезъ гессенъ-кассельскаго министра въ Швеціи Дитмара М. Бестужеву было сообщено о готовности короля примириться съ герцогомъ, разъ послѣдній пришлетъ въ Швецію своего представителя и загладитъ свои прежніе поступки. Это не должно было, однако, предрѣшать вопроса о признаніи за герцогомъ королевскаго титула, равно какъ и другого—о времени прибытія въ Швецію голштинскаго уполномоченнаго—до или послѣ предполагавшагося на 1723 г. сейма.

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то король, повидимому, готовъ былъ сослаться на невозможность рѣшить этотъ вопросъ помимо сейма. Настаивая, съ другой стороны, вначалѣ на немедленномъ прибытіи уполномоченнаго отъ герцога, онъ, быть можетъ, въ виду того оживленія, какое стало замѣчаться среди голштинской партіи, вскорѣ началъ находить неудобнымъ его появленіе въ Стокгольмѣ въ горячее время собранія народныхъ представителей. Въ такомъ духѣ онъ высказался въ ноябрѣ мѣсяцѣ передъ М. Бестужевымъ, когда у нихъ зашелъ разговоръ о голштинскихъ притязаніяхъ. Подобное разрѣшеніе вопроса не соотвѣтствовало, однако, видамъ русскаго правительства. Политическая жизнь въ Швеціи періодически оживлялась во время сеймовъ, и голштинскій уполномоченный именно въ данный моментъ могъ быть особенно полезенъ М. Бестужеву. Что касается сейма 1723 г., то онъ обѣщалъ быть въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ. Можно было ожидать, что во время его сессіи выяснятся болѣе опредѣленно абсолютистическія стремленія самого короля. Тотъ оборотъ, какой приняли бы дѣла на сеймѣ, могъ такъ или иначе отразиться и на русскихъ интересахъ, и на вопросѣ о признаніи за герцогомъ королевскаго титула. Медлить не приходилось. Когда въ Стокгольмѣ король выражалъ М. Бестужеву свое нежеланіе видѣть голштинскаго уполномоченнаго ранѣе окончанія сессіи, въ Петербургѣ этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ. Письмомъ отъ 17-го ноября Петръ Великій распорядился предписать М. Бестужеву содѣйствовать ѣдущему въ Швецію гр. Бассевицу въ его переговорахъ со шведскимъ правительствомъ. Сеймъ въ Стокгольмѣ собрался въ на-

---

[1]) Первое предложеніе было сдѣлано М. Бестужевымъ однимъ только Горну, Гилленборгу и Гепкену. На другой день, однако, оно стало извѣстно всему городу „черезъ ихъ женъ, понеже дамы здѣшнія всѣ до единой партіи герцоговой“ (реляц. 21-го и 28-го марта 1722 г.). Съ своей стороны, король черезъ Кампредона выражалъ свое согласіе признать за Петромъ императорскій титулъ, разъ съ русской стороны будетъ дано обѣщаніе не вступать ни въ какія обязательства съ герцогомъ, и послѣдній оставитъ Петербургъ. Эти предложенія были отвергнуты.—Рескриптъ М. Бестужеву 22-го іюня 1722 г.

чалѣ января 1723 г.; одновременно съ этимъ гр. Бассевицъ покинулъ Петербургъ.

Согласившись на поѣздку гр. Бассевица въ Стокгольмъ, русское правительство, тѣмъ самымъ, окончательно связывало свою политику съ политикою сторонниковъ герцога, и въ своихъ интересахъ шло на ускореніе разрѣшенія голштинскаго вопроса въ Швеціи. Самая мысль о посылкѣ представителя герцога въ Стокгольмъ исходила, однако, не изъ русскихъ, но изъ голштинскихъ сферъ и прежде всего отъ самого Бассевица. Эта мысль стояла въ связи съ его планами, далеко выходившими за тѣ предѣлы, въ какихъ русское правительство соглашалось бы поддерживать герцога, разъ оно не хотѣло само стать орудіемъ въ рукахъ голштинской дипломатіи.

Архивныя данныя и современныя научныя изслѣдованія позволяютъ въ настоящее время придать нѣсколько иное освѣщеніе голштинской политикѣ 1722 и нач. 1723 гг. сравнительно съ тѣмъ, какое придаетъ ей самъ ея вдохновитель гр. Бассевицъ, умалчивающій объ истинныхъ мотивахъ, руководившихъ имъ во время его пребыванія въ Стокгольмѣ, и усиленно подчеркивающій лойальность и корректность герцога въ его отношеніяхъ къ шведской націи и королю Фридриху [1]). Въ общеевропейскихъ дипломатическихъ комбинаціяхъ кроется, какъ извѣстно, объясненіе, почему гр. Бассевицъ пытался на первыхъ порахъ придать своимъ замысламъ довольно безобидную форму примиренія своего государя съ правившимъ въ Швеціи королевскимъ домомъ.

Видимо старавшаяся возродить свое былое значеніе въ Европѣ, Франція въ 1723 г. дѣлала вполнѣ опредѣленныя попытки привлечь на свою сторону Россію. Миссіей Кампредона, перенесшаго съ конца 1721 г. свою дѣятельность изъ Стокгольма въ Петербургъ, на ряду съ

---

[1]) „Eclaircissemens"... 353—373. Наше собственное изложеніе основывается, главнымъ образомъ, на реляціи датскаго резидента въ Петербургѣ Вестфалена отъ 18 (29) сент. 1723 г. (Государств. архивъ въ Копенгагенѣ), заключающей въ себѣ обстоятельный разсказъ о голштинскихъ проискахъ за данное время въ Петербургѣ. Достовѣрность сообщаемыхъ Вестфаленомъ свѣдѣній подтверждается оффиціальными документами М. А. М. И. Д. Говоря исключительно о голштинскихъ интригахъ въ Швеціи, Вестфаленъ, какъ это ни странно, ни словомъ не обмолвливается о томъ, какъ въ эти интриги входилъ и шлезвигскій вопросъ, намеки на что находятся, какъ у самого Бассевица, такъ и въ другихъ источникахъ— главнымъ образомъ, въ реляціяхъ М. Бестужева. Связь происковъ Бассевица съ политикою другихъ европейскихъ державъ, прежде всего Франціи, даетъ Malmström (op. cit. 354—358). Для характеристики общеевропейскаго международнаго положенія въ данный моментъ -Droysen Geschichte d. preus. Politik, IV, 2; 335, 336 и Recueil des instructions aux ambassadeurs de France, VIII, 1; 233—263.

заботами о заключеніи союза между обѣими державами, было точно также стараніе упрочить добрыя отношенія между Россіей, взявшей подъ свое покровительство герцога голштинскаго, и старою союзницею Франціи, Швеціею. Продолжая свои прежнія домогательства, Бассевицъ задумалъ теперь воспользоваться, какъ орудіемъ, французскою дипломатіею и въ концѣ 1721 г. предложилъ Кампредону быть посредникомъ въ примиреніи герцога съ королемъ Фридрихомъ, что должно было, въ свою очередь, содѣйствовать установленію согласія между Россіей и Швеціей, и что на первыхъ порахъ встрѣтило сочувствіе не только со стороны самого короля, но и его отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, близко принимавшаго къ сердцу интересы въ Швеціи своей династіи. Къ іюлю 1722 г. на этой почвѣ, при посредствѣ Кампредона, состоялось формальное предварительное соглашеніе, и дальнѣйшія старанія Бассевица съ этого момента направились на то, чтобы устроить свою собственную поѣздку въ Стокгольмъ и добиться на это оффиціальной санкціи русскаго правительства. Эти старанія, какъ мы сейчасъ видѣли, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Очень скоро, однако, замыслы Бассевица приняли болѣе рискованный характеръ съ точки зрѣнія шведскихъ, да пожалуй и общеевропейскихъ интересовъ.

Династическій, а въ связи съ нимъ, быть можетъ, и политическій переворотъ въ Швеціи въ ближайшемъ будущемъ, безъ сомнѣнія, входилъ въ данный моментъ въ эти замыслы. Требованіе для герцога королевскаго титула и признаніе за нимъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, о чемъ Бассевицъ велъ рѣчь съ Кампредономъ и что онъ выставлялъ цѣлью своей миссіи въ Стокгольмѣ, должно было, въ дѣйствительности, послужить, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или предлогомъ, или первымъ шагомъ къ подобному перевороту, который Вестфаленъ сравниваетъ съ переворотомъ 1568 г., передавшимъ корону изъ рукъ Эрика XIV въ руки Іоанна III. Нерасположеніе, сильное въ шведскомъ обществѣ къ королю и еще болѣе къ королевѣ, представительницѣ младшей линіи цвейбрюкенскаго дома, должно было способствовать осуществленію подобнаго замысла, а обострившіяся къ этому времени отношенія между сословіями создавали, казалось, въ свою очередь, благопріятный для этого моментъ. Идея династической уніи, промелькнувшая было въ проектѣ Штамбке, получила теперь нѣсколько иную постановку. Продолжая хлопотать о бракѣ герцога съ одною изъ дочерей царя и настаивая на открытомъ обѣщаніи Россіи поддерживать антикоролевскую партію въ Швеціи, Бассевицъ, раздѣляя въ принципѣ вполнѣ идею русско-шведскаго союза, готовъ былъ въ данный моментъ идти даже на разрывъ между обѣими державами, разъ подобный исходъ дѣла могъ бы содѣйствовать въ будущемъ болѣе

тѣсному между ними соглашенію. Заботясь, съ другой стороны, о русско-шведскомъ соглашеніи, Бассевицъ не упускалъ изъ виду и притязаній герцога на Шлезвигъ, о чемъ и заводилъ не разъ рѣчь во время своихъ разговоровъ со шведскими сенаторами.

Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, гр. Бассевицъ съ неустанною энергіею создавалъ одинъ за другимъ планы территоріальнаго удовлетворенія герцога, прямое продолженіе его плановъ 1715—1720 гг. Направленные, прежде всего, противъ Даніи, всѣ эти планы затрогивали въ то же время интересы остальныхъ сѣверныхъ державъ и, переплетаясь съ другими вопросами русской политики, придавали самому шлезвигскому вопросу нежелательную съ русской точки зрѣнія постановку. То герцогъ долженъ былъ получить удовлетвореніе изъ мекленбургскихъ владѣній, взамѣнъ за что герцогу мекленбургскому должна была быть отдана Курляндія; то эквивалентомъ за Шлезвигъ—и этотъ проектъ особенно развивался въ голштинскихъ сферахъ—должны были послужить германскія владѣнія англійскаго короля, Бременъ и Верденъ, взамѣнъ за которыя этому послѣднему Данія должна была уступить графства Ольденбургъ и Дальмонгорстъ.

Въ то время, какъ въ Стокгольмѣ агитировалъ въ такомъ духѣ Бассевицъ, въ Петербургѣ съ русскимъ правительствомъ велъ переговоры Штамбке. Сообщая объ успѣхахъ голштинской партіи въ Швеціи и о надеждѣ друзей герцога добиться для него въ теченіе этой же сессіи сейма признанія его наслѣдственныхъ правъ, онъ подалъ 13-го апрѣля промеморію, въ которой настаивалъ на необходимости тотчасъ же провозгласить герцога женихомъ одной изъ дочерей царя, двинуться съ флотомъ къ шведскимъ берегамъ, энергично настаивать на удовлетвореніи герцогскихъ претензій и теперь же войти въ соглашеніе со Швеціей по поводу Шлезвига [1]).

Всѣ эти происки, при наличности сочувствія къ нимъ со стороны отдѣльныхъ представителей петербургскаго кабинета, могли бы значительно осложнить дѣло русской политики на Балтійскомъ морѣ. Это случилось, однако, нѣсколько позднѣе. Въ данный моментъ обстоятельства складывались для голштинской дипломатіи не особенно благопріятно. Сторонниковъ у гр. Бассевица въ Петербургѣ, правда, было немало; лишь немногіе изъ нихъ, однако, имѣли какое-либо рѣшающее вліяніе на русскую политику. Въ большинствѣ случаевъ это были тѣ

---

[1]) Дѣла Голштинскія 1723 г. Эта послѣдняя мысль—о давленіи на Швецію путемъ военной угрозы — въ это время все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ укрѣпляться въ голштинскихъ дипломатическихъ кругахъ. Проектъ морской экспедиціи, предполагавшейся, дѣйствительно, на лѣто 1723 г., стоялъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ связи со всѣми этими происками.

же иностранцы—норвержцы, шведы, англичане и шотландцы,—не примирившіеся съ порядками, установившимися на ихъ родинѣ, и нашедшіе себѣ пріютъ на русской службѣ. Болѣе солидную поддержку встрѣчалъ гр. Бассевицъ со стороны царицы и нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ, какъ, напр., Толстого, отчасти Ягужинскаго, но главнымъ образомъ Шафирова, хотя сочувствіе послѣдняго голштинскимъ интересамъ зиждилось и не на особенно прочныхъ основахъ.

Характеристика дипломатической программы Шафирова во всемъ ея объемѣ не входитъ въ задачу настоящей работы. Здѣсь надо лишь отмѣтить, что восточный вопросъ, обострившійся съ новою силою послѣ Ништадскаго мира, занималъ въ это время центральное мѣсто въ программѣ Шафирова и тѣмъ самымъ отвлекалъ до извѣстной степени его вниманіе отъ того, что происходило одновременно съ этимъ на Балтійскомъ морѣ. Являясь сторонникомъ скорѣе агрессивной политики въ Турціи, Шафировъ очередную задачу Россіи видѣлъ, прежде всего, въ гарантіи совершенныхъ уже завоеваній и пріобрѣтеній. Предупредить возможность какого бы то ни было новаго столкновенія, которое такъ или иначе грозило бы поставить на очередь вопросъ о новыхъ русскихъ пріобрѣтеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, представлялось поэтому для него особенно необходимымъ. Общими дипломатическими соображеніями обусловливалось отношеніе Шафирова и къ голштинскому вопросу. Этотъ вопросъ былъ для него, главнымъ образомъ, вопросъ о достоинствѣ Россіи, какъ новой европейской державы: русское правительство должно, прежде всего, съ честью выйти изъ взятыхъ на себя обязательствъ передъ герцогомъ. Меньше значенія придавалъ Шафировъ голштинскому вопросу, какъ оружію въ очередныхъ вопросахъ балтійской политики. Ушедшій въ сложныя дипломатическія комбинаціи, принимая во вниманіе и новое положеніе Россіи въ Европѣ и ея интересы на Востокѣ, Шафировъ отодвигалъ на второй планъ задачи балтійской политики и былъ готовъ порою и на бо́льшую уступчивость передъ Даніей въ зундскомъ вопросѣ и большее участіе къ герцогу голштинскому, разъ это могло содѣйствовать осуществленію его политической программы во всемъ ея объемѣ. Какъ бы то ни было, паденіе Шафирова (февраль 1723 г.) должно было причинить не мало огорченія друзьямъ герцога голштинскаго; мѣсто его занялъ болѣе осторожный и менѣе сговорчивый и склонный на какія-либо уступки Остерманъ.

Съ 1723 года это имя все чаще и чаще начинаетъ упоминаться въ донесеніяхъ иностранныхъ посланниковъ изъ Петербурга. Большинство отзывовъ о личномъ характерѣ Остермана вполнѣ согласны между собою. Всегда необходимый для дѣла, Остерманъ, повидимому, мало кѣмъ былъ искренно любимъ внѣ своего узкаго семейнаго круга. Крайняя замкнутость въ частной жизни и двуличіе въ дѣловыхъ

отношеніяхъ были, какъ кажется, главными тому причинами [1]). Остерманъ всегда оставался чужимъ среди высшей русской знати, чему отчасти способствовала врожденная ему скупость, черта характера, зачастую отмѣчаемая въ немъ современниками. Стоявшій особнякомъ среди сотрудниковъ Петра, онъ вѣрно служилъ дѣлу этого послѣдняго. Будучи скупъ, онъ отличался крайнею неподкупностью, и современники затруднялись назвать ту или другую державу, интересамъ которой Остерманъ сознательно и по корыстнымъ соображеніямъ приносилъ бы въ жертву интересы Россіи. Врядъ-ли вообще способный на искреннее національное чувство, онъ, конечно, смотрѣлъ на свою государственную дѣятельность, въ значительной степени, какъ на извѣстную взятую имъ на себя обязанность, добросовѣстно выполнить которую его заставляли, прежде всего, его собственные интересы. Приблизившись къ Петру Великому и втянутый въ его работу, онъ, какъ европеецъ, однако, искренно былъ увлеченъ дѣломъ этого послѣдняго. Петровская программа въ области внѣшней политики, къ которой Остерманъ близко стоялъ еще въ послѣдніе годы сѣверной войны, сознательно имъ теперь воспринимается и постепенно дѣлается какъ бы его собственною программою. Умъ ясный и отчетливый, Остерманъ не столько отличался творческими способностями, сколько умѣніемъ всегда вѣрно понять положеніе даннаго момента и, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, поставить себѣ вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ достижимыя цѣли. Къ идеѣ русско-шведскаго сближенія Остерманъ относился сочувственно уже давно—если не со времени Полтавской побѣды, то, во всякомъ случаѣ, со времени Аландскаго конгресса; подобное сближеніе далеко не отождествлялось, однако, въ его представленіи съ принесеніемъ русской политики въ жертву голштинскимъ притязаніямъ и фантазіямъ гр. Бассевица [2]). Сдержанность Остермана должна была въ данномъ случаѣ особенно огорчать голштинскаго дипломата; эта сдер-

---

[1]) „Es ist in dergleichen Dingen auf gnd. hr. Ostermann's Discurse nicht viel zu bauen, sondern viel-mehr das Gegentheil von dem zu glauben, was er deshalb sagt“.—Королевскій рескр. бар. Мардефельду 17-го февраля 1723 г. по поводу увѣренія Остермана, что Россія не ведетъ никакихъ переговоровъ о союзѣ съ Франціей (Берлинъ, Государств. Архивъ, Russland, 1721 г., № 26).

[2]) Опредѣлить характеръ личныхъ симпатій, какъ и выдѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степень личнаго вліянія Остермана, вообще, не легко. Тѣмъ цѣннѣе поэтому становятся отдѣльные намеки, проливающіе свѣтъ на эти симпатіи. По подобнымъ намекамъ можно предполагать, что и къ голштинскимъ проектамъ Остерманъ въ 1723 г. относился довольно сдержанно: Бассевицъ въ письмѣ къ нему отъ 1 (12) іюля этого года жалуется, что онъ въ перепискѣ съ нимъ „nicht über Affaires sich entlässet“.—Дѣла голштинскія 1723 г.

жанность не только являлась вѣрнымъ показателемъ, но и сама, въ значительной степени, опредѣляла отношеніе къ голштинскимъ замысламъ самого русскаго правительства [1]).

Есть, впрочемъ, извѣстіе, что еще до паденія Шафирова рознь въ самихъ голштинскихъ правительственныхъ сферахъ и недовѣріе нѣкоторыхъ изъ совѣтниковъ герцога къ Бассевицу и его политикѣ приключеній оказались, въ данномъ случаѣ, на руку русскому правительству. Передъ отъѣздомъ Бассевица въ Стокгольмъ, по настоянію его главнаго соперника, Геспена, между русскими и голштинскими министрами состоялась еще одна конференція. На этой конференціи удалось добиться съ голштинской стороны признанія, что герцогу безразлично, будетъ ли онъ впослѣдствіи избранъ на шведскій престолъ, или за нимъ теперь же будетъ признано наслѣдственное право на шведскую корону, и что онъ рѣшился не подымать этого вопроса во время ближайшаго шведскаго сейма. Съ русской стороны, въ свою очередь, категорически было заявлено, что царь, вѣроятно, не откажется отъ своего обѣщанія выдать за герцога одну изъ своихъ дочерей, но что рѣшить этотъ вопросъ окончательно до его возвращенія трудно; что же касается Шлезвига, то Россія не обязывалась добиваться возвращенія этой области герцогу или выдачи ему за нее эквивалента, но только согласилась поддерживать подобнаго рода тре-

[1]) Ученикъ во многихъ отношеніяхъ Петра Великаго, благодаря отчетливости своего ума, Остерманъ уже въ это время нерѣдко являлся активнымъ помощникомъ русскаго правительства, формулируя въ ясныхъ положеніяхъ то, что чувствовалось самимъ царемъ, и даже, быть можетъ, подсказывая порою этому послѣднему тѣ выводы, на которыхъ онъ еще не остановился. Самъ съ своими взглядами Остерманъ оставался, однако, всегда на заднемъ планѣ, предпочитая занимать это мѣсто какъ при жизни Петра Великаго, такъ и послѣ его смерти. При Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ остермановскія „мнѣнія не въ указъ“ получаютъ значеніе правительственныхъ резолюцій; изъ его помѣтокъ на поляхъ польскихъ реляцій—зачастую даже безъ редакціонныхъ измѣненій—слагаются рескрипты и инструкціи, опредѣляющіе всю внѣшнюю политику Россіи. Самого Остермана не видно. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ обыкновенно не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько старается навести на него, давъ исчерпывающее и, повидимому—но только повидимому—безпристрастное изложеніе даннаго вопроса. Въ своихъ письмахъ-инструкціяхъ къ русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, онъ какъ-будто предоставляетъ послѣднимъ много самостоятельности и въ то же самое время незамѣтно увлекаетъ ихъ въ свою собственную политическую систему. Такой же тактики, и не безъ успѣха, держался онъ уже съ самаго начала своей самостоятельной дипломатической карьеры. Могучая натура великаго царя наложила, конечно, свой индивидуальный отпечатокъ на внѣшнюю политику Россіи, какъ вообще на всю правительственную дѣятельность того времени. Но и въ это время Остерманъ не былъ уже простымъ исполнителемъ чужой воли и чужихъ стремленій.

бованія, разъ таковыя будутъ кѣмъ-либо предъявлены, чего, однако, до настоящаго времени не случилось [1]).

Къ январю 1723 г., когда въ Стокгольмѣ началась сессія шведскаго сейма, вопросъ о поддержкѣ въ Швеціи голштинскихъ притязаній, какъ средствѣ установить болѣе тѣсное соглашеніе между обѣими державами, въ Петербургѣ былъ рѣшенъ, такимъ образомъ, окончательно въ положительномъ смыслѣ. Какъ само русское правительство, такъ и его представитель въ Швеціи, М. Бестужевъ къ краснорѣчивымъ увѣреніямъ гр. Бассевица о популярности имени герцога среди шведскаго населенія и къ тому аггрессивному характеру, какой принимала въ мечтаніяхъ названнаго министра голштинская программа на 1723 годъ [2]), продолжали, однако, первое время относиться довольно сдержанно. И только, когда на сеймѣ выяснились отношенія между отдѣльными шведскими политическими партіями и короною, русское правительство укрѣпилось въ мысли избрать тотъ путь, какой въ своихъ собственныхъ цѣляхъ рекомендовали ему и шведскіе приверженцы герцога, и его дипломаты — путь вооруженной угрозы, предпринимаемой якобы въ защиту шведской вольности отъ абсолютистическихъ и династическихъ происковъ при-

---

[1]) Объ этой конференціи сообщаетъ Вестфаленъ въ своей реляціи отъ 16-го (27-го) ноября 1722 г. Она состоялась между Шафировымъ, Остерманомъ, Бассевицемъ и Геспеномъ. Называя послѣдняго ея иниціаторомъ, Вестфаленъ добавляетъ: „le dessein de Hespen... etant sans doute d'ouvrir a Son Majesté les yeux sur le veritable etat, dans leque mr. Bassevitz lui laisse ici les affaires". На основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не представляется возможности отчетливо выяснить, какова была причина и сущность розни среди приближенныхъ герцога голштинскаго. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ Вестфалена (его реляц. 9-го дек. 1722 г.), главными соперниками гр. Бассевица были Геспенъ, ванъ-деръ-Наттъ и Армфельдъ. Всѣ эти лица не могли простить гр. Бассевицу прошлаго—интригъ противъ Герца, и старались очернить его въ глазахъ герцога, выставляя его якобы недостаточно внимательное отношеніе къ вопросу о Шлезвигѣ. Состоявшаяся по иниціативѣ Геспена конференція 16-го ноября 1722 г., быть можетъ, также стояла въ какой-либо связи со всѣми этими счетами. Быть можетъ, съ другой стороны, навстрѣчу стараніямъ Геспена шла активная поддежка со стороны Остермана, всегда бывшаго нѣсколько насторожѣ противъ излишней горячности и требовательности Бассевица (срав. реляц. Кампредона 13-го ноября 1722 г. Сб. XLIX, 257).

[2]) Мысль о переворотѣ создалась у Бассевица еще до его пріѣзда въ Стокгольмъ, независимо отъ болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Швеціи и взаимными отношеніями отдѣльныхъ политическихъ партій. Она зародилась въ его головѣ еще въ Россіи, и съ нею онъ отправился въ путь, скоро позабывъ о тѣхъ обѣщаніяхъ, какими связалъ себя на послѣдней конференціи съ Шафировымъ и Остерманомъ. Уже въ своихъ путевыхъ письмахъ изъ Финляндіи къ Геспену и Штамбке, предупредительно сообщаемыхъ этими послѣдними русскому правительству, онъ краснорѣчиво описывалъ недовольство

дворной партіи. Этотъ маневръ, поколебавъ въ Швеціи шансы самого герцога и заронивъ зерно недовѣрія къ его приверженцамъ со стороны болѣе послѣдовательныхъ представителей такъ называемой республиканской партіи, содѣйствовалъ, тѣмъ не менѣе, заключенію въ февралѣ 1724 года между Россіей и Швеціей оборонительнаго союзнаго договора. Перипетіи предварительныхъ переговоровъ и та окончательная редакція, въ какую этотъ договоръ отлился, стоятъ, опять-таки, въ тѣсной связи съ русско-голштинскими отношеніями.

Въ спеціальной инструкціи М. Бестужеву отъ 7-го декабря 1722 г. и нѣкоторыхъ дополняющихъ ее рескриптахъ обстоятельно развита руководящая точка зрѣнія русскаго правительства. Сохраняя прежнюю сдержанность къ голштинскимъ претензіямъ, петербургскій кабинетъ постоянно выдвигаетъ здѣсь, какъ самостоятельную цѣль, „наивящее упроченіе" дружбы и согласія между Швеціей и Россіей. Выражая принципіальное сочувствіе признанію за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, русское правительство рекомендуетъ, однако, своему уполномоченному соблюдать въ данномъ случаѣ особую осторожность, поддерживать оффиціально лишь притязанія герцога на королевскій титулъ и предпочитаетъ не только вовсе не вмѣшиваться въ вопросъ о его наслѣдственныхъ правахъ, „ежели ни съ которой, а особливо съ королевской стороны на сеймѣ о наслѣдіи домогательства учинено не будетъ", но даже удерживать въ подобномъ случаѣ отъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ поступковъ самого Бассевица. Сохраненіе въ Швеціи существующей формы правленія, нарушеніе которой грозило бы усиленіемъ нежелательнаго съ русской точки зрѣнія по своимъ германскимъ и прежде всего ганноверскимъ отношеніямъ гессенъ-кассельскаго вліянія, рисовалось для русскаго правительства болѣе очередною задачею, чѣмъ поддержка во что бы то ни стало голштинскихъ требованій. Въ про-

---

финскаго населенія существующимъ режимомъ, его симпатіи къ герцогу, мѣропріятія шведскаго правительства, наносящія матеріальный ущербъ мѣстнымъ жителямъ и вредно отражающіяся на экономическихъ интересахъ Россіи. Предусматривая необходимость держаться въ ближайшемъ будущемъ болѣе рѣшительной политики въ Стокгольмѣ, голштинскіе дипломаты не упускали, такимъ образомъ, случая открыть передъ русскимъ правительствомъ соблазнительную перспективу дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ сѣверо-западнаго сосѣда. (Соотвѣтствующія письма гр. Бассевица — въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; Дѣла голштинскія 1723 г.; на нѣкоторыхъ изъ нихъ рукою Остермана помѣчено: „Вѣдомости изъ Швеціи, сообщенныя отъ голштинскихъ министровъ Геспена и Стамбкена 1723 г., о нихъ на словахъ Его Императорскому Величеству донесено въ домѣ канцлера").

тивовѣсъ королевскимъ стремленіямъ вступить въ болѣе тѣсное соглашеніе съ Англіей и Даніей, М. Бестужеву предписывалось обнадежить шведское министерство въ искреннемъ желаніи Россіи „имѣющуюся дружбу... не токмо впредь всегда содержать, но оную и вяще умножить"; а въ виду возможныхъ попытокъ—опять-таки со стороны короля—нарушить существующую форму правленія ему предлагалось „трудиться изъ чиновъ королевства шведскаго собрать партію изъ доброжелательныхъ отечеству своему патріотовъ, которые желаютъ видѣть оную форму правительства ненарушиму и склонить оныхъ, чтобъ они короля до такого вредительнаго всему ихъ королевству намѣренія достигнуть не допускали". И Бестужевъ уполномачивался обнадежить „доброжелательныхъ патріотовъ" оффиціальнымъ увѣреніемъ въ томъ, что Россія „по силѣ вѣчнаго трактата ихъ въ потребномъ случаѣ сильнымъ своимъ вспоможеніемъ не оставитъ, дабы форма ихъ правительства по тому мирному трактату въ своей силѣ ненарушима осталась [1]).

Основная точка зрѣнія на голштинскій вопросъ самого М. Бестужева, въ общемъ, была вполнѣ солидарна съ указанною точкою зрѣнія русскаго правительства. Хорошо освѣдомленный во взаимныхъ отношеніяхъ шведскихъ политическихъ партій, онъ не ожидалъ, однако, на первыхъ порахъ какого-либо активнаго вмѣшательства въ дѣла внутренней и внѣшней политики со стороны королевской партіи и, признавая голштинскія притязанія пригоднымъ средствомъ для русской политики, не предвидѣлъ, поэтому, возможности воспользоваться этимъ средствомъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ [2]). Не довѣряя вообще проектамъ Бассевица, Бестужевъ въ еще большей степени, чѣмъ петербургскій кабинетъ, обнаруживалъ крайне недовѣрчивое отношеніе къ политической дѣятельности и личному поведенію голштинскаго министра въ Стокгольмѣ. Подъ предлогомъ содѣйствія онъ зачастую старался связать ему руки и предупредить какое-либо активное или преждевременное вмѣшательство съ его стороны въ дѣла внутренней шведской политики.

---

[1]) То же пожеланіе дружбы и тѣснѣйшаго сближенія со Швеціей подчеркивается во всѣхъ грамотахъ Петра Великаго къ шведскому королю за это время (Дѣла Шведскія 1723 г. № 1). Вообще, никакую другую державу не старались въ это время такъ ревниво удержать отъ сближенія съ кѣмъ бы то ни было, какъ Швецію, и ни передъ кѣмъ не были такъ щедры на обѣщанія, какъ передъ стокгольмскимъ дворомъ, когда начались уже формальные переговоры о союзѣ. Изучая эти переговоры, по тону рескриптовъ М. Бестужеву и его отвѣтныхъ реляцій, невольно чувствуешь, что здѣсь—основной узелъ балтійской политики Петра Великаго послѣднихъ лѣтъ его царствованія, завязанный не случайно и, конечно, уже не руками голштинскихъ дипломатовъ.

[2]) Реляц. 18 февр. и 13 мая 1723 г.

Игнорируя голштинскіе интересы, поскольку они не могли быть пущены въ ходъ, какъ орудіе въ рукахъ русской дипломатіи, Бестужевъ обнаруживалъ, съ другой стороны, ясное пониманіе политическихъ задачъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, во многомъ тождественное съ пониманіемъ этихъ задачъ его братомъ Алексѣемъ. Видимо не случайно, но въ полномъ согласіи съ послѣднимъ, дѣйствуетъ онъ, возвращаясь нѣсколько разъ въ своихъ реляціяхъ къ зундскому вопросу, поскольку этотъ вопросъ могъ быть затронутъ имъ въ предѣлахъ его собственной задачи. Мысль о совмѣстной политической дѣятельности братьевъ Бестужевыхъ напрашивается сама собою при сопоставленіи реляцій за это время того и другого изъ Копенгагена и Стокгольма [1]).

Мнѣніе о пассивномъ характерѣ личной политики короля на открывшемся сеймѣ очень скоро оказалось черезчуръ оптимистичнымъ, и разыгравшіяся событія поставили и М. Бестужева, и само русское правительство въ необходимость тѣснѣе, чѣмъ это входило въ ихъ первоначальные разсчеты, связать свою собственную политику съ политикою всѣхъ противниковъ гессенъ-кассельскихъ династическихъ притязаній, а въ томъ числѣ и съ политикою послѣдовательныхъ сторонниковъ герцога.

Съ самаго начала сеймовой сессіи 1723 года королевская партія понесла, какъ извѣстно, цѣлый рядъ ощутительныхъ пораженій. Ея кандидатъ въ маршалы, Штремфельдъ, былъ забаллотированъ, и послѣ того, какъ кандидатъ слишкомъ опредѣленной окраски, гр. Горнъ отказался баллотироваться, маршаломъ былъ избранъ расположенный

---

[1]) „Истина есть, что герцогъ великую партію здѣсь имѣетъ, и несумнѣваюся о полученіи герцогу титула Королевскаго Высочества. Можетъ быть, что черезъ сіе и сукцессію на семъ сеймѣ получить можетъ, только зѣло надобно Басовичю искусно себя здѣсь содержать, дабы нималого подозрѣнія доброжелательнымъ герцогу не подать. Я весьма вѣрю, что дворъ и партія дворовая всякими мѣрами будетъ стараться, дабы Басовича какъ возможно у партіи голштинской въ подозрѣніе привесть того ради надлежитъ, какъ мы съ нимъ и согласились, объявить, что онъ ни въ какія ихъ дѣла вмѣшиваться не будетъ, и что онъ только сюда прибылъ для примиренія его королевскаго высочества съ своимъ государемъ, а остальное все отдаетъ въ диспозицію чинамъ государственнымъ. Такожде я ему совѣтовалъ, дабы онъ безвременно протекціею В. И. Вел—а къ герцогу не очень хвалился, дабы отъ того партія королевская не приняла какого омбражу, и удержать бы оную отъ наибольшихъ противностей, дабы доброе начало герцоговымъ дѣламъ вяще не испортить. Я явно объявилъ и объявлю партіи дворовой, что В. И. Вел—о 7-му пункту въ постановленномъ мирномъ трактатѣ полное удовольствіе учинить изволите и въ партикулярныя герцоговы дѣла вступиться не изволите". (Реляц. М. Бестужева 4 февраля 1723 г.).

къ герцогу кандидатъ республиканской партіи Лагербергъ [1]). Столь же неблагопріятными оказались для королевской партіи и выборы въ секретную комиссію, въ которой на предстоящемъ сеймѣ должны были сосредоточиваться всѣ дѣла внѣшней политики, и въ составъ которой вошли почти исключительно противники короля и его партіи. Въ началѣ марта мѣсяца секретная комиссія запретила шведскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ принимать отъ короля какія-либо распоряженія, не контрасигнированныя однимъ изъ государственныхъ секретарей, и потребовала отъ него опроверженія слуховъ о предполагаемомъ будто бы союзѣ между Швеціей, Англіей и Даніей [2]). Всѣ эти неудачи не остановили короля Фридриха. Найдя энергичную поддержку въ своей супругѣ, королевѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ и значительное содѣйствіе у гессенъ-кассельскаго посланника, Дитмара, король попытался, съ помощью крестьянскаго сословія, поставить на сеймѣ на очередь вопросъ о формѣ правленія, но и тутъ встрѣтилъ рѣшительную оппозицію со стороны дворянства и горожанъ. Такую же неудачу потерпѣла и его попытка свести на нѣтъ обсужденіе требованій и предложеній герцога голштинскаго. Задержать до окончанія сейма въ Финляндіи Бассевица не удалось. Въ январѣ послѣдній былъ уже въ Стокгольмѣ и тотчасъ же началъ энергично вести свою агитацію.

Изъ секретной комиссіи для предварительнаго обсужденія вопросовъ была выдѣлена особая „малая секретная депутація“, составъ которой, съ точки зрѣнія Бассевица, не оставлялъ желать ничего лучшаго; въ нее вошли статсъ-секретарь Іосія Цедергельмъ, канцеляріи совѣтникъ Іоганъ-Генрихъ фонъ-Кохенъ, республиканецъ, расположенный къ герцогу, и, какъ докладчикъ, начинающій свою политическую карьеру молодой графъ Карлъ-Густавъ Тессинъ [3]). Къ апрѣлю сейму удалось сломить упорство короля и заставить его дать Бассевицу аудіенцію. Послѣдній на аудіенціи, ссылаясь на болѣе раннія обѣщанія короля, сдѣланныя черезъ Дитмара и Кампредона, тотчасъ потребовалъ для своего государя королевскаго титула. Вмѣстѣ съ вопросомъ о признаніи за русскимъ царемъ императорскаго титула

---

[1]) Рел. М. Бестужева 14 января 1723 г. Послѣдующія событія разсказаны у Соловьева (IV, 734—738) и Malmström'a (I, cap. 7).

[2]) Рел. М. Бестужева 4 марта 1723 г.

[3]) Графъ Карлъ-Густавъ Тессинъ, сынъ и внукъ извѣстныхъ шведскихъ художниковъ-архитекторовъ, отличался своимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ. Онъ оставилъ послѣ себя значительную коллекцію рисунковъ. Его мнѣнія по политическимъ вопросамъ также пользовались обыкновенно большимъ авторитетомъ. „Gr. Tessin, devoué à ce prince (hertz. de Holst.) passe pour un homme droit et qui par sa fermeté dans ses avis fait souvent prevaloir ses sentimens“.—Инструкція Бранкасу 6 іюня 1725 г. (Recueil... II, 316).

этотъ вопросъ былъ переданъ сеймомъ въ секретную комиссію и тѣмъ самымъ окончательно вырванъ изъ сферы вѣдѣнія придворныхъ круговъ и личныхъ королевскихъ совѣтниковъ. Раздраженный проявленнымъ со стороны короля упорствомъ и обезпокоенный его попытками привлечь на свою сторону крестьянское сословіе, сеймъ въ удовлетвореніи голштинскаго требованія о титулѣ видѣлъ очередное средство поставить преграду гессенъ-кассельской династической политикѣ. Къ 1-му іюня секретная комиссія выработала постановленіе о признаніи императорскаго титула за царемъ и королевскаго за герцогомъ, и это постановленіе, несмотря на новые протесты короля и еще болѣе рѣшительные со стороны королевы, прошло въ полномъ собраніи сейма. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ обнаружилась новая попытка короля противопоставить успѣхамъ герцога и шедшей до этого время за послѣднимъ республиканской партіи свою личную политику. Секретная комиссія провѣдала о переговорахъ, которые будто бы велъ король чрезъ находившагося на прусской службѣ своего брата Георга съ Пруссіей объ уступкѣ послѣдней шведской Помераніи за поддержаніе дѣла кассельской сукцессіи [1]). Новая опасность, грозившая со стороны короля, заставила теперь и республиканскую, и голштинскую партію нѣсколько иначе отнестись къ предложеніямъ русскаго царя выступить на защиту шведской политической свободы, предложеніямъ, принимаемымъ до этого времени крайне недовѣрчиво. Правильнѣе сказать, пользуясь тревогою республиканской партіи, приверженцы герцога голштинскаго могли теперь болѣе смѣло заговорить о необходимости прибѣгнуть къ иноземной помощи и попытались примѣнить тактическій пріемъ, выходившій за предѣлы той программы, на которой съ ними объединились республиканцы. „Изъ знатныхъ персонъ и кредитный человѣкъ,—пишетъ Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17 іюня, въ которой нѣсколько выше онъ заявилъ, что Швеція находится наканунѣ революціи,—здѣсь имѣлъ со мною разговоръ такой, что онъ за благо находитъ ради нынѣшнихъ конъюнктуръ, дабы флотъ В. И. Вел—ва близко къ шерамъ шведскимъ пришолъ, и чтобъ Е. Выс—во герцогъ на ономъ флотѣ былъ. Сей поступокъ не малое дѣйствіе учинитъ въ пользу герцогову. Также онъ разсуждалъ, что когда герцогъ къ Швеціи приближится, можетъ Е. Выс—во по обыкновенію между государями кавалера отъ себя къ королю и королевѣ съ комплиментомъ отправить и о здоровьѣ ихъ спросить, и ежели королю и коро-

---

[1]) Реляція М. Бестужева 17 іюля 1723 г. Еще въ мартѣ т. г. съ прусской стороны была сдѣлана попытка (неувѣнчавшаяся успѣхомъ) добиться отъ Швеціи уступки Помераніи за денежное вознагражденіе. — Реляціи А. Головкина изъ Берлина 19 марта 1723 г.

левѣ угодно будетъ, то герцогъ и персонально не оставитъ должность свою учинить. Министръ голштинскій того же мнѣнія, яко же и я по состоянію нынѣ здѣсь дѣлъ за благо обрѣтаю". Это предложеніе, нашедшее, повидимому, и у самого Бестужева сочувствіе, шло какъ нельзя болѣе навстрѣчу видамъ русскаго правительства, помышлявшаго о морской демонстраціи еще задолго до того времени, когда выяснилось положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ.

Еще въ февралѣ 1723 г. адмиралтействъ-коллегіи было предложено озаботиться о ремонтѣ всѣхъ линейныхъ кораблей, которые должны были быть приведены въ исправность къ маю мѣсяцу; тѣмъ же указомъ вице-адмиралу Змаевичу предписывалось приготовить къ тому же сроку 60 лучшихъ галеръ. Къ марту мѣсяцу должны были быть вызваны на службу всѣ находившіеся въ отпуску морскіе чины [1]). Какъ и рѣшеніе поддерживать наслѣдственныя права герцога голштинскаго на шведскую корону, настоящій планъ держался, однако, лишь въ запасѣ, и въ теченіе всего мая мѣсяца балтійская эскадра не покидала котлинскаго и ревельскаго рейдовъ. По мѣрѣ того, какъ въ Стокгольмѣ все болѣе и болѣе опредѣлялся вѣроятный исходъ партійной борьбы, русское правительство само выходило за предѣлы тѣхъ условій, какими ему удалось связать Бассевица на конференціи въ ноябрѣ 1722 г. Бестужеву все настойчивѣе и настойчивѣе предписывалось стараться о томъ, чтобы шведскіе государственные чины не ограничились признаніемъ за герцогомъ королевскаго титула и провозгласили бы его единственнымъ наслѣдникомъ шведской короны. Каждая новая попытка короля проводить свою личную политику вызывала и новое предложеніе Петра Великаго поддерживать неприкосновенность шведскаго государственнаго строя не только простымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующаго пункта ништадтскаго трактата, но и спеціальною гарантіею, „которая намъ еще пріятнѣе и угоднѣе будетъ" [2]). Возвращаясь къ вопросу о союзномъ соглашеніи, царь выражалъ опредѣленное пожеланіе, „чтобы Швеція инде награжденіе получила", и даже обѣщалъ въ этомъ свою помощь, „когда Швеція того пожелаетъ, и время и конъюнктуры допустятъ" [3]).

Тактическіе пріемы русской политики дѣлались все болѣе и болѣе агрессивными; наступалъ моментъ воспользоваться и морскою демонстраціею. Сообщеніе М. Бестужева о его разговорѣ со знатною персоною должно было прійтись по душѣ петербургскому кабинету. 2-го іюля котлинская эскадра, подъ флагомъ генералъ-адмирала на „Гангутѣ", вышла къ Ревелю и, соединившись здѣсь съ ревельскою

---

[1]) Очеркъ русской морской исторіи. Спб. 1875 г. ч. I стр. 391.

[2]) Рескр. М. Бестужеву 10 мая 1723 года.

[3]) Рескр. ему же 27 іюня 1723 года.

эскадрою въ количествѣ 24 кораблей и 5 фрегатовъ, имѣя 1.730 орудій и 12.500 чел. экипажа, пошла 12-го іюля къ Рогервику [1]). Предложеніе приверженцевъ герцога голштинскаго давало предлогъ подойти къ шведскимъ берегамъ. Рескриптомъ отъ 5-го іюля М. Бестужеву сообщалось о выходѣ въ море эскадры и о томъ, что нѣсколько кораблей отправлены для крейсированія къ Гангуду, и предписывалось „о семъ немедленно доброжелательнымъ сообщить и по прежнему нашему указу отъ нихъ требовать, дабы они прямо объявили, куда и какимъ берегамъ шведскимъ съ флотомъ нашимъ приближатся, что мы по желанію ихъ исполнить готовы". Идти къ Швеціи, однако, не пришлось, и все предпріятіе закончилось скорѣе, чѣмъ это можно было бы предполагать, судя по его началу.

Донесенія иностранныхъ пословъ изъ Петербурга за іюль 1723 г. въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ повышенномъ настроеніи, какое господствовало въ эти дни въ новой столицѣ. Всѣ очередныя дѣла остановились. Идутъ спѣшныя приготовленія къ чему-то, повидимому, очень серьезному. Флотъ вышелъ въ море. На немъ самъ царь, взявшій съ собою на этотъ разъ Остермана. Изъ Берлина вызванъ Ал. Головкинъ, изъ Копенгагена пріѣхалъ Алексѣй Бестужевъ; оба они — также въ свитѣ царя. Почти всѣ войска, расквартированныя въ Эстляндіи и Лифляндіи, посажены на суда; въ Нарвѣ остался одинъ только полкъ. Дивизія Рѣпнина двигается къ Ревелю. Очевидно, что-то замышляется—можетъ быть, противъ Швеціи, можетъ быть, противъ Даніи, а можетъ быть, имѣется въ виду и новое вторженіе въ Германію для защиты интересовъ герцога мекленбургскаго. Исходъ новаго предпріятія, во всякомъ случаѣ, долженъ такъ или иначе отразиться на многихъ очередныхъ вопросахъ. Одновременно съ этимъ при дворѣ наблюдается много любопытнаго. Кредитъ герцога голштинскаго возрастаетъ, и его шансы на бракъ съ одною изъ царскихъ дочерей, до этого времени крайне незначительные, увеличиваются. Протекція царицы возымѣла свою силу, и герцогъ послѣднее время имѣетъ возможность чаще видѣться съ принцессами. А тѣмъ временемъ Бассевицъ шлетъ радостныя извѣстія о растущей и крѣпнущей въ шведскомъ обществѣ симпатіи къ герцогу, единственному законному претенденту на шведскую корону. Затѣянное предпріятіе — въ значительной степени дѣло рукъ голштинской дипломатіи [2]). Къ августу мѣсяцу тѣ же донесенія рисуютъ намъ уже совершенно иную картину. Въ Ревелѣ царь совершенно неожиданно оставилъ флотъ, а на немъ герцога и своихъ министровъ и вернулся

[1]) Очеркъ русской морской исторіи, ч. I. стр. 392.

[2]) Реляц. Г. Мардефельда 2, 5 и 15 іюля 1723 г.; реляц. Кампредона 5 іюля 1723 г. (Сб. XLIX).

въ Петербургъ въ крайне дурномъ расположеніи духа. Онъ недоволенъ герцогомъ и по возвращеніи домой хорошо проучилъ свою супругу („s'est bien chamaillé avec son epouse"). Выходъ флота въ море стараются объяснить желаніемъ царя произвести морскіе маневры, которые, вѣроятно, и будутъ имѣть мѣсто около Бьорке, а чтобъ загладить непріятное впечатлѣніе, въ Петергофѣ предполагаютъ празднества, на которыя приглашены и представители иностранныхъ державъ. Голштинская игра проиграна; дѣла вошли въ свою обычную колею [1]).

Подобное освѣщеніе событій въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя и страдаетъ нѣкоторою односторонностью. Мы не знаемъ опредѣленно, кто былъ та „знатная персона и кредитный человѣкъ", на мнѣніи котораго основывался М. Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17-го іюня. Съ значительною долею достовѣрности въ этой „персонѣ" можно предполагать гр. Веллинга, развившаго уже незадолго до этого планъ „остентаціи" русскаго оружія, когда рѣчь заходила о Шлезвигѣ, рѣшительнѣе другихъ заявлявшаго себя противникомъ короля и пользовавшагося въ это время особымъ вниманіемъ русскаго правительства [2]). Какъ бы то ни было, отношеніе къ приведенному теперь въ исполненіе плану морской демонстраціи

---

[1]) Рел. Кампредона 13 авг. 1723 г. (ibid.); реляц. Вестфалена 18 (29) сент. 1723 г.

[2]) Отношенія гр. Веллинга къ Россіи всегда отличались крайнею доброжелательностью Въ 1723 г. русское правительство, со своей стороны, старалось удержать его на своей сторонѣ и сообщало ему, частнымъ образомъ, многое такое, о чемъ не рѣшалось прямо говорить со шведскимъ сенатомъ и сеймомъ, какъ, напримѣръ, о своей готовности содѣйствовать Швеціи въ полученіи „инде награжденія". Съ другой стороны, и М. Бестужевъ узнавалъ отъ гр. Веллинга многія интересныя свѣдѣнія. Послѣдній велъ въ это время переписку и съ самимъ герцогомъ голштинскимъ Въ февралѣ 1723 г. Веллингъ набросалъ „Pensées sur les moyens de faire retablir Sa Serenité de Holstein dans son souverain Duchée de Sleswic par la seule ostentation armes du Czaar". Подчеркивая, насколько для ганноверскаго правительства было бы нежелательно появленіе въ нижнесаксонскомъ округѣ русскихъ войскъ, которыя научили уже себя уважать („se sont rendues respectables)", онъ совѣтуетъ русскому правительству поставить передъ кабинетами Вѣны, Парижа, Берлина и Лондона дилемму: „ou de s'unir pour obliger le roi de Danemark à une prompte restitution du duchée de Sleswic cum omni causa suivant les traités d' Altona et de Travendahl ou de ne pas trouver mauvais, que le czaar l'y contreignit en vertu de sa garantie par la force de ses armes, Sa dite M-té, ne souhaitant pas mieux que de s'en pouvoir dispencer et de n'etre a charge qui que ce soit, ce qui serait cependant inevitable, si Elle se voyait obligée de recourir malgrée Elleàdes voyes de fait". Можно думать, что, говоря въ маѣ мѣсяцѣ объ одной персонѣ, которая находила возможнымъ получить удовлетвореніе зундской претензіи „черезъ одну остентацію оружія", М. Бестужевъ имѣлъ въ виду того же гр. Веллинга (его реляц. 13-го мая 1723 г.).

должно было быть далеко неодинаково у отдѣльныхъ противниковъ королевской политики въ Швеціи, да и тѣ надежды, которыя возлагались на успѣшный исходъ этого предпріятія сторонниками герцога голштинскаго, и прежде всего самимъ Бассевицемъ, шли гораздо дальше тѣхъ разсчетовъ, какими руководилось въ данномъ случаѣ русское правительство. Для Петра Великаго это было новое выраженіе готовности поддержать statum quo шведскаго государственнаго строя, приближавшее его къ осуществленію завѣтной мечты о союзѣ съ Швеціей; для Бассевица—первый шагъ къ такому coup d'état, попытка привести въ исполненіе которое должна была въ глазахъ шведскаго народа и сильно уронить престижъ герцога, и дискредитировать дружественныя увѣренія Россіи.

Уже въ половинѣ іюля М. Бестужевъ различалъ среди приверженцевъ герцога двѣ фракціи, изъ которыхъ одна въ своей программѣ не шла дальше согласія на титулъ и была противъ провозглашенія герцога наслѣдникомъ престола [1]). Голштинская партія была, очевидно, до поры до времени сильна только своею коалиціей съ республиканцами, объединившимися съ нею для отпора королевской политикѣ; въ самой секретной комиссіи, ставшей главнымъ опорнымъ пунктомъ для голштинской дипломатіи, большинство составляли точно такъ же не принципіальные сторонники герцога, но его временные союзники, отстаивавшіе прежде всего неприкосновенность существующаго режима. По мнѣнію нѣкоторыхъ, быть можетъ, нѣсколько одностороннему, выходъ въ море русскаго флота вдесятеро уменьшилъ въ Швеціи число приверженцевъ герцога [2]). Когда же король рѣшился пойти на уступку и согласился признать постановленія сейма о титулѣ, даже наиболѣе крайніе изъ приверженцевъ герцога, какъ Веллингъ и Цедергельмъ, не нашли возможнымъ продолжать прежнюю тактику и, не надѣясь добиться въ теченіе настоящей сессіи сейма признанія наслѣдственныхъ правъ герцога, признавали излишними какія-либо рѣшительныя мѣропріятія со стороны Россіи. Это не исключало, впрочемъ, по ихъ мнѣнію, желательности тотчасъ же вступить съ нею въ болѣе тѣсныя обязательства. 5-го іюля Бестужевъ сообщилъ объ этомъ своему правительству, и уже 5-го августа котлинская эскадра, не заходя въ Ревель, вернулась на кронштадтскій рейдъ [3]). Съ точки зрѣнія интересовъ герцога голштинскаго, примѣненное средство оказалось, такимъ образомъ, рискованнымъ и не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Неудача, постигшая замыслы Бассевица, не отразилась, однако, на разрѣшеніи тѣхъ задачъ,

---

[1]) По реляц. 14-го іюня 1723 г.

[2]) Лефортъ Флеммингу 8-го окт. 1723 г.

[3]) Очеркъ морской исторіи, ч. I, стр. 392.

которыя намѣчала себѣ въ Швеціи русская политика, и даже не заставила ее измѣнить избранный образъ дѣйствія.

Подчеркивая, съ своей стороны, что имъ было исполнено все, что отъ него потребовали, русское правительство въ рескриптѣ М. Бестужеву отъ 27-го іюля выразило ex officio сожалѣніе, что „доброжелательные такъ скоро себя во мнѣніяхъ своихъ отмѣнили“, и что не удалось „не токмо совершенный покой и тишину внутри государства возстановить, всѣмъ интригамъ дорогу вовсе отсѣчь, но и къ благополучію королевства шведскаго вѣчную дружбу между обоими государствами и народами утвердить“. Тутъ же намѣчались, однако, и желательныя основанія будущаго союза, въ частности нѣсколько отличныя теперь, сообразно измѣнившимся условіямъ, отъ тѣхъ, которыя были указаны въ болѣе раннихъ инструкціяхъ М. Бестужеву. Россія обѣщала „гарантировать не только вольность и нынѣшнюю форму правительства въ Швеціи, но и все то, что чины государственные еще вяще для содержанія своихъ прерогативъ и вольностей иногда постановятъ“. Взамѣнъ за это отъ Швеціи, по-прежнему, требовалось въ той или другой формѣ обнадеживаніе въ томъ, что „кромѣ герцога, когда случай состоится, иного никого въ короли не выберутъ“. Примиряясь съ тѣмъ, что наслѣдственное право герцога не можетъ быть открыто провозглашено на текущей сессіи сейма, русское правительство выражало пожеланіе, чтобъ въ заключаемый союзъ все-таки былъ внесенъ соотвѣтствующій пунктъ, и въ виду этого принципіально соглашалось на бракъ герцога съ одною изъ дочерей царя, разъ это послѣднее условіе, по мнѣнію сейма, могло облегчить признаніе герцога „сукцессоромъ“ [1]).

Получивъ настоящій рескриптъ, М. Бестужевъ предполагалъ немедленно вступить въ переговоры о союзѣ, но „доброжелательные“, какъ онъ называетъ обыкновенно сторонниковъ Россіи и герцога голштинскаго, совѣтовали ему повременить съ формальнымъ предложеніемъ до тѣхъ поръ, пока въ секретной комиссіи не будетъ принятъ общій планъ, опредѣляющій руководящія начала шведской политики, который вырабатывался въ это время Цедергельмомъ. Только къ 26-му августа Бестужевъ подалъ въ Сенатъ формальное предложеніе о союзѣ, которое, будучи принято и одобрено королемъ, было препровождено въ секретную комиссію [2]). Прежде чѣмъ начались оффиціальные переговоры, частныя совѣщанія между Бестужевымъ и „доброжелательными“ зашли, однако, уже гораздо дальше общихъ пожеланій. Къ началу сентября въ Петербургъ прибылъ изъ Швеціи гр. Бонде и привезъ съ собою готовый проектъ союза, выработанный при со-

[1]) Реляц. М. Бестужева 8-го авг. 1723 г.

[2]) Реляц. 26-го авг. 1723 г.

дѣйствіи Бестужева „доброжелательными"—прежде всего Цедергельмомъ и Гепкеномъ. „Доброжелательные" хотѣли, чтобы этотъ проектъ былъ представленъ какъ бы отъ имени русскаго правительства. Послѣднее выразило на это согласіе и отослало проектъ назадъ къ Бестужеву, внеся, однако, въ него довольно существенныя поправки и значительныя дополненія [1]). Получивъ этотъ проектъ, М. Бестужевъ 30-го сентября подалъ промеморію о назначеніи особой коммиссіи для веденія переговоровъ, въ которую и вошли: президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Горнъ, государственные совѣтники Цедергельмъ и Гилленборгъ, статсъ-секретарь Гепкенъ и гофканцлеръ Дибенъ. Участіе въ подобной комиссіи самого президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ не соотвѣтствовало обычнымъ пріемамъ шведскаго государственнаго дѣлопроизводства и объяснялось въ данномъ случаѣ личнымъ желаніемъ самого гр. Горна [2]). „Республиканецъ", склонявшійся на сторону сближенія съ Россіей, но осторожно относившійся къ голштинскимъ притязаніямъ, гр. Горнъ видимо озаботился взять въ свои руки веденіе предварительныхъ переговоровъ въ виду довольно односторонняго состава комиссіи. 2-го октября начались засѣданія комиссіи и продолжались вплоть до середины февраля 1724 г. Гр. Горнъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Представители голштинской партіи за все это время, помимо засѣданій комиссіи, имѣли частные переговоры съ Бестужевымъ, главнымъ образомъ, по голшинскому вопросу; съ другой стороны, ими были внесены и проведены нѣкоторыя предложенія, не вполнѣ соотвѣтствовавшія видамъ русскаго правительства и принятыя послѣднимъ довольно неохотно [3]). Къ концу ноября Бестужеву былъ врученъ со шведской стороны окончательный контръ-проектъ договора, значительно отличавшійся отъ обѣихъ предшествующихъ редакцій, съ заявленіемъ, что Швеція не можетъ согласиться ни на какія дальнѣйшія уступки и измѣненія [4]). Кое-какія поправки по существу русскому правительству удалось, однако, внести и въ этотъ новый контръ-проектъ;

---

[1]) Рескр. М. Бестужеву 9-го сент. 1723 г.; при немъ—проектъ Бонде и отвѣтный русскій контръ-проектъ. Реляц. 26-го авг. Роль Цедергельма и Гепкена при заключеніи настоящаго союза была, повидимому, очень значительна. Не ограничиваясь переговорами съ Бестужевымъ, они вели за это время и переписку съ самимъ Остерманомъ, главнымъ образомъ, по вопросу о голштинскихъ притязаніяхъ и о примиреніи Россіи съ Англіей, о чемъ придется еще говорить ниже. Ихъ письма—въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 19.

[2]) Реляц. М. Бестужева 30-го сент. 1723 г.

[3]) Протоколы конференцій М. Бестужева со шведскими уполномоченными—при его реляціяхъ за вторую половину 1713 г. въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 6.

[4]) Реляц. 25-го ноября 1723 г.

съ такими поправками онъ и былъ отосланъ къ Бестужеву при рескриптѣ 23-го декабря. Еще въ октябрѣ, передъ закрытіемъ сессіи, сеймъ уполномочилъ Сенатъ на заключеніе съ Россіей договора, что̀ и послѣдовало 11-го (22) февраля 1724 года [1]). На окончательной редакціи этого договора отразились, такимъ образомъ, на-ряду съ оффиціальными переговорами Бестужева со шведскими уполномоченными, его частныя совѣщанія съ представителями голштинской партіи, въ чемъ принималъ порою участіе и гр. Бассевицъ. Не излагая всего хода этихъ переговоровъ и не останавливаясь на анализѣ окончательной редакціи договора во всемъ ея объемѣ, мы отмѣтимъ лишь, какую постановку получилъ въ этомъ договорѣ вопросъ о голштинскихъ претензіяхъ.

Союзное соглашеніе со Швеціей, какъ мы уже знаемъ, входило въ програму русскаго правительства, прежде всего, въ виду цѣлаго ряда тѣхъ задачъ, которыя оно ставило себѣ послѣ Ништадтскаго мира на Балтійскомъ морѣ, которыя объединялись въ вопросѣ о зундской пошлинѣ, и средствомъ для разрѣшенія которыхъ въ значительной степени должно было послужить поддержаніе неудовлетворенныхъ претензій герцога голштинскаго.

Послѣ заключенія русско-шведскаго союзнаго договора частное недоразумѣніе между Россіей и Даніей, зундскій вопросъ легче могъ быть введенъ въ общую сѣть дипломатическихъ переговоровъ; одновременно съ этимъ получалъ болѣе широкую постановку и вопросъ о голштинскихъ претензіяхъ. Первая опредѣленная попытка дать такую постановку этому послѣднему вопросу со стороны русскаго правительства и была сдѣлана во время переговоровъ со Швеціей объ условіяхъ будущаго союза. На-ряду съ вопросомъ о наслѣдственныхъ правахъ герцога на шведскую корону былъ выдвинутъ теперь и вопросъ о его суверенныхъ правахъ на занятый Даніею Шлезвигъ. По-прежнему, однако, съ точки зрѣнія русскаго правительства, во главу угла должно было быть поставлено первое изъ этихъ требованій, и лишь за его удовлетвореніемъ предполагалось выработать болѣе опредѣленное соглашеніе по шлезвигскому вопросу [2]).

Еще до начала оффиціальныхъ переговоровъ Бестужевымъ были

[1]) Рескр. отъ того же числа. Съ русской стороны этотъ договоръ былъ ратификованъ 25-го апрѣля, со шведской—18-го мая (Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... IV, 224). Текстъ договора (безъ секретныхъ пунктовъ и не вполнѣ исправный—цифру вспомогательныхъ войскъ, обѣщанныхъ со стороны Россіи слѣдуетъ читать 12.000, вмѣсто 20.000)—въ П. С. З. № 4465. Содержаніе договора (правильное) и почти дословный текстъ секретныхъ пунктовъ—у Соловьева, IV, 747—38.

[2]) Срав. „Eclaircissemens"... 357: „Le prudent Empereur... voulait avant tout assurer le trone de Suède à son gendre futur et reservait Slesvic ou com-

предложены Цедергельму и Гепкену для внесенія въ проектъ будущаго договора готовыя редакціи двухъ секретныхъ пунктовъ. Первый изъ этихъ пунктовъ касался Шлезвига и былъ составленъ въ выраженіяхъ, опредѣленно говорившихъ о Даніи; второй заключалъ въ себѣ предложеніе новой гарантіи съ русской стороны шведскаго государственнаго устройства, для вящаго упроченія котораго рекомендоваолсь признать наслѣдственныя права герцога на шведскую корону [1]. „Доброжелательные" къ этому времени не питали уже никакой надежды на признаніе за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ, и въ проектъ, привезенный въ С.-Петербургъ гр. Бонде, былъ внесенъ только первый изъ предложенныхъ Бестужевымъ пунктовъ. Попытка самого русскаго правительства пополнить проектъ невнесеннымъ пунктомъ, хотя и нашла нѣкоторое сочувствіе въ комиссіи для переговоровъ о союзѣ, отославшей свое заключеніе по этому вопросу въ секретную сеймовую комиссію, въ конечномъ результатѣ успѣха опять-таки не имѣла, и въ сообщенныхъ Бестужеву 23-го ноября послѣднихъ условіяхъ, на которыя соглашалась Швеція, пунктъ о голштинскомъ наслѣдованіи не нашелъ себѣ мѣста [2]. Пунктъ о Шлезвигѣ точно также былъ подвергнутъ русскимъ правительствомъ нѣкоторому измѣненію. Смягчивъ нѣсколько тѣ выраженія, которыя могли черезъчуръ задѣвать Данію, „дабы прежде времени не такъ явно съ обѣихъ сторонъ себя объявить и тѣмъ только сіе дѣло труднѣе учинить", русское правительство предложило замѣнить взаимное обѣщаніе содѣйствовать мирнымъ путемъ удовлетворенію шлезвигскихъ притязаній герцога обязательствомъ „черезъ добрыя оффиціи такъ при датскомъ дворѣ, какъ и при иныхъ дворахъ сіе дѣло общимъ совѣтомъ сильнѣйшимъ образомъ производить", и условіемъ войти, въ крайнемъ случаѣ, между собою въ ближайшее формальное соглашеніе „для исходатайствованія его королевскому высочеству въ семъ дѣлѣ соотвѣтственной сатисфакціи". Со шведской стороны въ это предложеніе была внесена только поправка, придававшая послѣднему соглашенію характеръ соглашенія договаривающихся сторонъ „не только между собою, но и съ другими державами, а особливо съ римскимъ цесаремъ", что̀ не встрѣтило въ Петербургѣ, повидимому, никакого препятствія [3]. Въ такой редакціи это условіе и вошло въ текстъ договора въ видѣ секретнаго пункта.

me une acquisition facile, lorsqu'il y serait affermi ou comme une heureuse ressource, pour obliger de Dannemark de concourir à l'y faire monter en faveur d'une cession de son patrimonie".

[1]) Реляц. М. Бестужева 26 авг. 1723 г.

[2]) Реляція М. Бестужева 25 ноября 1723 г.

[3]) Отдѣльные проекты договора, приложенные къ рескриптамъ М. Бестужеву 9 сент. и 23 дек. и къ его реляціи 25 ноября 1723 г. Русское правитель-

Союзъ 1724 г. со Швеціей имѣлъ большое принципіальное значеніе какъ въ исторіи русской балтійской политики, такъ и въ исторіи развитія русско-голштинскихъ отношеній. Очередныя задачи балтійской политики получали съ этого момента болѣе широкую постановку. Голштинской дипломатіи не удалось вовлечь русское правительство въ свою политику приключеній. Та постановка, которую получалъ теперь шлезвигскій вопросъ, легко могла, однако, на время заслонить отъ вниманія русскаго правительства его прямыя цѣли на Балтійскомъ морѣ.

Заключая союзъ со Швеціей, Россія одерживала крупную дипломатическую побѣду надъ англійскимъ вліяніемъ въ Стокгольмѣ, побѣду, создававшую внушительный противовѣсъ тому положенію, какое удалось Англіи занять въ это время въ Копенгагенѣ. Русская политика на Балтійскомъ морѣ и отношенія къ Россіи самой Англіи вступали съ этого момента въ новый фазисъ развитія. Лишній поводъ къ тревогѣ, новый союзъ заставлялъ Англію съ новою силою хлопотать въ возстановленіи съ Россіей правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Еще во время предварительныхъ переговоровъ о союзѣ, шведское правительство, слѣдуя, очевидно, въ данномъ случаѣ, настояніямъ изъ Лондона, зондировало почву о примиреніи царя съ королемъ Георгомъ, о чемъ не разъ уже заводили рѣчь Франція и Пруссія, и было даже не прочь отъ прямого включенія Англіи въ будущій русско-шведскій союзъ. Представители голштинской партіи, съ другой стороны, желая придать притязаніямъ герцога на Шлезвигъ значеніе, прежде всего, имперскаго вопроса, особенно настаивали на болѣе тѣсномъ соглашеніи между Россіей и германскимъ императоромъ. Русское правительство охотно шло навстрѣчу всѣмъ этимъ предложеніямъ. Отдѣляя вопросъ о примиреніи съ Англіей отъ вопроса о союзѣ, оно выражало полную готовность, по заключеніи послѣдняго, начать новые самостоятельные переговоры, избравъ для этого путь шведскаго посредничества. Ничего не имѣли въ Петербургѣ и противъ того, чтобы къ союзу, послѣ его заключенія, примкнули какъ

ство соглашалось даже вовсе не вносить пункта о Шлезвигѣ, „дабы прежде времени не подать поводъ и причину другимъ противъ того свои мѣры предвоспріять и въ лучшее состояніе себя привести намъ къ тому дѣлу противиться“. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, оно опять-таки предлагало „потомъ оное дѣло концертовать и между собою тайно и подъ рукою обстоятельныя мѣры взять“. (Рескр. Бестужеву 18 окт. 1723 г.). Съ другой стороны, по тѣмъ же соображеніямъ русское правительство не соглашалось и на прямое включеніе въ союзъ герцога, чего добивался Бассевицъ, находя, что подобное включеніе „не только не потребно, но и весьма герцоговымъ собственнымъ интересамъ вредительно“ (Рескр. Бестужеву 27 дек. 1723 г. и его реляціи 27 янв. 1724 г.).

король Георгъ, гарантировавшій Даніи владѣніе Шлезвигомъ, такъ и императоръ германскій, признавшій по Травендальскому миру суверенныя права на названную область за герцогомъ голштинскимъ. Черезъ голштинскія притязанія на Шлезвигъ вопросы, составлявшіе содержаніе балтійской политики Россіи, начинали входить, такимъ образомъ, постепенно въ кругъ ея общеевропейскихъ отношеній, а борьба съ англійскимъ вліяніемъ, общая руководящая идея политики Петра Великаго послѣ Ништадтскаго мира, дѣлается съ этого момента очередною задачею и его политики на Балтійскомъ морѣ. Оружіе въ рукахъ русскаго правительства, голштинскія притязанія не были оставлены имъ и послѣ заключенія русско-шведскаго союза. Отношеніе къ этому оружію въ русскихъ правительственныхъ сферахъ въ послѣдній годъ петровскаго царствованія, однако, измѣнилось. До этого времени только средство, эти притязанія получаютъ теперь значеніе почти самодовлѣющей цѣли, передъ которою порою отступаетъ на задній планъ даже вопросъ о зундской политикѣ.

М. Поліевктовъ.

Записки графа Ѳ. Г. Головкина.

Русскій дворъ въ царствованіе Павла I.

(Окончаніе) [1].

Положеніе дипломатическаго корпуса становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ не только потому, что приходилось каждый день слышать необычайные вещи, относительно которыхъ дипломаты терялись, не имѣя возможности опереться ни на инструкціи, ни на традиціи, но главнымъ образомъ потому, что никто не зналъ, къ кому обращаться за разъясненіями и съ жалобами.

6-го апрѣля скончался канцлеръ князь Безбородко, и завѣдываніе дѣлами коллегіи иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки графа Ростопчина, въ званіи кабинетъ-министра по иностраннымъ дѣламъ; это былъ человѣкъ очень умный, но крайне невѣжественный, смѣлый выскочка съ очень дурнымъ характеромъ; вице-канцлеромъ былъ графъ Панинъ, образованный молодой человѣкъ, но совершенно не знавшій человѣческое сердце, свѣтъ и дворъ, вслѣдствіе чего его умъ былъ безполезенъ и опасенъ. Императоръ работалъ только съ кабинетъ-министромъ, а дипломатическій корпусъ могъ сноситься только съ вице-канцлеромъ, который, въ свою очередь, не имѣлъ доклада у государя; такимъ образомъ всѣ дѣла шли черезъ Ростопчина, онъ являлся, слѣдовательно, хозяиномъ положенія, могъ передавать императору только то, что ему заблагоразсудится, а его слова могъ передавать, какъ ему было желательно. Можно себѣ представить, какія это порождало проволочки и осложненія, крайне вредныя въ такое время, когда событія шли съ изумительной быстротою и до какой степени лица, стоявшія во главѣ управленія, были безотвѣтственны. Для посланниковъ оставался еще одинъ путь,—видѣться съ сановниками въ обществѣ, но ни Ростопчинъ, ни Панинъ не дѣлали пріемовъ. У графа Ростопчина рѣдко можно было получить аудіенцію, у графа Панина надобно было предварительно испросить часъ, чтобы быть принятымъ; ни тотъ, ни другой не бывали въ обществѣ. Вслѣдствіе этого, дѣла шли крайне медленно, во всемъ царствовалъ невыносимый произволъ, между обоими министрами происходили непріятныя сцены; наконецъ, графъ Панинъ былъ уволенъ, а вслѣдъ за тѣмъ палъ самъ Ростопчинъ".

На этомъ обрывается рукопись графа Головкина. Самъ ли онъ прервалъ на этомъ свои записки, или же конецъ рукописи былъ похищенъ въ то время, когда ящикъ съ бумагами графа былъ вскрытъ и обысканъ въ Бернѣ неизвѣстными людьми, о чемъ говоритъ въ примѣчаніи нынѣшній владѣтель бумагъ графа Ѳедора Гавриловича, неизвѣстно. Въ біографическомъ очеркѣ графа Ѳедора Головкина, изданномъ Николаемъ Шателэномъ въ 1861 г. въ Revue Suisse помѣщены отрывки изъ его воспоминаній о царствованіи Павла I. Эти разсказы, сообщенные имъ своему другу Шателэну, относятся очевидно къ послѣднимъ днямъ проведеннымъ Головкинымъ при дворѣ Павла передъ своей ссылкой. Возможно, что именно эти, помѣщаемые нами вслѣдъ за симъ отрывки, и составляли содержаніе недостающихъ страницъ рукописи. **В. Т.**

---

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1907 г.

Изъ воспоминаній графа Ѳ. Г. Головкина,

и нѣсколько имъ набросанныхъ характеристикъ.

I.

„Однажды, когда у графа X. было большое собраніе, на которомъ присутствовалъ и я", разсказывалъ мнѣ Головкинъ, двери распахнулись вдругъ настежъ и было доложено о пріѣздѣ императора. Мнѣ не было возможности скрыться, и что бы то ни было, я почувствовалъ, что надобно было скрыть свое смущеніе. Императоръ вскорѣ замѣтилъ меня и подошелъ прямо ко мнѣ съ самымъ гнѣвнымъ выраженіемъ и, говоря по обыкновенію иносказательно, произнесъ: „Не правда ли, ваше сіятельство, когда человѣкъ разсчитывалъ получить удовольствіе, очень досадно и обидно получить отказъ и трудно простить человѣку, который постарался бы унизить васъ въ награду за милость, которой вы бы у него просили"? Не понимая хорошенько, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, не умѣя разобраться въ этомъ длинномъ предисловіи, которое показалось мнѣ весьма темнымъ, я отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія это такъ, какъ ваше величество говорите, но я не вполнѣ понимаю васъ".

— Я хочу сказать, ваше сіятельство, продолжалъ онъ менѣе злобнымъ тономъ, что если бы я просилъ васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе отужинать со мною, то очевидно вы бы отказали мнѣ въ этомъ. И я долженъ остеречься отъ подобной просьбы. Къ тому же я знаю, что есть люди счастливѣе меня, которые имѣютъ обыкновенно счастье пользоваться вашимъ обществомъ, было бы крайне несправедливо лишать ихъ долѣе вашего присутствія. Произнося эти слова императоръ слегка склонилъ голову. Я отвѣчалъ глубокимъ поклономъ, такъ какъ придворные разступились, чтобы пропустить меня, то я воспользовался этимъ, съ такою поспѣшностью, какъ только поз-

волялъ церемоніалъ. Я отступилъ къ дверямъ, дѣлая положенные три реверанса. Какъ сладокъ показался мнѣ воздухъ въ корридорахъ и на лѣстницѣ, я вдыхалъ его полной грудью"!

II.

Непримиримый врагъ Франціи со времени революціи, графъ Головкинъ не могъ допустить мысли, чтобы Павелъ сталъ на защиту Бонапарта, чтобы самодержецъ всея Россіи велъ переговоры какъ равный съ равнымъ съ авантюристомъ; онъ находилъ это тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что самъ Павелъ былъ вначалѣ также враждебно настроенъ къ революціи, какъ того требовало достоинство его короны. Когда этотъ отзывъ графа Головкина дошелъ до слуха императора, онъ былъ крайне разгнѣванъ и сказалъ, что если онъ встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, то прикажетъ выбросить его въ окно. Эти слова были въ свою очередь переданы графу.

Разсказавъ о гнѣвной сценѣ съ Павломъ, графъ продолжалъ: „Вы не можете себѣ представить, что значитъ чувствовать на лицѣ дыханіе человѣка, который далъ себѣ слово выбросить васъ въ окно. Павелъ былъ способенъ сдержать слово, а среди придворныхъ были люди на столько ко мнѣ расположенные, что они съ удовольствіемъ исполнили бы волю государя. Выйдя изъ дворца, я почувствовалъ себя какъ иволга, вырвавшаяся изъ когтей коршуна".

Разумовскій.

Разумовскіе по происхожденію малороссы. Одинъ изъ братьевъ Разумовскій, Алексѣй, бывшій пѣвчій придворной капеллы, приглянулся за обѣдней императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это рѣшило участь всей семьи. Онъ сталъ ея фаворитомъ и былъ со временемъ пожалованъ графомъ и назначенъ оберъ-егейместеромъ. Его младшій братъ, Кириллъ, пасъ свиней въ окрестностяхъ Батурина; онъ самъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности. Свиньи, которыхъ онъ пасъ, принадлежали не ему, а ихъ родственнику крестьянину Будлянскому, который былъ богаче ихъ. Когда Алексѣй увидѣлъ, что судьба его устроилась, онъ вспомнилъ о Кириллѣ и послалъ одного офицера, чтобы привезти его съ почетомъ; Кириллъ, который уже былъ взрослымъ, увидалъ офицера, подумалъ, что его хотѣли взять въ солдаты, бросилъ своихъ свиней и влѣзъ на дерево, откуда его удалось выжить только голодомъ. Когда онъ пріѣхалъ въ столицу, его пообчистили,

пріодѣли и одному женевцу, котораго звали, кажется, Саладинъ, поручили обучить его манерамъ и придать ему нѣкоторый лоскъ. Въ то время, когда этотъ воспитатель ходилъ въ церковь, его воспитанникъ предавался невиннымъ дѣтскимъ забавамъ.

Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Фридрихомъ II русскому двору, находилась роскошная табакерка, осыпанная бриліантами, присланная для брата фаворита. Въ одинъ воскресный день Кириллъ, оставшись одинъ, досталъ табакерку изъ шкапа, куда спряталъ ее воспитатель, и послѣдній, вернувшись домой, увидѣлъ съ изумленіемъ, что онъ вытащилъ изъ оправы всѣ алмазы каменными щипцами. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ оказалась табакерка! Когда фельдмаршалъ Разумовскій замѣчалъ, что его сыновья начинали важничать, онъ всегда разсказывалъ какую-нибудь подобную продѣлку своей молодости, объясняя ее своимъ простонароднымъ происхожденіемъ. Было любопытно видѣть, какъ люди взрослые, занимавшіе видныя мѣста, разукрашенные золотымъ шитьемъ и увѣшанные орденами, были вынуждены опустить глаза передъ присутствующими, передъ которыми они обыкновенно высоко держали свое знамя.

Ихъ отецъ былъ огромнаго роста, болѣе шести футъ вышины и прекрасно сложенъ; лицо его было не особенно красиво, но очень выразительно. Въ его манерѣ и осанкѣ было что-то дикое, восточное, но въ общемъ его фигура была очень своебразна и величественна. Такъ какъ его воспитаніе началось только въ восемнадцать лѣтъ, то оно не могло извратить его чувствъ и свойственную ему правдивость характера; хотя онъ былъ очень невѣжественъ, но благодаря врожденному здравому смыслу, часто одерживалъ верхъ въ совѣтѣ надъ своими болѣе умными и способными коллегами. Онъ пріобрѣлъ благодаря случаю огромное состояніе, которое тратилъ щедро. Его богатству соотвѣтствовали его дворецъ, огромный штатъ прислуги и его гостепріимство. Благодаря протекціи брата, онъ былъ избранъ атаманомъ украинскихъ казаковъ, но такъ какъ это званіе, черезъ чуръ напоминавшее времена Мазепы, не соотвѣтствовало принципамъ Екатерины II, то онъ отказался отъ него по ея настоянію, за что получилъ фельдмаршальскій жезлъ и большую пенсію съ правомъ пользованія своей резиденціей—Батуринскимъ дворцомъ и принадлежащими ему землями. Онъ удалялся иногда въ эти помѣстья, когда, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, ему надобно было соблюсти нѣкоторую экономію. Подъ конецъ жизни онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ по-царски.

Разумовскій путешествовалъ по Европѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Шуазель объяснилъ Людовику XV, что ему слѣдовало оказать особое вниманіе столь знатному иностранцу; король обѣщалъ

сдѣлать это. Поэтому Разумовскій былъ приглашенъ въ Версаль, гдѣ онъ долженъ былъ представляться королю отдѣльно отъ другихъ лицъ, съ которыми король по существовавшему обычаю ничего не говорилъ. Король, спѣшившій на охоту на кабана, позабылъ все, что ему было внушено и, когда ему назвали фельдмаршала, прошелъ мимо него, не сказавъ ни слова, произнеся только ничего не значащее а!

— Очевидно, король принимаетъ меня за кабана,—сказалъ Разумовскій герцогу Шуазелю, смущенному разсѣянностью короля. Онъ хотѣлъ исправить этотъ промахъ самымъ лестнымъ для Разумовскаго образомъ, но фельдмаршалъ не пожелалъ болѣе явиться ко двору; Парижъ восхищался сказанной имъ остротою и тѣмъ, какъ онъ держалъ себя послѣ этого случая.

Кобенцель.

Семейство Кобенцель достигло весьма блестящаго положенія. Два двоюродныхъ брата, графы Филиппъ и Людовикъ Кобенцель, занимали видныя мѣста въ австрійской монархіи. Въ то время не было дѣла, въ которомъ они не играли бы какой-нибудь роли; сестра послѣдняго, графиня Румбекъ, своими странностями и подборомъ людей, коими она умѣла окружить себя, не мало способствовала тому, что на нихъ были обращены взоры всего общества въ Вѣнѣ и за границей. Внѣшній обликъ этихъ господъ заставлялъ радоваться тому, что у нихъ не было дѣтей. Филиппъ былъ небольшого роста, худощавый, желтый и походилъ на ростовщика итальянца. Людовикъ былъ толстъ, рыжъ, подслѣповатъ и нечистоплотенъ; таковымъ онъ казался въ самой парадной одеждѣ, а его жена, рожденная la Rovère de Montelabatte, при всемъ своемъ умѣ, была одною изъ непріятнѣйшихъ женщинъ и до того нечистоплотна, что давила за столомъ вшей. Не только благоволеніе Маріи-Терезіи, которая была очень расположена къ графу Людовику, но въ значительной степени наружность этихъ господъ способствовала той блестящей карьерѣ, которую они сдѣлали при своихъ врожденныхъ способностяхъ и знаніяхъ. Благодаря невзрачной наружности, они не внушали опасеній своимъ соперникамъ и достигли такимъ образомъ блестящаго положенія въ министерствѣ и при посольствахъ.

Графъ Людовикъ Кобенцель не только страстно любилъ свѣтскую жизнь, но онъ былъ до того подвиженъ, что трудно было представить себѣ, когда онъ работаетъ. Онъ питалъ въ особенности необузданную страсть къ французской комедіи и къ несчастью для своей профессіи, требующей того, чтобы дипломатъ держалъ себя съ достоин-

ствомъ, онъ игралъ безподобно и когда не могъ участвовать въ спектаклѣ, то вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ только и говорилъ о театрѣ. Это подавало иногда поводъ къ крайне непріятнымъ для него сценамъ. Однажды, вечеромъ, когда онъ исполнялъ роль Pandolph'а въ комедіи „Serva Padrona", для каковой роли онъ накрасился и одѣлся настоящимъ пугаломъ, у него вдругъ страшно разболѣлись зубы и онъ бросился на постель и заснулъ. Ему прислуживали два лакея; тотъ, который подавалъ ему одѣваться утромъ, не видѣлъ его по вечерамъ, когда онъ ложился спать. На другое утро, проснувшись, онъ позвонилъ; вошелъ лакей и, увидя это страшное лицо, убѣжалъ, крича благимъ матомъ на весь домъ, что въ кровать его превосходительства забрался чортъ. Можно себѣ представить, какой переполохъ произошелъ въ домѣ; посланникъ былъ взбѣшенъ, а въ Петербургѣ долго обсуждали это происшествіе на всѣ лады. Другой разъ, когда ему доложили о пріѣздѣ изъ Вѣны курьера съ весьма важными депешами, онъ приказалъ ввести его, забывъ, что онъ репетировалъ въ это время въ костюмѣ роль еврея съ приставной бородой и пластыремъ на глазу. Увидавъ его, курьеръ отступилъ на нѣсколько шаговъ и отказался отдать ему депеши. Напрасно объясняли ему, въ чемъ дѣло, онъ стоялъ на своемъ; пришлось вызвать тосканскаго посланника, барона Седелера, знавшаго курьера лично, который и подтвердилъ ему, что это именно и есть посланникъ ея апостольскаго и императорскаго величества.

Я былъ уже нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, какъ однажды императрица, недовольная чѣмъ-то графомъ Кобенцелемъ, который пріѣхалъ по ея повелѣнію въ Царское Село, сказала мнѣ черезъ столъ: „Постарайтесь понравиться тамъ и быть довольнымъ; я даю вамъ къ тому всѣ средства и запрещаю вамъ только одно,—играть на сценѣ. Являясь моимъ представителемъ, человѣкъ долженъ отказаться играть какую бы то ни было иную роль". Ударъ былъ жестокій, но заслуженный; Кобенцеля обвиняли, въ свое время, въ томъ, что онъ игралъ на сценѣ, имѣя въ карманѣ извѣстіе о кончинѣ Маріи-Антуанеты, но я этому не вѣрю. Онъ былъ способенъ сдѣлать низость, чтобы добиться успѣха, но не могъ сдѣлать подобной низости совершенно безцѣльно. Г-жа Румбекъ, очень несдержанная на слова, позволявшая себѣ неумѣстныя шутки и стремившаяся единственно къ тому, чтобы забавлять брата, могла бы очень повредить ему, если бы счастье и удача не преслѣдовали Кобенцеля подобно неумолимому року. Во время его перваго посольства въ Россію г-жа Румбекъ, къ великому неудовольствію Кобенцеля, была выслана изъ Петербурга.

Впослѣдствіи, будучи назначенъ, во времена консульства въ На-

рижъ, онъ являлся каждый день послѣ обѣда къ г-жѣ Б., чтобы участвовать въ тріо (?). Его заставляли ждать, нерѣдко совсѣмъ не принимали, но онъ являлся неизмѣнно въ одинъ и тотъ же часъ. Правда, ему удавалось обыкновенно добиться того, что онъ хотѣлъ, но когда дѣло идетъ не о спасеніи отечества, то можно ли кичиться подобными успѣхами? и долженъ ли порядочный человѣкъ приносить подобныя жертвы хотя бы во имя отечества?

Людовикъ Кобенцель преждевременно состарился отъ безсонныхъ ночей и слишкомъ роскошнаго стола; хотя онъ былъ большой Донъ-Жуанъ, но едва-ли онъ умеръ бы отъ этого пятидесяти лѣтъ отъ рода. Оставленное имъ небольшое состояніе, такъ же, какъ и болѣе значительное состояніе графа Филиппа перешло вмѣстѣ съ ихъ фамиліей къ графу Коронини, уроженцу Штиріи или Карніоліи.

Красавица Фанаріотка

(Госпожа Виттъ).

Кто не слыхалъ послѣднія тридцать лѣтъ объ этой красавицѣ гречанкѣ? Кто не видалъ ее, разъѣзжавшую по всей Европѣ? Я видѣлъ ее въ Берлинѣ въ 1781 г. Она разносила воду въ Сералѣ, откуда была похищена польскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Константинополѣ, Боскампомъ, который уступилъ ее впослѣдствіи человѣку неизвѣстнаго происхожденія по имени де-Виттъ; послѣдній развозилъ ее по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Во время русско-турецкой войны она отправилась въ главную квартиру въ Яссы и прельстила князя Потемкина до того, что его племянницы были не на шутку этимъ встревожены. По ея словамъ, она была въ Яссахъ въ качествѣ друга, хотѣла только цивилизовать князя, и она дѣлала это съ большой граціей и хитростью; она управляла имъ какъ хотѣла; племянницы Потемкина заботились гораздо болѣе о сохраненіи своего вліянія, нежели о томъ, чтобы не потерять любви своего любезнаго дядюшки, но всѣ ихъ старанія и маленькія хитрости не повели ни къ чему. Г-жа Виттъ послѣдовала за княземъ въ Петербургъ (1791 г.), гдѣ у нея появился великолѣпный домъ, роскошныя лошади и туалеты и, наконецъ, дипломъ на званіе графини священной римской имперіи. Вопреки правиламъ строгаго этикета, Потемкинъ самъ представилъ ее императрицѣ, которая пожаловала ей на другой же день драгоцѣнный подарокъ. Весь дворъ былъ у ея ногъ; низость нѣкоторыхъ лицъ доходила до того, что въ то время, какъ ея величество давала аудіенцію дипломатическому корпусу, австрійскій посланникъ, графъ Кобенцель каталъ г-жу Виттъ въ кабріолетѣ подъ

окномъ императорскаго дворца. По смерти своего новаго друга она удалилась въ помѣстья, полученныя ею благодаря Потемкину и объ ней нѣкоторое время забыли.

Въ этомъ-то помѣстьѣ, смежномъ съ знаменитымъ Тульчинскимъ имѣніемъ Потемкина, познакомился съ нею графъ Потоцкій. Его сердце, которое давно уже было свободно, отдалось ей безраздѣльно; подъ вліяніемъ своей любви къ г-жѣ Виттъ Потоцкій дѣлалъ самыя безразсудные и неделикатные поступки, тѣмъ болѣе, что его соперникомъ явился его старшій сынъ.

Вскорѣ Потоцкій рѣшилъ развестись съ женою, которая должна была согласиться на это. Злой языкъ графини Потоцкой создалъ ей не мало враговъ, а безумныя траты были причиною крупныхъ долговъ, и мы съ Шуазель-Гуфье, оставшись ей преданными, не знали какъ помочь ей и что посовѣтовать. Однажды, когда у нея спросили, какъ идетъ ея дѣло.

— Плохо, сказала она,—графъ Потоцкій упорно настаиваетъ на томъ, что его дѣти незаконнорожденныя. Это несправедливость и клевета, которыя еще болѣе усугубляютъ прискорбный фактъ ихъ законнаго происхожденія.

Павелъ I не любилъ Потоцкую и боялся ее, поэтому онъ за нее не заступился; разводъ состоялся, и при дворѣ появилась новая графиня Потоцкая. Насколько она была хороша и граціозна въ греческомъ костюмѣ, настолько она казалась смѣшною въ обыкновенномъ нарядѣ, когда она принимала видъ великосвѣтской дамы. Настоящая графиня Потоцкая утѣшалась и мстила, отпуская остроты, вслѣдствіе чего ей пришлось, въ концѣ-концовъ, удалиться отъ двора и изъ столицы.

Графъ Шуазель-Гуфье.

Вторая фамилія была присоединена къ имени графа Шуазеля, когда онъ вступилъ въ бракъ съ послѣдней представительницей рода Бонниве, дочерью адмирала Бонниве, любимца короля Франциска I.

Графъ Шуазель былъ во время революціи французскимъ посланникомъ въ Турціи. Еще раньше онъ путешествовалъ въ Турціи и, какъ результатъ этого путешествія и его дипломатической миссіи, явилось всѣмъ извѣстное прекрасное сочиненіе „Живописное путешествіе по Греціи“. Въ Константинополѣ онъ прославился своими интригами противъ Россіи, но, когда началась война, онъ дѣятельно сталъ покровительствовать русскимъ плѣннымъ и простеръ свою заботливость объ нихъ до того, что для нихъ былъ построенъ, по его иниціативѣ, посрединѣ арсенала деревянный госпиталь, гдѣ съ ними обращались замѣчательно хорошо.

По окончаніи революціи Шуазель удержался нѣкоторое время на своемъ посту, несмотря на всѣ происки восточныхъ якобинцевъ, наконецъ, былъ вынужденъ просить убѣжища у повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи; послѣдній, не зная, какъ взглянетъ на это его дворъ, отвѣтилъ уклончиво, но, когда бывшій посланникъ получилъ весьма любезное приглашеніе въ Петербургъ, то повѣренный въ дѣлахъ понялъ, нѣсколько поздно, что къ нему слѣдовало отнестись болѣе предупредительно.

Никогда еще ни чей пріѣздъ не возбуждалъ столько толковъ; никого не ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Какъ сейчасъ помню, это было въ Царскомъ Селѣ; императрица спускалась отъ колоннады по маленькой лѣстницѣ въ сопровожденіи принца Нассаускаго; завидѣвъ меня, она крикнула издали: „Угадайте, кто пріѣдетъ сюда черезъ полтора мѣсяца“.

Я не могъ угадать этого, такъ какъ я никогда не думалъ объ этой личности иначе, как перелистывая его книгу.

— Графъ Шуазель,—сказала императрица.—Мнѣ пишутъ, что онъ пріѣдетъ быть можетъ еще скорѣй, что онъ уже находится въ Россіи.

Это было сказано съ такимъ радостнымъ оживленіемъ, что я объяснилъ это лишь извѣстностью Шуазеля, какъ писателя, которымъ увлекался вѣроятно фаворитъ Зубовъ, и тѣмъ, что императрица всегда благоволила ко всѣмъ французамъ-вольнодумцамъ.

Это чудо, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, пріѣхалъ черезъ мѣсяцъ и съ перваго же взгляда было рѣшено, что Шуазель далеко не оправдалъ ожиданій. При дворѣ, особенно при петербургскомъ, быстро произносятъ свое сужденіе о человѣкѣ: достаточно сутокъ, чтобы съ нимъ познакомиться, превознести его или осудить.

Шуазель былъ небольшого роста, приземистый, держалъ руки округленно; его лобъ, съ огромными торчащими черными бровями походилъ на продранный матрасъ; черезъ-чуръ маленькій носъ придавалъ ему сходство съ попугаемъ; въ его взглядѣ было что-то принужденное, цвѣтъ лица былъ очень красный, выраженіе лица скорѣе хитрое, нежели умное; свою врожденную робость Шуазель старался скрыть подъ самыми обыденными манерами; у него не было ни одной медали, ни одного ордена кромѣ маленькаго крестика св. Людовика, болтавшагося въ петлицѣ; всего этого было достаточно, чтобы объ немъ сразу было произнесено сужденіе и при томъ неблагопріятное для него. Такъ какъ онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ во Франціи, которая составляла въ то время излюбленную тему разговора, то его бесѣда не казалась никому интересной. Онъ разсказалъ, что епископъ Отенскій, Талейранъ, его закадычный другъ, отказывался возвратить дан-

ныя ему на храненіе 400 тысячъ франковъ; разсказъ показался пикантнымъ; но когда онъ повторилъ его на слѣдующій день, то это уже показалось пошло... Въ обществѣ онъ имѣлъ также мало успѣха, какъ и при дворѣ; его окончательно уронило въ общемъ мнѣніи смѣшное увлеченіе одной кокоткой высшаго полета. Ея величество, обѣщавшая ему въ началѣ назначить его президентомъ академіи послѣ выхода въ отставку Дашковой, уклонилась отъ исполненія этого обѣщанія, и съ этой цѣлью не приняла отставки княгини Дашковой и ограничилась тѣмъ, что повелѣла пріобрѣсти его серебряный сервизъ, стоившій очень дорого. Наконецъ графъ Эстергази, посланникъ принцевъ-эмигрантовъ, имѣвшій большое вліяніе при русскомъ дворѣ, пользуясь имъ только для того, чтобы вредить французамъ, которые не внушали ему почему-либо довѣрія, не нашелъ Шуазеля достойнымъ своихъ заботъ и окончательно погубилъ его въ мнѣніи императрицы. Вотъ тому доказательство: однажды вечеромъ, на мое замѣчаніе, что трудно говорить болѣе интересно и содержательно объ искусствѣ, нежели Шуазель, что было совершенно справедливо, императрица возразила мнѣ довольно рѣзко и посовѣтовала не говорить о томъ, чего я не понимаю.

Нѣкоторыя лица, изъ чувства справедливости или изъ разсчета, старались возстановить репутацію Шуазеля; о томъ же старался графъ Марковъ, по просьбѣ своей любовницы, г-жи Гюсъ, пользуясь моментами, когда императрица оказывала ему благоволеніе, но все было напрасно, Шуазелю разрѣшено было появляться при дворѣ только въ дни большихъ пріемовъ. Онъ дѣлалъ видъ, что очень огорченъ этой опалой; но, благодаря этому, при перемѣнѣ царствованія онъ былъ, весьма естественно, причисленъ къ числу достойныхъ жертвъ предыдущаго режима. Павелъ I допустилъ его въ свой интимный кругъ, назначилъ президентомъ академіи художествъ, завѣдующимъ знаменитой варшавской библіотекой, а что еще лучше, пожаловалъ ему въ Самогитіи землю, приносившую пять тысячъ луидоровъ годоваго дохода, такъ что онъ сталъ гораздо богаче, нежели былъ во Франціи. Но его слабость къ женскому полу, доходившая до того, что онъ подпадалъ подъ вліяніе первой встрѣчной женщины, которая, не смотря на его безобразіе, позволяла ему ухаживать за собой, и нѣсколько темныхъ дѣлъ, въ которыхъ было замѣшано его имя, какъ лихоимщика, а главное безумная ненависть, съ какою новое правительство относилось къ эмигрантамъ, были причиною того, что его положеніе сдѣлалось хуже, нежели оно было въ моментъ кончины Екатерины II. О Шуазелѣ вспомнили въ то время, когда возникла мысль поставить памятникъ Суворову, онъ былъ приглашенъ ко двору, съ нимъ совѣщались относительно проекта, и онъ уже на-

дѣялся, что императоръ вернетъ ему прежнее благоволеніе, какъ вдругъ, 21-го января 1800 г. онъ былъ сосланъ за то, что онъ обѣдалъ у австрійскаго посланника Кобенцеля, которому былъ запрещенъ въ то время пріѣздъ ко двору, и разговаривалъ съ Дюмурье, относительно котораго Павелъ еще не рѣшилъ, какъ поступить.

На другой день я самъ былъ сосланъ и встрѣтился съ нимъ въ маленькой харчевнѣ, въ двухъ верстахъ отъ столицы, гдѣ онъ ожидалъ, вмѣстѣ съ многими другими лицами, своихъ экипажей.

Насъ было тутъ восемьдесятъ человѣкъ, отправлявшихся одновременно въ ссылку; между прочимъ старикъ маркизъ Ламбертъ и г-жа Жеребцова, сестра Зубова. Бѣдный Шуазель грустилъ о разлукѣ съ своей женою, не обладавшей впрочемъ никакими выдающимися качествами, но которую онъ любилъ, по его словамъ, до безумія, и о томъ, что ему приходилось разстаться съ частной квартирой своей любовницы, гдѣ мы обѣдали у него въ интимной кампаніи, въ шестеромъ и очень пріятно проводили время.

Я уже говорилъ, что Шуазеля было очень пріятно слушать, когда онъ говорилъ объ искусствѣ. Дѣйствительно, даже когда онъ объяснялъ какое-нибудь производство, онъ говорилъ очень ясно и поучительно. Помимо этого его бесѣда не представляла ничего интереснаго. Рѣдко можно было встрѣтить художника, который такъ хорошо рисовалъ бы карандашемъ, какъ онъ. Немудрено, что, увлекшись рисованіемъ, онъ забывалъ самыя серьезныя дѣла. Что касается его нравственнаго облика, то многіе находили, что я изображалъ его совершенно вѣрно, говоря, что если бы Талейранъ былъ посланникомъ при турецкомъ дворѣ, а Шуазель епископомъ Отенскимъ, то мы увидѣли бы перваго въ Петербургѣ, а второго министромъ иностранныхъ дѣлъ при національномъ конвентѣ, Директоріи и Бонапартѣ; вся разница была бы только въ ихъ наружности и талантахъ.

Я встрѣтился съ Шуазелемъ въ Парижѣ во времена имперіи и вращался вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ обществѣ. Онъ дневалъ и ночевалъ у того самаго друга, про котораго онъ разсказывалъ въ Россіи, будто тотъ утаилъ у него четыреста тысячъ франковъ; Шаузель ухаживалъ за нимъ, чтобы добиться мѣста префекта, чина статскаго совѣтника и званія сенатора, а по вечерамъ разсказывалъ мнѣ объ немъ всякія гадости. Всеобщія насмѣшки возбуждала въ то время его связь съ княгиней Еленой де-Бофремонъ, другомъ г-жи Жанлисъ, и большой умницей. Мы прозвали ихъ „маленькіе ученые“, потому что они вѣчно спорили и что-нибудь обсуждали. Шуазель велъ эту интригу на глазахъ у своей жены, женщины вполнѣ достойной, и своихъ пятерыхъ замужнихъ дочерей. Когда его жена скончалась, онъ женился на своей Еленѣ, но она скоро похоронила

его, и послѣ его смерти дѣти его отъ перваго брака не оказывали ей никакого уваженія.

Во времена Реставраціи не было болѣе яраго роялиста, какъ Шуазель-Гуфье; въ награду за это онъ получилъ пенсію и званіе пэра, сдѣлался снова членомъ французской академіи, окончилъ свое „Живописное путешествіе по Греціи", но, по недостатку средствъ, не могъ достроить великолѣпный Идалійскій павильонъ, сооруженный имъ въ Нельи (avenu de Neuilly), въ которомъ все было устроено по моделямъ, привезеннымъ изъ Аѳинъ, и выполнено съ рѣдкимъ совершенствомъ. Послѣ его смерти это очаровательное мѣстечко, къ стыду парижанъ, было превращено въ увеселительное заведеніе подъ названіемъ „Садъ Марбефъ".

Любомірскій [1]).

Одинъ изъ самыхъ выдающихся процессовъ, веденныхъ въ царствованіе Екатерины II, былъ процессъ этого поляка съ наслѣдниками князя Потемкина; дѣло это было выдающееся по своей грандіозности и по тѣмъ лицамъ, которыя въ немъ были замѣшаны. Говорю это не потому, что я игралъ въ немъ нѣкоторую роль; но оно служитъ дѣйствительно яркой иллюстраціей того, какъ велись тяжебныя дѣла въ Россіи даже въ то царствованіе, когда законъ соблюдался очень строго; къ тому же оно рисуетъ съ такой любопытной стороны характеръ этой великой монархини, что я считаю интереснымъ сказать о немъ подробнѣе. Князь Потемкинъ, достигнувъ всего, что случай могъ дать ему въ его отечествѣ, перенесъ свои вожделѣнія за границу Россіи. Корона Польши, герцогство Курляндское, верховныя права надъ Молдавіей и Валахіей съ королевскимъ титуломъ—таковы были погремушки, которыми воображеніе тѣшило этого великаго честолюбца. Ему не удалось склонить Екатерину II раздѣлить съ нимъ россійскій престолъ, но онъ не терялъ надежды на то, что она воздвигнетъ ему престолъ въ иномъ мѣстѣ.

Дѣло, о которомъ я говорю, относится къ тому времени, когда предметомъ его вожделѣній была Польша; какъ знать, быть можетъ было бы благоразумнѣе и даже нравственнѣе отдать эту страну По-

---

[1]) Князь Фердинандъ-Ксаверій Любомірскій, генералъ-лейтенантъ русской службы, былъ дальнимъ родственникомъ графа Ѳ. Г. Головкина; онъ былъ женатъ третьимъ бракомъ на Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной, сестрѣ Екатерины Львовны Головкиной, рожденной Нарышкиной. Мужъ Екатерины Львовны, Юрій Головкинъ былъ двоюродный братъ Ѳ. Головкина.

темкину, нежели совершить ея раздѣлъ. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы достигнуть этой цѣли, для чего нужно было пріобрѣсть права польскаго гражданства, а для этого нужно было владѣть въ Польшѣ помѣстьемъ; потому онъ и пріобрѣлъ у князя Любомірскаго, за шесть милліоновъ, мѣстечко Смѣла, и сдѣлался такимъ путемъ польскимъ магнатомъ. Но, слишкомъ занятый имперскими дѣлами, онъ позабылъ покончить дѣло и не позаботился ни уплатить сдѣланный такимъ образомъ огромный долгъ, ни дать Любомірскому какое-либо обезпеченіе въ уплатѣ этого долга. Расположившись въ своей главной квартирѣ, въ Яссахъ, снѣдаемый честолюбіемъ и поглощенный дѣлами, недоступный ни для кого кромѣ своихъ племянницъ и нѣсколькихъ приближенныхъ, Потемкинъ едва-ли зналъ о томъ, что князь Любомірскій находился въ его арміи, гдѣ вполнѣ законный личный интересъ заставлялъ его неусыпно слѣдить за княземъ день и ночь. Поступокъ Потемкина нельзя объяснить недобросовѣстностью или затруднительными денежными обстоятельствами; онъ поступалъ, какъ всесильный визирь и человѣкъ въ высокой степени безпечный. Если бы кто-нибудь рѣшился сказать ему, какъ его поступокъ былъ некрасивъ съ нравственной стороны, то гордость заставила бы его удовлетворить своего кредитора, но изъ окружающихъ одни трепетали при мысли навлечь на себя его неудовольствіе, другіе считали смѣшнымъ хлопотать за магната, который не умѣлъ самъ устроить своихъ дѣлъ и какъ будто выпрашивалъ милостыню, тогда какъ онъ могъ требовать. Наконецъ Любомірскій, видя, что ему не удастся даже добиться аудіенціи, вызвалъ въ главную квартиру свою жену, рожденную графиню Ржевусскую, которая была дурна собой и глупа, но какъ женщина и полька могла добиться всего и въ случаѣ надобности пролѣзть сквозь игольное ушко. Она добилась того, что Потемкинъ увидѣлъ ее, выслушалъ, нашелъ ея требованіе вполнѣ справедливымъ и взамѣнъ Смѣлы передалъ въ ея владѣніе Дубровское, оцѣненное въ два милліона, а на остальные четыре милліона обѣщалъ выдать ей обезпеченіе.

Благополучное начало дѣла подало княгинѣ надежду довести его успѣшно до конца. Она поселилась въ передней своего должника, слѣдовала за нимъ по пятамъ всюду, куда бы онъ ни ѣхалъ по дѣламъ службы или по своей личной надобности, сдѣлалась какъ бы членомъ главной квартиры и, не смущаясь высокомѣрнымъ тономъ племянницъ Потемкина, язвительными насмѣшками его любимчиковъ, отсутствіемъ квартиры, а подъ часъ и пищи, она не покидала своего поста. Не знаю, увѣнчалась ли бы успѣхомъ такая настойчивость, но Потемкинъ скончался. Когда Любомірскіе обратились къ наслѣдни-

камъ, то они потребовали, чтобы имъ были предъявлены документы, а такъ какъ все дѣло велось на честное слово, то они отказались отъ уплаты долга. Къ несчастью для Любомірскихъ эти наслѣдники были не простые смертные, которыхъ легко притянуть въ судъ; это были: графиня Браницкая, супруга польскаго генерала, статсъ-дама императрицы и кавалерственная дама, графиня Скавронская, статсъ-дама, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ своего дядюшки, княгиня Голицына, мужъ которой былъ всѣми уважаемъ за его честность и за услуги, оказанныя государству, двѣ другія племянницы Потемкина Шепелева и Юсупова, графъ Самойловъ, Андреевскій кавалеръ и генералъ-прокуроръ и нѣсколько другихъ лицъ, которые могли постоять за себя. Надобно было, чтобы всѣ эти лица съѣхались, заявили о своемъ отказѣ уплатить долгъ, надобно было доказать, что они отказываются отъ уплаты; все это вмѣстѣ взятое, а также искреннее или притворное горе императрицы воздвигали, повидимому, около этихъ четырехъ милліоновъ непреодолимую преграду.

Князь Любомірскій не былъ уменъ, не пользовался особеннымъ уваженіемъ и не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ; княгиня отстала отъ своего круга, но у нихъ были дѣти, это заставило нѣкоторыхъ лицъ принять участіе въ ихъ дѣлѣ. Имъ посовѣтовали, за отсутствіемъ доказательствъ, обратиться къ такъ называемому третейскому суду или суду совѣсти, установленному императрицей подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, и къ счастью для нихъ, они послѣдовали этому совѣту.

Императрица Елизавета

(супруга Александра I).

Хотя принцеса еще не достигла полной зрѣлости, тѣмъ не менѣе было рѣшено, что бракосочетаніе состоится въ октябрѣ.

На другой же день началось обученіе ея русскому языку и православной вѣрѣ; одновременно начались огромныя приготовленія къ торжеству. Прежде всего начали отдѣлывать тѣ комнаты Зимняго дворца, которыя выходятъ на уголъ Невы и Адмиралтейства. Онѣ были обиты драгоцѣнными обоями и уставлены зеркалами. Спальня была отдѣлана съ необычайнымъ изяществомъ и роскошью. Стѣны были обтянуты бѣлой шелковой матеріей, полученной изъ Ліона съ вышитымъ по ней бортомъ изъ крупныхъ розъ; колонны алькова, двери и стеклянныя, розоватаго цвѣта, украшенія были оправлены вызолоченной бронзой и украшены барельефами изъ бѣлыхъ камей, которыя, будучи наложены на прозрачное стекло, какъ бы расплы-

вались въ неясныхъ очертаніяхъ воздуха. Кромѣ ея величества, Зубова, генерала Турчанинова, кабинетъ - секретаря и меня, никто не видѣлъ этого волшебства до самаго дня свадьбы.

Крестины принцессы и обрученіе состоялись 20 и 21 мая (н. с.) 1793 г. Принцесса, стоя посреди дворцовой церкви, громко прочла символъ вѣры. Она была хороша, какъ ангелъ. На ней былъ розовый тюникъ, вышитый крупными бѣлыми розами, и бѣлая юбка, вышитая такими же розовыми розами; и ни одного брилліанта: ея прекрасные бѣлокурые волосы были распущены; настоящая Психея! Великій князь, которому измѣнили его дѣтскую прическу, былъ въ парчевомъ шитомъ серебромъ кафтанѣ. Принцесса была названа Елизаветой, въ память императрицы, избравшей Екатерину II, и ей былъ данъ титулъ великой княгини.

Великолѣпно было зрѣлище, когда великая монархиня взошла на амвонъ съ молодой четой, которую она посвящала служенію Богу и народу. Я не могъ удержаться отъ слезъ. Какъ только новая великая княгиня возвратилась въ свои апартаменты, ея величество послала ей въ подарокъ великолѣпные брилліанты. Тутъ было между прочимъ ожерелье изъ семи солитеровъ, взятыхъ изъ знаменитыхъ эполетъ князя Потемкина, изъ коихъ всѣ алмазы были возвращены въ казну; новая великая княгиня была такъ утомлена этой длинной церемоніей, что она едва могла встать съ постели,—на которую она бросилась, вернувшись въ свои апартаменты,—чтобы принять этотъ подарокъ.

Впрочемъ, брилліанты и наряды интересовали ее меньше всего.

Окончательное развитіе принцессы все еще не наступало; природа какъ будто насмѣхалась надъ нетерпѣніемъ императрицы, которая спѣшила со всѣми приготовленіями. Эти многочисленные хлопоты только и могли отвлечь ея мысли отъ этой досадной непріятности, и ея воображеніе такъ разыгрались, что она представляла себѣ, что будущіе супруги въ восторгѣ другъ отъ друга. Ея ежедневные разговоры на эту тему были для меня настоящей пыткой, такъ какъ я не хотѣлъ ни обманывать, ни разочаровывать ее, и мое хладнокровіе казалось ей то недостаткомъ расположенія, то безучастіемъ... Дѣло въ томъ, что эти дѣти совершенно не подходили другъ къ другу. Великій князь, который былъ старше на годъ, не созрѣлъ еще ни умомъ, ни характеромъ; его манеры въ обычной жизни не отличались ни граціей, ни достоинствомъ: онъ былъ только очень хорошъ собою и прекрасно образованъ. Великая княгиня, на свое несчастіе, выросла при маленькомъ дворѣ, при которомъ достоинство манеръ являлось выраженіемъ душевнаго благородства; воспитанная любящей, весьма образованной матерью, она была развита не по лѣтамъ, и подъ

вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ въ ней развилась любовь ко всему изящному и утонченному, что составляетъ прелесть и украшеніе семейной жизни. Поэтому великій князь чувствовалъ къ ней только уваженіе и былъ нѣсколько обиженъ ея превосходствомъ, тогда какъ великая княгиня была нѣсколько смущена, видя себя связанной съ ребенкомъ, хотя она собственно ни въ чемъ не могла упрекнуть его.

Наконецъ, давно ожидаемый моментъ сочетать ихъ бракомъ насталъ, и императрица воспользовалась имъ съ такой неосторожной поспѣшностью, вслѣдствіе которой ея самымъ сокровеннымъ надеждамъ не суждено было сбыться. Великаго князя поручили на нѣсколько часовъ Торсуковой, женѣ одного изъ его дядекъ и племянницъ Перекусихиной, горничной ея величества, и бракосочетаніе совершилось 9-го октября (н. ст.) 1793 г. Признаюсь, это было для меня большой радостью. Ничто не можетъ быть тягостнѣе, какъ если человѣкъ придаетъ преувеличенное значеніе тому, что его не имѣетъ, когда онъ стремится удовлетворить честолюбіе, не поставивъ себѣ никакой опредѣленной цѣли, и когда онъ теряетъ время на занятія, которыя кажутся ему, по существу, унизительными.

Въ настоящее время мнѣ представляется, что въ томъ возрастѣ я ни на что иное не былъ способенъ, и что мнѣ слѣдовало радоваться тому, что и такъ или иначе былъ приближенъ ко двору; но въ то время я былъ иного мнѣнія и считалъ себя въ правѣ претендовать на всякое мѣсто, какъ бы высоко оно ни было. Вскорѣ послѣ бракосочетанія великаго князя, я былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, такъ что я потерялъ изъ вида молодой дворъ и могъ бы говорить объ немъ только со словъ другихъ, чего я не переношу. Однако, все то, что происходило при этомъ дворѣ, во время моего отсутствія, настолько любопытно, что я долженъ хотя вкратцѣ повторить то, что мнѣ разсказывали.

Въ то время говорили, будто императрица, потерявъ надежду на то, что у великаго князя Александра Павловича будутъ дѣти, поручила князю Зубову, съ которымъ уже остались въ то время одни дѣловыя отношенія, помочь этому горю. Эта странная мысль была внушена ей сознаніемъ государственной необходимости; въ этомъ планѣ приняла участіе г-жа Шувалова, и счастливый фаворитъ позволилъ себѣ выказать великой княгинѣ такое вниманіе, которое показалось оскорбительнымъ ей и всей царской фамиліи. Не знаю, правда ли это, и даже не вѣрю этому, такъ какъ ничто не даетъ повода предположить, что Екатерина утратила чувство мѣры, коимъ были отмѣчены всѣ ея дѣйствія, и избрала такое недостойное и смѣшное средство, какого вовсе не требовали обстоятельства. Я знаю одно, что

когда я вернулся въ Россію, то ихъ императорскія высочества не могли терпѣть ни Шувалову, ни Зубова, и императоръ Павелъ I отзывался о первой изъ нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Но при дворѣ это еще ничего не доказываетъ. При томъ мнѣ кажется, что, хорошо зная характеръ великой княгини, которая никогда не спорила и не возражала, но дѣлала всегда по-своему, императрица не могла рѣшиться на столь неслыханный планъ, тѣмъ болѣе, что она терпѣла не разъ неудачи въ самыхъ пустяшныхъ дѣлахъ.

Приведу тому одинъ примѣръ. Великая княгиня терпѣть не могла румянъ, а императрица, какъ она говорила шутя Шуваловой, не выносила, чтобы молодая женщина являлась въ общество безъ румянъ и чтобы по ея лицу можно было судить о состояніи ея здоровья. Такъ какъ великая княгиня не обращала никакого вниманія на тысячу замѣчаній, сдѣланныхъ ей по этому поводу, то ея величество понимала, что Шуваловой не хватало твердости, поручила гофмаршалу графу Солтыкову передать ей желаніе государыни. Солтыковъ велѣлъ доложить великой княгинѣ, что онъ проситъ, по порученію императрицы, позволенія видѣть ее, когда ея туалетъ будетъ оконченъ.

Подозрѣвая, въ чемъ дѣло, великая княгиня позвала его въ тотъ моментъ, когда она уже была готова идти къ государынѣ. Выйдя къ нему со свѣчей въ рукѣ, она сказала:

— Взгляните на меня хорошенько, графъ, какъ вы меня находите? Говорите безъ комплиментовъ.

— Но... вы очень красивы!

— Слышите, сказала великая княгиня, обращаясь къ своимъ камерфрейлинамъ, графъ доволенъ; слѣдовательно, ничего добавлять не нужно.

И, оставивъ его изумленнымъ, она ушла такъ поспѣшно, что онъ не могъ нагнать ее. Императрица была вначалѣ нѣсколько удивлена, но затѣмъ посмѣялась надъ гофмаршаломъ, который жаловался ей на то, какъ ловко его провели:

„Она права, она прелестна, сказала императрица; не говорите ей болѣе объ этомъ".

Въ царствованіе Павла великая княгиня, какъ и всѣ остальные, пережила много непріятныхъ минутъ. Императоръ питалъ къ ней болѣе чѣмъ отеческія чувства, увѣрялъ, что она напоминала ему его первую супругу, и въ минуты гнѣва противъ своего сына говорилъ довольно прозрачно, что его высочество недостоинъ жены, обладавшей такими совершенствами. Впрочемъ, въ это время великокняжеская чета жила очень дружно; скука, всякаго рода стѣсненія и угрожавшая имъ обоимъ опасность сближали ихъ, такъ какъ они не могли никому довѣрять.

Во время бракосочетанія короля шведскаго, который, вмѣсто того, чтобы вступить въ бракъ съ сестрою великаго князя, женился на сестрѣ ея высочества, великой княгинѣ пришлось испытать не мало непріятностей со стороны императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая увѣряла, что Елисавета Алексѣевна давно уже устроила это дѣло, и убѣждала императора, что принцесса Фредерика Баденская обязана своей сестрѣ тѣмъ, что ей оказано предпочтеніе передъ великой княжною Александрой Павловной, какъ будто было мало препятствій политическаго и религіознаго свойства, чтобы устранить всякое подозрѣніе

Король шведскій, сознавая всѣ выгоды тѣснаго союза съ Россіей и не имѣя возможности породниться съ Павломъ Петровичемъ черезъ его сестру, достигнулъ этого черезъ Баденскій великогерцогскій дворъ. Все это было вполнѣ естественно, но недоразумѣнія, возникшія вслѣдъ за тѣмъ между императоромъ и великимъ княземъ, поставили великую княгиню въ чрезвычайно затруднительное и щекотливое положеніе. Графъ Головинъ, завѣдывавшій главной квартирой великаго князя и бывшій другомъ любимца Павла, графа Ростопчина, вообразилъ, что онъ сдѣлаетъ карьеру, ставъ во враждебныя отношенія къ Александру Павловичу, при которомъ онъ состоялъ.

Начались самыя гнусныя интриги. Головинъ старался найти въ интимной жизни малаго двора такіе факты, которыя могли сдѣлать его преступнымъ и смѣшнымъ въ глазахъ большого двора.

Какъ только были пущены въ ходъ всякіе навѣты, враги ихъ высочествъ возложили свои дальнѣйшія надежды на подозрительный характеръ императора, не щадившаго ни своего авторитета, ни достоинства своего дома. Онъ приказалъ своей невѣсткѣ посылать ежедневно къ его фавориткѣ Лопухиной, спрашивать, какой ей надѣть туалетъ, и когда она не повиновалась, то къ дверямъ ея апартаментовъ были приставлены часовые.

Шувалова и князь Чарторыйскій были удалены отъ двора; по просьбѣ великаго князя послѣдній былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ; та же участь угрожала княгинѣ Шаховской, статсъ-дамѣ и другу великой княгини; только ничѣмъ невозмутимое хладнокровіе, съ какимъ великая княгиня отнеслась къ этимъ оскорбленіямъ, и слезы его высочества смягчили гнѣвъ императора. Люди хорошо освѣдомленные увѣряли меня,—я держался какъ можно дальше отъ всѣхъ этихъ интригъ,—что императоръ, поддавшись всецѣло вліянію своихъ слугъ, возведенныхъ на министерскія должности, и отказавшись отъ чистоты нравовъ, коими отличалась до сихъ поръ его жизнь, былъ не прочь отыскать въ своей семьѣ факты, которые могли если не оправдать, то по крайней мѣрѣ извинить его собственныя уклоненія, и что это именно обстоятельство заставляло его терпѣть поведеніе

великаго князя Константина Павловича, отъ котораго такъ много страдала его супруга, и даже бросить тѣнь подозрѣнія на добродѣтель императрицы, которая была въ этомъ отношеніи самой строгой и безукоризненной женщиной въ мірѣ.

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прошеніе грузинскаго царевича о разводѣ его съ женою.

Всемилостивѣйшій государь! Подданные ваши и чужеземцы, находящіеся въ Россіи, провождаютъ спокойную жизнь подъ кровомъ вашихъ милостей. Симъ руководствуясь, я—въ бѣдствіяхъ моихъ—прибѣгнулъ къ вашему величеству. Предъ симъ за четыре года, вступя въ бракъ съ моей женою, полагалъ я найти счастіе въ ономъ, но вмѣсто сего въ первый день почелъ себя огорченнымъ, такъ что я принужденъ былъ въ ту же минуту ее оставить, о чемъ тогда же донесъ родителю моему царю Георгію, желавшему сей бракъ разрушить. Но скорая кончина его лишила меня того благополучія. Но какъ между нами пресѣклось дружество, кромѣ политическихъ въ случаѣ—разговоровъ, то она изготовила для меня отраву, на что я имѣю доказательство. Сія отрава, принесенная ко мнѣ, хранилась въ моемъ кабинетѣ, но по отбытіи моемъ изъ Грузіи взята моею женою и наказаны приставленные къ сему люди. Таковой поступокъ ея доказывается присланною отъ тѣхъ людей жалобою. Оставляю дѣйствія зла жены моей, противъ меня учиненныя, оставляю оныя для того, что не желаю симъ безпокоить ваше величество. Жалоба моя на жену по грузинскимъ правамъ слѣдовала быть въ уголовномъ судѣ, который силою закона опредѣляетъ таковымъ преступницамъ, какова жена моя, наказаніе. Но не желая отяготить тѣмъ судьбу жены моей, просилъ я католикоса, чтобы разлучить меня съ нею. Сіе отношеніе доставилъ я къ нему для того, что я почиталъ себя тогда грузиномъ и помышлялъ о возвращеніи въ отечество, обѣщанное мнѣ вашимъ величествомъ посредствомъ графа Кочубея. Но ежели бы я зналъ, что я навсегда останусь здѣсь, въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы я нужды къ нему, какъ не дѣйствующему въ Россіи, но отнесся бы къ вашему величеству. Къ уличенію жены моей сообщилъ я католикосу вѣроятныя доказательства, которыя обратилъ онъ въ про-

*

тивную сторону по постановленію свидѣтелями родственниковъ ея. Изъ сего долженъ я заключить, что по дѣлу моему было или пристрастное его сужденіе, или (онъ) не хотѣлъ разсмотрѣть представленныхъ мною доказательствъ, или изъ угожденія другимъ сдѣлалъ онъ на меня негодованіе, каковое и братья его имѣли, когда родитель мой за произведенный ими 1800 года въ Карталіи бунтъ поступилъ съ ними посредствомъ меня, какъ съ мятежниками. По кончинѣ родителя моего, вознамѣрились они противостать россійскимъ войскамъ, но я, какъ начальникъ и всепреданнѣйшій Россіи, отвратилъ ихъ покушенія, о чемъ извѣстенъ бывшій тамъ главнокомандующимъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ.—Великій монархъ! Ежели бы ни одна изъ показанныхъ мною причинъ не дѣйствовала умомъ и сердцемъ католикоса, то не сдѣлалъ бы онъ по дѣлу моему такого сужденія; ибо грузинскими законами не только по доказательству, какое я имѣю, но по малѣйшему таковому сомнѣнію, мужъ разлучается съ женою. Онъ, можетъ быть, предполагалъ, что смертію, похитившею у меня родителя, извѣщеннаго какъ о порокѣ жены моей, такъ и о томъ, что я вѣнчанъ съ нею не въ церкви, лишенъ я доказательства на то, о чемъ я доносилъ моему родителю. Ежели бы и всѣ представляемыя доказательства мною къ уличенію жены оставилъ я, то одна истина, представляемая вашему величеству, доказываетъ право мое тѣмъ, что по совершеніи брака—въ ту же минуту я жену оставилъ и послѣ не жилъ съ нею. Слѣдуя благости сердца вашего величества, всеподданнѣйше прошу защитить честь предковъ моихъ царей и мою и избавить меня союза съ женою, съ которой жить мнѣ всегда сомнительно. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій царевичъ грузинскій Давыдъ, мая 27-го дня 1805 года.

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**

Переписка Пушкина.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями *В. И. Саитова*. Т. I. Спб. 1906 г.

Для того чтобы оцѣнить по достоинству новое изданіе переписки Пушкина, нужно взять одно изъ прежнихъ изданій и сравнить съ новымъ въ любыхъ нѣсколькихъ мѣстахъ. Варварское отношеніе прежнихъ издателей къ пушкинскому тексту, спутанная и сбивчивая хронологія, смѣшеніе въ одно отдѣльныхъ частей разныхъ писемъ, неполнота—такова физіономія всѣхъ прежнихъ изданій переписки Пушкина, которыми пользоваться приходилось поневолѣ. Новое изданіе, вполнѣ достойное имени Пушкина, окончательно вытѣсняетъ старыя. Появленіе его—событіе не изъ послѣднихъ въ нашей литекаратурѣ, и на немъ нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что все касающееся Пушкина вызываетъ къ себѣ интересъ, и что на достоинства этого изданія необходимо обратить вниманіе широкой публики, которая по причинамъ, такъ сказать, научно-техническаго свойства не сможетъ оцѣнить его такъ, какъ оно заслуживаетъ.

Пушкинская переписка наиболѣе полное отраженіе духа Пушкина и, богатый матеріалъ для его біографіи и для исторіи его времени, вмѣстѣ съ тѣмъ является одною изъ лучшихъ русскихъ книгъ для чтенія. Въ ней Пушкинъ является попеременно поэтомъ, критикомъ, другомъ, собутыльникомъ, острякомъ, политикомъ, на каждомъ шагу мѣняясь съ быстротою Протея, но вездѣ и всегда являя неизмѣнную сущность генія. Какъ подъ руками сказочнаго чудодѣя все обращалось въ драгоцѣнный металлъ, такъ изъ-подъ пера нашего волшебника слова летѣли золотыя брызги. Поэтому не приходится много говорить о важности полнаго академическаго изданія его переписки. Это было сознано уже давно, письма поэта стали появляться въ

печати уже вскорѣ послѣ его смерти. „Много алмазныхъ искръ Пушкина“—писалъ когда-то Даль—„разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли, и едва-ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто“. А. П. Брюлловъ сказалъ однажды, говоря о Пушкинѣ: „Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота“.

Изданіе В. И. Саитова,—истинная драгоцѣнность, груда слитковъ золотого русскаго слова, сложенная бережно и любовно. Въ немногихъ строкахъ редакторъ опредѣляетъ основные пріемы, примѣненные имъ къ своей работѣ. „Преслѣдуя“—говорчтъ онъ—„правильность пушкинскаго текста, я провѣрилъ письма его, бывшія уже въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое. Издаваемая переписка Пушкина расположена въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія пушкинской орѳографіи, своею сравнительною полнотой, которая выражается въ обнародованіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ приведеніи полностью черновыхъ редакцій на-ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее изданіе включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемыя для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также свѣренныя, по возможности, съ подлинниками“. Состоящая при академіи пушкинская коммиссія, разсматривая планъ изданія, установила вполнѣ раціональное правило, принятое г. Саитовымъ,—что въ академическомъ изданіи „текстъ долженъ представлять собою по возможности авторскую редакцію, безъ издательскихъ измѣненій“. Замѣтимъ также, что прежніе издатели относились къ пушкинскимъ черновикамъ весьма небрежно, печатая лишь нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своему вкусу, управлявшемуся преимущественно личными эстетическими взглядами; письма корреспондентовъ поэта никогда не печатались вмѣстѣ съ его письмами и были разбросаны въ различныхъ изданіяхъ. Слѣдовало бы г. Саитову расширить свою задачу введеніемъ оффиціальной переписки Пушкина; такъ, напрасно исключилъ онъ прошеніе Пушкина на имя императора Николая Павловича, относящееся къ маю 1826 г. Въ перепискѣ должны быть всѣ дѣловыя бумаги и прошенія, вышедшія изъ-подъ пера Пушкина.

Въ разбираемомъ собраніи находится цѣлый рядъ писемъ Пушкина и къ Пушкину. Впервые напечатанныя письма Пушкина носятъ у г. Саитова номера—85, 145, 157, 208 (первая половина), 251, 275 и 279. Въ письмѣ № 85, 5-го іюля 1824 г., изъ Одессы, ново и

интересно мнѣніе Пушкина о Вольтерѣ. „Французы ничуть не ниже англичанъ въ исторіи.—Если первенство чего-нибудь да стоитъ, то вспомните, что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ и внесъ свѣтильникъ философіи въ темные архивы исторіи. Робертсонъ сказалъ, что если бы Вольтеръ потрудился указать на источники своихъ сказаній, то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей исторіи".

Къ числу особенно интересныхъ мѣстъ въ книгѣ принадлежитъ письмо поэта къ князю П. А. Вяземскому, изъ с. Михайловскаго, 13-го сентября 1825 г. Начинается оно литературнымъ замѣчаніемъ вродѣ тѣхъ, какими полна вся его переписка съ Вяземскимъ: „Самъ съѣшь!—замѣтилъ ли ты, что всѣ наши журнальныя анти-критики основаны на самъ съѣшь". Булгаринъ говоритъ Федорову: „ты лжешь", Фед. говоритъ Булг—у: „самъ ты лжешь". Пинскій говоритъ Полевому: „ты невѣжда", Пол. возражаетъ Пинскому: „ты самъ невѣжда". Одинъ кричитъ: „ты крадешь!", другой „самъ ты крадешь!"—и всѣ правы... Очень естественно, что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности, а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ, можетъ быть, пуще моего взбѣленились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ, а мнѣ хуже, да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю; одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ іезуитъ, но все же мнѣ не легче. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ, какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis—и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, поневолѣ голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю—но чортъ ли въ эдакой жизни! Гораздо ужъ лучше отъ не-лѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ, могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней пріятную и полезную эпитафію. Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама берется оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Мойера, который, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ, а въ прозѣ, дьявольская разница!), а тамъ не велятъ и бѣситься. Какъ не такъ! Я знаю, что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ прочія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы,—но помилуй... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду рая и страхъ ада. Зачѣмъ не хочу согласиться на пріѣздъ ко мнѣ Мойера?—Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ докторовъ и

платить имъ за свое лѣченіе. Мойеръ другъ Жуков-у, но не Ж.— Благодѣяній отъ него не хочу.—Вотъ и все...—Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли въ юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи—всѣхъ, думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакожъ, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар(амзина) о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми конецъ X и весь одиннадцатой томъ, вотъ тебѣ и планъ. Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризмъ: друзья хлопочутъ о моей жилѣ, а я—объ жильѣ. Каково?"

Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина находимъ разсужденіе о „самъ съѣшь", какъ о „главной пружинѣ нашей журнальной полемики". Извѣстно, что Пушкинъ отказался лѣчиться въ Псковѣ и къ Мойеру не поѣхалъ. Карамзинъ очень интересовался „Борисомъ Годуновымъ" и кое-что присовѣтовалъ для него Пушкину; трагедія, вышедшая нѣсколько лѣтъ спустя, посвящена Пушкинымъ памяти знаменитаго историка. Сравненіе Марины Мнишекъ съ Е. Н. Орловой Пушкинъ повторилъ черезъ нѣкоторое время въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Вяземскому.

Очень любопытно по своему тону и содержанію впервые опубликованное г. Саитовымъ письмо поэта къ Вяземскому, изъ Михайловскаго, отъ начала мая 1826 г.: „Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ—потолкуемъ когда-нибудь на досугѣ. Покамѣстъ дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручитъ очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Полагаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Пріюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ, сколько ей понадобится,—а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). Ты видишь, что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ. При семъ съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ не хочется,—а нельзя ли его покамѣстъ отдать въ какую-нибудь деревню,—хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей Богу,—но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой ангелъ; боленъ ли ты или нѣтъ, мы всѣ больны—кто чѣмъ. Отвѣчай же подробно". Письмо это приводитъ на память стихи

изъ „Евгенія Онѣгина", въ которыхъ поэтъ описываетъ деревенскую жизнь своего героя: „порой бѣлянки черноокой младой и свѣжій поцѣлуй". Хотя поэтъ и говорилъ: „всегда я радъ замѣтить разность между Онѣгинымъ и мной", и „какъ-будто намъ ужъ невозможно писать поэмы о другомъ, какъ только о себѣ самомъ?", тѣмъ не менѣе въ приведенномъ двустишіи о поцѣлуѣ черноокой бѣлянки нельзя не видѣть, особенно въ связи съ цитированнымъ письмомъ, черты автобіографической. „Сейчасъ получилъ я твое письмо—отвѣчалъ другу Вяземскій, —но живой чреватой грамоты твоей не видалъ"; Вяземскій совѣтовалъ другу поручить бѣдную дѣвушку ея отцу, напомнивъ письмомъ, „что нѣкогда, волею Божіею, ты будешь его бариномъ и тогда сочтешься съ нимъ въ хорошемъ или худомъ исполненіи твоего порученія". Въ слѣдующихъ письмахъ поэтъ спрашивалъ Вяземскаго: „Видѣлъ ли ты мою Эду?" (намекъ на извѣстную поэму Баратынскаго объ обольщенной молодой финлядкѣ). „Вручила ли она тебѣ мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?" Совѣтъ Вяземскаго Пушкинъ принялъ и писалъ ему: „Ты правъ, любимецъ музъ,—воспользуюсь правомъ блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло".

Не лишено значенія для исторіи душевной жизни Пушкина его французское письмо, 3-го ноября 1826 г., изъ Торжка, съ пути изъ Москвы въ Михайловское, къ женѣ своего друга, княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ Вяземской. „Что сказать вамъ о моемъ путешествіи? Оно продолжается при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, несмотря на отвратительную дорогу и невыносимыхъ ямщиковъ. Толчки, удары локтями и проч. очень безпокоятъ двухъ моихъ попутчиковъ,—извиняюсь передъ ними за излишнюю свободу, но, путешествуя вмѣстѣ, приходится кое съ чѣмъ примириться. С. П. мой добрый ангелъ, но другая мой демонъ..." Къ иниціаламъ „С. П." сдѣлано шутливое подстрочное примѣчаніе: „Это, разумѣется, не Сергѣй Пушк.". С. П.—Софія Ѳеодоровна Пушкина, въ которую поэтъ былъ тогда влюбленъ, и которая на сдѣланное ей Пушкинымъ предложеніе отвѣтила отказомъ. (Исторія ея отношеній къ Пушкину разработана А. Ѳ. Кони въ „Журналѣ для всѣхъ" 1905 г., № 1, и Б. Л. Модзалевскимъ въ „Пушк. и его современ.", вып. IV).

„Другая (l'autre)" дала княгинѣ Вяземской поводъ сказать: „Вы такъ часто мѣняете *предметы*, что ужъ и не знаю, кто *другая*". Какъ можно догадаться по даннымъ, представляемымъ новымъ изданіемъ переписки Пушкина, это—Анна Николаевна Вульфъ, дочь сосѣдки Пушкина по имѣнію П. А. Осиповой. Ей Пушкинъ написалъ въ 1825 г. пьесу: „Хотя стишки на именины..." „Съ Annette бранюсь, надоѣла",—писалъ о ней Пушкинъ брату въ 1824 г.; „Annette

очень смѣшна", писалъ онъ ему же о ней вскорѣ. „Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ", пишетъ онъ ему въ 1825 г., — „и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія или изъ ревности, какъ хочешь)". Въ одномъ письмѣ къ Кернъ Пушкинъ полушутя говоритъ, что, перечитавъ свои строки, онъ самъ устыдился ихъ чувствительнаго тона: „Что скажетъ Анна Николаевна?" Въ маѣ 1826 г. поэтъ писалъ брату Анны Николаевны, Алексѣю Николаевичу Вульфу, что „помирился" съ Анной Николаевной; надо думать, что между ними была размолвка. Изъ писемъ поэта къ ней дошло до насъ пока только одно. Переписка между ними велась по-французски; на этомъ языкѣ Пушкинъ охотнѣе всего переписывался съ дамами. Какъ можно судить по впервые опубликованнымъ г. Саитовымъ письмамъ, между Пушкинымъ и Анной Николаевной было то, что впослѣдствіи получило названіе флирта. Изъ перваго письма видно, что между ними дѣйствительно была ссора. „Я долго колебалась, писать ли вамъ до полученія вашего письма, но такъ какъ размышленіе меня никогда ни къ чему не приводитъ, то я, въ концѣ концовъ, поддалась желанію писать вамъ... Знаете ли вы, что я пишу вамъ и плачу? Чувствую, что это роняетъ меня, но это свыше моихъ силъ, я не могу совладать съ собою..." Далѣе Анна Николаевна поддразниваетъ ревность Пушкина: „Здѣсь у меня нашелся очаровательный двоюродный братъ, который страстно меня любитъ и очень хотѣлъ бы мнѣ это доказать такъ же, какъ и вы, стоитъ мнѣ только пожелать. Это не какой-нибудь уланъ, какъ вы, можетъ быть, воображаете, а гвардейскій офицеръ, очаровательный молодой человѣкъ, и, къ тому же, ни ради кого мнѣ не измѣняетъ, слышите вы?" — говоритъ Анна Николаевна, думая, вѣроятно, объ А. П. Кернъ, къ которой поэтъ былъ тогда неравнодушенъ.

„...Я говорю о васъ какъ можно меньше, но я грущу и плачу. И безумная же я,—я увѣрена, что вы думаете обо мнѣ уже совсѣмъ равнодушно и, можетъ быть, говорите обо мнѣ ужасныя вещи, тогда какъ я!.. Боже! Если бы получить письмо отъ васъ, какъ я была бы довольна; не обманывайте меня, ради Неба, скажите, что вы меня вовсе не любите; можетъ быть, тогда я буду спокойнѣе..." „Если вы получили мое письмо"—начинаетъ Анна Николаевна другое свое посланіе,— „ради Неба, разорвите его. Я стыжусь своего безумства; если мы увидимся, я никогда не осмѣлюсь посмотрѣть вамъ въ глаза... Какое волшебное обаяніе свело меня съ ума! Какъ ловко вы умѣете притворяться. Я согласна съ моими кузинами, что вы опаснѣйшій человѣкъ, но я постараюсь образумиться..." Черезъ мѣсяцъ она пишетъ ему: „Боже! Что я перечувствовала, читая ваше письмо, и какъ была бы я счастлива, если бы письмо сестры не подбавило горечи къ моей

радости. Я была бы довольна вашимъ письмомъ, если бы не вспомнила, что вы при мнѣ писали такія самыя письма, и даже еще нѣжнѣе, А. К., а также Нетти" (А. П. Кернъ и Аннѣ Ив. Вульфъ). „Ахъ, Пушкинъ, вы не стоите любви; вижу, что я была бы счастливѣе, если бы оставила Тригорское раньше, и если бы послѣднее время, проведенное мною съ вами, стерлось изъ моей памяти... Какъ вы не поняли, почему я не хотѣла получить отъ васъ письма вродѣ рижскаго?" (Рѣчь идетъ, должно быть, объ давно извѣстномъ письмѣ Пушкина отъ 21-го іюля 1825 года). „Стиль, который тогда лишь оскорблялъ мое самолюбіе, теперь растерзалъ бы мнѣ сердце; тогдашній П. былъ для меня не тотъ, которому я пишу теперь. Вы не чувствуете этой разницы? Это было бы очень унизительно для меня, но боюсь, что вы не любите меня такъ, какъ должны были бы любить; вы терзаете и оскорбляете сердце, цѣны которому не знаете; какъ я была бы счастлива, если бы была такъ холодна, какъ вы полагаете!" И Анна Николаевна снова пытается возбудить ревность Пушкина, разсказывая ему о какомъ-то своемъ новомъ ухаживателѣ. „Вы говорите, что ваше письмо плоско, потому что вы меня любите: что за вздоръ! особенно со стороны поэта; чувство-то и придаетъ краснорѣчія... Прощайте! Дѣлаю вамъ гримасу, вѣдь вы ихъ любите. Когда мы увидимся? Мнѣ до тѣхъ поръ и жизни не будетъ!" Шутилъ ли поэтъ, или его ревность была серьезно задѣта, но въ слѣдующемъ письмѣ Анны Николаевны мы читаемъ: „Все, что вы мнѣ говорите объ Анрепѣ" (такъ звали другого ухаживателя), „мнѣ безусловно не нравится и оскорбляетъ меня съ двухъ сторонъ; прежде всего оскорбляетъ меня ваше предположеніе, что онъ не только цѣловалъ мою руку, а еще болѣе того слова „это все равно": они меня оскорбляютъ и огорчаютъ въ другомъ смыслѣ. Надѣюсь, вы сами хорошо понимаете, что хотите этимъ сказать, что вамъ безразлично, въ какихъ мы съ нимъ отношеніяхъ. Это, кажется, не совсѣмъ нѣжно. Вовсе не по его поведенію со мною замѣтила я, что онъ превосходитъ васъ въ смѣлости и безразсудствѣ, а по его манерѣ держаться со всѣми и, главнымъ образомъ, по его разговорамъ... Богъ вѣсть, когда еще я васъ увижу! Это ужасно и очень печалитъ меня. Adieu, *ti* mando un baccio, mio amore, mio delizie". 11-го сентября 1826 г. Анна Николаевна, поздравляя Пушкина съ освобожденіемъ изъ ссылки, съ грустью говоритъ: „Пусть Небо хранитъ васъ! Вообразите, что придется мнѣ испытать по пріѣздѣ въ Тригорское. Какое мученіе! Все будетъ напоминать мнѣ о васъ. Не съ такимъ чувствомъ думала я пріѣхать туда. Какъ Тригорское было мнѣ мило! Я надѣялась ожить тамъ; какъ я рвалась туда, а теперь найду тамъ только горестное воспоминаніе. „Черезъ пять дней Анна Николаевна написала Пушкину

свое послѣднее письмо: „Скажите пожалуйста, почему вы перестали мнѣ писать: отъ равнодушія это, или забыли? Гадкій вы! вы не стоите любви, мнѣ надо свести съ вами счеты, но отъ печали, что больше не увижу васъ, я все забываю... Прощай, моя минувшая радость! Никогда никто не заставитъ меня испытать и почувствовать то, что я пережила близъ васъ...“ Поэтъ тогда уже былъ занятъ другой— С. Ѳ. Пушкиной. Чувство его къ Аннѣ Николаевнѣ, бывшее простымъ флиртомъ, лишь поверхностно разогрѣвающимъ кровь, давно остыло. Въ „донжуанскомъ“ спискѣ Пушкина, находящемся въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой, находимъ нѣсколькихъ Аннъ: въ числѣ ихъ, конечно, Анна Николаевна Вульфъ. Анна Николаевна, которой тогда было 26 лѣтъ (род. 10-го декабря 1799 г.), надолго пережила Пушкина; она умерла 2-го сентября 1857 г. — Изъ писемъ другихъ лицъ къ Пушкину нужно отмѣтить письма князя П. А. Вяземскаго (№№ 12, 15, 263, 284).

Тщательное изслѣдованіе хронологическихъ данныхъ, количественная полнота матеріаловъ, благоговѣйное соблюденіе неприкосновенности пушкинскаго текста—все это отводитъ новому собранію писемъ Пушкина видное мѣсто въ русской литературѣ. Пожелаемъ ея талантливому и трудолюбивому редактору поскорѣе завершить свой трудъ, за которымъ внимательно слѣдитъ русское общество, и снабдить его богатымъ аппаратомъ тѣхъ историко-біографическихъ примѣчаній, которыя заслуженно доставили В. И. Саитову репутацію превосходнаго комментатора русскихъ писателей.

Н. Лернеръ.

Редакторъ-издатель П. **Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Война за независимость славянъ (посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова) . . . . 5—27, 309—319, 589—594

II. Записки В. А. Инсарскаго . . . . . 29—83, 487—527

III. Воспоминанія В. Н. Никитина . . . 87—106, 289—307

IV. Изъ автобіографическихъ воспоминаній гр. Льва Николаевича Толстого. В. Т. 107—130, 229—257, 461—476

V. Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ. А. Ф. Петрушевскаго . . . . . . 131—170

VI. Записки гр. Ѳ. Г. Головкина. В. Т. 179—184, 347—372, 668

VII. Изъ записокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони . . . . 259—287

VIII. Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ. В. Т. . . . . 373—388, 569—582

IX. Къ 175-лѣтней годовщинѣ Перваго кадетскаго корпуса. А. Антонова . . . . 435—450

X. Скорбный путь. (Изъ воспоминаній стараго туркестанца). Н. Каразина . . . . 531—538

XI. Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ. Р. Ф. . . 557—568

XII. Изъ прошлаго. П. Паренсова . . . . . . 621—641

XIII. Изъ воспоминаній Ѳ. Г. Головкина. В. Т. . . 669—686

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Письмо М. Д. Скобелева П. Д. Зотову 28

II. Письмо цесаревича Константина Павловича къ барону Сакену 84

III. Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Сообщилъ Н. Лернеръ . . 85—86, 453—457

IV. Семья Головкиныхъ. В. Т. . . . . 171—178

СТРАН.

V. На повороте. А. И. Лотоцкаго. . 185—198, 411—433
VI. Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ море въ первую половину XVIII стол. М. Поліевктова. . . . 199—218, 643—667
VII. Къ біографіи цесаревича Константина. М. Соколовскаго. . . . . 219—225
VIII. Блазнительный камень въ Белозерске въ 1673 году. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. . . 258
IX. Письмо цесаревича Константина къ графу Ф. В. Сакену о невыгодности иметь войну съ Турціей. Сообщ. М. Соколовскій. 288
X. Происшествіе, вероятіе превосходящее. Сообщ. Д. У. 308
XI. Грамота чердынцамъ царя Василія Ив. Шуйскаго (1606 года). Сообщ. Н. Санинъ. . . 320
XII. Бой „Варяга" у Чемульпо. В. Руднева. . . 321—343
XIII. Изъ матеріаловъ по исторіи масонства. Сообщ. Тира Соколовская. . . . . 344—346
XIV. Источникъ комедіи Императрицы Екатерины: „О время!" А. Чебышева. . . . . . . 389—409
XV. Разбойническое нападеніе на Волге въ 1800 году. Сообщ. Д. У. 410
XVI. Императоръ Николай I членъ клуба черноголовыхъ. Сообщ. М. Соколовскій. 434
XVII. Письмо царевны Марѳы Алексеевны къ кн. Ѳедору Ромодановскому. Сообщ. А. И. Савельевъ. 451—452
XVIII. Изъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Сообщ. С. Мельгуновъ. . . . . 477—486
XIX. Письмо Александра Ивановича Тургенева къ императору Николаю. Сообщ. В. И. Саитовъ 528—530
XX. Къ исторіи масонства въ Россіи. Сообщ. З. Н. . . . . 539—549
XXI. Запрещеніе употребленія слова „предлагаю" въ предписаніяхъ военныхъ начальниковъ. Сообщ. М. Соколовскій. 550
XXII. Какъ генералы при податной реформе Петра Великаго сделались переписчиками. Сообщ. М. Клочковъ. . . . . 551—556
XXIII. Диктаторъ Польши Лангевичъ о возстаніи 1863 г. Сообщ. Г. А. Воробьевъ. . . . . . . 583—588

СТРАН.

XXIV. Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ . . . . 595—606
XXV. Изъ деревни. Очерки жизни и службы. Сообщ. Витих—ъ. . . . . 607—613
XXVI. Набатный колоколъ. Сообщ. Д. Успенскій . . 614—620
XXVII. 25-ая масонская ложа. Сообщ. Тира Соколовская 642
XXVIII. Переписка Пушкина. Н. Лернера. . . . 689—696
XXIX. Прошеніе грузинскаго царевича о разводѣ его съ женою. Сообщ. А. Успенскій . . . . 687—688

Библіографическій листокъ.

1. Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майкова. Спб. 1906.—Вас. Я. (на оберткѣ февр. книги).
2. Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Томъ V. Спб. 1907 Н. Л. (на оберткѣ март. книги).
3. Г. И. Бобриковъ. Государственность въ современности. Спб. 1907.— В. П. (на оберткѣ март. книги).

Портреты.

Портретъ Александра Ѳомича Петрушевскаго. (При 1-ой книгѣ).
Портретъ Анатолія Ѳедоровича Кони. (При 2-ой книгѣ).
Портретъ Всевол. Ѳедоровича Руднева. (При 2-ой книгѣ).
Портретъ Николая Николаевича Каразина. (При 3-ей книгѣ).

Приложенія.

Факсимиле почерка А. Ф. Петрушевскаго. (При 1-ой книгѣ).
Факсимиле почерка П. Д. Зотова. (При 2-ой книгѣ).

РУССКОЕ ДѢЛО вступая въ СЕДЬМОЙ годъ изданія, остается попрежнему свободнымъ и независимымъ органомъ, брезгливо чуждающимся партійной узости и нетерпимости и съ глубокимъ отвращеніемъ смотрящимъ на то, какъ революціонная бюрократія въ мундирахъ и съ циркулярами ведетъ кровавую борьбу съ революціоннымъ пролетаріатомъ въ блузахъ и съ бомбами, терзая и насилуя, каждый посвоему, нашу несчастную, опозоренную и униженную Родину. Заглушаемый криками безумной ненависти, нашъ слабый голосъ попрежнему зоветъ Русскихъ людей къ *истинной свободѣ*, къ *Славянскому братству*, къ разумѣнію и служенію кореннымъ Русскимъ и Христіанскимъ началамъ *правды, мира и любви*, забытымъ и пренебреженнымъ при старомъ строѣ и окончательно растоптаннымъ въ угарѣ новѣйшей политической вакханаліи. Мы страстно ищемъ вѣрнаго историческаго и національнаго выхода изъ того болота, куда насъ завело двухсотлѣтнее рабство у чуждыхъ народному духу началъ, мы вѣримъ въ конечное торжество *Русскаго здраваго смысла*, вѣримъ въ возрожденіе Россіи, какъ великой Славянской державы, мы зовемъ на дружную творческую работу надъ излѣченіемъ духовнымъ, политическимъ и экономическимъ нашей Родины, надъ возрожденіемъ Русской Церкви, Русской деревни, Русской земщины, Русской исторической Верховной Власти. Вотъ, задачи и программа „Русскаго Дѣла“.

Открываемъ подписку на 1907 годъ.

На прежнихъ основаніяхъ: годъ—8 руб., 9 мѣсяцевъ—6 руб., 1/2 года—4 руб., 3 мѣсяца—2 руб., съ доставкой и пересылкой. Духовенству, военнослужащимъ, учащимъ и учащимся 6 руб. въ годъ, 3 руб. за полгода. Контора редакціи въ Москвѣ, Петровка, 2-й Знаменскій пер., домъ Бриллiантовой.

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ**.

1—3

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google